ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

МИХАИЛА МЕНЗБИРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Съ 8-ю хромолитографированными таблицами.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

Михаила Мензбира.

Съ хромолитографированными таблицами и картами.

ОТЪ АВТОРА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимаясь изученіемъ географич. распредѣленія птицъ въ среднихъ губ. Европ. Россіи, я пришелъ къ заключенію, что установить естественные орнитолог. участки Европ. Россіи и опредѣлить ея положеніе по отношенію къ орнитологическимъ подобластямъ первокласной пале-арктической области можно только опредѣливши области распространенія видовъ вмѣстѣ съ изучен. физико-географич. условій. Такъ какъ такой методъ зоогеограф. изслѣдованій до послѣдняго времени практиковался только въ видѣ исключенія, то я тогда же рѣшилъ обратить наибольшее вниманіе на указаніе того, что только этотъ методъ зоогеограф. изслѣдов. можетъ считаться раціональнымъ и обзоръ географич. распредѣл. птицъ въ Европ. Россіи взять только примѣромъ, подтверждающимъ справедливость высказаннаго общаго положенія. Къ тому же сводка литературныхъ источниковъ о географ. распространеніи птицъ въ Европ. Россіи съ провѣркой ихъ по коллекціямъ являлась все болѣе и болѣе необходимой въ видахъ громаднаго значенія Россійской низменности въ дѣлѣ рѣшенія общихъ вопросовъ, и за эту сводку должно было приняться именно русскому орнитологу, такъ какъ „History of the Birds of Europe“, издаваемая первоначально Шарпомъ и Дрессеромъ, и позднѣе однимъ Дрессеромъ, несомнѣнно доказала, что такой трудъ, предпринятый даже выдающимися иностранными орнитологами, но только по литерат. даннымъ, ведетъ только къ ошибкамъ. Съ этой цѣлью я началъ разборъ русской орнитол. ф. по видамъ. Я тщательно изучилъ литерат. источники, пересмотрѣлъ всѣ доступныя мнѣ коллекціи и въ концѣ 1880 и въ началѣ 1881 года привелъ въ порядокъ общую часть и первую спеціальную, нынѣ выпускаемыя въ свѣтъ. Ни ту, ни другую я не считаю законченной; общая часть не можетъ считаться таковой по обилію затронутыхъ въ ней спорныхъ вопросовъ, спеціальная—потому, что это первая (я говорю о Европ. Россіи) попытка свести въ одно многочисленныя, но разрозненныя свѣдѣнія о распростр. птицъ въ той или другой мѣстн. Европ. Россіи. Но

я считаю необходимымъ изданіе такой работы потому, что спорные вопросы разрѣшаются только тогда, когда ихъ перестаютъ прятать, а фактическій матеріалъ можетъ б. приведенъ въ порядокъ только тогда, когда извѣстно, что и гдѣ надо приводить въ порядокъ. Я не считаю свою «Орнитол. географію» ни первой, ни послѣдней работой по географич. распредѣл. птицъ Европ. Россіи—сводка требовалась (надѣюсь, этого не станутъ оспаривать) и я далъ, какую могъ, но, чтобы сводка удовлетворяла всѣмъ требованіямъ, объ этомъ надо заботиться не одному а всѣмъ орнитологамъ Европ Россіи. Лично я убѣжденъ, что ко времени окончанія моей «Орнитол. геогр.» первыя ея части потребуютъ большихъ измѣненій, но мнѣ кажется, что, не смотря на это, предлагаемые мной орнитолог. участки удержатся, потому что при установленіи ихъ приняты во вниманіе физико-геогр. условія.

Изъ коллекцій, бывшихъ въ моемъ распоряженіи при обработкѣ литерат. матер., я перечисляю слѣдующія: отъ г. Зандеберга изъ мѣстностей леж. между сѣв. Финл. и Бѣл. мор. (москов. зоол. музей), съ Урала отъ г. Сабанѣева (тамъ же и въ музеѣ Общ. испыт. природы), изъ Оренбургской губ. отъ Крашенинникова (тамъ же), съ Сарпы отъ г. Арцибашева (тамъ же), изъ Крыма отъ г. Шатилова (тамъ же), изъ губ. Московской и разныхъ мѣстностей Европ. Россіи у г. Лоренца, изъ Тульской (собственные сборы), изъ Семирѣчья отъ г. Карелина (Моск. зоол. муз.), изъ средн. Азіи отъ ген. Колпаков. (тамъ же), изъ-подъ Иркутска (у г. Лоренца) и др. Кромѣ того, въ послѣдніе годы я имѣлъ свободный доступъ къ коллекціи г. Сѣверцова (около 11,000 экземпл.), содержащей въ себѣ изумительный по богатству матеріалъ для орнитологіи средней Азіи вмѣстѣ со множествомъ представителей орнитол. фауны Европы и сѣв. Африки.

Помимо коллекціи, Н. А. Сѣверцовъ обязательно предоставилъ въ мое распоряженіе большое количество собранныхъ имъ и еще нигдѣ не напечатанныхъ свѣдѣній о распространеніи птицъ въ Европ. Россіи и прилежащихъ частяхъ Азіи, что значительно способствовало пополненію пробѣловъ при опредѣленіи областей распространенія видовъ, за что и выражаю ему мою глубокую признательность.

Николаю Алексѣевичу

СѢВЕРЦОВУ

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОКАГО УВАЖЕНІЯ КЪ ЕГО УЧЕНЫМЪ ТРУДАМЪ

И ВЪ ЗНАКЪ ДРУЖБЫ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Глава первая.

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія зоологической географіи.—Терминологія.—Опредѣленіе задачи зоогеографіи.—Зависимость прогресса зоогеографіи отъ прогресса геологіи и біологіи (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова).—Зарожденіе зоогеографическихъ идей.—Плиній, Вирштгенъ, Симпсонъ.—Первые зоогеографы.—Линней.—Циммерманнъ и Бюффонъ.—Возникновеніе представленія о зоологическихъ областяхъ.—Иллигеръ, Миндингъ.—Значеніе для зоогеографіи трудовъ Ляйэлля.—Свенсонъ, Шлегель, Гумбольдтъ, Вагнеръ.—Форбсъ, продолжатель работъ Ляйэлля.—Бергхаузъ.—Шмарда и его значеніе.—Де-Кандолль младшій, данное имъ опредѣленіе задачи ботанической географіи и его методъ.—Риттеръ.—Дарвинъ; генеалогическое ученіе въ приложеніи къ зоогеографіи и смѣна направленія въ ученіи о географическомъ распредѣленіи организмовъ.—Склэтеръ.—Людвигъ.—Мёррей.—Рютимейеръ.—Егеръ.—Уэллесъ.—Сѣверцовъ.—Семперъ.—Альф. Мильнъ-Эдварсъ.—Алленъ.—Заключеніе.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи зоогеографіи, которое, служа введеніемъ къ моему труду, должно познакомить насъ какъ съ тѣми результатами, которые достигнуты этою наукой, такъ и съ тѣмъ, что̀ остается ей сдѣлать, мы, конечно, должны дать опредѣленіе этой науки. Сказать, что задача зоогеографіи или зоологической географіи состоитъ въ изученіи распредѣленія животныхъ по поверхности земнаго шара значитъ не сказать ровно ничего. Подъ такое опредѣленіе подойдетъ даже простое изложеніе фактическихъ данныхъ, относящихся къ гео-

графическому распространенію животныхъ, но, какъ бы полно это изложеніе ни было, ничего въ немъ научнаго не будетъ. На этомъ основаніи опредѣленіе зоогеографіи должно быть иное и, по моему мнѣнію, параллельно опредѣленію задачи ботанической географіи, сдѣланному Альфонсомъ Де-Кандоллемъ, самое точное опредѣленіе задачи зоологической географіи слѣдующее: *пониманіе современнаго распредѣленія животныхъ по поверхности земнаго шара.* Подъ терминомъ «пониманіе» мы, конечно, не должны разумѣть проникновенія въ сущность явленій; мы говоримъ, что понимаемъ явленія, когда знаемъ ихъ причинную зависимость; слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ— «понять современное распредѣленіе животныхъ по поверхности земнаго шара» значитъ не что иное, какъ *узнать, что въ современномъ распредѣленіи животныхъ можетъ быть объяснено нынѣ существующими и что прежде существовавшими условіями,* другими словами: не что иное, какъ нарисовать картину распредѣленія животныхъ во времени и пространствѣ. При такомъ опредѣленіи само собою понятно, какія сочиненія будутъ нами разсматриваться въ историческомъ обзорѣ зоогеографической литературы: не списки животныхъ изъ разныхъ мѣстностей, не монографіи, гдѣ указывается мѣстонахожденіе того или другаго вида, а только тѣ работы, авторы которыхъ брали на себя трудъ понять (конечно, на сколько то было возможно при извѣстномъ уровнѣ знаній) современное географическое распредѣленіе животныхъ.

Еще нѣсколько словъ для болѣе точнаго опредѣленія объема нашей науки.

Въ зоологической географіи мы должны различать два отдѣла: одинъ изъ нихъ, собственно *зоологическая географія,* изучаетъ *условія* распространенія и распредѣленія животныхъ по поверхности земнаго шара и обозрѣваетъ разныя страны съ фаунистической точки зрѣнія; другой, заслуживающій названія *географической зоологіи,* изучаетъ только географическое распространеніе животныхъ, т.-е. каждую группу со стороны ея распространенія. Слѣдовательно, первый отдѣлъ—біологическій въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ второй—чисто географическій. Откуда происходитъ это раздѣленіе зоологической географіи на указанные два отдѣла—видѣть очень легко: въ изученіи распространенія животныхъ мы всегда должны

отличать *станціи* отъ *областей*. Станція—терминъ чисто біологическій; мы имъ обозначаемъ совокупность внѣшнихъ условій, опредѣляющихъ собою распространеніе видовъ; область—терминъ чисто географическій, знакомящій насъ съ границами участка на поверхности земнаго шара, занятаго видомъ. Смѣшивать эти два термина—одна изъ грубѣйшихъ ошибокъ, хотя и возможная, какъ то будетъ мною пояснено ниже. Менѣе грубая, но все-таки важная ошибка—смѣшеніе терминовъ *распространеніе* и *распредѣленіе*. О распространеніи можно говорить только до тѣхъ поръ, пока разсматривается область каждаго вида, рода или семейства отдѣльно; разъ рѣчь заходитъ о сравненіи областей, запятыхъ разными видами, родами или семействами, или о размѣщеніи видовъ, родовъ и т. д. въ одной географической области, можно употреблять только одинъ терминъ—распредѣленіе, равнозначащій съ размѣщеніемъ.

Мнѣ кажется, что эта терминологія совершенно ясна и проста, но, не смотря на это, установилась она не далѣе какъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Зоогеографія долго бродила невѣрными шагами. Въ ея исторіи часто приходится видѣть, какъ послѣ извѣстнаго періода, когда, казалось, можно бы ждать движенія этой науки впередъ, она подается назадъ, и проходятъ десятилѣтія прежде чѣмъ возобновляется прогрессъ. Но эта пора прошла. Въ настоящее время зоогеографія опредѣлилась въ своемъ объемѣ на столько же ясно, на сколько опредѣлились морфологія, систематика, физіологія и пр. Позволимъ себѣ надѣяться, что отнынѣ прогрессъ ея никогда не смѣнится регрессомъ.

Зоогеографія прочно стала на ноги съ тѣхъ поръ, какъ двѣ науки, отъ которыхъ она всецѣло зависитъ, біологія и геологія, неудержимо пошли впередъ, опираясь на методъ изученія явленій настоящаго и уже отъ нихъ перехода къ прошлому. Чѣмъ бы современный намъ біологъ ни занимался, онъ всегда начинаетъ свое изученіе съ явленій настоящихъ, отыскиваетъ ихъ причины и уже затѣмъ переходитъ къ явленіямъ прошлаго, говоря себѣ, что нѣтъ никакого основанія предполагать, что во времена, предшествовавшія нашему, дѣйствовали иные факторы, что организмы находились подъ иными вліяніями, чѣмъ теперь.

Но это перенесеніе факторовъ настоящаго въ прошлое, это

убѣжденіе, что какъ неорганическій, такъ и органическій міръ *всегда* находились подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій существованія, всецѣло составляетъ пріобрѣтеніе послѣдняго пятидесятилѣтія. Какъ ни просто кажется намъ въ настоящее время признаніе положенія, что съ того момента, какъ появились вода и суша, на распредѣленіе ихъ вліяли однѣ и тѣ же постоянныя, неизмѣнныя причины, которыя мы можемъ изучать и теперь; какъ ни просто кажется намъ допущеніе, что съ момента своего появленія органическая жизнь находилась подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же, отъ вѣка постоянныхъ причинъ, обусловливающихъ собою и разнообразіе органическихъ формъ, и ихъ современное распредѣленіе, и гибель однѣхъ изъ нихъ, и сохраненіе другихъ, тѣмъ не менѣе мы еще очень недалеко ушли отъ того времени, когда человѣкъ признавалъ, что современныя намъ причины явленій въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ не существовали прежде; что въ прошлые вѣка дѣйствовали иныя силы, иные законы сравнительно съ тѣми, какіе дѣйствуютъ теперь. Это было то время, когда геологія признавала «катастрофы», когда біологъ толковалъ объ уменьшеніи жизненной энергіи и не могъ уяснить себѣ соотношенія организмовъ; короче говоря, когда и тотъ и другой терпѣли крушеніе при всякой попыткѣ связать настоящее съ прошлымъ и признавали свое безсиліе, призывая себѣ на помощь во всякомъ затруднительномъ случаѣ вмѣшательство какой-то неизвѣстной или, по крайней мѣрѣ, не подлежащей научному изученію силы.

Указанная только что зависимость прогресса зоологической географіи отъ прогресса біологіи (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) и геологіи находитъ себѣ подтвержденіе въ возможности раздѣленія исторіи этой науки на четыре періода, находящіеся въ самой тѣсной связи съ прогрессомъ біологіи и геологіи.

Первый періодъ, когда въ наукѣ господствовала гипотеза, отрицающая всѣ существенныя измѣненія въ органическомъ и неорганическомъ мірѣ; другими словами, гипотеза, по которой міръ отъ вѣчности пребываетъ почти въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ находится теперь.

Какъ бы далеко мы ни проникали въ глубь вѣковъ, по этой гипотезѣ, мы всегда встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ или почти тѣмъ же

самымъ міромъ, въ которомъ существуемъ мы нынѣ. Жившія тогда животныя были прародителями современныхъ намъ и имъ подобны; точно также растенія, распредѣленія материковъ и морей, горъ и равнинъ—все это всегда было то же или почти то же, какое мы видимъ теперь. Такъ какъ подобное воззрѣніе на исторію земнаго шара, обусловливавшееся почти абсолютнымъ незнаніемъ, должно было рушиться само собою, едва накопился хоть ограниченный запасъ фактовъ, то я позволю себѣ не возвращаться къ нему болѣе.

Второй періодъ въ исторіи зоогеографіи беретъ свое начало въ то время, когда геологія, какъ объясненіе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣла земная поверхность въ прошлые вѣка, признала «катастрофы», а въ біологіи господствовала теорія постоянства видовъ. Въ это время зоогеографы признавали, что фауны настоящаго и прошедшаго времени чрезвычайно отличны одна отъ другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавали и то, что фауна извѣстнаго періода имѣетъ очень мало или даже ничего общаго съ фауной періода предшествовавшаго, почти всецѣло или даже всецѣло погибшей вслѣдствіе какого-то необычайнаго переворота; признавали, что виды создавались высшею силой въ большомъ числѣ въ короткое время, когда послѣ катастрофы изъ хаоса вообще формировался весь новый міръ, не имѣвшій никакой генетической связи съ міромъ, существовавшимъ непосредственно передъ нимъ; что каждый видъ *сотворенъ* для жизни въ предѣлахъ имъ населенной области, за которые онъ и не можетъ переходить; что въ этой области виды могутъ представлять нѣкоторыя уклоненія, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, но что и эти уклоненія, эти разности суть выраженія отдѣльныхъ творческихъ актовъ, цѣлесообразнаго проявленія творческой силы. Кончалась эпоха и виды, свойственные ей, погибали всѣ или почти всѣ благодаря внезапному перевороту, опять наступалъ хаосъ и опять высшею силой творились новые виды для жизни въ новыхъ условіяхъ, и т. д. пока, наконецъ, результатомъ одного изъ такихъ творческихъ актовъ не создался современный намъ міръ, имѣющій въ перспективѣ такую же внезапную, эффектную гибель.

Третій періодъ въ исторіи зоогеографіи носитъ на себѣ чисто переходный характеръ и продолжался очень не долго. Въ это вре-

мя геологія сдѣлала шагъ впередъ, отказавшись отъ теоріи катастрофъ, біологія же стояла на прежнемъ уровнѣ, такъ какъ ученіе Ламарка, появившееся въ 1801 г. и еще болѣе развитое его творцомъ въ 1809 и 1815 гг., благодаря отсутствію научной подкладки, не удержалось и не оказало никакого вліянія на развитіе біологическихъ наукъ, толкнувъ, однако, впередъ геологію. Зоогеографы этого періода несомнѣнно ушли впередъ, даже сравнительно съ Бюффономъ и Циммерманномъ, которые въ общемъ стояли гораздо выше другихъ зоогеографовъ втораго періода, но шагнули какъ разъ на столько, на сколько имъ это дозволилъ прогрессъ геологіи. Такъ какъ геологи отвергли теорію катастрофъ, то не было никакой надобности признавать, что настоящія фауна и флора не имѣютъ ничего или почти ничего общаго съ фауной и флорой предъидущей эпохи; напротивъ, трудами многихъ натуралистовъ (особенно Ляйэлля *) и Форбса) было выяснено, что виды, составляющіе современную фауну и флору, введены были творческою силою не сразу въ большомъ числѣ, а вводились постоянно и постепенно; что нынѣшнія фауна и флора представляютъ собою результатъ только *измѣненія* фауны и флоры предшествовавшихъ, а *не полной ихъ смѣны*; и что, наконецъ, многіе нынѣ существующіе виды несомнѣнно существуютъ издавна; но объяснить все это думали допущеніемъ сохраненія видовъ разныхъ эпохъ при сохраненіи физическихъ условій, для которыхъ они были созданы, тогда какъ другіе виды, создаваемые творческою силою въ разныя эпохи существованія земли, по мѣрѣ того какъ измѣнялась земная поверхность, и исключительно для извѣстныхъ физическихъ условій, по мнѣнію зоогеографовъ разсматриваемаго періода повымерли именно въ то время, когда прекратилось существованіе тѣхъ физическихъ условій, для которыхъ эти виды были созданы. Слѣдовательно, въ этомъ періодѣ зоогеографы признаютъ уже гораздо тѣснѣйшую связь между фаунами настоящаго и прошедшаго времени, чѣмъ зоогеографы втораго періода; признаютъ уже не одинъ центръ творенія для всѣхъ видовъ, а самостоятельные центры творенія для каждаго вида, признаютъ уже возможность измѣненія географическаго распредѣле-

*) Въ первомъ изданіи его Principles of Geology, 1832 г.

нія видовъ, значеніе естественныхъ преградъ (все это можно найти еще у Бюффона *) и Циммерманна, только общимъ достояніемъ эти положенія сдѣлались со временъ Ляйэлля и Форбса), даже способность видовъ нѣсколько, предѣльно измѣняться, но для нихъ виды все-таки остаются чѣмъ-то постояннымъ и не стоятъ между собою ни въ какой связи: творческая сила, по ихъ мнѣнію, создаетъ эти виды только для извѣстныхъ физическихъ условій, съ прекращеніемъ которыхъ созданные для нихъ виды вымираютъ. Такимъ образомъ значеніе условій неорганическаго міра является слишкомъ преувеличеннымъ, такъ какъ выставляется исключительною причиной возникновенія и исчезновенія видовъ, а кромѣ того, выставляя каждый видъ результатомъ отдѣльнаго творческаго акта, выставляя каждый видъ стоящимъ особнякомъ, безъ всякаго отношенія къ видамъ, существовавшимъ раньше его, одновременно съ нимъ и послѣ него, зоогеографы третьяго періода очевидно были далеки отъ мысли, что всякая *фауна* (а равно и флора) *является прямымъ слѣдствіемъ существованія фауны* (и флоры) *ей предшествовавшей.* Исключеніе изъ зоогеографовъ третьяго періода представлялъ собою только Эт. Жоффруа С. Илеръ, который пытался провести гипотезу измѣняемости видовъ, говоря, что «животныя, нынѣ живущія, происходятъ рядомъ непрерывныхъ поколѣній отъ исчезнувшихъ животныхъ допотопнаго міра» (Mém. de l'Acad. des sciences. T. XII, p. 74; Rech. sur les gavials. Mém. du Museum. T. XII, p. 193), но Эт. Жоффруа остался въ своей попыткѣ на столько же одинокимъ, на сколько прежде него остался одинокимъ Ламаркъ съ своей гипотезой безконечной измѣняемости видовъ.

Наконецъ, съ 1858 г. зоогеографія вступаетъ въ *четвертый* періодъ своего развитія, который характеризуется тѣмъ, что *современная фауна разсматривается какъ извѣстное логическое слѣдствіе фаунъ предшествовавшихъ;* вмѣсто полной независимости одного вида отъ другаго, которая признавалась до 58 г., начиная съ него, въ біологическія науки все болѣе и болѣе проникаетъ идея о способности видовъ измѣняться въ границахъ, не поддающихся

*) Относительно вопроса о вымираніи животныхъ только у Бюффона, такъ какъ Циммерманнъ этого вопроса совсѣмъ не затрагивалъ.

опредѣленію, и о кровномъ сродствѣ организмовъ, объ ихъ происхожденіи отъ одного общаго корня. Успѣхи геологіи и палеонтологіи въ этотъ послѣдній періодъ становятся уже настолько велики, что зоогеографъ можетъ представить себѣ (хотя въ самыхъ общихъ чертахъ), какъ шла смѣна фаунъ, и пробуетъ намѣтить, гдѣ искать истинные центры распространенія нѣкоторыхъ группъ животныхъ; можетъ сказать и о томъ, что ждетъ зоогеографію въ будущемъ.

Намѣтивъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ раздѣленіе исторіи зоогеографіи на четыре періода, я долженъ, однако, прибавить, что отдѣлить строго эти періоды другъ отъ друга, конечно, немыслимо, такъ какъ въ одно и то же время разные натуралисты придерживаются разныхъ мнѣній и потому всегда существуетъ нѣкоторое смѣшеніе противоположныхъ идей. Но я нашелъ возможнымъ раздѣлить исторію прогресса зоогеографіи на четыре періода, придерживаясь смѣны идей въ тѣхъ лицахъ, которыя въ разное время стояли во главѣ науки, и игнорируя въ этомъ случаѣ лицъ, отставшихъ въ силу тѣхъ или другихъ причинъ отъ общаго потока. Теперь я перехожу къ болѣе полному изложенію исторіи зоогеографіи, слѣдя за смѣною идей зоогеографовъ различныхъ періодовъ съ тѣмъ, чтобы на основаніи этого историческаго обзора вывести, какія требованія должны быть предъявлены всякому частному зоогеографическому изслѣдованію.

Первыя свѣдѣнія о географическомъ распространеніи животныхъ можно найти у Аристотеля и Плинія; но такъ какъ эти свѣдѣнія заключаются только въ изложеніи тогда существовавшаго запаса фактовъ о географическомъ распространеніи извѣстныхъ видовъ, то я позволю себѣ не останавливаться ни на Аристотелѣ, ни на Плиніи, приведя только одну фразу Плинія, которою исчерпывается весь запасъ его общихъ зоогеографическихъ соображеній: „Mirum, rerum naturam non solum alia aliis dedisse terris animalia, sed in eodem quoque situ quaedam aliquibus locis neggasse“ (Plin. Secund. Lib. VIII, cap. LVIII).

Въ 1605 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Вирштгена: «Restitution of decayed Intelligence in Antiquities corcerning the most noble and renowned English Nation», въ IV главѣ котораго авторъ силится доказать, что послѣ потопа островъ Альбіонъ перво-

начально былъ частью материка, находясь въ соединеніи съ Галліей или нынѣшней Франціею. Основаніемъ къ подобному выводу послужила незначительная ширина и мелководность пролива Кале, одинаковое строеніе и высота его береговъ, нѣкоторыя лингвистическія и нѣкоторыя фаунистическія соображенія. «Слѣдующее весьма важное доказательство того, что это отдѣленіе совершилось только спустя нѣкоторое время послѣ потопа, говоритъ Вирштгенъ, состоитъ въ томъ, что въ ковчегѣ патріарха Ноя были всѣ породы животныхъ, которыя, выйдя оттуда по окончаніи потопа, размножились и постепенно разселились по всей землѣ. Короткаго промежутка времени было совершенно достаточно, чтобы хищный волкъ явился предъ человѣкомъ въ своемъ истинномъ видѣ, и, конечно, ни одинъ мыслящій человѣкъ не перенесъ бы его черезъ море на островъ, какъ нѣтъ никого, кто перенесъ бы отъ насъ даже менѣе вредныхъ животныхъ, лисицъ, на островъ Уайта. Но такъ какъ послѣ потопа нашъ островъ находился въ соединеніи съ материкомъ, то всѣ эти вредныя животныя перешли на него. Еслибъ кто-нибудь возразилъ на это, что въ Англіи нѣтъ волковъ, на это можно бы отвѣтить, что въ примыкающей къ ней Шотландіи волковъ очень много и что то же самое было и въ Англіи, пока король Эдгаръ не приказалъ истребить ихъ во всемъ государствѣ» *). Итакъ, мысль объ иномъ, прежде существовавшемъ очертаніи материковъ и попытка внести это иное соотношеніе материковъ и морей въ число факторовъ, объясняющихъ современное географическое распредѣленіе животныхъ, относится еще къ 1605 году.

Затѣмъ, въ 1690 году британскій мореплаватель Ричардъ Симпсонъ, найдя на Фалкландскихъ островахъ лисицъ, такихъ же какъ патагонскія, высказалъ по этому поводу то же соображеніе, что и Вирштге-нъ: «такъ какъ невѣроятно, говоритъ онъ, чтобы онѣ (т.-е лисицы) перешли на Фалкландскіе острова изъ Америки, а тѣмъ болѣе невѣроятно, чтобы кто-нибудь позаботился объ ихъ распространеніи на этихъ островахъ, то въ виду существованія ихъ

*) Цитируется въ сочиненіи *Alfr. Wallace*: Die Tropenwelt nebst Abhandlungen verwandten Inhaltes. Autorisirte deutsche Übersetzung von Dr. Brauns. 1879, S. 322.

тамъ слѣдуетъ допустить одно изъ двухъ: или онѣ были созданы въ двойномъ экземплярѣ, одинъ въ Америкѣ, а другой на указанныхъ островахъ, или же эти острова были нѣкогда въ соединеніи съ Южной Америкой» *).

Слѣдуя хронологическому порядку, въ слѣдъ за Вирштгеномъ и Симпсономъ мы должны упомянуть Линнея, который во 2-мъ томѣ Amoenit. Academiae **) въ свою очередь высказался о томъ, какимъ образомъ заселилась земля животными и растеніями. Какъ слѣдуетъ изъ прилагаемаго изложенія его соображеній, зоогеографическія идеи основателя систематической зоологіи и ботаники были въ высшей степени первобытны: по его мнѣнію, высшая сила сотворила всѣ виды животныхъ и растеній одновременно на островѣ, среди котораго возвышалась гора. Вершина этой горы обладала холоднымъ климатомъ и была населена животными и растеніями полярныхъ странъ; средній поясъ горы обладалъ умѣреннымъ климатомъ и былъ населенъ соотвѣтствующими животными и растеніями; наконецъ, подножіе горы было занято тропическими формами (по положенію острова). Но вотъ море начало мало-по-малу отступать и, по мѣрѣ этого отступленія, животныя и растенія начали постепенно разсѣяваться по обнажающейся сушѣ, пока, наконецъ, каждое изъ нихъ не заняло предназначеннаго для него мѣста. Такимъ образомъ, говоритъ Линней, совершилось то распредѣленіе по поверхности земнаго шара животныхъ и растеній, которое мы теперь видимъ. Слѣдовательно, строго говоря, съ нѣкоторыми только измѣненіями Линней повторилъ то, что сказано объ этомъ предметѣ въ Библіи. Де-Кандолль замѣтилъ, что эта гипотеза была высказана «par l'illustre Suédois, il faut en convenir, dans un moment d'irréflexion» ***).

Первое сочиненіе, на которомъ мы остановимся довольно подробно и которое по справедливости заслуживаетъ названіе *первой зоогеографіи*, представляетъ собою трудъ Циммерманна ****),

*) Цитируется у *О. Пешеля*: Новыя задачи сравнительнаго землевѣдѣнія. Русскій переводъ К. И. Турчаковскаго. 1879, стр. 59.

**) De telluris habitabilis incremento. 1743, стр. 402—430.

***) Géogr. bot. T. II, p. 1299.

****) *Eberh. Aug. Guilielm. Zimmermann.* Specimen zoolog. geographicae, quadrupedum domicilia et migrationes sistens. Lugduni Batavorum, MDCCLXXVII.

появившійся въ 1777 году, т. е. въ то время, когда начали выходить дополненія (Supplements) къ общей естественной исторіи Бюффона, въ которыхъ въ 1778 г. были помѣщены его «Époques de la Nature».—Перечитывая сочиненіе Циммерманна, воочію видишь все гибельное послѣдствіе вліянія извѣстныхъ традицій: сколько по истинѣ прекрасныхъ страницъ (особенно въ IV главѣ «In quo generatim de quadrupedum per telluris superficiem dispersione agitur, cui consectaria nonnulla telluris historiam illustrantia adduntur», 553—662) испорчено подмѣшиваньемъ къ ихъ содержимому ученія о цѣлесообразности. Такъ напр., говоря на стр. 568 о томъ, что болѣе равномѣрное распредѣленіе тепла въ морѣ, сравнительно съ таковымъ на землѣ, представляетъ собою одно изъ чрезвычайно важныхъ удобствъ для болѣе широкаго распространенія морскихъ животныхъ сравнительно съ наземными, авторъ доходитъ до того, что восклицаетъ: «ventis idem imperavit, ut flatu nunquam remittente mare turbent, ejusque aquas inter se commisceant». Тѣмъ не менѣе, не смотря на такія фразы, сочиненіе Циммерманна должно считаться основнымъ трудомъ въ исторіи зоогеографіи. Циммерманнъ первый далъ терминъ «географическая зоологія» *) и первый опредѣлилъ задачи это науки на столько ясно, на сколько это можно было въ его время. «Чѣмъ можно объяснить современное географическое распредѣленіе животныхъ? изъ одного ли центра разселились всѣ нынѣ существующія животныя? чѣмъ можно объяснить, что животное, однажды населявшее ту или другую страну, перестало существовать въ ней потомъ»?—вотъ тѣ вопросы, которые поставилъ передъ собой Циммерманнъ и на которые онъ пытался дать отвѣты. Странно было бы ждать, чтобы эти отвѣты, при томъ состояніи, въ какомъ находились въ концѣ XVIII столѣтія геологія и біологія, могли сохранить свою силу до нашего времени и этого, конечно,

*) Для Циммерманна терминъ „географическая зоологія“ былъ, очевидно, равнозначущъ съ терминомъ „зоологическая географія“, что находитъ себѣ объясненіе въ современномъ ему состояніи біологіи, но въ самомъ сочиненіи Циммерманна можно совершенно ясно видѣть два отдѣла: отдѣлу географической зоологіи соотвѣтствуютъ три первыя главы, въ которыхъ роды млекопитающихъ разсматриваются съ географической точки зрѣнія; отдѣлу зоологической географіи—особенно IV глава.

нѣтъ, за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ; но не должно забывать, что достоинство сочиненія измѣряется какъ новизною высказанныхъ въ немъ мыслей, такъ и логичностью разсужденія, а что касается этого, то и съ той, и съ другой стороны сочиненіе Циммерманна заслуживаетъ полнаго уваженія. Всѣ выводы, которымъ авторъ посвятилъ всю четвертую главу, основаны на фактахъ, собранныхъ имъ въ трехъ первыхъ главахъ, въ которыхъ разсматривается распространеніе родовъ и отчасти даже видовъ млекопитающихъ (Циммерманнъ остановился на этомъ классѣ потому, что млекопитающія, не одаренныя особою подвижностью, по его мнѣнію являются классомъ наиболѣе пригоднымъ для рѣшенія общихъ зоогеографическихъ вопросовъ и, кромѣ того, классомъ изученнымъ лучше другихъ, выводы съ котораго могутъ быть свободно перенесены и на другія группы). Въ основу этого обзора легли, конечно, изданныя до того времени монографическія описанія Бюффона, но эти главы важны въ томъ отношеніи, что онѣ указываютъ методъ, которымъ пользовался авторъ при рѣшеніи взятой имъ на себя задачи. Конечно, много въ этихъ главахъ и невѣрнаго, но опять-таки не въ томъ дѣло: въ нихъ собраны послѣ критической оцѣнки почти всѣ факты, относящіеся къ географическому распространенію млекопитающихъ, которые были извѣстны въ то время.—Останавливаться на введеніи и на первыхъ трехъ главахъ намъ нѣтъ никакой надобности и мы прямо перейдемъ къ общимъ зоогеографическимъ соображеніямъ автора.

Изученіе географическаго распространенія родовъ и видовъ млекопитающихъ привело Циммерманна къ заключенію, что, положивъ въ основу дѣленія ихъ на группы величину занимаемой ими площади, всѣхъ млекопитающихъ можно раздѣлить на три группы: въ первую войдутъ тѣ, которыя распространены почти по всему земному шару, во вторую распространенныя широко, но не такъ какъ животныя первой группы, и, наконецъ, въ третью—съ тѣснымъ географическимъ распространеніемъ. Первая группа наиболѣе малочисленная и состоящая изъ животныхъ, распространеніе которыхъ находится въ самой тѣсной связи съ распространеніемъ человѣка. И человѣку, и этимъ животнымъ Циммерманнъ приписываетъ наибольшую физическую силу и этимъ думаетъ объяснить ихъ выносливость, ихъ способность жить при чрезвычайно

различныхъ условіяхъ. По моему мнѣнію, такой взглядъ, по которому въ самомъ организмѣ слѣдуетъ искать причины, дозволяющія ему выносить вліянія чрезвычайно различныхъ условій, такой взглядъ обличаетъ въ авторѣ весьма серьезное и вѣрное сужденіе объ организмѣ.—Изучая распредѣленіе такихъ широко распространенныхъ животныхъ, конечно, нельзя придти ни къ какимъ выводамъ о томъ, въ связи съ чѣмъ стоитъ распредѣленіе животныхъ на поверхности земнаго шара. На этомъ основаніи первая группа оставляется въ сторонѣ и извѣстные выводы строятся на изученіи географическаго распредѣленія млекопитающихъ двухъ другихъ группъ. Трудно было бы ожидать, что Циммерманнъ обратитъ вниманіе на соотношеніе животныхъ и этого и не было; первый отдѣлъ четвертой главы самый слабый во всей книгѣ, потому что въ немъ только указана въ самыхъ общихъ чертахъ зависимость географическаго распредѣленія млекопитающихъ отъ климатическихъ условій; единственно, что только можно отмѣтить въ этомъ отдѣлѣ, это—признаніе значенія косвеннаго вліянія температуры. Извѣстная степень влажности и температуры—необходимыя условія богатства фауны, говоритъ Циммерманнъ; чѣмъ суше и холоднѣе страна, тѣмъ ея фауна бѣднѣе. Но бѣдность эта обусловливается не только прямымъ вліяніемъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, но и косвеннымъ: отсутствіемъ растительности—одного изъ важнѣйшихъ пищевыхъ матеріаловъ для всѣхъ животныхъ (стр. 564). Опредѣливъ такимъ образомъ что, по его мнѣнію, обусловливаетъ географическое распредѣленіе млекопитающихъ, а, слѣдовательно, и всѣхъ животныхъ, Циммерманнъ прежде всего пытается рѣшить вопросъ: изъ одного ли центра заселилась земля или изъ нѣсколькихъ. Первое мнѣніе, какъ мы видѣли, высказано было Линнеемъ, но Циммерманнъ не находитъ возможнымъ съ нимъ согласиться и, опираясь на факты, приходитъ къ заключенію, что у каждаго вида былъ свой центръ распространенія (стр. 597 и слѣд.; стр. 672—674)*). При допущеніи

*) Циммерманнъ вездѣ говоритъ о родахъ и видахъ очень смѣшанно, но, какъ нарочно, въ данномъ случаѣ прямо говоритъ о родахъ; я, однако, думаю, на основаніи тщательнаго изученія труда Циммерманна, что не погрѣшаю, говоря, что онъ признавалъ самостоятельный центръ для каждаго вида: „....utrum vero sit simile, ut animalium genera ex uno eodemque domi-

одного центра распространенія, надо согласиться съ Циммерманномъ, становится совершенно непонятнымъ, почему одно и то же животное не встрѣчается въ разныхъ мѣстностяхъ со схожими внѣшними условіями, такъ какъ по гипотезѣ Линнея слѣдовало бы, чтобы всякое животное шло изъ общаго центра въ назначенныя для него мѣстности, т.-е. мѣстности съ подходящими условіями среды. Кромѣ того, какъ можно себѣ представить эти странствованія напр. сѣверныхъ животныхъ изъ общаго центра чрезъ тропическія и умѣренныя страны къ мѣстамъ своего назначенія? Можно ли сомнѣваться, спрашиваетъ Циммерманнъ, очевидно отбившись въ сторону отъ ученія о цѣлесообразности, что всѣ они погибли бы на своемъ пути? (стр. 673) и въ слѣдъ за этимъ вопросомъ онъ рѣшительно заявляетъ, что не можетъ принять гипотезу Линнея и останавливается на другой, по которой каждый видъ имѣлъ свой собственный центръ распространенія. Хотя прямо въ текстѣ ничего не говорится о томъ, одинъ ли только центръ для каждаго вида допускалъ Циммерманнъ или нѣтъ, за то косвенно вопросъ этотъ рѣшенъ положительно въ томъ смыслѣ, что Циммерманнъ признавалъ для каждаго вида только одинъ центръ распространенія. Уже одно стремленіе автора объяснить населеніе острововъ существованіемъ связи между островомъ и ближайшимъ материкомъ несомнѣнно позволяетъ придти къ такому заключенію. Итакъ, вотъ первый важный выводъ, къ которому пришелъ Циммерманнъ: каждый видъ имѣлъ свой собственный центръ распространенія.

Рядомъ съ вопросомъ о центрахъ распространенія стоитъ и другой, второстепеннаго значенія: отъ одной ли пары произошелъ каждый видъ или нѣтъ (стр. 597—599)? И на это Циммерманнъ отвѣчаетъ, что происхожденіе каждаго вида отъ одной пары при одновременномъ появленіи всѣхъ млекопитающихъ, хищныхъ и

---

cilio tanquam e prima patria sede sua exierint, & inde vel per totam terrae superficiem se dissipaverint, vel magnos saltem ejus amplosque tractus occupaverint; aut an potius praesumendum sit ac praeoptandum, a rerum statim initio varia hujus illiusque generis ac speciei animalia per varias procul inter se dissitas regiones sub variis latitudinis longitudinisve gradibus jacentes transposita esse?“ L. c. p. 597. „Quodsi ergo, suppositis hisce, cuivis animalium generi certam aliquam patriam adsignare volumus...“ L. c. p. 605.

травоядныхъ, немыслимо, потому что одно изъ двухъ: или хищники уничтожили бы немедленно травоядныхъ, или, еслибы первыя созданныя травоядныя отличались страшною силой и тѣмъ самымъ были защищены отъ хищниковъ, то послѣдніе должны бы были погибнуть съ голоду: „sic uno quasi eodemque fere tempore regnum animale & initium & interitum suum habuisset“. Слѣдовательно, допущеніе происхожденія каждаго вида отъ одной пары только осложняетъ вопросъ, нисколько не измѣняя сущности дѣла.

Покончивъ такимъ образомъ съ вопросомъ о центрахъ, Циммерманнъ переходитъ къ самымъ интереснымъ выводамъ всей своей работы. Итакъ, земной шаръ населенъ всѣми видами животныхъ, какія на немъ встрѣчаются, но число особей каждаго вида не велико, какимъ образомъ мы доходимъ до современнаго распредѣленія животныхъ? Первое, что затѣмъ было, говоритъ Циммерманнъ, это, конечно, разселеніе (Циммерманнъ употребляетъ терминъ «migratio», который въ настоящее время означаетъ періодическія странствованія; этому удивляться, конечно, нечего, потому что въ 1777 г. не было рѣчи о раздѣленіи періодическихъ странствованій и выселеній, но нельзя не подивиться К. Фогту, который въ 1879 году продолжалъ смѣшивать эти два термина въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ Revue scientifique 1879 г.), но подъ вліяніемъ чего совершилось оно? Здѣсь, очевидно, авторъ опять забываетъ ученіе о цѣлесообразности и, не задавая вопроса «для чего», задаетъ другой: «чѣмъ обусловливалось извѣстное явленіе, почему оно совершилось»? Отвѣты, данные Циммерманномъ на эти вопросы, таковы, что всецѣло могутъ сохранить свое значеніе и теперь. Первая причина разселенія, говоритъ авторъ, размноженіе; тамъ, гдѣ можетъ прожить нѣсколько особей, не можетъ жить ихъ больше извѣстнаго количества: слѣдовательно, чтобы жить, онѣ должны разселяться *); вторая причина—раз-

*) „Primo itaque quotuplici ratione ista quadrupedum migratio & dilatatio fieri potuerit, quibusve causis coacti primos patriae suae fines vel extenderint, & amplificaverint, vel plane deseruerint, dispiciamus. Duplex autem causarum genus invenio, quarum alterum *naturales*, seu quod idem est, tales continet, quae cum animantis natura tam arcte conjunctae sunt, ut ab ipso divelli plane nequeant; alterum *externas* & *adventitias* complectitur. Prioris generis sunt, si animalia tot tantisque incrementis augescunt, ut uno eodemque loco simul

селеніе при прямой и косвенной помощи человѣка; третья—измѣненіе человѣкомъ кореннаго вида страны, что̀ влечетъ за собой выселеніе населяющихъ ее животныхъ въ другую страну, и, наконецъ, четвертая причина—иное сравнительно съ нынѣшнимъ, когда-то прежде существовавшее распредѣленіе материковъ и морей *).

Немного выше мы видѣли, что та же самая мысль была высказана еще въ XVII столѣтіи Вирштгеномъ и Р. Симпсономъ; но авторъ первой зоогеографіи относится къ этому вопросу гораздо серьезнѣе своихъ предшественниковъ и цѣлыя сорокъ страницъ (620—660) посвящены имъ разсмотрѣнію того, какіе острова соединялись съ материками и какіе нѣтъ, и какъ измѣнилась связь между материками.

---

esse non possint. Quum enim primi generis sui auctores catulos procreassent, qui progeniem suam multiplicaverant; non majori solum spatio, sed largiori etiam victu ipsis opus erat; ideoque necessitas resque ipsa cogebat, ut, quo numerosiores foetus post ederent, eo fusius dissiparentur; alimenta, quae unus idemque locus iis omnibus sufficientia minus suppeditare poterat, alibi quaesituri: cujus rei veritatem quam maxime in immanibus illis, quae carnibus vivunt, belluis deprehendimus.“ L. c. p. 605—606. Особенное вниманіе читателя обращаю на послѣднія слова.

*) „Quum ad loci naturam situmque curate attendendum esse dixerim, id nunc ut perspicue magis explanem, rei ratio postulat. Si, verbi gratia, temperatioris aut calidioris plagae insulam aliquam, praecipue longius a continenti remotam iis tantum praetereaque nullis animantibus frequentatam videmus, qui victus causa venando ab hominibus agitari solent, neque ulla penitus, qua eo pervenire potuerint, nunc via patet, nisi quam homines vel navium vel scapharum remigio aperuerunt; tunc eos, propter nimium spatii intervallum, non per se illuc demigrasse, sed solo hominis auxilio transvectos esse, insulamque ipsam cum terra continente nunquam olim cohaesisse, probabilissime statuamus necesse est. Fac enim, hominem vel casu vel consulto eandem ad insulam navi appulsum, cujus solum impensas laboresque suos magno foetu remuneraturum sperabat, illuc habitatum abiisse, nonne perspicua conjectura augurandum est, eum, quoscunque animantes sibi profuturos credidit, secum eo abduxisse? Finge vero insulam sub frigidissimo coelo positam ab animalibus quidem, nemine tamen mortalium frequentatam; num ista hominum ope illuc translata esse, unquam tibi persuadebis? Nonne majori potius probabilitate hanc proximas olim terras tetigisse, & fato quodem abruptam esse, autumabis?“ L. c. p. 620—621.

Такимъ образомъ тотъ рядъ зоогеографовъ, который обыкновенно начинали съ Форбса, начинается гораздо раньше. Впрочемъ, кажется, нельзя сомнѣваться, что Циммерманнъ не былъ знакомъ ни со взглядомъ Р. Вирштгена, ни со взглядомъ Р. Симпсона, и вывелъ свои заключенія объ иномъ соотношеніи материковъ и острововъ исключительно подъ вліяніемъ высказанныхъ въ XIV т. Бюффономъ соображеній о возможномъ соединеніи Стараго Свѣта съ Новымъ (641). Нѣтъ нужды, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ то можно доказать теперь, указанныя Циммерманномъ связи острововъ съ материками ошибочны: для насъ важно то, что уже въ XVII и XVIII ст. не разъ являлась мысль объяснять современное географическое распредѣленіе животныхъ не только нынѣ существующими, но и геологическими данными.

Что касается отношенія Циммерманна къ прошлому земнаго шара, то, къ сожалѣнію, при самомъ внимательномъ чтеніи «Specimen zoologiae geographicae», я не могъ найти ни одного мѣста, на основаніи котораго можно бы придти къ извѣстному заключенію о взглядахъ автора. Но такъ какъ Циммерманнъ, не соглашаясь во многомъ съ Бюффономъ, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ его сочиненія, находился подъ очень сильнымъ вліяніемъ великаго французскаго натуралиста, то весьма вѣроятно, что и въ его воззрѣніяхъ на прошлое земнаго шара было по меньшей мѣрѣ много общаго съ воззрѣніями Бюффона, которыя до того времени были разбросаны по разнымъ мемуарамъ, а въ 1778 г. были приведены авторомъ въ стройную систему и вышли въ свѣтъ подъ названіемъ „Époques de la Nature“. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Бюффонъ высказываетъ такое множество остроумныхъ соображеній по части зоогеографіи, что многіе склонны считать Бюффона основателемъ этой науки. Но, нисколько не уменьшая заслугъ Бюффона, мы тѣмъ не менѣе все-таки не можемъ отнять у Циммерманна право называться первымъ зоогеографомъ. Съ одной стороны насъ вынуждаетъ на это тотъ простой фактъ, что «Sp. z. g.» вышло годомъ раньше «Époques de la Nature», а съ другой то, что въ «Époques de la Nature» исторія обитателей земнаго шара излагается только между прочимъ, тогда какъ «Ге-

ографическая зоологія» Циммерманна посвящена исключительно этому предмету.

По мнѣнію Бюффона, земной шаръ съ самаго начала своего существованія развивался скачками, т.-е., по мнѣнію Бюффона въ развитіи земнаго шара за извѣстнымъ промежуткомъ времени, за извѣстной эпохой наступала новая эпоха, вступая въ которую земной шаръ получалъ болѣе или менѣе быстро особенности, не присущія ему до того времени. Между нѣкоторыми эпохами Бюффонъ допускалъ, повидимому, болѣе постепенный переходъ, чѣмъ между другими, но во всякомъ случаѣ Бюффонъ былъ приверженецъ быстрыхъ и сильныхъ измѣненій, претерпѣваемыхъ какъ земнымъ шаромъ вообще, такъ и его поверхностью въ частности. На этомъ основаніи Бюффону трудно подъискать мѣсто между зоогеографами того или другаго періода. Съ одной стороны онъ былъ далекъ отъ признанія безконечно медленныхъ измѣненій поверхности земнаго шара и, слѣдовательно, былъ защитникомъ геологической теоріи, господствовавшей во второмъ періодѣ развитія зоогеографіи, съ другой онъ настолько же былъ далекъ и отъ того взгляда, по которому фауна извѣстнаго періода является всецѣло или по крайней мѣрѣ въ большей своей части результатомъ одного творческаго акта; напротивъ, по его мнѣнію, фауны всѣхъ временъ находятся между собою въ извѣстномъ соотношеніи, но это соотношеніе какъ разъ то, которое признавалось зоогеографами третьяго періода: Бюффонъ признавалъ, что творческая сила, по мѣрѣ измѣненія условій существованія и по мѣрѣ вымиранія формъ, оказывающихся рано или поздно непригодными для этихъ условій, постепенно вводила новыя формы, болѣе приспособленныя къ новымъ условіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, Бюффонъ признаетъ семь эпохъ въ исторіи развитія земнаго шара. Первая, когда земля только формировалась изъ матеріи, находящейся въ расплавленномъ состояніи и, наконецъ, вслѣдствіе вращенія приняла форму шара, сплющеннаго нѣсколько у полюсовъ *). Вторая, когда изъ этой расплавленной и потомъ застыв-

*) Époques de la Nature. Histoire naturelle générale et particulière. Supplement, tome cinquième. A Paris, de l'imprimerie Royale. MDCCLXXVIII. P. 40—70.

шей массы образовался скелетъ земнаго шара, т.-е. все то, что не обязано своимъ происхожденіемъ остаткамъ организмовъ *). Воды въ эту эпоху на земномъ шарѣ не было: матерія, его составляющая, находилась еще въ такой степени нагрѣванія, что вода не могла осѣсть на поверхность земли и окружала земной шаръ только въ видѣ оболочки изъ водяныхъ паровъ **). Третья эпоха, когда земля остыла настолько, что вода и всѣ другія вещества, находящіяся въ расплавленномъ состояніи, послѣдовательно осѣли на поверхность земнаго шара ***). Такъ какъ охлажденіе началось прежде всего у полюсовъ, то, понятно, околополярныя страны были первыми, которыя покрылись водою и, напротивъ, что касается экваторіальныхъ странъ, то, получая отъ солнца гораздо болѣе тепла, чѣмъ страны околополярныя, онѣ могли охладиться только гораздо позднѣе послѣднихъ, одновременно заливаемыя какъ водою, стремящеюся отъ полюсовъ, такъ и осаждающеюся изъ атмосферы. Къ концу этой эпохи почти вся поверхность земнаго шара была залита водою: только высочайшіе пики горъ высились надъ этой громадной площадью воды,—пики, первоначально обнаженные и лишенные всякаго признака жизни, но потомъ ожившіе и покрывшіеся роскошнѣйшими растеніями тропическихъ странъ ****). Въ то же самое время или даже нѣсколько

*) Époques de la Nature, p. 71—92.

**) „Tant que la surface du globe n'a pas été refroidie au point de permettre à l'eau d'y séjourner sans s'exhaler en vapeurs, toutes nos mers étoient dans l'atmosphère.. ..“ L. c. p. 73.

***) „Le cahos de l'atmosphère avoit commencé de se débrouiller: non-seulement les eaux, mais toutes les matières volatiles que la trop grande chaleur y tenoit reléguées & suspendues, tombèrent successivement; elles remplirent toutes les profondeurs, couvrirent toutes les plaines, tous les intervalles qui se trouvoient entre les éminences de la surface du globe, & même elles surmontèrent toutes celles qui n'étoient pas excessivement élevées.“ Ép. de la Nature, p. 93.

****) „Tandis que toute la surface du globe n'étoit, pour ainsi dire, qu'un archipel général,la Nature organisée s'établissoit sur ces montagnes, elle s'y déployoit même avec grande énergie; car la chaleur & l'humidité, ces deux principes de toute fécondation, s'y trouvoient réunis & combinés à un plus haut degré qu'ils ne le sont aujourd'hui dans aucun climat de la Terre.—Or dans ce même temps où les terres élevées au-dessus des eaux se couvroient de grands arbres & de végétaux de toute espèce, la mer générale se peuploit partout de poissons & de coquillages.....“ L. c. p. 132.

ранѣе и море, покрывающее поверхность земли, перестало быть безжизненнымъ и въ немъ появились какъ безпозвоночныя, такъ и позвоночныя животныя. Но это были не тѣ животныя и не тѣ растенія, которыя существуютъ теперь: для нынѣ живущихъ температура той эпохи была слишкомъ высока и потому ихъ мѣсто занимали другія животныя и другія растенія, лучше приспособленныя къ современнымъ имъ условіямъ среды *).

Четвертая эпоха характеризуется тѣмъ, что воды, покрывавшія почти всю поверхность земнаго шара, начали постепенно спадать, наполняя собою тѣ углубленія, которыя образовались при охлажденіи земли съ поднятіемъ горъ, и начали дѣйствовать волканы. Точно такъ же, какъ въ третью эпоху процессъ осѣданія воды начался съ околополярныхъ странъ, такъ въ четвертую эпоху съ тѣхъ же странъ начался процессъ обнаженія земли, рука объ руку съ чѣмъ шло и заселеніе земли сухопутными животными и растеніями **). Строго говоря, эта эпоха въ свою очередь дѣлится на два періода: въ первый земля находилась въ такихъ, позволю себѣ выразиться, судорогахъ, какія немыслимо было перенести ни одному наземному животному, въ связи съ чѣмъ, по мнѣнію Бюффона, и стояло отсутствіе наземныхъ животныхъ до втораго періода четвертой эпохи: „heureusement, говоритъ Бюффонъ, ces anciennes scènes, les plus épouvantables de la Nature, n'ont point eu de spectateurs“ (p. 165) и далѣе: „....& ce n'est qu'après

*) „Or dans les commencemens de ce séjour des eaux sur la surface du globe, n'avoient-elles pas un degré de chaleur que nos poissons & nos coquillages actuellement existans n'auroient pu supporter? & ne devons-nous pas présumer que les premières productions d'une mer encore bouillante, étoient différentes de celles qu'elle nous offre aujourd'hui?“ L. c. p. 94. И далѣе: „En fécondant les mers, la Nature répandoit aussi les principes de vie sur toutes les terres que l'eau n'avoit pu surmonter ou qu'elle avoit promptement abandonnées; & ces terres, comme les mers, ne pouvoient être peuplées que d'animaux & de végétaux capables de supporter une chaleur plus grande que celle qui convient aujourd'hui à la Nature vivante“. L. c. p. 99.

**) „Et dans quelle contrée du Nord les premiers animaux terrestres auront-ils pris naissance? n'est-il pas probable que c'est dans les terres les plus élevées, puisqu'elles ont été refroidies avant les autres?“ L. c. p. 169.

cette seconde période entièrement révolue que l'on peut dater la naissance des animaux terrestres.“ Въ самомъ дѣлѣ, картина состоянія земли въ это время, нарисованная мастерскою кистью Бюффона, представляетъ собою по истинѣ величественное и страшное зрѣлище: „Dans toutes les parties basses, des mares profondes, des courans rapides & des tournoiemens d'eau; des tremblemens de terre presque continuels, produits par l'affaissement des cavernes & par les fréquentes explosions des volcans, tant sous mer que sur terre; des orages généraux & particuliers; des tourbillons de fum fumée & des tempêtes excitées par les violentes secousses de la terre & de la mer; des inondations, des débordemens; des déluges occasionnés par ces mêmes commotions; des fleuves de verre fondu, de bitume & de soufre ravageant les montagnes & venant dans les plaines empoisonner les eaux; le Soleil même presque toujours offusqué non-seulement par des nuages aqueux, mais par des masses épaisses de cendres & de pierres poussées par les volcans, & nous remercierons le Créateur de n'avoir pas rendu l'homme témoin de ces scènes effrayantes & terribles, qui ont précédé, & pour ainsi dire annoncé la naissance de la Nature intelligente & sensible“ (p. 163—164). Второй періодъ той же эпохи, когда земля пришла, такъ сказать, въ равновѣсіе, характеризуется появленіемъ на ней сухопутныхъ животныхъ. Въ то же самое время температура понизилась уже настолько сильно, что когда творческая сила проявила вновь свою дѣятельность, то изъ подъ ея рукъ вышли произведенія, гораздо болѣе приближающіяся къ нынѣшнимъ животнымъ и растеніямъ, чѣмъ животныя и растенія третьей эпохи. О трехъ послѣднихъ эпохахъ теперь я только упомяну, такъ какъ нахожу болѣе удобнымъ разсматривать процессы, совершившіеся втеченіе нихъ, въ ихъ непосредственной связи. Пятая эпоха характеризуется тѣмъ, что Старый Свѣтъ находился въ соединеніи съ Новымъ. Въ шестую эпоху совершилось отдѣленіе Стараго Свѣта отъ Новаго и животныя и растенія жаркаго климата, при постоянно понижающейся температурѣ, начали свое переселеніе къ экватору, тогда какъ на мѣсто ихъ въ странахъ умѣренныхъ и полярныхъ вводились все новыя и новыя формы. Наконецъ, въ седьмую эпоху, явился человѣкъ.

При современномъ состояніи геологіи и біологіи гипотеза Бюф-

фона, объясняющая прошлое земнаго шара, разбивается очень легко; но если принять во вниманіе всю ту скудость геологическихъ и біологическихъ свѣдѣній, которая существовала во времена Бюффона, невольно останавливаешься съ изумленіемъ передъ громаднымъ умомъ этого всесторонне образованнаго человѣка. Приверженецъ катастрофъ, Бюффонъ тѣмъ не менѣе ясно показалъ всякому непредубѣжденному изъ своихъ современниковъ, что тотъ періодъ жизни земнаго шара, который принимался до того времени, основываясь на узкомъ толкованіи текста священнаго писанія, долженъ расшириться неимовѣрно. Онъ доказалъ, что въ былыя времена существовали иныя животныя и иныя растенія; что въ былыя времена было иное расположеніе материковъ и морей, иное размѣщеніе животныхъ и растеній, и если оказывается, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ его соображенія о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣла поверхность земнаго шара, не вѣрны,—винить въ томъ нужно время и недостатокъ матеріала. Здѣсь намъ еще разъ приходится повторить то, что было сказано по поводу сочиненія Циммерманна: важно то, что выводы были построены на фактахъ и согласовались съ фактами. Всѣ геологическія и палеонтологическія данныя, которыя были въ рукахъ Бюффона, сводятся только къ слѣдующему: во 1) всѣ такъ называемыя наносныя почвы суть не что иное, какъ остатки прежде существовавшихъ организмовъ или ихъ выдѣленій и намывныя почвы, и во 2) въ толщахъ земли въ разныхъ широтахъ и теперь находятся остатки животныхъ и растеній, несомнѣнно близкихъ къ нынѣшнимъ жителямъ тропическихъ странъ. И вотъ, основываясь на этихъ двухъ данныхъ, Бюффонъ строитъ гипотезу, поражающую своею стройностью. Во время Бюффона біологія признавала только то, что жизнь организмовъ всецѣло зависитъ отъ количества теплоты и влаги *), не понятно ли отсюда, что видя передъ собою остатки животныхъ и растеній, поражающіе своими

*) „ . . . . Tandis que toute la surface du globe n'étoit, pour ainsi dire, qu'un archipel général, la Nature organisée s'établissoit sur ces montagnes, elle s'y déployoit même avec grande énergie; car la chaleur & l'humidité, *ces deux principes de toute fécondation*, s'y trouvoient réunis & combinés à un plus haut degré qu'ils ne le sont aujourd'hui dans aucun climat de la Terre". L. c. p. 132.

размѣрами сравнительно съ нынѣ существующими, близкими къ нимъ животными и растеніями, Бюффонъ *долженъ былъ* придти къ заключенію, что въ его пятую эпоху земля (точнѣе ея сѣверныя страны) вслѣдствіе иного климата населена была животными и растеніями болѣе мощными, чѣмъ нынѣ живущія; онъ *долженъ былъ* придти къ заключенію, что при постоянномъ охлажденіи земли творящая сила, по мѣрѣ вымиранія животныхъ и растеній, приспособленныхъ къ инымъ условіямъ, вводитъ новыя и новыя формы, болѣе приспособленныя къ новымъ условіямъ существованія.

Насколько умѣло пользовался Бюффонъ всѣми фактами, имѣющимися въ его рукахъ, можно судить уже по тому, что съ упорствомъ отстаивая связь Стараго Свѣта съ Новымъ черезъ Азію (р. р. 196—197), онъ говорилъ о соединеніи Америки съ Европой только какъ о фактѣ возможномъ, но не необходимомъ (р. 194). Точно также и всѣми признаваемый нынѣ фактъ болѣе тѣснаго соединенія Африки съ Европой Бюффонъ отстаивалъ, опираясь на весьма вѣскія соображенія. Не смотря на все вліяніе ходячихъ въ вѣкъ Бюффона вѣрованій, Бюффонъ незамѣтно для себя съумѣлъ нѣсколько отъ него отдѣлаться и, не игнорируя свидѣтельствъ священнаго писанія, далъ имъ толкованія, не мѣшавшія его гипотезѣ (р. 203). Несомнѣнно, что эти свидѣтельства для самого Бюффона имѣли большое значеніе, но наравнѣ съ преданіемъ объ исчезнувшей Атлантидѣ, о потопѣ, упоминаемомъ Овидіемъ, и т. д. это значеніе прежде всего равнялось историческому интересу, съ которымъ мы относимся ко всевозможнымъ преданіямъ, отыскивая скрытый смыслъ и фактическое основаніе даже въ самыхъ дикихъ изъ нихъ.

Итакъ, коротко говоря, исторія земнаго шара и его обитателей въ послѣдніе три періода рисуется Бюффономъ въ слѣдующемъ видѣ.

Когда вода, покрывавшая почти всю землю, наполнила подземныя пустоты и судорожныя сотрясенія, сопровождавшіяся колоссальными изверженіями, прекратились, тогда сѣверныя страны (80 с. ш. составлялъ ихъ сѣверный предѣлъ; околополярныя страны остыли и загромоздились льдами очень быстро) населились животными и растеніями, похожими на тѣ, которыя населяютъ теперь тропическія страны, но превосходящими ихъ по своимъ

размѣрамъ. Экваторіальныя страны обладали въ то время температурою слишкомъ высокою для жизни и потому заселились только позднѣе, именно въ то время, когда сѣверныя страны, постепенно охлаждаясь, населились животными и растеніями, приспособленными къ полярному климату *), а животныя и растенія, присобленныя къ жаркому климату, переселялись все ближе и ближе къ экватору, по мѣрѣ охлажденія первоначально занятыхъ ими мѣстъ **). Въ это время Старый Свѣтъ находился съ Новымъ въ связи по крайней мѣрѣ со стороны Азіи и формы жаркаго климата, по мѣрѣ ихъ появленія, могли свободно распространяться изъ одной сѣверной страны въ другую ***). Но съ теченіемъ времени воды, остававшіяся на поверхности земнаго шара, и непрекращающіяся колебанія почвы привели къ раздѣленію двухъ материковъ и очертаніе суши и морей начало нѣсколько походить на то, которое существуетъ нынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ фауна сѣвера, приспособленная къ жаркому климату, постепенно измѣняясь, стала все ближе и ближе подходить къ экватору; но тогда какъ въ въ восточномъ полушаріи никакихъ препятствій этому движенію не существовало, въ западномъ оказалось непреодолимое препятствіе въ суровомъ климатѣ горной страны, отдѣляющей Сѣверную Америку отъ Южной (p. 175). Этимъ препятствіемъ Бюффонъ думаетъ объяснить существованіе большей разницы между фаунами двухъ частей Америки сравнительно съ таковою между фа-

*) „ . . . . N'est-il pas... probable que les éléphans & les autres animaux actuellement habitant les terres du Midi, sont nés les premiers de tous, & qu'ils ont occupé ces terres du Nord pendant quelques milliers d'années, & long-temps avant la naissance des rennes qui habitent aujourd' hui ces mêmes terres du Nord"? L. c. p. 169.

**) „Or ces grands animaux sont arrivés du Nord sur les terres du Midi; ils s'y sont nourris, reproduits, multipliés. . . . . „L. c. p. 184—185.

***) „ . . Il y a donc une très-grande probabilité que c'est de ces terres de l'Asie que l'Amérique a reçu ses premiers habitans de toutes espèces, à moins qu'on ne voulût prétendre que les éléphans & tous les autres animaux, ainsi que les végétaux, ont été créés en grand nombre dans tous les climats où la température pouvoit leur convenir; supposition hardie & plus que gratuite, puisqu'il suffit de deux individus ou même d'un seul, c'est-à-dire, d'un ou deux moules une fois donnés & doués de la faculté de se reproduire, pour qu'en un certain nombre de siècles, la Terre se soit peuplée de tous les êtres organisés, dont la reproduction suppose ou non le concours des sexes." L. c. p. 197.

унами разныхъ частей Стараго Свѣта. Все населеніе Ю. Америки для Бюффона было результатомъ позднѣйшихъ творческихъ актовъ, вслѣдствіе чего и были введены формы, отличающіяся меньшими размѣрами и вообще меньшею мощью (р.р. 176—177). Въ параллель этимъ измѣненіямъ въ распредѣленіи животныхъ и растеній Новаго Свѣта шли измѣненія въ распредѣленіи животныхъ и растеній Стараго Свѣта. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, по мнѣнію Бюффона, Средиземное море было воднымъ бассейномъ гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ нынѣ; Гибралтарскаго пролива и соединенія Средиземнаго моря съ Чернымъ не существовало; напротивъ, Черное, Азовское и Каспійское составляли одно море. Только позднѣе Каспійское море отдѣлилось отъ Чернаго съ Азовскимъ и Черное соединилось съ Средиземнымъ; и только еще позднѣе Атлантическій океанъ проложилъ себѣ дорогу въ Средиземное море (р. р. 198—204). Рука объ руку со всѣми этими измѣненіями въ распредѣленіи материковъ и морей, животныхъ и растеній земной шаръ шелъ все дальше и дальше по пути охлажденія и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе приближался къ своему нынѣшнему состоянію. Подтвержденіе своей гипотезѣ постояннаго охлажденія земли Бюффонъ думалъ видѣть въ существованіи ледниковъ (р. р. 216—218): горныя вершины, какъ мѣста наиболѣе удаленныя отъ центра земнаго шара (Бюффонъ считалъ внутренній жаръ земли за главный источникъ теплоты), конечно, должны охлаждаться скорѣе другихъ, говоритъ онъ, почему мы видимъ и образованіе ледниковъ на горныхъ вершинахъ и постепенное сползаніе ихъ съ горныхъ вершинъ въ долины. Наконецъ, когда земля пришла въ состояніе, близкое къ современному, появился человѣкъ, родиной котораго Бюффонъ считалъ страны умѣренной Азіи (р. 228).

Итакъ, признаніе сильныхъ и быстрыхъ измѣненій, претерпѣваемыхъ поверхностью земнаго шара; признаніе зависимости распредѣленія животныхъ и растеній отъ размѣщенія материковъ и морей и распредѣленія теплоты и влаги; связи между фаунами и флорами всѣхъ періодовъ, самостоятельнаго центра распространенія для каждаго вида, значеніе морей и горъ, какъ преградъ къ переселенію (см. ссылку на стр. 197)—вотъ тѣ основные, относящіеся къ зоогеографіи выводы, къ которымъ пришелъ Бюффонъ

въ своихъ «Époques de la Nature». Теорія катастрофъ пережила Бюффона приблизительно на три четверти столѣтія и была доведена позднѣйшими геологами до крайности; еще не далѣе какъ въ 1850 г., не смотря на вышедшія въ свѣтъ въ 1832 г. «Principles of Geology» Ляйэлля, Агассицъ упорно старался примѣнить теорію катастрофъ къ объясненію современнаго географическаго распредѣленія организмовъ, по поводу чего невольно скажешь вмѣстѣ съ Гёте, что впродолженіе долгаго періода времени «всѣмъ казалось гораздо болѣе естественнымъ представить себѣ сотвореніе міра, сопровождаемое ужаснѣйшимъ трескомъ и грозными переворотами, необычайнымъ громомъ и волканическими взрывами». Мало того, и другое ошибочное мнѣніе Бюффона, о постепенномъ уменьшеніи жизненной энергіи на земномъ шарѣ, нашло себѣ защитника въ лицѣ Брока, проводившаго гипотезу объ уменьшеніи жизненной энергіи каждаго вида. Такимъ образомъ съ удивленіемъ видишь, что послѣ появленія замѣчательной для своего времени гипотезы, вмѣсто ожидаемаго прогресса, наступаетъ регрессъ: разрабатываются, отстаиваются какъ разъ тѣ стороны гипотезы, которыя позднѣе оказываются ложными. Вспомнимъ при этомъ Ламарка: гипотеза безконечной измѣняемости видовъ и кровнаго сродства всѣхъ организмовъ никѣмъ не была принята, и напротивъ, его же гипотеза постепеннаго усовершенствованія пользовалась значительной популярностью. Мнѣ кажется, что единственное возможное объясненіе въ подобныхъ случаяхъ то, на которое указалъ Ляйэлль: принятіе или непринятіе извѣстной гипотезы или теоріи обусловливается не столько ея внутренними достоинствами или недостатками, сколько извѣстными вытекающими изъ нея заключеніями, непротиворѣчащими или противорѣчащими нѣкоторымъ изъ нашихъ предвзятыхъ убѣжденій. Величайшее пріобрѣтеніе конца XIX вѣка состоитъ именно въ завоеваніи права свободы наукѣ, въ признаніи ея полной независимости даже отъ вѣковыхъ заблужденій человѣческаго ума.

Такъ какъ въ гипотезѣ Бюффона я рѣзко различаю два предположенія: о сильныхъ и быстрыхъ измѣненіяхъ, совершающихся съ земнымъ шаромъ, и о постепенныхъ измѣненіяхъ въ составѣ фаунъ и флоръ, легко можетъ статься, что я тѣмъ самымъ навлеку на себя обвиненіе въ противорѣчіи. Но это противорѣчіе

только кажущееся: не должно забывать, что, по мнѣнію Бюффона, первые организмы появились только въ концѣ третьей эпохи, когда уже настало относительное спокойствіе, и эти первые организмы были жителями водъ, за исключеніемъ флоры незалитыхъ горныхъ пиковъ. Творческая сила какъ бы выжидала полнаго спокойствія, и только когда оно настало, во второй періодъ четвертой эпохи, сосредоточила свою дѣятельность на произведеніи организмовъ. Начиная отсюда, не смотря на рѣзкія измѣненія въ распредѣленіи материковъ и морей, существовавшія фауны и флоры въ громадномъ большинствѣ случаевъ *) измѣнялись постепенно путемъ вымиранія однѣхъ формъ и введенія другихъ.

Итакъ, Бюффонъ въ зоогеографіи занимался исключительно вопросомъ, чѣмъ можно объяснить современное географическое распредѣленіе животныхъ и современное распространеніе видовъ указалъ только въ монографическихъ описаніяхъ; Циммерманнъ, занимаясь преимущественно тѣмъ же вопросомъ и обозрѣвая распространеніе родовъ и видовъ млекопитающихъ, какъ основаніе для рѣшенія этого главнаго вопроса, пытался обобщить добытыя такимъ образомъ частныя свѣдѣнія и, какъ мы видѣли, раздѣлилъ всѣхъ млекопитающихъ на три группы, соотвѣтственно величинѣ занимаемыхъ ими площадей. Конечно, это первое обобщеніе было очень неудачно и, строго говоря, ничего не обобщало, но во всякомъ случаѣ оно было первымъ шагомъ къ возникновенію представленія о зоологическихъ областяхъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, когда климатическія условія считались однимъ изъ главныхъ условій распредѣленія организмовъ, представленію о зоологическихъ областяхъ легче было возникнуть, чѣмъ когда-либо. Соображеніе, что въ странѣ съ извѣстными климатическими условіями должна существовать и фауна, приспособленная къ нимъ и отличная отъ фауны другихъ странъ, должно было напрашиваться само собою. И дѣйствительно, въ первыхъ же работахъ, вышедшихъ послѣ трудовъ Циммерманна и Бюффона, на первомъ мѣстѣ стоитъ стремленіе раздѣлить поверхность земнаго шара на

*) Какъ на исключеніе, Бюффонъ смотрѣлъ на появленіе фауны Южной Америки, которая, какъ страна новая и изолированная, заселилась всецѣло новыми животными и растеніями.

зоологическія области, хотя самый терминъ «зоологическая область» появился еще позднѣе.

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ Бюффона вышелъ въ свѣтъ обзоръ географическаго распредѣленія млекопитающихъ Л. Иллигера *). Относясь съ большимъ уваженіемъ къ этому сочиненію, мы тѣмъ не менѣе будемъ очень кратки въ нашемъ отчетѣ о немъ, потому что значительно бо́льшая часть его посвящена собственно географической зоологіи, въ которой весьма тщательно разсматривается распространеніе всѣхъ извѣстныхъ до того времени видовъ млекопитающихъ. Въ концѣ работы въ весьма общихъ выраженіяхъ разбирается зависимость животныхъ отъ климатическихъ и пищевыхъ условій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ довольно ясно высказывается въ томъ смыслѣ, что животныя претерпѣли въ своемъ распространеніи большія измѣненія отчасти въ зависимости отъ инаго распредѣленія материковъ и морей, но вообще всѣ эти соображенія, хотя и отличаются тѣмъ, что между ними совершенно нѣтъ пустыхъ и неподкрѣпленныхъ фактами, не составляютъ главной заслуги Иллигера. Главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ первый возъимѣлъ ясное представленіе о зоологическихъ областяхъ, хотя и не ввелъ въ употребленіе этого термина. Сравнивая животное населеніе разныхъ частей свѣта, Иллигеръ пришелъ къ заключенію, что поверхность земнаго шара можетъ быть раздѣлена на два участка, сильно отличающіеся другъ отъ друга по составу своей фауны: одинъ—сѣверный, обнимающій Европу, сѣв. Азію (къ югу до 40° с. ш.) и Сѣв. Америку (къ югу до 25° с. ш.), и другой—южный, обнимающій Африку, южную Азію (отъ 40° с. ш.), Австралію и Южную Америку (отъ 25° с. ш.). Иллигеръ нашелъ, что хотя Европа, сѣв. Азія и Сѣверная Америка отличаются другъ отъ друга составомъ своей фауны точно такъ же, какъ Африка, южная Азія, Австралія и Южная Америка, тѣмъ не менѣе сходство въ ихъ фаунахъ настолько велико, что мыслимо только ихъ сравнительное изученіе. Такимъ образомъ легко видѣть, что тѣ мысли, которыя только

*) Ueberblick der Säugthiere nach ihrer Vertheilung über die Welttheile. Abhandlungen der Königl. Akad. der Wissenschaften in Berlin. Aus den Jahren 1804—1811, S. 39—160.

бродили у Циммерманна, приняли уже извѣстную форму у Иллигера и что Иллигеръ пришелъ къ представленію о главныхъ и второстепенныхъ зоологическихъ областяхъ. Съ этого времени не проходило ни одного большаго сочиненія по зоологической географіи, въ которомъ вопросъ о зоологическихъ областяхъ не разрабатывался бы далѣе.

Въ 1829 г. вышло сочиненіе Миндинга *), авторъ котораго начинаетъ съ попытки болѣе естественнаго раздѣленія материковъ **). Въ основу раздѣленія материковъ, говоритъ Миндингъ, обыкновенно поставляются физическія условія и естественныя границы, но легко видѣть, что съ одной стороны иногда недостаточно внимательно относятся къ распредѣленію физическихъ условій, съ другой—составляютъ преувеличенное понятіе о значеніи извѣстныхъ естественныхъ преградъ, и потому дѣленіе материковъ, нынѣ существующее, является далеко не естественнымъ. Такъ, напримѣръ, Европа по своимъ физическимъ условіямъ неразрывно соединена съ Азіей, и Уральскій хребетъ вовсе не служитъ достаточной естественной границей между двумя частями свѣта. Исправить подобныя неточности можно, введя въ число данныхъ, обусловливающихъ раздѣленіе частей свѣта, еще одно условіе: распредѣленіе организмовъ. Какъ животныя, такъ и растенія находятся въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ физическими условіями страны. Дѣйствительно естественныя преграды рѣзко раздѣляютъ страны съ разными фаунами и флорами; не ясно ли отсюда, что единственный правильный взглядъ на раздѣленіе материковъ—это тотъ, по которому подъ материкомъ должно подразумѣвать извѣстный участокъ поверхности земнаго шара съ приблизительно одинаковыми физическими условіями, съ однообразными фауною и флорой? На этомъ основаніи, продолжаетъ онъ, мы могли бы дать иныя границы материкамъ, такъ, напримѣръ, границею между Африкой и Европой считать не Средиземное море ***), а Сахару и Ли-

*) *I. Minding.* Ueber die geographische Vertheilung der Säugethiere.

**) Я употребляю слово „материкъ“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Англичане употребляютъ слово „континентъ“.

***) „Andern Theils möchten auch die alten Annahmen der Scheide zwischen Europa und Afrika verschiedene geographische und geognostische Ansichten gegen sich haben, da Binnenmeere, wie das Mittelländische, wirklich mehr als

війскую степь, и т. д., но такъ какъ трудно ожидать, чтобы подобное дѣленіе, противное давно укоренившимся взглядамъ, привилось, то оставляя материки при ихъ старыхъ границахъ, Миндингъ въ свою очередь пробуетъ вновь раздѣлить ихъ только сообразно съ ихъ фаунами и флорами. Дѣленіе, принимаемое Миндингомъ, въ общихъ чертахъ слѣдующее:

1) Сѣверо-восточная суша *).

Европа
Сѣв. Азія } 30°—78° с. ш., 8°—190° в. д.

2) Сѣверо-западная суша.

Сѣверная Америка отъ 23° с. ш. къ сѣв. неопредѣленно, 190°—360° в. д.

3) Юго-западная суша.

Южная Америка отъ 23° с. ш.—54° ю. ш., 250°—344° в. д.

4) Юго-восточная суша.

Африка
Южная Азія
Австралія } 30° с. ш.—47° ю. ш., 1°—250° в. д.

Отсюда очевидно, что въ слѣдъ за Циммерманномъ и Иллигеромъ Миндингъ также не могъ отстать отъ представленія извѣстныхъ зоологическихъ участковъ, хотя этотъ терминъ и имъ еще не употребляется.

Строго говоря, это все, что есть дѣльнаго въ разбираемой брошюрѣ. Для Миндинга всѣ животные организмы не что иное какъ доказательство вѣчнаго стремленія природы къ совершенствованію. По его мнѣнію, природа съ самаго начала заботится

---

grosse Flussbetten, deren Gebiet sich nach beiden Seiten ihres Laufes erstreckt, zu betrachten wären; eine Annahme, in deren Folge die eigentliche Grenze zwischen Europa und Afrika durch die saharische und libische Wüste gebildet würde". L. c. S. 5.

*) Обратимъ вниманіе на совершенно правильное первоначальное Миндингово дѣленіе суши земнаго шара на восточное и западное полушаріе. Позднѣе нѣкоторые авторы пытались соединить зоологически сѣверную часть С. Америки съ с. Азіей и съ Европой, но, какъ доказано послѣдними работами, это соединеніе ни на чемъ не основано: даже по пролетнымъ путямъ, которые въ опредѣленіи зоологическихъ провинцій никакъ не слѣдуетъ игнорировать, восточное и западное полушарія представляютъ двѣ совершенно обособленныя области.

только объ одномъ—о введеніи все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ съ цѣлью приближенія къ вѣнцу своего творенія, къ сотворенію человѣка *). Это стремленіе природы можно видѣть, говоритъ онъ, вездѣ и если, что можно считать несомнѣнно доказаннымъ, человѣкъ появился первоначально только въ одной мѣстности (стр. 10), то это объясняется очень просто тѣмъ, что только въ этой мѣстности внѣшнія условія позволили ввести такую совершенную форму. Не должно думать, говоритъ Миндингъ, чтобы природа вездѣ могла проявить свою творческую силу произвольнымъ твореніемъ: она могла вводить только формы, пригодныя для извѣстныхъ условій существованія (стр. 27). Единственно, въ чемъ могъ выразиться ея произволъ,—это въ постепенномъ введеніи все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ. Такимъ образомъ для Миндинга, противно Бюффону, фауны разныхъ материковъ не были вмѣстѣ съ тѣмъ фаунами разныхъ возрастовъ, но фауна каждаго материка состояла изъ формъ, введенныхъ въ разное время и при томъ такъ, что на разныхъ материкахъ сообразно съ внѣшними условіями вводились одновременно или разныя, или одинаковыя формы.

Громадный шагъ назадъ, сдѣланный Миндингомъ, заключается въ полномъ отрицаніи значенія инаго, сравнительно съ нынѣшнимъ, распредѣленія материковъ и морей **). Миндингъ не затрудняется допустить два и даже болѣе центровъ творенія для каждаго вида, если это нужно, и видитъ даже въ этомъ какое-то особенное доказательство существованія гармоніи природы, которая (какъ ему казалось) вводитъ однѣ и тѣ же формы одно-

*) „Nach Allem, was wir bisjetzt von der Natur grosser und mit andern wenig zusammenhängender Länder kennen gelernt haben, müssen wir annehmen, dass jeder dieser Erdtheile auf seinem eigenthümlichen Wege zum Ideale der Schöpfung, zum Menschen, emporgestrebt habe". L. c. S. 16.

**) „Die Annahme verbindender, untergegangener Länder, zu der so Viele, insbesondere in früheren Zeiten ihre Zuflucht nehmen zu müssen glaubten, ist so hypothetisch und zugleich so unzureichend, dass es keiner Beweise wider die Möglichkeit solcher Existenzen bedarf.—Eine genauere Vergleichung führt auch zugleich auf das Unnöthige derselben hin, indem die strengen Verschiedenheiten getrennter Länder mehr auf eine Trennung hindeuten, die so alt ist, als die jetzige Gestalt der Erdoberfläche, denn auf eine, erst durch spätere Revolutionen aufgehobene Verbindung". *I. Minding*, l. c. S. 11.

временно во всѣхъ странахъ съ одинаковыми условіями существованія (стр. 11). Допуская разселеніе каждаго вида, Миндингъ, конечно, долженъ былъ допустить значеніе естественныхъ преградъ (что мы уже и видѣли), но подъ естественными преградами онъ понималъ только такія, какъ моря, пустыни, высокія горныя цѣпи и т. п. Рѣкамъ, узкимъ проливамъ и пр. онъ не только не придавалъ никакого значенія, но даже, напротивъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на условія, благопріятствующія разселенію *). Что сказалъ бы онъ, если бы ему привести факты, приведенные Бэтсомъ, Уэллесомъ и Морицомъ Вагнеромъ? Надо вообще сказать, что значеніе естественныхъ преградъ до Дарвина понималось совсѣмъ не такъ, какъ понимается нынѣ нами. Для насъ естественныя преграды имѣютъ значеніе на столько, на сколько онѣ разъединяютъ двѣ фауны, препятствуя имъ смѣшиваться. Если, напримѣръ, между двумя мѣстностями A и B существуетъ какая-нибудь довольно незначительная преграда, но во всякомъ случаѣ хоть отчасти мѣшающая свободному переходу животныхъ изъ одной области въ другую, то можно надѣяться, что современемъ между этими двумя областями фаунистическая разница выразится, наконецъ, довольно сильно, такъ какъ члены фаунъ, существующіе при совершенно иныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, переходя изъ одной области въ другую, будутъ или вымирать безслѣдно, или вымрутъ, оставя измѣненное потомство. Итакъ, допуская возможность перехода черезъ какую-либо преграду, мы придаемъ послѣдней значеніе, потому что и съ переходомъ черезъ нее распространенію многихъ видовъ все-таки положенъ предѣлъ столкновеніемъ съ другими формами. Напротивъ, до Дарвина значеніе естественныхъ преградъ было совсѣмъ иное: подъ преградами разумѣлись препятствія къ переселенію или разселенію дѣйствительно неодолимыя. По разныя стороны этихъ преградъ условія среды были весьма отличны и потому и фауны, раздѣленныя этими преградами, были также отличны, какъ приспособленныя творче-

*) „Flüsse sind so wenig als schmale Meerengen für Thierscheiden anzusehen; im Gegentheil pflegen sich verschiedene Arten gern längs ihrem Laufe zu beiden Seiten aufzuhalten, was wohl in der Gleichmässigkeit des Bodens und Climas seinen Grund haben mag". L. c. S. 11.

скою силою къ различнымъ климатическимъ, почвеннымъ и другимъ условіямъ.

Разсмотрѣвши распредѣленіе млекопитающихъ по бо́льшимъ или меньшимъ группамъ, при чемъ всѣ млекопитающія дѣлятся имъ съ зоогеографической точки зрѣнія на два отдѣла: *автохтонныхъ* и *переселенцевъ* *) (послѣднихъ очень мало и ихъ чрезмѣрное распространеніе объясняется ихъ отношеніемъ къ человѣку), Миндингъ переходитъ къ вопросу о замѣняющихъ другъ друга формахъ (27—37). Этотъ въ высшей степени интересный вопросъ о викаріатѣ, въ которомъ въ настоящее время мы должны отличать какъ *морфологическій*, такъ и *біологическій* викаріатъ, разрѣшенъ Миндингомъ и крайне неполно, и достаточно дико. Намекъ на это разрѣшеніе уже можно видѣть въ сказанномъ, а именно: такъ какъ природа, проявляя свою дѣятельность во всякой странѣ, вездѣ стремилась къ одному—къ постепенному усовершенствованію—то очевидно, что при этомъ въ разныхъ странахъ, но при сходныхъ условіяхъ должны были появляться формы, если не тождественныя, то замѣняющія другъ друга, и такъ какъ съ другой стороны эти ряды нигдѣ не являются полными, то само собою ясно, что далеко не всѣ роды и виды животныхъ могутъ имѣть викаріаты.

Если къ сказанному прибавлю, что послѣ этихъ общихъ соображеній Миндингъ переходитъ къ обзору распредѣленія млекопитающихъ по выше указаннымъ четыремъ провинціямъ, излагая этотъ обзоръ въ формѣ таблицъ, то я исчерпаю трудъ Миндинга, насколько онъ имѣетъ для насъ интересъ, сполна.

Какъ зоологамъ приходится обращаться къ геологіи, такъ точно и геологамъ приходится обращаться къ зоологіи. Эти двѣ науки настолько тѣсно связаны между собою (связь выражена въ палеонтологіи), что прогрессъ одной изъ нихъ не можетъ не отразиться въ бо́льшей или меньшей степени на прогрессѣ другой. Ляйэлль представляетъ съ этой стороны весьма поучительный примѣръ. Всѣмъ извѣстно, что онъ первый, такъ сказать, рас-

*) „Wir nehmen also überall zweierlei Arten an, auf welche die Bewohner der Erde betrachtet werden: entweder sie sind Autochthonen, oder sie sind Einwanderer. Letzteres sind sie entweder aus freier Neigung oder in willenloser Folge ihres Gebieters, des Menschen.“ *I. Minding*, l. c. S. 17.

чистилъ почву къ принятію генеалогическаго ученія, но, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно, что тотъ методъ, которымъ пользовался Ляйэлль при изученіи неорганическаго міра, перешелъ къ нему отъ Ламарка, единственнаго дѣйствительнаго предшественника Дарвина. Въ 1832 г. вышли въ свѣтъ первымъ изданіемъ „Principles of Geology", въ которыхъ авторъ ихъ, возставая противъ ученія Ламарка о постепенномъ переходѣ одного вида въ другой, соглашался съ нимъ въ томъ, что измѣненія, нынѣ происходящія въ органическомъ мірѣ, при полномъ и всестороннемъ пониманіи ихъ дадутъ ключъ къ объясненію всѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергалось живое твореніе въ прошедшія времена *). Мало того, Ляйэлль примѣнилъ, какъ сейчасъ было упомянуто, методъ Ламарка изучать органическій міръ къ изученію неорганической природы и, возражая противъ ученія о внезапномъ уничтоженіи громаднаго количества видовъ и такомъ же появленіи на свѣтъ большаго количества новыхъ растеній и животныхъ, показалъ, что всѣ измѣненія, претерпѣваемыя поверхностью земнаго шара въ настоящее время, совершенно просто объясняютъ намъ всѣ измѣненія земной поверхности въ прошломъ, безъ помощи какихъ-бы то ни было «катастрофъ» или «переворотовъ». Ляйэлль первый пытался доказать, что медленныя, но непрерывныя измѣненія и нынѣ происходящія въ физической географіи, *вмѣстѣ съ переселеніемъ растеній и животныхъ въ другія области*, могли втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ повести за собою утрату нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ и даже совершенное вымираніе цѣлой фауны и флоры **). Мы видѣли, что еще Бюффонъ и Циммерманнъ придавали извѣстное значеніе измѣненіямъ въ физической географіи въ распредѣленіи животныхъ, но послѣдователемъ ихъ, строго говоря, долженъ считаться Форбсъ, который стремился доказать строго научно и доказалъ, что для каждаго вида былъ свой особый, но единственный центръ распространенія и что все современное географическое распредѣленіе животныхъ и растеній можетъ быть прекрасно объяснено и при этомъ, если только ввести одинъ еще ра-

*) Древность человѣка. Русскій переводъ А. Ковалевскаго. Спб. 1864 г., стр. 377.

**) Древность человѣка. Русскій переводъ А. Ковалевскаго. Спб. 1864 г., стр. 378.

нѣе указанный факторъ—послѣдовательныя измѣненія въ распредѣленіи материковъ и морей. Заслуга Ляйэлля совсѣмъ другая: онъ доказалъ, что земная поверхность постоянно претерпѣваетъ извѣстныя измѣненія, которыхъ достаточно, чтобы объяснить все прошлое земной коры, и что, слѣдовательно, фауны и флоры всѣхъ временъ находятся между собою въ гораздо тѣснѣйшей связи, чѣмъ то признавалось до того времени *). Ляйэлль, какъ уже было сказано, въ то время выступалъ защитникомъ постоянства видовъ. Ему казалось тогда, что уже самый способъ, по которому и въ настоящее время нѣкоторые виды становятся рѣдкими и постепенно вымираютъ одни за другими, говоритъ въ пользу постоянства видовыхъ признаковъ, указываетъ на недостатокъ гибкости и способности измѣняться, обусловливающихъ ихъ вымираніе какъ только происходили внѣшнія перемѣны, противныя ихъ благосостоянію. Выясненія причинъ исчезновенія многихъ изъ прежде существовавшихъ видовъ было вызвано въ Ляйэллѣ возраженіемъ противъ гипотезы Брока объ уменьшеніи жизненной энергіи каждаго вида и несомнѣнно должно было навести его на разрѣшеніе другаго вопроса: *о возникновеніи видовъ*. Но въ этомъ случаѣ Ляйэль въ то время не могъ отстать отъ господствовавшей тогда идеи постоянства видовъ, что, впрочемъ, объясняется несостоятельностью теоретическихъ соображеній, не подкрѣпленныхъ никакими фактами, которыми Ламаркъ поддерживалъ свою философскую идею, и только съ 1844 года, когда Дарвинъ читалъ Ляйэллю отрывки изъ своего сочиненія «О происхожденіи видовъ», великій геологъ началъ переходить на сторону приверженцевъ безконечной измѣняемости видовъ, пока, наконецъ, не выступилъ ея прямымъ защитникомъ **). Однако, легко видѣть, что и до 1844 года Ляйэлль ничего не имѣлъ противъ идеи Ламарка въ принципѣ и не соглашался съ ней только за отсутствіемъ доказательствъ. Опредѣляя вкратцѣ воззрѣнія Ляйэлля въ этотъ періодъ, можно сказать слѣдующее: защищая ученіе о первичномъ всецѣломъ творе-

*) Древность человѣка. Русскій переводъ А. Ковалевскаго. Спб. 1864, стр. 378.

**) Древность человѣка. Русскій переводъ А. Ковалевскаго. Спб. 1864 г., стр. 393.

ніи видовъ и непроизводности ихъ, Ляйэлль старался объяснить ихъ географическое распредѣленіе и сродство нынѣ живущихъ формъ съ ископаемыми ближайшими къ нимъ типами третичныхъ пластовъ той же части свѣта предположеніемъ, что творящая сила, приспособляющая первоначально извѣстные типы къ воднымъ, другіе къ сухопутнымъ условіямъ, вводила въ послѣдовательныя геологическія эпохи новыя формы, болѣе приспособленныя къ каждой мѣстности и климату, выполняя такимъ образомъ промежутки, оставленныя вымершими формами, и вмѣстѣ съ тѣмъ приближаясь съ каждымъ творческимъ актомъ къ нынѣ существующимъ формамъ.

Изъ этого не трудно видѣть, что, сдѣлавши громадный шагъ впередъ, Ляйэлль вмѣстѣ съ тѣмъ возстановилъ многое изъ гипотезы, высказанной въ «Époques de la Nature», что было искажено послѣдователями Бюффона, но еще много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ до того времени, пока идеи Ляйэлля о постепенныхъ измѣненіяхъ поверхности земнаго шара сдѣлались всеобщимъ достояніемъ: это было тогда, когда самъ авторъ этой теоріи изъ защитника постоянства видовъ сдѣлался защитникомъ ихъ безконечной измѣняемости, и только немногія, единичныя личности шли рука объ руку съ Ляйэллемъ и въ то время, когда его теорія только что была публикована. Первое мѣсто между ними принадлежитъ, къ сожалѣнію столь рано погибшему для науки, Форбсу.

Въ 1835 году вышелъ обзоръ географическаго распространенія животныхъ извѣстнаго защитника круговой системы классификаціи Свенсона *), за которымъ, не смотря на то, что многіе авторы отзываются о немъ съ похвалою, мнѣ кажется, нельзя признать никакихъ важныхъ заслугъ въ историческомъ развитіи зоогеографіи. Свенсонъ признавалъ, что каждый видъ животнаго былъ созданъ первоначально въ одной мѣстности, откуда уже и разселялся далѣе на столько, на сколько позволяли ему это физическія условія и тѣ невѣдомые законы «by which the Creator has regulated the geographic distribution of his creatures» (p. 9), но, не распространялись объ общихъ вопросахъ далѣе, сейчасъ же въ слѣдъ

*) *Swainson.* A Treatise on the Geography and Classification of Animals. London. 1835.

за этимъ краткимъ введеніемъ, которое скорѣе можно назвать вводной фразой, переходитъ къ установленію зоологическихъ провинцій и почти всю книгу посвящаетъ обзору фаунъ этихъ провинцій. Критерій, выбранный имъ при установленіи провинцій, довольно страненъ: предпочтительно распространеніе человѣческихъ расъ и только на второмъ планѣ распространеніе другихъ животныхъ. Благодаря этому и вышло, что Свенсонъ установилъ пять зоологическихъ провинцій *(европейская, азіатская, американская, африканская* и *ново-голландская* или *австралійская)*, изъ которыхъ первыя три невозможны по своему содержанію, и если не ошибся въ томъ, что высказался за присоединеніе сѣверно-африканскаго побережья къ европейской, а южно-африканскаго угла и Мадагаскара къ австралійской, то не должно забывать, что первое было указано еще Бюффономъ и Циммерманномъ, а во второмъ случаѣ отличіе южно-африканской и мадагаскарской фауны отъ фауны остальной Африки настолько велико, что выдѣленіе ихъ должно считаться дѣломъ очень простымъ. Каждую изъ своихъ провинцій, кромѣ австралійской, Свенсонъ подраздѣлилъ на основаніи климатическихъ данныхъ на сѣверную, среднюю и южную. Австралійская, по различію фаунъ входящихъ въ ея составъ странъ, раздѣлена на ново-гвинейскую, ново-голландскую и пацифическую подобласти.

Такимъ образомъ не трудно видѣть, что Свенсонъ придалъ слишкомъ большое значеніе общепринятымъ материковымъ границамъ и распредѣленію племенъ человѣческаго рода. И еще долго послѣ эти общепринятыя границы материковъ продолжали мѣшать зоогеографамъ въ установленіи естественныхъ зоологическихъ областей. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Свенсонъ не придерживался этихъ границъ буквально, такъ напр., онъ зоологически относилъ къ Европѣ Малую Азію и сѣверное побережье Африки, но вообще онъ отрѣшился отъ значенія материковъ даже въ гораздо меньшей степени, чѣмъ его предшественники.

Со времени Свенсона терминъ «зоологическая провинція», введенный еще раньше Фабриціусомъ, Латрэйлемъ и Причаромъ, пріобрѣтаетъ право гражданства и попадаетъ во всеобщее употребленіе. О Фабриціусѣ, Латрэйлѣ и Причарѣ я потому почти умалчиваю, что все, что ими сдѣлано въ зоогеографіи, это: двумя пер-

выми попытка установленія энтомологическихъ областей на основаніи исключительно климатическихъ данныхъ, а послѣднимъ—установленіе обще-зоологическихъ областей на томъ же началѣ. Излишне прибавлять, что области, построенныя на такомъ ложномъ основаніи, отличались своей крайней неестественностью, но нельзя не обратить вниманія на то, что всѣмъ тремъ поименованнымъ натуралистамъ удалось въ гораздо большей степени отдѣлаться отъ уваженія къ материкамъ, чѣмъ Свенсону, и даже позднѣйшимъ— Вагнеру и Бергхаузу.

Въ 1837 г. Шлегель въ «Essai sur la physionomie des serpens», въ главѣ о географическомъ распространеніи змѣй, высказалъ совершенно вѣрное мнѣніе, что изученіе географическаго распространенія Reptilia можетъ оказать зоогеографіи бо́льшую услугу при рѣшеніи общихъ вопросовъ, чѣмъ изученіе географическаго распространенія животныхъ другихъ классовъ, благодаря ограниченнымъ средствамъ къ разселенію Reptilia съ одной стороны и ихъ тѣсной зависимости отъ мѣстныхъ условій съ другой. Когда Шлегель писалъ свое сочиненіе, время для рѣшенія общихъ зоогеографическихъ вопросовъ еще не наступило и потому мы не можемъ упрекать названнаго автора за то, что онъ ограничился указаніемъ на зависимость географическаго распространенія змѣй отъ современныхъ физическихъ условій. Напротивъ, скорѣе мы должны удивляться, что уже въ то время Шлегель подмѣтилъ такой фактъ, какъ зависимость окраски животныхъ отъ окраски окружающихъ предметовъ и, сколько я знаю, первый ввелъ терминъ *цвѣтъ пустыни* (p. 218). Областей распространенія змѣй Шлегель не установилъ и это, безъ сомнѣнія, самый крупный недостатокъ его книжки, такъ какъ при собранныхъ имъ частныхъ матеріалахъ области распространенія змѣй могли быть уже нанесены на карту, но и этотъ недостатокъ отчасти извиняется тѣмъ, что «Essai sur la physionomie des serpens» вовсе было не зоологическимъ трактатомъ, а систематическое обозрѣніе извѣстныхъ тогда змѣй, чему въ видѣ введенія были предпосланы анатомія, исторія развитія, образъ жизни и географическое распространеніе этого класса. Къ тому же вопросъ о зоологическихъ областяхъ и до сихъ поръ спорный и хотя большинство натуралистовъ признаютъ ихъ существованіе, за то есть и такіе, которые съ этимъ не соглашаются (Рю-

тимейеръ, Миддендорфъ) и говорятъ о распространеніи всѣхъ вообще животныхъ такъ, какъ говоритъ о распространеніи змѣй Шлегель. Съ этой стороны Шлегеля можно бы даже считать первымъ представителемъ зоогеографовъ извѣстной партіи, но я не рѣшаюсь на это, п. ч. онъ совсѣмъ не говоритъ о зоологическихъ областяхъ, ни за, ни противъ, какъ будто этотъ вопросъ для него совсѣмъ не существовалъ.

Первое сочиненіе, на которомъ намъ приходится остановиться послѣ «Essai sur la physionomie des serpens» Шлегеля,— «Обзоръ географическаго распространенія звѣрей» А. Вагнера, вышедшій въ 1844 г. *).

А. Вагнеръ является превосходнѣйшимъ представителемъ зоогеографовъ втораго періода. Смѣну фаунъ и флоръ онъ объясняетъ катастрофами и рядомъ послѣдовательныхъ творческихъ актовъ, созидавшихъ почти всецѣло новыя фауны и флоры; распредѣленіе животныхъ, по его мнѣнію, можетъ быть объяснено зависимостью ихъ только отъ современныхъ физическихъ условій (какъ или въ чемъ выражается эта зависимость Вагнеръ, однако, не берется рѣшить) и т. д., но на ряду со всѣмъ этимъ въ книгѣ Вагнера проскальзываютъ иногда и хорошія мысли, что заставляетъ насъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Упомянувши на первыхъ страницахъ о томъ, что задача зоогеографіи вмѣстѣ съ задачею ботанической географіи состоитъ въ опредѣленіи законовъ распредѣленія организмовъ по поверхности земнаго шара, Вагнеръ совершенно справедливо прибавляетъ, что время для рѣшенія этой задачи не настало и что, поэтому, онъ беретъ на себя трудъ только способствовать разрѣшенію этой задачи, представляя общій обзоръ географическаго распредѣленія млекопитающихъ, на основаніи возможно тщательной сводки имѣющихся фактическихъ данныхъ. Но прежде чѣмъ представить такую сводку и познакомить съ современнымъ географическимъ распредѣленіемъ млекопитающихъ, Вагнеръ не могъ не выставить на видъ нѣсколько общихъ вопросовъ, стоящихъ въ непосредственной связи съ вопросомъ о современномъ географическомъ распредѣленіи организмовъ. Первый изъ этихъ вопросовъ—всегда

*) *Dr. A. Wagner.* Die geographische Verbreitung der Säugthiere. 1844.

ли распредѣленіе организмовъ было то же, которое существуетъ теперь, второй—съ чѣмъ связано распредѣленіе млекопитающихъ.

Если оставить въ сторонѣ домашнихъ животныхъ, говоритъ авторъ, относительно которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время они распространены гораздо шире, чѣмъ были распространены прежде, и остановиться на дикихъ, то на основаніи ископаемыхъ остатковъ легко видѣть, что распредѣленіе ихъ въ прежнія эпохи было совсѣмъ иное. Ископаемые остатки несомнѣнно говорятъ намъ, что было время, когда формы, нынѣ встрѣчающіяся въ жаркомъ климатѣ, населяли полярныя страны и когда въ Европѣ жили млекопитающія, не встрѣчающіяся тамъ нынѣ. Но неразрывно съ этимъ стоитъ и другой вопросъ: какъ распредѣлены были организмы въ то время, когда творческая сила только что проявила свою дѣятельность? Какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ были предложены три гипотезы: одна признавала одинъ центръ распространенія для всѣхъ организмовъ (Линней), другая нѣсколько центровъ и, наконецъ, третья не только по самостоятельному центру для каждаго вида, но даже по нѣскольку такихъ центровъ. На какой изъ этихъ гипотезъ остановиться, говоритъ Вагнеръ, рѣшить трудно; основаніемъ въ этомъ случаѣ могутъ служить только ископаемые остатки, но что даютъ они? Эти остатки принадлежатъ организмамъ, населявшимъ земной шаръ во время послѣдней катастрофы, слѣдовательно, о болѣе раннемъ населеніи земли намъ не по чемъ судить, другими словами выборъ одной изъ трехъ гипотезъ, приведенныхъ выше, остается совершенно произвольнымъ. На этомъ основаніи Вагнеръ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о первомъ населеніи земнаго шара и пытается нарисовать только тотъ отдѣлъ прошлаго, который непосредственно предшествовалъ современному намъ періоду.

Указавши на чрезвычайно широкое распространеніе преданія о потопѣ, на слѣды существованія моря, находящіеся на 7—8000 футовъ на Кордильерахъ и Гималайскихъ горахъ, и на присутствіе ископаемыхъ остатковъ во всѣхъ извѣстныхъ странахъ, Вагнеръ высказываетъ предположеніе, что во-первыхъ, материки въ антидилювіальный періодъ имѣли приблизительно то же расположеніе, что теперь (18—19), и во-вторыхъ, что фауна, предшествовавшая современной намъ, погибла почти всецѣло вслѣдствіе наводне-

нія. Это была фауна не тождественная съ нынѣ существующей, но очень къ ней близкая, причемъ тогда, какъ и теперь, материки были населены уже извѣстными характерными фаунами. Общая особенность фауны той эпохи заключалась въ томъ, что тропическія формы были распространены такъ далеко на сѣверъ, какъ онѣ не распространены теперь, что, по мнѣнію Вагнера, легко можетъ быть объяснено болѣе теплымъ климатомъ. Затѣмъ, наступившій потопъ стеръ съ лица земли эту фауну почти всецѣло, и рѣшить какъ совершалось заселеніе земли въ его современномъ видѣ представляется дѣломъ очень труднымъ. Не давая на него положительнаго отвѣта, Вагнеръ тѣмъ не менѣе высказывается за гипотезу Линнея, находя, что во-первыхъ, она основана на такомъ важномъ документѣ, какъ священное писаніе, а во-вторыхъ, что родиной домашнихъ животныхъ несомнѣнно надо считать Малую Азію. Интереснѣе всего, что А. Вагнеръ не видитъ ничего, что могло бы мѣшать допущенію существованія въ болѣе ранній періодъ современной эпохи иного распредѣленія материковъ и морей, которое необходимо при принятіи одного центра распространенія для всѣхъ животныхъ, вѣроятно предполагая, что послѣ всеобщаго потопа материки претерпѣли небольшія мѣстныя осѣданія и поднятія *). Равнымъ образомъ Вагнеръ не находитъ ничего невозможнаго и въ томъ, чтобы животныя разселились по всему земному шару изъ одной области, видя современныя ихъ странствованія. Такимъ образомъ значеніе геологическихъ данныхъ въ объясненіи современнаго распредѣленія животныхъ признавали не только приверженцы теоріи отдѣльныхъ видовыхъ центровъ распространенія (Циммерманнъ, Бюффонъ), но и приверженцы одного общаго центра распространенія для всѣхъ видовъ (Линней, Вагнеръ).

Покончивши такимъ образомъ съ прошлымъ географическимъ распредѣленіемъ, авторъ переходитъ къ современному (21), при чемъ останавливается предпочтительно на географическомъ рас-

*) „Die Möglichkeit, dass von einem einzigen Punkte aus die Erdoberfläche wieder bevölkert werden konnte, ist nicht wegzuläugnen, als unzweideutige Anzeichen vorhanden sind, dass einst alle jetzt getrennten Kontinente im Zusammenhange stunden“. L. c. S. 20.

предѣленіи наземныхъ млекопитающихъ, такъ какъ географическое распространеніе и распредѣленіе морскихъ въ его время было очень мало извѣстно. Обозрѣвая современное географическое распредѣленіе млекопитающихъ, говоритъ А. Вагнеръ, нетрудно видѣть, что число животныхъ формъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ экватору. Это обусловливается, по его мнѣнію, предпочтительно климатическими данными, ихъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ, и до извѣстной степени почвенными условіями. На сѣверѣ, гдѣ физическія условія распредѣлены гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ въ странахъ тропическихъ, и при томъ въ зависимости только отъ широты, и млекопитающія распространены шире и распредѣлены очень равномѣрно; напротивъ, въ странахъ тропическихъ, гдѣ измѣненія въ климатическихъ и другихъ физическихъ условіяхъ зависятъ не только отъ широты, но и отъ долготы мѣстности, является вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительное богатство и разнообразіе фаунъ. На этомъ основаніи А. Вагнеръ находитъ возможнымъ раздѣлить поверхность земнаго шара на нѣсколько областей, изъ которыхъ каждая характеризуется какъ особенными физическими условіями, такъ и особенной фауной. Но эти области не всѣ одинаковаго значенія: однѣ изъ нихъ разнятся между собою гораздо больше, чѣмъ другія, которыя являются только подраздѣленіями первыхъ. Большія области Вагнеръ называетъ поясами и признаетъ ихъ три: сѣверный, средній (тропическій) и южный; меньшія — зоологическими областями, которыхъ онъ насчитываетъ восемь:

Сѣверный поясъ	*полярная область* (точнѣе, *кругополярная*). *умѣренная обл. Стараго Свѣта.* *умѣренная обл. Сѣв. Америки.*
Средній поясъ	*южно-азіатская область.* *африканская обл.* *средне-американская обл.*
Южный поясъ	*австралійская область.* *магелланская обл.*

Послѣ этого введенія (3—24) А. Вагнеръ переходитъ къ характеристикѣ установленныхъ имъ провинцій, при чемъ вездѣ разсматриваетъ фауны по видамъ, прилагая карты распространенія характерныхъ видовъ.

Отсюда мы не ошибемся, сказавъ, что главная заслуга Вагнера состоитъ въ установленіи зоологическихъ провинцій на основаніи не только физическихъ данныхъ, но и на изученіи состава фаунъ по видамъ, хотя послѣднее сдѣлано авторомъ безъ всякихъ объясненій, какъ будто безсознательно. Близки были къ этой заслугѣ и Иллигеръ, и Миндингъ, но имъ помѣшало достигнуть ея смѣшеніе зоологическихъ областей съ неправильно установленными материковыми границами.

А. Гумбольдтъ въ своемъ классическомъ трудѣ, озаглавленномъ «Космосъ», конечно, не могъ не коснуться ботанической и зоологической географіи, которыя, хотя и очень мало, все же обязаны ему своимъ движеніемъ впередъ. Строго говоря, А. Гумбольдтъ не былъ ни зоо- ни фитогеографомъ и потому мы не имѣемъ никакого права относиться къ его соображеніямъ такъ какъ относились къ соображеніямъ Бюффона, Циммерманна и пр. А. Гумбольдтъ былъ физико-географомъ и затронулъ въ своихъ работахъ ботанику и зоологію ровно на столько, на сколько это нужно физико-географу. При строгомъ разборѣ соображеній, высказанныхъ Гумбольдтомъ по этому предмету, нашлось бы многое, заслуживающее суроваго приговора, такъ напр., не научное опредѣленіе задачъ ботанической и зоологической географіи *), крайне поверхностное отношеніе къ вопросу о центрахъ распространенія, который онъ затронулъ только въ одномъ случаѣ, и даже въ этомъ частномъ случаѣ не далъ на него никакого положительнаго отвѣта **), и т. д., но, повторяю, съ одной стороны

*) „Die Fülle der Organismen, deren räumliche Vertheilung die *Geographie der Pflanzen und Thiere* verfolgt....“ Kosmos, I. S. 373.

**) На стран. 67 и 68 своего сочиненія „Die geographische Verbreitung der Thiere“ Шмарда говоритъ, что А. Гумбольдтъ высказалъ взглядъ, dass das Menschengeschlecht sich radienartig von mehreren Mittelpunkten aus verbreitet habe“, послѣ чего слѣдуетъ ссылка на 381 стр. I т. „Космоса“. На этой страницѣ Гумбольдтъ дѣйствительно поднимаетъ вопросъ о томъ, произошли ли всѣ нынѣшнія племена отъ одной пары или нѣтъ, но никакого положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ имъ не дается. Вотъ это мѣсто: „Die geographischen Forschungen über den alten Sitz, die sogenannte *Wiege des Menschengeschlechts*, haben in der That einen rein mythischen Charakter. „Wir kennen“, sagt *Wilhelm von Humboldt* in einer noch *ungedruckten* Arbeit über die Verschiedenheit der Sprachen und Völker, „geschichtlich oder auch

нельзя же относиться къ Гумбольдту во всѣхъ отрасляхъ науки какъ къ спеціалисту, а съ другой нельзя забывать и того въ какое время жилъ Гумбольдтъ. «Космосъ» писался великимъ ученымъ почти наканунѣ его смерти. Какими бы достоинствами извѣстная новая гипотеза ни обладала, невозможно требовать, чтобы человѣкъ, впродолженіе всей своей жизни находившійся подъ вліяніемъ противоположнаго ученія, вдругъ отказался отъ него и перешелъ на сторону новаторовъ. А. Гумбольдтъ былъ приверженецъ теоріи катастрофъ, хотя и съ ограниченіями, рѣзкой смѣны фаунъ и флоръ *), теоріи постоянства видовъ, что же удивительнаго, что

---

nur durch irgend sichere Ueberlieferung keinen Zeitpunkt, in welchem das Menschengeschlecht nicht in Völkerhaufen getrennt gewesen wäre. Ob dieser Zustand der ursprüngliche war oder erst später entstand, lässt sich daher geschichtlich nicht entscheiden. Einzelne, an sehr verschiedenen Punkten der Erde, ohne irgend sichtbaren Zusammenhang, wiederkehrende Sagen verneinen die erstere Annahme, und lassen das ganze Menschengeschlecht von Einem Menschenpaare abstammen. Die weite Verbreitung dieser Sage hat sie bisweilen für eine Urerinnerung der Menschheit halten lassen. Grade dieser Umstand aber beweist vielmehr, dass ihr keine Ueberlieferung und nichts geschichtliches zum Grunde lag, sondern nur die Gleichheit der menschlichen Vorstellungsweise zu derselben Erklärung der gleichen Erscheinung führte: wie gewiss viele Mythen, ohne geschichtlichen Zusammenhang, bloss aus der Gleichheit des menschlichen Dichtens und Grübelns entstanden. Jene Sage trägt auch darin ganz das Gepräge menschlicher Erfindung, dass sie die ausser aller Erfahrung liegende Erscheinung des ersten Entstehens des Menschengeschlechts auf eine innerhalb heutiger Erfahrung liegende Weise: und so erklären will, wie in Zeiten, wo das ganze Menschengeschlecht schon Jahrtausende hindurch bestanden hatte, eine wüste Insel oder ein abgesondertes Gebirgsthal mag bevölkert worden sein. Vergeblich würde sich das Nachdenken in das Problem jener ersten Entstehung vertieft haben: da der Mensch so an sein Geschlecht und an die Zeit gebunden ist, dass sich ein Einzelner ohne vorhandenes Geschlecht und ohne Vergangenheit gar nicht in menschlichem Dasein fassen lässt. Ob also in dieser, weder auf dem Wege der Gedanken noch der Erfahrung zu entscheidenden Frage wirklich jener angeblich traditionelle Zustand der geschichtliche war, oder ob das Menschengeschlecht von seinem Beginnen an völkerweise den Erdboden bewohnte? darf die Sprachkunde weder aus sich bestimmen noch, die Entscheidung anderswoher nehmend, zum Erklärungsgrunde für sich brauchen wollen".

*) „Weit verbreitete Erdrevolutionen, die Erhebung grosser Bergketten, deren relatives Alter wir zu bestimmen vermögen, bezeichnen den Untergang al-

для него ботаническая и зоологическая географія сводились къ изученію распредѣленія организмовъ только въ пространствѣ? Поэтому воздержимся отъ критики общихъ зоо- и фитогеографическихъ соображеній Гумбольдта и укажемъ на то, чѣмъ обязанъ этому ученому прогрессъ той и другой науки. Первое, что сдѣлано Гумбольдтомъ, это—указаніе на связь между географическимъ распространеніемъ растеній и линіями равныхъ среднихъ температуръ (изотермы, изотеры, изохимены) — первое *точное* указаніе на зависимость географическаго распространенія организмовъ отъ климатическихъ условій. Для зоологической географіи это соотношеніе, конечно, не имѣетъ такого значенія, какъ для ботанической, но во всякомъ случаѣ игнорировать его нельзя, почему мы и выставляемъ его на видъ. Нельзя, впрочемъ, не видѣть, что Гумбольдту его же собственное открытіе только повредило: вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ къ тому времени открытіемъ Турнефора, что высота надъ уровнемъ моря оказываетъ на распредѣленіе растеній то же вліяніе, что и разстояніе отъ полюса, оно заставило Гумбольдта придавать слишкомъ большое значеніе въ распредѣленіи организмовъ климатическимъ даннымъ. Вторая заслуга Гумбольдта состоитъ въ характеристикѣ флоръ *); не пре-

---

ter Organismen, das Auftreten neuer. Einige wenige der älteren erscheinen noch einige Zeit lang unter den neueren". Kosmos, I. S. 284. Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что Гумбольдтъ признавалъ, подобно Бюффону, что въ зависимости отъ меньшей толщины земной коры въ раннія эпохи существованія земнаго шара послѣдній испытывалъ, сравнительно съ послѣдующими, гораздо сильнѣйшіе перевороты.

*) „Die Gruppirung oder Association der Gewächsarten, welche wir *Floren* (Vegetations-Gebiete) zu nennen gewohnt sind, scheint mir, nach dem, was ich von der Erde gesehen, keinesweges das *Vorherrschen* einzelner Familien so zu offenbaren, dass man berechtigt sein könnte Reiche der Umbellaten, Solidago-Arten, Labiaten oder Scitamineen geographisch aufzustellen. Meine individuelle Ansicht bleibt in diesem Punkte abweichend von der Ansicht mehrerer der ausgezeichnetsten und mir befreundeten Botaniker Deutschlands. Das Charakter der Floren Hochländer von Mexico, Neu-Granada und Quito, vom europäischen Russland und von Nord-Asien liegt, wie ich glaube, nicht in der relativ grösseren Zahl der Arten, welche eine oder zwei natürliche Familien bilden; er liegt in den viel complicirteren Verhältnissen des *Zusammenlebens vieler Familien* und der relativen Zahlenwerthe ihres Arten. In einem

обладаніе того или другаго семейства, а вся совокупность видовъ, составляющихъ флору, единственно, что опредѣляетъ ея характеръ, говоритъ Гумбольдтъ, не соглашаясь съ большинствомъ своихъ современниковъ. Нечего и говорить, что въ той же самой совокупности видовъ видѣлъ онъ и характеристику фаунъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ даже то затемняющее условіе—кажущееся преобладаніе видовъ того или другаго семейства, которое существуетъ въ первомъ, играетъ гораздо меньшую роль.

На этомъ я считаю возможнымъ покончить съ Гумбольдтомъ и перехожу къ Форбсу, статья котораго „On the Connexion between the Distribution of the existing Fauna and Flora of the Britisch Isles, and the Geological Changes which have affected their area, especially during the Epoch of the Northern Drift“ появилась черезъ два года (Memoirs of the Geological Survey of the Great Britain. Vol. I. 1846) послѣ «Космоса».

Мы видѣли, что уже Вирштгенъ, Симпсонъ, Бюффонъ и Циммерманнъ совершенно опредѣленно высказали предположеніе объ иномъ, прежде существовавшемъ, размѣщеніи материковъ и морей и о необходимости внесенія геологическихъ данныхъ въ число факторовъ, объясняющихъ современное распредѣленіе организмовъ; но какъ ни блестяще было это соображеніе для своего времени, факты, положенные въ его основаніе, были слишкомъ слабы и потому при крайнемъ развитіи ученія о катастрофахъ это соображеніе на время совершенно заглохло. Правда, въ 1841 году Исидоръ Жоффруа С. Илеръ въ свою очередь указалъ на необходимость изучать современное географическое распространеніе животныхъ въ связи съ ихъ прошлымъ распространени-

---

Wiesen- und Steppenlande herrschen allerdings die Gramineen und Cyperaceen, in unsern nördlichen Wäldern die Zapfenbäume, Cupuliferen und Betulineen vor; aber dieses Vorherrschen der Formen ist nur scheinbar, und täuschend wegen des Anblickes, den gesellige Pflanzen gewähren. Der Norden von Europa, und Sibirien in der Zone nördlich vom Altai verdienen wohl nicht mehr den Namen eines *Reichs der Gramineen* oder *der Coniferen* als die endlosen Llanos zwischen dem Orinoco und der Bergkette von Caracas oder als die Fichtenwaldungen von Mexico. In dem Zusammenleben der Formen, die sich theilweise ersetzen, in ihrer relativen Menge und Gruppirung liegt der Gesammteindruck von Fülle und Mannigfaltigkeit oder von Armuth und Einförmigkeit der vegetabilischen Natur“. Kosmos, I. S. 376—377.

емъ (Fragments sur la zoologie géographique въ Nouv. Suites à Buffon, 1841), но статья его объ этомъ предметѣ прошла безслѣдно, и развить строго научно идею первыхъ зоогеографовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать ученіе Ляйэлля о постепенныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ земною поверхностью, путемъ изученія географическаго распредѣленія организмовъ—эта честь принадлежитъ Эдварду Форбсу.

Изъ чтенія статьи Форбса положительно нельзя видѣть былъ ли знакомъ ея авторъ съ идеями своихъ предшественниковъ зоогеографовъ. Поэтому, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, пришелъ ли Форбсъ къ своимъ выводамъ независимо или натолкнутый на избранную имъ тему соображеніями, высказанными до него, что́ для историка не измѣняетъ сущности дѣла, я ограничусь разборомъ статьи названнаго автора.

За статьей Форбса, предпочтительно передъ другими, должны быть отмѣчены двѣ заслуги: во-первыхъ въ ней несомнѣнно доказана необходимость признанія единичнаго центра распространенія для каждаго вида, при допущеніи постепенныхъ измѣненій поверхности земнаго шара и иного, прежде существовавшаго, распредѣленія материковъ и морей, и во-вторыхъ въ ней указанъ путь, которымъ долженъ идти зоогеографъ, когда онъ хочетъ вывести современную фауну какъ слѣдствіе фауны ей предшествовавшей: изученіе геологическихъ данныхъ, переходя отъ современнаго намъ періода къ предшествовавшимъ, а не обратно.

Форбсъ начинаетъ свою статью указаніемъ на тотъ полный значенія фактъ, что творческая сила проявляетъ свою дѣятельность твореніемъ въ сходныхъ условіяхъ видовъ не тождественныхъ, но замѣняющихъ другъ друга. Такъ, при одинаковыхъ условіяхъ существованія въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ живутъ только замѣняющія другъ друга формы; въ геологическихъ формаціяхъ, не сообщающихся другъ съ другомъ, но представляющихъ сходныя условія существованія, населявшіе ихъ виды были тоже замѣняющіе другъ друга, но не тождественные; напротивъ, при непрерывномъ протяженіи сходныхъ условій существованія мѣстность, занятая ими, вездѣ заселена однимъ видомъ. Считая эти предварительныя замѣчанія достаточными для признанія необходимости только одного центра распространенія для каждаго вида, Форбсъ пытается

далѣе объяснить съ этой точки зрѣнія современный составъ фауны и флоры Британскихъ острововъ. Фауна и флора эта могла образоваться троякимъ путемъ: или путемъ творенія видовъ исключительно приноровленныхъ къ жизни на Британскихъ о—вахъ, или случайнымъ занесеніемъ туда животныхъ и растительныхъ формъ изъ прилежащихъ мѣстностей или, наконецъ, благодаря прежде существовавшему соединенію острововъ съ материкомъ. Одинъ первый способъ происхожденія фауны и флоры не приложимъ, п. ч. формы, свойственныя только Британскимъ островамъ, являются исключеніями; второй исключительно также не приложимъ, п. ч. для большинства формъ животныхъ и растеній нельзя найти случайныхъ способовъ перехода на Британскіе о—ва; остается третій путь для объясненія, который совершенно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Не останавливаясь на подробномъ изложеніи остальнаго содержанія статьи Форбса, я скажу только то, что Форбсъ признаетъ на Британскихъ о—вахъ существованіе пяти характерныхъ флоръ и такого же числа менѣе характерныхъ фаунъ. Изъ нихъ одна, занимающая бо́льшую часть Великобританіи и Ирландіи, представляетъ собою нѣсколько видоизмѣненную германскую флору, развившуюся на поднятомъ днѣ эрратическаго моря, причемъ первоначально эта площадь была неразрывной вмѣстѣ съ германской низменностью и только потомъ разорвалась на нѣсколько участковъ, благодаря образованію Ирландскаго моря съ одной стороны и Нѣмецкаго съ другой. Другая флора—Шотландіи и нѣкоторыхъ горныхъ вершинъ западнаго берега центральной части Великобританіи—остатокъ флоры ледниковаго періода, когда площадь, нынѣ занятая такъ называемою германскою флорою, была дномъ моря, а указанныя мѣстности возвышались островами среди эрратическаго моря. Остальныя три ботаническія области носятъ на себѣ слѣды болѣе древняго происхожденія, именно характеръ болѣе приближающійся къ характеру тропическаго климата и ведутъ свое происхожденіе изъ болѣе древнихъ эпохъ. Юго-восточный уголъ Великобританіи по своей флорѣ болѣе всего сходенъ съ сѣверо-западнымъ угломъ Франціи, юго-западная Великобританія и юго-восточная Ирландія—съ Нормандіей и, наконецъ, западная часть Ирландіи—съ сѣв. Испаніей. Относительно этихъ частей Британскихъ острововъ Форбсъ высказывается

за ихъ соединеніе съ материкомъ между концомъ міоценоваго періода и началомъ плейстоценоваго. Само собою разумѣется, соединеніе это нарушалось и возстановлялось не разъ, но во всякомъ случаѣ флора Британскихъ острововъ представляетъ довольно рѣзкихъ два типа: міоценовый+пліоценовый и плейстоценовый+пліоценовый. Фауна носитъ на себѣ тѣ же два характера довольно рѣзко только въ томъ случаѣ, когда будемъ разсматривать распространеніе современныхъ намъ животныхъ вмѣстѣ съ распространеніемъ вымершихъ.

Послѣ этого обзора наземной фауны и флоры, Форбсъ переходитъ къ обзору фауны и флоры морской и останавливается на нихъ даже полнѣе, чѣмъ на первыхъ, къ чему вынуждаетъ его отсутствіе сводки относящихся къ этому фактовъ. Современныя намъ морскія фауны и флоры Британскихъ о—вовъ какъ нельзя болѣе подтверждаютъ предположеніе Форбса о послѣдовательно совершавшихся соединеніяхъ Британскихъ о—вовъ съ различными частями прилежащаго материка и ихъ отдѣленіяхъ. Прибавлю къ этому, что нѣтъ случая, гдѣ бы Форбсъ не пытался указать тѣ причины, которыя послужили преградой къ дальнѣйшему распространенію флоры и фауны того или другаго періода. Къ сожалѣнію Форбсъ не остановился на указаніи важнаго значенія иного очертанія материковъ и морей для современной онтогеографіи и возвелъ происхожденіе островныхъ фаунъ и флоръ путемъ разселенія ихъ съ сосѣднихъ материковъ черезъ прежде существовавшіе соединительные мосты въ принципѣ. Такимъ образомъ Канарскіе и Азорскіе острова онъ разсматривалъ только какъ непогруженныя части постміоценовой Атлантиды. Это, конечно, увлеченіе идеей, но нельзя не сказать, что и Дарвинъ, указавшій это увлеченіе, въ свою очередь не можетъ избѣжать соотвѣтствующаго упрека за признаніе въ заселеніи острововъ исключительнаго значенія случайныхъ причинъ. Пониманіе современныхъ намъ островныхъ фаунъ возможно только при принятіи того и другаго способа заселенія острововъ.

Итакъ, Форбсъ раздѣлилъ Британскіе острова на пять ботаническихъ и зоологическихъ провинцій, основываясь на относительной древности суши. Отсюда очевидно, что всѣ позднѣйшіе зоогеографы, дѣлившіе и дѣлящіе поверхность земнаго шара на зоо-

логическіе участки, исходя изъ того же принципа,—не болѣе какъ послѣдователи Форбса. Изъ нихъ Уэллесъ, благодаря удачному выбору мѣста, подобралъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ справедливость предположенія Форбса даже еще съ бо́льшею силою, чѣмъ показаніе самого Форбса, но о немъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Какъ ни замѣчательна статья Форбса сама по себѣ, тѣмъ не менѣе на своихъ современниковъ зоо- и фитогеографовъ она не произвела большаго впечатлѣнія и изъ нихъ только, кажется, Скау разработалъ ботаническія области Ютландскаго полуострова совершенно по методу Форбса. Громадное значеніе она получила въ кругу геологовъ и палеонтологовъ, какъ первая и притомъ удивительно удачная попытка приложенія общихъ идей Ляйэлля къ извѣстному частному случаю и, кромѣ того, какъ попытка, соединенная съ новымъ способомъ доказательства справедливости этихъ общихъ идей. Форбсъ первый показалъ, къ какимъ результатамъ можно придти относительно распредѣленія организмовъ въ пространствѣ и времени, если взяться за это дѣло съ достаточной научной подготовкой. Но, какъ это часто бываетъ, послѣдователи Форбса во многихъ отношеніяхъ испортили основную идею своего учителя, принявшись за ея разработку безъ достаточнаго запаса знаній и съ слабо критическимъ отношеніемъ къ дѣлу. Впрочемъ, и такіе послѣдователи, исключая уже упомянутаго Скау, между зоо- и фитогеографами явились гораздо позднѣе, послѣ появленія генеалогическаго ученія, съ принятіемъ котораго труды Ляйэлля и Форбса только и сдѣлались общимъ достояніемъ.

Совсѣмъ не то представляетъ собой гипотеза полярности распространенія органическихъ существъ во времени, предложенная тѣмъ же натуралистомъ для объясненія преобладающаго развитія органической жизни втеченіе одной эпохи жизни земнаго шара передъ другой. Такъ какъ возраженія, сдѣланныя на эту теорію Уэллесомъ, по моему мнѣнію, исчерпываютъ вопросъ, то мнѣ остается въ этомъ случаѣ только послѣдовать за Уэллесомъ. Прежде всего остановимся на томъ, что палеозойная и неозойная фауны Форбса настолько полно отличаются одна отъ другой, что для объясненія этого отличія надо принять громадный промежутокъ времени, протекшій между ними. Объ этомъ промежуткѣ времени мы почти ничего не знаемъ: вѣроятно, большая часть су-

ши, существовавшей въ концѣ палеозойнаго періода и позднѣе, въ настоящее время скрыта подъ волнами океана. Если же это справедливо, мы должны допустить и другое предположеніе, что эта суша въ свое время была населена большимъ числомъ видовъ и особей животныхъ, такъ какъ нынѣшнія тропическія страны говорятъ намъ, что всюду, гдѣ существуетъ извѣстное постоянство физическихъ условій, органическая жизнь достигаетъ своего наибольшаго развитія. Съ другой стороны мы видимъ и теперь, что въ странахъ холодныхъ и умѣренныхъ, гдѣ періодически совершаются не только сравнительно незначительныя измѣненія физическихъ условій, но и измѣненія бо́льшихъ размѣровъ, что въ этихъ странахъ органическая жизнь далеко не достигаетъ той пышности и того разнообразія, какое наблюдается въ странахъ тропическихъ. Очевидно, слѣдовательно, что измѣненія въ физическихъ условіяхъ страны ведутъ за собою какъ слѣдствіе ея меньшее богатство и видами и особями. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы при продолжительномъ періодѣ постоянства или измѣняемости физическихъ условій число видовъ оставалось постояннымъ, большимъ въ первомъ случаѣ и малымъ въ послѣднемъ, но изъ этого слѣдуетъ, что въ первомъ случаѣ число вновь образующихся видовъ больше числа вымирающихъ, а въ послѣднемъ обратно: число вымирающихъ больше числа вновь образующихся. Какъ доказательство того, что въ природѣ дѣйствительно такъ бываетъ, можно привести каменноугольную формацію, которая, повидимому, отличалась весьма большой энергіей извѣстныхъ явленій: въ формаціи непосредственно слѣдующей за ней бѣдность въ органическихъ формахъ бросается въ глаза. Почему же, спрашивается, не допустить, что въ концѣ палеозойнаго періода также были причины, которыя повели за собой уменьшеніе числа видовъ органическихъ существъ, причины, прекратившіяся во вторичную эпоху, когда постепенно опять могла развиться богатая фауна и флора, извѣстная намъ изъ третичной эпохи и неизвѣстная изъ вторичной за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ? Безъ сомнѣнія это допущеніе, но допущеніе основанное на наблюдаемыхъ теперь фактахъ и, какъ таковое, оно совершенно уничтожаетъ необходимость созданія гипотезы, въ родѣ гипотезы полярности распространенія органическихъ существъ во времени, темной и совершенно не

опирающейся на факты. Таково объясненіе, если допустить, что при началѣ вторичной эпохи фауна и флора дѣйствительно были скудны. Но чѣмъ это доказывается? Наши палеонтологическія свѣдѣнія, очевидно, крайне неполны. Мы можемъ сказать, что многіе виды смѣнили одинъ другаго во времени, что цѣлые ряды новыхъ организмовъ явились на мѣсто вымершихъ старыхъ, но мы положительно не смѣемъ утверждать, что въ какую-либо эпоху жизни земнаго шара число населяющихъ его видовъ было меньше, чѣмъ теперь. Наши геологическія и палеонтологическія знанія скудны и отрывочны, а гипотеза Форбса такова, что необходимо требуетъ полнаго знанія.

Продолжателемъ труда А. Вагнера—разработки вопроса о зоологическихъ областяхъ—является Бергхаузъ, посвятившій зоологической географіи одинъ изъ выпусковъ своего обширнаго атласа*). Установленныя Бергхаузомъ зоологическія области являются уже гораздо болѣе естественными, чѣмъ установленныя до него, что̀ отчасти, конечно, объясняется все возрастающимъ накопленіемъ фактовъ, но и помимо этой заслуги за авторомъ остается то преимущество, что онъ высказалъ нѣсколько очень вѣрныхъ общихъ соображеній.

Трудъ Бергхауза долженъ быть раздѣленъ на двѣ части: въ первой, посвященной обзору географическаго распространенія и распредѣленія звѣрей, авторъ является совершенно самостоятельнымъ и независимымъ; во второй, посвященной обзору географическаго распредѣленія птицъ и гадовъ, Бергхаузъ слѣдуетъ Помперу и Шлегелю. На этомъ основаніи я почти исключительно остановлюсь на первой части.

Зоологическая географія, говоритъ Бергхаузъ, должна выяснить современное отношеніе животныхъ къ поверхности земнаго шара, т. е. съ одной стороны дать обзоръ разныхъ странъ съ зоологической стороны, съ другой—обзоръ распространенія отдѣльныхъ группъ животныхъ, начиная съ видовъ. Первый отдѣлъ составляетъ собственно зоологическую географію, второй, на основаніи котораго строятся выводы перваго,—географическую зоологію.

*) *Dr. Heinrich Berghaus.* Allgemeiner zoologischer Atlas oder Atlas der Thier-Geographie. Gotha. 1851.

Чтобы выводы были вѣрны прежде всего, конечно, надо, чтобы факты, положенные въ ихъ основу, были достаточно многочисленны, но, говоритъ Бергхаузъ, въ зоологической географіи поневолѣ приходится довольствоваться сравнительно ограниченнымъ запасомъ фактическихъ данныхъ: «der zoologische Zweig der physikalischen Erdbeschreibung steht noch auf den Stufen der Kindheit", распространеніе безпозвоночныхъ почти не изучено, слѣдовательно, и зоогеографическіе выводы въ концѣ концовъ сводятся къ выводамъ о географическомъ распредѣленіи только позвоночныхъ. Но и въ этихъ рамкахъ объемъ предмета является все-таки слишкомъ широкимъ и непосильнымъ для одного человѣка, а потому авторъ находитъ возможнымъ ограничить область изслѣдованія еще болѣе: ограничиться тщательнымъ изученіемъ зоологической географіи одного класса и распредѣленіе животныхъ другихъ классовъ только подвести сюда. Я позволю себѣ замѣтить, что этотъ методъ, нашедшій себѣ приложеніе въ трудахъ позднѣйшихъ зоогеографовъ, вѣроятно, беретъ свое начало именно отъ Бергхауза. Разница только въ томъ, что Бергхаузъ, ограничившись изученіемъ одного класса, не захотѣлъ облегчить себѣ трудъ еще болѣе и изучалъ распредѣленіе млекопитающихъ по видамъ, совершенно основательно замѣчая, что только тогда и можно сравнивать между собою фауны двухъ или нѣсколькихъ странъ, когда мы основательно знакомы съ составомъ этихъ фаунъ; позднѣйшіе же зоогеографы вмѣсто видовъ принялись за роды, семейства и т. д.

Переходя затѣмъ къ установленію зоологическихъ областей, Бергхаузъ высказываетъ соображеніе, что въ основу дѣленія поверхности земнаго шара на зоологическія провинціи долженъ лечь не только составъ фаунъ, но и сравнительное богатство послѣднихъ, такъ какъ при тѣсной зависимости жизни животныхъ отъ физическихъ условій прямо и посредственно эта зависимость выражается совершенно ясно сравнительною численностью фаунъ *). До из-

*) „Das Hauptaugenmerk bei Beurtheilung des zoologischen Charakters ist, wie in der Pflanzen-Geographie, das wechselseitige Verhältniss der Zonen, Reiche und Provinzen; es bewegt sich Alles um Beantwortung der Frage, welche Gegend der Erde mit Saügethieren, mit Vögeln, mit Amphibien, u. s. w. mehr oder minder besetzt ist, als eine benachbarte oder jede andere gegebene Ge-

вѣстной степени это положеніе, конечно, вѣрно: даже теперь, при введеніи фактора борьбы за существованіе мы все-таки должны допустить, что фауны тамъ и богаче, гдѣ условія жизни благопріятнѣе и разнообразнѣе, что вызываетъ болѣе усиленную борьбу за существованіе и, слѣдовательно, болѣе энергичное образованіе видовъ. Поэтому, какъ ни страннымъ кажется на первый взглядъ установленіе зоологическихъ областей, хотя и не исключительно, на сравнительномъ богатствѣ фаунъ, оно тѣмъ не менѣе находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе, когда рѣчь идетъ о большихъ зоологическихъ областяхъ (а только съ такими Бергхаузъ и имѣлъ дѣло). Но зоологическія области Бергхауза вышли гораздо болѣе естественными, чѣмъ области его предшественниковъ (которые при установленіи ихъ ограничивались только поверхностнымъ изученіемъ физическихъ условій, а составъ фаунъ не могли основательно изучить за недостаткомъ данныхъ) безъ сомнѣнія по той причинѣ, что авторъ обращалъ весьма серьезное вниманіе на составъ фаунъ.

Въ основу установленія зоологическихъ областей Бергхаузъ кладетъ области распространенія Carnivora. Жизнь животныхъ, говоритъ авторъ, зависитъ отъ физическихъ условій: теплота и влага главнѣйшія между ними; онѣ обусловливаютъ собою жизнь растеній, а, слѣдовательно, вліяютъ на географическое распредѣленіе животныхъ и прямо и косвенно; но такъ какъ хищники въ свою очередь распространены и распредѣлены въ зависимости отъ распредѣленія климатическихъ и прочихъ физическихъ условій и кромѣ того въ зависимости отъ распредѣленія другихъ животныхъ, которыя служатъ имъ пищевымъ матеріаломъ, то распредѣленіе хищниковъ является какъ бы краткимъ резюме распредѣленія всѣхъ животныхъ, почему и можетъ быть положено въ основаніе учрежденія зоологическихъ областей. Выводъ Бергхауза несомнѣнно заключаетъ въ себѣ извѣстную долю справедливости, но если принять во вниманіе богатыя средства къ распространенію хищниковъ и ихъ широкую примѣняемость, то станетъ очевидно, что распредѣленіе ихъ только до извѣстной степени намѣчаетъ зооло-

gend; sodann, in welchem Verhältniss die verschiedenen Ordnungen, Familien, Gruppen und Geschlechter in diesem Mehr oder Minder betheiligt sind.“ S. 11.

гическіе участки, но не опредѣляетъ ихъ. И это не смотря даже на то, что въ наше время Carnivora вовсе не представляютъ такой большой группы, какою они были при Бергхаузѣ: если отдѣлить Pinnipedia, которыхъ распространеніе и распредѣленіе Бергхаузъ не разсматриваетъ, то его Carnivora состоятъ, какъ принималъ Кювье, кромѣ типичныхъ Carnivora, еще изъ Chiroptera, Insectivora и Dermoptera (Galeopithecus).

Въ текстѣ Бергхаузъ такъ сильно напираетъ на процентный составъ установленныхъ имъ зоологическихъ областей, что сначала можетъ казаться, что эти области установлены имъ дѣйствительно почти исключительно на этомъ основаніи. Но чтобы убѣдиться въ противномъ, именно, чтобы увидѣть, какое значеніе придавалъ Бергхаузъ физическимъ и орографическимъ условіямъ, стоитъ только проглядѣть его карты. Не прими Бергхаузъ во вниманіе и тѣхъ и другихъ условій, его области вышли бы крайне неестественными, потому что Carnivora, какъ ихъ принималъ Кювье, были группой настолько неестественной, что основывать исключительно на ихъ распространеніи и распредѣленіи какіе бы то ни было конечные выводы представлялось едва возможнымъ.

Итакъ, опредѣленіе зоологическихъ областей на основаніи изученія распредѣленія млекопитающихъ по видамъ, вмѣстѣ съ подведеніемъ къ установленнымъ такимъ путемъ зоологическимъ областямъ областей другихъ группъ и изученіемъ физическихъ условій,—вотъ въ чемъ состоитъ главная заслуга Бергхауза, почти общая съ заслугою А. Вагнера.

Что касается орнитологическихъ областей, то онѣ заимствованы Бергхаузомъ прямо изъ труда Помпера. Распространеніе гадовъ, чешуйчатыхъ и голыхъ, изучено авторомъ очень поверхностно, распространеніе и распредѣленіе рыбъ и морскихъ млекопитающихъ совсѣмъ отброшено за недостаткомъ матеріаловъ.

Чтобы показать, насколько дальше ушелъ Бергхаузъ въ раздѣленіи поверхности земнаго шара на зоологическіе участки, я привожу для спеціалистовъ-зоогеографовъ установленныя имъ области, но предварительно замѣчу, что въ Бергхаузѣ и въ большинствѣ его предшественниковъ еще сохранилось сильное уваженіе къ материкамъ, какъ къ чему-то цѣльному. Совершенно отбросилъ таковое значеніе материковъ только Шмарда.

Зоологическія области, признаваемыя Бергхаузомъ, слѣдующія: *европейская*, состоящая изъ трехъ подобластей: *сѣверно-, средне-* и *южно-европейской; азіатская* съ четырьмя подобластями: *переходной* (Кавказъ, Малая Азія, Сирія, Иранское плоскогорье), *сѣверной, средней* и *южной*; *океанійская* подобласть (Новая Гвинея и нѣкоторые другіе острова на востокъ отъ Новой Гвинеи) стоитъ особнякомъ; *австралійская* область, состоящая изъ Австраліи, Тасманіи, Новой Зеландіи и нѣкоторыхъ небольшихъ островныхъ группъ Полинезіи; *африканская* съ тремя подобластями: *сѣверной, центральной* и *южной;* и, наконецъ, *американская* съ четырьмя подобластями: *арктической, сѣверной, тропической* и *южной.*

Заканчивая этимъ свой отчетъ о значеніи Бергхауза въ развитіи зоогеографіи, я не могу не прибавить, что почтенный авторъ совершенно упустилъ изъ виду прошлое географическое распредѣленіе животныхъ; что составляетъ весьма важный недостатокъ его прекраснаго для своего времени труда.

Черезъ десять лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ сочиненія А. Вагнера Шмарда издалъ общій обзоръ географическаго распредѣленія животныхъ и условій этого распредѣленія *). Сочиненіе это драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что авторъ его съ прекраснымъ знаніемъ дѣла взялъ на себя трудъ сдѣлать сводку тѣмъ фактамъ, относящимся къ зоологической географіи, которые накопились къ его времени. Хотя съ большинствомъ общихъ положеній автора теперь нельзя согласиться, тѣмъ не менѣе по программѣ „Die geographische Verbreitung der Thiere“ Шмарды наряду съ „Géographie botanique“ Альф. Де-Кандолля можно рекомендовать, какъ образецъ, всякому, кто захотѣлъ бы создать подобное произведеніе при современномъ состояніи науки. Въ настоящее время это сочиненіе, конечно, устарѣло и отличается крайнею односторонностью, но въ свое время оно стояло почти совершенно на уровнѣ научнаго развитія (говорю «почти», потому что воззрѣнія автора на прошлое земнаго шара и для своего времени были устарѣвшими).

---

*) *Ludwig K. Schmarda.* Die geographische Verbreitung der Thiere. Wien. 1853.

Все сочиненіе разбито авторомъ на три отдѣла: въ первомъ излагаются условія географическаго распространенія и распредѣленія животныхъ, во второмъ—обзоръ зоологическихъ областей суши, въ третьемъ—зоологическихъ областей моря. Я особенно охотно указываю на совершенно правильное первоначальное дѣленіе всѣхъ животныхъ на двѣ большія группы по средамъ: на наземныхъ (куда географически надо отнести и прѣсноводныхъ) и морскихъ животныхъ. Это два ряда параллельные, но не сливающіеся, не тождественные, о чемъ мнѣ придется говорить еще разъ ниже. За то для меня совершенно непонятно раздѣленіе животныхъ А. Миддендорфомъ по средамъ на три отдѣла: водныхъ, наземныхъ и воздушныхъ (Сибирская фауна, стр. 41). Воздухъ вовсе не среда въ зоогеографическомъ значеніи: воздухъ необходимый элементъ жизни какъ наземныхъ, такъ и водныхъ животныхъ, и собственно воздушныхъ животныхъ съ извѣстной точки зрѣнія нѣтъ, какъ съ другой стороны рѣшительно всѣ животныя могутъ считаться воздушными. Дѣленіе же животныхъ на водныхъ и наземныхъ находитъ себѣ и морфологическое основаніе въ устройствѣ органовъ дыханія (жабры для водныхъ и легкія для наземныхъ животныхъ) и конечностей.

Для Шмарды въ началѣ пятидесятыхъ годовъ распространеніе и распредѣленіе животныхъ обусловливалось исключительно вліяніемъ физическихъ причинъ. Температура, свѣтъ, пища, электричество, давленіе атмосферы и т. д. вотъ тѣ факторы, которые, по его мнѣнію, всецѣло обусловливаютъ жизнь животныхъ. Отсюда понятенъ и тотъ выводъ, къ которому приходитъ Шмарда: животныя распространены въ ихъ округахъ неравномѣрно, говоритъ онъ; середину округа они населяютъ въ наибольшемъ числѣ, напротивъ, чѣмъ болѣе къ периферіи, тѣмъ число ихъ становится меньше и, наконецъ, прекращается совсѣмъ, уступая мѣсто другимъ животнымъ (S. 67). Въ самомъ дѣлѣ, если допустить вмѣстѣ съ Шмардой, что каждый видъ является результатомъ особаго творческаго акта, который созидалъ новый видъ, приспособляя его къ опредѣленнымъ физическимъ условіямъ, мы, конечно, должны допустить, что наибольшее число особей вида будетъ въ центрѣ его области, гдѣ видъ первоначально создался и гдѣ, слѣдовательно, условія наиболѣе благопріятствуютъ ему. Въ настоящее время не трудно

видѣть, что въ большинствѣ случаевъ это положеніе рѣшительно невѣрно: при допущеніи происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора, мы должны допустить, что нормально наибольшее количество особей встрѣчается не въ центрѣ распространенія вида, а на его периферіи, что̀ сравнительно просто объясняется размноженіемъ особей въ геометрической прогрессіи и ихъ столкновеніемъ въ борьбѣ за существованіе съ коренными родичами. Затѣмъ, признавая значеніе геологическихъ данныхъ въ современномъ распредѣленіи животныхъ, Шмарда оказался непослѣдовательнымъ, такъ какъ призналъ это значеніе только для морскихъ организмовъ: по его мнѣнію, поверхность суши въ послѣдовательные періоды жизни земнаго шара все болѣе и болѣе увеличивалась, вслѣдствіе чего первоначально широкія водныя площади начали съужаться и разбились на нѣсколько частей. Этимъ думаетъ онъ объяснить сходство фауны Каспійскаго моря съ фауной Средиземнаго, Балтійскаго съ фауной Нѣмецкаго и т. д. По его мнѣнію, сначала это были бассейны неразрывные, сообщающіеся совершенно свободно, бассейны, которые начали обособляться только потомъ, и потому въ наше время онѣ имѣютъ фауну отчасти состоящую изъ тождественныхъ формъ, а отчасти изъ эндемическихъ: первыя суть остатки болѣе ранней фауны, вторыя—результатъ позднѣйшихъ творческихъ актовъ, приспособлявшихъ организмы къ новымъ условіямъ *). Но для наземныхъ животныхъ Шмарда не затрудняется признать, въ случаѣ широкаго распространенія вида, нѣсколькихъ центровъ распространенія **). Я убѣжденъ, что Шмарда пришелъ къ этому за-

*) „Die Ausdehnung der Erdfeste auf Kosten des Meeres hatte jedoch eine Beschränkung der Verbreitungsbezirke der meerbewohnenden Formen zu Folge, besonders wenn der Zusammenhang der Meere in der Richtung der geographischen Breite unterbrochen wurde. Einzelne Verbreitungsbezirke wurden dadurch als geschlossene Meeresbecken gänzlich oder theilweise abgesondert; daher erklärt es sich, dass die Kaspische Fauna nur eine verkümmerte Mittelmeerfauna ist, die viele Süsswasserbewohner in sich aufgenommen hat, ebenso die Fauna des schwarzen Meeres; die Fauna des baltischen Meeres ist eine verkümmerte des deutschen Meeres.“ L. c. S. 68—69.

**) „Bei weit verbreiteten durch grosse Länderstrecken getrennten Thieren muss man nothwendig mehrere Schöpfungsmittelpunkte annehmen.“ L. c. S. 66—67.

ключенію, придавъ преувеличенное значеніе нашимъ геологическимъ свѣдѣніямъ: если признать, что запасъ геологическихъ данныхъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, представляетъ собою не отрывки (что есть на самомъ дѣлѣ), а нѣчто цѣльное, тогда, конечно, легко можно придти къ заключенію, что суша съ древнѣйшихъ временъ и до настоящихъ все увеличивалась въ своихъ размѣрахъ, но если припомнить сказанное нами выше по поводу полярной теоріи Форбса, тогда выводъ Шмарды окажется совершенно неосновательнымъ.

Если къ этому прибавить, что вымираніе видовъ Шмарда ставитъ въ связь съ прекращеніемъ существованія извѣстныхъ физическихъ условій, излишне говорить, что въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ характернымъ представителемъ зоогеографовъ третьяго періода, отъ которыхъ отсталъ только по своимъ взглядамъ на прошлое земнаго шара: Шмарда признавалъ катастрофы.

Здѣсь я пользуюсь случаемъ высказать для болѣе правильнаго развитія моей мысли нѣсколько общихъ соображеній, тѣмъ болѣе, что Шмардой мы кончаемъ со старымъ направленіемъ зоологической географіи и, коснувшись общихъ взглядовъ Де-Кандолля, переходимъ къ новому направленію нашей науки. Изо всего сказаннаго до сихъ поръ легко видѣть, что до Дарвина зоогеографы не имѣли ни малѣйшаго понятія объ одномъ важнѣйшемъ факторѣ географическаго распредѣленія организмовъ, а именно—о соотношеніи организмовъ, и придавали слишкомъ мало значенія одному изъ весьма существенныхъ способовъ разселенія организмовъ—случайному разселенію. Въ настоящее время всякій зоогеографъ долженъ имѣть эти два фактора передъ глазами. Такъ какъ для насъ виды перестали быть результатами осмысленной творческой дѣятельности, примѣнявшей ихъ исключительно къ извѣстнымъ условіямъ, а, напротивъ, суть результаты переживанія способнѣйшихъ особей въ борьбѣ за существованіе, то мы должны допустить, что въ одномъ и томъ же мѣстонахожденіи могутъ столкнуться пришедшіе съ разныхъ сторонъ два или даже большее число видовъ, различно приспособленныхъ къ однимъ и тѣмъ же условіямъ существованія. Намъ нѣтъ дѣла подъ вліяніемъ чего возникли эти различно приспособленные виды: быть можетъ, что въ послѣднее время съ боль-

шимъ талантомъ и знаніемъ дѣла пытается доказать Семперъ, по крайней мѣрѣ хоть отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ же физическихъ причинъ; для насъ важно только то, что, повидимому, при совершенно однихъ и тѣхъ же физическихъ условіяхъ существованія виды все-таки находятъ себѣ предѣлъ распространенія въ столкновеніи съ другими видами, одаренными болѣе совершенною, болѣе приспособленною организацей, что первый и отмѣтилъ Дарвинъ. Точно также и въ вопросѣ о преградахъ распространенію: Шмарда и его предшественники придавали имъ значеніе ровно на столько, на сколько онѣ раздѣляютъ страны съ разными климатическими и другими физическими условіями и дѣлаютъ невозможнымъ переходъ животныхъ одной фауны въ другую. Выше, говоря о Миндингѣ, я уже замѣтилъ, что даже незначительное препятствіе въ концѣ концовъ ведетъ къ обособленію фаунъ и что это бываетъ даже въ томъ случаѣ, если препятствіе раздѣляетъ области съ тождественными физическими условіями, но если между этими областями не можетъ происходить безпрепятственнаго общенія и потому въ каждой изъ нихъ фауна складывается подъ вліяніемъ иныхъ условій соотношенія организмовъ, что и обусловливаетъ появленіе новой фауны. Такъ какъ впослѣдствіи мнѣ придется затронуть этотъ вопросъ еще разъ, то теперь я ограничусь сказаннымъ, и возвращусь только еще къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ о Шмардѣ.

Строго говоря, Шмарда во время появленія въ свѣтъ его большаго сочиненія по общимъ взглядамъ былъ не болѣе какъ неудачнымъ продолжателемъ развитія идей Бюффона, только съ небольшими измѣненіями, вызванными развитіемъ біологіи и геологіи. Точно такъ же, какъ и Бюффонъ, онъ объяснялъ прошлое распространеніе и распредѣленіе животныхъ болѣе высокой температурой земнаго шара *), точно также объяснялъ современное

*) „Es können unmöglich alle Thierformen zu gleicher Zeit entstanden sein, da die hohe Temperatur, welche in den ersten Zeiten der Erde auch unter hohen Breiten herrschte dem Entstehen und Gedeihen der jetzigen Bevölkerung der gemässigten und der polaren Klimate hinderlich war, es müssen also mit der fortschreitenden Abkühlung der Erde verschiedene successive Schöpfungen stattgefunden haben. Ein Blick auf die geologische Folge der Organismen muss diese Ansicht unterstützen.“ L. c. S. 69.

географическое распространеніе и распредѣленіе организмовъ исключительно физическими условіями; но ко всему этому онъ прибавилъ ученіе о катастрофахъ геологовъ старой школы *) (т. е. геологовъ, не слѣдовавшихъ Ляйэллю и Форбсу), т. е. не только принялъ слабую сторону теоріи Бюффона, но принялъ ее развитою до крайности. И, напротивъ, отбросивъ ученіе Бюффона и Циммерманна о единствѣ центра распространенія для каждаго вида, Шмарда тѣмъ самымъ отбросилъ одно изъ важнѣйшихъ общихъ зоогеографическихъ положеній, добытыхъ до него, не смотря на то, что положеніе это съ удивительнымъ знаніемъ дѣла отстаивалось Форбсомъ.—Коснувшись въ концѣ первой книги опредѣленія терминовъ «фауна», «зоологическая провинція», «викарирующія формы», Шмарда даетъ обзоръ распредѣленія животныхъ по принимаемымъ имъ зоологическимъ областямъ, изъ которыхъ очень многія являются совершенно естественными, что обусловливается, конечно, тѣмъ, что Шмарда умѣлъ схватить общую физіономію фаунъ, сравнивая въ громадномъ большинствѣ случаевъ распредѣленіе не родовъ, семействъ и т. д., а видовъ, и еще тѣмъ, что запасъ фактическаго матеріала не переставалъ возрастать постоянно. Въ книгѣ Шмарды нѣтъ отдѣла «географической зоологіи», но этотъ недостатокъ вполнѣ вознаграждается многочисленными примѣчаніями, въ которыхъ приведены данныя, на основаніи которыхъ авторъ строилъ свои выводы.

Нѣсколько страннымъ кажется то обстоятельство, что Шмарда употребляетъ только одинъ терминъ «зоологическая область», не употребляя термина «зоологическая подобласть» или «зоологическая провинція», которыми пользовался уже ранѣе Бергхаузъ, такъ какъ при томъ состояніи фактическихъ знаній, которое было

---

*) „.....ganze Geschlechter und Familien *untergegangen* sind. Nicht etwa durch individuelle Ursachen, Alter, Krankheit, Tödtung durch Parasiten und Raubthieren, sondern durch allgemein wirkende Ursachen, wie plötzliche Hitze oder Kälte, grosse Ueberflutungen, Erdfälle, vulkanische Eruptionen, grosse Gasentwicklungen, Erhebung und Senkung von Kontinenten und Inseln". И далѣе: „....in jeder Schöpfungsperiode neue Formen auftreten, andere verschwinden und nur ein kleiner Theil (12%), deren Organisation den Verhältnissen zweier Zeitalter angepasst war, sich aus einer Periode der Erdgeschichte in die andere hinübertreten...." L. c. S. 88.

при Шмардѣ, не могло не броситься въ глаза, что разница между однѣми зоологическими областями больше разницы между другими. Вспомнимъ при этомъ, что уже Вагнеръ ввелъ въ употребленіе термины «поясъ» и «область». Не менѣе странно въ свою очередь стремленіе Шмарды охарактеризовать каждую изъ своихъ областей преобладаніемъ какой-либо одной или нѣсколькихъ характерныхъ группъ животныхъ, такъ какъ фауна характеризуется совокупностью всѣхъ животныхъ формъ и значеніе преобладанія подобныхъ *характерныхъ* формъ надо отбросить, такъ какъ зачастую за дѣйствительное преобладаніе можно принять кажущееся, на что было обращено вниманіе Гумбольдтомъ.

Итакъ, важнѣйшая заслуга Шмарды состоитъ въ сводкѣ громаднаго количества фактовъ, въ формулировкѣ общихъ зоогеографическихъ положеній его времени, и особенно—въ разработкѣ программы для общаго сочиненія по зоологической географіи.

Прежде, однако, чѣмъ покончить съ этимъ авторомъ, я считаю себя обязаннымъ сказать о немъ еще нѣсколько словъ.

Съ 1866 года Э. Бемъ началъ изданіе „Geographisches Jahrbuch“, въ которомъ Шмарда каждые два года неукоснительно помѣщаетъ отчеты о томъ, что сдѣлано въ зоологической географіи за истекшій срокъ. Эти отчеты, конечно, далеко не полны, но тѣмъ не менѣе лучше имѣть отчетъ неполный, чѣмъ никакого. Очевидно, что авторъ общаго обзора географическаго распространенія животныхъ не перестаетъ слѣдить за выходящими по его спеціальности сочиненіями и продолжаетъ пополнять массу уже раньше имъ собранныхъ фактовъ. Нельзя поэтому не удивиться, что Шмарда, повидимому, до сихъ поръ продолжаетъ съ упорствомъ отстаивать свой взглядъ о первоначальномъ всецѣломъ твореніи видовъ, которые только мѣстами образуютъ новыя разновидности. „Weshalb finden wir Thiere durch eine grosse Schichtenzahl hindurch, selbst bis auf die Gegenwart unverändert? Weshalb finden wir nicht die Uebergänge der Species durch natürliche Züchtung in den verschiedenen geologischen Perioden? Weshalb giebt es, wenn die Vervollkommnung Gesetz ist, Thiere mit rückschreitender Metamorphose?“ *) спрашиваетъ Шмарда и прибав-

*) Geographisches Jahrbuch. B. II. 1868, S. 224.

ляетъ *) въ концѣ концовъ: „Seine (т. е. Дарвиновы) Ansicht ist für ihn subjektiv wahr, aber noch nicht erwiesen.“ Я не намѣренъ возражать здѣсь почтенному автору, такъ какъ возраженія эти по разнымъ поводамъ уже многократно дѣлались, но не могу не сказать слѣдующаго: Дарвинъ никогда не отстаивалъ прогрессивнаго развитія, которое стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ теоріей естественнаго подбора. Въ этомъ случаѣ Шмарда просто погрѣшилъ противъ истины: сказавъ, что въ гипотезѣ Дарвина нѣтъ ничего новаго, что та же самая гипотеза только иначе защищалась еще Ламаркомъ **), Шмарда кончилъ тѣмъ, что приписалъ Дарвину не часть, а все ученіе Ламарка. Кромѣ того, говоря по поводу сочиненія Мёррея, „Murray nimmt an, dass die Species stets in grösserer Exemplarzahl entstanden sind, und weicht also auch darin von Darwin ab“ ***), Шмарда опять погрѣшаетъ противъ Дарвина, изъ сочиненія котораго о происхожденіи видовъ я привожу ниже цитату, доказывающую, что Дарвинъ никогда не говорилъ о происхожденіи каждаго вида отъ одной первоначальной пары. Равнымъ образомъ и слова Шмарды, „dass Darwin nur stets die Ausnahme und nicht die regelmässigen Fälle zum Ausgange seiner Betrachtung nimmt“ ****) совершенно неосновательны послѣ выхода въ свѣтъ работы американскаго зоолога Аллена, который показалъ громадныя и притомъ многостороннія индивидуальныя особенности на американскихъ птицахъ, чѣмъ подтвердилъ основное положеніе Дарвина, что индивидуальныя уклоненія есть почва для естественнаго подбора. Что касается заключенія Шмарды, что Дарвиново объясненіе происхожденія видовъ— гипотеза, а не теорія, то противъ этого говорить, конечно, нечего: за доказанное можно въ настоящее время считать только генеалогическое ученіе и объясненіе происхожденія видовъ путемъ естественнаго и половаго (въ смыслѣ Уэллесса) подбора. Само собою разумѣется это нисколько не уменьшаетъ заслугъ Дарвина, который заставилъ работать тысячи головъ надъ разрѣшеніемъ

*) Ibid. S. 225.
**) Ibid. S. 221—225.
***) Ibid. S. 226.
****) Ibid. S. 226.

задачи «понять современное состояніе органическаго міра на земномъ шарѣ».

Конечно, принимать новое ученіе и отказываться отъ стараго безъ достаточныхъ причинъ не научно, но не научно и отстаивать старое ученіе, когдѣ все противъ него, и приписывать новому то, чего въ немъ нѣтъ. По поводу замѣчанія Шмарды, что гипотеза Дарвина не представляетъ собою ничего новаго, мнѣ остается только повторить слова проф. Агассица: «какъ только новый поразительный фактъ появляется въ наукѣ, говорятъ: «это неправда»; послѣ: «это противно религіи» и подъ конецъ: «это уже давно извѣстно всему свѣту».

Чтобы читатели имѣли возможность сравнить зоологическія области Шмарды съ таковыми другихъ авторовъ, я привожу ихъ здѣсь.

Области суши: 1) *полярная область*, 2) *средне-европейская*, 3) *степная*, 4) *центрально-азіатская*, 5) *средиземно-морская*, 6) *китайская*, 7) *японская*, 8) *сѣверо-американская*, 9) *Сахара* 10) *западно-африканская*, 11) *возвышенная Африка*, 12) *Мадагаскаръ*, 13) *Индія*, 14) *островная область*, 15) *Австралія*, 16)*средне-американская*, 17) *Бразилія*, 18) *перуанско-чилійская*, 19) *пампасская*, 20) *патагонская*, 21) *полинезійская*.

Области океановъ и морей: 1) *арктическая*, 2) *антарктическая*, 3) *сѣверная атлантическая*, 4) *южно-европейская*, *средиземноморская*, 5) *сѣверная тихо-океанійская*, 6) *тропическая атлантическая*, 7) *индійская*, 8) *тропическая тихо-океанійская*, 9) *южная атлантическая*, 10) *южная тихо-океанійская*.

Послѣ довольно длиннаго ряда сочиненій по зоологической географіи мы останавливаемся на классическомъ трудѣ Де-Кандолля младшаго по ботанической географіи *). Ничего подобнаго этому труду въ области зоологической географіи не существуетъ и до сихъ поръ, не смотря на то, что авторы двухъ сочиненій пытались въ разное время обработать зоологическую географію почти по той же программѣ, какую мы находимъ въ сочиненіи Де-Кандолля. Эти авторы—Шмарда и Уэллесъ, но какъ тотъ, такъ и другой, а особенно послѣдній, обратили слишкомъ большое вни-

*) Géographie botanique raisonnée ou exposition des faits principaux et des lois concernant la distribution géographique des plantes de l'époque actuelle par *M. Alph. De Candolle.* MDCCCLV.

маніе на ту часть труда, которой Де-Кандолль посвятилъ нѣсколько страницъ, именно областямъ, и слишкомъ мало основнымъ законамъ распространенія и распредѣленія животныхъ. Мало того: и Шмарда, и Уэллесъ совершенно справедливо заслуживаютъ упрека за свою односторонность: Шмарда, не смотря на семь лѣтъ, протекшія между появленіемъ въ свѣтъ его сочиненія и работы Форбса, не придалъ никакого значенія труду англійскаго натуралиста и упорно держался теоріи катастрофъ, сведя, благодаря этому, изученіе географическаго распредѣленія животныхъ только къ изученію распространенія и распредѣленія въ пространствѣ; напротивъ, Уэллесъ придалъ большое значеніе въ современномъ распредѣленіи животныхъ вѣковымъ измѣненіямъ въ очертаніяхъ материковъ и морей и упустилъ изъ виду другія условія распространенія и распредѣленія. Кромѣ того, ни Шмарда, сочиненіе котораго вышло только двумя годами ранѣе «Géographie botanique», ни Уэллесъ, издавшій свою работу черезъ двадцать лѣтъ, ни словомъ не заикнулись о методѣ зоогеографическихъ изслѣдованій, что составляетъ выдающуюся заслугу Де-Кандолля: онъ не только указалъ методъ всякаго онтогеографическаго изслѣдованія, но и показалъ какіе блестящіе результаты даетъ примѣненіе этого метода на практикѣ. Мы уже не разъ видѣли, что тотъ или другой авторъ изучалъ составъ фаунъ по видамъ, видя въ этомъ единственную возможность точнаго знанія фаунъ; но ни разу не пришлось намъ встрѣтить, чтобы на виды указано было какъ на біологическія единицы, путемъ изученія и сравненія которыхъ только и можно выяснить законы онтогеографіи. Съ этой стороны на виды впервые было указано Де-Кандоллемъ.

Мнѣ нѣтъ никакой надобности подробно излагать содержаніе труда Де-Кандолля: этотъ трудъ имѣетъ для насъ значеніе на столько, на сколько въ немъ затронута задача ученія о географическомъ распредѣленіи и распространеніи организмовъ и методъ этой науки, которую для краткости можно назвать *онтогеографіей*. Въ началѣ этой главы мною уже было дано опредѣленіе задачи зоогеографіи, параллельное опредѣленію задачи ботанической географіи: показать, что въ современномъ распредѣленіи и распространеніи животныхъ объясняется современными намъ условіями и что прошлыми. Послѣднимъ Де-Кандолль приписывалъ ихъ на-

стоящее значеніе и въ его работѣ трудъ Форбса отмѣченъ, какъ онъ того и заслуживаетъ, наравнѣ съ трудами Ляйэлля высокою похвалой. Но Де-Кандолль совершенно правъ, начиная разсматриваніе условій распредѣленія и распространенія растеній съ нынѣ существующихъ и говоря, что къ помощи геологическихъ данныхъ нужно прибѣгать только въ томъ случаѣ, когда современныя физическія условія оказываются въ объясненіи наблюдаемыхъ фактовъ недѣйствительными. При современномъ состояніи науки слѣдуетъ сказать, что прибѣгать къ помощи геологическихъ данныхъ нужно тогда, когда *ни современныя физическія условія, ни соотношеніе организмовъ* не даютъ отвѣта на всѣ выставленные онтогеографіей вопросы.

Говоря, что въ основу всякаго онтогеографическаго изслѣдованія должно лечь изученіе видовъ, Де-Кандолль вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что при современномъ состояніи запаса фактическихъ данныхъ намъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ нельзя составить картъ распространенія видовъ. На этомъ основаніи Де-Кандолль предложилъ раздѣлить сушу на сравнительно большое число участковъ, изъ сравненія которыхъ можно было бы опредѣлить приблизительно области распространенія видовъ. Слова Де-Кандолля относятся собственно къ видамъ растеній, но они съ полнымъ правомъ могутъ быть примѣнены и ко множеству животныхъ группъ. Я самъ испыталъ всю трудность и копотливость этой работы при изученіи географ. распространенія видовъ даже сравнительно хорошо изученнаго класса птицъ. Де-Кандолль идетъ даже такъ далеко, что находитъ возможнымъ и въ будущемъ не составлять подобныхъ картъ, но съ этимъ нельзя согласиться: точно составленныя карты съ нанесеніемъ на нихъ термическихъ линій и при сравненіи съ соотвѣтствующими ботаническими картами укажутъ на многія болѣе точныя зависимости распространенія разныхъ видовъ отъ условій среды, если при этомъ на карты наносить и викаріатъ; а съ другой стороны тѣ же карты облегчатъ сравненіе распространенія видовъ разныхъ группъ и прольютъ свѣтъ на соотношеніе разныхъ формъ.

Не менѣе важно перенести въ зоогеографію и удержать въ ней то различіе видовъ, которое весьма тщательно указано Де-Кандолемъ для ботанической географіи, именно: эндемическіе или при-

сущіе только одной странѣ и спорадическіе или распространенные въ нѣсколькихъ странахъ, термины, прямо опредѣляющіе характеръ распространенія видовъ, и кромѣ того: колонисты и автохтонные виды, т.-е. переселенцы изъ другихъ странъ и коренные жители страны. При опредѣленіи центровъ распространенія разныхъ группъ опредѣленіе автохтонныхъ видовъ весьма важно.

Что касается ботаническихъ областей, то Де-Кандолль высказался прямо за учрежденіе небольшихъ областей, говоря, что установленіе такихъ областей, какъ средиземно-морская, ничего не выражаетъ, т. к. множество видовъ, отмѣчаемыхъ характерными для всей области, на самомъ дѣлѣ характерны только для ея небольшой части. Я думаю, что такимъ небольшимъ областямъ Де-Кандолля соотвѣтствуютъ хотя до извѣстной степени мои округа и установленная Брандтомъ область Пай-хоя, но соглашаясь вполнѣ съ тѣмъ, что подобное дробное дѣленіе даетъ дѣйствительно точное понятіе о флорѣ и фаунѣ разныхъ странъ, я не могу отказаться отъ подраздѣленій и болѣе крупныхъ, характеризующихся общей физіономіей флоры и фауны, которая иногда служитъ выраженіемъ ихъ относительной древности, а иногда преобладанія извѣстныхъ станцій *).

Я нахожу возможнымъ на этомъ покончить съ изложеніемъ метода и взглядовъ Де-Кандолля на задачу ученія о географическомъ распространеніи и распредѣленіи организмовъ. Болѣе полное изложеніе завело бы насъ слишкомъ далеко, не принесши намъ никакой пользы, такъ какъ все, что намъ нужно для нашихъ цѣлей (выяснить современное состояніе зоогеографіи и методъ зоогеографическихъ изслѣдованій) можно вывести изъ уже сказаннаго. Прибавимъ, что взглядъ Де-Кандолля на исторію органической жизни на землѣ былъ, очевидно, тотъ же самый, что и взглядъ Форбса и Ляйэлля до появленія теоріи Дарвина. Благодаря этому, конечно, далеко не всѣ выводы Де-Кандолля могутъ быть сохранены въ настоящее время, но программа работы Де-Кандолля (условія существованія растеній, географическая ботаника и ботаническая географія), весьма близкая къ таковой Шмарды, но несравненно лучше раз-

*) Установленіе большихъ областей, основанныхъ главнымъ образомъ на общей физіономіи флоръ, сдѣлано въ послѣднее время Гризебахомъ.

работанная, должна послужить образцомъ всякому, кто захотѣлъ бы написать подобное же сочиненіе по зоологической географіи. Единственное измѣненіе, которое необходимо внести,—бо́льшая разработка вопроса объ областяхъ, которому Де-Кандолль отвелъ слишкомъ мало мѣста, ссылаясь на недостатокъ фактическихъ данныхъ. Не лишнимъ прибавить здѣсь, что при установленіи областей необходимо слѣдовать совѣту Де-Кандолля и строго проводить одинъ и тотъ же взглядъ на значеніе видовъ и разновидностей. То-есть, если напр. я пытаюсь ниже раздѣлить Европ. Россію на орнитологическіе округа, проводя взглядъ на виды и подвиды Брема-отца, то при установленіи округовъ и въ другихъ странахъ я долженъ держаться того же взгляда; только тогда округа, установленные мною, будутъ равноцѣнны, п. ч. ошибки избранной систематики (пока нѣтъ систематики безъ ошибокъ, п. ч. всякая систематика болѣе или менѣе произвольна) распространятся одинаково на всѣ установленные округа и т. сказ. покроютъ другъ друга.

Указавъ на значеніе работы Де-Кандолля, мы не можемъ пройти молчаніемъ Риттера, который въ составленной имъ монографіи верблюда указалъ на возможность по лингвистическимъ даннымъ опредѣлять центры распространенія и слѣдить за измѣненіемъ распространенія вида. «Какъ геогностъ по образованію пластовъ узнаетъ археологію земли, говоритъ Риттеръ *), такъ по корнямъ словъ съ ихъ производными словами, съ ихъ конструкціей и развѣтвленіями, можно слѣдить за пластами послѣдовательно идущихъ другъ за другомъ человѣческихъ поколѣній и народныхъ племенъ и доходить до самаго ранняго историческаго элемента, состоящаго въ первоначальномъ теллурическомъ развитіи».

Черезъ четыре года послѣ появленія въ свѣтъ классическаго труда Де-Кандолля младшаго по ботанической географіи, какъ ботаническая, такъ и зоологическая географія вступили на новую дорогу, благодаря Чарльзу Дарвину. Въ 1859 году вышло въ свѣтъ первымъ изданіемъ «Происхожденіе видовъ путемъ естествен-

---

* *К. Риттеръ.* Географическое распространеніе верблюда въ Старомъ Свѣтѣ. Магазинъ землевѣд. и путешествій, издав. Н. Фроловымъ. Т. III. 1854 г., стр. 233.

наго подбора» *), гдѣ въ XI и XII главахъ съ поражающей ясностью доказано, что пониманіе современнаго географическаго распредѣленія животныхъ и растеній становится возможнымъ только съ принятіемъ генеалогическаго ученія (еще раньше то же было высказано въ общихъ выраженіяхъ въ описаніи кругосвѣтнаго путешествія на Биглѣ), которое говоритъ намъ, что точно такъ же, какъ физическія условія, очертаніе и величина материковъ и морей претерпѣваютъ медленныя, но непрестанныя измѣненія, такъ точно и въ наружномъ видѣ и въ внутреннемъ строеніи всѣхъ организмовъ совершаются такія же медленныя, но и такія же постоянныя измѣненія, и что эти послѣднія измѣненія по большей части не только идутъ рука объ руку съ первыми, но б. м. даже вызываются ими.

Основныя положенія теоріи Дарвина у насъ настолько извѣстны, что мнѣ нѣтъ никакой надобности останавливаться на нихъ, почему, напомнивъ только одно то, что по теоріи Дарвина наиважнѣйшее условіе жизни составляетъ соотношеніе между организмами, а не между организмами и внѣшними условіями, я прямо перехожу къ соображеніямъ Дарвина относительно географическаго распредѣленія организмовъ.

При обзорѣ географическаго распредѣленія животныхъ Стараго и Новаго Свѣта, говоритъ Дарвинъ, для насъ становится совершенно очевидно, что климатическія и другія физическія условія совершенно не объясняютъ намъ сходства и несходства между жителями разныхъ странъ. Сравнивая между собою различныя мѣстности Стараго и Новаго Свѣта, мы несомнѣнно найдемъ примѣры полнаго соотвѣтствія жизненныхъ условій, но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ поразитъ разность между ихъ живыми произведеніями. Далѣе, сравнивая между собою сѣверныя части материковъ, которыя почти смыкаются и въ которыхъ при нѣсколько иномъ климатѣ могло происходить переселеніе формъ умѣреннаго сѣвернаго пояса, мы находимъ сходство въ формахъ. Напротивъ, сравнивая организмы Австраліи, Африки и Южной Америки, взятые подъ одной широтой, но раздѣленные большимъ разстояніемъ, мы

*) On the Origin of Species by Means of Natural Selection. Fifth Thousand. 1860, p. p. 346—410.

увидимъ между ними значительное различіе. Точно также, сравнивая организмы одного и того же материка, но взятые изъ мѣстъ, раздѣленныхъ естественными преградами для переселенія животныхъ, напримѣръ, высокой горной цѣпью или пустыней, мы увидимъ между ними разницу, хотя она будетъ не такъ велика, какъ въ первомъ случаѣ. Особенно поразительно съ этой точки зрѣнія изученіе географическаго распространенія морскихъ организмовъ: морскія фауны восточнаго и западнаго береговъ центральной Америки и западнаго берега Тихаго океана совершенно различны. Напротивъ, сравнивая фауны Тихаго и Индійскаго океана, мы найдемъ въ нихъ много общаго. Аналогичный этому случай представляетъ собою сходство между произведеніями одного материка, хотя бы самые виды и были различны на разныхъ точкахъ этой естественной области.

Какъ объяснить всѣ эти факты, если признавать каждый видъ какъ результатъ отдѣльнаго творческаго акта, направленнаго къ тому, чтобы для жизни въ извѣстныхъ условіяхъ существовалъ особый видъ *)?

Почему въ такомъ случаѣ въ сходныхъ условіяхъ среды живутъ несходные виды и почему это несходство тѣмъ больше, чѣмъ больше преграда между сравниваемыми участками поверхности земнаго шара и почему, наоборотъ, сходство тѣмъ больше, чѣмъ меньше естественныхъ преградъ?

Очевидно, что теорія постоянства видовъ не даетъ на эти вопросы никакого объясненія и получить его можно только отъ генеалогическаго ученія.

По этой теоріи сходство между произведеніями одного материка или моря есть не болѣе какъ выраженіе происхожденія отъ общаго родоначальника. Несходство же между жителями разныхъ областей можетъ быть объяснено видоизмѣненіями въ силу естественнаго подбора. Чѣмъ дальше отъ настоящаго момента удалено время переселенія наиболѣе преобладавшихъ жизненныхъ формъ изъ одной области въ другую, тѣмъ больше различія между переселенцами и основной формой; чѣмъ ближе къ намъ это время,

*) Циммерманнъ, возражая на гипотезу Линнея, совершенно упустилъ изъ виду, что и его гипотеза *отдѣльнаго независимаго* творенія каждаго вида разбивается приведеннымъ вопросомъ.

тѣмъ различія меньше. Но кромѣ вліянія времени необходимо вліяніе и другихъ условій, напримѣръ, преградъ, препятствующихъ переселеніямъ, измѣненія соотношеній между организмами и т. д. Одного переселенія и объединенія еще недостаточно для измѣненія или по крайней мѣрѣ значительнаго измѣненія видовъ: эти причины дѣйствительны лишь тогда, когда онѣ приводятъ организмы въ новыя соотношенія другъ съ другомъ и, хотя слабѣе, съ физическими условіями. Вотъ почему нѣкоторые виды могутъ переселиться или разселиться на огромныя разстоянія и все-таки не измѣниться значительно.

Отсюда прямой выводъ тотъ, что всѣ виды одного рода, какимъ бы громаднымъ разстояніемъ ни были раздѣлены между собою, должны были выйти изъ одной мѣстности, такъ какъ произошли отъ общаго предка. Точно также и особи одного вида въ какихъ бы отдаленныхъ и объединенныхъ мѣстностяхъ онѣ ни жили, должны были разселиться изъ одной точки, гдѣ впервые возникли ихъ родичи. «Безъ сомнѣнія, говоритъ Дарвинъ, есть много случаевъ, въ которыхъ чрезвычайно трудно понять, какъ могъ данный видъ изъ одной точки разселиться по всѣмъ отдаленнымъ и объединеннымъ точкамъ, на которыхъ онъ нынѣ находится. Тѣмъ не менѣе, простота воззрѣнія, по которому каждый видъ впервые возникъ лишь въ одной мѣстности, плѣняетъ нашъ умъ». Если же предположить, что видъ возникъ въ нѣсколькихъ или по крайней мѣрѣ въ двухъ различныхъ точкахъ земнаго шара, намъ приходится прибѣгать къ объясненію чудесному, такъ какъ въ одной изъ главъ «Происхожденія видовъ» прекрасно объяснено, что немыслимо, чтобы особи вполнѣ тождественныя могли произойти чрезъ естественный подборъ отъ родичей разныхъ видовъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ намъ удается найти причины къ объясненію существованія особей одного вида въ двухъ раздѣльныхъ областяхъ и доказать первоначально сплошную область распространенія вида. Притомъ эти причины приходится брать либо изъ прошлаго состоянія земной поверхности (иное протяженіе материковъ и морей), либо изъ различныхъ способовъ *разселенія* животныхъ и растительныхъ организмовъ. Отнесясь ко всякому изъ фактовъ, какъ бы говорящихъ противъ вышесказаннаго положенія (возникновеніе каждаго вида

въ одной только мѣстности), возможно критически, мы въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣйствительно находимъ несомнѣнныя доказательства въ пользу сплошной первоначальной области распространенія каждаго вида и хотя нѣкоторые случаи не поддаются нашему объясненію, ихъ не такъ много и наши знанія не такъ совершенны, чтобы мы могли смотрѣть на эти случаи какъ на существенное возраженіе противъ теоріи возникновенія каждаго вида въ одной только мѣстности.

Перехожу къ указанію той важной роли, которую по Дарвину играютъ случайные способы разселенія въ современномъ географическомъ распредѣленіи животныхъ.

Выше я уже не разъ отмѣтилъ имена Бюффона, Циммерманна и Эдварда Форбса, какъ имена людей, приложившихъ принципъ постепенныхъ видоизмѣненій земной поверхности къ объясненію современнаго географическаго распредѣленія организмовъ. Такъ какъ своей разработкой этотъ вопросъ обязанъ Форбсу, то въ данномъ случаѣ можно говорить только о немъ. Форбсъ, какъ было сказано, проводилъ ту идею, что современныя фауны и флоры острововъ, являются результатомъ многократнаго послѣдовательнаго соединенія и разъединенія этихъ острововъ съ близь лежащими материками.

Развивая его теорію дальше, мы должны бы придти къ заключенію, что въ новѣйшій періодъ (по-третичный) всѣ существующіе острова были вполнѣ или почти соединены съ какимъ-либо материкомъ. Дарвинъ совершенно основательно указываетъ на крайности этого воззрѣнія и приводитъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ фактовъ, которые по теоріи Форбса нельзя объяснить, тогда какъ тѣ же факты могутъ быть весьма удобно объяснены по теоріи Дарвина, которая приписываетъ такое громадное значеніе въ происхожденіи и географическомъ распространеніи видовъ *дѣйствительности естественныхъ преградъ и способамъ случайнаго разселенія организмовъ.*

Дарвинъ обращаетъ наше вниманіе на то, что виды всѣхъ родовъ, живущіе на океаническихъ островахъ, малочисленны сравнительно съ видами, которые находятся на материковыхъ областяхъ того же протяженія. Сравнивая, напримѣръ, флору Новой Зеландіи съ флорою, которая существуетъ на одинаковомъ про-

тяженіи суши на мысѣ Доброй Надежды или Австраліи, или графство Кэмбриджское и островъ Энглеси, мы и въ томъ и въ другомъ случаѣ убѣдимся, что на соотвѣтствующихъ по протяженію материковыхъ областяхъ число видовъ больше, чѣмъ на островахъ. Кромѣ того, существуютъ примѣры, что многія изъ ввезенныхъ растеній отлично прижились, напримѣръ, на островѣ Вознесенія и Новой Зеландіи, а на Св. Еленѣ пріурочившіяся растенія и животныя даже почти или совсѣмъ истребили многія коренныя произведенія.

Всякому, кто допускаетъ теорію отдѣльныхъ твореній, для объясненія этихъ случаевъ пришлось бы допустить, что «на океаническихъ островахъ не было создано достаточнаго числа наилучше приспособленныхъ растеній и животныхъ; ибо человѣкъ безсознательно населилъ ихъ изъ разныхъ странъ гораздо полнѣе и прочнѣе, чѣмъ сама природа» *). Точно также необъяснимы эти факты и по теоріи Форбса, потому что становится совершенно непонятнымъ почему одни виды при соединеніи острова съ материкомъ перешли на островъ, а другіе нѣтъ. Объясняя же это случайнымъ занесеніемъ на острова различныхъ видовъ съ близъ лежащаго материка, эта разница въ числѣ, притомъ всегда въ ущербъ острову, становится совершенно понятна. Изучая далѣе возможно внимательно населеніе острововъ, мы должны обратить вниманіе на отсутствіе на океаническихъ островахъ извѣстныхъ классовъ, мѣста которыхъ повидимому бываютъ заняты другими организмами: такъ на островахъ Галапагосъ пресмыкающіяся, а въ Новой Зеландіи исполинскія птицы замѣщаютъ млекопитающихъ. Подобнымъ же образомъ на океаническихъ островахъ поражаетъ всеобщее отсутствіе лягушекъ, жабъ и тритоновъ, кромѣ немногихъ острововъ, куда лягушки были ввезены человѣкомъ и гдѣ онѣ размножились необычайно. Очевидно, что еслибы эти острова были когда-либо соединены съ материкомъ, на нихъ должны были бы быть лягушки, такъ какъ физическія условія этихъ острововъ совершенно удовлетворяютъ жизненнымъ требованіямъ этихъ животныхъ. Точно также, признавая цѣлесообразность творческихъ актовъ и каждый видъ результатомъ отдѣльнаго творче-

*) The Origin of Species, p. 390.

скаго акта, непонятно почему на этихъ островахъ нѣтъ батрахій и природу или высшую силу опять приходится упрекнуть въ небрежности. Еще поучительнѣе является изученіе географическаго распространенія млекопитающихъ: Дарвинъ не могъ найти ни одного несомнѣннаго случая, въ которомъ наземное млекопитающее было бы найдено на островѣ, отстоящемъ болѣе чѣмъ на 300 миль отъ материка или обширнаго материковаго острова, тогда какъ съ другой стороны летающія млекопитающія встрѣчаются почти на каждомъ изъ нихъ. На Новой Зеландіи есть двѣ летучія мыши, не встрѣчающіяся нигдѣ болѣе на землѣ; острова Норфолькъ, арх. Вити, Бониновы острова, острова Каролинскаго и Маріаннова архипелага и островъ Св. Маврикія—каждый имѣетъ своихъ особыхъ летучихъ мышей. Почему же, спросимъ мы вмѣстѣ съ Дарвиномъ, такъ называемая творческая сила произвела на отдаленныхъ островахъ летучихъ мышей, а не другихъ млекопитающихъ? По теоріи же Дарвина это объясняется очень просто, ибо ни одно наземное млекопитающее не можетъ быть перенесено чрезъ обширное море, летучая же мышь, какъ несомнѣнно доказано, можетъ перелетѣть. Другая причина, вліяющая, по мнѣнію Дарвина, на разселеніе млекопитающихъ съ материковъ на острова и по сосѣднимъ островамъ, лежитъ въ *глубинѣ* моря, отдѣляющаго островъ отъ сосѣдняго материка. Превосходный примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ намъ Малайскій архипелагъ: близъ острова Целебеса онъ пересѣченъ полосою глубокаго океана и эта полоса раздѣляетъ двѣ рѣзко разграниченныя фауны млекопитающихъ; на каждой сторонѣ этой полосы острова расположены на отлогихъ отмеляхъ и населены близко сродными или тождественными млекопитающими. Точно также Великобританія отдѣлена отъ Европы неглубокимъ проливомъ и по обѣ его стороны мы видимъ тождественныхъ млекопитающихъ. Говоря правду, въ такомъ видѣ, какъ формулировано это значеніе глубины моря у Дарвина, оно остается совершенно непонятнымъ, такъ какъ представляетъ собою только голый фактъ, но далѣе мы увидимъ, что Уэллесъ указалъ на то, что глубина моря стоитъ въ прямомъ отношеніи къ его древности: чѣмъ море или морской проливъ глубже, тѣмъ его происхожденіе древнѣе.

Продолжая развивать ту же идею о случайномъ заселеніи острововъ и о послѣдствіяхъ таковаго, мы не можемъ пройти мимо слѣдующаго факта: какъ ни мало число видовъ на океаническихъ островахъ, относительное число видовъ мѣстныхъ, т.-е. свойственныхъ только этимъ островамъ, очень велико. По теоріи Дарвина объясненіе этихъ фактовъ весьма просто, если вспомнить еще то, что въ общихъ чертахъ фауна и флора острововъ имѣютъ обыкновенно характеръ общій съ характеромъ фауны и флоры близь лежащаго материка: въ такомъ случаѣ населеніе острова произошло изъ потомковъ выходцевъ сосѣдняго материка, но такъ какъ виды, случайно занесенные черезъ долгіе промежутки времени въ новую объединенную область и вступающіе въ борьбу съ новыми сожителями, особенно подвержены видоизмѣненіямъ, то и потомки ихъ часто составляютъ собой весьма видоизмѣненныя группы. Такъ на островахъ Галапагосъ изъ 26 наземныхъ видовъ птицъ 21 суть виды мѣстные, тогда какъ изъ 11 морскихъ птицъ лишь два вида имѣютъ мѣстный характеръ: очевидно, что морскія птицы легче и потому чаще могутъ достигать до этихъ острововъ и постояннымъ притокомъ свѣжей крови поддерживать типичную породу. Съ другой стороны на Бермудахъ, удаленныхъ отъ Сѣверной Америки приблизительно на столько же, на сколько Галапагосы удалены отъ южной, съ очень своеобразной почвой, нѣтъ ни одной мѣстной птицы, что объясняется тѣмъ, что многія сѣверо-американскія птицы во время своихъ *миграцій* правильно или при случаѣ посѣщаютъ эти острова. Точно также нѣтъ ни одного особаго вида птицъ на Мадерѣ, куда вѣтромъ почти ежегодно заносятся многія европейскія птицы, хотя на томъ же островѣ есть множество своеобразныхъ наземныхъ раковинъ, для которыхъ способы разселенія не такъ удобны и просты. Такимъ образомъ относительно птицъ про Мадеру и Бермуды можно сказать, что они заселены видами, втеченіе долгихъ временъ боровшимися между собою въ прежней своей родинѣ и приладившимися одни къ другимъ; а такъ какъ при переселеніи, благодаря постоянному притоку неизмѣненныхъ родичей, между видами постоянно поддерживались одни и тѣ же отношенія, отсюда очевидно, что каждый видъ долженъ былъ удерживаться прочими на своемъ мѣстѣ при своихъ правахъ, слѣдовательно, мало подвер-

ться видоизмѣняющимъ вліяніямъ. Напротивъ, отношенія между наземными раковинами, болѣе совершенно *объединенными*, чѣмъ птицы, при переселеніи нарушились и на новомъ мѣстѣ явились новые виды.

Резюмируя вкратцѣ все сказанное, мы должны придти къ такому заключенію, что всѣ предъидущія замѣчанія о жителяхъ океаническихъ острововъ (малочисленность видовъ, обиліе мѣстныхъ формъ въ извѣстныхъ классахъ или ихъ отдѣлахъ, отсутствіе цѣлыхъ группъ), всѣ эти факты какъ нельзя лучше разъясняются принятіемъ теоріи Дарвина (для которой служатъ подтвержденіемъ) и тѣмъ воззрѣніемъ, по которому втеченіе долгихъ временъ дѣйствовали случайные способы переноса, ибо допустивши, что всѣ океаническіе острова въ прежнее время были связаны съ ближайшимъ материкомъ сплошной сушей, надо бы ждать болѣе полнаго переселенія и болѣе равномѣрнаго видоизмѣненія въ силу преобладающаго вліянія соотношеній между организмами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ намъ думается, такое соединеніе въ прошлыя времена можно допустить, но это далеко не общее правило, это только исключеніе.

Не останавливаясь далѣе на тѣхъ примѣрахъ, которые приводитъ намъ Дарвинъ въ доказательство справедливости своего положенія о случайномъ заселеніи океаническихъ острововъ, мы перейдемъ къ тому весьма важному замѣчанію, что многіе виды животныхъ въ прежнее время при другихъ физическихъ условіяхъ несомнѣнно разселились чрезвычайно далеко и теперь еще можно видѣть, что въ родахъ птицъ, распредѣленныхъ по всему земному шару, многіе виды имѣютъ весьма широкую область распространенія. Изъ этого не слѣдуетъ, что виды, способные перебираться чрезъ преграды и вообще легко разселяться, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе широко распространенными: для этого имъ нужно имѣть еще болѣе важную способность—побѣждать въ чужихъ странахъ новыхъ сожителей; изъ этого не слѣдуетъ и то, чтобы во всемірныхъ родахъ всѣ виды имѣли широкое распространеніе; «но предположивъ, что всѣ виды одного рода произошли отъ одного родича, хотя и распредѣлены нынѣ по самымъ отдаленнымъ точкамъ земнаго шара, намъ бы слѣдовало найти (а мнѣ кажется, прибавляетъ Дарвинъ, что таково дѣйствительно общее правило),

что нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, виды имѣютъ обширную область, ибо необходимо, чтобы не видоизмѣненный родичъ разселился широко, подвергаясь измѣненіямъ во время своего разселенія и подчиняясь дѣйствію разныхъ условій, благопріятствующихъ обращенію его потомства сперва въ новыя разновидности, а, наконецъ, въ новые виды».

Кромѣ того, наблюдая широкое распредѣленіе извѣстныхъ родовъ, не должно забывать, что нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно древни и вѣроятно произошли отъ общаго родича очень давно, такъ что времени для значительныхъ климатическихъ и географическихъ измѣненій и для случайнаго переселенія нѣкоторыхъ видовъ въ разные края свѣта было совершенно довольно. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить и тотъ фактъ, что по геологическимъ свидѣтельствамъ низшіе организмы каждой большой группы вообще измѣняются медленнѣе, чѣмъ высшіе, а слѣдовательно низшія формы имѣютъ гораздо болѣе возможности къ широкому распространенію, сохраняя свой видовой характеръ, чѣмъ формы высшія.

Послѣднее замѣчаніе, на которомъ мы остановимся въ своемъ краткомъ изложеніи теоріи Дарвина въ ея приложеніи къ зоогеографіи и которое вытекаетъ изъ предъидущихъ соображеній,—это вопросъ о происхожденіи каждаго вида отъ одной или нѣсколькихъ первоначальныхъ паръ. Такъ какъ короче и лучше высказаться относительно этого, чѣмъ высказался самъ Дарвинъ, невозможно, то я и приведу его подлинныя слова. «Относительно тѣхъ организмовъ, которые никогда не скрещиваются (если таковые существуютъ), видъ, по моей теоріи, долженъ былъ произойти отъ послѣдовательнаго ряда совершенствовавшихся разновидностей, никогда не смѣшивавшихся съ другими особями или разновидностями, но вытѣснявшихъ одна другую, такъ что на каждой отдѣльной ступени видоизмѣненія и совершенствованія всѣ особи каждой разновидности должны были быть потомками одного родича. Но въ большинствѣ случаевъ, а именно относительно всѣхъ организмовъ, совокупляющихся для каждаго рожденія, или скрещивающихся часто, я полагаю, что во время медленнаго процесса видоизмѣненія скрещиванія сохраняли однообразіе между особями вида, такъ что многія особи видоизмѣнялись одновременно, и

ни въ какой отдѣльной стадіи этого процесса вся сумма уклоненій не обусловливалась происхожденіемъ отъ одной отдѣльной пары. Приведу пояснительный примѣръ: наша англійская скаковая лошадь слегка разнится отъ лошадей всѣхъ прочихъ породъ; но она не обязана своими особенностями и преимуществами происхожденію отъ какой-либо одной пары, но продолжительному тщательному подбору и выдержкѣ многихъ особей втеченіе многихъ поколѣній». *).

О томъ, что виды вымираютъ не вслѣдствіе измѣненія внѣшнихъ условій, а вслѣдствіе сохраненія въ борьбѣ за существованіе усовершенствованныхъ породъ, какъ о положеніи Дарвина слишкомъ хорошо извѣстномъ, мы можемъ только упомянуть.

Итакъ, съ 1859 года зоологическая и ботаническая географія вступили на новую дорогу, не смотря, однако, на что, задача этихъ наукъ въ томъ видѣ какъ она была опредѣлена Де-Кандоллемъ не измѣнилась, потому что постепенный переходъ одной флоры (а слѣдовательно, и фауны) въ другую, хотя и въ иномъ видѣ, признавался Де-Кандоллемъ. Понятно, что почти всѣ работы, вышедшія послѣ появленія трактата о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, носятъ уже совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ: почти всѣ онѣ посвящены не болѣе какъ разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые были указаны Дарвиномъ.

Весьма важная заслуга—установленіе орнитологическихъ областей на основаніи весьма тщательнаго изученія распространенія семействъ, родовъ и видовъ птицъ принадлежитъ Склэтеру *). Съ нѣкоторыми поправками первостепенныя области этого автора являются весьма близкими къ естественнымъ областямъ (какъ мы ихъ можемъ представить себѣ теперь). Впервые Склэтеръ установилъ эти области въ пятидесятыхъ годахъ; въ 1875 г. при нѣкоторомъ измѣненіи (именно, съ прибавленіемъ еще одной первостепенной области, что, конечно, было вызвано сильно разросшим-

---

*) The Origin of Species, p. 355—356.

*) On the present State of our Knowledge of geographical Zoology. Address delivered to the Biological section of the Britisch Association. Bristol. August 25 th. 1875. By *P. L. Sclater*, President of the Section.

ся за протекшія двадцать лѣтъ запасомъ фактическаго матеріала и болѣе тщательной разработкой систематики) авторъ нашелъ возможнымъ переименовать эти области изъ *орнитологическихъ* въ *зоологическія* вообще. Въ историческомъ очеркѣ зоогеографіи не имѣетъ мѣста критическій обзоръ этихъ областей, почему мы и ограничимся только ихъ перечисленіемъ для сравненія съ установленными ранѣе, но прибавимъ, что Склэтеръ, какъ явствуетъ изъ его первой работы, въ существованіи на земной поверхности естественныхъ онтологическихъ областей видѣлъ выраженіе нѣсколькихъ періодовъ творенія или, говоря современнымъ языкомъ, фауны, дошедшія до насъ изъ разныхъ геологическихъ эпохъ. Разработка этого вопроса и доказательства справедливости высказаннаго Склэтеромъ мнѣнія принадлежитъ Рютимейеру. Послѣднія принимаемыя Склэтеромъ области съ ихъ подраздѣленіями суть слѣдующія:

I. *Пале-арктическая о.*	*Arctogaea.*
II. *Эѳіопская о.*	
II-а *Лемурійская подобл.*	
III. *Индійская о.*	
IV. *Нео-арктическая о.*	
V. *Нео-тропическая о.*	*Dendrogaea.*
V-а. *Антильская подобласть.*	
VI. *Австралійская о.*	*Antarctogaea.*
VII. *Пацифическая о.*	*Ornithogaea.*

Отмѣченныя подобласти II-а и V-а занимаютъ среднее мѣсто между областями и подобластями.

Древне-арктическая область дѣлится на слѣдующія подобласти: *за-атлантическая* (часть древне-арктической области къ югу отъ Средиземнаго моря), *о—ва Атлантическаго океана, европейская, сибирская* (вся сѣверная Азія), *манчжурская* (сѣв. Китай и прилежащія части Монголіи), *японская* (Японскіе о—ва), *татарская* (пустыни центральной Азіи) и *персидская* (Персія, Малая Азія и Сирія).

Эѳіопская область дѣлится на слѣдующія подобласти: *западная Африка* (отъ Сенегала до Конго), *юго-западная Африка* (Ангола и Бенгуэла), южная Африка (Капская земля и прилежащая полоса), *юго-восточная Африка* (отъ португальскихъ владѣній до

берега Сомалы), *сѣверо-восточная Африка* (Абиссинія, Нубія и Египетъ), *Аравія*.

Лемурійская подобласть дѣлится на два округа: *Мадагаскаръ*, *Маскаренскіе о—ва*.

Индійская область дѣлится на слѣдующія подобласти: *Британская Индія*, *центральный* и *южный Китай*, *Бирманъ & Сіамъ & Кохинхина*, *Малакка*, *Андаманскіе & Никобарскіе о—ва*, *Остиндскіе о—ва*, *Филлипинскіе о—ва*.

Ново-арктическая область дѣлится на слѣдующія подобласти: *сѣверо-американская* (до Мексики), *гренландская*.

Ново-тропическая область дѣлится на слѣдующія подобласти: *центрально-американская* (отъ южной Мексики до Панамы), *андская* или *колумбійская* (отъ Тринидада и Венецуэллы по Андамъ черезъ Колумбію, Экваторъ и Перу до Боливіи), *амазонская* (водораздѣлъ Ориноко и Амазонки и Гвіанская горная страна), *южная Бразилія* (лѣсная область ю. в. Бразиліи, Парагвай и прилежащая полоса), *патагонская* (Чили, Ла-Плата, Патагонія, Фалкландскіе о—ва), *Галапагосскіе о—ва*.

Антильская подобласть дѣлится на шесть округовъ: *Багамскіе о—ва*, *Куба*, *Ямайка*, *Гаити*, *Порто-Рико*, *Малые Антильскіе о—ва*.

Австралійская область дѣлится на слѣдующія подобласти: *Австралія & Тасманія*, *Новая Гвинея & Папуасскіе о—ва*, *Соломоновы о—ва*.

Пацифическая область дѣлится на такія подобласти: *Новая Зеландія*, *Полинезія*, *Сандвичевы о—ва*.

Въ 1865 году Рудольфъ Людвигъ разработалъ вопросъ о важномъ значеніи въ распредѣленіи животныхъ и растеній морскихъ теченій *). Меня всегда удивляло, съ тѣхъ поръ какъ я познакомился съ сочиненіемъ Людвига, то полное молчаніе, которымъ была почтена эта книга. Я нигдѣ не встрѣтилъ на нее ни одной ссылки, ни даже упоминанія, чего она вовсе не заслуживаетъ.

Принципъ, на который опирается Людвигъ, очень простъ: такъ какъ вращеніе земли вокругъ своей оси заставляетъ океаническую

*) *Rudolph Ludwig*. Die Meeresströmungen in ihrer geologischen Bedeutung und als Ordner der Thier—und Pflanzen-Provinzen während der verschiedenen geologischen Perioden. Mit 15 Tafeln. Darmstadt. 1865

воду двигаться въ противоположномъ направленіи движенію земли и такъ какъ при этомъ движеніи вода встрѣчаетъ на своемъ пути материки, то направленіе потока идетъ не прямо съ востока на западъ, а осложняется: потокъ разбивается на нѣсколько меньшихъ съ болѣе сложнымъ направленіемъ. Послѣдніе, мéньшіе потоки, идя изъ разныхъ широтъ и проходя подъ разными широтами естественно обладаютъ разною температурою, что, вмѣстѣ съ направленіемъ потоковъ, ихъ столкновеніемъ вызываетъ существованіе другихъ, такъ-сказать, внутреннихъ теченій океановъ и морей. Само собою разумѣется, что морскія теченія, омывая берега материковъ, оказываютъ громадное вліяніе на ихъ климатъ, примѣромъ чему служитъ Гольфштромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ фауну и флору, но помимо того они опредѣляютъ собою распредѣленіе морскихъ организмовъ, къ которому Людвигъ и переходитъ, указавши предварительно важнѣйшія современныя теченія.

Людвигъ, какъ геологъ, начинаетъ, конечно, съ моллюсковъ, на что онъ имѣетъ полное право, потому что распредѣленіе моллюсковъ изучено лучше распредѣленія всѣхъ другихъ животныхъ, населяющихъ моря, какъ безпозвоночныхъ, такъ и позвоночныхъ. Людвигъ принимаетъ области, установленныя Кеферштейномъ, но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ ничего больше и не остается: Кеферштейнъ установилъ эти области на распредѣленіи видовъ и, насколько я могу объ этомъ судить, эти области совершенно естественны *). Трудно, конечно, сказать насколько съ ними совпадутъ области другихъ морскихъ животныхъ, распространеніе и распредѣленіе которыхъ до сихъ поръ изучено очень плохо, но можно надѣяться, что бóльшее или меньшее совпаденіе для нихъ рано или поздно будетъ доказано. Разсмотрѣвъ затѣмъ, конечно, бѣгло, какъ это теперь только и можно, распространеніе другихъ морскихъ животныхъ, Людвигъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ были распространены морскія животныя въ разныя геологическія эпохи и пытается на этомъ построить какъ очертанія матери-

*) Само собою разумѣется, онѣ установлены на столько естественно, на сколько это дозволяетъ современная классификація моллюсковъ, которая по всей вѣроятности подвергнется еще многимъ измѣненіямъ. Но когда эти измѣненія произойдутъ, тогда надо будетъ исправить и малакологическія области, а пока остается только принимать установленныя Кеферштейномъ.

ковъ въ разныя эпохи, такъ и соотвѣтственныя имъ морскія теченія, и въ концѣ книги переходитъ къ разсмотрѣнію вліянія морскихъ теченій на постепенное измѣненіе климата материковъ и морей земнаго шара отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Всякое сочиненіе можно разбирать съ двухъ сторонъ: со стороны его программы и со стороны выполненія программы. Что касается программы работы Людвига, то за нее упрекнуть автора не въ чемъ (установленіе зоологическихъ провинцій на основаніи распространенія и распредѣленія видовъ, изученіе современныхъ условій распредѣленія и отъ нихъ переходъ къ условіямъ прежде существовавшимъ), но за исполненіе авторъ разбираемаго сочиненія заслуживаетъ упрековъ очень серьезныхъ. Эти упреки падаютъ на него, если можно такъ выразиться, за его многостороннюю односторонность. Она выражается въ всемъ: въ опредѣленіи направленія морскихъ теченій и очертаній материковъ только на основаніи распредѣленія морскихъ организмовъ, предпочтительно моллюсковъ; въ объясненіи распространенія морскихъ организмовъ только въ зависимости отъ морскихъ теченій и т. д. Благодаря этому и произошло, что съ одной стороны Людвигъ совсѣмъ упустилъ изъ виду существованіе связи въ третичную эпоху Стараго Свѣта съ Новымъ (Азія+С. Америка) и возможное существованіе Лемуріи, а съ другой, упомянувъ, что начиная съ юрскаго періода въ Европѣ жили звѣри и птицы *), совершенно не принимаетъ въ разсчетъ, что моллюски могли распространяться, начиная съ этого времени, не только благодаря морскимъ теченіямъ, но и благодаря птицамъ. Все это, конечно, заставляетъ во многомъ исправить карты, приложенныя Людвигомъ къ его труду.

Что касается общихъ взглядовъ автора на исторію органическаго міра, то они совершенно совпадаютъ съ взглядами высказанными Ляйэллемъ въ первомъ изданіи его ‹Principles of Geology›.

*) „Schon während der juraperiode lebten in Europa Säugethiere und Vögel, wie aus den im Knochenbett und lithographischen Schiefer gemachten Funden bestimmt hervorgeht. Die grosse Seltenheit solcher Reste weisst uns nun zu der Ansicht hin, dass überhaupt Knochen von den das Festland bewohnenden Säugethieren und Vögeln nur ausnahmsweise in die Meeressedimente gelangen können.“ Die Meeresströmungen etc. S. 116—117.

Людвигъ—антидарвинистъ, п. ч., по его мнѣнію, ‹niemals hat einer der zahlreichen Forscher einen Uebergang einer Art oder Gattung in die andere oder solche Thiere gefunden, bei denen es zweifelhaft gewesen wäre, ob man sie dieser oder jener Art oder Gattung oder gar Classe unterordnen soll› (48). Какимъ образомъ Людвигъ пришелъ къ послѣднему заключенію—рѣшить очень трудно; быть можетъ, причиною тому опять-таки его односторонность, такъ какъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ было извѣстно уже много формъ требовавшихъ для себя знака вопроса въ систематикѣ.

Резюмируя все сказанное, мы должны признать за Людвигомъ съ зоогеографической точки зрѣнія несомнѣнную заслугу въ разработкѣ вопроса объ одномъ изъ весьма важныхъ факторовъ распространенія и распредѣленія организмовъ. Конечно, вліяніе этого фактора выражается, какъ мы должны теперь признать, не столько непосредственно, сколько посредственно: объяснить фауну западнаго берега Южной Америки и с. западнаго угла Сѣверной Америки (S. 2 и 3) только однимъ вліяніемъ омывающихъ эти берега теченій, какъ то дѣлаетъ Людвигъ, конечно, нельзя, но во всякомъ случаѣ вліяніе этихъ теченій во взятомъ примѣрѣ играетъ роль. Не должно забывать, что Дарвинъ, говоря, что одними современными и прошлыми физическими условіями земнаго шара нельзя объяснить современное распредѣленіе животныхъ, вовсе на хотѣлъ этимъ сказать, чтобы его послѣдователи совершенно игнорировали эти условія.

Въ 1866 году вышло большое сочиненіе А. Мёррея (The geographical Distribution of Mammals, by Andrew Murray. London. Day and Son. 1866), по поводу котораго автору его можно бы сдѣлать большіе упреки, не заяви онъ съ самаго начала, что главная задача его относится не къ области зоологической географіи, а къ области географической зоологіи, что, однако, de facto не совсѣмъ такъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ трудѣ, снабженномъ громаднымъ количествомъ картъ (101), собраны весьма тщательно матеріалы къ познанію географическаго распространенія млекопитающихъ въ настоящее и прошлое время, но общимъ вопросамъ отведена только ничтожная часть книги. Вмѣсто того, чтобы познакомить читателя возможно полно съ зависимостью животныхъ отъ среды, Мёррей занялся вопросомъ о происхожденіи видовъ и

довольно неудачными разсужденіями какъ о способахъ разселенія животныхъ, такъ и о прошлыхъ очертаніяхъ материковъ и морей.

Вопросъ о происхожденіи видовъ поставленъ Мёрреемъ довольно странно: соглашаясь съ Дарвиномъ въ томъ, что виды способны безконечно измѣняться и произошли отъ общаго корня, Мёррей говоритъ, что онъ не можетъ согласиться съ Дарвиномъ въ томъ, что измѣненіе видовъ совершается вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, заключающихся въ организмѣ, или вслѣдствіе неизвѣстной намъ зависимости организма отъ его развитія. Мёррей говоритъ, что организмъ претерпѣваетъ измѣненія только тогда, когда измѣняются внѣшнія условія, окружающія его, среда, или когда самъ онъ попадетъ въ иныя условія (что̀ въ сущности одно и то же). Но дѣло въ томъ, что Дарвинъ съ того и началъ, что, констатировавши существованіе личныхъ измѣненій, вовсе не брался за рѣшеніе вопроса, отчего они происходятъ, а только призналъ ихъ почвою для естественнаго подбора. Такимъ образомъ Мёррей *повидимому* (это имъ выражено не совсѣмъ ясно) придерживается болѣе Ламарковской гипотезы, т.-е. что измѣненіе среды влечетъ за собою измѣненія въ привычкахъ животнаго, а отсюда и измѣненія въ его организаціи, вслѣдствіе бо́льшаго или меньшаго употребленія того или другаго изъ его органовъ. Въ подтвержденіе этихъ словъ Мёррей привелъ нѣсколько случаевъ возникновенія замѣтныхъ уклоненій въ нѣкоторыхъ видахъ животныхъ при переселеніи послѣднихъ въ иныя мѣстности. Но мы знаемъ, что эти факты ничего не доказываютъ: Вейсманнъ совершенно справедливо разъяснилъ значеніе «уединенія», предложеннаго Морицомъ Вагнеромъ для объясненія происхожденія видовъ: при уединеніи число лучше приспособленныхъ особей въ объединенной мѣстности сравнительно больше, чѣмъ въ коренной, а потому и результаты естественнаго подбора выступаютъ скорѣе. Чему же удивляться при этомъ, что нѣкоторыя животныя и растенія, при уединеніи, дали замѣтныя уклоненія въ сравнительно весьма короткій промежутокъ времени? Но и въ этомъ случаѣ главнымъ факторомъ является опять-таки естественный подборъ, а не измѣненіе условій среды, которое *не необходимо,* такъ какъ стремленіе Семпера доказать возникновеніе всѣхъ уклоненій организаціи какъ слѣдствіе прямаго вліянія условій среды, пока не можетъ быть при-

знано, не смотря на талантъ и знанія защитника этого предположенія. Сюда же должно отнести фразу Мёррея изъ другой главы его работы: говоря, что онъ склоняется на сторону той гипотезы, по которой каждая группа организмовъ произошла отъ одного только корня, Мёррей высказывается однако въ такомъ духѣ, что и гипотеза происхожденія извѣстной группы отъ нѣсколькихъ корней имѣетъ многое за себя. Такъ напр., млекопитающія могли, по Мёррею, произойти такъ: Chiroptera изъ Pterodactyl'ей, Monotremata изъ птицъ, Balaenidae отъ Ichtiosaur'овъ и остальное большинство отъ наземныхъ Reptilia. Понятно, что Мёррей пришелъ къ этому выводу путемъ поверхностнаго размышленія на тему, что одинаковыя вліянія среды произведутъ и одинаковыя измѣненія организаціи, но не должно забывать, что въ одной изъ главъ «Origin of Species» съ поражающею ясностью доказана невозможность подобнаго допущенія.

Въ слѣдующей главѣ Мёррей трактуетъ о способахъ разселенія животныхъ и становится исключительно на сторону Форбса. Ниже, говоря объ Уэллесѣ, мнѣ придется указать на существованіе многихъ примѣровъ, доказывающихъ справедливость положеній и Форбса и Ляйэлля съ Дарвиномъ: ни одно изъ нихъ исключительно принято быть не можетъ, но оба они взаимно дополняютъ другъ друга. Главное, что заставляетъ Мёррея стать на сторону Форбса, это то, что по теоріи случайнаго заселенія острововъ первоначально на островъ можетъ попасть только такое число особей, которыя при скрещиваніи дадутъ неплодное потомство. Но во-первыхъ, ничѣмъ не доказано, что потомство двухъ или небольшаго числа особей въ концѣ концовъ будетъ неплодно; во-вторыхъ, Мёррей плохо разобралъ, что Ляйэлль и Дарвинъ называли случайнымъ заселеніемъ: переносъ съ помощію воздушныхъ и морскихъ теченій, пловучаго льда и лѣса, захожденіе во время миграцій—все это такіе способы перенесенія организмовъ изъ одной мѣстности въ другую, при которыхъ притокъ свѣжей крови отъ времени до времени можетъ поддерживаться, а, слѣдовательно, и потомство уединенныхъ особей не останется неплоднымъ. На томъ же основаніи построены и слѣдующія III и IV главы автора о болѣе раннихъ періодахъ жизни земнаго шара,

главы, гдѣ буквально повторяется то, что было сказано Форбсомъ, и немногія добавленія на основаніи позднѣе добытыхъ данныхъ.

Уже изъ этого краткаго изложенія видно, что все введеніе Мёррея къ его труду довольно слабо и не можетъ остановить на себѣ серьезнаго вниманія. Слѣдующія главы, собственно географическая маммологія, представляютъ дорогой вкладъ по массѣ собраннаго матеріала, но и только. Не бо́льшаго вниманія заслуживаетъ и послѣдній отдѣлъ работы—о маммологическихъ областяхъ, которыхъ Мёррей принимаетъ 4 первостепенныхъ и 10 второстепенныхъ:

I. *Европейско-азіатская*, подраздѣляющаяся на 1) *скандинавскую*, 2) *средиземно-морскую* и 3) *монгольскую*.

II. *Африканско-индійская*, состоящая изъ собственно *африканской* (Африка къ ю. отъ Сахары) и *индо-малайской*.

III. *Австралійская*, состоящая изъ подобластей *Австраліи*, *Новой Гвинеи* и *Полинезіи*, и

IV. *Американская*, подраздѣляющаяся на двѣ: *сѣверо-* и *южно-американскую*.

Впрочемъ, крайній сѣверъ Сѣверной Америки отнесенъ авторомъ на картѣ къ европейско-азіатской области, а въ текстѣ сказано, что онъ составляетъ только небольшое видоизмѣненіе послѣдней. Я не могу входить здѣсь въ критическій разборъ установленныхъ Мёрреемъ провинцій, но не могу не сказать и того, что, во-первыхъ, онѣ очень общи, особенно второстепенныя, а во-вторыхъ, какъ выводы, не совпадаютъ съ посылками (матеріалами), на которыхъ построены.

Итакъ, послѣдователь Форбса, Мёррей тѣмъ не менѣе не обогатилъ науку ничѣмъ инымъ, кромѣ сводки большаго запаса фактическихъ знаній.

Проф. Рютимейеръ въ своемъ полупопулярномъ зоогеографическомъ очеркѣ *) прекрасно изложилъ современное состояніе нашихъ зоогеографическихъ свѣдѣній. Собственно Рютимейеръ имѣлъ въ виду выяснить насколько естественны установленныя Склэтеромъ зоологическія области, и въ концѣ своей работы высказался вообще противъ установленія оныхъ (S. 41). По его мнѣнію, карта

*) Prof. *L. Rütimeyer*. Ueber die Herkunft unserer Thierwelt. 1867.

съ нанесенными на нее подобными областями ничего не выражаетъ и должна быть замѣнена другой, которая знакомила бы съ исторіей разселенія животныхъ по землѣ. Такую карту Рютимейеръ приложилъ къ своему труду и, воздавая ей должное, я, тѣмъ не менѣе, долженъ сказать, что ею Рютимейеръ сказалъ гораздо больше противъ себя, чѣмъ за себя. По его мнѣнію, въ составѣ населенія высшихъ животныхъ группъ, т. е. птицъ и звѣрей, мы видимъ въ настоящее время потомковъ двухъ фаунъ: одной—антарктическаго материка, который существовалъ вѣроятно въ періодѣ вторичныхъ формацій, и другой—несомнѣнно третичнаго материка, арктическаго. Представители первой—Aplacentalia и Edentata между звѣрями и безкрылыя птицы. Въ настоящее время отъ этого материка сохранились только остатки въ видѣ австралійскаго материка и прилежащихъ большихъ острововъ, антарктической береговой линіи (Graham Land, Enderby's L., Wilkes L., Victoria L.) и юго-восточнаго угла Южной Америки. Кромѣ того, на время вѣроятно было соединеніе антарктическаго материка и съ другой частью арктическаго—съ Африкою, чѣмъ и можно объяснить существованіе въ послѣдней странѣ животныхъ типа антарктическаго материка. Изъ этого очевидно вытекаетъ, что антарктическій материкъ существовалъ еще и въ то время, когда уже поднялся арктическій, но трудно допустить, чтобы антарктическій существовалъ въ своихъ прежнихъ предѣлахъ, а арктическій въ современныхъ: все заставляетъ насъ предположить, что къ тому времени, когда арктическій материкъ возросъ приблизительно до нынѣшнихъ размѣровъ, антарктическій успѣлъ погрузиться въ большей своей части. Рютимейеръ не затрагиваетъ вопроса о томъ, какъ перешла фауна антарктическаго материка въ слѣдующую за ней фауну арктическаго, и это на самомъ дѣлѣ невозможно при современномъ состояніи палеонтологіи, онъ прямо принимаетъ, что арктическій материкъ заселился потомками третичной фауны, къ которой только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣшались переселенцы съ болѣе ранней суши. Для насъ нѣтъ надобности слѣдить за соображеніями Рютимейера во всей ихъ подробности: достаточно сказать, что сравнивая эоценовую, міоценовую и піоценовую фауны съ нынѣ существующими, Рютимейеръ приходитъ къ весьма интересному заключенію, что нынѣшняя фауна

тропической Африки и понынѣ носитъ на себѣ эоценовый характеръ, но съ примѣсью міоценоваго, тогда какъ фауна Азіи къ югу отъ Гималайскихъ горъ и къ в. отъ Хинганя—съ ясно выраженнымъ міоценовымъ характеромъ. Такимъ образомъ эти фауны не болѣе какъ остатки фаунъ различныхъ геологическихъ періодовъ. Мы можемъ сказать, что австралійская фауна представляетъ собою остатокъ отъ фауны антарктическаго материка (вторичной эпохи), который ко времени возникновенія эоценовой и позднѣе міоценовой фаунъ былъ настолько уединенъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ подъ вліяніемъ измѣненныхъ условій среды (т.-е. отношеній организмовъ другъ къ другу и къ неорганической природѣ) вырабатывалась эоценовая фауна, что Австралія не только не подпала подъ вліяніе этихъ условій, но даже до нашего времени сохранила свой первоначальный характеръ, конечно, благодаря тому, что условія существованія населяющихъ ее животныхъ и по отношенію къ неорганической природѣ и міру растительному и по отношенію другъ къ другу остались тѣ же, при которыхъ они выработались. Разсуждая такимъ же образомъ, мы можемъ сказать, что тропическая Африка представляетъ собою остатокъ отъ существованія эоценовой эпохи, но, очевидно, остатокъ сильно измѣненный, какъ то слѣдуетъ изъ сравненія нынѣшней фауны тропической Африки съ остатками эоценовой, измѣненный вѣроятно подъ вліяніемъ столкновенія съ позднѣйшей міоценовой фауной. Точно также Южная Америка представляетъ собою остатокъ міоценовой фауны, но несомнѣнно позднѣйшаго періода сравнительно съ южно-азіатской, уцѣлѣвшій вѣроятно благодаря относительной неизмѣняемости условій и выдѣленію, *уединенію* отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ при измѣненныхъ условіяхъ совершался переходъ міоценовой фауны въ пліоценовую.

Разсуждая такимъ образомъ, мы должны допустить, что соприкосновеніе міоценовой и эоценовой фаунъ въ тропической Африкѣ явленіе позднѣйшее. Идя точно тѣмъ же путемъ, легко видѣть, что фауны Мексики и южной Европы представляютъ собою остатки фауны пліоценовой, а фауны Сѣверной Америки, средней и сѣверной Европы и сѣверной Азіи—дилювіальную фауну, подвергшуюся самымъ незначительнымъ измѣненіямъ.

Сравнивая результаты, добытые Рютимейеромъ, съ первостепенными зоологическими провинціями Склэтера, мы видимъ, что Рютимейеръ, самъ того не замѣчая, привелъ весьма важное основаніе, подтверждающее установленныя Склэтеромъ зоологическія области (кромѣ позднѣе установленной Склэтеромъ пацифической), именно: указалъ, что общая физіономія фаунъ этихъ областей есть не что иное какъ выраженіе ихъ относительной древности, т.-е. съ чего началъ и Склэтеръ, но чего, не будучи ни геологомъ, ни палеонтологомъ, не съумѣлъ доказать. Рютимейеръ правъ только въ томъ, что между этими областями нельзя провести линейныхъ границъ, что между ними существуютъ промежуточныя полосы, но къ этому мы еще вернемся позднѣе.

Надо, впрочемъ, прибавить, что буквально слѣдуя Рютимейеру надо бы выдѣлить въ первостепенныя зоологическія области среднюю Америку и средиземно-морское побережье, съ пліоценовымъ характеромъ ихъ фаунъ, но этотъ характеръ выраженъ такъ слабо, что и Рютимейеръ могъ рѣзко выставить его только благодаря ископаемымъ остаткамъ. Съ другой стороны, слѣдуя Рютимейеру, надо бы соединить съ индійской областью Склэтера восточно-азіатскую Сѣверцова, какъ съ фауной міоценоваго характера, но противъ этого, во-первыхъ, говоритъ современное намъ существованіе въ этой провинціи множества характерныхъ видовъ, а во-вторыхъ, существованіе естественныхъ границъ для этой области. Какъ ни важно для установленія зоологическихъ областей значеніе общей физіономіи фауны, тѣмъ не менѣе зоологическія области не основываются исключительно на этой физіономіи.

Я считаю результаты, добытые Рютимейеромъ, большимъ шагомъ впередъ для зоогеографіи. Это первая и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящая попытка на основаніи *всей суммы* нашихъ знаній начертить прошлыя фауны и выяснить ихъ значеніе въ дѣлѣ объясненія современнаго географическаго распредѣленія животныхъ. Со времени появленія работы Рютимейера общая физіономія большихъ фаунъ получаетъ для насъ уже совершенно опредѣленное значеніе—ихъ относительную древность. Излишне было бы прибавлять, что этимъ Рютимейеръ съ очевидностью доказываетъ постепенный переходъ одной фауны въ другую, но я дѣлаю это съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе читателя на одну замѣчательную

страницу въ трудѣ Рютимейера, которую привожу въ примѣчаніи *). Не менѣе прекрасно и то мѣсто, гдѣ излагается взглядъ

*) „Viel inniger und ununterbrochen ist die Verbindung der eocänen Säugethiere mit der Thierwelt der mittlern Tertiaerzeit.

„Auch für diese wäre es wohl möglich, an einzelnen Localitäten eine Unterabtheilung in verschiedene successive Stufen durchzuführen; ist man doch so weit gegangen, von einer ganzen Anzahl mittel-und obertertiaerer „Schöpfungen" zu sprechen. Allein schon die Parallele so feiner Unterscheidungen für weit entfernte Stellen würde auf die grössten Schwierigkeiten stossen, und vollends wäre es für den Zoologen, der zwischen zwei oder vier oder sechs sogenannten Species, d. h. Formen eines und desselben Typus, Vertretern einer und derselben Organisation, nur Unterschiede in den kleinen Details der Ausführung specieller Organe erkennen kann, eine starke Zumuthung, eine natürliche Verwandtschaft abzuweisen, auch wenn diese Species geographisch und historisch auseinander wohnen sollten. Dem Zoologen, dem eine solche Verwandtschaft natürlicher erscheint, als eine unabsehbare Reihe wirklich neuer Schöpfungen innerhalb Eines und desselben Rahmens der Organisation, entfaltet sich beim Ueberblick des tertiaeren Thierreichs eine Scene von so ausserordentlich reichem Leben und ausgeführt in so wenig fremden Formen und Farben, dass er dort sofort weniger die Wiege einer seither erstarkten Lebewelt, als das Füllhorn erblickt, aus dessen reichem Borne all jener Luxus von Leben stammt, der ausreichte, den grössten Theil der Erde während unabsehbarer Zeiten bis hinab auf unsere späten Tage zu bevölkern. Und wo sollte er in diesem Wogen und Drängen der Lebensfülle Grenzen setzen! Alle Lehren, welche einsichtige Prüfung heutigen Lebens ihm über die Art der Erhaltung desselben von einer Generation zur andern und durch Jahrhunderte einflösst, müsste er verläugnen, wollte er an den Stillstand—auch nur für einen Augenblick des mächtigen Stromes von Leben denken, dessen jetzt zwar stark getheilte und an manchen Stellen ohne Zweifel sehr geschwächte Fäden doch immerhin noch den grössern Theil des heute blosgelegten Festlands der Erde berieseln. Nur wenn es gelänge, den Ganges oder Indus an eines Anzahl Stellen plötzlich in die Erde zu versenken und dasselbe Wasser immer wieder von Neuem an die Oberfläche zu heben und Strecke für Strecke in die Fortsetzung des alten Bettes zu leiten, hätte man ein annähernd richtiges Bild des Lebensfortgangs, den die Vertreter successiver Schöpfungen uns lehren wollen. Und sollten wir, wenn wir schon in der Eocenzeit Organisationen erkennen, die sich bis heute an diesem oder jenem Punkt der Erde erhalten haben, uns weigern, auch die eocäne Thierwelt von diesem Bilde auszuschliessen? Ich denke, es liege näher zu vermuthen, dass nur die Ablagerungen des nie versiegtes Weltmeeres, dessen Buchten und Busen noch bis heute stets ihre Küstenlinien verändern und Stelle wechseln, uns einstweilen das Beth verdeckten, in welchem das eocäne Leben in die miocene Stufe überfloss." L. c. S. 28—29.

автора на морскую фауну, какъ болѣе древнюю, и на ея постепенный переходъ въ прѣсноводную и наземную. Говоря коротко, Рютимейеръ въ своемъ небольшомъ сочиненіи знакомитъ насъ съ *исторіей* животной жизни земнаго шара лучше, чѣмъ позднѣйшіе авторы въ ихъ толстыхъ книгахъ.

Рютимейеръ не остался одинокимъ въ своей попыткѣ вывести изъ употребленія зоологическія области: то же мнѣніе находимъ мы въ «Сибирской фаунѣ» академика Миддендорфа, но прибавимъ, что оба названные автора въ этомъ случаѣ совершенно неправы: пускай между областями существуетъ переходная полоса (главный аргументъ, приводимый и Рютимейеромъ и Миддендорфомъ), но если при сравненіи болѣе или менѣе отдаленныхъ участковъ выясняется различіе ихъ фаунъ—представленіе о зоологической области является само собою. Наконецъ, установленіе областей помогаетъ намъ дисциплинировать наши зоогеографическія свѣдѣнія, безъ чего движеніе науки впередъ не мыслимо.

Въ 1870 году G. Jäger и Em. Bessels высказали чрезвычайно смѣлую, но мало опирающуюся на факты гипотезу о существованіи въ міоценовый періодъ страны, лежавшей кругомъ сѣвернаго полюса,—Арктиды, которая, по ихъ мнѣнію, послужила соединительнымъ мостомъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ *). Впервые предположеніе о существованіи этой страны и ея зоогеографическомъ значеніи было высказано еще въ 1866 г.; но такъ какъ наиболѣе эта гипотеза была развита въ 1870 г., то я и разсматриваю ее теперь.

Факты, на которые опирается Егеръ, сводятся къ яко бы существующему сходству между фауной Сѣверной Америки и Европы, и только. Это пресловутое сходство долго было помѣхой правильному взгляду на прошлое земнаго шара. Оно вмѣстѣ съ преданіемъ объ исчезнувшей Атлантидѣ послужило къ предположенію о непосредственномъ соединеніи Европы съ Америкой; оно же послужило и къ предположенію Егера о посредственномъ соединеніи тѣхъ же странъ. Не вдаваясь въ подробности, скажу слѣдующее: если взять даже ту группу животныхъ, на которой остановился Егеръ (оле-

*) Die geographische Verbreitung der Hirsche mit Bezug auf die Geschichte der Polar-Länder. Petermann's Mittheilungen, Bd. 16, 1870, S. 82—92.

ней), то и тогда выходитъ, что сибирскій маралъ, по изслѣдованіямъ г. Сѣверцова, не отличимъ отъ американскаго вапити, который совершенно различенъ съ европейскимъ благороднымъ оленемъ. Единственный возможный отсюда выводъ состоитъ въ томъ, что азіатскій маралъ выдѣлился изъ общаго прародителя его и европейскаго благороднаго оленя, благодаря уединенію ихъ областей въ концѣ третичнаго или въ началѣ потретичнаго періода (существованіе въ это время пролива на мѣстѣ нынѣшняго бассейна р. Оби) и что отдѣленіе американскаго вапити отъ марала произошло только гораздо позднѣе, уже въ сравнительно недавній періодъ. Точно также распространеніе горныхъ барановъ опять указываетъ на недавнюю связь западной стороны Новаго Свѣта съ восточнымъ угломъ Стараго, но никакъ не обратно. Такимъ образомъ факты зоологической географіи говорятъ за непосредственное соединеніе Азіи съ Америкой, а не за посредственное соединеніе Европы съ Америкой. Слѣдовательно, чтобы оправдать свою гипотезу, Егеру остается только обратиться къ геологіи. Но геологическія данныя, кромѣ путаницы, ничего не вносятъ. Какъ извѣстно, значительная часть Европы носитъ на себѣ такъ называемый эрратическій наносъ, присутствіе котораго объясняется допущеніемъ существованія, такъ называемаго, ледниковаго періода (одного или двухъ). Существованіе этого періода допускается нынѣ всѣми и, надо сказать, объясняетъ множество фактовъ современнаго географическаго распространенія животныхъ и растеній. Егеръ замѣнилъ это предположеніе другимъ: допуская, что помянутый наносъ есть дѣйствительно сѣверный наносъ, онъ считаетъ его не продуктомъ чрезмѣрнаго развитія ледниковъ, а продуктомъ постояннаго дѣйствія моря, которое размывая существовавшую у сѣвернаго полюса страну, Арктиду, отлагало ея остатки на своемъ южномъ берегу. Егеръ не берется рѣшить, осталось ли отъ этой Арктиды нынѣ что-нибудь, кромѣ немногихъ острововъ и Гренландіи, но предполагаетъ, что она тянулась кругомъ полюса приблизительно до 75° с. ш., а мѣстами спускалась и гораздо южнѣе, даже до 50° с. ш., соединясь здѣсь съ міоценовымъ материкомъ Европы и Азіи (Скандинавія и Англія съ одной стороны и сѣверо-восточная Азія и Японія съ другой). Слѣдовательно, геологическихъ фактовъ, говорящихъ за эту гипо-

тезу, нѣтъ, а есть только допущеніе, которое не вяжется съ фактами зоологической географіи. Но можно сдѣлать еще и такое возраженіе: Егеръ ничѣмъ не доказалъ, что морское теченіе при томъ распредѣленіи материковъ въ міоценовую эпоху, которое онъ даетъ, переносило бы размытую почву Арктиды на свой южный берегъ: стоитъ только начертить его материки и принять во вниманіе зависимость морскихъ теченій отъ вращенія земли кругомъ оси, чтобы убѣдиться, что потокъ между Арктидой и міоценовымъ Европейско-Азіатскимъ материкомъ пошелъ бы не съ сѣвера къ югу, а на сѣверномъ берегу Европейско-Азіатскаго материка съ востока на западъ, затѣмъ повертывалъ бы вдоль соединительнаго англо-скандинавскаго моста на сѣверо-востокъ, протекалъ съ запада на востокъ у южнаго берега Арктиды и уносилъ если не весь, то большую часть наноса въ Тихій океанъ. Отсюда, я не вижу ничего, на что могъ бы опереться Егеръ въ своемъ смѣломъ предположеніи и, допуская существованіе Арктиды, не нахожу возможнымъ согласиться ни съ указанными для нея Егеромъ границами, ни съ ея зоогеографическимъ значеніемъ.

Не трудно видѣть, что гипотеза Егера имѣетъ много общаго съ гипотезою Бюффона о полярныхъ странахъ, какъ о центрахъ распространенія организмовъ. Сходство увеличится еще больше, если прибавить, что материки міоценоваго періода, по единогласному признанію всѣхъ геологовъ, обладали сравнительно съ нынѣшнимъ очень мягкимъ климатомъ, но ни геній Бюффона, ни смѣлость Егера и Бессельса не могутъ опровергнуть фактовъ, до сихъ поръ собранныхъ наукой, какъ не могли Кювье и Агассицъ отстоять постоянство видовъ.

Одну изъ послѣднихъ и безъ сомнѣнія самую большую работу по зоологической географіи составляетъ вышедшее въ 1876 г. сочиненіе Уэллеса *), который взялъ на себя трудъ, судя по программѣ, подарить зоологическую географію тѣмъ же, чѣмъ Де-Кандолль подарилъ ботаническую.

Трудъ Уэллеса раздѣленъ на четыре отдѣла: 1) основныя положенія и общія явленія распространенія; 2) распространеніе

*) *Alfr. Russel Wallace.* Die geographische Verbreitung der Thiere. Autorisirte deutsche Ausgabe von A. B. Meyer. Dresden. 1876.

вымершихъ животныхъ; 3) зоологическая географія и 4) географическая зоологія—какъ видно, программа весьма близкая къ программѣ ботанической географіи Де-Кандолля, но къ сожалѣнію этимъ только и ограничивается сходство двухъ названныхъ работъ. Изъ 1200 страницъ книги Уэллеса около 420 посвящено географической зоологіи, около 550—обзору зоологическихъ областей, который представляетъ собою не болѣе какъ характеристику принимаемыхъ Уэллесомъ зоологическихъ провинцій и округовъ, около 100—обзору распространенія и распредѣленія вымершихъ животныхъ и только около 100 же страницъ посвящены обзору условій, отъ которыхъ зависитъ распространеніе и распредѣленіе животныхъ. Изъ этого уже легко видѣть, что около $^{11}/_{12}$ книги наполнены отчасти сухимъ изложеніемъ фактовъ географической зоологіи, отчасти сравнительнымъ обзоромъ фаунъ разныхъ странъ, и только $^{1}/_{12}$ посвящена собственно зоологической географіи, т. к. обзоръ разныхъ странъ съ фаунистической точки зрѣнія, въ томъ видѣ какъ его далъ Уэллесъ, никакъ не можетъ относиться къ зоологической географіи: въ зоологической географіи зоологическія области разсматриваются не иначе какъ извѣстное обобщеніе, какъ извѣстные выводы изъ изученія условій распространенія; если же условія распространенія затронуты крайне поверхностно, какіе же на нихъ можно строить выводы? Оттого-то и выходитъ, что почти каждый зоогеографъ дѣлитъ зоологически поверхность земнаго шара по своему, что у всѣхъ ихъ нѣтъ основы, на которую можно было бы опереться, что всѣ ихъ выводы не болѣе какъ аргіогп'ыя сужденія. Только тогда и можно надѣяться на установленіе общепризнанныхъ зоологическихъ округовъ, когда основа дѣленія будетъ также признана всѣми и когда вопросъ о ней, само собой разумѣется, достигнетъ извѣстной степени разработки.

Въ такомъ трудѣ, какимъ является трудъ Уэллеса, который посвященъ не какому-либо частному вопросу, а общему обзору распредѣленія животныхъ во времени и пространствѣ, изученіе факторовъ, обусловливающихъ современное распространеніе и распредѣленіе животныхъ, должно послужить основою всему. Только запасшись такимъ знаніемъ, можно надѣяться возстановить до извѣстной степени фауны прошлыхъ временъ. Ограничиться же изуче-

ніемъ современнаго распространенія и распредѣленія даже не видовъ, а родовъ и семействъ, едва затронувъ факторы, обусловливающіе его, и прибавивши къ этому крайне отрывочныя палеонтологическія данныя, можно ли, основываясь на этомъ, соединять или разъединять материки? По моему мнѣнію, положительно немыслимо, имѣя дѣло съ живымъ организмомъ, который подчиняется страшно сложной суммѣ отдѣльныхъ факторовъ, толковать о прежнемъ протяженіи материковъ, если не будетъ узнано и принято во вниманіе по крайней мѣрѣ большинство этихъ факторовъ, и Семперъ совершенно справедливо упрекаетъ Уэллеса, говоря, что онъ «alles, auch die complicirtesten Verhältnisse, durch sogenannte einfache Principien erklären zu wollen». Итакъ, говоря коротко, соотношеніе организмовъ и ихъ отношеніе къ средѣ въ тѣсномъ смыслѣ осталось совершенно невыясненнымъ; точно также современныя измѣненія въ фаунахъ указаны весьма поверхностно и мы съ трудомъ найдемъ въ книгѣ Уэллеса что-нибудь лишнее сравнительно съ тѣмъ, что есть по этому предмету у Ляйэлля и Дарвина.

Пойдемъ далѣе. Въ V главѣ перваго отдѣленія Уэллесъ приводитъ тѣ классификаціи, которыми онъ пользовался при составленіи обзора распространенія животныхъ во времени и пространствѣ. Вопросъ о классификаціи въ этомъ случаѣ весьма важенъ. Такъ какъ принявши генеалогическое ученіе, мы тѣмъ самымъ ставимъ себѣ задачею уяснить переходъ одной фауны въ другую, то выборъ возможно болѣе естественной классификаціи, обнимающей и современныя намъ и вымершія формы, конечно, долженъ стать на первомъ мѣстѣ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что Уэллесъ не достаточно строго отнесся къ выбору классификацій. Такъ напр., классификаціи звѣрей Гёксли и Флауера устарѣли и могутъ быть значительно исправлены, классификація наземныхъ моллюсковъ совсѣмъ неестественна и почти никѣмъ не принимается въ настоящее время и т. д.

Какъ ни коротка слѣдующая глава о вымершихъ формахъ, она тѣмъ не менѣе самая интересная во всемъ трудѣ Уэллеса, т. к. представляетъ собою довольно полную сводку палеонтологическихъ данныхъ, имѣющихъ зоогеографическій интересъ.

Весьма объемистый отдѣлъ географической зоологіи, кромѣ множества собранныхъ въ немъ фактовъ, не представляетъ ничего останавливающаго на себѣ вниманіе и мы напрасно стали бы искать въ немъ указаній на значеніе мѣстныхъ формъ или попытокъ объяснить происхожденіе послѣднихъ.

Въ отдѣлѣ зоологической географіи существуетъ положеніе, поражающее своей ненаучностью: принимая въ общихъ чертахъ первостепенныя зоологическія области, установленныя Склэтеромъ (за исключеніемъ установленной Склэтеромъ пацифической), Уэллесъ при опредѣленіи второстепенныхъ говоритъ, что т. к. каждая первостепенная область можетъ быть, по его мнѣнію, подраздѣлена на 4 второстепенныхъ, то надо удержать это дѣленіе ради практическихъ выгодъ, хотя бы оно было и неестественно (стр. 99—100). Я не думаю, чтобы кто-нибудь отдалъ предпочтеніе равному числу подобластей для каждой первостепенной области передъ ихъ естественностью и дѣйствовать такъ значитъ тормозить науку.

Но безъ сомнѣнія одинъ изъ наибольшихъ недостатковъ труда Уэллеса состоитъ въ томъ, что распространеніе морскихъ организмовъ почти совсѣмъ не изучено авторомъ «The geographical Distribution of Animals». Интереснѣе всего то, что при чтеніи книги Уэллеса само собою бросается въ глаза, откуда вкрался такой важный недостатокъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Отыскивая принципы для раздѣленія поверхности земнаго шара на зоологическія области, Уэллесъ говоритъ, что эти принципы лежатъ въ современномъ распространеніи и распредѣленіи животныхъ *) и сейчасъ же за-

*) Сѣверцовъ упрекаетъ Уэллеса за односторонность, говоря, что при установленіи зоологическихъ областей онъ систематически игнорировалъ современныя физическія условія. Я къ этому прибавлю упрекъ въ противорѣчіи: Уэллесъ основалъ свои области почти исключительно на геологическихъ данныхъ и не потрудился какъ слѣдуетъ изучить ни соврем. геогр. распростр. животныхъ (по видамъ), ни факторовъ этого распространенія, что не помѣшало ему на стр. 68 сказать слѣдующее: „Wenn es sicher gestellt ist, dass die Hauptdifferenzen, welche es jetzt zwischen zwei Arealen giebt, in Miocän- oder Pliocän-Zeiten nicht existirten, so ist die Thatsache von grossem Interesse, und sie befähigt uns mit einem gewissen Grade von Wahrscheinlichkeit über die Ursachen zu raisonniren, welche den gegenwärtigen Zustand der Dinge herbeigeführt haben; aber es giebt dieses keinen Grund

дается вопросомъ, распространеніе какого класса животныхъ должно служить основаніемъ для учрежденія зоологическихъ провинцій? На этотъ вопросъ, конечно, не трудно было отвѣтить: классъ млекопитающихъ долженъ служить основаніемъ для учрежденія зоологическихъ провинцій и къ установленнымъ такимъ путемъ провинціямъ распространеніе животныхъ другихъ классовъ остается только подвести. Въ этомъ-то подведеніи и произошла ошибка: распредѣленію млекопитающихъ придано слишкомъ большое значеніе. Морскія млекопитающія, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ животныя прибрежныя, слѣдовательно ихъ области можно причислить къ областямъ наземныхъ, стоитъ только вести границу областей не по берегу, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Уэллесъ такъ и дѣлаетъ, какъ будто никакихъ другихъ морскихъ животныхъ, кромѣ млекопитающихъ, нѣтъ. Распространеніе рыбъ упомянуто, но только упомянуто. Уэллесъ говоритъ (69), что большинство морскихъ животныхъ живетъ въ мелкихъ водахъ и потому останавливаться на распространеніи морскихъ животныхъ не считаетъ нужнымъ, удѣляя ему только нѣсколько строкъ при опредѣленіи областей распространенія наземныхъ животныхъ. Изучать распространеніе морскихъ животныхъ такимъ образомъ немыслимо. Начать съ того, что море имѣетъ свою собственную фауну, представители которой нисколько не связаны въ своемъ распространеніи съ мелководьемъ. Во-вторыхъ, Эдвардъ Форбсъ показалъ, что распространеніе животныхъ въ морѣ можетъ быть сравнено съ распространеніемъ наземныхъ на горахъ. Такимъ образомъ распространеніе морскихъ организмовъ стоитъ въ зависимости отъ еще болѣе сложныхъ условій, чѣмъ распространеніе наземныхъ. Станціи моря идутъ не только въ горизонтальномъ направленіи, какъ въ большинствѣ случаевъ на сушѣ, но и въ вертикальномъ. Тѣ же причины, которыя обусловливаютъ распространеніе наземныхъ животныхъ, обусловливаютъ распространеніе и морскихъ. Конечно, до сихъ поръ мы

---

ab, jene zwei Areale in eine Region zu vereinigen. Unsere Aufgabe ist es, soviel als möglich die Hauptzüge der Verbreitung der jetzt lebenden Thiere, nicht jene irgend einer oder aller vergangenen geologischen Epochen darzustellen.“ L. c. S. 68, B. I.

знаемъ распространеніе морскихъ животныхъ очень мало, но то, что знаемъ, должно привести насъ къ одному заключенію, что изучать геогр. распространеніе морскихъ и наземныхъ животныхъ должно параллельно. Это два ряда, къ изученію которыхъ должны быть приложены одни и тѣ же принципы. Какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ мы встрѣтимъ фауны различной древности; какъ тамъ, такъ и здѣсь мы встрѣтимъ и первостепенныя зоологическія провинціи и второстепенныя области, но смѣшивать морскую и наземную фауны нельзя,—это фауны различныхъ *средъ*, фауны параллельныя, но различныя. Кажущееся затрудненіе отъ существованія прѣсноводныхъ организмовъ не должно насъ смущать, такъ какъ *географически* они должны быть пріурочены къ сушѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наши знанія говорятъ намъ, что міръ наземныхъ животныхъ—міръ позднѣйшій сравнительно съ міромъ водныхъ животныхъ. До тѣхъ поръ, пока выдѣлились позвоночныя, наземная фауна очевидно была далеко не такъ развита, какъ нынѣ, и несомнѣнно состояла только изъ Protozoa, Mollusca и Arthropoda, но, какъ показываетъ исторія развитія, наземныя Protozoa, Mollusca и Arthropoda произошли изъ водныхъ, а не обратно. Съ теченіемъ времени, когда выдѣлились позвоночныя, наземная фауна развилась гораздо больше, но мы видимъ, что между низшими позвоночными—рыбами—нѣтъ ни одной формы, которая обладала бы способностью существовать внѣ воды. Впервые эта особенность является у Amphibia, среди которыхъ собственно наземной формой являются, повидимому, только цециліи. Поднимаясь выше, между Reptilia, мы видимъ съ одной стороны формы болѣе или менѣе водныя, съ другой исключительно наземныя; слѣдовательно, здѣсь уже два параллельные ряда. Среди птицъ также встрѣчаемъ формы болѣе приспособленныя къ водной жизни, но какъ водныя Reptilia, такъ и плавающія птицы въ извѣстное время года нуждаются въ сушѣ—именно во время кладки яицъ, а потому отнесены къ водной фаунѣ быть не могутъ. Звѣри представляютъ два параллельные ряда формъ—водныхъ и наземныхъ. Такимъ образомъ двѣ среды имѣютъ каждая свою фауну и представители этихъ фаунъ по своей организаціи настолько тѣсно связаны съ обитаемой ими средой, что изучать ихъ независимо отъ нея немыслимо.

Отсюда, я надѣюсь, никто не станетъ возражать противъ положенія о необходимости параллельнаго изученія водныхъ и наземныхъ фаунъ. Затрудненіе при такомъ изученіи возникаетъ только вслѣдствіе существованія такихъ формъ, которыя, какъ нѣкоторыя рыбы или ракообразныя, принадлежа къ несомнѣнно воднымъ жителямъ, обладаютъ способностью жить нѣкоторое время внѣ воды. Но это неудобство устранится, если распространеніе такихъ *аномальныхъ* формъ изучать отдѣльно, самостоятельно, что не представляетъ трудности при ихъ незначительномъ числѣ. Итакъ, по группамъ водная и наземныя фауны будутъ выражены слѣдующими рядами:

водная:	*наземная:*
Protozoa aquat.	Protozoa terr.
Coelenterata (нѣкоторые гидроидные полипы—Hydr'ы и Cordylophara—географически пріурочены къ наземной фаунѣ).	
Vermes aquat.	Vermes terr.
Echinodermata.	
Mollusca aquat.	Mollusca terr.
Arthropoda aquat.	Arthropoda terr.
Pisces (часть ихъ географически пріурочена къ наземной фаунѣ).	
Amphibia aquat.	Amphibia terr.
Reptilia aquat.	Reptilia terr.
Amphibia и Reptilia географически пріурочены къ наземной фаунѣ.	
	Aves.
Mammalia aquat.	Mammalia terr.

Вопросъ о центрахъ распространенія и значеніи общей физіономіи фаунъ Уэллесомъ едва затронутъ.

Слѣдуя своему обыкновенію, привожу принимаемыя Уэллесомъ зоологическія области.

I. *Древне-арктическая* состоитъ изъ подобластей *сѣверно-европейской, средиземно-морской, сибирской* и *манчжурской.*

II. *Эѳіопская* состоитъ изъ подобластей *восточно-африканской, западно-африканской, южно-африканской* и *мадагаскарской.*

III. *Восточная* состоитъ изъ подобластей *индостанской, цейлонской, индокитайской* и *индомалайской.*

IV. *Австралійская* состоитъ изъ подобластей *австромалайской, австралійской, полинезійской* и *новозеландской.*

V. *Ново-тропическая* состоитъ изъ подобластей *чилійской, бразильской, мексиканской* и *антильской.*

VI. *Ново-арктическая* состоитъ изъ подобластей *калифорнской, подобласти Скалистыхъ горъ, аллеганской* и *канадской.*

Другое болѣе раннее, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющее и болѣе частный зоогеографическій интересъ, сочиненіе Уэллеса составляетъ „The Malay Archipelago", въ которомъ авторъ даетъ весьма обстоятельную картину современнаго состоянія фауны названнаго архипелага и исторіи послѣдней. Въ текстѣ намъ достаточно сказать, что въ «Малайскомъ архипелагѣ» Уэллесомъ собрано множество данныхъ, свидѣтельствующихъ справедливость положенія Эдв. Форбса, что въ объясненіи происхожденія островныхъ фаунъ имѣетъ громадное значеніе иное очертаніе материковъ и морей въ прежнія геологическія эпохи; однако, придавая этому фактору первостепенное значеніе, Уэллесъ тѣмъ не менѣе не находитъ возможнымъ держаться его исключительно и точно также признаетъ значеніе за случайными способами распространенія. По мнѣнію Уэллеса, въ настоящее время, на основаніи зоологическихъ, ботаническихъ и геологическихъ данныхъ, можно принять, что въ томъ случаѣ, когда островъ отдѣленъ отъ близъ лежащаго материка моремъ неглубокимъ,—мы можемъ признавать недавнюю принадлежность острова къ материку; въ противномъ случаѣ это признаніе становится невозможнымъ, а животное и растительное населеніе говорятъ за происхожденіе его фаунъ и флоръ случайнымъ путемъ. Въ примѣчаніи я нахожу нужнымъ привести нѣсколько наиболѣе выдающихся мѣстъ изъ «Малайскаго архипелага», доказывающихъ, что въ этомъ сочиненіи Уэллесъ только далъ исторію происхожденія фауны разныхъ частей Малайскаго архипелага, исходя изъ положеній Форбса съ одной стороны и Ляйэлля и Дарвина съ другой *).

*) Говоря о естественной исторіи группы Тимора, Уэллесъ заканчиваетъ главу слѣдующими словами: „It has been objected to Mr. Darwin's theory,—

Въ 1880 году вышло въ свѣтъ послѣднее сочиненіе Уэллеса „Island Life“, но для того, кто знакомъ съ сочиненіями того же

---

of Oceanic Islands having never been connected with the mainland,—that this would imply that their animal population was a matter of chance; it has been termed the „*flotsam* and *jetsam* theory“, and it has been maintained that nature does not work by the „chapter of accidents“. But in the case which I have here described, we have the most positive evidence that such *has* been the mode of peopling the islands. Their productions *are* of that miscellaneous character which we schould expect from such an origin; and to suppose that they have been portions of Australia or of Java will introduce perfectly gratuitous difficulties, and render it quite impossible to explain those curious relations which the best known group of animals (the birds) have been shown to exhibit. On the other hand, the depth of the surrounding seas, the form of the submerged banks, and the volcanic character of most of the islands, all point to an independent origin“. T. I, p. 329—330.

За теорію Форбса Уэллесъ высказывается въ слѣдующемъ мѣстѣ: „The anomalies and eccentricities in the natural history of Celebes which I have endeavoured to sketch in this chapter, all point to an origin in a remote antiquity. The history of extinct animals teaches us, that their distribution in time and in space are strikingly similar. The rule is, that just as the productions of adjacent areas usually resemble each other closely, so do the productions of successive periods in the same area; and as the productions of remote areas generally differ widely, so do the productions of the same area at remote epochs. We are therefore led irresistibly to the conclusion, that change of species, still more of generic and of family form, is a matter of time. But time may have led to a change of species in one country, while in another the forms have been more permanent, or the change may have gone on at an equal rate but in a different manner in both. In either case the amount of individuality in the productions of a district, will be to some extent a measure of the time that district has been isolated from those that surround it. Judged by this standard, Celebes must be one of the oldest parts of the Archipelago. It probably dates from a period not only anterior to that when Borneo, Java, and Sumatra were separated from the continent, but from that still more remote epoch when the land that now constitutes these islands had not risen above the ocean. Such an antiquity is necessary, to account for the number of animal forms it possesses, which show no relation to those of India or Australia, but rather with those of Africa; and we are led to speculate on the possibility of there having once existed a continent in the Indian Ocean which might serve as a bridge to connect these distant countries. Now it is a curious fact, that the existence of such a land has been already thought necessary, to account for the distribution of the curious Quadrumana forming the family of the Lemurs. These have their metropolis in Madagascar, but are found also

автора „Geographical Distribution of Animals“ и „The Malay Archipelago“, Island Life не представляетъ никакого интереса: это не болѣе какъ прекрасная популяризація общихъ зоогеографическихъ соображеній Уэллеса, высказанныхъ имъ ранѣе въ двухъ названныхъ работахъ. Къ какому же выводу приходимъ мы, оцѣнивая заслуги Уэллеса, какъ зоогеографа? Мнѣ кажется, я не погрѣшу, сказавши, что въ этомъ отношеніи за Уэллесомъ остаются только двѣ заслуги: 1) чрезвычайно вѣскія, собранныя имъ въ «Малайскомъ архипелагѣ», доказательства въ пользу значенія геологическихъ данныхъ въ дѣлѣ объясненія современнаго распространенія и распредѣленія животныхъ и 2) компиляція громаднаго количества фактовъ, относящихся къ современному и прошлому распространенію животныхъ.

Несомнѣнно, что еслибы Уэллесъ взялъ за исходную точку изученіе распространенія видовъ, а не семействъ и родовъ, какъ это имъ сдѣлано, всѣ перечисленные недостатки его книги не существовали бы. Доказательствомъ этого служитъ уже то, что Склэтеръ, устанавливавшій свои подобласти не только на изученіи распространенія семействъ и родовъ, но и видовъ, далъ гораздо болѣе естественныя подобласти, а не должно забывать, что установленіе естественныхъ областей и подобластей не болѣе какъ краткое резюме изученія факторовъ географическаго распредѣленія видовъ животныхъ во времени и пространствѣ.

Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ труда Уэллеса, Н. А. Сѣверцовъ сдѣлалъ предварительное сообщеніе о зоологическихъ

---

in Africa, in Ceylon, in the peninsula of India, and in the Malay Archipelago as far as Celebes, which is its furthest eastern limit. Dr. Sclater has proposed for the hypothetical continent connecting these distant points, and whose former existence is indicated by the Mascarene islands and the Maldive coral group, the name of Lemuria. Whether or no we believe in its existence in the exact form here indicated, the student of geographical distribution must see in the extraordinary, and isolated productions of Celebes, proofs of the former existence of some continent from whence the ancestors of these creatures, and of many other intermediate forms, could have been derived.“ L. c. T. I, p. 444—445.

См. также введеніе—„Physical Geography“.

областяхъ внѣ-тропическихъ частей нашего материка *), при чемъ коснулся метода изслѣдованія. По мнѣнію г. Сѣверцова, въ основу дѣленія материка на зоологическія области должны лечь не только палеонтологическая исторія мѣстныхъ фаунъ и геологическое образованіе этихъ странъ, но и нынѣшнія физико-географичкія условія. «Повѣряя сибирскую область (Уэллеса), говоритъ онъ, я нашелъ, что не менѣе 40 средне-азіатскихъ родовъ птицъ собственно въ восточно-сибирской тайгѣ не встрѣчаются; также 6 родовъ звѣрей; и, наоборотъ, 28 родовъ сибирскихъ птицъ и 12 (съ полярными и морскими) родовъ звѣрей не встрѣчаются въ средней Азіи. Это такія различія, которыя Уэллесъ признаетъ достаточными для раздѣленія даже первоклассныхъ зоологическихъ областей, не только для subregiones. Кромѣ того, уже одно установленіе этой сибирской области, гдѣ Уэллесъ однако различаетъ и тайгу, и пастбищныя степи, и пустыни, показываетъ систематическое игнорированіе современныхъ физическихъ условій, опредѣляющихъ географическое распространеніе животныхъ. На это онъ, конечно, имѣлъ нѣкоторыя причины. Именно, ему могло казаться, что генетически эта область одна, потому что первоначально она составляла одну азіатскую фауну въ третичный періодъ. Но едва ли такая односторонность вполнѣ научна, потому что мы занимаемся нынѣшнимъ распространеніемъ животныхъ. Исторія, конечно, тутъ играетъ чрезвычайно важную роль, потому что она объясняетъ многое, что трудно объяснимо современными физическими условіями, но, тѣмъ не менѣе, она не единственное объясненіе. По мѣрѣ измѣненія этихъ физическихъ условій: климата, пищи, безопасности, убѣжища, мѣняется и самая фауна». Затѣмъ, на основаніи сказаннаго, г. Сѣверцовъ переходитъ къ обзору установленныхъ Склэтеромъ, Эльуесомъ и Уэллесомъ областей внѣ-тропическихъ частей нашего материка и приходитъ къ заключенію, что пале-арктическая область является совершенно естественной, если исправить границу, данную ей Склэтеромъ, и признать за таковую предѣлъ физическій—

*) О зоологическихъ (преимущественно орнитологическихъ) областяхъ внѣ-тропическихъ частей нашего материка. Извѣстія Русскаго Географическаго Общества. Т. XIII.

предѣлъ тропическихъ дождей (вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверная граница распространенія попугаевъ и обезьянъ) и выдѣлить еще изъ палеарктической области *китайско-гималайскую* область или, лучше, *восточно-азіатскую*. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Сѣверцовъ даетъ и болѣе дробныя подраздѣленія этихъ двухъ областей, при чемъ прямо высказывается за невозможность провести между послѣдними линейную границу, такъ какъ онѣ представляютъ постепенный переходъ одной въ другую. Послѣднее совершенно вѣрно, но нельзя согласиться съ тѣмъ основаніемъ, на которомъ г. Сѣверцовъ строилъ свой выводъ. По мнѣнію г. Сѣверцова центры этихъ подраздѣленій въ прежніе геологическіе періоды были островами, и хотя мало-по-малу ихъ фауны на большихъ материкахъ смѣшиваются по границамъ, тѣмъ не менѣе центры этихъ естественныхъ областей остаются обособленными. Во многихъ случаяхъ это, конечно, совершенно вѣрно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы это было вѣрно всегда, и при установленіи зоологическихъ областей намъ нѣтъ никакого дѣла до того *съ дѣйствительнымъ* или *мнимымъ* центромъ распространенія мы имѣемъ дѣло: лишь бы только двѣ фауны рѣзко отличались одна отъ другой, и мы *обязаны* раздѣлить ихъ по разнымъ участкамъ, независимо отъ ихъ происхожденія. Наконецъ, мало того: если бы центры современныхъ зоологическихъ областей дѣйствительно всегда были прежними островами, въ такомъ случаѣ Уэллесъ былъ бы совершенно правъ, основывая свое подраздѣленіе материковъ на зоологическіе участки, исходя изъ геологическихъ данныхъ, и не за что было бы его упрекать. Слѣдовательно, является противорѣчіе между тѣмъ съ чего началъ г. Сѣверцовъ и его послѣдующей фразой.

Нельзя не пожалѣть, что методъ зоологическихъ изслѣдованій г. Сѣверцовымъ только затронутъ. «Для того чтобы вполнѣ разъяснить зоологическую географію, говоритъ авторъ, требуется очень и очень много труда. Мало сличать, какъ я дѣлалъ, десятки мѣстныхъ фаунъ малыхъ округовъ и сочетать эти малые округа въ болѣе значительные. Этого мало. Напримѣръ, въ пале-арктической области (съ восточно-азіатской) мнѣ извѣстны 1800 видовъ птицъ. Для того, чтобы достигнуть вполнѣ естественнаго зоогеографическаго дѣленія на округа, нужно подробно изучить границы каждаго изъ этихъ 1800 видовъ. И этого мало. Нужно изслѣдо-

вать не только предѣлы ихъ распространенія, но и всѣ физическія и геологическія (на сколько они опредѣлимы) условія, которыя обусловливаютъ эти границы. Тогда только начинаетъ опредѣляться область распространенія каждаго изъ этихъ видовъ». Это вмѣстѣ съ указаніемъ на значеніе современныхъ физическихъ условій, опредѣляющихъ распространеніе животныхъ, къ сожалѣнію, все, что сказано г. Сѣверцовымъ: я не погрѣшу, сказавши, что зоогеографическій методъ имъ не выясненъ, а только указанъ. Всякій, кто помнитъ сказанное мною о фитогеографическомъ методѣ Де-Кандолля, конечно, согласится, что методъ г. Сѣверцова тотъ же самый, только пересаженный на зоологическую почву.

Еще одно замѣчаніе. Г. Сѣверцовъ, какъ видно даже изъ цитуемыхъ мѣстъ, иногда сравниваетъ распредѣленіе по зоологическимъ участкамъ не видовъ, а родовъ. Большимъ противорѣчіемъ указанному имъ методу это считать нельзя, потому что рода, принимаемые г. Сѣверцовымъ, чрезвычайно дробны и во многихъ случаяхъ объемъ его рода равенъ или даже тѣснѣе прежняго видоваго, а видовой объемъ сводится къ прежнему подвидовому. Такое же дробное дѣленіе удерживается и мною. Признавая подвиды или разновидности за зачинающіеся виды, зоологъ тѣмъ самымъ ставится въ необходимость отличать и отмѣчать такъ или иначе группы, обладающія тѣмъ или другимъ рядомъ признаковъ *).

*) Такъ какъ работа г. Сѣверцова до сихъ поръ одна изъ послѣднихъ, въ которыхъ трактуется объ установленіи большихъ зоологическихъ областей, то я позволю себѣ прибавить здѣсь нѣсколько словъ объ установленіи зоологическихъ областей вообще. Выше я нѣсколько разъ говорилъ, что въ подраздѣленіи, предложенномъ тѣмъ или другимъ авторомъ, нѣкоторыя области являются естественными, или что все подраздѣленіе вообще болѣе естественно, чѣмъ существовавшія раньше. Я говорилъ это безразлично объ областяхъ разныхъ категорій, и считаю себя правымъ, что не останавливался на этомъ болѣе подробно. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы какъ слѣдуетъ указать въ чемъ состоятъ недостатки дѣленія того или другаго автора, мнѣ пришлось бы не только по видамъ провѣрять составъ фаунъ его провинцій, но даже *возстановлять тѣ списки, которые существовали до того времени.* Такъ, напримѣръ, чтобы дать критическую оцѣнку областей Шмарды, я долженъ бы былъ изучить не только видовой составъ фаунъ его провинцій, но притомъ *по источникамъ только до 1855* г.—года выхода книги Шмарды, такъ какъ само собою разумѣется я не имѣлъ бы никакого права обвинять

Одна изъ послѣднихъ работъ, о которыхъ я говорю въ этой главѣ, небольшая, но дѣльная статья Семпера о задачахъ совре-

---

Шмарду за то или другое, еслибы основу этого обвиненія составляли факты, добытые наукой послѣ 55 года. Но я считаю *такое* критическое изслѣдованіе, во-первыхъ, непосильнымъ для одного человѣка, а во-вторыхъ, и довольно безплоднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основаны неправильныя, неестественныя подраздѣленія земнаго шара на зоологическія области? Съ одной стороны на извѣстномъ болѣе или менѣе неудачно выбранномъ критеріи, съ другой—на недостаткахъ систематики, на отсутствіи нужныхъ свѣдѣній. Послѣднее исправляется временемъ, слѣдовательно, этому горю придавать большаго значенія не слѣдуетъ; но первое—выборъ критерія, хотя отчасти, конечно, зависитъ болѣе или менѣе отъ состоянія нашихъ фактическихъ знаній, но за то представляетъ собою и нѣчто произвольное, что обусловливается личными свойствами того или другаго автора. Какъ все же произвольное и выборъ извѣстнаго критерія можетъ только тогда сдѣлаться общепризнаннымъ, когда будетъ указано насколько предлагаемый критерій стоитъ въ согласіи съ современнымъ состояніемъ разныхъ отдѣловъ біологическихъ наукъ. Послѣднее достигается только историческимъ обзоромъ литературы, указаніемъ того, что отжило свой вѣкъ и что живетъ, что во взглядахъ того или другаго автора представляетъ собою дѣйствительный вкладъ въ науку и что непригодный матеріалъ, и вотъ указаніе-то этого я и думалъ дать въ большей или меньшей степени моимъ историческимъ обзоромъ зоогеографической литературы.—Выше я указалъ, что только методъ Де-Кандолля и Сѣвердова можетъ привести насъ къ установленію естественныхъ онтологическихъ областей, но я тогда же указалъ на страшныя трудности (да на это указали и оба названные автора), которыя приходится испытывать при изученіи областей распространенія видовъ, а еще болѣе при составленіи картъ этого распространенія. Подобныя карты и подобное собраніе и провѣрка нужныхъ для нихъ матеріаловъ, быть можетъ, будутъ составлены для всѣхъ извѣстныхъ видовъ только черезъ нѣсколько столѣтій. Но неужели до тѣхъ поръ зоо- и фитогеографія должны оставаться въ современномъ состояніи? Конечно, нѣтъ: медленно, но постоянно онѣ все-таки будутъ подвигаться по пути прогресса, пользуясь всѣми открытіями другихъ отраслей біологическихъ наукъ, и почему это движеніе никогда не прекратится—видѣть очень не трудно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ устанавливаютъ зоологическія и ботаническія области новѣйшіе зоогеографы? Изучаютъ ли они видовой составъ фаунъ разныхъ мѣстностей и только, или же исходятъ изъ изученія областей установленныхъ ранѣе? Безъ сомнѣнія, они идутъ послѣднею дорогой. Зоологъ или ботаникъ, изучая какую-либо мѣстность со стороны фауны и флоры настоящаго и прошедшаго времени, уже тѣмъ самымъ ставится въ необходимость критиковать установленную до него зоологическую или ботаническую область; собранными имъ матеріалами онъ исправляетъ

менной зоологической географіи *). Въ этой статьѣ Семперъ если и не указываетъ какъ слѣдуетъ пути для зоогеографическаго изслѣдованія, за то совершенно вѣрно опредѣляетъ задачи зоогеографіи **) и даетъ весьма цѣнныя указанія на то, что долженъ имѣть въ виду каждый занимающійся изученіемъ географическаго распространенія и распредѣленія животныхъ. Со времени появленія теоріи Дарвина, говоритъ Семперъ, біологическія науки имѣютъ полное право на мѣсто среди историческихъ наукъ, такъ какъ современные біологи уже не довольствуются описаніемъ и констатированіемъ фактовъ, но стараются связать ихъ въ одну непрерывную цѣпь, найти между фактами причинную зависимость, однимъ словомъ изъ *лѣтописцевъ* превращаются въ *историковъ*. Наиболѣе отразилось это на зоогеографахъ. Если до Дарвина зоогеографы довольствовались не болѣе какъ констатированіемъ фактовъ современнаго географическаго распространенія животныхъ

ту или другую ея границу, сближаетъ ее болѣе съ одною областью и отдѣляетъ отъ другой и т. д., а все это не ведетъ ли въ результатѣ къ установленію естественныхъ онтологическихъ областей? Вотъ почему, пробѣгая списки зоологическихъ областей, приведенные мною, и можно видѣть, что отъ Иллигера до Сѣверцова, говоря вообще, зоологическія области постепенно становятся болѣе и болѣе естественными. Исключеніе составляетъ только Уэллесъ при установленіи его второстепенныхъ областей, но и этотъ примѣръ не только не противорѣчитъ тому, что я сейчасъ сказалъ, но даже даетъ этому прекрасное подтвержденіе: Уэллесъ установилъ свои подобласти самостоятельно и не провѣривъ подобластей установленныхъ прежде, установилъ ихъ на фактахъ и малочисленныхъ, и плохо сгруппированныхъ, и потому подобласти Уэллеса не выдерживаютъ даже слабой критики. Поэтому, стремясь изучить распространеніе и условія распространенія каждаго вида, мы тѣмъ не менѣе въ настоящее время никакъ не должны пропускать случая исправить въ томъ или другомъ отношеніи нынѣ принимаемыя зоологическія области. Такимъ образомъ постепенное приближеніе къ установленію естественныхъ областей и къ основательному собранію нужнаго для этого матеріала будутъ идти рука объ руку. Не будемъ, наконецъ, забывать, что и зоологическая и ботаническая области не представляютъ собою чего-либо неизмѣннаго и сколько тѣхъ и другихъ областей исчезнетъ съ лица земли, пока изученіе распространенія видовъ животныхъ и растеній достигнетъ желаемой степени полноты и точности.

*) *Semper*. Ueber die Aufgabe der modernen Thiergeographie. Berlin. 1879.

**) „Eine wissenschaftliche Geschichte der verschiedenen Faunen unserer Erde jetzt und in früheren Perioden ihrer Entstehung". S. 27.

и не имѣли почти никакого представленія о томъ, каково было это распространеніе въ прошлое время, за то со времени Дарвина задача зоогеографіи—изучать распространеніе и распредѣленіе животныхъ организмовъ во времени и пространствѣ—выступила передъ всѣми и сразу поставила зоогеографію въ рядъ историческихъ наукъ. Но одно дѣло теорія, другое—практика. Легко сказать—изучать распредѣленіе организмовъ во времени и пространствѣ и трудно это выполнить. Одному зоогеографу эта задача положительно не подъ силу и можетъ быть выполнена только тогда, когда на помощь къ нему придутъ спеціалисты по другимъ отдѣламъ біологическихъ наукъ.

Въ самомъ дѣлѣ: представьте себѣ, что мы въ совершенствѣ знаемъ современное географическое распредѣленіе животныхъ; представьте себѣ, что намъ удалось ознакомиться со всѣми факторами, которые нынѣ обусловливаютъ распредѣленіе животныхъ; оно все-таки останется для насъ совершенно непонятнымъ, такъ какъ мы не знаемъ одного главнаго фактора, это—прошлое географическое распредѣленіе, которое по отношенію къ настоящему является въ разныхъ своихъ фазахъ не болѣе какъ извѣстными ступенями развитія. Но изучать географическое распредѣленіе животныхъ въ прошлыя времена или, выражаясь точнѣе, собирать для этого матеріалы, долженъ не зоогеографъ, а палеонтологъ. На обязанности послѣдняго лежитъ сказать намъ въ какомъ пластѣ, въ какую геологическую эпоху существовалъ тотъ или другой прародитель той или другой нынѣ существующей формы и, только получивши эти свѣдѣнія, зоогеографъ можетъ сказать каково было распредѣленіе формъ извѣстной группы во времени, указать на центръ распространенія этой группы. Отсюда само собой понятно, что зоогеографъ всегда находится въ зависимости отъ палеонтолога и тѣмъ дальше пойдетъ зоогеографія въ разрѣшеніи своей задачи, чѣмъ дальше подвинется впередъ палеонтологія. Какъ идеалъ нашего знанія должно поставить передъ собой опредѣленіе центра распространенія первыхъ животныхъ организмовъ, но это идеалъ, конечно, недостижимый, такъ какъ само собою разумѣется намъ никогда не удастся узнать мало-мальски сносно распредѣленіе во времени безпозвоночныхъ животныхъ. Все, что мы можемъ сдѣлать, это—неустанно стремиться къ достиженію та-

кого идеальнаго знанія, къ приближенію къ нему насколько это возможно при нашихъ скудныхъ средствахъ къ пріобрѣтенію знаній. Само собою понятно, что прежде чѣмъ зоогеографъ достигнетъ до такого совершеннаго знанія, его долженъ достигнуть палеонтологъ, такъ какъ, только пользуясь подготовительными работами послѣдняго, мы можемъ приступить къ своимъ выводамъ. Палеонтологъ долженъ, слѣдовательно, узнать всѣ животныя формы, какія только существовали съ того момента, какъ появились первыя животныя; долженъ узнать въ какомъ пластѣ, въ какую геологическую эпоху жила каждая изъ этихъ формъ, какая изъ нихъ была формой предъидущей, какая послѣдующей, и только пріобрѣтя подобныя знанія, передать ихъ въ руки зоогеографа, чтобы онъ произнесъ надъ ними свой судъ и, пользуясь ими, сказалъ, гдѣ искать колыбель той или другой формы. Но такое идеальное совершенство палеонтологическихъ данныхъ немыслимо. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что множество, даже, можно сказать, громадное большинство животныхъ формъ исчезло безслѣдно и въ той книгѣ, которую читаетъ палеонтологъ, всегда останутся вырванныя страницы. Мѣстами, если пробѣлы будутъ не очень велики, ихъ можно будетъ пополнить теоретическими соображеніями, мѣстами—призвать на помощь гипотезу, но даже и съ такими уловками палеонтологическая лѣтопись будетъ всегда страшно неполна, а слѣдовательно, и зоогеографическіе выводы отъ идеальнаго совершенства далеки.

Итакъ, зоогеографъ, изучая распредѣленіе животныхъ формъ во времени, долженъ призвать себѣ на помощь палеонтолога и послѣдній долженъ сказать ему, въ какой послѣдовательности смѣнялись животныя формы. Но, чтобы не впасть при этомъ въ ошибку, показаніями одного палеонтолога довольствоваться нельзя. Громадное большинство палеонтологовъ въ настоящее время поставило себѣ задачею описывать животныя формы, находимыя въ разныхъ пластахъ, указывать мѣсто ихъ нахожденія и только. Палеонтологъ скажетъ намъ, что сепіи представляютъ поразительное разнообразіе формъ въ періодъ Юры, скажетъ, что нѣкоторыя животныя формы, какъ, напримѣръ, стеклянныя губки, нѣкоторыя Brachiopoda, существующія нынѣ, существовали уже въ древнѣйшіе періоды, но рѣдко можно найти

такого палеонтолога, который бы указалъ намъ на генеалогію животныхъ формъ, а только при знаніи генеалогіи можно безошибочно сказать, какова была послѣдовательность въ появленіи формъ. Не зная генеалогіи, намъ часто придется впадать въ ошибку и говорить, что та или другая форма появилась послѣ той-то или той-то, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она появилась раньше ихъ. Возьмемъ, слѣдуя за Семперомъ, парадоксальный примѣръ. Представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь пластѣ B мы нашли остатки млекопитающихъ, птицъ, Reptilia и рыбъ, а въ пластѣ A, лежащемъ непосредственно подъ B,—остатки птицъ, Reptilia и рыбъ. Не зная систематической зоологіи, не зная въ какомъ отношеніи стоятъ между собою эти животныя по ихъ организаціи, мы, конечно, предположимъ, что нашли центръ распространенія млекопитающихъ и поставимъ передъ собой на разрѣшеніе нѣсколько вопросовъ: произошли ли млекопитающія отъ какой-либо одной изъ этихъ группъ, или отъ двухъ изъ нихъ, или даже отъ всѣхъ трехъ? Палеонтологическимъ путемъ отвѣтить на эти вопросы нельзя. Отбросивъ же палеонтологическій путь, какъ непригодный, обратившись къ систематической зоологіи, мы сейчасъ же увидимъ, что производить млекопитающихъ отъ птицъ, либо рыбъ—нельзя, что млекопитающія и птицы по всей вѣроятности произошли отъ Reptilia, что поведетъ къ иному выводу о центрѣ распространенія группы Mammalia. Такимъ образомъ зоогеографъ помимо палеонтологіи долженъ пользоваться выводами систематической зоологіи, а потому выборъ возможно естественной классификаціи при всякомъ зоогеографическомъ изслѣдованіи долженъ стоять на первомъ мѣстѣ. Конечно, еслибы палеонтологи были вмѣстѣ съ тѣмъ зоологами-систематиками, добытымъ ими даннымъ можно бы вѣрить, но можетъ быть такъ будетъ со временемъ, а пока палеонтологи существуютъ сами по себѣ и не хотятъ знать генеалогіи, довольствуясь описаніемъ видовъ, основанныхъ на самыхъ незначительныхъ признакахъ, и указаніемъ мѣста ихъ нахожденія. А слѣдовательно, и зоогеографъ помимо палеонтологовъ долженъ пользоваться трудами зоологовъ-систематиковъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Итакъ, зная современное распространеніе животныхъ формъ, зная въ какихъ отношеніяхъ стоятъ эти формы между собою,

зная въ какой послѣдовательности онѣ смѣняли другъ друга, зоогеографъ можетъ указать центры распространенія извѣстныхъ группъ, даже большихъ, можетъ указать на тѣ пути, которыми эти формы разселялись въ пространствѣ, какъ на этихъ путяхъ одна форма смѣняла другую во времени. Но если дальше этого зоогеографъ не пойдетъ, будетъ ли онъ историкомъ? Конечно нѣтъ. Онъ будетъ только лѣтописцемъ, констатирующимъ извѣстные факты, и чтобы сдѣлаться историкомъ онъ долженъ показать, почему одна форма смѣнила другую, почему вымерли тѣ фауны, которыя были прежде, почему онѣ уступили свое мѣсто нынѣ существующимъ фаунамъ. Эта задача, конечно, неизмѣримо труднѣе задачи зоогеографа-лѣтописца, но мы не должны отчаяваться въ возможности ея разрѣшенія, хотя, конечно, это разрѣшеніе никогда не будетъ совершенно полно, какъ никогда не будетъ полно возстановленіе лѣтописи. Пояснимъ примѣромъ. Слѣдуя теоріи Дарвина, мы должны допустить, что нынѣшнія однокопытныя лошади произошли отъ многокопытныхъ формъ. Изысканія Марша оправдали эти теоретическія соображенія и доставили изъ третичныхъ пластовъ Сѣв. Америки цѣлый рядъ формъ, который показываетъ намъ, что дѣйствительно однокопытныя лошади произошли отъ такой формы, у которой были четырехпалыя переднія и трехпалыя заднія ноги. Является вопросъ: почему же многокопытныя формы перешли въ однокопытныя? По теоріи Дарвина, образованіе новыхъ видовъ совершается благодаря переживанію въ борьбѣ за существованіе способнѣйшаго при наклонности организмовъ къ измѣнчивости. Такимъ образомъ, въ данномъ примѣрѣ мы должны предположить, что между особями многокопытныхъ лошадей были такія, у которыхъ боковые пальцы были развиты меньше средняго, что эти особи выигрывали въ борьбѣ за существованіе, благодаря своему быстрому бѣгу и пр., и потому въ концѣ концовъ, окончательно замѣнили многокопытныя формы, другими словами, однокопытныя формы выработались изъ многокопытныхъ благодаря измѣнчивости организаціи и естественному подбору.

Но если такимъ образомъ намъ удается хотя въ общихъ чертахъ объяснить, почему однокопытная форма смѣнила многокопытную, другое «почему» остается совершенно безъ отвѣта, это—почему у нѣкоторыхъ особей многокопытныхъ лошадей боковые пальцы

были развиты менѣе средняго? На послѣднее «почему» въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы до сихъ поръ не можемъ дать никакого отвѣта, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что со временемъ кой-какіе отвѣты на подобные вопросы будутъ даны.

Здѣсь намъ нѣтъ никакой надобности такъ же подробно излагать рѣчь Семпера, какъ мы это дѣлали до сихъ поръ. Во второй половинѣ ея Семперъ стремится доказать, что мы только тогда въ состояніи будемъ понять переходъ одной формы животныхъ въ другую, когда узнаемъ тѣ причины, которыя вызываютъ измѣненія въ организмѣ животныхъ, причемъ Семперъ проводитъ ту идею, что измѣненія эти суть слѣдствіе вліянія условій неорганическаго міра и, быть можетъ (въ рѣдкихъ случаяхъ), результатъ скрещиванія, но что усиливаются естественнымъ подборомъ только тѣ изъ нихъ, которыя *полезны* животному. Ту же самую идею вмѣстѣ съ принципомъ полезности Семперъ очень тщательно развилъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи (Die natürlichen Existenzbedingungen der Thiere, I и II Th.), но что бы Семперъ ни говорилъ, а принципомъ полезности всѣхъ измѣненій организаціи объяснить нельзя и можно привести множество фактовъ, становящихся понятными только при допущеніи другаго закона—соотношенія органовъ. Выводъ изъ второй части рѣчи, которымъ Семперъ заканчиваетъ ее,—что только знаніе условій жизни современныхъ намъ фаунъ можетъ привести насъ къ знанію жизни фаунъ прошедшихъ,—безъ сомнѣнія, совершенно справедливъ.

Изъ этого отчета о рѣчи Семпера видно, что авторъ ея *въ общихъ чертахъ* совершенно вѣрно опредѣлилъ путь для зоогеографическихъ изслѣдованій, но только въ общихъ чертахъ, и *метода* для зоогеографическихъ изслѣдованій не далъ.

Съ 1878 по 1880 годъ появилось нѣсколько статей по зоологической географіи Альфонса Мильнъ-Эдварса *). Такъ какъ общіе

*) *M. Alph. Milne - Edwards.* „Considérations générales sur la distribution géographique des animaux". Congrès international des sciences géographiques tenu á Paris du 1-er au 11 août 1875. T. I. p. p. 192—197. Съ незначительными дополненіями та же статья напечатана вторично въ Bulletin hebdomadaire de l'association scientifique de France. Janvier 1881, № 44, p. p. 225—232.—„Recherches sur la faune des régions australes" въ Annales des sciences naturelles, sixième série, T. IX, № 5 и 6. 1880.

вопросы, затрагиваемые авторомъ, пока только намѣчены имъ, развиты же будутъ въ послѣдующихъ отдѣлахъ бо́льшей изъ его работъ—о фаунѣ антарктическихъ странъ, то мы укажемъ только на то, что въ этихъ работахъ прямо относится къ зоогеографіи.

Альфонсъ Мильнъ-Эдварсъ разрабатываетъ два вопроса: о единствѣ центра распространенія для каждаго вида и о значеніи морскихъ теченій въ распространеніи организмовъ. Первый вопросъ, какъ мы видѣли, можетъ считаться разрѣшеннымъ уже съ тѣхъ поръ какъ появилась статья Форбса и вышли въ свѣтъ работы Дарвина и Уэллеса; второй для морскихъ организмовъ достаточно разработанъ Людвигомъ .Точно также предположеніе М. Эдварса, что фауна Австраліи сохранила свой основной характеръ вслѣдствіе уединенія Ново-Голландскаго материка отъ тѣхъ материковъ, на которыхъ безплацентныя млекопитающія переходили въ плацентныхъ, еще въ 1867 году гораздо полнѣе было развито Рютимейеромъ. Отсюда легко видѣть, что значеніе работъ Альф-Мильнъ-Эдварса, вышедшихъ до сихъ поръ, имѣетъ частный интересъ, и ничего новаго, кромѣ нѣсколькихъ, удачно выбранныхъ примѣровъ, въ науку не вноситъ, но, признавая за работами Альф. Мильнъ-Эдварса только частное значеніе, мы вовсе не хотимъ умалить его заслугъ и пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить сожалѣніе, что до сихъ поръ вышло такъ мало работъ, подобныхъ изслѣдованіямъ Альф. Мильнъ-Эдварса объ антарктической фаунѣ. Добросовѣстная и крайне тщательная обработка массы сыраго матеріала, рѣшительная постановка вопроса и, наконецъ, совершенно безпристрастное, научное отношеніе къ фактамъ, на основаніи которыхъ строятся выводы, вотъ несомнѣнныя достоинства работъ французскаго ученаго. Хотя вопросы, которые онъ обсуждаетъ, въ наше время и могутъ считаться рѣшенными тѣмъ не менѣе богатый запасъ фактовъ, подтверждающихъ уже данные отвѣты, не можетъ не имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что отдѣльные голоса противъ признанныхъ большинствомъ положеній еще продолжаютъ раздаваться отъ времени до времени.

Послѣдняя статья, о которой мнѣ остается упомянуть, статья Аллена о географическомъ распредѣленіи млекопитающихъ *). Къ сожалѣ-

*) *Allen, I. A.*. The geographical distribution of the Mammalia, considered in relation to the principal ontological Regions of the earth, and the laws

нію эта статья почтеннаго автора до сихъ поръ осталась мнѣ извѣстна только по отчету о ней, помѣщенному въ зоологическомъ указателѣ, издаваемомъ неаполитанской зоологической станціей. Кажется, за этой статьей надо признать ту же заслугу, что и за статьей г. Сѣверцова: авторъ ея указываетъ на зависимость географическаго распространенія млекопитающихъ отъ климата, орогидрографическихъ условій, измѣненій въ очертаніяхъ материковъ и морей и пр., слѣдовательно, идетъ противъ односторонности крайнихъ послѣдователей Форбса, считая геологическія данныя не единственнымъ, а только однимъ изъ факторовъ, объясняющихъ современное географическое распредѣленіе организмовъ. Въ заключеніе Алленъ даетъ обзоръ принимаемыхъ имъ маммологическихъ областей, списокъ которыхъ мы здѣсь и прилагаемъ.

Области перваго порядка или *царства*:

I. *Арктическое* или *сѣверное кругополярное.*
II. *Сѣверное умѣренное* съ 2 областями и 8 провинціями.
III. *Американское тропическое* съ 3 областями.
IV. *Индо-африканское* съ 2 областями и 5 провинціями.
V. *Южно-американское умѣренное* съ 2 провинціями.
VI. *Австралійское* съ 3 областями и 2 провинціями.
VII. *Лемурійское.*
VIII. *Антарктическое* или *южное кругополярное.*

Области втораго порядка:

II. Сѣверное умѣренное царство: 1) *американская*, 2) *европейско-азіатская.*

III. Американское тропическое царство: 1) *антильская*, 2) *центрально-американская*, 3) *бразильская.*

IV. Индо-африканское царство: 1) *африканская*, 2) *индійская.*

VI. Австралійское царство: 1) *австралійская*, 2) *полинезійская*, 3) *ново-зеландская.*

Области третьяго порядка или *провинціи*:

II. 1. Американская область: a. *сѣверная*, b. *восточная*, c. *средняя*, d. *западная.*

---

that govern the distribution of animal life, въ Bull. U. St. geol. and geogr. Survey. 1878. IV. p. 313—77.

II. 2. Европейско-азіатская область: a. *европейская*, b *сибирская*, c. *средиземно-морская*, d. *манчжурская*.

IV. 1. Африканская область: a. *восточная*, b. *западная*, c. *южная*.

IV. 2. Индійская область: a. *материковая*, b. *островная*.

V. Южно-американское умѣренное царство: a. *андская*, b. *пампаская*.

VI. 1. Австралійская область: a. *австралійская*, b. *папуасская*.

Разборомъ значенія работъ Альф. Мильнъ-Эдварса и Аллена мы кончаемъ съ исторіей зоогеографіи и, чтобы закончить эту главу, намъ остается только въ немногихъ словахъ резюмировать современное состояніе этой науки. Пробѣгая для этого еще разъ все сказанное, во-первыхъ, легко видѣть, что всѣхъ зоогеографовъ или даже зоологовъ можно раздѣлить на три категоріи: одни, послѣдователи Бюффона и Циммерманна, едва дошедшіе до нашего времени, стремились объяснить современное географическое распредѣленіе животныхъ въ зависимости *исключительно* отъ физическихъ условій—эта партія самая большая; представитель другой категоріи—Ламаркъ—принималъ значеніе внѣшнихъ условій, но совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ принимали его Бюффонъ и Циммерманъ: по мнѣнію Ламарка, «каждый видъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ пребывалъ долгое время, пріобрѣлъ привычки, которыя мы у него видимъ, и эти привычки въ свою очередь повліяли на части каждой особи даннаго вида до такой степени, что онѣ измѣнили эти части и поставили ихъ въ соотвѣтствіе съ пріобрѣтенными привычками», т.-е. противно Бюффону принималъ въ животныхъ способность приспособленія; наконецъ, примирителемъ этихъ двухъ противоположныхъ ученій и вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ зоологовъ третьей категоріи является Чарльзъ Дарвинъ, который, считая вмѣстѣ съ Ламаркомъ измѣняемость существъ безпредѣльною (главною причиною чего Дарвинъ ставитъ, однако, наслѣдственность), освѣтилъ истиннымъ свѣтомъ значеніе физическихъ условій и ввелъ два совершенно новыхъ фактора—*борьбу за существованіе* и *естественный подборъ производителей*. Если исключить Ляйэлля, который въ разное время своей жизни принадлежалъ къ разнымъ партіямъ (сначала къ послѣдователямъ Бюффона, потомъ—Дарвина), и Мёррея, который изъ новѣйшихъ зоологовъ можетъ до извѣстной степени

считаться почти единственнымъ послѣдователемъ Ламарка и вмѣстѣ съ нимъ и немногими другими составляетъ третью категорію зоологовъ, въ такомъ случаѣ остальныхъ зоогеографовъ можно совершенно удобно расположить въ два ряда. Первый изъ нихъ начинается Циммерманномъ и Бюффономъ, которые ставили жизнь животныхъ въ зависимость только отъ физическихъ причинъ, но были знакомы съ этой зависимостью еще настолько мало, что не могли дойти до представленія о зоологическихъ областяхъ; у Иллигера, Миндинга, Свенсона, Фабриціуса, Латрэйля, Причара и Вагнера познаніе этой зависимости возросло уже настолько, что сложилось въ представленіе о зоологическихъ областяхъ перваго и втораго порядка, слѣдствіемъ чего явились соотвѣтствующіе этому термины; Форбсъ доказалъ единство центра распространенія для каждаго вида; Бергхаузъ, запасшись большимъ количествомъ фактовъ и исходя все изъ той же идеи объ исключительномъ значеніи физическихъ условій, принялъ за характеристику зоологическихъ областей не только составъ ихъ фаунъ, но и относительное богатство послѣднихъ. Сравнительно основательное изученіе распредѣленія физическихъ условій и состава фаунъ привели Шмарду къ установленію болѣе естественныхъ зоологическихъ областей. Наконецъ, Людвигъ и Альф. Мильнъ-Эдварсъ, заканчивающіе этотъ рядъ, разработали вопросъ о значеніи морскихъ теченій въ распространеніи животныхъ и Альф. Мильнъ-Эдварсъ вопросъ о единствѣ центра распространенія каждаго вида. Другой рядъ зоогеографовъ начинается Дарвиномъ, одновременно съ которымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно независимо отъ него защитникомъ безпредѣльной измѣняемости видовъ выступилъ Уэллесъ; въ частности Дарвинъ же опредѣлилъ, между прочимъ, современныя задачи зоогеографіи, а Уэллесъ разработалъ идею Форбса о единствѣ центра распространенія для каждаго вида; Склэтеръ установилъ наиболѣе естественныя онтологическія области; затѣмъ Рютимейеръ разобралъ значеніе общей физіономіи фаунъ и въ общихъ чертахъ смѣну фаунъ во времени. Сѣверцовъ указалъ на значеніе современныхъ физическихъ условій въ объясненіи современнаго географическаго распредѣленія животныхъ, что было вызвано крайней односторонностью послѣдователей Форбса и Уэллеса и самого Уэллеса, и на методъ зоогеографическихъ изслѣдо-

ваній вообще. Семперъ, подобно Сѣверцову, взялъ на себя трудъ выяснить въ общихъ чертахъ путь для зоогеографическихъ изслѣдованій и, наконецъ, Алленъ въ свою очередь указалъ на значеніе современныхъ физическихъ условій при объясненіи современнаго географическаго распространенія животныхъ.

Во-вторыхъ, нельзя не видѣть того, что съ 1777 года, когда можно сказать, зародилась эта наука какъ наука, втеченіе протекшихъ ста лѣтъ прогрессъ зоогеографіи выразился въ совершенно прочномъ опредѣленіи ея задачъ и въ накопленіи громаднаго количества фактическихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ отрывочныхъ и разрозненныхъ. Далѣе этого зоогеографія до сихъ поръ не пошла и мы почти такъ же далеки отъ пониманія современнаго географическаго распредѣленія животныхъ, какъ далеки отъ этого были Циммерманнъ и Бюффонъ. Конечно, за протекшіе сто лѣтъ мы успѣли лучше ознакомиться съ факторами распространенія и распредѣленія животныхъ, но это знакомство выражается только въ томъ, что мы знаемъ отчего зависятъ распространеніе и распредѣленіе животныхъ, а не въ томъ, какъ выражается эта зависимость. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, если вспомнить, что значеніе двухъ важнѣйшихъ факторовъ распространенія и распредѣленія животныхъ—ихъ соотношеніе и геологическія данныя—было признано для послѣдняго не ранѣе 1846 года, а для перваго только послѣ 1859 года, другими словами,—строго научное разрѣшеніе основной и второстепенныхъ задачъ зоогеографіи могло начаться только послѣ 1859 года. Какъ видно, однако, изъ историческаго обзора, за это время вышло только два большихъ сочиненія по зоологической географіи: это работы Мёррея и Уэллеса; но и та и другая совершенно не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ зоологической географіи. Посвященныя разсмотрѣнію современнаго географическаго распредѣленія животныхъ, онѣ сведены обоими авторами почти исключительно къ установленію зоологическихъ областей и ихъ характеристикѣ. Зоологическія области, конечно, должны быть установлены въ ихъ естественныхъ границахъ, но это установленіе должно быть не чѣмъ инымъ, какъ обобщеніемъ всѣхъ добытыхъ нами свѣдѣній о географическомъ распростаненіи животныхъ и факторахъ распространенія. Но какъ мы видѣли, факторамъ распространенія было отведено самое не-

значущее мѣсто и о томъ пути, которымъ можно ихъ изучить, изъ зоогеографовъ никто кромѣ Сѣверцова и Семпера даже не упомянулъ. Это, безъ сомнѣнія, единственная причина вѣчныхъ споровъ о границахъ зоологическихъ областей. Еслибы принципъ установленія зоологическихъ областей былъ опредѣленъ и всѣми признанъ, несомнѣнно установленіе естественныхъ зоологическихъ областей не заставило бы себя ждать. Выше мнѣ не разъ пришлось упомянуть, что такой-то установилъ зоологическія области на основаніи изученія областей распространенія звѣрей, такой-то— птицъ, прибавлю теперь, что установленія естественныхъ зоологическихъ областей можно ожидать только тогда, когда это установленіе будетъ основано на изученіи распространенія и распредѣленія животныхъ всѣхъ классовъ. Начать, конечно, надо съ областей распространенія какого-либо лучше извѣстнаго класса, но только начать: примѣръ Уэллеса, почти цѣликомъ пропустившаго морскую фауну, долженъ быть у всѣхъ передъ глазами.

Что касается работы Рютимейера, то къ сожалѣнію авторъ ея по самой своей задачѣ не могъ долго останавливаться на обзорѣ современныхъ фаунъ и условіяхъ распространенія животныхъ, преслѣдуя свою основную мысль—доказать постепенный переходъ фауны одной области въ фауну другой, для чего могъ удовлетвориться немногими примѣрами, и постепенный переходъ фауны одного геологическаго періода въ фауну другаго.

Итакъ, задачи зоологической географіи опредѣлены, но не только не рѣшены, даже путь къ ихъ рѣшенію не разработанъ въ достаточной полнотѣ, такъ какъ попытки Сѣверцова и Семпера далеко не исчерпываютъ вопроса, другими словами, не разработанъ методъ зоогеографическихъ изслѣдованій. Такъ какъ прежде выясненія метода, по которому должны производиться всѣ частныя изслѣдованія въ области зоологической географіи, трудно ждать рѣшенія общихъ задачъ этой науки, и такъ какъ всякое частное изслѣдованіе должно имѣть въ виду способствовать рѣшенію общихъ задачъ, я попытаюсь въ слѣдующей главѣ развить зоогеографическій методъ, а въ спеціальной части моей работы примѣнить его на дѣлѣ.

Глава вторая.

ВВЕДЕНІЕ (окончаніе).

Методъ зоогеографіи.—Изученіе современныхъ условій географическаго распространенія животныхъ, какъ основа изученія географическаго распространенія животныхъ въ прошлое время.—Значеніе вида, какъ таксономической особи.—Критерій для установленія зоологическихъ областей.—Классификація зоологическихъ областей.—Непостоянство зоологическихъ областей.—Заключеніе.

Въ первой главѣ я съ подчеркиваніемъ указалъ на то, что рѣшительно всѣ біологическія науки только тогда пошли впередъ, когда біологи за исходную точку въ своихъ изслѣдованіяхъ взяли изученіе явленій, поддающихся наблюденіямъ. Видя, что поверхность земнаго шара претерпѣваетъ постоянныя измѣненія, мы, конечно, съ полнымъ правомъ можемъ допустить такія же измѣненія въ прошломъ и ими объяснять *отчасти* современное распредѣленіе животныхъ, но не должно впадать въ односторонность и только измѣненіями въ очертаніяхъ морей и суши объяснять все современное распредѣленіе животныхъ. Можно подобрать сотни примѣровъ съ очевидностью доказывающихъ, что въ однихъ случаяхъ извѣстный видъ, находящійся въ двухъ и болѣе разъединенныхъ областяхъ, первоначально занималъ одну сплошную область, отъ которой сохранились только два или болѣе участка, и что это разъединеніе произошло не вслѣдствіе измѣненій въ очертаніяхъ суши и моря, а вслѣдствіе прямаго или косвеннаго вліянія человѣка (напримѣръ, распространеніе бизона, бобра); въ другихъ случаяхъ съ не меньшей очевидностью можно доказать, что извѣстный видъ занимаетъ два участка вслѣдствіе случайнаго разселенія за предѣлы

своей коренной области. Наконецъ, есть и еще одинъ факторъ, безъ сомнѣнія самый важный, который въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неприложимы уже три указанные фактора, прекрасно объясняетъ существованіе одной или двухъ и болѣе не тождественныхъ, но крайне близкихъ формъ въ весьма удаленныхъ другъ отъ друга областяхъ: это борьба за существованіе. Итакъ, вотъ уже простой фактъ присутствія одного и того же вида или двухъ и болѣе близкихъ видовъ животныхъ въ двухъ удаленныхъ другъ отъ друга областяхъ можетъ быть объясненъ четырьмя разными способами. Представьте теперь себѣ, что мы находимъ остатки одного и того же вида, залегающіе въ какомъ-либо пластѣ въ двухъ разныхъ мѣстахъ,—чѣмъ объяснить это? Можемъ ли мы, не возстановивши это животное, не ознакомившись съ его stationes, остановиться на томъ или другомъ изъ четырехъ имѣющихся для этого случая объясненій? Мало этого, возьмемъ даже болѣе простой случай: представимъ себѣ, что остатки какого-нибудь животнаго найдены во всемъ пластѣ: развѣ отсюда слѣдуетъ, что животное занимало всю площадь, покрытую этимъ пластомъ, одновременно? Совершенно напротивъ. Геологи совершенно справедливо говорятъ, что большое протяженіе и толщина пласта какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ громадный періодъ времени его отложенія, а слѣдовательно, и вѣроятное постепенное распространеніе жившихъ въ то время животныхъ. Но можно ли съ увѣренностью сказать, въ какомъ направленіи шли всѣ эти измѣненія? Конечно, можно, но только при совершенно выясненномъ отношеніи фауны извѣстнаго періода къ фаунамъ періода предшествовавшаго и послѣдующаго. И въ этомъ случаѣ все-таки объясненіе до извѣстной степени будетъ произвольно, потому что втеченіе одного и того же періода могутъ совершаться колебанія въ ту или другую сторону, услѣдить которыя по ископаемымъ остаткамъ нѣтъ возможности, а наслоеніе при такихъ сравнительно незначительныхъ колебаніяхъ иногда совсѣмъ сглаживается.

Въ подтвержденіе этихъ словъ можно привести слѣдующіе примѣры.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, отъ Нью-Йорка до Техаса и Скалистыхъ горъ, въ пластахъ мѣла найдено нѣсколько ископаемыхъ видовъ общихъ Америкѣ и Европѣ. Слѣдуетъ ли отсюда, что отло-

жились эти пласты одновременно въ обѣихъ частяхъ свѣта? Это болѣе чѣмъ сомнительно, потому что въ Небраскѣ, у подножія Скалистыхъ горъ, мѣловые пласты переходятъ такъ незамѣтно въ третичные, что растенія несомнѣнно третичныя, такъ сказать, перемѣшаны съ животными верхнихъ мѣловыхъ слоевъ. Отсюда мы въ правѣ допустить, что къ концу мѣловаго періода свойственныя ему Mollusca и Reptilia изъ Европы перешли въ Америку, гдѣ и дожили до третичной эпохи, т. е. что время, протекшее съ существованія этихъ животныхъ въ Европѣ до существованія ихъ въ Америкѣ, настолько велико, что трудно говорить о ихъ единовременномъ существованіи. Точно также между міоценовыми животными Сиваликскихъ холмовъ находятся ископаемые остатки такихъ животныхъ, которыя въ Европѣ завѣдомо пліоценовыя. Не слѣдуетъ ли отсюда, что эти виды разселились въ Европу именно изъ Индіи, и что это разселеніе продолжалось такъ долго, что появившись въ Индіи въ міоценовый періодъ они населили Европу только въ пліоценовый? Изъ этихъ двухъ примѣровъ ясно, что, зная отношеніе данной фауны къ ея предшественнику и послѣдователю, мы можемъ сказать въ какомъ направленіи совершалось движеніе фауны, но не менѣе ясно и то, что, найдя остатки какого-либо вида на протяженіи даннаго пласта, мы не имѣемъ никакого права говорить объ одновременномъ широкомъ распространеніи вида.

Итакъ, слѣдуя даже строго научнымъ путемъ, переходя къ былому отъ настоящаго, мы все-таки не выйдемъ изъ предѣловъ весьма большихъ погрѣшностей, если впадемъ въ односторонность и захотимъ *возможно просто* объяснить все современное распредѣленіе животныхъ. Здѣсь я еще разъ позволю себѣ возвратиться къ Уэллесу и напомнить его стремленіе именно къ этому возможно простому объясненію. Но Уэллесъ самъ увеличилъ себѣ возможность ошибиться, помимо односторонности въ выборѣ факторовъ (прямое вліяніе условій неорганическаго міра на распространеніе и распредѣленіе организмовъ Уэллесомъ совсѣмъ не затронуто, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно несомнѣнно имѣетъ значеніе, хотя и не такое большое, какъ соотношеніе организмовъ), еще тѣмъ, что строилъ свои выводы на распространеніи родовъ, семействъ и даже большихъ группъ, а не видовъ. Роды,

семейства и т. д., поднимаясь въ систематической лѣстницѣ выше, не только не существуютъ въ природѣ, но суть отвлеченія отъ отвлеченій—видовъ, а слѣдовательно и изученіе такихъ группъ никогда не выйдетъ изъ рамокъ познаній общихъ. Основная таксономическая единица, которою занимается всякая описательная наука, трансцендентальный идеалъ, таксономическая особь, это отвлеченіе отъ особи—видъ. Только виды можемъ мы изучать, только съ ними мы и должны имѣть дѣло. По моему мнѣнію, біологи дѣлаютъ весьма большую ошибку, отбрасывая въ настоящее время терминъ subspecies, именно въ настоящее время, когда сущность генеалогическаго ученія—кровное сродство организмовъ—трудно, даже невозможно оспаривать. Если видомъ называть отвлеченіе отъ собранія такихъ особей (независимо отъ ихъ числа), въ признакахъ которыхъ мы находимъ полный рядъ постепенныхъ переходовъ, или когда между ними намъ извѣстна изъ прямыхъ наблюденій генетическая связь, то названіе подвидъ превосходно можетъ быть примѣнено къ отвлеченнымъ особямъ отъ тѣхъ группъ, которыя, имѣя между собою переходныя формы, тѣмъ не менѣе отличаются другъ отъ друга, хотя и мелочными, но постоянными признаками, т. е. у которыхъ нѣкоторые изъ ихъ признаковъ прерываются, не переходятъ на всѣ группы. Такъ, напримѣръ, Buteo leucurus, rufinus и eximius связаны между собою всѣми возможными переходами, но уже три группы съ извѣстными постоянными признаками выдѣлились и имѣютъ полное право на самостоятельное существованіе въ качествѣ подвидовъ. Стоитъ только вымереть переходнымъ членамъ и названные подвиды поднимутся на степень видовъ. Точно также F. peregrinus образовалъ нѣсколько постоянныхъ подвидовъ, связанныхъ сравнительно уже весьма ничтожными переходными формами. Я могъ бы привести множество другихъ подобныхъ примѣровъ, но полагаю, что они и безъ того хорошо извѣстны каждому систематику. Прибавлю, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, когда подвиды достигаютъ видовой самостоятельности—коренная форма, ихъ произведшая, вымираетъ. Почему это происходитъ, объяснить трудно: вѣроятно подвиды, *вообще* лучше приспособленные къ борьбѣ за существованіе, вытѣсняютъ коренную форму изъ ея области. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляютъ меня предполагать

тѣ немногіе примѣры, которые существуютъ: эти примѣры говорятъ намъ, что видъ, который мы можемъ съ большой долей вѣроятности считать если не кореннымъ, то крайне близкимъ къ коренному, обыкновенно если и сохраняется, то только въ небольшой и притомъ уединенной области. Итакъ, виды и подвиды— отвлеченіе, но отвлеченіе отъ entia, отвлеченіе первой степени; ихъ можно изучать, но за то только ихъ. Склэтеръ совершенно вѣрно понялъ значеніе видовъ, начавши въ послѣднее время усиленно проповѣдывать необходимость собраній по возможности изъ большаго числа мѣстъ и съ точными обозначеніями мѣстонахожденій, но къ сожалѣнію и онъ страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, что и Уэллесъ, хотя въ значительно меньшей степени: ограничивается изученіемъ распространенія семействъ и родовъ и только отчасти присоединяетъ къ этому распространеніе видовъ. Откуда это происходитъ—рѣшить не берусь. Сколько мнѣ извѣстно, только Сѣверцовъ разобралъ орнитологическіе округи пале-арктической области по видамъ, но къ сожалѣнію въ сообщеніи г. Сѣверцова это значительно затемнено другимъ основаніемъ дѣленія поверхности земнаго шара на зоологическіе участки—физическими условіями и отчасти все тѣмъ же распространеніемъ семействъ и родовъ. Для меня остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ съ 1855 года, когда Де-Кандолль указалъ на изученіе географическаго распространенія видовъ, какъ на основу ботанической географіи, и показалъ какія выгоды приноситъ подобное изученіе, какимъ образомъ эта блестящая мысль не нашла себѣ сознательнаго примѣненія у зоологовъ, такъ какъ безсознательно за виды принимались и раньше *). Быть можетъ, отчасти виною этому служитъ трудность изученія географическаго распространенія видовъ..... Можно съ увѣренностью сказать, что до тѣхъ поръ, пока факторы, обусловливающіе собою географическое распространеніе организмовъ не будутъ изучены съ самой строгой точностью, чего можно достигнуть только изученіемъ факторовъ распространенія отдѣльныхъ видовъ, до тѣхъ поръ въ установленіи зоологическихъ областей всегда

*) Т. е. изучали составъ фаунъ по видамъ, но безъ объясненія, почему дѣлалось такъ, а не иначе.

будетъ царствовать произволъ. Разбирая сочиненіе Уэллеса «The geographical Distribution of Animals», я уже сказалъ, что на зоологическія области мы должны смотрѣть только какъ на сводку нашихъ свѣдѣній о географическомъ распространеніи видовъ, и теперь еще разъ скажу, что, изучая области распространенія семействъ и родовъ, мы никогда не придемъ къ установленію естественныхъ зоологическихъ областей. Причина этого заключается въ томъ, что области распространенія родовъ и семействъ даже приблизительно не выражаютъ того, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, столь же произвольны какъ и сами рода и семейства. Не должно забывать, что далеко не всѣмъ видамъ можно придавать одно и то же значеніе. Одни изъ нихъ способны къ широкому распространенію и своимъ присутствіемъ нисколько не характеризуютъ области; другіе, напротивъ, распространены нешироко и на столько же характеризуютъ одну область своимъ *присутствіемъ*, на сколько другую—*отсутствіемъ*. Все дѣло, повидимому, обусловливается не чѣмъ инымъ, какъ извѣстной гибкостью организаціи, ея способностью примѣняться. Въ организаціи для насъ до сихъ поръ остается много загадочнаго и совершенно непонятнаго. Стоитъ только припомнить постоянство мелочныхъ признаковъ, чтобы согласиться съ тѣмъ, что организмъ животнаго чрезвычайно какъ отзывчивъ даже на такія внѣшнія вліянія, которыя совершенно не поддаются нашему изученію. Какъ на примѣръ я могу указать на видовое различіе двухъ гусей: Anser segetum и arvensis, заключающееся въ окраскѣ носа, или на незначительную разницу въ окраскѣ перьевъ между клювомъ и глазомъ, различающую Perd. chukar и P. saxatilis. Принципа полезности тутъ никакъ не приложишь и мы должны допустить, что примѣняемость организма иногда состоитъ въ какомъ-то совершенно неизвѣстномъ для насъ внутреннемъ измѣненіи, которое сопровождается видимыми измѣненіями другихъ органовъ. Такіе характеристичные виды могутъ броситься въ глаза только при изученіи распространенія видовъ, а не родовъ; распространеніе родовъ, напротивъ, совершенно скрадываетъ распространеніе видовъ, имѣющихъ значеніе.

Если, изучая распространеніе видовъ какого-нибудь класса животныхъ, напр. птицъ, мы видимъ, что въ одной и той же мѣстности существуютъ характерные виды разныхъ родовъ, се-

мействъ и даже отрядовъ, мы въ полномъ правѣ смотрѣть на эту мѣстность, какъ на обособленный зоологическій участокъ. Мы въ полномъ правѣ предположить, что одни и тѣ же условія въ разныхъ группахъ оказали одно и то же вліяніе, слѣдствіемъ чего и вышло приблизительно одинаковое распространеніе такихъ видовъ разныхъ группъ, которые не обладаютъ особенно гибкой организаціей и потому неспособны широко распространяться, примѣняясь къ условіямъ среды другой, не коренной для нихъ мѣстности.

Какъ на примѣръ того, что одни и тѣ же условія вызываютъ въ животныхъ разныхъ группъ одни и тѣ же измѣненія, я могу указать на существованіе громаднаго количества древесныхъ млекопитающихъ на островахъ, лежащихъ между юго-восточной Азіей и Новой Голландіей, на что еще ранѣе обратилъ вниманіе Рютимейеръ. Такъ на Новой Гвинеѣ и прилежащихъ къ ней островахъ изъ 20 сумчатыхъ 10 исключительно древесныхъ; бѣлки индійскаго архипелага также съ летательными перепонками; Cladobates, Ptilocercus, Hylogale изъ насѣкомоядныхъ и Galeopithecus изъ полуобезьянъ также лазуны; наконецъ, даже среди хищниковъ видимъ цѣпкохвостыхъ Paradoxurus и Arctitis. Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что единственная летающая форма изъ Reptilia—летающіе драконы—распространена также въ Индіи и на островахъ до Амбоина. Конечно, эти формы для зоогеографа не настолько характерны, чтобы основываясь на нихъ выдѣлять указанную мѣстность въ зоологическій участокъ, чему противорѣчитъ множество болѣе важныхъ данныхъ (большое значеніе эти формы имѣютъ для біолога), но я считаю это удачнымъ примѣромъ для указанія въ общихъ чертахъ на однородное измѣненіе организаціи въ разныхъ группахъ подъ вліяніемъ однородныхъ причинъ.—Другой подобный же примѣръ представляетъ собою вліяніе мѣстныхъ причинъ на островахъ Индійскаго и Тихаго океана. Такъ на Андаманскихъ островахъ два вида Papilio отличаются отъ своихъ родственниковъ, живущихъ на материкѣ, тѣмъ, что послѣдніе имѣютъ черные хвостовые отростки, жители же Андаманскихъ острововъ одинъ съ красными хвостовыми отростками (P. rhodifer, родственный съ P. Doubleday), другой—съ хвостовыми отростками покрытыми бѣлыми пятнами (P. charicles, родственный съ P. memnon). Другой видъ (P. mayio) съ прекрасными голу-

быми полосками, тогда какъ его родственникъ—черный. Три вида нимфалидъ (Euploea andamanensis, Cethosia biblis, Cyrestis cocles) отличаются отъ своихъ континентальныхъ родственниковъ очень слабою окраской. Точно также и между птицами названныхъ острововъ шесть видовъ отличаются отъ своихъ континентальныхъ родственниковъ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ и большою примѣсью въ окраскѣ бѣлаго цвѣта; эти виды—Kittacincla albiventris, Geocichla albigularis, Sturnia andamanensis, Hyloterpe grisola var., Ianthoenas palumboides, Osmotreron chloroptera. Вѣроятно такимъ же вліяніемъ мѣстныхъ причинъ можно объяснить красный цвѣтъ у попугаевъ двухъ различныхъ семействъ (Lorius и Eos изъ Trichoglossidae и Eclectus изъ Palaeornithidae), живущихъ на Молукскихъ островахъ и Новой Гвинеѣ (по Уэллесу). Это все, конечно, примѣры вліянія условій среды не особенно сложныхъ и важныхъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное же измѣненіе не только въ наружности, но и во всемъ организмѣ могутъ вызвать болѣе дѣйствительныя условія и тѣмъ самымъ вызывать въ извѣстной мѣстности появленіе характерныхъ видовъ разныхъ группъ и тѣмъ самымъ давать этой мѣстности значеніе не только зоологическаго участка, но даже и дѣйствительнаго центра распространенія. Но не должно думать, что зоологическій участокъ долженъ всегда быть вмѣстѣ съ тѣмъ и центромъ: мы имѣемъ полное право выдѣлить въ зоологическій участокъ мѣстность съ характерными формами, независимо оттого, гдѣ выработались эти формы и какъ онѣ попали въ эту мѣстность. Ниже мнѣ еще придется вернуться къ этому, теперь же я хотѣлъ только показать, что незначительные, но тѣмъ не менѣе постоянные видовые признаки очевидно вырабатываются подъ вліяніемъ условій среды, намъ неизвѣстныхъ, но во всякомъ случаѣ не поддающихся объясненію принципомъ полезности. Вопросъ о числѣ такихъ характерныхъ видовъ, которое можно считать достаточнымъ для выдѣленія извѣстной мѣстности въ самостоятельный зоологическій участокъ, зависитъ, во-первыхъ, конечно, оттого, какой степени выдѣляемый участокъ, а во-вторыхъ, въ отношеніи этихъ характерныхъ видовъ ко всей фаунѣ изучаемой мѣстности. Числовыя данныя въ этомъ случаѣ совершенно непригодны. Изъ сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что при нанесеніи моихъ зоологическихъ участковъ на карту во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ

существуетъ рѣзкое разграниченіе станцій, зоологическіе участки второй величины приблизительно совпадутъ съ преобладающими станціями: такъ должно быть, потому что подъ «станціями» мы понимаемъ сумму всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые обусловливаютъ собою жизнь животнаго. Такъ напр., если у меня область тайги совпадаетъ со станціей того же имени, это значитъ только то, что область тайги съ ея характерными условіями имѣетъ свою собственную фауну, рѣзко отличающую ее отъ фауны прилежащихъ мѣстъ. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ не о *смѣшеніи* станцій съ областями, а только о *совпаденіи*. Я никакъ не могу понять, на какомъ основаніи Склэтеръ и Уэллесъ соединяютъ въ одну область мѣстности съ такими различными фаунами, какъ побережье Ледовитаго океана (тундра), сѣверная Россія, средняя Европа и южнорусскія степи, равно какъ съ другой стороны для меня остается совершенно непонятнымъ, на какомъ основаніи тундра, тайга и средняя Европа остаются отдѣленными отъ тундры, тайги и области островныхъ лѣсовъ Азіи. Если фауна азіатской тайги отличается нѣсколькъ отъ фауны тайги европейской, это отличіе во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ отличіе фауны тайги Европейской Россіи отъ фауны южнорусскихъ степей. Я не стану ничего говорить противъ того, что въ потретичныя эпохи, когда существовалъ морской рукавъ, соединявшій Сѣверный океанъ съ остатками средне-азіатскаго пліоценоваго бассейна, это различіе дѣйствительно было; но отмѣчая это какъ объясненіе того, почему не всѣ восточно-азіатскія животныя тайги успѣли распространиться по Европѣ и, напротивъ, европейскія—по Азіи, я тѣмъ не менѣе не могу не видѣть современной однородности таежной фауны. Въ тайгѣ можно найти нѣсколько зоологическихъ участковъ меньшихъ степеней—это несомнѣнно, но вмѣстѣ съ тѣмъ тайга составляетъ одну болѣе крупную втораго порядка область. Къ тому же никакъ не должно думать, что тайга въ ея географическихъ предѣлахъ представляетъ собою простое однородное мѣстонахожденіе животныхъ: въ области тайги однообразный глухой хвойный лѣсъ является преобладающимъ по пространству мѣстонахожденіемъ, станціей, но ни какъ не по количеству свойственныхъ ему животныхъ формъ (Сѣверцовъ).

Что касается зоологическихъ участковъ третьей и меньшихъ степеней, то въ этомъ случаѣ совпаденіе ихъ съ преобладающими станціями выразится еще сильнѣе. Во всякой странѣ съ опредѣленнымъ общимъ характеромъ фауна слагалась втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени подъ вліяніемъ всѣхъ факторовъ, обусловливающихъ жизнь животныхъ, и носитъ на себѣ особый характеръ, имѣетъ свою особую физіономію, которой совершенно достаточно для выдѣленія зоологическихъ округовъ низшихъ порядковъ, такъ какъ выдѣленіе ихъ на основаніи присутствія характерныхъ видовъ немыслимо за недостаткомъ такихъ видовъ.

Какъ мы уже видѣли въ историческомъ обзорѣ, строго научно, опираясь на громадное число фактовъ, вопросъ о значеніи геологическихъ данныхъ въ современномъ распредѣленіи животныхъ и растеній былъ поставленъ Форбсомъ. Позднѣе Уэллесъ въ своемъ «Малайскомъ архипелагѣ» еще разъ подтвердилъ это, и его факты, благодаря удачному выбору мѣстности, имѣютъ въ этомъ дѣлѣ даже еще болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ факты Форбса. Но, какъ всегда бываетъ, послѣдователи этого ученія ударились въ крайность. Они были бы правы, еслибы сказали, что нѣкоторыя естественныя зоологическія области сохраняютъ свое историческое основаніе и до сихъ поръ, и что хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ на большихъ материкахъ эти области мало-по-малу смѣшиваются по границамъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ центры ихъ остаются обособленными, потому именно, что въ прежніе геологическіе періоды эти области были островами и получили опредѣленное животное населеніе. Но они были неправы потому, что вмѣсто «нѣкоторыя естественныя зоологическія области» сказали «всякая» и еще потому, что единственную возможность разрушенія этихъ естественныхъ зоологическихъ областей видѣли въ смѣшеніи ихъ фаунъ по границамъ и воображали будто животное населеніе этихъ областей не допускаетъ или, по крайней мѣрѣ, туго допускаетъ пришлецовъ, если даже эти области не раздѣлены естественными преградами. Первое возраженіе на это состоитъ въ томъ, что способность примѣняемости надо искать въ самомъ организмѣ и что разные организмы несомнѣнно обладаютъ этой способностью въ разной степени. Одни, болѣе гибкіе,

выдерживаютъ борьбу за существованіе впродолженіе многихъ геологическихъ періодовъ и живутъ, не смотря на страшныя измѣненія, совершившіяся въ ихъ областяхъ распространенія. Другіе, напротивъ, гибнутъ очень скоро. Слѣдовательно, сказать про какую-либо фауну, что она не допускаетъ или съ трудомъ допускаетъ къ себѣ пришлецовъ, по меньшей мѣрѣ, не всегда справедливо. Это относится только къ такимъ фаунамъ, которыя впродолженіе весьма долгаго времени оставались разъединенными и развивались, не соприкасаясь другъ съ другомъ, какъ, напримѣръ, фауны вторичной эпохи, или эоценовая, міоценовая, пліоценовая и дилювіальная; какъ показалъ Рютимейеръ, области съ фаунами этихъ періодовъ дѣйствительно рѣзко (сравнительно) разграничены другъ отъ друга, что совершенно понятно: это фауны слишкомъ разныхъ возрастовъ и къ тому же вѣроятно сравнительно недавно пришедшія въ соприкосновеніе. Эти фауны сложились при столь различныхъ условіяхъ борьбы за существованіе и зависимости отъ условій неорганическаго міра, что полнаго смѣшенія ихъ, какъ я думаю, допустить даже невозможно. На этомъ основаніи придавать возрасту страны и древности ея фауны одно изъ первыхъ мѣстъ при учрежденіи первостепенныхъ зоологическихъ областей—совершенно раціонально и если мы захотимъ сравнить Склэтеровскія первостепенныя зоологическія области съ областями фаунъ разныхъ эпохъ по картѣ Рютимейера, то мы увидимъ, что въ тѣхъ и другихъ много общаго, но только въ этомъ случаѣ возрасту фауны и можно придавать значеніе. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о зоологическихъ округахъ второстепеннаго и третьестепеннаго значенія, отрицать возможность смѣшенія фаунъ уже гораздо труднѣе, а главное—является второе возраженіе противъ сохраненія естественныхъ зоологическихъ округовъ: не смѣшеніе, а просто *вытѣсненіе* одной фауны другой. На этомъ вытѣсненіи основана вся теорія происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора: виды весьма близкіе, находящіеся въ условіяхъ настолько схожихъ, что кажутся даже тождественными, вытѣсняютъ другъ друга, благодаря различной способности приспособленія. Наконецъ, въ послѣднее время присоединилось еще одно условіе, въ высшей степени гибельно дѣйствующее на сохраненіе естественныхъ зоологическихъ областей, это: человѣкъ и тѣ измѣненія, которыя

онъ совершаетъ въ коренномъ видѣ страны. Такимъ образомъ мы совершенно естественно подошли къ вопросу о дѣйствительныхъ и мнимыхъ центрахъ распространенія. Подъ центромъ распространенія мы понимаемъ ту область, въ которой выработалась и изъ которой начала распространяться та или другая группа животныхъ, такъ-сказать, колыбель той или другой формы. Но очень часто, да мало этого—даже въ громадномъ большинствѣ случаевъ, мы не можемъ сказать на основаніи нынѣ имѣющихся свѣдѣній какое мѣсто считать центромъ распространенія той или другой формы. Переселенія, вытѣсненія, нормальное разселеніе иногда такъ запутываютъ вопросъ о центрѣ распространенія, что совершенно не имѣешь права отвѣчать на него какъ бы то ни было положительно. Выше я уже привелъ мнѣніе Семпера, который говоритъ, что только знаніе систематики и основательныя палеонтологическія данныя могутъ дать отвѣтъ на вопросъ о центрѣ распространенія, и теперь еще разъ повторяю это совершенно справедливое сужденіе. Чтобы показать, что присутствіе и численность особей даже въ простѣйшемъ вопросѣ о центрахъ распространенія какихъ-либо нынѣ существующихъ видовъ не могутъ служить основаніемъ для отвѣта, я возьму для примѣра слѣдующій вымышленный случай. Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности живетъ видъ *A*, отъ котораго началъ выдѣляться на границѣ его области другой видъ. Послѣ нѣкотораго времени уклоняющаяся группа вида *A* достигнетъ значенія подвида *B* и начнетъ разселяться, или постепенно отдаляясь отъ области вида *A*, или вытѣсняя его. Въ первомъ случаѣ, когда воображаемый подвидъ *B*, достигнувши, наконецъ, видовой самостоятельности путемъ вымиранія промежуточныхъ между имъ и *A* особей, займетъ обособленную область, то, встрѣтившись съ такими двумя видами, намъ безъ знанія ихъ возрастныхъ измѣненій и безъ палеонтологическихъ данныхъ нельзя рѣшить, произошелъ ли видъ *B* отъ *A*, видъ *A* отъ *B*, или, что гораздо чаще, оба они произошли отъ какой-либо третьей коренной формы, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ при образованіи подвида и видъ-родоначальникъ начинаетъ постепенно измѣняться, т.-е. центръ распространенія того и другаго вида останется неизвѣстнымъ, если не взяться за палеонтологію и возрастныя измѣненія.

Во второмъ случаѣ, когда подвидъ *B*, достигнувши видовой самостоятельности, вытѣснитъ коренной видъ *A* изъ его области, то наблюдая конечное размѣщеніе видовъ, безъ ископаемыхъ остатковъ, опять-таки остается совершенно невозможнымъ рѣшить: гдѣ центръ ихъ распространенія *). Если же къ этому прибавить неполноту палеонтологическихъ свидѣтельствъ и неполноту нашихъ палеонтологическихъ знаній, тогда затрудненія возникнутъ почти неодолимыя. Намъ не только нѣтъ возможности опредѣлить центры распространенія нынѣ живущихъ видовъ, но даже центры распространенія большихъ группъ, напримѣръ, млекопитающихъ, птицъ и др., для насъ остаются неизвѣстными. Но въ этомъ случаѣ причина нашего незнанія заключается не только въ неполнотѣ геологической лѣтописи и нашихъ палеонтологическихъ свѣдѣній, но еще и въ самой природѣ животныхъ, о которыхъ было упомянуто: звѣри, какъ мы знаемъ, совершаютъ кочевки и періодическія странствованія иногда на громадныя разстоянія; большинство ихъ—животныя не общественныя, слѣдовательно, и остатки большинства ихъ погребены въ толщахъ земли не скученно, а разбросанно; наконецъ, рѣки могутъ уносить кости съ дѣйствительнаго мѣста смерти животнаго и переносить ихъ туда, гдѣ животное не жило (примѣръ—сибирскіе мамонты), о птицахъ нечего и говорить. Конечно, животныя нѣкоторыхъ группъ, одаренныя меньшею подвижностью и живущія болѣе скученно, какъ, напримѣръ, моллюски, даютъ болѣе данныхъ для опредѣленія своего центра распространенія, но такихъ животныхъ немного, да и съ ними надо быть осторожнымъ, потому что случайные способы распространенія не миновали и ихъ, о чемъ я уже говорилъ въ историческомъ обзорѣ литературы, когда дошла очередь до Людвига.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что о центрахъ распространенія можно говорить только съ величайшей осторожностью, такъ какъ въ

*) Такъ напр., нашъ обыкновенный воробей, разселяясь все далѣе и далѣе на западъ, вытѣсняетъ въ Испаніи испанскаго воробья и, вѣроятно, станетъ со временемъ окончательнымъ побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе съ своимъ собратомъ. Не имѣйся положительныхъ данныхъ о разселеніи домашняго воробья, конечно, не было бы никакой возможности сказать, въ какомъ соотношеніи находились первоначально двѣ названныя формы.

противномъ случаѣ мы часто будемъ принимать за дѣйствительные центры распространенія мнимые. Только въ одномъ случаѣ можно сказать про мѣстность, что она послужила центромъ распространенія для тѣхъ или другихъ группъ—это, когда въ ней присутствуютъ не широко распространенныя формы разныхъ большихъ группъ, напримѣръ, классовъ животныхъ, такъ какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ гораздо труднѣе и невѣроятнѣе объяснить такое скопленіе характерныхъ формъ случайностью, чѣмъ выдѣленіемъ ихъ именно въ этой мѣстности.

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что терминъ «естественная зоологическая область» въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимается крайними послѣдователями Форбса, т.-е. такая область, которая образовалась путемъ расширенія границъ прежде существовавшихъ острововъ и разселенія ихъ фаунъ, не можетъ употребляться: мы должны называть естественною зоологическою областью такую, которая отличается отъ прилежащихъ какъ присутствіемъ характерныхъ видовъ, такъ и отсутствіемъ видовъ, характерныхъ для другой области, или, въ случаѣ выдѣленія низшихъ зоологическихъ областей, характерной общей физіономіей, безразлично—будетъ ли происхожденіе или образованіе страны соотвѣтствовать учрежденію этой области или нѣтъ. Мнѣ кажется, что авторы, основывающіе зоологическія области исключительно на геологическихъ данныхъ, смѣшиваютъ посылки съ выводами: я еще разъ повторяю, что установленіе зоологическихъ областей не что иное, какъ выводъ изъ суммы посылокъ, въ которую входятъ и геологическія данныя, и прошлыя и современныя физическія условія, и соотношеніе организмовъ, и всѣ возможные способы разселенія, и дѣятельность человѣка. Стоитъ только пренебречь одной изъ этихъ посылокъ и выводъ будетъ невѣренъ, но избѣгнуть этого можно только однимъ путемъ: изучая то, что совершается на нашихъ глазахъ, т.-е. жизнь видовъ и ихъ станціи. Такимъ образомъ мы вернулись къ тому, съ чего начали.

Если мы внимательно разсмотримъ такую карту земнаго шара, на которой указанъ какъ характеръ мѣстности, такъ и распредѣленіе лѣсовъ, степей и пустынь, и сравнимъ съ картою распредѣленія водяныхъ осадковъ съ одной стороны, и съ картою Рютимейера съ другой,—намъ не можетъ не броситься въ глаза,

что границы областей фаунъ разныхъ возрастовъ въ большинствѣ случаевъ почти совпадаютъ съ границами гидрографическихъ областей и естественными преградами. Объяснить это совпаденіе нельзя ничѣмъ инымъ, кромѣ допущенія зависимости между орогидрографіей края и его фауной. Разсуждая чисто теоретически, объяснить эту зависимость вовсе не трудно. На основаніи геологическихъ данныхъ мы должны допустить, что материки приблизительно въ томъ видѣ, какъ они существуютъ нынѣ, существуютъ издавна, по крайней мѣрѣ съ начала образованія третичныхъ формацій, слѣдовательно, и морскія и воздушныя теченія уже издавна текутъ приблизительно въ своихъ нынѣшнихъ руслахъ и своимъ теченіемъ обусловливаютъ направленіе естественныхъ преградъ, первое мѣсто между которыми занимаютъ моря и пустыни. Зависимость морскихъ теченій отъ очертанія материковъ ясна сама собою: вращеніе земли съ запада на востокъ заставляетъ стремиться воду въ противоположномъ направленіи и еслибы направленію этого потока не было никакихъ препятствій, вода образовала бы поясъ между тропиками. Отъ неравной высоты суши морская вода, наталкиваясь въ своемъ стремленіи на материки и острова, образуетъ нѣсколько теченій, направленіе которыхъ измѣняется отчасти отъ неравномѣрнаго нагрѣванія подъ разными градусами широты. Температура и направленіе морскихъ теченій обусловливаютъ собою отчасти климатъ разныхъ странъ, между прочимъ направленіе линій равныхъ среднихъ температуръ, а, слѣдовательно, отчасти и распредѣленіе растеній.

Воздушныя теченія находятся въ зависимости отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, что и морскія: отъ вращенія земли кругомъ оси и неравномѣрнаго нагрѣванія; осложненіе для нихъ сравнительно съ морскими теченіями выражается только въ степени ихъ влажности, которая оказываетъ громадное вліяніе на распредѣленіе растеній, не говоря уже о томъ, что температура и влажность воздушныхъ теченій обусловливаютъ собой вмѣстѣ съ направленіемъ морскихъ теченій климатъ странъ. Итакъ, отчасти косвенно (черезъ распредѣленіе растеній, которыя столь многимъ животнымъ служатъ пищею), отчасти прямо (черезъ климатическія данныя) морскія и воздушныя теченія вліяютъ на распредѣленіе животныхъ и очевидно, что, находясь втеченіе многихъ тысячелѣтій при однихъ и

тѣхъ же условіяхъ существованія, фауны странъ, характеризующихся разными климатическими данными, должны были сложиться каждая въ особое цѣлое, развившееся при совершенно иныхъ условіяхъ борьбы за существованіе, чѣмъ фауна другой страны.

Еслибы на земномъ шарѣ существовали дѣйствительно отъ вѣка непереходимыя преграды, тогда фауны несомнѣнно были бы раздѣлены очень рѣзко, представляя собою фауны разныхъ возрастовъ, но такихъ преградъ нѣтъ, слѣдовательно и рѣзкой границы между фаунами быть не можетъ. Какъ ни рѣзка сравнительно разница между фаунами эѳіопской, индійской, китайско-гиммалайской и пале-арктической, тѣмъ не менѣе мѣстами промежуточная полоса съ смѣшанною фауною существуетъ. Здѣсь мнѣ еще разъ надо вернуться къ вопросу о возможности смѣшенія фаунъ.

Въ первой главѣ, говоря о Миндингѣ, я сказалъ, что многіе виды, имѣя возможность переходить естественныя преграды, тѣмъ не менѣе имѣютъ ограниченное распространеніе и что предѣлъ ихъ распространенію полагается столкновеніемъ съ другими родственными видами. Нѣсколькими страницами выше, возражая противъ воззрѣнія крайнихъ послѣдователей Форбса и Уэллеса, я еще разъ коснулся этого вопроса, говоря, что если возможно допустить трудное смѣшеніе фаунъ большихъ, разныхъ возрастовъ, за то возможно допустить смѣшеніе фаунъ разныхъ же возрастовъ, но раздѣленныхъ меньшимъ промежуткомъ времени. Такъ какъ сравнивая эти два мѣста, можно, пожалуй, довести ихъ до противорѣчія, то я и считаю нужнымъ дать по поводу ихъ поясненіе, тѣмъ болѣе умѣстное, что у насъ уже зашла опять рѣчь о разграниченіи фаунъ.

Дѣло въ томъ, что фауна, слагавшаяся издавна, конечно, можетъ быть принята вмѣстѣ съ тѣмъ и за болѣе богатую формами, болѣе полную, чѣмъ фауны сравнительно съ ней новыя. Въ ней могло выработаться бо́льшее количество формъ, приспособленныхъ къ различнымъ станціямъ; и эти формы должны быть другъ съ другомъ въ концѣ концовъ хотя въ приблизительномъ равновѣсіи, такъ сказать фауна должна округлиться. При соприкосновеніи такой фауны съ другой, подобной ей по своей полнотѣ и по своей древности, смѣшенія ихъ ждать трудно: даже еслибы біологически викарирующія формы обладали въ различной степени спо-

собностью примѣняемости, каждая изъ нихъ удерживалась бы въ предѣлахъ своей области за отсутствіемъ морфологическаго викаріата. За то, совершенно напротивъ, гдѣ соприкасаются фауны съ членами представляющими не только біологическій, но и морфологическій викаріатъ, т. е. фауны раздѣленныя меньшимъ промежуткомъ времени, тамъ смѣшеніе возможно, и все зависитъ только отъ той степени примѣняемости, которою обладаютъ сталкивающіяся и приходящія въ соприкосновеніе формы: въ послѣднемъ случаѣ возможность смѣшенія можетъ быть удержана только естественными преградами. Но мало того, образованіе естественной преграды можетъ даже заставить распасться на двѣ части одну фауну: двѣ ея части, уже не столь свободно сообщаясь другъ съ другомъ, благодаря этому становятся въ иныя условія существованія и въ концѣ концовъ могутъ распасться на двѣ фауны. Указаніемъ на это распаденіе мы и можемъ, повидимому, считать тѣ случаи, гдѣ близкія морфологически и біологически формы занимаютъ рѣзко раздѣленныя области. Раздѣленіе областей въ этомъ случаѣ есть, слѣдовательно, не начало, а конецъ, и родственныя формы не смѣшиваются, потому что ихъ выдѣленіе обусловилось измѣненіемъ коренной формы въ двухъ направленіяхъ. Напротивъ, гдѣ какія-либо двѣ родственныя формы живутъ смѣшанно или гдѣ какая-либо форма, какъ лучше приспособленная, смѣняетъ викарирующую съ ней и становится членомъ другой фауны, тамъ раздѣленіе областей распространенія этихъ формъ есть начало и въ концѣ концовъ или области обѣихъ формъ сливаются, растянувшись въ противоположныхъ направленіяхъ или лучше приспособленная форма занимаетъ кромѣ своей области и область викарирующей формы. Таково, напримѣръ, вторженіе въ Европу сѣрой крысы на мѣсто черной. Конечно, можетъ быть и такой случай, что цѣлая фауна вытѣснитъ другую, но тутъ ужь, конечно, мы имѣемъ дѣло не съ слитіемъ. Послѣ всего сказаннаго для насъ должно быть совершенно понятно, почему отводя возрасту страны одно изъ первыхъ мѣстъ при установленіи первостепенныхъ зоологическихъ провинцій, я придаю ему ничтожное значеніе при установленіи зоологическихъ областей низшихъ порядковъ: *фауны разныхъ геологическихъ періодовъ неизмѣримо цѣльнѣе, замкнутѣе возникшихъ въ предѣлахъ одного и того же періода,*

которыя, какъ фауны менѣе цѣльныя и болѣе родственныя, скорѣе могутъ смѣшаться. Не мѣшаетъ къ тому же прибавить и то еще, что съ границами фаунъ разныхъ геологическихъ періодовъ въ большинствѣ случаевъ весьма близки физико-географическія границы материковъ. При болѣе полномъ соотвѣтствіи тѣхъ и другихъ, пожалуй, на самомъ дѣлѣ можно бы дойти до того, что видѣть въ возрастѣ страны единственный критерій при опредѣленіи зоологическихъ областей.

Какъ выводъ изъ сказаннаго о естественныхъ преградахъ можно дать слѣдующее положеніе: дѣйствительно только то препятствіе, которое ставитъ двѣ (или болѣе) фауны въ иныя условія борьбы за существованіе, въ иныя условія развитія; поэтому физическія препятствія далеко не всегда имѣютъ зоологическое значеніе соотвѣтствующее ихъ географическому; такъ, напримѣръ, рѣка, какъ зоологическая граница, можетъ имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ горная цѣпь, примѣромъ чему служитъ съ одной стороны Алжиръ и Южная Америка, а съ другой Тянь-Шанская горная система, которая поднимаясь перевалами до 12,000 ф., а пиками до 20,000 и даже 25,000, даже такое нагорье не составляетъ преграды, являясь извѣстнымъ зоологическимъ центромъ. Въ этомъ отношеніи я не согласенъ съ г. Сѣверцовымъ, по мнѣнію котораго естественныя преграды только тогда имѣютъ значеніе, когда раздѣляютъ рѣзко раздѣленныя мѣста: преграда имѣетъ значеніе даже и тогда, когда двѣ фауны занимаютъ одинаковыя мѣстности, такъ какъ если преграда не совершенно незначительна она влечетъ за собою измѣненіе состава фаунъ, благодаря инымъ условіямъ борьбы за существованіе, въ которыя ставятся ею разсматриваемыя фауны.

Какъ простѣйшій примѣръ разбираемаго нами случая служитъ образованіе новаго вида изъ стараго путемъ уединенія нѣсколькихъ особей послѣдняго. Разница въ этомъ случаѣ состоитъ только въ томъ, что препятствіе во взятомъ нами примѣрѣ съ видомъ должно быть больше, чѣмъ еслибы мы имѣли дѣло съ фауною, и вотъ почему: образованіе какъ новаго вида, такъ и суммы новыхъ видовъ, т.-е. новой фауны, совершается путемъ естественнаго подбора, одно изъ необходимыхъ условій котораго составляетъ увеличеніе числа особей. Слѣдовательно, первымъ дѣломъ уединенныя

особи должны размножаться при иныхъ условіяхъ существованія. Если же взять не виды, а фауны, то при болѣе сложныхъ отношеніяхъ ихъ членовъ и при многочисленности послѣднихъ нарушеніе условій существованія гораздо легче и совершится даже при незначительной преградѣ. Нѣтъ никакой надобности, чтобы уединена была только одна пара (возвращаемся къ виду): можетъ быть и больше, но во всякомъ случаѣ въ то время, когда уединенная колонія размножится до извѣстной степени, между ея членами начнется упорная борьба за существованіе, которая и приведетъ къ образованію новой формы. Весьма возможно, что въ то же время и коренная форма измѣнится, но во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ вмѣсто одного вида получатся два, какъ вмѣсто одной фауны, въ случаѣ еслибы мы имѣли дѣло съ фаунами, получилось двѣ. Не могу не коснуться кстати Морица Вагнера и его закона образованія видовъ путемъ уединенія нѣсколькихъ особей. Въ настоящее время вопросъ этотъ стоитъ вовсе не въ томъ положеніи, какъ прежде. Морицъ Вагнеръ доказывалъ, что новообразованіе видовъ безъ уединенія невозможно; Дарвинъ призналъ, что уединеніе имѣетъ значеніе, но не необходимо; и, наконецъ, крайніе дарвинисты увѣрждаютъ, что уединеніе никогда не можетъ повести къ новообразованію видовъ. Мнѣ кажется, что вопросъ этотъ рѣшается очень просто при надлежащей постановкѣ, что *почти* сдѣлано Вейсманномъ. Такъ какъ дѣйствіе естественнаго подбора совершается при двухъ необходимыхъ условіяхъ: при увеличеніи числа особей и при индивидуальныхъ особенностяхъ послѣднихъ, то очевидно, что если уединенныя особи размножатся настолько, что между ними начнется борьба за существованіе, то естественный подборъ вступитъ въ свои права и дастъ новый видъ скорѣе, чѣмъ въ коренной области, потому что численное отношеніе приспособленныхъ особей къ нормальнымъ въ первомъ случаѣ больше, чѣмъ въ послѣднемъ (Вейсманнъ); если же условія среды не поблагопріятствуютъ уединеннымъ особямъ и число ихъ никогда не возрастетъ до извѣстной степени, то и измѣненія ихъ не произойдетъ. Итакъ, уединеніе не необходимо для новообразованія видовъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ ведетъ къ нему или по крайней мѣрѣ благопріятствуетъ ему. Мёррей возразилъ противъ случайныхъ способовъ переселенія, а слѣдовательно, и

противъ новообразованія видовъ путемъ уединенія то, что небольшое число переселенцевъ остается безплоднымъ или, вѣрнѣе, что такія особи вырождаются при скрещиваніи близкихъ родственниковъ *). Но Мёррей плохо разобралъ, что мы называемъ случайными причинами переселенія: такія причины какъ воздушныя и морскія теченія, плывучій лѣсъ, плывучіе льды, перелеты птицъ, суть явленія, совершающіяся въ строго опредѣленномъ направленіи, и, если, благодаря одному изъ нихъ, одна или болѣе особь извѣстнаго вида попала въ какую-либо страну, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ ту же страну попадутъ и другія особи, т.-е. поддержится притокъ свѣжей крови, что дастъ возможность виду размножиться въ новой области **). Когда же естественный подборъ начнетъ свое дѣйствіе, то притокъ этой свѣжей крови

---

*) При современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній мы не можемъ сказать, что это замѣчаніе Мёррея абсолютно невѣрно, но, по крайней мѣрѣ, оно не всегда вѣрно. Вотъ доказательства на это.

Когда въ 1419 году мореплаватель Зарко (Zarco) высадился на островъ Порто-Санто, тамъ не было ни одного вида млекопитающихъ. Зарко оставилъ тамъ кроликовую самку съ шестью молодыми и черезъ 37 лѣтъ, когда тотъ островъ посѣтилъ Када-Маста (Cada Masta), одичалые кролики населяли его въ неисчислимомъ количествѣ.

На Фалкландскихъ островахъ, гдѣ моряки С. Мало основали въ 1769 году небольшую колонію, до того времени не было ни одного изъ нашихъ домашнихъ животныхъ; уходя съ этихъ острововъ, колонисты оставили на нихъ приведенный съ собою домашній скотъ и предоставленныя сами себѣ травоядныя размножились до того, что въ наше время представляютъ собою драгоцѣнный запасъ для мореходцевъ.

На островѣ Тристань-д'Акунья, заброшенномъ въ океанѣ на полдорогѣ отъ Южной Америки къ мысу Доброй Надежды, не было козъ до тѣхъ поръ пока ихъ не завезли туда мореходцы; въ настоящее время одичавшія козы на этомъ островѣ очень обыкновенны.

Въ 1834 году англійскій мореходецъ Дэрсъ (Daires) завезъ на островъ Кроветъ, лежащій далеко къ ю. в. отъ мыса Доброй Надежды, нѣсколько свиней. Въ 1840 году эти животныя были на островѣ такъ многочисленны, что затрудняли высадку на него, самый островъ получилъ названіе *свиной островъ* (Pig island) и корабли стали заходить туда запасаться провизіей.

Дальнѣйшіе примѣры считаю излишними.

**) Превосходные примѣры этого можно найти въ статьѣ Альфонса М. Эдварса: „Recherches sur la faune des régions australes“ въ Ann. des Sc. natur. T. IX. № 5 и 6. Рѣчь идетъ о разселеніи пингвиновъ.

отъ коренной формы замедлитъ дѣйствіе естественнаго подбора, но не остановитъ его, не помѣшаетъ ему.

Я много разъ употребилъ слово «если», но что дѣлать—организмы зависятъ отъ столь сложной суммы отдѣльныхъ условій существованія, что безъ «если» обойтись нельзя. Во всякомъ случаѣ сказанное, какъ мнѣ кажется, можно резюмировать такъ: если число уединенныхъ особей настолько велико, что вымираніе ихъ какъ отъ скрещиванія близкихъ родственниковъ невозможно, то новообразованіе вида совершится. Прекрасный примѣръ этому представляетъ семейство Trochilidae, изъ 400 (приблизительно) видовъ котораго около $^{3}/_{10}$ приходится на долю тропической части Южной Америки. Своего максимума число ихъ достигаетъ на Андахъ подъ экваторомъ. Горы наиболѣе имъ милы; пышные лѣса Амазонки бѣдны видами колибри. Бразильская горная страна уже гораздо богаче ими; но особенно много ихъ по долинамъ, плоскогорьямъ и вулканическимъ пикамъ Андовъ. На отдѣльно стоящихъ большихъ вулканическихъ горахъ находятся виды, нигдѣ не встрѣчающіеся болѣе. Такъ на Пихинхѣ на высотѣ 14,000 ф. надъ уровнемъ моря находится эндемическая форма; близкая форма живетъ на Чимборазо отъ 14,000 ф. до границы вѣчнаго снѣга (16,000 ф.). Внутри кратера потухшаго вулкана Хирикви въ Ферагуа живетъ маленькій видъ колибри, нигдѣ не встрѣчающійся болѣе. Онъ отличается такимъ яркимъ рубиновокраснымъ пятномъ на глоткѣ, что, по выраженію Гульда, можно думать, что эта птичка успѣла схватить для себя послѣднія искры потухшаго вулкана (по Уэллесу). Этотъ эндемизмъ въ распространеніи колибри въ связи съ характеромъ занятой ими мѣстности превосходно объясняется образованіемъ видовъ путемъ уединенія, но особенно поучительно съ этой стороны распространеніе колибри на островахъ Жуанъ-Фернандеца, Масъ-Афуера и въ Чили, что можно найти въ прекрасномъ трудѣ Уэллеса „Tropical Nature“. Еще причина, препятствующая широкому распространенію животныхъ извѣстной группы, ихъ многочисленности, а слѣдовательно, и новообразованію видовъ, заключается въ борьбѣ за существованіе въ самомъ узкомъ смыслѣ. Хорошій примѣръ представляетъ въ этомъ случаѣ географическое распредѣленіе голубей: въ жаркой полосѣ ихъ извѣстно до 330 видовъ—число гро-

мадное сравнительно съ 16 видами сѣверной умѣренной полосы; изъ этого числа наибольшее количество ихъ приходится на Малайскій архипелагъ, Полинезію и Антильскіе острова; въ Африкѣ и Америкѣ ихъ гораздо меньше; объясненіе этого съ большою долею вѣроятности лежитъ въ томъ, что на указанныхъ островахъ мѣстами совсѣмъ нѣтъ, а мѣстами только очень немного лазающихъ животныхъ (обезьяны и др.), которыя питаются яицами; въ параллель этому и въ Южной Америкѣ голубей много тамъ, гдѣ обезьянъ совсѣмъ или почти нѣтъ: горы Чили и Мексика, низменности Ориноко и Ла-Платы и саванны Бразиліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство южно-американскихъ голубей суть виды для добыванія корма слетающія на землю и гнѣздящіеся въ низкомъ кустарникѣ, куда обезьяны заходятъ рѣдко. Въ Африкѣ и Индіи, гдѣ небольшихъ обезьянъ немного, являются уже настоящіе плодоядные голуби, но они достаютъ себѣ пищу и гнѣздятся на высокихъ деревьяхъ и до извѣстной степени находятъ себѣ защиту въ зеленой окраскѣ. Но въ Африкѣ и Индіи собственно плодоядные голуби составляютъ только незначительную часть мѣстныхъ голубей и наибольшаго развитія ($^2/_3$ всего числа) достигаютъ на островахъ Малайскаго архипелага (J. f. Orn. 1866, S. 269—285, Al. R. Wallace, Ueber die Tauben des malayischen Archipels). Болѣе тщательное сравнительное изученіе географическаго распредѣленія животныхъ разныхъ группъ при изученіи ихъ образа жизни несомнѣнно дастъ объясненіе многимъ фактамъ изъ области зоологической географіи, смущающимъ теперь зоогеографовъ.

Какъ подтвержденіе всего сказаннаго о зависимости фаунъ отъ условій неорганическаго міра, я приведу вымираніе потретичной фауны средней и южной Европы, которое по всей вѣроятности совершилось подъ вліяніемъ условій ледниковаго періода, когда сѣверная фауна, благодаря развитію этихъ условій, двинулась на югъ, а средне- и южно-европейская, не успѣвшія къ нимъ приспособиться, вымерла. Не должно думать, что въ этомъ случаѣ произошло вытѣсненіе одной фауны другою: гибель одной и ея замѣна другой совершились исключительно благодаря измѣненію станцій.

Другой примѣръ, доказывающій возможность смѣшенія фаунъ при сходствѣ stationes ихъ областей, и, слѣдовательно, тоже го-

ворящій въ пользу большаго значенія физическихъ условій въ распредѣленіи животныхъ, намъ представляетъ полоса тайги съ ея восточными животными, разселяющимися на западъ, и западными, разселяющимися на востокъ. Въ этомъ случаѣ несомнѣнно, что съ одной стороны смѣшеніе обусловливается неполнотою фаунъ западной и восточной, представляющихъ пустоты, которыя и замѣщаются колонистами; съ другой—различной степенью приспособляемости родственныхъ формъ, изъ которыхъ одна вытѣсняетъ другую.

Если такимъ образомъ изученіе видовъ и подвидовъ должно лечь въ основу всѣхъ современныхъ зоогеографическихъ работъ, не должно забывать возможности грубой ошибки принять за видъ помѣсь.

Повидимому скрещиваніе можетъ повести къ двоякому результату: съ одной стороны къ образованію мелкихъ уклоненій, которыя могутъ усилиться путемъ естественнаго подбора; съ другой—къ образованію крупныхъ уклоненій, которыя будучи вообще плодными, скрещиваются, однако, рѣже первыхъ, хотя и представляютъ постоянное явленіе въ той мѣстности, гдѣ живутъ скрещивающіеся виды. Что это бываетъ—несомнѣнно, вопросъ только въ томъ, на сколько часто это бываетъ. Во всякомъ случаѣ не должно упускать изъ виду, что принимая такія помѣси за виды, зоогеографъ тѣмъ самымъ только увеличитъ путаницу вопроса о центрахъ, такъ какъ такія помѣси въ свою очередь поведутъ къ принятію мнимаго центра за дѣйствительный (см. сочиненіе проф. Усова «Таксономическія единицы и группы» и соч. Семпера „Die natürlichen Existenzbedingungen der Thiere“) *.

*) Не могу, однако, не привести здѣсь двухъ примѣровъ, доказывающихъ плодучесть помѣсей: скрещиваніе волка съ собакой и зайца съ кроликомъ. Скрещиваніе волка съ собакой и производилось между прочимъ и въ московскомъ зоологическомъ саду; скрещивались двѣ пары и потомъ ихъ потомство между собою. Они доведены были до шестаго поколѣнія и прекращены по совершенно постороннимъ обстоятельствамъ. Первая помѣсь зайца съ кроликомъ, такъ называемый лепоридъ, была получена въ 1848 году въ Парижѣ. Лепориды оказались очень полезными домашними животными и стали во множествѣ разводиться всюду.

Какъ выводъ изъ всего сказаннаго, я могу представить такое положеніе: *полное пониманіе фауны какой-либо мѣстности можетъ быть достигнуто только путемъ изученія ея видоваго состава, условій жизни видовъ и ихъ распространенія и распредѣленія въ пространствѣ и времени.*

Мнѣ уже не разъ приходилось указывать на односторонность нѣкоторыхъ авторовъ, стремящихся объяснять составъ современныхъ намъ фаунъ только тѣми измѣненіями, которыя были претерпѣны поверхностью земнаго шара съ древнихъ временъ, при чемъ было сказано, что эти авторы могутъ считаться послѣдователями Циммерманна, Бюффона и Форбса. Теперь пришло время указать на разницу въ методахъ изслѣдованія Форбса и его послѣдователей. Въ разобранной мною выше статьѣ Форбсъ идетъ отъ настоящей эпохи къ прошлымъ, пытаясь сначала возстановить по возможности фауну и флору начала исторической эпохи, затѣмъ доисторической, ледниковой и т. д. до міоценовой включительно. Напротивъ, въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ авторовъ часто можно видѣть совсѣмъ противоположный путь. Что въ этомъ случаѣ авторы сильно грѣшатъ противъ основанія метода—очевидно само собою: возстановить прошлое можно только путемъ изученія настоящаго, такъ какъ только при этомъ мы опираемся на прочное основаніе; идти же отъ прошлаго къ настоящему значитъ не болѣе какъ играть въ остроумныя соображенія. Построивши на основаніи современныхъ данныхъ состояніе земнаго шара въ одну изъ прошлыхъ эпохъ, мы, конечно, должны пытаться внести вновь пріобрѣтенное знаніе въ объясненіе современныхъ намъ явленій, что покажетъ насколько удачно и полно совершено возстановленіе, но это конечное звено, а не исходное. Съ помощью его мы только получаемъ возможность до извѣстной степени полно опредѣлить условія, при которыхъ сложилась извѣстная фауна, но не болѣе.

Тщательное изученіе животнаго населенія земнаго шара легко приводитъ насъ къ заключенію, что фауны разныхъ странъ отличаются другъ отъ друга въ весьма разной степени: однѣ—болѣе, другія—менѣе; слѣдовательно, и зоологическіе округа, выдѣленные по фаунамъ, должны имѣть весьма различное значеніе.

Я предлагаю слѣдующее раздѣленіе зоологическихъ участковъ по степенямъ:

1) *Области*—въ большинствѣ случаевъ заключенныя въ болѣе или менѣе рѣзкія естественныя границы, съ фауной богатой характерными видами и съ выраженной въ большей или меньшей степени физіономіей извѣстнаго геологическаго періода.

2) *Подобласти* (по своему относительному положенію въ палеарктической области названныя нами *полосами*), на которыя дѣлятся области, основаны уже предпочтительно на современныхъ физико-географическихъ основаніяхъ и на составѣ фаунъ. Фауны подобластей приблизительно одного возраста, слѣдовательно, при ихъ развитіи большую роль играетъ прямо различіе станцій.

Въ свою очередь подобласти распадаются на

3) *провинціи*, провинціи на

4) *округа*, округа на

5) *участки* и, наконецъ, отъ участковъ, остается перейти только къ изученію фаунъ по *мѣстонахожденіямъ*. Въ четырехъ послѣднихъ случаяхъ станціи пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе первенствующее значеніе, но кромѣ того при установленіи провинцій, округовъ и участковъ большую роль играетъ фауна во всей своей совокупности, т.-е. не только характерные виды, но и подвиды, случайно заходящіе виды, посѣщающіе провинціи и округа при миграціяхъ и т. д. Такой составъ фауны въ ея цѣломъ выражаетъ собой зависимость ея отъ среды, слѣдовательно, и локализація фаунъ по провинціямъ и округамъ становится совершенно понятной при знаніи условій среды. Нечего и говорить, что линейная граница между областями, подобластями, провинціями и округами существуетъ далеко не всегда: очень многіе изъ нихъ связаны между собою переходными полосами, но тѣмъ не менѣе въ зоологическомъ участкѣ любой степени можно всегда обозначить центръ какъ извѣстную характерную мѣстность и при сравненіи не промежуточныхъ полосъ, а центровъ различія въ составѣ ихъ фаунъ всегда бросится въ глаза.

Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что зоологическая область какой бы то ни было степени не представляетъ собою ничего неизмѣняемаго: она существуетъ только для *даннаго времени* и можетъ исчезнуть черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть «Сибирскую фауну» г. Миддендорфа, статью «Объ измѣненіи областей распространенія птицъ» г. Гомейера и «Объ областяхъ гнѣздовья птицъ въ Скандинавіи» г. Валленгрена; сколько видовъ исчезло въ той или другой мѣстности почти безслѣдно; у скольких измѣнились области распространенія... Все это измѣняетъ составъ мѣстныхъ фаунъ, а слѣдовательно, и границы существующихъ зоологическихъ областей. Съ этой стороны установленіе общепризнанныхъ мелкихъ зоологическихъ областей и нанесеніе ихъ на карту имѣетъ громадное значеніе: оно дастъ ключъ будущимъ зоогеографамъ къ *пониманію* современныхъ имъ фаунъ. Весьма поучительный примѣръ этого читатель найдетъ ниже, гдѣ говорится объ округахъ полосы островныхъ лѣсовъ и объ алауно-литовскомъ округѣ полосы тайги.

Большое значеніе при опредѣленіи зоологическихъ участковъ должно отводить пролетнымъ путямъ птицъ, въ которыхъ выражается отчасти прошлое распредѣленіе материковъ и морей. Я поясню мои слова. Пролетные пути птицъ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: береговые & рѣчные водяныхъ и голенастыхъ птицъ и пролегающіе по болѣе разнообразнымъ мѣстностямъ пути наземныхъ птицъ. Что касается послѣднихъ, то при всей ихъ сложности можно все-таки замѣтить, что въ нихъ, равно какъ и въ пролетныхъ путяхъ первой категоріи, выражается вліяніе на жизнь птицъ не только современныхъ условій среды, но и наслѣдственность. Перелетъ молодыхъ птицъ по извѣстному пути безъ руководства стариковъ служитъ превосходнымъ подтвержденіемъ моихъ словъ. Но еще рѣзче выражается наслѣдственность въ пролетныхъ путяхъ водяныхъ и болотныхъ птицъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы видимъ, что условія добыванія корма заставляютъ летѣть сѣверныхъ морскихъ птицъ нашей части свѣта на юго-западъ, слѣдуя береговою линіею, не трудно предусмотрѣть къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ отступленіе ея: очевидно, къ отступленію въ томъ же направленіи и пролетнаго пути. Такимъ образомъ перелетъ птицъ черезъ Средиземное море, черезъ его острова и по его восточному и западному побережью, становится совершенно понятенъ, мы легко можемъ сказать почему птицы выбрали эти пути. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднія третичныя эпохи

Средиземное море представляло собою не болѣе какъ рядъ озеръ въ родѣ нынѣшняго Аральскаго, берегами которыхъ и слѣдовали птицы при своихъ перелетахъ, когда перелеты начались подъ вліяніемъ, оказываемымъ на птицъ приближающимся ледниковымъ періодомъ. Если затѣмъ представить, что суша, составляющая дно нынѣшняго Средиземнаго моря, начала постепенно понижаться, пока, наконецъ, отъ нея не остались современные острова, легко допустить, что птицы, годъ отъ году пролетая по извѣстному направленію, слѣдуя береговой линіи, продолжали держаться этого направленія даже и потомъ, когда береговая линія разорвалась и отъ нея остались только острова. На этомъ основаніи, если мы видимъ, что одинъ и тотъ же видъ является перелетнымъ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ, но изъ каждой улетаетъ на свое зимовье инымъ путемъ и зимуетъ въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ его собратья, очевидно, что онъ находится въ разныхъ условіяхъ существованія, что фауны, къ которымъ онъ принадлежитъ, сложились при разныхъ условіяхъ, слѣдовательно, различны. Вопросъ только въ томъ, какъ велико это различіе. Другой подобный же примѣръ представляетъ собою пролетный путь сѣверныхъ океаническихъ птицъ черезъ Бѣлое море, Онежское и Ладожское озера и Финскій заливъ: геологическая карта показываетъ, что сравнительно недавно можно допустить существованіе въ этомъ мѣстѣ морскаго пролива. Кромѣ того, пролетные пути могутъ, по моему мнѣнію, служить указаніемъ на относительную древность видовъ. Приведу примѣръ. Обыкновенный нашъ кобчикъ Erythropus vespertinus зимуетъ въ сѣверной, сѣверо-восточной и центральной Африкѣ; амурскій Erythr. amurensis занимаетъ на зимовьѣ отчасти центральную Индію, отчасти восточную и юго-восточную Африку; говоря вообще, пролетный путь Erythr. amur. гораздо длиннѣе пролетнаго пути Erythr. vesperl. Объяснить это я нахожу возможнымъ принятіемъ Erythr. vesp. за болѣе новую, вытѣсняющую форму, которая, являясь болѣе приспособленной, вытѣснила своего родича не только изъ его коренной области, но заставила измѣнить и мѣсто зимовья, и пролетный путь. Я полагаю, что вообще можно возвести въ правило положеніе, что *изъ двухъ родственныхъ видовъ, совершающихъ періодическія странствованія, тотъ древнѣе, котораго путь странствованія длиннѣе.* Я, впрочемъ, да-

лекъ отъ мысли рѣшать вопросъ объ относительной древности родственныхъ видовъ, основываясь только на относительной длинѣ ихъ путей періодическихъ странствованій (рѣчь, конечно, только о тѣхъ животныхъ, у которыхъ эти странствованія существуютъ); знаніе возрастныхъ измѣненій служитъ прекрасной провѣркой въ данномъ случаѣ; извѣстную услугу можетъ оказать и геологія; что же касается палеонтологіи, то она неприложима, потому что мы говоримъ именно о такихъ видахъ, вопросъ о возрастѣ которыхъ не можетъ быть рѣшенъ палеонтологическимъ путемъ; но если ни возрастныхъ измѣненій, ни геологическихъ данныхъ, способствующихъ рѣшенію даннаго вопроса не существуетъ, то нужно дорожить и тѣмъ указаніемъ, которое даетъ относительная длина путей періодическихъ странствованій.

Вопросъ объ относительной древности нынѣ существующихъ видовъ долженъ быть всегда на виду передъ зоогеографомъ, когда онъ задается задачею объяснить образованіе современной фауны. Въ этомъ случаѣ всегда приходится пытаться чертить составъ прошлыхъ фаунъ и распредѣленіе составляющихъ ихъ видовъ. Но помимо этого и между одновременными видами надо отличать двѣ группы: переселенцевъ и собственно жителей страны. При соприкосновеніи фаунъ зоологическихъ областей промежуточная между послѣдними полоса при отсутствіи рѣзкихъ естественныхъ границъ довольно легко выдѣляется по смѣшанному составу своей фауны какъ изъ одной, такъ и изъ другой области. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Зондскій архипелагъ, съ его азіатскими и австралійскими обитателями, но такія полосы существуютъ, хотя и не столь развитыми, и между пале-арктической и эѳіопской, и между нео-арктической и нео-тропической.

Какъ заключеніе всей главы, я нахожу полезнымъ въ общихъ чертахъ изложить нынѣ существующій взглядъ на тотъ путь, которымъ сложились современныя намъ фауны и флоры. Такъ какъ и для тѣхъ, и для другихъ путь этотъ одинъ и тотъ же, то совершенно достаточно остановиться на чемъ-нибудь одномъ; мы остановимся на фаунѣ.—Въ настоящее время мы разсматриваемъ всю совокупность животныхъ формъ какъ потомковъ общаго родича; слѣдовательно, все животное царство схематично можетъ быть представлено въ видѣ дерева, которое опускается своими корнями въ ту формацію, въ которой началась животная жизнь,

а вершинами своихъ вѣтокъ лежитъ въ образующейся нынѣ формаціи. Такимъ образомъ дерево это проходитъ черезъ всѣ пласты, такъ сказать проросло всѣ пласты. Очевидно, что вѣтви дерева проходятъ черезъ пласты каждая въ своемъ мѣстѣ, гдѣ даетъ развѣтвленія, но, не смотря на множество вѣтвей всего дерева, въ извѣстномъ опредѣленномъ участкѣ каждаго пласта встрѣчаются только нѣкоторыя изъ нихъ, т. е. только нѣкоторыя группы животныхъ. При существованіи гипотезы самостоятельнаго творческаго акта для каждаго вида становилось совершенно непонятнымъ, почему одинъ и тотъ же видъ не существуетъ въ разныхъ странахъ съ одинаковыми условіями существованія. При допущеніи же гипотезы кровнаго сродства всѣхъ животныхъ такое отсутствіе вида въ одномъ или болѣе мѣстахъ съ сходными условіями среды совершенно понятно: оно объясняется такимъ распредѣленіемъ материковъ и морей, при которомъ извѣстный видъ могъ перейти при измѣненіи этого распредѣленія въ однѣ области и не могъ перейти въ другія. И съ другой стороны даже благопріятное распредѣленіе материковъ и морей еще нисколько не влечетъ за собою, какъ необходимое слѣдствіе, присутствіе вида во всѣхъ пригодныхъ для него областяхъ: стоитъ только въ одной изъ нихъ жить формѣ, близкой къ разсматриваемому виду, но лучше приспособленной къ окружающимъ ее условіямъ среды, чтобы положенъ былъ предѣлъ распространенію ея родственника. Благодаря этимъ немногимъ добавочнымъ строкамъ, мы имѣемъ возможность коснуться кстати *цѣли* зоогеографіи, которую никогда не должно мѣшать съ *задачею* науки: цѣль зоогеографіи состоитъ въ опредѣленіи того пласта, того мѣста послѣдняго, гдѣ появился первый животный организмъ. Но мы тутъ же сталкиваемся съ весьма серьезнымъ затрудненіемъ: уже и теперь мы знаемъ нѣсколько такихъ организмовъ, принадлежность которыхъ къ растительному или животному царству не можетъ быть рѣшена положительно. Въ прошлыя времена число такихъ двойственныхъ организмовъ было несомнѣнно еще больше—какая же отрасль *онтогеографіи* (осмѣливаюсь ввести этотъ терминъ для науки о распредѣленіи и распространеніи организмовъ во времени и пространствѣ) должна заниматься изученіемъ распредѣленія этихъ двойственныхъ организмовъ? Принимая сказанное во вниманіе, мы должны придти къ заключенію, что строгаго раздѣленія онтогео-

графіи на зоо- и фито-географію не можетъ быть, и дѣйствительно не существуетъ: возможно полное знаніе законовъ, управляющихъ географическимъ распредѣленіемъ и распространеніемъ организмовъ, возможно только при совмѣстномъ изученіи ботанической и зоологической географіи. Тѣмъ не менѣе условно раздѣлить ботаническую и зоологическую географію возможно, тѣмъ болѣе, что двойственные организмы, благодаря ихъ строенію, исчезаютъ съ лица земли безслѣдно, другими словами—цѣль зоо- и фито-географіи достигнута быть не можетъ и все, что̀ можетъ намъ дать зоогеографія, это—болѣе или менѣе полное пониманіе современнаго географическаго распредѣленія несомнѣнно животныхъ организмовъ—опредѣленіе, съ котораго мы начали наше введеніе. Слѣдовательно съ извѣстной точки зрѣнія мы въ правѣ сказать вмѣстѣ съ Дюбуа-Реймономъ «Ignorabimus», но это «Ignorabimus» должно не парализировать наши стремленія, а, напротивъ, подталкивать насъ по пути возможнаго приближенія къ рѣшенію біологическихъ задачъ. Будемъ помнить, что при этомъ намъ вѣроятно удастся рано или поздно не только возстановить до желаемой степени полноты исторію человѣческаго рода, но и найти то мѣсто, гдѣ жили и откуда разселялись наши предки. А что бы ни говорили, это наше вѣчное стремленіе. Человѣкъ предпочтительно передъ всѣми животными заслуживаетъ названіе пилигрима, но за то какъ и пилигримъ, какъ бы далеко ни былъ онъ отъ своей родины, постоянно устремляетъ свои взоры въ ту сторону, гдѣ она тонетъ въ туманѣ, ожидая, когда лучъ свѣта пробьется сквозь его пелену и освѣтитъ тяжелую, длинную дорогу.....

Я нахожу возможнымъ закончить этимъ введеніе. Не мнѣ судить, насколько ясно удалось мнѣ представить современное состояніе зоогеографіи и развить мою основную мысль, что *зоогеографъ при всякомъ своемъ трудѣ долженъ исходить изъ изученія таксономическихъ единицъ—видовъ и переходить отъ настоящаго къ прошлому*, но смѣю думать, что мнѣ удалось это хотя отчасти. Послѣ высказанныхъ во введеніи теоретическихъ соображеній я нахожу возможнымъ съ слѣдующей же главы попытаться примѣнить ихъ на дѣлѣ. Строго говоря, и вся «Орнитологическая географія Европейской Россіи» не болѣе какъ примѣненіе на частномъ примѣрѣ извѣстныхъ общихъ соображеній.

Глава третья.

Подраздѣленіе пале-арктической области.—Возраженія на подраздѣленіе, предложенное г. Сѣверцовымъ.—Характеристика полосъ пале-арктической области.

Европейская Россія цѣликомъ лежитъ въ пале-арктической области, которая обнимаетъ собою всю Европу, бо́льшую часть Азіи и сѣверную Африку. Слѣдовательно, съ этой стороны не можетъ быть никакого затрудненія, куда отнести нашу фауну. Но затрудненія возникаютъ сейчасъ же, какъ только мы коснемся вопроса о томъ, въ какую изъ второстепенныхъ зоологическихъ областей отнести Европейскую Россію, и укладывается ли она цѣликомъ въ одну второстепенную область. Уэллесъ стоитъ за послѣднее, но не трудно видѣть, что съ одной стороны причина этого лежитъ въ далеко не полномъ знакомствѣ съ матеріалами по распредѣленію животныхъ въ Европейской Россіи, съ другой—въ односторонности автора, придающаго слишкомъ большое значеніе геологическимъ даннымъ. Другое мнѣніе, Н. А. Сѣверцова, состоитъ въ томъ, что Европейская Россія, да и вся Европа не представляютъ собою никакой естественной зоологической области. По мнѣнію г. Сѣверцова вся пале-арктическая область, которую онъ ограничиваетъ иначе, чѣмъ то было сдѣлано до него, дѣлится на пять полосъ: Zona arctica или полоса тундры; Sylvae borealis—полоса тайги; Zona intermedia—переходная полоса; Pars australis occidentalis—юго-западная полоса и Zona desertorum—полоса пустынь. Такимъ образомъ, по этому дѣленію, Европа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Европейская Россія заключаютъ въ себѣ части нѣсколькихъ полосъ. Такъ какъ это дѣленіе основано

на физико-географическомъ дѣленіи нашего материка и на изученіи современнаго состава фаунъ по видамъ, то безъ сомнѣнія оно вышло гораздо естественнѣе дѣленія Уэллесова, противъ котораго г. Сѣверцовымъ представлено множество въ высшей степени важныхъ возраженій, но и Сѣверцовское дѣленіе пале-арктической области на полосы не можетъ считаться совершенно естественнымъ, такъ какъ авторъ его пропустилъ, смѣшалъ съ другими одну фауну совершенно самостоятельную, на столько же характерную, какъ и фауны тундры, тайги или пустынь, именно—фауну *степи*.

Чтобы выяснить этотъ вопросъ, разберемъ болѣе подробно предложенное г. Сѣверцовымъ дѣленіе, для чего намъ, конечно, приходится начать съ ограниченія пале-арктической области.

Склэтеръ, выдѣлившій пале-арктическую область, ограничилъ ее на югѣ приблизительно 30° с. ш., на что его безъ сомнѣнія вынудилъ недостатокъ, столь ощутительный еще въ недалекомъ прошломъ, нужнаго матеріала. Уэллесъ ограничилъ ее въ Африкѣ Сахарой, которую считалъ полосою нейтральной, отдѣляющей пале-арктическую область отъ собственно африканской или эфіопской. Г. Сѣверцовъ считаетъ южною границею пале-арктической области въ Африкѣ границу физическую— сѣверный предѣлъ тропическихъ дождей. Эта граница установлена имъ на основаніи тщательнаго изученія трудовъ Гейглина, и, надо сказать, граница эта совершенно естественна. «На Нилѣ, говоритъ г. Сѣверцовъ, сѣверная граница ихъ области не доходитъ даже до тропика, а только до 20° с. ш., и также далеко къ югу распространяется и пале-арктическая фауна; но южнѣе, гдѣ начинаются тропическіе дожди, хотя бы сначала относительно слабые, нѣсколько ливней въ годъ, тамъ являются уже преобладающими тропическія формы птицъ и вообще животныхъ, и пале-арктическая фауна на Нилѣ кончается. Это подтвердилось потомъ изслѣдованіями Блэнфорда (Blanford) въ Персіи и Юма въ сѣверо-западной Индіи. Они нашли, что южная пале-арктическая фауна въ Персіи и Белуджистанѣ доходитъ, при отсутствіи тропическихъ дождей, до Индійскаго океана; затѣмъ, въ Индіи, весь бассейнъ Инда занятъ южными пале-арктическими формами съ примѣсью нѣкоторыхъ собственно индійскихъ. Въ Индіи преслѣдуемая нами граница огибаетъ сѣверъ

индійской пустыни между Индомъ и Гималаемъ, почему опять совпадаетъ съ тропическими дождями, которые здѣсь разрѣшаются преимущественно у подошвы Гималая, но далѣе идетъ область муссоновъ и это физико-географическое основаніе ограниченія пале-арктической области исчезаетъ». Здѣсь между разными авторами начинается наибольшее разногласіе, благодаря опять таки недостатку свѣдѣній до послѣдняго времени. Но г. Сѣверцовъ уже имѣлъ возможность тщательнѣе своихъ предшественниковъ изучить фауны Гималая и восточной Азіи и пришелъ къ убѣжденію, что между пале-арктическою и индо-малайскою областями выдѣляется еще одна первоклассная *китайско-гималайская* (Regio aemodo-serica) или *восточно-азіатская*. Эта область въ общемъ сходна съ Манчжурской областью Уэллеса, но отличается отъ нея присоединеніемъ Мупина, неправильно отнесеннаго Уэллесомъ къ индо-малайской, и нѣсколько отличной границей на Гималаѣ: въ сѣверо-западной его части до самой подошвы, а въ центральной и юго-восточной отъ вѣчныхъ снѣговъ внизъ до 8—10 тыс. футовъ высоты, Гималай отнесенъ г. Сѣверцовымъ въ китайско-гималайскую область. Сѣверная граница этой области проходитъ на лѣвомъ берегу Амура по Буреинскому нагорью и образуетъ съ фауной восточно-сибирской многосложныя извилины по скатамъ хребтовъ амурскаго бассейна.

Такимъ образомъ южная граница пале-арктической области является совершенно естественной. Съ однимъ только не могу я согласиться—это съ линейной границей, которой г. Сѣверцовъ обозначилъ на картѣ южную границу своей пале-арктической области. Изъ словъ самого г. Сѣверцова слѣдуетъ, что въ сѣверо-восточной Африкѣ, южнѣе 20° с. ш., въ бассейнѣ Инда, и на Амурѣ къ пале-арктической фаунѣ примѣшиваются уже и тропическія формы. Какова бы по количеству эта примѣсь ни была, ея достаточно, чтобы пале-арктическая фауна пріобрѣла нѣсколько иной характеръ, слѣдовательно, въ этихъ мѣстахъ пале-арктическая область отдѣляется отъ эѳіопской, индо-малайской и китайско-гималайской уже не рѣзкой линейной границей, а переходною полосою. Рѣзкая линейная граница есть только тамъ, гдѣ границу между различными зоологическими областями составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ граница между *станціями*. Такъ, напримѣръ, между Манч-

журіей и Монголіей зоологическая граница очень рѣзка: она идетъ вдоль западной подошвы Хинганя и вообще по окраинымъ хребтамъ Монголіи и совпадаетъ съ границею растительности и климата. На этомъ основаніи, принимая въ общемъ установленную г. Сѣверцовымъ южную границу пале-арктической области, я на своей картѣ не вездѣ провелъ ее линейною *).

«Обращаясь къ подраздѣленію, говоритъ г. Сѣверцовъ, я принялъ за основаніе физико-географическое дѣленіе нашего материка, преимущественно по растительности, доставляющей звѣрямъ и птицамъ пищу и убѣжище. Такимъ образомъ, пале-арктическую область я дѣлю на слѣдующія полосы: первая, Zona arctica, полярная тундра, гдѣ характеристической является собственно сѣверная ея часть, а къ югу она пересѣкается пролѣсками, преимущественно изъ хвойныхъ и березовыхъ кривоколей, съ немногими уже мѣстными животными. За тундрою слѣдуетъ тайга—полоса сплошнаго лѣса и лѣсной фауны. Изъ птицъ характеристическими для этой полосы и сосредоточивающимися только въ

*) Такъ какъ это замѣчаніе г. Мензбира было имъ обязательно сообщено мнѣ въ рукописи, то пользуюсь случаемъ заявить, что карта, приложенная къ моей статьѣ о зоологическихъ областяхъ внѣ-тропическихъ частей нашего материка (Извѣстія Географ. Общества, 1877, вып. III) мнѣ не была доставлена для корректуры, почему и вышли на ней линейныя границы, отвергаемыя мной въ текстѣ. На подлинной картѣ, раскрашенной мной собственноручно, условныя краски зоологическихъ областей стушевывались и смѣшивались на ихъ границахъ, выражая этимъ смѣшанныя пограничныя фауны. Эти условные цвѣта, на моей подлинной картѣ, выражали *пояса* пале-арктическаго царства; что же касается областей, то изслѣдованный центръ каждой былъ обозначенъ болѣе густымъ тономъ и нумеромъ (повторенными, если область обширна), а границъ между областями не проведено никакихъ, опять согласно съ текстомъ. При печатаніи, въ картографическомъ заведеніи г. Ильина были придуманы и особые цвѣта для нѣкоторыхъ областей, и пограничныя линіи, причемъ, совершенно ошибочно, стушеванная на моемъ подлинникѣ пограничная полоса между областями западно-азіатской и среднеазіатской, къ югу отъ Аму, *вся*—даже до Каспійскаго моря—превратилась въ часть области синдской!! Этой ошибки уже достаточно, чтобы я отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность относительно этой карты, на которой моя подлинная не воспроизведена, а *передѣлана* и *искажена*; и съ относящимися къ этой печатной картѣ замѣчаніями г. Мензбира я вообще согласенъ. *Н. Сѣверцовъ.*

ней являются свиристели (Bombycilla), щуры (Corythus enucleator), клесты (Loxia), юрки (Fr. montifringilla) и вообще большая часть зябликовыхъ (Fringillae), т.-е. настоящихъ лѣсныхъ и нѣкоторые хищники; къ самымъ же характеристическимъ формамъ этой лѣсной полосы принадлежатъ, разумѣется, тетерева и рябчики. Затѣмъ, третья область есть переходная, гдѣ лѣса уже отчасти смѣшиваются со степями и даже, въ восточной половинѣ, большею частью преобладаютъ степи съ пролѣсками и холмами. Эта полоса занимаетъ почти всю среднюю Европу, принимая, конечно, во вниманіе прежнее распространеніе лѣса и искусственную его расчистку, особенно на западѣ, такъ какъ извѣстно, что сѣверная Германія, напримѣръ, еще въ историческое время была тайгою. У насъ въ Россіи, особенно въ черноземной полосѣ, перемежка лѣсовъ и степей есть уже естественная. Хотя, конечно, я не отрицаю безпощадной вырубки средне-русскихъ лѣсовъ, но наблюдая за условіями ихъ роста, я убѣдился, что сплошныхъ лѣсовъ въ черноземной полосѣ совсѣмъ нѣтъ. Затѣмъ, далѣе къ югу, идетъ часть юго-западной области, собственно средиземно-морская. Это—сѣверные берега Средиземнаго моря, особенно Испанія, часть южной Франціи и Италія (восточнѣе, начиная уже съ западныхъ частей Балканскаго нелуострова, являются уже фауны смѣшанныя, переходныя отъ средиземно-морской къ другимъ). Кромѣ того, къ юго-западной области принадлежатъ атлантическіе острова: Канарскіе, Мадера, Азорскіе и Зеленаго мыса—не смотря на близость послѣднихъ къ тропической Африкѣ. Эта юго-западная область опять имѣетъ нѣкоторыя своеобразныя формы животныхъ, но, собственно говоря, она по своему зоологическому характеру есть промежуточная между средне-европейскою и пустынною фаунами. Наконецъ, самая южная часть пале-арктической области, это обширная полоса пустынь. Она обнимаетъ всю сѣверную Африку и почти всю юго-западную Азію, кромѣ южной Аравіи; затѣмъ всѣ средне-азіатскія пустыни и Тибетъ. Не смотря на различіе въ климатѣ, температурѣ, на громадныя различія въ абсолютной высотѣ,—тѣ же характеристическія формы (конечно, разные виды) напр. семейства Pteroclidae (пустынная птица, нѣчто среднее между куриными и голубиными въ родѣ куропатки съ голубиными крыльями), весьма сродные между собой жаворонки и

каменники (Saxicola) и т. п. пустынныя птицы; изъ звѣрей газели (Gazella), тушканчики (Dipus), песчанки (Meriones) и т. д. являются одинаково характеристичными и для Монголіи, и для Аравіи; даже въ страшно высокомъ и холодномъ Тибетѣ многія характеристическія птицы не только сходны, но отчасти (напр., Saxicola deserti) *тождественны* съ птицами низменной и палящей Сахары».

Основывать подраздѣленія зоологической области перваго класса на физико-географическомъ основаніи безъ сомнѣнія совершенно логично. Каждая фауна выработалась, развилась подъ вліяніемъ суммы весьма большаго числа слагаемыхъ: въ нихъ входятъ и геологическія данныя и современныя физическія условія, какъ-то: условія мѣстности, климатъ, растительность, и соотношеніе организмовъ. Всякая мѣстность, которая издавна обладаетъ перечисленными условіями, не сходными съ соотвѣтствующими условіями другой мѣстности, имѣетъ болѣе или менѣе характерную фауну. Слѣдовательно, совершенно естественно, что полосы тундры, тайги и пустынь имѣютъ и свои въ высшей степени характерныя фауны; говоря это, я вовсе не смѣшиваю станцій съ областями, но выходитъ совпаденіе: характеръ преобладающихъ станцій отражается на характерѣ фауны, почему я имѣю право говорить о фаунѣ тундры, тайги и т. д. Итакъ, повторяю, класть въ основу зоологическаго подраздѣленія материковъ физико-географическія основанія совершенно логично, и это, вмѣстѣ съ изученіемъ состава фаунъ по видамъ, безъ сомнѣнія единственный вѣрный путь къ установленію естественныхъ зоологическихъ участковъ, но исходя изъ того же начала, изъ котораго исходилъ и г. Сѣверцовъ, я прихожу къ инымъ выводамъ. Вмѣсто его пяти полосъ, изъ которыхъ только три (тундры, тайги и пустынь) считаются имъ естественными (т.-е. коренными, созданными не вмѣшательствомъ человѣка), я принимаю шесть: полосы тундры, тайги, островныхъ лѣсовъ, *степи*, побережья & острововъ и пустынь, и изъ нихъ только одну—полосу островныхъ лѣсовъ *въ ея современныхъ предѣлахъ* не коренною, а искусственною. Полоса побережья & острововъ и полоса степи вовсе не могутъ считаться исключительно переходными отъ полосы тайги къ полосѣ пустынь: ихъ существованіе имѣетъ такое же основаніе, какъ и существованіе тун-

дры, тайги, естественной полосы островныхъ лѣсовъ и пустынь. Пять указанныхъ мною коренныхъ полосъ существуютъ навѣрное съ того времени, какъ сѣверная часть Стараго Свѣта приняла приблизительно свои нынѣшнія очертанія и вмѣстѣ съ тѣмъ попала въ тѣ климатическія условія, которыя мы можемъ изучать нынѣ.

Поговоримъ объ этомъ подробнѣе *).

Опредѣляя характеръ какой бы то ни было мѣстности, мы всегда начинаемъ съ того, что говоримъ: мѣстность лѣсистая, степная или пустынная. Эти три подраздѣленія настолько естественны, что не требуютъ обыкновенно никакихъ дальнѣйшихъ поясненій. Мы называемъ пустыней почву голую или почти голую; степью—равнины, покрытыя травянистою растительностью; лѣсистою мѣстностью—мѣстность, покрытую болѣе или менѣе сплошной древесной растительностью. Подраздѣленія эти строго научны и основаны на той зависимости, въ которой находится растительность земнаго шара отъ количества водяныхъ осадковъ и ихъ распредѣленія по временамъ года. Мнѣ уже приходилось замѣтить, что на земномъ шарѣ мы отличаемъ теченія двоякаго рода: морскія и воздушныя. И тѣ и другія обусловливаются вращеніемъ земли кругомъ своей оси и очертаніями и распредѣленіемъ материковъ, и тѣ и другія текутъ въ строго опредѣленныхъ руслахъ. Воздушныя теченія—собственно движеніе воздуха, но такъ какъ воздухъ всегда болѣе или менѣе напитанъ водяными парами, въ зависимости оттого, откуда беретъ свое начало воздушный потокъ и надъ какими мѣстностями проносится, то сравненіе воздушныхъ теченій съ водными является еще болѣе совершеннымъ. Способность воздуха поглощать большее или меньшее количество влаги зависитъ прямо отъ степени его нагрѣванія: чѣмъ температура выше, тѣмъ больше абсолютная способность воздуха поглощать водяные пары, чѣмъ температура ниже, тѣмъ эта способность меньше. Но, повторяю, распредѣленіе влаги на сушѣ обусловливается не только этимъ, но преимущественно очер-

*) Во всемъ послѣдующемъ изложеніи до подраздѣленія пале-арктической области на зоологическія области второй и низшихъ категорій я весьма близко придерживаюсь О. Пешеля.

таніями суши и воды, ихъ относительнымъ размѣщеніемъ. Земной шаръ получаетъ отъ солнца опредѣленное количество теплоты, слѣдовательно, и въ атмосферѣ земнаго шара присутствуетъ вообще опредѣленное количество водяныхъ паровъ, и если мы все-таки видимъ, что нѣкоторыя мѣстности являются степными и лѣсистыми, нѣкоторыя представляютъ собою пустыни, то причину этого надо искать, какъ показалъ съ поражающей наглядностью О. Пешель, только въ распредѣленіи водяныхъ осадковъ, только въ размѣщеніи суши и воды и въ температурѣ воздуха. При взглядѣ на глобусъ легко видѣть, что поверхность воды занимаетъ на земномъ шарѣ площадь приблизительно втрое большую, чѣмъ суша. Но помимо этого, суша и вода распредѣлены крайне неравномѣрно: сѣверное полушаріе предпочтительно полушаріе суши, южное—предпочтительно полушаріе воды. Такихъ мѣстъ на земномъ шарѣ, гдѣ вода и суша распредѣлены болѣе или менѣе равномѣрно, очень немного. Еслибы то, что представляетъ собою большая часть Зондскаго архипелага, было вездѣ, не было бы ни пустынь, ни обширныхъ пространствъ степи, ни такихъ же пространствъ лѣса: распредѣленіе водяныхъ осадковъ въ такомъ случаѣ обусловливало бы собою чередованіе степей и лѣсовъ, животныя вслѣдствіе благопріятныхъ климатическихъ и пищевыхъ условій размножались бы усиленно, борьба за существованіе проявлялась бы энергичнѣе и то разнообразіе и богатство животныхъ формъ, которое мы видимъ теперь только подъ тропиками, было бы тогда общимъ достояніемъ всего земнаго шара, кромѣ странъ околополярныхъ. Но расположеніе суши двумя большими материками дѣлаетъ такое положеніе вещей невозможнымъ, а направленіе горныхъ цѣпей обусловливаетъ еще болѣе рѣзкое различіе между климатомъ и растительностью различныхъ мѣстъ, слѣдовательно, и между станціями животныхъ.

Зависимость растительности отъ количества водяныхъ осадковъ, выпадающихъ въ годъ, и отъ распредѣленія ихъ по временамъ года вывести вовсе не трудно. Существованіе лѣсовъ возможно только при постоянномъ орошеніи почвы; существованіе степи—при періодическихъ выпаденіяхъ водяныхъ осадковъ; и, наконецъ, существованіе пустынь—при полномъ или почти полномъ безводіи. Приведемъ примѣры, тщательно подобранные О. Пешелемъ.

Черезъ среднюю Азію, Аравію и сѣверную Африку тянется широкая полоса пустынь. Это—ложе сухаго сѣверо-восточнаго пассата, который, потерявъ всю свою влагу надъ сибирской низменностью и киргизскими степями, вступая вмѣстѣ съ тѣмъ въ низшія широты, гдѣ увеличивается абсолютная поглотимость воздухомъ водяныхъ паровъ, проносится какъ вѣтеръ сухой и черезъ среднеазіатскія степи и Иранское плоскогорье, и черезъ Аравію и сѣверную Африку. Такимъ образомъ положеніе Сахары около Атлантическаго океана не приноситъ ей никакой пользы, вслѣдствіе того, что влага океана не идетъ въ этомъ направленіи. Только по Нилу врѣзывается въ эту полосу пустынь плодородная мѣстность, но ея происхожденіе, какъ мы знаемъ, легко объясняется періодическими разливами Нила, воды котораго приносятъ съ собою и нужную влагу, и плодородный илъ. Точно то же, что Сахара въ Африкѣ, представляетъ собою Атакама въ Южной Америкѣ: загороженная отъ юго-восточнаго пассата цѣпью Андовъ Атакама имѣетъ такое же основаніе на существованіе, какъ и пустыни центральной Азіи и сѣверной Африки. Наконецъ, то же самое представляетъ собою вся Австралія: горныя цѣпи, занимающія юго-восточный край этого материка, затрудняютъ доступъ въ его внутренность юго-восточному влажному вѣтру, который теряетъ большую часть своихъ водяныхъ осадковъ не переходя за эти горы. Съ переходомъ же черезъ нихъ, попадая въ мѣстность, накаленную солнечными лучами, юго-восточный вѣтеръ не успѣваетъ потерять большую часть своихъ водяныхъ паровъ, такъ какъ нагрѣвается въ свою очередь и становится потому способнымъ содержать большее абсолютное количество воды.

Переходя къ степямъ, легко видѣть, что ихъ существованіе прямо обусловливается продолжительностью засухъ. Южная Россія по своему географическому положенію принадлежитъ къ области лѣтнихъ дождей, «сѣверную границу которой составляютъ Бѣлое море и Ледовитый океанъ, а южную—Черное и Азовское моря и линія, проведенная отъ устьевъ Дона къ Волгѣ у Царицына и оттуда къ Уралу». Въ сѣверной части этого огромнаго пространства преобладаетъ лѣсная растительность, въ южной—степная. «Въ метеорологическомъ отношеніи, говоритъ г. Воейковъ (О распредѣленіи дождей въ Россіи, стр. 187.), степ-

ную полосу можно опредѣлить такъ: мѣстность, гдѣ недостатокъ влаги ограничиваетъ древесную растительность. Этотъ недостатокъ является въ разныхъ видахъ: малое количество дождя лѣтомъ; сухость воздуха, сухость почвы. Послѣднее препятствіе самое важное, и если его устранить, то первыя два не имѣютъ большаго значенія. Въ степной полосѣ Россіи количество выпадающей воды вообще мало, дождь идетъ преимущественно въ теплое время года и въ видѣ проливныхъ дождей, при чемъ вода стекаетъ съ поверхности, не успѣвая проникнуть въ глубь. Зимой и осенью земля также не можетъ запастись влагой. Въ средней и сѣверной Россіи годовое количество падающей воды болѣе чѣмъ въ степной на 0,2—0,3 мм. Во время пятимѣсячной зимы накопляется много снѣга, при таяніи его вода глубоко проникаетъ въ землю, лѣто менѣе жарко и чаще перепадаютъ тихіе, продолжительные дожди—все это объясняетъ различіе растительности обѣихъ полосъ, хотя распредѣленіе дождей по мѣсяцамъ довольно сходно. Невозможно, конечно, прибавляетъ г. Воейковъ, провести границу степи: сначала лѣса исчезаютъ на южныхъ склонахъ, на высокихъ и сухихъ мѣстахъ, потомъ лѣса являются только въ долинахъ рѣкъ, наконецъ, въ Крымской степи деревья являются только тамъ, гдѣ вода просачивается изъ рѣкъ или существуетъ искусственное орошеніе». Въ этой полосѣ не могутъ расти ни сѣверно-европейскія деревья, ни южно-европейскія: первыя погибаютъ отъ лѣтнихъ засухъ, вторыя отъ суровой зимы. Только кустарники, травы и луковичныя растенія способны переносить эти крайности приспособившись къ нимъ. «Луковичныя растенія, говоритъ О. Пешель, сплошнымъ душистымъ разноцвѣтнымъ ковромъ покрываютъ и нагорную степь Карро, въ южной Африкѣ, превосходное описаніе которой (степи) принадлежитъ Лихтенштейну. Къ сожалѣнію, періодъ цвѣтенія ихъ въ этой степи продолжается одинъ только мѣсяцъ, да и то не полный. Степи высокой и безводной Даурiи, съ которой познакомилъ насъ Густавъ Радде, весною покрываются синевато-лиловой пеленой лилій и ирисъ, любящихъ произростать на солонцеватой почвѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда растаетъ снѣгъ, степь Малой Киргизской Орды покрывается блестящимъ ковромъ тюльпановъ. Желая развести тюльпаны, мы, по окончаніи періода цвѣтенія, вынимаемъ изъ земли тюльпанную

луковицу, ядро которой покрыто многочисленными и плотно прилегающими другъ къ другу оболочками, и кладемъ ее въ сухомъ прохладномъ мѣстѣ. Еслибы въ сухое время, когда растенія находятся въ состояніи сна, оболочки, покрывающія ядро луковицы, засохли и отдѣлились отъ нея, то ядро ея все-таки останется свѣжимъ и способнымъ къ проростанію. Сѣмена же травъ высѣваются только въ свѣжемъ видѣ, а стебли травъ и ихъ мочковидные корни, если они не слишкомъ еще засохли, оживаютъ, обыкновенно, послѣ перваго же дождя. *Слѣдовательно, въ степяхъ могутъ произрастать только такія растенія, циклъ жизни которыхъ совершается быстро и которыя способны легко переносить продолжительныя засухи*».

Что русскія степи были степями еще въ древнѣйшія историческія времена, это свидѣтельствуетъ Геродотъ. Но мы съ полнымъ правомъ можемъ предположить, что русскія степи были таковыми и гораздо раньше, съ тѣхъ поръ какъ внѣ-тропическая часть Стараго Свѣта приняла приблизительно свое нынѣшнее очертаніе и на ней сложились опредѣленныя климатическія условія, т.-е. еще съ по-третичной эпохи. Факты, приводимые мною ниже, заставляютъ меня принять существованіе русскихъ степей еще со времени окончанія Ледниковаго періода.

Три года тому назадъ въ монографіи «бѣлки» я отстаивалъ положеніе Бэра о безлѣсности нашихъ степей съ гораздо болѣе давняго времени, чѣмъ то обыкновенно предполагается, и объ островномъ характерѣ Крыма. Теперь я могу привести этому еще бо́льшія доказательства, которыя читатель найдетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь скажу только одно: если существованіе степей основано на положеніи мѣстности въ тропическомъ и подтропическомъ поясахъ, гдѣ годъ распадается на періодъ засухи и періодъ дождей, то невозможно оспаривать, въ такомъ случаѣ существованіе въ сѣвер. половинѣ Стараго Свѣта полосы степей на столько же естественно и необходимо, на сколько естественно и необходимо существованіе полосы пустынь.

Еще одно въ высшей степени убѣдительное доказательство зависимости древесной растительности отъ постояннаго орошенія представляютъ собою степныя рѣки: Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ, нижняя Волга и Уралъ въ Россіи, р. Саладо въ Ла-Платѣ, Бѣлый

Нилъ и Хора въ Африкѣ и т. д. одѣты по своимъ берегамъ древесной растительностью даже тамъ, гдѣ кругомъ нихъ на десятки верстъ разстилаются степи. Въ Сѣв. Америкѣ зависимость степной и древесной растительности отъ количества и распредѣленія водяныхъ осадковъ по временамъ года бросается въ глаза еще рѣзче: лордъ Мильтонъ говоритъ, что втеченіе трехъ лѣтнихъ недѣль, проведенныхъ имъ въ преріяхъ, лежащихъ на западъ отъ озеръ Дождливаго и Лѣснаго, «на небѣ не появилось ни одного облачка»; вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣса въ этихъ преріяхъ растутъ за рѣдкими исключеніями только по берегамъ рѣкъ. «Далѣе къ западу, вдоль береговъ р. Ассинибойна, преріи принимаютъ видъ парковъ, т.-е. рощъ съ рѣдко растущими деревьями, затѣмъ опять слѣдуютъ степи, лишенныя деревьевъ и кустарниковъ; степи эти еще разъ смѣняются парковидными лѣсами и, наконецъ, близъ озера Св. Анны, подъ 114° 30′ з. д., встрѣчается первый настоящій лѣсъ. Поверхность земли здѣсь настолько уже поднята въ холодныя области воздуха, что тотъ остатокъ атлантическихъ водяныхъ паровъ, который приноситъ сюда сѣверо-восточный пассатъ, долженъ сгущаться» (Пешель, стр. 234). Можно бы привести еще множество другихъ примѣровъ, доказывающихъ справедливость положенія, что древесная растительность нуждается въ постоянномъ орошеніи, но ограничимся еще однимъ, послѣднимъ: на главномъ островѣ группы Фиджи, гористомъ Вити-Леву, лѣсъ рѣзко отдѣленъ отъ степи линіей, направляющейся къ с. с. в., «т.-е. подъ прямымъ угломъ къ направленію господствующаго на этомъ островѣ морскаго вѣтра»; т. к. западная часть острова лежитъ внѣ области дождя, то она и покрыта только травою.

Если затѣмъ за полосою пустынь и полосою степи мы выдѣлимъ сѣверное побережье внѣтропическихъ частей нашего материка—полосу тундры, которая обязана своимъ существованіемъ обилію влаги или, правильнѣе, недостатку испаренія, въ такомъ случаѣ остальное пространство пале-арктической области останется занятымъ лѣсной областью, областью съ постояннымъ орошеніемъ. Въ настоящее время эта область настолько измѣнилась, благодаря вмѣшательству человѣка, что во многихъ ея частяхъ трудно и говорить о сплошномъ лѣсѣ, но, если справиться съ исторіей, легко видѣть, что еще въ историческое время тайга ра-

спространялась по средней Европѣ и, слѣдовательно, составляла коренную принадлежность страны. Лѣсная область Европы дѣлится въ свою очередь на двѣ части: сѣверную, лежащую къ сѣверу отъ 45° с. ш. и южную, лежащую къ югу отъ того же градуса широты. Полнота границы дополняется Альпійскою цѣпью. Болѣе точно эта граница между сѣв. и южной Европой опредѣляется полярной границей вѣчно-зеленѣющихъ деревьевъ (лавры, мирты, оливковыя деревья). Впрочемъ, ботанически, какъ и зоологически, южная Европа характеризуется не только новыми видами растеній, но и отсутствіемъ растительныхъ представителей сѣверной Европы, что опять таки стоитъ въ связи съ количествомъ водяныхъ осадковъ, выпадающихъ въ періодъ прозябанія. Въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ годъ распадается на сухое (шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ) и дождливое (шесть зимнихъ мѣсяцевъ) время. Понятно, что при этомъ сѣверно-европейскія лиственныя деревья не могутъ расти въ южной Европѣ, если они уже страдаютъ отъ трехнедѣльныхъ засухъ Германіи.—Сѣверно-европейская тайга продолжается на востокъ въ сибирскую тайгу и доходитъ такимъ образомъ до Тихаго океана.

Итакъ, вотъ тѣ пять полосъ, которыя характеризуются и климатически, и ботанически; пять полосъ коренныхъ, протянувшихся по сѣверной половинѣ Стараго Свѣта подъ вліяніемъ всѣхъ факторовъ, отъ которыхъ только зависитъ характеръ мѣстности. Эти полосы начали развиваться съ тѣхъ поръ, какъ сформировалась сѣверная половина Стараго Свѣта въ ея приблизительно нынѣшнихъ границахъ; это полосы настолько древнія, что трудно было бы ожидать, что ихъ фауны явятся менѣе характерными, чѣмъ ихъ климатъ и растительность. Преобладаніе въ каждой полосѣ извѣстныхъ станцій должно было отразиться на составѣ ея животнаго населенія и, дѣйствительно, повѣряя составъ фаунъ указанныхъ мною пяти полосъ, я нашелъ, что каждая полоса характеризуется не только присутствіемъ большаго числа характерныхъ, только ей свойственныхъ видовъ, но и отсутствіемъ видовъ, характеризующихъ другія полосы. Но я принимаю въ пале-арктической области не пять полосъ, а шесть: шестую составляетъ моя полоса островныхъ лѣсовъ, въ которую вошла большая часть *переходной полосы* г. Сѣверцова. И эта полоса была когда-то есте-

ственной, коренной: тогда она тянулась между степью и тайгой, забѣгала въ степь по теченію рѣкъ и была населена характерными собственными и южными таежными формами; теперь эта полоса страшно расширилась, благодаря безпощадному истребленію лѣсовъ топоромъ земледѣльца, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ея первобытный видъ въ значительной степени измѣнился; ея степи смѣнились пашнями, ея фауна приняла въ свой составъ большое количество степныхъ формъ, приспособившихся къ пахотному полю.

Такимъ дѣленіемъ устраняется еще и тотъ недостатокъ дѣленія г. Сѣверцова, который особенно бросается въ глаза на его картѣ: его урало-барабинская область, которую самъ же онъ характеризуетъ степными формами, отнесена имъ въ Zona intermedia и отдѣлена совершенно отъ черноморскихъ степей, къ которымъ, какъ слѣдуетъ изъ помѣщенныхъ въ слѣдующей главѣ списковъ птицъ, она гораздо ближе, чѣмъ къ полосѣ островныхъ лѣсовъ. Позволю, наконецъ, себѣ спросить, почему же Zona intermedia названа такъ, если она имѣетъ только ей свойственныя, характерныя формы? Всѣ эти противорѣчія устраняются выдѣленіемъ *степной полосы* изъ допускаемой г. Сѣверцовымъ черноморской области и степной части его урало-барабинской и переименованіемъ остающейся части *переходной полосы* въ *полосу островныхъ лѣсовъ*.

Но есть одинъ клочекъ изъ обширнаго пространства, занятаго пале-арктической областью, который въ настоящее время неизвѣстно куда отнести, это—Кавказъ и южный берегъ Крыма. На картѣ я оставилъ пробѣлъ по направленію главнаго Кавказскаго хребта и поставилъ тамъ знакъ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, что мы знаемъ о фаунѣ Кавказа? Изъ сдѣланной г. Богдановымъ сводки свѣдѣній о птицахъ Кавказа явствуетъ, что въ этомъ краю сходятся нѣсколько фаунъ. На первый разъ можетъ даже показаться, что у главнаго Кавказскаго хребта есть своя фауна, но доказаннымъ пока это считаться не можетъ. Г. г. Тачановскій и Богдановъ описали нѣсколько новыхъ формъ съ Кавказа, но распространеніе ихъ въ Малой Азіи неизвѣстно, слѣдовательно, неизвѣстно и то, исключительно ли Кавказскому хребту онѣ свойственны. Пока только туръ и горная кавказская индѣйка (Megaloperdix caucasica) могутъ считаться характерными представителями

Кавказскаго хребта, объ остальныхъ же видахъ мы не знаемъ и до тѣхъ поръ, пока с. з. Персія и внутренность Малой Азіи не будутъ изслѣдованы зоологически какъ слѣдуетъ, мы не въ состояніи будемъ рѣшить вопросъ о томъ, на какіе зоологическіе участки подраздѣлить Кавказскій край и куда отнести ихъ. Существованіе въ этомъ округѣ зубра, горнаго тетерева (Tetrao Mlokosiewitschi Tacz.), тура и нѣкоторыхъ другихъ формъ указываетъ на то, что въ кавказской фаунѣ сохранилась часть отъ очень древней фауны, но, повидимому, эта фауна уже едва сохранилась, тѣснимая болѣе поздними фаунами. Наконецъ, невозможность при существованіи современнаго запаса свѣдѣній опредѣлить фаунистическое значеніе Кавказа и его округи доказывается тѣмъ, что отказался отъ этой попытки и г. Богдановъ, хотя бѣгло, но все же лично ознакомившійся съ этимъ краемъ. По публикаціямъ г. Радде пока тоже нельзя вывести никакихъ заключеній и потому я на картѣ оставляю на мѣстѣ Кавказа бѣлое пятно съ знакомъ вопроса, а въ текстѣ ничего не говорю о зоологическихъ округахъ Кавказскаго края, къ которому вѣроятно принадлежитъ и южный берегъ Крыма.

Перехожу къ орнитологической характеристикѣ принимаемыхъ мною полосъ пале-арктической области, которыя, однако, могутъ считаться вообще зоологическими подобластями. При этомъ я, конечно, беру только гнѣздящихся птицъ, такъ какъ составъ орнитологическихъ фаунъ цѣликомъ имѣетъ значеніе только для болѣе дробныхъ подраздѣленій.

I. Полоса тундры обнимаетъ собою острова Ледовитаго океана (земля Франца Іосифа, Шпицбергенъ, Новая Земля и др.) и все сѣверное побережье Стараго Свѣта. Начинаясь сравнительно широкой полосой около Берингова моря, эта область потомъ сильно съуживается и вторично достигаетъ значительнаго расширенія только на Таймырскомъ полуостровѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшаго развитія достигаетъ и ея фауна. Далѣе на западъ тундра опять постепенно съуживается и, зайдя языкомъ на сѣверный Уралъ, тянется по сѣверному побережью Европы уже сравнительно узкой полосой, тѣснимая съ юга тайгою. На Скандинавскомъ полуостровѣ тундра постепенно переходитъ въ альпійскую область, которая и спускается до 62° с. ш.; менѣе рѣзко

выраженной фауна тундры доходитъ, впрочемъ, даже до 60° с. ш. На югѣ полоса тундры областью криволѣсья постепенно связывается съ полосою тайги. Не отличаясь богатствомъ фауны, тундра отличается богатствомъ характерныхъ формъ, изъ которыхъ для характеристики я привожу слѣдующія: *Hierofalco uralensis?, Nyctea nivea, Plectrophanes nivalis, Pl. lapponicus, Otocoris alpestris, Lagopus alpinus, Charadrius morinellus, Calidris arenaria, Eurynorhynchos pygmaeus, Tringa canuta, Tr. maritima, Pelidna subarquata, P. cinclus (alpina), P. minuta, Phalaropus fulicarius, Lobipes hyperboreus, Puffinus arcticus, Stercorarius catarractes, St. pomarinus, St. parasiticus, St. crepidatus, Larus tridactylus, L. Sabinei, L. eburneus. L. glaucus, L. leucopterus, Sterna arctica, Cygnus Bewickii, Anser brachyrhynchus, Ans. albifrons, Ans. Middendorfi, Ans. segetum, Ans arvensis, Ans. minutus, Bernicla leucopsis, B. brenta, B. ruficollis, Harelda glacialis, Somateria Stelleri, S. thulensis, S. spectabilis, Colymbus glacialis, Uria arra, Mergulus alle* и др.

Не мѣшаетъ, впрочемъ, отмѣтить здѣсь же, что по южной границѣ тундры тянется полоса криволѣсья, которая до извѣстной степени можетъ, пожалуй, въ свою очередь считаться самостоятельнымъ зоологическимъ участкомъ, такъ какъ ея фауна представляетъ нѣсколько характерныхъ формъ, каковы Archibuteo lagopus, чечетки и нѣкоторыя другія.

II. Полоса тайги тянется отъ Скандинавіи до Тихаго океана и захватываетъ собою Камчатку и сѣв. половину о. Сахалина. Непрерывной связи между Камчатскимъ полуостровомъ и восточно-сибирской тайгою нѣтъ, такъ какъ здѣсь тундра доходитъ до самаго берега океана—Гижигинская и Пенжинская губы, но по фаунѣ Камчатка относится къ тайгѣ точно такъ же, какъ Шотландія. На Скандинавскомъ полуостровѣ тайга занимаетъ почти весь его, за исключеніемъ только южной части Швеціи, относящейся къ полосѣ островныхъ лѣсовъ, и альпійской полосы Скандинавскихъ горъ, относящихся къ тундрѣ. Коренная станція тайги, глухой хвойный лѣсъ, составляетъ преобладающую станцію по занимаемой имъ площади, но вовсе не по количеству птичьяго населенія, хотя коренныя и наиболѣе характерныя формы тайги принадлежатъ именно ему. Мѣстами къ хвойнымъ деревьямъ при-

мѣшаны въ значительной степени лиственныя, что, конечно, измѣняетъ характеръ фауны, но общій характеръ этой полосы, глухой сплошной лѣсъ, отъ этого ничего не теряетъ. Впрочемъ, въ послѣднее время вырубка лѣсовъ въ этой полосѣ въ Европ. Россіи, преимущественно по теченію рѣкъ, грозитъ принять такіе размѣры, что, быть можетъ, полоса островныхъ лѣсовъ быстро и далеко вдастся въ тайгу. Но съ другой стороны и тайга врѣзывается у насъ языкомъ въ полосу островныхъ лѣсовъ—это мой алауно-литовскій округъ, гдѣ тайга съ своими типичными представителями спускается на югъ приблизительно до 53°—54° с. ш. Изъ представителей таежной фауны я приведу слѣдующихъ: *Aquila chrysaëtos, Surnia funerea, Ptynx uralensis, Ulula barbata, Dryocopus martius, Picoides tridactylus, Nucifraga caryocatactes, Perisoreus infaustus, Corythus enucleator, Loxia bifasciata, L. rubrifasciata, Fringilla montifringilla, Chrysom. spinus, Cynchramus pusilla, Cynchr. rustica, Calliope kamtschatkensis, Nemura cyanura, Cyanistes Pleskii, Poecile sibirica, Poec. borealis, Poec. kamtschatkensis, Poec. brevirostris, Bombyc. garrula, Tetrao urogallus, T. urogalloides, Tetrastes bonasia, Lagopus albus, Scolopax rusticola, Anas glocitans, An. falcata* и др.

III. Полоса островныхъ лѣсовъ начинается отъ Британскихъ острововъ, захватываетъ собою Францію, Нидерланды, Швейцарію, Германію, Данію, среднюю Россію за исключеніемъ алауно-литовскаго округа и затѣмъ, значительно съуживаясь, огибаетъ южный Уралъ, расширяется опять по Тоболу, Ишиму, Иртышу и какъ сплошная полоса оканчивается на Оби. Далѣе на востокѣ она опять появляется двумя участками—мéньшимъ по Енисею, на сѣверъ отъ Алтая, и бóльшимъ въ Забайкальи. Фаунистически къ этой же полосѣ надо отнести Исландію. Характерными формами этой полосы между птицами могутъ считаться слѣдующія: *Aquila nobilis, Aq. clanga, Circaëtos gallicus, Erythropus vespertinus, Erythr. amurensis, F. subbuteo, Tinnunculus alaudarius, Daulias philomela, Lusciniopsis fluviatilis, Lanius excubitor, Sylvia atricapilla, S. cinerea, Picus viridis, Picus canus, Picus leuconotus, Tetrao tetrix* и др.

IV. Полоса степи захватываетъ собою Дунайскую низменность отъ Желѣзныхъ воротъ (она заходитъ и далѣе на за-

падъ, въ Венгерскую котловину, но тамъ выражена уже менѣе рѣзко) до устья Дуная, степи по нижнему теченію р. р. Днѣстра, Днѣпра и Дона, степи Ставропольскія и Приволжскія, степи по среднему теченію р. Урала и верхней Эмбы и, наконецъ, степи по верховьямъ Ишима и Иртыша. Точнѣе граница этой полосы обозначена на картѣ. Между Кавказскимъ хребтомъ и Волгой съ одной стороны и между Волгой и р. Ураломъ съ другой степи теряютъ въ большей или меньшей степени свой характеръ и рядомъ переходовъ связываются съ полосою пустынь, которая вклинивается здѣсь узкой полосой по побережью Каспійскаго моря. Характерные представители степной фауны въ настоящее время распространились сравнительно далеко за предѣлы степи въ полосу островныхъ лѣсовъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть легко узнаны какъ таковые; сюда относятся: *Aquila orientalis, Aq. imperialis, Circaëtos hypoleucos, Hierofalco sager, Strigiceps pallidus, Melanocorypha leucoptera, Mel. tatarica, Grus virgo, Otis tarda, Otis major, Otis tetrax, Glareola melanoptera, Gl. torquata, Chetusia gregaria* и др.

V. Полоса побережья и острововъ захватываетъ Испанію, Южную Францію, Италію, береговую полосу Марокко, Алжира и Туниса, о—ва Атлантическаго океана (Азорскіе, Канарскіе и нѣкоторые изъ острововъ Зеленаго мыса) и о—ва Средиземнаго моря—Корсику, Сардинію, Сицилію и Мальту. Далѣе на востокъ фауна этой полосы сохраняетъ отчасти свой характеръ только на западѣ Балканскаго полуострова; съ приближеніемъ къ Босфору эта фауна становится все менѣе рѣзко выраженной благодаря присоединенію къ ней нѣкоторыхъ болѣе восточныхъ видовъ. Такимъ образомъ весь Балканскій полуостровъ отъ Адріатическаго моря до Балканъ и до Чернаго моря является областью переходной, съ одной стороны отъ полосы побережья и острововъ къ полосѣ пустынь, съ другой къ той же полосѣ отъ полосы степи. Такое выдѣленіе полосы побережья и острововъ находитъ себѣ поддержку и въ геологіи: именно въ предполагаемомъ соединеніи Европы съ Африкой въ третичную эпоху черезъ Италію, Сицилію, Мальту и Тунисъ, и въ соединеніи Средиземнаго моря съ Аравійскимъ или Персидскимъ черезъ Персидскій заливъ. Отъ юго-западной полосы г. Сѣверцова моя полоса

побережья и острововъ отличается присоединеніемъ къ ней сѣвернаго побережья зап. Африки, которое тянется узкою береговою полосою и фаунистически несомнѣнно неотдѣлимо отъ Испаніи, южн. Франціи и пр. Несмотря на сравнительно незначительное свое протяженіе, эта полоса имѣетъ много характерныхъ формъ. Назову между ними слѣдующія: *Falco Eleonorae, Aquila Adalbertii, Carine glaux, Coccystes glandarius, Agrobates galactodes, Lanius meridionalis, L. algeriensis, Passer Italiae, Pyrrhula murina, Fringilla spodiogena, Fr. tintillon, Fr. teydea, Serinus meridionalis, Ser. Canariae, Emberiza cirlus, Curruca orphea, Curr. subalpina, Curr. melanocephala, Melizophilus provincialis, Meliz. sardus, Hypolais pallida, Hyp. elaeica, Hyp. polyglotta, Hyp. olivetorum, Amnicola melanopogon, Phyllopneuste Bonelli, Regulus maderensis, Caprimulgus ruficollis, Caccabis rufa, Cacc. petronia, Puffinus cinereus, Larus Audouini* и др.

VI. Полоса пустынь тянется по южной границѣ палеарктической области почти на всемъ ея протяженіи и по своей площади представляетъ собою наибольшую изъ второстепенныхъ зоологическихъ областей внѣ-тропическихъ частей Стараго Свѣта. Хотя собственно пустыни, какъ справедливо замѣтилъ г. Сѣверцовъ, по протяженію и составляютъ преобладающую станцію, тѣмъ не менѣе эта полоса, съ входящими въ нее горными цѣпями, представляетъ и удивительное разнообразіе станцій и поражающее богатство фауны. Кромѣ Малой Азіи, которая является по фаунѣ переходною къ средиземно-морской области, и клина около Каспійскаго моря, гдѣ фауна пустыни смѣшивается съ фауною степи, во всѣхъ своихъ остальныхъ частяхъ полоса пустынь отграничена отъ прилежащихъ полосъ очень рѣзко. Эта полоса отличается множествомъ характерныхъ формъ, между которыми я назову слѣдующія: *Aquila bifasciata, Haliaëtos leucorypha, Falco peregrinoides, F. babylonicus, F. Feldeggi, Buteo ferox, Athene plumipes, Ephialtes obsoletus, Saxicola deserti, Sax. isabelina, Sax. monacha, Sylvia nana, Sylv. mystacea, Bucanetes githagineus, Buc. mongolicus, Erythrospiza obsoleta, Calandritis pispoletta, Alaemon desertorum, Agrobates familiaris, Otocoris Elwesi, Otoc. Brandtii, Otoc. bilopha, Lanius lathora, Lan. pallidirostris, Lan. isabellinus, Corvus umbrinus, Corv. affinis, Caprimulgus aegyptius, Capr. pallidus,*

Ammoperdix Bonhami, Ammop. Heyi, Col. fusca, Francolinus vulgaris, Pterocles arenarius, Pt. alchata, Syrrhaptes paradoxus, Syrrh. thibetanus, Houbara Macqueeni, Houb. undulata, Eupoda mongolica, Eup. caspia, Eudr. Geoffroyi, Chetusia leucura, Cursor isabellinus, Undina marmorata, Und. mersa и др.

Вотъ принимаемое мною подраздѣленіе пале-арктической области. Въ принципѣ оно одинаково съ дѣленіемъ г. Сѣверцова, но на практикѣ разнится отъ него довольно существенно, и, мнѣ кажется, такое подраздѣленіе болѣе естественно.

Такимъ образомъ Европ. Россія не представляетъ собою одной второстепенной зоологической области или части послѣдней, но части пяти зоологическихъ подобластей: тундры, тайги, полосы островныхъ лѣсовъ, степи и пустынь; изъ этихъ подобластей или полосъ полнаго развитія достигаютъ въ Европ. Россіи только первыя четыре; полоса пустынь задѣваетъ ее только своимъ краемъ— врѣзывается клиномъ по сѣверному побережью Каспійскаго моря, но и этотъ клинъ обладаетъ уже характерными особенностями полосы пустынь. «Къ юго-востоку отъ Новороссійскаго края, говоритъ г. Воейковъ (О распредѣленіи дождей въ Россіи, стр. 191), находятся обширныя Прикаспійскія и Киргизскія степи, безплодныя вслѣдствіе недостатка дождя. Уже въ Астрахани и Новопетровскѣ годовое количество опускается до 0,35 и 0,34, а далѣе въ глубь материка оно вѣроятно еще менѣе. Здѣсь уже во всѣ времена года господствуетъ с. в. пассатъ; рѣки, орошающія эти мѣста, вытекаютъ изъ другихъ мѣстъ, Волга изъ средней Россіи, Сыръ-Дарья изъ горъ Туркестана. Къ востоку эти степи и пустыни тянутся до Гоби, т.-е. до границъ Китая и Манчжуріи».

При такомъ измѣненномъ дѣленіи пале-арктической области на второстепенные зоологическіе участки само собою разумѣется, нѣсколько измѣнится подраздѣленіе ея и на третьестепенные. Именно, урало-барабинскій округъ г. Сѣверцова, распавшись въ моемъ дѣленіи на двѣ части, изъ которыхъ одна отходитъ къ полосѣ островныхъ лѣсовъ и другая къ полосѣ степи, даетъ возможность тѣмъ самымъ выдѣлить, вмѣсто одной, двѣ провинціи: провинцію юго-западной Сибири для полосы островныхъ лѣсовъ и собственно урало-барабинскую для степи.

Въ видѣ таблицы видоизмѣненное мною подраздѣленіе палеарктической области является въ такой окончательной формѣ (я держусь нѣсколько иной номенклатуры, чѣмъ г. Сѣверцовъ, которая указана въ предъидущей главѣ, почему и привожу свои области сравнительно съ принимаемыми имъ):

Область пале-арктическая.

I. Подобласть: полоса тундры.
1. Провинція арктическая.

II. Подобласть: полоса тайги.
2. Провинція скандинавская (сѣверно-европейскій округъ г. Сѣверцова).
3. Провинція уральская (урало-сибирскій округъ г. Сѣверцова).
4. Провинція восточно-сибирская (восточно-сибирскій округъ г. Сѣверцова).

III. Подобласть: полоса островныхъ лѣсовъ (часть переходной полосы г. Сѣверцова).
5. Провинція средне-европейская (средне-европейскій округъ г. Сѣверцова).
6. Провинція юго-западной Сибири (часть урало-барабинскаго округа г. Сѣверцова).
7. Провинція даурская (даурскій округъ г. Сѣверцова).

IV. Подобласть: полоса степи (черноморская переходная область и часть урало-барабинскаго округа г. Сѣверцова).
8. Провинція черноморская.
9. Провинція урало-барабинская (часть урало-барабинскаго округа г. Сѣверцова).

V. Подобласть: полоса побережья и острововъ (юго-западная полоса г. Сѣверцова).
10. Провинція атлантическая (атлантическій округъ г. Сѣверцова).
11. Провинція средиземно-морская (средиземно-морскій округъ г. Сѣверцова и узкая береговая полоса западной части сѣверной Африки).

VI. Подобласть: полоса пустынь.

12. Провинція сѣверо-африканская (сѣверо-африканскій округъ. г. Сѣверцова безъ узкой берсговой полосы западной части сѣв. Африки).
13. Провинція западно-азіатская (западно-азіатскій округъ г. Сѣверцова).
14. Провинція средне-азіатская (средне-азіатскій округъ г. Сѣверцова.
15. Провинція тибетская (тибетскій округъ г. Сѣверцова).
16. Провинція синдская (синдскій округъ г. Сѣверцова).

Подробности этого дѣленія можно найти на прилагаемой картѣ, а болѣе дробное подраздѣленіе собственно Европ. Россіи на округа и попытку начертить прошлое великой Россійской изменности—въ слѣдующей главѣ.

Глава четвертая.

Подраздѣленіе Европ. Россіи на орнитологическіе участки четвертой степени.—Краткая характеристика орнитологическихъ округовъ Европ. Россіи.—Опытъ исторіи фауны Европ. Россіи со времени окончанія ледниковаго періода.

Откладывая печатаніе списковъ птицъ орнитологическихъ округовъ Европ. Россіи до конца работы, гдѣ имъ умѣстнѣе быть, я тѣмъ не менѣе нахожу необходимымъ хотя кратко охарактеризовать принимаемые мною округа, чтобы дополнить предъидущую главу, въ которой обозрѣвались подобласти и провинціи палеарктической области *). Сѣверныя окраины Европ. Россіи относятся къ *арктической* провинціи, которую я не считаю возможнымъ выдѣлить въ особую область, параллельную и равнозначущую съ принимаемой мною антарктической областью. Фауна этой провинціи слишкомъ близка, слишкомъ родственна съ фауной сѣверныхъ частей пале-арктической области, чтобы быть изъ нея выдѣленной. Положимъ, мы можемъ принять, что водяныя и болотныя птицы арктической фауны формы очень древнія и, быть можетъ, находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи съ орнитологическою фауною бывшей міоценовой Арктиды (не въ тѣхъ границахъ и не того значенія, какое принимаютъ относительно ея Егеръ и

*) Хотя случайно залетные виды очень важны какъ указаніе на разселеніе формъ и имѣетъ весьма большое значеніе въ общей физіономіи фаунъ, тѣмъ не менѣе я долженъ былъ выпустить ихъ при составленіи числовыхъ данныхъ, т. к. фауны изслѣдованы далеко не одинаково, а случайно залетные виды могутъ быть вычислены, конечно, только при основательномъ изученіи страны въ фаунистическомъ отношеніи.

Бессельсъ); но ничто не позволяетъ предположить, чтобы онѣ были прямыми потомками міоценоваго и позднѣйшаго пліоценоваго населенія страны. Сѣверныя части Стараго Свѣта (да и Новаго) претерпѣли въ недавнія геологическія эпохи такія большія климатическія измѣненія, что невозможно допустить существованіе въ то время на сѣверѣ даже бѣдной маммологической или орнитологической фауны. Во время этихъ климатическихъ измѣненій животное населеніе арктическихъ странъ должно было отступить на югъ, переждать ихъ на югѣ и только потомъ подвинуться опять на сѣверъ, въ слѣдъ за отступающими ледяными полями и вмѣстѣ съ повышеніемъ лѣтней температуры. Во время этой эмиграціи, продолжавшейся болѣе или менѣе долгое время, сѣверная фауна и фауна сѣверной умѣренной полосы Стараго Свѣта безъ сомнѣнія составляли болѣе или менѣе одно цѣлое, отъ котораго позднѣе, въ по-третичную эпоху, и отдѣлилась вѣтвь, занявшая крайній сѣверъ, которую мы теперь и изучаемъ какъ арктическую фауну.

Такъ какъ это выдѣленіе арктической фауны совершилось сравнительно недавно, то она и не успѣла пріобрѣсти настолько оригинальный характеръ, чтобы дать право занятой ею области быть выдѣленной въ первостепенную зоологическую область, но она несомнѣнно даетъ право на помѣщеніе ея среди второстепенныхъ областей. Впрочемъ, считая полосу тундры въ пале-арктической области за второстепенную область, я *пока* не нахожу возможнымъ раздѣлить ее на нѣсколько провинцій и принимаю въ ней одну арктическую, что̀ дѣлаетъ и г. Сѣверцовъ, которую дроблю на три орнитологическихъ округа для Европ. Россіи.

Первый изъ этихъ округовъ *ново-земельскій*, къ которому я отношу Новую Землю съ прилежащими островами, о.о. Вайгачъ и Колгуевъ. Не богата видами орнитологическая фауна этого округа: ихъ не болѣе 50, но изъ нихъ болѣе 40 гнѣздятся здѣсь. Наибольшее количество гнѣздящихся составляютъ виды изъ отряда Palmipedes: болѣе половины всѣхъ гнѣздящихся, затѣмъ слѣдуютъ Grallae (около одной пятой), и, наконецъ, уже Corides, Granivorae, Raptatores и Gallinaceae. Какъ наиболѣе характерныя формы этой фауны должны быть отмѣчены *Surnia nyctea, Plectrophanes nivalis, Otocoris alpestris, Anthus cervinus, Lagopus alpinus, Charadrius pluvialis, Eudromias morinellus, Tringa maritima, Pelidna*

alpina, Actidromas minuta, Brenta bernicla, Anser segetum, Olor Bewicki, Somateria molissima, S. spectabilis, Fulmarus glacialis, Coprotheres pomarinus, Pagophila eburnea, Leucus glaucus, Larus marinus, Rissa tridactyla, Colymbus glacialis, Uria arra, U. grylle, Mergulus alle и *Fratercula arctica.*

Второй округъ *мурманскій*, охватывающій собою тундру и криволѣсье Кольскаго полуострова на западѣ до Нордкапа. По Вестерлунду *), Нордкапъ является хорошей границей между моимъ мурманскимъ округомъ и прилегающимъ къ нему съ запада угломъ Скандинавскаго полуострова. Гольфштромъ и его вліяніе, сказываясь весьма сильно на общемъ составѣ фауны мурманскаго округа, смягчаетъ еще сильнѣе климатъ западной Финмаркіи, дозволяя гнѣздиться въ послѣдней такимъ птицамъ, которыя не переходятъ на востокъ за Нордкапъ (таковы, по Вестерлунду, Tinnunculus alaudarius, Calamodyta phragmitis, Regulus cristatus, Haematopus ostralegus, Totanus calidris и др.); изъ птицъ, не переходящихъ за Нордкапъ на западъ слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, *Leucus glaucus, Somateria spectabilis, Polysticta Stelleri, Mergus albellus.* Эти птицы придаютъ мурманской фаунѣ сильно арктическій характеръ, который только сглаживается, но не исчезаетъ совсѣмъ отъ прибавленія къ ней большаго количества болѣе южныхъ формъ криволѣсья.

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что полоса криволѣсья представляетъ собою до извѣстной степени самостоятельный зоологическій участокъ, такъ какъ имѣетъ нѣкоторыя характерныя формы. Тѣмъ не менѣе формъ этихъ такъ мало и многія изъ нихъ такъ постоянно заходятъ въ тундру, что я предпочитаю полосу криволѣсья соединять съ полосою тундры. Присоединеніе въ мурманскомъ округѣ криволѣсья, какъ новой станціи, вмѣстѣ съ болѣе высокой температурой увеличиваетъ составъ фауны почти вдвое противъ ново-земельскаго округа. Въ мурманской фанѣ всего уже около 95 видовъ, изъ которыхъ около 80 гнѣздятся, т. е. вдвое противъ ново-земельской фауны. Какъ наиболѣе характерныя формы мурманской фауны, кромѣ выше указанныхъ, можемъ привести слѣдующія:

*) Über die geographische Verbreitung der Vögel in Schweden und Norwegen. Petermann's Mittheilungen. B. XVI. S. 373—380.

Archibuteo lagopus, Aegolius brachyotus, Surnia nyctea, Acanthis linaria, A. betularum, A. canescens, Cynchramus pusilla, Plectrophanes nivalis, Pl. lapponicus, Otocoris alpsetris, Cyanecula suecica, Lagopus albus, Lagopus mutus, Charadrius pluvialis, Eudromias morinellus, Limosa lapponica, Totanus fuscus, Tringa maritima, Pelidna subarquata, P. alpina, Actidromas Temminckii, Calidris arenaria, Lobipes hyperboreus, Anser arvensis, A. minutus, Fulix marila, Graculus cristatus, Fulmarus glacialis, Stercorarius cephus, Larus marinus, L. fuscus, Uria troile, U. ringvia, Alca torda. Къ перечисленнымъ присоединяются и нѣкоторыя изъ болѣе южныхъ, таковы *Poecile borealis, Poec. cincta, Cynchramus schoeniclus, Phalacrocorax carbo* и др. То обстоятельство, что нѣкоторыя гнѣздящіяся птицы ново-земельскаго округа (напр. Somateria mollissima, Harelda glacialis, Pagophila eburnea, Mergulus alle) являются въ мурманскомъ отчасти зимующими, отчасти осѣдлыми и вообще большое число осѣдлыхъ очевидно объясняется болѣе высокой годовой температурой.

Послѣдній округъ арктической провинціи *нижне-печорскій*, къ которому относятся Канинская, Мало-земельская и Больше-земельская тундра съ прилежащимъ къ нимъ съ юга криволѣсьемъ. Нѣкоторыя формы, принадлежащія къ фаунѣ этого округа, распространяются по наиболѣе возвышеннымъ вершинамъ Уральскаго хребта почти до Златоуста. По фаунѣ этотъ округъ занимаетъ среднее положеніе между ново-земельскимъ и мурманскимъ. Въ немъ около 70 видовъ, изъ которыхъ болѣе 60 гнѣздящихся. Характеристика этого округа носитъ на себѣ какой-то отрицательный характеръ: съ одной стороны его нельзя не отдѣлить отъ ново-земельскаго, т. к. фауна его гораздо богаче послѣдняго, и именно отличается значительною примѣсью континентальныхъ птицъ; съ другой—онъ не соединимъ и съ мурманскимъ, т. к. изъ фауны послѣдняго болѣе 20 гнѣздящихся видовъ не встрѣчаются въ этомъ нижне-печорскомъ округѣ (впрочемъ, быть можетъ это число со временемъ, когда списки пополнятся, и уменьшится). Изъ наиболѣе характерныхъ птицъ нижне-печорскаго округа, именно не гнѣздящихся въ двухъ другихъ округахъ арктической провинціи, мы должны отмѣтить *F. peregrinus griseiventris, Hierofalco uralensis, Anthus Gustavi, Budytes citreola, Charadrius squatarola, Larus cachinnans.*

Изъ широко распространенныхъ птицъ сюда заходятъ уже на гнѣздовье *Strigiceps cyaneus, Calamodyta phragmitis, Aegialites fluviatilis, Rhynchaspis clypeata.*

Переходя затѣмъ отъ полосы тундры къ полосѣ тайги, мы должны сказать, что на долю таежной полосы Европ. Россіи приходится только одна провинція, уральская, которая на западѣ не переходитъ за верхнее теченье Печоры и Вычегды и за верхнее и отчасти среднее теченье Камы, соединяясь цѣлымъ рядомъ зоологическихъ округовъ съ смѣшанной фауной съ скандинавской провинціей. На сѣверѣ уральская провинція доходитъ до 65° с. ш. и даже далѣе; на востокѣ фауна уральской провинціи начинаетъ довольно сильно сливаться съ восточно-сибирской уже на лѣвомъ берегу Оби и постепенно переходитъ въ послѣднюю въ бассейнѣ Енисея. На югъ таежная фауна этой провинціи по отрогамъ Уральскаго хребта идетъ до 52° с. ш. Характерный округъ этой провинціи—*уральскій* (который на западѣ не переходитъ за истоки Печоры и Вычегды и за верхнее и незначительную часть средняго теченія Камы, а на сѣверѣ не поднимается далѣе 63° с. ш.) зоологически отграниченъ довольно рѣзко отъ прилежащихъ округовъ (конечно, по характеру своей фауны, а не по существованію линейныхъ границъ, которыхъ нѣтъ). Въ немъ насчитывается свыше 250 видовъ, въ томъ числѣ около 230 гнѣздящихся. Изъ нихъ нѣкоторые, теперь широко распространенные, принадлежатъ собственно къ восточно-сибирской фаунѣ (таковы *Emspiza aureola, Cynchramus rustica, Cynchr. pusilla, Loxia bifasciata. Pyrrhula erythrina*), другіе представляютъ собою вообще широко распространенныхъ птицъ, третьи достигаютъ въ этой провинціи своего крайняго восточнаго предѣла (такова *Ulula aluco*, судя по наблюденіямъ г. Сабанѣева, впрочемъ, сильно нуждающимся въ провѣрки, *Loxia pityopsittacus*), и, наконецъ, около 90 видовъ типичныхъ таежныхъ, изъ которыхъ около 20 въ уральскомъ округѣ достигаютъ или почти достигаютъ въ настоящее время своего крайняго западнаго предѣла (какъ гнѣздящіяся птицы).

Какъ наиболѣе характерныя формы этого округа мы перечислимъ слѣдующихъ (изъ нихъ ** отмѣчены не идущія далѣе на западъ, * заходящія въ мезенскій и волжско-камскій округъ): *Falco peregrinus cornicum, Hierofalco uralensis* * (быть можетъ, именно этотъ

кречетъ гнѣздится на Канинской тундрѣ), *Lithofalco aesalon, Aquila chrysaëtos, Milvus govinda* **, *Surnia passerina, S. funerea, S. nyctea, Cleptes leucoptera* **, *Garrulus Brandtii* *, *Perisoreus infaustus, Nucifraga caryocatactes, Cyanistes cyanus, Poecile borealis, Poec. cincta, Loxia curvirostra, L. bifasciata, Corythus enucleator, Acanthis linaria, Ac. betularum, Ac. canescens, Chrysomitris spinus, Pyrrhula coccinea, Emberiza pithyornus* **, *Cynchramus rustica, Cynchr. pusilla, Cynchr. pollaris* **, *Anthus cervinus, Anthus Gustavi**, *Anth. trivialis intermedius* **, *Anth. microrhynchos* **, *Calobates boarula* **, *Tharraleus montanellus***, *Phylloscopus borealis, Ph. plumbeitarsus, Ph. tristis* *, *Ph. superciliosus* *, *Daulias Hafisi* **, *Melodes calliope* **, *Nemura cyanura***, *Turdus viscivorus Hodgsoni* **, *T. pilaris, T. iliacus, T. atrogularis* *, *Thoracocincla torquata, Bombycilla garrula, Lanius major* **, *Picoides tridactylus, Dendrodromas cirris* *, *Dryocopus martius, Tetrao urogallus uralensis* *, *Tetrastes canescens, Tetr. griseiventris* *, *Lagopus albus, L. mutus, Philolimnos gallinula, Scolopax rusticola, Charadrius squatarola, Char. pluvialis, Eudr. morinellus, Terekia cinerea, Totanus fuscus, Machetes pugnax, Pelidna alpina, Actidromas minuta, Lobipes hyperboreus, Olor cygnus, Oidemia nigra, Oid. fusca, Harelda glacialis, Cosmonetta histrionica, Fulix marila, Bucephala clangula, Mergellus albellus, Mergus merganser, M. serrator, Fulmarus glacialis, Stercorarius parasiticus, Larus argentatus, Sterna arctica?, Colymbus arcticus, Col. septentrionalis, Podiceps cornutus* и др.

Второй округъ въ полосѣ тайги, которымъ начинается переходная полоса отъ уральской провинціи къ скандинавской, но который по нѣкоторымъ формамъ принадлежитъ собственно къ уральской провинціи — *мезенскій*, протянувшійся приблизительно отъ средней Печоры по Мезени къ Мезенской губѣ. На западѣ мезенскій округъ на пространствѣ между Пинегой, истоками Кулоя и Сѣв. Двиной постепенно переходитъ въ онегодвинскій, на югѣ, на лѣвомъ берегу Вычегды, онъ незамѣтно сливается съ волжско-камскимъ округомъ. Если откинуть изъ фауны этого округа нѣкоторыя приморскія формы, попавшія въ списокъ вслѣдствіе того, что мезенскій округъ упирается въ Мезенскую губу (таковы Stercorarius cephus, Leucus glaucus, Larus

cachinnans, Gavia cana, Uria grylle), въ такомъ случаѣ орнитологическая фауна мезенскаго округа является довольно чистой фауной европейской тайги. Все число встрѣчающихся здѣсь видовъ по нынѣшнимъ спискамъ около 130, изъ которыхъ свыше 110 гнѣздятся, что сравнительно съ уральскимъ округомъ составляетъ разницу громадную, но мы никакъ не можемъ принимать эту разницу за дѣйствительно существующую, такъ какъ все заставляетъ насъ предполагать, что имѣющіеся въ нашихъ рукахъ списки крайне неполны. Къ тому же произведенныя въ этомъ округѣ изслѣдованія (Быстровъ, Зибомъ и Броунъ) относятся къ сѣверной части округа, что опять дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе его фауны съ фауной уральскаго округа, изслѣдованнаго наиболѣе тщательно, какъ разъ наоборотъ, въ его южной части. Уральская экспедиція, которая должна бы была пополнить этотъ пробѣлъ, дала такіе нищенскіе результаты въ зоологическомъ отношеніи, что изъ нихъ почти нечего взять. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что фауна мезенскаго округа бѣднѣе, напримѣръ, таежной фауны онегодвинскаго или волжско-камскаго округовъ, гдѣ уже идетъ усиленная расчистка тайги. Характерными представителями орнитологической фауны мезенскаго округа можно считать: *Falco peregrinus griseiventris, Lithofalco aesalon, Aquila chrysaëtos, Surnia nisoria, Perisoreus infaustus, Nucifraga caryocatactes, Poecile borealis, Poec. cincta, Loxia curvirostra, L. bifasciata, L. rubrifasciata. Corythus enucleator, Acanthis linaria, A. betularum, A. canescens, Fr. montifringilla, Pyrrhula coccinea, Cynchramus rustica, Cynchr. pusilla, Phylloscopus borealis, Turdus pilaris, Turdus iliacus, Bombycilla garrula, Lanius rapax, Picoides tridactylus, Dryocopus martius, Tetrao urogallus, Tetrastes canescens, Lagopus albus, Lag. mutus, Eudromias morinellus, Terekia cinerea, Scolopax rusticola, Olor cygnus, Oidemia nigra, Harelda glacialis, Fulix marila, Bucephala clangula, Mergellus albellus, M. merganser, M. serrator, Colymbus arcticus, Col. septentrionalis, Podiceps cornutus* и др. *).

*) Phylloscopus plumbeitarsus, Ph. superciliosus, Ph. tristis, Turd. atrogularis, Tetr. griseiventris и др. восточныя птицы встрѣчаются и въ мезенскомъ округѣ, но не могутъ быть причислены къ его характернымъ формамъ, такъ какъ принадлежатъ собственно не центру округа, а переходной полосѣ между нимъ и уральскимъ.

Слѣдующій округъ въ полосѣ тайги составляетъ *волжско-камскій* участокъ, который, начинаясь на сѣверѣ переходной полосой по Вычегдѣ, соединяющей его съ мезенскимъ округомъ, доходитъ до Волги и нижней Камы на югѣ, гдѣ сравнительно рѣзко отдѣляется отъ волжско-днѣпровскаго и башкирскаго округа полосы островныхъ лѣсовъ. Восточный предѣлъ волжско-камскаго округа составляетъ идущая по Камѣ переходная полоса отъ него къ Уральскому округу, западный—полоса по Сухонѣ, Югу и Унжѣ, гдѣ этотъ округъ соединяется съ онего-двинскимъ и волжско-окскимъ округами. По составу своей фауны волжско-камскій округъ рѣзко отдѣляется и отъ уральскаго и отъ мезенскаго. Въ то время какъ въ уральскомъ приблизительно на 250 видовъ приходится около 230 гнѣздящихся, въ волжско-камскомъ на 210 видовъ, составляющихъ приблизительно его орнитологическую фауну, около 175 гнѣздящихся, что составляетъ около 6% менѣе. Къ тому же и составъ фауны уже иной: если исключить Garrulus Brandtii, которая встрѣчается еще и въ волжско-камскомъ округѣ, въ такомъ случаѣ характерныхъ для уральскаго округа сибирскихъ птицъ для волжско-камскаго совсѣмъ не окажется. Число сѣверныхъ формъ также значительно менѣе, чѣмъ въ уральскомъ округѣ, и едва переходитъ за 40 видовъ,—все это такія различія, которыя положительно не позволяютъ соединять волжско-камскій округъ съ уральскимъ. Съ другой стороны, этотъ округъ не соединимъ и съ мезенскимъ, который онъ значительно превосходитъ богатствомъ формъ (представителями полосы островныхъ лѣсовъ), что стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ волжско-камскомъ округѣ тайга сильно расчищена. Изъ характерныхъ видовъ волжско-камской фауны перечисляемъ слѣдующихъ: *Aquila chrysaëtos, Archibuteo lagopus, Lithofalco aesalon, Ulula uralensis, Nyctale Tengmalmi, Surnia nisoria, Surnia passerina, Dryocopus martius, Picoides tridactylus, Lanius rapax, Regulus cristatus, Turdus iliacus, Turdus pilaris, Poecile borealis, Cyanistes cyanus, Fringilla montifringilla, Chrysomitris spinus, Acanthis linaria, Pyrrhulla coccinea, Corythus enucleator, Loxia curvirostra, Loxia pityopsittacus, Lox. bifasciata, Bomb. garrula, Nucifraga caryocatactes, Perisoreus infaustus, Garrulus Brandtii, Tetrao urogallus, Tetrastes canescens, Totanus fuscus, Machetes pugnax, Scolopax rusticola,*

Scol. gallinula, Olor cygnus, Bucephala clangula, Oidemia nigra (по Богданову; по общему распространенію скорѣе можно ожидать Oid. fusca; не обѣ ли?), *Mergellus albellus, Mergus merganser, Mergus serrator, Podiceps cornutus, Colymbus arcticus, Col. septentrionalis* и немногія другія.

Онего-двинскій, округъ къ которому мы теперь переходимъ, по числу видовъ, составляющихъ его фауну, очень близокъ къ волжско-камскому округу: въ немъ всего около 220 видовъ, изъ которыхъ около 180 гнѣздящихся, но за то онъ сильно отличается отъ послѣдняго по общему характеру своей фауны. Этотъ округъ занимаетъ полосу расчищенной тайги отъ Сѣв. Двины, Сухоны, Юга и Унжи на востокѣ, до Волги, Мологи и Тихвинки на югѣ; съ запада широкой переходной полосой, захватывающей Ладожское, Онежское озеро, оз. Сегозеро и Выгозеро, онего-двинскій округъ соединяется съ финляндскимъ и лапландскимъ округами. Переходъ этого округа на югѣ въ волжско-окскій округъ строго постепененъ, равно какъ и на востокѣ въ волжско-камскій. Тайга этого округа начала расчищаться именно съ юга и по рѣкамъ, отсюда и произошло, что съ одной стороны населеніе полосы островныхъ лѣсовъ двинулось далѣе на сѣверъ, съ другой—коренное населеніе тайги стало отступать съ юга. Прибавьте къ этому множество озеръ и рѣкъ съ островами, прибрежные острова Онежской и Двинской губы, и передъ вами получится такое разнообразіе и богатство мѣстонахожденій, которое совершенно объяснитъ оригинальный характеръ фауны онего-двинскаго округа. Что движеніе представителей фауны островныхъ лѣсовъ къ сѣверу не миѣ лучше всего доказывается разселеніемъ сѣрой куропатки, которая зимою 1880—81 года была въ первый разъ прислана въ Москву изъ Архангельска вмѣстѣ съ рябчиками, дубровника и чечевицы, распространившихся въ послѣдніе 50 лѣтъ далеко на западъ и на сѣверъ. Точно также подвигаются съ юга и уже проникли съ недавняго времени въ онего-двинскій округъ кобчикъ и нѣкоторыя другія птицы, каковы Pernis apivorus, Coccothraustes vulgaris, Lusciniopsis fluviatilis, Threnethria locustella, Iduna salicaria, Muscicapa parva, Coracias garrula, Limosa aegocephala и др. Впрочемъ, не смотря на присутствіе перечисленныхъ представителей болѣе южныхъ и юго-восточныхъ фаунъ, онего-двинскій

округъ съ своими болѣе чѣмъ 60 сѣверными видами носитъ столь ясно выраженный таежный характеръ, что *пока* не оставляетъ никакого сомнѣнія въ своей принадлежности къ полосѣ тайги. Но въ томъ-то и оригинальность этого округа, мы здѣсь не видимъ мѣшанной фауны въ строгомъ значеніи этого слова, какая, напримѣръ, существуетъ въ полосѣ островныхъ лѣсовъ, нѣтъ, тутъ просто двѣ фауны: одна коренная глубоко-лѣсная, и другая надвигающаяся на нее новая, пришлая фауна. Какъ наиболѣе характерные виды онего-двинскаго округа можно взять слѣдующіе: *Falco peregrinus griseiventris, Lithofalco aesalon, Ulula barbata, Ul. uralensis, Nyct. Tengmalmi, Surnia passerina, S. funerea, Loxia pityopsittacus, L. curvirostra, L. bifasciata, L. rubrifasciata?, Corythus enucleator, Pyrrhula coccinea, Acanthis linaria, Chrysomitris spinus, Fringilla montifringilla, Cynchramus pusilla, Cynchramus rustica, Turdus pilaris, Turdus iliacus, Phylloscopus borealis, Regulus cristatus, Cyanistes cyanus, Cyan. Pleskii?, Poecile borealis, Poec. cincta, Lanius rapax, Bombycilla garrula, Nucifraga caryocatactes, Perisoreus infaustus, Dryocopus martius, Picoides tridactylus, Tetrao urogallus, Tetrastes canescens, Lagopus albus, Limosa rufa, Totanus fuscus, Terekia cinerea, Machetes pugnax, Tringa Temminckii, Scolopax rusticola, Scol. gallinula, Olor. cygnus, Fulix marila, Bucephala clangula, Harelda glacialis, Somateria molissima, Oidemia nigra, Oid. fusca, Mergellus albellus, Mergus merganser, M. serrator, Larus fuscus, Stercorarius cephus, Colymbus arcticus, Colymbus septentrionalis* и др. Изъ нихъ Cyanistes Pleskii и Loxia rubrifasciata, помѣченныя знакомъ вопроса и во всякомъ случаѣ формы съ очень узкимъ распространеніемъ, хотя пока и не найдены въ онего-двинскомъ и мезенскомъ округѣ, едвали не наиболѣе характерные представители ихъ фаунъ, только отчасти заходящія въ болѣе южные алауно-литовскій и волжско-окскій округа.

Изъ двухъ округовъ, прилегающихъ къ онего-двинскому съ запада, одинъ—*финляндскій*—представляетъ собою округъ съ такою же переходною фауною, какъ и онего-двинскій, другой—*лапландскій*—уже довольно тѣсно связанъ съ скандинавской провинціей. Къ лапландскому округу приходится отнести всю тайгу, лежащую между полосою криволѣсья Кольскаго полуострова и приблизительно 65° с. ш. Къ югу отсюда уже начинается широкая переходная

полоса къ финляндскому округу, на востокѣ сливающаяся съ переходною полосою онего-двинскаго округа. Западную границу лапландскаго округа до истоковъ Муоніо составляетъ рѣзкая пограничная черта, отдѣляющая его отъ альпійской области Скандинавіи; далѣе къ югу западная граница является переходной полосой по Муоніо и Торнео. Въ лапландскомъ округѣ до 150 видовъ, изъ которыхъ болѣе 135 гнѣздятся въ немъ; изъ числа послѣднихъ болѣе 15 въ финляндскомъ округѣ не гнѣздятся, таковы *Hierofalco gyrfalco, Ulula barbata, Otocoris alpestris, Plectrophanes nivalis, Pl. lapponicus, Acanthis montium, Poecile cincta, Lagopus alpinus, Eudromias morinellus, Limosa rufa, Totanus fuscus, Phalaropus hyperboreus, Tringa alpina, Tr. Temminckii, Tr. pygmaea, Anser minutus, Harelda glacialis, Lestris Buffonii.* Но отличіе лапландскаго округа отъ финляндскаго выступитъ еще рѣзче, если мы скажемъ, что около 55 видовъ финляндскаго округа не гнѣздятся въ лапландскомъ. Финляндскій округъ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ соединяясь переходной полосой съ лапландскимъ и отчасти онего-двинскимъ, на востокѣ соединяется переходною полосою съ онего-двинскимъ и на юго-востокѣ съ алауно-литовскимъ округомъ. Западная и южная граница его опредѣляется береговою линіею. Фауна финляндскаго округа вообще гораздо богаче фауны лапландской, въ ней около 220 видовъ, но разница между числомъ гнѣздящихся птицъ того и другаго округа не такъ велика: въ финляндскомъ округѣ около 175 гнѣздящихся видовъ, изъ которыхъ, какъ сказано, около 55 въ лапландскомъ не гнѣздятся. Эти виды слѣдующіе: *Falco subbuteo, Erythropus vespertinus, Pernis apivorus, Buteo vulpinus, Aquila nobilis, Strigiceps cyaneus, Caprimulgus europaeus, Iunx torquilla, Gecinus canus, Alauda arborea, Emberiza aureola, Carpodacus erythrinus, Carduelis elegans, Chlorospiza chloris, Cyanistes coeruleus, Sitta europaea, Lycos collaris, Frugilegus segetum, Sturnus ruthenus, Troglodytes parvulus, Anthus campestris, Oriolus galbula, Turdus musicus, Turdus merula, Sylvia curruca, S. cinerea, S. hortensis, S. atricapilla, Hip. icterina, Phyll. sibilatrix, Daulias philomela, Erythacus rubecula, Enneoctonus collurio, Columba palumbus, Col. oenas, Starna cinerea, Coturnix dactylisonans, Aegialites minor, Vanellus cristatus, Numenius arquata, Totanus ochropus, Scolopax rusticola, Sc. major, Sc. gallinago, Crex pratensis, Ortygometra*

porzana, Fulica atra, Somateria molissima, Fuligula ferina, Sterna hirundo, Larus argentatus, Larus marinus, L. ridibundus, Podiceps cristatus, P. auritus L. (cornutus Lath.), Alca torda. Общихъ обоимъ округамъ видовъ около 120, изъ которыхъ можно перечислить только наиболѣе характерныхъ: *Aquila chrysaëtos, Ulula uralensis, Nyctale Tengmalmi. Surnia passerina, Surnia funerea, Dryocopus martius, Picoides tridactylus, Pyrrhula coccinea, Corythus enucleator, Chrysomitris spinus, Acanthis linaria, Fringilla montifringilla, Loxia pityopsittacus, L. curvirostra, Poecile borealis, Bombycilla garrula, Perisoreus infaustus, Nucifraga caryocatactes, Turdus iliacus, Turdus pilaris, Regulus cristatus, Lanius rapax, Tetrao urogallus, Tetrao tetrix, Tetrastes canescens, Lagopus albus, Aegialites hiaticula, Charadrius squatarola, Charadr. pluvialis, Numenius phaeopus, Totanus glottis, T. calidris, Tot. glareola, Act. hypoleucos, Machetes pugnax, Scolopax gallinula, Grus cinerea, Cygnus musicus, Anser cinereus, Ans. arvensis, Rhynch. clypeata, Anas boschas, Mareca penelope, Anas acuta, Querquedula circia, Nettion crecca, Oidemia nigra, Oid. fusca, Bucephala clangula, Fulix cristata, Fulix marila, Mergellus albellus, Mergus merganser, Merg. serrator, Phalacrocorax carbo, Sterna arctica, Larus canus, L. fuscus, Lestris parasitica, Colymbus arcticus, Col. septentrionalis, Pod. rubricollis, Uria grylle* и др.

Послѣдній округъ въ полосѣ тайги—*алауно-литовскій*, который, начинаясь на сѣверѣ широкой переходной полосой, соединяющей его съ онего-двинскимъ и финляндскимъ въ области рѣкъ Мологи и Тихвинки, врѣзывается клиномъ между балтійскимъ и волжско-окскимъ округомъ въ полосу островныхъ лѣсовъ, до бассейна Припети. Впрочемъ, въ своей южной части, по Припети и Березинѣ, фауна алауно-литовскаго округа теряетъ нѣсколько свой таежный характеръ. Дѣло въ томъ, что здѣсь къ алауно-литовскому округу прилегаетъ широкая переходная полоса, лежащая между имъ, волжско-окскимъ, волжско-днѣпровскимъ, азовско-черноморскимъ, карпатскимъ и эльбо-вислянскимъ округами, откуда въ южныя части алауно-литовскаго зоологическаго участка распространились благодаря Пинскимъ болотамъ и сильной примѣси лиственныхъ лѣсовъ при сравнительно южномъ положеніи до 20 сравнительно южныхъ видовъ, каковы *Strix flammea, Athene noctua, Ephialtes scops, Picus medius, Gecinus viridis, Coracias garrula, Alcedo ispida,*

Coccothraustes vulgaris, Lusciniopsis luscinioides, Acrocephalus turdoides, Muscicapa albicollis, Aegithalus pendulinus, Ardeola minuta, Ardea purpurea, Scotaeus nycticorax, Platalea leucorodia, Aithyia nyroca, Sterna leucoptera и немногія др. Такимъ образомъ наиболѣе характерной фауна алауно-литовскаго округа является на пространствѣ отъ озера Чудскаго, кругомъ оз. Ильменя до истоковъ Днѣпра съ его притоками и Нѣмана. Здѣсь приблизительно на 200 гнѣздящихся видовъ приходится болѣе 40 сѣверныхъ, т.-е. болѣе $^1/_5$ всего количества, процентъ громадный. Въ общемъ своемъ составѣ фауна алауно-литовскаго округа очень богата: въ ней свыше 250 видовъ, изъ которыхъ около 220 гнѣздящихся, число, съ которомъ въ полосѣ тайги мы встрѣчались только въ уральскомъ округѣ. Большинство видовъ, именно около $^3/_4$ всего количества гнѣздящихся птицъ, суть широко распространенныя и потому не характерныя формы, но упомянутые 40 видовъ даютъ фаунѣ алауно-литовскаго округа весьма характерную физіономію. Эти виды слѣдующіе: *Aquila chrysaëtos, Lithofalco aesalon, Ulula barbata, Ulula uralensis, Nyctale Tengmalmi, Surnia passerina, Surn. nisoria, Perisoreus infaustus, Nucifraga caryocatactes, Cyanistes cyanus, Cyanistes Pleskii?, Poecile borealis, Loxia pityopsittacus, L. curvirostra, L. rubrifasciata R?, Corythus enucleator?, Pyrrhula coccinea, Chrysomitris spinus, Acanthis linaria, Fringilla montifringilla?, Regulus cristatus, Turdus iliacus, Turd. pilaris, Dryocopus martius, Picoides tridactylus, Tetrao urogallus, Tetrastes canescens, Lagopus albus, Scolopax rusticola, Sc. gallinula, Machetes pugnax, Totanus fuscus, Cygnus musicus, Colymbus arcticus, Col. septentrionalis, Mergellus albellus, Mergus serrator, M. merganser, Bucephala clangula, Sterna arctica, Oidemia nigra.*

Отъ Нѣмана до истоковъ Припети, далѣе на ю. в. соединяясь съ переходной полосой, протянувшейся отъ азовско-черноморскаго, волжско-днѣпровскаго, волжско-окскаго, алауно-литовскаго и карпатскаго округовъ, лежитъ широкій переходный участокъ между эльбо-вислянскимъ, балтійскимъ, алауно-литовскимъ и карпатскимъ округами. Это пространство не можетъ быть ни присоединено къ одному, ни разбито по нѣсколькимъ зоологическимъ участкамъ. Съ очень богатой фауной островныхъ лѣсовъ, этотъ участокъ представляетъ собою не что иное, какъ пограничный участокъ фауны вели-

кой Россійской низменности съ фауной западной Европы. Прилегающій къ нему съ фауной запада *эльбо-вислянскій* округъ содержитъ до 290 видовъ, изъ которыхъ до 20 представители сѣвера *(Ulula uralensis, Nyctale Tengmalmi, Dryocopus martius, Picoides tridactylus, Chrysomitris spinus, Nucifraga caryocatactes, Turdus pilaris, Regulus cristatus, Lagopus albus, Tetrao urogallus, Charadrius pluvialis, Eudromias morinellus, Machetes pugnax, Tringa cinclus, Scolopax rusticola, Glaucion clangula, Mergus castor, Mergus serrator, Colymbus arcticus)* и множество формъ, не распространяющихся въ полосѣ нашихъ островныхъ лѣсовъ. Изъ характерныхъ формъ этого округа отмѣчаемъ слѣдующія (* отмѣчены формы, нормально не распространяющіяся на гнѣздовье ни въ балтійскій, ни въ волжско-окскій, ни волжско-днѣпровскій округа): *Buteo vulgaris, Aquila naevia, Milvus regalis, Strix flammea, Picus medius *, Emberiza cirlus *, Ember. cia *, Pyrrhula vulgaris, Serinus hortulanus *, Parus palustris, Pica europaea *, Lycos monedula *, Sturnus vulgaris, Petrocichla saxatilis *, Turdus torquatus, Accentor alpinus *, Acrocephalus turdoides, Regulus ignicapillus, Lusciola luscinia *, Ruticilla tithys *, Enneoctonus rufus, Tetrastes bonasia *, Ardea purpurea *, Ardeola minuta, Vulpanser tadorna *, Sterna caspia *,* и др.

Полоса островныхъ лѣсовъ начинается на западѣ *балтійскимъ* округомъ, который вмѣстѣ съ волжско-окскимъ и волжско-днѣпровскимъ составляетъ переходную полосу между средне-европейской провинціей и провинціей юго-западной Сибири. Балтійскій округъ занимаетъ узкую сравнительно полосу отъ Финскаго залива до Нѣмана, гдѣ соединяется переходною полосою съ эльбо-вислянскимъ округомъ. На востокѣ балтійскій округъ незамѣтно переходитъ въ алауно-литовскій округъ полосы тайги, съ которымъ имѣетъ около 30 общихъ таежныхъ формъ, что составляетъ нѣсколько менѣе $^1/_7$ всего количества гнѣздящихся въ немъ птицъ. Такимъ образомъ, на основаніи только числовыхъ данныхъ, балтійскій округъ до нѣкоторой степени имѣетъ право быть помѣщеннымъ въ полосу тайги, но если принять во вниманіе, что таежныя формы разсѣяны въ немъ крайне спорадически, и притомъ совершенно перемѣшаны съ представителями фауны островныхъ лѣсовъ, доходящими даже до Финскаго залива, что къ нимъ присоединяются болѣе 5 формъ тундреныхъ птицъ, не гнѣздящихся въ алауно-

литовскомъ округѣ, въ такомъ случаѣ отнесеніе балтійскаго округа съ его мѣшанной безхарактерной фауной въ полосу островныхъ лѣсовъ будетъ имѣть весьма большое основаніе. Изъ таежныхъ и тундреныхъ формъ для балтійскаго округа должны быть отмѣчены слѣдующія: *Falco peregrinus griseiventris, Lithofalco aesalon, Aquila chrysaëtos, Ulula barbata, Ulula uralensis, Nyctale Tengmalmi, Surnia passerina, Surnia funerea, S. nyctea, Perisoreus infaustus, Nucifraga caryocatactes, Poecile borealis, Loxia curvirostra, Loxia pityopsittacus, Acanthis linaria, Chrysomitris spinus, Regulus cristatus, Turdus pilaris, T. iliacus, Picoides tridactylus, Dryocopus martius, Tetrao urogallus, Tetrastes canescens, Lagopus albus, Philolimnos gallinula, Scolopax rusticola, Charadrius pluvialis, Machetes pugnax, Pelidna alpina, Lobipes hyperboreus, Anser segetum, Oidemia fusca, Somateria molissima, Mergus merganser, Mergus serrator, Sterna arctica, Colymbus arcticus.* Изъ формъ островныхъ лѣсовъ, а также общихъ полосѣ островныхъ лѣсовъ и степи, заслуживаютъ вниманія слѣдующія: *Ciraëtos gallicus, Aquila nobilis, Milvus regalis, Strigiceps cineraceus, Athene noctua* (заходитъ въ южную часть округа), *Oriolus galbula, Carpodacus erythrinus, Coccothraustes vulgaris, Chlorospiza chloris, Galerida cristata, Corydalla campestris, Tharraleus modularis, Luscinіopsis fluviatilis, Acrocephalus turdoides, Nisoria undata, Sylvia hortensis, S. atricapilla, S. cinerea, S. curruca, Daul. philomela, Ruticilla phoenicura, Sitta caesia, Sitta europaea, Coracias garrula, Ardeola minuta, Limosa aegocephala, Totanus calidris* и др.

По Татрѣ, Карпатамъ и Трансильванской горной цѣпи съ ихъ отрогами, съ одной стороны спускаясь къ дунайскому округу, съ другой къ промежуточной полосѣ, лежащей между азовско-черноморскимъ, волжско-днѣпровскимъ, волжско-окскимъ, алауно-литовскимъ, балтійскимъ и эльбо-вислянскимъ округами, идетъ карпатскій зоологическій округъ. Европейскую Россію онъ захватываетъ только отчасти, но расположенный по горнымъ хребтамъ онъ съ одной стороны играетъ большую роль въ исторіи нашей фауны, съ другой—обусловливаетъ своимъ сосѣдствомъ существованіе названной переходной полосы: здѣсь, между горами и тайгою, лежатъ какъ бы ворота, черезъ которые наши формы двигаются въ западную Европу и западно-европейскія къ намъ. Въ фаунѣ карпатскаго

округа около 290 видовъ, изъ которыхъ до 210 гнѣздящихся. Около 20 изъ послѣднихъ формы таежной фауны, каковы *Aquila chrysaëtos, Ulula uralensis, Nyctale Tengmalmi, Surnia passerina, Surnia funerea, Poecile borealis, Nucifraga caryocatactes, Loxia curvirostra, Acanthis linaria, Fringilla montifringilla, Chrysomitris spinus, Regulus cristatus, Turdus pilaris, Turd. iliacus, Picoides tridactylus, Dryocopus martius, Tetrao urogallus, Lagopus mutus, Scolopax rusticola, Eudromias morinellus.* Изъ остальныхъ видовъ карпатской фауны существуетъ такое множество характерныхъ, что обособленность его отъ прилежащихъ участковъ можетъ быть выражена совершенно рѣзко, если даже не приводить ихъ параллельно съ характерными видами другихъ округовъ, что, впрочемъ, достаточно объясняется разнообразіемъ мѣстонахожденій и той ролью, которую игралъ карпатскій округъ въ исторіи европейской фауны, и съ которой мы познакомимся ниже. Изъ характерныхъ видовъ карпатскаго округа мы отмѣчаемъ слѣдующіе: *Vultur monachus, G. fulvus, Gypaëtos barbatus, Falco peregrinus cornicum, Circaëtos gallicus, Aquila fulva alpina, Aq. imperialis, Aq. naevia, Milvus regalis, Strix flammea, Scops zorca, Poecile lugubris, Panurus barbatus, Serinus hortulanus, Pyrgita petronia, Accentor alpinus, Lusciniopsis luscinioides, Regulus ignicapillus, Daulias luscinia, Ruticilla tithys, Monticola saxatilis, Mont. cyana, Pratincola rubicola, Thoracocincla torquata, Cypselus melba, Tichodroma muraria, Dendrocopus medius, Gallinula pygmaea, Ardea purpurea, Herodias garzetta, Ardeola minuta, Scotaeus nycticorax, Erismatura mersa, Aithyia nyroca, Hydrochelidon leucoptera, Podiceps minor* и др.

На востокъ отъ алауно-литовскаго округа, начинаясь въ области р. Мологи переходной полосой, соединяющей его съ онего-двинскимъ и финляндскимъ округами, и отъ истоковъ Днѣпра, между Волгой, до впаденія въ нее Оки, и Окой лежитъ *волжско-окскій* округъ. На юго-западѣ между верховьями Днѣпра и истоками Оки, по Сожу и Деснѣ волжско-окскій округъ постепенно сливается съ переходной полосой, которая начинается здѣсь между округами азовско-черноморскимъ, волжско-днѣпровскимъ, волжско-окскимъ и алауно-литовскимъ. Сѣверная или правильнѣе сѣверо-восточная граница этого округа въ видѣ довольно широкой переходной полосы, соединяющей его съ онего-двинскимъ и волжско-камскимъ

округомъ идетъ по теченію Волги, отъ впаденія въ нее Мологи до впаденія Оки; юго-восточная тянется приблизительно по правому берегу Оки отъ ея устья до впаденія въ нее Мокши (между Муромомъ и Елатьмой отъ этого округа отходитъ большой лѣсистый языкъ, далѣе расходящійся развилкомъ: одна вѣтвь его оканчивается за р. Тешей, другая на средней Мокшѣ), затѣмъ по Окѣ до Коломны; отсюда граница опять переходитъ на правый берегъ и, захвативъ тульскую «засѣку», огибаетъ лѣсистые уѣзды Одоевскій, Бѣлевскій, Брянскій и Трубчевскій, направляясь къ Деснѣ.—Фауна волжско-окскаго округа представляетъ собой несомнѣнный остатокъ таежной фауны: болѣе чѣмъ на 240 видовъ, изъ которыхъ до 200 гнѣздящихся, въ ней насчитывается около 34 таежныхъ (*Lithofalco aesalon, Aquila chrysaëtos, Ulula uralensis, Nyctale Tengmalmi, Surnia passerina, Surn. funerea, Perisoreus infaustus, Nucifraga caryocatactes, Cyanistes Pleskii, Cyan. cyanus, Poecile borealis, Loxia curvirostra, Loxia pityopsittacus, Acanthis linaria, Fringilla montifringilla?, Chrysomitris spinus, Pyrrhula coccinea, Regulus cristatus, Turdus pilaris, Turdus iliacus, Picoides tridactylus, Dryocopus martius, Tetrao urogallus, Tetrastes canescens, Lagopus albus, Philolimnos gallinula, Scolopax rusticola, Machetes pugnax, Cygnus musicus, Harelda glacialis, Mergellus albellus, Mergus merganser, Mergus serrator, Podiceps cornutus*). Такимъ образомъ, отличаясь меньшимъ количествомъ таежныхъ формъ отъ лежащаго на западъ отъ него алауно-литовскаго округа, волжско-окскій округъ значительно богаче тѣми же формами сравнительно съ прилегающимъ къ нему съ востока волжско-днѣпровскимъ. Изъ характерныхъ формъ полосы островныхъ лѣсовъ, распространенныхъ въ волжско-окскомъ округѣ, отмѣчаемъ слѣдующихъ: *Falco peregrinus brevirostris, Pernis apivorus, Buteo vulpinus, Aquila nobilis, Ulula aluco, Aegolius otus, Cleptes leuconota, Garrulus glandarius, Garr. variabilis, Parus ater, Oriolus galbula, Cynchramus schoeniclus, Alauda arborea, Anthus arboreus, Anthus pratensis, Tharraleus modularis, Luscinio-psis fluviatilis, Calamodyta phragmitis, Acrocephalus magnirostris, Iduna caligata, Phylloscopus sibilatrix, Phyll. trochilus, Phyll. Eversmanni, Phyll. brevirostris, Nisoria undata, Sylvia hortensis, S. atricapilla, S. cinerea, S. curruca, Daulias philomela, Erythacus rubecula, Ruticilla phoenicura, Pratincola rubetra, Enneoctonus*

collurio, *Lanius excubitor*, *Muscicapa atricapilla*, *Erythrosterna parva*, *Caprimulgus europaeus*, *Sitta europaea*, *Certhia familiaris*, *Xylocopus minor*, *Coracias garrula*, *Palumbus palumbus*, *Columba oenas*, *Starna cinerea*, *Gallinula porzana*, *Fulica atra*, *Grus cinerea*, *Aegialites hiaticula*, *Totanus stagnatilis*, *Tot. calidris*, *Tot. ochropus*, *Anser cinereus*, *Fulix cristata*, *Chroicocephalus minutus*, *Hydrochelidon fissipes* и др.

Наибольшимъ по занимаемой имъ площади зоологическимъ участкомъ въ полосѣ островныхъ лѣсовъ является волжско-днѣпровскій округъ, который начинаясь отъ Волги, гдѣ онъ довольно рѣзко граничитъ съ башкирскимъ и урало-барабинскимъ округомъ, идетъ къ Окѣ и черезъ верховье Дона къ мѣсту впаденія Десны въ Днѣпръ. На правомъ берегу Оки волжско-днѣпровскій округъ граничитъ съ волжско-окскимъ (выше эта граница указана уже подробнѣе), на югѣ широкой переходной полосой связывается съ кубанско-терскимъ и азовско-черноморскимъ, на юго-западѣ онъ переходитъ въ уже упомянутую нами переходную полосу, связывающую не только нѣсколько округовъ, но даже нѣсколько полосъ: это пространство между сѣверными склонами Авратынскаго плоскогорья и р. Припетью. По фаунѣ волжско-днѣпровскій округъ является очень характернымъ участкомъ въ полосѣ островныхъ лѣсовъ: въ немъ около 250 видовъ, изъ которыхъ до 200 гнѣздящихся; въ томъ числѣ сѣверныхъ видовъ только около 15 *(Aquila chrysaëtos, Ulula uralensis, Surnia passerina?, Regulus flavicapillus, Turdus pilaris, Dryocopus martius, Tetrao urogallus, Tetr. canescens, Scol. rusticola. Cygnus musicus, Bucephala clangula, Mergellus albellus, Mergus merganser, Merg. serrator)* и характерныхъ представителей фауны островныхъ лѣсовъ и болѣе южной полосы свыше 40, а именно: *Hierofalco saker*, *Circaëtos gallicus*, *Pernis apivorus*, *Aq. minuta*, *Aq. pennata*, *Aq. nobilis*, *Aq. clanga*, *Astur brevipes* (переходная полоса), *Strigiceps cineraceus*, *Aegolius otus*, *Athene noctua*, *Scops Zorca*, *Poecile palustris*, *Aegithalus pendulinus*, *Oriolus galbula*, *Galerida cristata*, *Corydalla campestris*, *Budytes flavifrons*, *Tharraleus modularis*, *Luscinopsis fluviatilis*, *Acrocephalus turdoides*, *Salicaria magnirostris*, *Iduna caligata*, *Sylvia atricapilla*, *S. cinerea*, *S. curruca*, *Daulias philomela*, *Cychloselys merula*, *Sitta europaea*, *Gecinus viridis*, *Coracias garrula*,

Merops apiaster, Alcedo ispida, Ardeola minuta, Otis tarda, Otis major, Ot. tetrax, Limosa melanura, Totanus stagnatilis, Tot. calidris, Fuligula rufina, Aithyia nyroca, Hydrochelidon leucoptera и др. Такимъ образомъ по общей численности видовъ, составляющихъ его фауну, и по числу гнѣздящихся формъ волжско-днѣпровскій округъ, какъ мы увидимъ ниже, весьма близокъ къ башкирскому, но онъ отличается отъ него весьма сильно преобладаніемъ южныхъ формъ и меньшимъ количествомъ сѣверныхъ, отсутствіемъ горныхъ формъ и еще тѣмъ, что переходная полоса между этими двумя округами служитъ съ одной стороны восточною границею для нѣкоторыхъ европейскихъ формъ, а съ другой—западной для нѣкоторыхъ азіатскихъ.

Такъ изъ первыхъ можно указать *Acrocephalus palustris, Daulias philomela, Muscicapa atricapilla, Musc. albicollis. Gecinus viridis* и др., изъ вторыхъ—*Milvus govinda* (очень рѣдокъ даже къ востоку отъ Урала), *Budytes citreola, Pratincola indica, Daulias Hafizi* и др.

Послѣдній округъ въ полосѣ островныхъ лѣсовъ составляетъ башкирскій округъ провинціи юго-западной Сибири, который, начинаясь на востокѣ отъ мѣста сліянія Чулыма съ Обью, переходитъ все постепенно расширяясь на средній Иртышъ (гдѣ спускается на западъ отъ Иртыша далеко въ полосу степей), Ишимъ и Тоболъ и, поднявшись у подножія восточнаго склона Урала, гдѣ довольно рѣзко граничитъ съ уральскимъ округомъ, приблизительно до 58° с. ш., огибаетъ узкою полосою уральскій округъ по южнымъ отрогамъ Уральскаго хребта, спускаясь къ югу приблизительно до средняго, идущаго съ востока на западъ, теченія р. Урала. На западъ отъ Уральскаго хребта башкирскій округъ занимаетъ все пространство между р. р. Бѣлой, Камой, Волгой, Иргизомъ и Ураломъ. Наиболѣе характернымъ участкомъ этого округа являются безъ сомнѣнія уѣзды Шадринскій, Челябинскій и Троицкій и прилежащія къ нимъ съ востока мѣстности по среднему Тоболу, Ишиму и Иртышу. Уголъ къ западу отъ Уральскаго хребта, особенно въ своей южной части, которой онъ прилегаетъ къ урало-барабинскому округу, является скорѣе уже широкой переходной полосой, гдѣ южныя формы поднимаются далеко къ югу. Въ фаунѣ башкирскаго округа около 260 видовъ, изъ которыхъ

около 190 гнѣздящихся. Сѣверныя формы, не болѣе 20, составляютъ весьма незначительный процентъ, и вдвое малочисленнѣе болѣе южныхъ формъ, распространенныхъ въ этомъ округѣ. Такимъ образомъ характеръ полосы островныхъ лѣсовъ является выраженнымъ весьма рѣзко: это не расчищенная тайга съ остатками кореннаго населенія, а типичная полоса островныхъ лѣсовъ, въ которой большинство сѣверныхъ формъ уцѣлѣло только тамъ, гдѣ былъ когда-то проливъ, соединявшій сѣверный океанъ съ понто-аралокаспійскимъ бассейномъ. Эти сѣверныя формы слѣдующія: *Lithofalco aesalon, Aquila chrysaëtos, Ulula barbata, Ulula uralensis, Surnia funerea, Poecile borealis, Regulus cristatus, Turdus pilaris, Turdus iliacus?, Picoides tridactylus, Dryocopus martius, Tetrao urogallus, Tetrastes canescens, Lagopus albus, Scolopax rusticola, Machetes pugnax, Oidemia fusca, Mergus merganser, M. serrator, Cygnus musicus, Colymbus arcticus, Col. septentrionalis.* Изъ формъ южныхъ и характерныхъ для полосы островныхъ лѣсовъ отмѣчаемъ слѣдующія: *Vultur monachus, V. fulvus, Falco peregr. leucogenys, Hierofalco saker, Erythropus vespertinus, Circaëtos gallicus, Pernis apivorus, Buteo ferox, Aquila nobilis, Aq. clanga, Milvus govinda, Strigiceps cineraceus, Scops Zorca, Cleptes leucoptera, Aegithalus pendulinus, Carpodacus erythrinus, Coccothraustes vulgaris, Chlorospiza chloris, Euspiza aureola, Tharraleus modularis, Acrocephalus turdoides, Acroceph. magnirostris, Iduna caligata, Phyllosc. troch. citrina, Nisoria undata, Daulias Hafizi, Pratincola indica, Prat. rubetra, Cychloselys merula, Lanius Homeyeri, Sitta europea, Sitta uralensis, Coracias garrula, Alcedo ispida, Starna cinerea, Platalea leucorodia, Otis tarda, Microtis tetrax, Numenius tenuirostris, Limosa aegocephala, Totanus calidris, Vulpanser tadorna, Casarca rutila, Erismatura mersa, Aithyia nyroca* и др. Отличіе башкирскаго округа отъ прилежащаго къ нему съ юга урало-барабинскаго достаточно выясняется приведеніемъ однихъ числовыхъ данныхъ: болѣе 30 видовъ урало-барабинскаго округа нормально не гнѣздятся въ башкирскомъ и болѣе 20 видовъ башкирской фауны не гнѣздятся въ урало-барабинскомъ округѣ.

Полоса степей, къ которой мы теперь переходимъ, подраздѣляется мною на двѣ провинціи: черноморскую и урало-барабинскую. Въ урало-барабинской провинціи наиболѣе характерный

округъ, одного имени съ провинціей, начинается приблизительно отъ Чулыма, огибая съ сѣвера предгорья Алтая; отсюда онъ длинной и узкой полосой тянется на западъ къ Волгѣ. Южная граница этого округа въ видѣ переходной полосы, соединяющей его съ полосою пустынь, идетъ отъ оз. Норъ-Зайсана прямо на западъ къ Сары-су, откуда поднимается нѣсколько къ сѣверу, а затѣмъ, опять повернувъ на юго-западъ, охватываетъ Мугоджарскія горы и, пересѣкши р. Уралъ въ ея нижнемъ теченіи *), направляется къ устью Волги.

На сѣверѣ урало-барабинскій округъ соединяется переходной полосой съ башкирскимъ округомъ, въ который урало-барабинскій округъ вдается на сѣверѣ большимъ языкомъ по Иртышу. На западѣ урало-барабинскій округъ довольно рѣзко граничитъ съ волжско-днѣпровскимъ округомъ по Волгѣ до Царицына и съ кубанско-терскимъ по Ергенямъ. Но здѣсь, на правомъ берегу Волги, между Волгой и Ергенями, является уже и широкое переходное пространство между урало-барабинскимъ и арало-каспійскимъ округами, къ которому съ юга примыкаетъ на небольшомъ протяженіи и кубанско-терскій округъ. Всего въ урало-барабинскомъ округѣ, наиболѣе характерной частью котораго является пространство къ востоку отъ средняго теченія р. Урала, около 310 видовъ, изъ которыхъ свыше 200 гнѣздящихся. Изъ этого числа свыше 60 видовъ опредѣляютъ очень рѣзко характеръ фауны и содержатъ до 15 видовъ пока не найденныхъ гнѣздящимися въ переходномъ отъ урало-барабинской провинціи къ черноморской кубанско-терскомъ округѣ. Эти характерныя формы слѣдующія (* отмѣчены виды, по имѣющимся нынѣ свѣдѣніямъ, не найденные гнѣздящимися въ кубанско-терскомъ округѣ): *Falco peregrinus leucogenys, Hierofalco saker, Tinnunculus cenchris, Circaëtos hypoleucos* *, *Buteo ferox, Aquila minuta**, *Aquila pennata**, *Aq. imperialis, Aq. Glitschii, Milvus govinda** (отъ восточной границы окраинъ постоянно уменьшающійся въ числѣ и у восточной подош-

*) По наблюденіямъ Н. А. Сѣверцова, эта граница пересѣкаетъ р. Уралъ около станицы Калмыковой, приблизительно на половинѣ разстоянія между Уральскомъ и Гурьевымъ, далѣе на западъ поднимается къ сѣверу на пространствѣ между р. Ураломъ и р. р. Узенями, а затѣмъ опять спускается къ югу, къ Камышъ-Самарѣ.

вы Урала рѣдкій), *Strigiceps pallidus, Scops Zorca, Cleptes leucoptera*, Panurus barbatus, Aegithalus pendulinus*, Aeg. castaneus, Cynchramus intermedius, Cynchr. pyrrhuloides, Melanocorypha tatarica, Mel. leucoptera, Mel. calandra, Calandr. brachydactyla, Cettia Cettii, Acrocephalus turdoides, Acroc. capistrata** (agricola), *Acr. arundinacea*, Acr. magnirostris*, Iduna caligata, Phyll. trochilus citrina, Daulias Hafizi*, Saxicola sordida*, Sax. pleschanka, Prat. indica*, Coracias garrula, Merops apiaster, Gallinula pygmaea*, Grus virgo, Ardea purpurea, Herodias alba, Platalea leucorodia, Otis tarda, Otis major, Microtis tetrax, Chettusia gregaria, Glareola melanoptera, Numenius tenuirostris*, Recurvirostra avocetta, Hypsibates himantopus, Totanus calidris, Totanus staynatilis, Limosa melanura. Cygnus olor, C. musicus, Vulpanser tadorna, Casarca rutilla, Erismatura mersa, Fuligula rufina, Aithyia nyroca, Phalacrocorax brachyrhynchus, Pelodes hybrida, Hydrochelidon leucoptera* и др. Перечитывая этотъ списокъ, легко видѣть, что въ него попали нѣкоторыя формы полосы островныхъ лѣсовъ, но, отмѣчая ихъ какъ постоянныхъ жителей степной полосы, мы должны объяснить это присутствіемъ въ послѣдней островныхъ лѣсовъ какъ станціи. Припомнимъ, что въ полосѣ тайги также распространены многія формы полосы островныхъ лѣсовъ. Такіе виды, какъ Hierofalco saker, Circaëtos hypoleucos, Buteo ferox, Aquila imperialis, Aq. orientalis, Aq. Glitschii, Strigiceps pallidus, Cynchramus intermedius, Melanocorypha tatarica, Mel. leucoptera, Mel. calandra, Calandritis brachydactyla, Lusciniopsis luscinioides, Cettia Cettii, Saxicola albifrons, Sax. sordida, Sax. pleschanka, Merops apiaster, Grus virgo, Ardea purpurea, Herodias alba, Otis tarda, Otis major, Microtis tetrax, Chettusia gregaria, Glareola pratincola, Gl. melanoptera, Numenius tenuirostris, Vulpanser tadorna, Casarca rutilla, Aithyia nyroca, Pelodes hybrida и др. (свыше 30) настолько же характерны для полосы степей, какъ свиристели, щуры, клесты, глухари и пр. для полосы тайги. Если мы признаемъ полосу островныхъ лѣсовъ съ ея широко-разселившимися коренными формами и примѣсью таежныхъ формъ въ болѣе сѣверныхъ округахъ и степныхъ въ южныхъ, въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія не признавать полосу степей. Эта полоса является по отношенію къ полосѣ островныхъ лѣсовъ

тѣмъ же самымъ съ юга, чѣмъ тайга съ сѣвера: это полосы коренныя, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить, мѣняющія свой видъ вслѣдствіе вмѣшательства человѣка и сливающіяся постепенно съ полосою островныхъ лѣсовъ. Судьба этихъ полосъ, конечно, различна: тайга рано или поздно смѣнится островными лѣсами, степь—пахатнымъ полемъ, но судьба населенія этихъ полосъ одинакова: разселеніе формъ, способныхъ приспособиться къ новымъ условіямъ существованія, и вымираніе формъ, неспособныхъ къ этому.

Кубанско-терскій округъ расположенъ трехугольникомъ, который лежитъ своимъ основаніемъ на сѣверныхъ склонахъ Кавказскаго хребта, а вершиной доходитъ до Царицына на Волгѣ. Выше я уже говорилъ, что пространство между Волгой (отъ Царицына до устья) и Ергенями занято переходной полосой, гдѣ сталкиваются фауны урало-барабинская, арало-каспійская и кубанско-терскаго округа. Строго говоря, представители арало-каспійской фауны идутъ здѣсь по берегу Каспійскаго моря, а далѣе отъ берега идетъ уже мѣшанная фауна урало-барабинскаго и кубанско-терскаго округа. Послѣдній округъ по фаунѣ носитъ совершенно переходный характеръ и въ своей сѣверо-западной части рядомъ незамѣтныхъ переходовъ соединяется съ азовско-черноморскимъ округомъ, въ общемъ уже принадлежащимъ къ черноморской провинціи. Въ кубанско-терскомъ округѣ свыше 250 видовъ, въ томъ числѣ около 180 гнѣздящихся. Изъ характерныхъ видовъ его фауны болѣе 15 въ урало-барабинскомъ округѣ не гнѣздятся, именно: *Aquila naevia, Garrulus Krynickii, Acanthis bella, Euspiza melanocephala, Motacilla dukhunensis, Agrobates familiaris, Saxicola isabellina, Sax. amphileuca, Sitta caesia, Phasianus colchicus, Buphus comatus, Scotaeus nycticorax, Ciconia alba, Nettion angustirostris, Sylochelidon caspius, Gelochelidon anglicus.* Чтобы докончить характеристику фауны кубанско-терскаго округа, остается сказать, что она приблизительно на 30 видовъ бѣднѣе азовско-черноморской фауны гнѣздящимися птицами, присутствіемъ перечисленныхъ формъ носитъ на себѣ явно кавказскій характеръ, и въ общемъ представляетъ характерную степную и притомъ приморскую фауну съ ея *Hierofalco saker, Tinnunculus cenchris. Buteo ferox, Aquila imperialis, Aq. orientalis, Strigiceps pal-*

lidus, Panurus barbatus, Aegithalus castaneus, Pastor roseus, Melanocorypha calandra, Calandritis brachydactyla, Budytes melanocephala, Cettia Cettii, Acrocephalus turdoides, Saxicola pleschanka, Merops apiaster, Grus virgo, Ardea purpurea, Herodias alba, Herod. garzetta, Platalea leucorodia, Ibis falcinellus, Otis tarda, Otis major, Microtis tetrax, Oedicnemus crepitans, Aegialites cantianus, Chettusia gregaria, Glareola melanoptera, Recurvirostra avocetta, Hypsibates himantopus, Totanus calidris, Cygnus olor, Vulpanser tadorna, Casarca rutila, Erismatura mersa, Fuligula rufina, Aithyia nyroca, Pelecanus onocrotalus, Pel. crispus, Pelodes hybrida, Hydrochelidon nigra и др.

Два западные округа полосы степей, принадлежащіе въ общемъ черноморской провинціи, *азовско-черноморскій* (несущій на себѣ собственно переходный характеръ) и *дунайскій*, слѣдуетъ разсматривать сравнительно, такъ какъ иначе разница между ними можетъ показаться меньше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. При поверхностномъ обзорѣ эти два округа настолько сходны по своимъ фаунамъ, что первоначально и я принималъ ихъ за одинъ; только потомъ, при провѣркѣ ихъ фаунъ съ числовыми данными, оказалось, что такое соединеніе невозможно.

Азовско-черноморскій округъ окружаетъ полукольцомъ Азовское и Черное моря, начинаясь нѣсколько къ юго-востоку отъ сѣверо-восточнаго угла Азовскаго моря и оканчиваясь на западъ отъ сѣвернаго угла Чернаго моря. Соединяясь на востокѣ переходной полосой съ кубанско-терскимъ округомъ и на западѣ широкой переходной полосой съ дунайскимъ, съ сѣвера азовско-черноморскій округъ рядомъ переходовъ связывается съ волжско-днѣпровскимъ, а съ сѣверо-запада принимаетъ участіе въ образованіи обширнаго зоологически безхарактернаго участка, разстилающагося между склонами Авратынскаго плоскогорья и р. Припетью. Границы дунайскаго округа гораздо опредѣленнѣе: отъ переходной полосы, соединяющей его на востокѣ съ азовско-черноморскимъ округомъ, дунайскій округъ идетъ по всѣмъ низменностямъ р. Дуная. Съ юга на Балканскомъ полуостровѣ граница дунайскаго округа идетъ по Балканскому хребту (сѣверный склонъ Балканскаго хребта я отношу къ дунайскому округу). Затѣмъ, сильно съуживаясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ перерывъ Трансильванскихъ альпъ

образуетъ Желѣзныя ворота, дунайскій округъ распространяется по венгерскимъ низменностямъ, переходя на границахъ ихъ съ одной стороны (на юго-западѣ и западѣ) въ зоологическіе участки альпійскихъ отроговъ, съ другой (на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ) въ карпатскій округъ. Наконецъ, южные и юго-восточные склоны Трансильванскихъ альпъ ограничиваютъ дунайскій округъ съ сѣвера въ его зоологически наиболѣе характерной восточной половинѣ.

Въ азовско-черноморскомъ округѣ всего нѣсколько болѣе 300 видовъ, изъ которыхъ около 210 гнѣздящихся; въ дунайскомъ—на 300 съ небольшимъ видовъ около 230 гнѣздящихся. Такимъ образомъ, не уступая азовско-черноморскому округу въ общей численности видоваго состава своей фауны, дунайскій округъ приблизительно на 20 видовъ богаче его гнѣздящимися птицами. Но особенно рѣзко выступаетъ фаунистическая разница между двумя округами, если обратить вниманіе на то, что изъ почти 230 видовъ гнѣздящихся птицъ дунайскаго округа около 25 видовъ совсѣмъ не гнѣздятся въ азовско-черноморскомъ и около 10 гнѣздятся только по окраинамъ послѣдняго, и въ свою очередь около 10 видовъ азовско-черноморскаго округа не заходятъ на гнѣздовье въ дунайскій. Это уже такое различіе, которое положительно обязываетъ раздѣлить зоологическіе участки четвертаго порядка. Но это различіе еще болѣе увеличивается отъ общаго характера фауны: на фаунѣ азовско-черноморскаго округа, особенно въ области нижняго Дона, уже сказывается нѣсколько близость Азіи: сюда залетаютъ рябки, копытки и пр.; на фаунѣ дунайскаго округа лежитъ болѣе средиземно-морскій оттѣнокъ.

Не распространяются въ полосѣ степей за азовско-черноморскій округъ на западъ слѣдующіе виды: *Colaeus collaris, Garrulus variabilis, Sturnus ruthenus, Corydalla Richardi, Lusciniopsis fluviatilis, Luscin. luscinioides* (по общему распространенію должна быть, но въ спискахъ не помѣчена)?, *Sylvia hortensis, Turdus musicus, Charadrius spinosus, Chettusia gregaria, Aithyia ferina* и, вѣроятно, немногіе другіе. Изъ не переходящихъ въ азовско-черноморскій округъ изъ дунайскаго отмѣтимъ слѣдующихъ: *Buteo vulgaris, Colaeus monedula, Poecile palustris?, Poecile lugubris, Orites roseus* (по Радакову; по общему распространенію можно

ожидать Or. Irbyi), *Sturnus vulgaris*, *St. unicolor*, *Serinus hortulanus*, *Emberiza cirlus*, *Emb. cia*, *Eusp. melanocephala*, *Budytes melanocephala?*, *Cettia Cettii*, (по Сѣверцову, найдена на Уралѣ, на Эмбѣ и на Сыръ-Дарьѣ, его C. scalenura)??, *Regulus ignicapillus*, *Sylvia orphea*, *Sitta caesia*, *Sturnus vulgaris*, *Ruticilla tithys*, *Monticola saxatilis*, *Turtur risorius*, *Phasianus colchicus*, *Glareola pratincola* (распространеніе Gl. pratincola на востокъ за Бессарабію неизвѣстно)? и др. Изъ этого перечня характерныхъ для дунайскаго округа видовъ само собою выясняется, что этотъ округъ является центральною областью въ западной части полосы степей, подобно тому какъ урало-барабинскій является такимъ же центромъ въ ея восточной половинѣ; напротивъ, черноморскій округъ носитъ на себѣ переходный характеръ. Но и тотъ, и другой по общему составу своей фауны представляютъ весьма характерные участки подобласти степей. Вотъ наиболѣе характерные виды, общіе фаунамъ дунайскаго и азовско-черноморскаго округовъ: *Falco peregrinus leucogenys*, *Hierofalco saker*, *Tinnunculus cenchris*, *Circaëtos hypoleucos*, *Aquila minuta*, *Aq. pennata*, *Aq. imperialis*, *Aq. orientalis*, *Astur brevipes*, *Strigiceps pallidus*, *Strix flammea*, *Scops Zorca*, *Panurus barbatus*, *Pastor roseus*, *Melanocorypha calandra*, *Calandritis brachydactyla*, *Calamodus melanopogon*, *Acrocephalus turdoides*, *Saxicola pleschanka*, *Pratincola rubicola* (не переходитъ за Днѣпръ на востокъ), *Dendrocopus medius*, *Coracias garrula*, *Merops apiaster*, *Alcedo ispida*, *Gallinula pygmaea*, *Grus virgo*, *Ardea purpurea*, *Herodias alba*, *Herod. garzetta*, *Buphus comatus*, *Ardeola minuta*, *Scotaeus nycticorax*, *Platalea leucorodia*, *Ibis falcinellus*, *Otis tarda*, *Otis major*, *Microtis tetrax*, *Oedicnemus crepitans*, *Aegialites cantianus*, *Gl. melanoptera*, *Recurvirostra avocetta*, *Hypsibates himantopus*, *Cygnus olor*, *Vulpanser tadorna*, *Casarca rutilla*, *Fuligula rufina*, *Aithyia nyroca*, *Pelecanus onocrotalus*, *Pelec. crispus*, *Graculus cristatus*, *Microcarbo pygmaeus*, *Puffinus yelkuan*, *Larus Michahellesi*, *Chroicocephalus melanocephalus*, *Sylochelidon caspius*, *Gelochelidon anglicus*, *Gelastes tenuirostris*, *Thalasseus cantiacus*, *Pelodes hybrida* (leucopareia), *Hydrochelidon leucoptera*, *Podiceps minor* и др.

Юго-восточный уголъ Европейской Россіи занимаетъ часть *арало-каспійскаго* округа полосы пустынь. Начинаясь переходной

полосой, соединяющей его съ урало-барабинскимъ округомъ на пространствѣ между Ергенями и устьемъ Волги, по нижнему теченію р. Урала и нижней Эмбѣ, этотъ округъ достигаетъ наибольшаго развитія на пространствѣ между Мертвымъ Култукомъ и Аральскимъ моремъ, западный берегъ котораго составляетъ его восточный предѣлъ. На югѣ граница арало-каспійскаго округа выражена переходной полосой между имъ и аму-дарьинскимъ участкомъ въ южной части Усть-Урта. Въ этомъ округѣ около 310 видовъ, изъ которыхъ около 150 гнѣздящихся, слѣдовательно половина только пролетныхъ и зимующихъ. Изъ характерныхъ формъ арало-каспійской фауны, устанавливающихъ рѣзкое различіе отчасти между полосою пустынь и прилежащимъ урало-барабинскимъ округомъ, отчасти между полосою пустынь и прилежащимъ кубанско-терскимъ округомъ, можно отмѣтить слѣдующія: *Aquila bifasciata*, *Aq. Glitschii*, *Haliaëtos leucorypha*, *Milvus glaucopus*, *Athene plumipes*, *Bubo turcomanus*, *Corvus umbrinus*, *Sturnus purpurascens*, *Acanthis bella*, *Euspiza luteola*, *Calandritis pispoletta*, *Drymosylvia nana*, *Drymos. nana var. albipennis*, *Drymoica inquieca*, *Saxicola deserti*, *Otomela phoenicuroides Karelini*, *Caprimulgus arenicolor*, *Merops persicus*, *Alcedo bengalensis*, *Pterocles arenarius*, *Pterocles alchata*, *Syrrhaptes paradoxus*, *Houbara Macqueeni*, *Eupoda asiatica*, *Chettusia leucura*, *Phoenicopterus roseus*, *Nettion angustirostris*, *Ichtyaëtos ichtyaëtos*, *Gelastes tenuirostris* и др.

Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ орнитологическіе участки, на которые въ настоящее время можетъ быть подраздѣлена великая Россійская низменность. Еще разъ повторяю: эти участки связываются другъ съ другомъ переходными полосами, достигающими въ разныхъ мѣстахъ разныхъ размѣровъ, но при сравненіи центральныхъ частей перечисленныхъ участковъ фаунистическая разница между ними бросается въ глаза. Болѣе или менѣе рѣзко разграничены только тѣ участки, границу между которыми составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ граница между мѣстонахожденіями. Такъ какъ орнитол. участки Европ. Россіи установлены мною исключительно на сравненіи мелкихъ фаунъ и на изученіи современныхъ

физико-географическихъ условій, то само собою разумѣется очень многіе изъ нихъ не совпадаютъ съ участками, установленными ранѣе другими авторами и на основаніи геологическихъ данныхъ, но такъ должно быть: измѣненія фаунъ и флоръ идутъ гораздо быстрѣе, чѣмъ обыкновенныя вѣковыя измѣненія въ очертаніяхъ материковъ и морей, п. ч. эти измѣненія только одинъ изъ факторовъ, обусловливающихъ собою географ. распространеніе организмовъ. Конечно, опредѣлить на сколько эти измѣненія въ неорганической природѣ отразились на фаунахъ и флорахъ, связать исторію организованной природы съ исторіей природы неорганической не только желательно, но даже обязательно, какъ рѣшеніе извѣстной задачи, выпавшей на біологовъ и физико-географовъ, но уясненіе этой связи въ нашемъ частномъ случаѣ должно служить не основою установленія извѣстныхъ фаунистическихъ участковъ, а только *объясненіемъ происхожденія нынѣ существующихъ*. Само собою разумѣется, сказанное имѣетъ мѣсто только до тѣхъ поръ, *пока геологическія данныя по своей полнотѣ могутъ служить надежною точкою опоры при уясненіи прошлаго какой-либо фауны*. Разъ геологическія данныя неполны, шатки, сомнительны, ихъ роль по отношенію къ зоогеографіи мѣняется: вмѣсто того, чтобы объяснять прошлое фаунъ или по крайней мѣрѣ служить исходною точкою при этомъ объясненіи, они сами должны обращаться для своего пополненія къ даннымъ зоологической географіи. Нѣсколько ниже это будетъ показано на примѣрѣ.

Выше мною было сказано, что единственный путь, которымъ можно идти въ этомъ объясненіи,—переходъ отъ настоящаго къ прошлому, путь указанный Эдв. Форбсомъ и теперь мнѣ только остается подтвердить это. Попробуемъ же пойти по немъ и посмотримъ, не возстановимъ ли мы при этомъ нѣсколько страницъ, вырванныхъ изъ исторіи великой Россійск. низменности.

Измѣненія въ орнитологической фаунѣ восточной и центральной Европы таковы, что уже давно обратили на себя вниманіе зоологовъ. Западная прибрежная полоса, отдѣленная широкимъ воднымъ пространствомъ отъ Новаго Свѣта, имѣющая мало общаго по своимъ мѣстонахожденіямъ съ сѣверной Африкой, является болѣе уединенною и съ востока; но центральная и восточная

Европа, неразрывно и тѣсно связанная съ азіатскимъ материкомъ, представляетъ собою страну, гдѣ измѣненія въ орнитологической фаунѣ совершаются въ огромнымъ размѣрахъ. Что касается измѣненія распространенія животныхъ вслѣдствіе прямаго вмѣшательства человѣка и косвеннаго, выражающагося въ измѣненіи кореннаго вида страны, то въ данномъ случаѣ оно для насъ не особенно важно, такъ какъ въ такихъ же условіяхъ находится и фауна западной Европы; но помимо этихъ двухъ причинъ, измѣненія состава фауны восточной и центральной Европы зависятъ отъ другихъ, отчасти неизвѣстныхъ намъ причинъ, о значеніи которыхъ намъ и слѣдуетъ поговорить въ самомъ началѣ нашей работы. Прямое и косвенное вмѣшательство человѣка получило значеніе въ измѣненіи фауны, конечно, только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ увеличенія густоты населенія и измѣненія образа жизни составляющихъ его лицъ. Когда Россійскую низменность населяли только охотничьи и кочевыя племена, зависимость фауны отъ человѣка была ничтожна. Положеніе дѣлъ измѣнилось только со времени занятія страны земледѣльческимъ населеніемъ. Но другія, не зависящія отъ человѣка причины, вліяли на составъ фауны, обусловливали его собою и въ раннія историческія и въ доисторическія времена, и эти причины—измѣненія въ очертаніяхъ суши и моря и связанныя съ ними измѣненія въ оро-гидрографіи края съ одной стороны и борьба за существованіе съ другой.

Познакомимся сначала съ измѣненіями въ устройствѣ поверхности великой Россійской низменности и, слѣдовательно, съ распредѣленіемъ на ней животныхъ въ общихъ чертахъ на столько далеко въ глубь временъ, на сколько это возможно.

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что полосы тундры, тайги, островныхъ лѣсовъ, степи и пустынь существуютъ навѣрное съ того времени, какъ сѣверная часть Стараго Свѣта приняла приблизительно свое нынѣшнее очертаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ попала въ тѣ климатическія условія, которыя мы можемъ изучать нынѣ, другими словами, что русскія степи существовали еще со времени окончанія Ледниковаго періода. Вотъ доказательство на это.

«Лѣса въ области р. Мокши, говоритъ Л. Майковъ (Замѣтки по географіи древней Руси. Спб. 1874, стр. 39), составляли крайній южный предѣлъ сплошнаго распространенія лѣсной раститель-

ности въ юго-восточныхъ предѣлахъ древней Руси. Къ сѣверо-западной окраинѣ этихъ лѣсовъ, къ р. Цнѣ, подходила, въ XII—XIII вѣкахъ, граница Рязанской земли, которая на югъ отъ Оки имѣла уже вполнѣ степной характеръ. Ни прямыя извѣстія, ни даже болѣе темные намеки мѣстной номенклатуры не даютъ намъ указаній на существованіе лѣсовъ въ этой области, напротивъ того, лѣтопись прямо называетъ пространство на югъ отъ города Рязани *полемъ*. И дѣйствительно, какъ бы въ соотвѣтствіе этому названію, черноземъ является здѣсь господствующимъ родомъ почвы и затѣмъ распространяется вдоль южной границы Брынскихъ лѣсовъ и восточной Болдыжа лѣса. Плодородная мѣстность къ югу отъ послѣдняго—Поселье носитъ то же названіе *поля*, и также называются земли Переяславская и Кіевская (Польская) и еще чаще—область Печенѣжскихъ и Половецкихъ кочевьевъ отъ Дона до Дуная.

«Намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о лѣсныхъ островахъ среди черноземнаго пространства. Къ сожалѣнію, относящіяся сюда свѣдѣнія очень скудны и отрывочны. Начиная обозрѣніе съ мѣстностей, ближайшихъ къ Кіеву, мы прежде всего должны упомянуть о лѣсахъ *Черномъ* и *Голубомъ*, о которыхъ упоминаетъ Ипатьевская лѣтопись подъ 1170 и 1187 годами, по случаю походовъ южно-русскихъ князей на Половцевъ. Въ обоихъ этихъ извѣстіяхъ называется рѣка Снопородъ, которую до сихъ поръ не удалось узнать ни въ одной изъ рѣкъ приднѣпровской степи. Въ пользу мнѣнія, что Черный лѣсъ находился на лѣво отъ Днѣпра, можно указать на упоминаемую при немъ р. Уголъ, которая пріурочивается къ Орели, притоку Самары, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, и на то, что небольшіе лѣса понынѣ существуютъ въ низовьяхъ Самары. Въ подтвержденіе же того, что Черный лѣсъ должно искать на правой сторонѣ Днѣпра, можетъ быть указано на существованіе до сихъ поръ лѣса съ тѣмъ же именемъ въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, на возвышенности, съ которой сбѣгаютъ рѣки Тясминъ, Ингулъ и Ингулецъ со своими притоками. Находящіяся здѣсь три лѣсныя дачи—Черный лѣсъ, Чута и Нерубай—стоящіе нынѣ отдѣльно, еще въ концѣ прошлаго вѣка составляли одно цѣлое: по замѣчанію очевидца, «слѣды ихъ доселѣ замѣтны въ оставшихся буера-

кахъ, большихъ и малыхъ, кои находятся въ различномъ одинъ отъ другаго разстояніи, на поляхъ»; по мѣстному преданію, всѣ близь лежащія селенія были основаны въ лѣсахъ, которые вскорѣ затѣмъ подверглись истребленію. Во всякомъ случаѣ въ извѣстіяхъ лѣтописи о Черномъ и Голубомъ лѣсахъ любопытно указаніе, что къ нимъ примыкали вѣжи Половцевъ: это сосѣдство кочевниковъ не могло не содѣйствовать уменьшенію лѣсовъ.

«Если къ этому прибавимъ еще указаніе на плавенные лѣса Днѣстровской долины, да на лѣски и буераки спускающихся къ Черному морю овраговъ Авратынской возвышенности, въ родѣ тѣхъ, которые и нынѣ существуютъ кое-гдѣ въ Подоліи, въ южныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи и въ сѣверныхъ—Херсонской, и какіе еще въ большемъ количествѣ находили тамъ путешественники конца прошлаго вѣка Гюльденштедтъ и Мейеръ,—то обозначимъ едва ли не всѣ тѣ оазисы лѣсной растительности, существованіе которыхъ въ древности можетъ быть доказано въ предѣлахъ южно-русской степи вправо отъ Днѣпра.

«Переходя, затѣмъ, на лѣвую сторону этой главной водной артеріи южной Руси, мы прежде всего должны остановиться на низовьяхъ самого Днѣпра. Его долина и многочисленные острова, все болѣе и болѣе понижающіе свой уровень по мѣрѣ приближенія къ устью и затопляемые весенними разливами, богаты роскошною растительностью, которая, безъ сомнѣнія, также была свѣжа и зелена въ древности, какъ и нынѣ.... Плавни Днѣпровскаго устья и лѣса, остатки которыхъ еще понынѣ сохранились кое-гдѣ на песчаной Кинбурнской косѣ, составляли ту благодатную лѣсную мѣстность, которую описываетъ Геродотъ подъ именемъ Гилеи.

«Нѣсколько далѣе къ востоку, у Перекопскаго перешейка, также существовалъ лѣсной оазисъ. Свидѣтельство о томъ указано г. Нейманомъ у Константина Багрянороднаго (De admin. imperio): «Онъ (то есть, Константинъ) говоритъ о рвѣ, который когда-то, въ старыя времена, былъ вырытъ на Перекопскомъ перешейкѣ, но въ то время былъ засыпанъ: здѣсь находился густой лѣсъ, чрезъ который Печенѣги двумя только путями добирались до Херсона и Боспора (Пантикапеона): Вѣроятно, подъ этими путями Константинъ Багрянородный подразумѣвалъ путь чрезъ Перекоп-

скій перешеекъ и путь чрезъ Геничи и Арабатскую стрѣлку». Еще восточнѣе, но въ той же полосѣ, были лѣса на р. Калкѣ (притокѣ Калміуса), какъ о томъ осталось извѣстіе въ Ростовской лѣтописи, въ разсказѣ о побѣдѣ, одержанной здѣсь въ 1380 году Тохтамышемъ надъ Мамаемъ. Затѣмъ, относительно крайнихъ юго-восточныхъ мѣстностей черноземной полосы мы можемъ привести только весьма поздніе и скудные извѣстія. Венеціанецъ Іосафатъ Барбара, проживший въ городѣ Танѣ (Азовѣ) съ 1436 по 1452 годъ, упоминаетъ, въ описаніи своего путешествія, что онъ видѣлъ лѣсъ гдѣ-то въ окрестностяхъ этого города, въ 3-хъ миляхъ отъ него, да при разрытіи кургана Контеббе, въ 60-ти миляхъ отъ Таны на правой сторонѣ Дона, обратилъ вниманіе на слой угля, «естественное слѣдствіе ивовыхъ лѣсовъ, которыхъ по близости находилось великое множество». Если такъ мало могъ сказать о степени распространенія лѣсной растительности въ низовьяхъ Дона путешественникъ, проведшій тамъ шестьнадцать лѣтъ, то очевидно, край этотъ не поражалъ сколько-нибудь значительною лѣсистостью, и она ограничивалась, вѣроятно, низовыми и другими мелколѣсными порослями въ балкахъ и оврагахъ.

«Наконецъ, если отсюда мы подымемся черезъ «поле» прямо на сѣверъ, то найдемъ древніе лѣса въ мѣстности между Дономъ и Воронежемъ. Объ этихъ воронежскихъ лѣсахъ упоминаетъ Воскресенская лѣтопись подъ 1283 годомъ, въ разсказѣ о князьяхъ Курскомъ Олегѣ и Липецкомъ Святославѣ и о баскакѣ Ахматѣ. Тутъ, очевидно, разумѣются тѣ самые лѣса, которыхъ значительные остатки уцѣлѣли на берегахъ (преимущественно на лѣвомъ) р. Воронежа въ Задонскомъ и Липецкомъ уѣздахъ.

«Такимъ образомъ, прибавляетъ г. Майковъ, мы отмѣтили всѣ исторически извѣстные лѣсные острова въ южно-русской черноземной степи» и должны придти къ заключенію, что «югъ издревле обладалъ лишь лѣсными островами—и то въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ господствующій въ немъ черноземный родъ почвы смѣняется какимъ-либо другимъ—иного образованія и состава».

Но мы можемъ пойти далѣе и доказать, что втеченіе всего историческаго періода на югѣ Россіи разстилались степи. Извѣстія объ этихъ странахъ дошли до насъ отъ греческихъ писателей, жившихъ еще до Геродота, но такъ какъ эти извѣстія крайне

отрывочны, сбивчивы и неопредѣленны, то довѣрять имъ нельзя. Совсѣмъ не то должны мы сказать объ описаніи этого края, оставленномъ намъ Геродотомъ. Геродотъ не только собралъ свѣдѣнія о Скиѳіи отъ Грековъ, жившихъ тогда по берегамъ Чернаго моря, но и самъ былъ въ Скиѳіи. По его словамъ кочевые Скиѳы жили между Герросомъ и Пантикапесомъ, странѣ безлѣсной, за исключеніемъ Гилеи. «Во всей Скиѳіи, говоритъ Геродотъ, зима столь сурова и холодъ такъ несносенъ, втеченіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, что если налить воды на землю—не образуется грязи, которая образуется, напротивъ, если разложить огонь. Само даже море замерзаетъ въ этомъ ужасномъ климатѣ, равно какъ и Воспоръ Киммерійскій и Скиѳы сражаются на льду и ѣздятъ черезъ Воспоръ въ телѣгахъ къ Синдамъ. Зима стоитъ такимъ образомъ восемь мѣсяцевъ, но и въ остальные четыре мѣсяца очень холодно. Зима здѣсь совсѣмъ не такая, какъ въ другихъ странахъ. Дождя здѣсь выпадаетъ въ это время года такъ мало, что о немъ не стоитъ упоминать; а лѣтомъ дождь идетъ очень часто. Здѣсь громъ гремитъ не въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ, но лѣтомъ».

Читая эти строки, невольно можно усумниться дѣйствительно ли о нашихъ южныхъ степяхъ говоритъ Геродотъ, но стоитъ прочесть, что говоритъ по этому поводу г. Веселовскій, изслѣдованія г. Надеждина и никакого сомнѣнія въ томъ, что Скиѳія, описанная Геродотомъ, южно-русскія степи между Ингуломъ и Бузулукомъ,—не остается.

Какъ только заходитъ рѣчь о безлѣсіи нашихъ степей втеченіе всего историческаго періода, противники этого мнѣнія прежде всего ссылаются на описанную Геродотомъ Гилею. По сличенію съ нынѣшними мѣстностями эта Гилея должна была занимать небольшое пространство у самаго берега Чернаго моря, между Днѣпровскимъ Лиманомъ и Перекопскимъ заливомъ, т.-е. нынѣшній Днѣпровскій уѣздъ. Но въ настоящее время Днѣпровскій уѣздъ вовсе не можетъ считаться лѣсной стороной, слѣдовательно,—дѣлаютъ поспѣшный выводъ противники вѣковаго безлѣсія нашихъ степей—мы должны заключить, что въ настоящее время не осталось никакого слѣда отъ когда-то громадныхъ лѣсовъ. Такой выводъ, однако, совершенно невѣренъ и есть въ Днѣпровскомъ у.

мѣстность, которая въ своемъ настоящемъ видѣ съ полнымъ правомъ можетъ быть принята за Геродотовскую Гилею. Вотъ что говоритъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Гилеи г. Надеждинъ *).

«Уѣздъ Днѣпровскій въ настоящее время не только не есть лѣсная сторона, полная всякаго рода деревьями, но даже представляетъ физическую неспособность къ лѣсорастительности. Собственно Кинбурнская коса, въ протяженіи на сорокъ верстъ отъ Кинбурна къ востоку, состоитъ вся изъ чистаго, голаго песку. Затѣмъ, далѣе на востокъ, почва раздѣляется на двѣ полосы: одну, приморскую, состоящую изъ степной глади, способной только къ луговой и отчасти къ нивяной произрастительности; другую, прирѣчную, которая тянется вскрай Днѣпра и состоитъ опять вся изъ сыпучихъ песковъ, между которыми луга, покрытые травою, мелькаютъ рѣдкими оазисами. Голь, совершенную голь, представляетъ восточное По-Днѣпровье даже и въ дальнѣйшемъ протяженіи не только на востокъ, но и на сѣверъ, не только въ предѣлахъ Таврической и Екатеринославской губерній, но и далѣе, по всему пространству южной Россіи. Нѣтъ, и не можетъ быть тутъ нигдѣ Гилеи, которая «вся полна всякаго рода деревьями». Даже всѣ усилія нынѣшняго просвѣщеннаго хозяйства, съ тяжкимъ трудомъ, едва выращаютъ на этой сѣверной Сахарѣ тощую, неблагонадежную тѣнь, которая, при малѣйшемъ ослабленіи труда, тотчасъ, если не засыпается сугробами песковъ, то выжигается лѣтними зноемъ, или вымораживается зимними стужами».

«Не смотря на пустынный, аравійскій характеръ окружающихъ степей, продолжаетъ г. Надеждинъ, края широкой долины, по которой Днѣпръ стремится къ морю, конечно вслѣдствіе благотворнаго вліянія питательной и крѣпительной влажности, по мѣстамъ украшаются зеленью кустарниковъ и даже сѣнью деревьевъ. Имен-

*) *Н. Надеждинъ.* Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями. Зап. Од. общ. люб. ист. и др. Т. I. стр. 47—49.—Съ этимъ же мнѣніемъ согласенъ и Ф. Брунъ, который говоритъ, что Гилея должна соотвѣтствовать Днѣпровскимъ плавнямъ, которыя и нынѣ богаты растительностью и составляютъ поразительный контрастъ съ совершенно обнаженными степями. „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земляхъ“, стр. 9 въ сборникѣ „Черноморье“, т. II, Одесса, 1880 г.

но, на самой Кинбурнской косѣ вскрай Лимана, вокругъ мѣстечка Прогнойска, при селеніяхъ Бузовомъ и Рыбалчѣ, до сихъ поръ мелькаютъ небольшія дубовыя и березовыя рощицы, храбро сражающіяся съ засыпающими ихъ песками. Нѣсколько выше, вокругъ селенія Збурьевска, находится родъ лѣска, состоящаго изъ дуба, осины, ольхи и лозняка. Наконецъ, еще выше, берегъ Днѣпра, на протяженіи около двадцати пяти верстъ вокругъ города Алешекъ, опушается также, нерѣдко, болѣе или менѣе густыми купами древесной растительности, преимущественно ольхою и березою. И это, въ сравненіи съ наготою степей, конечно, могло дать берегу Днѣпра названіе лѣсной страны, особенно въ древнія времена, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябанія вокругъ гораздо могущественнѣе *). Но надо только взглянуть на самую долину Днѣпра, чтобы имѣть передъ глазами настоящую «лѣсную страну», всю покрытую густою, дремучею растительностью. Эта долина, раздвигающаяся иногда верстъ до двадцати въ ширину, состоитъ изъ непрерывной сѣти такъ называемыхъ «плавней», или острововъ, образуемыхъ безчисленными развѣтвленіями рѣчной трубы, которыя всѣ сплошь зарощены не однимъ камышемъ, но и настоящими, любящими влагу, деревьями. Въ безотрадной пустотѣ голыхъ степей, она отливаетъ на горизонтѣ сизою полосою, при видѣ которой въ самомъ непоэтическомъ воображеніи невольно возбуждается идея мрачнаго «лѣса». Присоедините сюда набережную опушку

*) Какъ подтвержденіе того, что еще въ историческое время наши степныя рѣки были гораздо многоводнѣе, въ связи съ чѣмъ стояло бо́льшее развитіе лѣсной растительности въ долинахъ рѣкъ, можно привести многочисленные факты. Вотъ что говоритъ по этому поводу Л. Майковъ (Замѣтки по географіи древней Руси, стр. 23): „Изъ указаній разныхъ нашихъ ученыхъ видно, что остатки большихъ судовъ и большихъ судовыхъ принадлежностей были находимы не только въ р. р. Сновѣ и Острѣ, но и въ Стугнѣ, Сулѣ, Ворсклѣ, Хоролѣ, Трубежѣ, Оржицѣ, Альтѣ, Супоѣ, Переводѣ..... можно положительно сказать, что рѣки эти встарину были также судоходны, какъ нынѣ судоходны почти всѣ сколько нибудь значительныя рѣки средней и сѣверной Россіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется тотъ извѣстный по лѣтописямъ фактъ, что еще въ XIII вѣкѣ возможенъ былъ взводъ судовъ черезъ Днѣпровскіе пороги — фактъ, кажущійся невѣроятнымъ для нѣкоторыхъ писателей.

Днѣпра, и вы увидите въ натурѣ Гилею, совершенно согласную съ тѣмъ описаніемъ, которое объ ней оставлено Геродотомъ».

Итакъ, Днѣпровскій лиманъ, его продолженіе—долина Днѣпра и вѣроятно Кинбурнская коса—вотъ Геродотовская Гилея, которая такимъ образомъ нисколько не говоритъ за то, что въ древнѣйшія историческія времена наши степи были покрыты настолько сплошнымъ ковромъ лѣсной растительности, что не могли считаться степями. Факты, указывающіе на существованіе въ историческое время въ устьѣ Днѣпра лѣсной растительности въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ нынѣ, нисколько не противорѣча вѣковому безлѣсію полосы нашихъ степей, вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе говорятъ за то, что не ошибался г. Надеждинъ въ опредѣленіи положенія Геродотовской Гилеи: такъ г. Бопланъ со словъ очевидцевъ засвидѣтельствовалъ существованіе дубоваго лѣса еще въ XVII столѣтіи на одномъ изъ острововъ Днѣпровскаго низовья. «Руссы X вѣка, говоритъ г. Майковъ, по разсказу Константина Багрянороднаго, приносили жертвы своимъ богамъ у подножія дуба чрезвычайной величины; лѣсистый островъ этотъ назывался *Хортичь*, вѣроятно, въ честь Хорса-Дажьбога, внуками котораго считали себя Руссы». Въ окрестностяхъ г. Олешья, который существовалъ въ средніе вѣка, въ самыхъ низовьяхъ Днѣпра*), по свидѣтельству г. Бруна, «назадъ тому лѣтъ полтораста, безъ сомнѣнія, было болѣе деревьевъ, нежели теперь, и не удивительно, почему Турки могли сказать, что Запорожцы, которые, послѣ сраженья при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ «Лѣсѣ братьевъ». Въ средніе вѣка этотъ лѣсъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства, слѣдовательно, могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гильберъ де-Лануа во время своего путешествія изъ Монкастро въ Кафу, въ 1421 году».

Но кромѣ приведенныхъ цитатъ изъ Геродота, въ его описаніи Скиѳіи находимъ еще много драгоцѣнныхъ указаній по интересующему насъ предмету, отмѣченныхъ и въ книгѣ г. Веселов-

*) Послѣднія свѣдѣнія объ Олешьѣ встрѣчаются у лѣтописцевъ подъ 1224 г. Съ этого времени имя Олешья на нѣсколько вѣковъ исчезаетъ и воскресаетъ только въ первой половинѣ XVIII столѣтія видоизмѣненнымъ въ Алешки. Зап. Од. общ. истор. и древн. Т. III, стр. 219.

скаго «О климатѣ Россіи». Геродотъ говоритъ, что Скиѳія страна плоскихъ безпредѣльныхъ равнинъ, и г. Веселовскій справедливо замѣчаетъ, что «на человѣка, жившаго нѣсколько времени подъ пальмами обширной Вавилонской равнины, Скиѳскія пастбища не произвели бы столь живаго впечатлѣнія, еслибы они чаще пересѣкались и перемежались лѣсами.»

Далѣе Геродотъ не только упоминаетъ еще во многихъ мѣстахъ о безлѣсіи Скиѳіи, но прямо говоритъ, что Скиѳы-кочевники живутъ на востокъ отъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ въ странѣ, простирающейся на 14 дней сухопутной ходьбы до рѣки Герроса, которая (т. е. страна) вся, кромѣ Гилеи, совершенно бездревесна. «Далѣе онъ говоритъ, что какъ перейдешь Танаисъ рѣку,—конецъ землѣ Скиѳской, и затѣмъ во-первыхъ область Савроматовъ, которые, начиная отъ пазушья Меотиды, простираются къ сѣверу на 15 дней сухопутья, въ странѣ *совершенно лишенной и дикорастущихъ и саженныхъ деревьевъ*». По толкованію лицъ, сличавшихъ Геродотову географію Скиѳіи съ мѣстностями, въ высшей степени вѣроятно, что Скиѳы-кочевники и занятая ими безлѣсная степь, «простирались на западъ отъ Днѣпра, на пространствѣ нынѣшнихъ уѣздовъ Херсонскаго съ Александрійскимъ въ Херсонской и Верхнеднѣпровскаго съ частью Екатеринославскаго въ Екатеринославской губ.». Точно также безлѣсная земля Савроматовъ простиралась на 15 дней сухопутья къ сѣверу отъ Азовскаго моря, т. е. на 450 — 500 верстъ, приблизительная широта степи въ этомъ мѣстѣ и въ наше время.

Такимъ образомъ изученіе Геродота говоритъ намъ не только то, что уже за пять вѣковъ до Р. Х. южная Россія была такою же безлѣсной степью, какъ и нынѣ, но что и предѣлы степи были приблизительно тѣ же, что и нынѣ. Но мы можемъ пойти далѣе и доказать, что такъ же, какъ и теперь, наши степи продолжались по низовьямъ Дуная, шли тамъ, гдѣ теперь лежитъ Добруджа, Молдавія и Валахія: въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія Овидій.

Въ предъидущей главѣ было указано, что существованіе полосы степей обусловливается количествомъ и распредѣленіемъ по временамъ года водяныхъ осадковъ, или, говоря вообще, климатическими данными. Слѣдовательно, еслибы удалось доказать, что за

XXIV столѣтія до нашего времени климатъ въ южной Россіи былъ такой же, какъ и теперь, то тѣмъ самымъ въ свою очередь доказывалось бы существованіе въ ней степей. Превосходныя изслѣдованія г. Веселовскаго не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія. Познакомимся съ ними вкратцѣ.

Выше мною уже было приведено Геродотово описаніе Скиѳской зимы. Намъ оно можетъ показаться положительно преувеличеннымъ послѣ того какъ мы убѣдились въ томъ, что Геродотова Скиѳія наши Новороссійскія степи, но оно и на самомъ дѣлѣ преувеличено. Геродотъ судилъ о климатѣ съ своей исключительно греческой точки зрѣнія. «Нельзя, говоритъ Нейманъ, безъ участія читать, какъ эти дѣти благодатнаго климата простосердечно жалуются на стужу Скиѳскую. Купцы, посѣщавшіе сѣверный берегъ понта Евксинскаго, были изъ Милета, куда NO приноситъ благовонія миртовыхъ рощъ изъ Мессогиса или изъ Аттики, страны маслинъ, или съ любимыхъ солнцемъ острововъ Архипелага; не должно ли было имъ казаться ужаснымъ, когда они въ Скиѳіи встрѣчали зимою рѣки и иногда даже берега морскіе покрытые льдомъ? Какъ могли они не думать, что они тамъ находились на предѣлахъ доступной для человѣческаго обитанія земли? Такимъ образомъ «скиѳскій холодъ» вошелъ у нихъ въ пословицу, какъ у насъ говорятъ о сибирскихъ морозахъ». Припомнимъ, какіе ужасы разсказывалъ Овидій о мѣстѣ своей ссылки—Гетской пустынѣ, прилегающей къ устьямъ Дуная, и для насъ станетъ совершенно понятно, откуда они берутся.

Болѣе точный Страбонъ говоритъ уже о Скиѳіи, что она весьма холодна, но прибавляетъ также и то, что жары въ этой странѣ очень сильны. «Это извѣстіе, говоритъ г. Веселовскій, для насъ очень любопытно; перенесите и теперь Грека изъ Цанте или Аѳинъ, гдѣ во время нашей зимы зеленѣютъ рощи лавра и миртъ, и гдѣ жаръ лѣта умѣряется вліяніемъ моря,—перенесите его въ степи Екатеринославскія или Херсонскія: онъ точно также будетъ жаловаться на холодъ зимы и на жаръ лѣта. Слѣдовательно, и за 18 столѣтій до нашего времени климатъ степей также отличался крайностями температуры зимы и лѣта, какъ и нынѣ».

Если затѣмъ мы напомнимъ свидѣтельство Ѳеофраста и Плинія о томъ, что въ Пантикапеѣ (между нынѣшними Керчью

и Еникале), странѣ совершенно открытой дѣйствію сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, «превосходно растутъ не только яблоки и груши отличныхъ качествъ, но и болѣе нѣжные гранаты и фиги»; что «по свидѣтельству Страбона, виноградъ не растетъ въ странахъ, прилегающихъ къ среднему теченію Борисѳена, или по крайней мѣрѣ не приноситъ плодовъ; южнѣе же, какъ по берегу Чернаго моря, такъ и въ Воспорѣ, онъ хотя и дозрѣваетъ, но даетъ мелкія ягоды, а зимою должно лозы укрывать землею, какъ это и теперь дѣлается по Альмѣ и Качѣ»; что «изъ сравненія винодѣльныхъ странъ Европы оказывается, что для добыванія въ большомъ видѣ порядочнаго вина, необходимо чтобы не только средняя температура года была не ниже 7° Р., а зимы не ниже 0°,8 или 1°,2, но въ особенности, чтобы лѣто имѣло не менѣе 15° Р.», тогда какъ средняя температура года для Симферополя 8,0 и для Севастополя 9,3, зимы для Симферополя 0,7 и для Севастополя 1,8, а лѣта для Симферополя 15,7 и для Севастополя 17,0 — тогда нельзя не согласиться съ г. Веселовскимъ, что въ описаніи Страбона мы «имѣемъ страны, весьма недалекія отъ крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ области винодѣлія» и что «еслибы во времена Страбона, за 18 столѣтій предъ симъ, климатъ былъ въ этихъ странахъ хоть нѣсколько суровѣе, то винодѣліе было бы въ то время уже невозможно», другими словами, что климатъ нашихъ степей въ историческія времена не измѣнился хоть сколько-нибудь въ термическомъ отношеніи.

Сказаннаго, я полагаю, достаточно, чтобы убѣдить всѣхъ непредубѣжденныхъ въ томъ, что съ V в. до Р. Х. наши южныя степи были такими же степями, какъ и нынѣ, но я позволю себѣ прибавить еще нѣсколько словъ въ виду того, что существуетъ довольно большая партія защитниковъ того, что степи нѣкогда были покрыты лѣсами. Лица, принадлежащія къ этой партіи, ссылаются обыкновенно на то, что литературными данными можно доказать существованіе въ нашихъ степяхъ въ историческое время бо́льшаго количества лѣса, чѣмъ теперь. Такъ напр. г. Богдановъ приводитъ указанія на это Д. Струкова, Г. Карелина, О. Баума, Краснова и др. Но здѣсь невѣрна постановка вопроса: не въ томъ дѣло, были ли наши степи въ прежнее время богаче лѣсомъ, чѣмъ нынѣ,—противъ этого говорить нечего, а въ томъ: настоль-

ко ли преобладалъ въ нихъ лѣсъ надъ безлѣсной мѣстностью, чтобы онѣ не имѣли права называться степями. Позволю себѣ здѣсь еще разъ привести слова г. Веселовскаго: «если съ словомъ степь, говоритъ онъ, соединить опредѣленный въ физическомъ смыслѣ характеръ земной поверхности, то подъ этимъ названіемъ должно разумѣть мѣстности *вообще* ровныя, безводныя и безлѣсныя. Это не значитъ, чтобы среди степей не было уже рѣшительно ни сколько ни лѣсовъ, ни холмистыхъ кряжей, ни водныхъ токовъ. Даже среди степей Сахары есть оазисы, гдѣ есть и вода и лѣсная растительность; тѣмъ болѣе это же должно сказать о степяхъ Новороссійскихъ, Заволжскихъ, Киргизскихъ и Сибирскихъ; но не смотря на существующіе здѣсь мѣстами оазисы лѣсовъ или рощи, и водные токи, *главный*, *преобладающій* характеръ земной поверхности есть все-таки безлѣсіе и безводность, вслѣдствіе которыхъ и дается краю названіе степей *).

«Точно также на сѣверѣ безлѣсныя пространства называются *тундрою*, вслѣдствіе преобладающаго характера мѣстности, не смотря на то, что, какъ весьма хорошо изобразилъ А. Шренкъ въ своемъ путешествіи по сѣверо-востоку Европейской Россіи, лѣсъ по берегамъ рѣкъ весьма далеко вторгается въ область тундръ, или тундры далеко заходятъ въ область лѣсовъ—по равнинамъ, разстилающимся между рѣками. Нахожденіе среди степи болѣе или менѣе незначительнаго лѣснаго участка не можетъ служить препятствіемъ къ наименованію края степью, точно также, какъ болѣе или менѣе обширные безлѣсные участки среди области лѣсовъ средней Россіи никто не назоветъ степями. Здѣсь все рѣшаетъ преобладающій характеръ мѣстности.»

Г. Богдановъ не знаетъ, почему не допустить, что наши степи были прежде лѣсною мѣстностью. «Какая бы собственно естественная причина, спрашиваетъ онъ, могла помѣшать поселенію и развитію лѣсной растительности въ черноземной степи? *Въ природѣ мы не знаемъ такой причины.* Лѣсъ и степь перемежаются

*) По свидѣтельству г. Бекетова (*Гризебахъ*. Растительность земнаго шара, Т. I, стр. 562), степные жители Россіи называютъ „степью безлѣсную равнину настолько высокую, что она не можетъ быть заливаема весенними водами; рощи, отдѣльныя деревья и холмы, постепенно и незамѣтно подымающіеся, не нарушаютъ этого представленія“.

очень часто на небольшихъ пространствахъ. Фактъ лѣсистости скатовъ, и вообще волнистой почвы, и развитіе степи преимущественно на ровныхъ мѣстахъ стоитъ совершенной загадкой и можетъ быть при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ окажется явленіемъ случайнымъ и малозначущимъ». Въ прошлой главѣ я уже указалъ на то, чѣмъ объясняется существованіе нашей степной полосы, теперь же еще разъ скажу: степи не есть явленіе случайное, какъ и вообще въ природѣ нѣтъ ничего случайнаго, и развитіе ихъ загадки не составляетъ, о немъ можно найти необходимыя свѣдѣнія въ любой физической географіи.

Оставя на время въ сторонѣ степную полосу, попробуемъ на основаніи тѣхъ же историческихъ данныхъ, которыми доказано безлѣсіе степей втеченіе всего историческаго періода, возстановить видъ страны, лежащей къ сѣверу отъ полосы степей. Теперь эта полоса въ своей южной части занята мѣстностью смѣшанною: луга, пахатное поле и островные лѣса чередуются здѣсь другъ съ другомъ; сѣверная часть этой полосы (если отбросить крайній сѣверъ—тундру), алаунская возвышенность и минскія высоты покрыты еще почти сплошнымъ глухимъ лѣсомъ. Но коренной ли это видъ страны?

«Уже на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи, говоритъ г. Майковъ, находимъ мы извѣстія о лѣсахъ въ предѣлахъ древней Руси. Разсказавъ объ основаніи Кіева тремя братьями на трехъ горахъ на правомъ песчаномъ берегу Днѣпра, лѣтопись прибавляетъ: «Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь». Нѣсколько ниже это извѣстіе дополняется еще слѣдующимъ: «По смерти братьѣ сея..... наидоша я (Полянъ) Козарѣ сѣдящая на горахъ въ лѣсѣхъ». Извѣстія эти, однако, какъ показываетъ ихъ смыслъ, свидѣтельствуютъ о фактѣ изъ времени минувшаго по отношенію къ эпохѣ лѣтописца. Если лѣтописецъ—Кіевлянинъ, писавшій преимущественно для Кіевлянъ и потому нерѣдко указывавшій на общеизвѣстныя согражданамъ урочища и зданія кіевскія, счелъ нужнымъ прибавить, что родной городъ былъ нѣкогда основанъ среди великаго бора, то очевидно, бора этого не существовало, или по крайней мѣрѣ, онъ былъ гораздо меньше въ концѣ XI вѣка. Что касается извѣстій XII вѣка о лозахъ на болоньи у ручья Сѣтомля, по дорогѣ изъ Кіева въ Выш-

городъ «противу Дорогижичю», то здѣсь разумѣется не лѣсъ, а низменные сѣнокосные луга. Впрочемъ, это не устраняетъ возможности существованія лѣсовъ около Кіева, какъ на то указываетъ названіе урочища *Борокъ* на пути отъ Кіева къ Треполю.

«Если нѣкогда были лѣса даже въ окрестностяхъ главнаго города Полянъ, то относительно существованія лѣсовъ въ областяхъ тѣхъ племенъ славянскихъ, о которыхъ и сама лѣтопись говоритъ, что они «живяху въ лѣсѣ», уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Таковы были, на правомъ берегу Днѣпра, Древляне, самое названіе которыхъ, по мнѣнію лѣтописца, происходитъ отъ лѣсовъ ихъ родины. Дѣйствительно, извѣстія лѣтописей XII и XIII вѣковъ, помѣщаютъ въ ихъ области *Чертовъ лѣсъ*, который, по опредѣленію г. Барсова, «тянулся на востокъ отъ Случи до рѣки Уши». Здѣсь на песчаныхъ сѣверо-восточныхъ склонахъ Авратынской возвышенности до сихъ поръ находится сплошной, едва проходимый лѣсъ. Еще менѣе проходимъ онъ былъ вѣроятно въ древности, и потому лѣтопись, подъ 1234 г., отмѣчаетъ, какъ рѣдкій случай, намѣреніе князя Галицкаго Даніила Романовича «изыти домови (изъ Кіева) лѣсною стороною.» Такой путь былъ возможенъ здѣсь только по р. Ушѣ, тогда какъ обыкновенный путь изъ Кіева на Волынь и Галичь шелъ южнѣе, внѣ лѣснаго пространства. Въ настоящее время не сохранилось названіе Чертова лѣса, но оно, кажется, правильно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣсъ находился на рубежѣ земель Полянской, Древлянской и Дряговичской, или позднѣйшихъ—Волынской и Кіевской.

«Лѣтописи представляютъ весьма мало извѣстій о распространеніи лѣсовъ на западъ отъ Древлянской земли, въ область Волынскую; но вмѣсто того, нѣкоторыя указанія мы находимъ въ древней географической номенклатурѣ этого края; названія древнихъ городовъ: *Дубенъ*, на р. Иквѣ, *Дубровица*, на лѣвомъ берегу Горыни, и *Берестій*, на правомъ берегу Западнаго Буга, свидѣтельствуютъ, что эти поселенія возникли въ лѣсной мѣстности. Сличеніе этихъ данныхъ съ современнымъ распредѣленіемъ лѣсовъ въ этомъ краѣ подтверждаетъ эту догадку: отъ той мѣстности, гдѣ находился Чертовъ лѣсъ, по сѣверному склону Авратынской возвышенности лѣса понынѣ простираются непрерывною цѣпью именно до Дубна; болѣе же къ сѣверу двѣ группы лѣсовъ, одна

у Дубровицы, а другая близъ Берестья, помѣстились по краямъ верхне-Припетской болотистой низменности.

«Также трудно извлечь изъ лѣтописи какія-либо данныя о лѣсахъ въ области Дреговичей; только въ названіи одной изъ важнѣйшихъ рѣкъ этого края—*Березины*, да въ названіи самого племени скрывается указаніе на географическую характеристику его области. Слово *дрягва* на бѣлорусскомъ нарѣчіи значитъ топь, трясина; такимъ образомъ, племенное названіе Дреговичей означаетъ жителей болотистой мѣстности, и дѣйствительно, край, гдѣ они жили, по сказанію начальной лѣтописи, обилуетъ топкими, покрытыми лѣсною порослью, болотами; этой отличительной особенности земли Дреговичей соотвѣтствуетъ и нынѣшнее названіе этого края—*Полѣсье*, которое, впрочемъ, встрѣчается еще въ XIII вѣкѣ.

«Области всѣхъ племенъ болѣе восточныхъ, чѣмъ перечисленныя доселѣ, а именно—Радимичей, Кривичей, Сѣверянъ и Вятичей, лѣтопись изображаетъ одинаково покрытыми лѣсомъ. Такое представленіе, съ точки зрѣнія приднѣпровскаго жителя, объясняетъ намъ то названіе *Залѣсья*, которое въ древности придавалось сѣверо-восточной и сѣверной Руси въ противоположность Руси западной и южной. Извѣстія, сообщаемыя Кіевскимъ лѣтописцемъ, какъ мы уже знаемъ, подтверждаются въ общихъ чертахъ современнымъ распредѣленіемъ лѣсовъ въ этомъ обширнѣйшемъ краѣ. Но, съ другой стороны, они должны быть принимаемы съ извѣстными ограниченіями, на которыя мы и укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

«Въ изложеніи понятій лѣтописи объ устройствѣ поверхности восточно-европейской равнины г. Барсовъ справедливо указалъ, что лѣтописецъ очень мѣтко обозначилъ ея центральное плоскогорье, назвавъ его *Оковскимъ* лѣсомъ. Соединяя, такимъ образомъ, въ одномъ названіи понятія о лѣсѣ и о горной возвышенности, начальный лѣтописецъ дѣйствительно обозначилъ едва ли не самую характеристическую особенность древне-русской государственной области: во всей нечерноземной полосѣ ея лѣса располагаются на болѣе возвышенныхъ частяхъ поверхности; какъ рядъ холмовъ связываетъ центральное плоскогорье съ естественными границами равнины—съ Карпатами, съ Ураломъ и съ Олонецкими горами, такъ и лѣса тянутся съ этого плоскогорья почти непрерывною

цѣпью—на западъ, по теченію Двины, пока влѣво отъ нея не достигаютъ Пинскихъ болотъ,—на югъ, по обоимъ берегамъ Днѣпра,—на сѣверъ, гдѣ теряются въ тундрахъ,—и на востокъ, гдѣ образуютъ еще болѣе густыя массы на склонахъ Урала. Обозрѣвая, въ своемъ изслѣдованіи, мѣстность Оковскаго лѣса, г. Барсовъ собралъ много данныхъ изъ географической номенклатуры этого края; самое названіе лѣса, при посредствѣ варіантовъ: Боковскій, Волоковскій, онъ приводитъ въ связь съ названіемъ того волока, который отдѣлялъ Балтійскій и Черноморскій бассейны отъ бассейна Бѣлаго моря. Это сближеніе значительно расширяетъ область Оковскаго лѣса противъ того, какъ она означена въ лѣтописи, въ предѣлы области Новгородскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ нею Веси и Чуди; но нельзя, однако, считать его неосновательнымъ, такъ какъ оно подтверждается и современными, и прежними, исторически извѣстными географическими условіями этого обильнаго лѣсами края. Впрочемъ, еслибы даже мнѣніе г. Барсова и не было принято, область Оковскаго лѣса въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, какъ дающаго истокъ Западной Двинѣ, Днѣпру и Волгѣ, отчетливо опредѣляется данными мѣстной номенклатуры: еще понынѣ тотъ лѣсъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, изъ котораго вытекаетъ Днѣпръ, называется *Волковыскимъ*: онъ находится въ непосредственной связи съ лѣсами Осташковскаго уѣзда, въ которыхъ берутъ начало Западная Двина и Волга, а на границѣ уѣздовъ Осташковскаго и Ржевскаго, у окраины этихъ лѣсовъ, находится старинное село съ замѣчательнымъ названіемъ—*Оковцы*. Въ этихъ предѣлахъ Оковскій лѣсъ является рубежемъ между землею Смоленскихъ Кривичей и областью Новгородскихъ Славянъ.

«Лѣтопись не сохранила намъ извѣстій о распространеніи, впрочемъ несомнѣнномъ, лѣсовъ по песчанымъ и суглинистымъ побережьямъ Западной Двины въ область Кривичей Полоцкихъ. Напротивъ того, относительно двухъ широкихъ полостей съ такою же почвой къ югу отъ Оковскаго лѣса, образуемыхъ теченіемъ Днѣпра и двухъ его притоковъ съ лѣвой стороны—Сожа и Десны, мы имѣемъ цѣлый рядъ положительныхъ свидѣтельствъ. Уже названіе древняго города Брянска или *Дѣбрянска* на верховьяхъ Десны указываетъ на лѣсной издревле характеръ окрестной мѣстности. Эта дебрь, къ югу отъ Брянска, носила названіе *Бол-*

дыжа лѣса и простиралась внизъ Десны, преимущественно по лѣвому ея берегу, и по притоку съ той же стороны Неругѣ и служила раздѣльною чертою между Сѣверянами и Вятичами. Значительные лѣса до сихъ поръ группируются въ этой мѣстности. Что въ старину лѣса существовали не только на лѣвомъ берегу Десны, но отчасти и вправо отъ нея, на это указываютъ своими названіями лежащіе тамъ нѣсколько къ югу города *Стародубъ* и *Сосница*, упоминаемые въ извѣстіяхъ XI—XIII вѣковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Сосница является уже на границѣ черноземной степи.

«На востокѣ отъ верховьевъ Десны и ея притока Биквы, тамъ, гдѣ приходится водораздѣлъ Десненскихъ водъ отъ верховьевъ Оки, на суглинистыхъ берегахъ р. Брыни, впадающей у деревни Дубровки въ притокъ Оки Жиздру, должно искать прославленныхъ народнымъ преданіемъ дремучихъ лѣсовъ *Брынскихъ*. Лѣтопись хоть и знаетъ здѣшнюю мѣстность и даже упоминаетъ рѣку Брынь, ничего, однако, не говоритъ о лѣсахъ, на ней расположенныхъ; тѣмъ не менѣе свидѣтельство нашего эпоса положительно и притомъ находитъ себѣ подтвержденіе въ чрезвычайной лѣсистости Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи, а потому и должно быть принято во вниманіе. Находясь на водораздѣлѣ между системами Днѣпра и Оки, Брынскіе лѣса служили порубежною чертою между Смоленскими Кривичами и Вятичами, тогда какъ простиравшаяся на юго-востокъ отъ нихъ Вятская земля находилась уже въ области чернозема. Судя по названію города Боровска, который упоминается только въ XIV вѣкѣ, но какъ уже ранѣе того основанный, а равно по именамъ нѣкоторыхъ древнихъ Московскихъ урочищъ, въ коихъ нерѣдко слышно слово *боръ*, можно догадываться, что цѣпь лѣсовъ, распространяясь отъ устьевъ Брыни на сѣверо-востокъ по теченію Оки, пересѣкала послѣднюю выше впаденія въ нее Угры, и минуя верховья Протвы (гдѣ стоитъ Боровскъ), Нары (по свидѣтельству Н. А. Сѣверцова, Нара была лѣсиста отъ Ѳоминскаго почти до Серпухова въ пятидесятыхъ г. г.) и Москвы рѣки, охватывала верхнее теченіе Клязьмы. Слѣды такого распредѣленія лѣсовъ въ этой мѣстности, гдѣ суглинокъ и изрѣдка глина составляютъ главный элементъ почвы, можно и до сихъ поръ видѣть въ восточныхъ уѣздахъ Калужской губерніи и въ уѣздахъ Верейскомъ, Звенигородскомъ, Клинскомъ, Дмитров-

скомъ и Богородскомъ губерніи Московской. По извѣстію о томъ, что преп. Сергій основалъ Троицкую обитель въ глухихъ дебряхъ, можно заключить, что означенные лѣса отъ праваго берега Клязьмы распространялись къ сѣверу, а названіе р. *Дубны*, впадающей въ Волгу невдалекѣ отъ верхняго теченія Клязьмы, и старинной волости того имени указываетъ, что цѣпь лѣсовъ приближалась и къ побережью Волги ниже впаденія Мологи и Шексны. Къ сѣверо-востоку отъ р. Дубны значительные лѣса существуютъ до сихъ поръ на сѣверо-западномъ берегу Переяславскаго озера. Прямо къ сѣверу отсюда, въ серединѣ полуострова, образуемаго крутымъ изгибомъ Волги и р. Которостью, находится хорошо извѣстный лѣтописямъ XII—XIII вѣковъ *Ширенскій* лѣсъ, гдѣ въ 1238 г., послѣ Ситскаго побоища, погибъ князь Василько Ростовскій. Подъ тѣмъ же названіемъ существуетъ этотъ лѣсъ и понынѣ. По теченію Клязьмы до окрестностей Владиміра и далѣе къ востоку и юго-востоку до побережья Оки между Муромомъ и Рязанью также простирался обширный лѣсъ, какъ о томъ можно судить по названію Переяславля и Владиміра *Замъсскими* городами, и особенно по имени древняго города *Стародуба* Ряпеловскаго на Клязьмѣ (въ 12-ти верстахъ ниже города Коврова). Народный эпосъ нашъ, съ своей стороны, также знаетъ обширные лѣса *Муромскіе*. Весьма замѣтные остатки этой лѣсной полосы существуютъ здѣсь понынѣ по суглинистымъ берегамъ Клязьмы и въ песчано-болотистомъ пространствѣ между Клязьмой и Окою.

«Лѣса здѣшніе тѣмъ болѣе должны были обращать на себя вниманіе древнихъ славянскихъ насельниковъ этого первоначально Финскаго края, что за предѣлами этихъ дебрей находилось довольно значительное пространство земли, издревле безлѣсное и открытое, которое, быть можетъ, напоминало пришельцамъ съ юга степи ихъ родины. Безлѣсіе этихъ мѣстъ неопровержимо засвидѣтельствовано данными географической номенклатуры: здѣсь, преимущественно на лѣвомъ берегу р. Колокши, встрѣчаются едва ли не единственныя на всемъ сѣверо-востокѣ древней Руси древнія названія: Белехово *поле*, Юрьевское *поле*, Юрьевъ *польскій*. Донынѣ здѣшній край, на протяженіи отъ Юрьева почти до Владиміра, слыветъ въ народѣ подъ названіемъ *Опольщины*; лѣсовъ здѣсь очень мало, а волнообразная, перерѣзанная крутыми

оврагами поверхность этой площади имѣетъ очень плодородную черноземную почву: это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ несомнѣннымъ фактъ древней безлѣсности этого края. Другая подобная же мѣстность, но гораздо меньшихъ размѣровъ, находилась къ сѣверо-западу отъ Опольщины, за Ширенскимъ лѣсомъ, на берегу Волги; объ этомъ свидѣтельствуетъ древнее названіе города Углича—Углече *поле* и то обстоятельство, что въ южныхъ окрестностяхъ этого города находятся небольшіе клочки черноземной почвы.

«Лѣтописи наши не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о древнихъ географическихъ условіяхъ края вправо отъ Оки, между Муромомъ и Рязанью, и мы принуждены искать о немъ извѣстій въ другихъ источникахъ. На означенномъ протяженіи Оки въ нее впадаетъ, въ прямомъ направленіи съ юга, р. Мокша. Область этой рѣки была занята въ древности народомъ Буртасами, главный промыселъ которыхъ, по сказанію арабскихъ писателей, составляло звѣроловство; промыселъ этотъ указываетъ на существованіе значительныхъ лѣсовъ въ землѣ Буртасской. Если мы взглянемъ на современное распредѣленіе лѣсовъ въ этой мѣстности, то увидимъ, что они, подъ названіемъ Мокшанскихъ, тянутся сплошною массою по правому песчаноглинистому берегу Мокши, переходятъ на лѣвый берегъ ея при впаденіи въ нее Цны, а послѣ впаденія самой Мокши въ Оку, такою же густою массою простираются по правому песчаному берегу этой послѣдней до Мурома, въ виду котораго носятъ названіе Рожнова бора».

Прибавимъ къ этому, что со времени генеральнаго межеванія, которое было произведено въ періодъ между 1774 и 1798 годами, приблизительно уменьшеніе пространства лѣсовъ совершилось въ такихъ размѣрахъ: въ губ. Новгородской и Псковской на 11%, въ Петербургской на 34%, въ Могилевской на 36%, во Владимірской на 3, 5%, въ Московской на 13%, въ Смоленской на 29%, въ Ярославской на 35%, въ Тверской на 46%, въ Орловской на 22%, въ Рязанской на 33% и т. д., и мы увидимъ, что историческія и статистическія данныя подтверждаютъ собою выводъ, сдѣланный на основаніи зоогеографическихъ изысканій: область тайги даже въ историческое время была гораздо обширнѣе и бо́льшая часть нынѣшней полосы островныхъ лѣсовъ представляетъ собою только расчищенную тайгу, отъ которой однако

сохранился клинъ съ характерной таежной фауной, протянувшійся черезъ полосу островныхъ лѣсовъ по Алаунской возвышенности и Минскимъ высотамъ.

Резюмируя вкратцѣ все сказанное до сихъ поръ, легко видѣть, что втеченіе всего историческаго періода Европ. Россія подраздѣлялась на тѣ же полосы, которыя мы можемъ наблюдать въ ней теперь, только полоса островныхъ лѣсовъ была нѣсколько иною по своему протяженію: она была уже, была естественною пограничною полосою между полосами тайги и степи. Позднѣе топоръ и соха земледѣльца раздвинули полосу островныхъ лѣсовъ далѣе къ сѣверу на счетъ тайги и тѣмъ самымъ почти совсѣмъ вытѣснили таежную фауну изъ расчищенной тайги. Но мѣстами эта фауна еще удѣлѣла по большимъ лѣснымъ островамъ сѣверной части нынѣшней полосы островныхъ лѣсовъ. Что касается степей, то, не считая немногихъ вырубленныхъ въ послѣднее время лѣсныхъ участковъ, онѣ втеченіе всего историческаго періода были тѣ же, что нынѣ, и по своему виду и по своимъ предѣламъ, а отсюда понятно и ихъ историческое значеніе большой дороги для кочевыхъ народовъ Азіи и ю.-в. Россіи. Сѣверъ Европ. Россіи, исключая тундры, втеченіе всего историческаго періода съ полнымъ правомъ могъ назваться лѣсною страной.

Здѣсь намъ приходится оставить почву исторіи и спуститься въ глубь временъ доисторическихъ, еще менѣе богатыхъ свидѣтельствами, чѣмъ предшествовавшій намъ историческій періодъ. Возстановленіе характера мѣстности въ доисторическій періодъ, конечно, еще труднѣе и произвольнѣе, но при соблюденіи должной осторожности въ обобщеніяхъ и выводахъ онъ все-таки можетъ дать важные результаты. Попробуемъ же отвѣтить на вопросъ, что представляла собою Россійская низменность въ позднѣйшій доисторическій періодъ, какъ отвѣтили мы на вопросъ чѣмъ была она въ историческій періодъ.

Что касается сѣвера, то свѣдѣнія о немъ скудны и отрывочны. Все, что мы можемъ сказать о видѣ страны, занятой нынѣ полосой тайги въ позднѣйшій доисторическій періодъ, это слѣдующее: дремучій смѣшанный лѣсъ, мѣстами съ несомнѣннымъ преобладаніемъ лиственной растительности, покрывалъ собою болотистую почву сѣверной Россіи. Кое-гдѣ среди этой

лѣсной страны, у рѣкъ и озеръ, ютились поселенія первобытнаго человѣка, который охотился въ этихъ лѣсахъ за четвероногою дичью, въ рѣкахъ и озерахъ ловилъ рыбу, и все это съ помощію орудій и оружія, сдѣланнаго изъ камня. По предположенію г. Иностранцева («Вѣстникъ Европы», май 1880 г.) человѣкъ каменнаго вѣка, остатки котораго найдены у Ладожскаго озера, можетъ быть поставленъ почти рядомъ (нѣсколько ранѣе) съ человѣкомъ кучь кухоннаго сора Даніи, а это служитъ указаніемъ на то, что уже въ то отдаленное время глухіе лѣса распространялись по большей части сѣверной и средней Европы. Составъ лѣсной растительности, конечно, подвергался измѣненію, но повидимому въ центральной Европѣ и въ сѣверной Россіи эти измѣненія совершались различно: такъ, судя по торфяникамъ Даніи, въ этой странѣ сначала преобладала сосна лѣсная, потомъ дубъ и, наконецъ, букъ; у насъ, судя по открытіямъ, сдѣланнымъ при прорытіи новаго Сясскаго канала, дубъ въ каменный періодъ шелъ гораздо далѣе къ сѣверу, чѣмъ нынѣ, когда его мѣсто заняла тамъ сосна и ель. Изъ высшихъ животныхъ, несомнѣнно существовавшихъ одновременно съ человѣкомъ каменнаго вѣка, въ Россіи можно отмѣтить тюленя, лося, соболя, куницу, кабана, медвѣдя, дикаго быка (Bos primigenius), бобра, волка, хорька, водяную крысу, оленя, зайца бѣляка, выдру, лисицу, утокъ, глухаря, беркута, чайку и бѣлую куропатку изъ дикихъ, и собаку изъ домашнихъ; остатки позвоночныхъ, добытые въ торфяникахъ Даніи, принадлежатъ дикому быку, бобру, тюленю, лани, косулѣ, рыси, лисицѣ, волку и собакѣ изъ звѣрей, и короткокрылому чистику (Alca impennis, недавно вымершему), глухарю и дикому лебедю изъ птицъ. Какъ далеко спускались лѣса на югъ,—опредѣлить нѣтъ возможности, но, судя по ископаемымъ остаткамъ, въ этотъ позднѣйшій послѣ-ледниковый періодъ лѣсные острова уже были разбросаны въ полосѣ степи, у рѣкъ, болотъ и озеръ. Изъ лѣсовъ сѣвера и другихъ большихъ лѣсныхъ участковъ, какіе напр. покрывали склоны и подножія горъ, лѣсныя животныя забѣгали въ лѣсные острова, какъ забѣгаютъ они туда нынѣ, и здѣсь, умирая, оставляли свои кости, которыя мы теперь находимъ въ аллювіальныхъ (это по свидѣт. старыхъ авторовъ, вѣроятнѣе: аллювіальныхъ) отложеніяхъ, иногда перемѣшанными съ костями степ-

ныхъ животныхъ. Ursus spelaeus, Canis lupus spelaeus, Mustela martes fossilis, Castor spelaeus, Bos primigenius, B. priscus, Alces leptocephalus, Pusch., Alces resupinatus, Fisch. и др., Cervus eurycerus, C. elaphus, C. capreolus fossilis, C. tarandus *), Rhinoceros tichorhinus, Elephas primigenius **) и др.—вотъ представители лѣсной фауны Европ. Россіи въ послѣ-ледниковую эпоху, предшествующую каменному вѣку, до котораго однако нѣкоторое изъ нихъ не только несомнѣнно дожили, но который даже и пережили.

Что касается степи, то въ этомъ случаѣ прежде всего мнѣ приходится сослаться на хорошо всѣмъ извѣстный фактъ—отсутствіе бѣлки въ лѣсахъ Крымскихъ горъ, во вторыхъ—на нахожденіе въ пещерахъ сѣвернаго берега Чернаго моря вмѣстѣ съ черепами вымершихъ видовъ остатковъ сайги, распространеніе которой на западъ даже въ позднѣйшее историческое время было гораздо шире нынѣшняго и существованіе которой внѣ степей немыслимо. Кромѣ того въ дилювіальныхъ (опять таки по свидѣт. старыхъ авторовъ) и лёсовыхъ отложеніяхъ южной Россіи найдена масса остатковъ несомнѣнно степныхъ животныхъ: Spermophilus fossilis ponticus, Nordm., Arvicola sp., Spalax diluvii, Nordm., Equus caballus fossilis, Cuv., Eq. asinus fossilis major et minor, Camelus sp. и др. Исходя изъ этихъ фактовъ, я не колеблясь говорю, что съ того времени какъ площадь нынѣшняго Европейско-Азіатскаго материка приняла свои современныя очертанія та часть ея, которая нынѣ занята полосою степи, была такою и прежде. Приблизительно это должно было начаться съ осушенія площади южной Россіи при концѣ ледниковаго періода и продолжать-

---

*) О соврем. и прошломъ распространеніи сѣв. оленя, лося, дикаго быка и зубра см. особенно статьи Ак. *Брандта* „Zoogeographische und palaeontologische Beiträge". S.-Pet. b. 1867, его же „Beiträge zur Naturgeschichte des Elens". 1870, статью проф. *Рулье* „Etudes paléontologiques sur les environs de Moscou". 1847 г. и монографію „Зубръ" (Москва. 1865 г.) проф. *Усова*.

**) По Докучаеву (Способы образованія рѣчныхъ долинъ, стр. 118) кости El. primig., Rh. tichorh. и пр. находятся только въ послѣ-ледниковомъ аллювіѣ—указаніе важное, такъ какъ многіе авторы ошибочно относятъ эти находки къ болѣе раннимъ пластамъ.

ся при послѣдовательномъ осушеніи великаго средиземно-морскаго бассейна, остатки котораго составляютъ нынѣ моря Черное, Каспійское и Аральское, и которое въ пліоценовый періодъ занимало всю внутреннюю Азію, кромѣ горныхъ хребтовъ. Г. Богдановъ, который до сего времени былъ единственнымъ зоологомъ, высказавшимся по предмету объясненія прошлаго южной полосы Европ. Россіи, утверждаетъ, что «въ эпоху общаго погруженія страны (въ ледниковый періодъ) черноземная полоса не была залита моремъ», что «черноземная суша той эпохи реставрируется въ видѣ болѣе или менѣе широкаго перешейка, протянувшагося съ юго-запада отъ Карпатовъ къ Уралу». Затѣмъ г. Богдановъ пытается доказать, что эта черноземная полоса была *скорѣе лѣсистою*, чѣмъ степною, и по окончаніи ледниковаго періода послужила *центромъ* распространенія для животныхъ Россійской низменности. Противъ этого можно представить нѣсколько такихъ возраженій, которыя обойти нѣтъ возможности. Начать съ того, что г. Докучаевымъ доказано, что существованіе чернозема въ южной и юго-восточной Россіи объясняется гидрографическими и орографическими условіями и что въ образованіи его лѣсъ участія не принималъ (послѣднее отстаивалось многими: г. Рупрехтомъ, г. Майковымъ и др.). Вовторыхъ, присутствіе чернозема *на* дилювіальныхъ пластахъ доказываетъ, что *съ конца ледниковаго періода прошло достаточно времени для образованія чернозема, другими словами: мы не имѣемъ никакого основанія считать полосу чернозема болѣе древнею по происхожденію, чѣмъ центральная и сѣверная Россія.* Залеганіе валуновъ *подъ* черноземомъ несомнѣнно доказываетъ, что во время ледниковаго періода полоса чернозема въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ не существовала. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что возстановить сушу Европ. Россіи, существовавшую втеченіе ледниковаго періода, можно только послѣ тщательнаго опредѣленія мѣстонахожденій валуновъ, до того же времени всѣ возстановленія болѣе или менѣе будутъ гадательными; но основываясь не только на геологическихъ, но и на зоогеографическихъ данныхъ *съ извѣстной долей вѣроятія*, мнѣ кажется, можно возстановить Европ. Россію и теперь. При этомъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что распространеніе байбака и представителей р. Lagomys, которому г. Богдановъ придаетъ такое боль-

шое значеніе, въ сущности ничего не даетъ: изслѣдованія Либе и Неринга *) показали, что въ дилювіи (?) Тюрингіи, а также подъ Эппельсгеймомъ, Кведлинбургомъ, Герою, въ лёсовыхъ отложеніяхъ между Магдебургомъ и Гальберштатомъ и пр. во множествѣ находятся остатки сурка, занимающаго промежуточное мѣсто между альпійскимъ суркомъ и байбакомъ, остатки сусликовъ (Spermophilus sp. близкій къ Sp. altaicus), земляныхъ зайцевъ (Alactaga jaculus) и пищухъ (Lagomys); изъ этого слѣдуетъ, что альпійскій сурокъ выдѣлился какъ самостоятельная форма изъ общаго прародителя его и байбака, вѣроятно вслѣдствіе приспособленія къ иному мѣстонахожденію, послѣ того какъ лѣсъ занялъ мѣсто степи въ западной Европѣ. Въ это же время, прежде чѣмъ сузилась граница тогдашней степи, могло произойти и разселеніе байбака и другихъ степныхъ животныхъ (Spermoph., Alactaga, Lagomys) по всей степной полосѣ (отъ средней Европы до Манчжуріи включительно). Но тогдашняя степь была не одно и то же съ нынѣшней степной полосой, это была, такъ-сказать, полоса переходная: она была и тамъ, гдѣ потомъ при тѣхъ же климатическихъ условіяхъ развился лѣсъ, но гдѣ его не было нѣкоторое время вслѣдствіе того, что его т.-сказ. опередила въ развитіи травяная растительность со своимъ короткимъ жизненнымъ циклomъ. За остатки этихъ травянистыхъ равнинъ центральной Европы я склоненъ считать т.-наз. *марши*. Позднѣе развитіе лѣсной растительности должно было разорвать сплошную область распространенія байбака и другихъ степныхъ животныхъ, которая въ такомъ видѣ и является теперь **). Слѣдовательно, распространеніе байбака, сусликовъ, пищухъ и пр. еще нисколько не говоритъ за то, что въ отдаленную *до-ледниковую* эпоху вся Европ. Россія,

*) *K. Th. Liebe*. Das diluviale Murmelthier Ostthüringens und seine Beziehungen zum Bobak und zur Marmotte. Der. Zool. Garten, 1878, № 2.—*Alfr. Nehring*. Ueber lebende und fossile Ziesel. Der Zool. Garten, 1878, № 9.

**) Подтвержденіе нашему взгляду, что въ послѣ-ледниковую эпоху на мѣстѣ отступившихъ ледниковъ или осушившагося дна моря развилась степная растительность и только потомъ лѣсная, находимъ въ недавно вышедшей статьѣ *Ioh. N. Woldrich*: Diluviale Fauna von Zuzlawitz bei Winterberg im Böhmerwalde. Sitzungsberichte d. Kais. Akad. d. Wissenshaften. LXXXII. Band. I. Heft. 1880. S. 7—64.

Кавказъ и Сибирь, съ Арало-Каспійскимъ краемъ представляли такой же сплошной материкъ, какъ нынѣ, что предполагаетъ г. Богдановъ; распространеніе байбака и другихъ степныхъ животныхъ объясняется условіями *послѣ-ледниковой* эпохи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, исходя изъ распространенія байбака и пищухъ, нельзя дѣлать никакихъ предположеній о томъ, чѣмъ была южная Россія въ ледниковую эпоху. Но есть другія животныя формы, географическое распространеніе которыхъ позволяетъ въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторыя предположенія. Чѣмъ напр. объяснить, что не распространяются на западъ такія формы какъ Melanocorypha leucoptera, tatarica и др., и не переходятъ за Днѣпръ на востокъ Salamandra maculata, Pratincola rubicola и др.? что такъ своеобразна фауна Урала? что Сызранскій уѣздъ имѣетъ такую смѣшанную фауну, какая описана для него г. Богдановымъ? что Карпатская и Трансильванская фауны содержатъ въ себѣ такое множество сѣверныхъ формъ? Не указываетъ ли все это на то, что въ ледниковую эпоху сѣверная фауна отступила на югъ и заняла тѣ участки, которые представляла собою тогда нынѣшняя черноземная полоса и сопредѣльныя съ нею мѣстности? Мнѣ кажется, это единственное возможное предположеніе при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній. Оно объясняетъ намъ какъ существованіе валуновъ во многихъ мѣстностяхъ нашей черноземной полосы, такъ и смѣшанный характеръ фаунъ Карпатскихъ горъ, Сызранскаго уѣзда и Уральскаго хребта. Такимъ образомъ суша Европ. Россіи въ ледниковую эпоху, по моему предположенію, реставрируется въ видѣ трехъ участковъ: 1) подножіе Карпатовъ и Карпаты, 2) участокъ на мѣстѣ нынѣшняго Сызранскаго уѣзда и 3) Уральскій хребетъ, на которомъ ледники были, но далеко не достигали такого развитія, какъ въ Скандинавіи и Финляндіи. Далѣе на востокъ участокъ суши былъ на мѣстѣ восточной части нынѣшней Урало-барабинской области, т.-е. Алтая съ его предгоріями и ихъ подножіемъ.

На послѣднихъ строкахъ мнѣ пришлось оставить свою попытку начертить исторію фауны Европ. Россіи со сколь возможно далекаго прошлаго. Геологическія данныя, относящіяся къ ледниковому періоду, настолько недостаточны, запутаны и порою даже противорѣчивы, что основывать на нихъ что-либо положительное

нѣтъ возможности; напротивъ, надо помочь геологамъ распутать относящуюся сюда путаницу и потому, начиная отсюда, я уже не объясняю прошлое фауны Европ. Россіи геологическими данными, а только пытаюсь согласить шаткія геологическія данныя съ данными зоологической географіи.

Я умышленно говорю «участки суши», а не «острова», потому что при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній по этому вопросу нельзя сказать была ли Европ. Россія въ ледниковую эпоху залита моремъ или представляла собою материкъ, покрытый почти сплошнымъ ледниковымъ покровомъ. Если *за* разнесеніе валуновъ плавающими льдинами говорятъ громкія имена Дарвина, Ляйэлля и другихъ, то *противъ* него говорятъ возстановленіе суши Европ. Россіи въ средній и позднѣйшій третичный періодъ и исключительность фактовъ, на основаніи которыхъ дѣлается выводъ о возможности разнесенія валуновъ льдинами. Какъ зоогеографъ, я не считаю себя въ правѣ рѣшать этотъ чисто геологическій вопросъ, но равнымъ образомъ я не считаю себя и въ правѣ не внести посильную помощь для его разрѣшенія. Помощь же эта выражается въ томъ, что на основаніи зоогеографическихъ данныхъ я готовъ утверждать, что четыре участка въ Европ. Россіи и сопредѣльныхъ съ ней странахъ были центрами, изъ которыхъ позднѣе въ послѣ-ледниковую эпоху совершилось заселеніе Европ. Россіи, т.-е. что четыре участка не были ни покрыты моремъ, ни одѣты ледянымъ покровомъ; и, мало того, я готовъ утверждать, что эти участки впродолженіе ледниковаго періода были совершенно разъединены между собою, хотя въ вопросѣ о значеніи этихъ участковъ какъ центровъ рѣшительно все равно—разъединяло ли ихъ море или море и ледники. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно доказать это, сравнивши значеніе названныхъ участковъ какъ центровъ при томъ и другомъ допущеніи. Начну съ предположенія, что участки эти раздѣлялись моремъ, т.-е. были островами, какъ съ допущенія болѣе распространеннаго.

Гдѣ кончалось эрратическое море на югѣ—рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ южная граница валуновъ не можетъ совпадать съ южной границей эрратическаго моря; она указываетъ только ту грань, за которую ледяныя глыбы не могли переходить и тая теряли свой грузъ. Граница же эта по новѣйшимъ изслѣдованіямъ

идетъ ломаной линіей черезъ слѣдующія мѣстности: «сѣверные склоны (до высоты 700 ф.) Галиційско-Подольскаго плато (Барботъ-де-Марни), сѣверную границу Херсонской и Екатеринославской губерній (Ѳеофилактовъ), и южную Воронежской и Курской (Борисякъ), р. Медвѣдицу (Борисякъ и Сянцовъ), Сердобскъ (Пахтъ), Пензу, Ардатовъ и западную границу Казанской губ. (Вангенгеймъ фонъ-Кваленъ)» (Картографія русскихъ почвъ. Спб. 1879, примѣч. на стр. 90). До р. Медвѣдицы на в. эрратическое море посредствомъ широкой соединительной вѣтви, которая омывала ю.-в., вост. и отчасти сѣверную окраины Карпатскаго округа, и ю.-з. и з. побережье Сызранскаго, по моему предположенію соединялось съ остаткомъ пліоценоваго бассейна—Понто-Каспійско-Аральскимъ моремъ. На мѣстѣ нынѣшняго Сызранскаго уѣзда оставался островъ, южная и сѣверная границы котораго не могутъ быть пока указаны съ точностью, но который на востокѣ ограничивался проливомъ, соединяющимъ тотъ же Понто-Каспійско-Аральскій бассейнъ съ эрратическимъ моремъ на пространствѣ между предгоріями нынѣшняго Урала и средней Волгой. Въ эрратическомъ морѣ ледники языками спускались на югъ очень далеко, во всякомъ случаѣ гораздо далѣе, чѣмъ то показано на картѣ г. Габенихта, такъ какъ слѣды эрратическихъ явленій найдены на Минскихъ высотахъ, чѣмъ, конечно, можно объяснить распространеніе валуновъ далеко къ югу. Такимъ образомъ разъединеніе трехъ острововъ Европ. Россіи и Алтайскаго было совершенно полное, фауны ихъ въ то время между собой въ соединеніи не были, и позднѣе каждый изъ этихъ острововъ послужилъ центромъ распространенія для населявшихъ его животныхъ. Но то же самое должно было быть и при допущеніи гипотезы распространенія ледниковъ до нынѣшней южной границы валуновъ, только въ такомъ случаѣ первые два острова (Карпатскій и Сызранскій) были раздѣлены уже не моремъ, а ледниками, конечныя морены которыхъ составляетъ нынѣшняя южная и восточная граница ледниковъ. Эти ледники своимъ краемъ прямо упирались въ Понто-Каспійско-Аральскій бассейнъ и здѣсь образовали полосу полупрѣсной воды. Очевидно такимъ образомъ, что сущность моей гипотезы существованія въ ледниковый періодъ обособленныхъ участковъ суши на мѣстѣ нынѣшней

Европейской Россіи и сопредѣльныхъ странъ не измѣняется, примемъ ли мы гипотезу плавающихъ льдинъ или ледниковъ, но нѣкоторая разница отъ принятія того или другаго предположенія должна быть для позднѣйшаго, послѣ-ледниковаго періода. Подъ г. Орломъ, при высотѣ въ 945′ надъ уровнемъ моря, г. Гельмерсеномъ не было найдено никакихъ эрратическихъ отложеній, исключая тонкаго слоя диловія. Отсюда, если въ ледниковый періодъ на мѣстѣ большей части Европ. Россіи было море, то принимая одновременное осушеніе Россійской низменности, мы должны допустить, что упомянутый участокъ обнажился ранѣе другихъ и первое разселеніе животныхъ (изъ Сызранскаго участка) совершилось въ этомъ направленіи. При принятіи же ледниковой гипотезы прежде всего должна была заселиться полоса, обнажившаяся на южномъ предѣлѣ ледниковъ вслѣдъ за ихъ таяніемъ, то-есть южная окраина нынѣшней полосы чернозема.

Или, наконецъ, допустить еще третье предположеніе, примиряющее оба вышеприведенныя: сильное развитіе ледниковаго покрова, не доходившаго однако до южнаго предѣла валуновъ, глетчера, края котораго, спускаясь въ море, растрескивались при обтаиваніи и отсылали отъ себя болѣе или менѣе значительныя льдины, уносившія отъ глетчера валуны на небольшое разстояніе? Предоставимъ рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ будущему, теперь же отмѣтимъ только тотъ фактъ, что всѣ эти три гипотезы совершенно одинаково вяжутся съ гипотезою существованія въ Европ. Россіи въ послѣ-ледниковый періодъ системы озеръ (Докучаевъ, В. Способы образованія рѣчныхъ долинъ. Спб. 1878 г.) и даже находятъ себѣ въ ней подтвержденіе. Гипотеза же эта вмѣстѣ съ происхожденіемъ чернозема и распространеніемъ валуновъ дѣлаетъ невозможнымъ признаніе неразрывности черноземной полосы въ ледниковый періодъ *).

*) Эта глава была уже мною написана, когда вышла брошюра В. В. Докучаева: „Ходъ и главнѣйшіе результаты предпринятаго Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ изслѣдованія русскаго чернозема“. Въ этой брошюрѣ авторъ подтверждаетъ высказанное имъ ранѣе предположеніе, „что отсутствіе данной почвы (чернозема) въ сѣверной и значительной части средней Россіи можетъ быть объяснено не только предполагаемою молодостію этихъ полосъ, а также и главнымъ образомъ ихъ клима-

Само собою разумѣется, что такое страшное стѣсненіе суши въ ледниковый періодъ должно было привести къ гибели множество формъ до-ледниковой эпохи и повести къ тому, что современная фауна Европ. Россіи почти лишена характерныхъ формъ, почти вся состоитъ изъ переселенцевъ; но тѣмъ важнѣе для насъ существованіе въ Европ. Россіи такихъ формъ, которыя, связывая западно-европейскія съ западно- и центрально-азіатскими, принадлежатъ исключительно Европ. Россіи. Эти формы несомнѣнно указываютъ на то, что въ по-третичный періодъ Европ. Россія, или по крайней мѣрѣ какая-то часть ея представляла собою *дѣйствительный центръ распространенія*; что какія-то позднѣйшія неблагопріятныя для жизни животнаго населенія условія, вѣроятно сопровождавшія такъ-наз. ледниковый періодъ, почти уничтожили эту фауну, отъ которой остались только немногія формы, какъ Phyll. Eversmanni Bp., описанная Штриклендомъ Phylloscopus brevirostris, Tetrastes griseiventris, описанная д-ромъ Кабанисомъ по экземплярамъ г. Плеске Parus Pleskii, Бремовскій Loxia rubrifasciata, Сѣверцовскіе Garrulus variabilis, Sturnus ruthenus, Pyrrhula coccinea var. atavica и б. м. Hierofalco uralensis; и что позднѣе, когда эта страна снова стала сушей, ее населили виды либо пришлые, либо потомки ея прежняго населенія, измѣненные или неизмѣненные, смотря по ихъ способности переносить новыя условія существованія.

Но какъ бы то ни было, острова или разъединенные ледниками участки суши были на мѣстѣ нынѣшней Европ. Россіи въ ледниковую эпоху, а эти клочки суши были покрыты богатой растительностью, обладали мягкимъ и главное равномѣрнымъ приморскимъ климатомъ, и когда сплошная суша нынѣшней Европ. Россіи обнажилась приблизительно въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ, послужили центрами, изъ которыхъ шло заселеніе великой Россійской низменности и сопредѣльныхъ съ ней странъ.

томъ, составомъ материнскихъ горныхъ породъ, рельефомъ мѣстности, характеромъ процессовъ гніенія растительности,—сравнительнымъ богатствомъ сѣверной Россіи хвойными лѣсами, озерами и болотами" (стр. 16). Въ этой же брошюрѣ авторъ, повидимому, склоняется на сторону ледниковой теоріи гг. Кропоткина и Шмидта (стр. 39—40 и др.).

Одно изъ главныхъ, если не самое главное возраженіе на гипотезу возстановленія суши Европ. Россіи ледниковаго періода въ видѣ сравнительно небольшихъ участковъ можно сдѣлать, конечно, основываясь на томъ, что при этомъ приходится допустить на нихъ мягкій и равномѣрный климатъ. Можетъ показаться страннымъ, что я признаю существованіе мягкаго равномѣрнаго климата одновременно съ чрезмѣрнымъ развитіемъ ледниковъ, но на это я имѣю полное право, основываясь на слѣдующихъ данныхъ.

Изслѣдованія древнихъ наносовъ Сены и Соммы, произведенныя гг. Ларте и Годри, несомнѣнно доказали, что въ по-третичную эпоху на мѣстѣ нынѣшней Франціи была суша, на которой одновременно жили какъ такія формы, которыя указываютъ на очень холодный климатъ, такъ и такія, которыя носятъ на себѣ совершенно противоположный характеръ. Elephas antiquus, очень близкій къ нынѣшнему индійскому слону, найденъ вмѣстѣ съ мамонтомъ. Африканскій гиппопотамъ населялъ воды Сены, одна изъ Нильскихъ раковинъ—Cyrene fluminalis—жила на берегахъ Соммы, капская гіена—въ южной Франціи; и тамъ же найдены остатки сѣв. оленя, мускуснаго быка и пр. То же даютъ, судя по Гееру (Heer) и Сапорта (Die Pflanzenwelt vor dem Erscheinen des Menschen, von Grafen G. von Saporta. 1881, S. 310—311), изслѣдованія растительныхъ остатковъ, принадлежащихъ къ тому же періоду. Остатки виноградныхъ лозъ, лавровъ и тутовыхъ деревьевъ находятъ очень часто въ по-третичныхъ наносахъ не только южной Франціи, но и вблизи Парижа. Тамъ же находятъ остатки и болѣе нѣжнаго канарскаго лавра. И на ряду съ этимъ залегаютъ остатки такихъ представителей нынѣшней сѣверной флоры, каковы низкорослая сосна, береза, ель и мохъ. Въ то же время сосна, дубъ, кленъ и липа были лѣсными деревьями сѣверныхъ странъ. Объяснить на первый взглядъ такое странное сообщество можно, конечно, очень просто принятіемъ, что сѣверный климатъ съ его животными и растеніями существовалъ тогда вблизи ледниковъ, а далѣе отъ нихъ въ долинахъ и равнинахъ климатъ былъ гораздо мягче; но чтобы такое объясненіе не казалось натянутымъ, надо посмотрѣть нѣтъ ли чего похожаго на эти условія въ какой-либо изъ нынѣ существующихъ мѣстностей. Совершенно подобное представляютъ собою ледники Новой Зеландіи, изслѣдованные

Гаастомъ. Эти ледники лежатъ подъ широтою гораздо низшей, чѣмъ наши Альпы, и на горахъ сравнительно невысокихъ, но спускаются далеко въ долины, климатъ которыхъ очень мягкій, равномѣрный *и вмѣстѣ съ тѣмъ очень влажный*. Въ небольшомъ разстояніи отъ ледниковъ Новой Зеландіи въ долинахъ растутъ даже такія нѣжныя растенія, какъ древесные папоротники, и такимъ образомъ климатическіе контрасты сталкиваются на самомъ небольшомъ разстояніи. Отсюда, мнѣ кажется, несомнѣнно слѣдуетъ, что въ по-третичный періодъ, при сильномъ развитіи ледниковъ и широкомъ протяженіи водной поверхности (слѣдовательно, при гораздо большей, сравнительно съ нынѣшней, влажности), климатъ вообще отличался и большею равномѣрностью и болѣе высокой вмѣстѣ съ тѣмъ температурой. Широкое же протяженіе водной поверхности въ по-третичную эпоху можно считать несомнѣнно доказаннымъ, такъ какъ прѣсноводные осадки этой эпохи, не говоря о морскихъ образованіяхъ, говорятъ намъ, что современныя намъ рѣки не болѣе какъ жалкіе остатки страшно развитой системы озеръ по-третичной эпохи.

Изслѣдованія проф. Гёфера (H. Höfer. Gletscher- und Eiszeit-Studien) въ свою очередь приводятъ къ заключенію, что во время ледниковаго періода возможно было мощное развитіе органической жизни вблизи нижней границы ледниковъ. «Средняя годовая температура вблизи фирновой линіи въ ледниковый періодъ, говоритъ Гёферъ, была около—2,2° R, т. е. почти та же, что и температура вблизи нынѣшней альпійской фирновой линіи. Но на Печорѣ я самъ имѣлъ возможность видѣть сплошной дѣвственный лѣсъ (этотъ лѣсъ преимущественно состоитъ изъ сосенъ, между которыми встрѣчаются очень высокія лиственницы и даже березы) тамъ, гдѣ на нашихъ картахъ проходитъ изотерма—3°, и потому я далекъ отъ того, чтобы считать за невозможное произрастеніе древесной растительности на глубоко вклинивающихся въ альпійскую область безснѣжныхъ участкахъ». Присутствіе же древесной растительности безъ сомнѣнія обусловливало собою существованіе на этихъ высотахъ и тогдашнихъ животныхъ сравнительно холоднаго климата—Elephas primigenius, Rhinoceros tichorhinus, Bos taurus и др. Ч. Дарвинъ въ описаніи своего кругосвѣтнаго путешествія на Биглѣ рѣшительно выражаетъ мнѣніе, что одно-

образный сырой и вѣтряный климатъ Огненной Земли и ю.-з. берега Ю. Америки прямо зависитъ отъ большей площади моря въ сравненіи съ сушей, въ зависимости отъ чего растительность этихъ странъ носитъ на себѣ слѣды тропическаго характера, несмотря на низкую широту мѣстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе ледники этого угла Южной Америки спускаются до самаго берега моря (Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль. Русс. пер. подъ ред. А. Бекетова, т. I, 481 — 492). Наконецъ, еще доказательство въ пользу того, что близость ледниковъ нисколько не влечетъ за собою какъ необходимое слѣдствіе бѣдность фауны и флоры, представляетъ Гренландія: «береговое пространство, гдѣ расположены датскія колоніи, говоритъ Ляйэлль, состоитъ изъ множества острововъ, между которыми островъ Диско самый бо́льшій (70° с. ш.), и нѣсколькихъ полуострововъ съ фіордами, отъ 50 до 100 миль длины, врѣзывающимися во внутрь страны, по которымъ проходятъ льдины на ихъ пути къ Баффинову заливу. Это пространство занимаетъ около 30,000 кв. миль и содержитъ нѣсколько горъ отъ 4,000 до 5,000 футовъ высоты. Вѣчные снѣга начинаются на высотѣ 2,000 футовъ, а нѣсколько ниже этого уровня поверхность почвы обыкновенно не покрыта снѣгомъ между іюнемъ и августомъ и обладаетъ растительностью въ нѣсколько сотенъ видовъ явнобрачныхъ растеній, сѣмена которыхъ дозрѣваютъ до наступленія зимы. Встрѣчаются мѣстности, гдѣ найдены явнобрачныя растенія, даже на высотѣ 4,500 футовъ».

Такимъ образомъ мы должны принять, что участки, которые были на мѣстѣ нынѣшней Европ. Россіи въ ледниковый періодъ, независимо отъ существованія вблизи ихъ ледниковаго моря или даже самихъ ледниковъ, характеризовались сравнительно мягкимъ приморскимъ климатомъ и смѣшаннымъ животнымъ населеніемъ, но къ сожалѣнію недостатокъ палеонтологическихъ изысканій въ Европ. Россіи не позволяетъ намъ возстановить это населеніе и указать какъ измѣнилась фауна пліоценоваго періода при постепенномъ отступленіи береговъ воднаго бассейна, простиравшагося на мѣстѣ нынѣшней южной Росссіи при своемъ переходѣ въ позднѣйшую, какъ перешла она въ современную намъ. Чтобы хоть нѣсколько пополнить этотъ недостатокъ я приведу картину перехода пліоценовой фауны и флоры въ по-третичную, нарисо-

ванную графомъ Сапорта для западной и средней Европы. Впрочемъ, укажу еще разъ на то, что бо́льшая часть фауны позвоночныхъ Европ. Россіи колонисты, что подробно будетъ разобрано мною въ въ концѣ работы.

Итакъ, «мы стоимъ у конца пліоценоваго періода, говоритъ Сапорта (Die Pflanzenwelt, S. 334 — 339); температура продолжаетъ понижаться; ледники съ вершинъ высочайшихъ горъ, которыя они покрывали до тѣхъ поръ, сползаютъ постепенно въ долины и занимаютъ ихъ, чему безъ сомнѣнія благопріятствуетъ влажный климатъ; чрезмѣрное количество водяныхъ осадковъ объясняетъ собою обиліе рѣкъ и источниковъ, которые, все возрастая, въ началѣ четверичной эпохи достигаютъ по истинѣ поражающаго развитія.

«Обиліе водъ, осѣдающихъ на поверхность почвы и стекающихъ по низменностямъ, вмѣстѣ съ протяженіемъ ледниковъ и эрратическими явленіями сѣвера, которыя были болѣе или менѣе прямымъ слѣдствіемъ перваго,—вотъ отличительныя черты второй половины послѣдняго періода третичной эпохи. Концомъ этого періода, какъ необходимое слѣдствіе поднятія Альпъ, было продолжительное затопленіе сѣверныхъ равнинъ, но подробныя изысканія въ этомъ направленіи могли бы насъ завести такъ далеко, что лучше ихъ не касаться.

«Втеченіе второй половины пліоценоваго періода внѣшнія условія все еще продолжали благопріятствовать развитію въ Европѣ растительнаго царства вообще, хотя непрерывно продолжающееся пониженіе температуры постоянно ограничивало число и разнообразіе составныхъ элементовъ флоры. Звѣри въ свою очередь не только возрастали въ числѣ, но шли дальше въ своемъ развитіи, хотя среди нихъ уже исчезла часть родовъ, существовавшихъ въ нижнемъ пліоценѣ. Проф. Годри въ своихъ «Matériaux pour l'histoire des temps quaternaires» называетъ этотъ періодъ «эпохою Forest bed» (лѣсное ложе) или «плейстоценомъ». Къ этому періоду мастодонты и тапиры уже оставили Европу; обезьяны эмигрировали въ Африку; но слоны, носороги и гиппопотамы никогда еще не достигали такого развитія и ихъ процвѣтаніе вмѣстѣ съ обиліемъ оленей и быковъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ

неисчерпаемаго богатства пищеваго матеріала, доставляемаго растительнымъ царствомъ.

«Elephas meridionalis, наибольшее изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ наземныхъ млекопитающихъ, служитъ характернымъ представителемъ этой эпохи; вмѣстѣ съ нимъ наши Elephas antiquus, Rhinoceros leptorhinus и Merckii, Hippopotamus major, Cervus Sedgwickii, martialis и т. д.

«Весьма поучительны, несмотря на ихъ небольшое число, растенія, найденныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Герольта и Гарда, подъ С. Марсіалемъ недалеко отъ Пеценасъ вмѣстѣ съ остатками Elephas meridionalis съ одной стороны, и подъ Дюрфортомъ (Гардъ) съ другой. Изъ с.-марсіальскихъ слѣдуетъ упомянуть шишки, которыя, кажется, принадлежатъ къ группѣ Pinus halepensis, M. M., но представляютъ удивительное сходство съ Pinus caroliniana Corr., особымъ видоизмѣненіемъ, болѣе типичнаго нуждающимся во влажности и нынѣ растущимъ въ долинахъ Пиренейскихъ горъ. Песчаный мергель Дюрфорта, родъ сѣраго ила, откуда Казалисъ де Фондусъ съ помощью проф. Жерве добылъ цѣлые скелеты Elephas meridionalis и носороговъ, содержитъ также отпечатки многихъ видовъ дубовъ и другихъ растеній, изъ которыхъ два, Planera Ungeri, Ett. и Parrotia pristina, Ett., несомнѣнно міоценовыя. Слѣдовательно, нѣкоторыя изъ міоценовыхъ растеній еще продолжали существовать на почвѣ нынѣшней Франціи, но какъ послѣднія развалины по большей части уже сошедшей со сцены флоры и они въ свою очередь были предназначены къ скорому исчезновенію. Наиболѣе распространенные изъ дубовъ Дюрфорта, вѣтви которыхъ вѣроятно служили пищею для Elephas meridionalis, мы нашли тождественными съ Quercus Farnetto, Ten. изъ южной Италіи и Q. lusitanica, Webb. изъ средней Испаніи и Португаліи. Такимъ образомъ формы, преобладавшія въ описываемый періодъ въ южной Франціи, съ тѣхъ поръ выселились оттуда; онѣ расли тамъ вмѣстѣ съ близкими къ исчезновенію міоценовыми формами и наши зимніе дубы, современными представителями которыхъ служатъ во Франціи Quercus sessiliflora, pedunculata и pubescens, тогда еще не существовали; ихъ сравнительно новое первоначальное появленіе доказано только для четвертичнаго періода, хотя группа, къ которой принадлежатъ эти видоизмѣненія, сама по себѣ гораздо

болѣе древняя; въ сѣверной и средней Франціи они могли быть уже въ концѣ пліоценоваго періода; во всякомъ случаѣ Q. sessiliflora въ Канштадтѣ, а Q. pubescens во множествѣ въ туфахъ Прованса найдены вмѣстѣ съ Elephas antiquus.

«Климатическое различіе между сѣверной и южной Европой въ извѣстномъ отношеніи было выражено къ концу пліоценоваго періода гораздо рѣзче, чѣмъ въ какое-либо другое время. Тогда какъ приземистая пальма росла еще въ Липари, Pinus Caroliniana, Quercus lusitanica и Farnetto, Laurus canariensis и пр. еще существовали въ долинѣ Роны и нижнемъ Лангедокѣ, норфолькскій „Forest bed“, причисляемый Годри къ новѣйшему пліоцену, даетъ весьма отличную отъ предъидущей флору, и этого контраста достаточно, чтобы видѣть разницу между двумя областями. Преп. Гуннъ доставилъ намъ изъ «Forest bed» шишки Abies pectinata, D. C., Picea excelsa и Pinus sylvestris; эти шишки свидѣтельствуютъ, что хвойныя деревья, тождественныя съ хвойными деревьями нашего материка, образовали тогда большіе лѣса на англійскомъ берегу, который въ то время вѣроятно еще соединялся съ противолежащимъ французскимъ берегомъ. Проф. Гееръ, изслѣдовавшій тѣ же самыя растенія въ Лондонѣ, упоминаетъ еще горную сосну (Pinus montana, Mill.), обыкновенный тисъ, орѣшникъ, дубъ и многія водяныя растенія, въ томъ числѣ желтыя и бѣлыя водяныя лиліи. Горная сосна и ель съ тѣхъ поръ оставили англійскую почву, точно такъ же какъ тутовое дерево, лавръ и іудино дерево, которые всѣ можно найти въ четверичныхъ моретскихъ туфахъ подъ Парижемъ, выселились на югъ со времени мамонта. Такимъ образомъ мы стоимъ совершенно въ періодѣ *выселяющихся растеній*, и если бы мы сопоставили факты, относящіеся до фауны, то и они въ свою очередь оправдали бы обозначеніе періода, который слѣдовалъ за періодомъ *выселяющихся или вымирающихъ растеній*, тогда какъ еще болѣе ранняя эпоха могла бы назваться періодомъ *вымершихъ типовъ*».

На этомъ я заканчиваю исторію фауны Европ. Россіи съ по-третичной эпохи, и въ заключеніе всей главы, чтобы помочь читателю связать въ своемъ умѣ все сказанное въ одну цѣльную картину, только повторю вкратцѣ наиважнѣйшіе періоды раз-

сматриваемой эпохи, причемъ буду держаться уже той послѣдовательности, которая существовала на самомъ дѣлѣ.

Итакъ, въ такъ-называемый *ледниковый* періодъ Европ. Россія представлялась тремя участками суши, Карпатскимъ, Сызранскимъ и Уральскимъ, на которыхъ скучилось населеніе сѣверныхъ странъ, гонимое изъ своей родины неблагопріятными условіями существованія.

Въ послѣдующій періодъ осушенія Россійской низменности, который я называю *озернымъ*, животныя начали разселяться изъ трехъ названныхъ острововъ и четвертаго Алтайскаго, причемъ особенно сильнаго развитія достигла фауна болотъ и озеръ, которыя занимали большую часть площади нынѣшней Европейской Россіи. Въ это время голенастыя и водоплавающія птицы были особенно многочисленны и, кто знаетъ, не представляетъ ли современное спорадическое распространеніе лебедя-кликуна остатковъ этого озернаго періода. Во всякомъ случаѣ, если это подтвердится, т.-е. найдется болѣе подходящихъ сюда фактовъ, высказанная г. Докучаевымъ теорія образованія рѣкъ изъ озеръ и болотъ найдетъ себѣ прочную опору въ зоогеографіи.

Въ третій періодъ (пер. *травяной растительности*), при постепенномъ осушеніи Европейской Россіи началось развитіе травяной растительности, какъ развивающейся скорѣе лѣсной и менѣе ея прихотливой. Въ этотъ періодъ широко разселились животныя степи, изъ звѣрей—лошади, сурки, суслики, земляные зайцы, пищухи и др., изъ птицъ—дрофы.

Въ четвертый періодъ (пер. *распространенія лѣсной растительности*), при содѣйствіи климатическихъ условій, распространяющаяся съ возвышенностей лѣсная растительность вытѣснила травяную изъ нѣкоторыхъ участковъ Европейской Россіи. Съ этого времени травяная растительность заняла на площади сложившейся въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ Европейской Россіи извѣстную полосу (моя полоса степи) и, обусловливая отложеніемъ своихъ остатковъ образованіе чернозема, намѣтила будущую полосу степи, въ которой лѣса въ тотъ отдаленный періодъ, какъ и нынѣ, были только у озеръ и рѣкъ. Этотъ періодъ продолжался до историческаго времени, когда въ измѣненіи кореннаго вида страны

принялъ участіе человѣкъ и притомъ земледѣлецъ, а не тотъ дикарь, остатки котораго найдены при прорытіи Сясскаго канала.

Наконецъ, пятый періодъ нынѣ продолжающійся, *историческій* періодъ, когда животному населенію Россійской низменности приходится терпѣть не столько отъ измѣненія внѣшнихъ условій въ силу извѣстныхъ законовъ, сколько отъ вмѣшательства человѣка.

Во всей этой главѣ я ничего не сказалъ о полосѣ тундры, но о ней можно сказать въ двухъ словахъ: не касаясь происхожденія острововъ сѣвернаго Ледовитаго океана, изъ которыхъ многіе представляютъ собой остатки сравнительно очень древней суши, собственно тундру мы должны считать по происхожденію одною изъ новѣйшихъ областей, по крайней мѣрѣ въ большей части ея протяженія.

ОТДѢЛЪ II.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗООЛОГІЯ.

Глава пятая.

Матеріалы къ познанію географическ. распространенія дневныхъ хищныхъ птицъ Европ. Россіи.—Критическія замѣчанія о видахъ и подвидахъ дневныхъ хищныхъ птицъ Европ. Россіи —Описанія новыхъ и малоизвѣстныхъ формъ.

1.

NEOPHRON PERCNOPTERUS, SAV.

Стервятникъ.

Синонимы: Vultur meleagris, Pall.; Vultur percnopterus, L.; V. leucocephalus et aegyptius, Br.; V. fuscus, Gm.; V. fuscus, Bodd.; Cathartes percnopterus, Temm.; Percnopterus aegyptiacus, Steph.

станціи:

скалистая мѣстность.

Такъ какъ область гнѣздовья N. p. только незначительно отличается отъ его области зимовья, и кромѣ того, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей побережья Средиземнаго моря, N. p. нигдѣ не является правильно пролетной птицей, то я вообще указываю его область распространенія, отмѣчая въ текстѣ подробности о томъ, является ли N. p. въ данной мѣстности пролетной, гнѣздящейся или осѣдлой птицей.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По показанію *Нордманна* (Faune pontique, p. 75), стервятникъ гнѣздится и живетъ круглый годъ въ Крыму (Яйла); въ Крыму же найденъ и *Радде* (Beiträge zur Ornith. Süd-Russlands. Bull. de Moscou, 1854, III, 132; J. f. Orn., 1854, S. 54). Какъ залетная птица, стервятникъ является въ степяхъ около Каспійскаго моря и иногда поднимается до Сарепты (*Эверсманнъ*. Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 17; *Богдановъ*. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 30; *Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ. Bull. de Moscou, 1872, IV, p. 324); можетъ быть, залетаетъ и въ Воронежскую губ. (*Съверцовъ*. Періодическія явленія, стр. 18 и др.).

По *Богданову*, стервятникъ встрѣчается въ Закавказьѣ (Птицы Кавказа, стр. 36).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

На Британскіе о—ва залетаетъ случайно.

Во Франціи, по свидѣтельству *Degland & Gerbe*, часто встрѣчается въ Пиренейской цѣпи и на высокихъ горахъ Прованса; кромѣ того живетъ въ горахъ Аріежа, устья Роны, Герольда, Гарда, Дрома и Изера; случайно заходитъ въ департаментъ Мэна и Луары; на зиму не остается (l. c., p. 13). По *Lacroix* (l. c., p. 16), осѣдлый въ Пиренеяхъ, откуда зимою спускается въ низменности и доходитъ до Тулузы; то же подтверждаетъ *Dubalen* (l. c., p. 6), прибавляя, что изъ горъ N. p. съ молодыми спускается на берегъ моря и доходитъ до Capbreton. Въ Провансѣ и въ Севеннахъ гнѣздится и отчасти зимуетъ, по свидѣтельству *Müller*'а (J. f. Orn., 1856, 212); во всѣхъ гористыхъ мѣстностяхъ Прованса довольно обыкновененъ также по свидѣтельству *Jaubert* (R. et M. de Z., 1854, p. 212); по *Olph Galliard*, ежегодно встрѣчается подъЛіономъ (Naumannia, 1855, S. 44); по *Bailly*, ежегодно гнѣздится въ Савойскихъ горахъ (Naumannia, 1855, S. 413).

Въ Испаніи, по свидѣтельству *A. Brehm*, осѣдлая птица всѣхъ гористыхъ мѣстностей, но особенно многочисленна на югѣ

(Allg. deutsche Naturhistor. Zeit., S. 434); по свидѣтельству *Saunders*'а (Bull. de la Soc. zool. de France, 1876, p. 316), въ южной Испаніи довольно обыкновененъ; по *Irby* (l. c., 31—32), обыкновенная гнѣздящаяся птица въ горахъ на испанскомъ берегу Гибралтарскаго пролива.

Въ Португаліи мѣстами обыкновененъ, мѣстами рѣдокъ (*Sharpe* и *Rey*. Zur Ornis von Portugal, J. f. Orn., 1872, S. 141). (См. также J. f. Orn., 1872, S. 396; 1855, S. 298 и Naumannia, 1858, S. 231).

Въ Италіи осѣдлый и обыкновенный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западн. берега (Ниццардо, Мареммы, м. Арджентаріо, римская Кампанья); подъ Неаполемъ рѣдкая, случайно залетающая птица. Въ долинѣ р. По и на восточномъ склонѣ Апеннинъ, кажется, не наблюдалась. Въ Сициліи мѣстами обыкновененъ (*Malherbe*, p. 20—21). Въ Сардиніи нѣтъ (*Salvadori*. Fauna d'Italia, Uccelli, p. 3—4). Случайно бываетъ на Мальтѣ. (См. также *Schalow*'а въ J. f. Orn., 1877, S. 195 о гнѣздовьи N. p. въ Тосканѣ).

На Балеарскихъ о—вахъ, по свидѣтельству *Гомейера*, гнѣздится, хотя и не въ большомъ числѣ. Послѣ вывода дѣтей большая часть стервятниковъ перелетаетъ отсюда въ южную Испанію или въ сѣверную Африку, гдѣ и перезимовываетъ, и на Балеарскихъ о—вахъ зимуютъ только немногіе (J. f. Orn., 1862, S. 244—245).

Въ Швейцаріи, по *Fatio* (Naumannia, 1856, S. 164), осѣдлый въ Женевской долинѣ.

Въ Австро-Венгріи, по свидѣтельству *Tschusi-Schmidhofen*, кажется, далеко не рѣдокъ въ ю. Венгріи (J. f. Orn., 1874, S. 340); изрѣдка залетаетъ въ Зальцбургъ (Zool. Gart., 1876, S. 333); по свидѣтельству *Danford & Brown*, залетаетъ въ Трансильванію (Ibis, 1875, July, p. 291).

На Балканскомъ полуо—вѣ, по *Finsch*'у, всюду обыкновененъ въ Болгаріи (J. f. Orn., 1859, S. 379), что подтверждается *Радаковымъ* (Bull. de Moscou, 1879, I, p. 114); по свидѣтельству г.г. *Sintenis*, гнѣздящаяся птица во всей Добруджѣ (J. f. Orn., 1877, p. 60); по *Elwes & Buckley*, въ Болгаріи обыкновененъ круглый годъ; зимою въ Греціи и Македоніи рѣдокъ; несмотря на показанія *Alléon*, зимою найденъ въ Константинополѣ (On the

Birds of Turkey, p. 65—66). По *Krüper*'у (J. f. Orn., 1862, 361), *Lindermayer*'у (Die Vögel Griechenland's, S. 5) и *Heldreich*'у (La faune de Grèce, 1878, p. 32) гнѣздится во всей Греціи, но на зиму улетаетъ. По *Erhard*'у (Naumannia, 1858, S. 6), осѣдлая птица Цикладъ.

Въ **Азіи**:

По *Сьверцову*, гнѣздится во всемъ Туркестанскомъ краѣ (Вертик. и горизонт. распредѣленіе турк. жив., стр. 63 и др.): Семирѣчье, Иссык-куль, Нарынъ, Чу, Таласъ, Чатыр-Куль, Каратау, западн. Тянь-шань, окрестности Ходжента, долина Заревшана, горы между Заревшаномъ и Сыръ-Дарьей, степь между Заревшаномъ, Сыръ-Дарьей и песками Кызыл-кумъ; живетъ тамъ съ начала апрѣля до начала сентября; также все лѣто въ горахъ Шейхъ-джейли, у Аму, и въ горахъ Шахъ-адамъ, у Красноводска. Подним. до 5000′, у Нарына даже до **7000′**.

По *Sharpe* (On the geographical distribution of the Accipitres, Journ. of the Linn. soc., Vol. XIII, p. 13. Map. VIII) и *Adams* распространенъ въ нижней Бенгаліи, Непалѣ, Гималайскомъ округѣ (до 8,500′), сѣв. и центр. Индіи. *Adams* (The Birds of Cashmere and Ladakh, Proceed. of the Zoolog. Soc. of London, 1859, p. 170) прибавляетъ, что въ долинѣ Кашмира N. p. не можетъ считаться обыкновенною птицею, но часто встрѣчается по ея окраинамъ и по низменностямъ Пенджаба.

Въ Персіи, по *Blanford* (East. Pers., II, p. 101), обыкновенная осѣдлая птица, но особенно многочисленъ на югѣ. Афганистанъ (*Sharpe*, l. c.). По свидѣтельству *De-Filippi*, N. p. въ Персіи рѣдокъ къ югу отъ Эльбурса, на Кавказѣ и на Гилянѣ обыкновенъ (Viaggio in Persia, J. f. Orn., 1876, S. 175).

По *Krüper*'у, нерѣдкая гнѣздящаяся птица подъ Смирной (Beitr. z. Ornith. Kl. As., J. f. Orn., 1869, S. 22); по *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, Ibis, 1878, 2), въ Малой Азіи обыкновенъ. *Aug. Müller*'омъ отмѣченъ для Кипра (J. f. Orn., 1879, S. 386).

По *Kennedy* (Notes on the Avifauna of the Desert of Sinai and of the Holy Land, Ibis, 1874, 110—111), обыкновенъ въ южной

Палестинѣ, но начинаетъ рѣдѣть къ сѣверу отъ Іерусалима; одна изъ обыкновеннѣйшихъ птицъ синайской пустыни. Ю. Аравія (*Sharpe*. l. c.).

Въ **Африкѣ**:

По *Irby* (The Ornithology of the Straits of Gibraltar, p. p. 31—32), обыкновенная гнѣздящаяся птица Морокко, откуда большая часть ихъ на зиму отлетаетъ внутрь Африки.

По *Loche* (Catalogue des mammifères et des oiseaux observés en Algérie, p. 36) и *Тачановскому* (J. f. Orn., 1870, 36), въ Алжирѣ осѣдлый и встрѣчается повсемѣстно даже по окраинамъ пустыни. Тунисъ. Сахара (*Sharpe*).

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrikas, S. 14) и *Shelley* (A Handbook to the Birds of Egypt, p. 211), N. p. обыкновенная осѣдлая птица въ Египтѣ, Нубіи и ю. Аравіи; далѣе къ югу онъ становится рѣже, но все же еще встрѣчается на Далаковыхъ о—вахъ, въ Самхарѣ, Данакилѣ, Сомалѣ и въ Абессиніи до 11,000 ф.; въ верховьяхъ Бѣлаго Нила и на Газелевой рѣкѣ бываетъ только случайно. *Kirk* встрѣтилъ его однажды на оз. Ніасса; *Decken* на Занзибарѣ (*Finsch & Hartlaub*. Die Vögel Ost-Afrika's, S. 35).

По *Bolle* (Bemerkungen über die Vögel der Canarischen Inseln, J. f. Orn., 1854, S. 448 и 1857, S. 268), N. p. держится по берегамъ Канарскихъ о—въ, гдѣ питается выброшенными на берегъ рыбами. Многочисленною эту птицу нигдѣ кромѣ Канаріи на Канарскихъ о—вахъ назвать нельзя, но во всякомъ случаѣ это постоянная гнѣздящаяся птица.

По *Dohrn*'у (J. f. Orn., 1871, 3) и *Barboza du Bocage* (J. f. Orn., 1876, 434), обыкновенная гнѣздящаяся птица о—въ Зеленаго мыса.

По *Layard* (The Birds of South Africa, 6 — 7) и *Barboza du Bocage* (Ornithologie d'Angola, p. 5), рѣдокъ въ Анголѣ; повидимому рѣдокъ въ Бенгуэлѣ; по *Andersson* (Layard), довольно обыкновененъ въ Дамарѣ и Намаквѣ; въ Капской колоніи рѣдокъ, но, по свидѣтельству *Atmore*, гнѣздится подъ Свеллендомъ, а, по *Ortlepp*, подъ Кольсбергомъ. По свидѣтельству *Ayres*, очень рѣдокъ въ Наталѣ.

2.

VULTUR MONACHUS, L.

Грифъ бурый.

Синонимы: Vultur cinereus, Gm.; Aegypius niger, Sav.; Vultur niger, Licht.; Gyps cinereus, Bonap.; Polypteryx cinereus, Blyth.

станціи:

гористая мѣстность.

О распространеніи бураго грифа въ разныхъ странахъ по временамъ года надо сказать то же, что было сказано о стервятникѣ, почему и расположеніе относящихся сюда матеріаловъ остается такимъ же, какимъ оно было для первой птицы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По свидѣтельству *Тачановскаго* (Сравнит. обзоръ орнитол. ф. и т. д., стр. 123; Liste des vert. de Pologne, p. 133), V. m. очень рѣдко встрѣчается въ Ц. Польскомъ, но гнѣздится въ Украйнѣ (O ptakach, стр. 24); въ Польшѣ встрѣчается, однако, чаще G. fulvus и найденъ подъ Варшавой, Ломжей и въ Люблинской губ. Какъ крайне рѣдкая залетная птица найденъ даже въ Курляндіи (2 экземпл.) и Лифляндіи (1 экземпл.) (*Russow.* Die Ornis Ehst-Liv-und Curland's, S. 13—14). По свидѣтельству *Нордманна*, бурый грифъ встрѣчается въ Бессарабіи (Faune pontique, p. 79), гдѣ найденъ и *Радде*, недалеко отъ Бендеръ (Journ. f. Ornith. 1854, S. 53). По показанію *Радде* (Beiträge z. Orn. Süd-Russlands, Bull. de Moscou, 1854, III, 132), V. cin. обыкновенная осѣдлая птица Крыма (горной цѣпи, откуда за добычей слетаетъ въ равнины; см. *W. Pässler'a* въ Journ. f. Ornith., 1854, S. 183). *Мензбиръ* наблюдалъ эту птицу на хребтѣ Яйла въ началѣ декабря 1878 г. Вѣроятно, залетаетъ въ Воронежскую губ. (*Съверцовъ.* Періодич. явленія и т. д. стр. 18, 34). По *Эверсманну* (Add., III, 5, 1842; Естеств. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 14), гнѣздится въ южныхъ

и западныхъ предгоріяхъ Уральскаго хребта, по горнымъ отрогамъ между Сакмарою и Икомъ, но не въ лѣсахъ Общаго Сырта.

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 34), V. mon. водится по всей горной области Кавказа.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 4—5), V. monachus залетаетъ изрѣдка въ Данію, гдѣ былъ найденъ подъ Фредерикштадтомъ и между Фанё и Зёндерхё.

Въ Германіи, по *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 53), V. monachus очень рѣдкая залетная птица (Оберъ-Лаузицъ, Шлезія, Вост. Пруссія). По свидѣтельству *Wiepken*'а и *Greve* (Systematisches Verzeichniss der Wirbelthiere im Herzogthum Oldenburg, S. 10), старый самецъ V. m. былъ убитъ 12 іюня 1863 г. подъ Берне. По свидѣтельству *Jäckel*'я (Naumannia, 1857, S. 373), одинъ экземпляръ V. m. былъ добытъ въ Баваріи.

Во Франціи, по *Degland & Gerbe*, найденъ въ Провансѣ, Лангедокѣ и Дофинэ (Ornith. europ., p. 6). По свидѣтельству *Marchant* (Catalogue des oiseaux observés dans le département de la Côte-d'Or, Mém. de l'Acad. des sciences de Dijon. 1869, p. 7), въ крайне рѣдкихъ случаяхъ залетаетъ въ деп. Котъ-д'Оръ. По свидѣтельству *Jaubert* (Rev. et Mag. de Zool., 1854, p. 211), гнѣздится въ Пиренеяхъ, откуда лѣтомъ слетаетъ въ Провансъ, особенно въ сильные жары, которые обыкновенно вызываютъ сильный падежъ скота. Кромѣ того, гнѣздованье этой птицы въ Пиренеяхъ указано *Dubalen* (Catalogue critique des oiseaux obs. dans les dép. des Landes, des Basses-Pyrénées et de la Gironde, p. 5), *Lacroix* (Bull. de la Soc. d'hist. nat. de Toulouse, 1875, Juillet, p. 97) и *Müller*'омъ (Journ. f. Ornith., 1856, S. 212). По *Bailly* (Naumannia, 1855, 413), въ Савойѣ очень рѣдокъ, равно какъ и въ Швейцаріи.

Въ Испаніи, по *A. Brehm*'у (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., S. 434), вездѣ рѣдокъ, но сравнительно чаще встрѣчается въ средней и южной Испаніи. По *Saunders*'у, довольно обыковенная осѣд-

лая птица Андалузіи (Catalogue des oiseaux du midi de l'Espagne, Bull. de la Soc. zool. de France, 1877, p. 316). По *Lilford*'у, самый обыкновенный грифъ Кастиліи.

Въ Италіи, по свидѣтельству *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 1—2; Katalog der Vögel Sardiniens, Journ. f. Ornith. 1865, S. 53—55) и *Malherbe* (l. c., p. 19—20), обыкновененъ въ Сардиніи, бываетъ въ Сициліи и изрѣдка встрѣчается на материкѣ, вдоль Апеннинъ.

Въ Австро-Венгріи залетаетъ въ Богемію (Journ. f. Ornith., 1872, S. 384), Моравію и Шлезію (Journ. f. Ornith., 1874, S. 341). По свидѣтельству гр. *Водзицкаго* (Journ. f. Ornith., 1854, S. 429), гнѣздится на Татрѣ. По *Danford* & *Brown* (Ibis, 1875, p. 291), V. m. распространенъ во всей Трансильваніи. Осѣдлый мѣстами въ Венгріи, между прочимъ на хребтѣ Фруска-Гора, откуда осенью и зимою залетаетъ въ верхнюю Венгрію (Journ. f. Ornith., 1879, S. 17). По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 467), очень рѣдокъ въ Штиріи. То же говоритъ о Тиролѣ *Dalla Torre* (Die Wirbelthierfauna von Tirol und Vorarlberg, S. 19).

На Балканскомъ полуо—вѣ V. m. обыкновененъ въ центральной Болгаріи *(Radakoff.* Bull. de Moscou, 1879, I, 164). По *Finsch*'у, гнѣздится на Балканахъ (Journ. f. Ornith., 1859, S. 380). По свидѣтельству г. г. *Sintenis* (Journ. f. Orn., 1877, S. 60), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица Добруджи. По *Elwes* & *Buckley* (On the Birds of Turkey, p. p. 63—64), обыкновененъ въ Македоніи, гдѣ на зиму спускается въ низменности. Въ Греціи, по *Krüper*'у, гнѣздится въ Аттикѣ, но не гнѣздится въ Акарнаніи и на Парнасѣ (Journ. f. Ornith., 1862, S. 370). По *Lindermayer*'у, въ Греціи V. m. распространенъ отъ Коринѳа до Ливадіи (Die Vögel Griechenlands, S. 9—10). (См. также *Heldreich.* La faune de Grèce, p. 30). По *Erhard*'у (Naumannia, 1858, S. 14), гнѣздящаяся, но не осѣдлая птица Цикладъ.

Въ **Азіи**:

Въ Китаѣ найденъ въ горахъ, лежащихъ на с.-з. отъ Ченгъ-дзи (Journ. f. Ornith., 1874, S. 395) и на одномъ изъ о—въ архипелага Чузанъ.

По *Пржевальскому* (Монголія и страна Тангутовъ, т. II, стр. 5—6), V. m. найденъ во всей Монголіи, за исключеніемъ ея сѣверной части, и въ сѣв. Тибетѣ; въ Гань-су рѣдокъ.

По *Scully* (A Contribution to the Ornithology of Eastern-Turkestan, p. 116), осѣдлый въ горахъ, ограничивающихъ вост. Туркестанъ.

По *Сѣверцову* (Вертик. и гориз. распред. турк. жив., стр. 62), гнѣздится во всемъ Туркестанскомъ краѣ: Семирѣчье, Иссыккуль, Нарынъ, Аксай, Чу, Таласъ, Джумгалъ, Сусамыръ, Сонкуль, Чатыр-куль, Каратау, западн. Тянь-шань, окрестности Ходжента, долина Заревшана, горы между Заревшаномъ и Сыръ-Дарьей, степь между Заревшаномъ, Сыръ-Дарьей и песками Кызыл-кумъ. Въ послѣднихъ мѣстностяхъ, начиная отъ Ходжента, не только гнѣздится, но и зимуетъ.

Найденъ въ Ассамѣ и Бутанѣ. Въ Пенджабѣ и Раджпутанѣ распространенъ повсемѣстно, но только на зимовьѣ; къ с.-з. отсюда становится все обыкновеннѣе, къ востоку и югу все рѣже и рѣже. Вѣроятно гнѣздится по предгоріямъ Гималая (Stray Feath., Vol. III, p. 441; *Dresser*. Birds of Europe, Part. XIII).

По *Blanford* (Eastern Persia, p. 99), осѣдлый на Эльбурсѣ.

Въ Малой Азіи рѣдокъ (Journ. f. Ornith., 1869, S. 23; Ibis, 1878, p. 2).

Въ Палестинѣ найденъ *Tristram*'омъ и *Kennedy;* послѣдній нашелъ его и въ Синайской пустынѣ (Notes on the Avifauna of the Desert of Sinai and of the Holy Land, Ibis, 1874, p. 110).

Въ **Африкѣ**:

Полковникомъ *Irby* V. m. найденъ какъ на испанскомъ, такъ и на мароккскомъ берегу Гибралтарскаго пролива (The Ornithology of the Straits of Gibraltar, p.p. 28—29).

По *Тачановскому*, обыкновенная птица въ горахъ Алжира (Journ. f. Ornith., 1870, S. 36). (См. также *Loche,* l. c., p. p. 35—36).

По *Shelley* (Birds of Egypt, p. 209), V. monachus найденъ въ Египтѣ и въ Нубіи, но вездѣ рѣдокъ. Какъ кажется, бываетъ въ Ливійской пустынѣ, но вѣроятно это только зимующая птица с.-в. Африки *(Heuglin.* Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 11—12 и IV).

3.

GYPS FULVUS, GRAY

Сипъ бѣлоголовый.

Синонимы: Vultur fulvus, Gm.; Vultur percnopterus, Shaw; Vultur percnopterus (et) persicus, Pall.; V. fulvus, Temm.

станціи:

гористая мѣстность.

Объ измѣненіи области распространенія бѣлоголоваго сипа по временамъ года должно сказать то же, что и о Vultur monachus.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Тачановскому* (Сравн. обз. и т. д., стр. 123; Liste des vert. de Pologne, p. 133), случайно очень рѣдко появляется въ Царствѣ Польскомъ. По свидѣтельству *Кесслера* и *Нордманна*, бѣлоголовый сипъ гнѣздится въ Бессарабіи и въ Подольской губ. (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. округа, в. III, стр. 4; *Nordmann.* Faune pontique, p. 75). По свидѣтельству *Гёбеля* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 56), два раза былъ замѣченъ (26 апр. 1871 г. 3 штуки, зимою 1869 г. одинъ) въ Уманьск. у. По *Радде* (Beiträge z. Ornith. Süd-Russlands, Bull. de Moscou, 1854, III, 133; см. также Journ. f. Ornith., 1854, S. 53), G. f. осѣдлая птица Крыма (см. также *Шатилова.* Каталогъ и т. д. въ Извѣст. общ. любит. естествоз., т. X, в. 2, стр. 83). *Мензбиръ* наблюдалъ эту птицу на хребтѣ Яйла въ началѣ декабря 1878 г. По свидѣтельству г. *Алфераки* (Природа и Охота, 1879, I, стр. 92), встрѣчается подъ Таганрогомъ. Въ Харьковскую губ. залетаетъ только изрѣдка (*Czernay.* Beiträge etc., Bull. de Moscou, 1850, II, 607) и не гнѣздится; то же надо сказать и о Воронежской губ. (*Съверцовъ.* Періодическія явленія и т. д., стр. 18). На Волгѣ до сихъ поръ былъ замѣченъ только однажды подъ Сарептою (*Яковлевъ.* Списокъ птицъ Астраханск. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 324; *Бог-*

данов. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 30). *Карелинъ* помѣстилъ G. fulvus въ списокъ птицъ Уралоказацкихъ владѣній (Разборъ статьи Рябинина, стр. 283). По *Эверсманну*, встрѣчается въ предгоріяхъ Урала и на южномъ скатѣ Общаго Сырта (Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 15; Addenda etc., III, 6). По свидѣтельству *Сабанѣева* (Позвон. Средн. Урала, стр. 22; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 221), несомнѣнно гнѣздится въ Каслинскомъ Уралѣ.

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 35), G. fulv. очень обыкновененъ на всемъ пространствѣ Кавказскаго края.

Палласъ не упоминаетъ о грифахъ въ Уральскихъ предгоріяхъ и потому мы имѣемъ полное право предположить, что въ его время этихъ птицъ не было ни въ предгоріяхъ Урала, ни на самомъ Уралѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и Эверсманнъ (Bull. de Moscou, 1848 и Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 12) говоритъ, что около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія онъ не находилъ въ предгоріяхъ Урала ни G. fulvus, ни V. cinereus. Начиная съ того времени, грифы начали встрѣчаться въ Уральскихъ горахъ ежегодно и съ каждымъ годомъ все въ большемъ и большемъ числѣ. Къ пятидесятымъ годамъ оба вида были уже обыкновенными птицами южнаго Урала. Въ настоящее время G. fulvus доходитъ до Павды и несомнѣнно гнѣздится въ Каслинскомъ Уралѣ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Великобританіи, какъ случайно залетная птица, былъ замѣченъ однажды *(Sharpe.* On the geographic. distribut. of the Accipitres, p. 4. Мар. II).

Въ Германіи, какъ залетная птица, не рѣдокъ и былъ найденъ почти всюду: Оберъ-Лаузицъ, Ольденбургъ, подъ Мюнстеромъ, Данцигомъ и т. д. *(Borggreve.* Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 53).

Въ южную Бельгію залетаетъ изрѣдка *(Alph. De la Fontaine.* Faune du pays de Luxembourg. Oiseaux, p. 208).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (Ornith. europ., p. 10), часто встрѣчается въ Провансѣ и случайно залетаетъ въ Лангедокъ, Дофинэ и сѣв. Францію. По свидѣтельству *Мюллера* (Journ. f. Ornith., 1856, S. 211), не рѣдокъ въ Севеннахъ, гдѣ гнѣздится и откуда спускается лѣтомъ за добычей въ прирончкія низменности. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 7), очень рѣдкая залетная птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, S. 44), встрѣчается въ окрестностяхъ Ліона. По *Dubalen* (Catalogue critique etc., p. 5), *Lacroix* (Bull. de la Soc. d'hist. natur. de Toulouse, Juillet, 1875, p. 97) и *Jaubert* (Revue et Mag. de Zool., 1854, p. 211), гнѣздится въ Пиренеяхъ, откуда лѣтомъ слетаетъ въ Провансъ. Въ Савойю залетаетъ случайно (Naumannia, 1855, S. 413).

Случайно залетаетъ въ Женевскую долину (Naumannia, 1856, S. 164).

Въ Испаніи, по *Брему* (Allg. deutsche Naturhistor. Zeit., S. 435), осѣдлая птица всей страны, доходящая на с. до Галисіи и Пиренеевъ включительно (Journ. f. Ornith., 1855, S. 297). По *Saunders*'у (Catalogue des oiseaux du midi de l'Espagne, p. 316), обыкновенная осѣдлая птица южной Испаніи. По *Irby* (The Ornithology of the Straits of Gibraltar, p. 29—31), во множествѣ гнѣздится въ горахъ у Гибралтара.

Въ Португаліи обыкновененъ *(Sharpe)*.

На Балеарскихъ о—вахъ, по *Homeyer*'у, бываетъ только зимою (Journ. f. Orn., S. 245 – 247).

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 2—3), осѣдлый въ горахъ подъ Ниццей, въ Сардиніи и Сициліи; случайно встрѣчается во всей остальной Италіи. (См. также *Malherbe*, l. c., p. 20 и Journ. f. Ornith., 1865, S. 55—57).

Въ Австро-Венгріи G. fulvus имѣетъ весьма широкое распространеніе. По свидѣтельству *Tschusi-Schmidhofen*'а (Journ. f. Ornith., 1876, 330; 1875, 408; 1874, 341; 1878, 94; 1880, 133 и др.), онъ все чаще и чаще встрѣчается въ Богеміи, Моравіи, собственно Австріи и Штиріи. По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 467), очень рѣдокъ въ южной Штиріи. По *Tschusi-Schmidhofen*'у (Zoolog. Garten, 1875, S. 230), не рѣдокъ

въ горахъ Зальцбурга, гдѣ гнѣздится на утесахъ. По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 393) и *Dalla Torre* (Die Wirbelthierfauna von Tirol, S. 19), очень рѣдокъ въ Тиролѣ. Въ Крайнѣ рѣдокъ (*Freyer.* Fauna etc., S. 7). По свидѣтельству гр. *Водзицкаго* (Journ. f. Ornith., 1854, 429), гнѣздится на хребтѣ Татра. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 291), довольно обыкновененъ въ Трансильваніи. Осенью, впрочемъ не ежегодно, G. f. бываетъ подъ Вѣной (Journ., f. Ornith. 1879, S. 109). Гнѣздится на хребтѣ Фруска-Гора (Journ. f. Ornith., 1879, 25—27). Далмація.

Сербія.

На Балканскомъ полуо—вѣ G. fulvus обыкновененъ въ Болгаріи (*Radakoff.* Bull. de Moscou, 1879, I, 163), Добруджѣ (Gebrüder *Sintenis.* Zur Ornis der Dobrudscha. Journ. f. Orn., 1877, S. 60), гнѣздится на Балканахъ (*Finsch*, Journ. f. Orn., 1859, S. 379), обыкновененъ въ Македоніи (*Elwes & Buckley*, l. c., p. 64—65) и гнѣздится (осѣдлый) во всей Греціи (*Krüper.* Journ. f. Ornith., 1862, S. 364; *Lindermayer.* Die Vögel Griechenlands, S. 6; La faune de Grèce, p. 30). Осѣдлый на Цикладахъ (*Erhard.* Naumannia, 1858, S. 6, гдѣ ошибочно помѣченъ подъ названіемъ V. Kolbii).

Въ **Азіи**:

По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1869, S. 23), гнѣздится подъ Смирной. По *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, Ibis, 1878, p. 2), вообще обыкновенная птица Малой Азіи. Сирія. Палестина. Синайскій полуо—въ (*Sharpe*, l. c.). Въ Персіи, по свидѣтельству *Filippi* (Journ. f. Ornith., 1876, S. 175), всюду обыкновененъ. По *Blanford* (Eastern Persia, p. 99—101), G. f. въ Персіи осѣдлый, только на зиму болѣе подающійся къ берегу моря. Пенджабъ. По *Hum*'у (Stray Feath., Vol. I, p. 148—159), распространенъ по всему Синду. По *Butler*'у (Stray Feath., Vol. III, p. 441—442), довольно обыкновененъ въ низменностяхъ Гудзехарата. По *Сьверцову* (Вертик. и горизонт. распред. турк. животн., стр. 62), распространенъ во всемъ Туркестанскомъ краѣ: Семирѣчье, Иссык-куль, Нарынъ, Аксай, Чу, Таласъ, Джумгалъ, Сусамыръ, Сон-куль, Чатыр-куль, Каратау, зап. Тянь-Шань, окрестности Ходжента, долина Заревшана, горы между Заревшаномъ

и Сыръ-Дарьей, степь между Заревшаномъ, Сыръ-Дарьей и песками Кызыл-кумъ. Гималайскій округъ, кромѣ альпійскаго пояса, занятаго G. himalayensis.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 3—5, I—III), G. fulvus найденъ имъ вдоль берега Краснаго моря до 16° с. ш., во всемъ Египтѣ, во всей Нубіи и въ Абиссиніи до 12,000′ (см. также *Shelley.* Birds of Egypt, p. p. 210—211); отдѣльные экземпляры встрѣчаются въ Кордофанѣ и по нижнему теченію Бѣлаго и Голубаго Нила. Сенааръ. Сахара *(Tristram).* Фецъ. Окрестности оз. Чадъ. Тунисъ. По *Loche* (Catalogue des mammif. et des oiseaux observés en Algérie, p. 35) и *Тачановскому* (Uebersicht der Vögel Algeriens, Journ. f. Ornith., 1870, S. 36), обыкновенная, отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица Алжира. Въ Морокко рѣдокъ *(Irby,* l. c., p. 29).

4.

GYPAËTOS BARBATOS, BRISS.

Бородачъ.

Синонимы: Vultur aureus, Aldrov.; Falco magnus, I. G. Gmelin; Vultur barbatus, Briss.; Vultur alpinus, Briss.; Vultur niger, Briss.; Falco barbatus, Linn.; Falco barbarus, Gmel.; Falco barbatus, Gmel.; Gypaetus altaicus, Gebler; Gyp. barb. occidentalis, Schlegel; Gypaetus orientalis, Blyth.

станціи:

дикая скалистая мѣстность.

Во всей области своего распространенія бородачъ является птицей осѣдлой.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Въ собственно Европ. Россіи бородачъ не водится, но, по *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 33), встрѣчается на всемъ протя-

женіи главнаго Кавказскаго хребта и Малаго Кавказа, при чемъ держится будто бы исключительно въ верхнемъ поясѣ горъ, выше предѣла лѣсовъ. Послѣднее врядъ ли вѣрно: бородачъ гнѣздится очень рано и уже потому не въ верхнемъ поясѣ горъ, куда поднимается по вылетѣ молодыхъ, съ повышеніемъ снѣговой линіи. То же самое надо сказать о распространеніи этой птицы на азіатскихъ горныхъ хребтахъ.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Распространеніе бородача въ Швейцаріи прежде было гораздо обширнѣе, чѣмъ теперь. По свидѣтельству *Girtanner*'а (Verh. St. Gall. naturwiss. Gesellschaft, 1869, 1870), въ очень отдаленныя времена сѣверные отроги Швейцарскихъ Альпъ вѣроятно были крайнимъ сѣвернымъ мѣстонахожденіемъ этой птицы. Кантоны Тургау, Шафгаузенъ, Цюрихъ, Ааргау, Золотурнъ и Базель, какъ наиболѣе удаленные отъ этихъ отроговъ и съ менѣе высокими горами, чѣмъ истинно альпійская страна, вѣроятно никогда не были правильно населены этимъ видомъ, что надо сказать и о Юрѣ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ бородачъ жилъ прежде, но не живетъ теперь. Онъ населялъ самыя дикія области Альпъ и былъ найденъ въ Тессинскихъ, Валисскихъ и Бернскихъ Альпахъ, но особенно держался Альпъ Граубюндена, гдѣ несомнѣнно гнѣздится еще и теперь. Въ Бернѣ и Тессинѣ въ періодъ гнѣздовья наблюдался въ 1870 году и вѣроятно изрѣдка гнѣздится тамъ еще въ настоящее время. Втеченіе настоящаго столѣтія онъ положительно не былъ найденъ гнѣздящеюся птицею Аппенцелля. Точно также онъ гнѣздился когда-то въ С. Галленѣ, но уже давно исчезъ оттуда. Не должно быть бородача въ кантонѣ Гларусъ и уже давно не добыто ни одного экземпляра изъ Швица. Изрѣдка еще гнѣздится въ Верхнемъ Энгадинѣ.

Во Франціи, по свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 414), въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ бородачъ былъ уже очень рѣдокъ въ Савойскихъ горахъ, хотя тогда вѣроятно принадлежалъ еще къ гнѣздящимся тамъ птицамъ. По свидѣтельству *Müller*'а (Journ. f. Ornith., 1856, S. 212), гнѣздится въ Пиренеяхъ и

Севеннахъ. По *Dubalen* (Catalogue critique des oiseaux observés dans les départements des Landes etc., p. 6) и *Lacroix* (Bull. de Toulouse, 1875, p. 98), гнѣздится въ разсѣлинахъ неприступныхъ Пиренейскихъ скалъ; въ испанскихъ Пиренеяхъ бородачъ обыкновеннѣе, чѣмъ во французскихъ.

Въ Испаніи, по *Brehm*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 396; Naumannia, 1858, 231), *Saunders*'у (Catalogue des oiseaux du midi d'Espagne, 317) и *Irby* (Ornithology of the Straits of Gibraltar, p. 38—39), распространенъ по всѣмъ горнымъ цѣпямъ.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 4), гнѣздится на Пьемонтскихъ Альпахъ, въ Сардиніи (см. также Journ. f. Ornith., 1865, 58—60) и въ Сициліи, но на Альпахъ за послѣдніе 20—30 лѣтъ сталъ очень рѣдокъ. На Апеннинскомъ хребтѣ, кажется, не встрѣчается.

Въ Австро-Венгріи въ сороковыхъ годахъ водился въ горахъ Зальцбурга, но къ концу шестидесятыхъ годовъ тамъ выбитъ (Zool. Garten, 1875, 230). По свидѣтельству *Althammer*'а (Naumannia, 1857, 393), въ 1810 году пара этихъ птицъ, ♂ и ♀, были добыты подъ Инсбрукомъ и съ тѣхъ поръ бородачей въ Тиролѣ добыто не было, но, по *Dalla Torre* (l. c., p. 19), бородачъ какъ крайне рѣдкая птица еще продолжаетъ встрѣчаться въ Тиролѣ. По свидѣтельству *Danford & Brown* (The Birds of Transylvania, 1875, p. 291), бородачъ не рѣдокъ въ наиболѣе высокихъ горахъ Трансильваніи.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по *Elwes & Buckley* (The Birds of Turkey, p. 65), бородачъ довольно обыкновененъ въ Македоніи; гнѣздится на Парнасѣ. *Finsch* (Journ. f. Ornith., 1859, S. 380) видѣлъ бородачей, летающихъ надъ Балканскимъ хребтомъ, но предполагаетъ, что они заходятъ сюда изъ Албаніи и Босніи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1862, S. 373), осѣдлый въ Греціи, гдѣ предпочитаетъ средній поясъ горъ. По *Lindermayer*'у (Die Vögel Griechenlands, S. 10—11), бородачъ распространенъ по всѣмъ горамъ Пелопонеса, сѣв. Греціи и на Эвбеѣ (см. также La faune de Grèce, p. 30).

Въ **Азіи**:

По *Krüper*'у (Journ. für Ornith., 1864, S. 23), живетъ одиночно въ горахъ Малой Азіи. По *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, Ibis, 1878, 1—2), очень обыкновененъ на Таврѣ. По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 101), осѣдлый во всѣхъ горахъ Персіи. Въ Белуджистанѣ около берега не найденъ, несмотря на 4000′ надъ уровнемъ моря. *Hume* (l. c., p. 151) два раза замѣтилъ бородача въ горахъ между Синдомъ и Келатомъ. По свидѣтельству *Stoliczka* (Ornithological Observations in the Sutlej valley, Journ. As. Soc. Bengal. Vol. XXXV, 1868, p. 12), обыкновененъ въ долинѣ Сетледжа и въ зап. Тибетѣ; зимою подвигается нѣсколько къ югу. По *Henderson & Hume* (Lahore to Yarkand, p. 166, 170), найденъ въ Пенджабѣ, Кашмирѣ, Ладакѣ, въ долинѣ Каракаша и до Санджу.

По свидѣтельству *Съверцова* (Замѣтки о фаунѣ позвоночныхъ Памира. Записки Туркестанск. отдѣла общ. любит. естествознанія, Т. I, в. I, стр. 68), распространенъ по всему Памиру и въ Алайскихъ горахъ. Въ Туркестанскомъ краѣ, по свидѣтельству того же наблюдателя (Вертикальное и горизонтальное распредѣл. туркест. животн., стр. 63), распространенъ повсемѣстно (Семирѣчье, Иссык-куль, Нарынъ, Аксай, Чу, Таласъ, Джумгалъ, Сусамыръ, Сон-куль, Чатыр-куль, Каратау, западн. Тянь-Шань, окрестности Ходжента, долина Заревшана, горы между Заревшаномъ и Сыръ-Дарьей), но только изрѣдка посѣщаетъ мѣстности до 4000′ (залетаетъ сюда случайно) и осѣдлой птицей долженъ считаться начиная отъ 4000′ и выше.

Пржевальскимъ (Монголія и страна Тангутовъ, Т. II, стр. 3—4) найденъ во всей Монголіи, въ Гань-су, на Куку-норѣ и въ сѣв. Тибетѣ. Вездѣ, гдѣ только есть дикія, скалистыя горы, хотя бы и не очень высокія, живетъ осѣдло. Въ Ордосѣ и Цайдамъ, гдѣ мѣстность равнинная, бородачи залетаютъ изъ сосѣднихъ горъ. *Гмелинъ* видѣлъ пойманнаго бородача въ Нерчинскѣ. *Геблеръ* нашелъ эту птицу въ 1831 г. въ Даурiи, гдѣ бородачъ найденъ былъ еще Палласомъ. Туземцы говорили *Дыбовскому*, что бородачъ еще довольно обыкновененъ и гнѣздится въ горахъ Тунка.

По *Радде,* эта птица въ тридцатыхъ годахъ водилась еще въ горахъ Одончолона, гдѣ теперь ея совсѣмъ нѣтъ *(Taczanowski.* Faune de la Sibèrie orientale, p. 117). Найденъ въ горахъ на западъ отъ Пекина (Journ. f. Orn., 1874, S. 394). Гнѣздится въ Палестинѣ *(Dresser.* Birds of Europe. P. XV).

Въ **Африкѣ**:

По *Loche* (l. c., p. 37) и *Тачановскому* (Journ. f. Ornith., 1870, S. 36), очень обыкновенная осѣдлая птица Атласа.

Въ с. в. Африкѣ Gyp. barbatos замѣненъ Gyp. meridionalis, Bon.=Gyp. nudipes, Brhm.

5.

HYPOTRIORCHIS SUBBUTEO, LINN.

Бѣлогорликъ.

Синонимы: Falco subbuteo, Linn.; Falco hirundinum, Brehm; Dendrofalco subbuteo, Gray; Hypotriorchis Cuvieri, Gray (по Шарпу).

станціи:

лѣса съ полянами, рощи близъ луговъ или пахатныхъ полей, лиственныя или смѣшанныя, но не исключительно хвойныя.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Область гнѣздовья бѣлогорлика весьма обширна. Уральская экспедиція нашла молодыхъ подъ 63°—64° с. ш. *(Гофманнъ.* Сѣверный Уралъ). *Броуномъ* въ бассейнѣ Печоры Hyp. subb. найденъ подъ 65° 47′ с. ш. (On the Distribution of Birds in North Russia); въ Архангельской губ. и далѣе на западъ, подъ Архангельскомъ, Холмогорами, Онегой и Новой Ладогой, найденъ *Мевесомъ* (Ornithologiska iakttagelser i nordvestra Ryssland. Öfversigt af K. V. Ak. förhandl., 1871, 28, 767); въ Лапландіи *Миддендорфомъ* не

найденъ; въ Финляндіи гнѣздится и обыкновененъ, по *Нордманну* (Uebersicht etc. въ Bull. de Moscou, 1860, I, 5) и *Holmgren'*у (Handbok i zoologi, Häft II, p. 458). По свид. *Сиверса*, найденъ во всемъ Обонежьѣ, отъ Ладожск. озера до Сегозера и Выгозера (Ornitholog. anteckning., стр. 88). Однако *Брандеромъ* подъ Улеаборгомъ не наблюдался, почему надо предпол., что въ Финляндіи сѣверная граница Hyp. subb. до 65° с. ш. не доходитъ. Въ Вологодской, по *Межакову*, гнѣздится, хотя встрѣчается рѣже Lith. aesalon, Er. vespert. и Tinnuncul. al. (Bull. de Moscou, 1856, IV, 627); на Уралѣ найденъ *Сабанѣевымъ* (Богословскій Ур. См. Позвон. средн. Урала, стр. 22 и 23; Каталогъ звѣрей, птицъ, гадовъ и рыбъ средн. Ур. въ Bull. de M., 1871, III, 221); въ предгоріяхъ Урала, прилежащихъ степяхъ и степяхъ приалтайскихъ очень обыкновененъ (*Eversmann* въ Bull. de Moscou, 1848, I, 212 и J. f. Orn., 1853, 62). Для Поволжья указанъ, какъ обыкновенный видъ, *Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 47) и *Эверсманномъ* (Естест. исторія Оренбургск. края, ч. III, стр. 59). Въ Спасскомъ у. Рязанской губ. бѣлогорликъ попадается очень часто (*В. Щепотьевъ*. Природа и Охота, 1879, XI, 282); въ окрестностяхъ Рязани нерѣдокъ, по свидѣтельству *Павлова* (Орнитол. набл., стр. 8). Въ Тульской губ. чеглокъ очень обыкновененъ (*Мензбиръ*. Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 16), въ Орловской губ. гнѣздится, по показанію *Данилова* (Catalogue des oiseaux etc. въ Bull. de Moscou, 1864, II, p. 453). Въ Смоленской, Московской и Ярославской, по *Сабанѣеву*, обыкновененъ (Рукопись и Матеріалы для фауны Ярославской губ., стр. 246; относительно Московской губ. подтверждаю справедливость сказаннаго собственными наблюденіями). Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. чеглокъ встрѣчается часто (*В. Эсауловъ*, l. c., 227). По свидѣтельству *Дьякова*, гнѣздится въ Тверской губ. (Птицы Тверской губ., стр. 56). По свидѣтельству *Фишера*, встрѣчается довольно часто въ Петербургской губ. (Journ. f. Ornith., 1872, S. 386), но, по *Büchner'*у и *Pleske* (Beitr. z. Orn. d. St. Petersb. Gouv., S. 11), въ Гдовскомъ у. рѣдокъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи найденъ *Фишеромъ* и *Мейеромъ* (Kurze Beschreibung der Vögel Liv- und Ehstlands, S. 21); въ Курляндіи гнѣздится, по свидѣтельству *Гуммеля* (*Hummel* въ Naumannia, 1855, 325) и *Гёбеля* (J. f.. Orn., 1873, I; см. также

Kawall, l. c., S. 43); по свидѣтельству *Руссова*, это обыкновенная гнѣздящаяся птица всего Остзейскаго края (Die Ornis Ehst—, Liv—und Curland's. Dorpat, 1880, S. 25). По *Эйхвальду*, будто бы осѣдлый въ Литвѣ, что, конечно, не вѣрно (Zool. spec., 265). Въ Польшѣ лѣтомъ всюду довольно обыкновененъ (*Тачановскій.* O ptakach, стр. 97; Сравнит. обз. орнит. ф. средн. Евр. и ю. в. Сибири, стр. 124; Liste etc., p. 135). Въ Черниговской губ. гнѣздится, по *Шевелеву* (Наблюденія надъ перелетами птицъ и т. д. въ Труд. Харьк. общ. испыт. природы, т. IX). Въ Кіевской на гнѣздовьѣ найденъ *Бельке* и *Кесслеромъ* (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. округа, в. III, стр. 11; *G. Belke.* Notice sur l'histoire natur. du distr. de Radomysl, Bull. 1876, II, p. 492). Въ Подольской водится, по *Бельке* (Esquisse de l'hist. nat. de Kamienitz-Podolski, Bull. de Moscou, 1859, I, 27). Въ Харьковской найденъ на гнѣздовьѣ *Чернаемъ* (Beiträge въ Bull. de Moscou, 1850, II, 607). Въ Воронежской гнѣздится, по свидѣтельству *Сѣверцова* (Періодическія явл. въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губ. Таблица и въ текстѣ стр. 64 и др.). По *Яковлеву* (Списокъ птицъ Астраханской губ. въ Bull. de Mosc., 1872, IV, 329), гнѣздится на веглахъ по о—вамъ и затонамъ Волги до взморья; то же говоритъ *Арцибашевъ* о болѣе верхнемъ теченіи рѣки (Excurs. et obrerv. ornith., 1859, III, стр. 46; см. также статью Becker'a о сарептскихъ птицахъ, S. 239); въ Новороссіи и Крыму гнѣздится, по свидѣтельству *Нордманна* (Faune pontique, p. 87); въ Крыму гнѣздится также по показанію *Шатилова* (въ Тамакской степи; Изв. Имп. общ. любит. естествознанія, Т. X., в. 2-й, стр. 84) и *Радде* (въ лѣсахъ около Альмы и Салгира; Beiträge zur Ornithologie S. Russl. въ Bull. de Moscou, 1853, III, 132, 133 и J. f. Orn., 1854, S. 54). Въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Вост. Румеліи гнѣздится повсемѣстно (*Radakoff* въ Bull. de Moscou, 1879, I, 166). На Кавказѣ, по *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 42), бѣлогорликъ идетъ по долинамъ Терека, Кубани и Кумы съ ихъ притоками; по широкимъ долинамъ сѣвернаго склона поднимается даже до пояса елей; есть и на Черноморскомъ берегу. *Менетріе* и *Гогенакеръ* наблюдали эту птицу въ Закавказьѣ; изъ этого слѣдуетъ, что бѣлогорликъ гнѣздится и на

Кавказѣ и въ Закавказьѣ, но остается ли онъ здѣсь зимовать или улетаетъ—неизвѣстно.

Отъ указанной сѣверной границы (приблизительно отъ 65° с. ш.) во всей Европ. Россіи бѣлогорликъ является птицей гнѣздящейся всюду, гдѣ есть подходящія станціи. Поэтому указать ту область, въ которой бѣлогорликъ является только на перелетахъ, въ Европ. Россіи нельзя; но за то, за исключеніемъ мѣстностей, прилежащихъ къ сѣв. предѣлу распространенія этой птицы, во всей остальной области гнѣздовья въ извѣстное время года къ мѣстнымъ птицамъ присоединяются и пролетныя; такимъ образомъ отличіе осенняго и весенняго распространенія отъ лѣтняго въ Европ. Россіи у бѣлогорлика состоитъ только въ томъ, что осенью и весною онъ появляется даже за предѣлами своихъ обычныхъ станцій.

γ) Область зимовья.

Показаніе *Эйхвальда*, будто Hyp. subbuteo осѣдлый въ Литвѣ, конечно, ошибочно, такъ какъ ни въ Остзейскомъ краѣ, ни въ Польшѣ H. s. не является осѣдлою птицей. На Кавказѣ, повидимому, это то же только лѣтующая птица. Да даже и подъ Константинополемъ, по свидѣтельству г. г. *Alléon* и *Vian*, Hyp. subb. предпочтительно птица пролетная и осѣдлы только немногіе экземпляры (Revue et mag. de Zool., 1869, 305—306).

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Швеціи, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 66; 1855, S. 129), бѣлогорликъ самый обыкновенный изъ p. Falco въ южной и средней части страны; крайняя сѣв. граница бѣлогорлика въ Швеціи—около полярнаго круга, но обыкновеннымъ онъ перестаетъ быть уже гораздо раньше. Гнѣздится на Готландѣ (Naumannia, 1853, S. 82).

Въ Норвегіи, по *Collet* (Norges Fugle, p. 152), гнѣздится около фіорда Христіанія, поднимаясь до Міозена; на западн. берегу встрѣчается изрѣдка до Бергена (приблизительно до 61° с. ш.).

Въ Даніи, по свидѣтельству *Kjaerbölling*'а (Danmarks Fugle, p. 24—25), обыкновенная гнѣздящаяся птица; прилетаетъ въ апрѣлѣ, улетаетъ въ слѣдъ за жаворонками въ сентябрѣ и октябрѣ.

Въ Германіи довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица во всей сѣверной части страны *(Borggreve,* l. c., 54); по свидѣтельству *Wiese* (J. f. O., 1860, 214), гнѣзд. въ восточной Пруссіи; по *Krüper*'у, гнѣзд. въ Помераніи (J. f. Orn., 1853, S. 149); по показанію *Preen*'а (Naumannia, 1856, S. 61), вѣроятно гнѣздится подъ Шверином; по *Negelein*'у, обыкновенная гнѣздящаяся птица Ольденбурга (Naumannia, 1853, S. 59); по *Speerschneider*'у, гнѣздится между Тюрингенскимъ лѣсомъ и Гарцемъ, и вѣроятно не гнѣздится въ долинѣ Шварцы вслѣдствіе горнаго характера страны (Naumannia, 1853, S. 374); по *Liebe,* гнѣзд. въ Тюрингіи (J. f. Orn., 1878, S. 67); по свидѣтельству *H. Schalow*'а (J. f. Orn., 1876, S. 34) и *Vangerow*'а, обыкновенная гнѣздящаяся птица Бранденбурга (J. f. Orn., 1855, S. 184); по свидѣт. *Brahts*'а, гнѣздящаяся и пролетная птица Рейнскихъ провинній (Naumannia, 1855, S. 341); по *Landbeck*'у, не рѣдкая гнѣздящаяся птица Баваріи (Naumannia, 1855, S. 75), *Jäckel*'емъ (Naumannia, 1856, S. 40) также отмѣченъ для Баваріи; по *Fritsch*'у, гнѣздится въ Богеміи (J. f. Orn., 1872, S. 380).

Въ Нидерландахъ и Бельгіи преимущественно встрѣчается на пролетѣ, но отчасти и гнѣздится *(H. Schlegel* въ Muséum des Pays-bas, Falcones p. 22 и *De la Fontaine,* l. c., p. 210—211).

На Британскихъ о—вахъ, по *Мору,* гнѣздится во всей Англіи, но наиболѣе обыкновененъ въ ея юго-восточной и средней части и рѣдокъ въ сѣверной (быть можетъ, отчасти остается зимовать). Въ Шотландію залетаетъ только случайно,—въ южныя части страны. Въ Ирландіи найденъ только однажды (*Dresser,* Birds of Europe).

Во Франціи бѣлогорликъ, по свидѣтельству *Degland & Gerbe,* довольно обыкновененъ на сѣверѣ (l. c., p. 86). По свидѣтельству *Le Mennicier* (l. c., p. 117) и *Benoist* (l. c., p. 232), въ Нормандіи рѣдокъ; почти то же слѣдуетъ вывести изъ словъ *De*

Sinety (l. c., p. 201) о департаментѣ Сены и Марны и *Marchand* (l. c., p. 9) о департаментѣ Эвры и Луара; по свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 8), гнѣздится въ департ. Котъ-д'Оръ; по *Bailly* (l. c., S. 414), довольно обыкновенная осѣдлая птица Савойи; *Olph Galliard* (l. c., S. 45) отмѣтилъ его для окрестностей Ліона; по *Müller*'у (J. f. Orn., 1856, 215), гнѣздится въ Провансѣ; по *Dubalen* (l. c., p. 9), довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица Гіеня и Гасконьи; по *Lacroix* (l. c., p. 28), отчасти осѣдлая птица Пиренейскихъ горъ и прилежащихъ низменностей; многочисленна на пролетѣ.

На Пиренейскомъ полуо—вѣ, по свидѣтельству *A. Brehm* (Vorläufige Zusammenstellung etc., S. 438) и *Saunders* (l. c., 320), бѣлогорликъ обыкновенная пролетная и рѣдкая осѣдлая птица (см. также J. f. Orn., 1855, S. 298 и Naumannia, 1858, S. 231).

Въ Италіи, если и гнѣздится, то только по болѣе высокимъ горамъ Веронской провинціи; но это свидѣтельство *Perini* еще нуждается въ провѣркѣ *(Salvadori.* Fauna d'Italia, II, p. 20).

Въ Швейціаріи, по свидѣтельству *G. du Plessis* (l. c., p. 105), *Fatio* (l. c., S. 164) и *Goeldlin*'а (J. f. O., 1879, S. 359) гнѣздится по горнымъ долинамъ.

Въ Австро-Венгріи гнѣздится во множествѣ въ Тиролѣ, только не въ сѣверномъ, гдѣ рѣдокъ *(Althammer* въ Naumannia, 1857, 392); довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица Зальцбурга (Zool. Gart., 1875, 233); по *Freyer*'у, найденъ въ Крайнѣ (l. c. S. 7.); въ Штиріи обыкновененъ (Naumannia, 1858, S. 468), равно какъ и въ собственно Австріи (J. f. Orn., 1879, 112); то же о Трансильваніи говорятъ *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 292).

На Балканскомъ полуо—вѣ очень обыкновенная гнѣздящаяся птица Болгаріи, особенно многочисленна въ Балканахъ (J. f. Orn., 1859, S. 380); по свидѣтельству г. г. *Sintenis*, бѣлогорликъ гнѣздится въ Добруджѣ, въ лѣсахъ Дунайской дельты (J. f. Orn., 1877, S. 61); по *Elwes & Buckley* (l. c., p. 74—75), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица Турціи; по *Lindermayer*'у (l. c., S. 12) и *Th. de Heldreich* (l. c., p. 30), частью осѣдлый, частью пролетный въ Греціи.

Въ **Африкѣ**:

Быть можетъ, бѣлогорликъ гнѣздится въ Алжирѣ (*Loche*, l.c., 42).

Въ **Азіи**:

По *Палласу*, *Финшу* (Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876, S. 143), *Третьякову*, *Миддендорфу*, *Шренку*, *Радде*, *Мааку*, *Дыбовскому* и *Тачановскому* (Faune de la Sibérie orientale, p. 126), бѣлогорликъ распространенъ черезъ всю Сибирь до Камчатки включительно, за исключеніемъ только глухой тайги.

По *Swinhoe*, найденъ въ восточн. половинѣ собственно Китая (Тянтзинъ, Ханкоу, Фучау и Амой) (On the Birds of China, Proc. Zool. Soc., 1863, № XVIII, p. 260).

Въ Уссурійскомъ краѣ найденъ въ степной полосѣ между оз. Ханка и р. Суйфуномъ. Въ ю.-в Монголіи найденъ на горахъ Муни-ула и близъ хребта Хара-наринъ-ула; кромѣ того встрѣченъ недалеко отъ Урги. Въ Монголіи вообще рѣдокъ, а въ Ганьсу и на Куку-Норѣ вовсе не замѣченъ (*Н. Пржевальскій*. Монголія, т. II, стр. 15). По *Scully*, гнѣздится въ Восточномъ Туркестанѣ (l. c., 119—120). *Сѣверцовымъ* отмѣченъ для всѣхъ зоологическихъ участковъ Туркестанскаго края (Верт. и горизонт. распред. туркест. животныхъ, стр. 63): Семирѣчье, Иссык-куль, Нарынъ, Чу, Таласъ, Каратау, зап. Тянь-шань, окрестности Ходжента, долина Заревшана, горы между Заревшаномъ и Сыръ-Дарьей. Не поднимается выше 4000′. На Гималаѣ не рѣдокъ осенью и зимою, но какъ гнѣздящаяся птица съ достовѣрностью еще не найденъ (*Hume*. Rough Notes, I, p. 85).

По *Henderson & Hume*, найденъ въ Пенджабѣ, Кашмирѣ, Ладакѣ и въ равнинахъ Яркенда; ни въ пустыняхъ Каракаша, ни въ горной странѣ Яркенда бѣлогорлика нѣтъ. Henderson & Hume допускаютъ, что F. subbuteo бываетъ въ поименованныхъ мѣстностяхъ только зимою, на пролетѣ (Lahore to Yarkande, p. 166) и залетаетъ случайно.

По свидѣтельству *Stoliczka*, б. м. изрѣдка гнѣздится еще въ долинѣ Сетледжа (l. c., 13).

По *Blanford*, на Эльбурсѣ найденъ 14 августа; вѣроятно гнѣздится и зимуетъ (East. Persia, II, 105), подтвержденіемъ чему служитъ то, что *De-Filippi* добылъ бѣлогорлика около Мэрсида (на пути въ Тавризъ) въ концѣ лѣта (J. f. O., 1876, S. 175).

Въ Малой Азіи, по *Danford* (Ibis, 1878, I, p. 3), довольно обыкновененъ.

β′) Область пролета.

Въ **Европѣ** исключительно пролетной птицей бѣлогорликъ является, по свидѣтельству *Salvadori*, *Ninni* и др. въ Италіи (Fauna d'Italia, II, p. 20 и Catalogo degli Uccelli del Veneto, p. 9) и, по *Salvadori*, въ Сардиніи (J. f. Orn., 1865, S. 65). По *Malherbe*, въ Сициліи обыкновененъ на пролетѣ и рѣдокъ на гнѣздовьѣ (l. c., 25). По *Irby*, пролетныйн а Испанскомъ берегу Гибралтарскаго пролива (l. c., p. 52).

Въ **Африкѣ**, по *Irby*, пролетный въ Морокко (l. c., p. 52); по *Loche* (l. c., 42), пролетный въ Алжирѣ, гдѣ остаются зимовать только немногіе экземпляры (*Тачановскій* въ J. f. Orn., 1870, S. 38). Канарскіе о—ва (J. f. O., 1854, S. 449).

Въ **Азіи** бѣлогорликъ является пролетною птицею въ полосѣ, прилегающей къ южной границѣ его области гнѣздовья, и на Гималаѣ (см. выше).

γ′) Область зимовья.

Въ **Азіи** зимуетъ на Гималаѣ, вѣроятно въ равнинахъ Яркенда, въ Ладакѣ, Кашмирѣ и Пенджабѣ. По *Бётлеру*, обыкновененъ зимою въ Гудзехаратѣ, но не добытъ въ Синдѣ, Кучѣ, Каттяварѣ и Джейпурѣ (Str. Feath., vol. III, p. 443—444). Вѣроятно зимуетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, въ Персіи (см. Eastern Persia, Vol. II), въ Малой Азіи и Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**, по свидѣтельству *Тачановскаго*, рѣдокъ на зимовьѣ въ Алжирѣ (l. c., S. 38). По *Shelley*, обыкновененъ зимою въ Египтѣ и Нубіи (l. c., p. 192). *Tristram* отмѣчаетъ его пролетной птицей Сахары (Ibis, 1859, p. 25 и 290). Для западной Африки отмѣченъ *Heuglin'*омъ (Ornithol. Nordost-Afrika's. Appendix, S. XIV). По свидѣтельству *Barboza du Bocage* (Ornitho-

logie d'Angola, p. 48), F. subbuteo найденъ на зимовьѣ въ Анголѣ; въ Дамарѣ, по *Андерсону,* появляется въ дождливое время года. По *Layard* (The Birds of South Africa, New Edition, p. 59), бѣлогорликъ зимою бываетъ въ Овампо, Ондонгѣ, Моссамедсѣ, Дамарѣ и доходитъ даже до Капштадта.

6.

FALCO PEREGRINUS, BRISS.

Соколъ обыкновенный, сапсанъ.

Синонимы: Falco communis, Gmel.; Falco peregrinus, Gmel.; Falco abietinus, Bechst.; Falco cornicum, C. L. Brehm; Falco griseiventris, C. L. Brehm; Falco leucogenys, C. L. Brehm.

До сихъ поръ принимаютъ въ пале-арктической области одинъ видъ обыкновеннаго сокола—Falco peregrinus, безъ всякихъ подраздѣленій, и совершенно отбросили подвиды F. p. установленные Бремомъ-отцомъ. Разбирая въ коллекціяхъ экземпляры F. p. изъ разныхъ мѣстностей, я пришелъ какъ разъ къ противоположному выводу и нашелъ, что подвиды F. peregrinus, данные Бремомъ-отцомъ, съ присоединеніемъ еще одного даютъ замѣчательный рядъ, указывающій на отношеніе соколовъ-сапсановъ къ балóбанамъ. Впрочемъ, т. к. матеріалъ, бывшій въ моихъ рукахъ, не настолько великъ, чтобы *точно* установить области распространенія подвидовъ сапсана, то я укажу сначала область распространенія вида, и уже затѣмъ перейду къ подвидамъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Уральская экспедиція нашла старую самку съ молодыми подъ 68° с. ш. *Seebohm & Brown* нашли F. peregrinus гнѣздящимся на верхней Печорѣ, до 68° 58′ (On the Birds of the Lower Pe-

tchora, p. 110—111). Подъ Архангельскомъ гнѣздится, по *Гёбелю* (Journ. f. Ornith., 1873, S. 419); по *Мевесу* (Ornithol. iakttagelser i n. v. Ryssl., Ofversigt и т. д., 1871, p. 766), яйца F. p. найдены были близь Архангельска, гдѣ однажды эта птица была встрѣчена и *Лиліеборгомъ* (подъ Архангельскомъ, см. Naumannia, 1852, S. 94). Въ Русской Лапландіи *Миддендорфомъ* не найденъ, но *Нордманномъ* отмѣченъ въ числѣ птицъ Финляндіи и Лапландіи (Bulletin de Moscou, 1860, I, p. 5). По *Брандеру,* гнѣздится въ Улеаборгской губ. (Pudasjärvi, на с. в. отъ Улеаборга; 65° с. ш.) (Notiser ur sällskapets pro fauna et flora fennica förhandlingar. Tionde häftet, 1869. S. 379). Въ каталогѣ *Межакова* не упоминается (Bull. de Moscou, 1856, IV, p. 627). Въ Пермской губ. найденъ во всей лѣсной области (*Сабанѣевъ.* Позвоночн. средн. Урала, стр. 23; Каталогъ и т. д. въ Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 222). По *Богданову* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 46) и *Эверсманну* (Естеств. ист. Оренб. края, Ч. III, стр. 57 и Einige Beiträge zur Mammologie und Ornithologie des Russ. R., Bull. de Moscou, 1848, I, и Journ. f. Ornith., 1853, S. 62), F. p. не рѣдокъ въ Казанской и Симбирской губ. Въ Спасскомъ у. Рязанской губ., по свидѣтельству *В. Щепотьева* (Природа и Охота, 1879, XI, 282), черный «попадается и гнѣздится нерѣдко», но *Павловымъ* (Орнитолог. наблюд., стр. 8) замѣченъ только разъ. Въ Орловской, по *Данилову*, будто бы изрѣдка, только на пролетѣ (Catalogue etc. Bull. de Moscou, 1864, II, 453). Въ Тульской губ. гнѣздится (*Мензбиръ.* Орнитолог. фауна Тульской губ., стр. 15). Въ Московской, Смоленской, Ярославской и Владимірской довольно обыкновененъ (Рукопись *Сабанѣева).* По свидѣтельству *Дѣякова*, гнѣздится въ Тверской губ. (Птицы Тверской губ., стр. 55). *Брандтомъ* отмѣченъ для Петербургской губ. (Journ. f. Orn., 1880, S. 225). По *Büchner*'у и *Pleske* (Beitr. z. Ornithol. d. St. Petersb. Gouv., S. 10), изрѣдка въ Петергофскомъ у. По свидѣтельству *Руссова* (Die Ornis Ehst—, Liv—und Curland's, S. 23—25), отчасти пролетная, отчасти гнѣздящаяся птица Остзейскаго края. Въ Лифляндіи на гнѣздовьѣ найденъ *Миддендорфомъ* (Beitr. z. K. d. R. R., B. VIII, S. 233). Въ Курляндіи гнѣздится, по *Гёбелю* (Journ. f. Ornith., 1873, I). Въ Польшѣ довольно рѣдокъ, но ежегодно гнѣздится и зимуетъ (*Тачановскій.* O ptakach, 91; Сравнит. обзоръ и т. д., стр.

124; Liste etc., p. 135). Въ Литвѣ водится, по *Тизенгаузу*. Въ губерніяхъ бывшаго Кіевскаго учебнаго округа встрѣчается рѣдко (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 16); у *Бельке* (Радомысльскій у.) не упоминается. Въ Харьковской губ., по *Черная* (Фауна Харьковск. губ., стр. 35 и Beiträge zur F. des Chark. Gouv., Bull. de Moscou, 1850, II, стр.607), очень рѣдокъ, но гнѣздится. То же надо сказать о Воронежской губ. По *Moeschler*'у (Verzeichniss etc., Naumannia, 1853, S. 303 и также стр. 25; см. также *Becker*'а, l. c., S. 239), найденъ подъ Сарептой въ началѣ марта и только зимою наблюдается подъ Астраханью (*Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 329). Въ началѣ февраля найденъ подъ Одессою (*Goebel*. Journ. f. Ornith., 1873, 123). *Радде* встрѣченъ 4-го сентября 1853 г. у Юрзуфа (Beiträge zur Ornith. S. Russl. въ Bull. de Moscou, 1854, III, 132, 133). По *Шатилову* (Извѣстія общества любит. естествознанія, Т. X, в. 2-й, стр. 84), встрѣчается изрѣдка впродолженіе цѣлаго года въ Крыму. Въ Бессарбіи найденъ на пролетѣ, но вѣроятно и гнѣздится (Bull. de Moscou, 1879, I, 166). Такимъ образомъ F. p. гнѣздящаяся птица всей Европ. Россіи, улетающая зимовать въ южную Россію, с. в. Африку и Малую Азію изъ полосы тундры и отчасти тайги. Въ полосѣ островныхъ лѣсовъ и степи F. p. по преимуществу осѣдлая птица, по крайней мѣрѣ большинство старыхъ птицъ и нѣкоторыя молодыя не покидаютъ страну и зимою. Въ полосѣ степи къ остающимся мѣстнымъ присоединяются прилетѣвшіе на зимовку изъ болѣе сѣверныхъ участковъ. Слѣдовательно, какъ область пролета, такъ и область зимовья F. p. въ Европ. Россіи составляютъ только части области гнѣздовья этой птицы.

Относительно Кавказа вопросъ не выясненъ. «Не имѣя экземпляра отъ Гогенакера, и вообще съ Кавказа, говоритъ г. Богдановъ, не могу судить, дѣйствительно ли водится тамъ нашъ обыкновенный соколъ, или же другой какой нибудь видъ» (Птицы Кавказа, 41). Я съ своей стороны прибавлю, что въ Кубанско-Терскомъ округѣ несомнѣнно водится F. p. leucogenys, но въ Закавказьи и по горнымъ хребтамъ собственно Кавказа, быть можетъ, распространенъ и месопотамскій сапсанъ.

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуо—вѣ, по свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, p. 151), въ Норвегіи гнѣздится мѣстами до Южнаго Варангера и Вадзё. У Варангова фіорда рѣдокъ и сомнительно, чтобы гнѣздился тамъ. Въ Швеціи гнѣздится всюду до 67° — 68° с. ш., становясь все рѣже съ приближеніемъ къ сѣверному предѣлу гнѣздовья (*Wallengren.* Brützonen der Vögel innerhalb Scandinavien, Naumannia, 1854, S. 65). Въ южной Норвегіи преимущественно гнѣздится по горамъ, но изрѣдка гнѣздится и въ низменностяхъ. По *Holtz*'у (Die Insel Gothland, S. 39), гнѣздится на скалахъ Готланда. *Barth*'омъ найденъ на Лафоденскихъ о—вахъ.

Гнѣздится на Фарерскихъ и Шотландскихъ о—вахъ, но не въ Исландіи (Journ. f. Ornith., 1869, S. 108).

Въ Даніи, по свидѣтельству *Kjaerbölling*'а (Danmarks Fugle, p. 23—24), F. p. гнѣздится, но не можетъ считаться ни рѣдкой, ни обыкновенной птицей.

Въ сѣв. Германіи, по свидѣтельству *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 54) всюду рѣдокъ. Едвали гнѣздится въ сѣверо-западной равнинѣ, п. ч. тамъ нѣтъ ни скалъ, ни большихъ лѣсныхъ участковъ. Чаще всего встрѣчается въ Бранденбургѣ (см. также Journ f. Ornithol., 1876, S. 35) и Помераніи, равно какъ и на отвѣсныхъ утесахъ Рейнскихъ горъ (см. также Naumannia, 1855, S. 341). По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 54) и *Wiepken*'у & *Greve* (Systematishes Verzeichniss der Wirbelthiere im Herzogthum Oldenburg, S. 14), на пролетѣ и зимою бываетъ въ Ольденбургѣ. По свидѣтельству *Pässler*'а (Journ. f. Ornith., 1857, 400 и 1865, 31), гнѣздится въ Ангальтѣ. По *Blasius*'у, гнѣздится на Гарцѣ. По *Landbeck*'у (Naumannia, 1855, S. 75) и *Jäckel*'ю (Naumannia, 1856, S. 40), въ западной и юго-западной Баваріи F. p. бываетъ только осенью, зимою и весною, вѣроятно пролетный и залетающій изъ Богеміи.

Въ Голландіи гнѣздящимся не найденъ (*Dresser*. Birds of Europe. P. XLVII & XLVIII), въ южной Бельгіи, по свидѣтельству *La Fontain*'а (Faune du pays de Luxembourg. Oiseaux, p. 209 — 210), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица (См. также Muséum des Pays-bas, Falcones, p. p. 1—4).

На Британскихъ о—вахъ прежде былъ очень обыкновенъ, теперь сильно уменьшился въ числѣ. По свидѣтельству *Newton*'а, F. peregrinus гнѣздится на скалахъ вдоль южнаго берега Англіи, отъ Корнваля до Кента. На берегу Валиса, особенно ю. з. и с., гнѣздится регулярно и еще идетъ отъ Іоркшира на с. до Шотландіи; на югѣ Великобританіи рѣже, чѣмъ на сѣверѣ, совсѣмъ не рѣдокъ на утесахъ сѣвернаго и западнаго берега. Г. *Gatcombe* говоритъ, что F. p. гнѣздится на скалахъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Плимута, и на берегу Девона и Корнваля. Гнѣздится на о. Уайта, въ Дорчестерѣ и Сомерчестерѣ. На восточномъ берегу Англіи по большей части наблюдается только во время пролета. *Stevenson* говоритъ, что онъ не имѣетъ свѣдѣній о гнѣздованіи теперь этой птицы въ Норфолькѣ, но, судя по показаніямъ *Cordeaux*, она, быть можетъ, изрѣдка еще гнѣздится въ Норфолькѣ. Въ Шотландіи распространенъ повсемѣстно, несмотря на страшныя преслѣдованія, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Шотландіи можетъ считаться даже обыкновенной птицей. Ирландія. (*Dresser*. Birds of Europe. P. XLVII & XLVIII).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (Ornith. europ., p. 83), гнѣздится въ Провансѣ, въ окрестностяхъ Дьеппа и Пиренеяхъ; послѣднее подтверждается *Lacroix* (l. c., p. 27). По свидѣтельству *Arm. Marchand* (Catalogue des oiseaux observés dans le département d'Eure-et-Loir, p. 8—9), гнѣздится въ департаментѣ Эвры & Луара. По свидѣтельству *Le Mennicier* (Catalogue des oiseaux observés dans le département de La-Manche, p. 117), гнѣздится въ окрестностяхъ Перье. Г. *Benoist* отмѣченъ для окрестностей Валоньи (Mém. de la Soc. d. sc. natur. de Cherbourg., 1854, p. 232). По *Müller*'у (Journ. f. Ornith., 1856, S. 215), гнѣздится въ Севеннахъ. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 414), въ Савойѣ довольно рѣдокъ.

По свидѣтельству *Du Plessis* (Faune des vertébrés du district d'Orbe, Bull. de la Soc. Vaudoise des sciences naturelles. Vol. X, 1869, p. 105), F. p. гнѣздится въ Швейцарской Юрѣ.

Въ Португаліи, по свидѣтельству *Barboza du Bocage (Dresser*, l. c.) обыкновененъ.

По *Brehm*'у (Naumannia, 1858, S. 231 и Allg. deutsche Naturhist. Zeit., S. 437—438), въ Испаніи F. peregrinus отчасти осѣдлый, отчасти зимующій. По *Irby* (Ornithology of the Straits of Gibraltar, p. p. 50—51), въ Андалузіи осѣдлый, зимующій и пролетный. По *Saunders*'у (l. c., p. 320), довольно обыкновенная птица южной Испаніи; гнѣздится по горамъ и скалистымъ побережьямъ.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 17—18), осѣдлый. Не рѣдокъ, но и не особенно обыкновененъ; придерживается горъ и лѣсовъ. Въ Сардиніи (Journ. f. Ornith., 1865, S. 62) и Сициліи (*Marhelre*, l. c., p. 23 — 24) осѣдлый; на послѣднемъ о—вѣ отчасти пролетный.

Въ Австро-Венгріи F. p. распространенъ спорадически. Въ Богеміи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 379), осѣдлый. По свидѣтельству *Althammer*'а (Naumannia, 1857, S. 392), въ Тиролѣ довольно рѣдокъ даже на пролетѣ; гнѣздо съ двумя яйцами было найдено только однажды. По *Dalla Torre* (l. c., S. 20), также въ Тиролѣ рѣдокъ. Въ Зальцбургѣ гнѣздится въ небольшомъ числѣ (Zoolog. Garten, 1875, S. 233). По *Freyer*'у (Fauna etc., p. 7), гнѣздится на утесахъ Крайны. По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 467), въ Штиріи будто бы только на пролетѣ и иногда на зимовьѣ. По свидѣтельству *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 292), въ Трансильваніи рѣдокъ.

На Балканскомъ полуостровѣ въ Болгаріи, какъ кажется, встрѣчается не часто; *Finsch* большею частью наблюдалъ на пролетѣ. Вѣроятно гнѣздится на утесахъ Балканъ (Journ. f. Ornith., 1859, S. 380). Въ Добруджѣ добытъ 7 февраля 1873 г. (Journ. f. Ornith., 1877, S. 71). *Elwes & Buckley* въ Болгаріи F. peregrinus не нашли; въ Македоніи обыкновененъ зимою (The Birds of Turkey, p. 74). По *Krüper*'у въ Греціи гнѣздится на Парнасѣ и на одной изъ горъ Аттики. По *Heldreich*'у (La Faune

de Grèce, p. 30), въ Греціи F. peregr. довольно рѣдкая осѣдлая птица. *Lindermayer* (Die Vögel Griechenlands, S. 12) находилъ его только на пролетѣ. По *Erhard* (Naumannia, 1858, S. 6), осѣдлая птица Цикладъ.

Въ **Азіи**:

Палласъ нашелъ F. p. у Березова подъ 64° с. ш. (Reise, III, S. 20). По *Finsch*'у, въ степи подъ Омскомъ замѣченъ только разъ. Очень обыкновененъ въ тундрѣ, гдѣ гнѣздится на утесахъ по берегамъ рѣкъ (въ безлѣсной тундрѣ); за отсутствіемъ послѣднихъ, просто въ травѣ. Распространенъ и по всей лѣсной области (Reise nach West-Sibirien, S. 141—142). По *Третьякову* (Туруханскій край, стр. 312), гнѣздится въ Туруханскомъ краѣ. По свидѣтельству *Seebohm*'а (On the Ornithology of Siberia, Ibis, 1878, p. 323), въ тундрѣ по Енисею F. p. гнѣздится также на обрывистыхъ береговыхъ утесахъ. *Seebohm* нашелъ гнѣздо на утесѣ подъ 69½° с. ш. *Миддендорфъ* (Sibirische Reise, B. II, Th. 2, p. 127) нашелъ F. peregr. на островѣ *Аенае* (одинъ изъ Шантарійскихъ), недалеко отъ южнаго берега Охотскаго моря. По *Шренку* Vögel des Amur-Landes, S. 229), F. per. не рѣдокъ въ Амурскомъ краѣ, гдѣ гнѣздится на скалахъ по берегу рѣки. *Стеллеромъ* отмѣченъ для Курильскихъ острововъ (цитуется у *Палласа*, Zoogr. Rosso-Asiat., I, p. 328). По *Радде* (Reisen im Süden von Ost-Sibirien, B. II, p. 100), гнѣздится на скалистыхъ берегахъ нижней Шилки и верхняго Амура. Осенью 1856 г. замѣченъ на Тарей-норѣ. По *Swinhoe* (Ibis, 1874, p. 427), осѣдлый по сѣверному побережью Китая. По *Scully* (l. c., p. 117), осѣдлый въ Восточномъ Туркестанѣ. По *Сьверцову* (Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ, стр. 63 и Journ. f. Ornith., 1875, S. 171), F. p. найденъ пролетнымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, гдѣ, можетъ быть, и гнѣздится (Иссык-куль, Таласъ). По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 101—102) и *De-Filippi* (Journ. f. Ornith., 1876, S. 175), довольно обыкновененъ въ Персіи, гдѣ вѣроятно зимуетъ и отчасти осѣдлый, такъ какъ, по *Danford* (Ibis, 1878, p. 3), обыкновенная осѣдлая птица въ горахъ Малой Азіи. По *Tristram*'у (Ibis, 1865, p. 257), втеченіе всего года встрѣчается въ Палестинѣ. Найденъ на

Кипрѣ *(Aug. Müller.* Zur Ornithologie der Insel Cypern. Journ. f. Ornith., 1879, S. 386).

Въ **Африкѣ**:

Изрѣдка гнѣздится на Канарскихъ островахъ *(Bolle.* Journ. f. Ornith., 1854, S. 449; 1857, S. 270; 1858, S. 226). По *Irby* (l. c., p. 50—51), въ Марокко осѣдлый и пролетный. По *Loche* (l. c., p. 40), гнѣздящаяся и осѣдлая птица Алжира. *Тачановскимъ* (Journ. f. Ornith., 1870, S. 37) найденъ въ горахъ по окраинамъ Сахары; всюду рѣдокъ. По *Shelley* (The Birds of Egypt, p. 186—187), преимущественно зимующая и только случайно гнѣздящаяся птица Египта и Нубіи.

β′) Область пролета.

Въ **Европѣ**:

Только пролетною птицею является во многихъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ низменностей Германіи, въ Голландіи, по большей части только на пролетѣ на восточномъ берегу Англіи и въ большей части Франціи (департаменты Сены и Марны, Котъ-д'Оръ и др. Revue et mag. de Zool., 1854, p. 200; *Marchant*, l. c., p. 7 и т. д.); отчасти пролетный въ Испаніи, Италіи, Австро-Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ **Азіи**:

Отчасти на пролетѣ въ Китаѣ и Туркестанскомъ краѣ; только пролетный на Алаѣ и Памирѣ.

Въ **Африкѣ**:

Отчасти пролетный въ Марокко, Алжирѣ и странахъ по нижнему и среднему Нилу.

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ**:

Значительная часть F. p. остается зимовать въ мѣстахъ своего гнѣздовья или же спускается только нѣсколько къ югу, почему зимою F. p. распространенъ по всей средней и южной Европѣ (Германія, Голландія, Бельгія, Британскіе острова, Франція, Португалія, Испанія, Италія, Австро-Венгрія, Балканскій полуостровъ; вѣроятно нѣкоторые остаются зимовать въ Скандинавіи, по крайней мѣрѣ въ ея южной части, и Даніи).

Въ **Азіи**:

Китай до Кантона (Journ. f. Ornith., 1874, S. 395), вся Индія, отъ Гималая до мыса Коморина (*Jerdon.* B. of India, I, p. 23), Малая Азія.

Въ **Африкѣ**:

Морокко, Алжиръ и всѣ страны по Нилу до 10° с. ш., т. е. до Абессиніи и Кордофана (*Heuglin.* Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 21). Изрѣдка заходитъ въ центральную и даже доходитъ до южной Африки.

Переходя послѣ этого обзора географическаго распространенія сапсана къ его подвидамъ, я долженъ сказать, что принимаю ихъ пять, изъ которыхъ, какъ мнѣ кажется, вмѣстѣ съ месопотамскимъ сапсаномъ (Falco babylonicus) можно составить три группы: каждая изъ этихъ группъ состоитъ изъ двухъ формъ, горной и равнинной, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ рядъ, начинающійся месопотамскимъ сапсаномъ, который связываетъ сапсановъ съ балóбанами (черезъ Falco Feldeggii), и кончающійся коротко-клювымъ сапсаномъ (или соколомъ-голубятникомъ, F. peregrinus brevirostris), наиболѣе типичнымъ представителемъ сапсановъ.

Въ видѣ таблицы это соотношеніе представится такъ:

Falco peregrinus cornicum. . . . . F. p. brevirostris

Falco peregrinus abietinus. . . . . F. p. griseiventris

F. p. leucogenys

Falco babylonicus

Falco Feldeggii

Hierofalco saker.

Эта схема никакъ не имѣетъ претензіи на точную генеалогическую таблицу, но она показываетъ относительную близость нынѣ извѣстныхъ видовъ сапсановъ и балóбановъ. Данныя, подтверждающія такое относительное расположеніе перечисленныхъ видовъ, находимъ какъ въ возрастныхъ измѣненіяхъ послѣднихъ,

такъ и въ ихъ географическомъ распространеніи, что и приведено мною ниже.

α) F. peregrinus cornicum, Brhm.

СОКОЛЪ ЧЕРНЯЙ.

Взрослые ♂ и ♀: *опереніе верхней стороны тѣла темнаго аспидно-голубаго цвѣта съ болѣе темными поперечными полосками; лобъ свѣтлѣе остальной части головы, которая, какъ и затылокъ, аспидно-черная; нижняя сторона тѣла густаго ржавчатаго цвѣта,* который на бокахъ и на брюхѣ переходитъ въ свѣтлый аспидно-голубой; *черные усы вообще очень велики, но особенно бьетъ въ глаза ихъ ширина, подъ глазами позади усовъ по широкому черному полю;* горло безъ пятенъ, зобъ съ черными наствольными пятнами, которыя на нижней части зоба переходятъ въ округлыя пятна, а сейчасъ же за зобомъ, на груди,—въ поперечныя пятна; на брюхѣ, бокахъ и штанахъ поперечныя полоски. *Нижняя сторона маховыхъ и наиболѣе длинныхъ нижнихъ кроющихъ перьевъ черноспрая съ желтовато-красными поперечными пятнами; остальныя нижнія кроющія перья сѣроватобѣлыя съ многочисленными черноватыми поперечными полосками.*

Это одинъ изъ самыхъ большихъ сапсановъ: длина его самки 18″—20″; длина клюва 1″ 6‴, обхватъ верхняго клюва у лба 1″ 3½‴; крыло 14″; хвостъ 6″ 7‴ плюсна 2″ 2½‴.

Гнѣздовое перо: *верхняя сторона тѣла аспидно-черная съ голубоватымъ налетомъ и узкими ржавчато-красными ободками перьевъ; лобъ нѣсколько рыжѣе остальной головы; начинаясь отъ средины надъ каждымъ глазомъ, къ затылку идутъ (но не сходятся на немъ) постепенно расширяющіяся ржавчатыя полосы, которыя съ возрастомъ пропадаютъ.* Верхнія кроющія хвоста съ ржавчатыми поперечными пятнами; *исподъ тѣла ржавчатый, свѣтлый на горлѣ и зобѣ, темный на груди, брюхѣ, бокахъ и штанахъ, съ едва замѣтными темными наствольными черточками на горлѣ и постепенно увеличивающимися по мѣрѣ приближенія къ брюху черными продольными пятнами на зобѣ, груди и брюхѣ; на бокахъ продольныя пятна замѣняются однимъ или двумя поперечными и сердцевиднымъ вершиннымъ; такой же узоръ на штанахъ и нижнихъ кроющихъ*

хвоста, только на послѣднихъ поперечныхъ полосъ больше. Въ свѣжемъ перѣ всѣ темноокрашенныя мѣста съ голубоватымъ налетомъ. Нижняя сторона маховыхъ черносѣрая съ ржавчатыми пятнами на внутреннихъ опахалахъ; наиболѣе длинныя нижнія кроющія перья крыльевъ также черносѣрыя съ ржавчатокрасными поперечными пятнами, остальныя бурыя съ ржавчатожелтыми поперечными пятнами. У особей въ описанномъ опереніи клювъ, восковица и голыя кольца вокругъ глазъ голубаго роговаго цвѣта, ноги желтоватыя. Въ началѣ октября восковица и ноги становятся желтыми, верхняя сторона тѣла—темнобурою съ ржавчато-сѣрыми ободками перьевъ и исподъ тѣла въ мѣстахъ, окрашенныхъ въ ржавчатый цвѣтъ, свѣтлѣетъ, а черныя продольныя пятна становятся бурыми. Въ этомъ перѣ самецъ красивѣе самки, но оба обладаютъ уже совершенно ясно выраженнымъ специфическимъ признакомъ: большіе черные усы и широкія черныя поля позади усовъ подъ глазами. Въ этомъ перѣ соколы остаются всю первую осень и зиму. Весною у нихъ начинается линька и мало-по-малу выростаютъ перья съ окраскою взрослыхъ птицъ. Иногда линька затягивается на все лѣто и все взрослое перо соколы получаютъ только къ осени, иногда линька почти оканчивается въ половинѣ іюля.

По Брему (Eine kurze Schilderung der Kleider der Europäischen Falken въ Naumannia, 1854, S. 46—62), Falco cornicum принадлежитъ средней Европѣ (гнѣздится на скалахъ въ Германіи (l. c., S. 60). Я видѣлъ весьма типичный экземпляръ F. p. cornicum ♀ изъ Оренбургской губ., доставленный г. Крашенинниковымъ, въ московскомъ зоологическомъ музеѣ, 4 живыхъ экземпляра (2 старыхъ и 2 молодыхъ) съ верховьевъ р. Бѣлой въ охотѣ г. Лихачева и одну молодую самку (тамъ помѣчена, б. м. самецъ) въ коллекціи Н. А. Сѣверцова, полученную изъ Астрахани черезъ г. Пёльцама (добыта тамъ зимою). Кромѣ того видѣлъ на очень близкомъ разстояніи, судя по росту, самку этого подвида поздней осенью 1880 года въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губ. Какъ кажется, F. p. cornicum исключительно горная порода, распространенная на гнѣздовьѣ спорадически по горамъ средней и восточной Европы. Зимою, по Брему, доходитъ до Египта. Ближай-

шую къ F. p. cornicum породу, но гнѣздящуюся не на горахъ, а на высокихъ деревьяхъ средней Европы, составляетъ

β) F. peregrinus brevirostris, n. subsp.

соколъ-голубятникъ.

Этотъ соколъ является осѣдлою породою въ средней Россіи, гдѣ лѣтомъ держится по большимъ лѣснымъ участкамъ полосы островныхъ лѣсовъ, а на зиму слетаетъ въ города, гдѣ бьетъ голубей, и вѣроятно распространенъ въ низменностяхъ западной Европы. По крайней мѣрѣ въ коллекціи Н. А. Сѣверцова есть одинъ экземпляръ (♀ 2 или 3 лѣтняя) изъ Франціи отъ г. Лоша, который отличается отъ нашихъ соколовъ-голубятниковъ только большею краснотою брюха. Кромѣ того при описаніи я пользовался 2 старыми самками и 3 молодыми московскаго зоологическаго сада, одной старой самкой, добытой въ Москвѣ и принадлежащей, какъ украшеніе, одному частному лицу, одной самкой, жившей нѣсколько мѣсяцевъ у г. Лоренца (наблюдалъ ея линьку), еще молодымъ у него же и, наконецъ, встрѣчалъ зимою нѣсколько разъ въ Тульской губ. соколовъ, несомнѣнно относящихся къ этой породѣ. Замѣчено, что соколы этой породы гнѣздятся на высокихъ соснахъ, обыкновенно тамъ, гдѣ есть колоніи цапель (Ardea cinerea).

Взрослые ♂ и ♀: *опереніе верхней стороны тѣла сизое съ болѣе темными поперечными полосками; низъ спины и надхвостье гораздо свѣтлѣе головы и передней части спины; на головѣ ясно замѣтныя продольныя наствольныя черточки черно-аспиднаго цвѣта. Свѣтлое пространство на лбу менѣе чѣмъ у F. p. cornicum, но цвѣтомъ гораздо свѣтлѣе.* Никакихъ пятенъ на затылкѣ у взрослыхъ нѣтъ: онѣ пропадаютъ на 5 или 6 году жизни. *Нижняя сторона тѣла бланжеваго цвѣта,* на бокахъ и на брюхѣ переходящаго въ свѣтло-сѣрый. У живыхъ на зобѣ очень нѣжный розоватый налетъ, который послѣ смерти пропадаетъ. *Усы черные съ сизоватымъ оттѣнкомъ, назади отъ бланжеваго цвѣта боковъ шеи отграничены нерѣзко. Подъ глазами, позади усовъ, широкое дымчатое поле, за которое внизъ усы выдаются немного.* Горло и зобъ безъ пятенъ. Грудь въ верхней части съ узкими темно-аспидными

наствольными черточками, которыя дальше внизъ (на средней части груди) переходятъ въ сердцевидныя пятна; внизу груди эти пятна опять замѣняются узкими наствольными черточками. На брюхѣ нерѣзко отграниченныя сердцевидныя пятна, вытягивающіяся нѣсколько впоперекъ. Верхняя часть боковъ бланжевая (но безъ розоваго налета) съ сердцевидными нѣсколько поперечными пятнами; дальше внизъ является свѣтлосизоватый цвѣтъ, а сердцевидныя пятна переходятъ въ поперечныя полосы. Рисунокъ штановъ тотъ же, что и нижней части боковъ, но къ сизому цвѣту примѣшивается желтизна. *На нижнихъ кроющихъ перьяхъ крыла сохраняется общій характеръ окраски нижнихъ частей, т. е. бѣловатый (у болѣе молодыхъ ржавчатый) общій фонъ съ многочисленными темными поперечными полосками*; то же можно сказать о нижнихъ кроющихъ хвоста. Верхнія кроющія хвоста сохраняютъ характеръ окраски спины.

Это самый большой изъ сапсановъ, съ короткимъ, толстымъ клювомъ и короткими плюснами: длина его самки 19″—21″; длина клюва 1″ 5‴; обхватъ верхняго клюва у лба 1″ 4‴; крыло 14″ 8‴; хвостъ 7″; плюсна 2″.

Молодые въ общемъ очень походятъ на молодыхъ F. p. corniсum, но въ частностяхъ отличаются отъ нихъ очень сильно: *голова и спина у нихъ темнобураго цвѣта (по вылетѣ изъ гнѣзда почти аспидно-чернаго), равно какъ и плечевыя, и кроющія перья крыла* (малыя, среднія и большія), *всѣ съ голубоватымъ налетомъ. Лобъ грязно-ржавчатый, отъ лба по темени идетъ широкая ржавчатая полоса, испещренная чернобурыми наствольными пятнышками и до затылка не доходящая. Такія же полосы, начинаясь отъ средины надъ глазомъ съ каждой стороны идутъ къ затылку, который весь пестрый:—темнобурый съ большимъ количествомъ разбросанныхъ по немъ ржавчатыхъ пятенъ.* Усы широкіе, но короткіе, темнобураго цвѣта, переходящіе въ нѣсколько болѣе свѣтлаго цвѣта подглазную и заглазную полосу. *Задняя часть шеи окрашена одинаково съ затылкомъ.* Надхвостье и верхнія кроющія хвоста бурыя съ широкими свѣтлыми ободками перьевъ. Маховыя темнобурыя. Рулевыя темнобурыя съ 7 свѣтлыми полосами и такими же вершинами. *Вся нижняя сторона грязнаго темно-ржавчатаго цвѣта*

съ большими наствольными клинообразными пятнами бураго цвѣта (у гнѣздовыхъ чернаго); такое же подхвостье.

Во второмъ перѣ, въ которое птица начинаетъ одѣваться съ весны, спина и крылья становятся темно-сизаго цвѣта съ широкими болѣе темными поперечными полосами и ржавчато-бѣловатыми ободками большихъ верхнихъ кроющихъ и вторыхъ маховыхъ. Надхвостье свѣтлосизое съ темными поперечными полосами. Рулевыя одного цвѣта съ спиною, съ темными поперечными полосами и свѣтлыми вершинами. Горло охрянаго цвѣта. Зобъ ржавчато-охрянаго съ длинными и узкими темнобурыми, книзу расширяющимися пятнами. Грудь съ широкими бурыми поперечными пятнами по ржавчато-охряному фону. Брюхо свѣтлѣе груди съ мелкими поперечными буроватыми полосочками. Боковыя части груди съ поперечными полосками: вверху по ржаво-охряному фону, внизу по сизоватому. Штаны свѣтлоржавчатые съ узкими поперечными полосочками. Ноги и восковица желтыя (становятся такими постепенно съ началомъ линьки).

Первая линька F. p. brevirostris начинается въ первую весну по вылетѣ изъ гнѣзда и оканчивается въ концѣ лѣта. *Съ дальнѣйшими линьками сизый цвѣтъ верхней стороны тѣла все свѣтлѣетъ, исподъ тѣла бѣлѣетъ, пятна и полосы на немъ становятся все мельче и уже и, наконецъ, соколъ выцвѣтаетъ до того, что снизу на небольшомъ разстояніи кажется почти бѣлымъ. Напротивъ, горная порода F. p. cornicut сохраняетъ свою темную окраску верхней стороны тѣла и густую ржавчатую нижней теченіе всей жизни и даже, быть можетъ, съ возрастомъ темнѣетъ.*

Параллельно этимъ двумъ породамъ полосы островныхъ лѣсовъ существуютъ двѣ породы и для полосы тайги: F. p. abietinus и F. p. griseiventris.

γ) F. peregrinus abietinus, Bechst.

СОКОЛЪ КРАСНОГРУДЫЙ.

Свѣдѣнія о географическомъ распространеніи этой породы крайне недостаточны. По Брему, это пролетная птица средней Европы. Я имѣлъ въ рукахъ (московскій музей) экземпляръ этой

породы, добытый въ Крыму осенью, и два экземпляра, добытые весною на пролетѣ въ Тульской губ. Только по аналогіи я смотрю на F. p. abietinus какъ на горную породу F. p. griseiventris.

Это самый малорослый изъ сапсановъ. *У взрослой птицы верхняя сторона тѣла свѣтлаго сизаго цвѣта съ совершенно ясно выступающими поперечными полосками. Исподняя сторона тѣла и у самца и у самки окрашена въ прекрасный ржаво-желтый цвѣтъ, который у самца поднимается на груди очень высоко*; на брюхѣ онъ нѣсколько затемненъ пепельнымъ налетомъ; у ♀ ржаво-желтый цвѣтъ выступаетъ особенно ярко также на груди, и у ♂ и у ♀ по немъ идутъ черныя сердцевидныя пятна и поперечныя полосы на груди и поперечныя полосы на брюхѣ и бокахъ. *Черные усы и темныя полосы подъ глазами не особенно велики.*

Молодые самцы въ общемъ очень походятъ на молодыхъ сокола-черныя, но *у нихъ есть свѣтлыя пятна на затылкѣ и перья верхней стороны тѣла съ очень ясными ржавчатыми ободками.* Исподъ тѣла темный ржаво-желтый съ узкими темными продольными пятнами. *Нижнія кроющія перья крыла ржаво-бурыя съ поперечными бурыми полосками.* Молодая ♀ нѣсколько темнѣе ♂, что особенно относится къ нижнимъ кроющимъ перьямъ крыла и къ продольнымъ пятнамъ болѣе свѣтлаго испода тѣла.

По Брему, линька этого сокола начинается уже съ первой осени и продолжается всю зиму, но окончательно птица вылиниваетъ только ко второй осени.

δ) F. peregrinus griseiventris, Brhm.

СОКОЛЪ СѢРОБРЮХІЙ.

По Брему, F. p. griseiventris гнѣздится въ Скандинавіи и является пролетною птицею въ Германіи. Я знаю пролетные экземпляры изъ средней Россіи, одинъ (московскій музей) добытый на пролетѣ въ Крыму, одинъ $\frac{22}{XI}$ (♀, jun.) убитый въ садахъ подъ Ташкентомъ (колл. Н. А. Сѣверцова), одинъ изъ Ферганы (Болыкчи $\frac{25}{I}$, ♂, s. изъ колл. Н. А. Сѣверцова) и рисунокъ уссу-

рійскаго экземпляра, добытаго г. Пржевальскимъ. Вѣроятно именно къ этой породѣ относятся показанія гг. Миддендорфа, Финша и Руссова о гнѣздовьи сапсана на землѣ. Въ такомъ случаѣ F. p. griseiventris является таежнымъ и отчасти даже тундреннымъ представителемъ менѣе широко распространеннаго F. p. brevirostris, являясь, какъ и онъ, формой низинъ.

По величинѣ это одинъ изъ самыхъ большихъ сапсановъ: ♀ 20″ длины и 45″ въ размахѣ крыльевъ и ♂ 17,2″—38,8″. По оперенію это форма средняя между F. p. brevirostris и F. p. leucogenys: съ первымъ онъ сходенъ во взросломъ перѣ, съ послѣднимъ (собственно съ молодыми F. p. leucog.) въ молодомъ.

У взрослой птицы верхняя сторона тѣла блѣдно-сизая съ слабо выраженными болѣе темными поперечными полосками. Исподъ тѣла блѣдный: зобъ и большая часть груди слабаго желтовато-ржавчатаго или даже бѣловатаго цвѣта съ слабымъ голубымъ налетомъ; на срединѣ груди желтый цвѣтъ выраженъ нѣсколько ярче, но затемненъ голубымъ налетомъ; на бокахъ и на брюхъ онъ переходитъ въ чистый пепельный. Черноватыя пятна и поперечныя полосы испода тѣла расположены какъ у F. p. brevirostris, только гораздо нѣжнѣе, и у очень старыхъ птицъ становятся едва замѣтными. *Нижнія кроющія перья крыла нѣжнаго свѣтлаго пепельнаго цвѣта съ черными поперечными полосками. Черные усы очень широки; поля позади усовъ подъ глазами либо черныя, либо аспиднаго цвѣта.* Цвѣта самки нѣсколько ярче, чѣмъ цвѣта самца, и полосы на нижней сторонѣ тѣла рѣзче.

Въ гнѣздовомъ перѣ F. p. griseiventris *сверху темнобураго, даже чернобураго цвѣта, который, однако, очень скоро сильно выцвѣтаетъ. Лобъ желтоватый, верхняя сторона головы блѣдные спины вслѣдствіе широкихъ блѣднорыжеватыхъ ободковъ перьевъ; на затылкѣ блѣдная болѣе или менѣе прерывающаяся полоса; на задней части шеи блѣдныя пятна.* Перья спины, надхвостья, верхнія кроющія хвоста, плечевыя и верхнія кроющія крыльевъ съ ржавчатосѣрыми ободками, большія плечевыя и верхнія кроющія хвоста съ грязноржавчатыми поперечными пятнами. Усы и полосы подъ глазами бурочерныя, послѣднія съ свѣтлыми пестринками. *Исподняя сторона тѣла бѣловатая съ продольными темнобурыми пятнами*

на зобѣ, груди, брюхѣ, бокахъ и штанахъ и такими же поперечными полосками на нижнихъ кроющихъ хвоста. Нижняя сторона маховыхъ и наиболѣе длинныхъ нижнихъ кроющихъ перьевъ крыла буро-сѣрая съ блѣдными ржавчатыми поперечными пятнами на внутреннихъ опахалахъ маховыхъ и на внѣшнихъ и внутреннихъ опахалахъ длинныхъ кроющихъ; *остальныя нижнія кроющія крыла темнобурыя съ бѣловатыми поперечными полосами и вершинными краями.* Первая линька F. p. griseiventris начинается на зимовьѣ, въ концѣ ноября.

Параллельно этимъ двумъ группамъ сапсановъ, распространенныхъ въ тайгѣ, отчасти тундрѣ и въ полосѣ островныхъ лѣсовъ, существуетъ степной сапсанъ:

ε) F. peregrinus leucogenis, Brhm.

соколъ бѣлощекій.

По Л. Брему, F. p. leucogenys живетъ въ Германіи и идетъ до Египта. Я знаю молодой экземпляръ этой породы изъ Крыма, неизвѣстно когда тамъ добытый (москов. музей), два экземпляра тоже молодыхъ имѣлъ изъ Тульской губ., одинъ молодой былъ у г. Лоренца изъ-подъ Москвы, одинъ въ переходномъ перѣ добытый зимою подъ Астраханью, одинъ добытый подъ Чимкентомъ ($18\frac{15}{X}$ 67 ♂ j. изъ коллекціи Н. А. Сѣверцова, отмѣченъ имъ въ «Вертик. и горизонт. распред. туркест. животн.» стр. 114 какъ молодой F. Tsherniaievi, несомнѣнно молодой F. p. leucogenys), одинъ съ низовьевъ Аму-Дарьи ($\frac{28}{IX}$ ♂ j. колл. Н. А. Сѣверцова) и одинъ (♂ j.), добытый 19 сентября на Иссык-кулѣ (моск. муз. отъ ген. Колпаковскаго). Весьма вѣроятно, что сюда же относятся тѣ молодые самецъ и самка, снятые съ гнѣзда на лѣсистомъ волжскомъ островѣ близъ Сарепты, изъ коллекціи г. Глича, о которыхъ писалъ Н. А. Сѣверцовъ въ «Вертик. и горизонт. распред. турк. животн.» (стр. 114), и соколъ добытый 18 $\frac{14}{III}$ 78 въ Болыкчахъ (Ферганская область) (коллекція того же наблюдателя).

F. p. leucogenys у насъ характерная степная птица, не переходящая къ сѣверу за южныя окраины полосы островныхъ лѣсовъ иначе какъ случайно. На зимовье *отчасти* улетаетъ въ сѣв. Африку, отчасти остается въ области своего гнѣздовья (Малая Азія?). Изъ азіатскихъ степей на зимовье улетаетъ въ Среднюю Азію *).

Величина ♀: 19″—45″, ♂: 18″—39″.

Характерный признакъ бѣлощекаго сапсана *составляютъ узкіе усы и почти или совсѣмъ бѣлыя подглазныя пространства. Верхняя сторона тѣла очень свѣтлаго сизаго цвѣта съ болѣе темными поперечными полосами, которыя у самцовъ выражены рѣзче, чѣмъ у самокъ. У самцовъ на бокахъ затылка подолгу остаются ржавчатыя пятна.* Исподъ тѣла желтоватый съ небольшими темными пятнами, которыхъ совсѣмъ нѣтъ на горлѣ и которыя замѣнены поперечными полосками на бокахъ и на штанахъ. *Нижнія кроющія перья крыла бѣлыя съ рѣдкими черными поперечными полосками.* Въ первомъ перѣ F. p. leucogenys отличается отъ своихъ сверстниковъ другихъ породъ чуть ли не больше, чѣмъ во взросломъ перѣ, но за то очень походитъ на молодыхъ F. Feldeggii. *Верхняя сторона его тѣла темнобурая съ довольно широкими ржавоохрыми ободками, которые скоро выцвѣтаютъ и становятся блѣдными; на головѣ эти ободки шире и потому вмѣстѣ съ желтоватымъ лбомъ голова довольно рѣзко отличается отъ спины. Надъ каждымъ глазомъ приблизительно отъ середины идетъ къ затылку желтоватая полоса; полосы правой и лѣвой стороны сходятся на затылкѣ, образуя свѣтлый поясъ. Задняя и особенно боковыя части шеи съ желтоватыми пестринами. Бурочерные усы узки, подъ глазами желтоватыя поля съ небольшими темными*

*) Въ Journ. f. Orn., 1879 г., S. 266, г. Гёбель говоритъ, что онъ принялъ въ Уманьск. у. ошибочно за F. peregrinus F. Feldeggii. Вотъ его подлинныя слова: „Die kleineren, dunklen, an der Bauchseite durch die grobe Fleckung derselben, erscheinenden Falken, die ich nach oberflächlicher Untersuchung geschossener Exemplare, an *Feldeggii* gar nicht denkend, für *peregrinus* nahm, gehören entschieden ersterer Art an“. Я думаю, что г. Гёбель имѣлъ въ рукахъ F. p. leucogenys, такъ какъ приведенные г. Гёбелемъ признаки совершенно не позволяютъ причислить его соколовъ къ F. Feld., но приложимы къ F. per. leucogenys. См. также *H. Goebel.* Die Vögel des Kreises Uman. Beitr. z. K. d. R. R., Bd. II. Zw. Folge. S. 17—18.

пестринками у самаго глаза. Верхнія кроющія хвоста съ поперечными ржавчатыми полосами. Рулевыя темнобурыя съ свѣтлыми вершинами и 7 поперечными ржавчатыми полосками. *Исподъ тѣла желтовато-рыжеватый съ узкими темнобурыми продольными пятнами на зобѣ, груди и брюхѣ; на бокахъ продольныя пятна замѣнены поперечными полосами и сердцевиднымъ вершиннымъ пятномъ съ широкимъ свѣтлымъ ободкомъ; штаны съ сердцевидными пятнами; нижнія кроющія хвоста съ узкими поперечными полосами. Нижнія кроющія перья крыла по окраскѣ совершенно походятъ на перья боковъ.*

Линька F. p. leucogenys начинается въ концѣ первой зимы и оканчивается къ осени или осенью того же года.

Ближе всего F. p. leucogenys къ F. babylonicus, Gürn., который для Туркестанскаго края былъ первоначально отмѣченъ Н. А. Сѣверцовымъ подъ именемъ F. Tscherniaievi. Въ то время г. Сѣверцовъ зналъ 6 экземпляровъ, изъ которыхъ три несомнѣнно этого вида (2 ♀ ♀ изъ Аулье-ата, ручныя, и ♂ изъ Персіи (отъ г. Воскобойникова), одного (♂ j. изъ Чимкента) я призналъ за молодаго F. p. leucogenys, 2 другихъ (отъ Глича) не видалъ, но, по словамъ Н. А. Сѣверцова, вѣроятно также молодые F. p. leucogenys. Позднѣе къ этимъ экземплярамъ прибавился только одинъ, видѣнный г. Сѣверцовымъ въ Узгентѣ (ручной у Сарта, неизвѣстно откуда). Быть можетъ, молодые бѣлощекаго и месопотамскаго сапсана трудно различимы, но во всякомъ случаѣ рыжеголовый туркестанскій сапсанъ заслуживаетъ очень тщательнаго изученія и до тѣхъ поръ даже его тождество съ F. babylonicus не можетъ считаться окончательно установленнымъ.

Туркестанскій рыжеголовый сапсанъ сходенъ съ F. p. leucogenys тѣмъ, что у него средній палецъ длиннѣе плюсны (средн. палецъ 2″, плюсна 1″ 8‴) и пестринами перьевъ, исключая головы, которая своимъ рыжимъ цвѣтомъ сближаетъ его съ F. Feldeggii.

Такъ какъ кромѣ имѣющейся въ коллекціи Н. А. Сѣверцова самки этого сокола у меня въ рукахъ не было другихъ экземпляровъ, то я приведу описаніе этой птицы, данное г. Сѣверцовымъ.

«Длина старой самки (Аулье-ата) 18″ *), размахъ 40″ 2‴, крыло

*) Въ текстѣ 18″ 7‴, тогда мѣрилась съ пригнутой головой, какъ позднѣе птицы не мѣрились и какъ я не мѣрялъ.

13″ 6‴, хвостъ 6″ 5‴, клювъ 1″ 2‴, плюсна 1″ 8‴, средній палецъ безъ когтя 2″ 1‴.

«У взрослыхъ лобъ, темя и задъ шеи рыжіе съ черными наствольными пятнами, расширяющимися на задней и боковыхъ частяхъ темени, которыя потому чернѣе средины; *весь верхъ тѣла*, т.-е. спина, плечи, кроющія крыла, рулевыя—сизыя, съ *темносизыми поперечными полосами*, которыя на задней части спины вдвое уже свѣтлыхъ, а вообще шире; весь исподъ блѣднорыжій, горло безъ пятенъ, зобъ съ темными наствольными чертами, грудь и брюхо съ поперечными во все перо, какъ и бока и подхвостье. Въ старости наствольныя черты зоба едва примѣтны, а поперечныя черты груди и брюха замѣняются мелкими, сердцеобразными крапинками; пестрина боковъ и подхвостья не измѣняется. Взрослыя и старыя самки отъ самцовъ равнаго возраста отличаются большей чернотой на темени (это различіе *туркестанской* самки отъ *персидскаго* самца, и можетъ быть мѣстное, а не половое)».

По Шарпу, F. babylonicus распространенъ въ с.-в. Африкѣ, Месопотаміи, центральной Азіи (Туркестанъ) и с.-зап. Индіи до Непала. Первое мѣстонахожденіе очень сомнительно, тѣмъ болѣе если установлено по молодымъ экземплярамъ, такъ какъ описаніе молодаго месопотамскаго сапсана у Шарпа цѣликомъ прилагается къ молодымъ F. p. leucogenys.

Мнѣ вѣроятно не избѣжать упрековъ за раздробленіе палеарктическихъ сапсановъ на пять породъ, но и такое раздробленіе я считаю только временнымъ и не удивлюсь, если со временемъ къ нимъ прибавится еще одна или измѣнится таксономическое значеніе этихъ группъ. Первое, что натолкнуло меня на сравненіе сапсановъ разныхъ мѣстностей и разныхъ возрастовъ и на подраздѣленіе ихъ, было то, что въ семействѣ соколовъ космополитизмъ явленіе не обычное, что у соколовъ вообще виды съ тѣснымъ географическимъ распространеніемъ. Затѣмъ къ этому прибавилось совершенно основательное выдѣленіе Falco minor (Африка), F. cassini (Чили) и F. melanogenys (Австралія, на сѣверъ до Молукскихъ о-въ и до Явы). Такимъ образомъ вмѣстѣ съ F. peregrinator (Индія и Гималай) и F. barbarus (сѣв. и с.-вост. Африка и зап. Азія до

Инда) эти виды сильно сжали область распространенія F. peregrinus, а раздробленіе F. peregrinus на три группы не только совпало съ физико-географическимъ подраздѣленіемъ пале-арктической области, но и пролило свѣтъ на генетическое соотношеніе сапсановъ и. балóбановъ. Все это вмѣстѣ взятое, мнѣ кажется, представляетъ достаточное основаніе противъ признанія пале-арктическаго F. peregrinus, какъ одной группы. Но, повторяю, установленное здѣсь подраздѣленіе пале-арктическаго сапсана на нять породъ я считаю временнымъ. Весьма возможно, что при пересмотрѣ большаго количества экземпляровъ F. peregrinus замѣнится тремя видами: Falco cornicum, Falco griseiventris и Falco leucogenys, каждый съ однимъ или двумя видоизмѣненіями, но до поры до времени нѣ рѣшаюсь высказаться по этому предмету окончательно.

7.

HIEROFALCO GYRFALCO, BREHM.

Кречетъ норвежскій.

Синонимы: Accipiter gyrfalco, Briss.; Falco gyrfalco, Linn.; Falco gyrfalco norvegicus, Schl.

с т а н ц і и:

дикія, мало доступныя скалы.

Такъ какъ область распространенія норвежскаго кречета очень узка, то я нахожу излишнимъ раздроблять ее по параграфамъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Географическое распространеніе норвежскаго кречета, если оставить въ сторонѣ тундру с.-в. Россіи, Новую Землю, Уральскій хребетъ и западную Сибирь, можетъ считаться достаточно выясненнымъ. По свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, p. 151), въ Н о р в е г і и Hierof. gyrfalco какъ гнѣздящаяся птица идетъ отъ Варангова фіорда до Довре- и Лангфіельда и даже спускается еще южнѣе, т.-е. въ Норвегіи южная граница гнѣздовья H. gyrf.

лежитъ около 60° с. ш. (конечно, въ высокомъ поясѣ горной цѣпи). Въ Швеціи, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1855, S. 129), эта граница не заходитъ такъ далеко къ югу и прекращается около 63° с. ш. По свидѣтельству *Boie*, H. g. несомнѣнно есть на Лафоденскихъ и Вестераальскихъ о—вахъ (Journ. f. Ornith., 1869, S. 83). *Liljeborg* нашелъ H. g. на берегу Русской Лапландіи (Naumannia, 1852, S. 94), *Schrader*—въ сѣверной Лапландіи (Journ. f. Ornith., 1853, S. 245). По свидѣтельству *Palmen*'а & *Sahlberg*'а (Ornithologiska iakttagelser under en resa i Tornea Lappmark, p. 245), выводокъ кречетовъ былъ замѣченъ $^{22}/_{10}$ августа у истоковъ Муоніо (69° с. ш. и 10° з. д. отъ Пулкова) и найдено гнѣздо на Унастунтури (68¼° с. ш. и 6½° з. д. отъ Пулкова). Внѣ сѣверныхъ частей и альпійской области Скандинавіи кречетъ бываетъ только зимою или осенью и то предпочтительно молодыя особи, если только не оправдается показаніе г. Вилькена (*Russow*, l. c., S. 23), что на одной изъ прибрежныхъ скалъ Эстляндіи гнѣздилась пара соколовъ, которые, судя по величинѣ, были Hierof. gyrfalco.

Какъ залетная птица, Hier. gyrfalco бываетъ въ Петербургской губ. (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ одинъ убитъ въ Ямбургск. у. во время тетеревиной охоты на чучела и хранится у г. Плеске; другой замѣченъ былъ Руссовымъ въ С.-Петербургѣ, когда перелеталъ Неву. *Büchner* и *Pleske*, l. c., S. 9—10), въ Остзейскомъ краѣ (*Russow*, l. c., S. 23) и въ Польшѣ (*Тачановскій*. Liste etc., p. 135). По свидѣтельству г. *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 61), въ Тверской губ. зимою являются балóбаны; навѣрно произошла ошибка въ опредѣленіи и весьма возможно, что наблюденіе г. Дьякова относится къ молодымъ кречетамъ. По свидѣтельству г. Лоренца, Hier. gyrf. однажды былъ добытъ поздней осенью въ Рязанской губ. Во время моихъ орнитологическихъ изслѣдованій въ подмосковныхъ губерніяхъ, въ моихъ рукахъ былъ только одинъ кречетъ, добытый зимою,—несомнѣнный H. gyrf. взрослый; о другомъ, убитомъ также зимою и похожемъ на рисунокъ H. gyrf. молодаго (не Hierof. uralensis ли?), говорилъ мнѣ одинъ заслуживающій полнаго довѣрія охотникъ; на основаніи этихъ данныхъ я и отмѣтилъ, что въ Тульской губ. встрѣчаются кречеты изрѣдка зимою. Что касается показанія Л. П.

Сабанѣева, будто кречетъ гнѣздится въ Дорогобужскомъ у. Смоленской губ., оно лишено основанія: отмѣтка сдѣлана Л. П. Сабанѣевымъ по показаніямъ препараторовъ, которые не умѣютъ отличать молодаго кречета отъ балóбана. Далѣе Hierof. gyrf. залетаетъ въ Данію, на Гельголандъ (Naumannia, 1858, S. 310), въ Голландію (*Schlegel.* Mus. d'hist. nat., Falcones, p. 12—13), въ сѣв. Германію и даже (*Degland & Gerbe.* Ornith. europ., p. 77) во Францію.

По свидѣтельству г. *Руссова* (l. c., p. 22—23), въ апрѣлѣ 1863 г. подъ Дерптомъ убитъ одинъ экземпляръ *Hierof. candicans,* Gm. Судя по поперечнымъ полосамъ на тѣлѣ этого сокола, можно допустить, что это Hierof. islandus.

Гораздо труднѣе рѣшить, какой кречетъ гнѣздится по Уральскому хребту и прилежащимъ мѣстностямъ, въ Печорской тундрѣ, на Новой Землѣ и въ Сибири. Съ показаніями авторовъ, будто въ названныхъ мѣстностяхъ гнѣздится норвежскій кречетъ, я никакъ не могу согласиться: по имѣющимся у насъ 2 экземплярамъ изъ названныхъ мѣстъ, по литературнымъ источникамъ и словеснымъ сообщеніямъ несомнѣнно, что въ уральскомъ кречетѣ мы имѣемъ форму близкую къ Hier. gyrfalco въ первомъ перѣ, но совершенно отличную отъ него во взрослом; слѣдовательно, уральскій кречетъ проходитъ совершенно иной рядъ возрастныхъ измѣненій. Но тождествененъ ли урал. кречетъ съ восточно-азіатскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличается ли отъ остальныхъ трехъ видовъ кречетовъ, установленныхъ Sharp'омъ, или же отличается отъ восточно-азіатскаго, который тождествененъ съ однимъ изъ американскихъ или гренландскихъ, пока нѣтъ возможности рѣшить окончательно за недостаткомъ данныхъ, хотя я и склоненъ принять второе предположеніе. Во всякомъ случаѣ провизорно уральскаго кречета надо выдѣлить въ особый видъ—Hierofalco uralensis. Вотъ его описаніе, составленное по 2 экземплярамъ, изъ которыхъ одинъ добытъ въ началѣ декабря 1879 г. во Владимірской губ. (принадлежитъ Н. А. Сѣверцову), а другой изъ коллекціи Крашенинникова (Оренб. губ., въ москов. зоологич. музеѣ).

8.

HIEROFALCO URALENSIS, SEV. & MENZB.

Кречетъ уральскій.

L.—23″; U.—15″ 3‴; C.—8″ 4‴; R.—1″ 3‴; T.—2″ 3‴; D. m.—2″ 2‴.

1-е оперенiе, гнъздовое. Лобъ, надбровная полоса и средина щекъ бѣлы, чуть желтоваты, съ черными стволами перьевъ. Темя и затылокъ того же цвѣта, но съ чернобурыми наствольными полосками, довольно широкими; также усы и перья сзади щекъ, закрывающія ухо. По бокамъ шеи, за ухомъ, эти наствольныя полосы такъ расширяются, что бѣлый цвѣтъ образуетъ только узкіе ободки перьевъ. Спина, крестецъ, надхвостье и мелкія кроющія крыла изсѣра-темнобурыя, съ узкими свѣтло-бланжевыми ободками и широкими поперечными, овальными пятнами, немного болѣе свѣтлыми и сѣроватыми, чѣмъ основной цвѣтъ; по малой разницѣ цвѣта эти поперечныя пятна мало примѣтны. На среднихъ кроющихъ крыла кромѣ того неправильныя, но рѣзкія бѣло-рыжеватыя крапины, а на большихъ кроющихъ по 2—3 такихъ же поперечныхъ полосы; отчасти и на маховыхъ 1-го и 2-го порядка, которыхъ основной сѣро-буроватый цвѣтъ одинаковъ со спиной; на внутреннемъ опахалѣ маховыхъ широкія бѣло-рыжеватыя поперечныя полосы. Рулевыя бурыя немного свѣтлѣе спины, съ 11 бѣло-рыжеватыми поперечными полосками, прерывающимися у стволовъ, которыя при томъ на 2 среднихъ уже, на крайнихъ шире; на ихъ нижней сторонѣ тѣ же цвѣта, только блѣднѣе. Горло бѣлое, безъ отмѣтинъ; на зобу, груди и брюхѣ чернобурыя наствольныя пятна, на концахъ перьевъ, въ видѣ капель; ряды этихъ пятенъ на концахъ перьевъ, другъ друга закрывающихъ, отчасти сливаются въ продольныя полосы; ширина этихъ пятенъ не болѣе ¼ пера. На бокахъ перья бурыя, съ очень широкими бѣлыми ободками на наружныхъ опахалахъ и поперечными бѣлыми пятнами на внутреннихъ. Удлиненныя перья ногъ того же цвѣта на верхней половинѣ голени, на нижней съ узкими бурыми наствольными

полосами, мѣстами расширяющимися, особенно къ концамъ перьевъ. Подхвостье почти совершенно бѣло, съ крайне узкими, линейно-ланцетовидными наствольными пятнами. Весь бѣлый цвѣтъ съ слабо желтоватымъ оттѣнкомъ. Нижнія кроющія крыла желтовато-бѣлы, съ бурыми, длинными ланцетовидными наствольными пятнами; самыя нижнія изъ нихъ, непосредственно лежащія на маховыхъ, съ блѣднобурыми и бѣлорыжеватыми поперечными полосами.

Клювъ свинцово-сѣрый съ чернымъ концомъ; вѣки, восковица и ноги сѣро-голубоватыя.

2-е оперенiе. Перья верхнихъ частей тѣла темносизыя, съ пепельно-бѣловатыми, весьма правильными поперечными полосами. Такихъ на экземплярѣ г. Сѣверцова выросло только нѣсколько надхвостныхъ. На голени, на ея нижней части, наствольныя полосы замѣняются рѣдкими сердцеобразными крапинами у концовъ перьевъ; на верхней части новыя перья пепельныя, съ бѣловатыми поперечными пятнами, раздѣленными на обоихъ опахалахъ.

Болѣе взрослый уральскій кречетъ, судя по словамъ Эверсманна (Естеств. исторiя Оренбургскаго края, ч. III, стр. 52—54), становится бѣлѣе и, наконецъ, бываетъ «почти совсѣмъ бѣлаго цвѣта, съ узкими поперечными волнистыми черными линiями». Говорилъ мнѣ и Л. П. Сабанѣевъ, что во время его поѣздки на Уралъ ему однажды, ранней весной, довелось стрѣлять по *бѣлому* кречету, но ружье осѣклось. Судя по всѣмъ приведеннымъ даннымъ и по сличенiи описанiя уральскихъ кречетовъ съ описанiемъ восточно-сибирскихъ, я, повторяю, болѣе склоненъ допустить, что уральскій и восточно-азiатскій кречетъ не одно и то же, но, конечно, для окончательнаго рѣшенiя вопроса нуженъ гораздо большiй матерiалъ, чѣмъ нынѣ имѣющiйся. Вотъ что говорятъ о восточно-сибирскихъ кречетахъ гг. Палласъ, Шренкъ и Радде:

„Das einzige Exemplar des Jagdfalken, welches ich mitbrachte, говоритъ г. Радде (l. c., p. 98), ist ein junges Männchen und entstammt dem Apfelgebirge, wo es Ende November 1856 im Quellgebiete des Tschikoi erlegt wurde. Es schliesst sich in seinem Colorit an einen gleichfalls jungen Vogel dieser vielfach artlich gespaltenen, jetzt aber wieder auf eine Species reduzirten Art (это

писано г. Радде въ 1863 г.). Jener junge Vogel stammt aus Grönland und ist dem akademischen Museum einverleibt. Nur finde ich bei durchgängig etwas matterm Braungrau an unserm Vogel die Kehle fast fleckenlos, schmutzig weiss mit wenigen, kaum angedeuteten bräunlichen Schaftlinien und zugleich sind die Mundwinkelstreifen etwas deutlicher abgesetzt. Hierdurch schliesst sich dieses Exemplar entschieden an *F. lanarius*, Pall.=F. cyanopus, Gessn., nur nehmen die Schaftflecken an unserem Vogel nicht die Keil- und Thränenformen an, sondern bleiben als breite Längsbänder im Centrum jeder Feder stehen, so dass, wie Pallas schon bemerkt, mehr die dunkle Farbe als die helle auf der untern Körperseite vorwaltet. Hierin nun eben läge denn auch ein vornehmlichster Unterschied zwischen meinem Thiere und dem jungen Vogel aus Grönland. Auf dem Unterleibe nimmt das Vorwalten der dunklern Federtheile noch entschieden zu und es erscheinen die Hosen schmutzig graubräunlich mit schmalen gelblichen Rändern der einzelnen Federn. Ausserdem aber sehe ich an dem jungen Vogel dieser Art aus Grönland, dessen Signatur die Bezeichnung *F. islandicus ♂ junior* trägt, die Füsse entschieden gelb, während sie an meinem Exemplare die blaugraue Farbe des *F. cyanopus*, Gessn.=*F. lanarius*, Pall. einhalten, ein Umstand, welcher darthut, wie unhaltbar es sei, die Fussfarbe als artlichen Charakter bei dem Jagdfalken gelten zu lassen.—Der Schnabel meines Vogels ist etwas stärker und höher, als am glönländischen Exemplar". При неполнотѣ описанія восточно-сибирскаго кречета, даннаго г. Радде, трудно сказать съ какой птицей имѣемъ дѣло. Палласъ говоритъ объ уральскихъ и восточно-сибирскихъ кречетахъ между прочимъ слѣдующее (Zoographia Rosso-Asiatica, T. I, p. 325): „Falconarii qui ab aula Imperiali ad capiendos per Basckiriam Gyrfalcones mitti solent et a Rossico hujus avis nomine *(Kretschetniky)*, in apricis ad Isettum fluvium plurimos hujus et sequentis speciei capiunt retibus suspensis, vel valvatis, mobilissimis, sub quibus Columba viva e funiculo volitat. Inter hos capiuntur et albidi, nobilissimi, seniores, Rossis *Tschetvertnoi Kretschet* vulgo dicti. Tamen et hi circurantur. Sed plerique circa Uralum capti sunt fusco-cinerascentes et liturati. Contra in orientali Sibiria et Camtschatka Gyrfalcones, uti et Astures, plerique fere albi, nobilissimi, fortitu-

dine et pulcritudine Islandicis praeferendi". Уже отсюда слѣдуетъ, что уральскій кречетъ не можетъ быть Hier. gyrfalco, такъ какъ съ возрастомъ бѣлѣетъ. Описаніе бѣлаго камчатскаго кречета, данное Палласомъ, слѣдующее: „Maximus et fortissimus sui generis. *Rostrum* virescens, apice lividum, obtuse bidentatum; maxilla inferior obsoletius emarginata. *Corpus* totum niveum: vertex rhachibus, cervix venter et uropygium lineolis scapinis, dorsum et alae guttis in rhachin singulae plumae continuatis fuscis. Gula, crissum, alae subtus et femoralia immaculata. *Remiges primariae* extremitate fuscae, albo-maculatae, apice albo marginatae; *secundariae* apice fusco-fasciatae. *Rectrices* aequales albae, mediae fusco conspurcatae. *Pedes* livido-coerulescentes, robustissimi, tibiis brevibus seminudis. *Mensura* avis ad uropigium 12″ 6‴. caudae 9″ 4‴. alarum ulnae 15″. rostri 1″ 2‴. tibiae 1″ 7‴. digiti medii (sine ungue 11‴) 1″ 11‴. postici (1″ 2‴) 1″ 1‴.» Наконецъ, описаніе взрослаго кречета отъ г. Маака, который добылъ его у истоковъ р. Амура, данное Шренкомъ, весьма близко къ Палласову описанію камчатскаго кречета (Vögel des Amur-Landes, S. 228): „Der Schnabel nur einfach gezahnt; die Läufe sind vorn auf $^{2}/_{3}$ ihrer Länge befiedert. Die allgemeine Farbe desselben ist weiss, der Bartstreif kaum bemerkbar; auf dem Kopfe sind feine dunkelbraune Schaftstriche, am Halse und der Unterbrust etwas grössere Schaftflecke. Die Unterseite ist weiss mit sehr sparsamen graubraunen Schaftstrichen, an den Weichen mit ähnlichen lanzettförmigen Flecken. Die Rückenfedern sind weiss mit hellen, graubraunen, ungefähr halbmondförmigen Flecken nahe ihrem Ende; die grossen Schwingen mit dunkler, graubrauner Spitze und weissen Kanten, im Uebrigen ebenso wie die kleinen Schwingen mit mehr oder weniger braunen Schäften und graubraunen Querbändern, welche an den grossen Schwingen nicht bis an die Kante der Innenfahne reichen. Die Steuerfedern sind weiss mit bräunlichen Schäften, die mittleren mit 11—12 durchgehenden graubraunen Querbändern, die übrigen nur mit solchen Flecken auf ihren Aussenfahnen, das Schwanzende weiss. Bei dieser Farbenvertheilung stimmt unser Amur-Exemplar mit 2 grönlandischen in unserem Museum überein und giebt ihnen an Reinheit und Ausdehnung der weissen Farbe nichts nach. Länge des Laufes 2″ 4‴.

der Mittelzehe ohne Kralle 2″ 2‴“. Такимъ образомъ, чтобы выяснить отношеніе уральскаго кречета къ восточно-сибирскому и послѣдняго къ гренландскимъ и сѣверо-американскимъ, надо лучше изучить восточно-сибирскаго кречета въ молодомъ перѣ и добыть бѣлаго уральскаго.

О распространеніи уральскаго кречета имѣемъ слѣдующія данныя.

Вѣроятно этотъ видъ гнѣздится въ Канинской тундрѣ (*Meves.* Ornithol. iakttag. i nordvestra Ryssland, S. 766); по *Гёбелю*, осѣдлый около Пинеги (Journ. f. Orn., 1873, 410); по *Heuglin*'у, кречетъ былъ неоднократно замѣченъ какъ на Шпицбергенѣ, такъ и на Новой Землѣ, но ни тамъ, ни здѣсь не удалось точно опредѣлить вида кречета за неимѣніемъ добытыхъ экземпляровъ; при входѣ въ Карскія ворота *Gillet* видѣлъ какого-то кречета, котораго онъ принялъ за молодаго; изъ двухъ кречетовъ, видѣнныхъ Heuglin'омъ, одинъ былъ чисто-бѣлаго основнаго цвѣта, какъ кажется, съ темными поперечными пятнами (Reisen nach dem Nordpolarmeer in den Jahren 1870 und 1871. Dritter Theil, 83—84 и J. f. Orn., 1872, S. 113). Уральская экспедиція нашла кречета гнѣздящимся подъ 66° с. ш. (*Гофманнъ*. Сѣверный Уралъ). По *Сабанѣеву*, на Уралѣ кречетъ встрѣчается въ Красноуфимскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ (Позвоночныя средняго Урала, стр. 24; Каталогъ въ Bull. de Moscou, 1871, стр. 282), но пересталъ встрѣчаться въ Каслинскомъ и Каштымскомъ; въ пятидесятыхъ годахъ кречетъ держался, по *Эверсманну* (Bull. de Moscou, 1848, I, 211; Journ. f. Orn., 1853, S. 62), въ горахъ по среднему и верхнему теченію р. Бѣлой. По *Finsch*, какой-то кречетъ былъ замѣченъ ими подъ Пермью и подъ Самаровымъ (Иртышъ) (l. c., p. 141). *Карелинъ* свидѣтельствуетъ (Разборъ статьи г. Рябинина, стр. 284), что кречетъ спускается въ Общій Сыртъ (зимою?). По *Третьякову* (Туруханскій край, стр. 312) въ Туруханскомъ краѣ будто бы гнѣздится балóбанъ: балóбанъ въ Туруханскомъ краѣ не можетъ быть, не приняты ли за него молодые кречеты? *Миддендорфомъ* кречетъ найденъ въ Таймырскомъ краѣ (20 мая) и далѣе по берегу Ледовитаго океана до 75½° с. ш. (въ августѣ, обыкновенъ) (Sibirische Reise, B. II, Th. 2, S. 127). Въ юго-восточной Сибири *Радде* (Reisen im S. von Ost-Sibirien, B. II, S. 99—100)

нашелъ кречета повсемѣстно, за исключеніемъ высокихъ степей Монголіи; держится исключительно въ лѣсистыхъ горныхъ кряжахъ: Бурейскій хребетъ, Яблоновый.

9.

HIEROFALCO SAKER, SCHL.

Балóбанъ.

Синонимы: Falco sacer, Gm.; Falco lanarius, Pall.; Falco cherrug, Gray (Ill. Ind. Orn.); Falco saqer, Heugl.; у арабовъ Saqer el hor или Saqer el ghazál.

станціи:

степь, перемежающаяся съ рѣдкими лиственными рощами.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

а) Область гнѣздовья.

На Уралѣ балóбанъ встрѣчается въ Камышловскомъ и Шадринскомъ у. у. (*Сабанѣевъ.* Позвон. средн. Ур., стр. 24; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д. въ Bull. de Mosc., 1871, III, 222; см. также *Карелина*, Разборъ статьи г. Рябинина, стр. 284); я имѣю экземпляръ изъ Кундравинской станицы ($\frac{4}{IV}$); по *Эверсманну* (Bull. de Moscou, 1848, I, 211), довольно обыкновененъ въ южныхъ предгоріяхъ Урала и въ прилежащихъ степяхъ; въ степяхъ по р. Уралу, Джунгарскихъ и въ предгоріяхъ Алтая не рѣдокъ. Встрѣчается и въ Казанской губ., но рѣже чѣмъ въ Оренбургской (*Эверсманнъ.* Ест. Ист. Оренб. края, ч. III, стр. 56 и Journ. f. Orn., 1853, S. 62). По свидѣтельству *М. Н. Богданова*, найденъ лѣтомъ во всемъ среднемъ Поволжьѣ (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 46); по *Арцибашеву*, F. s. гнѣздится по островамъ Волги и

на Ергеняхъ (Excurs. et observ. ornith. въ Bull. de Moscou, 1859, III, 46), гдѣ, по *Moeschler*'у, не только гнѣздится, но живетъ круглый годъ (Naumannia, 1853, S. 25 и 303). По *Данилову*, обыкновененъ въ Орловской губ. (Catalogue etc. въ Bull. de Moscou, 1864, II, 453); въ Тульской губ. встрѣчается лѣтомъ; болѣе раннее мое показаніе о пребываніи балóбана въ Тульской губ. круглый годъ (Орнитол. фауна Тульск. губ., стр. 13) ошибочно и основано на смѣшеніи на лету съ молодыми F. p. brevirostris. Въ Московской и Ярославской губ. балóбанъ уже не былъ замѣченъ (рукопись *Сабанѣева*). По свидѣтельству г. *Дьякова*, F. laniarius (F. saker), будто бы прилетаетъ на зиму въ Тверскую губ.; г. Дьяковъ навѣрное смѣшалъ балóбана съ какимъ-либо другимъ соколомъ (Птицы Тверской губ., стр. 61). Въ Царствѣ Польскомъ до сихъ поръ замѣченъ не былъ (*Тачановскій*. O ptakach, стр. 85; Сравн. обз. и т. д.; Liste etc., p. 135) но, по *Эйхвальду*, залетаетъ въ Литву (Zool. spec., p. 265). Въ Черниговской губ. гнѣздовье балóбана отмѣчено *Шевелевымъ* (Наблюденія надъ перелетами и т. д. въ Трудахъ Харьков. общ. испыт. природы, т. IX, стр. 199). Въ Подольской губ. довольно обыкновененъ, какъ по свидѣтельству *Тачановскаго*, такъ и по *Кесслеру* (Животныя Кіевскаго учебн. окр., в. III, стр. 15); однако, по *Бельке*, въ Подольской губ. балóбанъ переводится (Esquisse de l'hist. nat. de K. P., Bull. de Moscou, 1859, I, 27); по *Гёбелю*, гнѣздится въ Уманьскомъ у. (Journ. f. Orn., 1870, S. 192 и также *Holtz* въ Journ. f. Orn., 1873, S. 129 и 139). По свидѣтельству *Черная*, гнѣздится въ Харьковской (Beiträge zur F. d. Ch. G., Bull. de Moscou, 1850, II, стр. 607), а также вѣроятно въ Екатеринославской; по *Сѣверцову*, спорадически гнѣздится въ Воронежской губ., не многочисленъ и не особенно рѣдокъ (Періодическія явленія, стр. 183 и др. и поздн. наблюд.). *Нордманнъ* говоритъ, что балóбанъ въ Новороссійскомъ краѣ рѣдокъ (Faune pontique, p. 89); то же вытекаетъ изъ словъ *Шатилова* о Крымѣ (стр. 84), такъ какъ въ его коллекціи имѣется только одинъ экземпляръ F. s. Впрочемъ, по свидѣтельству того же наблюдателя, балóбанъ является осѣдлою птицею въ горной цѣпи и на южномъ берегу Крыма. Подъ Астраханью F. s. пока найденъ только на пролетѣ (*Яковлевъ*. Списокъ птицъ и т. д. въ Bull. de Moscou, 1872, IV, 329). По *Богданову*

(Птицы Кавказа, стр. 41), это весьма обыкновенная птица въ долинахъ Терека и Кубани *).

Такимъ образомъ въ Европ. Россіи балóбанъ является гнѣздящеюся птицею полосы степи и юго-восточнаго угла полосы островныхъ лѣсовъ **). Такъ какъ зимовать у насъ остаются только немногіе экземпляры, преимущественно въ южной части области распространенія, то область пролета балóбана въ Европ. Россіи почти совпадаетъ съ областью гнѣздовья и, какъ кажется, исключительно пролетною птицею балóбанъ является только на сѣверномъ побережьѣ Каспія.

B) Въ другихъ странахъ.

α′) Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Австро-Венгріи F. saker, какъ гнѣздящаяся птица, идетъ по всѣмъ Дунайскимъ низменностямъ до Вѣны (Journ. f. Ornithol., 1879, S. 41—42 и 112). По свидѣтельству *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 291), въ Трансильваніи F. saker рѣдокъ. По *Blasius* (Aphorismen etc., p. 249) и *Wodzick*'ому (l. c., p. 430), F. saker будто бы гнѣздится въ Богеміи и Галиціи.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по свидѣтельству г.г. *Sintenis* (Zur Ornis der Dobrudscha, S. 61), F. saker обыкновенная гнѣздящаяся птица Добруджи. По *Elwes & Buckley* (On the Birds of Turkey, p. 73—74), обыкновененъ въ сѣверной Турціи, но гнѣздится также и въ Македоніи. Какъ гнѣздящаяся птица, найденъ подъ Константинополемъ. Нигдѣ, кромѣ перечисленныхъ

*) Г. Гёбель говоритъ (Journ. f. Orn., 1873, S. 421), что въ музеѣ г. Архангельска есть шкурки Falco saquer. Если шкурки, о которыхъ говоритъ г. Гёбель, дѣйствительно изъ Архангельской губ., вѣроятно, г. Гёбель ошибся въ опредѣленіи.

**) Противно заявленію Нордманна (Ueb. d. Vög. Fin- und Lappl., S. 5), что F. lan. живетъ „nur im hohen Norden“ и мнѣнію М. Н. Богданова, будто F. lan. принадлежитъ его эрратической полосѣ (Птицы и звѣри Поволжья, таблица).

мѣстъ, въ Европѣ балóбанъ не гнѣздится, но изъ Европ. Россіи, Австро-Венгріи и съ Балканскаго полуо—ва онъ залетаетъ въ очень отдаленные уголки Европы. Такъ, по *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 55), однажды онъ замѣченъ въ Тюрингіи, одинъ экземпляръ добытъ подъ Ганау, одинъ убитъ недалеко отъ Шлотгейма (Naumannia, 1853, S. 374). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 68), залетаетъ въ южную Швецію. По *Marchand* (Catalogue des oiseaux observés dans le département d'Eure-et-Loir, p. 8), 22 августа 1840 года очень старая самка убита въ департ. Эвры & Луара. *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 16) говоритъ, что, согласно показанію *del Cara*, три экземпляра балóбана были добыты въ Сардиніи, изъ которыхъ одинъ сохранился и былъ опредѣленъ за F. saker самимъ Salvadori; молодая ♀, очень похожа на рисун. 1-й табл. 23 Науманна.

Въ **Азіи**:

Finsch'омъ F. saker замѣченъ 7-го мая къ югу отъ Семипалатинска (Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876, S. 141). Одинъ экземпляръ коллекціи г. Сѣверцова добытъ между Омскомъ и Семипалатинскомъ, близь ст. Урлютюпской (♂). Другой той же коллекціи добытъ между Тоболомъ и Ишимомъ ($\frac{9}{VIII}$). Видѣлъ два экземпляра добытые у подножія Алтая, одинъ въ концѣ марта, другой въ началѣ апрѣля. Вообще балóбанъ, какъ гнѣздящаяся птица, распространенъ во всѣхъ степяхъ юго-западной Сибири, до подножія Алтая включительно, но въ Монголіи (до Кяхты), на Таримѣ и на Памирѣ его замѣняетъ Hierofalco Hendersoni, Hume, котораго Sharpe и др. неосновательно соединяютъ съ Hier. saker.

β') Область пролета.

Въ **Европѣ**:

Значительный пролетъ балóбановъ въ Европѣ наблюдается только подъ Константинополемъ.

Въ **Азіи**:

По *Сѣверцову* (Вертикальное и горизонт. распред. туркестанск. животн., стр. 63 и Journ. f. Ornith., 1875, S. 171), балóбанъ на

пролетѣ наблюдался спорадически во всей сѣверной полосѣ Туркестанскаго края.

γ') Область зимовья.

Въ **Азіи**:

По *Сьверцову* (l. c., 163 и 171), въ Туркестанскомъ краѣ балóбанъ зимуетъ въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ зоологическомъ участкѣ (Каратау, западный Тянь-Шань, Сыръ-Дарья, окрестности Ходжента, вся долина Заревшана), не поднимаясь выше 4000′. Въ Синдѣ *Hum*'омъ замѣченъ только однажды, па границѣ съ Келатомъ. Въ Пенджабѣ и прилежащихъ мѣстностяхъ зимою очень обыкновененъ (Contributions to the Ornithology of India, Str. Feath., Vol. I, p. 152—156). По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 104—105), зимуетъ въ Персіи. Несомнѣнно зимуетъ въ Малой Азіи и Сиріи, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы оставался здѣсь гнѣздиться, хотя бы и въ небольшомъ числѣ. Заходитъ въ Аравію.

Въ **Африкѣ**:

По *Shelley* (Birds of Egypt, p. 190), рѣдкая зимующая птица Египта и Нубіи. По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 29), какъ рѣдкій зимующій гость бываетъ въ нижнемъ Египтѣ. По *Loche* (Catalogue des mammifères et des oiseaux observés en Algérie, p. 41), балóбанъ встрѣчается изрѣдка въ южномъ Алжирѣ.

Такимъ образомъ въ общемъ балóбанъ является птицей съ далеко не широкимъ географическимъ распространеніемъ. Съ востока и отчасти юго-востока его область сжата областью Hierofalco Hendersoni, съ юга (Индія)—областью индійскаго балóбана (Falco jugger) и, наконецъ, съ юга и юго-запада областью Falco lanarius typicus=Falco Feldeggii, Schl., который гнѣздится въ Далмаціи, спорадически въ Болгаріи и Македоніи, въ Греціи, изрѣдка въ Испаніи, въ Морокко, Египтѣ и Нубіи. De-Filippi узналъ F. lanar. между ловчими птицами Персіянъ, но неизвѣстно, были ли это мѣстныя птицы или привозныя. По Loche, F. Feldeggii только случайно залетаетъ въ Алжиръ. Вѣроятно въ Испанію F. Feldeggii распространился изъ Египта сѣверно-африканскимъ по-

бережьемъ, черезъ Алжиръ и Морокко, такъ какъ въ Италіи эта птица составляетъ крайнюю рѣдкость.

Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя нашими наблюдателями о такъ называемомъ Falco laniarius, Linn., относятся къ F. saker, Schl. Типичный Falco laniarius s. F. Feldeggii нигдѣ у насъ не встрѣчается, да и не можетъ встрѣчаться, такъ какъ его область распространенія лежитъ далеко къ ю.-з. отъ нашей полосы степей.

Вотъ описаніе F. saker въ разныхъ возрастахъ по 15 экземплярамъ коллекцій Н. А. Сѣверцова, москов. музея и моей.

Размѣры ♀ 24, 7″—52, 5″, размѣры ♂ 20, 2″—46″ или 20, 5″—45, 3″. Длина крыла у послѣдняго 14, 8″, хвоста—7, 9″, плюсны—2, 3″, средняго пальца 1, 9″, клюва 1, 2″. Такимъ образомъ средній палецъ гораздо *короче* плюсны, что составляетъ отличительный признакъ балóбановъ отъ сапсановъ. Falco Feldeggii занимаетъ среднее мѣсто между тѣми и другими: у него средній палецъ равенъ плюснѣ.

У взрослой птицы голова (верхъ и бока) свѣтлая, слабо желтовато-бѣлая съ бурыми наствольными черточками; такого же цвѣта затылокъ и задняя часть шеи, но продольныя черточки замѣнены вершинными пятнами. Вся спина и надхвостье, верхнія кроющія крыла и плечевыя бурыя съ довольно широкими ржавчатыми ободками; верхнія кроющія хвоста съ бѣловатыми овальными пятнами. Хвостъ бурый съ 9 свѣтлыми поперечными полосами на внутреннихъ опахалахъ всѣхъ перьевъ, исключая двухъ среднихъ, и лежащими супротивно съ этими полосами свѣтлыми овальными пятнами на внѣшнихъ опахалахъ. На двухъ среднихъ рулевыхъ полосъ нѣтъ, но на обоихъ опахалахъ свѣтлыя овальныя пятна. Вершины у всѣхъ рулевыхъ свѣтлыя. Отъ угловъ рта идутъ узкіе черно-бурые усы. Нижняя сторона тѣла бѣлая на горлѣ, зобѣ, груди и бокахъ, желтоватая на брюхѣ. Горло безъ пятенъ, зобъ и грудь съ рѣдкими бурыми овальными или ромбическими пятнами, которыя на брюхѣ больше и чаще, отчего оно кажетъ темнѣе; на бокахъ овальныя пятна вытягиваются въ широкія продольныя полосы, которыя даютъ отъ себя поперечные отростки, очерчи-

вающіе на опахалѣ свѣтлыя овальныя пятна. На штанахъ продольныя полосы ржаво-бураго цвѣта. Нижнія кроющія хвоста желтоватыя.

У молодыхъ F. saker голова и затылокъ желтовато-бѣлые съ широкими бурыми продольными пятнами, лобъ бѣловатый. Задняя часть шеи гораздо темнѣе, чѣмъ у взрослыхъ. Спина, надхвостье, верхнія кроющія крыла, плечевыя и верхнія кроющія хвоста какъ у взрослыхъ, только ободки скорѣе изнашиваются, отчего въ общемъ верхняя сторона тѣла у молодыхъ становится покрашенною и однообразнѣе и темнѣе. Хвостъ такого же цвѣта какъ у взрослыхъ, только два среднія рулевыя иногда совсѣмъ безъ пятенъ, а на остальныхъ рулевыхъ большая часть поперечныхъ полосъ на внутреннихъ маховыхъ замѣнена овальными пятнами. Исподъ тѣла молодыхъ балóбановъ гораздо темнѣе, чѣмъ старыхъ. Горло и бока головы бѣловатые, бока съ бурыми наствольными черточками, горло безъ отмѣтинъ. Зобъ, грудь, брюхо, бока и штаны очень темные вслѣдствіе большаго развитія темныхъ пятенъ. Нижнія кроющія хвоста грязно-желтоватыя. Усы узкіе чернобурые. Ноги у молодыхъ голубыя, съ возрастомъ желтѣютъ.

Заканчивая этимъ мои замѣтки о видахъ и подвидахъ большихъ соколовъ Европ. Россіи, я не могу не развить нѣсколько шире моего взгляда на соотношеніе приведенныхъ формъ. Факты руководящіе мною въ этомъ, слѣдующіе: какъ Hierofalcones, такъ и Falco peregrinus съ его subspecies и F. Feldeggii въ первомъ перѣ болѣе или менѣе сходны между собою, что несомнѣнно указываетъ на сродство этихъ видовъ и подвидовъ, на ихъ происхожденіе отъ общаго прародителя, который вѣроятно имѣлъ нѣкоторое сходство съ Hier. saker, F. Feldeggii, F. babylonicus и особенно Hierof. Hendersoni, который форма очень древняя, о чемъ можно судить по пустельговой окраскѣ спины и по соединенію признаковъ отчасти балóбаньихъ и отчасти кречетовыхъ. Изъ этой коренной формы первоначально вѣроятно выдѣлилась степная, близкая къ Hierof. saker и F. lanarius, которая какъ лучше приспособленная къ жизни въ степи вытѣснила своего прародителя изъ занятой имъ области, отодвинула его на плоскогорья центральной и восточной Азіи, гдѣ онъ, вымирая, могъ болѣе или

менѣе измѣниться и дойти до насъ въ видѣ Hierof. Hendersoni. Въ параллель этому оттѣсненію степными соколами одной вѣтви близкой къ Hier. Hendersoni коренной формы на югъ, совершилось, какъ я думаю, оттѣсненіе другой вѣтви той же коренной формы на сѣверъ, по Уральскому хребту, вѣтви, давшей начало кречетамъ, чѣмъ и объясняется сходство Hier. Hendersoni съ Hier. uralensis. Однако, задолго прежде видоизмѣненія сѣверной вѣтви коренной формы въ кречетовъ, когда еще она жила неизмѣненной или мало измѣненной по Уральскому хребту, изъ степной формы выдѣлились какъ настоящій балобанъ (Hierof. saker), такъ и прародичъ F. lanarius, F. babylonicus и F. peregrinus и его родичей, которые, наконецъ, и выдѣлились. По всей вѣроятности это было еще до ледниковаго періода, такъ какъ иначе сапсаны не имѣли бы времени разселиться по всему земному шару и обособиться въ нѣсколько видовъ. Ворочаясь къ кречетамъ, я долженъ сказать, что въ настоящее время невозможно окончательно рѣшить, гдѣ и когда они выдѣлились, но не намѣчаютъ ли рѣшеніе этого вопроса по выше намѣченному пути слѣдующія соображенія: на горныхъ хребтахъ умѣренныхъ странъ находятъ сѣверные виды растеній и животныхъ и объясняютъ ихъ присутствіе тѣмъ, что по окончаніи ледниковаго періода эти виды, населявшіе во время его низменности, начали распространяться въ двухъ направленіяхъ: въ вертикальномъ—вслѣдъ за поднимающейся снѣговой линіей по горнымъ хребтамъ, и въ горизонтальномъ — вслѣдъ за снѣговой линеей, отступающій къ сѣверу. Еслибы кречета существовали во время ледниковаго періода, мы въ правѣ бы ожидать ихъ присутствія въ альпійской области Швейцарскихъ горъ, чего нѣтъ и что не можетъ быть объяснено гибелью кречетовъ въ борьбѣ за существованіе съ сапсанами, такъ какъ, вопервыхъ, въ Скандинавіи и на Уралѣ эти формы живутъ совмѣстно (въ разныхъ поясахъ: поясъ лѣса и альпійскій), а вовторыхъ, сѣверные и средне-европейскіе сапсаны въ свою очередь могли выдѣлиться только послѣ ледниковаго періода (судя по областямъ ихъ географическаго распространенія). Если эти соображенія имѣютъ цѣну, а едва ли это можно оспаривать, въ такомъ случаѣ мое предположеніе, что кречеты (то же надо сказать и о сѣверныхъ сапсанахъ: F. p. griseiventris, abietinus, cornicum и bre-

virostris) представляютъ собой наиболѣе новый рядъ, занявшій свою нынѣшнюю область и распавшійся на современныя формы уже послѣ ледниковаго періода и образовавшійся изъ потомковъ сѣверной вѣтви коренной формы, оттѣсненной на Уралъ степной, близкой къ балóбанамъ (понятно, что происхожденіе сѣверн. сапсановъ ведется не отъ этой группы, а отъ F. p. leucog.), это предположеніе весьма вѣроятно. По берегамъ р. р. Бѣлой и Камы и понынѣ гнѣздятся кречеты на скалахъ. Ледниковъ въ этихъ мѣстахъ не было, слѣдовательно, объяснить гнѣздованіе этихъ формъ въ указанныхъ мѣстахъ ихъ отступленіемъ съ сѣвера подъ вліяніемъ разростающихся ледниковъ нельзя. А еслибы кто и предположилъ, что кречета, какъ вполнѣ выдѣлившаяся форма, существовали до ледниковаго періода и во время его отодвинулись къ югу тѣснимые льдами, то что сказать объ отсутствіи ихъ въ альпійской области средней Европы? На этомъ основаніи я и предполагаю, что полярною птицею кречетъ сдѣлался въ новѣйшій періодъ, первоначально же это была птица горныхъ хребтовъ (именно Урала), выдѣлившаяся изъ населявшихъ эти горы до послѣ-ледниковаго періода неизмѣненныхъ или мало измѣненныхъ потомковъ сѣверной вѣтви коренной формы. Только позднѣе, по отступленіи ледниковъ, разселившись по тундрѣ, первичная форма кречетовъ сложилась въ болѣе или менѣе цѣльную группу нынѣшнихъ полярныхъ кречетовъ. Удивляться сравнительному богатству видовъ въ этой группѣ при ея позднемъ выдѣленіи нечего, такъ какъ образованіе ихъ, какъ кажется, шло почти исключительно путемъ объединенія, которое вообще ускоряетъ выдѣленіе новыхъ видовъ. На молодость группы кречетовъ указываетъ также и относительная незначительность ихъ видовыхъ отличій, затемняющихся большими личными. Такимъ образомъ изъ нынѣ живущихъ большихъ соколовъ я самымъ древнимъ считаю Hierof. Hendersoni, за которымъ слѣдуетъ Hierof. saker; затѣмъ идутъ Falco lanarius, babylonicus и peregrinus и, наконецъ, кречеты, выдѣлившіеся изъ уцѣлѣвшей на Уралѣ группы особей коренной формы. Быть можетъ роль уральскихъ кречетовъ надо перенести и на кречетовъ Буреинскихъ хребтовъ—недостатокъ данныхъ пока не позволяетъ этого рѣшить.

10.

LITHOFALCO AESALON, GMEL.

Дербникъ.

Синонимы: Falco lithofalco, Briss.; Falco aesalon, Briss.; Falco regulus, Pallas; Falco sibiricus, Shaw; Falco caesius, Wolf; Aesalon lithofalco, Bp.; Hypotriorchis lithofalco, A. Brehm; Hypotriorchis aesalon, A. Brehm.

станціи:

тайга, густыя ольховыя заросли, горные лѣса, скалистая мѣстность.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

На сѣверъ дербникъ идетъ очень далеко. *Миддендорфомъ* онъ найденъ въ Русской Лапландіи (Malmö, 68°—70° с. ш. Bericht über die Ornithol. Ergebn. d. R. in Lappland, S. 268; *Schrader* въ Journ. f. Ornithol., 1853, 245). По *Нордманну*, не рѣдокъ въ Финляндіи и идетъ до Ледовитаго океана, гдѣ гнѣздится на утесахъ (Bull. de Moscou, 1860, I, 5). По *Brander'*у (l. c., S. 379), обыкновенная гнѣздящаяся птица Улеаборгской губ. По свидѣтельству *Сиверса*, найденъ около Онежскаго озера (Ornithol. anteckn., стр. 91). *Мевесомъ* найденъ на Вытегрѣ (Ornithologiska iakttagelser i nordvestra Ryssland, Ofv. of K. V. A. förh., 1871, p. 767). По *Гёбелю*, гнѣздится подъ Архангельскомъ (Journ. f. Ornith., 1873, S. 419) и Устюгомъ (Journ. f. Ornith., 1871, S. 24). Изъ Мезени доставленъ *Быстровымъ* (Bull. scient., т. X, № 22, p. 351). *Brown'*омъ и *Seebohm'*омъ во множествѣ найденъ подъ Усть-Цыльмой (65° 26′ с. ш.) (The Birds of the Lower Petchora, p. 111). На Уралѣ *Сабанѣевымъ* найденъ въ Екатеринбургскомъ у. и до 57° с. ш.; *Теплоуховымъ* прослѣженъ нѣсколько далѣе (Позвоночныя средн. Урала, стр. 23; Каталогъ и т. д. въ Bull. de Moscou, 1871,

III, стр. 228). По *Heuglin*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 464), залетаетъ не только на Вайгачъ (70° с. ш.), но даже на сѣверный берегъ Самоѣдскаго полуо—ва, на Бѣлый о—въ и, какъ кажется, въ Бѣлужью Бухту (77°—78° с. ш.). По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, IV, p. 627), въ ю.-з. уѣздахъ Вологодской губ. не рѣдокъ. По свидѣтельству *В. Эсаулова*, въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. дербникъ рѣже бѣлогорлика (Труды Петерб. общ. испыт. прир., т. IX, стр. 227). По *Büchner*'у и *Pleske* (Beitr. z. Ornith. d. St. Peresburg. Gouvern., S. 11), въ Гдовскомъ и Петергофскомъ уѣздахъ рѣдокъ. По *Russow*'у (Die Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, S. 26), немногія особи дербника гнѣздятся въ Остзейскомъ краѣ. Въ Черниговской губ. гнѣздится, по показанію *Шевелева* (Наблюденія надъ перелетами птицъ, Тр. Харьк. общ. испыт. прир., т. IX). По свидѣтельству г. *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 61), зимою найденъ въ Тверской губ., что весьма возможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что Lithof. aesalon гнѣздится въ Тверской губ.; лѣтомъ эта птица была вѣроятно просмотрѣна благодаря своему скрытному образу жизни. Въ Московской, Ярославской (Матеріалы для фауны Ярославской губ., стр. 246 и Bull. de Moscou, 1868), Смоленской и Владимірской *(Сабанѣевъ*, рукопись) довольно обыкновененъ и иногда зимуетъ. Въ Тульской довольно обыкновененъ *(Мензбиръ.* Орнитол. фауна Тульской губ., стр. 16). То же относительно Орловской говоритъ *Даниловъ* (Bull. de Moscou, 1864, II, p. 453). По замѣчанію *Павлова*, въ Рязанскую губ., «кажется, является поздно осенью и зимуетъ»; послѣднее весьма и весьма вѣроятно, но помимо того дербникъ вѣроятно окажется и гнѣздящеюся птицею Рязанской губ. (Орнитол. наблюденія, стр. 8). Въ Казанской губ. до сихъ поръ найденъ только на пролетѣ, вѣроятно гнѣздится (*Богдановъ.* Птицы и звѣри Поволжья, стр. 48).

β) Область пролета.

По *Руссову* (l. c., S. 26), преимущественно пролетная птица Остзейскаго края. По свидѣтельству *Тачановскаго* (O ptakach, стр. 101; Сравн. обзоръ. и т. д., стр. 124; Liste etc., p. 135), обыкновененъ на пролетѣ въ Польшѣ. Несомнѣнно только пролетная

птица Подольской, Кіевской (*Кесслеръ*. Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. округа, в. Ш, стр. 18; *Belke* въ Bull. de Moscou, 1866, II, 492 и его же Esquisse de l'hist. nat. de K. Pod., Bull. de Moscou, 1859, I, 27), Харьковской (Фауна Харьк. губ., стр. 35 и Bull. de Moscou, 1850, II, 607), Воронежской (пролетаетъ въ сентябрѣ) малочисленъ. *Сьверцовъ*. Період. явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гад. Ворон. губ.) и Симбирской губ. (*Эверсманнъ* ошибочно считалъ дербника въ Казанской и Симбирской губ. залетнымъ съ юга. Ест. ист. Оренб. края, ч. Ш, стр. 61). Кромѣ того, дербникъ обыкновененъ на пролетѣ во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ, въ Астраханской губ. (*Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ., стр. 329) и на Кавказѣ (Птицы Кавказа, стр. 42).

γ) Область зимовья.

По *Руссову* (l. c., S. 26), отчасти зимующая птица Остзейскаго края. То же говоритъ о Польшѣ *Тачановскій*. Рѣдкая зимующая птица центральныхъ губ. (Московской, Ярославской, Смоленской, Владимірской, Тульской, Рязанской). По *Нордманну* (Faune pontique, p. 87), „commun dans toutes les provinces de la Russie méridionale, d'où il ne disparaît, en hiver, que pour très peu de temps“. Въ Крыму встрѣчается только зимою (*Шатиловъ* въ Извѣстіяхъ общ. любит. естествозн., т. X, в. 2, стр. 84). Вѣроятно остается зимовать во многихъ другихъ мѣстностяхъ, только свѣдѣній объ этомъ въ настоящее время не имѣется.

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Норвегіи, по *Collet* (Norges Fugle, p. 152), гнѣздится отъ русской границы до Довре и даже спорадически южнѣе (напр. подъ Христіаніей). По свидѣтельству *Palmén*'а и *Sahlberg*'а (Or. Ornithol. iakttag., p. 245), дербникъ и его яйца добыты подъ Муоніоніской (68° с. ш.). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, 66), въ Швеціи Lithof. aesalon распространенъ отъ 57° с. ш. до 65° с. ш. По *Wallengren*'у же (Naumannia, 1853, S. 83), рѣдкая гнѣз-

дящаяся птица Готланда. По *Krüper*'у (Naumannia, 1857, S. 31), гнѣздится въ Исландіи (на скалахъ), откуда улетаетъ на зиму съ тѣмъ, чтобы весною воротиться туда одновременно съ пташками. Въ Гренландіи дербника нѣтъ. На Фарерскихъ о—вахъ осѣдлый (*Droste* въ Journ. f. Ornith., 1869, 108—109).

На Британскихъ о—вахъ Lith. aesalon, говорятъ, будто гнѣздится въ Нью-Форстѣ и въ Эссексѣ; случайно гнѣздится въ Герефордѣ, Шропширѣ и Пемброкширѣ, правильно въ Дербишрѣ, сѣв. Валисѣ и сѣв. Англіи. Въ Шотландіи и Ирландіи, какъ гнѣздящаяся и даже осѣдлая птица, распространенъ повсемѣстно (*Dresser*. Birds of Europe. P. XXXVIII).

Быть можетъ, гнѣздится въ Голландіи.

По *Speerschneider*'у, *Boeck*'у, *Tobias* и *Naumann*'у, быть можетъ, гнѣздится кой-гдѣ въ Германіи (*Borggreve*, l. c., p. 55).

По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 414), будто бы гнѣздится въ Савойѣ.

По свидѣтельству *Marchant*, во Франціи дербникъ будто бы гнѣздится на горахъ въ департаментѣ Котъ-д'Оръ (l. c., p. 8). По *Lacroix* (l. c., p. 29—30), осѣдлая птица большихъ лѣсовъ Пиренейскихъ горъ.

По свидѣтельству *Fatio* (Naumannia, 1856, S. 165), Lith. aesalon осѣдлый въ Женевской долинѣ.

Въ Австро-Венгріи, по *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 392), будто бы гнѣздится изрѣдка въ Тиролѣ. По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 468), въ очень рѣдкихъ случаяхъ остается гнѣздиться въ Штиріи.

Въ **Азіи**:

По свидѣтельству *Finsch*'а (Reise nach West-Sibirien, S. 143), Lithof. aesalon 24 іюля замѣченъ ими выше развѣтвленія Щучьей рѣки (67° с. ш.) и на возвратномъ пути въ сентябрѣ (6, 11 и 16 нов. стиля) на Оби. По свидѣт. г. *Съверцова*, въ іюнѣ добытъ около р. Тургая, по дорогѣ изъ Тура. По *Миддендорфу* (Sibirische Reise, B. II, Th. 2, S. 128), въ концѣ апрѣля найденъ на Алданѣ. Гнѣздится въ окрестностяхъ Удскаго Острога. *Радде* (Reisen im Süden v. Ost-Sibirien, B. II, S. 101) нашелъ Lith. aesalon

только на пролетѣ на Тарей-Норѣ. *Blakiston & Pryer* (Ibis, 1878, 249) говорятъ, что онъ случайно бываетъ въ Японіи. На основаніи этихъ свѣдѣній можно придти къ заключенію, что Lith. aesalon гнѣздится во всей Сибири, но въ ея восточной части только кой-гдѣ, спорадически. *Пржевальскимъ* (Монголія, Т. II, стр. 15) лѣтомъ найденъ въ Ордосѣ и изрѣдка въ Гань-су. По *Scully* (A Contribution to the Ornithology of Eastern Turkestan, p. 120), будто бы гнѣздится въ восточномъ Туркестанѣ. По *Сѣверцову* (Замѣтки о фаунѣ позвоночныхъ Памира, стр. 68), въ концѣ іюля замѣченъ на Баш-Алаѣ.

β) **Область пролета.**

Въ **Европѣ**:

По *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, S. 25—26), пролетный въ Даніи.

Выше мы сказали, что, быть можетъ, Lithof. aesalon гнѣздится кой-гдѣ въ Германіи, теперь прибавимъ, что во всякомъ случаѣ въ большинствѣ мѣстностей Германіи это только пролетная и отчасти зимующая птица. Такъ, только на пролетѣ найденъ въ Ольденбургѣ (*Wiepken & Greve,* l. c., S. 14; Journ. f. Ornith., 1880, S. 63; см. также Naumannia, 1852, S. 84). По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1853, S. 149) и *Homeyer*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 333), пролетный въ Помераніи. По *Vangerow*'у (Journ. f. Ornith, 1855, S. 182) и *Schalow*'у (Journ. f. Ornith., 1876, S. 34) пролетный въ Бранденбургѣ. По *Blasius*'у, отчасти пролетный, отчасти зимующій подъ Брауншвейгомъ. По свидѣтельству *Brahts*'а (Naumannia, 1855, S. 341), пролетный подъ Нейвидомъ. По *Jäckel*'ю (Naumannia, 1856, S. 41), пролетный и зимующій въ Баваріи.

Въ Бельгіи, по свидѣтельству *La Fontain*'а (l. c., p. 211—212), отчасти пролетная, отчасти зимующая птица (см. также Muséum des Pays-bas, Falcones, p. 19).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 92), Lith. aesalon бываетъ только на пролетѣ и зимою, съ чѣмъ несогласны выше приведенныя нами свѣдѣнія. Только на пролетѣ найденъ въ департ. Сены & Марны (R. et Mag. de Zool., 1854, p. 201), будто бы только зимою бываетъ въ департ. Эвры & Луара (*Arm. Marchand.* Catalogue des oiseaux observés dans les départements d'Eure-

et-Loir, p. 9), по *Dubalen* (Catalogue critique des oiseaux observés dans les départements des Landes, des Basses-Pyrénées et de la Gironde, p. 10), отчасти пролетная, отчасти зимующая птица департ. Ландъ, Нижн. Пиренеевъ и Жиронды. Подъ Ліономъ очень рѣдокъ даже на пролетѣ (Naumannia, 1855, S. 45).

По свидѣтельству *Du Plessis* (l. c., p. 105), встрѣчается подъ Орбомъ, вѣроятно на пролетѣ.

Въ Испаніи, по *A. Brehm* (Allg. d. Naturhist. Zeit., S. 438) и *Saunders* (l. c., p. 321), отчасти пролетный, отчасти зимующій.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 21), обыкновененъ на пролетѣ, отчасти зимуетъ. По *Malherbe* (Faune ornithologique de la Sicile, p. 25), въ Сициліи пролетный.

Въ Австро-Венгріи пролетный подъ Вѣной (Journ. f. Ornithol., 1879, S. 112). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 292), на пролетѣ и зимою бываетъ въ Трансильваніи. Только пролетный въ Зальцбургѣ (Zool. Garten, 1875, 233).

Пролетный въ Болгаріи (Journ. f. Ornith., 1859, S. 380).

Въ **Азіи:**

По *Swinhoe* (Ibis, 1874, S. 427), пролетный въ сѣв. Китаѣ.

По *Сѣверцову* (Вертикальное и горизонт. распред. туркест. животн., стр. 63 и Journ. f. Ornith., 1875, S. 171), пролетный въ трехъ участкахъ Туркестанскаго края: Семирѣчье, Иссык-куль, Нарынъ, Аксай, Чу, Таласъ, Каратау, Сыръ-Дарья.

γ') Область зимовья.

Въ **Европѣ:**

Какъ кажется, за исключеніемъ Скандинавіи, дербникъ на зимовьѣ найденъ во всѣхъ странахъ Европы: по всей вѣроятности отчасти зимуетъ въ Даніи, несомнѣнно зимуетъ во многихъ мѣстностяхъ Германіи (подъ Гамбургомъ, Бранденбургъ, Баварія и др.), на Британскихъ о—вахъ, въ Голландіи и Бельгіи, во Франціи, Испаніи (см. между прочимъ *Irby*, l. c., p. 52—53), въ Сардиніи (Journ. f. Ornith., 1865, S. 65), Италіи, Богеміи, Трансильваніи, обыкновененъ зимою въ Македоніи и Греціи (*Elwes & Buckley*. On the Birds of Turkey, p. 74; La faune de Grèce, p. 32).

Въ **Азіи**:

По *Swinhoe*, зимуетъ въ собственно Китаѣ. *Пржевальскимъ* (Монголія и страна Тангутовъ, т. II, стр. 15) зимою найденъ въ землѣ Цахаровъ. По *Сьверцову* (l. c., стр. 63 и 171), зимуетъ на Чу, Таласѣ, нижнемъ Нарынѣ, въ Каратау, западномъ Тянь-Шанѣ и на Сырѣ. По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 105) и *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, p. 3), въ Малой Азіи и Персіи рѣдокъ. По *Hume* (l. c., p. 157), рѣдкая зимующая птица Синда. По *Tristram*'у (Ibis, 1865, p. 258), довольно обыкновененъ зимою въ Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**:

По *Shelley* (The Birds of Egypt, p. 191), зимою обыкновененъ въ Египтѣ, но рѣдко доходитъ до Нубіи, что подтверждается *Heuglin*'омъ (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 35). Только Гартманнъ говоритъ, что Lith. aesalon обыкновененъ въ акаціевыхъ зарослякъ сѣв. Нубіи. По *Loche* (l. c., p. 42), зимуетъ въ Алжирѣ, гдѣ въ серединѣ декабря дербникъ былъ добытъ *Тачановскимъ* (Journ. f. Ornithol., S. 38). По *Irby* (l. c., p. 52—53), зимуетъ въ Марокко.

11.

ERYTHROPUS VESPERTINUS, BRHM.

Кобчикъ.

Синонимы: Falco vespertinus, Linn.; Cerchneis vespertinus, Boie; Tinnunculus vespertinus, Gray; Falco rufipes, Beseke.

станціи:

островные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) **Область гнѣздовья.**

Уральской экспедиціей кобчикъ найденъ до 57° с. ш. (Пермь); *Сабанѣевымъ* найденъ въ окрестностяхъ Княспинскаго озера, но въ

большомъ количествѣ встрѣчается только къ югу отъ $56^1/_2{}^0$ с. ш. (Позвоночныя средняго Урала, стр. 24; Каталогъ и т. д. въ Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 222); однако, *Теплоуховъ* сообщилъ Сабанѣеву, что кобчикъ довольно обыкновененъ на Обвѣ подъ $58^1/_2{}^0$ с. ш., гдѣ вѣроятно гнѣздится. *Булычевымъ* отмѣченъ для Ирбитскаго уѣзда (Оч. фл. и фауны Ирбитск. у., стр. 29). *Лилieборгъ* нашелъ его до большихъ лѣсовъ на Двинѣ и особенно многочисленнымъ подъ Каргополемъ. (Naumannia, 1852, 94). *Мевесомъ* найденъ отъ Шлиссельбурга до Новой Ладоги и отъ Архангельскаго до Каргополя (Ornithologiska iakttag. i nordv. Ryssland, Öfvers. af K. V. A. förhandl., 1871, 767). Въ Вологодской губ. довольно обыкновененъ *(Межаковъ.* Bull. de Moscou, 1856, IV, 627). *Зандебергъ* доставилъ въ зоолог. музей Москов. Унив. два экземпл. Erythropus vespertinus, оба съ Онежскаго озера ($18\frac{10}{VIII}$ 76 и $18\frac{21}{VII}$ 76). По свидѣтельству *Сиверса* (Ornithol. anteckn., стр. 89—90), найденъ на р. Свирь, у оз. Сегозера и въ Заонежьѣ. Въ Финляндіи былъ очень рѣдокъ до конца шестидесятыхъ годовъ, но съ тѣхъ поръ началъ встрѣчаться все чаще и чаще. *Wright* зналъ только два финляндскихъ экземпляра: ♀ убитую въ іюлѣ 1847 г. въ Кезелаксѣ и ♀ убитую 1 мая 1854 подъ Улеаборгомъ. *Malmgren* въ началѣ августа 1867 года видѣлъ пару кобчиковъ между Улеаборгомъ и Муго. Въ томъ же году, въ августѣ, старый самецъ былъ убитъ подъ Ловизой. 14 мая 1869 года была убита самка кобчика подъ Каяной (64° 5′ с. ш.). 10 іюня того же года одинъ экземпляръ былъ убитъ въ 2—3 верстахъ на сѣверъ отъ Улеаборга, а двумя днями позднѣе недалеко отъ того же мѣста были замѣчены самецъ и самка кобчиковъ. *Брандергъ* сообщилъ о старомъ самцѣ, убитомъ весною 1869 г. подъ 65° 5′ с. ш. (Pudasjärvi) (см. Journ. f. Ornith., 1870, S. 285—287). По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 61), найденъ въ Тверской губ., гдѣ несомнѣнно гнѣздится. По свидѣтельству *Büchner'a* и *Pleske* (Beiträge zur Ornithologie des St. Petersburger Gouvernements, S. 11), кобчикъ довольно обыкновененъ въ Гдовскомъ у. *Руссовымъ* старый ♂ былъ убитъ въ маѣ 1877 года въ Ямбургскомъ у. Два экземпляра, ♂ и ♀, были добыты въ Петербургскомъ уѣздѣ. Въ Гдовскомъ у. коб-

чикъ найдёнъ также *Порчинскимъ* (О фаунѣ позвоночн. Гдовск. у., стр. 385). Въ Торопецкомъ и Холмскомъ уѣздахъ Псковской губ. кобчикъ довольно обыкновенная птица. (*В. Эсауловъ*, l. c., стр. 227). По *Руссову* (Die Ornis Ehst—, Liv—und Curland's, S. 26—27), въ Остзейскомъ краѣ кобчикъ рѣдокъ. Даже на Пейпусѣ тщетно искалъ его Руссовъ. Правильно и чаще всего появляется въ августѣ подъ Ревелемъ, на пролетѣ изъ Финляндіи. *Бунге* нашелъ кобчика гнѣздящимся въ Лифляндіи. Въ Новгородской губ. не рѣдокъ. Въ Курляндіи и Виленской губ. кобчика нѣтъ (Journ. f. Ornith., 1869, S. 321—322). По свидѣтельству *Тачановскаго* (О ptakach, стр. 106; Сравн. обзоръ орнитол. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 125; Liste etc., p. 136), въ Польшѣ Erythrop. vesp. бываетъ обыкновенно во время кочевокъ и на пролетѣ, но гнѣздится рѣдко и то близъ Полѣсья и въ Полѣсьѣ. Въ Смоленской губ. кобчика нѣтъ (?) (*Сабанѣевъ*). Въ подмосковныхъ губ. очень рѣдокъ. Въ Тульской губ. гнѣздится повсемѣстно, но рѣдокъ (*Мензбиръ*. Орнитолог. фауна Тульской губ., стр. 17). Въ Спасскомъ у. Рязанской губ. кобчикъ попадается очень часто (*В. Щепотьевъ*. Природа и Охота, 1879, XI, стр. 282). Въ Орловской найденъ на осеннемъ пролетѣ (Bull. de Moscou, 1864, II, 453). По *Шевелеву* (Наблюденія надъ перелетами птицъ и т. д. въ Тр. Харьков. общ. естествоиспыт., т. IX), гнѣздится въ Черниговской губ. Въ губ. Кіевскаго учебнаго округа весьма обыкновененъ по свидѣтельству *Кесслера* и *Бельке* (Естеств. ист. губ. Кіевскаго учебн. округа, в. III, стр. 19; *Belke* въ Bull. de Moscou, 1859, I, 27 и 1866, II, 492). По *Goebel'*ю (Die Vögel des Kreises Uman, S. 22—27), очень обыкновененъ въ Уманьскомъ уѣздѣ (см. также *Holtz'*а, Journ. f. Ornith., 1873, S. 140). По *Нордманну* (Obs. sur la faune pontique, p. 82), гнѣздится и очень обыкновененъ въ Новороссійскихъ степяхъ. *Гёбелемъ* найденъ подъ Одессой въ іюнѣ (Journ. f. Ornith., 1873, S. 123). По свидѣтельству *Шатилова* (Извѣст. общества любит. естествозн., т. X, в. 2-ой, стр. 84), гнѣздится въ Тамакской степи. По *Радде* (Beitr. z. Ornith. S. Russl., Bull. de Moscou, 1854, III, 132 и 133 и Journ. f. Ornith., 1854, S. 54), гнѣздится въ Тамакской степи и на Днѣпрѣ. Въ Харьковской губ. гнѣздится и очень обыкновененъ втеченіе всего лѣта (*Чернай*. Фауна Харьковск. губ., стр. 35 и Bull. de Moscou, 1850,

II, S. 607). По *Сѣверцову* (рукописная отмѣтка), въ Воронежской губ., у Битюга, въ сороковыхъ годахъ гнѣздился во множествѣ, а теперь лѣтомъ рѣдокъ, но пролетаетъ большими стаями въ началѣ сентября; летятъ не кучно, подъ вечеръ, не высоко. Пролетаетъ и весной, но болѣе парами и еще поспѣшнѣе. Во всей черноземной полосѣ Поволжья кобчикъ довольно обыкновененъ на гнѣздовьѣ (*Богдановъ*. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 49; *Эверсманнъ*. Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 62; Bull. de Moscou, 1848, I, 213; Journ. f. Ornithol., 1853, 62). На Сарпѣ, по *Арцибашеву* (Excursions et observations ornithologiques, p. 47), рѣдокъ, съ чѣмъ несогласно показаніе *Moeschler*'а (Verzeichniss etc., Naumannia, 1853, 303; см. также *Becker*'а, l. c., S. 239), который говоритъ, что кобчикъ довольно часто встрѣчается на гнѣздовьѣ подъ Сарептою. По *Плеске* (Journ. f. Ornith., 1878, S. 90—91), кобчикъ гнѣздится въ Бирскомъ у. Уфимской губ. Для земель Уральскаго казачьяго войска отмѣченъ *Карелинымъ* (l. c., стр. 284).

Такимъ образомъ кобчикъ является гнѣздящеюся птицею почти всей Европ. Россіи, но надо сказать, что въ этихъ предѣлахъ мѣста гнѣздовья кобчика въ разные годы подвергаются очень сильнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ вырубки лѣсовъ. Такъ въ послѣдніе годы вырубка лѣсовъ на сѣверѣ отвлекла туда большинство кобчиковъ, гнѣздившихся въ центральныхъ и даже болѣе южныхъ губ.

β) Область пролета.

Подъ Астраханью только на пролетѣ и то изрѣдка (*Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull de Moscou, 1872, IV, стр. 329). *М. Н. Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 43) кобчикъ нерѣдко попадался въ августѣ въ Ставропольской губ. Въ горной полосѣ нигдѣ не найденъ.

В) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Германіи если и гнѣздится, то въ видѣ исключенія: такъ долженъ гнѣздиться въ Ганноверѣ, на мекленбургской границѣ (Journ. f. Ornith., 1863, S. 278), наблюдался лѣтомъ въ

Помераніи (Naumannia, 1857, S. 115), по *Tobias* (Naumannia, 1851, S. 52), гнѣздится въ Оберъ-Лаузицѣ, въ 1856 еще не вполнѣ оперившаяся птица получена въ Штеттинѣ, въ Гёрлицкомъ музеѣ стоитъ одинъ кобчикъ, недавно вылетѣвшій и добытый подъ Гёрлицомъ; гнѣздится въ видѣ исключенія въ восточной Тюрингіи (Journ. f. Ornith., 1878, 69), и т. д.

Въ Австро-Венгріи, по *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 292), гнѣздится изрѣдка въ Трансильваніи. По *Fritsch* (Normale Zeiten für den Zug der Vögel. Wien, 1874, p. 7), гнѣздится въ Венгріи, но только изрѣдка залетаетъ въ Австрію и Богемію. По *Радакову* (Bull. de Moscou, I, 167), гнѣздится въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи (гдѣ найденъ еще *Финшемъ*. См. Journ. f. Ornithol., 1859, S. 380) и Вост. Румеліи. По свидѣтельству *Sintenis* (Zur Ornis der Dobrudscha, S. 61), гнѣздится въ Добруджѣ.

Показаніе *Lacroix*, будто кобчикъ случайно гнѣздится въ Пиренеяхъ, равно какъ и свидѣтельство о гнѣздованьи этой птицы въ Провансѣ (Journ. f. Ornith., 1856, S. 215), нуждаются въ основательной провѣркѣ.

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (Reise nach West-Sibirien, S. 144 — 145), очень обыкновененъ въ степяхъ зап. Сибири и не рѣдокъ въ предгоріяхъ Алтая (Омскъ, Павлодаръ, степь къ сѣверу отъ Норъ-Зайсана, Барнаулъ, дорога отъ Салаира до Томска и др. мѣста). *Поляковымъ* найденъ на Ленѣ (Отчетъ объ Олекминско-Витимской экспедиціи, стр. 108—109). *Дыбовскимъ* старый самецъ доставленъ изъ окрестностей Уссола (Journ. f. Ornith., 1872, S. 348). *Радде* добылъ стараго самца на Тункинскомъ плоскогорьѣ (Reisen im Süden v. Ost-Sibirien, B. II, S. 102). По *Danford* (Ibis, 1878, p. 3), гнѣздится кой-гдѣ въ Малой Азіи.

β') Область пролета.

Въ **Европѣ**:

Въ Швеціи кобчикъ залетаетъ только случайно. *Нильсонъ* не могъ указать ни одного его мѣстонахожденія, *Зундевалль* упоминаетъ уже о троекратномъ посѣщеніи этой птицей Швеціи, *Мевесъ* приводитъ пять экземпляровъ, добытыхъ въ Швеціи (Journ. f. Ornith., 1870, S. 285).

Въ Даніи, по *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, S. 28), кобчикъ тоже залетная птица, вѣроятно во время пролета изъ Россіи. По *Blasius*'у (Naumannia, 1858, 310), бываетъ на Гельголандѣ.

Въ Германіи кобчикъ бываетъ на пролетѣ и если гнѣздится, то въ видѣ исключенія (*Borggreve*, l. c., S. 55). Такъ, пролетаетъ въ Помераніи (Journ. f. Ornith., 1855, S. 149), изрѣдка бываетъ на пролетѣ въ Бранденбургѣ (Journ f. Ornith., 1855, S. 184 и 1876, S. 34), добытъ на пролетѣ въ Баваріи (Naumannia, 1856, 41) и т. д.

Въ Бельгіи не наблюдался.

На Британскіе о—ва залетаетъ крайне рѣдко. Такъ въ 1830 году кобчикъ былъ замѣченъ въ Норфолькѣ, два залетѣли въ Йоркширъ, одинъ въ Дургамъ, одинъ въ Суффолькъ, одинъ въ Ирландію (1832 г.) и т. д.

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (Ornithol. europ., p. 90), найденъ на пролетѣ въ департ. Изера, рѣдкая залетная птица деп. Котъ-д'Оръ (*Marchant*, l. c., p. 9), крайне рѣдко залетаетъ въ департ. Эвры & Луара, бываетъ на пролетѣ въ Провансѣ и вообще въ южныхъ департаментахъ. Залетаетъ въ Савойю (Naumannia, 1855, 414).

Въ Швейцаріи обыкновеннѣе, чѣмъ во Франціи (на пролетѣ).

Въ Испаніи очень рѣдкая птица даже на пролетѣ (*Irby*, l. c., p. 54; *Saunders*, l. c., p. 321).

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 21—22), бываетъ только на пролетѣ, преимущественно весеннемъ. *Wright* наблюдалъ пролетъ кобчика на Мальтѣ.

Въ Австро-Венгріи бываетъ на пролетѣ подъ Вѣной (Jour. f. Ornithol., 1879, 112), въ Трансильваніи (Ibis, 1875, 292), въ южномъ Тиролѣ (Naumannia, 1857, 392 и *Dalla Torre*, l. c., p. 20), въ Зальцбургѣ (Zool. Garten, 1875, S. 233), въ Штиріи (Naumannia, 1858, S. 471), и Крайнѣ (*Freyer*, l. c., S. 8).

На Балканскомъ полуо—вѣ наблюдался на пролетѣ въ Добруджѣ, Болгаріи (*Elwes & Buckley*, l. c., p. 75), Греціи (*Hel-*

dreich, l. c., p. 33) и вѣроятно только на пролетѣ посѣщаетъ Циклады (*Erhard*, l. c., p. 7).

Въ **Азіи**:

Въ Туркестанскомъ краѣ, по *Съверцову* (Вертикальное и горизонт. распред. туркест. животныхъ, стр. 63 и Journ. f. Orn., 1875, S. 171), пролетный въ Каратау, зап. Тянь-Шанѣ и на Сырѣ. Лѣтомъ найденъ въ культурномъ поясѣ (травяныя степи съ пашнями и садами, до 3—4000′), но не гнѣздящимся, а залетнымъ. Вѣроятно отчасти пролетный въ Малой Азіи, т.-к. *Menetriе* найденъ на Талишскихъ горахъ.

Въ **Африкѣ**:

По *Irby* (l. c., p. 54), въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ на пролетѣ въ Морокко. По *Loche* (l. c., p. 43), пролетный въ Алжирѣ. По *Shelley* (The Birds of Egypt, p. 193—194), преимущественно пролетный въ Египтѣ и Нубіи гдѣ зимовать остаются только немногія.

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ**:

Нормально не зимуетъ, за исключеніемъ развѣ Цикладъ, судя по свидѣтельству *Erhard*'а.

Въ **Азіи**:

Вѣроятно зимуетъ, хотя въ небольшомъ числѣ, въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 40), зимуетъ въ сѣверо-восточной Африкѣ, гдѣ, впрочемъ, рѣдокъ и только отдѣльными особями найденъ вдоль Нила до Хартума. *Barboza du Bocage* (Ornithologie d'Angola, p. 52—53) получилъ цѣлую серію обыкновенныхъ кобчиковъ отъ г. Anchieta изъ Бенгуэлы. По *Layard* (The Birds of South Africa, p. 65), Erythr. vesp. громадными стадами прибываетъ въ Дамару и Намакву на дождливое время года и улетаетъ оттуда съ приближеніемъ сухаго времени года. По *Андерсону*, бываетъ въ Овампо.

12.

CERCHNEIS CENCHRIS, BREHM.

Кингирь сизокрылый.

Синонимы: Falco cenchris, Cuv.; Falco Naumanni, Fleischs.; Falco tinnunculoides, Temm.; Tinnunculus cenchris, Gray; Tichornis cenchris, Kaup.

станціи:

степная мѣстность.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По *Эверсманну* (Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 55; Bull. de Moscou, 1848, I, 213; Journ f. Ornithol., 1853, S. 62; Addenda, III, 6 — 7), нерѣдко встрѣчается въ степяхъ южныхъ предгорій Урала, но не по Иртышу. *Карелинымъ* отмѣченъ для земель Уральскаго казачьяго войска (Разборъ статьи Рябинина, стр. 284). По словесному сообщенію *Н. А. Сѣверцова*, на р. Уралѣ выше Оренбурга въ 1860 г. былъ рѣдокъ; въ 1874 г. (май) чаще, но еще немногочисленъ при множествѣ Erythrop vespertinus. Въ 1877 г. (іюль) *тысячами* по телеграфу между Оренбургомъ и Орскомъ и почти вытѣснилъ Erythr. vesp., который сталъ на этой линіи рѣдокъ. Довольно рѣдокъ, но гнѣздится въ дельтѣ Волги (*Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астрах. губ., стр. 329; *Богдановъ*. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 50). $18\frac{29}{VIII}81$ Cerchn. cenchris ♂ j. убитъ въ Хрѣновской степи (Ворон. губ., Бобров. у.). *Кесслеромъ* (Естеств. ист. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 21) отмѣченъ гнѣздящейся птицей Подольской губ. По *Тачановскому* (Сравн. обзоръ и т. д., стр. 125; Liste etc., p. 136), лѣтомъ довольно обыкновененъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Люблинской губ. и около Радома, но не доходитъ до широты Варшавы (O ptakach, p. 115). Гнѣздится въ

Полѣсьѣ (Ковельскій у.). По *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 22), рѣдокъ въ Уманьскомъ у. *Нордманномъ* (Faune pontique, p. 80) найденъ гнѣздящеюся птицею въ Херсонской губ. и въ Крыму. *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornith, 1873, S. 120) найденъ въ іюнѣ подъ Одессой. По *Шатилову* (Извѣст. общ. любит. естествозн., т. X., в. 2. стр. 84), гнѣздится въ Тамакской степи, гдѣ, по *Радде* (Beitr. z. Ornith. S. Russl., Bull. de Moscou, 1854, III, 132—133), нѣкоторыя особи остаются даже на зиму. По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 43), весьма обыкновененъ на всемъ пространствѣ Кавказскаго края (по обѣ стороны Кавказск. хребта).

В) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Германіи, по *Naumann*'у (цитуется у *Borggreve*, l. c., p. 55), два раза найденъ въ Ангальтѣ. По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornith., 1855, S. 184), найденъ въ Бранденбургѣ (ссылка на *Homeyer*'а. System. Uebersicht der Vögel Pommerns). Въ Бранденбургѣ же найденъ по *Boehm*'у и *Schalow*'у (Journ. f. Ornithol., 1876, S. 34). По *Homeyer*'у (Journ f. Ornith., 1870, S. 214), старый самецъ 30 апрѣля 1845 г. убитъ на Рейнѣ. По *Blasius*'у (Naumannia, 1858, S. 310), бываетъ на Гельголандѣ. Сомнительно, чтобы Cerch. cenchris гнѣздился въ Германіи, вѣроятно только залетный.

На Британскихъ о—вахъ не гнѣздится, но однажды найденъ подъ Іоркомъ и однажды подъ Кэмбриджемъ (Birds of Europe. P. III).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (Ornith. europ., t. I, p. 95), гнѣздится въ Лангедокѣ, Провансѣ и Пиренеяхъ. По *Lacroix* (l. c., p. 31), гнѣздится въ департаментѣ Верхней Гаронны, но рѣдокъ. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 414), въ Савойѣ оченъ рѣдокъ. По свидѣтельству *Du Plessis* (l. c., p. 101), изрѣдка встрѣчается подъ Орбомъ. По *Fatio* (Naumannia, 1856, S. 164), случайно залетаетъ въ женевскую долину.

Въ Испаніи, по *A. Brehm* (Allg. d. Naturhist. Zeit., S. 439), отчасти гнѣздящійся, отчасти пролетный, отчасти зимующій (пра-

вильнѣе осѣдлый). По *Saunders*'у (l. c., p. 321), отчасти осѣдлая птица южной Испаніи. По *Irby* (l. c., p. 53—54), осѣдлый и пролетный на испанскомъ берегу Гибралтарскаго пролива.

По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornith, 1862, S. 251), на Балеарскихъ о—вахъ гораздо обыкновеннѣе пустельги.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 22—23), рѣдокъ; найденъ въ Умбріи, римской Кампаньи и Веронѣ; не зимуетъ. Въ Сициліи обыкновененъ. *Brooke* увѣрялъ Salvadori, что Cerchn. cenchris гнѣздится въ Сардиніи. Въ Сициліи нѣкоторыя зимуютъ.

Въ Австро-Венгріи только залетаетъ въ Богемію (Journ. f. Ornith., 1872, 384). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 292—293), мѣстами довольно обыкновененъ въ Трансильваніи. По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, 469—471), обыкновенная гнѣздящаяся птица южной Штиріи, не поднимающаяся на с. далѣе средней Штиріи. *Dalla Torre* (l. c., S. 20) отмѣченъ для Тироля. Одинъ экземпляръ добытъ въ Зальцбургѣ *(Tschusi-Schmidhofen.* Zool. Gart., 1876, S. 333). Въ Крайну залетаетъ (*Freyer.* Fauna etc., p. 8). По *Tschusi-Schmidhofen* (Journ. f. Ornith., 1874, S. 340), со словъ *Hueber*'а, 30 лѣтъ тому назадъ C. cenchris былъ рѣдокъ въ Каринтіи; теперь очень обыкновененъ. По *Fritsch*'у и др., гнѣздится въ Дунайскихъ низменностяхъ

На Балканскомъ полуо—вѣ, по свидѣтельству гг. *Sintenis* (Zur Ornis Dobrudscha, S. 61), гнѣздится въ лѣсахъ Дунайской дельты. По *Радажову* (Bull. de Moscou, 1879, I, p. 167), гнѣздится повсемѣстно въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Вост. Румеліи. По *Finsch*'у (Journ. f. Ornith., 1859, S. 380), обыкновенная гнѣздящаяся птица Болгаріи. По *Elwes & Buckley* (On the Birds of Turkey, p. 75), на югѣ Турціи встрѣчается чаще, чѣмъ на сѣверѣ, но во всякомъ случаѣ распространенъ повсемѣстно. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1862, S. 435), обыкновенная птица въ долинахъ Греціи. По *Heldreich*'у (l. c., p. 32), въ большомъ количествѣ гнѣздится въ акрополѣ Аѳинъ (см. также *Lindermayer*'а, l. c., S. 14). Лѣтомъ найденъ на Цикладахъ (*Erhard*, l. c., S. 14).

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (Reise nach West-Sibirien, S. 143), не рѣдокъ въ степяхъ ю.-з. Сибири: найденъ между Омскомъ и Семипалатинскомъ, подъ Сергіополемъ и т. д. По *Сѣверцову* (Вертикальное и горизонт. распред. туркест. животн., стр. 63 и Journ. f. Ornith., 1875, 171), гнѣздится въ Каратау, западн. Тянь-шанѣ, на Сыръ-Дарьѣ, въ окрестностяхъ Ходжента, долинѣ Заревшана и въ степи между Заревшаномъ, Сыръ-Дарьей и песками Кызыл-Кумъ. По *Adams*'у (The Birds of Cashmere and Ladakh, p. 170), найденъ въ лѣсистыхъ горахъ кругомъ долины Кашмира и въ возвышенныхъ мѣстностяхъ Ладака. По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 106), осѣдлый въ Персіи, гдѣ особенно многочисленъ на югѣ. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1869, S. 25), гнѣздится подъ Смирной. По *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, p. 3), обыкновененъ въ Малой Азіи. *Müller*'омъ (Journ. f. Ornithol., 1879, 386) найденъ на Кипрѣ. По *Tristram*'у (Birds of Europe. P. III), гнѣздится въ Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**:

По *Irby* (l. c., p. 53—54), отчасти осѣдлый въ Морокко. По *Loche* (l. c., p. 43), отчасти осѣдлый въ южномъ Алжирѣ. *Тачановскимъ* (Journ. f. Ornith., 1870, S. 38) найденъ въ сѣв. Алжирѣ. По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 43), нѣкоторыя пары гнѣздятся подъ Александріей.

β') Область пролета.

Въ **Европѣ**:

На пролетѣ Cerchn. cenchris найденъ въ Испаніи, Италіи и на Балканскомъ полуо—вѣ.

Въ **Азіи**:

Сѣверцовымъ (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171) на пролетѣ найденъ въ Каратау, зап. Тянь-Шанѣ и на Сыръ-Дарьѣ. Вѣроятно отчасти пролетный въ Персіи и Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**:

Отчасти пролетный въ Морокко, Алжирѣ и странахъ по Нилу.

γ) Область зимовья.

Въ **Европѣ**:

Немногія особи Cerchn. cenchris зимуютъ въ Испаніи и Италіи.

Въ **Азіи**:

По *Blanford,* осѣдлый въ Персіи, зимуетъ въ Аравіи. Вѣроятно нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, особи зимуютъ въ Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**:

Морокко, Алжиръ, по *Heuglin*'у, зимуетъ на Голубомъ Нилѣ. По свидѣтельству *Barboza du Bocage* (Ornithologie d'Angola, p. 52), зимою бываетъ въ Анголѣ. По *Andersson*'у, бываетъ въ Дамарѣ. Случайно заходитъ въ Капскую землю (The Birds of South Africa, p. 64 — 65). Вѣроятно зимою распространенъ по всей центральной и южной Африкѣ.

13.

TINNUNCULUS ALAUDARIUS, GRAY.

Пустельга, кингирь.

Синонимы: Falco tinnunculus, Linn.; Cerchneis tinnuncula, Boie; Aegypius tinnunculus, Kaup; Cerchneis media, Brehm.

станціи:

мѣстности вблизи человѣческаго жилья, островные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Сѣверною экспедиціею пустельга найдена подъ Пермью. *Сабанѣевымъ* (Позвоночныя ср. Урала, стр. 25; Каталогъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 223) найдена во всей Пермской губ. до 59° и даже 60° с. ш. *Булычевымъ* (Очеркъ флоры и фауны Ирбитскаго у., стр. 29) отмѣченъ для Ирбитскаго у. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornith, 1873, S. 419), гнѣздится подъ Архангельскомъ и подъ Устюгомъ (Journ f. Ornith., 1871, 24), но на западномъ побе-

режьѣ Бѣлаго моря найдена не была. Однако, по *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., стр. 91), найдена около Сегозера и въ окрестностяхъ Петрозаводска. *Зандебергомъ* доставлены въ зоологическій музей Моск. Универс. 2 экземпляра пустельги съ Онежскаго озера $\left(\frac{16 \text{ и } 18}{\text{VII}}\right)$. По *Brander*'у (l. c., S. 379), гнѣздится на с.-в. отъ Улеаборга (Pudasjärvi). *Мевесомъ* наблюдалась подъ Шлиссельбургомъ, Каргополемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ Финляндіи обыкновенна (*Nordmann.* Bull. de Moscou, 1860, I, S. 6). То же надо сказать о Вологодской губ. (*Межаковъ.* Bull. de Moscou, 1856, IV, 627). По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), гнѣздится въ Тверской губ. Въ Гдовскомъ у. обыкновенна (*Порчинскій.* О фаунѣ позвон. Гдовск. у., стр. 385). По *Büchner*'у и *Pleske* (Beiträge zur Ornith. des St. Peterb. Gouv., S. 11), обыкновенна всюду въ у. у. Петербургскомъ, Лугскомъ, Гдовскомъ, Царскосельскомъ, Петергофскомъ и Ямбургскомъ. Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. пустельга довольно обыкновенна (*В. Эсауловъ.* Списокъ и т. д. въ Трудахъ Петерб. общ. естествоиспыт., т. IX, стр. 227). По свидѣтельству *Руссова* (Die Ornis Ehst—, Liv— und Curland's, S. 27—28), обыкновенная гнѣздящаяся птица Остзейскаго края. Въ Курляндіи гнѣздится также по *Гёбелю* (Journ. f. Ornith., 1873, I). Въ Польшѣ самая обыкновенная изъ всѣхъ хищныхъ птицъ (*Тачановскій.* Сравнит. обзоръ и т. д., стр. 125; O ptakach, 110; Liste etc., p. 136). По *Шевелеву* (Наблюденія надъ перелет. птицъ въ Черниг. губ., Труды Харьк. общ. испыт. природы, т. IX), гнѣздится въ Черниговской губ. По *Кесслеру* (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. округа, в. III, стр. 22), *Бельке* (Bull. de Moscou, 1866, II, 492 и 1859, I, 27), *Гольцу* (Jour. f. Ornith., 1873) и *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, p. 20—21), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица Кіевской губ. Во всѣхъ подмосковныхъ губ. обыкновенна (по рукописи *Сабанѣева* и моимъ наблюденіямъ; см. также Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 17). По *Данилову* (Catalogue des oiseaux, etc., Bull. de Moscou, 1864, II, 455), гнѣздится въ Орловской губ. Въ Спасскомъ у. Рязанской губ. пустельга попадается очень часто. (*В. Щепотьевъ.* Природа и Охота, 1879, XI, 282), но въ окрестностяхъ Рязани рѣдка (*Павловъ.* Орнитол. наблюденія, стр. 8.) Въ Поволжьѣ Tinn.

alaud. одна изъ самыхъ многочисленныхъ хищныхъ птицъ (*Богдановъ*, l. c., стр. 49; *Эверсманнъ*, l. c., стр. 63 и Bull. de Moscou, 1848, I, 213; Journ. f. Ornithol., 1853, 69). На Сарпѣ найдена Арцибашевымъ (Excursions et observations ornithol., Bull. de Moscou, 1859, III, стр. 47), подъ Сарептой—*Мёшлеромъ* (Naumannia, 1853, S. 303) и *Бекеромъ* (l. c., S. 239), въ устьѣ Волги—*Яковлевымъ* (Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 329). По *Сѣверцову* (Періодич. явленія и т. д., стр. 65, 83 и др.), обыкновенная гнѣздящаяся птица Воронежской губ. По свидѣтельству *Черная* (Фауна, стр. 35; Bull. de Moscou, 1850, II, 607), обыкновенна въ Харьковской губ. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 81), не только лѣтуетъ въ южной Россіи (Новорос. край), но даже иногда остается тамъ на зиму. *Гёбелемъ* найдена въ началѣ февраля и въ іюнѣ подъ Одессою (Journ. f. Ornith., 1873, 120 и 123). По *Радажову* (Bull. de Moscou., 1879, I, 166), осѣдлая птица Бессарабіи. Въ Крыму гнѣздится и всюду обыкновенна (*Шатиловъ*. Извѣст. общ. любит. естествозн., т. X, в. 2, стр. 84; *Радде*. Beitr. z. Ornith. S. Russl., Bull. de Moscou, 1854, III, стр. 132, 133; Journ. f. Ornith., 1854, S. 54).

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 42—43), встрѣчается на всемъ пространствѣ Кавказскаго края, какъ по равнинамъ, такъ и въ горахъ, гдѣ Tinnunc. alaud. можно встрѣтить и въ полосѣ горныхъ луговъ.

β) Область пролета.

Бо́льшая часть Европ. Россіи, исключая сѣверной полосы области гнѣздовья пустельги.

γ) Область зимовья.

Южный уголъ Новороссійскаго края, Бессарабія, Кавказъ.

В) Въ другихъ странахъ.

α′) Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Скандинавіи распространеніе Tinnunc. alaudarius очень обширно: *Liljeborg* нашелъ её въ Норвегіи у Тромзё (Naumann-

nia, 1854, S. 111). По свидѣтельству *Palmén*'а и *Sahlberg*'а (Ornithologiska iakttagelser, p. 245), найдена ими у Торнео, подъ 68° с. ш. По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 67), въ Швеціи распространена до крайняго сѣвера въ горизонтальномъ направленіи и до снѣговой области въ вертикальномъ. По *Wallengren*'у (Naumannia, 1853, S. 83) и *Holtz*'у (Die Insel Gothland, S. 39), гнѣздится на Готландѣ, но рѣдко.

Въ Даніи, по *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 26—28), обыкновенна.

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., S. 55—56), всюду обыкновенна; въ Рейнской долинѣ, Помераніи и Шлезіи (Journ. f. Ornith., 1870, 214) иногда зимуетъ. По *Boie*, въ Гольштейнѣ рѣдка. По свидѣтельству *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1860, S. 214), гнѣздится въ Восточн. Пруссіи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1853, S. 149), *Wiese* (Journ. f. Ornith, 1857, 181) и *Holtz*'у (Journ. f. Ornith, 1865, 114), гнѣздится въ Помераніи. По свидѣтельству *Preen*'а (Naumannia, 1856, 61), гнѣздится подъ Шверином. Одна изъ обыкновеннѣйшихъ птицъ Ольденбурга (Naumannia, 1853, S. 54; *Wiepken & Greve*, l. c., S. 14), гдѣ нѣкоторыя особи даже зимуютъ. По свидѣтельству *Brahts*'а (Naumannia, 1855, S. 342), гнѣздящаяся и даже отчасти осѣдлая птица Рейнскихъ провинцій. По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornith., 1855, S. 184), обыкновенная гнѣздящаяся птица Бранденбурга. *Jäckel*'емъ (Naumannia, 1856, S. 41) отмѣчена для Франконіи. По *Landbeck*'у (Naumannia, 1855, 75), обыкновенная гнѣздящаяся птица западной Баваріи и т. д.

Обыкновенная гнѣздящаяся птица Голландіи и Бельгіи (Muséum des Pays-Bas, Falcones, p. 26; *La Fontaine*, l. c., p. 212—214).

По свидѣтельству *Droste* (Journ. f. Ornith., 1869, 109), найдена на Фарерскихъ островахъ.

На Британскихъ островахъ отчасти осѣдлая, отчасти пролетная (*Sharpe & Dresser*. Birds of Europe, P. II).

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 93), самая обыкновенная хищная птица Франціи. По *Le Mennicier* (l. c., 117), обыкновенная осѣдлая птица деп. Ла-Маншъ. Г. *Benoist* (Catalogue des oiseaux

observés dans l'arrondissement de Valognes, p. 232) отмѣчена для окрестностей Валоньи. По *Marchant* (l. c., p. 9), обыкновенная осѣдлая птица департ. Эвры & Луара. По свидѣтельству *De Sinety* (R. et Mag. de Zool., 1854, p. 201), осѣдлый въ департ. Сены & Марны. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 8), очень обыкновенная осѣдлая птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Dubalen* (l. c., p. 10), обыкновенная осѣдлая птица деп. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 30—31), самый обыкновенный хищникъ деп. Верхней Гаронны и прилежащихъ. По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 216), обыкновенна въ Провансѣ. По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, S. 45), очень обыкновенна подъ Ліономъ, гдѣ отчасти осѣдла. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 414), очень обыкновенна въ Савойѣ.

Въ Швейцаріи распространена повсемѣстно (Naumannia, 1856, 165; Journ. f. Ornith., 1879, 359), но мѣстами рѣже, мѣстами чаще.

Въ Испаніи обыкновенная осѣдлая (отчасти пролетная) птица отъ Галиціи до Гибралтара (*A. Brehm.* Allg. d. Naturhist. Zeit., S. 438; см. также Naumannia, 1858, S. 231; *Saunders*, l. c., p. 321; *Irby*, l. c., p. 53). То же надо сказать о Португаліи (Journ. f. Ornithol., 1872, 171).

По свидѣтельству *Homeyer*'а (Journ f. Ornithol., 1862, S. 251), довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица Балеарскихъ острововъ.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 23), самый обыкновенный соколъ какъ на материкѣ, такъ и въ Сардиніи (Journ. f. Ornithol., 1865, S. 66) и въ Сициліи (*Malherbe*, l. c., p. 25—26).

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornith., 1872, 380), обыкновенная гнѣздящаяся птица Богеміи, равно какъ и Галиціи (*Wodzicki*, l. c., p. 430). По *Danford & Brown*, очень обыкновенная, отчасти осѣдлая птица Трансильваніи (Ibis, 1875, 293). Гнѣздящаяся птица Дунайскихъ низменностей (Journ. f. Ornithol., 1879, 43 и 112). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, 392), обыкновенная осѣдлая птица Тироля. То же говоритъ *Dalla Torre* (l. c., p. 20). Въ Зальцбургѣ обыкновененъ, нѣкоторыя особи зимуютъ (Zool. Gart., 1875, 233). По свидѣтельству *Seidensacher*'а

(Naumannia, 1858, 468), самый обыкновенный хищникъ Штиріи. Гнѣздится въ Крайнѣ *(Freyer*, l. c., S. 8).

По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 166), осѣдлая птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточной Румеліи.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по *Finsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 380), обыкновенная гнѣздящаяся птица Болгаріи и Балканъ. По свидѣтельству г. г. *Sintenis* (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 61), обыкновенна въ Добруджѣ. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 75), обыкновенна во всей Турціи. Осѣдлая птица Греціи (*Heldreich*, l. c., p. 30). По *Erhard* (l. c., p. 6), осѣдлая птица Цикладъ.

Въ **Азіи:**

По *Finsch*'у (l. c., S. 143), не рѣдокъ въ степяхъ ю.-з. Сибири и въ лѣсахъ Алтая. Найденъ за Ялуторовскомъ, за Омскомъ, на Лепсѣ, въ степяхъ къ сѣверу отъ Ала-куля, у Зайсана, на Марка-кулѣ, подъ Алтайской станицей и т. д. По *Третьякову* (Туруханскій край, стр. 312), гнѣздится въ Туруханскомъ краѣ. *Seebohm* (Ibis, 1878, 323—324) нашелъ Tin. alaud. на Енисеѣ. По свидѣтельству *Полякова* (Отчетъ объ Олекминско-Витимской экспедиціи, стр. 109), обыкновененъ на Витимскомъ плоскогорьѣ. *Миддендорфомъ* (Sibirische Reise, B. II, Th. 2, S. 128) найденъ на Боганидѣ и въ окрестностяхъ Краснoярска. По *Schrenk*'у (Vögel des Amur-Landes, S. 233), Tinnunc. alaud. добытъ подъ Нерчинскомъ, на Вилюѣ и замѣченъ на нижней Уссури. По *Тачановскому* (Faune de la Sibérie orientale, p. 127), всѣ восточно-сибирскіе экземпляры пустельги, добытые Дыбовскимъ, принадлежатъ къ типичному Tinnunc. alaudar., а не къ Tinnunc. japonicus, что странно, такъ какъ въ Китаѣ несомнѣнно распространена японская форма. По *Scully* (l. c., p. 120—121), осѣдлый въ Восточномъ Туркестанѣ. По *Сьверцову* (Journ. f. Ornith., 1875, S. 171), гнѣздящаяся и отчасти зимующая птица всего Туркестанскаго края. Не рѣдокъ лѣтомъ на Алаѣ и Памирѣ (Замѣтки о фаунѣ позвоночныхъ Памира, стр. 68—69). По *Henderson & Hume* (Lahore to Jarkande, 166, 174—175), пустельга найдена въ Пенджабѣ, Кашмирѣ, Ладакѣ и въ равнинахъ Яркенда; ни въ пустыняхъ Каракаша, ни въ горной странѣ Яркенда пустельги нѣтъ.

По *Adams* (l. c., p. 170), обыкновенна въ лѣсистыхъ горахъ кругомъ долины Кашмира и въ воздѣланныхъ мѣстностяхъ Ладака. Гималай до 8—10000′ *(Hume)*. По свидѣтельству *Stoliczka* (l. c., p. 13), обыкновенная гнѣздящаяся птица долины Сетледжа. По *Blanford*'у (Eastern Persia, II, 105), осѣдлая птица Персіи и Белуджистана. По *Danford* (Ibis, 1878, 3), обыкновенная осѣдлая птица Малой Азіи, но по *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 25), пустельга въ Малой Азіи гораздо рѣже Cerchn. cenchris. Осѣдлый въ Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 41), пустельга является осѣдлою птицей въ сѣв. части с.-в. Африки (см. также *Shelley*. Birds of Egypt, p. 194). По *Loche* (l. c., p. 42), осѣдла въ Алжирѣ. По *Irby* (l. c., p. 53), осѣдла въ Морокко. По *Bolle* (Journ. f. Ornith., 1854, 449 и 1857, 272), обыкновенная осѣдлая птица Канарскихъ о—въ. Осѣдлый на Азорскихъ о—вахъ и о—вахъ Зеленаго мыса (Journ. f. Ornith., 1871, S. 4).

γ′) Область зимовья.

У пустельги въ области распространенія существуетъ широкая полоса, гдѣ эта птица является осѣдлою вполнѣ, либо отчасти. Эта полоса захватываетъ Германію (отчасти), Голландію, Бельгію, Британскіе о—ва, Испанію, Италію, Австро-Венгрію (отчасти), Бессарабію и Балканскій полуостровъ въ *Европѣ*, Восточный Туркестанъ, Туркестанскій край, с.-з. Индію, Белуджистанъ, Персію, Малую Азію и Палестину въ *Азіи* и сѣверный уголъ с.-в. Африки, Алжиръ, Морокко, Канарскіе, Азорскіе о—ва и о—ва Зеленаго мыса въ *Африкѣ*. Пустельги, гнѣздующія къ сѣверу отъ этой полосы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ перелетаютъ черезъ нее, направляясь на зимовье къ югу, и зимуютъ южнѣе ея.

Только зимою пустельга найдена во всей Индіи *(Hume*. Stray Feath., Vol. III, p. 444), Аравіи, Нубіи, Габешѣ, восточн. Суданѣ, западной Африкѣ и въ Дамарѣ (впрочемъ, въ послѣдней мѣстности добытъ единственный экземпляръ) *(Layard*. The Birds of South Africa, p. 60—62).

14.

PANDION HALIAËTUS, LINN.

Скопа.

Синонимы: Aquila haliaëtus, Briss.; Falco arundinaceus, Gmel.; Falco carolinensis, Gmel.; Falco cayennensis, Gmel.; Pandion fluvialis, Sav.; Accipiter haliaëtus, Pall.; Pandion leucocephalus, Gould.; Pandion indicus, Hodgs.; Pandion ichtyaëtus, Kaup.; Aquila piscatrix, Vieill.

станціи:

озера и рѣки, мало посѣщаемыя человѣкомъ, морскіе берега.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Мевесомъ прослѣжена отъ Новой Ладоги до Архангельска (Ornithol. iakttag. i nordvestra Ryssland, Öfv. K. V. Ak. förhandl., 1871, 768). *Броуномъ* въ бассейнѣ Печоры найдена подъ 65° 47′ с. ш. *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornith., 1871, 24) найдена подъ Устюгомъ. Уральская экспедиція нашла молодой экземпляръ скопы подъ 62° с. ш. *(Гофманнъ.* Сѣверный Уралъ, стр. 61). *Сабанѣевымъ* найдена на Княспинскомъ озерѣ (Позвон. ср. Урала, стр. 25. Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 223), многочисленна на озерахъ Екатеринб. и Шадринск у. у. Въ южныхъ предгоріяхъ Уральскаго хребта и на Общемъ Сыртѣ не рѣдка (Bull. de Moscou, 1848, I, 213; Journ f. Ornithol., 1853, S. 63). Для всего Оренбургскаго края вообще отмѣчена *Эверсманномъ* (Естеств. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 35). По свидѣтельству *Плеске* (Journ. f. Ornith., 1878, 90), на р. Бѣлой довольно рѣдка. На Камѣ, средней Волгѣ, Сурѣ и на Хопрѣ найдена *М. Н. Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 35). На Кубенскомъ озерѣ найдена *Межаковымъ* (Catalogue des oiseaux etc., Bull. de

Moscou, 1856, IV, 627). На Онежскомъ оз. найдена *Кесслеромъ* (Обонежье, стр. 27). По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 55), гнѣздится въ Тверской губ. По показанію *Нордманна*, гнѣздится въ Финляндіи (Uebersicht etc., Bull. de Moscou, 1860, I, 6), гдѣ найдена не только нѣсколько на с.-в. отъ Улеаборга (Pudasjärvi, 65° с. ш. *Brander*, l. c., p. 379), но и еще сѣвернѣе *(Сиверсомъ*, Ornith. anteckn., стр. 88): къ сѣв. отъ Онеги и на Сегозерѣ. По свидѣтельству г. *Порчинскаго*, найдена въ Гдовскомъ у. (О фаунѣ позвоночныхъ Гдовскаго у., стр. 385; см. также *Büchner'*а и *Pleske*, l. c., S. 18). Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. скопа довольно обыкновенна *(В. Эсаулова*. Списокъ позвоночныхъ животныхъ Тороп. и Холмск. у. у. Псковск. губ., Труды Петерб. общ. естествоиспыт., т. IX, стр. 227). По свидѣтельству *Руссова* (Die Ornis Ehst—, Liv—und Curland's, S. 15), не рѣдка по озерамъ и большимъ рѣкамъ Остзейскаго края. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornih., 1873, I), гнѣздится въ Курляндіи. По свидѣтельству *Тачановскаго* (Сравнит. обзоръ и т. д., стр. 123; O ptakach, стр. 53; Liste des vert. de Pol., p. 134), въ Польшѣ мѣстами лѣтомъ довольно обыкновенна. На Шекснѣ найдена *Сабанѣевымъ*. Въ Московской и Тульской губ. рѣдка (см. также *Мензбира*. Орнитологич. ф. Тульской губ., стр. 7). Для Орловской губ. указана *Даниловымъ* (Catalogue etc., Bull. de Moscou, 1864, p. 453). Для Кіевской отмѣчена *Кесслеромъ* (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 14), и хотя *Гёбель* и говоритъ, что въ Уманьскомъ у. скопа бываетъ только на пролетѣ, но вѣроятно гнѣздится въ другихъ уѣздахъ Кіевской губ. (Die Vögel des Kreises Uman, S. 36). Въ Харьковской ее наблюдалъ *Чернай* (Beiträge z. Fauna d. Chark. G., Bull. de Moscou, 1850, II, 607 и Фауна Харьковск. губ., стр. 35). По *Сѣверцову* (Періодич. явленія и т. д., стр. 65, 71 и др.), гнѣздится въ Воронежской губ. На Сарпѣ и на Волгѣ, гдѣ скопа гнѣздится на деревьяхъ по островамъ, ее встрѣчалъ *Арцыбашевъ* (Excurs. et. observ. ornithol., p. 36; также *Moeschler*, Naumannia, 1853, 303). По всему нижнему теченію Волги очень обыкновенна *(Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, p. 326). Въ Новороссійскихъ степяхъ, по *Нордманну* (Faune pontique, p. 97), скопа встрѣчается изрѣдка по всѣмъ большимъ рѣкамъ. По *Богданову* (Птицы

Кавказа, стр. 38), скопа гнѣздится въ уремахъ Терека, Кубани, Ріона, Куры и Аракса въ мѣстахъ, гдѣ ей удобно ловить ея единственную пищу—рыбу.

β) Область пролета.

Для Крыма *Шатиловымъ* (Каталогъ орнитологич. собранія и т. д., Извѣст. общ. любит. естествозн., т. X, в. 2, стр. 83) отмѣчена какъ пролетная птица, съ чѣмъ согласно и наблюденіе *Радде* (Journ. f. Ornithol., 1854, S. 55).

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Скандинавіи распространена повсемѣстно отъ южнаго предѣла страны до Варангова фіорда по рѣкамъ зап. и сѣверн. берега и даже далѣе 70° с. ш. внутри страны. Гнѣздится еще у Альтена, Энаре и т. д. (*Collet.* Norges Fugle, p. 155; *Wallengren*, Naumannia, 1854, 71). По свидѣтельству *Palmén*'а и *Sahlberg*'а (Ornith. iakttagels. etc., p. 245), найдена по Муоніо отъ 68° с. ш. до истоковъ рѣки. Вся Лапландія. Гнѣздится на Готландѣ (Naumannia, 1853, S. 83).

По *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 11—12), довольно обыкновенна въ Даніи.

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., p. 56—57), не рѣдка въ восточной половинѣ страны: Бранденбургъ, Померанія и Пруссія, и только пролетная или залетная птица на западъ отъ Эльбы. *Homeyer* (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 214—215) замѣчаетъ по этому поводу, что въ восточной Германіи скопа встрѣчается дѣйствительно чаще, чѣмъ въ западной, но гнѣздится тѣмъ не менѣе подъ Франкфуртомъ на Майнѣ и т. д. Въ Померанiи гнѣздится по *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1857, S. 182), *Krüper*'у (Naumannia, 1853, 44) и *Holtz*'у (Journ. f. Ornith., 1865, 106). По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 53), не рѣдкая гнѣздящаяся птица Ольденбурга (см. также *Wiepken*'а & *Greve*, l. c., p. 11). Мѣстами вѣроятно гнѣздится въ Тюрингіи (Naumannia, 1853, S. 371). По свидѣтельству *Prinz*'а *Wied*'а (Naumannia, 1853, S. 341), довольно

обыкновенна подъ Нейвидомъ. По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornith., 1855, 184), гнѣздится въ Бранденбургѣ. Не рѣдкая гнѣздящаяся птица нѣкоторыхъ мѣстностей Баваріи (Naumannia, 1855, 74; 1856, 41).

Гнѣздящаяся птица Голландіи и Бельгіи (Muséum des Pays-Bas, Aquilae, 22—23; *La Fontaine*, l. c., p. 214—215).

На Британскихъ о—вахъ скопа найдена вездѣ у береговъ Англіи, но, кажется, только во время пролета. Въ Шотландіи прежде гнѣздилась въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ теперь. Въ Ирландію залетаетъ случайно (*Dresser*. Birds of Europe, P. XLIX). Есть на Фарерскихъ о—вахъ, но не найдена въ Исландіи (*Droste*. Vogelfauna der Färöer, Journ. f. Ornith., 1869, S. 108).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 48), не рѣдка въ Бургоньи и Вогезахъ; въ разное время года встрѣчается въ Анжу, Дофинэ, Шампаньи и южн. Франціи; на пролетѣ—въ сѣверныхъ департаментахъ Калэ и Соммы; съ октября до декабря включительно была находима подъ Амьеномъ и Лилемъ. По *Le Mennicier* (l. c., p. 117), зимою почти ежегодно бываетъ въ деп. Ла-Маншъ. По свидѣтельству *De Sinety* (R. ef M. de Zool., 1854, 201), гнѣздящаяся, но рѣдкая птица департ. Сены и Марны. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 5), только на осеннемъ пролетѣ въ департ. Эвры & Луара. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 9), рѣдкая гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Olph Galliard* (Naumannia, 1856, 80), довольно многочисленна на Ронѣ. По свидѣтельству *Müller*'а (Journ. f. Ornith., 1856, S. 214), гнѣздится въ устьяхъ Роны. По *Lacroix* (l. c., p. 21—22), гнѣздится въ среднихъ Пиренеяхъ, и только пролетная и отчасти зимующая птица западныхъ Пиренеевъ. По *Dubalen* (l. c., p. 7), тоже только на пролетѣ въ департ. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, 415), въ Савойѣ рѣдка.

Въ Швейцаріи довольно обыкновенна на нѣкоторыхъ озерахъ (Journ. f. Ornithol., 1879, S. 357—358; Naumannia, 1856, S. 164).

Въ Испаніи, по *Brehm*'у (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., S. 436), встрѣчается въ средней части страны. По *Saunders*'у (l. c., p. 319), осѣдлая птица по берегамъ южной Испаніи и на Балеарскихъ о—вахъ. По *Irby* (l. c., p. 54—55), осѣдла на испанскомъ берегу Гибралтарскаго пролива. По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornith., 1862, S. 249), изрѣдка гнѣздится на Балеарахъ.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 9—10), не можетъ считаться обыкновенною птицей. Въ Тосканѣ наблюдалась только зимою. Гнѣздится въ Сардиніи (см. также Journ. f. Ornith., 1865, S. 61) и, кажется, въ Сициліи.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornith., 1872, 379), отчасти осѣдлая въ Богеміи. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 293), въ Трансильваніи распространена повсемѣстно, но не можетъ считаться обыкновенною птицею. Въ Дунайскихъ низменностяхъ отчасти осѣдла (Journ. f. Ornith., 1879, 39—40, 111). По свидѣтельству *Althammer*'а (Naumannia, 1857, S. 393), въ Тиролѣ была добыта только разъ; по *Dalla Torre* (l. c., S. 19), встрѣчается тамъ только на пролетѣ. Въ Зальцбургѣ рѣдка (Zool. Gart., 1875, S. 232). По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 471), въ Штиріи бываетъ только на пролетѣ.

На Балканскомъ полуо—вѣ довольно обыкновенна въ низменностяхъ Болгаріи (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 380). По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 71), довольно обыкновенна подъ Варною; гнѣздится по Дунаю; осѣдла въ Бѣлградскихъ лѣсахъ (подъ Константинополемъ).

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (Reise nach W.-Sibir., S. 138), замѣчена въ степяхъ по Иртышу и на сѣверѣ по Оби. Гнѣздящаяся птица въ бассейнѣ Витима (*Поляковъ*, l. c., p. 105—106). По *Радде* (Reis. im Süd. v. Ost.-Sibiren, S. 97), найдена во всей юго-восточной Сибири, исключая плоскогорій Монголіи. Особенно обыкновенна на рѣкахъ, впадающихъ въ Байкальское озеро. Также и по *Schrenck*'у (Vögel des Amur-Landes, 227—228), не рѣдка по Амуру и его притокамъ, особенно въ низовьяхъ рѣки. Японія (*Blakiston & Pryer*. On the Birds of Japan, Ibis, 1878, p. 247). По *Swinhoe* (Ibis, 1874, 426—427), весь Китай и Формоза. По *Пржевальскому*

(Монголія и страна Тангутовъ, т. II, стр. 11), вѣроятно только пролетная въ долинѣ сѣвернаго изгиба Хуанъ-Хе, такъ какъ вода въ Желтой рѣкѣ чрезвычайно мутна и едва ли скопа здѣсь можетъ жить. По *Сьверцову* (Вертикальное и горизонтальное распред. туркестанскихъ животныхъ, стр. 63; Journ. f. Ornith., 1875, S. 170), лѣтомъ найдена во всемъ Туркестанскомъ краѣ до 6 и 7—8000′, но неизвѣстно гнѣздится ли здѣсь: во всякомъ случаѣ въ Туркестанскомъ краѣ рѣдка. По *Hume* (Rough Notes, p. 236), распространена по предгоріямъ Гималая, въ большей части Индіи и на Цейлонѣ, вѣроятно хоть отчасти осѣдла. *Filippi* (Journ. f. Ornithol., 1876, 175) нашелъ скопу на Гилянѣ. По *Blanford* (Eastern Persia, II, 114), осѣдлая птица Персіи и Белуджистана, гдѣ придерживается преимущественно береговыхъ мѣстностей. Быть можетъ, гнѣздится кое-гдѣ въ Палестинѣ. О распространеніи скопы въ Малой Азіи ничего неизвѣстно.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 55), осѣдла по берегу Краснаго моря и Сомалы (см. также *Shelley*, l. c., p. 203). По *Irby* (l. c., p. 54—55), осѣдлая и пролетная птица Морокко. Гнѣздится, хотя и въ небольшомъ числѣ, въ Алжирѣ *(Loche*, l. c., p. 39). Осѣдла на о—вахъ Зеленаго мыса (Journ. f. Ornith., 1871, S. 3).

Въ **Австраліи**:

Спорадически гнѣздится въ Австраліи, Тасманіи и на нѣкоторыхъ о—вахъ Полинезіи.

Въ **Сѣв. Америкѣ**:

Гнѣздящаяся птица Канады и Нов. Брауншвейга. По *Ridgway*, идетъ вдоль берега Атлантическаго океана отъ Лабрадора до Флориды, и рѣдка только въ Массачусетѣ у Бостона, гдѣ не гнѣздится и куда рѣдко залетаетъ. Распространена по берегу Техаса. Внутри материка менѣе обыкновенна, чѣмъ по окраинамъ, но водится по всѣмъ большимъ рѣкамъ и озерамъ. Гнѣздится вдоль южной окраины Верхняго озера и по Мичигану. Наблюдалась на Эри и на Миссисипи. Яйца и экземпляры скопы добыты съ Ситхи.

Обыкновенна по берегамъ Калифорніи. Въ центральной Америкѣ обыкновенна по обоимъ берегамъ, хотя гнѣздится только мѣстами *(Dresser.* Birds of Europe, P. XLIX).

β′) Область пролета.

При громадномъ распространеніи скопы, само собою разумѣется, эта птица мѣстами не гнѣздится, а является только пролетной вслѣдствіе какихъ-либо мѣстныхъ причинъ, каковы, напр., вмѣшательство человѣка, мутная вода рѣки и т. п. Поэтому цѣльной, сплошной области пролета искать у скопы нечего, она является пролетною только кой-гдѣ въ занятыхъ ею участкахъ.

Въ **Европѣ**:

Кажется, теперь только на пролетѣ у береговъ Англіи. Пролетная птица многихъ департаментовъ Франціи (Калэ, Соммы, Эвры & Луара, Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ, Жиронды и др.), отчасти пролетная въ Испаніи, Италіи, Австро-Венгріи, Болгаріи и Турціи, и исключительно пролетная въ Греціи *(Heldreich,* l. c., p. 33).

Въ **Азіи**:

На пролетѣ найдена въ Монголіи, въ долинѣ сѣверн. изгиба Хуанъ-Хе, въ Гань-су, въ окрестностяхъ Ходжента, долинѣ Заревшана и Ферганѣ, и вѣроятно отчасти пролетная въ Малой Азіи и Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**:

Отчасти пролетная птица Морокко и Алжира.

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ**:

Отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица нѣкоторыхъ департаментовъ Франціи. Осѣдлая птица южной Испаніи и Балеарскихъ о—въ, зимуетъ въ Тосканѣ и осѣдла въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Италіи, осѣдла въ Богеміи, Дунайскихъ низменностяхъ и въ южной Турціи.

Въ **Азіи**:

Зимуетъ въ ю.-в. Азіи (Индо-Китай), на о—вахъ Малайскаго архипелага (Целебесъ, Борнео, Ява), въ Индіи, на Цейлонѣ, осѣдла въ Персіи и Белуджистанѣ и, быть можетъ, мѣстами въ Малой Азіи и Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**:

Осѣдла вдоль берега Краснаго моря и Сомалы. Зимуетъ въ странахъ по Нилу до Газелевой рѣки; чаще встрѣчается въ дельтѣ Нила. Осѣдла въ Морокко. Найдена на Сенегалѣ, Золотомъ берегу и о—вахъ Зеленаго Мыса (Journ. f. Ornithol., 1871, S. 3). *Dickinson* нашелъ скопу на Замбези (*Finsch & Hartlaub.* Die Vögel Ost-Afrikas, S. 40—42). *Ayres* нашелъ скопу въ Наталѣ. По *Rickard*'у найдена $\frac{24}{12}$ мая 1870 года на Буйволовой рѣкѣ, изъ чего можно заключить, что и здѣсь скопа гнѣздится (*Layard.* The Birds of South Africa, p. 68—69).

Въ **Австраліи**:

Осѣдла всюду и б. м. только кочуетъ внѣ періода гнѣздовья. Найдена на Новой Гвинеи и Молукскихъ о—вахъ.

Въ **Америкѣ**:

Гнѣздящіяся птицы Сѣв. Америки зимою вѣроятно занимаютъ по преимуществу Центральную Америку. Впрочемъ, скопа найдена до южной Бразиліи.

15.

CIRCAËTUS GALLICUS, GM.

Орелъ змѣеядъ.

Синонимы: Falco gallicus, Gmel.; Falco leucopsis, Bechst.; Aquila brachydactyla, Wolf; Circaëtus (Jean-le-Blanc), Vieillot; Circaëtos leucopsis, Brehm; Aquila gallica, De Selys Longch.

станціи:

островные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По *Нордманну* (Obs. sur la f. pontique, p. 96), обыкновененъ въ Бессарабіи (также *Radakoff,* l. c., p. 165). По *Гольцу* (Journ. f. Ornith.. 1873, S. 138) и *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 33—36), не рѣдокъ въ Уманьскомъ у. *Кесслеру* (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. округа, в. III, стр. 14) C. g. попадался при берегахъ Днѣпра въ Подольской губ. По показанію *Эйхвальда* (Naturhist. Skizze, S. 296) и *Тизенгауза*, втрѣчается въ Литвѣ. По *Тачановскому* (Сравн. обзоръ орнитол. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 124; O ptakach, стр. 48; Liste des vert. de Pol., p. 134), лѣтомъ довольно обыкновененъ въ Ц. Польскомъ. По свидѣтельству *Руссова* (l. c., p. 18—19), гнѣздится по крайней мѣрѣ въ Курляндіи и Лифляндіи. Въ Эстляндіи встрѣчается лѣтомъ, но неизвѣстно, гнѣздится ли. По *Сѣверцову*, одинъ экземпляръ, живой, былъ въ 1859 г. у г. Вознесенскаго въ Петербургѣ, въ клѣткѣ, при зоолог. музеѣ Академіи, въ сентябрѣ; пойманъ, по словамъ Вознесенскаго, въ окрестностяхъ Петербурга, но г. Сѣверцовъ точно мѣста не помнитъ. *Даниловъ* (Catalogue etc., p. 453) отмѣтилъ Aq. brachydactyla пролетною птицею для Орловской губ.; по общему распространенію, въ Орловской губ. Circ. gall. можетъ быть либо залетною, либо гнѣздящеюся птицею, но не пролетной; къ тому же у препар. Евреинова были экземпляры несомнѣнно доказывающіе, что Circ. gall. гнѣздится въ Орловск. губ. *Чернаевъ* (Bull. de Moscou, 1865, III, 61) Circ. gall. найденъ въ Харьковской губ. Въ своемъ сочиненіи «Періодическія явленія» и т. д. *Н. А. Сѣверцовъ* сдѣлалъ отмѣтку (стр. 185), что близъ Хопра въ Сердобскомъ у. гнѣздится Circ. hypoleucos; вотъ собственноручная помѣтка г. Сѣверцова къ этому мѣсту: «видѣлъ въ концѣ августа, промахнулся по немъ изъ винтовки; сидѣлъ въ степи на стогу. Вида не могъ опредѣлить; за C. hypoleucos принялъ по свидѣтельству Палласа о мѣстѣ нахожденія послѣдняго, но легко можетъ быть и Circ. gallicus». Въ октябрѣ 1880 года Circ. gall., пойманный живымъ въ Нижегородской губ.,

доставленъ въ Москву. По свидѣтельству *Арцибашева* (Excursions et obs. ornithol., Bull. de Moscou, 1859, III, стр. 36; *Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 326), изрѣдка убивается подъ Сарептой. Въ землѣ Уральскаго войска г. *Сьверцовъ* видѣлъ изрѣдка на лету Circaëtos sp., но не добылъ.

В) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., S. 57), очень рѣдокъ, но распространенъ повсемѣстно, исключая с.-з. части страны. По *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1860, S. 214), гнѣздится въ Восточной Пруссіи, даже на с.-в. берегу Фришгафа. По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornith., 1870, S. 215), въ Помераніи очень рѣдокъ, въ Лаузицѣ чаще. По *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1857 S. 182), изрѣдка гнѣздится въ Помераніи. По свидѣтельству *Rohweder*'а (Journ. f. Ornith., 1878, 410), гнѣздится въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. По *Schalow*'у (Journ. f. Ornith., 1876, 30—31), гнѣздится во всемъ Бранденбургѣ, хотя рѣдокъ. По свидѣтельству *Brahts*'а (Naumannia, 1855, S. 342), гнѣздится въ ю.-в. углѣ Рейнскихъ провинцій. Подъ Нейвидомъ на гнѣздовьѣ найденъ *Sachse* (Journ. f. Ornith., 1875, S. 417). По свидѣтельству *Liebe* (Journ. f. Ornith., 1878, S. 65), въ вост. Тюрингіи не гнѣздится. Въ Шлезіи не рѣдокъ лѣтомъ, по *Глогеру*. Въ верхней Шлезіи наблюдался *Borggreve*.

Въ Нидерландахъ гнѣздится (Muséum des Pays-Bas, Buteones, p. 23—24). По свидѣтельству *La Fontain*'а (l. c., p. 217—218), изрѣдка гнѣздится въ южной Бельгіи.

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (Ornith. europ.), гнѣздится въ Вогезахъ, Альпахъ, лѣсистыхъ горахъ Вара и верхнихъ Пиренеяхъ; осѣдлый въ Дофинэ и Анжу; въ центральные и сѣверные департаменты залетаетъ случайно. По *Müller*'у (Journ. f. Ornith., 1856, S. 214), гнѣздится изрѣдка въ Севеннахъ; осенью спускается въ Приронскія низменности, гдѣ остается всю зиму. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 10—12), обыкновенная гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Lacroix* (Catalogue des oiseaux

dans la Haute-Garonne, l'Aude, l'Ariége etc., p. 22 — 23), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица Пиренейскихъ горъ. По *Dubalen* (l. c., p. 8), департ. Ланды, Нижніе Пиренеи и Жиронды посѣщаетъ правильно на осеннемъ пролетѣ; какъ гнѣздящаяся птица рѣдка. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 415), въ Савойѣ довольно рѣдокъ, хотя гнѣздится.

По свидѣтельству *Du Plessis* (l. c., p. 106), изрѣдка встрѣчается въ горныхъ долинахъ подъ Орбомъ. По свидѣтельству *Fatio* (Naumannia, 1856, S. 164), осѣдлый въ женевской долинѣ.

Въ Испаніи, по *A. Brehm*'у (Allg. deutsche Naturh. Zeit., S. 436), гнѣздится, хотя рѣдокъ. По *Irby* (l. c., p. 46—47), очень обыкновененъ въ Андалузіи, въ уединенныхъ горныхъ долинахъ, гдѣ гнѣздится, но не зимуетъ. По *Saunders*'у (l. c., p. 319), довольно обыкновененъ въ южной Испаніи. *Lilford*'омъ найденъ въ Старой и Новой Кастиліи и Каталоніи.

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 10), въ Италіи довольно обыкновененъ лѣтомъ въ Тосканѣ и Римской Кампаньи, гдѣ гнѣздится и гдѣ немногія особи зимуютъ. *Schalow*'ымъ (Journ. f. Ornith., 1877, 195) лѣтомъ наблюдался нѣсколько разъ вблизи Ливорно и въ Кампаньи; въ Флорентинскомъ музеѣ имѣется прекрасный экземпляръ изъ Тосканы. Кажется, не рѣдокъ въ Сициліи, но рѣдокъ въ Сардиніи (Journ. f. Ornith., 1865, S. 61).

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 380), гнѣздится въ Богеміи. Въ Галиціи Circ. gall. доходитъ до подножія Карпатовъ (Journ. f. Ornith., 1854, S. 430). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, 293), довольно обыкновененъ въ Трансильваніи. По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 393), очень рѣдокъ въ сѣв. Тиролѣ; въ южномъ Тиролѣ гнѣздится и черезъ эту же мѣстность, кажется, тянетъ на осеннемъ пролетѣ. *Dalla Torre* (Die Wirbelthierfauna von Tirol und Vorarlberg, S. 20) также отмѣчаетъ C. g. птицею рѣдкою, но ежегодно посѣщающею южный Тироль. Въ Крайнѣ часто встрѣчается подъ Идріей (*Freyer*. Fauna, S. 8). По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 472), гнѣздится въ Штиріи, но рѣдокъ. По *Fritsch*'у (Normale Zeiten für den Zug der Vögel. Wien. 1874, S. 6), въ половинѣ апрѣля наблюдался подъ Лайбахомъ. По *Finsch*'у (Journ.

f. Ornithol., 1859, 380), идетъ по Дунайскимъ низменностямъ и гнѣздится также на Дунайскихъ о—вахъ (См. также *Tschusi-Schmidhofen*'а, J. f. Ornith., 1874, S. 342 и 1877, S. 57). По свидѣт. *Tschusi-Schmidhofen*'а (Journ. f. Ornith., 1878, S. 95), одинъ экземпляръ C. g. добытъ въ верхней Австріи. По свидѣтельству кронпринца *Рудольфа*, *Homeyer*'а и *Brehm*'а, гнѣздится въ Нижне-Венгерской низменности: Фруска-Гора и др. (Journ. f. Ornith., 1879, S. 40—41). Около Вѣны, по свидѣтельству тѣхъ же наблюдателей, C. gall. рѣдокъ (Journ. f. Ornith., 1879, 111).

На Балканскомъ полуо—вѣ, по свидѣтельству *Радакова* (Bulletin de Moscou, 1879, p. 165), гнѣздится въ Болгаріи и Румеліи. По свидѣтельству *Sintenis* (Journ. f. Ornith., 1877, S. 61), гнѣздится въ Добруджѣ. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 70), также гнѣздится въ Болгаріи. По *Alléon*, гнѣздится въ лѣсу подъ Бѣлградомъ (около Константинополя). По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1862, S. 490) и *Heldreich*'у (La faune de Grèce, p. 32), гнѣздящаяся, но рѣдкая птица Греціи (см. также *Lindermayer*, l. c., S. 20).

Въ Азіи:

По словесному сообщенію *Н. А. Съверцова*, Circ. gallicus найденъ имъ подъ г. Вѣрнымъ, гдѣ онъ даже довольно обыкновененъ, такъ какъ на десятиверстномъ пространствѣ найдено 6 гнѣздъ этой птицы. Лѣтомъ найденъ во II и III зоологич. участкахъ Туркестанскаго края (Таласъ, западн. Тянь-Шань *), (Вертик. и горизонт. распред. туркест. животн., стр. 63; Journ. f. Ornith., 1875, 170).

Пржевальскимъ (Монголія и страна Тангутовъ, II, стр. 10—11) встрѣченъ однажды въ долинѣ сѣвернаго изгиба Желтой рѣки. Здѣсь, въ устьѣ горнаго ущелья, въ хребтѣ Харанарипъ-ула, найдѣно гнѣздо, устроенное на невысокомъ ильмѣ.

По *Butler*'у и *Hum*'у (Stray Feath., Vol. III, p. 446), будто бы гнѣздится въ Джейпурѣ и сѣв. Гудзехаратѣ.

По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 24), гнѣздится подъ Смирной, откуда, однако, на зиму улетаетъ.

---

*) Замѣч. на лету, м. б. C. hypoleucos.

Въ **Африкѣ**:

По *Irby* (l. c., 46—47), гнѣздится въ Марокко, по *Loche* (l. c., 39—40), въ Алжирѣ.

β′) Область пролета.

Въ **Европѣ**:

Пролетная птица во многихъ департаментахъ сѣв. и центральной Франціи, въ Испаніи, Италіи и подъ Константинополемъ.

Въ **Азіи**:

На пролетѣ наблюдался у Чимкента, гдѣ добытъ.

Въ **Африкѣ**:

Отчасти пролетный въ Марокко, Алжирѣ и Египтѣ.

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ**:

Несомнѣнно зимуетъ въ южной Франціи, быть можетъ, мѣстами въ Испаніи и кой-гдѣ въ Италіи.

Въ **Азіи**:

По *Jerdon*'у (Birds of India, I, p. 76) и *Hume*'у, зимуетъ въ Верхней Индіи. Быть можетъ, хоть въ небольшомъ числѣ, остается въ Аравіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 83), весной и осенью обыкновененъ въ с.-в. Африкѣ и Аравіи. Зимуетъ на Бѣломъ Нилѣ, въ Кордофанѣ и Абессиніи. Вѣроятно на зимовьѣ встрѣчается въ центральной и западной Африкѣ, но вопросъ объ этомъ пока не выясненъ.

16.

CIRCAËTOS HYPOLEUCOS, PALL.

Змѣеядъ бѣлобрюхій.

Синонимы: Accipiter hypoleucos, Pall.; Circaëtos orientalis, Brehm.

станціи:

степь съ пролѣсками.

Свѣдѣнія о бѣлобрюхомъ змѣеядѣ очень скудны и отрывочны, п. ч. многіе авторы, напр. даже *Dresser* (Birds of Europe P. XXIX & XXX), не отличаютъ его отъ Circ. gallicus, но это совершенно неосновательно: *Circ. hypoleucos отличается отъ Circ. gallicus во всѣхъ возрастахъ отсутствіемъ бурой окраски на зобѣ, которая во всѣхъ возрастахъ есть у Circ. gallicus.* Съ Circaëtos hypoleucos, повидимому, тождествененъ Circ. Beaudouini, Schl., добытый въ Сенаарѣ въ 1861 г. Гейглиномъ (Mus. d'hist. natur. des Pays-Bas, 2-me livrais., Buteones, p. 25). Кабанисъ въ своемъ журналѣ за 1854 годъ (стр. 260), основываясь на литературныхъ данныхъ и вѣроятно преимущественно на томъ, что Палласъ привелъ Accipiter ferox, Gmel. какъ синонимъ своего Accipiter hypoleucos, соединилъ Circaëtos hypoleucos съ Buteo leucurus. Позднѣе эта ошибка была перенесена Гибелемъ въ его Thesaurus ornithologiae (синонимика Buteo ferox, т. I, стр. 510). Что Гибель ошибся—неудивительно: онъ повѣрилъ имени Кабаниса, но ошибка Кабаниса непонятна: описаніе Accipiter hypoleucos, Pall. никакъ не можетъ быть отнесено къ Buteo ferox var. leucurus.: Acc. hypol., Pall. не что иное какъ Circ. hypoleucus, на что указывалъ еще Нордманнъ.

Вотъ описанія Circ. hypoleucos, оставленныя Палласомъ (короткое) и Бремомъ (подробное подъ названіемъ Circ. orientalis, Naumannia, 1856, S. 203).

По Палласу: «Maximus Accipitrum, Aquilae Clangae fere aequalis, sed *habitus* ab Aquilis alienus et plumae cervicis multo minus acutae. *Rostrum* breviter aduncum. *Caput* et cervix grysea, rhachibus fuscis, subtus albidiora: *plumae* cervicis mediae fuscidiores, rhachi apice terminata *plumula* distincta singulari, penicilliformi, quod in nulla alia ave observavi, et priores auctores non adnotarunt. *Dorsum* fuscum, plumis margine gryseo-exsoletis. *Subtus* avis alba, jugulo, maculis pectoris et lunulis femoralium gryseo lutescentibus. *Remiges* interius albae. *Cauda* longior, aequalis, fusca; rectrices laterales interius albae, omnes nigro trifasciatae. *Pedes* longiusculi, nudi, flavi".

По Брему: „Der alte Vogel ähnelt auf seiner Oberseite dem europäischen Schlangenadler sehr, ist vielleicht nur etwas lichter,

unterscheidet sich aber, von vorn betrachtet, auf den ersten Blick so von ihm, dass er als eine besondere und sogenannte „gute“ Art angesehen werden muss, d. h. wohl für eine solche, deren Unterscheidungsmerkmale auch dem Anfänger in der Ornithologie in die Augen fallen müssen. Er zeigt nämlich nicht die Spur eines Kropfschildes, welches bei dem *C. gallicus* bekanntlich sehr stark hervortritt und bei Weibchen oft dunkler als der Rücken ist. Bei unserem *C. orientalis* ist die Kropfgegend bei Männchen und Weibchen rein weiss, ebenso die Backen, letztere erscheinen jedoch grau, weil die haarartigen Federchen, welche sehr dicht stehen, alle höchst feine, dunkle Schaftstriche und hinter der Ohrgegend dunkle Spitzen haben. Das Kinn und die Gurgel ist mit eben solchen, höchst strahligen, d. h. dünnbärtigen Federn besetzt. Bei den Federn, welche den Kropf bekleiden, treten die dunkeln, sehr feinen Schaftstriche auch noch mehr hervor, werden aber nach der Spitze der Federn hin von lichtbraunen, Keilförmigen, mit ihrer Spitze nach der Basis der Feder gerichteten Flecken eingerahmt. Diese Keilförmigen Flecken, deren Farbe nach der Spitze hin dunkler wird, treten so wenig hervor, dass der Kropf des Vogels nicht stärker gefleckt erscheint, als der einer alten *Aquila pennata*. Die Kropfgegend und deren Bedeckungen sind also bei *C. orientalis* und *brachydactylus* gar nicht mit einander zu vergleichen. Bei diesem besteht sie aus dunkelgraubraunen Federn, welche nur an der Basis etwass Weiss oder Weissgrau zeigen, bei jenem aus Federn, welche ganz weiss sind und nur an der Spitzte einen wenig hervortretenden lichtbraunen Fleck haben. Auch die dunkeln Querbinden, welche die Spitzen der Brust und des Bauches des europäischen Schangenadlers zieren, treten bei *Circaëtos orientalis* weit weniger hervor; sie sind blass und viel kleiner, schmäler und kürzer, an vielen Federn nur Punkte, wesshalb die ganze Unterseite viel lichter und weniger geschäckt erscheint; beim Männchen sieht man an den Federn des Bauches gar keine Querbinden mehr und nur noch vier bis sechs Federn haben bräunliche Punkte an der Stelle dieser Querbinden. Die grossen Federn an den Hosen des Weibchens sind noch schwach gebändert, bei den Männchen aber rein weiss. Die Schwänze beider Arten unterscheiden sich bloss durch ihre verschiedene Länge; der des *C. brachy-*

dactylus ist nach eigenen Messungen beim Weibchen 11 ½″ lang, beim Weibchen vom *C. orientalis* aber nur 9 ½″. Die Flügelspitzen erreichen bei *C. brachydactylus* das Ende des Schwanzes, bei *C. orientalis* dasselbe bis auf 9‴; die Flügel messen bei diesem vom Bug bis zur Spitze nur 1′ 6″ 9‴, beim *C. brachydactylus* aber mindestens 1′ 8″, beide Maasse vom Weibchen genommen. Die Unterflügel sind ebenfalls bei *C. orientalis* weit weniger geflackt, als bei *C. brachydactylus*. Es spicht sich also auf der ganzen Unterseite des Körpers unseres orientalischen Schlangenadlers eine viel lichtere Färbung aus“.

О географическомъ распространеніи бѣлобрюхаго змѣеяда извѣстно очень мало. По Палласу, ‹In Rossia australi, circa Tanain et Volgam inferiorem, per regiones campestres non infrequens.... Ad Orientem Uralensis jugi nunquam observatus fuit; attamen in australibus Tatariae magnae forte non deest“. По свидѣтельству *Карелина* (Разборъ статьи Рябинина ‹Естеств. произведенія земель Урал. казач. войска›, стр. 284), C. hypoleucos найденъ въ земляхъ Уральскаго казачьяго войска. *Нордманнъ* (Faune pontique, p. 97) пріобрѣлъ однажды эту птицу на базарѣ въ Одессѣ. По *Брему*, добытъ подъ Мадритомъ (Allg. d. Naturhist. Z., S. 436). *Сѣверцовымъ* найденъ лѣтомъ въ третьемъ зоологич. участкѣ Турк. край (Каратау, западн. Тянь-Шань и низовья Сыръ-Дарьи), но неизвѣстно гнѣздится ли (Journ. f. Ornith., 1875, S. 171). По *Brehm*'у (Naumannia, 1856, S. 204), осѣдлая птица Египта; идетъ до Судана. У *Dresser*'а лѣвая фигура на табл. при Parts XXIX & XXX несомнѣнный *C. gallicus* (Испанія), тогда какъ правая — молодой *C. hypoleucos* (Генуя), а на табл. при Parts XXXV & XXXVI лѣвая—*C. gallicus* въ гнѣздовомъ перѣ (Тунисъ), а правая взрослый *C. hypoleucos* (Индія).

17.

PERNIS APIVORUS, LINN.

Осоѣдъ, пчелоѣдъ.

Синонимы: Accipiter buteo apivorus, Breiss.; Falco incertus, Lath.; Accipiter lacertarius, Pall.; Pernis communis, Less.; Pernis apium, C. L. Brehm; Pernis vesparum, C. L. Brehm.

станціи:

островные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Сабанѣевымъ въ Пермской губ. пчелоѣдъ прослѣженъ до 58° с. ш. (Позвон. средн. Ур., стр. 26; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull de Moscou, 1871, III, стр. 223). По свидѣтельству *Θ. Д. Плеске* (Journ. f. Ornith., 1878, 91), очень обыкновенная птица въ Бирскомъ у. Уфимской губ. По *Гёбелю* (Journ f. Ornith., 1873, 421), шкурка Pernis apivorus, найденнаго подъ Архангельскомъ, хранится въ музеѣ этого города. По *Кесслеру* (Матеріалы къ познанію Обонежья и Онежскаго озера, стр. 27), встрѣчается вдоль западнаго берега Онежскаго озера. По свидѣтельству *Сиверса* (Ornithol. anteckning., стр. 88), найденъ на р. Свири. По *Брандеру* (l. c., S. 379), гнѣздится въ Улеаборгской губ. (Pudasjärvi, на с. в. отъ Улеаборга, 65° с. ш.). *Лиліеборгомъ* найденъ отъ Лодейнаго Поля до Двины (Beitrag zur Ornithologie des nördlich. Russl., Naumannia, 1852, II). По свидѣтельству *Нордманна* (Bulletin de Moscou, 1860, I, 6), въ Финляндіи не рѣдокъ. По свидѣтельству *Шлегеля* (Muséum etc., Pernes, p. 2), гнѣздится подъ Гельсингфорсомъ. *Мевесомъ* (Ornithol. iakttagels. i nordv. Ryssland, Ofv. af K. V. A. förhandl., 1871, 768) найденъ только однажды около Шлиссельбурга. По *Руссову* (Die Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, p. 20—21), въ Остзейскомъ краѣ не рѣдокъ только мѣстами, въ большинствѣ мѣстностей распространенъ спорадически; по *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1873, I), гнѣздится въ Курляндіи. Въ Польшѣ осоѣдъ лѣтомъ довольно обыкновененъ (*Тачановскій*. Сравнит. обзоръ орнитол. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 124; O ptakach, p. 68; Liste etc., p. 134). По свидѣтельству *Кесслера* (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебнаго округа, в. III, стр. 13), встрѣчается въ губ. бывшаго Кіевскаго учебнаго округа. По *Гё-*

белю (Die Vögel des Kreises Uman, S. 33), въ Умапьскомъ у. рѣдокъ. Для Подольской отмѣченъ *Белже* (Quelques mots sur le climat et la faune de K. P., Bull. de Moscou,1853, II, 418; его же Esquisse etc., Bull. de Moscou, 1859, I, 27). По *Шевелеву* (Наблюденія надъ перелетами птицъ въ Черниг. губ., Труды Харьковск. общ. испыт. природы, т. IX), гнѣздится въ Черниговской губ. Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. осоѣдъ довольно рѣдокъ *(Эсаулова*, l. c., стр. 227). По *Büchner*'у и *Pleske* (Beitr. z. Ornithol. d. St. Petersb. Gouv., S. 22 — 27), обыкновененъ въ Гдовскомъ у., рѣдокъ въ Петергофскомъ и Царскосельскомъ. По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), встрѣчается въ Тверской губ., гдѣ несомнѣнно гнѣздится. По *Сабанѣеву* (Матеріалы для фауны Ярославск. губ., Труды Яросл. стат. комит., в. IV, стр. 247; Bull. de Moscou, 1868; рукопись), въ Московской и Ярославской губ. осоѣдъ гнѣздится довольно рѣдко, но по крайней мѣрѣ относительно Московской губ. это не вѣрно, т. к. здѣсь осоѣдъ довольно обыкновененъ. Найденъ въ послѣднее время въ сѣв. у. у. Тульской губ. Невѣроятно, будто осоѣдъ не бываетъ въ Казанской губ. *(Эверсманнъ*. Естест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 46; Bull. de Moscou, 1848, I, 214; Journ f. Ornith., 1875, 63). По *Богданову* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 42), вѣроятно гнѣздится въ Сызранскомъ у. По *Эверсманну* (l. c., стр. 46), очень рѣдокъ въ южныхъ безлѣсныхъ предгоріяхъ Урала. По словесному сообщенію *Сьверцова*, былъ рѣдокъ въ Воронежской губ. въ сороковыхъ годахъ (см. объ этомъ «Періодическія явленія», стр. 65, 71, 206 и др.), но съ 1860 г. размножился въ уцѣлѣвшихъ лѣсахъ и теперь не рѣдокъ. Въ Харьковской губ. очень рѣдокъ (*Чернай*. Фауна, стр. 35; Beiträge z. F. d. Chark. Gouv., Bull. de Moscou, 1850, II, 604). По *Нордманну* (Faune pontique, p. 105), въ Новороссійскихъ степяхъ очень рѣдокъ. По словамъ *Арцибашева* (Excurs. et observ. ornith,. Bull. de Moscou, 1859, III, стр. 41), не рѣдокъ въ лѣсахъ по берегамъ Волги, но, по *Рижбейлю* (см. *Богданова*, стр. 42) и *Мёшлеру* (Bericht aus Sarepta и Verzeichniss etc., въ Naumannia, 1853, 301 и 303), подъ Сарептой бываетъ только на пролетѣ. По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 164), гнѣздится въ долинѣ Прута.

β) Область пролета.

Въ коллекціи Н. А. Сѣверцова имѣются 3 экземпляра, добытые подъ Гурьевымъ $\frac{27}{VIII}$ несомнѣнно на пролетѣ. Подъ Астраханью совсѣмъ не встрѣчается (*Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 327). Въ Крыму найденъ только на осеннемъ пролетѣ (*Шатиловъ*. Извѣстія общ. любит естествозн. т. X, в. 2, стр. 84 и *Radde*. Beiträge z. Ornith. S. Russl., Bull. de Moscou, 1854, III, стр. 134, 135).

М. Н. Богдановымъ осоѣдъ былъ убитъ въ половинѣ августа въ долинѣ р. Бѣлой, между станц. Даховской и Майкопомъ, но неизвѣстно гнѣздится ли онъ на Кавказѣ (Птицы Кавказа, стр. 44).

В) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Норвегіи, по *Collet* (Norges Fugle, p. 153), бываетъ временами обыкновененъ въ юго-восточныхъ низменностяхъ, но врядъ ли доходитъ до Довре. На югѣ найденъ подъ Смалэнэпэ и около фіорда Христіаніи. Спорадически распространенъ по западному берегу, гдѣ наблюдался подъ Бергеномъ и у Нордфіорда. Гнѣздится мѣстами внутри страны.

Въ Швеціи, по *Wallengren*'у (l. c., S. 73), поднимается до 64° с. ш.

Въ Даніи ежегодно на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ, но гнѣздятся немногіе (Danmarks Fugle, p. 19—20).

Въ Германіи, по *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 57) гнѣздится повсемѣстно, но вездѣ рѣдокъ; чаще встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тюрингіи. По свидѣтельству *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1860, 214), встрѣчается въ Восточной Пруссіи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1853, 151), гнѣздится въ Помераніи, но рѣдокъ. По свидѣтельству *Wüstnei* (Journ. f. Ornith., 1877, 32), гнѣздится въ Мекленбургѣ. По *Precn*'у (Naumannia, 1856, 61), гнѣздится подъ Шверинымъ. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, S. 373), изрѣдка гнѣздится въ

холмистой странѣ между Гарцемъ и Тюрингенскимъ лѣсомъ. *Negelein* (Naumannia, 1853, S. 54) приводитъ P. apiv. гнѣздящейся птицей Ольденбурга. По *Wiepken*'у & *Greve* (Systematisch. Verzeichn. der Wirbelthiere im Herzogthum Oldenburg, S. 11—13), прежде P. ap. дѣйствительно гнѣздился въ Ольденбургѣ, но теперь бываетъ тамъ ежегодно на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ, гнѣздится же въ видѣ исключенія. По свидѣтельству *Prinz*'а *Wied*'а (Naumannia, 1855, S. 343) и *Sachse* (Journ. f. Ornith., 1875, 417), гнѣздится въ Рейнскихъ провинціяхъ. По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornith., 1855, S. 184) и *Schalow*'а (Journ. f. Ornith., 1876, S. 30), гнѣздится въ Бранденбургѣ. По *Pässler*'у (Journ. f. Ornith., 1865, 31), гнѣздится въ Ангальтѣ. По *Jäckel*'ю (Naumannia, 1856, S. 41) и *Landbeck*'у (Naumannia, 1855, 74), гнѣздится въ Баваріи.

Въ Нидерландахъ гнѣздится (Muséum des Pays-Bas, Pernes, 1—2). По *La Fontain*'у (l. c., p. 223—224), быть можетъ, изрѣдка гнѣздится въ южной Бельгіи.

На Британскихъ о—вахъ P. apiv. гнѣздится въ разныхъ мѣстахъ, но за послѣднее время сталъ значительно рѣже, чѣмъ былъ прежде. До 1841 года гнѣздился въ Нортумберлендѣ, Шропширѣ, Штеффордширѣ, Нортемптонширѣ и Нью-Форстѣ, немного лѣтъ тому назадъ гнѣздился уже только въ Нью-Форстѣ. Девонширъ посѣщаетъ случайно, равно какъ и Сомерчестеръ. Въ Шотландіи еще гнѣздится и притомъ обыкновеннѣе въ ея восточной половинѣ, чѣмъ западной. Въ Ирландію только случайно залетаетъ лѣтомъ и, кажется, найденъ былъ тамъ только четыре раза *(Dresser)*.

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (Ornith. europ., p. 62), обыкновененъ мѣстами въ Альпахъ, встрѣчается въ Анжу, Оверни и верхнихъ Пиренеяхъ. На сѣверѣ Франціи преимущественно на пролетѣ. По *L^e Mennicier* (l. c., p. 117), очень рѣдокъ въ деп. Ла-Маншъ. По *De Sinety* (R. et M. de Zool., 1854, 202), гнѣздится въ департ. Сены и Марны. По *Marchant* (l. c., p. 15), рѣдкая гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Müller*'у (Journ. f. Ornith., 1856, S. 214), гнѣздится въ Севеннахъ. По *Lacroix* (l. c., p. 24—25), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица Пиреней-

скихъ горъ. По *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица Савойи.

Въ Швейцаріи распространенъ спорадически (Naumannia, 1856, S. 164; Jour. f. Ornithol., 1879, S. 359).

Въ Австро-Венгріи P. ar. гнѣздящаяся птица Богеміи (*Fritsch.* Journ f. Ornithol., 1872, S. 380). По *Tschusi-Schmidhofen* (Journ. f. Ornith., 1869, 225), изрѣдка гнѣздится въ Исполиновыхъ горахъ. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 293), въ Трансильваніи на гнѣздовьи рѣдокъ. Въ Дунайскихъ низменностяхъ рѣдокъ (Journ. f. Ornith., 1879, S. 41 и 1878, S. 411). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 393) и *Dalla Torre* (l. c., p. 20), гнѣздится въ Тиролѣ, причемъ въ южномъ Тиролѣ обыкновеннѣе, чѣмъ въ сѣверномъ. Въ Зальцбургѣ рѣдокъ (Zool. Gart., 1875, S. 232). По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 474), гнѣздится по крайней мѣрѣ въ сѣв. Штиріи. *Frayer*'омъ (l. c., p. 9) помѣченъ для Крайны.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по *Finsch*'у (Journ. f. Ornith., 1859, 381), обыкновененъ въ Болгарскихъ низменностяхъ (см. также *Радакова*, l. c., p. 164). По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 72), правильно гнѣздящаяся птица въ лѣсахъ сѣверной Турціи.

Въ **Азіи**:

По *Сьверцову* (Вертикальное и горизонтальное распред. туркестанск. животн., стр. 63 и Journ. f. Ornith., 1875, 170), рѣдкая пролетная птица западн. Тянь-Шаня, изъ чего можно заключить, что P. apiv., хотя изрѣдка, гнѣздится въ полосѣ островныхъ лѣсовъ западн. Сибири.

Въ **Африкѣ**:

По свидѣтельству *Reichenow*'а (Journ. f. Ornithol., 1874, 385), будто бы осѣдлый въ низменностяхъ Камеруна.

β′) Область пролета.

Въ **Европѣ**:

Только на пролетѣ во многихъ мѣстностяхъ Франціи (департ. Эвры & Луара, Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ, Жиронды и др.), исключительно на пролетѣ въ Испаніи (*Brehm*, l. c., S. 437; *Irby* l. c., p. 49; *Saunders*, l. c., p. 319), вѣроятно тоже только на

пролетѣ въ Италіи и Сициліи *(Salvadori,* l. c., p. 12), несмотря на то, что, по *Doderlein*, нѣкоторыя особи б. м. гнѣздятся въ моденскихъ Апеннинахъ, и несомнѣнно только на пролетѣ въ Греціи *(Heldreich*, l. c., p. 33).

Въ **Азіи:**

По *Сѣверцову*, рѣдкій пролетный въ Каратау, западн. Тянь-Шанѣ и на Нижней Сыръ-Дарьѣ.

Въ **Африкѣ:**

Изрѣдка на пролетѣ б. м. встрѣчается въ с.-в. Африкѣ, несомнѣнно пролетный въ Морокко.

γ) Область зимовья.

Въ **Азіи:**

*Krüper'*омъ найденъ подъ Смирной, вѣроятно на зимовьѣ. Несомнѣнно зимуетъ въ Палестинѣ, вѣроятно зимуетъ въ Аравіи.

Въ **Африкѣ:**

По *Rüppell'*ю, бываетъ въ Египтѣ, но ни *Бремомъ*, ни *Гейглиномъ*, ни *Шелли* тамъ не наблюдался. По свидѣтельству *Reichenow'*а (Journ. f. Ornith., 1874, 371), на западн. берегу Африки на зимовьѣ идетъ отъ Сенегамбіи до Камеруна. Въ Лейднерскомъ музеѣ стоятъ двѣ ♀, добытыя на Золотомъ берегу. Въ Британскомъ музеѣ есть экземпляръ съ Мадагаскара *(Heuglin,* l. c., p. 97, XXXVII). *Ayres'*омъ два раза добытъ въ Наталѣ *(Layard,* l. c., p. 53).

Встрѣчающіеся въ Европ. Россіи сарычи подраздѣляются на три группы, изъ которыхъ двѣ, вслѣдствіе внесенной въ нихъ путаницы, я разсматриваю подробно съ описаніями относящихся сюда видовъ, и третью, куда относится Archibuteo lagopus, какъ группу хорошо опредѣленную разсматриваю только съ зоогеографической точки зрѣнія.

I.

Buteones sylvaestres, лѣсные сарычи. Средній палецъ равенъ или почти равенъ (никогда меньше, часто немного больше), верхнему клюву по сгибу и всегда болѣе половины

длины плюсны. Плюсна оперена спереди на $^1/_3$ или на 1—2‴ болѣе или менѣе.

Сюда относятся два вида: Buteo vulgaris, Bechst. и Buteo vulpinus, Licht.=Buteo Martini, Hardy.

18.

BUTEO VULGARIS, BECHST.

Большой канюкъ.

B. vulgaris значительно больше B. vulpinus: дюйма на три длиннѣе и на 5—6 д. шире въ размахѣ. Длина крыла 15″ 6‴—16″ 8‴, хвоста 9″—9″ 3‴, клюва 1″ 4,5‴—1″ 6‴, средн. пальца (безъ когтя) 1″ 4,5‴—1″ 6‴, плюсны 2″ 7, 5‴—2″ 9‴.

Возрастныя измѣненія идутъ совершенно обратно тому, что замѣчается у B vulpinus: слабая желтизна молодыхъ съ возрастомъ пропадаетъ, а у Buteo vulpinus болѣе сильная (сравнительно) желтизна молодыхъ съ возрастомъ усиливается.

Взрослая птица: общая окраска черно-бурая. Перья на головѣ, спинѣ, надхвостьѣ, плечевыя и верхнія кроющія крыла черно-бурыя съ свѣтлобурыми ободками или безъ нихъ. На задней сторонѣ шеи такого же цвѣта пестринки. Хвостъ темносѣрый съ многочисленными (9—10) поперечными черно-бурыми полосками. Перья горла и боковыхъ частей головы черно-бурыя съ свѣтлыми ободками. Перья зоба такія же, но на нѣкоторыхъ присоединяются свѣтлыя поперечныя пятна, болѣе или менѣе сливающіяся на груди и брюхѣ, и совершенно всѣ сливающіяся на нижнихъ кроющихъ хвоста въ свѣтлыя поперечныя полосы, отчего брюхо и нижнія кроющія хвоста кажутъ поперечнополосатыми. На бокахъ характеръ окраски сохраняется, но бѣлизны меньше, отчего бока почти черно-бурые. Штаны черно-бурые съ рѣдкими красноватыми пятнышками. Такого же цвѣта мелкія нижнія кроющія крыла, иногда совсѣмъ черно-бурыя. Болѣе длинныя нижнія кроющія крыла покрашены какъ перья зоба. Маховыя черно-бурыя. Внутреннее опахало до вырѣзки на первыхъ четырехъ и до вершины на остальныхъ бѣлое съ поперечными бурыми полосами.

Ноги и восковица желтыя. Радужина бурая.

У молодой птицы верхняя сторона тѣла покрашена какъ у старой, но свѣтлые ободки съ примѣсью рыжеватаго цвѣта. Основной фонъ хвоста не темносѣрый, а буро-сѣрый. Нижняя сторона тѣла гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у взрослой, п. ч. перья зоба, груди, брюха и нижнія кроющія хвоста желтоватыя, каждое съ широкимъ вершиннымъ ланцетовиднымъ пятномъ темнобураго цвѣта. На закрытыхъ частяхъ пера это пятно продолжается темнобурой наствольной полосой, которая на нѣкоторыхъ перьяхъ даетъ отъ себя боковые выросты. Перья боковъ темнобурыя съ узкими желтоватыми ободками и поперечными пятнами. Мелкія нижнія кроющія крыла желтоватыя съ бурыми ланцетовидными вершинными пятнами. При первой же линькѣ поперечная полосатость окончательно вытѣсняетъ продольную и желтизна исчезаетъ.

Есть у Buteo vulgaris и біологическая особенность, отличающая его отъ Buteo vulpinus: B. vulgaris птица либо осѣдлая, либо съ крайне ограниченною областью перелетовъ, которые скорѣе могутъ назваться кочевками, чѣмъ правильными перелетами. На этомъ основаніи, говоря объ области распространенія большаго канюка, я оставляю только два параграфа: распространеніе въ Европ. Россіи и другихъ странахъ, откидывая болѣе дробныя подраздѣленія на область гнѣздовья, пролета и зимовья.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По свидѣтельству *Тачановскаго* (Liste des vertébrés de Pologne, Bull. de la Soc. zool. de France, 1877, p. 135), Buteo vulgaris обыкновененъ во всемъ Ц. Польскомъ, гдѣ остается отчасти и на зиму. Весьма возможно, что въ Остзейскомъ краѣ встрѣчается типичный западно-европейскій B. vulgaris *(Russow*, l. c., p. 20). По *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 29—31), въ Уманьскомъ уѣздѣ есть будто бы B. vulgaris; г. Гёбель говоритъ, что B. vulgaris иногда остается тамъ на зиму, что указываетъ дѣйствительно на типичнаго B. vulgaris, но съ другой стороны Гёбель отмѣчаетъ малорослость B. vulgaris Уманьскаго у. и потому, не имѣя въ рукахъ экземпляровъ изъ названной мѣстности, я не рѣшаюсь сказать окончательно, о какой птицѣ говоритъ г. Гё-

бель. Buteo vulpinus несомнѣнно есть въ Уманьскомъ у. (см. Journ. f. Ornith., 1873, 138), но м. б. оба? Точно также б. м. B. vulgaris заходитъ и на черноморское побережье, такъ какъ, по *Нордманну*, въ этой мѣстности канюкъ обыкновененъ даже зимою (Faune pontique, p. 105).

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуо—вѣ распространеніе сарыча очень обширно. По *Collet* (Norges Fugle, p. 153), въ Норвегіи онъ гнѣздится обыкновенно въ юго-восточныхъ низменностяхъ, напр. подъ Христіаніей, но обозначить его сѣверный предѣлъ очень трудно. *Эсмаркъ* говоритъ, что видѣлъ его лѣтомъ 1866 года въ восточной Финмаркіи. Не рѣдокъ на западномъ берегу, гдѣ наблюдался у Ставангера и Зёндфіорда. По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 512), въ Швеціи не идетъ сѣвернѣе 62° с. ш.

Въ Даніи на гнѣздовьи обыкновененъ (Danmarks Fugle, p. 16 и 17 и сообщеніе *Benzon*'а у *Dresser*'а въ Birds of Europe, P. XXXIX).

Въ Германіи, по *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 57), обыкновенная птица всей страны. По *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1857, S. 182), *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1853, S. 151), *Holtz*' у (Journ. f. Ornith., 1865, S. 110) и *Homeyer*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 333), гнѣздится въ Помераніи. По свидѣтельству *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1860, S. 214), гнѣздится въ Восточной Пруссіи. По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 53) и *Wiepken*'у и *Greve* (l. c., S. 13), гнѣздящаяся и отчасти зимующая птица Ольденбурга. По *Pässler*'у (Journ. f. Ornithol., 1857, 401 и 1865, S. 31), гнѣздится въ Ангальтѣ. По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 185), обыкновенная гнѣздящаяся птица Бранденбурга (также Journ. f. Ornith., 1876, 30). По свидѣтельству *Preen*'а (Naumannia, 1856, S. 61), весьма обыкновенная гнѣздящаяся птица окрестностей Шверина. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, S. 373), обыкновенная осѣдлая птица въ мѣстности, лежащей между Тюрингенскимъ лѣсомъ и Гарцомъ. По *Landbeck*'у (Naumannia, 1855, S. 74) и *Jäckel*'ю (Naumannia, 1856, S. 41), осѣдлая птица Баваріи. По свидѣтельству *Brahts*'а

(Naumannia, 1855, S. 342), обыкновенная гнѣздящаяся птица Рейнскихъ провинцій.

Въ Голландіи и Бельгіи отчасти осѣдлый, отчасти пролетный (Muséum des Pays-Bas, Buteones, p. 3; *La Fontaine*, l. c., p. 224—225).

Въ Великобританіи теперь рѣдокъ, но гнѣздится еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Англіи, болѣе обыкновененъ въ Шотландіи. По *More*, гнѣздится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣв. и западной Англіи. *Stevenson* говоритъ, что эта птица гнѣздилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Норфолькѣ, но теперь бываетъ тамъ только весною и осенью. Въ Сомерчестерѣ сильно истребляется; въ сѣв. Девонѣ обыкновеннѣе и замѣчена тамъ также осенью и зимою.

Въ Ирландіи была обыкновенна 25 или 30 лѣтъ тому назадъ; теперь гнѣздится только въ самыхъ лѣсистыхъ участкахъ страны (*Dresser*. Birds of Europe, P. XXXIX).

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 54), обыкновенная птица Франціи. По *Le Mennicier* (l. c., p. 115—116), вѣроятно осѣдлая птица деп. Ла-Маншъ. *F. Benoist* отмѣчена для окрестностей Валоньи (Mém. de la Sos. d. Sc. natur. de Cherb., 1854, p. 232). По *De Sinety* (R. et M. de Zool., 1854, 202), гнѣздится въ департ. Сены и Марны. По *Marchand* (l. c., p. 5—6), отчасти пролетная, отчасти зимующая птица деп. Эвры & Луара. По *Marchant* (l. c., p. 15), очень обыкновенная осѣдлая птица деп. Котъ-д'Оръ. Подъ Ліономъ очень обыкновененъ осенью на пролетѣ; б. можетъ, гнѣздится въ сѣв. части Ронскаго департамента (Naumannia, 1855, S. 44). По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol, 1856, S. 214), въ Провансъ прилетаетъ осенью и остается всю зиму. По *Dubalen* (l. c., p. 8), отчасти пролетная, отчасти осѣдлая птица Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и деп. Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 23), отчасти пролетная, отчасти осѣдлая птица Пиренеевъ; на пролетѣ и зимою также въ прилежащихъ низменностяхъ. По свидѣт. *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 415), гнѣздится въ Савойѣ.

Въ Швейцаріи обыкновененъ мѣстами (Naumannia, 1856, S. 164; Journ. f. Ornith., 1879, S. 358).

Въ Испаніи, по *A. Brehm* (Allg. deutsche Naturh. Zeit., 437), зимующая птица, что не совсѣмъ вѣрно: отчасти зимующая, отчасти осѣдлая, такъ какъ найдена осѣдлой въ Галиціи (Journ. f. Ornith., 155, S. 298), южной Испаніи *(Saunders*, l. c., p. 319), и даже у самого Гибралтара (*Irby*, l. c., p. 37).

Въ Португаліи распространена повсемѣстно (Journ. f. Ornith., 1872, S. 141), но рѣдка.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 11), очень обыкновененъ.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, 379), осѣдлый въ Богеміи. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, 295), обыкновененъ во всей Трансильваніи. Обыкновенная, отчасти осѣдлая птица Дунайскихъ низменностей (Journ. f. Ornith., 1879, 41 и 111). Обыкновенная осѣдлая птица Тироля (Naumannia, 1857, 393 и *Dalla Torre*, l. c., p. 22). По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 473), гнѣздится въ Штиріи. *Frayer*'омъ (l. c., p. 9) помѣченъ для Крайны.

На Балканскомъ полуо—вѣ это уже спорадически распространенная птица. По *Finsch*'у (Journ. f. Ornith., 1859, 380) осѣдла въ Болгаріи. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 71), довольно обыкновенна въ Македоніи и Болгаріи. Осѣдлая птица Греціи *(Heldreich*, l. c., p. 30).

Въ **Азіи**:

Судя по *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1869, S. 29) и *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, p. 5), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 91—92, XXXV) и *Shelley* (Birds of Egypt, p. 200), очень рѣдкая зимующая птица с.-в. Африки, доходящая до Каира. Показаніе *Loche*, будто B. vulg. обыкновененъ въ Алжирѣ, вѣроятно относится къ B. desertorum. По *Irby* (l. c., p. 37), пролетный въ Морокко. По *Bolle* (Journ. f. Ornithol., 1854, 449 и 1857, 270), осѣдлая птица Канарскихъ о—вовъ.

19.

BUTEO VULPINUS, LICHT.

Малый канюкъ.

Синонимы: Buteo Martini, Hardy; B. tachardus, auct.; B. Menetriesi, Bgd.

За послѣдніе годы все чаще и чаще стали появляться извѣстія о нахожденіи въ разныхъ мѣстностяхъ Европ. Россіи (нижняя Волга, Уманьскій у., Архангельскъ) малаго канюка, котораго авторы обыкновенно описываютъ подъ именемъ Buteo tachardus, Bree или Buteo desertorum, Daud. Желая на сколько возможно разобраться съ этимъ вопросомъ, я пересмотрѣлъ отъ 30—40 экземпляровъ канюковъ: 3 (Москов. музей), доставленные г. Зандебергомъ изъ мѣстности между Онежскимъ озеромъ и Архангельскомъ, свыше 10 гнѣздящихся изъ Московской и Тульской губ. (собственная коллекція и у г. Лоренца), болѣе 5 пролетныхъ, добытыхъ подъ Москвой (тамъ же), 2 петербургскихъ (мѣстныхъ, коллекція г. Сѣверцова), 4 добытыхъ на пролетѣ въ Бобровскомъ у. Воронежской губ. (собств. коллекція и Сѣверцова), 5 пролетныхъ гурьевскихъ (колл. Сѣверцова), 2 съ Иссык-куля (коллекція Сѣверцова) и 3 уральскихъ, привезенныхъ Л. П. Сабанѣевымъ. Это уже такой матеріалъ, на основаніи котораго вмѣстѣ съ литературными свѣдѣніями можно придти къ кой-какимъ положительнымъ выводамъ. Тщательное сравнительное изученіе этихъ канюковъ вмѣстѣ съ подробной таблицей промѣровъ привело меня къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Всѣ осмотрѣнные мною экземпляры принадлежатъ къ виду Buteo vulpinus, Licht.=Buteo Martini, Hardy, и отличаются весьма постоянно отъ Buteo vulgaris своимъ малымъ ростомъ и общимъ болѣе свѣтлымъ тономъ, иногда очень рыжимъ, но не характеромъ окраски, который у обоихъ видовъ одинаковъ. Есть у Buteo vulpinus и отличительная біологическая черта: это птица перелетная, на зимовкѣ доходящая до южной Африки.

2) Buteo vulgaris и Buteo vulpinus составляютъ одну группу и по своимъ признакамъ не присоединимы къ Buteo ferox, который

составляетъ отдѣльную группу, отличающуюся иными пропорціями. Я не имѣю въ рукахъ B. desertorum, но, судя по рисункамъ, алжирскій B. desertorum въ миніатюрѣ B. ferox; слѣдовательно, какъ бы ни походилъ онъ *по окраскѣ* на нѣкоторые экземпляры B. vulpinus, соединеніе его съ послѣднимъ немыслимо, такъ какъ критерій для различенія канюковъ лежитъ въ ихъ пластическихъ признакахъ, а не въ окраскѣ. Точно также болѣе чѣмъ сомнительно для меня соединеніе B. desertorum съ B. tachardus. Во первыхъ, еще не извѣстно, что за птица B. tachardus (мнѣ сдается, что это Бремовскій малорослый B. anceps. См. Naumannia, 1855, S. 6 – 8), почему это имя лучше совсѣмъ выкинуть, а вовторыхъ, если этимъ именемъ зовутъ канюка дѣвственныхъ лѣсовъ тропической Африки, то какъ его соединять съ B. desertorum=B. cirtensis, Levaill. jun. пустыни. Этотъ третій *видъ* канюка вѣроятно пропущенъ, какъ пропускается многое, что кажется хорошо извѣстнымъ (если только онъ на самомъ дѣлѣ не тождественъ съ Buteo auguralis, Salvadori, что утверждаютъ *Heuglin* и *Barboza du Bocage).*

3) Установленный М. Н. Богдановымъ для Кавказа видъ *Buteo Menetriesi* не болѣе какъ одинъ изъ типовъ личныхъ различій B. vulpinus; нѣсколько такихъ экземпляровъ извѣстны мнѣ изъ-подъ Москвы, одинъ, пролетный, изъ Воронежской губ., одинъ гурьевскій; рисунокъ одного изъ подмосковныхъ, но съ полосатымъ хвостомъ, прилагается при этой книгѣ (табл. VIII). М. Н. Богдановъ говоритъ, что его B. Menetriesi болѣе всего походитъ на Buteo rufinus и B. cirtensis,—по окраскѣ да, но одна окраска при различеніи сарычей не критерій, а пластическихъ признаковъ къ описанію B. Menetriesi не приложено. Замѣчаніе же г. Богданова, что по размѣрамъ B. M. почти не отличается отъ обыкновеннаго сарыча, не имѣетъ большой цѣны, потому что не извѣстно, съ какими сарычами г. Богдановъ сравнивалъ своего. По окраскѣ же три параллельныя группы извѣстны мнѣ уже въ четырехъ видахъ сарычей: B. vulgaris, B. vulpinus, B. ferox, B strophiatus и по крайней мѣрѣ два изъ такихъ видоизмѣненій есть у B. plumipes (japonicus). Переходя къ описанію B. vulpinus, я долженъ сказать, что личныя измѣненія въ окраскѣ особей этого вида громадны и положительно не даютъ возможности установить *точнаго* критерія

по окраскѣ; но вообще B. vulpinus свѣтлѣе B. vulgaris, такъ какъ вся черно-бурая окраска верхней стороны B. vulgaris у B. vulpinus замѣнена бурой и нижней стороны—красно-бурой, а желтоватая и буроватая той и другой стороны желтовато-рыжей. Мелкія нижнія кроющія крыла густоржавчатыя съ черно-бурыми стволами. Та же самая замѣна цвѣтовъ, только съ меньшимъ присутствіемъ ржаваго цвѣта, существуетъ у молодыхъ B. vulpinus, но у нихъ свѣтлые ободки и пятна болѣе развиты, чѣмъ у молодыхъ B. vulgaris, почему вся птица пестрѣе. При линькахъ желтизна и рыжій цвѣтъ молодыхъ выступаютъ все сильнѣе и сильнѣе.

Размѣры: L. 19″ 5‴—21″, E. 45″—48″, U. 14″ 2‴—15″ 3‴, C. 7″ 7‴—8″ 5‴, R. 1″ 4‴—1″ 5‴, T. 2″ 5‴—2″ 6‴, Dm. (безъ когтя) 1″ 4‴—1″ 5‴.

По окраскѣ у B. vulpinus существуютъ три типа личныхъ видоизмѣненій:

a) *B. vulpinus ruficauda* (B. Menetriesi, Bgd.).

Хвостъ свѣтлорыжій или темнѣе, яркокирпичнаго цвѣта, съ одной темной предвершинной полосой и бѣлымъ корнемъ. У нѣкоторыхъ особей хвостъ густорыжій съ темной предвершинной полосой и болѣе или менѣе развитыми темными поперечными полосками на остальной покрашенной въ рыжій цвѣтъ части хвоста. Крайнія рулевыя съ сѣрымъ тономъ. Это наиболѣе свѣтлый изъ всѣхъ B. vulpinus и совершенно соотвѣтствуетъ B. leucurus въ типѣ B. ferox.

b) *B. vulpinus typicus.*

Среднія рулевыя сѣрыя съ болѣе или менѣе развитой рыжей окраской у бѣлаго ствола пера или на всей вершинной половинѣ. Отъ 1 до 3 крайнихъ рулевыхъ съ совершенно сѣрыми внѣшними опахалами; внутреннія опахала этихъ перьевъ бѣлыя или сѣро-бѣлыя на корневой половинѣ и рыже-сѣрыя на вершинной. По всему хвосту идутъ 7—8 поперечныхъ черно-бурыхъ полосъ, считая въ томъ числѣ и широкую предвершинную. Этотъ типъ личныхъ видоизмѣненій соотвѣтствуетъ B. rufinus въ группѣ B ferox.

c) *B. vulpinus fusco-ater.*

Весь темнобурый съ рыжеватымъ налетомъ на головѣ, задней части шеи, горлѣ, зобѣ и груди. Нижнія кроющія крыльевъ черно-

бурыя съ узкими рыжими ободками. Нижнія кроющія хвоста съ свѣтлобуроватыми вершинами. Хвостъ гораздо болѣе темносѣраго цвѣта, чѣмъ у B. vulpinus typicus, съ очень слабымъ рыжеватымъ налетомъ и 7—8 темнобурыми поперечными полосами, считая въ томъ числѣ и широкую предвершинную. Совершенно соотвѣтствуетъ B. eximius, Brehm=B. aquilinus, Hodgs. въ типѣ B. ferox. Мнѣ извѣстенъ одинъ экземпляръ въ коллекціи Н. А. Сѣверцова, подъ помѣткой: 1868 г., Май, B. Martini ♂, Иссыкъ-куль, р. Кизиль-су.

Между указанными типичными видоизмѣненіями окраски существуютъ не только всѣ возможные переходы во взрослomъ перѣ, но даже у одной и той же особи хвостъ сѣрый въ первомъ нарядѣ можетъ стать краснымъ при слѣдующихъ линькахъ (экземпляръ Зандеберга изъ окрестностей Онежскаго озера, нѣкоторые подмосковные моей коллекціи).

Г. Радде также нашелъ, что Buteo Menetriesi не болѣе какъ одно изъ видоизмѣненій канюка (его var. rufa), но отнесъ это видоизмѣненіе совершенно ошибочно къ Buteo desertorum, т.-е. повторилъ общую ошибку смѣшенія лѣсной формы съ формой пустыни (*E. F. von Homeyer.* Ornithologische Briefe. Berlin. 1881, S. 19—20).

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Въ Финляндіи сарычъ принадлежитъ къ обыкновеннымъ гнѣздящимся птицамъ (*Nordmann.* Uebersicht etc., Bull. de Moscou, 1860, I). По свидѣтельству *Сиверса*, найденъ на р. Свирь, около Онежскаго озера, на Кивачѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ (Ornithol. anteckning., стр. 88). Судя по тому, что экземпляры канюка, доставленные Зандебергомъ изъ окрестностей Онежскаго озера и отмѣченные имъ за B. vulgaris, вовсе не B. vulgaris, а B. vulpinus, я думаю, что и въ Финляндіи распространенъ B. vulpinus, тѣмъ болѣе что къ этому же виду относятся и канюки Петербургской губ. Въ Обонежьѣ же эта птица найдена *Кесслеромъ*

(Матеріалы къ познанію Онежскаго озера, стр. 27). По свидѣтельству *Лиліеборга* (Naumannia, 1852, S. 94), изрѣдка канюкъ попадается между Двиною и Вытегрою. *Мевесомъ* (Ornithol. iakttag. i nordv. Ryssland, Öfvers. af K. V. A. förhandl., 1871, 768) онъ найденъ отъ Вытегры до Каргополя и отъ Каргополя до Холмогоръ. Подъ Архангельскомъ гнѣздится, по *Гёбелю* (Journ. f. Ornith., 1873, I). *Гёбелемъ* же добытъ подъ Устюгомъ (Journ. f. Ornithol., 1871, 24). Въ Вологодской губ. несомнѣнно гнѣздится, хотя *Межаковъ* (Catalogue etc., Bull. de Moscou, 1856, IV, 627) и не находилъ его гнѣзда. По свидѣтельству *Сабанѣева*, канюкъ очень многочисленъ въ Верхотурскомъ у., весьма рѣдокъ въ Башкиріи и вовсе не встрѣчается въ Шадринскомъ у. (Позвоночн. средн. Урала, стр. 26; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 223). По *Эверсманну* обыкновененъ въ предгоріяхъ Урала и на Уралѣ (Bull. de Moscou, 1848, I, 214; Journ. f. Ornith., 1853, 63). По *Мевесу* (Journ. f. Ornithol., 1875, 432), не рѣдокъ отъ Кунгура до Урала. Въ Казанской, Симбирской и Саратовской губ. канюкъ очень обыкновененъ (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 37). Въ Спасскомъ у. Рязанской губ. канюкъ вмѣстѣ съ лунями самый обыкновенный хищникъ (*В. Щепотьевъ*, Природа и Охота, 1879, XI, 282), почему весьма странно замѣчаніе *Павлова* (Орнитолог. наблюд., стр. 7), будто ему въ Рязанской губ. канюкъ попадался «лишь одиночными экземплярами на пролетѣ черезъ луга между р. р. Трубежемъ и Окою». Во всѣхъ нашихъ среднихъ губерніяхъ (Тульская, Московская, Смоленская, Владимірская и Ярославская) канюкъ очень обыкновененъ (рукопись *Сабанѣева* и его печатныя работы, личныя мои наблюденія; см. также Орнитолог. ф. Тульск. губ., стр. 7). Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. канюкъ самая обыкновенная изъ дневныхъ хищныхъ птицъ (*Эсауловъ*, Труды Петербургск. общ. естествоиспытат., т. IX, стр. 227). По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), гнѣздится въ Тверской губ. Въ Гдовскомъ у. найденъ *Порчинскимъ* (О фаунѣ позвоночн. Гдовск. у., стр. 385). По *Büchner'у* и *Pleske* (Beiträge zur Ornithol. d. St. Petersburg. Gouv., S. 18—22), гнѣздящаяся птица Гдовскаго и Петергофскаго у. у., въ послѣднемъ рѣдка. Весьма возможно, что въ Остзейскомъ краѣ B. vulp.

встрѣчается вмѣстѣ съ B. vulgaris. Въ Польшѣ B. vulp. не рѣдокъ въ Люблинской губ. (*Тачановскій*, Bull. de la Soc. zoolog. de France, 1877, p. 135). По словамъ *Кесслера* (l. c., стр. 11, 12) и *Бельке* (Bull. de Moscou, 1859, I, 27), гнѣздится въ губ. бывшаго Кіевскаго учебн. округа. По *Holtz*'у (Journ. f. Ornithol., 1873, 138) и *Goebel*'ю (Die Vögel des Kreises Uman., S. 32), гнѣздящаяся птица Уманьскаго у. Въ Воронежской губ. несомнѣнно гнѣздится, хотя чаще бываетъ на пролетѣ. Въ 1859 г. *Арцибашевъ* (l. c., p. 40), говоря, что B. vulgaris водится въ окрестности Сарепты, выразилъ между прочимъ удивленіе, что B. vulg., бывшіе въ его рукахъ, весьма сильно отличаются по своимъ размѣрамъ отъ B. vulg., описанныхъ г. Degland. Очевидно, что Арцибашевъ имѣлъ дѣло не съ B. vulgaris, а съ B. vulpinus. *Яковлевымъ* (Списокъ птицъ Астрах. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 327) указанъ какъ гнѣздящаяся птица для окрестностей Астрахани. По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 45—48), гнѣздящаяся птица Кавказскаго края.

β) Область пролета.

Постоянная пролетная птица Крыма (*Radde*, Journ. f. Ornithol., 1854, S. 55; *Шатиловъ*, Каталогъ орнитолог. собранія и т. д., стр. 84), канюкъ, бывающій въ Крыму зимою, вѣроятно типичный B. vulgaris, который можетъ еще заходить сюда. B. vulpinus пролетный подъ Гурьевымъ.

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

По свидѣтельству *Krieger*'а (Journ. f. Ornithol., 1870, 68, 176—177 и 462; 1873, 293; 1875, 226), за послѣднее десятилѣтіе малый канюкъ распространился по Германіи (найденъ въ Тюрингіи).

Гнѣздящаяся птица Добруджи (Journ. f. Ornith., 1864, S. 70). Отмѣченъ за B. vulgaris, но при этомъ сказано: „die Schwanzfedern zeigen an den letzten zwei Dritteln ihrer Länge ein schönes röthliches Rostgelb mit schmalen schwarzen Binden“.

По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 72), гнѣздится въ Бѣлградскихъ лѣсахъ подъ Константинополемъ; одно гнѣздо найдено въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Варны.

Въ **Азіи**:

По всей вѣроятности B. vulpinus былъ встрѣченъ Бременской экспедиціей между Омскомъ и Семипалатинскомъ и подъ Чугучакомъ (l. c., S. 138). По *Сьверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 170), B. vulpinus гнѣздящаяся птица Семирѣчья и Иссык-куля. Помѣтка о зимовьѣ B. vulpinus въ той же мѣстности, кажется, должна быть отнесена къ B. plumipes (japonicus), который заходитъ въ Семирѣчье.

О распространеніи B. vulpinus въ Малой Азіи имѣется только помѣтка *Danford'a* подъ назв. B. desertorum (Ibis, 1878, 5): „Met with at Anascha March 29 th. Appears to be rare". Вѣроятно спорадически гнѣздящаяся и нормально пролетная птица Малой Азіи.

γ') Область зимовья.

Heuglin (Ornithologie Nordost-Afrika's, 90—91 и XXXIV) подъ названіемъ B. desertorum несомнѣнно говоритъ о настоящемъ B. desertorum и о B. vulpinus: сарычъ, найденный имъ только на зимовьѣ въ странахъ по Нилу, безъ сомнѣнія нашъ B. vulpinus, который на зимовьѣ распространенъ до южной Африки, откуда экземпляры его подъ названіемъ B. vulpinus и были доставлены въ Берлинскій музей изъ лѣсн. Каффраріи корресп. Лихтенштейна Кребсомъ.

II.

Buteones campestres, степные сарычи. Средній палецъ всегда короче верхняго клюва по сгибу, въ большинствѣ случаевъ равенъ половинѣ длины плюсны, никогда больше, но иногда меньше. Плюсна въ большинствѣ случаевъ оперена бо́льше, чѣмъ на $^1/_3$ длины.

Изъ нашихъ сарычей въ эту группу относится одинъ видъ:

20.

BUTEO FEROX, GM.

Желтый курганникъ.

Синонимы: Falco rufinus, Cretschm.; Buteo aquilinus, Hodgs.; Buteo rufinus, Gray; Buteo leucurus, Naum.; Buteo eximius, Brehm; Buteo nigricans, Sev.

Размѣры L. 24″ 8‴—26″ 3‴, E. 57″ 5‴—62″ 8‴, U. 17″ 1‴—18″ 8‴, C. 9″ 3‴—10″ 6‴, R. 1″ 7‴—1″ 9‴, T. 2″ 9‴—3″ 5‴, Tn. 1″ 7,. 5‴—2″ 3‴, Dm. 1″ 4‴—1″ 7‴. Преобладающее отношеніе длины средняго пальца къ длинѣ плюсны: 1,6: 3,2 или 1,7: 3,4, т.-е. 1:2.

Buteo ferox до того измѣнчивъ по окраскѣ, что, не имѣя въ рукахъ большаго количества экземпляровъ (у меня перебывало до 30), можно пожалуй придти къ заключенію, что имѣешь дѣло съ разными видами, но это совершенно невѣрно: B. rufinus, Cretzchm., B. eximius, Brehm=B. aquilinus, Hodgs.=B. nigricans, Sev. и B. leucurus, Naum. не болѣе какъ типы личныхъ различій, совершенно подобные тѣмъ же типамъ въ видѣ B. vulpinus, Licht.

a) *B. ferox leucurus* (B. leucurus, Naum).

Соотвѣтствуетъ у B. vulpinus var. a.—ruficaudа: съ блѣднымъ, рыжимъ хвостомъ, иногда совсѣмъ безъ полосъ, иногда съ широкой предвершинной или еще съ нѣсколькими неполными поперечными передъ ней. Общій тонъ окраски рыжій (у Дрессера на таблицѣ при P. XXXVIII, правая фигура, нарисованъ очень темный экземпляръ).

b) *B. ferox rufinus* (B. rufinus, Cretzchm. и Rüpp.).

Соотвѣтствуетъ B. vulpinus typicus. Отличается отъ B. leucurus присутствіемъ на хвостѣ бурыхъ полосъ на свѣтломъ фонѣ, но тѣ особи B. leucurus, у которыхъ на хвостѣ есть пестрины, уже приближаются нѣсколько къ B. rufinus, у котораго хвостовыя полосы весьма измѣнчивы и представляютъ всѣ возможныя переходныя

степени отъ широкихъ бурыхъ полосъ черезъ все перо до едва примѣтныхъ зачатковъ ихъ у концовъ рулевыхъ.

c) *B. ferox eximius* (B. eximius, Brehm; B. aquilinus, Hodgs.; B. nigricans, Sev.).

Соотвѣтствуетъ у B. vulpinus var. c.—fusco-ater. Весь чернобурый или почти черный, съ металлическимъ блескомъ въ свѣжемъ перѣ; хвостъ сѣрый, съ темнобурыми поперечными полосами и иногда съ ржавымъ цвѣтомъ у стержней рулевыхъ; внутреннія опахала маховыхъ (кромѣ вершинныхъ концовъ) сѣрыя съ поперечными бурыми полосами или пестринами (у B. leucurus внутреннія опахала маховыхъ, исключая вершинныхъ концовъ, бѣлыя); у нѣкоторыхъ экземпляровъ на затылкѣ, груди, плечахъ и сгибѣ крыла бываютъ примѣси рыжаго цвѣта (въ большей или меньшей степени) и такимъ образомъ устанавливаются всѣ переходы къ B. rufinus.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

A) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Арцибашевымъ найденъ подъ Сарептой и южнѣе на Ергеняхъ (Excurs. et observ. ornith., Bull. de Moscou, 1859, III, стр. 38). Подъ Царицынымъ найденъ *Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 39). По *Яковлеву* (Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 327), B. ferox держится въ большомъ количествѣ какъ въ Калмыцкой, такъ и въ Ахтубинской степи, но въ рѣчную долину Волги не залетаетъ. Для земель Уральскаго казачьяго войска указанъ *Карелинымъ* (Разборъ статьи Рябинина, стр. 284). Весьма возможно, что на с. поднимается до Шадринскаго у. (см. ниже объ Archibuteo lagopus). Быть можетъ, будетъ найденъ въ Ставропольской губ. и Терской области.

β) Область пролета.

Канюкъ, добытый разъ г. Сѣверцовымъ въ сентябрѣ, въ степи у Битюга, и въ сочиненіи названнаго автора «Періодическія явленія» и т. д. помѣченный за рыжехвостую var. Buteo vulgaris,—пролетный B. ferox. По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 45), несомнѣнно бываетъ на пролетѣ въ Закавказьѣ.

γ) **Область зимовья.**

Въ московскомъ зоологическомъ музеѣ есть ♀ B. leucurus изъ Крыма, добытая 4 декабря 1854 г. (Тамакъ). Вѣроятно зимуетъ въ Закавказьѣ.

B) Въ другихъ странахъ.

α′) **Область гнѣздовья.**

Въ **Азіи**

Radde добытъ на Тарей-норѣ (l. c., p. 110) и Тачановскій (Faune re la Sibérie orientale, p. 124) съ Дрессеромъ напрасно сомнѣваются въ вѣрности опредѣленія птицы: несомнѣнный B. ferox, только зачѣмъ его включать вообще въ фауну ю.-в. Сибири,—какъ птица степей, B. ferox не переходитъ за Тарей-норъ. Одинъ экземпляръ я видѣлъ изъ-подъ Иркутска $\left(\text{♂ B. ferox leucurus}, \frac{27}{V}\right)$.

Быть можетъ, именно B. ferox замѣченъ *Finsch*'омъ подъ Семипалатинскомъ и Сергіополемъ (Reise nach W.-Sib., p. 139).

По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 170), гнѣздящаяся птица всего Туркестанскаго края (Семирѣчье, Иссык-куль, Нарынъ, Чу, Таласъ, Каратау, зап. Тянь-Шань, Сыръ-Дарья, окрестн. Ходжента, долина Заревшана, сѣв. предгорія горъ между Заревшаномъ и Сыръ-Дарьей, степь между Заревшаномъ, Сыръ-Дарьей и песками Кызыл-кумъ), Памира и Алая (Зам. о фаунѣ позвоночн. Памира, стр. 68).

По *Hume* (Rough Notes, p. 274), гнѣздится въ с.-з. Пенджабѣ, въ предгоріяхъ с.-з. Гималая и Кашмирѣ.

Вѣроятно осѣдлая птица Персіи (*Blanford.* Eastern Persia, II, 113), по крайней мѣрѣ отчасти осѣдлая птица Малой Азіи (*Danford.* Ornithology of Asia Minor, p. 5) и Палестины (Ibis, 1865, p. 255).

Въ **Африкѣ**:

Отчасти осѣдлая птица Египта (*Shelley.* Birds of Egypt, p. 201).

β′) **Область пролета.**

Въ **Азіи**:

Сѣверцовымъ на пролетѣ найдена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края (III и IV зоолог. участки, изъ выше перечисленныхъ отъ Каратау до степи между Заревшаномъ, Сыръ-

Дарьей и песками Кызыл-кумъ включительно). Вѣроятно отчасти пролетный въ Малой Азіи.

γ') Область зимовья.

Въ **Азіи**:

Во множествѣ зимуетъ въ центральной Индіи (*Dresser*. Birds of Europe, P. XXXVIII). Къ осѣдлымъ птицамъ Персіи, Малой Азіи и Палестины зимою также присоединяются прилетающія изъ болѣе сѣверныхъ странъ Азіи и отчасти ю.-в. Россіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 89 — 90), зимуетъ въ с.-в. Африкѣ до восточн. Сенаара, Така и Мареба включительно.

Заканчивая этимъ обзоръ географич. распространенія лѣсныхъ и степныхъ канюковъ, встрѣчающихся въ Европ. Россіи, привожу таблицы измѣреній тѣхъ экземпляровъ B. vulg., B. vulpin., B. ferox, которые можно было хорошо промѣрить. Изъ этихъ таблицъ, мнѣ кажется, несомнѣнно вытекаетъ, что относительное развитіе органа прямо пропорціонально его употребленію, т. е. справедливость закона Ламарка: у всѣхъ лѣсныхъ канюковъ, обхватывающихъ вѣтки пальцами ногъ, средній палецъ равенъ или болѣе длины верхняго клюва по сгибу, у степнаго B. ferox, сидящаго преимущественно на землѣ, средній палецъ менѣе длины верхняго клюва по сгибу, и это при непостоянствѣ размѣровъ всѣхъ частей.

BUTEO VULGARIS.

		L.	E.	U.	C.	R.	T.	Tn.	Dm.
1	Тюрингія s.....	—	—	16,2″	9,2″	1,45″	2,75″	1,8″	1,45″
2	Тюрингія s.....	—	—	15,6″	9,1″	1,5″	2,8″	1,75″	1,5″
3	Женевск. оз. ♀.....	24″	52″	17″	9,3″	1,6″	2,9″	2″	1,6″
4	Албанія.....	—	—	16,8″	9,1″	1,5″	2,8″	1,8″	1,6″
5	Галиція.	—	—	15,7″	9″	1,6″	2,8″	1,9″	1,5″
6	Тюрингія	—	—	16″	9,1″	1,6″	2,8″	1,8″	1,6″

BUTEO VULPINUS.

		L.	E.	U.	C.	R.	T.	Tn.	Dm.
1	$\frac{22}{V}$ Москва ♀ s.....	22″	—	15,6″	8,8″	1,6″	2,8″	1,8″	1,7″
2	$\frac{20}{IV}$ Москва ♂ s.....	—	—	14,5″	8,3″	1,45″	2,5″	1,6″	1,48″
3	$\frac{13}{VII}$ Москва ♀ s.....	—	—	14,8″	7,8″	1,45″	2,65″	1,7″	1,5″
4	$\frac{17}{VII}$ Москва ♀ s.....	—	—	15,2″	8,3″	1,5″	2,7″	1,7″	1,5″
5	$\frac{1}{VIII}$ Москва ♂ j.....	—	—	15,1″	8,5″	1,4″	2,65″	1,7″	1,45″
6	$\frac{1}{VIII}$ Москва ♂ j.....	—	—	14,3″	8,6″	1,3″	2,65″	1,6″	1,45″
7	$\frac{23}{VIII}$ Москва ♀ s.....	—	—	15,1″	8,6″	1,4″	2,6″	1,7″	1,45″
8	$\frac{28}{VIII}$ Бобровъ ♀ j.....	21″	47,5″	15,1″	8,4″	1,5″	—	—	1,5″
9	$\frac{28}{VIII}$ Бобровъ ♂ j....	20,2″	45,2″	14,3″	8,2″	1,4″	—	—	1,4″
10	$\frac{28}{VIII}$ Бобровъ ♂ s....	19,5″	46,3″	14,8″	7,7″	1,4″	—	—	1,4″
11	$\frac{28}{VIII}$ Бобровъ ♂ s....	20,2″	48″	15,2″	8,1″	1,45″	—	—	1,5″
12	$\frac{27}{VIII}$ Гурьевъ ♂ s....	19,5″	45″	14,2″	7,7″	1,45″	2,6″	1,6″	1,45″
13	$\frac{2}{IX}$ р. Уралъ ♂ s...	19,8″	45,5″	14,5″	7,8″	1,45″	2,6″	1,7″	1,45″
14	$\frac{27}{VIII}$ Гурьевъ ♂ j....	19,7″	45,5″	14,2″	7,7″	1,45″	2,6″	1,7″	1,45″
15	$\frac{27}{VIII}$ Гурьевъ ♂ j	20,1″	45,4″	14,4″	8″	1,45″	2,5″	1,6″	1,45″
16	$\frac{27}{VIII}$ Гурьевъ ♀ j	20,8″	48,6″	15,1″	8,3″	1,5″	2,6″	1,8″	1,5″
17	Петербургъ.....	—	—	14,2″	8,2″	1,4″	2,6″	1,8″	1,45″
18	Петербургъ ♀	—	—	15,3″	8,5″	1,5″	2,6″	1,7″	1,5″
19	V. Иссык—куль ♀	19,5″	46,3″	14,8″	8″	1,45″	2,6″	1,8″	1,45″
20	V. Иссык—куль ♂....	—	—	14,9″	8,2″	1,45″	2,6″	1,6″	1,5″

BUTEO FEROX.

			L.	E.	U.	C.	R.	T.	Tn.	Dm.
1	18/VII	Общій Сыртъ ♀ j.	26,3″	58,2″	18,5″	10,6″	1,9″	3,2″	1,75″	1,6″
2	30/VII	Рѣка Арысъ ♂ ad.	25,7″	61,4″	17,3″	9,7″	1,8″	3,2″	2″	1,4″
3	9/VIII	Ауле-ата ♀ ad..	26,2″	62,8″	18,8″	10,5″	1,9″	3,5″	2,1″	1,7″
4	13/X	Чимкентъ ♂ ad..	—	—	17,2″	9,8″	1,7″	3,2″	2,1″	1,5″
5	8/II	Чиназъ на Сырѣ ♀	—	—	17,9″	9,8″	1,8″	2,9″	1,75″	1,45″
6	8/IX	Чимкентъ ♂ j...	—	—	17,6″	9,6″	1,9″	3,2″	2,3″	1,6″
7	12/XII	? ♀	25,5″	58,4″	18,9″	10,2″	1,9″	3,4″	2,1″	1,7″
8	16/VII	Кара-бура ♂....	—	—	18,1″	9,8″	1,9″	3,3″	2,1″	1,65″
9	16/III	Ходжентъ ♀	24,8″	57,5″	17,9″	9,3″	1,8″	3,4″	2,1″	1,7″
10	XI	Вѣрное ♂ s.....	—	—	17,1″	9,7″	1,7″	3,2″	2,1″	1,55″
11	30/X	Кульджа ♂.....	—	—	16″	9,2″	1,5″	2,75″	1,5″	1,35″
12	16/XI	Чимкентъ ♂.....	—	—	17,3″	9,5′	1,8″	3,4″	2,2″	1,5″
13	27/V	Иркутскъ ♂ s...	—	—	17″	9,3″	1,72″	3,4″	2,15″	1,6

21.

ARCHIBUTEO LAGOPUS, GM.

Зимнякъ.

Синонимы: Falco lagopus, Brünn.; Buteo pennatus, Daud.; Buteo lagopus (Gm.), Leach; Butaetes lagopus, Bp.

станціи:

тундра (криволѣсье преимущественно), альпійская область горъ, въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ обширныя росчисти въ тайгѣ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По *Лиліеборгу,* найденъ на берегу Русской Лапландіи (Beitrag etc., S. 94). По *Миддендорфу,* канюкъ очень часто встрѣчается въ Русской Лапландіи (Bericht über die ornithologischen Ergebnisse des Nat. hist. R. in Lappland, B. z. k. d. R. R., VIII; также см. *Schrader*'а въ Journ. f. Ornithol., 1853, S. 245). По свидѣтельству *Сиверса,* лѣтомъ 1876 г. найденъ въ окрестностяхъ Сегозера (Ornithol. anteckn., стр. 88). *Мевесомъ* подъ Архангельскомъ не найденъ, но, по *Гёбелю,* по расчищеннымъ мѣстамъ долженъ гнѣздиться и подъ Архангельскомъ (Journ. f. Ornith., 1873, S. 419), а *Быстровъ* доставилъ въ Академію Наукъ молодой и старый экземпляръ изъ Мезени (Bull. scient., t. X, № 22, p. 35). *Гёбелемъ* добытъ подъ Устюгомъ (Journ. f. Ornithol., 1841, 24). *Зибомомъ* и *Броуномъ* въ бассейнѣ Печоры найденъ подъ 65° 47′ и 66° 13′. Уральская экспедиція пріобрѣла молодой экземпляръ у Пирбы (66°—67° с. ш.). По *Сабанѣеву,* Archib. lagopus гнѣздится, повидимому, въ Шадринскомъ у., но не въ лѣсныхъ уѣздахъ Пермской губ. (Каталогъ и т. д., стр. 229); г. *Сѣверцову* говорили о гнѣздованьи той же птицы по оврагамъ между Ураломъ и Илекомъ—и въ томъ и въ другомъ случаѣ вѣроятная ошибка и смѣшеніе съ B. ferox. По *Межакову,* гнѣздится въ Вологодской губ. (Catalogue etc., Bull. de Moscou, 1856, IV, 627), но Межаковъ ошибается, причисляя Archib. lag. только къ лѣтнимъ птицамъ: часть ихъ, правда, спускается на зиму въ болѣе южныя широты, но только часть, не болѣе. По *Нордманну,* гнѣздится въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ въ ея сѣверной части (Uebersicht etc., Bull. de Moscou, 1860, I, 7). Въ Петербургской губ. лѣтомъ очень рѣдокъ, но одинъ экземпляръ найденъ въ Петергофскомъ у., два—въ Гдовскомъ (по одному въ 1877 и 1879 г.) (*Büchner* и *Pleske,* l. c., S. 22), почему можно предполагать, что кой-гдѣ и при томъ не каждый годъ Archib. lag. гнѣздится въ Петерб. губ. По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), найденъ въ Тверской губ. Говорятъ, гнѣздится во Владимірской губ. и, по *Сабанѣеву,* въ с.-в.

части Ярославской. Быть можетъ, даже очень вѣроятно, гнѣздится въ Сызранскомъ и Белебеевскомъ у. у. (*М. Богдановъ*. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 36).

ϒ) Область зимовья.

Зимнякъ не совершаетъ правильныхъ перелетовъ, но при наступленіи холоднаго времени года и сокращеніи корма въ мѣстахъ его гнѣздовья подвигается болѣе или менѣе на югъ. Такимъ образомъ, строго говоря, это не перелетная, но бродячая, кочующая птица, почему и области пролета я не отмѣчаю для него ни въ Европ. Россіи, ни въ другихъ странахъ.

По *Руссову* (Die Ornis Ehst—, Liv — und Curland's, S. 19), въ Остзейскомъ краѣ бываетъ съ половины марта до половины апрѣля и съ начала октября до ноября; однажды гнѣздо найдено подъ Ригой. Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ., по *Эсаулову*, Archib. lagopus показывается, какъ кажется, только во время весеннихъ и осеннихъ странствованій (Труды Петерб. общ. естествоиспыт., т. IX, 222). Въ Московской и Тульской губ. не только бываетъ осенью и весною, но и зимою, но, какъ я убѣдился, положительно не гнѣздится. По *Эверсманну* (Bull. de Moscou, 1848, I, 214), попадается изрѣдка въ Казанской губ.—когда? Въ Рязанской губ. старые и молодые зимняки найдены *Павловымъ* въ большомъ числѣ въ концѣ сентября и въ первой половинѣ октября; позднѣе число этихъ птицъ значительно уменьшилось (Орнитол. набл., стр. 7). Въ Калужскую губ. прилетаетъ, кажется, только на зиму (*Е. Кавелинъ*, Природа и Охота, 1878, VI, стр. 272). Въ Польшѣ очень обыкновененъ зимою, и, по *Тачановскому*, будто бы гнѣздится въ Литвѣ (Сравнит. обзоръ и т. д., стр. 124; Liste etc., p. 134; O ptakach, 78). Зимуетъ около Кіева (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 201), въ Уманьскомъ у. (*Goebel*, l. c., 33), въ Херсонскихъ степяхъ и подъ Одессой (Faune pontique, p. 103) и въ Бессарабіи (Bull. de Moscou, 1879, I, 165). Зимующая птица Харьковской губ. (Bull. de Moscou, 1850). Въ Воронежскую губ. прежде прилеталъ въ началѣ октября,въ значительномъ количествѣ только въ декабрѣ (*Н. Сѣверцовъ*. Періодическія явленія, стр. 257), теперь бываетъ только съ конца октября до декабря. Обыкновененъ зимою подъ Серептой (*Moeschler*, Naumannia, 1853, III, 301, 303.

Journ. f. Ornith., 1854, S. 367). Въ низовья Волги, повидимому, спускается только въ суровыя зимы (*Яковлевъ*, Bull de Moscou, 1872, IV, 326). По *Радде* (Bull. de Moscou, 1854, III, 134, 135), прилетаетъ въ Крымъ въ половинѣ ноября; по *Шатилову* (l. c., стр. 84), зимуетъ въ Крыму только тогда, когда зима не очень сурова.

B) Въ другихъ странахъ.

α′) Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

По свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, 154), въ Норвегіи спускается на гнѣздовьѣ до $59^1/_2{}^0$ с. ш. Въ Швеціи, какъ гнѣздящаяся птица, начинаетъ встрѣчаться къ сѣверу отъ 60° с. ш., но часто встрѣчается только отъ 62° с. ш. (*Wallengren* l. c., S. 72).

Въ Германіи Archib. lagopus нормально не гнѣздится, но существуютъ 2—3 наблюденія, говорящія, что иногда эта птица гнѣздится въ Германіи (Таунусъ, по *Heynemann*'у, Journ. f. Ornith., 1859, 51; Померанія? см. Journ. f. Ornith., 1853, S. 153; сѣв. склонъ Тюрингенскаго лѣса? Naumannia, 1853, S. 372).

Также исключительно гнѣздованье этой птицы въ Англіи (Birds of Europe, P. XLVI).

Въ **Азіи**:

По *Финшу* (Reise n. W.-Sib., S. 139 — 140), въ бассейнѣ Оби обыкновененъ къ сѣв. отъ 67° с. ш., въ безлѣсной тундрѣ. Однако, гнѣздится и въ лѣсной области: Малый Атлымъ, верховья Щучьей рѣки, Талбеяха. *Миддендорфомъ* найденъ на гнѣздовьѣ на Боганидѣ (Sibirische Reise, S. 126). *Зибомомъ* найденъ въ бассейнѣ Енисея (Ibis, 1878, 323). Въ ю.-в. Сибири очень рѣдокъ, т. к. *Дыбовскимъ* втеченіе 12 лѣтъ добытъ только одинъ экземпляръ (Култукъ, осень 1870 г.) (*Taczanowski*, l. c., p. 123).

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Скандинавіи къ югу отъ $59^1/_2{}^0$ с. ш. въ Норвегіи и отъ 60° с. ш. въ Швеціи бываетъ только осенью, зимою и весною.

Въ Даніи, по *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 17 — 18), отчасти пролетная, отчасти зимующая птица.

Осенью найденъ однажды на Готландѣ (Naumannia, 1853, S. 83).

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., p. 58), нормально зимующая птица восточной и центральной части страны и менѣе правильно посѣщающая западн. провинціи. По *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1857, S. 182), *Krüper*'у (Journal f. Ornith., 1853, S. 153) и пр., зимою и осенью найденъ въ Помераніи. Рѣдкая зимующая птица Ольденбурга (*Wiepken & Greve,* l. c., S. 13; Naumannia, 1853, S. 54). Обыкновенная зимующая птица Рейнскихъ провинцій (Naumannia 1855, S. 343). Зимою не рѣдокъ въ Бранденбургѣ (Journ. f. Ornith., 1855, S. 185). Зимующая птица Баваріи (Naumannia. 1855, S. 74 и 1856, 41).

Зимующая птица Голландіи и Бельгіи (Muséum des Pays-Bas, Buteones, 1—2).

На Британскихъ о—вахъ осенью и зимою обыкновененъ во многихъ мѣстностяхъ Англіи и Шотландіи. Очень рѣдко залетаетъ въ Ирландію (*Dresser*. Birds of Europe, P. XLVI).

По *Degland & Gerbe*, во время кочевокъ и зимою бываетъ во многихъ департаментахъ Франціи (l. c., p.60). По *Marchant,* зимою залетаетъ въ деп. Эвры & Луара (l. c., p. 6). Рѣдкая залетная птица деп. Котъ-д'Оръ (*Marchant*, l. c., p. 11), Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Гаронны (*Dubalen*, l. c., p. 8; *Lacroix*, l. c., p. 24). Однажды зимою найденъ въ Провансѣ (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 214). Осенью и зимою бываетъ въ Савойѣ (Naumannia, 1855, S. 415).

Зимою бываетъ въ Швейцаріи (Journ. f. Ornith., 1860, S. 232 и 1879, S. 358).

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 10—11), зимою бываетъ въ Италіи.

Зимою найденъ въ разныхъ частяхъ Австро-Венгріи: Богемія (Journ. f. Ornith., 1872, S. 382), собственно Австрія (*Fritsch*, l. c., S. 6), Трансильванія (Ibis, 1875, p. 295), въ очень рѣдкихъ случаяхъ Тироль (Naumannia, 1857, S. 393), Зальцбургъ (Zool. Gart., 1875, p. 232), Штирія (Naumannia, 1858, 473).

На Балканскомъ полуо—вѣ найденъ зимою въ Добруджѣ (Zur Ornis der Dobrudscha, S. 61) и, по *Elwes & Buckley* (Birds of Turkey, p. 72), зимою случайно доходитъ до Константинополя.

Въ **Азіи**:

По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornith., 1875, S. 170), найденъ зимою въ Киргизскихъ степяхъ, на Сыръ-Дарьѣ и въ низменностяхъ, прилегающихъ къ предгоріямъ Тянь-Шаня.

Вмѣстѣ съ обзоромъ географическаго распространенія нашихъ орловъ я привожу также ихъ діагнозы изъ еще ненапечатанной статьи о пале-арктическихъ орлахъ, написанной Н. А. Сѣверцовымъ, которую авторъ обязательно предоставилъ въ мое распоряженіе.

I.

Беркуты (Subgenus Aëtos). Задній ноготь, по сгибу, равной длины съ клювомъ и среднимъ пальцамъ.

α) Цвѣтъ рулевыхъ не измѣняется съ возрастомъ.

22.

AQUILA CHRYSAËTOS, L.

Холзанъ.

«Тѣлосложеніе менѣе массивно, чѣмъ у прочихъ беркутовъ; 8 среднихъ рулевыхъ равны между собой, только 4 крайнихъ, по 2 съ каждой стороны, укорочены; 3—4 щитка на оконечности средняго пальца, по 3 на остальныхъ; хвостъ во всякомъ возрастѣ сѣрый, съ черными струйчатыми поперечными полосами и крапинами, или и съ большими бѣлыми отмѣтинами на нѣкоторыхъ только рулевыхъ, но и эта бѣлизна неизмѣнна, съ возрастомъ не уменьшается; внутреннія опахала маховыхъ, какъ рулевыя, черноструйчатыя сѣрыя, безъ бѣлизны, рѣже 2—3 пера съ бѣлыми ободками внутри; общій цвѣтъ перьевъ темнобурый, съ примѣсью желто-рыжеватаго, особенно распространеннаго въ ранней молодости на нижней поверхности тѣла и на кроющихъ перь-

яхъ крыла и хвоста; съ возрастомъ этотъ рыжеватый цвѣтъ вытѣсняется темнобурымъ, и у взрослыхъ сохраняется только на кроющихъ хвоста, на затылкѣ, зобѣ и самыхъ мелкихъ кроющихъ крыла.

«Размѣры: L. 33″—36″ 5‴, E. 77″—86″, U. 23″ 5‴—27″, C. 12″ 8‴—14″».

станціи:

глухой старый высокоствольный лѣсъ, особенно смѣшанный или хвойный.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По *Шрадеру*, Aq. fulva, вѣроятно Aq. chrysaëtos, гнѣздится въ Русской Лапландіи, гдѣ поднимается даже за 69° с. ш. (Journ. f. Ornith., 1853, S. 244; см. также *Миддендорфа* въ Beitr. z. Kent. d. R. R., B. VIII, S. 268). По *Сиверсу*, наблюдался около оз. Сегозеро (Ornithologiska anteckningar, стр. 88); по *Брандеру*, гнѣздится въ Улеаборгской губ. (Pudasjärvi на с.-в. отъ Улеаборга, 65° с. ш., l. c., S. 379). По *Нордманну* (Uebersicht der bis jetzt in Finnland und Lappland vorgek. Vögel, Bull. de Moscou, 1860, I, стр. 7), Aq. fulva, вѣроятно Aq. chrysaëtos и nobilis, гнѣздится во всей Финляндіи, но не часто. Вѣроятно этотъ же видъ найденъ г. *Гёбелемъ* подъ Архангельскомъ (Journ. für Ornith., 1873, S. 421). По *Броуну*, найденъ въ бассейнѣ Печоры подъ 65° 47′ с. ш. Для Вологодской губ. г. *Межаковымъ* Aq. chrysaëtos не отмѣченъ, хотя его присутствіе въ этой губ. не подлежитъ сомнѣнію. Въ фаунѣ Гдовскаго у. г. *Порчинскимъ* не упоминается ни Aq. chrysaëtos, ни Aq. nobilis. хотя *Н. А. Сѣверцовымъ* въ Петербургской губ. найдены и Aq. chrysaëtos, и Aq. nobilis. По свидѣтельству г. *Дьякова* (Птицы Тверской губ. стр. 55), Aq. chrysaëtos найденъ въ Тверской губ. По *Руссову*, Aq. chrysaëtos гнѣздится въ Остзейскомъ краѣ (l. c., S. 16—17). Въ Ярославской губ. Aq. chrysaëtos гнѣздится въ большихъ лѣсахъ по трудно

доступнымъ мѣстамъ (*Сабанѣевъ*. Матеріалы для фауны Ярослав. губ. Труд. ярослав. статист. комитета, в. IV и въ Bull. de Moscou, 1868, I—IV). Видѣлъ привезенныхъ въ Москву Aq. chrysaëtos изъ Владимірской и Минской губ., пойманныхъ тамъ зимою капканами. По моимъ наблюденіямъ, Aq. chrysaëtos гнѣздится въ Калужской и Тульской губ. (*Мензбиръ*. Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 2—3.) По *Данилову*, Aq. chrys. будто бы осѣдлый въ Орловской губ. (юго-вост. часть) (Bull. de Moscou, 1864, II, 452). Въ Казанской Aq. chrisaëtos найденъ, по *Богданову* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 29—30). По *Сѣверцову*, южная граница гнѣздовья Aq. chrysaëtos въ Европ. Россіи идетъ такъ: въ Остзейскомъ краѣ Aq. chrysaëtos гнѣздится къ югу до Зап. Двины; далѣе на востокъ, въ губ. Витебской, южная граница гнѣздовья холзана пересѣкаетъ Зап. Двину и охватываетъ всю лѣсную область Литвы (до Волыніи и Подоліи). Отсюда южная граница области Aq. chrysaëtos направляется къ востоко-сѣверо-востоку, пересѣкаетъ Днѣпръ къ сѣверу отъ Кіева, около 52° с. ш., Десну немного сѣвернѣе Чернигова и Оку между Орломъ и Калугой, около 53° с. ш. Далѣе на востокъ эта граница не прослѣжена какъ слѣдуетъ; вѣроятно Aq. chrysaëtos гнѣздится по большимъ лѣсамъ сѣверныхъ частей Тамбовской и Пензенской губ., по правому берегу Оки, и быть можетъ нѣсколько къ югу отъ Волги между устьями Оки и Камы; затѣмъ граница идетъ по Камѣ до устья Бѣлой, откуда рѣзко поворачиваетъ къ юго-юго-востоку, гдѣ является опять плохо прослѣженной. Н. А. Сѣверцовъ видѣлъ въ Оренбургскомъ музеѣ и въ коллекціи Крашенинникова экземпляры этого орла, добытые на верхнемъ теченіи р.р. Бѣлой, Ика и Сакмары и въ южной части Уральскихъ горъ (до 52° с. ш. къ югу).

γ) Область зимовья.

Являясь осѣдлою птицею въ указанной области гнѣздовья, холзанъ только изрѣдка залетаетъ во время своихъ зимнихъ странствій къ югу отъ указанной южной границы его области. По имѣющимся наблюденіямъ, въ юго-западной Россіи Aq. chrysaëtos зимою доходитъ до Уманьскаго уѣзда и нормально бываетъ въ Польшѣ; какъ далеко на югъ спускается эта птица въ ю.-в. Россіи—неизвѣстно.

B) Въ другихъ странахъ.

α′) Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Швеціи, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 69), Aq. chrysaëtos гнѣздится по всѣмъ хвойнымъ лѣсамъ горной цѣпи, не спускаясь, однако, южнѣе 59° с. ш. По свидѣтельству *Palmén*'а и *Sahlberg*'а, встрѣчается около Муоніо подъ 68° с. ш.

Водится ли въ Норвегіи настоящій Aq. chrysaëtos или какое-либо видоизмѣненіе Aq. fulva—неизвѣстно.

Въ Галиціи найденъ *Wodzick*'имъ (Cabanis, Journ. f. Ornithol., 1857, S. 292 и др.).

Въ **Азіи**:

По *Сѣверцову*, спорадически гнѣздящаяся птица между Уральскими горами и Иртышомъ. Далѣе на востокъ распространеніе этого орла почти неизвѣстно: г. Сѣверцовымъ упоминаются только 2 экземпляра отъ г. Дыбовскаго изъ Забайкалья.

γ′) Область зимовья.

Зимою, въ Европѣ, внѣ Европ. Россіи, въ качествѣ бродячей птицы, Aq. chrysaëtos за предѣлами своей области гнѣздовья попадается изрѣдка въ восточной Германіи и б. м. въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ Австро-Венгріи. Какъ далеко на югъ спускается зимою Aq. chrysaëtos въ Азіи—неизвѣстно.

3) Цвѣтъ рулевыхъ измѣняется съ возрастомъ.

23.

AQUILA NOBILIS, PALL.

Беркутъ.

«Тѣлосложеніе массивное, особенно широка грудь; хвостъ округленъ, 2 среднихъ рулевыхъ длиннѣйшія, прочія равномѣрно уменьшаются до самыхъ крайнихъ, которыя на $1^1/_2$—2″ короче среднихъ; на всѣхъ пальцахъ по 3 щитка; перья исподней стороны

туловища бурыя или совсѣмъ безъ рыжеватой примѣси во всякомъ возрастѣ, или съ весьма незначительной у молодыхъ, усиливающейся съ возрастомъ; маховыя, во всякомъ возрастѣ, съ значительной бѣлизной у корневой половины внутренняго опахала; рулевыя, во всякомъ возрастѣ, у корня бѣлы, затѣмъ сѣроваты, съ широкой черной конечной полосой поперекъ хвоста; *расположеніе этихъ цвѣтовъ сильно мѣняется съ возрастомъ.* У молодыхъ рулевыя бѣлы, съ широкими черными концами, передъ которыми сѣрый цвѣтъ является только мелкими частыми крапинами; у старыхъ рулевыя у корня бѣлы, до $^1/_3$—$^2/_5$ своей длины, въ серединѣ, на $^1/_3$, сѣры, съ крупной и мелкой черноватой пестриной, концы на $^1/_4$ черны.

«Размѣры: L. 32″ 5‴—39″, E. 78″—91″, U. 23″ 5‴—27″ 5‴, C. 13″—15″ 5‴».

станціи:

старый высокоствольный лѣсъ, перемежающійся полями или степью, степь съ разбросанными тамъ и сямъ рощами и даже саксаульники.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Область гнѣздовья беркута въ Европ. Россіи гораздо шире области гнѣздовья холзана. У меня нѣтъ подъ руками матеріала для точнаго опредѣленія сѣверной границы беркута на с.-з., но я сильно подозрѣваю, что Aq. fulva Нордманна обнимаетъ собою Aq. chrysaëtos и nobilis, которые такимъ образомъ б. мож. оба идутъ черезъ всю Финляндію. Доставленный въ Академію Наукъ г. *Быстровымъ* экземпляръ изъ Мезени (Bull. scientif., t X, № 22, p. 351), по Сѣверцову, несомнѣнный Aq. nobilis. По *Сабанѣеву*, на Уралѣ сѣв. граница Aq. nobilis не поднимается выше Богословска, около 60° с. ш., но уже отъ 58° до 60° с. ш. эта птица очень рѣдка и обыкновенной является только къ югу отъ 57° с. ш. (Позвоночн. средн. Урала, стр. 28; Каталогъ звѣрей, птицъ, гадовъ

и рыбъ въ Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 224). По *Богданову*, Aq. nobilis гнѣздится въ Казанской и Симбирской губ. (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 29, 30). Зимою беркутъ найденъ г. *Щепотьевымъ* въ Спасскомъ у. Рязанской губ. (можетъ быть Aq. chrysaëtos. Природа и Охота, 1879, XI, 282). Видѣлъ привезенные въ Москву экземпляры изъ Владимірской губ. По моимъ наблюденіямъ, Aq. nobilis гнѣздится въ Тульской и Калужской губ. (Орнитолог. фауна Тульск. губ., стр. 2—3); для Калужской губ. Aq. nobilis отмѣченъ г. *Кавелинымъ* (Журналъ Охоты, издав. Сабанѣевымъ, 1876, январь, стр. 38). Г. *Даниловъ* ошибочно говоритъ, будто Aq. nobilis не гнѣздится въ Орловской губ. (Bull. de Moscou, 1864, II, p. 452). По свидѣтельству *Дьякова*, Aq. nobilis (Aq. fulva) найденъ въ Тверской губ. (Птицы Тверской губ., стр. 55). По свидѣтельству *В. Эсаулова*, Aq. nobilis не очень рѣдокъ въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. (Списокъ позвоночн. животн. и т. д. въ Труд. Петерб. общества естествоиспыт., т. XIII, стр. 226). По свидѣтельству *Руссова*, гнѣздится въ Остзейскомъ краѣ (l. c., S. 16—17). Вѣроятно гнѣздовье этого орла указано для Курляндіи г. *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornith., 1873, I). Въ Польшѣ, по свидѣтельству *Тачановскаго*, лѣтъ за 15, за 20 тому назадъ Aq. nobilis гнѣздился, но въ настоящее время прилетаетъ туда только зимою (O ptakach, стр. 30; Сравн. обзоръ орнитолог. фауны средней Европ. и ю.-в. Сиб., стр. 123; Bull. zoolog., p. 133). *Н. А. Съверцовъ* видѣлъ Aq. nobilis проѣздомъ въ губ. Тамбовской (у Моршанска), Пензенской, Симбирской, Саратовской $\left(\frac{10}{22}\right.$ марта 1864 г.$\left.\right)$, на р. Самарѣ (іюль 1867) въ сѣв. части Самарской и на р. Бѣлой (іюнь 1860). Тотъ же наблюдатель видѣлъ привезенныхъ въ Москву Aq. nobilis изъ Орловской и Курской губ. (лѣтъ 30 тому назадъ), видѣлъ ихъ въ губ. Смоленской, Тверской и Новгородской и указываетъ на ихъ распространеніе въ губ. Петербургской, Ярославской, Витебской и въ Литвѣ. Южная граница области гнѣздовья Aq. nobilis въ Европ. Россіи, по *Съверцову*, идетъ такъ: спорадически эта птица гнѣздится въ губ. Подольской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Воронежской и Саратовской (въ послѣдней до Сарепты) (см. *Кесслера*. Естеств.

истор. губ. Кіевскаго учебн. округа, в. III, стр. 6, 7; *Holtz* въ Journ. f. Ornith., 1873, S. 136; *Нордманнъ*. Faune pontique, p. 100; *Czernay* въ Bull. de Moscou, 1851, III, p. 258). На востокъ отъ Волги эта граница поднимается къ сѣверо-востоку по Общему Сырту до Уральскаго хребта. *Карелинымъ* Aq. nobilis найденъ въ земляхъ Уральскаго казачьяго войска (Разборъ статьи г. Рябинина, стр. 283). Въ Новороссійскихъ степяхъ Aq. nobilis не гнѣздится, но невзрослыя особи бродятъ тамъ круглый годъ. По *Нордманну*, коллекціи г. *Шатилова* и по замѣткамъ послѣдняго, Aq. nobilis гнѣздится въ Крымскихъ горахъ. По свидѣтельству г. *Яковлева* (Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 325 и Bull. de Moscou 1874, IV, 385), Aq. nobilis гнѣздится въ степи выше Астрахани. *М. Н. Богдановымъ* на Кавказѣ Aq. nobilis не найденъ (Птицы Кавказа, стр. 38—39).

γ) Область зимовья.

Беркутъ, какъ птица осѣдлая, не совершаетъ правильныхъ перелетовъ, но зимою кочуетъ и заходитъ болѣе или менѣе далеко въ степи, гдѣ невзрослыя особи, еще не гнѣздящіяся, бродятъ круглый годъ.

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Швеціи гнѣздится, судя по имѣющимся оттуда экземплярамъ въ Британскомъ музеѣ, въ южной части страны.

Въ Германіи Aq. nobilis распространенъ по всей низменности отъ Рейна до Вислы, но какъ гнѣздящаяся птица страшно уменьшился въ числѣ вслѣдствіе преслѣдованій и чаще встрѣчается зимою.

Въ Австро-Венгріи вѣроятно гнѣздится по предгоріямъ Карпатовъ.

Въ **Азіи**:

По *Сьверцову*, Aq. nobilis найденъ гнѣздящимся въ Азіи на востокъ до Иртыша; подлинный ли Aq. nobilis живетъ въ Дауріи—

неизвѣстно. Привожу почти цѣликомъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Сѣверцовымъ о гнѣздовьи Aq. nobilis въ западной и средней Азіи. «Въ августѣ и сентябрѣ, говоритъ г. Сѣверцовъ, я наблюдалъ этого орла на Мугоджарскихъ горахъ (южное продолженіе Уральскихъ горъ), гдѣ находилъ и гнѣзда, какъ кажется, принадлежащія этому виду, до 47½° с. ш.; эти гнѣзда помѣщались на голыхъ утесахъ. Далѣе на востокъ я имѣю свѣдѣнія о гнѣздовьи беркута по сосновымъ лѣсамъ, разсѣяннымъ въ степи между верхнимъ теченіемъ р. Урала (N—S) и верхн. теченіемъ Ишима (S—N). Южная граница его гнѣздовья на востокъ отъ Мугоджарскихъ горъ быстро поднимается на сѣверъ къ 51° с. ш., немного на востокъ отъ изгиба р. Урала у Орска, и слѣдуетъ отсюда по границѣ этихъ спорадическихъ лѣсовъ вкось на с.-в., до впаденія р. Айата въ Тоболъ (около 53° с. ш.), отсюда на ю.-в. къ Каркаралинскимъ горамъ (48—49° с. ш.) на с. отъ озера Балкаша, и затѣмъ прямо на в. къ озеру Зайсану и горамъ Тарбагатайскимъ. Отсюда, вообще къ юго-западу, идетъ южная область Aq. nobilis, отъ оз. Зайсана къ Аральскому морю, гдѣ этотъ орелъ гнѣздится въ саксаульникахъ (Haloxylon ammodendron) и въ джидовыхъ (Eleagnus) и туранговыхъ (Populus diversifolia) лѣсахъ по теченію рѣкъ. Въ этихъ лѣсахъ наблюдалъ я Aq. nobilis на нижнемъ Сырѣ, парами у гнѣздъ, въ апрѣлѣ 1859 года; самки сидѣли на яицахъ. Къ востоку отъ Сыра я наблюдалъ беркута по всему сѣверному подножію Тянь-Шаня и его развѣтвленій; мнѣ не представился случай проѣхать туда весною, въ періодъ гнѣзднованія, но я думаю, что этотъ орелъ гнѣздится также на р. Сары-су, Чу, Или и другихъ притокахъ оз. Балхаша, въ лѣсахъ совершенно подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ я нашелъ его гнѣздящимся на Сырѣ. Къ сѣверо-западу отъ Аральскаго моря я наблюдалъ этотъ видъ въ пескахъ «Большіе Барсуки», прилегающихъ къ Мугоджарскимъ горамъ; въ этихъ пескахъ я нашелъ также и гнѣзда орловъ, шириною до 4′, на землѣ, но послѣднее обстоятельство скорѣе можетъ указывать на Aq. orientalis или Aq. Glitschii, чѣмъ на Aq. nobilis. Но если, однако, послѣдній будетъ найденъ гнѣздящимся въ Большихъ Барсукахъ, въ такомъ случаѣ его область гнѣздовья будетъ кольцомъ вокругъ центральныхъ частей Киргизской степи, гдѣ бываютъ только бро-

дячія особи. Что касается распространенія этого орла въ Тянь-Шанѣ, то я могу сказать только то, что двухъ взрослыхъ беркутовъ получилъ въ центрѣ горной системы, на р. р. Карагоджурѣ и Арпѣ, между озер. Иссык-кулемъ и Ферганой, по оба были бѣглые изъ дрессированныхъ». Къ сѣверу отъ Киргизскихъ степей Aq. nobilis наблюдался Н. А. Сѣверцовымъ на пути изъ Оренбурга въ Омскъ, но здѣсь, какъ и на востокъ отъ Иртыша, сѣверная граница распространенія Aq. nobilis является совершенно неизвѣстной.

γ') Область зимовья.

Въ Европѣ область зимовья беркута вообще совпадаетъ съ его областью гнѣздовья; быть можетъ, только въ Австро-Венгріи беркутъ зимою распространенъ гораздо шире, чѣмъ лѣтомъ. Въ Азіи, по *Сѣверцову*, Aq. nobilis зимою встрѣчается во всей области своего гнѣздовья (бродячая осѣдлая птица), но подвигается нѣсколько далѣе къ югу, чѣмъ лѣтомъ. Такъ, въ декабрѣ 1857 года Aq. nobilis былъ многочисленъ на Джаны-Дарьѣ до 43½° с. ш., гдѣ въ октябрѣ 1874 года былъ найденъ только одинъ около 44½° с. ш., 11 ноября 1877 года молодой Aq. nobilis былъ добытъ въ Ферганѣ, около укрѣпл. Гульча. Въ тотъ же день, кромѣ убитаго беркута, было замѣчено еще нѣсколько экземпляровъ Aq. nobilis и Aq. fulva, тянувшихъ съ востока, съ горъ, откуда ихъ согналъ снѣгъ, въ долину Курчаба. Быть можетъ, это наблюденіе позволяетъ предположить гнѣздованье этихъ орловъ въ центральномъ Тянь-шанѣ.

24.

AQUILA FULVA VAR. ALPINA, SEV.

Альпійскій беркутъ.

«Еще массивнѣе, чѣмъ A. nobilis, хвостъ такой же округленный, но короче, весь хвостъ едва превышаетъ полдлины сложеннаго крыла; на всѣхъ пальцахъ по 3 щитка; исподъ тѣла черно-бурый безъ рыжихъ отмѣтинъ; темя рыжѣе затылка, но этотъ рыжій цвѣтъ вездѣ тусклѣе и буроватѣе, чѣмъ у Aq. nobilis; бѣлизны у

корней перьевъ постоянно меньше; *бѣлизна рулевыхъ съ возрастомъ совершенно исчезаетъ;* черная конечная полоса на хвостѣ шире, до $^1/_3$ длины рулевыхъ.

«Старый Aq. fulva рѣзко отличается отъ стараго Aq. nobilis отсутствіемъ бѣлизны на хвостѣ и маховыхъ; отъ Aq. chrysaëtos, съ которымъ хвостъ почти одинаковъ,—рыжимъ теменемъ, сплошь бѣлыми корнями перьевъ, темнобурымъ опереніемъ ногъ и подхвостья (у Aq. chrysaëtos всегда желто-рыжеватыхъ) и отсутствіемъ рыжихъ отмѣтинъ на зобу.

«Труднѣе различить молодыхъ Aq. fulva и Aq. nobilis: но у перваго бѣлыя поля на внутреннихъ опахалахъ всѣхъ маховыхъ перьевъ равно коротки, а у послѣдняго эта корневая бѣлизна на заднихъ первостепенныхъ маховыхъ слишкомъ вдвое длиннѣе, до $^3/_5$ всей длины пера, чѣмъ на второстепенныхъ».

Альпійскій беркутъ помѣщенъ мною въ спискѣ птицъ Карпатскаго округа.

с т а н ц і и:

безлѣсные горные утесы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Альпы, Карпаты.

Вторую группу орловъ, по Сѣверцову, составляютъ

II.

Могильники (subgenus Pteroaëtos). Клювъ пропорціонально больше, или хоть длиннѣе, чѣмъ у беркутовъ, длина его по сгибу значительно превышаетъ длину средняго пальца; задній ноготь по сгибу короче средняго пальца; крылья длиннѣе, сложенныя достигаютъ до конца хвоста; опереніе молодыхъ болѣе или менѣе испещрено свѣтлыми наствольными пятнами (у беркутовъ эти пятна являются почти-что атавистической аномаліей: вообще на немногихъ перьяхъ надхвостья; изрѣдка только у молодыхъ Aq. chrysaëtos еще на немногихъ изъ среднихъ кроющихъ крыла).

А) Въ первомъ нарядѣ молодыхъ свѣтлыя концевыя пятна среднихъ и большихъ кроющихъ располагаются правильными рядами, или даже образуютъ поперечныя полосы.

α) Верхняя челюсть клюва сильно развита, culmen довольно широкъ, отъ него челюсть ровно и постепенно расширяется къ rictus; ноздри продолговаты, овальны, наклонены подъ угломъ около 60°; плюсна толстая, въ $1^1/_2$ раза длиннѣе средняго пальца.

25.

AQUILA IMPERIALIS, BECHST.

Могильникъ.

‹Клювъ весьма широкъ, бока верхней челюсти сильно выпуклы, длина ноздрей, вдвое болѣе ихъ ширины, равняется полувысотѣ верхней челюсти; цвѣтъ рулевыхъ измѣняется съ возрастомъ, сначала одноцвѣтны, у взрослыхъ поперечно-полосаты. *У молодыхъ* въ 1-мъ нарядѣ мелкое перо вообще съ свѣтлыми наствольными полосами, оканчивающимися желто-рыжеватыми крапинами, вообще мелкими, но на среднихъ и большихъ кроющихъ крыла, большихъ плечевыхъ и надхвостьѣ крупными, овальными; на второстепенныхъ маховыхъ желто-рыжеватые концы. Голова и шея буровато-рыжія или желто-рыжеватыя, съ болѣе темными краями перьевъ; горло, подхвостье, верхнія кроющія хвоста, отчасти и брюхо одноцвѣтны, желто-рыжеваты.

‹При дальнѣйшихъ линяньяхъ мелкія перья крыльевъ и туловища становятся отчасти одноцвѣтными, черно-бурыми, отчасти же съ *темной срединой* и *свѣтлыми*, желто-рыжеватыми *ободками*, которые затѣмъ съ возрастомъ съуживаются и, наконецъ, при 5-мъ уже линяньи, исчезаютъ; но способнымъ къ размноженію могильникъ становится раньше, послѣ 3-го линянья.

‹У старыхъ общій цвѣтъ черно-бурый, нѣкоторыя плечевыя перья чисто- или сѣровато-бѣлы, задъ шеи и подхвостье желто-рыжеваты, выцвѣтаютъ до бѣло-желтоватаго, рулевыя сѣроваты, съ частыми волнистыми черноватыми поперечными полосками и весьма широкими (до $^1/_3$ ихъ длины) черно-бурыми концами.

«Размѣры: L. 29″ 5‴—34″, E. 72″ 5‴—85″, U. 22″ 5‴—25″, C. 11″ 5‴—12″ 5‴».

станціи:

степи, прилежащія къ горнымъ цѣпямъ, или холмистая страна.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Какъ случайно залетная птица могильникъ поднимается на сѣверъ въ Европ. Россіи очень далеко, такъ онъ отмѣченъ для Псковской губ. (*В. Эсаулов*. Списокъ позвоночныхъ Торопецк. и Холмск. у. у., Тр. Петерб. общ. естествоиспытателей, т. IX, стр. 226), Тверской (*Дьяков*. Птицы Тверской губ., стр. 55), Московской (Журн. охоты Сабанѣева, Мартъ, 1877 г., стр. 53), Рязанской (*В. Щепотьев* въ Природѣ и Охотѣ, 1879, XI, 282), Тульской (*Мензбиръ*. Орнитолог. фауна Тульск. губ., стр. 4), Литвы (*Тизенгаузъ*, по Дрессеру), Царства Польскаго (*Тачановскій*. Liste etc., p. 133) и Остзейскаго края (*Kawall*, S. 43). Какъ гнѣздящаяся птица могильникъ поднимается въ Симбирскую и Саратовскую губ., гдѣ его видѣлъ нѣсколько разъ *М. Н. Богдановъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 31). По *Сабанѣеву*, могильникъ на Уралѣ не идетъ къ сѣверу выше широты Екатеринбурга (Позвоночныя средняго Урала, стр. 28), въ окрестностяхъ котораго гнѣздится, по свидѣтельству г. *Martin* (Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д. въ Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 225). *Эверсманнъ* говоритъ, что могильникъ очень обыкновененъ въ южныхъ предгоріяхъ Урала, предгоріяхъ Алтая и прилежащихъ степяхъ (Journ. f. Ornith., 1853, S. 58; Естеств. Ист. Оренб. края, ч. III, стр. 25). Подъ Сарептою Aq. imperialis найденъ *Рикбейлемъ* (*Artzibascheff*. Excursions et observations ornithol. etc., Bull. de Moscou, 1859, III, p. 34); о томъ же свидѣтельствуетъ и Беккеръ (*Becker*, l. c., p. 239). Подъ Астраханью встрѣчается круглый годъ, хотя въ небольшомъ числѣ (*Яковлевъ* въ Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 325). По *Сѣверцову*, могильникъ гнѣздится въ Воронежской губ. (Періодическія явле-

нія и т. д., стр. 64). *Чернай* несомнѣнно ошибочно причисляетъ Aq. imperialis только къ залетнымъ птицамъ Харьковской губ. (Beiträge zur Fauna des Chark. G., Bull. de Moscou, 1850, II, S. 607). Въ Кіевской губ. найденъ *Белькe* (Notice sur l'histoire naturelle du district de Radomysl); *Кесслеромъ* отмѣченъ для Кіевской и Подольской губ. (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 7 и 8); по *Гольцу*, въ Уманьскомъ у. рѣдокъ (Journ. f. Ornith., 1873, S. 136). По *Нордманну*, могильникъ довольно обыкновененъ въ Новороссійскихъ степяхъ (Faune pontique, p. 101). По свидѣтельству *Шатилова*, могильникъ гнѣздится не только въ степяхъ Крыма, но даже въ горной цѣпи (Каталогъ орнитолог. собранія Таврич. губ., стр. 83 и 95). *Радде* (Beiträge zur Ornith. S. Russl, Bull de Moscou, 1854, III, 132—133 и Journ. f. Orn., 1854, S. 55) нашелъ Aq. imperialis у Азовскаго моря. По *Богданову*, Aq. imperialis гнѣздится по долинамъ р. р. Кумы, Терека, Кубани и, вѣроятно, Куры, но въ области горъ не найденъ (Птицы Кавказа, стр. 39).

β) **Область пролета.**

Несмотря на то, что нѣкоторыя, очень немногія, впрочемъ, особи могильника остаются въ нашихъ степяхъ круглый годъ, мы должны считать эту птицу улетающей отъ насъ на зиму. Пролетный путь могильника въ Россіи—большой пролетный путь сѣвернымъ побережьемъ Азовскаго и Чернаго моря на Константинополь въ Малую Азію и Египетъ. Существуетъ ли пролетъ могильниковъ побережьемъ Каспійскаго моря—неизвѣстно.

γ) **Область зимовья.**

Очень немногія особи могильника остаются у насъ и зимой и ведутъ бродячую жизнь въ южной части своей гнѣздовой области.

В) Въ другихъ странахъ.

α′) **Область гнѣздовья.**

Въ **Европѣ**:

Въ Германіи пара могильниковъ наблюдалась *W. Lühder'*омъ въ апрѣлѣ въ Помераніи *(Dresser.* Birds of Europe), но

едва ли можно допустить хотя бы случайное гнѣздованье Aq. imperialis въ названной странѣ. Еще одинъ экземпляръ изъ Помераніи же имѣется въ Кёнигсбергскомъ музеѣ и одинъ, по *Глогеру,* извѣстенъ изъ-подъ Бреслау. Какъ залетная птица Aq. imperialis отмѣчается для Богеміи (Journ. f. Ornith., 1872, S. 384).

Во Франціи не гнѣздится, но бываетъ случайно въ Савойѣ *(Bailly,* Naumannia, 1855, p. 415), въ Провансѣ (J. f. Orn. 1856, S. 213) и вообще въ южной Франціи.

Въ Италіи, кажется, бываетъ только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ *Salvadori* не нашелъ его экземпляровъ въ музеяхъ Италіи (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 6).

Въ Австро-Венгріи Aq. imperialis не рѣдокъ въ Трансильваніи *(Danford & Brown,* Ibis, 1875, July, p. 294) и гнѣздится по всѣмъ дунайскимъ низменностямъ до Вѣны (Journ. f. Ornith., 1879, S. 34—37 и 1879, S. 110), но, по *Althammer'*у, рѣдокъ въ Тиролѣ, куда вѣроятно только залетаетъ (Naumannia, 1857, S. 393). По *Pelzeln'*у, гнѣздящаяся птица въ земляхъ Военной границы (Journ. f. Orn., 1864, S. 72).

На Балканскомъ полуо—вѣ гнѣздящаяся и въ не очень холодныя зимы даже зимующая птица Добруджи *(Sintenis.* Zur Ornis der Dobrudscha, S. 60). Тамъ же нашли могильника *Elwes & Buckley,* по свидѣтельству которыхъ эта птица обыкновенна также въ Болгаріи и Македоніи (On the Birds of Turkey, p. 66—67). По *Finsch'*у, гнѣздится по Балканскимъ предгоріямъ (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 380). По *Krüper'*у, A. imperialis гнѣздится въ долинахъ Греціи (Journ f. Ornith., 1862, S. 446).

Въ **Азіи**:

По *Finsch'*у, найденъ подъ Ялуторовскомъ, въ степяхъ алакульскихъ, на Тарбагатаѣ, въ Китайскомъ Алтаѣ, подъ Ульбинской стан. и между Салаиромъ и Томскомъ (l. c., S. 136—137). *Н. М. Пржевальскимъ* найденъ на зимовьѣ въ ю.-в. Монголіи и на Хухэнорѣ, откуда можно заключить, что могильникъ какъ гнѣздящаяся птица идетъ по всей сѣверной окраинѣ средне-азіатскихъ пустынь (Монголія, т. II, стр. 9).

Въ Туркестанѣ Aq. imperialis не поднимается выше предгорій, и какъ гнѣздящаяся птица отмѣченъ *Сѣверцовымъ* для Семирѣчья,

Иссык-куля, верхняго Нарына, Аксая, Чу, Таласа, Джумгала, Сусамыра, нижняго Нарына, Сон-куля, Чатыр-куля, Каратау, западнаго Тянь-Шаня и низовій Сыръ-Дарьи (Вертик. и горизонт. распред. туркест. животн., стр. 63).

По *Jerdon*'у, *Hum*'у и *Anderson*'у, Aq. imperialis гнѣздится на плоскогоріяхъ Индіи, избѣгая жаркихъ низменностей; найденъ также по всему Гималаю *(Dresser.* Birds of Europe).

По *Blanford*'у, Aq. imperialis найденъ въ Персіи, гдѣ вѣроятно осѣдлый (Eastern Persia, p. 111).

По *Krüper*'у, могильникъ гнѣздится подъ Смирной (Journ. f. Ornith, 1869, S. 23).

По *Tristram*'у, Aq. imperialis гнѣздится въ Палестинѣ.

β′) Область пролета.

Единственный прослѣженный пролетный путь могильника—изъ южной и юго-восточной Европы мало-азіатскимъ побережьемъ до с.-в. Африки. Азіатскіе пролетные пути этой птицы пока не прослѣжены.

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ** въ не очень холодныя зимы могильникъ остается болѣе или менѣе зимовать на Балканскомъ полуо—вѣ и прилежащихъ островахъ *(Sintenis, Lilford).*

Въ **Азіи** къ гнѣздящимся въ Малой Азіи, Палестинѣ, Персіи и Индіи присоединяются зимою прилетные изъ Европы; гдѣ зимуютъ туркестанскіе—неизвѣстно. По *Swinhoe,* могильники прилетаютъ на зимовку въ южный Китай (Фучу), вѣроятно гнѣздящіеся по сѣвернымъ окраинамъ средне-азіатскихъ пустынь.

Въ **Африку** на зимовье прилетаетъ вѣроятно только въ с.-в. уголъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія о могильникахъ с.-з. Африки едва ли относятся къ нашему Aq. imperialis и навѣрно отчасти къ Aquila Adalberti. По *Shelley* (A Handbook to the Birds of Egypt, p. 205) и *Heuglin*'у, въ с.-в. Африкѣ могильникъ не рѣдокъ осенью, зимою и весною въ дельтѣ Нила, нѣсколько рѣже встрѣчается въ среднемъ Египтѣ, но доходитъ до Нубіи (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 44 и XVII).

26.

AQUILA ORIENTALIS, CAB.

Ковыльный орелъ.

«Много тоньше и стройнѣе могильника, почти какъ Aq. clanga, кромѣ клюва и ногъ; верхъ клюва (culmen) уже, восковица длиннѣе, до $^7/_8$ высоты верхней челюсти, ноздри короче, ихъ длина, въ $^1/_3$ высоты верхней челюсти, въ $1\,^1/_2$ раза превышаетъ ширину. Маховыя и рулевыя *во всѣхъ возрастахъ* поперечно-струйчаты; свѣтлые промежутки черныхъ хвостовыхъ полосъ темнѣе и менѣе рѣзки, чѣмъ у Aq. imperialis; послѣдняя къ концу темная хвостовая полоса только немногимъ шире прочихъ; во всякомъ же возрастѣ на затылкѣ яркорыжее пятно, образуемое свѣтлыми концами перьевъ, и затѣмъ вся голова и остальная шея одноцвѣтны съ туловищемъ и во всѣхъ возрастахъ безъ свѣтлыхъ отмѣтинъ.

«*Молодой*, 1-ое перо. Землисто-бурый, безъ свѣтлыхъ наствольныхъ полосъ; на самыхъ концахъ перьевъ задней части спины, надхвостья, среднихъ плечевыхъ, отчасти мелкихъ и среднихъ кроющихъ крыла, также на груди и брюхѣ мелкія клинообразныя блѣдножелтоватыя крапины, на брюхѣ такіе же концовые ободки; на послѣднемъ ряду среднихъ и на большихъ кроющихъ крыла концовыя пятна широкія, круглыя или овальныя, какъ и концы второстепенныхъ маховыхъ, послѣдніе во всю ширину пера; кроющія хвоста, верхнія и нижнія, сплошь желто-рыжеватыя.

«Эта пестрина съ возрастомъ уменьшается; при 1-мъ линяніи исчезаетъ бо́льшая часть мелкихъ крапинъ, при 2-мъ и большія круглыя пятна крыла замѣняются ступеванными рыжеватыми ободками на концахъ перьевъ, которые при 3-мъ линяньи съуживаются, при 4-мъ исчезаютъ; при чемъ является и постепенно расширяется и бурый цвѣтъ на кроющихъ хвоста.

«Совершенно взрослый, послѣ 4-го линянья, кромѣ затылочнаго пятна и поперечно-полосатаго хвоста, сплошь темнобурый; также и кроющія хвоста, верхнія и нижнія; первыя съ блѣдносѣрыми поперечными полосками у корня, до $^2/_3$ длины. Цвѣтъ изношен-

ныхъ, выцвѣтшихъ перьевъ сильно блѣднѣетъ и становится землисто-бурымъ, слегка желтоватымъ.

«Размѣры: L. 29″ 5‴—33″, E. 72″—78″, U. 21″—24″, C. 10″ 5‴—11″ 5‴».

станціи:

ковыльныя степи.

27.

AQUILA BIFASCIATA, GRAY.

Саксаульный орелъ.

«Какъ предъидущій, но тѣлосложеніе массивнѣе, подобно Aq. imperialis. Общій цвѣтъ перьевъ съ возрастомъ не темнѣетъ, а постоянно землисто-бурый, слегка сѣроватый, въ свѣжемъ перѣ съ сѣрымъ металлическимъ, свинцовымъ отливомъ. Цвѣтъ подхвостья и верхнихъ кроющихъ хвоста не измѣняется, во всѣхъ возрастахъ желто-рыжеватый. Второстепенныя маховыя и всѣ рулевыя чернобурыя, постоянно одноцвѣтны, съ слабой и неясной сѣроватой пестриной, но безъ полныхъ поперечныхъ полосъ, иногда являющихся только на самыхъ заднихъ, третьестепенныхъ маховыхъ — чаще, впрочемъ, также одноцвѣтныхъ. Возрастныя измѣненія отъ предъидущаго отличаются тѣмъ, что пестрота оперенія при первомъ линяніи возрастаетъ, затѣмъ, послѣ 3-го, уменьшается.

«Въ первомъ перѣ этотъ орелъ совершенно безъ мелкихъ крапинъ; на переднихъ перьяхъ послѣдняго ряда среднихъ и на всѣхъ большихъ кроющихъ блѣднорыжеватые концы во всю ширину пера, вмѣсто округленныхъ пятенъ предъидущаго; такіе же концы на рулевыхъ. Всѣ прочія перья одноцвѣтны, сѣро-буроваты, верхнія и нижнія кроющія хвоста желто-рыжеваты.

«Во второмъ перѣ свѣтлорыжеватые концы являются на всѣхъ среднихъ кроющихъ, и небольшія конечныя, клиновидныя пятна на нѣкоторыхъ мелкихъ, исчезающія при слѣдующемъ линяніи, при которомъ за то перья груди получаютъ узкіе свѣтлые конечные ободки, а перья брюха неправильную, блѣдножелтоватую пестрину; въ этомъ же нарядѣ всего чаще замѣчается мелкая сѣроватая пестрина на заднихъ маховыхъ и рулевыхъ, при чемъ

частыя свѣтлыя крапины (менѣе свѣтлыя на рулевыхъ) отчасти сливаются въ отрывки поперечныхъ полосъ, опять постепенно исчезающихъ при слѣдующихъ линяніяхъ, какъ и остальная пестрина.

«Перья взрослыхъ одноцвѣтны, сѣровато-бурыя, довольно блѣдны; маховыя и рулевыя чернѣе, кроющія хвоста, верхнія и нижнія, желто-рыжеваты.

«Размѣры: L. 30″—33″, E. 75″—80″, U. 22″ 5‴—24″, C. 11″ 5‴—12″».

станціи:

пустыня съ саксаульными зарослями (не исключительно, но преимущественно).

28.

AQUILA GLITSCHII, SEV.

Джусанный орелъ.

«Гораздо массивнѣе, чѣмъ Aq. orientalis, даже чѣмъ Aq. bifasciata и Aq. imperialis, но ноги нѣсколько слабѣе; восковица велика, ея длина равна вышинѣ нижней челюсти; клювъ длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ Pteroaëtos; опереніе во всѣхъ возрастахъ почти или совсѣмъ безъ свѣтлыхъ пятенъ, но съ сильно развитой и неизмѣнной поперечной полосатостью рулевыхъ, особенно же маховыхъ перьевъ.

«Въ первомъ опереніи молодыхъ кругловатыя желто-рыжеватыя пятна только на переднихъ (но не заднихъ) большихъ кроющихъ; на второстепенныхъ маховыхъ и на рулевыхъ того же цвѣта концовые ободки; кроющія хвоста, верхнія и нижнія, желто-рыжеваты; послѣднія съ крупной и неправильной буроватой пестриной; затѣмъ все мелкое перо туловища и крыльевъ одноцвѣтно, изсѣраземлисто-бурое. Тотъ же цвѣтъ остается и послѣ 1-го линянья, но желто-рыжеватыя пятна большихъ кроющихъ замѣняются узкими блѣднобуроватыми ободками на концахъ перьевъ; также съуживаются и бурѣютъ свѣтлые ободки маховыхъ и рулевыхъ; затѣмъ наиболѣе одноцвѣтное опереніе есть 3-ье, сплошь темнобурое,

за то съ наиболѣе развитой (весьма, впрочемъ, неодинаково у разныхъ особей) поперечной полосатостью на корневой половинѣ бо́льшей части мелкаго пера (кромѣ спины, шеи и головы). При 3-мъ и 4-мъ линяньи постепенно образуются, изъ расширяющихся свѣтлыхъ ободковъ перьевъ, характеристическія для взрослыхъ свѣтлыя поля, широкими поперечными поясами на затылкѣ (отъ уха до уха) и на поясницѣ.

«Поясничный поясъ весьма постоянно блѣдножелтоватый, затылочный лично измѣнчивъ, жѣлто-рыжеватый, рѣзко ограниченный къ темени и спинѣ, или бѣло-буроватый, на обѣ стороны стушеванный; соотвѣтственно измѣнчивъ и бурый цвѣтъ темени, и въ свѣжемъ перѣ то темный, то блѣдный, и горла, свѣтлобураго или бѣловатаго; но темя всегда темнѣе затылка, и горла и щекъ.

«Размѣры: L. 29″—33″, E. 73″—81″, U. 21″—24‴2‴, C. 10″ 5‴—11″ 7‴.»

станціи:

полынная степь, поросшая джусаномъ (родъ полынки).

О географическомъ распространеніи степныхъ орловъ Н. А. Сѣверцовъ пишетъ мнѣ слѣдующее: «Географическое распространеніе этихъ 3 весьма близкихъ видовъ, Aq. orientalis, Glitschii и bifasciata таково, что они вообще другъ друга замѣняютъ; ихъ области гнѣздовья простираются полосами, неширокими отъ сѣвера къ югу, но значительно вытянутыми съ запада-юго-запада къ востоко-сѣверо-востоку; такъ что области этихъ орловъ пересѣкаются въ одинаковой послѣдовательности, если ѣхать съ запада на востокъ, напр. изъ Рущука въ Перовскъ, черезъ низовья Дуная, Днѣпра, Дона, Волги и Сыра,—и съ сѣвера на югъ, напр. по прямой дорогѣ изъ Троицка въ Ташкентъ. По обѣимъ линіямъ сперва встрѣтится Aq. orientalis, за нимъ Aq. Glitschii и, наконецъ, Aq. bifasciata.

«Область гнѣздованія *Aq. orientalis* съ юго-запада начинается въ Добруджѣ, у устьевъ Дуная, откуда я видѣлъ оперяннаго птенца въ вѣнскомъ музеѣ; Науманнъ (томъ XIII, p. 24, tab. 340, fig. 2, подъ именемъ Aq. imperialis) получилъ его изъ Днѣпров-

скаго уѣзда Таврической губ.; оригиналъ Кабаниса и многіе другіе видѣнные мной экземпляры добыты весной и лѣтомъ по нагорному берегу Сарпы, выше Сарепты; экземпляръ моей коллекціи, старый самецъ, на нижнемъ Уралѣ, у форп. Красноярскаго; найденъ и точно описанъ молодой застрѣленный, брошенный, и выше по Уралу, близь ст. Сахарной (150 и 300 верстъ отъ устья), оба въ августѣ и началѣ сентября. Еще добылъ молодаго и наблюдалъ взрослыхъ въ степяхъ Воронежской губ., въ Бузулукскомъ у. Самарской, также наблюдалъ у устья Уя въ Тоболъ, подъ 55° с. ш., и на Иртышѣ, верстъ 150 выше Семипалатинска.

«По этимъ даннымъ полагаю, что отнесенные Нордманномъ къ Aq. naevia орлы, которыхъ онъ нашелъ гнѣздящимися въ степи на землѣ, по всѣмъ степямъ южной Россіи западнѣе Дона *навѣрно* не Aq. naevia, но *вѣроятно* Aq. orientalis, котораго я въ воронежскихъ степяхъ изрѣдка находилъ гнѣздящимся на старыхъ забытыхъ стогахъ, съ негоднымъ уже сѣномъ; впрочемъ, наблюденіе Нордманна можетъ отчасти относиться и къ Aq. Glitschii, если только послѣдній гнѣздится западнѣе Дона, что совершенно неизвѣстно.

«На пролетѣ Alléon наблюдалъ во множествѣ Aq. orientalis близь Константинополя, вмѣстѣ съ Aq. Glitschii, съ которымъ онъ его смѣшалъ, подъ именемъ Aq. clanga, Pall. и Aq. naevioïdes, Cuv. Зимовье неизвѣстно.

«*Aq. Glitschii* найденъ Гмелиномъ въ степяхъ у нижняго Дона *); но, по его недостаточному описанію, это нѣсколько гадательно. Достовѣрно—на Сарпѣ, гдѣ многочисленнѣе предъидущаго; бо́льшая часть орловъ, доставляемыхъ изъ Сарепты подъ именами Aq. orientalis, Aq. clanga и даже Aq. naevia, принадлежатъ къ этому виду. Доставленъ въ Московскій музей г. Арцибашевымъ, изъ Астраханскихъ степей. Найденъ и добытъ мной по Уралу вверхъ

*) „Старый Aquila mogilnik, S. G. Gmel. (Nov. Comm. Petr., XV. 445, tab. XI, 6) весь бурый, съ бѣлой спиной вѣроятно Aq. Glitschii, а молодой Aq. mogilnik, Gmel. „totus fulvus“ есть Aq. imperialis въ изношенномъ 1-мъ перѣ. Упоминаемая Гмелиномъ бѣлизна спины во всякомъ случаѣ неточное выраженіе, которое Alléon относитъ къ бѣловатой поясницѣ Aq. Glitschii, а Дрессеръ къ бѣлымъ плечевымъ перьямъ стараго Aq. imperialis“.

отъ устья до 400 верстъ, по степямъ; въ Киргизской степи на Эмбѣ и между Сыръ-Дарьей и Тургаемъ, на меридіанѣ Перовска. Молодой моей коллекціи изъ нижнихъ предгорій къ сѣв. отъ Кульджи, подстрѣленъ вскорѣ по вылетѣ изъ гнѣзда (43° с. ш.); взрослый лѣтній доставленъ Карелинымъ въ Московскій музей съ р. Аягузъ (48° с. ш.); туда же были доставлены нѣсколько экземпляровъ изъ Семирѣченской области ген. Колпаковскимъ, безъ обозначенія времени и мѣста ихъ добыванія.

«По этимъ даннымъ, вѣроятная область Aq. Glitschii опредѣляется отъ нижняго Дона до Чернаго Иртыша, черезъ низовья Волги и Урала и среднюю полосу Киргизской степи; отъ р. Аягуза отдѣляется еще узкая полоса гнѣздовья этихъ орловъ, и проникаетъ въ область Aq. bifasciata, вдоль подошвы хребтовъ Тарбагатая, Барлыка, Семирѣченскаго Алатау и Эрин-хобирга до Кульджи.

«На пролетѣ этотъ орелъ во множествѣ наблюдался г. Alléon у Константинополя (путь къ Дону и Волгѣ); мной найденъ на пролетномъ пути, огибающемъ сѣверную и западную подошву Тянь-шана, отъ Аулье-ата до Ташкента, черезъ Чимкентъ. Вѣроятно такихъ же я замѣтилъ на пролетѣ черезъ Каракумъ, близъ сѣверо-восточнаго угла Аральскаго моря, но издали не могъ отличить отъ Aq. clanga, 19—20 марта 1858 г.

«Зимній экземпляръ добытъ г. Андерсономъ въ Индіи, между Сэтледжемъ и Гангомъ, близъ южной подошвы Гималая; крайне похожъ на доставленнаго мнѣ изъ Киргизской степи, сѣвернѣе Перовска; теперь въ моей коллекціи. Болѣе западныя зимовки несомнѣнны уже по константинопольскому пролету, но не изслѣдованы.

«*Aq. bifasciata* достовѣрно не найденъ мной западнѣе Аральскаго моря *); видѣлъ молодыхъ, снятыхъ съ гнѣздъ и издохшихъ, на почтовыхъ станціяхъ оренбурго-ташкентскаго тракта, у сѣверо-восточнаго угла Аральскаго моря и выше, у Джулека (у

*) „Не слыхалъ, чтобы былъ добытъ или замѣченъ г. Богдановымъ въ саксаульникахъ Усть-Урта, но вѣрно не знаю. Знаю только, что до путешествія г. Богданова никто не находилъ Aq. bifasciata (ниже Aq. orientalis и Aq. Glitschii) на Усть-Уртѣ и въ Туркменскихъ степяхъ“.

Сыра, верстахъ въ 600 отъ устья); экземпляры моей коллекціи добыты на пролетѣ у Аулье-ата, Чимкента и Ташкента, но лѣтомъ не встрѣчалъ въ степяхъ у самой подошвы Тянь-Шана, а извѣстныя мнѣ гнѣзда были найдены только въ саксаульникахъ у Сыра и немного сѣвернѣе, у сѣверо-восточнаго угла Аральскаго моря; вѣроятно также въ саксаульникахъ у Чу и Или. Восточнѣе мнѣ извѣстенъ экземпляръ, въ 3-мъ перѣ, изъ окрестностей Иркутска *), гдѣ по свойству мѣстности только и могутъ встрѣчаться бродячіе невзрослые: но они указываютъ гнѣздованіе гдѣ-нибудь въ забайкальскихъ степяхъ, куда этотъ видъ проникаетъ черезъ Монголію, гдѣ его спорадическое гнѣздованье по свойству мѣстности, вѣроятно, между южнымъ Алтаемъ и восточнымъ Тянь-шаномъ, а далѣе, между юго-восточнымъ Алтаемъ и Гоби, въ полосѣ подгорныхъ степей; Пржевальскій нашелъ его тоже, лѣтомъ *), спорадически въ Алашанскихъ саксаульникахъ и предгоріяхъ, на крайнемъ юго-востокѣ, у Китайской границы.

«На пролетѣ я добывалъ Aq. bifasciata у Аулье-ата, Чимкента и южнѣе, къ Ташкенту; еще наблюдалъ пролетъ въ низовьяхъ Аму.

«Зимуетъ въ сѣверной Индіи, откуда имѣю экземпляры г. Андерсона. Еще найденъ г. Пржевальскимъ на зимовкѣ въ высокихъ степяхъ у Хухэ-нора, крайне морозныхъ, но зимой безснѣжныхъ; привлекаетъ его на такую холодную зимовку обиліе корма, не засыпающихъ на зиму грызуновъ, особенно Lagomys».

β) Верхняя челюсть клюва еще сильно развита, но сжата съ боковъ во всю верхнюю половину своей высоты, а къ нижнимъ краямъ затѣмъ вдругъ расширяется, такъ что боковыя ея поверхности не выпуклы, какъ у предъидущихъ, а нѣсколько вогнуты; ноздри круглы, плюсна длинная, тонкая.

---

*) Коллекція автора „Орнитологической географіи".

*) „Подъ именемъ Aq. bifasciata я видѣлъ въ коллекціяхъ Пржевальскаго и Aq. bifasciata и Aq. amurensis, но не могъ, на выставкѣ, выписать подробнѣе мѣстонахожденія того и другаго".

29.

AQUILA CLANGA, PALL.

Подорликъ.

«Весь складъ тѣла тонкій, стройный, мелкое перо молодыхъ, кромѣ среднихъ и большихъ кроющихъ крыла, представляющихъ ряды широкихъ овальныхъ буро-желтоватыхъ пятенъ, съ болѣе свѣтлыми наствольными полосками, буроватыми, отчасти съ желтоватой конечной крапиной или сплошь буро-желтоватыми, на нижней сторонѣ тѣла болѣе широкими; эта пестрина перьевъ весьма постепенно исчезаетъ съ возрастомъ и послѣ 5-го линянья перья, кромѣ небольшаго, совершенно закрытаго, сѣроватаго пространства у корней, совершенно одноцвѣтны. Также одноцвѣтны, во всѣхъ возрастахъ, маховыя и рулевыя; изрѣдка развѣ есть слѣды неясныхъ поперечныхъ, черныхъ полосъ на послѣдней, тогда сѣроватой трети рулевыхъ и на внутреннемъ опахалѣ третьестепенныхъ, самыхъ заднихъ маховыхъ. Ни въ какомъ возрастѣ нѣтъ на затылочныхъ перьяхъ рыжихъ концовъ во всю ширину пера, хотя бываютъ рыжія наствольныя черточки».

Пять главныхъ типовъ различій цвѣта и пестрины молодыхъ *Брэмомъ старшимъ*, отчасти и другими, признавались видами, но по невозможности ихъ разграничить, вслѣдствіе безчисленныхъ промежуточныхъ окрасокъ, по *Сѣверцову*, они могутъ считаться только типами *мѣстныхъ* различій.

a) *Aq. clanga unicolor*, *Brhm.*

Взрослый черно-бурый, маховыя и рулевыя черньѣе, голова и шея свѣтлѣе прочихъ перьевъ; но ни единаго пера инаго цвѣта или съ пестриной. У молодыхъ желто-буроваты только немногіе (съ маховыми до 3) ряды широкихъ пятенъ на крылѣ; прочія же свѣтлыя наствольныя полоски едва замѣтны.

b) *Aq. clanga typica*, *Brhm.*

Самая обыкновенная окраска. Общій цвѣтъ еще гуще и черньѣе, чѣмъ у предъидущаго; во всѣхъ возрастахъ примѣсь бѣлыхъ перьевъ на плюснѣ; у взрослыхъ верхнія кроющія хвоста также ярко-

бѣлыя, съ рѣдкой бурой пестриной; у молодыхъ желто-буроватыя наствольныя полоски на верхней сторонѣ тѣла крайне рѣдки, почти только на немногихъ плечевыхъ и кроющихъ крыла, на нижней сильно развиты и широки.

c) *Aq. clanga fusca, Brhm.*

Основной каштаново-бурый цвѣтъ свѣтлѣе, чѣмъ у предъидущаго, бѣлизна на кроющихъ хвоста старыхъ замѣняется бѣдножелтоватымъ, также и на ногахъ, которыхъ опереніе чисто сплошь бурое. Желтоватыя наствольныя черточки у молодыхъ болѣе распространены на верхнихъ частяхъ тѣла, и уже на нижнихъ, вообще ровнѣе по всему мелкому оперенію.

d) *Aq. clanga fulviventris, Brhm.*

Брюхо, часто и низъ груди молодыхъ одноцвѣтны, сплошь буро-желтоваты; отличіе старыхъ г. Сѣверцову неизвѣстно. Безчисленные переходы къ b) и c); у тѣхъ также между собой и къ var. unicolor.

e) *Aq. clanga fulvescens=Aq. fulvescens, Gray, Anderson, Gurney; Aq. Boekhii, Hom.*

Въ дѣйствительности не особый видъ, а такое же личное различіе, какъ и предъидущее—аномалія въ окраскѣ, отъ недостаточнаго развитія пигмента. Во всѣхъ возрастахъ голова, шея, грудь, брюхо, бока, подбой крыльевъ, надхвостье и подхвостье желто-рыжеватыя, одноцвѣтныя; затѣмъ спина, плечи и кроющія крыла каштаново-бурыя, не темны, у взрослыхъ болѣе или менѣе съ желто-рыжеватыми ободками, у молодыхъ съ такими же наствольными полосками и овальными пятнами на концахъ; маховыя и рулевыя темнобурыя, у молодыхъ съ широкими желто-рыжеватыми концами, у взрослыхъ съ узкими.

Есть взрослые экземпляры съ неправильными пѣжинами нормальной окраски Aq. clanga на свѣтлыхъ, желтоватыхъ частяхъ тѣла, и молодые съ смѣшанными признаками цвѣтности, т.-е. на шеѣ, груди, брюхѣ перья отчасти одноцвѣтно желтоваты, какъ у Aq. fulvescens, отчасти съ узкими, желтоватыми наствольными полосками Aq. fusca, отчасти съ узкими, свѣтлобурыми наствольными полосками на шеѣ и широкими желто-буроватыми на груди,

свойственными Aq. clanga—и все на одномъ экземплярѣ; обѣ эти переходныя окраски въ коллекціи г. Сѣверцова.

Видоизмѣненія b) clanga, c) fusca и e) fulvescens повсемѣстны, первое многочисленнѣе втораго; видоизмѣненіе a) unicolor лѣтомъ, съ предъидущими, преимущественно въ области тайги; видоизмѣненіе d) fulviventris въ степныхъ мѣстностяхъ, вмѣстѣ съ общераспространенными. Всего рѣже, составляя даже не видоизмѣненіе, а аномалію окраски, var. fulvescens—три экземпляра изъ осмотрѣнныхъ г. Сѣверцовымъ слишкомъ полутораста. Не многочисленны также, говоритъ Сѣверцовъ, характеристичные экземпляры var. fulviventris; нѣсколько чаще fusca и unicolor; самое же обыкновенное видоизмѣненіе есть Aq. clanga typica и, не въ меньшемъ противъ него количествѣ, экземпляры переходные, съ смѣшанными признаками разныхъ видоизмѣненій.

Размѣры: L. 26″ 5‴—29″ 3‴, E. 65′—72‴, U. 19″ 7‴—21″ 6‴, C. 10″—11″ 5‴.

станціи:

лѣса, чередующіеся со степью или полями.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Мы не знаемъ какой подорликъ бываетъ въ Финляндіи *(Nordmann.* Uebersicht der bis jetzt in Fin. und Lappland vorgek. Vögel, Bull. de Moscou, 1860, I, p. 8), но судя по тому, что экземпляръ подорлика, добытый г. *Поляковымъ* на Онежскомъ озерѣ, признанъ *Мевесомъ* за Aq. clanga (Brüteplätze seltener europaischer Vögel, Journ. f. Orn., 1875, S. 433), весьма вѣроятно, что и въ Финляндіи бываетъ нашъ обыкновенный подорликъ; во всякомъ случаѣ ни въ Финляндіи, ни у Онежскаго озера подорликъ не гнѣздится. По свидѣтельству г. *Дьякова*, подорликъ, вѣроятно типичный Aq. clanga, гнѣздится въ Тверской губ. (Птицы Тверской губ., стр. 55). По свидѣтельству *Русссова*, Aq. clanga распро-

страненъ по всему Остзейскому краю, но рѣдокъ (l. c., S. 18). Найденъ подъ Петербургомъ. *В. Эсауловымъ* для Псковской губ. отмѣченъ Aq. naevia; навѣрно есть и Aq. clanga (l. c., стр. 227). Въ Ярославской и Московской губ. Aq. clanga найденъ *Сабанѣевымъ* (Матер. для позн. фауны Ярославск. губ. въ Труд. Яросл. стат. комит., в. IV, стр. 247). Въ Тульской губ. Aq. clanga распространенъ повсемѣстно *(Мензбиръ.* Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 5). Въ Орловской губ., по *Данилову*, подорликъ птица осѣдлая, что сомнительно (Catalogue des oiseaux etc., Bull. de Moscou, 1864, II, 453). Въ Спасскомъ у. Рязанской губ. подорликъ встрѣчается довольно часто *(В. Щепотьевъ*, Природа и Охота 1879, XI, 282). Для Казанской, Симбирской и Саратовской губ. Aq. clanga указанъ *М. Н. Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 31). На Уралѣ идетъ до 60° с. ш. *(Сабанѣевъ.* Позвоночныя средн. Урала, стр. 27; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д. въ Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 224). По *Эверсманну* (Bull. de Moscou, 1848, I, 207 и Journ. f. Ornith., 1853, S. 60; Естеств. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 26), Aq. clanga въ южномъ Уралѣ до 56° с. ш. обыкновененъ. По свидѣтельству г. *Плеске* (Ornithologische Notizen aus Ost-Russland, Journ. f. Ornith., 1878, S. 90), Aq. cl. гнѣздится въ Бирскомъ у. Уфимской губ. Южная граница гнѣздовья подорлика въ Поволжьѣ не можетъ считаться съ точностью опредѣленной; по имѣющимся литературнымъ даннымъ, она идетъ нѣсколько выше Астрахани (Einige Notizen etc. въ Naumannia, 1853, S. 25 и Verzeichniss тамъ же, S. 303; *Artzibascheff.* Excursions et observations ornithol. въ Bull. de Moscou, 1859, III стр. 32; *Becker*, S. 239; *Яковлевъ.* Списокъ птицъ Астраханск. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 325), но это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ цитированные наблюдатели Приволжскаго края не умѣли отличать Aq. clanga отъ Aq. orientalis и Aq. Glitschii. Быть можетъ, по лѣсистымъ волжскимъ островамъ Aq. clanga гнѣздится до Астрахани, но общая граница навѣрно идетъ сѣвернѣе. Въ Воронежской губ., по *Сьверцову*, Aq. clanga гнѣздится только въ лѣсахъ, болѣе по рѣчнымъ долинамъ (Періодическія явленія, стр. 71 и др.). Для Харьковской губ. подъ именемъ подорлика *Чернай* вѣроятно отмѣтилъ и Aq. clanga, и Aq. orientalis и даже, быть можетъ, Aq. Glitschii (Фауна Харьковск. губ.

стр. 35; Beitragë etc., S. 607). Въ Кіевской губ. подорликъ найденъ *Кесслеромъ*, *Гольцемъ* и *Гёбелемъ* (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. окр. в. III, стр. 9; Journ. f. Orn., 1873, S. 136) и, судя по мѣстонахожденію Aq. clanga и Aq. naevia въ Трансильваніи и въ Польшѣ, въ Кіевской губ. вѣроятно гнѣздятся оба вида. Въ Польшѣ распространены оба вида, но Aq. clanga рѣже Aq. naevia (*Тачановскій*. O ptakach, стр. 36; Сравнит. обзоръ орнит. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 123; Liste des vertébrés etc., p. 133).

Въ Крыму, по *Шатилову*, Aq. clanga бываетъ на пролетѣ (Каталогъ орнитол. собр., стр. 83), по *Радде*, гнѣздится (Beitr. z. Ornith. S. R., Bull. de Moscou, 1854, III, 132—133), но экземпляръ коллекціи г. Шатилова въ Московск. музеѣ, помѣч. за Aq. clanga (♀ 1853 г. сент.), не Aq. clanga, а Glitschii. Точно также показаніе г. *Алфераки* (Природа и Охота, 1879, I, 91), будто Aq. clanga гнѣздится подъ Таганрогомъ, вѣроятно относится къ Aq. orientalis или Aq. Glitschii.

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 40), Aq. clanga встрѣчается въ большомъ количествѣ въ степяхъ вдоль Терека и въ степяхъ Ставропольской губ. За отсутствіемъ экземпляровъ пока нельзя сказать насколько вѣрно опредѣленіе, а гнѣздованье подорлика въ названной мѣстности очень сомнительно.

Такимъ образомъ южная граница области гнѣздовья Aq. clanga въ Европ. Россіи является совершенно неизвѣстной.

β) Область пролета.

Пролетные пути Aq. clanga въ Европ. Россіи совершенно неизвѣстны; существуютъ указанія на пролетъ этого подорлика въ низовьяхъ Дона, но это и все.

γ) Область зимовья.

Быть можетъ, Aq. clanga отчасти остается зимовать въ Европ. Россіи, гдѣ-нибудь на югѣ, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется.

B) Въ другихъ странахъ.

α′) Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Австро-Венгріи, по *Danford & Brown* (Ibis, 1875, July, p. 294) очень рѣдкая гнѣздящаяся птица Трансильваніи.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по *Homeyer*'у (Bemerkungen zur Ornis Bulgariens, Journ. f. Ornith., 1877, S. 73), Aq. clanga найденъ въ Добруджѣ.

Въ **Азіи**:

По свидѣтельству *Finsch*'а, вѣроятно Aq. clanga встрѣченъ ими подъ Ялуторовскомъ (l. c., S. 137). По *Сѣверцову*, Aq. clanga гнѣздится въ сѣверо-восточномъ, переходномъ (II) и сѣверо-западномъ зоол. участкѣ Туркестанскаго края, при вертикальномъ распространеніи вообще до 6000′ (Вертик. и горизонт. распред. турк. животн., стр. 63). *Дыбовскимъ* добытъ въ окрестностяхъ Иркутска (*Тачановскій*, l. c., 119). Амурскій экземпляръ *Шренка* подлинный Aq. clanga.

β′) Область пролета.

И въ Азіи пролетные пути Aq. clanga неизвѣстны. Г. *Пржевальскимъ* Aq. clanga найденъ въ ю.-в. Монголіи и на Далай-Норѣ (Монголія, т. II, стр. 10), вѣроятно пролетные. Изъ Россіи и Трансильваніи Aq. clanga тянутъ черезъ Босфоръ въ Малую Азію.

γ′) Область зимовья.

Въ **Азіи**:

Судя по двумъ экземплярамъ Aq. clanga Британскаго музея добытымъ у развалинъ Вавилона, нашъ подорликъ зимуетъ въ Малой Азіи. Несомнѣнно зимуетъ въ Индіи. Въ парижскомъ музеѣ есть экземпляръ изъ Кохинхины (молодой, по словесному сообщ. Сѣверцова).

γ) Клювъ слабый, тонкій, сжатый съ боковъ во всю вышину верхней челюсти, которая не болѣе длины восковицы, хотя послѣдняя много короче, чѣмъ у Aq Glitschii—$^1/_4$ длины клюва вмѣсто $^1/_3$. Круглыя ноздри и длинныя тонкія ноги какъ у предъидущаго.

30.

AQUILA NAEVIA, NAUM. EX BRISS.

Малый подорликъ.

«Общій складъ, кромѣ клюва, какъ у Aq. clanga; бурый (у молодыхъ каштаново-бурый) цвѣтъ перьевъ во всѣхъ возрастахъ блѣднѣе; рулевыя и маховыя бо́льшею частью, хотя не всегда, поперечно-полосаты, изрѣдка только одноцвѣтны.

«Молодой въ 1-мъ перѣ: цвѣторасположеніе вообще какъ у Aq. clanga, но свѣтлыхъ наствольныхъ полосокъ нѣтъ: вмѣсто нихъ или клинообразныя наствольныя пятна, только на концахъ перьевъ, остріемъ къ корню, или (въ бо́льшемъ количествѣ) одноцвѣтныя бурыя перья; болѣе широкія свѣтлыя пятна на среднихъ и большихъ кроющихъ тоже клинообразны; на затылочныхъ перьяхъ рыжіе концы во всю ширину пера образуютъ большое рыжее пятно, съ возрастомъ исчезающее (бо́льшею частью, но не всегда).

«Количество свѣтлыхъ пятенъ, какъ и у Aq. clanga, съ возрастомъ убавляется постепенно и равномѣрно; совершенно исчезаютъ послѣ пятаго линянья.

«Взрослые одноцвѣтные, густо-бурые, въ изношенномъ перѣ землисто-бурые; голова и шея свѣтлѣе; подхвостье и надхвостье съ нѣкоторой желтоватой пестриной, но безъ чисто-бѣлаго цвѣта на верхнихъ кроющихъ хвоста».

Три видоизмѣненія, вѣроятно мѣстныхъ:

a) *Aq. naevia pomarina* (Aq. pomarina, Brhm), Sev.

Во всѣхъ возрастахъ рыжее пятно на затылкѣ.—Южное и юго-восточное балтійское прибрежье отъ Голштиніи до Петербургской губ. включительно, къ югу до средней Вислы.

b) *Aq. naevia typica* (Aq. naevia, Brhm), Sev.

Рыжее затылочное пятно съ возрастомъ исчезаетъ.—Очень рѣдокъ въ западной и средней Германіи, тамъ вѣроятно отчасти истребленъ, отчасти вытѣсненъ культурой; нерѣдокъ въ Венгріи, Галиціи, Добруджѣ и островныхъ лѣсахъ ю.-з. Россіи (губ. Подольская, Кіевская, Бессарабія), также на Балканскомъ полуо—вѣ.

c) *Aq. naevia fusco-atra, Brhm.*

Затылокъ во всѣхъ возрастахъ одноцвѣтный, безъ рыжаго пятна и у молодыхъ; цвѣтъ буровато-черный, чернѣе темнѣйшихъ Aq. clanga; но ростъ, пластическіе признаки и пестрина молодыхъ какъ у прочихъ видоизмѣненій Aq. naevia; маховыя и рулевыя у var. fusco-atra сильно поперечно-полосаты. По Брему, вѣроятно въ сѣверо-восточной Европѣ, очень рѣдко залетный въ Германію; можетъ быть живетъ въ нашихъ лѣсистыхъ западныхъ губерніяхъ, о которыхъ имѣемъ еще такъ мало свѣдѣній.

Aq. naevia есть и на Кавказѣ, но извѣстны оттуда только немногіе взрослые, одноцвѣтные, землисто-бурые, безъ рыжаго затылочнаго пятна, какъ var. b, но съ болѣе явственной полосатостью маховыхъ и рулевыхъ; пластическіе признаки вполнѣ типичнаго Aq. naevia. Эти кавказскіе подорлики, по сочетанію полосатости маховыхъ и рулевыхъ (какъ у var. c) съ блѣдноватобурымъ общимъ тономъ, повидимому, принадлежатъ къ особому видоизмѣненію, а именно:

d) *Aq. naevia subnaevia* (Aq. subnaevia, Brhm., Naumannia, 1851, III), *Brhm.*

Оригиналъ Брема, единственный видѣнный имъ экземпляръ, полученъ изъ Греціи; это еще молодая птица въ поношенномъ перѣ, сплошь блѣднобурая, безъ рыжаго пятна на затылкѣ, съ желтоватыми наствольными полосками на зобу и груди, ростомъ не болѣе ♀ Aq. minuta; такого же малорослаго подорлика Н. А. Сѣверцовъ видѣлъ и съ Кавказа, добытаго М. Н. Богдановымъ, только взрослаго, безъ пестрины на зобу и груди. По Сѣверцову, такой молодой ростъ есть чисто личная особенность: по крайней мѣрѣ другіе кавказскіе экземпляры въ музеѣ Академіи Наукъ, по складу и цвѣту неразличимые отъ экземпляра г. Богданова, уже крупнѣе и достигаютъ нормальнаго роста Aq. naevia; да и этотъ малорослый кавказскій экземпляръ все-таки больше, чѣмъ самка Aq. minuta и оригиналъ Брема.

«Эти Aq. subnaevia, и греческій, и кавказскіе, говоритъ г. Сѣверцовъ, представляются мнѣ чѣмъ-то среднимъ между типичнымъ Aq. naevia (var. b.) и его индійскимъ представителемъ—Aq. has-

tata, но безъ подробнаго непосредственнаго сравненія экземпляровъ, или безъ подробнаго же и полнаго изслѣдованія возрастныхъ измѣненій кавказскаго подорлика нельзя высказать объ этомъ ничего рѣшительнаго. Относительно же вопроса, составляютъ ли эти видоизмѣненія мѣстныя породы, или типы личныхъ различій, какъ у Aq. clanga, мы имѣемъ нѣчто положительное только относительно прибалтійской породы, которой Бремъ (въ коллекціи Гомейера) осмотрѣлъ 28 экземпляровъ и нашелъ ихъ одинакими, что указываетъ мѣстную породу. По аналогіи можно думать тоже и объ остальныхъ видоизмѣненіяхъ, но для нихъ это будетъ вѣроятной догадкой—никакъ не положительнымъ фактомъ.

«Размѣры: L. 23″—26″, E. 64″—68″, U. 18″ 5‴—19″ 5‴, C. 9″ 1‴—9″ 6‴».

с т а н ц і и:

лѣса, чередующіеся съ полями или степью, и лѣсистыя долины горныхъ рѣкъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Гнѣздится въ Петербургской губ. По свидѣтельству *Руссова* l. c., S. 17—18), гнѣздящаяся, но не осѣдлая птица Остзейскаго края. По свидѣтельству г. *Эсаулова* (l. c., стр. 227), довольно обыкновененъ въ Тороп. и Холмскомъ уѣздахъ Псковской губ. По *Эйхвальду* (Zool. spec., S. 266), Falco naevius въ Литвѣ обыкновеннѣе большихъ орловъ—вѣроятно смѣшаны Aq. clanga и Aq. naevia. Въ Польшѣ, по свидѣтельству *Тачановскаго* (см. ссылки, указанныя при опредѣл. области распростр. Aq. clanga), Aq. naevia чаще Aq. clanga. Губ. Подольская, Кіевская, Бессарабія (Кесслеромъ и Гольцемъ несомнѣнно смѣшивались оба подорлика). По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 165), Aq. naevia, Briss. осѣдлая птица Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи; весьма возможно, что въ числѣ Aq. naevia помѣченъ и Aq. clanga, найденный въ Тран-

сильваніи и Добруджѣ, но рѣдкій. По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 40), Aq. naevia неоднократно былъ встрѣченъ въ горныхъ долинахъ сѣвернаго склона Кавказа.

γ) Область зимовья.

Отчасти осѣдлый въ ю.-з. углу Европ. Россіи (см. выше). Кавказъ?

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ южной части Швеціи бываетъ, но очень рѣдко, и вѣроятно не гнѣздится (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 390).

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., p. 58), довольно обыкновенная птица восточной части страны и рѣдкая въ ея западной половинѣ. По свидѣтельству *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1860, 213), гнѣздится въ Восточной Пруссіи, но гораздо рѣже, чѣмъ въ Помераніи. По *Holtz*'у (Journ. f. Ornith., 1865, 104), *Homeyer*'у (Journ. f. Ornith., 1872, 333) и *Krüper*'у (Naumannia, 1853, 43), гнѣздится въ Помераніи. Гнѣздящаяся птица подъ Шверином (Naumannia, 1856, 61). Кажется, только залетаетъ въ Ольденбургъ (Naumannia, 1853, S. 53; *Wiepken & Greve*, l. c., S. 11). Очень рѣдокъ подъ Нейвидомъ (Naumannia, 1855, 341). По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornith., 1855, S. 184) и *Schalow*'а (Journ. f. Ornith., 1876, 32), обыкновенная гнѣздящаяся птица Бранденбурга. Шлезія.

Въ Нидерландахъ, кажется, только залетная птица (Muséum des Pays-Bas, Aquilae, 6—8). По *La Fontain*'у (l. c., p. 216), залетаетъ въ южную Бельгію.

По *Lacroix* (l. c., p. 19), отчасти осѣдлая птица Пиренеевъ. По *Bailly* (Naumannia, 1855, 415), гнѣздится въ Савойѣ.

Въ Австро-Венгріи довольно обыкновененъ: Богемія (*Fritsch*, Journ. f. Ornith., 1872, 379), Галиція, Трансильванія (Ibis, 1875, 294), Венгрія (Journ. f. Ornith., 1879, 37—38). Въ Верхней Австріи рѣдокъ. По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S.

393) и *Dalla Torre* (l. c., 22), рѣдокъ въ Тиролѣ и еще рѣже въ Зальцбургѣ (Zool. Gart., 1875, 231). Въ Крайну только залетаетъ *(Freyer*, l. c., p. 8).

На Балканскомъ полуо—вѣ обыкновенснъ въ Добруджѣ (Journ. f. Ornith., 1854, 71 и 1877, 61), Болгаріи (Journ. f. Ornith., 1859, 380), Вост. Румеліи и Греціи (Journ. f. Ornith, 1862, 447; *Heldreich*, l. c., p. 31), при чемъ въ большей части Балканскаго полуо—ва (къ югу отъ Балканъ), кажется, осѣдлый.

Въ **Азіи:**

По *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, 4), обыкновенснъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ черноморскаго побережья. На востокъ спорадически вѣроятно идетъ до Афганистана.

β′) Область пролета.

Въ **Европѣ:**

Во время пролета залетаетъ въ нѣкоторые департаменты Франціи, гдѣ, впрочемъ, время отъ времени появляется и лѣтомъ *(Marchant*, l. c., p. 9; *Dubalen*, l. c., p. 7; *Lacroix*, l. c., p. 19).

По *Irby* (l. c., p. 40) и *Saunders'*у (l. c., p. 318), крайне рѣдко бываетъ во время пролета въ Испаніи.

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 7), залетная и вѣроятно пролетная птица Италіи и Сициліи.

На Балканскомъ полуо—вѣ пролетный подъ Константинополемъ.

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ:**

Зимою встрѣчается будто бы въ Провансѣ (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 213); если вѣрно показаніе *Lacroix*, что Aq. naevia отчасти осѣдлый въ Пиренеяхъ, то вѣроятно въ Провансѣ зимою бываютъ бродячіе пиренейскіе, тѣмъ болѣе что и по *Мюллеру* въ Провансѣ бываютъ предпочтительно молодые. Осѣдлый въ южной части Балканскаго полуо—ва.

Въ **Азіи:**

Вѣроятно осѣдлая птица Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 47), зимою многочислененъ въ дельтѣ Нила; къ югу по Нилу идетъ до Сенаара и Кордофана и бываетъ также въ Абессиніи (см. также *Shelley*. Birds of Egypt, p. 206).

По *Loche* (l. c., p. 38), случайно залетная птица Алжира.

III.

Орлы-ястребa (subgenus Nisaëtos). Клювъ и крылья короче, чѣмъ у настоящихъ орловъ, ноздри малыя, овальныя, средній палецъ длиннѣе, чѣмъ у предыдущихъ; длина задняго ногтя равна длинѣ клюва или немного болѣе, какъ у беркутовъ, но еще короче длины средняго пальца, такъ что отношеніе клюва къ пальцамъ и когтямъ совершенно ястребиное, какъ у Astur palumbarius. Возрастныя измѣненія различны по видамъ, но у всѣхъ и во всякомъ возрастѣ перья верхнихъ частей съ свѣтлыми ободками, и наствольныя пятна не свѣтлыя, а темныя, только полосками, и съ возрастомъ усиливающіяся; при этомъ почти у всѣхъ видовъ (кромѣ одного Aq. minuta) исподъ тѣла свѣтлѣетъ и, наконецъ, становится бѣлымъ.

31.

AQUILA BONELLII, TEMM.

Длиннохвостый орелъ.

«Ноздри малыя, въ ¼ вышины верхней челюсти, удлиненно-овальныя; плюсна длиннѣе головы съ клювомъ (по прямой линіи отъ конца клюва до затылка); клювъ въ полдлины плюсны, средній палецъ въ 0,6, значительно длиннѣе клюва; задній ноготь равенъ клюву или немного длиннѣе; хвостъ значительно болѣе полудлины крыла, во всѣхъ возрастахъ поперечно-полосатый. Затылочныя перья хотя заострены, но короче и пропорціонально вдвое шире, чѣмъ у беркутовъ и могильниковъ. Молодой сверху бурый, снизу рыжій, безъ наствольныхъ полосъ или пятенъ, но съ черными стволами перьевъ на зобу и груди. Цвѣтъ нижнихъ

частей измѣняется отъ блѣдно-рыжаго до рыжевато-бураго, почти такъ же темнаго какъ спина. Подбой крыльевъ рыжій, нѣкоторыя перья точно забрызганы частыми бурыми крапинками. При первомъ же линяніи нижнія части свѣтлѣютъ и на нихъ являются бурыя наствольныя полоски, довольно широкія на горлѣ, зобу, груди и нижнихъ кроющихъ крыла, весьма узкія, линіями, на брюхѣ и подхвостьѣ; на перьяхъ ногъ является свѣтлобурая пестрина.

«Эта пестрина ногъ до 4-го или 5-го линянья усиливается, потомъ опять уменьшается и у очень старыхъ почти исчезаетъ; верхнія части съ возрастомъ темнѣютъ, а нижнія бѣлѣютъ; но способнымъ къ размноженію онъ становится еще съ желто-рыжеватыми концами перьевъ на всѣхъ нижнихъ частяхъ тѣла: такова алжирская самка (коллекція г. Сѣверцова), которую Loche добылъ у гнѣзда съ птенцомъ.

«Во всѣхъ возрастахъ корни перьевъ на верхнихъ частяхъ чистобѣлыя; и эта бѣлизна съ возрастомъ расширяется, по мѣрѣ того какъ темнѣютъ концы перьевъ. У сочлененія крыла съ плечомъ во всѣхъ же возрастахъ пучекъ бѣлыхъ перьевъ, которыя короче смежныхъ бурыхъ и ими совершенно закрываются.

«Совершенно выцвѣтшій, сверху черно-бурый, снизу снѣжно-бѣлый, съ чисто черными наствольными черточками, пересѣченными на ногахъ неполными свѣтлобурыми поперечными полосками, мелкими и рѣдкими. Нижнія кроющія крыла черноваты.

«Размѣры: L. 26″—30″, E. 61″—68″, U. 18″ 6‴—20″ 6‴, C. 10″ 5‴—12″.»

с т а н ц і и:

горная, лѣсистая мѣстность.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Нордманну* (Faune pontique, p. 102), одинъ экземпляръ найденъ подъ Одессою. По свѣдѣніямъ, полученнымъ *Сѣверцовымъ*, Aq. B. былъ найденъ въ Воронежской губ. По свидѣтельству *Яков-*

лева (Списокъ птицъ Астрах. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 325), одинъ экземпляръ былъ убитъ подъ Сарептой. Показаніе *Гёбеля* (l. c., p. 49), будто Aq. Bon. былъ имъ замѣченъ въ Уманьскомъ у., кажется мнѣ мало вѣроятнымъ; вотъ что говоритъ г. Гёбель: «Ich beobachtete diesen Vogel nur einmal, aber sicher, am 4 März 1872. Ich stand am Rande eines Waldes, während einer Treibjagd, und sah den Adler, vom Lärm der Treiber aufgeschrekt, hervorfliegen. Der lange Schwanz, die weissliche Unterseite des Körpers und Schwanzes, die leuchtenden Schulterflecken liessen den Vogel, obgleich ich versäumte zu schiessen, nicht verkennen».

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

По свидѣтельству *Мюллера* (Journ. f. Ornith., 1856, 213), въ Провансѣ этотъ орелъ появился только въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, но по смыслу статьи *Jaubert*'а правильнѣе считать за время появленія этого орла въ Провансѣ конецъ сороковыхъ годовъ: въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ былъ тамъ уже обыкновенною птицею (Rev. et Mag. de Zool., 1854, 216).

По *Брему* (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., S. 436) и *Irby* (l. c., p. 40—45), нерѣдкая осѣдлая птица въ гористыхъ мѣстностяхъ средней и южной Испаніи. Обыкновененъ въ Португаліи.

По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornithol., 1862, 248—249), очень рѣдкая залетная птица Балеарскихъ о—въ.

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 8—9), въ Италіи рѣдокъ на материкѣ, обыкновененъ въ Сардиніи и Сициліи.

Elwes & Buckley не видали этой птицы въ восточной Турціи, но *Hudlestom* говоритъ, что видѣлъ ее на Дунаѣ, а лордъ *Лильфордъ* нашелъ ее въ Албаніи (l. c., p. 70).

По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1860, 441), гнѣздится въ Греціи, гдѣ сравнительно даже обыкновененъ.

Какъ залетная птица найденъ даже въ Богеміи (Journ. f. Ornith., 1872, 384).

Въ **Азіи**:

О распространеніи Aq. Bonellii въ Малой Азіи ничего неизвѣстно. По *Blanford* (East. Persia, p. 112), осѣдлый въ Персіи. По свидѣтельству *Jerdon*'а (B. of India, I, p. 68), найденъ въ Индіи отъ Гималая до крайняго южнаго предѣла (найденъ и на Цейлонѣ) и на востокъ до Непала; вездѣ придерживается гористой мѣстности.

По свидѣтельству *Tristram*'а, обыкновененъ въ Палестинѣ (*Dresser*. Birds of Europe). *Wyatt* (Ibis, 1870, p. 11) говоритъ, что онъ случайно бываетъ въ гористой части Синайскаго полуо—ва.

Въ **Африкѣ**:

По *Irby* (l. c., p. 40—45), осѣдлый въ Марокко; по *Loche* (l. c., 38), обыкновенная осѣдлая птица Алжира (также *Taczanowski*, Journ. f. Ornithol., 1870, S. 36).

γ') Область зимовья.

Въ большинствѣ мѣстностей своего распространенія Aq. Bonellii осѣдлая птица.

Въ **Европѣ** осѣдлый въ Испаніи, Италіи и Греціи.

Въ **Азіи** осѣдлый въ Индіи, Персіи и Палестинѣ.

Въ **Африкѣ** осѣдлый въ Алжирѣ и Тунисѣ.

Только на зимовьѣ найденъ въ нижнемъ Египтѣ, спорадически вдоль Нила до Нубіи и въ Аравіи (*Heuglin*. Ornithologie Nordost-Africa's, S. 49 и XXI).

Въ западной и южной Африкѣ за Aq. Bonellii былъ принятъ Nisaëtus spilogaster (см. Ornithologie d'Angola, p. 29 и The Birds of South Africa, p. 38).

32.

AQUILA PENNATA, BREHM.

Бѣлобрюхій орелъ-карликъ.

«Длина клюва по сгибу и средняго пальца почти равны, около 0,6 длины плюсны (клювъ 0,58—0,59, средній палецъ 0,61—63); задній ноготь немного короче клюва; плюсна немного короче

головы съ клювомъ; затылочныя перья пропорціонально длиннѣе и у́же, чѣмъ у предыдущаго, почти какъ у беркута. Возрастныя измѣненія почти какъ у предыдущаго, только верхнія части тѣла не темнѣютъ съ возрастомъ; задъ шеи во всѣхъ возрастахъ рыжій или рыжеватый, а рулевыя безъ поперечныхъ полосъ или съ едва замѣтными ихъ слѣдами; у сочлененія крыла съ плечомъ всегда пучокъ снѣжно-бѣлыхъ перьевъ, весьма примѣтный. Эта бѣлизна закрывается только отъ худой препаровки коллекціонныхъ экземпляровъ, но не у живыхъ.

«Размѣры: L. 21″—23″ 2‴, E. 48″—54″, U. 15″—17″, C. 8″ 4‴—9″ 5‴.

«Два видоизмѣненія, болѣе или менѣе различныя по цвѣту нижнихъ частей тѣла, особенно у молодыхъ, между тѣмъ какъ верхъ тѣла неизмѣненъ у всѣхъ особей всякаго возраста: постоянно темнобурый, съ нѣсколько болѣе свѣтлыми ободками перьевъ, особенно широкими на среднихъ кроющихъ верхней стороны крыла.

а) *Aq. pennata typica* (Aq. pennata, Brhm.), *Sev.*

«Молодой въ первомъ перѣ снизу бурый или рыжевато-бурый, съ весьма узкими, черноватыми наствольными черточками; таковы же и нижнія кроющія крыла, иногда отчасти желто-буроватыя, съ черными сердцевидными наствольными пятнами. Передній край крыла (margo carpalis) бурый, всегда съ бѣлой пестриной; иногда даже бѣло-желтоватый, съ бурыми наствольными пятнами; это и бѣлая пестрина у корней хоть нѣкоторыхъ перьевъ на бокахъ, отчасти брюхѣ и голени, всегда отличаетъ молодыхъ Aq. pennata отъ всѣхъ возрастовъ Aq. minuta.

«При первомъ же линяніи наствольныя пятна нижнихъ частей усиливаются, особенно на горлѣ, зобу и груди; также увеличиваются бѣлыя и бѣловатыя отмѣтины на бокахъ, ногахъ, брюхѣ и нижнихъ кроющихъ крыла, а бурый цвѣтъ нижнихъ частей блѣднѣетъ и становится рыжеватымъ, если не былъ такимъ уже сначала.

«При слѣдующихъ линяньяхъ бурыя перья нижнихъ частей постепенно замѣняются бѣлыми и блѣдно-желтоватыми; всего долѣе бурый цвѣтъ сохраняется на бокахъ верхней части груди, по обѣ стороны зоба. У совершенно выцвѣтшихъ горло, зобъ и передняя часть груди изжелта-блѣдно-рыжеваты, съ черными стволами перь-

евъ и широкими бурыми наствольными полосками; задъ груди, брюхо, перья ногъ и подхвостье снѣжно-бѣлы и ихъ наствольныя черточки крайне узки; на длинныхъ перьяхъ голени еще поперечныя рыжеватыя полоски.

b) *Aq. pennata guttata* (Aq. guttata, Brhm.), *Sev.*

«Исподъ тѣла молодыхъ въ гнѣздовомъ перѣ не бурый, какъ у предыдущаго, а рыжеватый, у иныхъ болѣе густаго оттѣнка, у другихъ блѣдный; послѣ перваго линянья еще блѣднѣетъ, и наствольныя черточки усиливаются; у совершенно выцвѣтшихъ нижнія части снѣжно-бѣлы, безъ желтизны, а стволы перьевъ на нихъ черны, въ желто-рыжеватыхъ наствольныхъ полоскахъ. Нижнія кроющія крыла у молодыхъ бѣловаты, съ желто-рыжеватымъ оттѣнкомъ, у старыхъ снѣжно-бѣлы, во всѣхъ возрастахъ съ черно-бурыми сердцеобразными пятнами. На длинныхъ перьяхъ голени (штанахъ) не поперечныя полоски, а наствольныя пятна въ видѣ капель (откуда и имя); эти пятна однако иногда отчасти расширяются поперекъ и переходятъ въ полосы; они менѣе явственны на рыжеватыхъ перьяхъ молодыхъ.

«Весьма часты, особенно у взрослыхъ, но не рѣдки и у молодыхъ, также и среднія окраски между этими видоизмѣненіями, которыя вообще не что иное, какъ степени большаго или меньшаго развитія бураго пигмента на нижнихъ частяхъ тѣла—какъ у молодаго Aq. Bonellii, и такіе же крайніе типы личныхъ различій; только у молодыхъ Aq. pennata густо-бурый цвѣтъ нижнихъ частей встрѣчается гораздо чаще.»

33.

AQUILA MINUTA, BRHM.

Темнобрюхій орелъ-карликъ.

«Клювъ по сгибу въ полдлины плюсны, средній палецъ длиннѣе клюва, 0,6 длины плюсны; слѣдовательно, относительные размѣры этихъ частей тѣла какъ у Aq. Bonellii, и различны отъ Aq. pennata; но плюсна не длиннѣе головы съ клювомъ, слѣдовательно, относительно всего тѣла немного короче, чѣмъ у Aq. Bonellii, хотя длиннѣе, чѣмъ у Aq. pennata.

«Цвѣтъ нижнихъ частей постоянно темнобурый, съ возрастомъ не измѣняется; но бурый же цвѣтъ верхнихъ частей съ возрастомъ темнѣетъ, и свѣтлые ободки перьевъ становятся неясными, сохраняясь только на среднихъ кроющихъ крыла, исподъ котораго и передній край (margo carpalis) во всѣхъ возрастахъ почти одноцвѣтный темнобурый съ черными наствольными полосками, но безъ всякой бѣлой или даже свѣтлой пестрины. Всего болѣе измѣняется съ возрастомъ цвѣтъ затылка и зада шеи: у молодыхъ ярко-рыжій, послѣ перваго линянья желтовато-бурый, еще довольно блѣдный, затѣмъ темнѣющій; у старыхъ задъ шеи почти чисто бурый, едва блѣднѣе спины, съ слабымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ, между тѣмъ какъ у Aq. pennata именно цвѣтъ затылка и не подверженъ возрастнымъ измѣненіямъ.

«Вообще различіе возрастныхъ измѣненій между Aq. pennata и Aq. minuta такъ рѣзко, что его нельзя не считать видовымъ, хотя темнѣйшіе молодые Aq. pennata и трудно различимы отъ Aq. minuta; видовое разлнчіе затемняется еще тѣмъ, что оба вида способны гнѣздиться уже послѣ перваго линянья, задолго до достиженія окончательной окраски, являющейся не раньше 4-го или 5-го линянья. А потому у гнѣздъ Aq. pennata иногда встрѣчается то, что одинъ изъ родителей старый, съ бѣлымъ брюхомъ, другой моложе, еще съ темнымъ, и молодые—одинъ съ бурымъ брюхомъ (var. pennata), другой съ рыжеватымъ (var. guttata).» Такую разноцвѣтную семью г. Сѣверцовъ видѣлъ въ коллекціи Howard Saunders, изъ Испаніи.

«Размѣры: L. 21″—23″, E. 48″ 8‴—56″ 4‴, U. 15″—17″ 5‴, C. 8″—9″ 5‴.»

Свѣдѣнія о распространеніи орловъ-карликовъ вообще довольно скудны, но вообще, кажется, можно считать выясненнымъ, что Aq. pennata и Aq. minuta занимаютъ одну и ту же область распространенія.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По свидѣтельству г. *Каплика,* Aq. pennata (или minuta?) найденъ въ Тихвинскомъ у. Новгородской губ. (въ Орнитол. ф. Туль-

ской губ., стр. 5, по недосмотру, сказано «Тверской»). Однажды найденъ въ Тульской губ. *(Мензбиръ.* Орнитологич. ф. Тульской губ., стр. 5). По показанію г. Сѣверцова, со словъ Н. А. Бакунина, какой-то подорликъ найденъ лѣтомъ въ Казанской губ., на границѣ Бугульминскаго у. По *Сабанѣеву*, на Уралѣ Aq. pennata попадается вѣроятно къ югу отъ 57° с. ш. (Каталогъ птицъ и звѣрей средн. Урала, Bull. de Moscou, 1871, III, 224). По *Карелину* (Разборъ статьи г. Рябинина, стр. 283), найденъ въ области Уральскаго казачьяго войска (въ концѣ августа, Гурьевъ, б. м. пролетный). Въ Воронежской губ. несомнѣнно гнѣздится и Aq. pennata, и Aq. minuta *(Сѣверцовъ.* Періодическія явленія, стр. 85 и позднѣйшія наблюденія). По *Чернаю* (Фауна Харьковской губ., стр. 35; Bull. de Moscou, 1850, II, стр. 607), встрѣчается въ Харьковской губ. Кіевскій экземпляръ Aq. pennata 2° v. доставленъ А. Ѳ. Миддендорфомъ въ музей Академіи (со словъ г. Сѣверцова). *Кесслеромъ* найденъ (какой ?) въ дубовомъ лѣсу подъ Балтою (Естеств. исторія губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 9). Въ Польшѣ рѣдки, но несомнѣнно гнѣздятся *(Тачановскій.* O ptakach, стр. 40; Сравн. обз. и т. д., стр. 123; Liste etc., p. 134); найдены карлики и въ Полѣсьи, Волынской губ. По *Гольцу* (Journ. f. Ornith., 1873, 137) и *Гёбелю* (Die Vögel d. Kreis. Uman, S. 44—49), Aq. pennata и minuta обыкновенны въ Уманьскомъ уѣздѣ. Въ южной Россіи наблюдался также *Нордманномъ* (Faune pontique, p. 102). Въ Крыму, по свидѣтельству *Шатилова* (l. c., 83), Aq. p. бываетъ изрѣдка весною на пролетѣ и постоянно осенью на отлетѣ; вѣроятно это наблюденіе неполно, такъ какъ, судя по показанію *Гёбеля*, видѣвшаго Aq. pennata два раза лѣтомъ на южномъ берегу Крыма (іюнь, іюль), Aq. penn. гнѣздится, по крайней мѣрѣ, на южномъ берегу (Journ. f. Ornithol., 1874, 453). Крымскій экземпляръ орла-карлика, хранящійся въ зоологич. музеѣ Москов. Университета—Aq. pennata jun.

Быть можетъ, встрѣчаются на Кавказѣ, по крайней мѣрѣ, лично я совершенно согласенъ съ М. Н. Богдановымъ относительно толкованія сообщенія Нордманна (Птицы Кавказа, стр. 41; Faune pontique, p. 103).

Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, но на основаніи ихъ, кажется, можно придти къ заключенію, что орлы-карлики гнѣздятся изрѣдка по лѣсамъ всей средней и южной Россіи.

β) Область пролета.

За исключеніемъ уже приведеннаго показанія І. Н. Шатилова о пролетѣ орловъ-карликовъ въ Крыму, какъ пролетная птица, и то только съ большою долею вѣроятности, Aq. pennata наблюдался подъ Гурьевымъ. Впрочемъ, наблюденія Alléon и Vian надъ пролетомъ карликовъ подъ Константинополемъ, несомнѣнно говорятъ, что изъ Россіи карлики летятъ обычною дорогой, черезъ Черное море и его побережье, что заставляетъ меня придти къ заключенію, что и въ нашихъ степяхъ эти орлы слѣдуютъ однимъ путемъ съ другими хищниками.

В) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., 58), очень рѣдокъ: однажды найденъ въ Лаузицѣ, три экземпляра убиты подъ Мюнхеномъ. По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornith., 1872, 333), бываетъ въ Помераніи.

По *Bureau* (L'aigle botté, p. 4), обыкновененъ въ Бельгіи.

Во Франціи, по *Degland & Gerbe,* найденъ въ департаментахъ Мэна & Луары, Сены, Оба, Орпа, Луары & Шера, Сарты, Майенна, Луары и Верхнихъ и Нижнихъ Пиренесъ. Гнѣздящаяся птица Шампаньи (см. также *Dubalen,* l. c., p. 7 и *Lacroix,* l. c., p. 20). По *Bureau* (Bull. de la Soc. zool. de France, 1876 p. 54), орлы-карлики гнѣздятся въ департ. Нижней Луары. Вѣроятно гнѣздится въ Севеннахъ (Journ. f. Ornith., 1856, S. 214).

По *Brehm*'у (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., 436), отчасти пролетная, отчасти гнѣздящаяся птица Испаніи. По *Saunders*'у (l. c., p. 318), осѣдлая птица южной Испаніи, съ чѣмъ не согласно показаніе *Irby,* (l. c., p. 45—46).

По *Barboza du Bocage,* найдены въ Португаліи (*Dresser.* Birds of Europe).

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 8), Aq. pennata очень рѣдокъ и, какъ кажется, можетъ быть причисленъ только къ случайно залетающимъ птицамъ.

Въ Австро-Венгріи, по *Wodzick*'ому (Naumannia, II, H. 2, S. 68), гнѣздится въ Галиціи. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 294), рѣдкая гнѣздящаяся птица Трансильваніи. По свидѣтельству *Tschusi-Schmidhofen*'а, въ Верхней Венгріи Aq. pennata очень рѣдокъ (Journ. f. Ornithol., 1874, 341), но тѣмъ не менѣе переходитъ за нее. По свидѣтельству кронпринца *Рудольфа*, *Гомейера* и *Брема*, Aq. pennata гнѣздится подъ Апатиномъ (Венгрія) и подъ Вѣной (Journ. f. Ornith., 1879, S. 38 и 110).

На Балканскомъ полуо—вѣ орлы-карлики распространены очень широко. Сербія и Валахія, по *Dresser*'у. По свидѣтельству *Sintenis*, Aq. penn. и Aq. minuta найдены въ Добруджѣ; Aq. pennata гнѣздится несомнѣнно, вѣроятно гнѣздится и Aq. minuta (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 61). Еще *Finsch*'емъ (Journ. f. Ornith., 1859, 380) какой-то орелъ-карликъ замѣченъ въ Балканскихъ горахъ. Болгарія. Въ восточной Турціи довольно обыкновененъ *(Elwes & Buckley*, l. c., p. 69—70). По *Alléon & Vian* (R. et M. de zool., 1869, p. 342—344), гнѣздящаяся птица подъ Константинополемъ. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1872, 59—64), гнѣздится въ Македоніи и Ѳессаліи.

Въ **Азіи**:

По свидѣтельству *Тачановскаго* (Faune de la Sibérie orientale, p. 119), Дыбовскимъ добытъ одинъ экземпляръ при впаденіи р. Урова въ Аргунь.

По *Сѣверцову* (Вертикал. и горизонт. распредѣл. туркестанск. животн., стр. 63; Journ. f. Orn., 1875, 170), Aq. pennata и minuta гнѣздятся въ сѣверо-западномъ, переходномъ и сѣверо-восточномъ зоолог. участкѣ Туркестанскаго края. Въ Индіи на востокъ идутъ до Бенгаліи, на югъ до Цейлона включительно (*Jerdon*. Birds of India, I, p. 64; Proc. Zoolog. Soc., 1872, p. 411). По *Hume*, гнѣздятся въ Пенджабѣ. *Stoliczka* нашелъ орла-карлика въ долинѣ Сетледжа (l. c., p. 15—16). По *Blanford* (Eastern Persia, II, 112), довольно обыкновенная гнѣ-

дящаяся птица южной Персіи. По *Danford* (Ibis, 1878, p. 4), довольно обыкновенная птица Малой Азіи.

Вѣроятно гнѣздящаяся птица Палестины.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 48), гнѣздится въ нижнемъ и среднемъ Египтѣ.

Гнѣздящаяся и даже осѣдлая птица Алжира *(Loche,* l. c., p. 39) и Марокко *(Irby,* l. c., p. 45—46).

По *Layard* (The Birds of South Africa, p. 37), Aq. pennata найденъ имъ у бухты Салдана на западномъ берегу Капской земли (33° ю. ш.), гнѣздящимся на рѣкѣ Бержъ и подъ Грээмстоуномъ. Въ Трансваалѣ не найденъ, но одинъ экземпляръ добытъ у Замбези (Хибиза) и одинъ въ странѣ Овампо.

Въ берлинскомъ музеѣ есть экземпляръ съ Сенегала. Кромѣ того, орлы-карлики найдены въ Нубіи, Сенаарѣ, Кордофанѣ, на Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ и въ Абессиніи, но съ точностью неизвѣстно объ ихъ гнѣздованьи здѣсь. Бремъ говоритъ, что въ центральной Африкѣ и с. в., до Египта, орлы-карлики бываютъ только зимою, но, судя по гнѣздованью Aq. penn. у рѣки Бержъ, б. м. спорадически эти птицы гнѣздятся и въ центральной Африкѣ.

β′) Область пролета.

Въ **Европѣ**:

Пролетные подъ Константинополемъ, черезъ Босфоръ, изъ восточной Европы, и черезъ Гибралтарскій проливъ, изъ западн. Европы.

Въ **Азіи**:

Пролетные пути орловъ-карликовъ не извѣстны.

γ′) Область зимовья.

Въ **Азіи**:

Отчасти осѣдлый, отчасти зимующій въ Индіи. Вѣроятно осѣдлый въ Персіи и Палестинѣ.

Въ **Африкѣ**:

Осѣдлый въ Египтѣ, Алжирѣ, Марокко и вѣроятно въ другихъ мѣстахъ Африки. Европейскіе орлы-карлики несомнѣнно зимуютъ въ с.-в., центральной и южной Африкѣ.

34.

HALIAËTOS ALBICILLA, BRISS.

Бѣлохвостикъ.

Синонимы: L'Aigle à queue blanche, Briss.; Falco ossifragus, Linn.; Haliaëtus nisus, Sav.; Aquila leucocephala, Wolf; Aquila albicilla, Pall.; Haliaëtos pelagicus, Hume nec Pallas.

станціи:

морскіе берега, лѣсистая мѣстность, богатая рѣками и озерами, степь.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Theel отмѣчаетъ Hal albic. для о. Вайгача (Oiseaux de la Nouvelle-Zemble). Изрѣдка бѣлохвостъ встрѣчается въ Русской Лапландіи (Beitr. z. Ken. d. R R., B. VIII, S. 268). По *Нордманну* (Uebersicht etc., Bull. de Moscou, 1860, I, стр. 8), не рѣдкая гнѣздящаяся птица Финляндіи. *Кесслеромъ* найденъ въ Олонецкой губ. (Матеріалы для познанія Онежскаго озера и Обонежскаго края, стр. 27). На Онежскомъ озерѣ замѣченъ также *Сиверсомъ* (Ornith. anteckn., стр. 88). *Мевесомъ* найденъ около Ладожскаго, Онежскаго озера, Архангельска и Холмогоръ (Ornitholog. iakttagels. i nordv. Ryssl., Öfv. af. K. V. A. f., 1871, 769). *Лиліеборгомъ* найденъ на Двинѣ и подъ Архангельскомъ (Beitrag zur Ornith. des Nördl. Russland's, Naumannia, 1852, S. 94). Подъ Архангельскомъ же гнѣздится по *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1873, 412), который нашелъ его и подъ Устюгомъ (Journ. f. Ornithol., 1871, 24). По *Броуну & Зибому*, въ бассейнѣ Печоры бѣлохвостъ найденъ подъ 65° 26′, 65° 47′, 66° 42′ и 68° 28′ с. ш. Но показанію *Л. Сабанѣева* (Позвоночныя средняго Урала, стр. 28 и Каталогъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 225), бѣлохвостъ распространенъ во всей Пермской губ. *Межаковымъ* для Вологодской отмѣченъ какъ птица отчасти зимующая (Catalogue des oiseaux etc.,

Bull. de Moscou, 1856, IV, 626). По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 55), гнѣздящаяся птица Тверской губ. По *Büchner*'у и *Pleske* (Beitr. z. Ornithol. de St.-Petersb. Gouv., S. 17), старая ♀ бѣлохвостика была добыта въ Ямбургскомъ у., молодой экземпляръ замѣченъ 11/23. XI. 79 подъ Петергофомъ. Въ Гдовскомъ у. бѣлохвостъ найденъ *Порчинскимъ* (О фаунѣ позвоночныхъ и т. д.). По *Руссову* (l. c., p. 14—15), не рѣдкая птица по берегамъ Эстляндіи, о-вамъ Балтійскаго моря, на Пейпусѣ и вообще внутри Остзейскаго края тамъ, гдѣ много прѣсноводныхъ бассейновъ; нѣкоторыя особи перезимовываютъ. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1873, I), гнѣздится въ Курляндіи. Въ Польшѣ бѣлохвостъ довольно обыкновененъ круглый годъ (*Тачановскій*. O ptakach, стр. 43; Сравнит. обзоръ орнитол. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 123; Liste des vertébrés de Pol., p. 134). Въ Литвѣ обыкновененъ. Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. бѣлохвостъ довольно обыкновенная птица (*Эсауловъ*. Списокъ позвоночныхъ животн., Тр. Петерб. общ. естествоиспыт., т. IX, 226). Въ Ярославской губ. найденъ *Сабанѣевымъ* (Матеріалы и т. д., стр. 247). Для Орловской губ., какъ осѣдлая птица, отмѣченъ *Даниловымъ* (Catalogue des oiseaux etc., Bull. de Moscou, 1864, II, p. 453). Въ Московской и Тульской губ. лѣтомъ бѣлохвостъ довольно рѣдокъ, зимою, кажется, не попадался (*Мензбиръ*. Орнитолог. фауна Тульской губ., стр. 6). Въ Спасскомъ у. Рязанской губ. гнѣздится (*В. Щепотьевъ*, Природа и Охота, 1879, XI, 282), что вѣроятно относится и къ другимъ мѣстностямъ той же губерніи (*П. Павловъ*. Орнитолог. наблюд. въ Рязанской губ., стр. 6). Во всемъ Поволжьѣ бѣлохвостъ одна изъ наиболѣе обыкновенныхъ птицъ и лѣтомъ и зимою (*М. Н. Богдановъ*. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 32—34; *Эверсманнъ*. Естеств. исторія Оренбургск. края, ч. III, стр. 28—30; *Artzibascheff*. Excursions et observat. ornitholog., Bull. de Moscou, 1859, III, p. 35; Einige Notizen über d. in der Umgeg. d. Kol. Sarepta vork. s. Vögel, Naumannia, 1853, S. 303; *Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханской губ. Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 325). По *Эверсманну*, бѣлохвостъ въ изобиліи встрѣчается на Волгѣ и Камѣ (Bull. de Moscou, 1848, I, 210). По *Pleske* (Journ. f. Ornithol., 1878, 90), обыкновеннѣйшая хищная птица Бирскаго у. Уфимской губ. По р. Уралу

бѣлохвостъ спускается къ устью до предѣла лѣсной растительности и къ предгоріямъ хребта идетъ до тѣхъ поръ, пока р. Уралъ не разбивается на незначительныя рѣченки (Journ. f. Ornithol., 1853, 61; см. также статью *Карелина*, стр. 284). Въ Воронежской губ. бѣлохвостъ гнѣздящаяся и даже осѣдлая птица (*Съверцовъ*. Періодическія явленія и т. д., стр. 72 и др.). *Мензбиръ* видѣлъ экземпляръ стараго бѣлохвоста, убитаго зимою въ Задонскомъ у. Въ Харьковской губ. бѣлохвостъ, по *Чернаю*, птица осѣдлая (Фауна Харьковской губ., стр. 29 и Beitr. z. Fauna d. Chark. G., Bull. de Moscou, 1850, II, 607). То же надо сказать о губ. бывшаго Кіевскаго учебнаго округа (*Кесслеръ*. Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. округа, в. III, стр. 5; *Holtz* въ Journ. f. Ornithol., 1873, 137; *Goebel*, l. c., p. 36—37). По *Нордманну* (Faune pontique, p. 98), обыкновенная осѣдлая птица во всѣхъ новороссійскихъ степяхъ. Въ іюнѣ подъ Одессою найденъ *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornithol., 1873, 120). Осѣдлый въ Крыму (*Шатиловъ*. Каталогъ орнитологич. собранія, стр. 83; *Radde* въ Journ. f. Ornithol., 1854, S. 55; *Мензбиръ* наблюдалъ бѣлохвостика въ ноябрѣ и декабрѣ на южномъ берегу).

На Кавказѣ, по *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 37), весьма обыкновененъ. Богдановъ часто встрѣчалъ его на Терекѣ и на Кубани; разъ дорогой видѣлъ въ Ставропольской губ. «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, говоритъ тотъ же наблюдатель, что бѣлохвостъ живетъ осѣдло и гнѣздится на равнинахъ Кавказа, по лѣсамъ рѣчныхъ долинъ».

Во всей занятой имъ области въ Европ. Россіи бѣлохвостикъ кочевая птица, не болѣе; только въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ его кочевки складываются въ болѣе или менѣе правильные перелеты (весною и осенью), что вызывается малою пригодностью центральной Россіи для жизни этой птицы и недостаткомъ корма на сѣверѣ, откуда бѣлохвостикъ на зиму спускается преимущественно въ степную полосу. Благодаря этому, зимою бѣлохвостикъ встрѣчается въ большей части Европ. Россіи, но рѣдокъ въ ея средней части и обыкновененъ въ западной, южной и восточной. Въ связи съ этимъ стоитъ и отсутствіе пролетныхъ бѣлохвостиковъ подъ Константинополемъ.

То же надо сказать о распространеніи этой птицы въ другихъ странахъ: вездѣ либо осѣдлая, либо кочевая.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Америкѣ**:

Обыкновененъ круглый годъ въ южной Гренландіи; въ сѣверной Гренландіи бываетъ только лѣтомъ (*Reinhardt*, Ibis, 1861, p. 4; цитуется *Dresser*'омъ. Birds of Europe, P. XXXVII).

Въ **Европѣ**:

Въ Скандинавіи, по *Schrader*'у (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 244), гнѣздится на скалахъ Варангова фіорда. По свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, p. 154), обыкновенная гнѣздящаяся и даже осѣдлая птица всего Норвежскаго побережья съ прилежащими островами (см. также *Boie*, Journ. f. Ornithol., 1869, 84). Въ Швеціи лѣтомъ обыкновененъ на сѣверѣ и рѣдокъ на югѣ, гдѣ довольно обыкновененъ зимою. Исландія (Naumannia, 1857, 32). Фарерскіе о—ва (*Droste*. Vogelfauna der Faröer, Journ. f. Ornithol., 1869, S. 107). О—въ Готландъ (*Holtz*. Die Insel Gothland, S. 38; *Wallengren*, Naumannia, 1853, S. 83).

Въ Даніи довольно обыкновененъ, особенно зимою (*Kjaerbölling*, l. c., p. 9).

Въ Германіи, по *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutshland, S. 59—60), сравнительно часто гнѣздящаяся птица Балтійскаго побережья (см. также Journ. f. Ornithol., 1860, S. 213; 1865, S. 202; Naumannia, 1853, S. 39), откуда зимою, во время кочевокъ, заходитъ во внутреннюю Германію (Naumannia, 1856, S. 42; Journ. f. Ornith., 1855, 184), преимущественно одно- или двухгодовалыя особи. Однажды гнѣздо было найдено въ Баваріи, недалеко отъ мѣста впаденія р. Миндель въ Дунай (Naum., 1855, 74). Кажется, не гнѣздится по берегамъ Нѣмецкаго моря, что находитъ себѣ объясненіе въ недостаткѣ подходящихъ мѣстъ, но въ прошломъ столѣтіи гнѣздился въ Ольденбургѣ (Naumannia, 1853, S. 53).

Какъ кажется, въ Голландіи не гнѣздится, но мѣстами долженъ гнѣздиться въ Бельгіи (*Dresser*, l. c.; Muséum des Pays-Bas, Aquilae, 11—12; *La Fontaine*, l. c., p. 217).

На Британскихъ о—вахъ бѣлохвостикъ былъ прежде обыкновененъ, теперь же въ большинствѣ мѣстностей рѣдокъ; такъ, въ Англіи почти пересталъ гнѣздиться, сталъ очень рѣдокъ въ Ирландіи и сравнительно обыкновенною гнѣздящеюся птицею остается еще только въ Шотландіи. Вездѣ придерживается морскихъ береговъ и внутрь страны залетаетъ только внѣ времени гнѣздовья, если не считать бродячихъ, не гнѣздящихся молодыхъ особей (*Dresser*. Birds of Europe, P. XXXVII).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe*, едва ли гдѣ гнѣздится, за исключеніемъ Прованса (Journ. f. Ornith., 1856, S. 214), но осенью (октябрь и ноябрь) постоянно встрѣчается у береговъ Франціи, а зимою заходитъ далѣе въ глубь страны (*Marchant*, l. c., p. 5; *Dubalen*, l. c., p. 7; *Lacroix*, l. c., p. 20—21). По *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 415), зимою бываетъ въ Савойѣ.

Въ Испаніи крайне рѣдокъ даже зимою (Allg. d. Naturhist. Z., 435), но *Saunders* (l. c., p. 319) нашелъ его подъ Кадиксомъ и *Irby* не находитъ невозможнымъ гнѣздованье этой птицы на нѣкоторыхъ скалахъ южнаго берега Испаніи (l. c., p. 222). Однажды замѣченъ у берега Португаліи (Journ. f. Ornithol., 1872, 141). Быть можетъ гнѣздящаяся птица Балеарскихъ о—въ (Journ. f. Ornith., 1862, 249).

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 9), рѣдокъ и не гнѣздится.

Въ Австро-Венгріи осѣдлая птица Дунайскихъ низменностей (Journ. f. Ornithol., 1879, I, 28—34). Подъ Вѣной и Лембергомъ найденъ только зимою, въ Богеміи осѣдлый (Journ. f. Ornith., 1872, 379; *Fritsch*, Norm. Zeit. etc., 6.; Journ. f. Ornithol., 1879, 110). Въ Трансильваніи на гнѣздовьи рѣдокъ (Ibis, 1875, p. 294). По *Dalla Torre* (l. c., p. 21), изрѣдка встрѣчается на Боденскомъ озерѣ и въ сѣв. Тиролѣ (также Naumannia, 1857, 393). Зимою бываетъ въ Штиріи (Naumannia, 1858, 472). Крайна (*Freyer*. Fauna etc., S. 8). Въ Зальцбургѣ рѣдокъ (Zool. Gart., 1875, S. 231).

На Балканскомъ полуо—вѣ обыкновененъ въ Добруджѣ (Journ. f. Ornith., 1877, S. 60). По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 166), осѣдлая птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи (см. также Journ. f. Ornith., 1859, S. 380) и Вост. Румеліи. По

Elwes & Buckley (l. c., p. 70—71), очень обыкновененъ въ Македоніи и по всему берегу Чернаго моря, откуда заходитъ далеко внутрь страны. Осѣдлая птица подъ Константинополемъ (R. et M. de Zool., 1869, p. 344—345). По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1862, 442), обыкновенная осѣдлая птица по берегамъ Греціи.

Въ **Азіи:**

По *Финшу* (Reise nach W.-Sib., S. 134), 14 апрѣля найденъ въ Ялуторовскомъ лѣсу, гдѣ обыкновененъ; 25 апр. найденъ вдоль казачьей линіи по Иртышу; на Кара-Иртышѣ вѣроятно сходится вмѣстѣ съ Hal. leucorypha, который замѣняетъ его на оз. Зайсанъ. Много разъ былъ видѣнъ на пути къ Усть-Каменогорску, въ лѣсахъ по Иртышу. По Оби и ея притоку—Щучьей р. къ сѣверу идетъ до предѣла лѣсной растительности; оттуда залетаетъ въ тундру.

По *Третьякову* (l. c., p. 311), найденъ въ Туруханскомъ краѣ. *Миддендорфомъ* (Sibir. Reise, p. 125) Haliaëtos albicilla замѣченъ въ Таймырскомъ краѣ (75° с. ш.), молодой самецъ убитъ недалеко отъ южнаго берега Охотскаго моря (10 іюля). По *Зибому* (Ibis, 1878, 322), бѣлохвостъ обыкновененъ на Енисеѣ. По *Шренку* (Vögel des Amur-Landes, 223—227), очень обыкновенная птица Амурскаго края. Добыта также на Сахалинѣ. *Киттлицъ* доставилъ бѣлохвоста изъ Камчатки. По *Радде* (Reis. im S. von O.-Sib., B. II, S. 95—96), бѣлохвоста нѣтъ въ восточной части Саянскаго хребта и ничего неизвѣстно о нахожденіи этой птицы на Коссоголѣ. Очень обыкновененъ на Байкальскомъ озерѣ. Изрѣдка встрѣчается въ долинѣ Селенги, совсѣмъ не найденъ по главному Яблоновому хребту, рѣдокъ по среднему теченію Онона и Аргуни, равно какъ и на среднемъ Амурѣ, но обыкновененъ на восточныхъ склонахъ Хинганя и особенно у устья Уссури. По свидѣтельству *Дыбовскаго* (Journ. f. Ornithol., 1876, 190), обыкновененъ у берега Японскаго моря. Гнѣздящаяся птица Японіи (*Blakiston & Pryer*. On the Birds of Japan, p. 247). По *Swinhoe* (l. c., p. 259—260), въ концѣ февраля добытъ на Янгъ-цзе; другой замѣченъ въ декабрѣ около Амои; зимою же встрѣчается подъ Гонгконгомъ. Кажется, р. Янгъ-цзе служитъ южнымъ предѣломъ нормальнаго распространенія бѣлохвоста въ Китаѣ. *Пржевальскимъ*

(Монголія, II, 11—13) найденъ на Далай-норѣ. По свидѣтельству *Сѣверцова* (Вертикальное и горизонт. распредѣл. туркест. животн., стр. 63; Journ. f. Ornith., 1875, 169), зимующая птица всего Туркестанскаго края, исключая его юго-западной части; въ вертикальномъ распространеніи достигаетъ высоты 6000′ надъ уровнемъ моря.

Вѣроятно осѣдлая птица въ бассейнѣ Инда (*Hume*, l. c., p. 159). *Blanford* (Eastern Persia, II, 112) нашелъ бѣлохвоста въ Персіи. По *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, p. 3), гнѣздящаяся птица Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**:

По свидѣтельству *Heuglin'*а (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 52 и XXII), осѣдлая птица нижняго Египта.

По *Loche*, (l. c., p. 39), случайно залетаетъ въ Алжиръ.

По *Bolle* (Journ. f. Ornith., 1854, 449), бѣлохвостъ въ пятидесятыхъ годахъ еще былъ на Канарскихъ о—вахъ, но судя по собраннымъ свѣдѣніямъ далеко не въ такомъ количествѣ какъ прежде.

35.

HALIAËTOS LEUCORYPHA, PALL.

Синонимы: Aquila Macei, Cuv.; Aquila deserticola, Eversm.

станціи:

степи съ озерами, приморскія степныя пространства.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Палласъ нашелъ Hal. leucorypha на Нижнемъ Уралѣ и на нижней Волгѣ (Zoographia Rosso-Asiatica, I, 352). Тамъ же и около Аральскаго моря, а также Норъ-Зайсана нашелъ его *Эверсманнъ* (Ест. ист. Оренбургск. края, ч. III, стр. 32; Bull. de Moscou, 1848, I, 210; Journ. f. Ornithol., 1853, 61). По свидѣтельству *Яковлева* (Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 326), H. l. встрѣчается изрѣдка въ южной части Астра-

ханск. губ. Въ землѣ Уральскаго казачьяго войска найденъ *Карелинымъ* (Разборъ статьи Рябинина, стр. 283). Въ концѣ сентября *Богдановъ* видѣлъ однажды эту птицу въ дельтѣ Терека (Птицы Кавказа, стр. 37). По *Сѣверцову*, крайне многочисленень на низовьяхъ Урала, особенно ниже Калмыковой; вверхъ идетъ до Уральска. Не гнѣздится тамъ: въ апрѣлѣ и маѣ, линяющіе. Лѣтомъ замѣченъ на р. Самарѣ, у Бузулука. Экземпляръ Hal. leucogypha, описанный *Эверсманномъ* за Hal. deserticola (Ест. ист. Оренб. края, ч. Ш, стр. 33), убитъ въ степи на сѣверъ отъ Аральскаго моря. По *Finsch*'у (Reise n. W.-Sib., S. 134—136), вѣроятно есть на Кара-Иртышѣ, очень обыкновененъ на Норъ-Зайсанѣ и на альпійскомъ озерѣ Марка-куль въ Китайскомъ Алтаѣ. По свидѣтельству *Дыбовскаго*, изрѣдка бываетъ у Култука, откуда Дыбовскимъ доставлено два экземпляра въ варшавскій зоологич. музей (только залетный). Въ большемъ числѣ встрѣчается въ Даурiи, въ окрестностяхъ Акши и на берегахъ Аргуни, въ періодъ гнѣздовья. Линючіе экземпляры найдены Дыбовскимъ и на Амурѣ (Faune de la Sibérie orientale, p. 121). *Пржевальскимъ* найденъ на Желтой рѣкѣ, изрѣдка встрѣчается въ Гань-су; весною и осенью найденъ на Куку-Норѣ (Монголія и страна Тангутовъ, т. II). По *Scully* (l. c., p. 124), гнѣздящаяся птица Восточнаго Туркестана. *Сѣверцовымъ* лѣтомъ найденъ въ трехъ зоологическихъ участкахъ Туркестанскаго края: сѣверо-восточномъ, переходномъ и сѣверо-западномъ, при вертикальномъ распространеніи вообще до 6000′, но вѣроятно только бродячій, зимою—въ сѣверо-западномъ (Journ. f. Ornithol., 1875, 170). Не рѣдокъ у Памирскихъ озеръ, куда поднимаются не гнѣздующіе (Замѣч. о фаунѣ позвоночн. Памира, стр. 68). По *Henderson & Hume* (Lahore to Yarkande, p. 166, 175), найденъ въ равнинахъ Яркенда и въ Пенджабѣ.

По *Adams*'у (l. c., p. 170), обыкновененъ въ долинѣ Кашмира. По *Hume* (Str. Feath., III, p. 447), спорадически распространенъ во всей Индіи, гдѣ отчасти осѣдлый, отчасти зимующій. По *Blanford* (East. Persia, II, 112), осѣдлый въ Персіи, гдѣ вѣроятно отчасти и зимующій. По *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, p. 3), гнѣздящаяся птица Малой Азіи.

Я разсмотрѣлъ область распространенія Hal. leucogypha цѣликомъ, не разбивая на параграфы, потому что правильныхъ пере-

летовъ у этой птицы нѣтъ. Это птица сильно бродячая, потому что она линяетъ черезъ годъ и въ годъ линьки не гнѣздится, и совершаетъ очень дальнія экскурсіи за предѣлы своей области гнѣздовья. Зимою часть Hal. leucoryphа несомнѣнно подвигается нѣсколько къ югу, но не переходитъ за предѣлы южной и юго-западной Азіи, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ Hal. leucoryphа живетъ и какъ осѣдлая птица.

36.

MILVUS REGALIS, BRISS.

Коршунъ красный.

Синонимы: Falco milvus, Linn.; Milvus ictinus, Sav.; Accipiter regalis, Pall.; Milvus regalis, Vieill.; Milvus ruber, C. L. Brehm.

станціи:

островные лѣса въ населенной мѣстности.

Вмѣстѣ съ Buteo vulgaris красный коршунъ одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей фауны западной Европы. Отличіе отъ большаго канюка у M. regalis состоитъ въ томъ, что перелеты M. reg., сложившіеся изъ кочевокъ, выражены уже настолько рѣзко, что въ сѣверной части занятой имъ области онъ прямо можетъ назваться перелетною птицей. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ сѣверныя особи краснаго коршуна не спускаются зимою за предѣлы области, занятой южными особями того же вида, то я буду говорить объ области распространенія M. reg., не разбивая ее на параграфы и указывая въ текстѣ, гдѣ эта птица только лѣтуетъ и гдѣ осѣдла.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Распространеніе краснаго коршуна въ Европ. Россіи болѣе или менѣе совпадаетъ съ распространеніемъ Buteo vulgaris. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 106), эта птица очень обыкновенна въ

черноморскихъ степяхъ, особенно въ Бессарабіи; около Днѣпра же ее находилъ *Кесслеръ* (Естеств. исторія губ. Кіевск. учебн. округа, в. III, стр. 27). Въ Крыму красный коршунъ рѣдокъ (*Radde.* Beiträge z. Ornith. S. Russl., Bull. de Moscou, 1854, III, стр. 134, 135 и Journ. f. Ornithol., 1854, S. 55). По свидѣтельству *Гёбеля* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 49—51), гнѣздящаяся птица Уманьскаго у. Кіевской губ. По свидѣтельству *Тачановскаго*, эта птица лѣтомъ обыкновенна въ Польшѣ (Сравнит. обзоръ и т. д., стр. 124; O ptakach, стр. 51; Liste des vertébrés etc., p. 134). По *Гёбелю* (Journ. f. Ornith., 1873, I), гнѣздится въ Курляндіи. По *Руссову* (Die Ornis Ehst—, Liv—und Curland's, S. 22), рѣдкая гнѣздящаяся птица западной Курляндіи и Лифляндіи; въ Эстляндію только изрѣдка залетаетъ. По свидѣтельству *Данилова* (Bulletin de Moscou, 1864, II, 454), гнѣздится въ Орловской губ. Въ Тульскую только залетаетъ и то рѣдко *(Мензбиръ.* Орнитологич. фауна Тульской губ., стр. 11).

Въ своемъ сочиненіи о фаунѣ Воронежской губ. г. Сѣверцовъ сдѣлалъ отмѣтку, что въ Воронежской губ. есть Milvus regalis Н. А. Сѣверцовъ словесно сообщилъ мнѣ, что позднѣе онъ имѣлъ случай убѣдиться въ разныхъ мѣстностяхъ, что между обыкновенными M. ater есть особи, отличающіяся болѣе интенсивнымъ краснымъ цвѣтомъ и большею вилохвостостью. Издали эти особи могутъ быть приняты за Milvus regalis, особенно если видѣть ихъ летающими вмѣстѣ съ обыкновенными M. ater. Что это не M. regalis, а M. ater убѣждаешься только добывши птицу. Перебравши нѣсколько экземпляровъ такихъ коршуновъ, Н. А. Сѣверцовъ пришелъ къ заключенію, что птицы, отмѣченныя имъ въ названномъ сочиненіи за M. regalis, вѣроятно не M. regalis, а M. ater var. rufescens.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Норвегіи, по *Collet* (Norges Fugle, p. 154), гнѣздящаяся птица юго-восточной части страны. Въ Швеціи поднимается до 65° с. ш. *(Wallengren,* l. c.), но какъ гнѣздящаяся птица не идетъ далѣе 61° с. ш. Гнѣздящаяся птица Готланда (Naumannia, 1853, 83).

Въ Даніи, по свидѣтельству *Benzon*'а *(Dresser.* Birds of Europe, P. XL), распространенъ повсемѣстно, но только гнѣздится и не зимуетъ.

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., p. 60), вообще говоря, распространенъ повсемѣстно. По свидѣтельству *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1860, 214), найденъ въ Восточной Пруссіи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1853, 150), *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1857, 182) и *Holtz*'у (Journ. f. Ornith., 1865, 118), обыкновенная гнѣздящаяся птица Помераніи. Гнѣздящаяся птица Ольденбурга *(Negelein*, Naumannia, 1853, S. 53; *Wiepken & Greve*, l. c., S. 13). По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornithol., 1855, 184), довольно обыкновененъ въ Бранденбургѣ. Отчасти гнѣздящаяся, отчасти пролетная птица Баваріи (Naumannia, 1855, 75; 1856, 42). Гнѣздится въ Рейнскихъ провинціяхъ (Naumannia, 1855, S. 343).

Въ Голландіи и Бельгіи (Muséum des Pays-Bas, Milvi, 1—2; *La Fontaine*, l. c., p. 220—222) отчасти гнѣздящаяся, отчасти пролетная птица.

Въ Великобританіи прежде былъ обыкновененъ, но потомъ подвергнулся страшному преслѣдованію и теперь рѣдокъ на гнѣздовьѣ какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи.

Въ Ирландіи это рѣдкая залетная птица *(Dresser.* Birds of Europe, P. XL).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 65), осѣдлый въ Ландахъ и вѣроятно осѣдлый же въ Верхнихъ Пиренеяхъ. Рѣже встрѣчается въ Провансѣ и Шампаньи, случайно залетаетъ въ нижній Лангедокъ и въ окрестности Лилля. По свидѣтельству *De Sinety* (R. et M. de Zool., 1854, p. 202), гнѣздящаяся птица деп. Сены & Марны. По свидѣтельству *Marchant*, рѣдкая гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ (l. c., p. 13). По *Lacroix* (l. c., p. 25—26), осѣдлая птица Пиренейскихъ горъ, откуда зимою спускается въ низменности. По *Dubalen* (l. c., p. 8), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица деп. Ландъ, Нижн. Пиренеевъ и Жиронды. По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, S. 44), подъ Ліономъ бываетъ осенью и зимою.

По *Bailly* (Naumannia, 1855, 415), гнѣздящаяся птица Савойи.

Гнѣздящаяся птица Швейцаріи (Journ. f. Ornithol., 1879, IV, 358; Naumannia, 1856, 164).

По *Brehm*'у (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., S. 437), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица Испаніи. Осѣдлый въ Галиціи (Journ. f. Ornithol., 1855, 298), въ южной Испаніи *(Saunders* (l. c., p. 320), на испанскомъ берегу Гибралтара *(Irby,* l. c., p. 47—48). Нѣсколько разъ замѣченъ въ Португаліи (Journ. f. Ornithol., 1872, 142).

По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornithol., 1862, 249), обыкновенная гнѣздящаяся птица Балеарскихъ о—въ.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 13), обыкновенная осѣдлая птица въ южной и центральной части страны, рѣдкая въ сѣверной. Обыкновенная осѣдлая птица Сардиніи (Journ. f. Ornithol., 1865, 62) и Сициліи *(Malherbe,* p. 34).

Въ Австро-Венгріи гнѣздящаяся птица Богеміи (Journ. f. Ornith., 1872, 380). Подъ Вѣной рѣдокъ, внизъ по Дунаю становится все многочисленнѣе и многочисленнѣе (Journ. f. Ornithol., 1879, 46 и 112). Въ Трансильваніи на гнѣздовьи рѣдокъ, обыкновененъ осенью (Ibis, 1875, 295). По *Althammer*'у и *Dalla Torre* (Naumannia, 1857, 393 и Die Wirbelthierfauna von Tirol und Vorarlberg, S. 14), въ Тиролѣ красный коршунъ очень рѣдокъ. Только на пролетѣ въ Зальцбургѣ (Zool. Gart., 1875, 232) и Штиріи (Naumannia, 1858, 473). *Frayer* (l. c., S. 9) отмѣтилъ его для Крайны.

На Балканскомъ полуо—вѣ M. reg. распространенъ далеко не повсемѣстно. Однажды весною найденъ въ Добруджѣ (Journ. f. Ornith., 1877, 61). По *Радакову* (Bulletin de Moscou, 1879, I, 164), гнѣздится повсемѣстно въ Молдавіи, Валахіи и Болгаріи. Въ Болгаріи найденъ еще *Finsch*'емъ (Journ. f. Ornithol., 1859, 380). По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 72—73), очень многочисленъ въ Македоніи, но только зимою бываетъ подъ Константинополемъ *(Alléon & Vian,* l. c., p. 372). По *Heldreich*'у (l. c., p. 32), преимущественно пролетная, но отчасти и зимующая птица Греціи.

Въ **Азіи:**

Въ Малой Азіи несомнѣнно бываетъ на пролетѣ, но б. м. и гнѣздится *(Danford,* l. c., p. 5; *Dresser.* B. of Eur., P. XL).

Отчасти осѣдлая, преимущественно зимующая птица Палестины (Ibis, 1865, p. 255).

Въ **Африкѣ**:

По *Rüppell*'ю, обыкновененъ въ Нижнемъ Египтѣ, гдѣ, однако, не найденъ ни *Brehm*'омъ, ни *Heuglin*'омъ (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 97). Одинъ старый экземпляръ полученъ *Heuglin*'омъ зимою $18\frac{55}{56}$ года изъ Триполи. По *Loche* (l. c., p. 44) и *Тачановскому* (Journ. f. Ornith., 1870, 37), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица Алжира.

По *Irby* (l. c., p. 47—48), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица Морокко. Обыкновенная осѣдлая птица нѣкоторыхъ Канарскихъ о—въ *(Bolle*, Journ. f. Ornith., 1854, 449 и 1857, 270).

Dohrn'омъ (Journ. f. Ornithol., 1871, 3) найденъ на о—вахъ Зеленаго мыса.

37.

MILVUS NIGER, BRISS.

Коршунъ.

Синонимы: Milvus ater, Daud.; Milvus aetolius, Vieill.; Milvus fuscus, Brehm; Falco ater., Gm.; Falco migrans, Bodd.; Falco fuscoater, Meier; Accipiter milvus, Pall.; Hydroictinia atra, Kaup.

станціи:

островные лѣса въ мѣстности густо населенной.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По свидѣт. *Сиверса* (Ornithol. anteckn., стр. 88), найденъ на сѣв. отъ Петрозаводска. Въ Финляндіи *Нордманномъ* не найденъ (Bull. de Moscou, 1860, I, стр. 8). По показанію *Лилиеборга*, коршунъ не рѣдокъ отъ Вытегры до Архангельска (Beitrag zur

Ornithologie des Nördl. Russl., Naumannia, 1852, S. 94). То же сообщаетъ *Мевесъ* (Ornithol. iakttag. i nordvestra Ryssland, Öfvers. af. K. V. A. f., 1871, 768). Подъ Архангельскомъ гнѣздится, по свидѣтельству *Гёбеля* (Journ. f. Ornith., 1873, 421). Въ Вологодской губ. гнѣздится по показанію *Межакова* (Catalogue etc., Bull. de Moscou, 1856, IV, 628). Въ Пермской губ. коршунъ не идетъ выше Богословскаго Урала (Позвоночныя средняго Урала, стр. 20; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, 225). Уральская экспедиція не сообщила никакихъ свѣдѣній о коршунѣ. По свидѣтельству *Плеске* (Journ. f. Ornithol., 1878, S. 90), обыкновенная птица Бирскаго у. По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), гнѣздящаяся птица Тверской губ. Въ Петербургской губ., кажется, довольно рѣдокъ (*Büchner* и *Pleske*, S. 27). По свидѣтельству *Эсаулова* (Труды Петербургск. общ. естествоиспыт., т. IX, 227), въ Псковской губ. (Торопецкій и Холмскій уѣзды) очень не рѣдокъ. По свидѣтельству *Руссова* (l. c., 21—22), въ Остзейскомъ краѣ гнѣздится только въ восточной части Лифляндіи, у Чудскаго озера, на Нарвѣ и на гдовскомъ берегу; подъ Дерптомъ вообще бываетъ очень рѣдко (вѣроятно, залетный по Эмбаху), гнѣздится же только въ видѣ исключенія. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornith., 1873, I), гнѣздится въ Курляндіи. Въ Польшѣ M. niger встрѣчается вмѣстѣ съ M. regalis, но на правомъ берегу Вислы обыкновеннѣе M. ater, на лѣвомъ—M. regalis (*Тачановскій*. O ptakach, 63; Сравнит. обзоръ и т. д., стр. 124; Liste des vertébrés, p. 134). По показанію *Шевелева*, гнѣздящаяся птица Черниговской губ. (Наблюденія надъ перелетами птицъ въ Черниговской губ., Тр. общ. испытат. природы при Харьковск. университ., т. IX, 199). Въ Кіевской и другихъ губ. бывш. Кіевскаго учебн. округа гнѣздится, по свидѣтельству *Кесслера* (Ест. исторія губ. Кіевск. учебн. окр., в. III; см. также *Belke*. Notice sur l'histoire naturelle de distr. de Radom., Bull. de Moscou, 1866, 422; *Holtz*, Journ. f. Ornithol., 1873, 146; *Goebel*. Die Vögel des Kreises Uman, S. 51). По свидѣтельству *Данилова* (Bull. de Moscou, 1864, II, 454), гнѣздящаяся птица Орловской губ. Въ Тульской и другихъ подмосковныхъ губ. коршунъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ птицъ (*Мензбиръ*. Орнитолог. фауна Тульской губ., стр. 10; *Сабанѣевъ*, рукопись). То же самое говоритъ о Рязанской губ.

Павловъ (Орнитолог. наблюденія, стр. 7). По свидѣтельству *Сабанѣева*, гнѣздящаяся птица Ярославской губ. (Матеріалы для фауны Ярославск. губ. въ Труд. Ярославск. статистич. ком., в. IV; Bulletin de Moscou, 1868). Во всемъ Поволжьѣ коршунъ очень обыкновененъ *(Богдановъ.* Птицы и звѣри Поволжья, стр. 39—41; *Эверсманнъ.* Естеств. истор. Оренбургск. края, ч. III, стр. 38; Bull. de Moscou, 1848, I, 215; Journ. f. Ornithol., 1853, 63; *Artzibascheff.* Excurs. et observ. ornitholog., p. 42; *Moeschler*, Naumannia, 1853, 303; *Яковлевъ.* Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 327). По свидѣтельству *Сѣверцова* (Періодическія явленія и т. д., стр. 56, 65, 73), M. ater гнѣздится въ Воронежской губ. По *Чернаю*, гнѣздящаяся птица Харьковской губ. (Фауна Харьковской губ., стр. 35; Beiträge zur Fauna d. Chark. Gouv., Bull. de Moscou, 1850, II, 607). Очень обыкновененъ въ Новороссійскихъ степяхъ *(Nordmann.* Faune pontique, p. 106). Гнѣздящаяся птица Бессарабіи (Bull. de Moscou, 1879, I, 164).

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 44), коршунъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ на всемъ пространствѣ Кавказскаго края; не найденъ только въ горныхъ лугахъ Большаго Кавказа.

Восточная граница распространенія M. niger не опредѣлена съ точностью, но, по *Сѣверцову*, въ Семирѣчьи еще есть несомнѣнный M. niger вмѣстѣ съ превосходящимъ его тамъ численностью M. govinda. Послѣдній идетъ и далѣе на западъ, но уже у восточной подошвы Урала становится рѣдокъ и далеко не доходитъ ни до западныхъ предѣловъ уральскаго, ни до западныхъ предѣловъ урало-барабинскаго округа. Судя по Финшу, на Уралѣ попадаются экземпляры средніе между типичнымъ M. niger и M. govinda.

β) Область пролета.

Въ Крыму попадается изрѣдка только на пролетѣ *(Шатиловъ*, Извѣстія общ. любител. естествозн., т. X, в. 2-й, стр. 84).

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

Въ Даніи рѣдокъ (*Kjaerbölling.* Danmarks Fugle, p. 15).

Въ Германіи, по *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 60), гнѣздящаяся птица восточной и центральной части страны, и въ западной Германіи рѣдкая даже на пролетѣ. Чаще всего, мѣстами даже въ большемъ числѣ, чѣмъ M. regalis, встрѣчается въ мѣстностяхъ, лежащихъ по Шпрее, Гавелю, Пеенѣ и нижнему Одеру. По *Wiese* (Journ. f. Ornithol., 1860, 214), встрѣчается въ восточной Пруссіи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1853, 150) и *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1857, 182), очень обыкновененъ въ Помераніи. По *Preen*'у (Naumannia, 1856, 61), гнѣздится подъ Шверинома. По *Vangerow*'у (Journ. f. Ornithol., 1855, 104), гнѣздится въ Бранденбургѣ.

Очень рѣдкая гнѣздящаяся птица Нидерландовъ (Muséum des Pays-Bas, Milvi, 2—3) и южной Бельгіи *(La Fontaine,* l. c., p. 222—223).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 66), M. niger рѣже M. regalis, но почти круглый годъ наблюдается на Адурѣ, между Байоной и устьемъ рѣки. Гнѣздится въ Шампаньи, отчасти пролетная, отчасти гнѣздящаяся птица въ Лорренѣ, рѣдкая гнѣздящаяся птица департ. Котъ-д'Оръ *(Marchant,* l. c., p. 14). По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, p. 44), M. niger лѣтомъ идетъ по Ронѣ. По *Dubalen* (l. c., p. 9), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица деп. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 26), гнѣздящаяся птица Пиренеевъ, откуда на зиму спускается въ прилежащія низменности. По *Bailly* (Naumannia, 1855, 415), гнѣздящаяся птица Савойи.

Мѣстами гнѣздится въ Швейцаріи (Naumannia, 1856, 164; Journ. f. Ornithol., 1879, 358).

Въ Испаніи M. ater рѣдокъ (Allg. d. Naturhist. Zeit., 437), но найденъ отъ Галиціи (Journ. f. Ornithol., 1855, 298) до Гибралтара (*Irby*, l. c., p. 48—49). По *Saunders*'у (l. c., p. 320), отчасти осѣдлая птица южной Испаніи.

Бываетъ на Балеарскихъ о—вахъ (Journ. f. Ornithol., 1862, 249).

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 13), очень рѣдокъ и не можетъ считаться нормально, ежегодно гнѣздящеюся птицею, но въ разное время найденъ въ разныхъ мѣстахъ страны.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, 380), рѣдкая гнѣздящаяся птица Богеміи, обыкновенная въ Венгріи. Очень обыкновененъ подъ Вѣной (Journ. f. Ornithol., 1879, 113). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 295), M. n. обыкновененъ въ Трансильваніи. По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, 393) и *Dalla Torre* (l. c., S. 21), въ сѣверномъ Тиролѣ M. ater не наблюдался, въ южномъ довольно рѣдокъ. Очень рѣдкая птица Зальцбурга (Zool. Gart., 1875, 232).

По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 164), повсемѣстно гнѣздящаяся птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Вост. Румеліи. Очень обыкновенная птица Добруджи. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 73), во множествѣ водится по поросшимъ тополями дунайскимъ островамъ, гнѣздится въ Болгаріи (см. также Journ. f. Ornithol., 1859, 380) и изрѣдка внутри страны. По *Alléon & Vian* (l. c., p. 371), многочисленная гнѣздящаяся птица Константинополя.

Въ **Азіи**:

По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, 170), гнѣздящаяся птица всего Туркестанскаго края. Въ іюлѣ найденъ на Баш-Алаѣ (Замѣтки о фаунѣ позвоночныхъ Памира, стр. 68).

По свидѣтельству *De Filippi* (Journ. f. Ornith., 1876, 176), очень обыкновенная птица Арменіи и Персіи.

Blanford (Eastern Persia, II, 114) нашелъ M. migrans въ Персіи и Белуджистанѣ.

По *Danford* (Ibis, 1876, 5), обыкновенная птица Малой Азіи. Палестина.

Въ **Африкѣ**:

Гнѣздящаяся птица Морокко (*Irby*, l. c., p. 48—49), Алжира (*Loche*, l. c., p. 45) и южной Африки (*Layard*. The Birds of South Africa, 50—52).

β') Область пролета.

Въ **Европѣ** только на пролетѣ M. ater найденъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи (Баварія, западная Германія и др.), преимущественно на пролетѣ въ Нидерландахъ и Бельгіи, случайно залетаетъ въ Англію, пролетная птица въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

Франціи, Испаніи и Турціи, исключительно пролетная въ Греціи (*Heldreich*, l. c., p. 33).

Въ **Азіи** область пролета M. ater не опредѣлена.

Въ **Африкѣ** отчасти пролетный въ Морокко и Алжирѣ.

γ') Область зимовья.

Въ **Европѣ** M. ater остается зимою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Франціи и въ южной Испаніи.

Въ **Азіи** зимовье M. ater не прослѣжено.

Въ **Африкѣ** несомнѣнно зимующая птица Египта (*Heuglin*. Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 98). Въ Алжирѣ на зимовкѣ найденъ *Тачановскимъ* (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 37). Вѣроятно только зимующая птица о—вовъ Зеленаго мыса и на Сенегалѣ (по экземплярамъ Британскаго музея). Найденъ на Замбези, на Мадагаскарѣ (Die Vögel Ost-Afrika's, 61—62), въ Дамарѣ, Намаквѣ и южнѣе. Въ южную Африку прибываетъ передъ или при началѣ дождливаго времени года.

38.

MILVUS GLAUCOPUS, EVSM.

Коршунъ голубоногій.

Одинъ экземпляръ голубоногаго коршуна полученъ *Эверсманномъ* съ Усть-Урта, другой убитъ около Норъ-Зайсана (Естеств. истор. Оренбургск. края, ч. III, стр. 39). Объ одномъ экземплярѣ, добытомъ въ Оренбургской губ., упоминается г. *Зарудныимъ* въ журналѣ «Природа и Охота», 1881.

Голубоногій коршунъ—ближайшій родственникъ M. govinda, распространеннаго въ центральной и южной Азіи и доходящаго приблизительно до восточныхъ предѣловъ Европ. Россіи.

39.

ASTUR PALUMBARIUS, L.

Ястребъ тетеревятникъ.

Синонимы: Accipiter astur, Briss.; Falco dubius, Sparrm.; Falco gallinarius, Gm.; Falco marginatus, Lath.; Falco tigrinus, Beseke; Accipiter astur, Pall.; Sparvius palumbarius, Vieill.; Falco longipes, Nilss.; Astur paradoxus, Brehm.

с т а н ц і и:

лѣсистая мѣстность.

При отсутствіи у тетеревятника правильныхъ перелетовъ, я говорю о его области распространенія, не разбивая ее по параграфамъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Шрадеръ нашелъ тетеревятника въ Русской Лапландіи между 68°—70° с. ш. (Journ. f. Ornithol., 1853, 244; *Middendorf* въ Beitr. z. Kenn. d. R. R., B. VIII, S. 268). По *Нордманну*, обыкновенная осѣдлая птица Финляндіи (Uebersicht etc., Bull. de Moscou, 1860, I). По *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., стр. 91), найденъ около Онежскаго озера. *Зандебергъ* доставилъ въ зоологич. музей Московск. университета два экземпляра Astur palumbarius: одинъ съ Имандры $\left(\frac{9}{IX}\right)$, другой изъ-подъ Архангельска $\left(\frac{20}{IX}\right)$. По *Мевесу*, доходитъ до Архангельска (Ornithol. iakttagels. i nordv. Ryssl., Öfvers. af K. V. A. f., 1871, 768). *Быстровымъ* доставленъ изъ Мезени (Bull. scientif., t. X, № 22, 351). По *Броуну*, въ бассейнѣ Печоры найденъ подъ 66° 13′ с. ш. *Гёбелемъ* найденъ подъ Устюгомъ (Journ. f. Ornith., 1871, 24). Уральская экспедиція не дала тетеревятника, но, по *Сабанѣеву*, Ast. palumb. распространенъ по всей Пермской губ. (Каталогъ звѣрей, птицъ, гадовъ и рыбъ средн. Урала, Bull. de Moscou, 1871, III, 225). Въ лиственъ-

ныхъ лѣсахъ Ирбитскаго уѣзда найденъ *Булычевымъ* (Очеркъ флоры и фауны Ирбитскаго у., Зап. Уральск. общ. любит. естествозн., т. IV, стр. 29). Въ Вологодской губ. довольно обыкновененъ круглый годъ *(Mejakoff*, Bull. de Moscou, 1856, IV, 627). По свидѣтельству *Дьякова*, осѣдлая (конечно, отчасти) птица Тверской губ. (Птицы Тверской губ., стр. 56). По свидѣтельству *Эсаулова* (l. c., 227), осѣдлый въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. По *Büchner*'у и *Pleske* (Beiträge zur Ornithol. d. St. Petersb. Gouvern., 12), обыкновенная осѣдлая птица Петербургскаго, Петергофскаго, Царскосельскаго, Ямбургскаго и Гдовскаго у. *(Порчинскій.* О фаунѣ позвоночныхъ Гдовскаго у., стр. 385). По *Руссову* (Die Ornis Ehst—, Liv—und Curland's, S. 28—29), обыкновенная осѣдлая птица Остзейскаго края. О гнѣздовьи тетеревятника въ Курляндіи см. также *Гуммеля* (Ornitholog. Mittheilung. aus Kurland, Naumannia, 1855, стр. 325) и *Гёбеля* (Journ. f. Ornithol., 1873, I). Въ Польшѣ всюду обыкновенная осѣдлая птица *(Тачановскій.* O ptakach, 121; Сравн. обзоръ орнитол. ф. средн. Европы и ю.-в. Сибири, стр. 125; Liste des vertébrés etc., p. 136). Для Кіевской и Подольской губ. см. *Бельке* (Notice etc., p. 492; Esquisse de l'hist. nat. de Kam. Podol., Bull. de Moscou, 1859, I, 27), *Кесслера* (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 23), *Гольца* (Journ. f. Ornithol., 1873, 139) и *Гёбеля* (Die Vögel des Kreis. Uman, p. 27), которые говорятъ, что тетеревятникъ въ изслѣдованной ими мѣстности птица осѣдлая. Въ Орловской *(Даниловъ.* Catal. des oiseaux, Bull. de Moscou, 1864, II, 453), Тульской *(Мензбиръ.* Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 12), Московской и Владимірской (наблюденія автора «Орнитолог. географіи») осѣдлый. По *Сабанѣеву* (Матеріалы, стр. 247; рукопись), осѣдлый въ Ярославской губ. По свидѣтельству *Павлова* (Орнитолог. набл., стр. 7), рѣдокъ въ Рязанской губ. По *Богданову* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 43) и *Эверсманну* (Естеств. исторія Оренбургск. края, ч. III, стр. 48; Bull. de Moscou, 1848, I, 216; Journ. f. Ornithol., 1853, 63), осѣдлая птица Казанской и Симбирской губ. *Карелинымъ* помѣщенъ въ спискѣ птицъ Урало-казачьихъ владѣній (стр. 284). Подъ Астраханью *Яковлевымъ* найденъ на пролетѣ и зимою (Bull. de Moscou, 1872, IV, 327). Въ Воронежской губ. осѣдлый *(Съверцовъ,* l. c., p. 65, 72 и др.). Какъ осѣдлая птица отмѣченъ

Чернаемъ для Харьковской губ. (Фауна Харьковской губ., стр. 29; Beiträge etc., Bull. de Moscou, 1850, II, 607). По Днѣстру, Бугу и Днѣпру найденъ *Нордманномъ* (Faune pontique, p. 90). По свидѣтельству *Шатилова* (Извѣстія общ. любит. естествозн., т. X, в. 2, стр. 84), осѣдлая птица Тамака. *Радде* нашелъ однажды Ast. palumb. въ лѣсахъ Чатыръ-Дага (Journ. f. Ornithol., 1854, S. 55).

Въ Кавказскомъ краѣ, по *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 43) тетеревятникъ весьма обыкновененъ. Въ горахъ по долинамъ рѣкъ найденъ не выше пояса буковыхъ лѣсовъ. Быть можетъ живетъ и въ поясѣ елей.

Такимъ образомъ на гнѣздовьи въ Европ. Россіи тетеревятникъ распространенъ по всѣмъ лѣсамъ, отъ ихъ сѣвернаго до южнаго предѣла, зимою же, во время кочевой жизни, можетъ быть встрѣченъ рѣшительно всюду.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Скандинавіи, по свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, p. 153) и *Wallengren*'а (l. c., S. 68), распространенъ повсемѣстно въ лѣсахъ до полярнаго круга. *Palmén* и *Sahlberg* (l. c., S. 245) добыли Ast. palumbar. подъ Муоніоніской. Гнѣздо съ яйцами найдено еще сѣвернѣе, подъ 68° 45′ с. ш. Кой-гдѣ встрѣчается въ странѣ Финмарковъ. По *Boie* (Journ. f. Ornithol., 1869, 8), найденъ *Бартомъ* на Лофоденскихъ и Вестераальскихъ о—вахъ. Въ Гренландіи, Исландіи и на Фарерскихъ о—вахъ тетеревятника нѣтъ.

По *Holtz*'у (Die Insel Gothland, S. 39), гнѣздится на Готландѣ.

Обыкновенная гнѣздящаяся птица Даніи (*Benzon* у *Dresser*'а въ Birds of Europe, P. XLI & XLII и *Kjaerbölling*. Danmarks Fugle, S. 29—30).

Осѣдлая птица въ южной части Нидерландовъ (Muséum des Pays-Bas, Astures, 16—17) и отчасти осѣдлая, отчасти зимующая въ Бельгіи и Люксембургѣ (*Dresser*, l. c. и *La Fontaine*, l. c., p. 218—219).

Въ Англіи и Шотландіи, благодаря преслѣдованіямъ, тетеревятникъ сталъ очень рѣдокъ. Въ Ирландіи встрѣчается еще рѣже, чѣмъ въ Великобританіи.

Въ Германіи, по *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 60), тетеревятникъ распространенъ повсемѣстно. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1853, 149), *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1857, 181) и *Holtz*'у (Journ. f. Ornithol., 1865, 113) осѣдлая, но не очень многочисленная птица Помераніи. По свидѣтельству *Preen*'а (Naumannia, 1856, S. 61), гнѣздится подъ Шверіномъ. Обыкновенная гнѣздящаяся птица Ольденбурга (Naumannia, 1853, 54; *Wiepken & Greve,* l. c., p. 15). Обыкновенная птица Рейнскихъ провинцій (Naumannia, 1855, S. 342). Гнѣздящаяся птица Ангальта *(Pässler,* Journ. f. Ornithol., 1857, S. 400). Осѣдлый въ Тюрингіи (Naumannia, 1853, S. 373; Journ. f. Ornithol., 1878, S. 69—70 и т. д.). Очень обыкновенная, отчасти осѣдлая птица Бранденбурга (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 184 и Journ. f. Ornithol., 1876, 33). По *Landbeck'y* (Naumannia, 1855, S. 75), тетеревятникъ обыкновененъ въ Баваріи и т. д.

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 98), не рѣдкая гнѣздящаяся птица въ лѣсистыхъ горахъ Дофинэ, въ Верхнихъ Пиренеяхъ, Нижнихъ Альпахъ, Анжу, Шампаньи и Лоррэнѣ. Г. *Benoist* (Mém. de la soc. d. sc. nat. de Cherb., 1854, 232) отмѣченъ для окрестностей Валоньи. По свидѣтельству *De Sinety* (R. et. M. de Zool., 1854, 201), гнѣздится въ деп. Сены & Марны. По *Marchant* (l. c., p. 13), очень рѣдкая гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ. Рѣдкая гнѣздящаяся птица въ Севеннахъ (Journ. f. Ornithol., 1856, 215). По *Dubalen* (l. c., p. 10), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица деп. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 33), гнѣздится въ Пиренейскихъ горахъ, откуда зимою спускается въ прилежащія низменности.

Осѣдлая птица Швейцаріи (Naumannia, 1856, 164; Journ. f. Ornithol., 1860, S. 232; Journ. f. Ornithol., 1879, S. 358).

Однажды замѣченъ въ Португаліи (Journ. f. Ornithol., 1872, 142). По *Saunders*'у (l. c., p. 321), мѣстами гнѣздится въ южной Испаніи, по *Lilford*'у, найденъ въ Андалузіи и Каталоніи *(Dresser.* Birds of Europe, P. XLI & XLII), изъ чего можно заключить, что тетеревятникъ вообще спорадически гнѣздящаяся птица Испаніи.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 14), рѣдокъ на материкѣ, гдѣ, кажется, не гнѣздится, и болѣе обыкновененъ въ Сардиніи (Journ. f. Ornithol., 1865, S. 66), гдѣ является не только гнѣздящеюся, но даже осѣдлою птицею. По *Malherbe* (l. c., p. 33), рѣдкая осѣдлая птица Сициліи.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, 379), осѣдлый въ Богеміи. По *Wodzick*'ому (l. c., p. 431), довольно многочисленная гнѣздящаяся птица Карпатъ. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 295), обыкновенная осѣдлая птица Трансильваніи. Обыкновенная осѣдлая птица подъ Вѣной (Journ. f. Ornithol., 1879, 111) и въ низменностяхъ средняго Дуная (Journ. f. Ornithol., 1879, 44). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 392) и *Dalla Torre* (l. c., S. 21), рѣдкая птица Тироля. Въ Зальцбургѣ не многочисленъ (Zool. Gart., 1875, S. 234). По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, 472), не рѣдкая осѣдлая птица Штиріи. *Frayer*'омъ (l. c., p. 9) отмѣченъ для Крайны.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по свидѣтельству *Sintenis* (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 61), гнѣздящаяся птица Добруджи. По *Finsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1859, 381), очень обыкновененъ въ Болгаріи, что не согласно съ показаніемъ *Радакова* (Bull. de Moscou, 1879, I, 164), который говоритъ что тетеревятникъ гнѣздится въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточн. Румеліи, но вездѣ рѣдокъ. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 45), осѣдлая и мѣстами не рѣдкая птица Турціи, особенно обыкновенна въ лѣсахъ Балканскихъ горъ. Отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица подъ Константинополемъ, гдѣ гнѣздится въ Бѣлградскихъ лѣсахъ (*Alléon & Vian*, R. et. M. de Zool., 1869, p. 401—402). По *Heldreich*'у (La Faune de Grèce, p. 33), отчасти зимующая, отчасти пролетная птица Греціи, гдѣ, по *Lindermayer*'у (Die Vögel Griechenlands, S. 30), нѣкоторыя пары гнѣздятся въ сѣверной части страны.

Въ **Азіи**:

По свидѣтельству *Палласа* (Zoographia Rosso-Asiatica, I, p. 367), распространенъ по всей Сибири до Камчатки. По *Третьякову* (Туруханскій край, стр. 312), гнѣздится въ Туруханскомъ краѣ.

Миддендорфъ (Sibirische Reise, B. II, Th. 2, S. 129) видѣлъ эту птицу въ Барабинской степи, въ концѣ года, на южномъ берегу Охотскаго моря, въ августѣ, и добылъ экземпляръ въ Удскомъ Острогѣ, 17-го февраля. *Шренкомъ* во время его путешествія (Vögel des Amur-Landes, 243—244) добыто два экземпляра тетеревятника: старая самка свѣтлой разности (28 марта 1855) у Николаевскаго поста и молодой экземпляръ (5 іюля) у устья Горыни. По *Радде* (Reis. im Süd. v. O.-Sib., II, 109—110), обыкновененъ въ октябрѣ въ Бурейскихъ горахъ. *Дыбовскимъ* весною 1873 года (Journ. f. Ornithol., 1874, S. 344), найденъ на Аргуни, въ 1867 году добытъ въ Даурiи и т. д.

По *Blakiston & Pryer* (Ibis, 1878, 248—249), найденъ въ Японiи.

По *Swinhoe* (Ibis, 1874, 430), не совсѣмъ взрослый самецъ былъ добытъ 10-го октября подъ Шефу; взрослый экземпляръ добытъ подъ Пекиномъ (зимою). По *Пржевальскому* (Монголiя, II, 18), замѣченъ разъ или два въ ю.-в. Монголiи; въ Гань-су и на Куку-норѣ не найденъ. Въ Уссурiйскомъ краѣ встрѣчается какъ внутри страны, такъ и на побережьи Японскаго моря, гнѣздится, но не зимуетъ.

По *Scully* (l. c., p., 120), осѣдлый въ Восточномъ Туркестанѣ.

По *Сьверцову* (Вертикальное и горизонтальное распредѣленiе туркестанскихъ животныхъ, стр. 63; Journ. f. Ornithol., 1875, 171), рѣдкая осѣдлая птица во всемъ Туркестанскомъ краѣ, исключая его юго-западнаго участка. По свидѣтельству *Jerdon*'а (B. of India, I, p. 45) и *Hume*, гнѣздящаяся птица Гималая, въ поясѣ прилежащемъ къ снѣговой линiи. Зимою спускается въ долины Пенджаба. По свидѣтельству *Stoliczka* (l. c., p. 13), случайно спускается въ долину Сетледжа.

Осѣдлая, но рѣдкая птица Персiи (*Blanford*. Eastern Persia, II, p. 106—107; Journ. f. Ornithol., 1876, 176).

Случайно гнѣздящаяся птица Малой Азiи (Journ. f. Ornithol., 1869, 28—29; Ibis, 1878, p. 5). По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol., 1879, 386), тетеревятникъ найденъ на Кипрѣ. Очень рѣдокъ въ Палестинѣ (Ibis, 1865, p. 259).

Въ **Африкѣ**:

Heuglin'омъ (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 59) въ Египтѣ не найденъ, но *Shelley* (Birds of Egypt, p. 185) добылъ одну самку

тетеревятника изъ-подъ Бенисуефа, изъ чего можно заключить, что изрѣдка Ast. palumb. бываетъ зимою въ странахъ по Нилу.

По *Loche* (l. c., p. 43), случайно заходитъ въ Алжиръ.

По *Irby* (l. c., p. 36), отчасти осѣдлая, отчасти залетная птица Морокко.

При такомъ обширномъ распространеніи, каково распространеніе тетеревятника, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы встрѣчаемся съ мѣстными породами, болѣе или менѣе рѣзко отличимыми отъ типичныхъ Ast. palumb. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти мѣстныя породы не что иное, какъ болѣе или менѣе рѣзко выраженные типы личныхъ различій, но это еще не даетъ намъ права ихъ игнорировать. Помимо типичнаго Ast. palumb., мнѣ извѣстно три разности тетеревятника, изъ которыхъ двѣ, мнѣ кажется, надо признать за мѣстныя породы, а третью пока считать только типомъ личныхъ различій, не достигшихъ даже значенія мѣстной породы.

a) *A. palumbarius albidus* (Ast. palumb. var. alba, Pall).

Впервые отличенъ Палласомъ, по свидѣтельству котораго (Zoogr. R.-As., T. I, p. 368) изрѣдка встрѣчается около Уральскихъ горъ и обыкновененъ въ восточной Сибири и Камчаткѣ. Вотъ оригинальныя описанія этой породы, данныя Палласомъ и Шренкомъ. „Mein Exemplar, говоритъ Шренкъ (l. c., S. 243), ist ein altes Weibchen. Die Grundfarbe desselben ist weiss, stellenweise mit schwachem rostgelblichem Anfluge; auf dem Kopfe und Halse mit schwärzlichbraunen Streifen längs dem Schafte jeder Feder, auf dem Rücken und den Flügeln mit graubraunen, halbmondförmigen, längs dem Schafte auch nach aufwärts fortgesetzten Flecken vor der Spitze jeder Feder; die Schwingen braun und weisslich gebändert; der Schwanz hellbräunlich mit 5 dunkelbraunen, weisslich gesäumten Bändern und weisslichem Endsaume. Die Unterseite ist weiss, allenthalben, von der Kehle an, mit feinen graubraunen Schaftflecken, welche an der Brust gröber und zahlreicher, an den Weichen lanzett—und herzförmig und nach innen zu gelbschimmelig sind. Die Unterseite der Schwingen und des Schwanzes ist weiss und graubraun gebändert“. Описаніе молодаго экземпляра у Палласа слѣдующее: «*Corpus* totum album, sed in vertice,

cervice, dorso et alis liturae in omnibus plumis per rhachin longitudinales, gryseo-fuscescentes. *Remiges* fusco, alboque fasciatae. *Cauda* alba, fasciis quinque transversis fuscescentibus. *Subtus*, praeter rhaches plumarum in collo et pectore cinerascentes, tota alba avis. Pedes, cera, iris pallidius flava". Про стараго Палласъ говоритъ, что „*Plumae* aeque ac lanugo per totum corpus nive candidiores. In vertice, cervice, collo inferiore et jugulo scapi plumarum tenuiter gryseae. Quo seniores, eo dicuntur candidiores evadere. Pedes anniculis et biennibus fulvescentes, iisdemque liturae flavescentes in alis, ventre et cauda".

Я видѣлъ одного ♂ Ast. palumbarius изъ Варнавина, Костромской губ., который можетъ до извѣстной степени считаться переходомъ отъ Ast. pal. typicus къ Ast. palumb. albidus: при болѣе свѣтлой верхней сторонѣ тѣла у него нижняя часть груди, брюхо и штаны снѣжно-бѣлыя, съ едва замѣтными поперечными пестринами и наствольными черточками. Нѣкоторыя перья поименованныхъ частей безъ всякихъ поперечныхъ пестринъ и съ едва замѣтными наствольными черточками.

b) *Astur palumbarius Schvedowi.*

Изъ Иркутска отъ г. Шведова получены 4 экземпляра ястреба, которые рѣзко отличаются отъ нашихъ Ast. palumbarius своимъ меньшимъ ростомъ, черными ушными перьями, черною головою и почти черною верхнею частью спины, которая у самки гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у самца; верхняя сторона тѣла иркутскихъ ястребовъ вообще гораздо темнѣе той же стороны европейскихъ тетеревятниковъ; нижняя сторона тѣла иркутск. тетеревятника съ гораздо болѣе многочисленными и болѣе узкими, чѣмъ у европейскихъ, темными поперечными черточками, которыя на глоткѣ развиты очень мало.

Во второмъ нарядѣ иркутскій ястребъ отличается отъ нашего того же возраста большею пестротою: вся верхняя сторона головы, задняя часть шеи и верхняя часть спины съ бьющими въ глаза пестринами. Середина спины на небольшомъ разстояніи однообразно дымчатаго цвѣта. Нижняя часть спины и верхнія кроющія хвоста съ большими бѣловатыми полосками на буровато-дымчатомъ фонѣ. Полосатость сильно развита и у плечевыхъ, и

у большихъ и среднихъ кроющихъ крыла. Перья, закрывающія ушныя отверстія, по крайней мѣрѣ у самки, въ этомъ возрастѣ еще не черныя, а сѣроватыя съ темными наствольными полосками. Кромѣ четырехъ иркутскихъ экземпляровъ, доставленныхъ г. Шведовымъ, извѣстенъ еще одинъ экземпляръ безъ сомнѣнія этой породы, убитый г. Дыбовскимъ (Дарасунь), про котораго г. Тачановскій пишетъ слѣдующее: „un mâle, tué à Darasun, en 1867, a sur tout le dessous du corps des raies foncées beaucoup plus nombreuses et plus fines que sur tous les exemplaires d'Europe que je connais, la couleur de la *tête* et du *manteau* beaucoup plus foncé; il est aussi plus petit, car l'aile pliée mesure 305 millim., tandis que j'ai trouvé dans les mâles de la Pologne, que j'ai mesurés, cette dimension variant entre 315 et 330 millim.“ (Bull. de la Soc. zool. de France, 1876, p. 127).

Интересно выясненіе географ. распрост. Ast. pal. Schvedowi. Пока онъ найденъ только въ окрестностяхъ Иркутска и у Дарасуня.

c) *Astur palumbarius buteoides* (Astur sp.?, Saban.).

Въ 1866 и 1868 г. Л. П. Сабанѣевъ указалъ на существованіе въ Ярославской и Московской губ. тетеревятника или, какъ онъ его называетъ, голубятника, рѣзко отличающагося отъ типичнаго Astur palumbarius. «Молодые, говоритъ Л. П. Сабанѣевъ, имѣя всѣ отличительные признаки своего рода, по цвѣту перьевъ чрезвычайно сходны съ обыкновеннымъ бурымъ варіететомъ *сарыча* (Buteo vulgaris) *); старыя же особи очень похожи цвѣторасположеніемъ на молодыхъ Astur palumbarius и никогда не имѣютъ поперечной ряби на груди и брюхѣ, а постоянно однѣ продольныя черточки, но почти въ полтора раза превосходятъ ихъ величиною (длина одной самки 32 съ полов. дюйма)» (Тр. Ярославск. статист. комит., в. IV, стр. 270). Въ примѣчаніи у г. Сабанѣева сказано (Проток. засѣд. общ. любит. естествозн., т. III, в. I, 182), что самый большой экземпляръ самки Ast. palumbar. равнялся 30 съ небольш. дюйм., изъ чего слѣдуетъ, что при сравнительно большой величинѣ уклоняющагося ястреба отъ него есть переходы къ

*) Опредѣленіе сарыча не вѣрно: въ Ярославской и Московской только Buteo vulpinus.

типичному Ast. palumbarius. Очевидно также, что г. Сабанѣевымъ ястреба мѣрились съ пригнутой головой, потому что иначе приводимые имъ размѣры не подходятъ даже къ крупнѣйшимъ представителямъ Ast. palumbarius. Сомнительно для меня показаніе будто «старыя особи очень похожи цвѣторасположеніемъ на молодыхъ Astur palumbarius и *никогда не имѣютъ поперечной ряби на груди и брюхѣ, а постоянно одни продольныя черточки*», такъ какъ въ рукахъ у г. Сабанѣева старыхъ экземпляровъ несомнѣнно не было и онъ могъ только сказать, что онъ «не разъ замѣчалъ» въ Ярославской губ. «лѣтомъ и взрослыхъ, почему нѣтъ никакого сомнѣнія, что птицы эти гнѣздятся тамъ» (стр. 182). Правда, тамъ же, нѣсколькими строками выше, сказано, что изъ 4 ярославскихъ экземпляровъ 2 молодые и 2 старые, но сходство послѣднихъ по окраскѣ съ молодыми Ast. palumbar. заставляетъ спросить, чѣмъ руководствовался г. Сабанѣевъ, опредѣляя эти экземпляры за старые, а слова, что «по своему habitus видъ этотъ (Astur sp.?) составляетъ какъ бы нѣкоторый переходъ отъ Astur къ Buteo» (стр. 182), наводятъ на подозрѣніе, всегда ли было вѣрно на лету опредѣленіе птицы.

Резюмируя данныя г. Сабанѣева, я прихожу къ заключенію, что въ Ярославской губ. имъ найдены молодые самки и самцы голубятника, отличающіеся отъ типичныхъ большею величиною и окраскою, которая напоминаетъ окраску нашего канюка, но не могу признать указанный г. Сабанѣевымъ ходъ возрастныхъ измѣненій цвѣторасположенія этихъ ястребовъ.

Позднѣе, въ 1878 г. (Природа и Охота, Январь, VIII, 15), г. Даниловъ тоже удѣлилъ нѣсколько словъ гигантскимъ представителямъ Ast. palumbarius. Г. Даниловъ не орнитологъ и потому, не комментируя сообщенныхъ имъ объ Ast. palumb. свѣдѣній, я привожу ихъ дословно, предоставляя каждому читателю «Орнитолог. геогр.» отнестись къ нимъ по своему усмотрѣнію.

«Хотя наши орнитологи, говоритъ г. Даниловъ, до сихъ поръ признаютъ только два вида ястребовъ—A. palumbarius и nisus,— но у насъ *несомнѣнно* живетъ третій (первый по величинѣ), *отдѣльный, самостоятельный* видъ ястреба-гусятника (A. major) *).

*) Очевидно г. Данилову неизвѣстно, что подъ названіемъ A. major извѣстна разновидность перепелятника, для котораго нѣкоторыми, хотя и непра-

И этотъ видъ на столько же отличается отъ утятника, на сколько послѣдній отличается отъ перепелятника. Ястребъ-гусятникъ *слишкомъ вдвое больше* самой крупной самки утятника *(никогда* не вѣсящей больше $3^1/_2$ фунтовъ). Голова и клювъ у гусятника относительно продолговатѣе (особенно у самки) и на ногахъ онъ ниже. Словомъ, кто хоть одинъ разъ видѣлъ въ рукахъ, или даже на волѣ, ястреба-гусятника, тотъ ни за что не повѣритъ, что это одинъ и тотъ же видъ съ ястребомъ-утятникомъ.

«Ястреба-гусятники вообще очень рѣдки. На моей памяти, у моего отца былъ «чегликъ» (самецъ) этого вида и имъ травили матерыхъ степныхъ русаковъ (самыхъ сильныхъ изъ всѣхъ зайцевъ). Я только два раза встрѣчалъ на волѣ ястреба-гусятника. Одну самку дикомыта (перелинявшую на волѣ, старую) я, еще въ своей ранней молодости, случайно подстрѣлилъ на лѣсной охотѣ около Старой Руссы (Нов. губ.). Я перебилъ ей крыло и сильно ранилъ ее въ бокъ, такъ что она прожила только одни сутки. Ростомъ она была не меньше глухаря самца и на первый взглядъ, величиной и складомъ (конечно не цвѣтомъ), скорѣй походила на орла, чѣмъ на ястреба-утятника. Другой экземпляръ гусятника я видѣлъ (лѣтъ пятнадцать назадъ) между городами Валуйками и Купянскомъ, ближе къ послѣднему, въ Харьковской губерніи, недалеко отъ большой дороги, въ обширномъ дубовомъ лѣсу.

«Когда этотъ гусятникъ поднялся съ поляны, отъ ручья, гдѣ вѣроятно собирался выкупаться, то я, несмотря на мой долголѣтній навыкъ различать рода хищныхъ птицъ по ихъ складу и по ихъ полету, не вдругъ узналъ въ немъ ястреба: такъ онъ былъ великъ. Это была молодая самка (прошлогодній «слетокъ», т.-е. еще не «перемытившаяся», не перелинявшая на волѣ ловчая птица).»

Для меня гораздо важнѣе свидѣтельство С. Т. Аксакова, который говоритъ (Разсказы и воспоминанія охотника, стр. 36—37), что самые большіе ястреба, достигающіе величины крупной индѣйки, т. наз. гусятники, во взрослomъ перѣ сходны по окраскѣ

вильно, удерживается родовое названіе Astur, почему называть именемъ A. major большихъ Ast. palumbarius значитъ только вносить путаницу. Кромѣ того величина не критерій, такъ какъ измѣнчива.

съ типичными A. pal. Про своего гусятника (двухъ осеней) С. Т. Аксаковъ говоритъ, что «онъ былъ чисторябый, то-есть свѣтло-сѣрый» (стр. 37).

Сводя къ одному всѣ литературныя данныя о занимающей насъ разности A. palumb., я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Между типичными особями A. pal. въ Европ. Россіи попадаются очень крупные экземпляры, извѣстные охотникамъ подъ названіемъ *ястреба-гусятника*. Однако, эти крупные экземпляры связываются рядомъ переходныхъ по величинѣ особей съ типичными Ast. palumb. и очень рѣдки, и потому, не будь они въ первомъ перѣ сильно отличны отъ молодыхъ Ast. palumb., ихъ нельзя было бы подвести даже къ типу личныхъ уклоненій.

2) Въ первомъ перѣ крупныя особи Ast. palumb. рѣзко отличаются отъ молодыхъ Ast. palumb. по окраскѣ, напоминаютъ собою окраску канюка и потому могутъ быть подведены къ опредѣленному типу личныхъ измѣненій, который я отличаю подъ названіемъ Ast. palumb. buteoides. Но не только за особый видъ, даже за мѣстную породу нельзя признать этотъ типъ личныхъ измѣненій.

Изъ многихъ десятковъ Ast. palumb., прошедшихъ черезъ руки г. Лоренца и мои, мнѣ извѣстны только два экземпляра A. pal. buteoides: ♂ изъ Владим. губ. и ♀ оттуда же, оба въ первомъ перѣ, превосходящіе своею величиною большинство ♂♂ и ♀♀ Ast. palumb. typic., но не очень: длина и размахъ ♂—23″ 6‴—42″ 2‴, ♀—26″ 8‴—49″ 8‴. Особенно характерна по окраскѣ самка: очень свѣтла; основной бурый цвѣтъ, мѣстами даже съ примѣсью дымчатаго, верхней стороны тѣла типичныхъ голубятниковъ на кроющихъ крыла, плечевыхъ, маховыхъ и рулевыхъ замѣненъ охровымъ цвѣтомъ съ мелкими бурыми пестринами. Собственно спинныя перья съ ясно выраженными рыжеватыми ободками, достигающими очень сильнаго развитія у надхвостныхъ перьевъ. Задняя часть шеи очень свѣтла, вслѣдствіе сравнительно малаго развитія темно-бурыхъ ланцетовидныхъ пятенъ. Брови бѣловатыя, безъ пестринъ. Исподняя сторона тѣла вообще свѣтлѣе, чѣмъ у Ast. palumb. typicus, такъ какъ бурыя наствольныя ланцетовидныя пятна уже, чѣмъ у послѣдняго.

Только я не могу согласиться съ тѣмъ, что окраску A. pal. buteoides надо сравнивать съ окраскою обыкновеннаго нашего канюка: извѣстные мнѣ два экземпляра гораздо больше походятъ на зимняка, чѣмъ на B. vulpinus, за что стоитъ г. Сабанѣевъ.

40.

ASTUR BREVIPES, SEV.

Тювикъ.

с т а н ц і и:

островные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Тювикъ найденъ (и описанъ) *Н. А. Сѣверцовымъ* на Битюгѣ, въ Воронежской губ., гнѣздящимся, и на осеннемъ пролетѣ у устья р. Урала (Bull. de Moscou, 1850, II, p. 234; Вертикальное и горизонтальное распред. туркест. жив., стр. 114). По *Карелину* (l. c., 285), очень рѣдкая птица земель Уральскаго казачьяго войска. Показаніе Л. П. Сабанѣева, будто Astur brevipes изрѣдка встрѣчается въ Московской и Ярославской губ. (Извѣст. общ. любителей естествозн., т. III, в. I, стр. 182; Тр. Яросл. статистич. комит., в. IV, стр. 268), основано на смѣшеніи Astur brevipes съ Accip. nisus major.

Н. А. Сѣверцовъ говоритъ (Bull. de Moscou, 1850, II; Astur brevipes, p. 8), что въ Воронежской губ. тювикъ птица осѣдлая,— вѣроятно только отчасти, на что указываетъ сильный константинопольскій пролетъ.

В) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ:**

Кромѣ Европ. Россіи, въ Европѣ Astur brevipes найденъ гнѣздящимся въ разныхъ мѣстахъ *Балканскаго полуо—ва.* По *Schlüter*'у

(Zool. Gart., 1869, S. 374), *Hodek* нашелъ гнѣздо тювика близъ р. Тимока. По свидѣтельству *Krüper*'а (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 129—131), гнѣздящаяся птица Сербіи и Турціи. Гнѣздится на Парнасѣ (Bull. de la Soc. zool. de France, 1877, I, p. 34). По *Heldreich*'у (La Faune de Grèce, p. 31 и 34), отчасти гнѣздящаяся, но преимущественно пролетная птица Греціи, изъ чего можно заключить, что осѣдлы на Балканскомъ полуо—вѣ только немногія особи. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 75), *Robston* добылъ A. br. подъ Константинополемъ. По *Alléon & Vian* (R. et M. de Zool., 1869, p. 403), гнѣздящимся подъ Константинополемъ Ast. brevipes не найденъ.

Въ **Азіи**:

По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1864, 464—466), гнѣздящаяся птица подъ Смирной и вообще въ Малой Азіи. Вѣроятно гнѣздящаяся птица сѣв. Персіи *(Blanford.* Eastern Persia, II, p. 107 и 109; Journ. f. Ornithol., 1876, 176, подъ названіемъ Micronisus badius).

β') Область пролета.

Въ **Европѣ** на пролетѣ найденъ въ Греціи и подъ Константинополемъ.

Въ **Азіи** пролетныя стада тянутъ черезъ Малую Азію изъ Сиріи и Палестины. Вѣроятно пролетный путь есть и по побережью Каспійскаго моря—изъ Персіи, на что указываетъ гурьевскій пролетъ.

γ') Область зимовья.

Въ **Европѣ** вѣроятно зимуетъ въ незначительномъ числѣ въ области гнѣздовья.

Въ **Азіи** къ гнѣздящимся въ Малой Азіи и Персіи (?) зимою несомнѣнно присоединяются прилетающіе изъ Европы, главная масса которыхъ спускается, впрочемъ, южнѣе: Сирія, Палестина *(Sharpe.* Catalogue of the Birds in the British Museum. Vol. I, p. 112).

41.

ACCIPITER NISUS, PALL.

Ястребъ-перепелятникъ.

Синонимы: Falco nisus, Linn.; Daedalion fringillarius, Sav.; Sparvius nisus, Vieill.; „Nisus communis, Cuv.“, Lesson; Nisus elegans, Brehm; Nisus peregrinus, Brehm.; Nisus fringillarum, Brehm; Astur nisus, Keys. & Blas.; Astur major, Degl.; Nisus fringillarius, Kaup.

станціи:

лѣса съ полянами, островные лѣса.

Перепелятникъ въ большинствѣ занимаемыхъ имъ мѣстностей Европы птица осѣдлая, почему я и разсматриваю его область распространенія въ Европ. Россіи и другихъ странахъ Европы, не разбивая ее на область гнѣздовья, пролета и зимовья, а цѣликомъ, дѣлая необходимыя замѣчанія въ текстѣ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, стр. 9), обыкновенная птица Финляндіи. По *Brander*'у (l. c., p. 379), гнѣздящаяся птица Улеаборгской губ. (Pudasjärvi, на с.-в. отъ Улеаборга, 65° с.ш.). По *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., стр. 91), найденъ отъ Свири до оз. Сегозеро и Выгъ. *Мевесъ* находилъ его только до Вытегры и Новой Ладоги (Ornithol. iakttagels., p. 767), но *Гёбелемъ* найденъ подъ Архангельскомъ (Journ. f. Ornithol., 1873, 421). *Зандебергъ* доставилъ въ зоологическій музей Московск. Университета 3 экземпляра Accipiter nisus: 2 изъ Кандалакши $\left(\frac{2}{\text{IX}} \text{ и } \frac{4}{\text{IX}}\ 76\right)$ и одинъ изъ подъ Архангельска $\left(\frac{16}{\text{IX}}\ 76\right)$. *Гёбелемъ* добытъ подъ Устюгомъ (Journ. f. Ornith., 1871, 24). По *Броуну* и *Зибому*, въ бассейнѣ Печоры

найденъ на Цылмѣ (подъ 65° 26′). Въ среднемъ Уралѣ, по *Сабанѣеву* (Позвоночныя средн. Урала, стр. 29), многочисленъ. Для Ирбитскаго у. отмѣченъ *Булычевымъ* (Оч. флоры и фауны Ирбитскаго у., стр. 29). По свидѣтельству *Межакова* (Bull. de Moscou, 1856, IV, стр. 627), въ Вологодской губ. встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ Ast. palumbar. По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 58), гнѣздящаяся птица Тверской губ. По *Büchner'у* и *Pleske* (Beitr. z. Ornithol. d. St. Pet. Gouv., S. 13—15), изрѣдка встрѣчается въ Петергофскомъ у., однажды замѣченъ въ Петербургѣ, обыкновенная гнѣздящаяся птица Гдовскаго у. (см. также статью *Порчинскаго*, въ Тр. Петерб. общ. естествоиспытат., Фауна позвоночныхъ Гдовскаго у., стр. 385). По *Эсаулову* (Списокъ позвоночн. животн. и т. д., стр. 227), въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. встрѣчается чаще Astur palumb. и также птица осѣдлая. По *Руссову* (l. c., S. 29), обыкновенная осѣдлая птица всего Остзейскаго края. Для Курляндіи отмѣченъ *Гуммелемъ* (Naumannia, 1855, стр. 325) и *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornithol., 1873, I). Въ Польшѣ обыкновененъ круглый годъ *(Тачановскій.* O ptakach, стр. 129; Сравнит. обзоръ орнитол. фауны, стр. 125; Liste des vertébrés etc., p. 136). Осѣдлый въ Литвѣ *(Eichwald.* Zoologia special., p. 266). Осѣдлая птица Орловской губ. *(Даниловъ.* Catalogue des oiseaux etc., Bull. de Moscou, 1864, II, 454). Отчасти осѣдлый въ Тульской (Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 13) и Московской губ. Въ Ярославской и подмосковныхъ губ. какъ отчасти осѣдлая птица отмѣченъ *Сабанѣевымъ* (Матеріалы для фауны Ярославской губ., Тр. Яросл. статист. комит., в. IV, стр. 247; Bull. de Moscou, 1868). Въ Рязанской губ. Accipiter nisus встрѣчается несравненно чаще Astur palumb. *(Павловъ.* Орнитолог. набл., стр. 7). Въ лѣсахъ Казанской и Симбирской губ. обыкновененъ *(Богдановъ.* Птицы и звѣри, стр. 45; *Eversmann,* Bull. de Moscou, 1848, I, 216; Journ. f. Ornithol., 1853, S. 64; Естеств. исторія Оренбургск. края, ч. III, стр. 49). На Сарпѣ гнѣздится, но не очень обыкновененъ *(Арцибашевъ.* Excurs. et observ. ornithol. etc., Bull. de Moscou, 1859, III, 43; *Moeschler* въ Naumannia, 1853, стр. 303). *Карелинымъ* (Разборъ статьи г. Рябинина, стр. 284) отмѣченъ для Урало-казацкихъ владѣній. Подъ Астраханью зимуетъ, но чаще на пролетѣ *(Яковлевъ.* Списокъ

птицъ Астраханск. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 328) Въ Воронежской губ. рѣдокъ, но несомнѣнно гнѣздится, такъ какъ *Н. А. Съверцовъ* имѣлъ разъ, лѣтомъ 1846 г., молодыхъ съ гнѣзда, подлинныхъ Accip. nisus, а не Ast. brevipes. Въ Харьковской губ., по *Чернаю* (Фауна и т. д., стр. 27; Beiträge z. F. d. Ch. Gouv., Bull. de Moscou, 1850, II, S. 605, 607), обыкновененъ круглый годъ, но не принятъ ли за Acc. nisus, по крайней мѣрѣ отчасти, Ast. brevipes? Въ губ. бывшаго Кіевскаго учебнаго округа осѣдлая птица; зимою встрѣчается чаще, чѣмъ лѣтомъ (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 24; *Belke.* Notice sur l'hist. natur. du distr. de Radomysl, Bull. de Moscou, 1866, II, p. 492; *Goebel.* Die Vögel d. Kr. Uman, S. 29). По *Нордманну* (Faune pontique, p. 91), обыкновененъ въ Черноморскихъ степяхъ. Въ Одессѣ въ началѣ февраля найденъ *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornithol., 1873, 123). Въ Крыму встрѣчается круглый годъ *(Шатиловъ*, Извѣстія общ. любит. естествозн., т. X, в. 2-ой, стр. 84; *Radde.* Beiträge z. O. S. R., Bull. de Moscou, 1854, III, 134, 135). Осѣдлая птица Бессарабіи *(Радаковъ*, Bull. de Moscou, 1879, I, 164).

По *Богданову*, на Кавказѣ перепелятникъ встрѣчается чаще утятника (Ast. palumb.) и водится во всѣхъ лѣсахъ, начиная съ уремы рѣкъ и до верхней границы пояса лиственныхъ деревьевъ (Птицы Кавказа, стр. 44).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Скандинавіи Accip. nisus распространенъ очень широко. *Palmén & Sahlberg* (l. c., стр. 245) добыли его 27-го мая подъ 68° с. ш. По *Collet* (Norges Fugle, p. 153), распространенъ во всей лѣсной области Норвегіи. По *Wallengren'у* (Naumannia, 1854, 68—69), какъ гнѣздящаяся птица, найденъ въ Швеціи къ сѣверу до 65° с. ш. Обыкновенная гнѣздящаяся птица Готланда *(Wallengren*, Naumannia, 1853, S. 83).

По *Kjaerbölling* (Danmarks Fugle, p. 31—32), обыкновенная птица Даніи, особенно осенью и зимою.

По свидѣтельству *Borggreve* (l. c., S. 61), вообще въ Германіи это болѣе обыкновенная птица, чѣмъ Ast. palumbar. По

Wiese (Journ. f. Ornithol., 1860, S. 214), гнѣздится въ Восточной Пруссіи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 150), гнѣздящаяся птица Помераніи. По свидѣтельству *Preen*'а (Naumannia, 1856, S. 61), гнѣздится подъ Швериномъ. По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 59) и *Wiepken*'у & *Greve* (l. c., S. 15), осѣдлая птица Ольденбурга, уменьшающаяся тамъ въ числѣ въ послѣдніе годы. По *Brahts*'у (Naumannia, 1855, S. 342), обыкновенная птица Рейнскихъ провинцій. По *Pässler*'у (Journ. f. Ornithol., 1865, S. 31), гнѣздится въ Ангальтѣ. По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornithol., 1855, 184), довольно обыкновенная, отчасти гнѣздящаяся, отчасти осѣдлая птица Бранденбурга. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, S. 373), гнѣздящаяся птица Тюрингенскаго лѣса. По *Landbeck*'у (Naumannia, 1855, S. 75), обыкновенная гнѣздящаяся птица Баваріи и т. д.

Осѣдлая птица Нидерландовъ (Muséum des Pays-Bas, Astures, p. 28—30; *Labouchère*, по *Dresser*'у и *Sharp*'у. Birds of Europe, P. IX) и Бельгіи (*La Fontaine*, l. c, p. 219—220; *De Selys-Longchamps*, по *Dresser*'у и *Sharp*'у, ibid.).

По *Degland & Gerbe* (Ornithol. europ., p. 100), осѣдлая птица Франціи. Г. *Benoist* (Mém. de la Soc. d. sc. nat. de Cherb., 1854, p. 232) отмѣченъ для окрестностей Валоньи. По *De Sinety* (R. et Mag. de Zool., 1854, p. 202), гнѣздящаяся птица въ департ. Сены & Марны. По *Marchand* (l. c., p. 8), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица деп. Эвры & Луара. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 12), обыкновенная осѣдлая птица департ. Котъ-д'Оръ. По *Dubalen* (l. c., p. 10), обыкновенная осѣдлая птица Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 32—33), отчасти осѣдлая птица Пиренейскихъ горъ, откуда зимою нерѣдко спускается въ прилежащія низменности. Отчасти пролетная, отчасти зимующая птица Прованса (Journ. f. Ornithol., 1858, 215). По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, S. 45), очень обыкновененъ подъ Ліономъ. По *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 415), гнѣздящаяся птица Савойи.

По *Du Plessis* (Faune des vertébrés du district d'Orbe, p. 106), очень обыкновенная птица Швейцарской Юры. По *Fatio* (Naumannia, 1856, S. 164), осѣдлый въ Женевской долинѣ. По *Olph Gal-*

liard (Journ. f. Ornithol., 1860, S. 232), обыкновенная птица Фрейбурга. По *Goeldlin*'у (Journ. f. Ornithol., 1879), обыкновенная птица Шафтгаузена, гдѣ, впрочемъ, сильно преслѣдуется.

По *Brehm*'у (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., S. 439), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица Испаніи. Осѣдлымъ найденъ въ Галиціи.

По *Saunders*'у (l. c., p. 321), въ южной Испаніи гнѣздится въ небольшомъ числѣ, но довольно обыкновененъ на пролетѣ и зимою. По *Irby* (l. c., p. 36—37), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица близъ Гибралтара. Обыкновененъ въ Португаліи (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 142).

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 15), въ Италіи обыкновененъ осенью, во время пролета пташекъ, но отчасти остается тамъ на зиму и отчасти гнѣздится. Зимою очень обыкновененъ въ Сардиніи (Journ. f. Ornithol., 1865, S. 66). Въ пролетное время очень обыкновененъ въ Сициліи *(Malherbe*, l. c., p. 33).

Въ Австро-Венгріи распространенъ повсемѣстно. По *Tschusi-Schmidhofen*'у (Journ. f. Ornithol., 1869, 226), обыкновеннѣйшая хищная птица Исполиновыхъ горъ. По *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 379), осѣдлый въ Богеміи. По свидѣтельству *Wodzick*'аго (стр. 431), гнѣздится въ Карпатахъ. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, S. 296), обыкновенная осѣдлая птица Трансильваніи. Въ Дунайскихъ низменностяхъ мѣстами рѣдокъ (Journ. f. Ornithol., 1879, 111), мѣстами долженъ встрѣчаться часто. Въ Зальцбургѣ всюду обыкновенная, отчасти осѣдлая, отчасти бродячая птица (Zool. Gart., 1875, 234). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, 392) и *Dalla Torre* (l. c., p. 21), осѣдлая и притомъ многочисленная птица Тироля. Отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица Штиріи *(Seidensacher*, Naumannia, 1858, S. 473).

На Балканскомъ полуо—вѣ Accip. nisus распространенъ очень широко. По *Радажову* (Bull. de Moscou, 1879, I, S. 164), осѣдлая птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточн. Румеліи. Очень обыкновененъ въ Добруджѣ (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 61). Очень обыкновененъ, еще по *Finsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 380), въ Болгаріи. По *Elwes & Buckley* (l. c.,

p. 75), обыкновенная птица въ большей части Турціи. По *Heldreich*'у (l. c., p. 31), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая, отчасти пролетная птица Греціи. По *Alléon & Vian* (l. c., p. 402—403), отчасти гнѣздящаяся (Бѣлградскіе лѣса), но преимущественно пролетная птица подъ Константинополемъ.

Въ **Азіи**:

Распространеніе перепелятника въ Азіи отъ его распространенія въ Европѣ отличается тѣмъ, что въ Азіи зимнія кочевки перепелятника складываются въ правильные перелеты, почему я и разсматриваю область распространенія перепелятника въ Азіи, разбивъ ее на параграфы.

α') Область гнѣздовья.

По *Finsch*'у (Reise nach W.-Sib., S. 145), найденъ въ с.-з. Алтаѣ (29 іюня) и въ Обдорскѣ (2 сентября). По *Middendorf*'у (l. c., S. 129), распространенъ всюду по Становому хребту. Вѣроятно обыкновенный Accip. nisus былъ замѣченъ *Шренкомъ* (Vögel des Amur-Landes, S. 245) на нижнемъ Амурѣ. *Радде* (l. c., S. 110) нашелъ перепелятника во всей изслѣдованной имъ области ю.-в. Сибири. *Дыбовскимъ* (Journ. f. Ornithol., 1874, S. 334 и 1876, S. 191) найденъ на Аргуни и въ Уссурійскомъ краѣ; въ послѣдней мѣстности, по *Пржевальскому* (Монголія, т. II, стр. 18), Acc. nisus обыкновеннѣе Ast. palumbarius, и хотя на зиму улетаетъ изъ внутреннихъ частей страны, но на морскомъ побережьѣ живетъ осѣдло. Въ ю.-в. Монголіи и въ Гань-су рѣдокъ. Обыкновенная птица Японіи *(Blakiston & Pryer*, l. c., p. 249). По *Swinhoe* (l. c., p. 261), въ Китаѣ распространенъ отъ Кантона до Амура. По *Scully* (l. c., p. 122), осѣдлая птица Восточн. Туркестана. По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), быть можетъ, гнѣздящаяся птица сѣверо-восточнаго зоологическаго участка Туркестанскаго края съ вертикальнымъ распространеніемъ отъ 6000′. По *Hume (Dresser & Sharpe*, l. c., p. IX), перепелятникъ гнѣздится въ лѣсистыхъ долинахъ Гималая. Вѣроятно осѣдлая птица сѣверной Персіи (Journ. f. Ornithol., 1876, S. 176 и East. Persia, II, p. 109—110). По *Danford* (l. c., p. 5), обыкновенная птица Малой Азіи.

β′) Область пролета.

Безъ сомнѣнія, на пролетѣ Acc. nisus встрѣчается и въ Монголіи, и въ сѣв. Китаѣ. По *Сѣверцову*, на пролетѣ найденъ въ сѣверо-восточномъ, переходномъ и сѣверо-западномъ зоологич. участкѣ Туркестанскаго края. Пролетный у подножія Гималая и въ Персіи.

γ′) Область зимовья.

Отчасти осѣдлый въ южной части своей гнѣздовой области въ Сибири; отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица Китая; осѣдлый въ Восточномъ Туркестанѣ. Зимующая птица юго-западнаго зоологическаго участка Туркестанскаго края. По *Jerdon*'у, зимуетъ въ Индіи, по *Blanford*, въ Персіи. Аравія.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Africa's, S. 65) и *Shelley* (Birds of Egypt, p. 185—186), обыкновенная зимующая птица Египта и Нубіи.

По *Loche* (l. c., p. 44) и *Тачановскому* (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 38), осѣдлая птица Алжира. По *Irby* (l. c., p. 36—37), осѣдлый въ Морокко.

По *Bolle* (Journ. f. Ornithol., 1854, S. 449), осѣдлая птица Канарскихъ острововъ.

Для меня недостаточно выясненъ вопросъ о типахъ личныхъ различій у перепелятника и потому, оставляя его до поры, до времени безъ отвѣта, я могу сказать нѣсколько словъ только о т. наз. Accipiter major, Degl.

Accip. major извѣстенъ мнѣ изъ губ. Воронежской и Московской и изъ-подъ Чимкента, но только молодые и все самки. Размѣры 16″ 2‴—31″. У молодаго верхняя сторона головы, спина, надхвостье и хвостъ сѣровато-бурые съ ржавчатыми ободками перьевъ; задняя часть шеи тоже бурая, но съ рѣзко выраженными бѣлыми и ржавчатыми пестринами; брови бѣлыя съ черными пестринками; полоса позади глаза къ шеѣ черновато-бурая; нижняя сторона бѣлая съ черными наствольными полосками на горлѣ и шеѣ, съ болѣе или менѣе рѣзко выраженными сердцевидными

на зобѣ и верхней части груди и переходящими въ поперечныя на груди, брюхѣ и штанахъ; бока груди ржавчатые; нижнія кроющія хвоста бѣлыя; на хвостѣ 5—6 темныхъ поперечныхъ полосъ.

Вскрытіе одной самки, по словамъ Н. А. Сѣверцова, дало анатомическую аномалію—два развитые яичника, основываясь на чемъ Accip. major можно считать только за выродковъ.

42.

STRIGICEPS CYANEUS, LINN.

Лунь полевой.

Синонимы: Oiseau St. Martin, Buff.; Falco griseus, Gm.; Circus gallinarius, Sav.; Accipiter variabilis, Pall.; Circus variegatus, Vieill.; Falco strigiceps, Nilss.; Falco pygargus, Naum.; Circus cyaneus, Boie; Circus cinereus, Brehm; Strigiceps pygargus, Bp.

станціи:

островные лѣса, чередующіеся съ пашнями и лугами.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

Какъ кажется, Str. cyaneus залетаетъ даже въ Лапландію (Bull. de Moscou, 1860, I, 9). По *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., стр. 91), въ Обонежьѣ найденъ отъ Свири до Повѣнца. *Мевесомъ* найденъ около Новой Ладоги, Вытегры, с. Архангельскаго и Архангельска (Ornithol. iakttag., S. 768). По *Brown*'у и *Seebohm*'у, въ бассейнѣ Печоры найденъ подъ 65° 26′, 65° 47′, 66° 13′ и 68° 58′ с. ш. Уральскою экспедиціею Strig. cyaneus найденъ подъ 63°—64° с. ш. (молодой), *Сабанѣевымъ*—въ Богословскомъ Уралѣ, гдѣ, однако, полевой лунь рѣдокъ за недостаткомъ открытыхъ мѣстъ (Позвон. средн. Урала, стр. 30; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, 226). По *Межакову* (Bull. de Moscou,

1856, IV, стр. 628), гнѣздящаяся птица Вологодской губ. По свидѣтельству г. *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 61), найденъ въ Тверской губ., гдѣ несомнѣнно гнѣздится. Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. Str. cyaneus обыкновеннѣе другихъ видовъ луней *(Эсаулова*, l. c., p. 227). По *Büchner'*у и *Pleske* (l. c., стр. 28), обыкновененъ въ Гдовскомъ у., не рѣдокъ въ Петергофскомъ, замѣченъ въ Царскосельскомъ и Петербургскомъ. По *Руссову* (l. c., S. 31), обыкновенная птица Остзейскаго края, гдѣ держится съ конца марта до конца сентября. Въ Польшѣ, по *Тачановскому* (O ptakach, стр. 140; Сравнит. обз. и т. д., стр. 125; Liste des vertébrés etc., p. 136), лѣтомъ обыкновененъ. По *Шевелеву* (Наблюденія надъ перелетами птицъ, Тр. Харьковск. общ. испыт. прир., т. IX), гнѣздящаяся птица Черниговской губ. По *Кесслеру* (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 28), встрѣчается все лѣто въ окрестностяхъ Кіева. По *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 54), гнѣздящаяся птица Уманьскаго уѣзда. *Бельке* (Bull. de Moscou, 1859, I, 27) найденъ въ Подольской губ. По *Данилову* (Bull. de Moscou, 1864, II, 454), гнѣздящаяся птица Орловской губ. Въ Тульской губ. Strig. cyaneus обыкновененъ *(Мензбиръ.* Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 18). По *Сабанѣеву* (Матеріалы для фауны Ярославской губ., Труды Ярослав. статист. комит., в. IV, стр. 247; Bull. de Moscou, 1868), гнѣздится въ Московской, Ярославской и вообще во всѣхъ подмосков. губ. (рукопись); послѣднее подтверждаю личными наблюденіями. Въ окрестностяхъ Рязани Strig. cyaneus лѣтомъ довольно рѣдокъ; обыкновеннѣе становится съ начала августа *(Павловъ.* Орнитол. набл., стр. 8). По среднему теченію Волги (*Богдановъ.* Птицы и звѣри Поволжья, стр. 50) и въ Оренбургскомъ краѣ (*Эверсманнъ.* Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 69; Bull. de Moscou, 1848, I, 217; Journ. f. Ornithol., 1853, S. 64) Strig. cyaneus очень обыкновененъ. По *Яковлеву* (Списокъ птицъ Астрах. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 330), осѣдлая птица въ низовьяхъ Волги. *Карелинымъ* (Разборъ статьи г. Рябинина, стр. 285) отмѣченъ для Урало-казацкихъ владѣній. По свидѣтельству *Сьверцова* (Періодическія явленія, стр. 101, 106), гнѣздящаяся птица Воронежской губ. По *Чернаю* (Фауна Харьковск. губ., стр. 35; Beitr. z. F. d. Chark. Gouv., Bull. de Moscou, 1850, II, 607), Str. cya-

neus гнѣздится въ Харьковской и прилежащихъ губ. По свидѣтельству *Нордманна* (Faune pontique, p. 107), Str. cyaneus одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ хищниковъ Новороссійскихъ степей. Обыкновенная птица Бессарабіи (*Радаковъ*, l. c., p. 164) и Крыма (*Шатиловъ*, Изв. общ. любит. естествозн., т. X, в. 2, стр. 84; *Radde*. Beitr. z. Orn. S. Russl., Bull. de Moscou, 1854, III, 134 - 135).

По свидѣтельству г. *Богданова* (Птицы Кавказа, стр. 49), встрѣчается довольно часто въ степяхъ Ставропольской губ., а также по Тереку и Кубани.

γ) Область зимовья.

Немногія особи Str. cyaneus остаются зимовать въ мѣстностяхъ по нижнему теченію р. Урала, Волги, въ степяхъ Новороссіи, Крыма и т. д. (см. *Яковлева*, *Гёбеля*, *Нордманна*, *Шатилова* и др.)

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуо—вѣ Strig. cyaneus распространенъ очень широко, но спорадически (*Collet.* Norges Fugle, p. 151 и *Wallengren*. Brützonen etc., S. 74). *Palmén & Sahlberg* (l. c., S. 246) нашли его даже около Муоніо (подъ 68° с. ш.). Чаще встрѣчается, конечно, въ южной части страны.

Гнѣздящаяся птица Даніи (*Kjaerbölling*. Danmarks Fugle, p. 33—35).

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., S. 61), Str. cyaneus встрѣчается, кажется, чаще на западѣ, чѣмъ на востокѣ. По *Wiese* (Journ. f. Ornithol., 1857, S. 182), обыкновененъ въ Помераніи. По свидѣтельству *Preen*'а (Naumannia, 1856, S. 61), гнѣздится подъ Шверинома. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, 374), гнѣздится въ Тюрингіи. По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 54) и *Wiepken*'у & *Greve* (l. c., S. 16), гнѣздится въ Ольденбургѣ. Лѣтомъ въ Рейнскихъ провинціяхъ рѣдокъ (Naumannia, 1855, S. 343). По *Vangerow*'у (Journ. f. Ornithol., 1855, 185), гнѣздящаяся птица Бранденбурга. Найденъ въ Баваріи (Naumannia, 1855

S. 75 и 1856, S. 42). Отчасти осѣдлая, отчасти лѣтующая птица *Нидерландовъ* и *Бельгіи* (Muséum des Pays-Bas, Circi, 1—2; *La Fontaine*, l. c., 227—228).

Гнѣздящаяся птица Британскихъ о—въ (*Sharpe*. Catalogue of the Birds in the British Museum, p. 54).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 108), изрѣдка гнѣздится въ Провансѣ и Верхнихъ Пиренеяхъ, чаще въ сѣв. Франціи. По свидѣтельству *De Sinety* (l. c., p. 203), гнѣздится въ департ. Сены и Марны. По *Marchant* (l. c., p. 16), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Dubalen* (l. c., p. 11), въ департ. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды былъ рѣдокъ до 1867 года, потомъ сталъ обыкновененъ (см. также *Lacroix*, l. c., p. 34—35). По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, S. 44), гнѣздится на Ронскихъ о—вахъ, къ сѣверу отъЛіона. По *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), только на пролетѣ бываетъ въ Савойѣ.

По *Брему* (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., 439), осѣдлый въ Испаніи, но вѣроятно болѣе или менѣе обыкновененъ только въ сѣв. и средней и рѣдокъ въ южной, такъ какъ, по *Saunders*'у (l. c., p. 322), въ южной Испаніи Str. cyan. бываетъ только на пролетѣ и зимою, а, по *Irby* (l. c., p. 32), на Испанскомъ берегу Гибралтарскаго пролива Strig. cyaneus отчасти осѣдлый, отчасти зимующій. Однажды найденъ въ Португаліи (Journ. f. Ornith., 1872, 142).

Довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица Балеарскихъ о—въ (Journ. f. Ornith., 1862, S. 251).

Гнѣздящаяся, хотя, кажется, и рѣдкая птица Швейцаріи (Journ. f. Ornith., 1879, 358; Naumannia, 1856, 164; *Du Plessis*, l. c., p. 107).

Довольно обыкновенная птица Италіи, особенно Сардиніи (*Salvadori*. Fauna d'Italia, Uccelli, p. 25; Journ. f. Ornithol., 1865, S. 67); не только гнѣздится, но и зимуетъ.

Въ Австро-Венгріи распространенъ повсемѣстно. По *Fritsch*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 329), отчасти осѣдлая птица Богеміи, гдѣ, однако, рѣдка. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 296), довольно обыкновенная птица Трансильваніи, гдѣ старые

самцы остаются зимовать. Повсемѣстно встрѣчается въ Дунайскихъ низменностяхъ, хотя и не въ большомъ числѣ; отчасти осѣдлый (Normal. Zeit. etc., p. 8; Journ. f. Ornithol., 1879, 46 и 113). Изрѣдка наблюдался въ Зальцбургѣ (Zool. Gart., 1875, S. 234). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, 392) и *Dalla Torre* (l. c., p. 21), не рѣдкая гнѣздящаяся птица сѣв. Тироля, въ южномъ рѣдка. Въ Штиріи, по *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, S. 474), только на пролетѣ. По *Frayer*'у (Fauna etc., S. 9), найденъ въ Крайнѣ.

Что касается Балканскаго полуо—ва, то, по свидѣтельству г. г. *Sintenis* (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 62), Str. cyaneus обыкновенная осѣдлая птица Добруджи, по *Finsch*'у (Journ. f. Ornith., 1859, S. 381), всюду обыкновененъ въ Болгаріи, по *Радакову* (l. c., стр. 164), обыкновененъ въ Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Румеліи, по *Elwes & Buckley* (The Birds of Turkey, p. 78), обыкновененъ въ Турціи. Въ Греціи, по *Lindermayer*'у (Die Vögel Griechenlands, S. 31), гнѣздится въ исключительныхъ случаяхъ въ сѣв. части страны.

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (Reise nach West-Sibirien, S. 145), нерѣдко наблюдался между Салаиромъ и Томскомъ; на сѣверѣ встрѣченъ только немного разъ, такъ 13 августа у Чернаго Яра на среднемъ теченіи Щучьей рѣки. Въ собственно тундрѣ, къ сѣверу отъ 67° с. ш., не найденъ. По свидѣтельству г. *Сѣверцова*, очень обыкновененъ по всему Иртышу.

Зибомомъ (Ibis, 1878, p. 324) Strig. cyaneus найденъ въ бассейнѣ Енисея. По свидѣтельству *Полякова* (l. c., p. 109), очень обыкновененъ на Витимскомъ плоскогорьи. *Миддендорфомъ* добытъ въ рѣчной области Амги (22 апрѣля) (Sibir. R., B. II, Th. 2, S. 129). *Шренкъ* (l. c., S. 245) упоминаетъ экземпляръ отъ Маака изъ-подъ Нерчинска (19 апрѣля). По *Радде* (Reis. im Süd. v. O.-Sib. B. II, S. 120), наблюдался въ горныхъ долинахъ Саянскаго хребта, гдѣ поднимается приблизительно до 3000′; около Байкальскаго озера рѣдокъ, въ забайкальскихъ степяхъ обыкновененъ; найденъ также на верхнемъ и среднемъ Амурѣ. *Дыбовскимъ* (Journ. f. Ornithol., 1874, S. 334) S. cyaneus найденъ въ Даурiи. По *Blakiston* &

Pryer (On the Birds of Japan, p. 249), обыкновененъ въ Японіи. По *Swinhoe* (l. c., p. 261), въ Китаѣ распространенъ на югъ до Кантона. По свидѣтельству *Пржевальскаго* (Монголія, т. II, стр. 19), гнѣздится въ южномъ Ала-шанѣ. По *Scully* (l. c., p. 125), осѣдлая птица Восточнаго Туркестана. По *Сѣверцову* (Вертик. и горизонт. распред. туркест. животн., стр. 63; Journ. f. Ornithol., 1875, S. 170), гнѣздящаяся птица сѣверо-восточнаго и переходнаго зоол. участка туркестанскаго края, осѣдлая сѣверо-западнаго и юго-западнаго. Вѣроятно, изрѣдка гнѣздится въ Малой Азіи (*Danford*. The Birds of Asia Minor, p. 5).

Въ **Африкѣ**:

По *Loche* (l. c., p. 46), отчасти осѣдлая птица Алжира. По *Irby* (l. c., p. 32), отчасти осѣдлый въ Марокко.

Оставаясь зимовать въ большемъ или меньшемъ числѣ въ большинствѣ мѣстъ своего гнѣздовья, Str. cyaneus зимою только въ очень немногихъ мѣстахъ выходитъ за ея предѣлы. На этомъ основаніи указывать область пролета Str. cyaneus не имѣетъ значенія, такъ какъ очень немного такихъ странъ, гдѣ эта птица встрѣчается только на пролетѣ (только пролетный на Памирѣ и Алаѣ, въ Гань-су и немногихъ еще).

γ') Область зимовья.

Въ **Европѣ** Str. cyaneus остается отчасти на зиму въ Германіи, Нидерландахъ, Бельгіи, на Британскихъ о—вахъ, во Франціи, Италіи и Австро-Венгріи; обыкновененъ зимою въ Испаніи и Турціи и преимущественно зимою встрѣчается въ Греціи.

Въ **Азіи** зимуетъ въ Китаѣ (Амой, Янгъ-цзе), осѣдлый въ Вост. Туркестанѣ, осѣдлый въ юго-западномъ зоологич. участкѣ Туркестанскаго края, осѣдлый и зимующій въ сѣверо-западномъ зоол. участкѣ того же края, зимуетъ въ Индіи, Персіи и вѣроятно въ Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**, по *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 104) и *Shelley* (Birds of Egypt, p. 182—183), встрѣчается изрѣдка зимою въ Египтѣ, откуда доходитъ до Абессиніи и Кордофана. По *Loche* и *Тачановскому*, отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица Алжира. По *Irby*, отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица Марокко.

43.

STRIGICEPS PALLIDUS, SYKES.

Лунь степной.

Синонимы: Accipiter macrourus, S. G. Gmelin; Circus Swainsonii, Smith; Circus albescens, Less.; Circus dalmatinus, Rüpp.; Falco pallidus, Schl. u. Susem.; Glaucopteryx pallidus, Kaup, Strigiceps desertorum, Brehm.

станціи:

степная мѣстность.

Свѣдѣній о распространеніи степнаго луня такъ мало, что я пока не отмѣчаю его областей гнѣздовья, пролета и зимовья.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Сабанѣеву* (Позвон. средн. Урала, стр. 30; Каталогъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, 222), Str. pallidus встрѣчается въ открытой и нераспаханной степи къ югу отъ Екатеринбурга. По *Богданову* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 51), найденъ въ Балашевскомъ у. *Карелинымъ* (Разборъ статьи Рябинина, стр. 285) отмѣченъ для Урало-казацкихъ владѣній. *Беккеромъ* (l. c., p. 239) помѣщенъ въ списокъ сарептскихъ птицъ. По *Яковлеву* (Списокъ птицъ Астрах. губ., стр. 330), въ окрестностяхъ Астрахани бываетъ только весною и зимою; въ степяхъ къ сѣверу отъ Астрахани несомнѣнно гнѣздится. Гнѣздящаяся птица Воронежской губ., гдѣ степной лунь можетъ считаться довольно обыкновеннымъ *(Сѣверцовъ*, словесныя сообщенія). *Гёбелемъ* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 56) добытъ однажды на границѣ Кіевской и Херсонской губ. По *Кесслеру* (Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 30), встрѣчается въ Кіевской губ. Между молодыми Str. cyaneus мнѣ попадались изрѣдка очень свѣтлые экземпляры съ болѣе или менѣе рѣзко выраженными поперечными

полосами на бѣломъ надхвостьи, на основаніи чего я и помѣтилъ Str. pallidus залетною птицею Тульской губ. (Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 20).

По *Шатилову* (l. c., стр. 84), Str. pallidus встрѣчается въ Крыму.

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 50), Str. pallidus весьма обыкновененъ въ степяхъ вдоль Терека и Кубани, а также въ Ставропольской губ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Германіи рѣдокъ, но распространенъ въ большей части страны *(Borggreve*, l. c., p. 61—62; *Blasius*. Ueber die Weihen Europas, Naumannia, 1857, S. 318).

Въ Австро-Венгріи распространенъ по Дунайскимъ низменностямъ, откуда залетаетъ въ другія части страны. По *Blasius*'у (l. c., p. 318), въ Венгріи и Далмаціи встрѣчается не рѣже другихъ луней. Изрѣдка бываетъ въ Трансильваніи *(Danford & Brown*, l. c., p. 296) и Богеміи (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 384).

На Балканскомъ полуо—вѣ степной лунь нормально распространенъ такъ же, какъ и въ А.-В., только по Дунаю, но отсюда заходитъ далеко внутрь страны. Обыкновенная птица въ степяхъ у устья Дуная (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 61). По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 76), обыкновененъ во всей Турціи, но особенно въ Добруджѣ. По *Alléon & Vian* (l. c., p. 406), самый обыкновенный пролетный лунь подъ Константинополемъ. Въ Греціи, по *Heldreich*'у (l. c., p. 33), бываетъ только зимою.

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 26), рѣдокъ на материкѣ, но обыкновененъ въ Сициліи и на Мальтѣ. Быть можетъ, въ Сициліи гнѣздится.

По *Saunders*'у (l. c., p. 322) и *Irby* (l. c., p. 33), бываетъ въ южной Испаніи, гдѣ, по Irby, „not uncommon in spring near Seville".

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 112), изрѣдка показывается во Франціи. По *Bailly* (Naumannia, 1855, 416), однажды былъ

добытъ въ Савойѣ. По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 215), залетаетъ въ Прованcъ. По *Lacroix* (l. c., p. 36—37), изрѣдка встрѣчается въ деп. Верхней Гаронны.

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (l. c., p. 146), обыкновененъ во всѣхъ степяхъ ю.-з. Сибири (изъ мѣстонахожденій упоминаются Урджаръ, Алтайская станица, Тюмень). *Scully* отмѣчаетъ (l. c., p. 125) C. Sw. для Восточнаго Туркестана.

По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornith., 1875, S. 170), Str. pallidus гнѣздящаяся птица всего Туркестанскаго края; въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ зоологич. участкѣ Туркестанскаго края найденъ также на пролетѣ. *Swinhoe* (Ibis, 1874, p. 268) нашелъ Str. pallidus на Янгъ-цзе.

По *Hume* (Str. Feath., Vol. III, p. 447), обыкновенная зимующая птица всей Индіи.

По *Blanford* (Eastern Persia, II, 110), зимующая птица Белуджистана. Месопотамія *(Sharpe*, p. 68).

У меня нѣтъ въ рукахъ свѣдѣній о распространеніи степнаго луня въ Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithol. Nordost-Afrikas, S. 106 и XL—XLI) и *Shelley* (l. c., p. 183—184), осѣдлая и зимующая птица Египта; на югъ идетъ до Сенаара, Габеша и Кордофана.

По *Blanford*, найденъ въ Абессиніи.

По *Loche* (l. c., p. 46), пролетный въ Алжирѣ. По *Irby* (l. c. p. 33), пролетный въ Марокко.

Сенегалъ.—Золотой берегъ *(Heuglin*, l. c., p. 106).

По *Layard* (The Birds of South Africa, p. 11), найденъ въ южной Африкѣ, гдѣ зимуетъ (Капъ-Тоунъ, Наталь, устье Оранжевой рѣки, тропикъ Козерога).

По *Atherstone*, добытъ подъ Грээмъ-Тоуномъ. По *Rickard*'у, найденъ у Вост. Лондона и вѣроятно тотъ же лунь замѣченъ у порта Елизаветы. *Ayres* сообщаетъ о нахожденіи Str. pallidus въ Трансваалѣ. По *Andersson*'у, пролетный въ западн. части южной Африки.

44.

STRIGICEPS CINERACEUS, MONTAGU.

Лунь луговой.

Синонимы: Falco pygargus, Linn.; Circus cinerarius, Leach; Circus ater, Vieill.; Circus Montagui, Vieill.; Falco cineraceus, Temm.; Circus cineraceus, Cuv.; Circus pratorum, Brehm; Strigiceps pratorum, Brehm; Strigiceps elegans, Brehm.

станціи:

поля и луга (преимущественно въ рѣчныхъ долинахъ).

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По *Эверсманну* (Add., III, p. 8), Str. ciner. живетъ въ степяхъ Оренбургской губ. и въ предгоріяхъ Урала. На Уралѣ *Сабанѣевымъ* (Позвон. средн. Ур., стр. 30; Каталогъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, 226) найденъ не выше Екатеринбурга. По *Эверсманну* же (Естеств. истор. Оренб. края, ч. III, стр. 8), Str. ciner. въ Казанской губ. не встрѣчается, но *Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 51) тамъ найденъ. Послѣдній наблюдатель нашелъ его также въ Симбирской и Саратовской губ. По свидѣтельству *Щепотьева*, луни очень обыкновенны въ Спасскомъ у. Рязанской губ. По всей вѣроятности это замѣчаніе относится только къ Str. cyaneus и Circus aeruginosus, такъ какъ Strig. ciner. вѣроятно гнѣздится въ Рязанской губ., но рѣдокъ (*Павловъ.* Орнитолог. наблюденія, стр. 8). Въ Тульской губ. Str. ciner. встрѣчается рѣже Str. cyaneus, но подобно ему распространенъ черезъ всю губернію (*Мензбиръ.* Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 19). Несомнѣнно гнѣздящаяся птица Московской губ. (добыты г. *Лоренцомъ*). По *Сабанѣеву* (Матеріалы для фауны Ярославск. губ., Тр. статист. комит., в. IV, стр. 247 и Bull. de

Moscou, 1868), гнѣздится въ Ярославской губ. Изрѣдка заходитъ въ Финляндію (Bull. de Moscou, 1860, I, 9). По *Büchner*'у и *Pleske* (l. c., S. 28), два экземпляра луговаго луня замѣчены въ августѣ 1876 г. подъ Петергофомъ. По *Руссову* (l. c., S. 31), распространенъ въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ встрѣчается рѣже полеваго луня. Въ Польшѣ лѣтомъ довольно обыкновененъ *(Тачановскій.* O ptakach, стр. 145; Сравн. обзоръ орнитол. фауны ср. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 125; Liste etc., p. 136). По словамъ *Шевелева*, гнѣздящаяся птица Черниговской губ. (Наблюд. надъ перелетами птицъ въ Черниг. губ., Труды общ. испытат. прир. при Харьковск. Универс., т. IX). По *Кесслеру* (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 29) и *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 55), гнѣздящаяся птица Кіевской губ. Подъ Харьковымъ на гнѣздовьѣ найденъ *Чернаемъ* (Beiträge etc., Bull. de Moscou, 1850, II). По *Сѣверцову* (Періодическія явленія и т. д., стр. 76), гнѣздящаяся птица Воронежской губ. Неизвѣстно, гнѣздится ли въ низовьяхъ Волги (*Яковлевъ.* Списокъ птицъ Астрах. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 340), но въ Новороссійскихъ степяхъ (Faune pontique, p. 108) и въ Бессарабіи *(Радаковъ*, l. c., стр. 164) гнѣздится повсемѣстно. По показанію *Шатилова* (Каталогъ орнитолог. собр., стр. 84), гнѣздится въ Крыму.

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 50), лѣтомъ и осенью обыкновененъ по Тереку, Кубани и въ прилежащихъ степяхъ.

γ) Область зимовья.

По *Нордманну*, почти всегда зимуетъ въ Новороссійскомъ краѣ. По *Шатилову*, отчасти зимуетъ въ Крыму.

B) Въ другихъ странахъ.

α') Область гнѣздовья.

Въ **Европѣ**:

По *Wallengren*'у (l. c., S. 74), залетная птица въ южныхъ частяхъ Скандинавскаго полуо-ва; изрѣдка гнѣздится на Готландѣ (Naumannia, 1853, S. 83).

Въ Даніи рѣдокъ *(Kjaerbölling*, l. c., p. 35).

По *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 61), Str. ciner. распространенъ по всей Германіи, но, кажется, на востокѣ встрѣчается чаще, чѣмъ на западѣ. Несомнѣнно гнѣздится въ Шлезіи, Мекленбургѣ, Ангальтѣ, Ольденбургѣ (Naumannia, 1853, S. 54; *Wiepken & Greve*, l. c., S. 16) и Бранденбургѣ (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 185).

По *Schlegel*'ю и *La Fontain*'у (Muséum etc., Circi, 3—4; *L. F.*, l. c., p. 228), гнѣздящаяся птица Нидерландовъ и Бельгіи.

По *Sharpe* (Catalogue of the Birds in the British Museum, p. 66), гнѣздящаяся птица Британскихъ о—въ.

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 110), обыкновененъ въ Голландіи и мѣстами во Франціи: Віенскій деп., деп. Соммы, Соны & Луары, Па-де-Кале и др. Г. *Benoist* (l. c., p. 232) отмѣченъ для окрестностей Валоньи. По *De Sinety* (R. et M. de Zool., 1854, 203), быть можетъ, гнѣздится въ департаментѣ Сены & Марны. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 16), обыкновенная гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Marchand* (l. c., p. 7), гнѣздящаяся птица деп. Эвры & Луара. По *Dubalen* (l. c., p. 11), рѣдкая залетная птица деп. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды, но, по *Lacroix* (l. c., p. 35—36), встрѣчается въ деп. Верхней Гаронны и прилежащихъ департаментахъ на гнѣздовьѣ и на пролетѣ. По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, S. 45), Str. ciner. очень обыкновененъ подъ Ліономъ, гдѣ гнѣздится на Ронскихъ о—вахъ. По *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), въ Савойѣ бываетъ только на пролетѣ.

Распространеніе Str. ciner. въ Швейцаріи не достаточно выяснено.

По *Brehm*'у (Allg. d. Naturh. Z., S. 489), Str. cin. распространенъ по всей Испаніи. По *Irby* (l. c., p. 32—33), очень обыкновененъ подъ Севильей. По *Saunders*'у (l. c., p. 322), довольно обыкновенная осѣдлая птица южной Испаніи.

Въ Италіи, по *Sälvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, 26), очень рѣдокъ, но найденъ въ разныхъ частяхъ страны, какъ на материкѣ, такъ и въ Сардиніи (Journ. f. Ornith., 1865, S. 67). По *Malherbe* (l. c., p. 39), гнѣздится въ Сициліи.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 379), осѣдлый въ Богеміи. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, 296), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица Трансильваніи. Обыкновенная гнѣздящаяся птица Дунайскихъ низменностей (Journ. f. Ornithol., 1879, 46, 113). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 393) и *Dalla Torre* (l. c., S. 21), рѣдкая гнѣздящаяся птица Тироля. Въ Зальцбургѣ очень рѣдокъ (Zool. Gart., 1875, 234). По *Seidensacher*'у (l. c., p. 474), въ Штиріи только на пролетѣ.

По *Радакову* (l. c., p. 164), обыкновенная гнѣздящаяся птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи (см. также Journ. f. Ornith., 1859, S. 281) и Румеліи. Обыкновенная гнѣздящаяся птица Добруджи (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 62). По *Elwes & Buckley*, найденъ въ Добруджѣ и подъ Константинополемъ, но *Alléon & Vian* (l. c., p. 406) говорятъ объ этомъ лунѣ слѣдующее: «Quant au Busard montagu, nous ne pensons pas qu'il soit de passage sur le Bosphore, car nous ne l'y avons jamais rencontré».

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (l. c., p. 145), не рѣдокъ какъ въ степяхъ по Иртышу, такъ и на Ала-кулѣ; также на плоскогоріяхъ Тарбагатая, въ Китайскомъ Алтаѣ и по Оби до Большаго Устьрама. По *Эверсманну* (Bull. de Moscou., 1848, I, 218 и Journ. f. Ornithol., 1853, S. 283), найденъ у Норъ-Зайсана и въ южныхъ предгоріяхъ Алтая. По *Сѣверцову* (Вертик. и горизонт. распред. туркест. животн., стр. 63; Journ. f. Ornith., 1875, S. 171 и позднѣйшія наблюденія), гнѣздится спорадически во всемъ Туркестанскомъ краѣ, по влажнымъ луговинамъ до 8000′. По *Sharpe* (l. c., p. 66), найденъ въ Китаѣ. По *Hume*, спорадически гнѣздящаяся птица Индіи, Афганистана и б. м. Персіи (*Blanford*. Eastern Persia, II, p. 110).

Въ **Африкѣ**:

По *Loche* (l. c., p. 46), гнѣздящаяся птица Алжира, по *Irby* (l. c., p. 32—33)—Морокко. *Bertholet* (Journ. f. Ornith., 1854 S. 450) приводитъ Str. cinerac. для Канарскихъ о—въ.

Я не отмѣчаю области пролета Str. ciner., потому что свѣдѣній о пролетныхъ путяхъ луговаго луня очень мало. Такъ, напр., это несомнѣнно пролетная птица Египта, а между тѣмъ подъ

Константинополемъ на пролетѣ не найденъ. Къ тому же, Str. ciner. остается отчасти на зиму во многихъ мѣстахъ своего гнѣздовья.

ɣ') **Область зимовья.**

Въ **Европѣ** вѣроятно отчасти зимуетъ въ зап. Германіи, Нидерландахъ, Бельгіи и на Британскихъ о—вахъ; несомнѣнно отчасти зимующая птица южной Франціи и отчасти осѣдлая, отчасти зимующая въ Турціи, только зимующая въ Греціи (*Heldreich*, l. c., p. 33).

Въ **Азіи**, по *Sharpe* (l. c., p. 66) и *Hume* (Rough Notes, II, p. 303), зимующая птица брит. Бурмана, Индіи, Цейлона и Афганистана. Кажется, отчасти пролетный, отчасти зимующій въ Персіи (*Blanford*, l. c., p. 110). Палестина.

Въ **Африкѣ**, по *Heuglin*'у (l. c., p. 105), зимуетъ въ Абессиніи, Сенаарѣ и Кордофанѣ. По *Тачановскому* (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 38), зимующая птица Алжира. По *Layard* (The Birds of South Africa, p. 12—13), рѣдкая зимующая птица южной Африки.

45.

CIRCUS AERUGINOSUS, LINN.

Лунь камышевый.

Синонимы: Le Busard de Marais, Briss.; Falco rufus, Gmel.; Falco arundinaceus, Bechst.; Circus rufus, Sav.; Accipiter circus, Pall.; Pygargus rufus, Koch; Circus arundinaceus, Brehm; Circus aquaticus, Brehm.

с т а н ц і и:

камышевыя заросли по рѣкамъ, озерамъ и рѣчнымъ разливамъ.

При томъ условіи, что камышевый лунь во многихъ мѣстностяхъ своей области гнѣздовья—птица осѣдлая и что большая часть сѣверныхъ особей зимуетъ въ южной части области гнѣздовья и только незначительная ихъ часть спускается далѣе къ югу, можно разсматривать область распространенія этой птицы, не разбивая ее на параграфы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По свидѣтельству *Гёбеля* (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 407), гнѣздится подъ Архангельскомъ. *Мевесомъ* (l. c., S. 768) найденъ на Птичьемъ о—вѣ. По *Сабанѣеву* (Позвон. средн. Урала, стр. 30; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, p. 226), C. aerug. долженъ быть рѣдокъ сѣвернѣе Екатеринбурга, но *Теплоуховъ* встрѣчалъ камышеваго луня довольно часто подъ 57½° с. ш. *Сабанѣевъ* же приводитъ, что C. aerug. встрѣчается въ восточной части Вологодской губ. По *Эверсманну* (Естеств. истор. Оренбург. края, ч. III, стр. 68), найденъ всюду въ Оренбургской губ. и заходитъ въ Казанскую и Нижегородскую. Въ Рязанской губ. встрѣчается довольно часто (*Павловъ*. Орнитолог. наблюд., стр. 8). По *Сабанѣеву* (Матеріалы для фауны Ярославск. губ., стр. 247), найденъ въ Ярославской губ. Для Торопецкаго и Холмскаго у. Псковской губ. C. aeruginosus отмѣченъ *В. Эсауловымъ* (Труды Петерб. общ. естествоисп., т. IX, стр. 227). По *Büchner*'у и *Pleske* (l. c., S. 27), замѣченъ однажды въ Петербургскомъ у. (12/24. VIII. 76). По *Руссову* (l. c., S. 30), очень обыкновененъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Остзейскаго края, гдѣ много прѣсноводныхъ бассейновъ. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1873, I), гнѣздится въ Курляндіи. Въ Польшѣ лѣтомъ обыкновененъ (*Тачановскій*. Сравнит. обз., стр. 125; Liste etc., p. 136). По *Бельке* и *Кесслеру* (Notice sur l'hist. natur. etc., Bull. de Moscou, 1866, II, 493; Esquisse etc., Bull. de Moscou, 1859, I, 27; Ест. ист. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 30—31), гнѣздится въ губерніяхъ бывшаго Кіевскаго учебн. округа. *Гёбель* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 53—54) отмѣчаетъ болотнаго луня гнѣздящеюся птицей Уманьскаго уѣзда. По *Данилову* (Catalogue des oiseaux etc., Bull. de Moscou, 1864, II, p. 454), гнѣздится въ Орловской губ. Въ Тульской губ. гнѣздится, но рѣдокъ (*Мензбиръ*. Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 20). Обыкновенная гнѣздящаяся птица средняго Поволжья; по Волгѣ идетъ до взморья (*Богдановъ*. l. c., стр. 52; *Яковлевъ*, l. c., стр. 330; *Artzibascheff*, l. c., p. 42 и *Becker*, l. c., p. 239). Въ южныхъ предгоріяхъ Урала обыкновененъ (Bull. de

Moscou, 1848, I, 218; Journ. f. Ornith., 1853, 64). Для Урало-казачьихъ владѣній отмѣченъ *Карелинымъ* (Разборъ статьи Рябинина, стр. 285). По свидѣтельству *Сѣверцова* (Періодическія явленія, стр. 53, 65, 71), гнѣздится въ Воронежской губ. По *Чернаю* (Фауна Харьк. губ., стр. 35; Beitr. z. F. d. Chark. Gouv., Bull. de Moscou, 1850, II, 607), лѣтомъ обыкновененъ въ Харьковской губ. По свидѣтельству *Нордманна* (Faune pontique, p. 107), въ Новороссійскихъ степяхъ C. aeruginosus обыкновененъ по всѣмъ рѣкамъ и озерамъ. По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 164), въ Бессарабіи гнѣздится во множествѣ по рѣчнымъ долинамъ и вблизи большихъ озеръ. Въ Крыму держится съ марта до декабря (*Шатиловъ*., Изв. общ. любит. естествозн., т. X, в. 2, стр. 84).

По свидѣтельству *Богданова* (Птицы Кавказа, стр. 49), C. aeruginosus весьма обыкновененъ на всѣхъ рѣчныхъ бассейнахъ Кавказскаго края.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По *Wallengren*'у (l. c., S. 75), гнѣздящаяся птица южной Швеціи. Въ Норвегіи очень рѣдокъ (*Collet.* Norges Fugle, p. 151).

По *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 32—33), гнѣздящаяся птица Даніи.

По свидѣтельству *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 62), обыкновенная гнѣздящаяся птица въ низменностяхъ Германіи, особенно въ восточной части страны. *Holtz* (Journ. f. Ornith., 1865, S. 120) приводитъ ее для Помераніи. По *Preen*'у (Naumannia, 1856, S. 61), гнѣздится подъ Шверинomъ. По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 54) и *Wiepken*'у & *Greve* (l. c., p. 15), гнѣздящаяся птица Ольденбурга. Подъ Нейвидомъ (Naumannia, 1855, 343) крайне рѣдокъ. По свидѣтельству *Vangerow*'а (l. c., S. 185), довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица Бранденбурга и т. д.

По *La Fontain*'у (l. c., p. 226—227) и др., обыкновенная гнѣздящаяся птица Голландіи (см. также Muséum des Pays-Bas, Circi, p. 10—11), рѣдкая въ Бельгіи.

По *Sharpe* (l. c., p. 70), гнѣздящаяся птица Британскихъ о—въ.

По *Degland & Gerbe*, C. aerugin. гнѣздится во Франціи. Г. *Benoist* отмѣченъ для окрестностей Валоньи (l. c., p. 232). По свидѣтельству *De Sinety* (R. et M. de Zool., 1854, p. 203), гнѣздящаяся птица въ департ. Сены & Марны. По *Marchand* (l. c., p. 7), отчасти гнѣздящаяся, отчасти пролетная птица деп. Эвры & Луара. По *Marchant* (l. c., p. 16), рѣдкая гнѣздящаяся птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Dubalen* (l. c., p. 10), пролетная птица въ деп. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 34), отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица въ деп. Верхней Гаронны и прилежащихъ. По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol., 1856, 215), обыкновененъ круглый годъ въ Провансѣ. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), въ Савойѣ рѣдокъ и бываетъ только на пролетѣ.

Мѣстами гнѣздится въ Швейцаріи (Naumannia, 1856, S. 164; Journ. f. Ornithol., 1879, S. 358).

По *Brehm*'у (Allg. deutsche Naturhist. Z., S. 439), осѣдлая птица Испаніи (см. также Journ. f. Ornithol., 1855, S. 298; *Irby*, l. c., p. 33; *Saunders*, l. c, p. 321), гдѣ весьма обыкновенна въ южной части страны.

По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornithol., 1862, S. 251), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица Балеарскихъ о—въ.

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 24), обыкновенная осѣдлая птица Италіи, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ (Journ. f. Ornith., 1865, S. 67; *Malherbe*, l. c., p. 41).

Въ Австро-Венгріи мѣстами очень обыкновененъ. По *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 380), гнѣздится въ Богеміи. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 296), въ Трансильваніи обыкновененъ осенью; иногда зимуетъ. Очень обыкновенная гнѣздящаяся птица Дунайскихъ низменностей (Journ. f. Ornithol., 1879, 47). Въ Зальцбургѣ найденъ только на пролетѣ (Zool. Gart., 1875, 234). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 392) и *Dalla Torre* (l. c., p. 21), гнѣздящаяся птица Тироля. По *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, S. 474), въ Штиріи только на пролетѣ. По *Frayer*'у (Fauna etc., S. 10), есть въ Крайнѣ.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по свидѣтельству г. г. *Sintenis*, обыкновененъ въ Добруджѣ (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 61), по *Радажову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 164) и *Finsch*'у (Journ. f. Ornith., 1859, S. 381), въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и Болгаріи, по *Elwes & Buckley*, одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ вообще въ Турціи. По *Alléon & Vian* (l. c., p. 405), обыкновенная пролетная птица черезъ Босфоръ; гнѣздится въ большомъ количествѣ вблизи Мраморнаго моря, по озерамъ и болотамъ. По *Heldreich*'у (l. c., p. 31), осѣдлая птица Акарнаніи и Этоліи, гдѣ, какъ и во всей Греціи, можно найти кромѣ того и зимующихъ и пролетныхъ болотныхъ луней (см. также *Lindermayer*, l. c., S. 31).

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (l. c., S. 145), C. aerugin. найденъ въ 25 станц. за Омскомъ, у Бѣлаго Камня, не доѣзжая до Семипалатинска, и у Каракола въ степи за Сергіополемъ. По свидѣтельству *Полякова* (l. c., p. 109—110), обыкновененъ на озерахъ и рѣкахъ Витимскаго края. Въ восточн. Сибири положительно не встрѣчается (*Taczanowski*. Faune de la Sibérie orientale, p. 129) и для меня крайне сомнительно показаніе *Sharpe* (l. c., p. 70—71), будто C. aerugin. встрѣчается въ Китаѣ, Японіи и на Филиппинскихъ о—вахъ: вѣроятно смѣшеніе съ C. spilonotus, который *Сѣверцовымъ* весной (нестарые ♂♂) несомнѣнно найденъ у Чимкента, Зайсана и на Или, а невзрослая ♀ C. spilon. добыта тѣмъ же зоологомъ въ Семирѣчьи лѣтомъ и другая въ Ферганѣ зимой. По *Scully* (l. c., p. 126), C. aerugin. гнѣздится въ Вост. Туркестанѣ. По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 170), гнѣздящаяся птица всего Туркестанскаго края съ вертикальнымъ распространеніемъ вообще до 6000′. Пролетный на Памирскихъ озерахъ (Замѣтки о фаунѣ позвоночн. Памира, стр. 69).

По *Hume* (Str. Feath., Vol. III, 447—448), отчасти осѣдлый, отчасти зимующій во всей Индіи. Цейлонъ.

По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 110), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица Персіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Africa's, S. 104) и *Shelley* (Birds of Egypt, p. 181—182), отчасти осѣдлая, отчасти зимую-

щая птица Египта и Нубіи; на зимовкѣ по Нилу идетъ до экватора. Кордофанъ. Абессинія.

По *Loche* (l. c., p. 45—46) и *Тачановскому* (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 38), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая, отчасти пролетная птица Алжира. То же о Морокко говорптъ *Irby* (l. c., p. 33).

Канарскіе о—ва (Journ. f. Ornithol., 1854, S. 450).

По свидѣтельству *Barboza du Bocage* (Ornithologie d'Angola, p. 10), *Anchieta* нашелъ C. aerugin. только въ двухъ мѣстностяхъ на западномъ берегу южной Африки: Гюилля и Pio Корока. Въ декабрѣ 1869 года найденъ въ Трансваалѣ (*Layard.* The Birds of South Africa, p. 16).

Глава шестая.

Матеріалы къ познанію географическаго распространенія ночныхъ хищныхъ птицъ, встрѣчающихся въ Европ. Россіи.

46.

STRIX FLAMMEA, LINN.

Сипуха рыжая.

Въ Европ. Россіи встрѣчается только типичная Str. flammea, которую я отдѣляю отъ другихъ сипухъ, распространенныхъ въ Африкѣ, Азіи, Австраліи и Америкѣ, въ качествѣ самостоятельнаго вида. Въ послѣднее время голоса за раздробленіе вида Strix flammea раздаются все чаще и чаще, но сила традиціи такова, что многіе продолжаютъ еще считать сипуху космополитомъ и тѣмъ самымъ мѣшаютъ правильному взгляду на эту оригинальную группу совъ. Но интересно, что принимая единственный видъ сипухи, защитники этого взгляда принимаютъ въ видѣ Str. flammea нѣсколько подвидовъ, обособленныхъ весьма рѣзко и далеко не связанныхъ переходами. Такимъ образомъ очевидно, что извѣстные типы личныхъ различій сложились и переходная форма между ними по крайней мѣрѣ отчасти вымерла,—не пора ли отсюда оставить космополитизмъ сипухи?

станціи:

хотя Strix flammea и распространена преимущественно въ полосѣ островныхъ лѣсовъ, тѣмъ не менѣе чуть ли она не болѣе нуждается въ жильяхъ человѣка.

Во всей своей области сипуха птица осѣдлая.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Кажется, я могу сказать, что въ настоящее время распространеніе сипухи въ Европ. Россіи въ общихъ чертахъ выяснилось: это птица отчасти западной, отчасти юго-западной Россіи и только. Всѣ свѣдѣнія о распространеніи Strix flammea въ восточной части Европ. Россіи не заслуживаютъ довѣрія. Такъ, по *Эверсманну* (Естеств. исторія Оренб. края, ч. III, стр. 94), она будто бы «живетъ въ глинистыхъ и каменистыхъ берегахъ южныхъ степей», но *Н. А. Сѣверцовъ* пишетъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: «не найдена тамъ ни мной въ южно-киргизскихъ степяхъ, ни мной, ни Карелинымъ, ни посланнымъ мной въ 1859 г. препараторомъ на Усть-Уртѣ, ни Пельцамомъ въ Туркменіи. Въ Туркестанскомъ краѣ, у р. Арыса, я ее призналъ на лету (Вертик. и горизонт. распред. туркест. живот., стр. 63), но только разъ, а потомъ не встрѣчалъ, но за то добылъ многихъ свѣтлыхъ Aegol. otus съ общимъ цвѣторасположеніемъ сипухи, но, конечно, со всѣми своими характеристическими особенностями узора, почему думаю, что, при опредѣленіи сипухи издали, ошибся. Къ тому же сова, принятая мною за сипуху (отчасти по мѣстонахожденію въ глинистомъ яру, откуда вылетѣла, и указанію Эверсманна), была замѣчена какъ разъ во время пролета Aegol. otus, которыя тогда, въ половинѣ сентября 1864 года, и добыты, но болѣе темныя, что также ввело меня въ ошибку».

Далѣе, *Сабанѣевъ* въ своемъ первомъ каталогѣ (Bull. de Moscou, 1871, III, 228, примѣч. 2-ое) говоритъ, что, по показаніямъ нѣкоторыхъ охотниковъ, Str. flammea водится въ южныхъ частяхъ Пермскаго Урала, но ни Эверсманнъ, ни Карелинъ, ни Скорняковъ, ни Крашенинниковъ и никто изъ доставлявшихъ птицъ въ бывшій Оренбургскій музей этой птицы тамъ не находилъ. Такимъ образомъ *несомнѣнно* Strix flammea найдена въ слѣдующихъ мѣстахъ Европ. Россіи: по *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1873, I), осѣдлая птица Курляндіи. По свидѣтельству *Тачановскаго* (Ptakach, стр. 119; Сравнит. обзоръ и т. д., стр. 126; Liste etc., p. 137), довольно обыкновенна круглый годъ въ Польшѣ. *Даниловымъ* (Catalogue etc., Bull. de Moscou, 1864, II, 454)

отмѣчена осѣдлою птицею Орловской губ. Какъ залетная и притомъ очень рѣдкая птица, найдена въ южной части Тульской губ. (*Мензбиръ*. Орнитолог. фауна Тульск. губ., стр. 21). По *Чернаю* (Фауна Харьков. губ., стр. 29; Bull. de Moscou, 1850, II, 606, 608), осѣдлая птица Харьковской губ. По показанію *Андржіевскаго* (Bull. de Moscou, 1839, I, 15), встрѣчается въ Кіевской губ., гдѣ вѣроятно очень рѣдка, т. к. не найдена тамъ ни *Кесслеромъ*, ни *Белькe*, и только одна пара найдена въ Уманьскомъ у. *Гёбелемъ* (Die Vögel des Kreis. Uman, S. 59). Въ Подольской губ. довольно рѣдка (*Belke*, Bull. de Moscou, 1853, II, 418 и 1859, I, 27). Въ Новороссійскія степи, по свидѣтельству *Нордманна* (Faune pontique, p. 110), только залетаетъ. По свидѣтельству *Радакова* (Bull. de Moscou, 1879, I, 167), гнѣздится въ Бессарабіи. Въ Крыму не наблюдалась (*Шатиловъ*. Каталогъ орнитол. собр., Изв. общ. любит. естествозн., т. X, в. 2). На Кавказѣ, кромѣ *Морица Вагнера*, никѣмъ не наблюдалась (*Богдановъ*. Птицы Кавказа, стр. 50), почему показаніе М. Вагнера вѣроятно основано на ошибкѣ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Рѣдкая залетная птица южной *Швеціи* (*Wallengren*, Naumannia, 1854, S. 80).

Гнѣздящаяся птица Даніи (*Kjaerbölling*. Danmarks Fugle, p. 45—46).

По *Borggreve* (l. c., S. 62), осѣдлая птица во всей Германіи. Такъ, по *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1853, 155), *Wiese* (Journ. f. Ornithol., 1857, 183) и *Holtz*'у (Journ. f. Ornithol., 1865, 122), обыкновенна въ Помераніи. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, 376), распространена во всей Тюрингіи. По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 54) и *Wiepken*'у & *Greve* (l. c., p. 16), осѣдлая птица Ольденбурга. Обыкновенна въ Рейнскихъ провинціяхъ (Naumannia, 1855, 344) и въ Бранденбургѣ (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 184), не рѣдка въ Баваріи (Naumannia, 1855, S. 75) и т. д.

Осѣдлая птица Нидерландовъ и Бельгіи (Muséum des P.-B., Striges, 1—4; *La Fontaine*, l. c., p. 234—235).

По *Sharpe* (Catalogue etc., Vol. II, p. 299), осѣдлая птица Британскихъ о—въ. По *Degland & Gerbe* (Ornithol. europ., p. 134), самая обыкновенная осѣдлая сова всей Франціи: окрестности Валоньи (Mém. de la Soc. d. sc. nat. de Cherb., 1854, 232), деп. Сены & Марны (R. et. M. de Zool., 1854, 204), деп. Эвры & Луара (*Marchand*, l. c., p. 9), деп. Котъ-д'Оръ (*Marchant*, l. c. p. 20), Ланды, Нижніе Пиренеи, деп. Жиронды (*Dubalen*, l. c., p. 11), Провансъ (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 216) и др. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), осѣдлая птица Савойи.

Осѣдлая птица Швейцаріи (Naumannia, 1856, S. 165; Journ. f. Ornithol., 1860, 232 и 1879, S. 360).

Осѣдлая птица Пиренейскаго полуо—ва: Галиція (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 298), Андалузія (*Irby*, l. c., p. 56—57), южная Испанія (*Saunders*, l., c., p. 323) и др. (Allg. d. Naturhist. Zeit., S. 440).

По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornithol., 1862, S. 252), обыкновенна на Балеарскихъ о—вахъ.

Обыкновенная осѣдлая птица Италіи, какъ на материкѣ, такъ и на о—вахъ (Fauna d'Italia, Uccelli; p. 27; Journ. f. Ornithol., 1865, S. 129; *Malherbe*, l. c., p. 42).

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornith., 1872, 379), осѣдла въ Богеміи. По свидѣтельству *Wodzick*'аго (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 432), гнѣздится въ Галиціи и въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Татрѣ. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 296), обыкновенная осѣдлая птица Трансильваніи. Въ Зальцбургѣ, кажется, довольно рѣдка (Zool. Gart., 1875, 235). По *Althammer*'у и *Dalla Torre* (l. c., p. 22), въ Тиролѣ рѣдкая осѣдлая птица. По *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, 474), осѣдлая птица Штиріи. *Frayer*'омъ (l. c., S. 10) отмѣчена для Крайны. Распространеніе Str. flammea на Балканскомъ полуо—вѣ, кажется, очень ограниченно: ни г.г. *Sintenis*, ни *Finsch*, ни *Радковъ*, ни *Elwes & Buckley* не нашли этой птицы ни въ Добруджѣ, ни въ Болгаріи, ни въ Турціи, на основаніи чего надо допустить, что сипуха въ Турціи очень рѣдка и только *Lilford* внесъ Str. flammea въ списокъ турецкихъ птицъ. Въ Греціи очень рѣдка:

Von der Mühle имѣлъ одинъ экземпляръ, пойманный подъ Навпліей, *Lindermayer*'омъ не найдена (*Lindermayer*, l. c., p. 33); по *Heldreich*'у (l. c., p. 31), осѣдлая птица Корфу.

Въ **Азіи**:

До сихъ поръ несомнѣнно найдена только въ Месопотаміи, Палестинѣ и Аравіи. Въ Малой Азіи и Персіи не найдена.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithologie Nordost-Afrika's, S. 123—124) и *Shelley* (Birds of Egypt, p. 176), осѣдлая птица Египта и Нубіи. Въ декабрѣ найдена на Голубомъ Нилѣ, въ концѣ января—на Бѣломъ. Сенаарѣ. Абессиніи.

Осѣдлая птица Алжира (*Loche*, l. c., p. 47; Journ. f. Ornithol., 1870, S. 39), Марокко (*Irby*, l. c., p. 56—57), Азорскихъ о—въ, Канарскихъ о—въ (Journ. f. Ornithol., 1854, S. 450 и 1857, S. 274) и отчасти западной Африки (Зеленый мысъ), гдѣ сталкивается съ Strix insularis, Pelz.

47.

SYRNIUM LAPPONICUM, RETZ.

Неясыть лапландская.

Синонимы: Strix lapponica, Temm., Tyzenh., Naum.; Strix barbata, Pall.; Ulula lapponica, Less.; Ulula barbata, Keys. & Blas.; Syrnium lapponicum, Strickl.; Ulula cinerea, Schl.; Syrnium lapponicum, Sharpe.

станціи:

глухая тайга.

Такъ какъ Syrn. lapponicum не совершаетъ правильныхъ перелетовъ и ея зимнія странствованія могутъ считаться только кочевками, то я укажу только область ея гнѣздовья и потомъ тѣ мѣстности, гдѣ она является бродячей птицей.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Въ Лапландіи S. lapp. найдена *Schrader*'омъ (J. f. Orn., 1853, S. 248; Beitr. z. K. d. R., R. S. 268); *Schrader*'омъ же въ Финляндіи

найдена между 67°—68° с. ш. По *Нордманну*, доходитъ до южной Финляндіи (Uebersicht etc., S. 9), но только во время кочевокъ; по *Meves*'у, встрѣчается подъ Архангельскомъ (Ornithol. iakttag. etc.; см. также *Гёбеля* въ J. f. Orn., 1873, S. 421). По свидѣтельству *Межакова* (Bullet. de Moscou, 1856, IV, p. 628), осѣдла въ Вологодской губ. *Гёбелемъ* добыта подъ Устюгомъ (J. f. Orn., 1871, S. 24). По свидѣтельству г. *Сабанѣева*, найдена г. Martin въ 30 верстахъ отъ Полевскаго завода (Каталогъ звѣрей, птицъ, гадовъ и рыбъ Средн. Урала, Bull. de Moscou, 1871, III, 226); по свидѣтельству г. *Плеске*, Ul. barbata была добыта въ Тевкелевскомъ хуторѣ на р. Сакмарѣ въ 13 верстахъ отъ Оренбурга зимою 1872 г.; изъ этого можно заключить, что и гнѣздится Ul. barb. по лѣсамъ Уральскаго хребта очень далеко на югъ. По свидѣтельству *Руссова*, осѣдла въ Эстляндіи и Лифляндіи (лѣса побережья Чудскаго оз.), но въ Курляндіи ея нѣтъ (l. c., S. 38). По свидѣтельству *Н. А. Съверцова*, добыта подъ Петербургомъ (1859), куплена г. Вознесенскимъ и жила при зоологич. музеѣ Академіи; одинъ экземпляръ добытъ на границѣ Петербургской губ. (*Büchner & Pleske*, l. c., p. 30). По свидѣтельству *Эсаулова* (Труды Петерб. общ. естествоиспыт., т. IX, стр. 228) изрѣдка Ul. barbata находима въ вост. ч. Псковской губ. *Тизенгаузомъ* въ 1825 г. отмѣчена гнѣздящеюся птицею Литвы; позднѣе эта сова была найдена въ Гродненской губ.; *Вановичъ* доставилъ Тачановскому шкурки Syrn. lapponicum изъ Минской губ. (J. f. Orn., 1873, S. 303); въ 1872 г. въ декабрѣ Syrn. lapponicum была убита въ Люблинской губ. (*Taczanowski.* Liste des vertébrés de Pologne, p. 137).—Изъ этого слѣдуетъ, что распространеніе Syrn. lapponicum на пространствѣ между Финскимъ заливомъ и Припетью заслуживаетъ болѣе серьезнаго изученія. По словесному сообщенію *Θ. К. Лоренца*, зимою 1866 г. Syrn. lapp. была поймана живою въ Московскомъ у. Препараторомъ г. *Евреиновымъ* S. l. была убита зимою въ Орловской губ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**, кромѣ Россіи, Syrn. lapponicum гнѣздится въ большихъ лѣсахъ Скандинавіи къ сѣверу, начиная отъ 62°—63° сѣв. шир. (*Wallengren*, l. c., S. 77; *Collet.* Norges Fugle, p. 149),

откуда зимою спускается до Христіаніи; по *Borggreve*, крайне рѣдкая залетная птица сѣв. Германіи (l. c., S. 62).

Въ **Азіи**, по *Finsch*'у, гнѣздится по Оби между Обдорскомъ и Березовымъ (Sib. Reise, S. 373 и l. c., 147—148); *Палласомъ* найдена на Енисеѣ и въ другихъ мѣстахъ (Zoogr. R. A., 318). **Г.** *Поляковымъ* замѣчена въ Витимскомъ краѣ (l. c., 110—111). *Стеллеромъ* найдена на р. Ленѣ и въ Камчаткѣ. *Радде* добылъ одинъ экземпляръ на Бурейскомъ хребтѣ (l. c., p. 121). *Дыбовскимъ* добыта изъ окрестностей Иркутска и Забайкалья *(Taczanowski*, l. c., p. 130).

48.

SYRNIUM URALENSE, PALL.

Неясыть уральская.

Синонимы: Strix liturata, Retz.; Strix macrura, Meyer & Wolf; Strix macrocephala, Meisner; Surnia uralense, Steph.; Ulula liturata, Steph.; Syrnium uralense, Boie; Noctua uralensis, Cuv.; Ptynx uralensis, Gray; Ulula uralensis, Keys. & Blas.; Ptynx liturata, Brhm.

с т а н ц і и:

тайга и ея остатки.

Про распространеніе уральской неясыти по временамъ года надо сказать то же, что и про распространеніе лапландской, почему и расположеніе матеріала останется тѣмъ же.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Палласомъ найдена на Уралѣ (Zoogr. R. As., I, 319—321). По свидѣтельству *Schrader*'а, въ Лапландіи гнѣздится изрѣдка до предѣла лѣса (оз. Энаре. Journ. f. Ornithol., 1853, 248; Beitr. z. K. d. R. R., VIII, S. 268). По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, 9), не рѣдкая птица Финляндіи. По свидѣтельству *Мевеса* (Orni-

thol. iakttagels. etc.), найдена въ Финляндіи и подъ Архангельскомъ. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1873, 410), осѣдлая птица въ окрестностяхъ Пинеги. *Сабанѣевымъ* (Каталогъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 227; Позвон. средн. Урала, стр. 31) найдена въ хвойныхъ лѣсахъ Пермской губ. По свидѣтельству г. *Булычева* (l. c., стр. 29), изрѣдка встрѣчается въ лѣсахъ Ирбитскаго уѣзда. По *Эверсманну* (Ест. ист. Оренбургск. края, ч. III, стр. 86), не рѣдко встрѣчается въ сѣв. части Оренбургской губ. и въ лѣсахъ Пермской, Вятской и Казанской губ. По свидѣтельству *М. Н. Богданова* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 53), гнѣздящаяся птица въ борахъ Сызранскаго у. Въ Сарептѣ, по *Сѣверцову*, до 1861 года не добыта даже зимою. *Карелинымъ* (l. c., стр. 285) внесена въ списокъ птицъ Уралоказачьихъ владѣній, гдѣ бродитъ только зимой, по рощамъ Общаго Сырта и, можетъ быть, долины Урала. По *Сабанѣеву* (Замѣтки о птицахъ Московской губ., стр. 181; Тр. Яросл. статист. комит., вып. IV, 271), только зимою бываетъ въ Московской и Ярославской губ. Живая, пойманная подъ Москвою зимою 1845—46 года была у Н. А. Сѣверцова. Судя по экземплярамъ, доставленнымъ въ Москву, осѣдлая птица Костромской и Новгородской губ. По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, IV, 628), осѣдла въ Вологодской губ. По свидѣтельству *Büchner'a & Pleske* (Beitr. z. Ornithol. d. St. Pet. Gouvern., S. 30), зимою 1878 года ♀ Syrn. ural. была поймана въ одномъ изъ садовъ г. Петербурга (на Петербургской сторонѣ); объ экземплярахъ, пойманныхъ подъ Петербургомъ, упоминаетъ Миддендорфъ (S. R., 129). По свидѣтельству *Эсаулова* (l. c., стр. 228), довольно обыкновенна въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. По *Руссову* (l. c., S. 37—38), не рѣдка во всѣхъ большихъ лѣсахъ Остзейскаго края. Въ Польшѣ очень рѣдка (лѣса Святокржиской горы и Сувальской губ. *Тачановскій*. O ptakach, стр. 160; Сравнит. обз. орнитолог. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 126; Liste etc., p. 137). По *Тизенгаузу*, гнѣздящаяся птица Литвы. По *Эйхвальду* (Zoolog. Spec., p. 269), осѣдла въ Минской губ. Быть можетъ, случайно и въ очень рѣдкихъ случаяхъ залетаетъ въ Крымъ (*Шатиловъ*. Каталогъ и т. д., стр. 95).

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Скандинавіи уральская неясыть распространена очень широко и нормально гнѣздится въ большихъ лѣсахъ, къ югу до 59° с. ш. Зимою можетъ встрѣчаться до южнаго предѣла страны (Naumannia, 1850, III, 40; Norges Fugle, p. 149—150).

Въ Даніи рѣдкая залетная птица.

По *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 62), осѣдлая птица въ восточной части Пруссіи.

Въ Австро-Венгріи распространеніе уральской неясыти очень обширно. По свидѣтельству *Wodzick*'аго (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 431), гнѣздящаяся птица Галиціи. По *Tschusi* (Journ. f. Ornithol., 1872, 132), гнѣздящаяся птица Богемскаго лѣса, что подтверждаетъ *Fritsch* (Naturgesch. d. Vögel Europa's, S. 62 и Journ. f. Ornithol., 1872, S. 379). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 297), гнѣздящаяся птица Трансильваніи. Найдена въ Моравіи и Нижней Австріи, но неизвѣстно, гнѣздится ли здѣсь, за то въ Верхней Австріи, Каринтіи и Кроаціи несомнѣнно гнѣздящаяся птица (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 257). Гнѣздится въ Зальцбургѣ (Zool. Gart., 1875, 235), Штиріи (*Seidensacher*, Naumannia, 1858, S. 474), Крайнѣ (*Frayer*. Fauna etc., S. 10) и Венгріи (хреб. Фруска-гора, см. Journ. f. Ornithol., 1879, S. 49).

Въ **Азіи**:

Вѣроятно Syrn. uralense была замѣчена *Зибомомъ* (Ibis, 1878, 324) на Енисеѣ. *Миддендорфомъ* найдена зимою въ окрестностяхъ Амгинска и Удскаго Острога (Sibir. R., B. II, Th. 2, S. 129—130). По *Schrenck*'у (Vögel des Amur-Landes, 245—246), найдена зимою на нижнемъ Амурѣ. *Максимовичъ* убилъ взрослую самку въ хвойномъ лѣсу подъ Марьинскимъ постомъ $\left(\frac{4}{16}\right.$ октября$\left.\right)$. *Радде* (Reis. im S. von O.-Sib., II, 121—122) нашелъ уральскую неясыть на Яблоновомъ и въ восточной части Саянскаго хребта, гдѣ эта сова рѣдка, и въ Бурейскихъ горахъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ осенью и ранней зимою, она обыкновенна. *Дыбовскимъ* найдена у устья Уссури (Journ. f. Ornithol., 1875, 243—244).

49.

ULULA ALUCO, LINN.

Неясыть сѣрая, сосновка.

Синонимы: Strix sylvestris, Scop.; Strix soloniensis, Gm.; Strix austriaca, Shaw; Syrnium stridulum, Steph.; Syrnium aluco, Boie; Syrnium oedium, rufescens, macrocephalum, Brehm.

станціи:

высокоствольные лѣса, парки и т. п.

Осѣдла во всей занятой ею области по крайней мѣрѣ отчасти; есть кочевки, но нѣтъ правильныхъ перелетовъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Büchner*'у & *Pleske* (Beitr. z. Ornith. d. St.-Pet. Gouv., S. 29), обыкновенная гнѣздящаяся птица Гдовскаго у., гдѣ найдена еще *Порчинскимъ* (Фауна позвоночн. Гдовск. у., стр. 385). По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), осѣдлая птица Тверской губ. Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у.у. Псковской губ. встрѣчается очень часто *(В. Эсауловъ*, Тр. петерб. общ. естествоиспыт., т. IX, стр. 228). По *Руссову* (l. c., S. 37), очень обыкновенная птица Остзейскаго края, гдѣ, какъ осѣдлая птица, для Курляндіи указана еще *Гуммелемъ* (Naumannia, 1855, стр. 326) и *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornithol., 1853, I). Въ Польшѣ обыкновенна круглый годъ *(Тачановскій*. O ptakach, стр. 166; Сравн. обзоръ и т. д., стр. 126; Liste des vertébrés de Pologne, p. 137). По свидѣтельству *Эйхвальда* (Zool. spec., 269), осѣдла въ Литвѣ. Обыкновенная осѣдлая птица губ. Смоленской, Московской, Владимірской, Ярославской и Тульской *(Сабанѣевъ*. Матеріалы для фауны Ярославской губ., Тр. Ярослав. статистич. комит., в. IV, стр. 247; Bull. de Moscou, 1868; *Мензбиръ*. Орнитологич. фауна Тульской губ., стр. 21 и позднѣйшія наблюденія). По свидѣтельству *Павлова*

(Орнитолог. набл., стр. 9) и *В. Щепотьева* (Природа и Охота, 1879, XI, 282), Ulula aluco живетъ осѣдло въ Рязанской губ. По *Эверсманну* (Естеств. истор. Оренбургск. края, т. III, стр. 87), сѣрая сова очень обыкновенна въ лѣсахъ Оренбургской, Симбирской, Казанской, Вятской и Пермской губ.; въ послѣдней, какъ кажется, надо искать сѣвернаго и восточнаго предѣла распространенія Ul. aluco *(Сабанѣевъ.* Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, 227; Позвоночныя средняго Урала, стр. 31); на восточномъ склонѣ Урала сѣрая сова очень рѣдка. Г. *Сѣверцовымъ* сообщены мнѣ слѣдующія мѣстонахожденія Ul. aluco: 18 $\frac{1—5}{VI}$60, склонъ Общаго Сырта къ Бѣлой, лѣса близь Кочевки; 1861, II, устье Иртека; 18 $\frac{13}{III}$ 61, Гурьевъ. По свидѣтельству *М. Н. Богданова* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 56), обыкновенна въ среднемъ Поволжьѣ. Въ нижнемъ теченіи Волги эта сова принадлежитъ къ наиболѣе обыкновеннымъ видамъ и доходитъ до Астрахани, хотя подъ Астраханью Ul. aluco появляется въ большомъ числѣ только осенью *(Яковлевъ.* Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, 331). По свидѣтельству г. *Сѣверцова*, осѣдла въ Воронежской губ. (Періодическія явленія, стр. 25, 66 и т. д.). Осѣдла въ Харьковской губ. *(Czernay*, Bull. de Moscou, 1850, II, 607; Фауна Харьковской губ., стр. 29). То же о Кіевской губ. говорятъ *Бельке* (Bull. de Moscou, 1866, II, 493), *Кесслеръ* (Естеств. истор. губ. Кіевскаго учебн. округа, в. III, стр. 34), *Гольцъ* (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 141) и *Гёбель* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 58). Для Подольской губ. Ul. aluco отмѣчена *Бельке* (Quelques mots etc., p. 418; Esquisse etc., p. 27). Въ Новороссійскія степи только залетаетъ *(Nordmann.* Faune pontique, p. 110). По *Радакову* (l. c., p. 167), осѣдлая птица Бессарабіи. Гнѣздящаяся птица нагорныхъ лѣсовъ Крыма (*Шатиловъ.* Каталогъ и т. д., Изв. общ. любит. естествозн., т. X, в. 2-й, стр. 95).

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 50), въ зоологическомъ музеѣ Академіи наукъ есть экземпляръ Ul. aluco, доставленный съ Кавказа.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

Въ Скандинавіи Ul. aluco поднимается на сѣверъ гораздо далѣе, чѣмъ въ Европ. Россіи: По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 79), въ Швеціи доходитъ до 64° с. ш.; по *Collet* (Norges Fugle, 150), въ Норвегіи нормально не заходитъ за 63° с. ш., но въ исключительныхъ случаяхъ бывала находима гораздо сѣвернѣе (такъ напр., однажды подъ 67° с. ш.). Обыкновенная гнѣздящаяся птица Готланда (Naumannia, 1853, S. 83).

Осѣдлая птица Даніи (*Kjaerbölling*. Danmarks Fugle, p. 41—42).

По *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 63), осѣдлая птица Германіи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 155) и *Wiese* (Journ. f. Ornithol., 1857, 183), обыкновенная осѣдлая птица Помераніи. По *Preen*'у (Naumannia, 1856, S. 61), гнѣздится подъ Шверинomъ. По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 54), осѣдлая птица Ольденбурга, гдѣ, однако, становится рѣже и рѣже, вмѣстѣ съ вырубкою дуплистыхъ деревьевъ (см. также *Wiepken*'а & *Greve*, l. c., p. 17). По *Brahts*'у (Naumannia, 1855, S. 344), очень обыкновенная осѣдлая птица Рейнскихъ провинцій. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, S. 376), гнѣздится въ Тюрингіи. По *Pässler*'у (Journ. f. Ornithol., 1857, 401), гнѣздится въ Ангальтѣ. По свидѣтельству *Vangerow*'а (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 184), очень обыкновенная осѣдлая птица Бранденбурга. По *Landbeck*'у (Naumannia, 1855, S. 76), въ западн. Баваріи рѣдка.

Осѣдлая птица Нидерландовъ и Бельгіи (Muséum des Pays-Bas, Striges, p. 12 и *La Fontaine*, l. c., p. 235).

По *Degland* & *Gerbe* (Ornithol. europ., p. 128), Ul. aluco осѣдлая во всѣхъ лѣсахъ Франціи. Г. *Benoist* Ul. aluco отмѣчена для окрестностей Валоньи (l. c., p. 272). По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 20), рѣдкая осѣдлая птица деп. Котъ-д'Оръ. По свидѣтельству *De Sinety* (R. et M. de Zool., 1854, p. 204), осѣдлая птица деп. Сены & Марны, откуда отлетаетъ только въ очень холодныя зимы. По *Marchand* (l. c., p. 9), въ департ. Эвры & Луара довольно рѣдка. По *Lacroix* (l. c., p. 37—38), осѣдла въ лѣсахъ Пиренейскихъ горъ, откуда зимою спускается и въ при-

лежащія низменности. По *Dubalen* (l. c., p. 11), только зимою бываетъ въ департ. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. Гнѣздится въ Севеннахъ и предгоріяхъ Альпъ (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 216). По *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), обыкновенная осѣдлая птица Савойи.

Обыкновенная осѣдлая птица въ большинствѣ лѣсовъ Швейцаріи (Naumannia, 1856, S. 165; Journ. f. Ornithol., 1860, S. 232; *Du Plessis*, l. c., p. 107; Journ. f. Ornithol, 1879, S. 360).

Въ Испаніи Ul. aluco несомнѣнно отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица (Allg. d. Naturhist. Z., 440; *Saunders*, l. c., p. 323; Journ. f. Ornithol., 1855, S. 298; *Irby*, l. c., p. 57—58).

Въ Италіи, по *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 28), довольно обыкновенна повсемѣстно; мѣстами живетъ въ нагорныхъ лѣсахъ, мѣстами въ лѣсахъ низинъ.

Въ Австро-Венгріи распространеніе Ul. aluco очень обширно. По *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, 379), осѣдла въ Богеміи. Въ Галиціи и мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Татрѣ, гнѣздится повсемѣстно, поднимаясь до 2000′ (*Wodzicki*, Journ. f. Ornithol., 1853, S. 431). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, 297), обыкновенная осѣдлая птица Трансильваніи. Обыкновенная осѣдлая птица во всѣхъ высокостволыныхъ лѣсахъ по теченію Дуная (Journ. f. Ornithol., 1879, S. 49 и 114). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 394) и *Dalla Torre* (l. c., p. 23), не рѣдкая осѣдлая птица Тироля. Въ Зальцбургѣ обыкновенна (Zool. Gart., 1875, S. 235). По *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, S. 474), гнѣздится въ Штиріи. По *Frayer*'у (Fauna etc., p. 10), найдена въ Крайнѣ.

На Балканскомъ полуо—вѣ обыкновенна въ Добруджѣ (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 62). По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, 167), осѣдлая, но не многочисленная птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточной Румеліи. По *Finsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 381), въ Болгаріи (Балканы) очень обыкновенна. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 77), распространена по всей Турціи, но рѣдка (по показанію *Robson*). Осѣдлая птица Греціи (*Heldreich*, l. c., p. 31; *Lindermayer*, l. c., p. 32).

Въ **Азіи**:

По *Сѣверцову* (Вертик. и горизонт. распред. туркестанск. животн., стр. 63; Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), $\frac{27}{VI}$ ♀ sen.(лин.) найдена въ сѣверо-западномъ зоологическомъ участкѣ Туркест. края на р. Чаткалъ, при 6—7000′ надъ уровнемъ моря; въ послѣднее путешествіе г. Сѣверцова птенецъ на взлетѣ найденъ въ концѣ мая въ горахъ у прорыва Нарына въ Ферганy; въ ноябрѣ старый экземпляръ Ul. aluco добытъ въ ю.-в. Ферганѣ. По *Danford* (On the Ornithology of Asia Minor, p. 5), одинъ экземпляръ добытъ у Зебиля (Zebil). Палестина. Сирія.

Въ **Африкѣ**:

Пребываніе Ul. aluco въ Египтѣ до сихъ поръ не можетъ считаться доказаннымъ *(Heuglin*, l. c., S. 122 и XLVII; *Shelley*, l. c., p. 176—177). По *Loche* (l. c., p. 47), гнѣздится во всѣхъ лѣсахъ Алжира. По *Irby* (l. c., p. 57—58), гнѣздящаяся птица Марокко (навѣрно осѣдла и тамъ, и здѣсь).

50.

ASIO OTUS, LINN.

Сова ушастая.

Синонимы: Asio asio, Briss.; Asio italicus, Briss.; Otus albicollis, Daud.; Otus italicus, Daud.; Bubo otus, Sav.; Otus asio, Leach; Otus otus, Cuv.; Otus europaeus, Steph.; Otus vulgaris, Flem.; Asio otus (L.), Less.; Otus communis, Less.; Otus sylvestris, C. L. Brehm; Otus arboreus, C. L. Brehm; Otus gracilis, C. L. Brehm; Aegolius otus (L.), Keys. & Blas.; Otus major, C. L. Brehm; Otus minor, C. L. Brehm; Otus assimilis, C. L. Brehm; Otus verus, Finsch.

станціи:

островные лѣса.

Подобно перепелятнику, ушастая сова кочевая птица на Европейскомъ материкѣ и перелетная въ Азіи.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

Уральская экспедиція нашла ушастую сову подъ 56° с. ш., но она распространена на сѣв. нѣсколько далѣе и вѣроятно за крайній сѣверный предѣлъ ея распространенія на Уралѣ слѣдуетъ принять 58°—59° с. ш. (*Сабанѣевъ.* Позвоночн. средн. Урала, стр. 32; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 227). *Гёбель* говоритъ, что въ Архангельск. музеѣ имѣется шкурка Asio otus, добытой въ Арханг. губ. (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 421). Г. *Вальневъ* также приводитъ Asio otus въ числѣ гнѣздящихся птицъ Архангельскаго у. (Природа и Охота, 1880, XI), почему надо принять, что *Межаковъ* пропустилъ Asio otus въ Вологодской губ. По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, 10), изрѣдка встрѣчается въ южной Финляндіи. По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), гнѣздящаяся птица Тверской губ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ *Büchner*'омъ & *Pleske* (l. c., S. 29), Asio otus вѣроятно осѣдлая, хотя и рѣдкая птица Петербургской губ. По *Руссову* (l. c., S. 35), рѣдкая птица Остзейскаго края. Для Курляндіи, какъ осѣдлая птица, приведена *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornithol., 1873, I; см. также Naumannia, 1855, S. 326). Въ Польшѣ это обыкновенная осѣдлая птица (*Тачановскій.* О ptakach, стр. 190; Сравн. обз., стр. 126; Liste etc., p. 138). Въ Кіевской губ., по словамъ *Бельке* (Bull. de Moscou, 1866, II, 493), Asio otus встрѣчается только съ апрѣля до сентября, что опровергается *Кесслеромъ* (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 33), который говоритъ, что въ губ. бывш. Кіевск. учебн. окр. Asio otus остается и на зиму. По *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 57), отчасти пролетная, отчасти осѣдлая птица Уманьскаго уѣзда. Для Подольской губ. отмѣчена *Бельке* (Quelques mots etc., p. 418; Esquisse etc., p. 27). По *Данилову* (Catalogue des oiseaux etc., Bull. de Moscou, 1864, II, 454), осѣдлая птица Орловской губ. Въ Тульской губ. очень обыкновенна (*Мензбиръ.* Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 21). Довольно обыкновенная птица Московской, Ярославской, Владимірской и др. подмосковныхъ губ. (*Сабанѣевъ.* Мат. для позн. ф. Яросл. губ., стр. 247; Bull. de

Moscou, 1868; рукопись; наблюд. автора «Орнитол. геогр.»). По свидѣтельству *Богданова* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 58), лѣтомъ найдена во всѣхъ большихъ лѣсахъ средняго Поволжья, но врядъ ли зимуетъ въ Казанской губ., какъ то слѣдуетъ изъ словъ *Эверсманна* (Естеств. истор. Оренб. края, ч. III, стр. 80); въ сѣв. части Оренбургской губ., въ губ. Казанской и Вятской Asio otus очень обыкновенна; въ Оренбургской найдена еще *Леманомъ*. По р. Уралу обыкновенна до Гурьева включительно *(Сьверцовъ)*. Подъ Сарептою, какъ и подъ Астраханью встрѣчается круглый годъ *(Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астраханск. губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 331). По свидѣтельству *Сьверцова* (Періодическія явленія и т. д., стр. 56, 83 и др.), гнѣздящаяся птица Воронежской губ. По свидѣтельству *Черная* (Фауна и т. д., стр. 35; Bull. de Moscou, 1850, II, стр. 607), гнѣздящаяся птица Харьковской губ. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 111), подъ Одессой живетъ круглый годъ. Въ Бессарабіи, по *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, p. 167), гнѣздится. Въ Крыму только зимуетъ *(Шатиловъ*. Изв. общ. любит. естествозн., т. X, в. 2, стр. 85; *Radde*. Beitr. z. Ornith. S. Russl., Bull. de Moscou, 1854, III, 134, 135).

М. Н. Богданову Asio otus не разъ попадалась въ лѣсахъ сѣверн. склона Кавказа и въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ на плоскости (Птицы Кавказа, стр. 52).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Однажды найдена на Фарерскихъ островахъ; въ Исландіи не водится (*Droste*, Journ. f. Ornithol., 1869, S. 109). По свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, p. 150), гнѣздящаяся птица въ южныхъ, низменныхъ частяхъ Норвегіи, гдѣ мѣстами очень обыкновенна. На сѣверъ идетъ до Дронтгейма. Въ Швеціи *(Wallengren*, l. c., S. 82) на сѣверъ идетъ до 64° с. ш., но обыкновенною осѣдлою птицею является только до 60°—61° с. ш. Рѣдкая гнѣздящаяся птица Готланда (Naumannia, 1853, S. 83).

По *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 48—49; *E. F. v. Homeyer*. Ornithologische Briefe, S. 213), обыкновенная осѣдлая птица Даніи. Особенно многочисленною становится зимою, когда прибываютъ особи съ сѣвера.

По *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 63), довольно обыкновенная кочующая птица Германіи. По *Wiese* (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 507), *Holtz*'у (Journ. f. Ornithol., 1865, S. 121) и *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1853, S. 155), гнѣздится въ Померанiи. По *Preen*'у (Naumannia, 1856, S. 61). гнѣздится подъ Шверином. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, S. 376), обыкновенна въ Тюрингіи. По *Negelein*'у (Naumannia, 1853, S. 54), *Wiepken*'у & *Greve* (l. c., S. 18), обыкновенная отчасти осѣдлая, отчасти только гнѣздящаяся птица Ольденбурга. По *Pässler*'у (Journ. f. Ornith., 1865, S. 31), гнѣздится въ Ангальтѣ. По *Vangerow*'у (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 184), не рѣдкая осѣдлая птица Бранденбурга. По *Brahts*'у (Naumannia, 1855, S. 343), осѣдлая птица въ ю.-в. углѣ Рейнскихъ провинцій. По *Landbeck*'у (Naumannia, 1855, S. 75), обыкновеннѣйшая осѣдлая сова зап. Баваріи.

Обыкновенная осѣдлая птица Нидерландовъ, Бельгіи и Люксембурга (Muséum des Pays-Bas, Oti, p. 1—2; *La Fontaine*, l. c., p. 230; *Degland & Gerbe*, l. c., p. 139).

Обыкновенная осѣдлая птица въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Великобританіи и Ирландіи. Въ восточной части Великобританіи особенно многочисленна бываетъ осенью, во время кочевокъ *(Dresser.* Birds of Europe, P. XLIX).

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 139), обыкновенная осѣдлая птица Франціи. По свидѣтельству г. *Benoist* (l. c., p. 232), зимою является въ окрестностяхъ Валоньи. По *De Sinety* (l. c., p. 205), осѣдлая птица деп. Сены & Марны. По *Marchand* (l. c., p. 10), обыкновенная осѣдлая птица деп. Эвры & Луара. По свидѣтельству *Marchant* (l. c., p. 19), довольно обыкновенная осѣдлая птица деп. Котъ-д'Оръ. По *Dubalen* (l. c., p. 12), отчасти осѣдлая, отчасти зимующая птица деп. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 42), очень обыкновенная осѣдлая птица Пиренейскихъ горъ, откуда зимою спускается въ низменности. По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 216), зимующая птица Прованса. По *Olph Galliard* (Naumannia, 1855, S. 45), довольно обыкновенна подъ Ліономъ. По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), очень обыкновенна въ Савойѣ.

По свидѣтельству *Du Plessis* (l. c., p. 108), довольно обыкновенна въ лѣсахъ Швейцарской Юры. Вообще въ Швейцаріи довольно обыкновенна (Naumannia, 1856, S. 165; Journ. f. Ornithol., 1860, S. 233; Journ. f. Ornithol., 1879, 360).

По *Брему* (Allg. d. Naturhist. Z., S. 441), зимою бываетъ въ Испаніи. Несомнѣнно, это отчасти осѣдлая птица названной страны, т.-к., по *Irby* (l c., p. 60), Asio otus является довольно обыкновенной осѣдлой птицей къ сѣверу отъ Кордовы и Гранады, что подтверждается *Saunders*'омъ (l. c., p. 323), который говоритъ, что Asio otus гнѣздится въ болѣе высокихъ горныхъ мѣстностяхъ Испаніи. *Barboza du Bocage* приводитъ As. otus для Португаліи.

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 32—33), обыкновенная осѣдлая птица Италіи. Въ Сардиніи рѣдка (Journ. f. Ornith., 1865, S. 129), въ Мальтѣ еще рѣже. По *Malherbe* (l. c., p. 44—45), обыкновенная осѣдлая птица Сициліи. Лѣтомъ держится въ горахъ.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 379), осѣдлая птица Богеміи. Обыкновенна на Татрѣ, гдѣ поднимается до 2000′ (Journ. f. Ornith., 1853, S. 431). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 298), довольно обыкновенная осѣдлая птица Трансильваніи. Обыкновенная птица въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Дунайскихъ низменностей. Въ Зальцбургѣ очень обыкновенна (Zool. Gart., 1875, S. 235). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 394) и *Dalla Torre* (l. c., p. 22), обыкновенная осѣдлая птица Тироля. По *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, S. 475), гнѣздится въ Штиріи. *Frayer*'омъ (Fauna etc., S. 10) отмѣчена для Крайны.

По свидѣтельству *Радакова* (Bull. de Moscou, 1879, I, 167), гнѣздящаяся птица Молдавіи и Валахіи. Гнѣздящаяся птица Добруджи (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 62). По *Finsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 381), довольно обыкновенна въ Болгаріи. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 77), гнѣздится во всей Турціи, отъ Македоніи до дунайскихъ о—вовъ. По *Heldreich*'у (l. c., p. 33), довольно обыкновенная зимующая и пролетная птица Греціи.

Въ **Азіи**:

α′) **Область гнѣздовья.**

По *Палласу* (Zoogr. R.-Asiatica, I, p. 308), „in australibus Rossiae, pariterque in borealibus citerioris Sibiriae observata, a *Messerchmidio* etiam in ulteriore Sibiria“. По *Middendorf*'у (Sibirische Reise, B. II, Th. 2, S. 130), 7 августа As. otus убита подъ Удскимъ острогомъ. *Маакомъ* As. otus. ♀ добыта 7—19 сент. на нижнемъ Амурѣ, вблизи впаденія Уссури *(Schrenck*, l. c., S. 246). *Радде* (l. c., S. 122) не нашелъ As. otus на гнѣздовьи въ южной части вост. Сибири: только на пролетѣ; тѣмъ не менѣе вѣроятно As. otus гнѣздится въ названной мѣстности. *Дыбовскимъ* As. otus найдена въ Даурiи (Journ. f. Ornithol., 1874, S. 334). По *Blakiston*у & *Pryer*'у (Ibis, 1878, p. 246) Asio otus довольно обыкновенна въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Японiи. По *Сьверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), отчасти рѣдкая осѣдлая, отчасти зимующая, отчасти пролетная птица въ сѣверо-восточномъ и переходномъ зоологическомъ участкѣ Туркестанскаго края. По *Danford* (Ornithology of Asia Minor, p. 5), многочисленна въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малой Азiи.

β′) **Область пролета.**

Радде нашелъ Asio otus на пролетѣ въ Бурейскихъ горахъ и въ Даурiи. По *Swinhoe* (Ibis, 1874, 434), пролетная птица сѣв. Китая. По *Сьверцову*, отчасти пролетная птица всего Туркестанскаго края.

γ′) **Область зимовья.**

По *Swinhoe*, зимуетъ въ южномъ Китаѣ. По *Scully* (l. c., p. 127—128), зимуетъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Несомнѣнно зимующая, а, можетъ быть, отчасти и осѣдлая птица Гималая. Непалъ. Кашмиръ. Пенджабъ. Афганистанъ. Персiя (Eastern Persia, II, p. 116). Изрѣдка въ Палестинѣ. Не рѣдка зимою въ Каменистой Аравiи *(Heuglin*, l. c., p. 107).

Въ **Африкѣ**:

По *Shelley* (The Birds of Egypt, p. 178—179), осѣдлая птица Египта. По *Heuglin*'у, въ Нижнемъ Египтѣ найдена только

зимою. Въ концѣ марта 1851 г. одинъ экземпляръ этого вида былъ убитъ въ саду подъ Александріей. По свидѣтельству *Loche* (l. c., p. 47), зимующая птица Алжира.

По *Bolle* (Journ. f. Ornith., 1854, S. 450), водится въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Канарскихъ о—вовъ.

Godman (по *Dresser*'у) говоритъ, что As. otus есть на центральныхъ и восточныхъ островахъ Азорской группы.

51.

ASIO ACCIPITRINUS, PALL.

Сова болотная.

Синонимы: La grande Chouette, Briss.; Noctua minor, Gm.; Strix brachyotus, Forst.; Strix ulula, Gm.; Strix ulula, Pall. (Zoogr. Rosso-Asiat., I, 322); Strix palustris, Bechst.; Strix aegolius, Pall. (Zoogr. Rosso-Asiat., I, 309); Otus brachyotus, Steph., Gould, Gray; Asio ulula, Less.; Otus agrarius, Brehm; Otus palustris, Brehm; Brachyotus palustris, Bp.; Aegolius brachyotus, Keys & Blas.

станціи:

болотистыя низины, открытыя или поросшія мелколѣсьемъ. Такъ какъ вопросъ о томъ, въ какой странѣ Asio accipitrinus является гнѣздящейся, въ какой—пролетной, и въ какой—зимующей, недостаточно выясненъ, то я и опредѣляю область распространенія этой совы, не подраздѣляя ее на параграфы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Schrader*'у, въ Лапландіи Asio accipitrinus идетъ на сѣверъ очень далеко, но до берега Ледовитаго океана не доходитъ (*Schrader*'s Beobachtungen über die Vögel Lappland's, Journ. f. Ornithol., 1853, S. 248). По *Мевесу* (Ornitholog. iakttag. i nordv. Ryssl), найдена подъ Новой Ладогой, Лодейнымъ Полемъ, Вытегрой и Архангельскомъ. По свидѣтельству *Гёбеля* (Journ. f. Ornithol.,

1873, S. 419), гнѣздится подъ Архангельскомъ. О гнѣздовьи подъ Архангельскомъ имѣемъ также свидѣтельство *Schlegel*'я (Muséum des Pays-Bas, Oti, p. 5). *Быстровымъ* (Bull. scient., т. X, № 22, p. 351) найдена около Мезени. По *А. Нордманну* (Bull. de Moscou, I, p. 10), идетъ черезъ всю Финляндію и доходитъ до Бѣлаго моря. По *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., p. 91), найдена на р. Свири. По свидѣтельству *Межакова* (Catalogue des oiseaux etc., Bull. de Moscou, 1856, IV, 628), As. accipitrinus осѣдла въ Вологодской губ. Уральскою экспедиціею найдена 21-го апрѣля подъ Пермью. *Зибомъ* и *Броунъ* (Ibis, 1876, p. 112) нашли As. accipitr. на Печорѣ. *Сабанѣевымъ* найдена на болотистыхъ лугахъ Сосьвы, подъ Тагиломъ, въ болотахъ Екатеринбургскаго Урала и далѣе къ востоку (Позвоночныя средняго Урала, стр. 32; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, 227). Въ Казанской и Симбирской губ. только лѣтуетъ *(Богдановъ.* Птицы и звѣри Поволжья, стр. 57). По свидѣтельству *Эверсманна* (Естеств. истор. Оренбургск. края, ч. III, стр. 82), очень обыкновенна во всѣхъ степяхъ по берегамъ Каспійскаго моря, Волги и Урала, въ предгоріяхъ Урала, мѣстами поросшихъ лѣсомъ, и повсюду на Общемъ Сыртѣ; также часто встрѣчается въ лугахъ, поляхъ и малыхъ лѣсахъ Казанской, Симбирской, Вятской и проч. губерній. По свидѣтельству *Павлова*, въ Рязанской губ. не только гнѣздится, но даже отчасти зимуетъ (Орнитолог. набл., стр. 9; см. также *В. Щепотьева*, Природа и Охота, 1879, XI, 282). Въ Ярославской встрѣчается въ очень большомъ числѣ, но не зимуетъ *(Сабанѣевъ*, Труды Ярославск. статист. комит., в. IV, стр. 271). По свидѣтельству *В. Эсаулова* (Списокъ позвоночн. животн. Торопецк. и Холмск. у.у. въ Труд. Петерб. общ. естествоиспыт., т. IX), въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. Asio accipitr. встрѣчается не часто. *Порчинскимъ* (Фауна позвоночн. Гдовск. у., стр. 385) найдена въ Гдовскомъ уѣздѣ. По *Büchner*'у *& Pleske* (l. c., p. 29), въ августѣ 1879 года выводокъ болотныхъ совъ былъ замѣченъ недалеко отъ Царскаго Села; осенью (августъ—сентябрь) вообще не рѣдка. По *Руссову* (l. c., S. 36), не рѣдка въ болотистыхъ низинахъ Остзейскаго края, гдѣ отчасти остается и на зиму. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1871, I), можетъ быть, гнѣздится въ Курляндіи. По свидѣтельству *Тачановскаго* (O ptakach,

p. 184; Сравн. обз. орнит. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сиб., 126; Liste des vertébrés de Pologne, p. 137), гнѣздящаяся и зимующая птица Польши. По словамъ *Кесслера* и *Бельке*, въ Кіевской губ. гнѣздится, но на зиму не остается (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 32; *Belke*, Bull. de Moscou, 1866, II, p. 493). По *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 57—58), пролетная птица Уманьскаго уѣзда. Въ Черниговской губ. найдена *Шевелевымъ* (Труды Харьковск. общ. испыт. природы, т. IX). По свидѣтельству *Данилова* (l. c., p. 454), осѣдлая птица Орловской губ. Въ Тульской губ. очень обыкновенна, но зимой не найдена *(Мензбиръ.* Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 21). По Волгѣ идетъ до Каспійскаго моря (*Яковлевъ.* Списокъ птицъ Астраханской губ., Bull. de Moscou, 1872, IV, p. 331). *Карелинымъ* показана для Урало-казачьихъ владѣній (Разборъ статьи Рябинина, стр. 285). По *Мёшлеру* (l. c., S. 303), подъ Сарептой осѣдла. Въ Воронежской губ. гнѣздится и отчасти зимуетъ *(Сѣверцовъ).* По свидѣтельству *Черная* (Фауна Харьковск. губ., стр. 35), лѣтуетъ въ Харьковской губ. Въ Новороссійскихъ степяхъ держится круглый годъ (*Nordmann.* Faune pontique, p. 112). Въ Крыму гнѣздится и иногда зимуетъ (*Шатиловъ,* l. c., p. 85; *Radde.* Beitr. z. Ornithol. S. Russl., S. 134—135).

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 52), весьма обыкновенна въ степяхъ и въ долинахъ рѣкъ Ставропольской губ., а также въ Терской и Кубанской области. *Гогенакеръ* и *Кесслеръ* наблюдали ее въ Закавказьѣ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ:**

Въ Скандинавіи на сѣверъ идетъ до Варангова фіорда. По свидѣтельству *Palmén*'а & *Sahlberg*'а (l. c., p. 246), около Муоніо подъ 68° с. ш. добыта 21 іюня. По *Boie* (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 84), кажется, есть на Лофоденскихъ и Вестераальскихъ о—вахъ. По *Collet* (Norges Fugle, p. 150—151) и *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 81 и 1855, S. 30), южная граница гнѣздовья Asio accipitrinus въ Швеціи лежитъ около 63° с. ш., въ Норвегіи—около 60° с. ш. Въ Исландію только зале-

таетъ (Naumannia, 1857, S. 28). На Фарерскихъ о—вахъ обыкновенна, но неизвѣстно гнѣздится ли (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 109). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1853, S. 83), на пролетѣ встрѣчается на Готландѣ, гдѣ останавливается иногда на нѣсколько недѣль.

Изрѣдка встрѣчается на гнѣздовьи въ Даніи, гдѣ обыкновенна на пролетѣ (*Kjaerbölling.* Danmarks Fugle, p. 49—50).

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., S. 63), мѣстами гнѣздится въ большихъ болотистыхъ низменностяхъ (Померанія, Ольденбургъ, Ангальтъ); на пролетѣ найдена почти всюду. О гнѣздовьи въ Помераніи см. *Krüper*'а (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 155) и *Wiese* (Journ. f. Ornithol., 1857, S. 183).

О гнѣздовьи болотной совы въ Ольденбургѣ имѣемъ свидѣтельство *Negelein*'а (Naumannia, 1853, S. 54) и *Wiepken*'а & *Greve* (l. c., p. 18). По *Vangerow*'у (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 184), изрѣдка гнѣздится въ Бранденбургѣ.

Пролетная и даже, быть можетъ, изрѣдка гнѣздящаяся птица Нидерландовъ (Muséum des Pays-Bas, Oti, p. 3—5). По *La Fontain*'у (l. c., p. 232—233), пролетная птица Люксембурга, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 137),—Бельгіи.

Гнѣздящаяся и пролетная птица Британскихъ о—вовъ (*Sharpe*, l. c., II, p. 237).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 137), As. accipitr. встрѣчается только на пролетѣ, но, по *Marchand* (l. c., p. 9—10), въ видѣ исключенія гнѣздится въ деп. Эвры & Луара, по *Marchant* (l. c., p. 20), будто бы гнѣздится въ деп. Котъ-д'Оръ, и, по *Lacroix* (l. c., p. 41), осѣдла въ деп. Верхней Гаронны. Въ деп. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ, Жиронды и въ Провансѣ только зимуетъ (*Dubalen*, l. c., p. 12; Journ. f. Ornithol., 1856, S. 216). По *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), осенью регулярно посѣщаетъ Савойю.

Пролетная птица Швейцаріи, гдѣ мѣстами бываетъ въ это время очень обыкновенна (*Du Plessis*, l. c., p. 108; Journ. f. Ornithol., 1879, S. 360). По *Fatio* (Naumannia, 1856, S. 165), будто бы гнѣздится въ Женевской долинѣ.

По *Brehm*'у (Allg. deutsche Naturhist. Zeit., S. 441), отчасти пролетная, отчасти зимующая птица Испаніи. По *Saunders*'у (l. c., p. 323), довольно обыкновенна на пролетѣ и зимою въ ю. Испаніи. Одинъ экземпляръ добытъ въ Португаліи (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 142).

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 33—34), очень обыкновенна на пролетѣ и зимою въ Италіи; зимою особенно многочисленна въ Тосканѣ, Сардиніи, Сициліи и Мальтѣ. По *Malherbe* (l. c., p. 44), будто бы осѣдлая въ Сициліи, гдѣ гнѣздится въ горныхъ рощахъ.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 380), гнѣздящаяся птица Богеміи. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 298), очень обыкновенная осѣдлая птица Трансильваніи. Въ Зальцбургѣ вѣроятно бываетъ на пролетѣ (Zool. Gart., 1875, S. 235). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 394), въ Тиролѣ бываетъ не только на пролетѣ, но и гнѣздится. По *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, S. 475), отчасти пролетная, отчасти зимующая птица Штиріи.

На Балканскомъ полуо—вѣ гнѣздящаяся птица Добруджи (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 62). По *Finsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 381), въ Болгаріи Asio accipitr. рѣже Asio otus. По *Heldreich*'у (l. c., p. 33), довольно обыкновенная пролетная и зимующая птица Греціи.

Въ **Азіи**:

По *Finsch*'у (l. c., p. 149), очень обыкновенна въ тундрѣ зап. Сибири и найдена мѣстами по Оби. *Seebohm* во время своей поѣздки на Енисей нашелъ As. accipitr. подъ 66½° с. ш. и подъ 67° с. ш. (Ibis, 1878, p. 324). По *Middendorf*'у (Sibir. Reise, B. II, Th. II, S. 130), гнѣздится на Боганидѣ. *Маакомъ* добытъ экземпляръ As. accipitr. (11/23 мая) подъ Нерчинскомъ (Vögel d. Am.-Land., S. 246—247). По *Радде* (Reise im Süd. v O.-Sib., B. II, S. 122—123), гнѣздящаяся птица ю.-в. Сибири (Даурія). Изъ Дауріи же As. accipitr. доставлена Дыбовскимъ (*Taczanowski*, l. c., p. 132). Японія (*Blakiston & Pryer*, l. c., p. 246). По *Swinhoe* (l. c., p. 262), въ Китаѣ As. accipitr. идетъ отъ Амура до Кантона. По *Scully* (l. c., p. 128), зимующая птица Вост. Турке-

стана. По *Сьверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), пролетная, зимующая и осѣдлая птица въ сѣверо-восточномъ, переходномъ и сѣв.-западн. зоолог. участкѣ Туркестанскаго края, пролетная и зимующая въ юго-западномъ. Въ октябрѣ замѣчена на Баш-Алаѣ (Замѣч. о фаунѣ позвоночн. Памира, стр. 69). По *Hume* (Rough Notes, p. 364, цитуется у *Heuglin*'а, l. c., p. XLII), As. accipitrin. во множествѣ гнѣздится на травянистыхъ плоскогоріяхъ Тибета, откуда зимою распространяется по всей Индіи. По *Blanford* (l. c., p. 116—117), отчасти зимующая, отчасти пролетная въ Персіи. Зимуетъ въ Малой Азіи и Месопотаміи (*Sharpe*, l. c., II, p. 237).

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (l. c., S. 109) и *Shelley* (l. c., p. 179), зимуетъ во всей сѣв.-вост. Африкѣ, къ югу до Абессиніи. 25 ноября 1850 г. *Vierthaler* нашелъ As. accipitr. на Голубомъ Нилѣ. По *Hartmann*'у, идетъ до Верхн. Сенаара.

По *Loche* (l. c., p. 48), зимующая и пролетная птица Алжира. Въ Алжирѣ же зимою найдена *Тачановскимъ* (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 39). По *Irby* (l. c., p. 60—61), пролетная и зимующая птица Морокко.

По *Layard* (The Birds of South Africa, p. 79—80), одинъ экземпляръ As. accipitrinus добытъ въ землѣ Наталь.

Въ Америкѣ типичная As. accipitrinus замѣняется As. Cassinii, на Галапагосскихъ о—вахъ—As. galapagensis, на Сандвичевыхъ—As. sandwichensis, которыя представляютъ собою, кажется, только мѣстныя породы и не имѣютъ значенія видовъ.

52.

NYCTALE TENGMALMI, GM.

Сычъ мохноногій.

Синонимы; Strix dasypus, Bechst.; Noctua tengmalmi, Cuv.; Nyctale Richardsoni, Bonap.; Strix frontalis, Licht.; Nyctale funerea, Bonap.; Nyctale pinetorum, abietum, planiceps, Brehm; Ulula funerea, Schleg.

станціи:

большіе лѣса.

Мохноногій сычъ не совершаетъ правильныхъ перелетовъ и зимою только кочуетъ, почему я буду говорить о его области распространенія, не разбивая ее на параграфы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Шлегелю* (Muséum etc., Striges, p. 8 и 9), гнѣздящаяся птица Финляндіи и подъ Архангельскомъ. *Мевесомъ* выводокъ этого сыча найденъ въ 25 верстахъ отъ Вытегры; кромѣ того, тотъ же наблюдатель слышалъ этихъ птицъ близъ Каргополя. По свидѣтельству *Гёбеля* (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 421), шкурка N. T. есть въ Архангельскомъ музеѣ. По свидѣтельству *Нордманна* (Bull. de Moscou, 1860, I, 10), N. T. наблюдался въ Карелiи. По *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., p. 91), найденъ на р. Свири. По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, IV, 628), мохноногій сычъ осѣдлая птица Вологодской губ. По *Сабанѣеву* (Позвон. средн. Урала, стр. 33; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д., Bull. de Moscou, 1871, III, стр. 227), на Уралѣ N. T. не встрѣчается сѣвернѣе 59° с. ш. По свидѣтельству *Булычева* (l. c., p. 29), N. T. встрѣчается всюду въ лѣсахъ Ирбитскаго уѣзда. *Эверсманномъ* (Естеств. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 89; Addenda etc., I, 4) найденъ въ лѣсахъ Уральскаго хребта, въ сѣв. части Оренбургской губ., и въ губ. Саратовской, Симбирской, Казанской, Вятской и Пермской. *Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 55) найденъ въ Казанской губ. По *Сѣверцову*, между 30 маемъ и 5 іюнемъ 1860 г. найденъ въ лѣсахъ близъ Кочевки (склонъ Общаго Сырта къ Бѣлой). По *Карелину*, осенью и зимою залетаетъ въ окрестности Гурьева. Залетаетъ изрѣдка зимою въ окрестности Сарепты и тогда держится въ лѣсистыхъ балкахъ. Въ Спасскомъ у. Рязанской губ. сычъ водится въ довольно большомъ количествѣ (*В. Щепотьевъ*, Природа и Охота, 1879, XI, 283). По свидѣтельству Павлова (Орнитолог. набл., стр. 9), N. T. убитъ 27 сент. въ окрестностяхъ Рязани. Въ Ярославской и Московской, по свидѣтельству *Сабанѣева* (Матеріалы для познанія фауны Яросл. губ., стр. 247 и рукопись),

лѣтомъ рѣдокъ, осенью обыкновеннѣе. Въ Тульской губ. мѣстами обыкновененъ *(Мензбиръ.* Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 22). По свидѣтельству г. *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 58), въ Тверской губ. найдена Str. Athenae; несомнѣнно, что подъ этимъ названіемъ г. Дьяковъ упоминаетъ Nyct. Tengm. Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. сычъ весьма обыкновененъ (Тр. Петерб. общ. естествоиспыт., т. IX, стр. 228). Не рѣдокъ въ Петербургской губ. *(Brandt,* Journ. f. Ornithol., 1880, S. 227; *Büchner & Pleske,* l. c., S. 29—30). По *Руссову* (l. c., S. 36), распространенъ во всемъ Остзейскомъ краѣ, по большимъ хвойнымъ лѣсамъ, но довольно рѣдокъ. Въ Польшѣ, по *Тачановскому* (O ptakach, стр. 167; Сравн. обз. орнитолог. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 126; Liste des vertébrés de Pol., p. 137), довольно рѣдокъ. Изрѣдка встрѣчается въ Литвѣ и въ губ. бывш. Кіевск учебн. округа (Ест. ист. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 36). По *Чернаю* (Bull. de Moscou, 1850, II, стр. 607; Фауна и т. д., стр. 29), осѣдлая птица Харьковской губ., что невѣроятно.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По свидѣтельству *Palmén*'а & *Sahlberg*'а (l. c., p. 246), эта птица должна гнѣздиться еще у Муоніониски (68° с. ш.). По *Collet* (Norges Fugle, p. 149), обыкновенна въ Норвегіи. По *Wallengren*'у (l. c., p. 80), въ Швеціи не переходитъ къ сѣверу за 67 1/6° с. ш., къ югу на гнѣздовьи найдена до Упсалы.

Въ Даніи, по *Kjaerbölling*'у *(E. Homeyer.* Ornithologische Briefe, S. 213), N. T. рѣдокъ.

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., p. 63—64), осѣдлая птица всей страны: Восточн. Пруссія *(Wiese, Boeck),* Померанія (*Wiese*), Шлезія *(Gloger),* Лаузицъ *(Tobias),* Ангальтъ *(Baldamus),* Мозель *(Schäfer),* Нейвидъ *(Brahts),* Гарцъ (*Sakesen*), Татра (*Schauer*).

Въ Голландіи и Бельгіи N. T. рѣдкая залетная птица (Muséum etc., Striges, p. 8—9; *La Fontaine,* l. c., p. 233).

На Британскихъ о—вахъ N. T. рѣдкая залетная птица *(Sharpe & Dresser.* A History of the Birds of Europe, P. XIV).

Что касается распространенія N. T. во Франціи и прилежащихъ странахъ, то, по словамъ *Degland & Gerbe* (l. c., p. 126), мохноногій сычъ живетъ какъ осѣдлая птица въ Швейцарскихъ Альпахъ, въ Савойѣ, Нижнихъ Альпахъ, Вогезахъ и вѣроятно въ лѣсахъ Дофинэ. Случайно залетаетъ въ окрестности Шалона на Марнѣ, въ Лорренъ и Люксембургъ. Въ хвойныхъ лѣсахъ горъ Савойи N. T. осѣдлая птица, по свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416). Изъ Савойи же и *Бремъ* получилъ самку N. T., снятую съ яицъ (Journ. f. Ornithol., 1860, S. 232). По *Lacroix* (l. c., p. 39—40), осѣдлая птица Пиренейскихъ горъ, откуда зимою спускается и въ прилежащія низменности.

По свидѣтельству *Du Plessis* (l. c., p. 107), *Fatio* (Naumannia, 1856, S. 165) и *Goeldlin*'а (Journ. f. Ornithol., 1879, S. 360), осѣдлая птица Швейцаріи.

По свидѣтельству *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 28—29), рѣдкая залетная птица сѣв. Италіи.

Въ Австро-Венгріи N. T. распространенъ довольно широко. На Татрѣ гнѣздится въ чащѣ хвойныхъ лѣсовъ, подиммаясь до 3000′ (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 432). Въ Богеміи осѣдлый *(Fritsch*, Journ. f. Ornith., 1872, S. 379). По *Tschusi-Schmidhofen*'у (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 226), гнѣздящаяся птица Исполиновыхъ горъ. Идрѣдка попадается въ Трансильваніи (Ibis, 1875, p. 297). По *Landbeck*'у (Journ. f. Ornith., 1879, S. 49), не рѣдокъ по Савѣ. По *Tschusi-Schmidhofen*'у (Zool. Gart., 1875, S. 234), безъ сомнѣнія не рѣдокъ въ горахъ Зальцбурга. По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 394) и *Dalla Torre* (l. c., p. 23), рѣдкая птица Тироля, гдѣ появляется позднею осенью. По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 475), гнѣздящаяся птица въ нагорныхъ лѣсахъ Штиріи. *Frayer* отмѣтилъ (Fauna etc., p. 11) мохноногаго сыча для Крайны.

E. Homeyer имѣетъ экземпляръ N. T. изъ Добруджи (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 73). Въ первомъ изданіи своей книги *Lindermayer* помѣстилъ N. T. въ число птицъ, встрѣчающихся въ сѣв. Греціи. Ни Ф. д. Мюле, ни Эргардтъ не упоминаютъ о сычѣ и самъ *Lindermayer* никакихъ добавочныхъ свѣдѣній къ прежде сообщеннымъ объ этой птицѣ во второмъ изданіи своей книги не прибавляетъ (l. c., S. 34).

По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 77), N. T. однажды замѣченъ въ Корфу.

Въ **Африкѣ**:

По *Shelley* (The Birds of Egypt, p. 177), рѣдкая, случайно залетающая птица Египта.

Въ **Азіи**:

Распространеніе N. T. въ Азіи не совсѣмъ выяснено, но уже изъ отрывочныхъ данныхъ можно сказать, что мохноногій сычъ идетъ черезъ всю Сибирь. По *Finsch*'у (l. c., S. 147), ♀ N. T. пріобрѣтена *Бремомъ* живою на Иртышѣ (Самарово). По *Сѣверцову*, N. T. зимой найденъ у Зайсана, въ рощахъ предгорій Мус-Тау, и зимой же у Хобдо, въ зап. Монголіи. По *Тачановскому* (Faune de la Sibérie orientale, p. 130—131), не рѣдокъ въ окрестностяхъ южнаго Байкала, въ Дауріи и на Амурѣ. По *Jerdon*'у, найденъ въ Непалѣ (Гималай).

Въ **Америкѣ**:

По свидѣтельству *Baird*'а, N. T. совершенно сѣверный видъ, обыкновенный у Гудзонова залива и рѣдкій въ Соедин. Штатахъ. *Richardson* говоритъ, что N. T. населяетъ всю лѣсную страну отъ Большаго Невольничьяго озера до Соединенныхъ Штатовъ. *Boardman* говоритъ, что N. T., хотя рѣдокъ, но найденъ въ Мэнѣ. *Townsend* приводитъ его въ числѣ птицъ Орегона. По *Blackiston*'у, *Ross* нашелъ N. T. гнѣздящимся на Мэкензи. *Lichtenstein* приводитъ нашего мохноногаго сыча подъ названіемъ Strix frontalis въ числѣ птицъ Калифорніи, *Hoy*—Висконсина (*Sharpe & Dresser*, l. c.).

53.

ATHENE NOCTUA, RETZ.

Сычъ домовый.

Синонимы: Strix nudipes, Nilss.; Strix psilodactyla, Nilss; Surnia noctua, Bp.

станціи:

жилыя строенія въ полосѣ островныхъ лѣсовъ.

Домовый сычъ является осѣдлою птицею въ большинствѣ занятыхъ имъ мѣстностей, почему говорить о его области пролета и зимовья нѣтъ возможности и можно упомянуть только о кочевкахъ этой птицы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По свидѣтельству г. *Гёбеля* (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 421), шкурка Athene noctua, добытой въ Архангельской губ., имѣется въ Архангельскомъ музеѣ. Такъ какъ г. Гёбель говоритъ дальше, что въ томъ же музеѣ хранится коллекція птицъ и яицъ изъ Астраханской губ., то я имѣю сильное подозрѣніе, что Ath. noctua принадлежитъ именно этой коллекціи. По *Руссову* (l. c., S. 33), Ath. noctua можетъ водиться въ ю.-з. части Курляндіи и есть въ Гродненской губ. Въ Польшѣ обыкновенна круглый годъ *(Тачановскій.* O ptakach, p. 172; Сравн. обз. орнитол. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 126; Liste des vertébrés de Pologne, p. 137). По *Кесслеру,* осѣдлая птица въ губ. бывш. Кіевск. учебн. округа (Естеств. исторія губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 36; также *Belke*, Bull. de Moscou, 1866, II, 493). По *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 60), въ Уманьскомъ у. очень обыкновенна. По свидѣтельству *Данилова* (l. c., p. 454), осѣдлая птица Орловской губ. Въ Тульской губ. гнѣздится; въ Чернскомъ, Крапивенскомъ и Новосильскомъ у. у. очень обыкновененъ, но вездѣ только у жилья (*Мензбиръ.* Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 22). По показанію *Сабанѣева,* изрѣдка попадается въ Московской и даже Ярославской губ.; на основаніи личныхъ наблюденій могу сказать, что въ Московской губ. Athene noctua очень рѣдка, въ нахожденіи же ея въ Ярославской губ. сильно сомнѣваюсь. По свидѣтельству *П. Павлова* (Орнитологич. набл., стр. 9), гнѣздится въ Рязанской губ. *М. Н. Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 55) найденъ по деревнямъ и городамъ всей Саратовской губ., не рѣдокъ около Пензы и въ западной части Сызранскаго у. По *Эверсманну* (Естеств. ист. Оренбургск. края, ч. III, стр. 91), обитаетъ въ глинистыхъ и каменистыхъ берегахъ южныхъ степей. *Карелинымъ* (l. c., S. 285) найденъ въ Урало-казачьихъ владѣніяхъ (у истоковъ

Чагана, на Общемъ Сыртѣ). Далѣе на востокъ, у Каспійскаго моря, Athene noctua, можетъ быть, замѣняется Athene orientalis, Sev. (Bull. de Moscou, 1874, I, p. 40). По свидѣтельству *Съверцова* (Періодич. явленія, стр. 58 и др.), Ath. noctua гнѣздится и зимуетъ въ Воронежской губ. По *Чернаю* (Фауна Харьковск. губ., стр. 29; Bull. de Moscou, 1850, II, S. 607), осѣдлая птица Харьковской губ. Въ Новороссійскомъ краѣ и въ Крыму Ath. noctua обыкновенна круглый годъ (*Nordmann.* Faune pontique, p. 109). По свидѣтельству *Радакова* (Bull. de Moscou, 1879, I, p. 467), обыкновенная осѣдлая птица Бессарабіи.

По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 51), домовый сычъ довольно обыкновененъ на сѣв. сторонѣ Кавказа. *Менетріе* подъ именемъ Str. passerina описываетъ именно Ath. noctua и говоритъ, что эта птица обыкновенна на Кавказѣ и въ Ленкоранѣ.

Въ каталогѣ крымскихъ птицъ Шатилова (l. c., p. 85) подъ № 59 стоитъ Strix dasypus, которая будто бы осѣдла въ Крыму. Strix dasypus синонимъ Nyctale Tengmalmi, котораго нельзя допустить не только осѣдлой, но даже и залетной птицей Крыма (см. выше). Къ счастію я могъ разсмотрѣть экземпляры коллекціи Шатилова, доставленные въ зоологич. музей московск. университета. Въ этой коллекціи оказался одинъ экземпляръ, помѣченный за Athene noctua, другой—за Nyct. Tengm. Послѣдній экземпляръ оказался вовсе не Nyct. Tengm., а Athene, что безошибочно можно опредѣлить на чучелѣ по небольшому овальному ушн. отверстію, которое у Nyct. Tengm. полулунное, широкое, во всю вышину черепа. Такимъ образомъ въ Крыму N. Tengm. совсѣмъ не оказывается, что и должно было ожидать. Гораздо труднѣе для меня рѣшеніе вопроса о водящемся въ Крыму видѣ рода Athene. По показанію *Homeyer*'а, крымская Athene совершенно подобна итальянской разности Ath. meridion., только немного больше (Journ. f. Ornithol., 1854, S. 363). Съ другой стороны *Н. А. Съверцовъ* опредѣлилъ экземпляръ этой совы, доставленный въ Академію наукъ г. Радде, за Ath. orientalis. У меня не было подъ руками типичной Ath. meridion., а потому 2 крымскихъ экземпляра Athene я могъ сравнить только съ Athene noctua и Ath. orientalis (доставлена ген. Колпаковскимъ изъ средн. Азіи) Изъ тщательнаго сравненія оказалось, что крымскія Athene отлича-

ются отъ типичной Athene noctua болѣе рыжимъ общимъ цвѣтомъ и примѣсью желтаго цвѣта къ бѣлымъ пятнамъ, а равно и желтыми съ темными пятнами и полосами нижними кроющими перьями крыла. Другими словами, крымскія Athene приближаются къ Athene meridionalis, какъ этотъ видъ описанъ *Бремомъ* (Naumannia, 1858, S. 228), но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличаются отъ него меньшимъ развитіемъ желтаго и ржаво-желтаго цвѣта. Съ другой стороны, крымскія Athene отличаются весьма рѣзко и отъ средне-азіатскихъ, а именно: у послѣднихъ (Ath. orientalis=plumipes) пальцы оперены такъ же густо, какъ у N. Tengm., отъ котораго средне-азіатскія Athene, кромѣ своего родоваго признака (небольшое овальное ушное отверстіе), отличаются гораздо болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ, а у крымскихъ Athene ноги оперены почти какъ у Ath. noctua. Кромѣ того, крымскія Athene нѣсколько темнѣе Ath. orientalis. Отсюда я склоненъ признать крымскіе экземпляры Athene за Ath. meridionalis, но не типичную африканскую, съ которой сдѣлано описаніе Брема, а за сѣверный варіететъ, приближающійся къ Ath. noctua (подтвержденіемъ моихъ словъ служитъ показаніе *Тачановскаго* (Journ. f. Ornithol., 1870, S. 38), что алжирскія Athene meridionalis тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ ближе къ пустынѣ, и тѣмъ темнѣе, чѣмъ ближе къ морскому берегу).

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По свидѣтельству *Wallengren*'а (l. c., S. 80), только залетаетъ въ южную Швецію. Въ Норвегіи нѣтъ.

По свидѣтельству *Kjaerbölling*'а (*Homeyer.* Ornithol. Briefe, 1881, S. 213), очень обыкновенна въ Даніи.

По *Borggreve* (l. c., S. 64), осѣдлая птица во всей Германіи; на западѣ встрѣчается чаще, чѣмъ на востокѣ.

Обыкновенная осѣдлая птица въ Нидерландахъ и Бельгіи (Muséum des Pays-Bas, Striges, p. 28—29; *La Fontaine*, l. c., p. 233).

По *Sharpe & Dresser*'у (The Birds of Europe, P. IV), залетаетъ въ Англію, гдѣ въ видѣ исключенія даже гнѣздится; въ Шотландіи и Ирландіи не бываетъ.

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 123), мѣстами осѣдлая, мѣстами только гнѣздящаяся птица Франціи. По *Lacroix* (l. c., p. 38—39), очень обыкновенная осѣдлая птица Пиренейскихъ горъ. По свидѣтельству *Bailly* (l. c., p. 416), обыкновенна въ Савойѣ.

По *Brehm*'у (Allg. d. Naturh. Z., S. 440), *Saunders*'у (Oiseaux du midi de l'Espagne, p. 323) и *Irby* (l. c., p. 58), осѣдлая птица Испаніи. Бываетъ въ Португаліи.

Довольно обыкновенна въ Швейцаріи (*Du Plessis*, l. c., p. 107; Journ. f. Ornithol., 1879, S. 360).

По свидѣтельству *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 29—30), самая обыкновенная сова Италіи, гдѣ осѣдла. По *Malherbe* (l. c., p. 43—44), осѣдла въ Сициліи. Очень обыкновенная осѣдлая птица Сардиніи (Journ. f. Ornithol., 1865, S. 128). По свидѣтельству *Wodzick*'аго (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 432), гнѣздится въ Галиціи. Богемія (*Fritsch.* Vögel Europas, S. 53—54 и Journ. f. Ornithol., 1872, S. 379). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 297), довольно обыкновенна въ Трансильваніи. Дунайскія низменности. По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 394), рѣдкая гнѣздящаяся птица южнаго Тироля. По *Tschusi-Schmidhofen*'у (Zool. Gart., 1875, S. 234), въ Зальцбургѣ обыкновенна. По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 474), осѣдлая птица Штиріи. По *Frayer*'у (Fauna etc., S. 11), обыкновенна въ Крайнѣ.

По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, p. 167), обыкновенная осѣдлая птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и В. Румеліи. Обыкновенная птица Добруджи (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 62). По *Finsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1859, S. 381), обыкновенна въ Болгаріи. По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 76), самая обыкновенная сова во всей Турціи. По *Heldreich*'у (l. c., p. 31), очень обыкновенная осѣдлая птица всей Греціи (на материкѣ и прилежащихъ островахъ).

Интересно выяснить, водится ли въ Греціи, Турціи и Болгаріи типичная Ath. noctua или форма промежуточная между Ath. noctua и Ath. meridional., какая водится въ Крыму. Въ Италіи встрѣчаются обѣ формы (см. *Salvadori*).

Въ **Азіи**:

По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 30) и *Danford* (Ibis, 1878, p. 5), Athene noctua обыкновенна въ Малой Азіи; вѣроятно Ath. meridionalis ad Ath. noct. intermedia.

Въ **Африкѣ**:

Единственное мѣсто, гдѣ въ Африкѣ водится Ath. noctua, это— сѣверный уголъ Морокко (*Irby*, l. c., p. 58).

54.

GLAUCIDIUM PASSERINUM, LINN.

Сычикъ.

Синонимы: Surnia passerina, Keys. & Blas.; Athene passerina, Gray; Microptynx passerina, Kaup.; Strix pusilla, Daud.; Strix pygmaea, Bechst.; Noctua passerina, Schl.; Strix acadica, Temm.

станціи:

тайга или ея остатки.

Сычикъ не совершаетъ правильныхъ перелетовъ и зимою только кочуетъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., p. 91), сычикъ найденъ около Сегозера. *Зандебергъ* доставилъ молодой экземпляръ сычика $\left(\frac{\text{II}}{\text{VII}}\right)$ изъ-подъ 64° с. ш. и 51° в. д. (отъ Ферро) въ московск. зоол. муз. *Мевесу* говорили, что Glauc. passer. изрѣдка встрѣчается подъ Архангельскомъ. По свидѣтельству *Гёбеля* (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 421), шкурки этого сычика есть въ Архангельскомъ музеѣ. На Уралѣ замѣченъ только въ окрестностяхъ Екатеринбурга (*Сабанѣевъ*. Позвон. средн. Урала, стр. 33; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д.,Bull. de Moscou, 1871, III, 227). По *Эверсманну* (Addenda etc., I, 5), сычикъ водится въ Казанской губ.; кромѣ того, найденъ

въ Симбирской, въ лѣсахъ сѣв. части Оренбургской и вообще по среднему теченію Волги (Естеств. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 90). *Богдановъ* встрѣчалъ эту сову осенью въ рощахъ Казанскаго и Лаишевскаго у. (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 55). По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, IV, 628), осѣдлая птица Вологодской губ. По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 56), осѣдлая птица Тверской губ. По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, 11), обыкновенна въ Финляндіи. Въ коллекціи *Плеске* имѣется ♀ сычика, пойманная зимою 1869—70 въ окрестностяхъ Петербурга (*Büchner & Pleske*, l. c., p. 28). Подъ Петербургомъ сычикъ рѣдокъ и по *Брандту* (Journ. f. Ornith., 1880, S. 227). По *Руссову* (l. c., S. 34), въ Остзейскомъ краѣ Glaucid. passer. довольно рѣдокъ. По свидѣтельству *Тачановскаго* (O ptakach, p. 175; Сравнит. обз. орнитол. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 126; Liste des vertébrés de Pologne, p. 137), осѣдлая, хотя и рѣдкая птица Польши. По *Эйхвальду* и *Тизенгаузу*, Gl. pass. водится въ Литвѣ. Неизвѣстно, гнѣздится ли онъ въ Орловской губ. или заходитъ туда только во время кочевокъ (*Даниловъ*, Bull. de Moscou, 1864, II, p. 454). Изрѣдка встрѣчается въ Московской и Ярославской губ. (*Сабанѣевъ*, Тр. ярославск. статист., комит., в. IV, 247; Bull. de Moscou, 1868; рукопись; коллекція г. Лоренца). *Павловымъ* въ концѣ мая найденъ въ окрестностяхъ Рязани.

Менетріе говоритъ, что онъ убилъ этого сычика въ *горахъ* Кавказа (іюль), прибавляя при этомъ, что онъ не рѣдокъ около Петербурга. По свидѣтельству *М. Н. Богданова*, въ коллекціи Менетріе, хранящейся въ Академіи Наукъ, экземпляровъ этой птицы не оказалось.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, p. 148), въ Норвегіи обыкновенна около Христіаніи; на сѣв. идетъ до 63° с. ш. и вѣроятно даже далѣе. По *Wallengren*'у (l. c., S. 80), Glauc. pass. гнѣздится въ средней и сѣверной Швеціи (до южной Лапландіи включительно). Зимою бываетъ на Готландѣ (Naumannia, 1853, S. 83).

Въ Даніи рѣдка (*Homeyer.* Ornithologische Briefe, S. 213).

По *Borggreve* (Die Vogel-Fauna von Norddeutschland, S. 64), довольно рѣдкая залетная птица Германіи, особенно въ восточной части страны (Шлезія: *Gloger;* В. Пруссія: *Boeck;* Померанія: *Hintz;* Гарцъ и Тюрингенскій лѣсъ: *Naumann;* Гарцъ: *Saxesen*). Быть можетъ, гнѣздится въ Исполиновыхъ горахъ.

Быть можетъ, залетаетъ на Британскіе о—ва (Англія) (*Sharpe & Dresser.* Birds of Europe, P. II).

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 120), довольно обыкновенна въ Швейцаріи и Савойѣ.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 379), осѣдлая птица Богеміи. По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, 297), сычикъ довольно обыкновененъ въ Трансильваніи. По свидѣтельству *Tschusi-Schmidhofen*'а (Zool. Gart., 1875, S. 234), сычикъ осѣдлая птица полосы хвойныхъ лѣсовъ на горахъ Зальцбурга. По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 394) и *Dalla Torre* l. c., S. 23), рѣдкая осѣдлая птица Тироля. По *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, S. 475), гнѣздится высоко въ нагорныхъ лѣсахъ Штиріи. По *Frayer*'у (l. c., S. 11), въ Крайнѣ очень рѣдокъ.

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 31), въ видѣ исключенія Glauc. pass. залетаетъ въ сѣверную Италію.

Въ **Азіи**:

Миддендорфомъ добытъ подъ Удскимъ Острогомъ (Sibir. R., B. II, Th. II, S. 131). *Шренкомъ* экземпляръ этого сычика добытъ (23 окт.) въ хвойномъ лѣсу подъ Николаевскимъ постомъ (Vögel d. Amur-Landes, S. 248—249). *Радде* нашелъ сычика довольно обыкновенною птицею Бурейскихъ горъ (R. im S. v. O. S., B. II, S. 124). *Дыбовскій* доставилъ *Тачановскому* четыре экземпляра сычика: одинъ съ Култука, два изъ Дарасуня и одинъ съ устья Уссури. По словамъ Тачановскаго (l. c., p. 130), они совершенно схожи между собою и „en général, plus foncés que les oiseaux d'Europe; les taches des parties inférieures sont surtout plus épaisses et passent en raies transversales sur la poitrine et les côtés du ventre. C'est un oiseau, прибавляетъ Тачановскій, que l'on devrait distinguer de la forme européenne». Вѣроятно, сычикъ идетъ черезъ всю Сибирь.

55.

SURNIA ULULA, LINN.

Сова ястребиная.

Синонимы: Strix nisoria, Meyer; Strix doliata, Pall.; Strix funerea, Temm.; Noctua nisoria, Cuv.

станціи:

тайга или ея остатки.

Зимою ястребиная сова только кочуетъ, правильныхъ перелетовъ нѣтъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Миддендорфу*, S. ul. встрѣчается очень часто на гнѣздовьѣ въ Русской Лапландіи (Beiträge z. K. d. R. R., VIII). По *Schrader*'у (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 247), идетъ до 70° с. ш. По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, 11), въ Финляндіи распространена повсемѣстно. По *Мевесу* (l. c.), попадается довольно часто близь Вытегры, Онеги, Архангельска и Холмогоръ. По *Гёбелю* (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 419), S. ul. гнѣздится подъ Архангельскомъ. *Зандебергомъ* доставленъ въ зоологич. музей московск. универс. ♂ S. ul. изъ-подъ Архангельска $\left(\frac{19}{IX}\right)$. *Быстровымъ* найдена подъ Мезенью (Bull. scient., t. X, № 22, p. 351). По *Brown*'у, въ бассейнѣ Печоры S. ul. найдена подъ 65°26′, 65°47′, 66°13′ и 66°42′ (Ann. and Mag. of. natur. hist., 1877, p. 284). Сѣверной экспедиціей найдена подъ 64°—65° с. ш. (*Гофманъ*. Сѣверный Уралъ). *Сабанѣевымъ* найдена только въ Екатеринбургскомъ у. (Позвоночн. средн. Урала, стр. 34; Каталогъ звѣрей, птицъ и т. д. въ Bull. de Moscou, 1871, III, 228). По *Эверсманну* (Естеств. истор. Оренбургск. края, ч. III, стр. 84), не рѣдка въ лѣсистыхъ горахъ Уральскаго хребта, въ лѣсахъ сѣв. части Оренбургской губ. и въ губ. Казанской, Вятской и Пермской. *Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья,

стр. 54) подъ Казанью найдена осенью и зимою. Въ Вологодской губ. осѣдла (*Межаковъ*, l. c., p. 628). По свидѣтельству г. *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 61), зимою бываетъ въ Тверской губ. (не гнѣздится ли?). Въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. не рѣдка (*Эсауловъ*, l. c., стр. 228). По *Büchner*'у и *Pleske* (l. c., S. 28), старый экземпляръ ястребиной совы убитъ въ Петербургскомъ уѣздѣ (когда?). По *Гуссову* (l. c., S. 32), ястребиная сова нормально бываетъ въ Остзейскомъ краѣ въ серединѣ октября; многія перезимовываютъ здѣсь; весною рѣдка. Отдѣльныя пары гнѣздятся въ Остзейскомъ краѣ. Въ Польшу залетаетъ изрѣдка зимою (*Тачановскій*. O ptakach, 155; Сравн. обз. орнитол. ф. средн. Евр. и ю.-в. Сибири, стр. 126; Liste des vertébrés de Pologne, p. 136) Въ Литвѣ будто бы осѣдла и даже обыкновенна. По *Кесслеру* (Дополненіе къ статьѣ о хищныхъ птицахъ. Птицы голенастыя, стр. 100), въ ноябрѣ найдена въ Кіевской губ. 26 янв. 1870 г. *Гёбелемъ* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 60) найдена въ Уманьскомъ у. Въ Тульской губ. гнѣздится въ ея сѣверной части (Орнитол. ф. Тульской губ., стр. 22 и позднѣйшія наблюденія). По *Сабанѣеву* (Матеріалы для фауны Ярославск. губ., Тр. яросл. статист. комит., в. IV, стр. 247 и 271; рукопись), гнѣздится въ губ. Смоленской, Ярославской и подъ Москвою. По свидѣтельству *Щепотьева*, въ Спасск. у. Рязанской губ. ястребиная сова попадается часто осенью и зимою и притомъ иногда въ большомъ количествѣ (Природа и Охота, 1879, XI, 282). По свидѣтельству Павлова, Surn. ul. однажды найдена имъ въ окрестностяхъ Рязани (Павлов. роща) въ началѣ мая (Орнитол. набл., стр. 9). По *Съверцову* (словес. сообщ.), залетаетъ зимой въ Воронежскую губ.: добыта тамъ на опушкѣ дровянаго лѣса, при заячьей охотѣ, 7/19 декабря 1875 г. *Карелинымъ* (l. c., стр. 285) отмѣчена для Урало-казачьихъ владѣній. По *Чернаю* (Bull. de Moscou, 1865, III, S. 66), бываетъ и въ Харьковской губ. (конечно, зимою).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Бартомъ S. ul. найдена на Лофоденскихъ и Вестераальскихъ о—вахъ (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 84). По свидѣтельству *Palmén*'а и *Sahlberg*'а (l. c., p. 246), S. ul. гнѣздится на Муоніо подъ

68° с. ш. По *Collet* (Norges Fugle, p. 148 – 149), широко распространенная птица Норвегіи, гдѣ предпочитаетъ подальпійскую полосу. По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 75), южная граница гнѣздовья ястребиной совы въ Скандинавіи лежитъ между 59° и 60° с. ш. По предположенію того же наблюдателя (Naumannia, 1853, S. 83), S. ul. можетъ гнѣздиться на Готландѣ.

По свидѣтельству *Kjaerbölling*'а (*Homeyer*. Ornithol. Briefe, S. 213), S. ul. въ Даніи рѣдка.

По свидѣтельству *Borggreve* (l. c., S. 64), зимою не рѣдка въ разныхъ частяхъ Германіи. По *Wiese* (Journ. f. Ornith., 1860, S. 215), S. ul. должна, по *Löffler*'у, гнѣздиться въ Вост. Пруссіи. По *Tobias*'у, зимою не очень рѣдка въ Оберъ-Лаузицѣ. Случайно бываетъ въ Вестфаліи, Ганноверѣ и на Мозелѣ. Въ видѣ исключенія попадаетъ, по *Saxby* (*Sharpe & Dresser*. Birds of Europe, P. XI & XII), въ Шотландію.

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 118), иногда бываетъ во Франціи.

По *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 383), залетаетъ въ Богемію. По свидѣтельству *Seidensacher*'а (Naumannia, 1858, S. 474), залетаетъ въ сѣв. Штирію.

Въ **Азіи**:

По *Палласу* (l. c., p. 316), «copiosissima circa Uralense jugum perque omnem Sibiriam transuralensem, usque ultra Lenam, qua sylvae sunt,....., dispersa». Бременской экспедиціей добыта на Оби (9 сент., Бондерьёганъ) и замѣчена у Тюменя (l. c., S. 146). По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), осѣдлая птица сѣверовосточн. зоолог. участка Туркестанск. края; позднѣе найдена въ Монгольскомъ Алтаѣ (словесн. сообщ.). Осѣдлая птица Туруханскаго края (*Третьяковъ*, l. c., стр. 312). Очень обыкновенная птица Витимскаго плоскогорья; найдена также на ю.-в. берегу Байкала (*Поляковъ*, стр. 111—112). По *Миддендорфу* (l. c., S 131), въ концѣ ноября убита у Туруханска и въ концѣ мая на Становомъ хребтѣ. *Радде* (l. c., S. 124) нашелъ ястребиную сову въ южныхъ частяхъ Яблоноваго хребта. По *Schrenck*'у (l. c., S. 248), очень обыкновенная сова Амурской области; въ Петербургскомъ академическомъ музеѣ имѣются экземпляры изъ Камчатки, Якутска и съ Вилюя. Даурія. Уссурійскій край (Journ. f. Ornithol., 1868, S. 331 и 1872, S. 349).

56.

NYCTEA SCANDIACA, LINN.

Сова бѣлая, бѣлый филинъ.

Синонимы: Strix nyctea, Linn.; Strix nivea, Daud.; Strix candida, Lath.; Noctua nyctea (Linn.), Cuv.; Syrnium nyctea (Linn.), Kaup; Strix nyctea (Linn.), Pall.; Nyctea candida, C. Brehm; Surnia nyctea (Linn.), Kaup.

станціи:

тундра; случайно гнѣздится по открытымъ мѣстамъ полосы тайги.

Подобно ястребиной совѣ, бѣлая сова съ наступленіемъ холоднаго времени года подвигается къ югу, но это движеніе, какъ и у S. ul., носитъ характеръ кочевокъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

На Новой Землѣ гнѣздится и зимуетъ *(Baer*, Bull. scient. de l'Acad. des sciences de St. Pet., 1838, III, 352; *Theel.* Ois. de la Nouv.-Zemble). О зимовкѣ N. sc. на Новой Землѣ говорятъ также *Пахтусовъ* (Записки гидрограф. деп., I, стр. 217), по словамъ котораго бѣл. сова (лунь) зимуетъ на южномъ берегу Новой Земли, и *Лепехинъ* (Путешествіе, IV, 173). По *Gillet* и *Heuglin*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 113), бѣлая сова обыкновенна какъ на Новой Землѣ, такъ и на Вайгачѣ. *Миддендорфомъ* (Beitr. z. K. d. R. R., B. VIII; *Schrader*, Journ. f. Ornithol., 1853, S. 246) найдена въ Русской Лапландіи. По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, 11), въ сѣв. Финляндіи обыкновенна и идетъ до Ледовитаго океана; въ южную Финляндію спускается при наступленіи холодовъ. По *Brander*'у (l. c., p. 379), зимою бываетъ въ Улеаборгской губ. Въ Олонецкой губ. найдена *Кесслеромъ* (Матеріалы для познан. Обонежья, стр. 27). По свидѣтельству *Мевеса* (Ornith. iaktt.), водится подъ Архангельскомъ и извѣстна около г. Онеги; яйца добыты на Канинской тундрѣ. *Зандебергомъ* въ зоолог. музей

Московск. Университ. доставленъ одинъ экземпл. N. scand. изъподъ Архангельска (11/IX, 1877). По свидѣтельству *Гёбеля*, гнѣздится подъ Архангельскомъ (Zur Ornis des Archang. Gouv., Journ. f. Ornithol., 1873, S. 419) и осѣдла около Пинеги (Journ. f. Ornith., 1873, S. 410). *Быстровымъ* доставлена изъ Мезени (Bull. scient., t. X, № 22, p. 351). По *Brown'y* (Ann. and Magaz. of natur. hist., 1877, p. 284), въ бассейнѣ Печоры найдена подъ Усть-Цыльмой (65° 26′) и Двойникомъ (68° 28′). Сѣверною экспедиціей бѣлая сова найдена между 68°—70° с. ш. По *Сабанѣеву*, гнѣздится въ Богословскомъ округѣ «на скалахъ, по берегамъ рѣкъ (Каква, Вагранъ). Въ Павдѣ, а также по всему хребту, до границъ Оренбургской губ., она уже гораздо рѣже филина и водится мѣстами. Но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, она гнѣздится (на землѣ) и въ почти безлѣсной равнинѣ Шадринскаго уѣзда, а въ березовыхъ лѣсахъ (с. Метлино) встрѣчается положительно круглый годъ» (Позвон. средн. Урала, стр. 34). По *Эверсманну* (Естеств. истор. Оренбургск. края, ч. III, стр. 75), водится въ сѣв. части Оренбургской губ. и въ губ. Пермской, Вятской, Казанской и Симбирской. *Лепехинъ* (Путешествіе, II, 294) и *Паллассъ* (Reise, I, 257) встрѣчали N. sc. на Уральскомъ хребтѣ почти до самаго Оренбурга (51° с. ш.). По *Сѣверцову* (словесн. сообщ.) вдоль р. Урала, между Орскомъ и Оренбургомъ, только зимой и тогда довольно обыкновенна; лѣтомъ никогда. По *Богданову* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 54), подъ Казанью и въ Симбирскихъ степяхъ бываетъ только зимою. *Карелинъ* отмѣчаетъ (l. c., стр. 285) бѣлую сову для Урало-казачьихъ владѣній. По *Яковлеву* (Bull. de Moscou, 1872, IV, 330 и 331), N. sc. зимою бываетъ въ Астраханской губ. и заходитъ даже на Тюленьи о—ва. По свидѣтельству *Алфераки* (Журн. Охоты, издав. Сабан., 1877, февраль, стр. 78), въ октябрѣ 1872 г. нѣсколько штукъ бѣлой совы были замѣчены и одна изъ нихъ убита подъ Таганрогомъ. Что касается распространенія бѣлой совы въ центральной и западной части средней Россіи, то объ этомъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. По *Сабанѣеву* (l. c., стр. 271), гнѣздится въ Ярославской губ. Въ іюлѣ 1867 г. N. sc. была убита подъ Москвою; въ 1873 г. около конца апрѣля въ Измайловскомъ звѣринцѣ найдены были въ дуплѣ, на ½ аршина отъ земли, два птенца этой совы (Журн. Ох.,

1875 г., авг., стр. 68). Въ Тульской губ. N. sc. бываетъ только зимою (*Мензбиръ*, l. c., стр. 23). По *Данилову* (Bull. de Moscou, 1864, II, 454), зимою заходитъ въ Орловскую губ. По свидѣтельству г. *Евреинова*, бѣлыя совы, впервые замѣченныя въ Орловской губ. въ пятидесятыхъ годахъ, и то зимою, въ 1873 году гнѣздились въ Малоархангельскомъ у. (близъ села Нетрубежъ) въ яровомъ хлѣбѣ (Ж. Ох., 1875, авг., стр. 68). По свидѣтельству *Дьякова* (Птицы Тверской губ., стр. 61), N. sc. найдена зимою въ Тверской губ. *Порчинскимъ* (l. c., стр. 385) найдена въ Гдовскомъ у. По *Büchner*'у & *Pleske* (l. c., S. 28), въ концѣ іюля 1876 года одинъ экземпляръ бѣлой совы найденъ въ Петергофскомъ уѣздѣ, на торфяномъ болотѣ. По *Руссову* (l. c., S 32—33), бѣлая сова нормально посѣщаетъ Остзейскій край зимою; въ видѣ исключенія гнѣздится въ Лифляндіи. По свидѣтельству *Тачановскаго* (O ptakach, стр. 157; Сравн. обз. и т. д., стр. 126; Liste des vertébrés de Pologne, p. 137), зимою заходитъ въ Польшу, по *Кесслеру* (Естеств. истор. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 38), въ Волынскую губ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По *Malmgren*'у (Journ. f. Ornithol., 1865, S. 269), въ 1861 году экземпляръ бѣлой совы добытъ на Шпицбергенѣ подъ 80° 10′ с. ш. По *Heuglin*'у (Reise nach dem Nordpolarmeer, Dritt. Th., S. 85—87), на Шпицбергенъ N. sc. залетаетъ очень рѣдко, такъ какъ питается предпочтительно леммингами и другими мелкими грызунами, которые на Шпицбергенѣ встрѣчаются только спорадически. По *Heuglin*'у, очень рѣдка и въ сѣв. части сѣв. острова Новой Земли.

По свидѣтельству *Hallgrimsson*'а, бѣлая сова въ Исландіи не гнѣздится, а залетаетъ туда изъ Гренландіи (var. *arctica*), гдѣ распространена повсемѣстно. По *Krüper*'у, бѣлая сова была найдена въ Исландіи въ іюнѣ, что, быть можетъ, служитъ указаніемъ на то, что въ видѣ исключенія эта птица гнѣздится и въ Исландіи (Naumannia, 1857, S. 28). По свидѣтельству *Collet* (Norges Fugle, p. 148) и *Wallengren*'а (l. c., S. 78), въ Скандинавіи бѣлая сова идетъ отъ 60° с. ш. на сѣверъ по всей альпійской

области до берега Ледовитаго океана. Зимою случайно бываетъ на Готландѣ (Naumannia, 1853, S. 83).

По *Kjaerbölling*'у *(Homeyer.* Ornithol. Briefe, S. 213), много разъ убивалась въ Даніи. По *Blasius*'у (Naumannia, 1858, S. 310), бываетъ на Гельголандѣ.

По *Borggreve* (l. c., S. 64), зимою бываетъ въ Германіи, предпочтительно въ прибрежной полосѣ. Изъ мѣстностей внутренней Германіи, гдѣ зимою была найдена N. sc., *Borggreve* упоминаются Шлезія и Оберъ-Лаузицъ. *Vangerow* (Journ. f. Ornithol., 1855, S. 104) приводитъ бѣлую сову для Бранденбурга. По *Speerschneider*'у (Naumannia, 1853, S. 375), изрѣдка зимою была находима въ самыхъ высокихъ частяхъ Тюрингенскаго лѣса. По *La Fontain*'у (l. c., p. 236), зимою заходитъ въ Люксембургъ.

По *Degland & Gerbe* (l. c., p. 119), случайно заходитъ въ Голландію и Францію.

Довольно часто заходитъ зимою въ Шотландію и на прилежащіе о—ва, рѣже въ Англію, еще рѣже въ Ирландію (*Dresser.* Birds of Europe, P. XXIII & XXIV).

По *Fritsch*'у (Journ. f. Ornith., 1872, S. 383), залетаетъ зимою въ Богемію.

По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, 297—298), можетъ быть, изрѣдка залетаетъ въ Трансильванію.

Въ **Азіи**:

Бременской экспедиціей N. sc. найдена въ тундрѣ с.-з. Сибири (l. c., S. 146—147). По *Миддендорфу*, въ Сибири N. sc. найдена всюду, куда удалось проникнуть: Таймырскій край, Ново-Сибирскіе о—ва (Сибир. Вѣстн., I, 41; Путеш. Врангеля, I, стр. 141), устье Яны (Сибир. Вѣстн., I, 229). По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), зимуетъ въ с.-в. зоолог. уч. Туркест. края. *Геблеръ* нашелъ N. sc. на Алтаѣ (Katunische Gebirge, S. 528). *Seebohm* (Ibis, 1878, p. 324) говоритъ о зимовкѣ этой совы подъ $70^1/_2{}^0$ с. ш. (бассейнъ Енисея). По *Schrenck*'у (l. c., S. 247), N. sc. зимою бываетъ въ Амурскомъ краѣ. По *Radde* (l. c., 124—126), обыкновенна зимою въ безлѣсной Монголіи, гдѣ, положительно, не гнѣздится. На безлѣсныхъ высотахъ Дауріи найдена еще *Георги* (Reise etc., S. 164). Уссурійскій край (Faune de la

Sibérie orientale, p. 129). По *Scully* (l. c., p. 128—129), зимою заходитъ иногда въ Вост. Туркестанъ. По *Hume* (цитир. у *Dresser*'а, l. c.), найдена 3-го марта на горахъ, отдѣляющихъ Афганистанъ отъ Пешавера.

Въ Сѣв. Америкѣ N. scand. замѣняется незначительной разностью: N. sc. var. arctica, Ridgw.

57.

BUBO MAXIMUS, FLEM.

Филинъ.

Синонимы: Strix bubo, Linn.; Bubo ignavus, Forst.; Bubo europaeus, Less.; Bubo germanicus, Brehm; Bubo septentrionalis, Brehm; Bubo sibiricus, Licht.; Bubo atheniensis, Bp.; Bubo pallidus, Brehm; Bubo melanotus, Brehm.

станціи:

глухой лѣсъ, брошенныя строенія, овраги и т. д.

Филинъ является осѣдлою птицею во всей занятой имъ области.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, 11), B. max. идетъ черезъ всю Финляндію. По *Brander*'у (l. c., p. 380), мѣстами гнѣздится въ Улеаборгской губ. По *Сиверсу* (Ornithol. anteckn., p. 91), найденъ на с. отъ Петрозаводска и около оз. Сегозеро. По *Мевесу*, обыкновененъ подъ Архангельскомъ, гдѣ гнѣздящимся найденъ и *Гёбелемъ* (Journ. f. Ornithol., 1873, S. 419). Изъ Мезени доставленъ *Быстровымъ* (Bull. scient., t. X, № 22, p. 356). По *Brown*'у (Ann. and Magaz. of natur. history, 1877, p. 284), добытъ подъ Усть-Цыльмой. По свидѣтельству *Сабанѣева* (Позвон. средн. Урала, стр. 35; Каталогъ и т. д., Bull de Moscou, 1871, 228), идетъ по всей Пермской губ.; въ Павдѣ и въ Богословскѣ вмѣстѣ съ Ul. uralensis принадлежитъ къ числу наиболѣе обыкновенныхъ совъ; но далѣе

къ югу количество его, повидимому, еще увеличивается и въ Екатеринбургскомъ у. онъ положительно многочисленнѣе; притомъ въ рѣдкихъ Башкирскихъ рощахъ, гдѣ, впрочемъ, встрѣчается уже бѣлёсый варіететъ—B. sibiricus, еще обыкновеннѣе, чѣмъ въ Уралѣ. По свидѣтельству *Булычева* (l. c., стр. 29), B. max. (вѣроятно var. sibiricus) найденъ въ хвойныхъ лѣсахъ Ирбитскаго уѣзда. По свидѣтельству *Плеске* (l. c., S. 91), въ Бирскомъ у. Уфимской губ. найденъ B.sibir. Подъ Оренбургомъ встрѣчаются обѣ разности. По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, IV, 628), осѣдлая птица Вологодской губ. По *Дьякову* (Птицы Тверской губ., стр. 56), осѣдлая птица Тверской губ. По свидѣтельству *В. Эсаулова* (l. c., стр. 228), не очень рѣдкая птица Торопецкаго и Холмскаго у. у. Псковской губ. По свидѣтельству *Порчинскаго* (l. c., стр. 385), а также *Büchner*'а & *Pleske* (l. c., p. 29), филинъ найденъ въ Гдовскомъ у. По *Руссову* (l. c., S. 34), филинъ встрѣчается изрѣдка во всѣхъ большихъ хвойныхъ лѣсахъ Остзейскаго края. По свидѣтельству *Тачановскаго* (O ptakach, стр. 195; Сравнит. обз. орн. ф. и т. д., стр. 126; Liste des vertébrés de Pol., p. 138), осѣдлая птица Польши. Въ губ. бывшаго Кіевскаго учебн. округа распространенъ повсемѣстно, но рѣдокъ (*Кесслеръ*. Естеств. ист. губ. Кіевск. учебн. окр., в. III, стр. 39; *Belke*. Notice etc., Bull. de Moscou, 1866, II, p. 493; *Goebel*. Die Vögel des Kr. Uman., 56). Для Подольской губ. отмѣченъ *Белькe* (Quelques mots etc., p. 418; Esquisse etc., p. 27). Въ Орловской, какъ осѣдлая птица, указанъ *Даниловымъ* (Catalogue etc., Bull. de Moscou, 1864, II, p. 454). Въ Тульской губ. найденъ повсемѣстно (*Мензбиръ*. Орнитолог. ф. Тульской губ., стр. 23). Въ Московской губ. B. max. птица осѣдлая, но рѣдкая (*Лоренцъ*). Въ Ярославской и другихъ подмосков. губерн. B. max. осѣдлый (*Сабанѣевъ*. Матер. для фауны Ярославск. губ., стр. 247; Bull. de Moscou, 1868). По свидѣтельству *П. Павлова* Орнитол. набл. въ Ряз. губ.), B. max. водится подъ Рязанью. Въ Казанской, Вятской и во всемъ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ B. max. птица осѣдлая (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 59; Естеств. истор. Оренбургск. края, ч. III, стр. 77; *Artzibascheff*. Excurs. et observ. ornithol., Bull. de Moscou, 1859, III, p. 47; *Яковлевъ*. Списокъ птицъ Астрах. губ., стр. 332). Въ Башкиріи найденъ еще *Леманомъ* и *Эверсманномъ*, но var. sibiricus; къ этому же варіетету

приближаются и сарептскіе экземпляры (Journ. f. Ornithl., 1854, S. 367). Та же разновидность отмѣчена *Карелинымъ* (Разборъ статьи г. Рябинина, стр. 285), для Урало-казачьихъ владѣній. По свидѣтельству *Н. А. Сѣверцова* (Періодич. явл., стр. 58, 64 и др.), гнѣздится и зимуетъ въ Воронежской губ. По свидѣтельству *Черная* (Фауна Харьковск. губ., стр. 29; Beiträge etc., Bull de Moscou, 1850, II, p. 607), осѣдлая птица Харьковской губ. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 112), осѣдлая птица Новороссійскаго края и Крыма. То же говорятъ о Крымѣ *Шатиловъ* (Каталогъ орнитологич. собр., стр. 85) и *Радде* (Bull. de Moscou, 1854, III, p. 134—135; Journ. f. Ornithol., 1854, S. 55). По *Радакову* (l. c., p. 167), осѣдлая птица Бессарабіи. По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 51), водится на всемъ пространствѣ Кавказскаго края, какъ въ горахъ, такъ и на равнинахъ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуо-вѣ B. max. распространенъ повсемѣстно. По свидѣтельству *Palmén*'а & *Sahlberg*'а (l. c., p. 246), яйца этой птицы найдены подъ Муоніонской. Встрѣчается и въ странѣ Финмарковъ. Вся Норвегія (*Collet*, l. c., p. 150). Вся Швеція (*Wallengren*, l. c., S. 81).

Въ Даніи B. max. рѣдокъ (*Kjaerbölling* у *Homeyer*'а въ Ornithol. Briefe, S. 213).

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c., p. 64—65), прежде былъ распространенъ повсемѣстно, но теперь въ большинствѣ занятыхъ имъ мѣстностей уничтоженъ преслѣдованіемъ и довольно обыкновеннымъ можетъ считаться только въ дикихъ мѣстахъ вестфальско-рейнскихъ горъ и въ горахъ Шлезіи. Отдѣльныя особи встрѣчаются и въ лѣсахъ низинъ, особенно въ восточной части страны.

По *Schlegel*'ю (Muséum des Pays-Bas, Oti, p. 7—8), *La Fontain*'у (l. c., p. 230—232), и *De Selys* (*Dresser*, l. c.), рѣдкая осѣдлая птица Нидерландовъ, Бельгіи и Люксембурга.

Въ Великобританіи въ настоящее время сталъ очень рѣдокъ, хотя отдѣльными особями встрѣчается какъ въ разныхъ частяхъ Англіи, такъ и Шотландіи. Въ Ирландіи еще рѣже (*Dresser*. Birds of Europe, P. XXII).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 142), осѣдлая птица въ горахъ Изера и Прованса. Въ низменностяхъ B. max. очень рѣдокъ, хотя и встрѣчается (отдѣльными особями). По свидѣтельству *Bailly* (Naumannia, 1855, S. 416), осѣдлая птица въ горахъ Савойи. По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 216), не рѣдокъ въ Севеннахъ и Альпахъ.

Рѣдкая, но широко распространенная птица Швейцаріи (*Du Plessis*, l. c., p. 108; Naumannia, 1856, S. 165; Journ. f. Ornithol., 1860, 232 и 1879, 359—360).

По *Brehm*'у (Allg. d. Naturh. Zeit., S. 441), *Saunders*'у (l. c., p. 323) и *Irby* (l. c., p. 59—60), осѣдлая птица Испаніи. Въ Португаліи B. max. обыкновененъ, особенно около мыса св. Винцента (Journ. f. Ornithol., 1872, S. 142).

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 32), распространенъ по всей Италіи и въ Сициліи, но не найденъ въ Сардиніи и на Мальтѣ.

Въ Австро-Венгріи осѣдлая птица Богеміи (*Fritsch*, Journ. f. Ornith., 1872, 379), Татры (Journ. f. Ornithol., 1853, S. 431), Трансильваніи (*Danford & Brown*, l. c., p. 298), Тироля (Naumannia, 1856, S. 394), Зальцбурга (Zool. Gart., 1875, S. 235), Штиріи (*Seidensacher*, l. c., S. 475), Крайны (*Frayer*, l. c., p. 10), мѣстностей, лежащихъ по среднему Дунаю (Journ. f. Ornithol., 1878, 47—49, 114), Молдавіи и Валахіи (*Радаковъ*, l. c., p. 167).

На Балканскомъ полуо—вѣ, по *Finsch*'у (Journ. f. Orithol., 1859, S. 381), довольно обыкновенная осѣдлая птица Болгаріи, особенно Балканъ. Обыкновененъ въ Добруджѣ (Journ. f. Ornithol., 1877, S. 62). По *Радакову* (l. c., p. 167), осѣдлая птица В. Румеліи (не многочисленна). По *Elwes & Buckley* (l. c., p. 76—77), обыкновенная осѣдлая птица во всей Турціи, особенно въ лѣсахъ Македоніи. Осѣдлая птица Греціи (*Heldreich*, l. c., p. 31).

Въ **Азіи**:

Отъ Урала до Китая, черезъ всю Сибирь, распространена бѣлёсоватая разность B. max., т. наз. B. sibiricus, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Bubo turcomanus: B. turcom. отличается отъ B. maxim. рисункомъ перьевъ нижней части тѣла, а B. sibir.

только болѣе свѣтлымъ общимъ тономъ. По *Третьякову* (Туруханскій край, стр. 312), филинъ найденъ въ Туруханскомъ краѣ. По свидѣтельству *Полякова* (l. c., p. 111), найденъ въ Витимскомъ краѣ. По *Миддендорфу* (Sibir. R., B. II, Th. II, S. 131), филинъ убитъ подъ Удскимъ острогомъ. По *Schrenck*'у (l. c., S. 249—250), найденъ въ Амурскомъ краѣ. По *Радде* (l. c., S. 128), филинъ гнѣздится въ горахъ Уланъ-хада, къ ю.-в. отъ Тарей-нора. Обыкновененъ во всей ю.-в. Сибири. Японія (*Blakiston & Pryer*, l. c., p. 247). По *Swinhoe* (l. c., p. 262), въ Китаѣ осѣдлая птица отъ Амурскаго края до Кантона. Уссурійскій край, Гань-су, Ордосъ (Монголія, II, стр. 20). Гималай (*Sharpe*, l. c., vol. II, p. 16).

По *Krüper*'у (Journ. f. Ornithol., 1869, S. 29) и *Danford*'у (l. c., p. 5), B. maximus найденъ въ Малой Азіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (l. c., S. 110), изрѣдка залетаетъ въ Египетъ, что подтверждается *Shelley* (l. c., p. 180).

По *Loche* (l. c., p. 48) и *Тачановскому* (Journ. f. Ornith., 1870, p. 39), осѣдлый въ лѣсистыхъ горахъ Алжира.

По *Irby* (l. c., p. 59—60), осѣдлый въ Морокко.

58.

BUBO TURCOMANUS, EVSM.

Сова трухменская.

Единственный экземпляръ этого филина былъ найденъ *Эверсманномъ* (Add. ad cel. Pall. Zoogr. R.-As., I, p. 3 и Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 78—79) на каменистомъ берегу Усть-Урта между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, зимою 1825—1826 года. Я знаю экземпляръ B. turcom. изъ Верхне-Уральска. По *Сѣверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), осѣдлая птица всего Туркестанскаго края и вѣроятно Памира (l. c., стр. 69). Вѣроятно, B. turc. отмѣченъ *Scully* (l. c., p. 128) какъ осѣдлая птица В. Туркестана. По *Sharpe* (l. c., vol. II, p. 18), идетъ до Тибета. По *Blanford* (East. Persia, II, p. 115), осѣдлая птица Персіи.

Отличая B. sibir. отъ B. turcom., я придерживаюсь Эверсманна, который указалъ на то, что B. maximus Оренбургск. края отличается отъ западно-европ. бо́льшимъ развитіемъ бѣлаго цвѣта (Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 76). Впрочемъ, мнѣ кажется, что бѣловатая разность есть и у B. turcom., чѣмъ и можно объяснить путаницу въ свѣдѣніяхъ о распространеніи B. turcom. и въ синонимикѣ.

59.

SCOPS GIU, SCOP.

Зорька.

Синонимы: Asio scops, Briss.; Strix scops, Linn.; Strix pulchella, Pall.; Strix zorca, Gmel.; Scops ephialtes, Sav.; Bubo scops (L.), Boie; Scops aldrovandi, Flem.; Scops carniolica (Gm.), Brehm; Scops minuta, Brehm; Scops europaeus, Less.; Ephialtes scops, Keys. & Blas.; Otus scops, Schl.; Scops vera, Finsch; Scops longipennis, Kaup.

с т а н ц і и:

лиственные лѣса, разбросанные среди степей, островные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

α) Область гнѣздовья.

По свидѣтельству *В. Эсаулова* (l. c., стр. 228), Sc. g. встрѣчается изрѣдка въ Торопецкомъ и Холмскомъ у. у. Псковской губ. По *Сабанѣеву* (рукопись), эта сова гнѣздится въ Орловской губ., но уже не встрѣчается въ Московской. Я имѣю свѣдѣніе о нахожденіи зорьки лѣтомъ въ Елецкомъ у. Какъ кажется, сѣверный предѣлъ гнѣздовья этой совы въ подмосковныхъ губ. составляетъ т. наз. «засѣка» Тульской губ. (*Мензбиръ.* Орнитол. фауна Тульск. губ., стр. 23). По словамъ *Сабанѣева* (Замѣт. о птиц. Москов. губ., стр. 181), зорька доставлена въ Московскій зоологич. музей изъ Зарайска (Рязанск. губ.). По *Эверсманну* (Естеств. ист. Оренбургск. края, ч. III, стр. 92), Sc. g. живетъ въ лѣсахъ

южнаго Уральскаго хребта, въ уремахъ р. р. Урала и нижней Волги и въ лѣсистыхъ горахъ между р. р. Икомъ и Сакмарою. По свидѣтельству *Сабанѣева* (Каталогъ звѣрей, птицъ, гад. и рыбъ средн. Урала, стр. 228—229), Sc. g. на восточномъ и западномъ склонѣ Уральскаго хребта распространена почти до 57° с. ш. и встрѣчается только въ хвойныхъ лѣсахъ: въ березовыхъ лѣсахъ восточныхъ предгорій Sc. g. нѣтъ. Въ «Позвон. средн. Урала» Sc. g. совсѣмъ пропущена, а потому я окончательно не знаю какую птицу помѣстилъ г. Сабанѣевъ въ своемъ первомъ «Каталогѣ позвон. средн. Урала» подъ назван. Ephialtes scops. По *Сѣверцову* (словесн. сообщ.), зорька добыта въ началѣ іюня у р. Бѣлой, выше Стерлитамака, въ лиственной уремѣ небольшаго притока Бѣлой. Для Урало-казачьей области зорька указана *Карелинымъ* (l. c., стр. 285). По свидѣтельству *Яковлева* (Bull. de Moscou, 1872, IV, 332), изрѣдка гнѣздится въ дельтѣ Волги. Вѣроятно гнѣздится въ Харьковской губ. *(Czernay*, l. c., S. 606; Фауна Харьк. губ., стр. 35). По свидѣтельству *Андржіевскаго* (Bull. de Moscou, 1839, I, 15), гнѣздится въ Кіевской губ. По *Гёбелю* (Die Vögel des Kreises Uman, S. 58), рѣдкая гнѣздящаяся птица Уманьскаго у. Въ Польшѣ рѣдка, но осѣдла *(Тачановскій.* O ptakach, стр. 200; Сравнит. обз. и т. д., стр. 127; Liste des vertébrés de Pol., p. 138), какъ и въ Литвѣ *(Тизенгаузъ).* По *Нордманну* (Faune pontique, p. 110), Sc. g. очень обыкновенна въ Крыму, гдѣ, по свидѣтельству *Шатилова* (l. c., стр. 85), ее можно причислить къ осѣдлымъ птицамъ съ 1856 г. (см. также *Radde.* Beitr. z. Orn. S. R., Bull. de Moscou, 1854, III, 134—135; Journ. f. Ornithol., 1854, S. 56). *Гёбель* слышалъ зорьку лѣтомъ въ садахъ Ялты (Journ. f. Ornithol., 1874, S. 453). Спорадически гнѣздится въ Бессарабіи *(Радаковъ*, l. c., стр. 167).

Богдановымъ Sc. g. два раза добыта въ уремѣ на р. Сунжѣ. М. Н. Богдановъ высказываетъ увѣренность, что Sc. g. водится по всѣмъ лѣсамъ равнинныхъ рѣкъ Кавказскаго края (Птицы Кавказа, стр. 52).

β) Область пролета.

По *Сѣверцову* (слов. сообщ.), многочисленна на пролетѣ въ Гурьевѣ (конецъ августа).

γ) **Область зимовья.**

Осѣдлая птица Польши, Литвы и Крыма.

B) Въ другихъ странахъ.

α') **Область гнѣздовья.**

Въ **Европѣ**:

Borggreve (l. c., S. 65) приводитъ нѣсколько случаевъ нахожденія зорьки въ Германіи: однажды найдена въ Шлезіи *(Tobias)*, однажды въ Ганноверѣ *(Glimann)*, однажды въ Люксембургѣ *(Schaefer)*.

По *Шлегелю* и *Ла Фонтену*, въ Нидерландахъ (Muséum des Pays-Bas, Oti, p. 19—20) и Люксембургѣ *(La Fontaine*, l. c, p. 229—230) Sc. g. рѣдка, но б. м. въ Люксембургѣ уже изрѣдка гнѣздится.

По *Dresser*'у (Birds of Europe, P. XLVII & XLVIII), S. g. изрѣдка залетаетъ въ южную Англію и южную Ирландію.

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (l. c., p. 144), обыкновенная гнѣздящаяся птица Прованса, Лангедока, Дофинэ и Верхн. Пиренеевъ. Иногда встрѣчается даже въ окрестностяхъ Парижа. По *De Sinety* (l. c., p. 205), гнѣздится въ департ. Сены и Марны. По *Marchand* (l. c., p. 10), рѣдкая гнѣздящаяся птица департ. Эвры & Луара. Изрѣдка гнѣздится въ деп. Котъ-д'Оръ *(Marchant*, l. c., p. 19*)*. По *Dubalen* (l. c., p. 12), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица департ. Ландъ, Нижнихъ Пиренеевъ и Жиронды. По *Lacroix* (l. c., p. 43), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица деп. Верхн. Гаронны и прилежащихъ. По *Müller*'у (Journ. f. Ornithol., 1856, S. 216), гнѣздится въ Провансѣ. По *Bailly* (l. c., p. 416), гнѣздящаяся птица въ долинахъ Савойи. Довольно обыкновенна подъЛіономъ (Naumannia, 1855, S. 45).

По *Brehm*'у (Allg. d. Naturhist. Zeit., S. 441), гнѣздящаяся и пролетная птица Испаніи. По *Saunders*'у (l. c., p. 324), въ южной Испаніи гнѣздится въ оливковыхъ и другихъ рощахъ. По *Irby* (l. c., p. 58—59), гнѣздящаяся и пролетная птица Андалузіи; немногія особи остаются зимовать. Повсемѣстно распространенная, но рѣдкая птица Португаліи (Journ. f. Ornithol.,

1872, 142). По *Homeyer*'у (Journ. f. Ornithol., 1862, S. 252), на Балеарахъ далеко не такъ обыкновенна, какъ въ Испаніи и Италіи.

Мѣстами встрѣчается въ Швейцаріи (Naumannia, 1856, S. 164; Journ. f. Ornithol., 1879, S. 360—361).

По *Salvadori* (Fauna d'Italia, Uccelli, p. 34), въ Италіи лѣтомъ зорька очень обыкновенна, но регулярно улетаетъ оттуда на зиму. По *Malherbe*, гнѣздится въ Сициліи. По свидѣтельству *Cara*, осѣдла въ Сардиніи, но *Salvadori* сомнѣвается въ этомъ.

Въ Австро-Венгріи, по *Fritsch*'у (Journ. f. Ornithol., S. 384), залетаетъ въ Богемію. Въ Галиціи рѣдка (Journ. f. Ornithol., 1853, 431). По *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 298), изрѣдка встрѣчается въ Трансильваніи. Одинъ экземпляръ добытъ въ Зальцбургѣ (Zool. Gart., 1878, p. 333). По *Althammer*'у (Naumannia, 1857, S. 394) и *Dalla Torre* (l. c., S. 22), очень обыкновенная гнѣздящаяся птица въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнаго Тироля; въ сѣв. Тиролѣ не наблюдалась. По *Seidensacher*'у (Naumannia, 1858, S. 475—476), гнѣздится въ южной и средней Штиріи, но избѣгаетъ горъ сѣв. части страны. *Frayer* (Fauna etc., S. 11) помѣстилъ зорьку въ число птицъ Крайны.

По свидѣтельству г.г. *Sintenis* (l. c., S. 62), обыкновенная птица въ лѣсахъ Добруджи. По *Радакову* (Bull. de Moscou, I, 167), гнѣздится спорадически въ Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и В. Румеліи. По *Elwes & Buckley* (The Birds of Turkey, p. 76), гнѣздится подъ Константинополемъ. По *Heldreich*'у (l. c., p. 32), гнѣздящаяся птица Греціи. По *Erhard*, осѣдла на Цикладахъ.

Въ **Азіи**:

По *Сьверцову* (Journ. f. Ornithol., 1875, S. 171), гнѣздящаяся птица всего Туркестанскаго края. Въ зоологич. музеѣ Московск. универс. отъ *Карелина* имѣется экземпляръ съ Лепсы. По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 115—116), обыкновенная гнѣздящаяся птица Персіи. По *Krüper*'у (Journ. f. Ornith., 1869, S. 29), гнѣздится подъ Смирной, по *Danford* (l. c., p. 6), обыкновенна вообще въ Малой Азіи. По *Tristram*'у (Ibis, 1865, p. 261), гнѣздящаяся птица Палестины. Сирія.

Въ **Африкѣ:**

По *Loche* (l. c., p. 49), осѣдлая птица Алжира. *Тачановскій* видѣлъ одинъ экземпляръ зорьки зимою въ лѣсу у Апмокра (Journ. f. Ornith., 1870, S. 39). По *Irby* (l. c., p. 58—59), отчасти гнѣздящаяся (осѣдлая) птица Морокко.

β′) Область пролета.

Въ **Европѣ** на пролетѣ зорька найдена въ Испаніи, Италіи и Греціи.

Въ **Азіи** отчасти пролетная птица сѣв.-зап. зоолог. уч. Туркестанскаго края, на Памирѣ *(Сьверцовъ*, l. c., стр. 69), вѣроятно въ Персіи, въ Малой Азіи и Палестинѣ.

Въ **Африкѣ** отчасти пролетная птица Египта, Нубіи и Морокко.

γ′) Область зимовья.

Въ **Европѣ** немногія особи зорьки зимуютъ въ Испаніи и Греціи.

Вѣроятно, отдѣльныя особи зимуютъ въ ю.-з. углѣ **Азіи.**

Въ **Африкѣ** зимуетъ въ Египтѣ и Нубіи, спускаясь до Абессиніи и Сенаара; *Vierthaler* нашелъ зорьку на Голубомъ Нилѣ (*Heuglin*, l. c., S. 117; *Shelley*, l. c., p. 178). Отчасти осѣдла въ Алжирѣ и Морокко. Въ зап. Африкѣ зимою доходитъ до Сенегала *(Sharpe*, l. c., Vol. II, p. 49).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Стр. 49. Поправка. Вмѣсто словъ „вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ къ тому времени открытіемъ Турнефора“, слѣдуетъ: „вмѣстѣ съ еще ранѣе сдѣланнымъ открытіемъ Турнефора“.

„ 190. Поправка. Изъ списка гнѣздящихся птицъ Карпатскаго округа выпустить *Surnia funerea*.

„ 248. Поправка. *Vultur monachus* въ Туркестанскомъ краѣ въ степи только кормится и никогда не гнѣздится, но въ саксаульникахъ, говорятъ, и гнѣздится въ мѣстахъ, гдѣ все лѣто обезпечень падалью, напримѣръ, у Сыръ-Дарьи, между Перовскомъ и Джулекомъ.

„ 253. Поправка. Gyps fulvus въ Туркестанскомъ краѣ въ степь залетаетъ только кормиться, слѣдя за кочевками, но не гнѣздится.

„ 305. Дополненіе. По *Сѣверцову*, Lithof. aesalon, стар. съ птенцами, добыты въ горахъ у Вѣрнаго (43° с. ш.), въ ельникахъ на высотѣ 8000′.

„ 318. Дополненіе. По *Сѣверцову*, Cerchneis cenchris спорадически распространенъ по всей Киргизской степи и Ферганѣ.

„ 341. Дополненіе. Послѣ напечатанія 22-го листа я видѣлъ *Circ. hypoleucos* изъ-подъ Астрахани.

„ 346. Поправка. Пчелоѣдъ, пролетный въ зап. Тянь-Шанѣ, одинаковъ съ пчелоѣдомъ В. Сибири—*Pernis cristata*.

„ 358. Дополненіе. *Н. А. Сѣверцовъ* сообщилъ мнѣ, что *B. vulpinus* распространенъ повсемѣстно въ лѣсахъ Оренбургской и Самарской губ. На Уралѣ лѣтомъ (іюнь) найденъ до 100 верстъ ниже Уральска, до $49^1/_2{}^0$ с. ш.

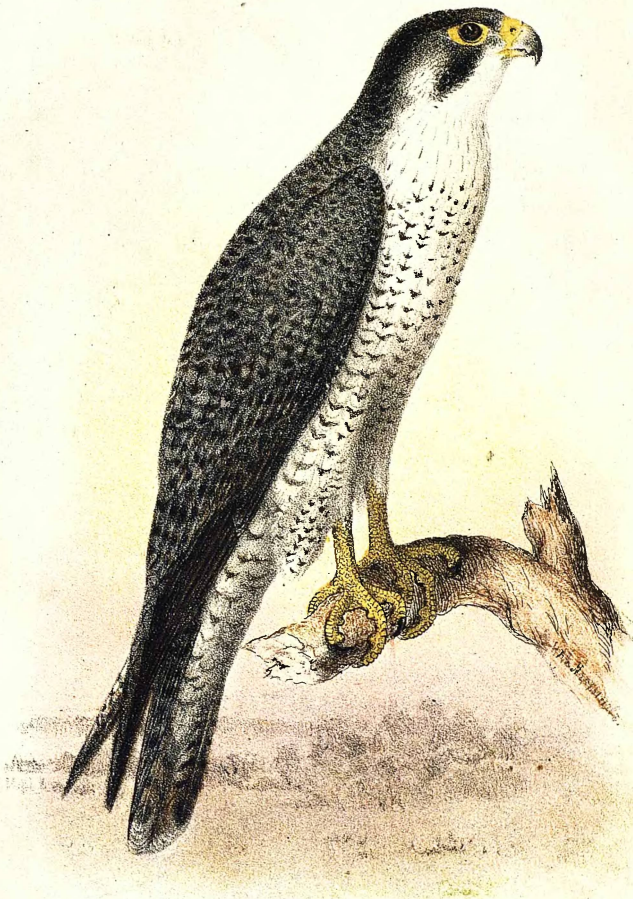
ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	*строк.*	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
25	9 сверху	de fum fumée	de fumée
140	15 снизу	раздѣленныя	различныя
177	4 „	фанѣ	фаунѣ
178	3 сверху	*Otocoris alpsetris*	*Otocoris alpestris*
235	4 „	въ въ	въ
265	1 снизу	верхней	нижней

Рисовалъ съ Натуры и Нарисовалъ К. А. Мартыновъ

Parus Pleskii, var. β.

Литография Мартынова Москва

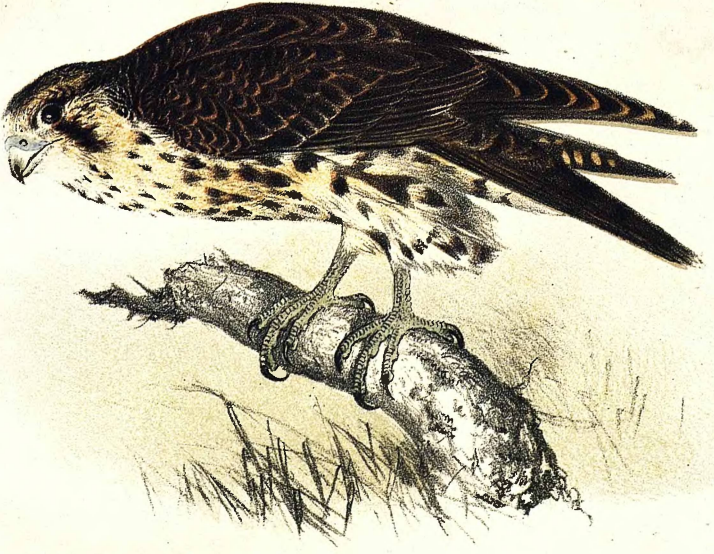


Falco abietinus, Bechst.
var griseiventris, Brm.
Ussuri

графія Мартынова Москва

N. Severtzow ad. nat.
e coll. Przevalsky.

Hierofalco uralensis, n. sp.



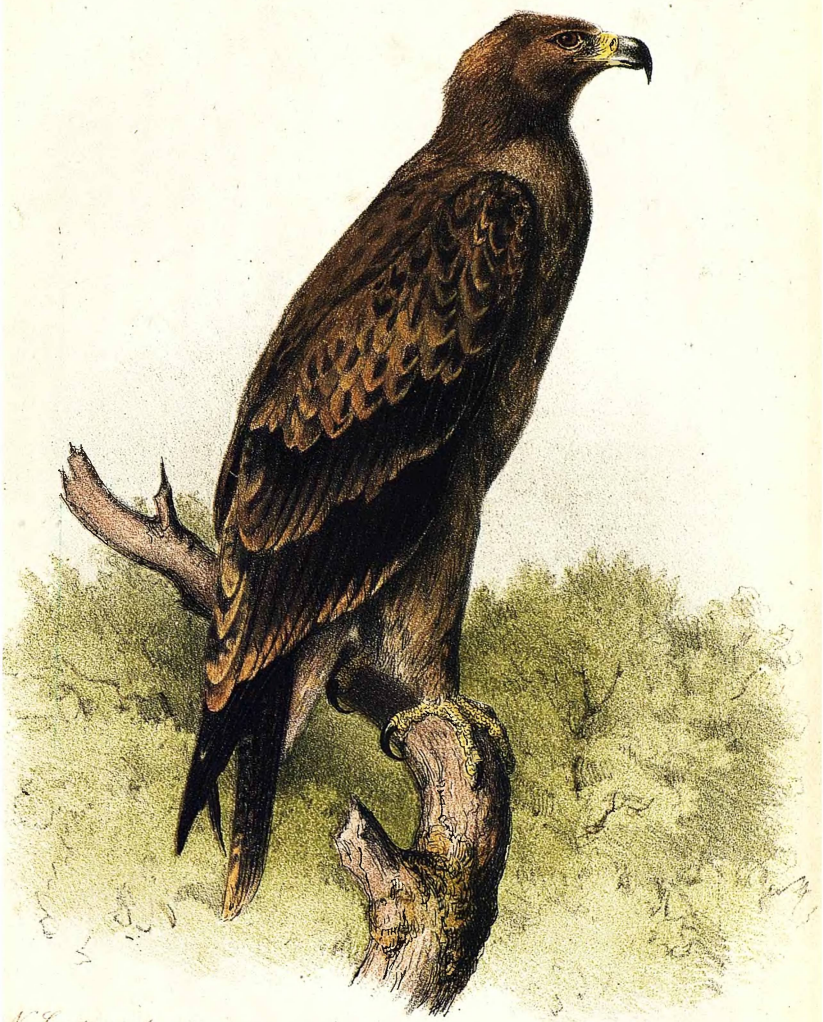
Falco peregrinus leucogenys ♂ j.

Aquila orientalis, Cab.

♂ 2/3 veste.

N. Severtzow ad viv.

Литография Мартынова Москва



N. Severtzow ad nat. e coll. Glitsch.

Aquila orientalis, Cab.

♀ 3a veste.

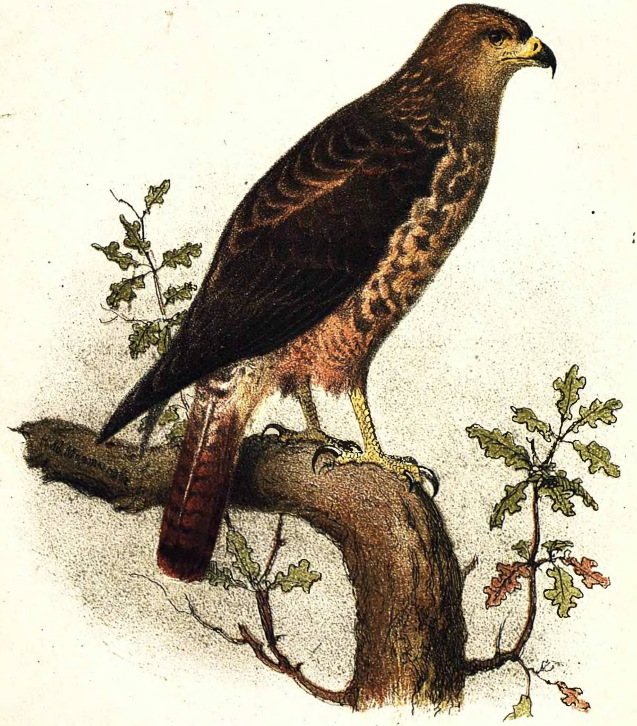
Литографія Мартынова Москва

Aquila orientalis, Cab.

♀ *sen.*

N. Severtzow ad nat.

Литография Мартынова Москва



Литографія Маріинскаго Москва

Biteo vulpinus, Licht.

ОГЛАВЛЕНІЕ 2-го и 3-го ВЫПУСКОВЪ

Стран.

I. Орнитологическая географія Европ. Россіи. Кандидата **М. А. Мензбира**..... 1—524

ГЛАВА ПЕРВАЯ 5

ГЛАВА ВТОРАЯ..... 123

ГЛАВА ТРЕТЬЯ..... 153

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ..... 175

ГЛАВА ПЯТАЯ..... 240

ГЛАВА ШЕСТАЯ..... 472

II. Строеніе скелета туловища и хвоста рѣчной миноги (Petromyzon fluviatilis). Кандидата **К. П. Перепелкина**..... 1—56

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.

Михаила Мензбира.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Съ хромолитографированными таблицами и картами.

ОТДѢЛЪ II.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗООЛОГІЯ.

Глава седьмая.

Матеріалы къ познанію географическаго распространенія вселядныхъ птицъ (Oscines omnivorae) Европ. Россіи. — Замѣчанія о мало извѣстныхъ видахъ. — Описанія нѣкоторыхъ видовъ.

60.

CORVUS CORAX, L.

Воронъ.

Синонимы: Corvus corax, L.; Corvus maximus, Scop.; Corvus major, Vieill.; Corvus sylvestris, littoralis, peregrinus, montanus, Chr. L. Brehm; Corvus nobilis, Gould; Corvus tibetanus, Hodgs.; Corvus maximus, A. Brehm; Corvus ferroënsis, Brünn.; Corvus Lawrencei, Hume.

станціи:

высокоствольные лѣса, гористая мѣстность, прибрежныя скалы, развалины.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Воронъ распространенъ во всей палеарктической области, за исключеніемъ сѣв.-зап. Африки, гдѣ его замѣняетъ *Corvus tingeta-*

nus, Японіи и Китая, гдѣ на мѣсто его является *Corvus japonensis*, и полосы пустынь отъ сѣверо-восточной Африки до Арало-Каспійской низины включительно, гдѣ его спорадически замѣняютъ *Corvus umbrinus* и *C. affinis*. Въ Сѣв. Америкѣ мѣсто нашего ворона занимаетъ его разновидность *C. corax var. carnivorus*, *Baird*.

А) Въ Европ. Россіи.

По свидѣтельству *Θ. Д. Плеске* (Критическій обзоръ млекоп. и птицъ Кольскаго полуострова., стр. 275—277), воронъ обыкновенная осѣдлая птица всего Кольскаго полуострова. Во множествѣ встрѣчается по морскимъ берегамъ, но и внутри страны далеко не рѣдокъ. Въ вертикальномъ распространеніи доходитъ до альпійскаго пояса включительно. По *Mela*, обыкновенная осѣдлая птица всей Лапландіи, Финляндіи, въ финской, русской и ладожской Кареліи и въ Обонежьѣ (l. c., Tab. IV). По *Мевесу* (Ornis, 1886, S. 236), обыкновенень на всемъ протяженіи между Петербургомъ и Бѣлымъ моремъ (Новая Ладога, Вытегра, Онежская бухта и т. д.). По *Seebohm & Henke* (Birds of Archangel, p. 378), обыкновенень, особенно зимою, на Соловецкихъ островахъ (см. также *Лильеборга*, l. c., S. 103, *Alston & Brown*, Ibis, 1873, p. 65 etc.). По *Seebohm & Brown* (Ibis, 1876, p. 112), обыкновенень въ области нижней Печоры подъ Усть-цильмой; встрѣчается и далѣе къ сѣверу, до Василькова, но уже изрѣдка. Уральская экспедиція (*J. F. Brandt*, l. c., S. 66) добыла ворона въ области истоковъ Печоры. По Сабанѣеву (Позвоночн. ср. Ур., стр. 63), на сѣверѣ Пермской губ. встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ южныхъ частяхъ ея, гдѣ опять таки всего многочисленнѣе въ Уралѣ; въ березовыхъ лѣсахъ онъ вообще рѣдокъ, а далѣе на юго-востокъ вовсе исчезаетъ и уже не гнѣздится. По *Эверсманну* (Ест. Ист. Оренб. кр., ч. III, стр. 161—162), по средней Волгѣ и въ прилежащихъ мѣстностяхъ немногочисленъ, чаще въ Казанской и Симбирской губ. По *Финшу* (R. u. W.-S., 190—191), воронъ былъ обыкновенень на пути отъ Нижняго до Перми, черезъ Казань. По *Карелину* (l. c., стр. 285), водится въ небольшомъ числѣ на Общемъ Сыртѣ. *Сьверцову* Карелинъ сообщилъ, что воронъ очень рѣдокъ около Гурьева. Самъ *Сьверцовъ* встрѣчалъ ворона изрѣдка между Оренбургомъ и Саратовымъ, и Сызранью и Камеликомъ (при-

токъ Б. Иргиза), равно какъ изрѣдка по Уралу же вверхъ отъ Оренбурга и между Ураломъ и Иртышемъ. По свидѣтельству *Зарудnаго* (Орнит. фауна Оренб. кр., стр. 138), въ Оренбургскомъ краѣ рѣдокъ; около Оренбурга уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ гнѣздится одна парочка въ лѣсу по Сакмарѣ. Въ киргизской степи гнѣздится случайно (на уступахъ каменныхъ обрывовъ, урочище Кырчаки). Зимою подъ Оренбургомъ попадаются прикочевавшія съ сѣвера, но опять довольно рѣдко. Ни *Генке*, ни кто-либо другой изъ зоологовъ коллекторовъ, изучавшихъ фауну низовьевъ Волги, не приводитъ ворона для этой мѣстности. По *Рикбейлю*, ворона нѣтъ подъ Сарептой. *М. Н. Богданову* онъ началъ встрѣчаться лишь къ сѣверу отъ 51° с. ш. По *Арцибашеву* (l. c., p. 53), воронъ величайшая рѣдкость на Сарпѣ. Такимъ образомъ, во всей области юго-восточной Россіи, захватываемой арало-каспійскими пустынями, воронъ положительно не гнѣздится и даже какъ залетная птица крайне рѣдокъ. По словамъ Богданова (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 115), очень обыкновенъ въ Симбирской и Казанской губ. По *Сьверцову*, воронъ не можетъ почесться очень обыкновенной птицей Воронежской губ. Въ Тамбовской и Пензенской, по справкамъ нерѣдокъ. Въ Рязанской губ. (см. между прочимъ *Павлова*, Орнитологическія наблюденія, стр. 14) довольно обыкновенъ. То же надо сказать про всѣ подмосковныя губерніи и весь заволжскій край. По свидѣтельству *Дьякова* и *Плеске* (in litt.), перѣдокъ въ Тверской губ. По *Эсаулову* (l. c., стр. 232), перѣдокъ въ Торопецкомъ и Холмскомъ у.у. Псковской губ. По *Біанки* (in litt.), довольно часто встрѣчается въ Новгородской губ. По *Е. Бихнеру* (Птицы С.-Петербургской губ., стр. 471), воронъ встрѣчается повсюду въ С.-Петербургской губ., но не въ большомъ количествѣ. По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, S. 53), водится повсюду въ Остзейскомъ краѣ. По свидѣтельству *Тачановскаго* (Ornis, 1888, p. 472), всюду распространенная осѣдлая птица Польши. *Плеске* (in litt.) отмѣчаетъ ворона для Гродненской губ. По свидѣтельству *Кесслера* (Ест. Ист. губ. Кіев. учебн. окр., в. 2-й, стр. 104), осѣдлая и повсемѣстно распространенная птица губ. бывшаго кіевскаго учебнаго округа, но нигдѣ не находится въ большомъ числѣ. *Н. Н. Сомовъ* сообщаетъ (in litt.), что воронъ довольно обыкновенная осѣдлая птица Харьковской губ. По свидѣтельству *С. Н. Алфераки* (in litt.), рѣдкая гнѣздящаяся птица Ека-

тернославской губ. По Арцибашеву, встрѣчается въ области Донскихъ казаковъ (l. c., p. 53). По *Нордманну* (Faune pontique, p. 118), одна изъ рѣдкихъ птицъ Новороссійскихъ степей; въ Крыму живетъ въ горахъ. По моимъ наблюденіямъ, въ Крыму воронъ рѣдкая гнѣздящаяся птица горной области, откуда только залетаетъ въ степи, гдѣ зимою гораздо обыкновеннѣе, нежели въ другое время года. По свидѣтельству *Радакова*, спорадически распространенная птица Бессарабіи. На Кавказѣ воронъ достигаетъ весьма широкаго распространенія и встрѣчается въ вертикальномъ направленіи до 11,000′ н. у. м. Однако область гнѣздовья этой птицы лежитъ значительно ниже, въ полосѣ большихъ лѣсовъ (Ornis caucasica, S. 120—122).

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуостровѣ воронъ распространенъ и въ *Норвегіи* (по Collet) и въ *Швеціи* (по Meves) преимущественно въ береговой полосѣ; но съ удаленіемъ отсюда быстро уменьшается въ числѣ и даже совсѣмъ не встрѣчается внутри страны. Къ сѣверу распространенъ до предѣловъ Россіи (о прилежащихъ областяхъ Россіи см. выше) и подъ полярнымъ кругомъ можетъ быть даже обыкновеннѣе, чѣмъ на югѣ страны. Faber приводитъ ворона въ числѣ птицъ *Исландіи* и *Фарёрскихъ* острововъ.

Въ Даніи (*Kjaerbölling*, Danmarks Fugl, p. 90) воронъ никакъ не рѣдокъ, но далеко не можетъ быть названъ и очень обыкновеннымъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ своего распространенія, онъ избѣгаетъ открытыхъ мѣстностей и особенно охотно селится въ горахъ и большихъ лѣсахъ.

Въ Германіи повсемѣстно осѣдлая птица въ сѣверной части страны, гдѣ наичаще встрѣчается въ центральной области (*Borggreve*, Vog.-Fauna v. Norddeutschl., p. 34).

Въ Голландіи воронъ рѣдокъ и не гнѣздится. Въ Бельгіи, по свидѣтельству *Dubois* (Die Vögel v. Belg. Wien.-Mittheil. 1884, p. 89), изрѣдка встрѣчается во всей странѣ, обыкновеннѣе въ провинціяхъ Ліежа, Намура и Монса. Въ Люксенбургѣ (*De la Fontaine*, Faune du pays de Luxembourg, p. 135) довольно рѣдокъ.

На Британскихъ островахъ осѣдлая птица въ нѣкоторыхъ очень дикихъ уголкахъ внутренней части и по берегамъ Англіи; болѣе обыкновенна въ Шотландіи, особенно на западномъ берегу, и въ Ирландіи (List of the British Birds, p. 70).

Во Франціи, по свидѣтельству Degland & Gerbe (Ornithol. europ. I, p. 196), осѣдлая птица во многихъ гористыхъ мѣстностяхъ, равно какъ и въ большихъ лѣсахъ.

Въ Португаліи распространенъ повсемѣстно, но встрѣчается не особенно часто (*Tait.* Ibis, 1887, p. 201). Въ *Испаніи*, по *Saunders*'у (Ibis, 1871, p. 221), повсемѣстно обыкновенная осѣдлая птица. На европейскомъ берегу Гибралтарскаго пролива воронъ обыкновенень (*Irby*, Ornithol. of Gibralt., p. 126), но на африканскій не переходитъ, будучи замѣщенъ тамъ *C. tingitanus*.

По свидѣтельству *A. Homeyer* (Journ. f. Ornith. 1862, p. 252,) осѣдлая птица Балеарскихъ острововъ, гдѣ гнѣздится на скалахъ, за добычей же летаетъ по преимуществу на морской берегъ для сбора краббовъ-отшельниковъ.

Въ Италіи (*Giglioli*, Avifauna italica, p. 9; *Salvadori*, Ucelli d'Italia, p. 171) распространенъ повсемѣстно, но не можетъ почесться обыкновеннымъ. Низменностей избѣгаетъ, въ Альпахъ и Аппенинахъ живетъ осѣдло.

Въ Зальцбургѣ (*Tschusi zu Schmidhofen*, Vögel Salsburg's, p. 51) въ горахъ не очень рѣдокъ. Въ Богеміи (*A. Fritch*, Wirbelthiere Böhmens, p. 62) теперь рѣже, нежели былъ прежде, и къ тому же заключенію приводятъ свѣдѣнія, сообщаемыя граф. Marschall и др. Pelzeln (Ornis vindobonensis, p. 72): воронъ перестаетъ гнѣздиться въ лѣсахъ низменностей и сохраняется только въ горахъ. По *Madarasz* (Zeitschr. f. die Gesammte Ornith. I, p. 114), повсюду распространенная птица Венгріи, болѣе обыкновенна на югѣ, особенно въ области нижняго Дуная и его притоковъ.

На Балканскомъ полуостровѣ воронъ распространенъ очень широко на сѣверѣ; по *Finsch*, особенно обыкновенень въ Балканахъ (Journ. f. Orn. 1859, p. 384); *Elwes & Buckley* говорятъ о воронѣ какъ объ обыкновенной птицѣ южной Турціи. Въ Греціи осѣдлая и также какъ въ Турціи весьма обыкновенная птица (*Lindermayer*, l. c., p. 71). По *Erhardt*, живетъ осѣдло на Цикладахъ.

Въ Азіи:

Бременская экспедиція нашла ворона на Оби, приблизительно отъ сѣверной границы древесной растительности вверхъ по теченію во всей полосѣ тайги. Кромѣ того, найденъ на. Ала-кулѣ, гдѣ держался въ тростниковыхъ зарослях, и въ лѣсу у Салапра (l. c. 190—191). По свидѣтельству *Словцова* (Зап. Зап. Отд. Геогр. Общ. III, 1881, стр. 129), воронъ въ Омскѣ, такъ же какъ и во всей Акмолинской области, появляется одиночками. По свидѣтельству *Seebohm*'а (On the Ornith. of Siberia, p. 328), на Енисеѣ лѣтомъ доходитъ до 72° с. ш., слѣдуя за рыбопромышленниками; но уже подъ полярнымъ кругомъ не зимуетъ, а прилетаетъ сюда лишь въ началѣ мая. Этому противорѣчатъ, однако, показанія *Миддендорфа* (Sibir. R., p. 162), который говоритъ, что на нижнемъ Енисеѣ воронъ мѣстами очень обыкновенъ, и подъ 60° с. ш. спаривается уже въ началѣ февраля. Немногіе гнѣздятся на Богашдѣ, но въ Таймырскомъ краѣ воронъ ни разу не встрѣченъ Миддендорфомъ, равно какъ и въ степяхъ южной Сибири. Отъ Якутска до южнаго берега Охотскаго моря распространенъ повсемѣстно и встрѣчается даже въ Манджуріи, но здѣсь рѣдокъ. По *Шренку* (Reise, II, p. 326) встрѣчается во всемъ Амурскомъ краѣ, особенно часто на берегу моря и на островѣ Сахалинѣ. По *Радде* (R. n. S. v. O.-Sib., II, p. 211), въ восточной Сибири воронъ распространенъ весьма широко, но зимуютъ только немногія пары. На Тарей-норѣ въ большомъ количествѣ появляется только въ началѣ марта. *Дыбовскій*, въ свою очередь, подтверждаетъ широкое распространеніе ворона въ восточной Сибири и Уссурійскомъ краѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на нѣкоторыя отличія восточно-сибирскаго ворона отъ центрально-европейскаго и предлагаетъ ему имя *Corvus coronivox*. Сличая экземпляры ворона изъ Сибири и Европы, мы дѣйствительно находимъ, что сибирскіе и сѣверно-европейскіе меньше болѣе южныхъ, но другихъ признаковъ, которые оправдали бы выдѣленіе *C. coronivox* не имѣется. Въ Камчаткѣ воронъ очень обыкновенъ, но и его *Дыбовскій* отличаетъ отъ обыкновеннаго европейскаго подъ названіемъ *C. corax kamtschaticus* (Bull. de France, 1883, p. 332 и 362). Въ Монголіи и Тибетѣ, по *Пржевальскому* (Монголія II, стр. 75), воронъ обыкновенъ, и отличается отъ европейскаго болѣе крупнымъ ростомъ; это *C. tibetanus, Hodgs.* Въ Яркендскомъ округѣ и южнѣе, до самаго Гималая,

воронъ также обыкновененъ (*Henders & Hume*, Lahore to Jarkand, p. 234). Въ Гималаѣ эта птица несомнѣнно гнѣздится въ с. з. области и мѣстами къ востоку отсюда; но въ Синдѣ, повидимому, бываетъ только въ холодное время года, улетая отсюда на гнѣздовье въ Афганистанъ (Jerdon). Въ Туркестанскомъ краѣ, по *Сьверцову*, воронъ распространенъ повсемѣстно, но не можетъ почесться обыкновенною птицею. Гнѣздится, начиная съ культурной полосы, т. е. приблизительно съ высоты тысячи фут. надъ уровнемъ моря и до границы вѣчныхъ снѣговъ (J. f. Orn. 1875, p. 171). На Памирѣ также гнѣздится, слетая, однако, отсюда послѣ гнѣздовья въ прилежащія менѣе высокія области горной страны (Ibis, 1883, p. 55). По свидѣтельству *Н. А. Зарудняго* (Bull. de Moscou, 1885, p. 318). обыкновененъ въ горахъ, граничащихъ арало-каспійскую пустыню съ юга, не гнѣздится, но часто встрѣчается и въ долинѣ Ахалъ-теке. Въ Персіи обыкновененъ, а зимою спускается къ югу до морскаго берега (East. Persia, II, p. 261). Обыкновенная, повсемѣстно распространенная птица Малой Азіи (Ibis, 1878, p. 26). *Тристрамъ* говоритъ, что воронъ весьма обыкновененъ въ Палестинѣ (Fauna and Flora of Palestine, p. 77), гдѣ онъ сходится съ *C. affinis* и *C. umbrinus*.

61.

CORVUS CORONE, L.

Черная ворона.

Синонимы: Corvus cornix, Briss.; Corvus corone, L.; Corvus subcorone, hiemalis, assimilis, C. L. Brehm; Corvus corone major, minor, longirostris, brevirostris, subcorone, intercedens, assimilis, hiemalis, montanus, A. E. Brehm; Corvus pseudo-corone, A. O. Hume.

станціи:

окрестности жилыхъ мѣстъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Черная ворона является чрезвычайно характернымъ представителемъ фауны западной и южной Европы. Вся западная Европа къ

востоку до бассейна Везера и области нижней Эльбы включительно занята этимъ видомъ вороны, наша же обыкновенная сѣрая встрѣчается тамъ лишь спорадически. Западная половина Шлезвига и узкая полоса, идущая отсюда къ югу по среднему теченію Эльбы къ Богеміи, занята и черной и сѣрой вороной, но черная преобладаетъ. Восточная половина Шлезвига и широкая полоса, представляющая собою западную половину области, лежащей между Эльбой и Одеромъ, также занята обоими видами, но преобладающимъ является сѣрая ворона. Наконецъ, на востокъ отсюда, слѣдовательно во всей восточной половинѣ Германіи, въ Россіи и западной Сибири живетъ только сѣрая ворона, черная же встрѣчается и въ восточной Германіи и въ западной Россіи спорадически. Въ Австріи живутъ оба вида, но вмѣстѣ встрѣчаются только въ западной части страны, гдѣ образуютъ многочисленныя помѣси (Штирія), напротивъ въ Венгріи встрѣчается исключительно сѣрая ворона. На Балканскомъ полуостровѣ С. cornix живетъ въ сѣверной части страны, не найдена, что странно, въ Турціи, обыкновенна въ Греціи. Ни въ Малой Азіи, ни въ Палестинѣ, ни въ Египтѣ, ни въ с. з. Африкѣ, черная ворона не встрѣчается. Что касается распространенія C. cornix въ Европ. Россіи, то свѣдѣнія въ этомъ отношеніи очень отрывочны и часто не отличаются достовѣрностью, такъ какъ иногда наблюдатели, не убивая птицу, а лишь наблюдая ее, принимали за черную ворону молодаго грача.

Случайно залетаетъ въ Обонежье и южную Карелію (*Mela*, Vertebr. Fenn., p. 102, Tab. IV). Также случайно и рѣдко можетъ встрѣчаться въ С.-Петербургской губ., хотя *Порчинскій*, *Бижнеръ* и *Плеске* отрицаютъ даже подобные случайные залеты черной вороны въ названную губ. По *Руссову* (Ornis Esth-, Liv- u. Curlands, p. 54), рѣдкія отдѣльныя особи черной вороны встрѣчаются въ Прибалтійскомъ краѣ. *Тачановскій* приводитъ этотъ видъ какъ случайную и очень рѣдкую птицу Польши (Ornis, 1888, p. 412). *Дидюшецкій* не приводитъ черную ворону въ спискѣ птицъ Галиціи, но южнѣе она опять встрѣчается. Такъ, *Кесслеръ* (Ест. Ист. губ. Кіевск. учебн. окр., вып. 2, стр. 103) говоритъ, что встрѣчалъ ее осенью въ стадахъ сѣрыхъ воронъ и галокъ (въ Кіевской губ.?), *Гёбель* (Vög. Kreises Uman, стр. 69) нашелъ однажды гнѣздо черной вороны въ Уманьскомъ у. и, кромѣ того, нашелъ двѣ смѣшанныя пары (C.

corone и C. cornix). Въ центральной Россіи C. corone встрѣчается въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. По *Эверсманну* (Addenda, fasc. II, p. 6) настоящая C. corone добыта даже подъ Казанью. Харьковскіе экземпляры, помѣченные Кришцкимъ и Чернаемъ за C. corone, по *Н. Н. Сомову* (in litt.), оказались Frugilegus segetum. *Нордманнъ* говоритъ, что C. corone не рѣдка въ *южной Россіи*, но не называетъ ни одного мѣста, кромѣ восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ онъ видѣлъ эту птицу. Не относится ли это слишкомъ общее выраженіе только къ Кавказу (Faune pontique, p. 120)? Показанія *Irby, Blakiston, Carte* и *Радде* о нахожденіи C. corone въ Крыму до того противорѣчивы, что въ нихъ нѣтъ возможности разобраться. *Шатиловъ* не приводитъ черную ворону въ своемъ спискѣ Крымскихъ птицъ. *Алфераки* сообщаетъ, что, кажется, въ 1873 г. два раза наблюдалъ C. corone подъ Таганрогомъ, или позднею осенью или зимою, оба раза одиночные экземпляры въ стадѣ C. cornix. *Динникъ* (Тр. Петерб. Общ. Естествоиспыт. т. XVII, стр. 331) наблюдалъ только одинъ экземпляръ C. corone въ Ставрополѣ, зимою 1886 г., между обыкновенными воронами. По свидѣтельству *М. Н. Богданова* (Птицы Кавказа, стр. 53), черная ворона водится во всей горной полосѣ Кавказа. Лѣтомъ Богдановъ встрѣчалъ ее даже въ горныхъ лугахъ Малой Чечни до 3000 м. По *Менетріэ*, обыкновенна всюду (l. c. p. 44), по *Гогенакеру*, встрѣчается въ Елисаветпольской губ. (l. c. p. 141), по *Радде*, по преимуществу зимующая птица подъ Тифлисомъ. Ни въ Хоросанѣ, ни въ Копетъ-Дагѣ, ни въ Персіи C. corone не найдена и, принимая во вниманіе отсутствіе этой птицы въ Малой Азіи и почти полное отсутствіе ея въ южной Россіи, я долженъ признать кавказскую колонію C. corone весьма загадочной по ея происхожденію.

62.

CORVUS ORIENTALIS.

Сибирская ворона.

C. orientalis, Eversm., чрезвычайно близка съ C. corone, но по клюву и голосу не отличима отъ C. cornix. Географическое отношеніе сибирской вороны къ нашей обыкновенной C. cornix совершен-

но аналогично съ тѣмъ, что представляетъ собою отношеніе C. corone къ C. cornix, только послѣднія двѣ сталкиваются на западной границѣ распространенія C. cornix, двѣ же первыя (C. orientalis и cornix) на восточной. Вотъ что говоритъ объ этомъ *Зибомъ*, который, впрочемъ, не находитъ возможнымъ отдѣлить C. orientalis отъ C. corone.

«Насколько я могу судить по моимъ личнымъ наблюденіямъ, говоритъ *Зибомъ*, вся Россія и западная Сибирь представляютъ собою одну обширную область, занятую сѣрой вороной. Съ другой стороны, восточная Сибирь принадлежитъ черной воронѣ. Отъ Красноярска до Енисейска я встрѣчалъ только черную ворону. *Миддендорфъ* говоритъ то же самое о Ленѣ и о странѣ лежащей далѣе на востокѣ до Охотскаго моря; къ югу отсюда *Пржевальскій* нашелъ черную ворону обыкновенной въ Монголіи. Разстояніе отъ Томска до Красноярска около 550 верстъ. Направляясь отъ Томска на востокъ, первыя 200 верстъ вы встрѣчаете только сѣрую ворону. Послѣднія 200 верстъ передъ Красноярскомъ встрѣчаются только черныя вороны. Въ промежуточныхъ 150 верстахъ около одной четвертой части всего количества воронъ составляютъ сѣрыя вороны, вторую четверть чистокровныя черныя вороны и остающуюся половину помѣси всевозможныхъ поколѣній, т. е. въ первомъ, второмъ, третьемъ и т. д. ad infinitum. Пограничная линія между двумя видами можетъ быть приблизительно опредѣлена калькутскимъ меридіаномъ; къ сѣверу отъ Енисейска она идетъ долиною Енисея, къ югу отъ этого города водораздѣломъ между Обью и Енисеемъ. Что такое положеніе дѣлъ не ново по происхожденію, доказывается тѣмъ, что объ этомъ уже упоминаетъ *Миддендорфъ*, который отмѣтилъ существованіе гибридовъ-воронъ въ Енисейскѣ еще въ 1844 г. Тотъ фактъ, что эти гибриды образуютъ полный рядъ переходовъ между двумя видами, очевидно свидѣтельствуетъ объ ихъ плодовитости. Но, помимо этого, мнѣ удалось добыть несомнѣнное доказательство ихъ плодовитости. 11 мая (29 апрѣля), когда земля еще на цѣлую сажень была покрыта снѣгомъ, я нашелъ пару гибридовъ-воронъ у гнѣзда на вершинѣ сосны. Въ гнѣздѣ было одно яйцо. 21 я вновь добрался до гнѣзда и нашелъ въ немъ пять яицъ, изъ которыхъ два взялъ. 31 изъ одного яйца уже вывелся птенецъ, два другія были наклюнуты. Когда я вновь взобрался къ гнѣзду 26 іюня я нашелъ, что одинъ

изъ птенцовъ или околѣлъ или выпалъ изъ гнѣзда, взялъ двухъ другихъ и убилъ самку. Послѣдняя была по крайней мѣрѣ на три четверти черной вороной; перья по бокамъ шеи, на нижней части груди и на брюхѣ были сѣрыя съ черными центрами. Самца мнѣ не удалось убить, но я нѣсколько разъ могъ разсмотрѣть его въ бинокль. Въ немъ было болѣе крови сѣрой вороны, нежели въ самкѣ, такъ какъ онъ имѣлъ очень сѣрое кольцо кругомъ шеи и много сѣраго на груди и подъ крыльями».

Что касается того, заходитъ-ли C. orientalis въ Европ. Россію, то наши свѣдѣнія объ этомъ совершенно недостаточны. *Сабанѣевъ* (Позвон. Ср. Урала, стр. 62) говоритъ, что замѣтилъ ее (онъ приводитъ черную ворону подъ названіемъ C. corone) разъ «въ окрестностяхъ Павдинскаго завода, и, хотя не имѣлъ въ рукахъ, но узналъ по голосу, весьма сходному съ вороньимъ карканьемъ и отличному отъ крика грача». Это указаніе весьма цѣнно, п. ч. на особенность голоса C. orientalis, именно на его сходство съ крикомъ *C. cornix*, указалъ и самъ Эверсманнъ. Что касается ссылки Сабанѣева на Θ. А. Теплоухова, будто-бы убившаго черную ворону два раза въ Пермскомъ у. близъ села Ильинскаго на р. Обвѣ, то это основано на недоразумѣніи: въ поправкахъ, относительно ссылокъ Л. П. Сабанѣева на наблюденія названнаго натуралиста, обязательно сообщенныхъ мнѣ самимъ Θ. А. Теплоуховымъ, относительно этого мѣста сказано: «До сихъ поръ мною на Уралѣ не встрѣчена». Палласъ даетъ относительно C. corone весьма малоцѣнное замѣчаніе: «In Russia, nisi borealiore, vix usquam occurrit» (Zoogr. R.-As., I, p. 381). *Карелинъ* сообщилъ *Съверцову*, будто черная ворона гнѣздится въ Индерскихъ горахъ (in litt.). По Назарову (Recherches zoologiques, p. 31), встрѣчается изрѣдка осенью въ полосѣ полынокъ Киргизскихъ степей.

Во всей восточной Сибири C. orientalis очень обыкновенна и распространяется отсюда въ прилежащія области Китая. Въ Туркестанскомъ краѣ обыкновенна; къ югу доходитъ до с.-зап. Индіи.

63.

CORVUS CORNIX, L.

Ворона.

Синонимы: Corvus cornix, L.; Corone cornix, Kaup; Corvus cornix aegyptiaca, Brehm; Corvus subcornix, tenuirostris, cinereus, Chr. L. Brehm.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Распространеніе вороны весьма обширно: отъ Британскихъ острововъ на западѣ до Дауріи на востокѣ, отъ полярнаго круга до сѣв. Африки, Малой Азіи и Афганистана къ югу. Но главной областью распространенія этой птицы должна считаться Европ. Россія и западная Сибирь, въ чемъ ворона сходна до извѣстной степени съ *Milvus ater* и *Buteo vulpinus*.

А) Въ Европ. Россіи.

Ворона найдена въ разныхъ мѣстахъ Русской Лапландіи, не рѣдка въ Финской Лапландіи, наблюдалась въ разныхъ мѣстахъ Шведской Лапландіи, упоминается многими изъ Остъ-Финмаркена. «Въ южныхъ и среднихъ частяхъ Русской Лапландіи ворона живетъ осѣдло, такъ какъ она находитъ повсемѣстно необходимыя условія жизни, въ сѣверныхъ, напр. въ Колѣ и Ost-Finmarken'ѣ, она условно осѣдлая птица, такъ какъ покидаетъ для гнѣздованья тѣ населенныя мѣста, около которыхъ достаточно крупный лѣсъ можно встрѣтить только въ извѣстномъ разстояніи. Въ Финской и Шведской Лапландіяхъ она является перелетною птицею, такъ какъ тамъ условія зимованія болѣе суровы, нежели въ тѣхъ частяхъ Лапландіи, которыя находятся подъ вліяніемъ Golfström'а». (*Плеске*, Критическій обзоръ млекопит. и птицъ Кольскаго полуострова, стр. 274). «Гнѣздится ворона исключительно въ лѣсу и поэтому принадлежитъ къ типичнымъ представителямъ фауны хвойныхъ лѣсовъ. По *Collett*'у она характерна для области березы, въ которой она вѣроятно и гнѣз-

дится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ деревья достаточно велики. На поискахъ за кормомъ ворона несомнѣнно залетаетъ и на тундру, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ тѣ времена, когда послѣдняя изобилуетъ пеструшками. Далѣе ворона придерживается человѣческихъ жилищъ и покидаетъ ихъ только на время гнѣзднованья. Наконецъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Лапландіи ворона появляется весною и отлетаетъ осенью» (ibidem, стр. 273). Обыкновенная осѣдлая птица подъ Архангельскомъ (*Alston & Brown* въ Ibis, 1873, p. 65; *Seebohm & Henke*, Ibis, 1882, p. 378). По *Seebohm & Brown* (Ibis, 1876, p. 113), одна изъ обыкновенныхъ осѣдлыхъ птицъ въ городахъ и деревняхъ по пути отъ Архангельска къ Усть-Цыльмѣ на Нижней Печорѣ. Къ сѣверу отъ Усть-Цыльмы становится постепенно рѣже, но изрѣдка попадалась названнымъ наблюдателямъ еще подъ Алексѣевкой. По слухамъ, будто-бы только лѣтняя птица въ Пустозерскѣ. «Ворона принадлежитъ къ числу довольно рѣдкихъ птицъ, говоритъ *Л. П. Сабанѣевъ* про Пермскій Уралъ, замѣчается здѣсь въ небольшомъ количествѣ и подобно галкѣ гнѣздится въ ближайшихъ окрестностяхъ заводовъ, никогда вдали отъ жилья, какъ я замѣтилъ это въ Екатеринбургскомъ Уралѣ. Въ окрестностяхъ Петропавловска C. cornix еще встрѣчается и вѣроятно идетъ еще далѣе къ сѣверу, хотя и не была замѣчена Сѣверно-Уральскою экспедиціей. Въ Петропавловскѣ и Богословскѣ она остается частію зимовать, но на Сосьвѣ и на Павдѣ принадлежитъ къ отлетнымъ птицамъ. Весьма загадоченъ фактъ, сообщенный мѣстными жителями: въ 1871 г., начиная съ Ильина дня (20 іюля), ворона летѣла на западъ большими табунами, въ такомъ количествѣ, въ какомъ никогда прежде не замѣчалась. Въ этомъ движеніи мѣстовыя Corvus cornix не принимали участія. На югѣ Пермской губ. ворона всего многочисленнѣе въ полосѣ березовыхъ лѣсовъ, также въ Шадринскомъ у.; вблизи отъ заводовъ, въ Уралѣ она уже малочисленнѣе, но гнѣздится, хотя рѣдко, въ необитаемыхъ частяхъ Урала (*Сабанѣевъ*, Позв. ср. Ур., стр. 63). *Теплоуховъ* приводитъ ворону въ числѣ птицъ долины р. Обвы (in litt.). Въ Вологодской губ. повсемѣстно распространенная осѣдлая птица (*Межаковъ*, l. c. p. 631 и собранныя нами свѣдѣнія). Въ губ. Олонецкой и въ Финляндіи къ сѣв. до 64—65° с. ш. обыкновенная осѣдлая птица, сѣвернѣе, въ губ. Улеаборгской обыкновенна лѣтомъ, зимою очень рѣдка (*Mela*, Vertebrata Fennica, Tab. IV,

р. 102). По *Meves* (Ornis, 1886, p. 236), всюду обыкновенна по пути отъ Петербурга до Бѣлаго моря. Въ Петербургской губ., по свидѣтельству *Бихнера* (Птицы С.-Петербургской губ., стр. 469), очень обыкновенна повсюду, не исключая и самаго города, гдѣ постоянно гнѣздится въ садахъ. Также обыкновенная птица въ губ. Новгородской (*Бianки* in litt., *Петровъ*, Мат. для списка птицъ Новгор. губ., стр. 10), Псковской (*Эсауловъ*, l. c. стр. 232) и Тверской (*Плеске*, *Дьяковъ* in litt.). Въ Остзейскомъ краѣ (*Russow*, Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, p. 55) и въ Польшѣ (*Тачановскій*, Ornis 1888, p. 472) очень обыкновенная осѣдлая птица. Въ большемъ числѣ собирается на зиму въ большіе города, гдѣ остается приблизительно до половины марта. Въ губ. Гродненской (*Плеске*, in litt.), Минской, Смоленской и въ центральной Россіи (*Сабанѣевъ*, *Мензбиръ*, *Лоренцъ* и др.) всюду очень обыкновенна круглый годъ. (См. также *Павлова*, Орнитолог. наблюд. въ Рязанской губ., стр. 14). «За исключеніемъ чащи глухихъ боровъ и чернолѣсья, говоритъ *М. Н. Богдановъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 116), я рѣшительно не знаю мѣстности, гдѣ не встрѣчалась бы ворона въ Поволжьѣ. По долинѣ Волги она идетъ до взморья. Степи, поля, мелкіе лѣса и долины всѣхъ нашихъ рѣкъ населены воронами во множествѣ». По *Эверсманну* (Ест. Ист. Оренбург. края, ч. III, стр. 164), въ Поволжьѣ и Оренбургскомъ краѣ воронъ, однако, на сѣверѣ больше, нежели на югѣ. По свидѣтельству *Н. А. Зарудnаго* (Орнитологич. фауна Оренбург. края, стр. 135), нормальное гнѣздованіе сѣрой вороны въ Оренбургскомъ краѣ «ограничивается долиной средняго теченія Урала, долиной Илека и Якши-Каргалы, устьями Тангры-Бергенъ, словомъ, мѣстами, гдѣ мало мальски уцѣлѣли лѣса или отдѣльно стоящія деревья. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ она гнѣздится очень рѣдко и чисто случайно, напр. на глинистыхъ уступахъ береговъ рѣкъ (Улу-Хобда, Исенбай и т. п.). Въ качествѣ холостыхъ экземпляровъ изрѣдка попадается ворона въ лѣтнее время повсюду въ Киргизскихъ степяхъ. Въ окрестностяхъ Оренбурга зимою она встрѣчается въ большомъ числѣ, а частью, какъ справедливо говоритъ Эверсманнъ, укочевываетъ далеко, въ Киргизскую степь, гдѣ кормится главнымъ образомъ падалью». Наблюденія *Сѣверцова* (in litt.) показываютъ, однако, что ворона держится не всюду въ Киргизской степи: изъ Башкиріи и сѣверныхъ участковъ степи она от-

кочевываетъ на югъ и зимуетъ съ одной стороны во множествѣ въ степи къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря, съ другой, но въ меньшемъ количествѣ, на Эмбѣ и въ устьѣ р. Урала. *Арцибашевъ* (Bull. de Moscou, 1859, III, p. 53) и *Яковлевъ* (Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 345) почти въ однихъ выраженіяхъ говорятъ объ обиліи вороны подъ Астраханью и въ Астрахани. (См. также *Seebohm & Henke*, Ibis, 1882, p. 213). Многочисленна и на Сарпѣ. По *Сѣверцову* (Періодич. явленія и т. д. стр. 20 и др.), и личнымъ наблюденіямъ обыкновенная осѣдлая птица Воронежской губ. По *Диннику*, «встрѣчается на всемъ протяженіи Кавказа. Кочуетъ и гнѣздится въ лѣсахъ, садахъ и рощахъ; отсюда для добыванія корма лѣтомъ отправляется въ поля, а зимою въ города, села и станицы. Поэтому зимой можно видѣть множество воронъ, направляющихся вечеромъ въ лѣса, а рано утромъ обратно. Въ Ставрополѣ, напр., онѣ каждый вечеръ летятъ черезъ весь городъ по направленію къ западу, потому что въ этой сторонѣ находится большая часть лѣсовъ. Въ тѣ зимы, когда выпадаетъ очень много снѣговъ, всѣ вороны кормятся около жилыхъ мѣстъ. М. Н. Богданову не пришлось видѣть ихъ на горныхъ лугахъ, но я встрѣчалъ ихъ въ подобныхъ мѣстахъ нѣсколько разъ. Нужно замѣтить, что ворона не любитъ высокихъ тѣсныхъ ущелій, на горныхъ же лугахъ, открытыхъ, расположенныхъ по вершинамъ гребней, бываетъ не особенно рѣдко. Напр., я видѣлъ ихъ нѣсколько разъ на Гудаурскомъ перевалѣ на высотѣ 8000 футовъ надъ уровнемъ моря и въ верховьяхъ Уруха, недалеко отъ ледниковъ, также на Бермамутѣ (8500 ф.)» (*Динникъ*, l. c. стр. 329). По словамъ *Н. Н. Сомова* (in litt.) очень обыкновенная осѣдлая птица Харьковской губ. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 119), обыкновенная осѣдлая птица Новороссійскаго края. О распространеніи вороны въ Крыму наши свѣдѣнія не отличаются особенной ясностью. *Каленичeнко* (l. c. p. 216) считаетъ ее обыкновеннѣйшей птицей, но по *Blakiston* (Zoologist, 1857, p. 5514) и *Irby* (Zoologist, 1857, p. 5358), она обыкновенна въ южной части Крыма только зимою, гнѣздятся же немногія. По *Шатилову* (Списокъ орнитологич. собр. стр. 89) и *Радде* (Bull. de Moscou, 1854, p. 146), осѣдлая птица сѣверной части Крыма, что же касается измѣненій количества воронъ въ данной мѣстности по временамъ года, то свѣдѣній объ этомъ или нѣтъ, или же они не ясны. На южномъ

берегу Крыма вѣроятно осѣдла, но рѣдка (личныя набл.; въ началѣ августа въ Алупкѣ и Ялтѣ замѣчена Гёбелемъ—Jour. f. Orn. 1874, p. 453). По *Кесслеру* (Естеств. Ист. губ. Кіев. учебн. окр., вып. 2-ой, стр. 103), осѣдлая и всюду распространенная птица губ. Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской. Относительно Подольской это подтверждается *Бельке* (Bull. de Moscou, 1853, № 2, стр. 418 и 1859, № 1, стр. 27), и относительно Кіевской—*Бельке* (Bull. de Moscou, 1866, № 2, стр. 494) и *Гёбелемъ* (Vögel des Kreis. Uman, S. 68). О распространеніи вороны на Кавказѣ мы уже привели выше свѣдѣнія, сообщенныя Дпнникомъ. *Богдановъ* (Птицы Кавказа, стр. 53) въ свою очередь говоритъ, что эта птица очень обыкновенна лѣтомъ какъ въ Ставропольской губ., такъ и въ бассейнахъ Терека, Кумы и Куры. Далѣе, замѣчена имъ около станціи Казбекъ, въ Дарьяльскомъ ущельи. Нордманъ (Faune pontique, p. 119), говоря, что ворона очень обыкновенна всюду на Кавказѣ, прибавляетъ, что она нигдѣ такъ не обыкновенна, какъ въ Грузіи и Имеретіи. Впрочемъ, о повсемѣстномъ распространеніи вороны въ Закавказьѣ свѣдѣнія довольно многочисленны (помимо Нордмана, см. также *Hohenacker*, Bull. de Moscou, 1837, № 7, p. 141, *Михаловскій*, Труды Спб. Общ. Естествоиспыт. т. XI, стр. 26, *Радде*, Ornis caucasica, p. 124).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуо—вѣ, по *Collet* (Norges Fugle, p. 140; Remarks on the Ornithol. of North. Norway, p. 16), обыкновенна во всей Норвегіи, къ сѣв. до русской границы, и по *Sundevall* (Sv. Fogl. p. 119) распространена во всей Швеціи.

Въ Даніи обыкновенна (fide *Dresser*, B. of. Europe, IV, p. 545).

Въ Германіи распространеніе этой птицы является въ слѣдующемъ видѣ: къ западу приблизительно до водораздѣла между Одеромъ и Эльбой распространена почти одна C. cornix, далѣе на западъ отсюда C. cornix становится рѣдка и въ области по Везеру и Рейну распространена спородично (см. *Matschie*, Verbreitung von Corvus corone, cornix und frugilegus, въ Journ. f. Orn. 1887, pp. 619—648).

Въ Голландіи ворона обыкновенна. Въ Бельгіи распространена спорадично.

Въ Люксенбургѣ встрѣчается только зимою (De la Fontaine, Faune de Luxembourg, p. 136).

На Британскихъ о—вахъ ворона гнѣздится въ большей части Шотландіи и Ирландіи и очень рѣдко въ Англіи (исключая о—ва Мэнъ). Зимою въ Англіи распространена повсемѣстно, но особенно въ восточныхъ частяхъ страны (List Br. B. of Br. Ornith. Un., p. 69).

Во Франціи бываетъ только зимою и тогда по преимуществу въ сѣверныхъ департаментахъ. Только изрѣдка бываетъ въ Лангедокѣ, Провансѣ и Дофинэ (*Degland & Gerbe*, l. c. p. 200). Во французскихъ Пиренеяхъ бываетъ только зимою, въ большихъ стадахъ, образованныхъ вмѣстѣ съ черной вороной (*Lacroix*, Catalogue raisonné de ois. d. Pyrénées Franc., p. 59).

На Пиренейскомъ полуо—вѣ рѣдкая залетная птица найденная до сихъ поръ только въ Испаніи (Ibis, 1871, p. 222 и *Dresser*, B. of. Eur. IV, p. 545).

Въ Швейцаріи рѣдка даже въ низменныхъ кантонахъ.

Въ Италіи повсемѣстно распространенная и обыкновенная птица (*Salvadori*, Fauna d'Italia, Uccelli, p. 173; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 10).

Относительно Балканскаго полуо—ва и прилежащихъ о—въ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: по свидѣтельству лорда *Лильфорда*, ворона обыкновенна въ Албаніи зимою, и въ Черногоріи въ августѣ, но неизвѣстно съ достовѣрностью гнѣздится ли она здѣсь. Въ Корфу ворона неизвѣстна. По *Lindermayer*'у (Vögel Griechenland's, p. 7), осѣдлая птица сѣверныхъ частей Греціи, въ Аттикѣ только зимою. По *Erhard*, осѣдлая птица Цикладовъ, что подтверждается и *Krüper*'омъ (Journ. f. Orn. 1863, p. 404). По *Elwes & Buckley* (Ibis, 1870, p. 189), почти повсемѣстно обыкновенная птица Турціи. По *Finsch*'у (Journ. f. Orn. 1859, p. 384), въ Болгаріи сѣрая ворона рѣже черной, и лѣтомъ по преимуществу держится въ горахъ. По свидѣтельству *Радакова* (Bull. de Moscou, 1879, p. 163), обыкновенная осѣдлая птица Восточной Румеліи, Болгаріи, Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи.

Наконецъ, что касается Австро-Венгріи, то по *Madarasz.*, (Zeitschr. f. Ges. Ornith., I, p. 113), ворона очень обыкновенная

осѣдлая птица Венгріи, по *Pelzeln* и *Marschall* (Ornis Vindobonensis, p. 72), осѣдла въ собственно Австріи, гдѣ, однако, рѣже *Corvus corone*, по *Fritch*'у (Wirbelthiere Böhmens, p. 62), всюду обыкновенная въ Богеміи, по *Dzieduszycki* (Museum in Lemberg, p. 34), очень обыкновенна въ Галиціи. По *Tschusi* (Vögel Salzburg's, p. 50), въ Зальцбургѣ только зимою въ сообществѣ *C. corone*. По *Dalla Torre* (Wirbelthierfauna von Tirol, p. 27), иногда встрѣчается вмѣстѣ съ черной вороной въ Тиролѣ и Форарльбергѣ. По *Hueber* (Vögel Kärntens, p. 7), гнѣздящаяся птица Каринтіи.

Въ **Африкѣ**:

По *Heuglin*'у (Ornithol. N.-O. Afr. p. 504), осѣдлая и обыкновенная птица въ Нижнемъ Египтѣ, къ югу доходящая приблизительно до 23° с. ш., и только изрѣдка встрѣчающаяся въ Нубіи. По *Hartmann*'у не идетъ даже южнѣе Ассуана. *Shelley* (B. of Eg., p. 159) говоритъ, что этотъ видъ обыкновененъ въ Египтѣ, и менѣе многочисленъ въ Нубіи, откуда слѣдуетъ, что проведенную Гейглиномъ границу можно отодвинуть нѣсколько къ югу.

Въ **Азіи**:

О распространеніи сѣрой вороны въ Сибири и о ея встрѣчѣ здѣсь съ черной было говорено выше, въ статьѣ о *C. orientalis*. По *Палласу*, въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается въ Дауріи. *Дыбовскій* видѣлъ одну въ Култукѣ (Bull de France, 1876, p. 171). По *Съверцову* (Journ. f. Ornith. 1875, p. 171), зимующая птица сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ и западныхъ предгорій Тянь-Шаня, а отчасти и горной страны Тянь-Шаня. По *Руссову* (*Pleske*, Revis. d. Turkest. Ornis, p. 12), гнѣздящаяся птица подъ Чиназомъ. По *Зарудному*, рѣдкая птица Закаспійскаго края. Въ Афганистанѣ къ югу доходитъ до Кандагара, по крайней мѣрѣ зимою (Ibis, 1889, p. 168). По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 262), не встрѣчается въ Белуджистанѣ, но обыкновенна въ Персіи. Въ Малой Азіи обыкновенна (Ibis, 1878, p. 26). По *Tristram* (Fauna and Flora of Palestine, p. 76), обыкновенна въ южной и центральной Палестинѣ, не встрѣчается въ долинѣ Іордана, изрѣдка встрѣчается въ Сѣверной Палестинѣ.

64 и 65.

COLAEUS MONEDULA, L., и C. COLLARIS, DRUMM.

Галка.

Синонимы: Corvus monedula, Briss.; Corv. mon. torquata, Corv. mon. candida, Corv. mon. nigra, Briss.; Corvus spermologus, Vieill.; Lycos monedula, Boie; Colaeus monedula, Kaup.; Monedula turrium, arborea, septentrionalis, C. L. Brehm; Corvus collaris, Drumm.; Lycos collaris, Bnp.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Область распространенія галки обнимаетъ собою всю Европу, сѣверо-западную Африку и западную Азію. *Colaeus collaris*, съ бѣловатымъ ошейникомъ, найдена на Балканскомъ полуо—вѣ, въ сѣверной, средней и южной Россіи вмѣстѣ съ типичной *C. monedula*, и только одна встрѣчается въ восточной Россіи.

А) Въ Европ. Россіи.

По свидѣтельству *Плеске* (Критич. обз. млекопит. и пт. Кольск. полуо—ва, стр. 271), сѣверная граница распространенія галки проходитъ черезъ г. Кемь (65° с. ш.). Тутъ она водится еще въ довольно значительномъ количествѣ, а дальше на сѣверъ не встрѣчается. По *Mela* (l. c. Tab. IV, p. 103), въ Улеаборгскую губ. только залетаетъ, въ южной Финляндіи и Кареліи обыкновенна. По *Alston & Brown* (Ibis, 1873, p. 65), *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 377) и пр. обыкновенная осѣдлая птица Архангельской, причемъ названными наблюдателями отмѣчается не только типичная *C. monedula*, но и форма съ бѣловатымъ ошейникомъ. По *Seebohm & Brown* (Ibis, 1876, p. 113), обыкновенна въ Мезенскомъ у., далѣе же на востокъ встрѣчена только одна пара въ Усть-Цильмѣ. По слухамъ, подъ Мезенью появилась только въ началѣ 70-хъ годовъ. По *Гёбелю* (Journ. f. Orn. 1873, p. 410), осѣдлая птица Пинежскаго уѣзда. Сѣверною экспедиціею (*Hoffmann-Brandt*, S. 66) добыта

въ Чердынѣ, по описанію, *C. collaris*. Весьма интересна статья о распространеніи галки на Уралѣ въ книгѣ *Сабанѣева* (Позвон. ср. Урала, стр. 60). «По всей вѣроятности, говоритъ Л. П. Сабанѣевъ, галка по Уралу не идетъ такъ далеко на сѣверъ, какъ на западъ отъ хребта, гдѣ была найдена подъ Архангельскомъ. На это указываетъ какъ то, что она не была найдена (?) Сѣверно-Уральскою экспедиціей внѣ предѣловъ Пермской губ., такъ и то обстоятельство, что она въ Богословскомъ округѣ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ и появилась, повидимому, въ относительно недавнее время. Здѣсь всюду она держится исключительно по близости заводовъ и кромѣ ихъ встрѣчается только по Сосьвѣ, все-таки у селеній; въ самомъ Уралѣ, вообще вдали отъ жилья, галки нѣтъ и она здѣсь замѣнена другимъ видомъ или точнѣе горнымъ варіэтетомъ—Corvus dauricus; даже въ Павдинскомъ заводѣ, расположенномъ ближе къ Уралу, хотя и южнѣе Богословска, Corvus monedula гораздо болѣе рѣдки, какъ говорятъ, не гнѣздятся и на зиму не остаются, такъ же какъ и на Сосьвѣ. Въ Богословскомъ заводѣ галки однако замѣчаются и въ зимнее время.

«Конечно, весьма многія широкораспространенныя птицы, какъ уже было замѣчено выше, не достигаютъ въ Уралѣ такого градуса сѣверной широты, какъ на западѣ отъ хребта, вдали отъ послѣдняго, и это обстоятельство зависитъ отъ чисто климатическихъ причинъ и болѣе южной границы распространенія лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе, я болѣе склоняюсь къ убѣжденію, что не эти причины, а малое населеніе и его отсутствіе играли весьма важную роль въ распространеніи галки, являющейся въ настоящую минуту почти такимъ же спутникомъ человѣка какъ воробей, особенно Passer montanus, который менѣе домашняго связанъ съ человѣкомъ, хотя и нуждается въ его близости. Но, что въ Пермской губ., колонизація коей началась сравнительно въ позднѣйшее время, чѣмъ въ средней и многихъ мѣстностяхъ Сѣверной Россіи, Corvus monedula вообще менѣе освоилась съ человѣкомъ, доказывается косвеннымъ образомъ, ея исключительнымъ гнѣздовьемъ въ дуплахъ деревьевъ, иногда даже въ разщелинахъ скалъ. Не только на сѣверѣ Пермской губ., но и въ южной части ея я не находилъ галичьихъ гнѣздъ подъ крышами домовъ, каменныхъ домовъ и колоколенъ, гдѣ обыкновенно вьютъ галки среднерусскихъ губ. Въ южной части Екатеринбургскаго у.

онѣ выводятъ очень часто цѣлыми колоніями, вдали отъ жилья, не только въ березовыхъ лѣсахъ, но и въ самой глуши Урала. Тутъ мы, конечно, встрѣчаемъ Corvus monedula въ болѣе естественной, т. е. первобытной обстановкѣ и видимъ ее въ меньшей зависимости отъ человѣка. Это обусловливается бо́льшимъ обиліемъ пищи, чѣмъ въ Сѣверномъ Уралѣ, и даетъ намъ нѣкоторое право предположить, что галка встрѣчалась здѣсь до водворенія человѣка, а не послѣдовала за нимъ, какъ это мы видимъ въ настоящее время.

«По всей вѣроятности однако не одни дупла служили кореннымъ гнѣздовьемъ Corvus monedula. Подобно стрижу, ... галка выводитъ иногда, но гораздо рѣже, въ разщелинахъ скалъ, хотя и не на вершинахъ уваловъ, какъ первый, а исключительно по берегамъ рѣкъ. Такое гнѣздовье — можетъ быть еще болѣе древнее, чѣмъ гнѣздовье въ дуплахъ и только впослѣдствіи замѣнившееся послѣднимъ—наводитъ на мысль, что Corvus monedula первоначально была обитательницею скалистыхъ береговъ рѣкъ или даже самыхъ скалистыхъ горъ.... Въ известняковыхъ скалахъ Крыласовской станціи, на берегахъ рѣки Бабки, а также въ другихъ мѣстностяхъ послѣдней и рѣки Сылвы, гнѣздятся очень большія колоніи настоящихъ Corvus monedula, почти ничѣмъ не отличающихся отъ Московскихъ».

Ѳ. А. Теплоуховъ приводитъ галку въ спискѣ птицъ долины р. Обвы, который онъ обязательно сообщилъ мнѣ. *Эверсманнъ* (Ест. Ист. Оренб. края, ч. III т., стр. 167) приводитъ галку обыкновенною птицею всего Оренбургскаго края. *Сьверцовъ* наблюдалъ ее обыкновенною въ губ. Самарской (in litt.).

Ѳ. Д. Плеске (in litt.) отмѣчаетъ описываемую птицу для Бирскаго у. Уфимской губ. «Въ долинѣ средняго теченія Урала и по около лежащимъ удобнымъ мѣстамъ, говоритъ *Зарудный* (Орнитолог. фауна Оренбургскаго края, стр. 132), галка очень обыкновенная птица. Она распространена также по всему Илеку, но встрѣчается здѣсь гораздо рѣже. Больше нигдѣ птица эта мнѣ не попадалась». Согласно наблюденіямъ *Сьверцова* (in litt.), галка встрѣчается по теченію рѣки Урала, внизъ отъ Уральска, по форпостамъ и хуторамъ, гдѣ распространилась вмѣстѣ съ казачьей осѣдлостью. Подъ Гурьевымъ, по наблюденіямъ *Карелина*, зимуетъ. По *Яковлеву* (Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 346), галка, сравнительно съ воронами

и грачами, рѣдкая птица въ дельтѣ Волги. Въ самомъ городѣ и по окружнымъ деревнямъ встрѣчаются очень рѣдко, а гнѣздятся и того рѣже. Во время же пролета бываютъ здѣсь огромными стаями, и Генке говоритъ, что ему случалось видѣть ихъ въ это время въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что все поле казалось чернымъ. По *Арцибашеву* (Bull. de Moscou, 1859, III., p. 54), гнѣздится въ дуплахъ деревъ по волжскимъ островамъ. Наблюденія *М. Н. Богданова* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 117) надъ распространеніемъ галки въ Поволжьѣ не могутъ почесться точными и полными, гдѣ касаются нижней Волги, и изъ нихъ можно взять только то, что въ Симбирской и Казанской губ. эта птица гнѣздится въ жилищахъ человѣка, за исключеніемъ долины Волги, гдѣ галки гнѣздятся въ трещинахъ скалъ праваго берега, и живутъ здѣсь осѣдло. По всей центральной Россіи, т. е. губ. Рязанской (*Павловъ*, Орнитолог. набл., стр. 15), Московской, Тульской, Смоленской и Орловской (*Сабанѣевъ*, *Мензбиръ*, *Лоренцъ* и др.) галка очень обыкновенная осѣдлая птица, и встрѣчается здѣсь въ двухъ видоизмѣненіяхъ; почти безъ замѣтнаго ошейника (*Col. monedula*) и съ серебристо-сѣрымъ или даже бѣловатымъ ошейникомъ (*Col. collaris*). По *Плеске* (in litt.) и *Дьякову* (in litt.), обыкновенная птица Тверской губ. По *Бихнеру* (Птицы С.-Петербургской губ., стр. 467), обыкновенная осѣдлая птица Петербургской губ. Гнѣздится почти исключительно въ каменныхъ зданіяхъ; гдѣ нѣтъ таковыхъ, гнѣздится въ колоніяхъ грачей, но все-таки въ значительно меньшемъ количествѣ. *Мевесъ* наблюдалъ ее гнѣздящеюся массами подъ крышами и между бревнами въ деревняхъ Шлиссельбургскаго и Новоладожскаго уѣздовъ. Тотъ же наблюдатель говоритъ, что встрѣчалъ галку очень часто во все время пути отъ Петербурга до Архангельска (Ornis, 1886, p. 236). Къ югу отъ Петербургской губ. галка приводится *В. Л. Біанки* (in litt.) для ст. Ушаковъ Новгородской губ. (на границѣ съ Петербургской), *Петровымъ* (Мат. для списка птицъ Новгородской губ. стр. 10) для области Ильменя, *Эсауловымъ* (l. c. p. 232) для Торопецкаго и Холмскаго уу. Псковской губ. По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, S. 56), обыкновенна въ Остзейскомъ краѣ, гдѣ въ мартѣ и октябрѣ, вмѣтѣ съ грачами, пролетаютъ галки съ сѣвера; гнѣздящіяся же въ краѣ галки осѣдлы. По *Тачановскому* (Ornis, 1888, p. 473), въ Польшѣ всюду обыкно-

венна, но гнѣздится колоніями рѣдко разбросанными въ разныхъ мѣстахъ страны. Очень многочисленна зимою въ Варшавѣ, но гнѣздится только въ небольшомъ числѣ въ ея окрестностяхъ. Гораздо чаще гнѣздится въ скалистыхъ мѣстностяхъ Кельценской губ. гдѣ болѣе или менѣе многочисленныя колоніи галки ежегодно занимаютъ всѣ развалины замковъ. Въ другихъ мѣстахъ галка гнѣздится въ рощахъ, гдѣ есть старыя деревья, въ особенности Новоградскихъ, (Плоцкая губ.) и въ нѣкоторыхъ рощахъ Сѣдлецкой губ. Въ губ. Подольской, Волынской, Черниговской, Кіевской и Полтавской галка встрѣчается во множествѣ (*Кесслеръ*, Ест. Ист. губ. Кіев. учебн. Окр., вып. 2-ой, стр. 102). По свидѣтельству *Н. Н. Сомова* (in litt.), въ Харьковской губ. *Col. monedula* очень обыкновенная осѣдлая птица, *Col. collaris* сравнительно рѣдкая осѣдлая. По *Сьверцову* (Періодич. явленія, экз. исправл. автор., стр. 20), въ Воронежской губ. обыкновенна *C. collaris*. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 120), распространена во всей южной Россіи. Подъ Одессой Нордманнъ добылъ нѣсколько экземпляровъ съ бѣлымъ ошейникомъ. Въ Крыму, по Шатилову (Каталогъ орнитологич. собр., стр. 89) и *Радде* (Bull. de Moscou 1854, p. 146; Journ. f. Ornith. 1854, p. 62) въ сѣверной части Таврическаго полуострова галки осѣлы и представлены формой съ бѣлымъ ошейникомъ. *Irby* (l. c. p. 5358), *Blakistone* (Zoologist. 1857, p. 5514) и *Carte* (l. c. p. 271) отмѣчаютъ галку для различныхъ мѣстъ южной части Крыма.

По *Динникy* (l. c. стр. 331), на сѣверномъ Кавказѣ встрѣчается повсемѣстно, за исключеніемъ однако высокихъ горъ. Живетъ здѣсь круглый годъ и размножается въ огромномъ количествѣ. Въ Закавказьи лѣтомъ Динникъ этой птицы не встрѣчалъ. По *Радде* (Ornis caucasica, p. 127), лѣтомъ въ Закавказьѣ очень рѣдка. Зимою бываетъ только въ суровые годы, и то не надолго.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

Въ Норвегіи, по свидѣтельству *Collet* (*Dresser*, Birds of Europe, IV, 525; *Collet*, Norges Fugle, p. 139; Ornith. of North. Norway, p. 213), какъ гнѣздящаяся птица поднимается къ сѣверу до 64° с. ш.; въ южныхъ частяхъ страны встрѣчается только на пролетѣ; прилe-

таетъ въ февралѣ или началѣ мартѣ нов. ст., улетаетъ въ октябрѣ или ноябрѣ. Въ Швеціи (*Wallengren*, Naumannia, 1854, S. 121) на гнѣздовьи доходитъ до 64° с. ш. только въ прибрежной области, внутри страны сѣверная граница гнѣздовья галки лежитъ южнѣе. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Швеціи зимуетъ.

Въ Даніи осѣдла, но въ очень суровыя зимы отлетаетъ.

Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ мѣстами очень обыкновенна, мѣстами рѣдка; весною и осенью стада этой птицы видимы повсемѣстно, зимою не встрѣчается (*Rohweder*, Vögel Schleswig-Holstein's, S. 10).

Въ Германіи лѣтняя птица восточныхъ, осѣдлая западныхъ провинцій. Весною иногда наблюдаются огромныя стада, вѣроятно пролетныя далѣе къ сѣверу (*Borggreve*, Vogel-Fauna v. Norddeutschl., S. 81).

Въ Австро-Венгріи, по свидѣтельству *A. Fritch* (Wirbelthiere Böhmens, S. 61), обыкновенна въ Богеміи, по *Дидюшецкому* (Museum in Lemberg, S. 36), обыкновенна круглый годъ въ Галиціи; спорадически гнѣздящаяся, но обыкновенная птица собственно Австріи (Ornis vindobonensis, S. 74). По *Madarasz* (Zeitschr. f. die Gesammte Ornithol. I, p. 113), обыкновенная птица всей Венгріи. По *Tschusi* (Vögel Salzburg's, S. 50), обыкновенна въ Зальцбургѣ. Въ западной части Швейцаріи эта птица встрѣчалась мнѣ повсемѣстно.

Въ Голландіи (fide *Dresser*, B. of Eur. IV, p. 525) и Бельгія (*Dubois*, l. c. p. 89) очень обыкновенна.

На Британскихъ о—вахъ осѣдла всюду, кромѣ наиболѣе отдаленныхъ, сѣверныхъ о—въ (List of Brit. Birds, p. 69). Вѣроятно съ Британскихъ о—въ и изъ Норвегіи залетаетъ на Исландію и Фарёрскіе о—ва.

Осѣдлая птица во многихъ мѣстностяхъ Франціи; на югѣ рѣдка и спорадична (*Degland & Gerbe*, I, p. 203).

Въ Испаніи спорадически распространенная птица; мѣстами очень обыкновенна, мѣстами совсѣмъ не встрѣчается (*Saunders*, l. c. p. 221). Если галка и встрѣчается на европейскомъ берегу Гибралтарскаго пролива, то только изрѣдка, и въ немногихъ мѣстахъ (*Irby*, Ornith. of Gibraltar, p. 128). Въ Португаліи рѣдка (Ibis, 1887, p. 201).

Спорадически распространенная, мѣстами очень обыкновенная птица Италіи. Въ Сициліи, Сардиніи и на Мальтѣ обыкновенна (*Salvadori*, Uccelli d'Italia p. 174; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 13).

На Балканскомъ полуостровѣ галка очень обыкновенна въ Болгаріи (Journ. f. Ornith. 1859, S. 384) и Македоніи, гдѣ Drummond-Hay впервые отличилъ Corvus collaris отъ обыкновенной C. monedula (*Elwes & Buckley*, p. 190). Въ Греціи обыкновенна C. monedula, гнѣздящаяся не только въ сѣверной части страны, но и на самыхъ южныхъ островахъ (*Lindermayer*, l. c. S. 70), и совсѣмъ не встрѣчается C. collaris.

Въ **Африкѣ**:

Въ сѣверо-западной Африкѣ галка встрѣчается только въ Алжирѣ, но здѣсь очень обыкновенна къ югу до границъ пустыни (*Loche*, *Tristram*). Иногда бури заносятъ эту птицу даже на Канарскіе о-ва (*Bolle*, Journ. f. Ornith. 1854, S. 451).

Что касается сѣверо-восточной Африки, то *Shelley* совсѣмъ не нашелъ галку въ Египтѣ, *Heuglin* замѣчаетъ, что если она здѣсь и встрѣчается, то только въ качествѣ залетной птицы.

Въ **Азіи**:

Гнѣздящаяся птица Малой Азіи (*Danford*, Ibis, 1878, p. 26), гдѣ многочисленна на зимовкѣ (fide *Krüper*).

По *Tristram* (Fauna & Flora of Palestine, p. 75) мѣстами очень обыкновенная птица Палестины. Въ долинѣ Іордана и въ Гилеадѣ мѣсто C. monedula занимаетъ C. collaris.

Въ Арменіи галка еще обыкновенна и, по *De Filippi*, изрѣдка встрѣчается еще въ Персіи. *Blanford* не нашелъ этой птицы въ южной Персіи, но очень возможно, что она встрѣчается изрѣдка въ сѣверо-западной части страны. *Н. А. Зарудный* не упоминаетъ о галкѣ въ своихъ запискахъ о птицахъ сѣверной Персіи (не упоминаетъ ея и Никольскій) и Ахалъ-Теке, но говоритъ, что она во множествѣ гнѣздится въ развалинахъ древняго Мерва и въ трещинахъ и норахъ крутыхъ глинистыхъ береговъ Атрека между Чатомъ и Яглы-Олумомъ, на Сумбарѣ и нижнемъ Чандырѣ. По *Богданову* (Очерки хивинскаго оазиса, стр. 83), въ Арало-Каспійской низинѣ въ области Аму-Дарьи встрѣчается, спорадически, въ дельтѣ у Кунграда и въ среднемъ теченіи Аму-Дарьи, по береговымъ скаламъ.

Въ остальныхъ мѣстахъ Хивинскаго оазиса и въ пустынѣ не гнѣздится. На Памирѣ не найдена, но въ Кашмирѣ обыкновенная гнѣздящаяся птица, зимою въ большомъ числѣ посѣщаетъ Пенджабъ, (*Henderson & Hume*, Lahore to Yarkand, p. 239). Въ Туркестанскомъ краѣ всюду обыкновенна, гнѣздится въ нижнемъ и среднемъ поясѣ горъ, какъ случайная залетная птица появляется лѣтомъ и на большихъ высотахъ (Journ. f. Orn. 1875, S. 171). По свидѣтельству *С. Н. Алфераки* (in litt.), C. collaris. въ Семирѣчьи обыкновенна; очень многочисленна и въ самой Кульджѣ. Вмѣстѣ съ этой галкой попадались нерѣдко, но всегда по одному экземпляру, не болѣе, въ стаѣ и *C. dauricus*, которая здѣсь достигаетъ западной границы сплошной области своего распространенія и образуетъ помѣси съ обыкновенной галкой. Восточная граница распространенія C. collaris лежитъ въ окрестностяхъ Красноярска; къ сѣверу эта птица не доходитъ до Енисейска; между Красноярскомъ и Томскомъ рѣдка; отъ Томска на западъ очень обыкновенна во всей западной Сибири; въ сибирскихъ степяхъ распространена спорадически (*Seebohm*, On the Ornith. of Siberia, p. 332; *Finsch*, Reise n. W.-Sib., S. 195—197).

Показанія нѣкоторыхъ старинныхъ авторовъ, будто обыкновенная галка встрѣчается въ восточной Сибири объясняется тѣмъ, что многіе не отдѣляли ея прежде отъ C. dauricus.

66.

CORVUS DAURICUS.

Даурская галка.

О распространеніи этого вида въ Европ. Россіи мы находимъ только у *Л. П. Сабанѣева*. «Переходя къ этому виду, говоритъ онъ (Позвоночныя средн. Урала, стр. 62), я долженъ сказать прежде всего, что распространеніе его по Уралу ограничивается, повидимому, главнымъ хребтомъ; но и здѣсь онъ является спорадически и въ небольшомъ количествѣ. Я встрѣчалъ *Corvus dauricus* и находилъ ея яица, весьма отличающіяся малымъ количествомъ и даже почти полнымъ отсутствіемъ пятенъ, только въ Каслинскомъ Уралѣ и еще встрѣтилъ разъ на безлѣсной вершинѣ Павдинскаго камня. Встрѣчается

ли онъ въ Богословской дачѣ мнѣ неизвѣстно, но это весьма возможно.

«Слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ различія въ цвѣтѣ яицъ, по моимъ наблюденіямъ, прибавляетъ г. Сабанѣевъ, настоящая *Corvus dauricus* отличается отъ обыкновенной крайнею осторожностью и тѣмъ, что кричитъ очень рѣдко. При видѣ человѣка *C. dauricus* б. ч. улетаетъ и я еще ни разу не слышалъ ея голоса. Она не кричитъ даже, когда раззоряютъ ея гнѣздо».

При склонности вороновыхъ птицъ къ спорадичному распространенію, нѣтъ ничего невозможнаго, что колонія даурской галки поселилась на Уралѣ. Но въ коллекціи Л. П. Сабанѣева экземпляровъ этой птицы не было, позднѣе мнѣ не удалось ни отъ кого получить экземпляра этой птицы съ Урала и въ бытность мою въ Пермской губ. я не могъ ни отъ кого узнать хоть что-либо о *бѣлобрюхой* галкѣ. Наконецъ, странно, что Л. П. Сабанѣевъ, говоря объ отличіи *настоящей* (а какая же есть еще?) *C. dauricus*, упоминаетъ цвѣтъ яицъ и біологическія черты и совсѣмъ умалчиваетъ о бѣломъ ошейникѣ, бѣломъ исподѣ тѣла и карихъ глазахъ даурской галки. Не были ли приняты этимъ наблюдателемъ за *C. dauricus* нѣкоторыя горныя особи *C. collaris*, которыя могутъ имѣть и нѣсколько иначе окрашенныя яйца и иныя привычки, подобно тому какъ принялъ онъ нѣкоторыя особи обыкновеннаго глухаря за восточно-сибирскаго *Tetrao urogalloides* и внесъ послѣдняго въ число птицъ Урала?

Даурская галка представляетъ собою типичную птицу восточной Сибири, сплошная область распространенія которой доходитъ къ западу до Кульджинскаго района.

67.

FRUGILEGUS SEGETUM.

Грачъ.

Синонимы: Corvus cornix frugilega, Briss.; Corvus frugilegus, L.; Corvus agrorum, granorum, advena, Chr. L. Brehm; Frugilegus frugilegus, Gray.

станція:

лиственныя рощи и сады для гнѣздовья, откуда слетаетъ кормиться на прилежащія пашни.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Область распространенія грача охватываетъ всю Европу, спорадично сѣверное побережье Африки и въ Азіи западную Сибирь, Туркестанъ и юго-западную Азію на востокъ до Индіи. Въ Туркестанскомъ краѣ нашъ обыкновенный грачъ сталкивается съ *Frugil. pastinator*, *Sw.*, который представляетъ его восточную форму, отличающуюся отъ типичной пурпуровымъ отливомъ головы и шеи и тѣмъ, что пространство у основанія нижней челюсти остается всегда опереннымъ. Въ Сиріи и Палестинѣ обыкновеннаго грача замѣняетъ *Frug. agricola*, *Tristr.*

А) Въ Европ. Россіи.

Въ Русской Лапландіи грачъ не гнѣздится, но какъ залетная птица доходитъ къ сѣверу до Варангова фіорда (*Mela*, l. c. Tab. IV); на Мурманскомъ берегу и на Рыбачьемъ полуостровѣ не встрѣчается (*А. Никольскій*, Тр. Спб. Общ. Естествоиспыт. Т. XVI, вып. 1, стр. 349). Въ Финляндіи эта птица страннымъ образомъ появляется большими и малыми стадами въ южной части страны весною и рѣже осенью; зимою 1870—71 г. была многочисленна въ южной и центральной Финляндіи и доходила къ сѣверу до Каяны и Улеаборга; въ іюнѣ 1867 г. была убита на Пудасъ-ярвѣ подъ 65½ с. ш., но не смотря на такую повсемѣстность грача неизвѣстно, гнѣздится ли онъ хоть гдѣ-нибудь въ Финляндіи (*Nordmann*. Bull. de Moscou, 1860, № 1, p. 22; *Dresser*, Birds of Europe, IV, p. 552). *Зибомъ* называетъ грача обыкновенною лѣтнею птицей для Архангельска (Ibis, 1882, Birds of Archangel, p. 378), но съ этимъ расходятся показанія *Лильеборга* (Naumannia, 1852, p. 103) и *А. Никольскаго* (v. supra). *Alston & Brown* утверждаютъ, что грачъ обыкновененъ подъ Холмогорами (Ibis, 1873, p. 65). *Гёбель* совсѣмъ не упоминаетъ грача по личнымъ наблюденіямъ въ Архангельской и Вологодской губ. (Journ. f. Ornith. 1871, S. 20 и 1873, S. 419), но говоритъ, что въ Архангельскомъ музеѣ имѣются яйца этой птицы (l. c. p. 420). *Кесслеръ* не приводитъ грача въ своихъ матеріалахъ къ познанію Обонежья. *Мевесъ* упоминаетъ грача только изъ окрестностей Петербурга (Ornis, 1886, p. 236). *Межаковъ* (Bull.

de Moscou, 1856, № 4, p. 631) говоритъ, что грачъ прилетаетъ въ Вологодскую губ. въ мартѣ и остается до сентября; въ 1852 г. наблюдался еще 19 ноября. Изъ всего этого слѣдуетъ, что гнѣздованье грача въ средней части сѣверной Россіи совершенно спорадично. Относительно сѣв.-вост. Россіи наши свѣдѣнія очень неполны. *Зибомъ и Броунъ* добыли одинъ экземпляръ подъ Усть-Цыльмой (Ibis, 1876, p. 113). Уральская экспедиція *Гофмана* не сообщила никакихъ свѣдѣній о распространеніи грача въ области верхней Печоры. *Θ. А. Теплоуховъ* приводитъ грача въ спискѣ птицъ, наблюдавшихся имъ въ долинѣ р. Обвы (in litt.). О распространеніи грача въ Пермской губ. *Л. П. Сабанѣевъ* говоритъ слѣдующее (Позвоночн. Средн. Урала, стр. 64): «По распросамъ, грачей еще вовсе нѣтъ въ Павдинской дачѣ и на Сосьвѣ, но въ окрестностяхъ Богословска и Петропавловска они появились нѣсколько лѣтъ назадъ (относительно 1874 г.) въ весьма незначительномъ количествѣ, вѣроятно только на весеннемъ пролетѣ, такъ какъ никто не видѣлъ ихъ гнѣздящимися, что, принимая въ соображеніе ихъ общественность и обыкновенную близость гнѣздовьевъ отъ человѣческаго жилья, было бы весьма странно. Повидимому грачъ принадлежитъ здѣсь къ такимъ же залетнымъ птицамъ, какъ и подъ Архангельскомъ. Настоящее мѣстопребываніе грача—южная часть Пермской губ....» Достовѣрныя гнѣздовья его на восточномъ склонѣ начинаются только съ 57° с. ш. «Къ югу отъ Екатеринбурга грачъ появляется въ очень большомъ количествѣ и весьма многочисленными колоніями, но распространеніе его весьма спорадично и ограничивается только болѣе удаленными западными предгоріями, и въ особенности полосою лиственныхъ лѣсовъ и уцѣлѣвшими рощами Шадринскаго уѣзда—на восточномъ склонѣ. Въ самомъ Уралѣ, вообще въ сплошныхъ хвойныхъ лѣсахъ, грачъ вовсе не гнѣздится; короче—онъ появляется только съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ земледѣліе ведется уже въ большихъ размѣрахъ. Громадныя колоніи грачей встрѣчаются у многихъ Башкирскихъ деревень Екатеринбургскаго и Шадринскаго у. Весьма замѣчательно, что грачи иногда (каждый годъ?) положительно зимуютъ въ густыхъ непроходимыхъ ельникахъ юго-западнаго склона, и притомъ не въ одиночку, а въ значительномъ количествѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ ельникахъ нерѣдко встрѣчаются зимой весьма многіе виды птицъ, обыкновенно отлетающіе на югъ и не-

замѣчаемые на восточномъ склонѣ. Впрочемъ, въ началѣ зимы я видѣлъ одного грача и въ Булатовскомъ лѣсу, ближайшемъ къ дачѣ Кыштымскихъ заводовъ». По свидѣтельству *Θ. Д. Плеске* (in litt.), обыкновенная гнѣздящаяся птица Бирскаго у. Уфимской губ. О распространеніи грача въ Оренбургской губ. *Н. А. Зарудный* (Орнитол. ф. Оренб. края, стр. 136) говоритъ слѣдующее: «Грачъ въ нашей странѣ принадлежитъ къ обыкновеннымъ птицамъ. Онъ встрѣчается въ долинѣ средняго теченія Урала и всюду въ Киргизскихъ степяхъ по кара-агачамъ. Любимыя мѣста его гнѣздованія составляютъ тѣнистыя, не слишкомъ высокоствольныя рощи, растущія по сырымъ мѣстностямъ. Сплошныхъ высокоствольныхъ лѣсовъ и возвышенныхъ мѣстъ онъ не любитъ. Около городовъ и деревень, гдѣ не разъ грачи терпѣли различныя непріятности со стороны человѣка, они селятся, напротивъ, по возможности на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Какъ исключеніе найдено было мною грачиное поселеніе въ густыхъ талахъ на Улу-Хобдѣ, невдалекѣ отъ устьевъ рѣчки Сау-Каинъ. Подъ Оренбургомъ грачи почти постоянно показываются въ различныя числа послѣдней трети февраля, но валовой пролетъ не ранѣе конца первой трети марта.... Главный пролетъ грачей подъ Оренбургомъ въ теченіи всего сентября. Въ октябрѣ они уже попадаются несравненно рѣже. Въ теплыя зимы случается, что нѣсколько грачей остаются подъ Оренбургомъ до самой весны». По *Карелину* (fide *Сѣверцовъ*), зимуетъ въ Гурьевѣ. *П. С. Назаровъ* (Rech. zool. p. 31) указываетъ, что грачъ гнѣздится въ области островныхъ лѣсовъ Киргизскихъ степей и залетаетъ отсюда (за кормомъ) въ ковыльныя степи. По *Хлѣбникову* (Списокъ птицъ Астраханской губ., стр. 14) гнѣздующая, пролетная и зимующая птица Астраханской губ. По *Яковлеву* (Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 346), въ Астраханской губ. встрѣчается во множествѣ по всѣмъ степямъ, за исключеніемъ голыхъ песковъ; на зиму иногда отлетаютъ, но не всѣ и, повидимому, недалеко, п. ч. появляются снова весьма рано весною. *Арцибашевъ* (l. c., p. 54) говоритъ, что грачъ обыкновененъ около Сарепты, но не заходитъ далеко въ степи; держится преимущественно береговъ Волги, гдѣ гнѣздится на деревьяхъ (см. также *Seebohm & Henke*, Ibis, 1882, p. 219). «Грачъ, какъ и сѣрая ворона, одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ въ Поволжьѣ, говоритъ *М. Н. Богдановъ*. Онъ не водится только среди большихъ лѣ-

совъ. Для гнѣздовья грачъ выбираетъ обыкновенно высокія деревья рѣчной уремы; но гнѣздится также въ садахъ селъ и городовъ. По долинѣ Волги онъ идетъ до взморья. Въ Казанской и Симбирской губ. грачъ нормально не зимуетъ. Зима 69/70 г. была въ этомъ случаѣ исключеніемъ; одного грача всю зиму видѣли въ Казани, а въ одномъ селѣ Свіяжскаго у. зимовала цѣлая стайка грачей. Прилетъ начался тоже черезъ чуръ рано, въ концѣ января. Нормально грачъ является подъ Казанью въ началѣ марта. Въ Саратовской губ. грачи зимуютъ нерѣдко; а въ Астрахани это осѣдлая птица.... Отлетаютъ грачи изъ Казанской губ. въ концѣ сентября и въ первой половинѣ октября». (Пт. и зв. Пов., стр. 117).). Замѣтка *Эверсманна* о распространеніи грача въ Оренбургскомъ краѣ только пополняетъ сказанное о характерѣ распространенія этой птицы. «Грачъ повсюду обыкновененъ и попадается въ большомъ числѣ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, особливо въ степяхъ, говоритъ *Эверсманнъ* (Ест. Ист. Оренб. кр., III, стр. 165). Количество грачей, бывающихъ въ плодоносныхъ степяхъ, гдѣ трава, а слѣдовательно и насѣкомыя, не такъ скоро пропадаютъ отъ лѣтняго зноя, превышаетъ всякое вѣроятіе».

Въ Рязанской губ. грачъ появляется обыкновенно въ первой половинѣ марта и отлетаетъ въ концѣ сентября, иногда остается почти весь октябрь; при долгихъ оттепеляхъ нерѣдкость видѣть его и зимою (*Павловъ*, Орнитолог. набл. стр. 15). Въ подмосковныхъ губ. (Московская, Тульская, Калужская, Смоленская) грачъ весьма обыкновененъ и селится иногда громадными колоніями по березовымъ рощамъ, а особенно по липовымъ аллеямъ въ старыхъ запущенныхъ садахъ. Отдѣльныя особи встрѣчаются изрѣдка и зимою. *Даниловъ* говоритъ, что въ Орловской губ. грачи часто остаются на зиму (Bull. de Moscou, 1864, p. 459). Въ Тверской губ. прилетаетъ въ началѣ марта и улетаетъ въ концѣ октября; обыкновененъ (*А. Н. Дьяковъ*, О птицахъ Тверской губ. стр. 96, in litt.; также *Плеске* in litt. о Вышневолоцкомъ у. и Бianки in litt. о заволжской части Старицкаго у.). Въ Новгородской спорадиченъ; о Боровичскомъ у. *В. А. Хлѣбниковъ* сообщаетъ слѣдующее: «придерживается наиболѣе открытыхъ мѣстъ, но и здѣсь встрѣчается въ небольшомъ количествѣ. Немногихъ мѣстностей крестьяне знаютъ эту птицу. Такъ, грачъ извѣстенъ около Кобожскаго озера, гнѣздуетъ въ небольшомъ

количествѣ около с. Левочи и, говорятъ, въ Крестцахъ». (Матер. къ фаунѣ позвоночн. Борович. у. Новгор. губ., стр. 17). По *Петрову* (Матер. для списка птицъ Новгор. губ. Обл. Ильменя, стр. 11), масса гнѣздъ грачей въ рощахъ Антоніева монастыря и Юрьевскаго скита. По *Эсаулову* (Списокъ позвоночн. стр. 232), въ Торопецкомъ и Холмскомъ уу. Псковской губ. грачъ гнѣздится большими обществами. «Распространеніе грача въ Петербургской губ. еще очень мало изслѣдовано, говоритъ *Е. А. Бихнеръ* (Птицы С.-Петерб. губ., стр. 469); вопросъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія будущихъ наблюдателей. Въ окрестностяхъ Петербурга, главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ по Царскосельской и Балтійской ж. д. также какъ и въ самомъ Петербургѣ, грачъ встрѣчается въ огромномъ количествѣ. По Финляндской ж. д. я видѣлъ стаи грачей въ іюлѣ мѣсяцѣ, только на поляхъ у станціи Парголово. Всѣ наблюдатели, за исключеніемъ Порчинскаго и Фишера (указаній которыхъ мы не признаемъ, вслѣдствіе ихъ неточности) приводятъ грача только для вышеупомянутыхъ мѣстностей. Исключеніе составляетъ нахожденіе большой колоніи грачей въ березовомъ лѣсу около имѣнія Пустой Бродъ, близъ озера Врево въ Лужскомъ уѣздѣ. Я лично, въ продолженіи многихъ лѣтъ, ни разу не встрѣтилъ грача въ посѣщенныхъ мною частяхъ Лужскаго и Гдовскаго уѣздовъ.

«Мѣстомъ гнѣздовья грачъ избираетъ обыкновенно сады и парки. Бихнеръ и Плеске приводятъ слѣдующія мѣста: въ Юсуповомъ саду, въ садахъ Михайловскаго дворца и Александровскаго лицея, въ С.-Петербургѣ; близъ Стараго и Новаго Петергофа въ большомъ количествѣ, въ Англійскомъ и Александровскомъ паркахъ; большая колонія находится въ Павловскомъ паркѣ; по сообщенію В. Л. Біанки, большая колонія въ березовомъ насажденіи Медико-хирургической Академіи, на Старовѣрческомъ кладбищѣ, по Лиговкѣ, около Варшавской ж. д.; на Петровскомъ островѣ противъ пивоваренаго завода Баварія; въ паркѣ въ окрестностяхъ Автовой дер.; Геймбюргеръ (d. com.) посѣтилъ колонію изъ 500 гнѣздъ близъ Шунгарова въ окрестностяхъ Краснаго Села и кромѣ того колонія находится на православномъ Смоленскомъ кладбищѣ. Наконецъ, въ Кронштадтѣ на кладбищѣ гнѣздится колонія изъ пятидесяти паръ. Грачъ прилетаетъ рѣдко въ концѣ февраля, обыкновенно же въ первой половинѣ марта. Вскорѣ послѣ прибытія грачи приступаютъ къ гнѣз-

дованью, такъ что уже въ первой половинѣ апрѣля въ гнѣздахъ находятъ полную кладку. Все лѣто и осенью грачъ держится большими стаями на поляхъ. Геймбюргеръ наблюдалъ грача не позже 5. X. (въ 1867 году). Кайгородовъ полагаетъ, что онъ насъ покидаетъ въ концѣ октября». По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, S. 55), грачъ въ Эстляндіи встрѣчается гораздо чаще, нежели въ Лифляндіи, особенно на гнѣздовьѣ; и тамъ и здѣсь извѣстно нѣсколько гнѣздовыхъ колоній. Подъ Дерптомъ обыкновененъ на пролетѣ. Нѣкоторыя особи перезимовываютъ; зимою 70/71 г. подъ Дерптомъ оставалось большое стадо. По свидѣтельству *Гёбеля* (Journ. f. Ornith. 1873, S. 8), въ Курляндіи гнѣздится только въ немногихъ мѣстахъ. О распространеніи грача въ Польшѣ *В. К. Тачановскій* говоритъ слѣдующее (Ornis, 1888, p. 472): «Осѣдлая и очень обыкновенная птица, но гнѣздится въ очень немногихъ мѣстностяхъ; окрестности Варшавы всего болѣе заселены колоніями грачей и въ особенности паркъ Лясинскаго, находящійся въ самомъ городѣ, Виланивскій паркъ и группа высокихъ деревьевъ въ Щопы и два маленькіе ольховые лѣса въ Бѣлявѣ въ 15 верстахъ къ югу отъ города; лѣтъ двадцать тому назадъ они гнѣздились также въ небольшомъ Черницкомъ лѣсу, въ 14 верстахъ отъ города Пшашницъ, но я не знаю, продолжается ли ихъ гнѣздовье тамъ по сію пору. Они гнѣздятся также въ большомъ количествѣ въ большихъ Скемпенскихъ лѣсахъ. Вообще колоніи грачей легко оставляютъ свои жилища вслѣдствіе преслѣдованія или другой какой-либо причины, и основываются въ другихъ мѣстахъ; но они имѣютъ обыкновеніе возвращаться на свое старое жилище какъ только обстоятельства измѣняются. Въ Варшавѣ они зимуютъ въ большомъ количествѣ». Въ Подольской губ. грачъ очень обыкновененъ (Bulletin de Moscou, 1859, 1, p. 27). По свидѣтельству *Кесслера* (Ест. Ист. губ. Кіев. учебн. окр., Птицы вороб., стр. 106), въ губ. Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской грачъ встрѣчается въ значительномъ числѣ, но не вездѣ, а въ извѣстныхъ только мѣстностяхъ. Въ южныхъ частяхъ этихъ губерній онъ остается и зимовать; по крайней мѣрѣ въ южныхъ уѣздахъ Полтавской губ. онъ остается даже въ самыя суровыя зимы. *Шевелевъ* отмѣчаетъ, что въ Черниговскую губ. грачи прилетаютъ въ половинѣ февраля и улетаютъ отсюда въ концѣ октября (l. c. стр. 6). *Гёбель* говоритъ,

что грачъ гнѣздится, но не часто, въ Уманьскомъ у., зимою же здѣсь обыкновененъ, т. к. сюда прилетаютъ на зимовку болѣе сѣверныя особи (Vögel Kreis. Uman, S. 70). Въ декабрѣ 1878 г. я видѣлъ грачей подъ Курскомъ; снѣга было мало и поля сильно чернѣли. *Н. Н. Сомовъ* говоритъ, что въ Харьковской губ. грачъ очень обыкновенная лѣтняя гнѣздящаяся птица и пролетная; рѣже осѣдлая (in litt.). Обыкновенная птица Воронежской губ.; зимовать остается только при тепломъ ноябрѣ (*Съверцовъ*, Період. явленія, стр. 20 и 264). О распространеніи грача въ степяхъ новороссійскихъ *Нордманнъ* говоритъ слѣдующее. (Faune pontique, p. 121): «тысячами населяетъ берега нашихъ большихъ рѣкъ, между прочимъ Ингула, близь Николаева.... Очень обыкновененъ въ Крыму, близь Симферополя, гдѣ эти птицы гнѣздятся на ветлахъ, обрамляющихъ берега Салгира. Этотъ видъ оставляетъ нашъ край только въ очень суровыя зимы и возвращается послѣ кратковременнаго отсутствія, начиная съ февраля, къ своимъ старымъ гнѣздамъ«. По *Радде* (Journ. f. Ornith. 1854, S. 62), въ Бессарабіи обыкновененъ. О распространеніи грача въ Крыму можно съ увѣренностью сказать, что онъ гнѣздится по рощамъ степной части полуо—ва, въ горахъ же и на южномъ берегу не встрѣчается. *Калениченко* (l. c., p. 216) отмѣчаетъ какъ мѣстонахожденія Карасубазаръ, Бахчисарай и др. *Irby* встрѣчалъ грача изрѣдка подъ Севастополемъ, въ сторонѣ къ Алуштѣ (l. c. p. 5358). По *Шатилову* (Каталогъ Орнитолог. собр., стр. 89), грачъ осѣдлая птица Крыма, отлетающая только въ суровыя зимы. *Радде* страннымъ образомъ говоритъ въ одномъ спискѣ птицъ Крыма (Journ. f. Ornith. 1854, S. 62), что грачъ въ Крыму рѣдокъ и въ другомъ, изданномъ въ томъ же году (Bull. de Moscou, 1854, № 3, p. 144), что грачъ въ Крыму очень обыкновененъ.

О распространеніи грача на Кавказѣ мы знаемъ слѣдующее. *Динникъ* (l. c., стр. 330) говоритъ, что на сѣверномъ Кавказѣ грачи и сороки «встрѣчаются повсюду, избѣгая только большихъ высотъ. Послѣднее въ особенности относится къ грачу, который въ предгорьяхъ сѣвернаго Кавказа, даже на высотахъ отъ 2000 до 3000 футовъ, почти не живетъ; на плоскогорьяхъ же, удаленныхъ отъ большихъ горъ, онъ встрѣчается и на 2000 ф., какъ напр. въ Ставрополѣ. Гнѣздится на высокихъ деревьяхъ внутри городовъ, станицъ или рощахъ, около хуторовъ.... Лѣтомъ и зимой собираются

грачи въ огромныя стаи, къ нимъ присоединяются вороны и галки». *М. Н. Богдановъ* (Птицы Кавказа, стр. 54) говоритъ, что область гнѣздованія грача на Кавказѣ ограничивается рѣчными бассейнами кавказскихъ равнинъ, гдѣ эта птица весьма обыкновенна и живетъ осѣдло. Въ горахъ положительно не встрѣчается. *Лоренцъ* (Beitrag zur Ornithol. Fauna d. Kaukasus, S. 7) наблюдалъ грача позднею осенью въ Кубанской степи по Лабѣ; въ маѣ подъ Пятигорскомъ, но не замѣчалъ подъ Кисловодскомъ. *Радде* говоритъ, что грачъ въ извѣстное время встрѣчается во многихъ мѣстахъ Закавказья. Въ мартѣ ежегодно бываетъ подъ Тифлисомъ, въ мартѣ же наблюдался на пути черезъ Нуху къ Шемахѣ. Въ долинѣ Куры и подъ Ленкоранью зимуетъ (Ornis caucasica, p. 125).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

На Скандинавскомъ полуо—вѣ грачъ гнѣздится въ южной Норвегіи, обыкновенно въ небольшомъ числѣ, но отъ времени до времени большими колоніями; нѣкоторыя стада зимуютъ въ прибрежной области и внутри страны, но послѣднее бываетъ рѣдко. Въ 1870—71 г. многочисленныя стада зимовали въ области Дронтгеймъ-Фіорда. Но обыкновенно грачъ является перелетною птицею въ Норвегіи, прилетая съ февраля по апрѣль и оставаясь до октября, ноября. Къ сѣверу прослѣженъ до 66° с. ш. (осенью). (*Collet*, Norges Fugle, p. 140; Remarks, p. 214). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 120), въ Швеціи сѣверная граница гнѣздовья грача лежитъ между 59 и 60° с. ш., и если иногда птица и переходитъ за эту границу, то это бываетъ очень рѣдко. Напротивъ, зимою доходитъ до Лапландіи.

Въ Даніи лѣтняя птица, прилетающая въ февралѣ или мартѣ, и улетающая на югъ большими стадами въ октябрѣ и ноябрѣ (*Kjaerbölling*, Danmarks Fugle, p. 94). Въ Шлезвигѣ обыкновененъ съ марта по ноябрь (*Rohweder*, l. c. p. 11).

Въ Германіи, по *Borggreve* (l. c. p. 83), повсемѣстно (за исключеніемъ горныхъ областей) распространенная, отчасти перелетная птица. Въ западной части страны, особенно въ области нижняго Рейна, встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ Голландіи грачъ встрѣчается не особенно часто (*Labouchere* fide *Dresser*, T. IV, p. 553). Въ Бельгіи обыкновенная отчасти осѣдлая, отчасти пролетная птица (*Dubois*, l. c. p. 89). Въ Люксенбургѣ только зимуетъ (*De La Fontaine*, Faune du pays de Luxembourg, p. 137).

На Британскихъ о—вахъ осѣдлая и только мѣстами перелетная птица; на крайнемъ сѣверѣ встрѣчается рѣже; только залетаетъ на большинство Шотландскихъ о—въ (Catalogue British Birds, p. 70).

Во Франціи обыкновенная гнѣздящаяся птица въ сѣверныхъ провинціяхъ, только зимою бываетъ на югѣ.

Въ Португалію прилетаетъ осенью и остается всю зиму (Ibis, 1887, p. 201).

Въ Испаніи пролетная, но обыкновенная птица въ Галиціи; прилетаетъ многочисленными стадами въ ноябрѣ и остается до марта (Journ. f. Ornith. 1855, S. 299). По *Saunders'y*, только случайно посѣщаетъ осенью южную Испанію (Birds of Spain, p. 222). Но по *Irby* (l. c. p. 127), грачъ, кажется, правильно посѣщаетъ южную Испанію зимою, не спускаясь, однако, южнѣе Севильи.

Въ Швейцаріи только пролетная птица.

Въ Италію многочисленныя стада грачей прилетаютъ въ сентябрѣ и октябрѣ, иногда позднѣе, въ ноябрѣ, и остаются до конца марта; въ Венеціанской и Моденской провинціи и Ломбардіи грачъ изрѣдка даже гнѣздится. Въ Сардиніи и Сициліи бываетъ только зимою (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 171; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 11). Въ октябрѣ и ноябрѣ залетаетъ и на Мальту.

Распространеніе грача въ Австро-Венгріи представляется въ слѣдующемъ видѣ. Обыкновенная, мѣстами даже очень многочисленная гнѣздящаяся птица Богеміи (*Fritch*, Vögel Böhmen's, S. 62). Въ гористой Галиціи появляется осенью и зимою; въ низменностяхъ по Вислѣ и пр. гнѣздится (*Dzieduszycki'*sches Museum, S. 35). Отчасти осѣдлая птица собственно Австріи, куда зимою прилетаютъ еще болѣе сѣверные поселенцы; многія особи, впрочемъ, въ ноябрѣ улетаютъ далѣе къ югу съ тѣмъ, чтобы возвратиться уже въ февралѣ или мартѣ назадъ (*v. Pelzeln* und *gr. Marschall*, Ornis vindobonensis, S. 73). По *Tschusi* (Vögel Salzburg's, S. 50), только зимою въ Зальцбургѣ, и даже многочисленъ. По *Blasius Hanf*

(Vögel des Furtteiches, S. 41), въ Штиріи обыкновененъ осенью на пролетѣ. По *Madaràsz* (Z. f. g. O. I, p. 113), во всякое время года встрѣчается въ Венгріи; весною и осенью летитъ стадами.

На Балканскомъ полуо—вѣ, по *Finsch*'у (Journ. f. Orn. 1859, S. 384), очень обыкновененъ въ низменностяхъ Болгаріи; по *Sintenis* (Journ. f. Orn. 1877, S. 62), обыкновененъ въ Добруджѣ; по *Elwes & Buckley* (Birds of Turkey, p. 190), обыкновененъ въ Македоніи и Болгаріи. По *Lilford*'у, во множествѣ зимуетъ въ Эпирѣ и на Корфу. Въ Греціи только зимою, появляясь въ серединѣ ноября и улетая въ началѣ апрѣля. На островахъ совсѣмъ не бываетъ.

Въ **Африкѣ**:

Ни въ Марокко, ни въ Тунисѣ грачъ не встрѣчается, но въ Алжирѣ бываетъ на пролетѣ (*Loche*, Catalogue, p. 50). По *Heuglin*'у (Ornith. N.-O. Afric., S. 499) зимою довольно правильно и притомъ часто большими стадами появляется въ Нижнемъ Египтѣ и Аравіи. *Heuglin* обращаетъ вниманіе на то, что онъ встрѣчалъ эту птицу еще въ серединѣ и концѣ мая подъ Аинъ-Муза, на стоянкахъ каравановъ. Добытый при послѣднихъ обстоятельствахъ экземпляръ отличался малымъ ростомъ. Вѣроятно эти грачи были не типичные *C. frugilegus*, а сирійскій *C. agricola*, *Tristr.* По *Shelley* (Birds of Egypt, p. 159), большія стада грачей встрѣчаются въ Дельтѣ до конца марта, но положительно эта птица не остается въ Египтѣ на гнѣздовьѣ. Изрѣдка только встрѣчается южнѣе Каира, лишь одинъ разъ замѣчена у Мемфиса.

Въ **Азіи**:

По *Финшу* (R. n. W.-Sib., S. 192), грачъ замѣченъ бременской экспедиціей подъ Ишимомъ, въ степи между Омскомъ и Семипалатинскомъ всюду, гдѣ есть рощи, подъ Сергіополемъ, на степной рѣчкѣ Джинджили, у Агинъ-Су и на Тарбогатайской степи. Позднѣе гнѣздовыя колоніи замѣчены за Алтайской станицей у д. Александровки, близь Бухтарминской и пр. 1/13 сентября большое стадо замѣчено въ Березовѣ. 26 сент. (8 окт. н. ст.) была замѣчена пролетная стая между Тобольскомъ и Тюменью. *Зибомъ* получилъ свѣдѣніе, что на Енисеѣ пара грачей была замѣчена около $68^1/_2{}^0$ с.

ш., но самъ названный путешественникъ не видѣлъ этой птицы, пока не попалъ на Туру, нѣсколько восточнѣе Тюмени. Какъ ни мало мы знаемъ о распространеніи грача въ области Енисея, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что именно здѣсь лежитъ восточная граница распространенія въ Сибири *C. frugilegus*. Во всемъ Туркестанскомъ краѣ отчасти осѣдлая, отчасти только гнѣздящаяся птица (Journ. f. Ornith. 1875, p. 171). *Богдановъ* (Очерки хивинскаго оазиса, стр. 83) приводитъ грача для дельты и долины Аму-Дарьи (нижняго теченія). По *Зарудному* (Bull. de Moscou, 1889, p. 804), грачъ лѣтомъ не встрѣченъ имъ въ Закаспійскомъ краѣ, но, по справкамъ, появляется здѣсь весною и осенью безчисленными стадами; подъ Чикишляромъ, въ Мервскомъ и Пендинскомъ оазисѣ и на Теджентѣ зимуетъ. *De-Filippi* добылъ грача подъ Казвиномъ и Маіоръ *Ст. Джонъ* говоритъ, что грачъ гнѣздится въ садахъ Казвина и бываетъ зимою подъ Тегераномъ и Исфаганомъ, но не южнѣе (Eastern Persia, II, p. 263). Послѣдній наблюдатель говоритъ, что зимою стаи грачей появляются также подъ Кандагаромъ, оставаясь здѣсь съ января до начала апрѣля (Ibis, 1889, p. 168). *Jerdon* сообщаетъ (Birds of India, II, p. 302), что грачъ зимою бываетъ въ Кашмирѣ и Пенджабѣ. Въ Малой Азіи очень рѣдокъ и вѣроятно спорадиченъ.

68.

PYRRHOCORAX ALPINUS.

Альпійская галка.

Синонимы: Corvus pyrrhocorax, Briss.; Pyrrhocorax alpinus, Koch; Pyrrhocorax pyrrhocorax, Temm.; Pyrrhocorax montanus, planiceps, C. L. Brehm; Frigilus pyrrhocarax, Swains.

станціи:

открытыя горныя вершины высокихъ горныхъ цѣпей.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Альпійская галка распространена по высочайшимъ горамъ центральной и южной Европы, юго-западной и центральной Азіи и, быть можетъ, сѣверо-восточной Африки. Въ предѣлахъ Европ. Рос-

сіи собственно эта птица не встрѣчается, но она широко распространена на Кавказѣ. «Альпійскую галку я видѣлъ на военно-грузинской дорогѣ, говоритъ *М. Н. Богдановъ* (Птицы Кавказа, стр. 56), между Дарьяльскимъ укрѣпленіемъ и Казбекомъ, гдѣ попадалась и клушица». *Лоренцъ* (l. c., p. 8) нашелъ ее на Бермамутѣ. *Динникуу* попадалась въ Нальчикскомъ округѣ Терской области около аула Чегема и по дорогѣ отъ Чегема къ Беллыму (Орнитол. набл. на Кавказѣ, стр. 332). *Михаловскій* (Орнитол. набл. въ Закавказьѣ, стр. 27) замѣтилъ альпійскую галку только разъ въ Закавказьѣ, на границѣ Кутаиской губ. и Ахалцыхскаго у. *Радде* (Ornis Caucasica, S. 127) видѣлъ эту птицу только однажды у верхняго теченія Терека.

Дрессеръ въ своихъ «Birds of Europe», Vol. IV, p. 446 дѣлаетъ ссылку на *Эверсманна*, который будто бы говоритъ, что «*P. alpinus* встрѣчается въ скалистыхъ мѣстностяхъ Урала, хотя гораздо рѣже, нежели обыкновенная клушица». *Эверсманнъ* въ цитируемомъ мѣстѣ (Journ. of Ornith. 1853, S. 290) говоритъ о распространеніи клушицы (*Freg. graculus*) въ южномъ Алтаѣ и Джунгарскихъ горахъ и потомъ замѣчаетъ, что «тамъ же на скалистыхъ отрогахъ встрѣчается *Pyrrhocorax alpinus*, только несравненно рѣже». Къ сожалѣнію, этотъ примѣръ небрежности въ пользованіи источниками, поведшей къ смѣшенію Алтая съ Ураломъ, у Дрессера далеко не единственный и еще не самый грубый.

69.

PYRRHOCORAX GRACULUS.

Клушица.

Синонимы: Coracia cristata, Briss.; Corvus graculus, eremita, Linn.; Corvus docilis, S. Gmel.; Coracia erythrorhamphos, Vieill.; Fregilus graculus, Cuv.; Pyrrhocorax graculus, Temm.; Pyrrhocorax rupestris, C. Brhm.; Fregilus europaeus, Less.; Fregilus himalayanus, Gould; Fregilus graculus, var. orientalis, Dyb.; Fregilus graculus, var. brachypus, Swinh.

станціи:

горы съ обнаженными вершинами.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Клушица распространена, до извѣстной степени спорадично, въ горной области центральной и южной Европы, сѣверной Африки, западной, средней и восточной Азіи.

А) Въ Европ. Россіи.

Въ Европ. Россіи колонія клушицъ занимаетъ Уральскія горы. Вотъ что говоритъ о распространеніи здѣсь этой птицы *Л. П. Сабанѣевъ*: «Какъ далеко идетъ на сѣверъ и встрѣчается ли клушица въ Богословскомъ Уралѣ, достовѣрно еще неизвѣстно, но, начиная съ Нижняго Тагила, она изрѣдка и повидимому спорадически встрѣчается по всему хребту и, какъ кажется, всего обыкновеннѣе на юго-западномъ склонѣ въ Полевской, Уфалейской и Нязепетровской дачахъ, гдѣ очень хорошо извѣстна всѣмъ охотникамъ и пчеловодамъ подъ названіемъ *бортевщика* и *красноносаго чернаго дятла*. Безъ сомнѣнія Fregilus graculus, неупоминаемая Эверсманномъ, водится даже въ большомъ количествѣ и въ южномъ Уралѣ. (Позв. сред. Ур., стр. 66). *Зарудный* говоритъ о клушицѣ слѣдующее: «изрѣдка зимою залетаетъ клушица въ окрестности Оренбурга. Въ первый разъ я узналъ объ этомъ отъ охотника, который все твердилъ мнѣ, что видѣлъ чернаго дятла съ краснымъ носомъ. Нѣсколько дней спустя, я убѣдился, что слова его были вполнѣ справедливы. Охотясь на крутыхъ берегахъ Сакмары, около Оренбурга (1-го декабря 1881 г.), я увидѣлъ клушицу, перелетавшую съ одного камня на другой, и безъ особеннаго труда застрѣлилъ ее. Лѣтомъ 1882 г. былъ добытъ мною другой экземпляръ въ Башкиріи, около г. Иремель. Этимъ и ограничивается все, что я успѣлъ узнать объ этой птицѣ». (Орнитол. фауна Оренбург. края, стр. 124).

Въ Крыму клушица никѣмъ не встрѣчена.

О распространеніи этой птицы на Кавказѣ мы знаемъ слѣдующее: «клушица, говоритъ *М. Н. Богдановъ* (Птицы Кавказа, стр. 56), какъ видно по количеству наблюденій, весьма обыкновенна во всѣхъ горахъ Кавказскаго края. Клушица гнѣздится исключительно въ поясѣ скалъ и горныхъ луговъ. Но, даже лѣтомъ, она часто спускается на дно ущелій; такъ я видѣлъ ее въ концѣ іюня въ Дарьяльскомъ ущельѣ, начиная

отъ станціи Ларсъ. А осенью, повидимому, она даже вылетаетъ изъ области горъ, такъ какъ Крыницкій наблюдалъ клушицу въ это время около Нарзана». *Н. Я. Динникъ* слѣдующимъ образомъ характеризуетъ распространеніе клушицы на Кавказѣ: «Клушица больше, чѣмъ какая-либо изъ птицъ, водящихся въ горахъ, обращаетъ на себя вниманіе, поэтому рѣдко кто изъ путешественниковъ не говоритъ о ней. Причина этому—ея красивая наружность, веселый нравъ и звонкій мелодичный голосъ. Кромѣ того она часто попадается на такой высотѣ, гдѣ рѣдко встрѣтишь другихъ птицъ. Я встрѣчалъ ее на вѣчныхъ снѣгахъ Эльбруса, на высотѣ тысячъ одиннадцати футовъ, на Доутскомъ ледникѣ, на высотѣ около 10.000 ф., на ледникахъ Казбека въ верховьяхъ Ріона, въ Карачаѣ, на Бервмамутѣ и т. д. Можно безошибочно сказать, что она встрѣчается вездѣ, гдѣ только есть большія горы. Лѣтомъ она рѣдко попадается на высотахъ меньшихъ 3000 ф., но, начиная съ этого пояса, поднимается до самыхъ высшихъ точекъ горъ». (Орнитолог. наблюд. стр. 331). *Radde* (Ornis caucasica, S. 128) также говоритъ, что клушица населяетъ альпійскій поясъ всего большаго и малаго Кавказа, встрѣчаясь мѣстами въ очень большомъ количествѣ. Зимою, въ зависимости отъ суровости ея, спускается иногда до предгорій. Остальныхъ свѣдѣній о распространеніи клушицы на Кавказѣ не привожу, п. ч. они сообщаютъ только подробности.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ:**

На Британскихъ о—вахъ спорадически распространенная птица по береговымъ скаламъ южнаго и западнаго побережья Англіи. *Yarrell* свидѣтельствуетъ, что она водится на о-вѣ Мэнъ. Въ Шотландіи гораздо малочисленнѣе, нежели въ Англіи. Въ Ирландіи по всему побережью (*Dresser*, Birds of Europe, IV, p. 438—439).

Въ Бельгіи, по свидѣтельству *Dubois* (l. c., p. 89), нѣсколько разъ была найдена въ горахъ Мааса.

По *Degland & Gerbe* (Ornitologie européenne, I, p. 206), случайно встрѣчается въ сѣверной Франціи, осѣдла въ Альпахъ, Пиренеяхъ и на высокихъ горахъ Прованса.

Въ Испаніи многочисленна въ горныхъ частяхъ страны, особенно на хребтѣ Сіеры-Невады (*Saunders*, l. c., p. 221). *Irby*

(Ornith. of Gibraltar, p. 128) также упоминаетъ ее какъ весьма обыкновенную птицу въ скалистыхъ горахъ Андалузіи. Кой-гдѣ гнѣздится и въ *Португаліи* (*Tait*, Ibis, 1887, p. 199).

Въ Савойѣ и Швейцаріи распространена спорадично, по высочайшимъ горамъ и встрѣчается вообще рѣже *Pyrrhocorax alpinus*.

Въ Италіи живетъ на Альпахъ и Аппеннинахъ, а также на горахъ Корсики, Сардиніи и Сициліи, спускаясь на этихъ островахъ зимою къ морскому берегу (*Salvadori*, Uccelli, p. 169; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 16).

Спорадично распространенная птица южной Германіи. По *Науманну*, изрѣдка въ Баваріи. Быть можетъ въ Карпатахъ (*Madarász*, l. c. p. 115). Изрѣдка въ Штиріи, Каринтіи, Тиролѣ и Зальцбургѣ.

На Балканскомъ полуо—вѣ водится только въ Греціи (*Lindermayer*, l. c. p. 72).

Въ Африкѣ:

По *Irby* (l. c.), встрѣчается на Морокскомъ берегу, противъ Гибралтара. Очень обыкновенна на островѣ Пальма въ Канарскихъ о-вахъ (Ibis, 1889, p. 513).

По *Loche* (Catalogue, p. 51) живетъ въ высокихъ горахъ Алжира.

По *Heuglin*'у (Ornith. N.-O. Afr., p. 496), водится на неприступныхъ скалахъ Абиссиніи. По *Rüppel*'ю (System. Uebers. Vög. N.-O. Afrikas, S. 75), живетъ небольшими семьями на высочайшихъ горахъ Абиссиніи и Аравіи.

Въ Азіи:

Въ Малой Азіи обыкновенная птица въ горныхъ областяхъ (Ibis, 1878, p. 26). По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 264), обыкновенна въ холмистыхъ мѣстностяхъ Персіи, лѣтомъ встрѣчаясь на высотѣ только 5000′ надъ ур. моря. На Эльбурсѣ поднимается до высочайшихъ его вершинъ. По *Зарудному* (Птицы Закаспійскаго края, рукоп.), клушица очень обыкновенна на Копетъ-Дагѣ, Заръ-и-Кухѣ и Кизылъ-Банрѣ. Лѣтомъ живетъ исключительно въ горахъ и чѣмъ выше онѣ, чѣмъ больше на нихъ обрывовъ, скалъ и ущелій, тѣмъ обыкновеннѣе тамъ эта птица. Зимою, по словамъ мѣстныхъ жителей, клушица иногда спускается на текинскую равнину. Тотъ же наблюдатель видѣлъ въ послѣдней трети августа клушицу не-

большими стадами по крутымъ горамъ Атрека около Яглы-Олума. Въ южномъ Афганистанѣ и Келатѣ зимою обыкновенна, но едва-ли здѣсь гнѣздится (Ibis, 1889, p. 169). Спорадически распространена по памирскимъ горамъ, многочисленна у Кызылъ-арта; гнѣздится и даже зимой вѣроятно хоть отчасти остается на Памирѣ, т. к. въ октябрѣ здѣсь была еще многочисленна (*Сѣверцовъ* въ Извѣст. Туркест. Отд. Общ. любит. естествозн. Т. I, в. 1, стр. 69). По свидѣтельству того же наблюдателя во всемъ Туркестанскомъ краѣ обыкновенная осѣдлая, птица, лѣтомъ на высотѣ отъ 8 до 14.000′ надъ уровнемъ моря, зимою спускающаяся ниже (Journ. f. Ornith. 1875, p. 172). Найдена также въ горахъ Тарбогатайскихъ и Алтайскихъ и, по *Тачановскому* (Bull. de France, 1876, p. 173), обыкновенна во многихъ мѣстностяхъ Забайкалья, въ окрестностяхъ Кяхты и близь оз. Косогола. По свидѣтельству *Н. М. Пржевальскаго* (Монголія, Т. II, стр. 78), весьма обыкновенна во всей Монголіи, за исключеніемъ лишь самой дикой пустыни; въ неменьшемъ числѣ эта птица встрѣчается въ Гань-су и въ сѣв. Тибетѣ, гдѣ зимою встрѣчаются стаи въ нѣсколько сотъ и даже до тысячи. По *Swinhoe* (Proc. Zool. Soc. 1863, p. 306) живетъ въ сѣверномъ Китаѣ, что подтверждаетъ и *David*. По *Jerdon*'у, распространена въ Гималаѣ, близь вѣчныхъ снѣговъ, откуда зимою нѣкоторыя стада спускаются въ Пенджабъ. *Adams* говоритъ, что она обыкновенна въ Кашмирѣ (fide *Dresser*).

70.

PICA RUSTICA, SCOP.

Сорока.

Синонимы: Corvus pica, L.; Corvus rusticus, Scop.; Pica melanoleuca, albiventris, Vieill.; Pica europaea, Boie; Pica germanica, septentrionalis, hiemalis, leuconota, Brehm; Garrulus picus, Temm.; Pica caudata, Keys. et Blas.; Pica varia, Schl.; Cleptes pica, Cab.; Pica vulgaris, Brehm.

станціи:

опушки лѣсовъ по долинамъ рѣкъ и рѣчекъ, рощи близь жилья.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Сорока представляетъ нѣсколько разновидностей, которыя, будучи разсматриваемы какъ одинъ видъ, заставляютъ признать область распространенія этой птицы чрезвычайно обширной. Собственно *Pica rustica (P. rustica leuconota)* распространена по всей Европѣ отъ крайняго сѣвера до острововъ Средиземнаго моря, въ Малой Азіи, Персіи и, быть можетъ, Белуджистанѣ. Начиная съ Афганистана черезъ Пенджабъ, въ области Гималая, Гиндукуша и южной части Туркестанскаго края распространена *Pica rustica bactriana*, въ Бутанѣ *P. r. bottanensis*, въ Китаѣ и Амурскомъ краѣ *P. r. sericea*, въ западной части Сѣв. Америки *P. r. hudsonica*. Отъ центральной Россіи черезъ всю южную Сибирь и сѣверную часть Туркестана распространенъ близкій видъ *Pica leucoptera*, повидимому въ центральной Россіи мѣстами образующій помѣси съ *P. rustica*, хотя въ большинствѣ случаевъ колоніи этихъ птицъ живутъ въ разныхъ мѣстахъ.

А) Въ Европ. Россіи.

О распространеніи сороки на Кольскомъ полуо—вѣ, по собраннымъ *Θ. Д. Плеске* свѣдѣніямъ, этотъ натуралистъ говоритъ слѣдующее: «Во время гнѣздованья сорока строго придерживается хвойныхъ лѣсовъ и имѣетъ поэтому одинаковое съ ними географическое распространеніе. Въ остальныя времена года она живетъ паразитомъ около человѣческаго жилья и идетъ поэтому на сѣверъ на равнѣ съ населенными мѣстностями. Во всякомъ случаѣ сорока въ сѣверныхъ частяхъ нашей области появляется довольно рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Въ Русской Лапландіи Middendorff наблюдалъ сороку въ Колѣ, а намъ съ В. В. Лавровымъ она попадалась неоднократно въ Кандалакшѣ, гдѣ она найдена также Т. Nitzén'омъ, 11 и 12 іюня 1883 г. Enwald'омъ и Mela; послѣднимъ она найдена также въ Soukelo. Далѣе на сѣверъ мнѣ нигдѣ не удалось втрѣтить сороки и я долженъ поэтому ограничиться сообщеніемъ, что сорока хорошо извѣстна лопарямъ на Имандрѣ. Въ южныхъ частяхъ Финской и Шведской Лапландіи сорока найдена сравнительно часто». (Критич. Обз. млекопит. и птицъ Кольскаго полуо—ва, стр. 270). Въ Русской Лапландіи и во всей Финляндіи круглый годъ

обыкновенна; въ русской Карелiи обыкновенна только лѣтомъ (*Mela*, Vertebrata fennica, Tab. IV). *А. М. Никольскiй* говоритъ (Тр. Спб. Общ. Естествоиспыт. Т. XVI, стр. 349), что сорока найдена ими въ Сумскомъ посадѣ и около Архангельска. По *Seebohm & Henke* (Birds of Archangel, p. 377), подъ Архангельскомъ очень обыкновенная осѣдлая птица. *Кесслеръ* упоминаетъ сороку для Обонежья (Матер. для позн. Онеж. оз., стр. 28). *Лильеборгъ* указываетъ только два города, подъ которыми онъ видѣлъ эту птицу—Петербургъ и Архангельскъ—и не указываетъ ни одного промежуточнаго пункта (Naumannia, 1852, S. 103). За то *Мевесъ* (Ornis, 1886, S. 236) о томъ же самомъ пути говоритъ, что сорока вездѣ была обыкновенна. По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, № 4, p. 631), осѣдла въ Вологодской губ. По *Seebohm & Brown* (Birds of the Lower Petchora, p. 113), одна изъ обыкновеннѣйшихъ осѣдлыхъ птицъ сѣверной Россiи, увеличивающаяся въ числѣ по мѣрѣ движенiя на востокъ. Была очень обыкновенна подъ Усть-Цыльмой, осѣдла въ Пустозерскѣ, но сѣвернѣе послѣдняго городка не найдена. Уральская экспедицiя добыла сороку въ Чердынѣ, полъ 61° с. ш., и по устному сообщенiю Гофмана эта птица идетъ за человѣкомъ и стадами сѣверныхъ оленей далеко на сѣверъ (*J. F. Brandt*, Wirbelt. d. nördl. Russlands, S. 66). Въ Вятской губ. обыкновенна (*В. В. Бѣловъ*, in litt). *Ѳ. А. Теплоуховъ* приводитъ сороку въ своемъ спискѣ птицъ долины р. Обвы (in litt.). О распространенiи сороки въ Пермскомъ Уралѣ *Л. П. Сабанѣевъ* говоритъ слѣдующее: «Pica caudata... въ сравненiи съ другими видами своего семейства имѣетъ повидимому наиболѣе обширное распространенiе. Но уже въ Богословскомъ округѣ она, хотя и встрѣчается чаще другихъ Corvus, все-таки довольно рѣдка. На Сосьвѣ она, какъ говорятъ, появилась не болѣе двадцати лѣтъ назадъ, и какъ здѣсь, такъ и въ окрестностяхъ Богословска и Петропавловска на зиму не остается, хотя и прилетаетъ очень рано—въ мартѣ. Въ громадномъ количествѣ сорока гнѣздится въ березовыхъ лѣсахъ и перелѣскахъ черноземной равнины Екатеринбургско-Шадринскаго уѣздовъ; далѣе въ степь она все еще многочисленна, но въ Уралѣ очень рѣдка, хотя встрѣчается тамъ все лѣто; на зиму она, подобно многимъ другимъ осѣдлымъ птицамъ (ворона, галка, тетеревъ-косачъ и др.), улетаетъ отсюда. Далѣе на западъ количество ея постепенно увеличивается, но только въ Уфимской губ. она достига-

етъ такой же численности, какъ на юго-восточномъ склонѣ Пермскаго Урала» (Позв. ср. Ур. стр. 65).

Весьма возможно, что эти свѣдѣнія относятся не только къ *Pica rustica*, но и къ *Pica leucoptera*. Во всякомъ случаѣ *Pica rustica* заходитъ въ западную Сибирь, т. к. я видѣлъ въ Тюмени у *И. Я. Словцова* экземпляръ *Pica rustica* изъ окрестностей этого города. По *Плеске* (in litt.), обыкновенная гнѣздящаяся птица Бирскаго у. Уфимской губ. «Въ долинѣ средняго теченія Урала и въ лѣсахъ по нижнему Илеку, говоритъ *Н. А. Зарудный* (Орнитолог. фауна Оренб. края, стр. 130), сорока принадлежитъ лѣтомъ къ довольно обыкновеннымъ птицамъ. Далѣе въ киргизскихъ степяхъ, за исключеніемъ окрестностей Акъ-Тюбэ и долины Якши-Каргалы, она попадается очень рѣдко и гнѣздится лишь случайно, придерживаясь кара-агачей за неимѣніемъ другихъ какихъ-нибудь лѣсовъ.—Осенью, когда добываніе пищи въ лѣтнихъ мѣстахъ обитанія сдѣлается затруднительнымъ, сороки перебираются поближе къ городамъ, станицамъ и хуторамъ. Каждый годъ, во второй половинѣ сентября и въ первой октября, въ лугахъ по Сакмарѣ наблюдаются онѣ летящими по одиночкѣ или небольшими стаями по направленію къ Оренбургу. Зимою съ 1880 г. на 1881 г. въ окрестностяхъ этого послѣдняго насчитывалось по крайней мѣрѣ 20,000 сорокъ». По свидѣтельству *П. С. Назарова* (Recherches Zoologiques, p. 19), обыкновенная сорока найдена имъ въ окрестностяхъ Орска, и близь Иргизли, на р. Бѣлой. *Сѣверцовымъ* сорока была прослѣжена въ въ долинѣ Урала, Сакмары и Салмыша, въ рощахъ; найдена рѣдкою въ безлѣсной долинѣ Каргалки; гнѣздящеюся въ лѣсахъ и колкахъ близь Кочевки, на сѣверномъ склонѣ Общаго Сырта къ Бѣлой и въ верховьяхъ Чагана. Въ долинѣ Урала отъ Оренбурга до Уральска и по нижнему Илеку была тогда малочисленна. По *Карелину*, на нижнемъ Уралѣ весной наблюдается не ниже Тополинской, зимуетъ въ Гурьевѣ. Въ 1860 г. первая сорока появилась въ Гурьевѣ 13 сентября. (*Сѣверцовъ*, in litt.). По *В. А. Хлѣбникову* (Списокъ птицъ Астраханской губ., стр. 14), сорока обыкновенная осѣдлая птица Астраханской губ. (см. также *Seebohm & Henke*, l. c. p. 218). *В. Е. Яковлевъ* (Bull. de Moscou, 1872, IV, p. 345) говоритъ, что въ окрестностяхъ Астрахани встрѣчается рѣже чѣмъ по средней Волгѣ, въ самый же городъ никогда не

залетаетъ. *Арцибашевъ* (Bull. de Moscou, 1859, III, p. 54) говоритъ, что сорока была довольно обыкновенна въ пятидесятыхъ годахъ по лѣсистымъ балкамъ Ергеней и на волжскихъ островахъ. *М. Н. Богдановъ* называетъ сороку одной изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ всюду въ Поволжьѣ. Гнѣздятся въ чащѣ молодыхъ лиственныхъ лѣсовъ, по уремамъ рѣкъ, по опушкамъ полевыхъ болотъ, обросшихъ ивой, по гривамъ луговъ и острововъ Волги. Чистыхъ сосновыхъ боровъ и свѣтлыхъ старыхъ березовыхъ рощъ не любитъ (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 115). О распространеніи сорокъ въ Рязанской губ. *П. Павловъ* (Орнитолог. набл. стр. 14) говоритъ слѣдующее: «Сорока обыкновенная въ окрестностяхъ Рязани чаще начинаетъ попадаться съ 20-хъ чиселъ августа. Мѣсто жительства ея всюду, въ лѣсахъ, въ рощахъ, кустахъ всегда можно видѣть ее, а когда уберутъ хлѣбъ въ скирды и одоньи, она часто дѣлаетъ ревизію ему и за то недолюбливается простымъ народомъ. Въ концѣ августа и началѣ сентября онѣ дѣлаютъ какой-то перелетъ, такъ что въ это время очень часто приходится видѣть ихъ летящими черезъ г. Рязань, въ другое же время это не замѣчается». Въ Московской и Тульской сорока мѣстами очень обыкновенна, но распространена спорадично (*Мензбиръ*, *Лоренцъ*, *Сабанѣевъ* и др.). По свидѣтельству *Θ. Д. Плеске* (in litt.), обыкновенная гнѣздящаяся птица Вышневолоцкаго у. Тверской губ., по *А. Н. Дьякову* (in litt.), Тверскаго и Новоторжскаго уу., по *В. Л. Біанки* (in litt.) заволжской части Старицкаго у. той же губ. *Петровъ* говоритъ (Матер. для списка пт. Новгород. губ. стр. 10), что сорока лѣтомъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Новгорода довольно рѣдка, подъ осень чаще, но далеко не въ большомъ количествѣ. По *В. А. Хлѣбникову* (Матер. къ ф. позвон. Борович. у. Новгород. губ. стр. 17), весьма обыкновенная осѣдлая птица Боровичскаго у. *В. Л. Біанки* (in litt.) говоритъ, что она часто встрѣчается близъ ст. Ушаки. *Эсауловъ* (Списокъ, стр. 232) называетъ ее одной изъ очень обыкновенныхъ птицъ Торопецкаго и Холмскаго уу.. «Сорока обыкновенная осѣдлая птица С.-Петербургской губ., говоритъ *Е. А. Бихнеръ*, въ Петергофскомъ у. не особенно многочисленна, гдѣ по Н. И. Холодовскому, выводитъ около Ораніенбаумскаго вокзала, но въ паркѣ не гнѣздится. Осенью и зимой живетъ въ деревняхъ и на мызахъ, а съ наступленіемъ брачнаго пе-

ріода переселяется въ болѣе уединенныя угодья (*Бихнеръ*, Птицы С.-Петерб. губ. стр. 467). По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, S. 58), очень обыкновенная птица Прибалтійскихъ губерній. По *Тачановскому*, въ Польшѣ «осѣдлая и всюду обыкновенная; впрочемъ, есть мѣста, которыя она постоянно избѣгаетъ, какъ напр. Варшава; она встрѣчается всюду въ окрестностяхъ города; на другой сторонѣ рѣки есть всегда нѣсколько паръ, гнѣздящихся на деревьяхъ Saska Кера, но ни одна изъ нихъ никогда не прилетаетъ въ городъ, ни даже въ сады на противоположномъ берегу рѣки. Въ такомъ же положеніи находятся и Сувалки, жители котораго увѣряютъ, что никто здѣсь никогда не видалъ сорокъ даже и въ окрестностяхъ города; впрочемъ, въ 10 верстахъ отъ города онѣ уже встрѣчаются» (Ornis, 1888, стр. 472). По *Бельке* (Bull. de Moscou, 1859, № 1, p. 33), не очень обыкновенна подъ Каменецъ-Подольскомъ. По *Кесслеру* (Ест. Ист. губ. Кіев. Учебн. Окр., пт. воробьиныя, стр. 100), принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ осѣдлыхъ птицъ губ. Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской. По *Гёбелю*, очень обыкновенна въ Уманьскомъ у. (Vög. Kreis. Uman, S. 72). По свидѣтельству *Н. Н. Сомова* (in litt.), очень обыкновенная осѣдлая птица Харьковской губ. По *Сѣверцову* (Періодич. явленія, стр. 21 и др.), осѣдлая птица Воронежской губ. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 116), очень обыкновенная осѣдлая птица южной Россіи; подъ Одессой къ стройкѣ гнѣзда приступаетъ уже въ половинѣ декабря. Относительно Крыма имѣются многочисленныя показанія, свидѣтельствующія намъ, что сорока осѣдлая, мѣстами даже обыкновенная птица всего Крыма, за исключеніемъ южнаго берега, гдѣ не встрѣчается (*Kaleniczenko*, l. c. p. 217; *Carte*, l. c. p. 271; *Irby*, l. c. p. 5358; *Blakiston*, l. c. p. 5514; *Шатиловъ*, l. c. стр. 89; *Radde*, Bull. d. Moscou, 1854, III, p. 146; *Radde*, Journ. f. Ornith. 1854, p. 62). Я наблюдалъ сороку только въ окрестностяхъ Симферополя и ни разу не замѣтилъ на южномъ берегу. По *Динник*у (Орнитолог. набл. стр. 330) на сѣверномъ Кавказѣ встрѣчается всюду въ степи, но не заходитъ далѣе предгорій. *Лоренцъ* (Beitrag z. Ornith. F. d. Kauk. S. 7) нашелъ ее даже на Бермамутѣ. По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 55), водится на всемъ пространствѣ Кавказскаго края и весьма обыкновенна, какъ на плоскости, такъ и въ

предгоріяхъ. По долинамъ горныхъ рѣкъ она заходитъ довольно высоко. Въ глухихъ горныхъ лѣсахъ, а также въ альпійскомъ поясѣ ни разу не замѣчена. *Radde* (Ornis caucasica, стр. 101) сообщаетъ о распространеніи сороки слѣдующее: «По моимъ наблюденіямъ, сорока не достигаетъ высотъ болѣе 5,000 или 6,500 футовъ надъ уровнемъ моря. Я не видалъ ее ни въ обѣихъ продольныхъ долинахъ Мингреліи, ни въ высоко-лежащихъ деревняхъ Хевсуріи и Тушетіи. Въ Рачинскомъ уѣздѣ (верхній Ріонъ) я находилъ ее до Они, но довольно рѣдко. Въ западнѣе расположенномъ Лечхумскомъ уѣздѣ (Гиппосъ и Ланджіанури) я также ее не видалъ, хотя эти лѣсистыя горныя мѣстности на глубинѣ своихъ долинъ не достигаютъ и 2,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. По теченію широкихъ рѣкъ, тотчасъ же по выходѣ изъ Ріонской области, съ западной стороны за Сурамскимъ переваломъ, при началѣ средняго теченія Куры, сорока встрѣчается часто, но ея совсѣмъ нѣтъ или она очень рѣдка во многихъ мѣстностяхъ полѣсья. Напримѣръ, ее никогда не видали близъ Цагвери въ Боржомскихъ лѣсахъ. Въ самомъ Боржомѣ сорока бываетъ только зимою. Тамъ же въ горахъ, близъ Букуріани, весною я ее не находилъ. Она обыкновенна въ нижней трети Сурамской равнины, а именно въ низменностяхъ близъ Горигореба. Напротивъ того, я могу назвать ее рѣдкостью въ восточномъ Тріалетѣ, напримѣръ въ области истока Алгетки. Она предпочитаетъ густые кусты терновника жаркаго пояса, гдѣ и гнѣздится; лѣтомъ она поднимается вверхъ по долинѣ Куры, перескакивая черезъ Боржомское ущелье, до истока Кобліанъ-гая, гнѣздится близъ Ахалциха и около Тифлиса встрѣчается не часто. Въ ноябрѣ 1863 и 64 г., возвращаясь съ охоты съ низовья Арагвы, я записалъ въ памятной книжкѣ: «13/25 ноября. Сегодня въ продолженіи всего дня замѣтилъ только трехъ сорокъ; около Тифлиса не видалъ ни одной». Къ западу, на краю Тріалетскихъ горъ, близъ Ничбисъ-цкали, сорока встрѣчается чаще; обыкновеннѣе же всего она выше Гори при началѣ Сурамской равнины. Только въ недавнее время сороки сдѣлались осѣдлыми въ Тифлисѣ, а именно непосредственно близъ города. Внизъ по долинѣ Куры сорока повсемѣстна, но не одинаково часто встрѣчается. Чаще всего я встрѣчалъ сорокъ, живущихъ и летающихъ обществами отъ 10 до 15 птицъ, на протяженіи отъ станціи Гокчайской до Аксу. Сорока предпочти-

тельно ищетъ запущенные, одичалые сады вблизи оросительныхъ канавъ и непремѣнно людскія поселенія. Выше и ниже названной мѣстности сорока встрѣчается гораздо рѣже. Къ югу по теченію Куры, отъ Тифлиса, она только временами посѣщаетъ уединенно лежащую Алгетскую станцію; близь Акстафы встрѣчается опять чаще и на короткое время удаляется иногда въ незаселенную степь, но въ видѣ исключенія. Также точно сорока не часто встрѣчается въ восточной Муганской равнинѣ, частью хорошо обработанной, а именно на краю ея, уже по ту сторону сліянія Аракса съ Курою; но южнѣе, съ приближеніемъ къ Ленкорани, она уже обыкновенна. На Гокчайскомъ озерѣ, а именно на южномъ его берегу, сорока вынуждена строить свое гнѣздо на скалахъ. Тамъ нѣтъ деревьевъ, а потому, какъ сообщаетъ мнѣ г. Гросмани, весною сорока оставляетъ городъ Ново-Баязетъ, гдѣ она зимуетъ, и улетаетъ, для высиживанія яицъ на отдаленныхъ скалахъ. Осенью семейства сорокъ опять собираются на жительство въ городъ. Въ среднихъ теченіяхъ Іоры и Алазани я замѣчалъ сорокъ только вблизи воды, никогда на безводныхъ, сухихъ холмистыхъ мѣстностяхъ. То же наблюдалъ я и послѣ, далѣе на востокѣ, во всемъ Закавказьѣ».

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуо—вѣ, въ Норвегіи, по *Collet* (Remarks on the Ornithol. North. Norway, p. 216), распространена въ Вестъ-Финмаркіи до Гьесвера и Нордкапа (71° 15′), почти по всѣмъ рыбачьимъ стоянкамъ и мѣстамъ, населеннымъ круглый годъ. Въ Остъ-Финмаркіи, кажется, менѣе многочисленна. Въ тѣхъ мѣстахъ морскаго побережья, гдѣ нѣтъ деревьевъ, гнѣздится подъ кровлями обитаемыхъ жилищъ или въ сложенныхъ дровахъ. Въ южной части страны весьма обыкновенна (*Collet*, Norges Fugle, p. 140). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 121), въ Швеціи распространена только въ нижней области хвойныхъ лѣсовъ и въ лежащей подъ полярнымъ кругомъ части Лапландіи рѣже ворона и сѣрой вороны. Однако, *Malm* нашелъ ее внутри страны еще подъ Муоніошской (68° с. ш.), но не нашелъ въ Энарской Лапландіи. Возможно, что въ Колу сорока растространилась съ норвежскаго

побережья. О распространеніи сороки на о—вахъ, лежащихъ вдоль норвежскаго берега, извѣстно, что ея нѣтъ на Fuglö, но она довольно обыкновенна на Tromsö (69° 39′ с. ш.), очень обыкновенна на Bodö (67° с. ш.), Лофотёнскихъ и Вестеральскихъ. Обыкновенная осѣдлая птица на Готландѣ.

На Исландіи не встрѣчается.

Въ Даніи (*Kjaerbölling*, Danmarks Fugle, p. 98) и Шлезвигѣ (*Rohweder*, l. c. p. 10) обыкновенная осѣдлая птица.

Въ сѣверной Германіи кочующая птица всей страны, но въ горахъ и въ восточной части встрѣчается рѣже, мѣстами же, особенно въ очень лѣсистыхъ и очень гористыхъ мѣстностяхъ, ея даже совсѣмъ нѣтъ; въ западныхъ низменностяхъ крайне многочисленна. (*Borggreve*, l. c. S. 81).

Очень обыкновенная осѣдлая птица Голландіи (fide *Dresser*, l. c. T. IV, p. 573) и Бельгіи (*Dubois*, l. c. p. 89). По *De la Fontaine* (l. c. p. 140) была очень рѣдка въ Люксембургѣ еще въ тридцатыхъ годахъ, но уже въ шестидесятыхъ встрѣчалась здѣсь во множествѣ какъ осѣдлая птица.

Осѣдла всюду въ Англіи; въ Шотландіи еще болѣе обыкновенна, за исключеніемъ отдаленныхъ о—въ; въ Ирландіи многочисленна (List Brit. Birds, p. 68).

Во Франціи широко распространенная птица сѣверныхъ департаментовъ, на югѣ рѣже и спорадично. Совсѣмъ не встрѣчается около Марселя, хотя вообще въ Провансѣ обыкновенна (*Degland & Gerbe*, I, p. 211; *Diederich*, *Dresser* etc.).

Въ Испаніи сорока доходитъ къ югу до Севильи, но крайне спорадична, хотя тамъ, гдѣ встрѣчается, весьма обыкновенна (*Saunders*, l. c. p. 222; *Irby*, l. c. p. 129). По черной поясницѣ испанская сорока приближается къ *Pica mauritanica*, которая замѣняетъ ее на африканскомъ берегу Гибралтарскаго пролива. Въ Португаліи обыкновенная осѣдлая птица, особенно на сѣверѣ (Ibis, 1887, p. 200).

На Балеарахъ, Корсикѣ и Сардиніи сороки совсѣмъ нѣтъ. На Мальту залетаетъ только случайно.

Въ Сициліи и на всемъ Аппеннинскомъ полуо—вѣ сорока осѣдла и обыкновенна, за исключеніемъ только немногихъ мѣстностей (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 175; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 14).

Въ Швейцаріи сорока обыкновенна во всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ, насколько ея распространенію не препятствуютъ горы и лѣса. Такъ ея нѣтъ въ Бернскомъ Оберландѣ, она сильно преслѣдуется въ кантонѣ Шафгаузенъ и т. д. (*Diederich*, Geogr. Verbr. d. Elstern, Ornis, 1889, S. 297).

О распространеніи сороки въ Австріи мы знаемъ слѣдующее. По *Fritch* (Vögel Böhmens, S. 61), обыкновенна въ большинствѣ мѣстностей Богеміи, но подъ Прагой, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ и сильнаго преслѣдованія, стала рѣдка уже въ шестидесятыхъ годахъ. Обыкновенна въ Галиціи (*Dzieduszycki*, l. c. p. 37). Въ собственно Австріи обыкновенна всюду (Ornis vindobonensis, S. 71). Обыкновенна и въ Штиріи (*Blasius Hanf*, l. c. S. 36). Въ Зальцбургѣ спорадична, но мѣстами обыкновенна круглый годъ, напр. подъ Зальцбургомъ и Галлейномъ (*Tschusi zu Schmidhofen*, S. 49). По *Madarász* (l. c. S. 114), обыкновенная осѣдлая птица Венгріи.

По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1878, p. 162), обыкновенная осѣдлая птица Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточной Румеліи. *Sintenis* (Journ. f. Ornith. 1877, S. 62) называютъ сороку обыкновенной птицей Добруджи. *Finsch* (Journ. f. Ornith. 1859, S. 384) говоритъ, что она всюду распространена въ Болгаріи, но къ сожалѣнію не упоминаетъ о распространеніи этой птицы въ Балканахъ. По *Elwes & Buckley* (l. c. p. 191), всюду обыкновенна въ Турціи. Осѣдлая птица въ южной и сѣверной Греціи, но на Цикладахъ бываетъ только зимою (*Lindermayer*, Vögel Griechenlands, S. 69).

Въ **Африкѣ**:

Выше уже было упомянуто, что въ сѣверо-западномъ углѣ Африки обыкновенная сорока замѣнена *Pica mauritanica*. Что касается сѣверо-восточной Африки, то существуетъ только показаніе *Бонапарта*, что сорока встрѣчается въ Египтѣ и Нубіи, и *Рюппель* говоритъ, что она весьма обыкновенна зимою въ нижнемъ Египтѣ. Но ни *Hemprich* и *Ehrenberg*, ни *Heuglin*, ни *Brehm*, ни *Shelley* не видѣли этой птицы въ Египтѣ и очевидно, что показанія *Бонапарта* и *Рюппеля* основаны на недоразумѣніи.

Въ **Азіи**:

Въ Западной Сибири добыта подъ Тюменью и подъ Омскомъ, откуда видѣлъ и имѣю экземпляры.

На Кипрѣ многочисленна, особенно на обращенномъ къ Сиріи берегу. Въ Малой Азіи распространена очень широко, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внутри страны положительно не встрѣчается. Въ Сиріи сороки нѣтъ къ сѣверу и югу отъ Ливана, но на границѣ съ Арменіей она встрѣчается и распространена въ Арменіи. По *Russel*, встрѣчается подъ самымъ Алеппо. *Filippi* только изрѣдка встрѣчалъ сороку въ западной Персіи, къ югу отъ Эльбурса, но въ провинціи Гилянѣ эта птица обыкновеннѣе и повсемѣстна (*Diederich*, l. c. S. 302). Точно также широко распространенная птица восточной Персіи, къ югу доходящая до 30° и 29° с. ш. Въ Белуджистанѣ сорока съ достовѣрностью не найдена. Отъ Афганистана къ сѣверу и востоку распространена *Pica rustica bactriana*, представляющая мѣстную породу, отличающуюся отъ типичной формы только незначительными особенностями.

71.

PICA LEUCOPTERA, GOULD.

Бѣлокрылая сорока.

По занимаемымъ ею станціямъ и образу жизни бѣлокрылая сорока не отличается отъ обыкновенной, но по окраскѣ разница между той и другой весьма значительна. Именно, у европейской формы первыя маховыя оканчиваются широкими черными краями на вершинѣ пера и первое маховое съ темными краями внутренняго опахала; у сибирской сороки внутреннее опахало первыхъ 4—5 маховыхъ или сплошь бѣлое, или только съ узкимъ вершиннымъ ободкомъ и первое маховое съ бѣлымъ внутреннемъ опахаломъ. Кромѣ того сибирская сорока нѣсколько больше европейской.

На распространеніе бѣлокрылой сороки въ Европ. Россіи вообще до сихъ поръ обращали очень мало вниманія, въ чемъ она раздѣлила участь многихъ другихъ азіятскихъ птицъ. А между тѣмъ эта птица широко распространена во всей восточной части Европ. Россіи, къ западу до бассейна Оки включительно. У меня въ коллекціи имѣются экземпляры изъ губ. Воронежской, Тульской, Московской и Вологодской, гдѣ эта птица гнѣздится колоніями, въ большинствѣ случаевъ не смѣшиваясь съ Pica rustica. Но въ нѣко-

торыхъ мѣстностяхъ европейская и сибирская сороки образуютъ помѣси. Вѣроятно подобныя же колоніи разбросаны и во всей области средней и нижней Волги и Камы, но птица слишкомъ обыкновенна, чтобы наши зоологи стали обращать на нее вниманіе. Только *Н. А. Зарудный* говоритъ (Дополнит. замѣтки къ познан. орнитол. фауны Оренб. края, стр. 8), что Pica leucoptera изрѣдка зимуетъ подъ Оренбургомъ и въ 1887 г. найдена на гнѣздовьи въ сосновомъ лѣсу, около Колтубанки (станція Оренбург. жел. дор.), да *П. С. Назаровъ* (Rech. Zoolog., 19) сообщаетъ, что Pica leucoptera обыкновенна, но спорадична въ Киргизской степи, гдѣ между прочимъ гнѣздится въ Губерлинскихъ горахъ и пескахъ Туссума. Кромѣ того найдена тѣмъ же наблюдателемъ въ южномъ Уралѣ, около Кананикольскаго завода. *Finsch* сообщаетъ о распространеніи бѣлокрылой сороки въ западной Сибири слѣдующее: впервые встрѣчена между Екатеринбургомъ и Тюменью. Подъ Ялуторовскомъ 1/13 и 4/16 апрѣли были замѣчены у гнѣзда. По всей степи у Ишима и Тюкалинска сороки были очень обыкновенны, но отъ Омска до Семипалатинска, въ степи лишенной даже кустарниковъ и по казачьимъ станицамъ, онѣ были рѣже, а двѣ станціи далѣе за Семипалатинскомъ совсѣмъ исчезли и вновь были встрѣчены только въ Аркатскихъ горахъ. На всемъ степномъ переѣздѣ къ Ала-Кулю и отъ Ала-Куля сорока нигдѣ не была встрѣчена. Снова была найдена на Лепсѣ и въ Ала-тау, не встрѣчалась въ Тарбогатаѣ и Зайсанскихъ степяхъ, но была найдена въ южномъ Алтаѣ, подъ Майтерекомъ. На дальнѣйшемъ пути черезъ Высокій Алтай сорока не найдена, но отъ Алтайской станицы до Барнаула и Томска опять была обыкновенна. 18/30 іюня здѣсь уже были найдены вылетѣвшіе молодые. По Оби сорока всюду обыкновенна, хотя и не въ такомъ количествѣ какъ въ южной Сибири. Къ сѣверу доходитъ до полярнаго круга. Отъ Тобольска до Перми была всюду обыкновенна. По свѣдѣніямъ, собраннымъ *H. Seebohm* (Ibis, 1878, p. 333), въ области Енисея бѣлокрылая сорока доходитъ до 69° с. ш. и случайно доходитъ даже до 69½° с. ш. По *Тачановскому* (Bull. de France, 1876, p. 171), обыкновенна, но не особенно многочисленна въ окрестностяхъ Байкальскаго озера и всюду въ Дауріи. *Миддендорфъ* нашелъ ее въ Удскомъ острогѣ и Яблоновыхъ горахъ. Въ Амурской области эта сорока доходитъ до устья рѣки, особенно

охотно селясь близъ поселеній гуземцевъ. *Пржевальскимъ* P. leucoptera найдена отъ Кяхты до Урги и верстъ на 50 далѣе по Калганской дорогѣ (Монголія, II, стр. 73). Въ Туркестанскомъ краѣ всюду обыкновенна, хотя и рѣже P. bactriana. Гнѣздится не выше 6000′ надъ уров. моря, но залетаетъ лѣтомъ и гораздо выше (Journ. Orn. 1875, S. 172).

72.

GARRULUS GLANDARIUS, VIEILL.

Сойка.

Синонимы: Corvus glandarius, L.; Glandarius pictus, Koch; Garrulus glandarius, Vieill ; Lanius glandarius, Nilss.; Glandarius germanicus, septentrionalis, robustus, taeniurus, leucocephalus, Brhm.; Garrulus variabilis, Sev.

станціи:

лиственные, по преимуществу дубовые лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Область распространенія сойки охватываетъ собою Европу, за исключеніемъ ея крайняго сѣвера и самой южной полосы Россіи. Къ востоку сойка только мѣстами доходитъ до Уральскаго хребта, напр. въ его южной части, что же касается Пермскаго Урала, то не только здѣсь, но и западнѣе, въ восточной половинѣ Вятской губ. и въ западной половинѣ Пермской, обыкновенная сойка замѣщена красноголовой *Garrulus Brandtii*. Въ Крыму и на Кавказѣ мѣсто обыкновенной сойки занимаетъ черноголовая *Garrulus Krynicki*.

А) Въ Европ. Россіи.

Θ. Д. Плеске въ своемъ обстоятельномъ трудѣ о млекопитающихъ и птицахъ Кольскаго полуо-ва приводитъ только, что нѣсколько экземпляровъ сойки, по свѣдѣніямъ *Palmén-Sahlberg*'а, въ шестидесятыхъ годахъ убиты въ Муоніонискѣ и, по *Mela*, эта птица найдена и въ области Энаре (l. c., стр. 269). Отсюда къ югу до Улеаборг-

ской губ. сойка очень рѣдка, но начиная съ Улеаборгской губ. и къ югу во всей Финляндіи эта птица очень обыкновенна (*Mela*, l. c., Tab. IV). По *Кесслеру* (Матер. для познанія Обонежья, стр. 28), сойка гнѣздится въ Обонежьи. *Лильеборгъ* не нашелъ ее во время своей поѣздки по сѣверной Россіи. *Мевесъ* тоже говоритъ, что нигдѣ не видалъ ея, но приводитъ показаніе г. Гейнриха, что у послѣдняго въ коллекціи былъ экземпляръ убитый подъ Архангельскомъ (Ornis, 1886, S. 236). По *Seebohm & Henke* (Birds of Archangel, p. 377), очень рѣдкая осѣдлая птица подъ Архангельскомъ. (См. также *Goebel*, Journ. f. Ornith. 1873, S. 419). По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, IV, p. 631), осѣдлая птица Вологодской губ. Возможно, что встрѣчается и восточнѣе, въ западной части Вятской губ., но свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Въ Казанской и Симбирской губ. водится и обыкновенная сойка и сойка съ блѣднорыжей головой, которую мы считаемъ за помѣсь *Garr. glandarius* съ *Garr. Brandtii*, безъ сомнѣнія широко распространенной между Уральскими горами и Волгой. (См. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 113). Повидимому, такой же гибридъ послужилъ образцомъ для описанія *Garr. glandarius* въ трудѣ *Эверсманна* (Ест. Ист. Оренб. края, ч. III, стр. 153), который удивительнымъ образомъ не призналъ своей *Garr. Brandtii* въ уральской сойкѣ, т. к. говоритъ о распространеніи сойки на Уралѣ въ статьѣ о *Garr. glandarius*. *Финшъ* (R. n. West-Sib. S. 200) предполагаетъ, что къ этому виду относились сойки, замѣченныя имъ между Казанью и Пермью и близъ Екатеринбурга; но это неосновательно: самъ Финшъ упоминаетъ, что Миддендорфъ нашелъ между Малмышемъ и Кунгуромъ *Garr. Brandtii*, а я могу засвидѣтельствовать это относительно екатеринбургскихъ соекъ. «Сойка изрѣдка и повидимому случайно гнѣздится въ лѣсахъ Губернаторскихъ луговъ и на устьяхъ Сакмары, говоритъ *Н. А. Зарудный* (Орнитолог. ф. Оренбург. края, стр. 127). Каждый годъ прилетаютъ сойки въ окрестности Оренбурга осенью, причемъ часть улетаетъ далѣе внизъ по Уралу, а другая остается на зимовье. Показываются въ различныя числа первой трети сентября и совершаютъ настоящіе перелеты, особенно хорошо замѣтные въ долинѣ Сакмары. Летятъ стаями до 20 штукъ въ каждой. Особенно много ихъ въ концѣ сентября и въ октябрѣ. Зимою сойки попадаются не рѣдко, а въ первыхъ двухъ третяхъ марта опять удаляются на сѣверъ». Весьма любопытно

выяснить, распространена ли *Garr. glandarius* отъ Волги до Оренбурга только полосою по Общему Сырту, или же поднимается и далѣе къ сѣверу, т. е. широко распространена въ губ. Самарской и Уфимской. По теченію р. Кинеля въ 1870 г. лѣтомъ сойка мнѣ нигдѣ не встрѣтилась, ни *Garr. glandarius*, ни *Garr. Brandtii. Генке* не видѣлъ самъ сойки подъ Сарептой, но говоритъ, что случайно она бываетъ здѣсь зимою (*Seebohm & Henke*, Birds of Astrakhan, p. 219). По *В. А. Хлѣбникову* (Списокъ птицъ Астрах. губ., стр. 14), залетная птица Астраханской губ., до Астрахани однако сойка не залетаетъ или, по крайней мѣрѣ, никогда не была замѣчена подъ Астраханью (*Яковлевъ*, Bull. de Moscou, 1872, IV, p. 345). По *Съверцову* (Періодич. явл. и т. д. стр. 20, 156), сойка вообще на ю. отъ Воронежа показывается не раньше конца іюля, когда начинаютъ созрѣвать жолуди. Съ іюля и до марта эта птица перелетываетъ по дубовымъ лѣсамъ, въ томъ числѣ и по грядинамъ; въ мартѣ скрывается. Но въ Задонскомъ у. я видѣлъ соекъ втеченіе всего лѣта, и хотя гнѣздъ этой птицы въ данной мѣстности не находилъ, не сомнѣваюсь, что она тамъ гнѣздится. *П. Павловъ* говоритъ, что сойка подъ Рязанью появляется съ 20-хъ чиселъ сентября и держится всю зиму, хотя встрѣчается довольно рѣдко (Орнитол. набл. стр. 14). Это безъ сомнѣнія вѣрно только для окрестностей Рязани, т. к. во многихъ мѣстностяхъ Рязанской губ. сойка осѣдлая или кочующая птица. *Щепотьевъ* отмѣчаетъ ее довольно обыкновенною для Спасскаго у. Рязанской губ. (Пр. и Ох. 1879, XI, стр. 283). Относительно распространенія сойки въ Тульской губ. *П. П. Сушкинъ* (in litt.) сообщаетъ слѣдующее: «На пролетѣ—въ серединѣ сентября и въ серединѣ апрѣля — встрѣчается повсюду, въ 1889 году мнѣ однажды пришлось наблюдать въ Богородицкомъ уѣздѣ на осеннемъ пролетѣ стаю болѣе чѣмъ въ 50 особей. Зимой встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, но также повсемѣстно. Лѣтомъ я встрѣчалъ сойку повсюду въ засѣкѣ, гдѣ она гнѣздится въ довольно большомъ количествѣ; въ половинѣ іюня я встрѣтилъ выводки, а къ концу іюня молодыя сойки уже сильно вылиняли». Я могу прибавить, что сойка изрѣдка гнѣздится въ большихъ лѣсахъ Тульской губ. къ сѣверу отъ засѣки, слѣдовательно къ границѣ Московской губ., но долженъ поправить свое прежнее мнѣніе, будто она гнѣздится въ борахъ: въ боры она только залетаетъ изъ близкихъ лиственныхъ лѣсовъ, со-

ставляющихъ ея коренное гнѣздовье. По *Данилову* (l. c. p. 459), осѣдлая птица Орловской губ. Въ Московской и Владимірской губ. сойка нерѣдкая осѣдлая или только кочующая птица (*Мензбиръ*, *Лоренцъ* и др.). Въ Смоленской и Ярославской сойка также довольно обыкновенна (*Сабанѣевъ* in litt.). По свидѣтельству *А. Н. Дьякова* (in litt.), осѣдлая птица Тверской губ. Въ Вышневолоцкомъ у., по свидѣтельству *Ѳ. Д. Плеске* (со словъ лѣсника), зимою не рѣдка, лѣтомъ не наблюдалась. По *В. Л. Біанки* (in litt.), частая осѣдлая птица сѣверной части Старицкаго у. той же губ. Г. *Петровъ* (Матер. для списка птицъ Новгород. губ. стр. 9) называетъ сойку довольно обыкновенной для области Ильменя Новгородской губ. *В. А. Хлѣбниковъ* (Матер. по фаунѣ позвоночн. Борович. у. стр. 16) говоритъ, что сойка очень обыкновенна въ Боровичскомъ у. той же губ. По *Эсаулову* (Спискъ позвоночн. Тороп. и Холм. уу. стр. 232), довольно часто встрѣчается въ Торопецкомъ и Холмскомъ уу. Псковской губ. Въ Петербургской губ., по *Бихнеру* (Птицы Петерб. губ. стр. 466), «весьма обыкновенна въ большей части губерніи; въ Петергофскомъ у. она охотно посѣщаетъ дубовые парки, но довольно рѣдка. Въ окрестностяхъ Ораніенбаума сойка не очень обыкновенна и выводитъ, по Н. И. Холодовскому, въ паркѣ. Послѣ вывода дѣтей, обыкновенно уже съ конца іюня, сойка кочуетъ большими стаями (иногда до 40 шт.) въ смѣшанныхъ лѣсахъ и по опушкамъ». По *Руссову* (Ornis Ehst–, Liv– und Curland's, S. 58), въ Прибалтійскомъ краѣ обыкновенна, придерживается смѣшанныхъ лѣсовъ. По *Тачановскому* (Ornis, 1888, p. 472) осѣдлая и обыкновенная птица всюду въ Польшѣ. *Бельке* (Esquisse de l'hist. natur. de Kamien.-Pod., p. 28; Quelques mots, p. 418) отмѣчаетъ сойку для Подольской губ. По *Кесслеру* (Ест. Ист. губ. Кіев. уч. Окр., пт. воробьин. стр. 98), обыкновенная осѣдлая птица губ. Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской. Относительно Радомысльскаго у. Кіевской губ. *Бельке* замѣчаетъ, что хотя сойка тамъ и осѣдла, но во время самыхъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ не встрѣчается (Bull. de Moscou, 1866, II, p. 494). Свѣдѣнія о гнѣздованіи сойки въ Уманьскомъ у. сообщаетъ *Гёбель* (Vögel Kreises Uman, S. 73). По *Н. Н. Сомову* (in litt.), очень обыкновенная осѣдлая или кочующая птица Харьковской губ. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 115), сойка обыкновенна въ Бессарабіи и Новороссіи, и конечно осѣдла.

Шатиловъ говоритъ, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ обыкновенная сойка встрѣчается въ Крыму (l. c. стр. 96) (зимою?).

Пересматривая соекъ изъ Воронежской и подмосковныхъ губерній, *Н. А. Съверцовъ* былъ пораженъ обиліемъ у нихъ личныхъ уклоненій и высказался за отдѣленіе сойки центральной Россіи отъ западно-европейской; для нашей онъ предложилъ названіе *Garrulus variabilis*, п. ч. какъ онъ самъ говоритъ, у нея почти нѣтъ постоянныхъ признаковъ. Само собою разумѣется, устанавливать видъ или даже разновидность, для которой нельзя дать діагноза вслѣдствіе измѣнчивости признаковъ, невозможно, и поэтому признавать *Garrulus variabilis* видомъ или разновидностью нельзя. Но считаться съ этой измѣнчивостью признаковъ приходится и объяснить ее нужно. Первое возможное объясненіе то, что центрально-русскія сойки суть переходныя между *Garrulus glandarius, Krynicki* и *Brandtii*, но его нѣтъ основанія принимать, п. ч. тамъ, гдѣ эти переходы дѣйствительно существуютъ, напр. отъ *Picus major* къ *Picus cissa*, градація признаковъ полнѣе и связана съ географическимъ положеніемъ мѣста, у соекъ же этого нѣтъ. Такимъ образомъ остается только другое объясненіе: скрещиваніе *Garr. glandarius* съ *Garr. Brandtii* и *Garr. Krynicki*. Первый гибридъ отличенъ *М. Н. Богдановымъ* подъ названіемъ *Garr. Severtzovi*, для втораго названія нѣтъ. Первый распространенъ въ Поволжьѣ, второй — въ лѣсахъ Войска Донскаго и Воронежской губ. Наконецъ, благодаря кочевкамъ соекъ и, слѣдовательно, спариванью особей изъ разныхъ мѣстъ, въ центральной Россіи сойки представляютъ безконечныя личныя варіаціи, причемъ только въ Воронежской губ. можно видѣть преобладаніе черноголоваго типа личныхъ измѣненій, приближающагося къ *Garr. Krynicki*, да въ Казанской — красноголоваго, приближающагося къ *Garr. Brandtii*, въ центральной же Россіи всѣ признаки безпорядочно смѣшаны. Напротивъ, съ переходомъ въ зап. Россію, т. е. вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ *Garr. glandarius* встрѣчается съ близкими видами, ея признаки становятся постоянны.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ:**

Въ Норвегіи, по *Collet* (Remarks on the Ornith. North. Norway, p. 216), къ сѣверу отъ Дронтгеймфіорда встрѣчается въ ограниченномъ числѣ, но распространена какъ осѣдлая птица даже за пре-

дѣлы полярнаго круга. Болѣе обыкновенна въ низменностяхъ южной и восточной части страны, рѣже по западному побережью (*Collet*, Norges Fugle, p. 141). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 122), сѣверная граница области гнѣздовья сойки въ Швеціи лежитъ около 63° с. ш., но немногія доходятъ и до. 64° с. ш. Осенью отъ времени до времени залетаетъ до полярнаго круга.

Въ Даніи обыкновенна (*Kjaerbölling*, Danmarks Fugle, p. 100). Въ Шлезвигѣ, по *Rohweder* (l. c. S. 10), очень обыкновенна, но лѣтомъ не встрѣчается на западномъ берегу, гдѣ и осенью бываетъ только тамъ и сямъ; большая часть осенью стадами отлетаетъ на югъ.

Въ Сѣверной Германіи всюду обыкновенна, за исключеніемъ высокихъ горныхъ областей; кочующая (*Borggreve*, l. c. p. 80). Въ Голландіи обыкновенна (fide *Dresser*, vol. IV, p. 483), равно какъ въ Бельгіи (*Dubois*, Wiener Mittheilung. 1884, S. 89) и Люксембургѣ (*De la Fontaine*, l. c. p. 139).

Осѣдлая птица въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Англіи, къ сѣверу становится рѣже; на Оркнейскихъ о—вахъ неизвѣстна. Въ Ирландіи въ настоящее время встрѣчается только въ южныхъ частяхъ страны (List British Birds, p. 68).

Во Франціи обыкновенная осѣдлая птица (*Degland & Gerbe*, I, p. 215). По *Saunders*'у (On the Birds of Southern Spain, p. 222), въ изобиліи во всѣхъ мѣстностяхъ Испаніи, за исключеніемъ лежащихъ къ югу отъ Севильи, гдѣ никогда не была встрѣчена. Подъ Гренадой и сѣвернѣе во множествѣ. По *Irby* (Ornithol. of Gibraltar, p. 132), во множествѣ близъ Гибралтара, въ лѣсистыхъ долинахъ и по лѣсистымъ склонамъ холмовъ. До извѣстной степени спорадична въ своемъ распространеніи и хотя должна почесться осѣдлой, тѣмъ не менѣе въ зимніе мѣсяцы кажется болѣе многочисленна. Вѣроятно отъ времени до времени зимою перелетаетъ черезъ проливъ на африканскій берегъ, но тамъ еще никѣмъ не встрѣчена. Въ Португаліи, по *Tait* (Ibis, 1887, p. 199), во множествѣ на сѣверѣ, рѣже въ центральной части страны, довольно рѣдка на югѣ. Лѣтомъ обыкновеннѣе нежели зимою.

Въ Швейцаріи обыкновенная осѣдлая птица въ лѣсахъ низменностей и долинъ (Naumannia, 1856, p. 166; Journ. f. Ornithol. 1879, p. 373).

Обыкновенная осѣдлая птица всей Италіи, съ Сардиніей и Сициліей включительно, но отсутствуетъ на Мальтѣ (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 176; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 15).

О распространеніи сойки въ Австро-Венгріи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. По *Tschusi* (Vögel Salzburg's, S. 48), обыкновенная гнѣздящаяся птица Зальцбурга; нѣкоторыя остаются зимовать. Въ Штиріи осѣдла, но на зиму остаются не всѣ особи (*Blas. Hanf*, l. c. p. 45). *Hueber* (Vögel Kärntens, S. 8) отмѣчаетъ ее для Каринтіи. *Marschall* и *Pelzeln* (Ornis vindobonensis, S. 69) говорятъ, что сойка встрѣчается втеченіе цѣлаго года въ собственно Австріи, но въ особенно большомъ числѣ только осенью, на пролетѣ. По *Fritch* (Vögel Böhmens, S. 61), обыкновенная птица въ лѣсахъ Богеміи, отчасти зимуетъ. Въ Галиціи обыкновенна круглый годъ (Dzieduszycky'sches Museum, S. 37). По *Madaràsz* (Zeitschr. f. Ges. Ornith. I, p. 115), обыкновенная осѣдлая птица Венгріи.

Широко распространенная птица Балканскаго полуова. По *Радажову* (Bull. de Moscou, 1879, p. 162), обыкновенная осѣдлая птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточной Румеліи. По *Alléon* (Ornis, 1886, p. 399), обитаетъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Болгаріи и Добруджи. По *Sintenis* (Journ. f. Ornithol. 1877, p. 72), въ Добруджѣ обыкновенна. По *Finsch* (Journ. f. Ornith. 1859, S. 384), въ Болгаріи повсюду въ лѣсахъ, особенно въ горныхъ. По *Elwes & Buckley* (Birds of Turkey, p. 191), обыкновенна въ Македоніи. По *Alléon* (Bull. Soc. Zool. France, 1880, p. 81), доходитъ до Константинополя, гдѣ уже сталкивается съ *Garr. Krynicki*. Въ Греціи, по *Lindermayer* (Vögel Griechenlands, S. 68), встрѣчается въ небольшомъ числѣ, но распространена и въ Пелопонесѣ и на Эвбеѣ. Лордъ *Lilford* (fide *Dresser*, vol. IV, p. 483) отмѣчаетъ сойку для Корфу.

Въ **Африкѣ**:

Мѣстная порода обыкновенной сойки, отличающаяся отъ обыкновенной меньшимъ ростомъ и въ свое время описанная подъ названіемъ *Garr. minor*, распространена въ Алжирѣ, гдѣ водится также отличающійся рѣзкими признаками видъ *Garrulus cervicalis*.

73.

GARRULUS KRYNICKI, KALEN.

Черноголовая сойка.

Синонимы: Garrulus glandarius, var. (pileo nigro), Hohen.; Garrulus Krynicki, Kalen.; Garrulus melanocephalus, Schl. & Susem. nec Géné.

станціи:

горные и низменные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Область распространенія черноголовой сойки довольно ограничена: эта птица распространена на Кавказѣ, въ Крыму, Малой Азіи и изрѣдка встрѣчается въ окрестностяхъ Константинополя, куда очевидно распространилась изъ Малой Азіи. Отличившій эту птицу въ качествѣ самостоятельнаго вида *Каленичено* (Bull. de Moscou, 1839, № III, p. 342; ibid. № II, p. 217) нашелъ ее на Кавказѣ въ окрестностяхъ Пятигорска и близъ Георгіевска, и въ Крыму близъ Судака и Ѳеодосіи. Въ настоящее время мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія о распространеніи этой птицы.

«Черноголовая сойка встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ сѣвернаго Кавказа, за исключеніемъ только самаго верхняго пояса ихъ, говоритъ *Н. Я. Данникъ* (Орнитол. набл. стр. 332). На высотѣ отъ 4—5 тысячъ футовъ, какъ напр. въ Заделескѣ (на Урухѣ), въ верховьяхъ Ріона, я встрѣчалъ ее постоянно, а въ долинѣ притока Ріона, Чанчахи, видѣлъ даже на высотѣ около 6000 ф. въ смѣшанномъ лѣсу, состоящемъ изъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ. Въ чистыхъ хвойныхъ лѣсахъ, сколько я помню, она мнѣ не попадалась ни разу. Что касается до Закавказья, то кромѣ верховьевъ Ріона я встрѣчалъ соекъ около Боржома, между Боржомомъ и Ахалцихомъ и на Сурамскомъ перевалѣ. Болѣе всего я видѣлъ ихъ въ Шахъ-Гиреевскомъ ущельѣ на Малой Лабѣ.

«Черноголовыя сойки зимуютъ какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Закавказьѣ, но несомнѣнно, что значительная часть ихъ еже-

годно передъ наступленіемъ зимы перебирается съ сѣвернаго Кавказа дальше на югъ. Утверждаю я это на основаніи того, что осенью мнѣ нѣсколько разъ приходилось видѣть столько соекъ, сколько никогда не бываетъ ихъ лѣтомъ; очевидно тутъ къ мѣстнымъ присоединились перелетныя. Такія стаи перелетныхъ соекъ я встрѣчалъ 15 сентября 1880 года, 28 сентября 1881 года и еще много разъ. Перелеты или перекочевки ихъ продолжаются всю вторую половину сентября и почти весь октябрь. Зимою соекъ бываетъ значительно меньше, чѣмъ лѣтомъ; это особенно бросилось мнѣ въ глаза во время зимы 1885—86 года; ежедневно въ теченіе двухъ недѣль, бродя по лѣсамъ не далеко отъ станицы Змѣйской (Владикавказскій округъ), я былъ удивленъ почти полнымъ отсутствіемъ въ нихъ соекъ, тогда какъ лѣтомъ здѣсь ихъ видишь чуть не на каждомъ шагу. Очевидно большая часть ихъ отлетѣла куда-нибудь въ теплыя мѣста.

«Что кавказская сойка не переноситъ сильныхъ морозовъ, я имѣю неопровержимыя данныя. Во время страшно суровой зимы 1879—80 гг. въ январѣ и февралѣ я нѣсколько разъ находилъ на снѣгу мертвыхъ соекъ. Нельзя думать, что онѣ погибли отъ недостатка пищи, такъ какъ, принадлежа къ животнымъ всеяднымъ, съумѣли бы отыскать какіе-нибудь плоды, сѣмена, почки, куколки насѣкомыхъ и пр. Очевидно, ихъ бѣдное и черезчуръ рыхлое опереніе не могло служить имъ достаточной защитой отъ сильныхъ холодовъ. Такихъ замерзшихъ соекъ я нашелъ 5 или 6 штукъ, находили ихъ и другіе охотники. Въ прочія зимы ничего подобнаго не случалось».

У *Радде* (Орнитолог. фауна Кавказа, стр. 106) можно заимствовать слѣдующія подробности о распространеніи этой птицы. «Сойки на Кавказѣ избираютъ преимущественно предгорья, поросшія рѣдкимъ дубовымъ лѣсомъ; такъ я находилъ ихъ въ Колхидской области вездѣ, какъ зимою, въ мелкомъ лѣсу, такъ и лѣтомъ, на высотѣ почти 6000′ надъ уровнемъ моря, но гораздо рѣже въ высшей области. Уже въ Глолѣ (Рачинскаго уѣзда), на высотѣ 4,600′, сойки были рѣдки. Въ темныхъ лѣсахъ Ингурскаго ущелья я встрѣтилъ сойку только два раза близь Нацисквильскаго ручья (вправо къ Ингуру). На южной сторонѣ центральной части главнаго Кавказскаго хребта сойки живутъ въ лѣсахъ предгорій, небольшими обществами, часто въ сообществѣ съ *Turdus viscivorus* и *T. merula* и со стаями просянокъ и коноплянокъ. Зимою онѣ слетаютъ въ долины и охотно обитаютъ

тогда пространства, поросшія дикими плодовыми деревьями. Также точно онѣ часто появляются зимою у деревушки Цагвери (Боржомъ), лежащей посреди лѣса, гдѣ лѣтомъ онѣ рѣдки. Въ ноябрѣ я часто встрѣчалъ соекъ во множествѣ въ нижней долинѣ Куры, повсюду, гдѣ только по ея скатамъ росли одиночные дубы и платаны. Такъ, къ востоку отъ Куракчайской станціи, близь Ширъ-Али-Хана, въ группахъ деревьевъ я видѣлъ множество соекъ. Съ исчезновеніемъ дуба, далѣе къ востоку, по долинѣ Куры, сойка становится рѣдкимъ обитателемъ садовъ, совершенно не встрѣчается около устья рѣки и, перескакивая черезъ Муганскую степь, снова оживляетъ только Талышскія низменности, въ мѣстахъ, поросшихъ дубомъ. Здѣсь онѣ не рѣдки». Послѣднее свѣдѣніе (о распространеніи сойки въ Талышской низменности) относится не къ *Garr. Krynicki*, а къ *Garr. hyrcanus, Blanf.*, близкой къ *Garr. glandarius*, отъ которой отдѣлена областью распространенія болѣе далекаго отъ нихъ обоихъ вида (*Garr. Krynicki*). *Garr. hyrcanus* заходитъ въ Талышскую низменность изъ Персіи.

Что касается другихъ источниковъ, касающихся распространенія черноголовой сойки на Кавказѣ, мы ихъ не будемъ касаться, п. ч. въ нихъ въ болѣе общихъ чертахъ найдемъ уже сказанное сейчасъ по *Динник*у и *Радде*.

Нордманнъ (Faune pontique, p. 115) приводитъ черноголовую сойку для Кавказа и Крыма. *Шатиловъ* (Списокъ орнитол. собр. стр. 89, 96) и *Радде* (Bull. de Moscou, 1854, III, 146; Journ. f. Ornith. 1854, S. 62) приводятъ сойку осѣдлою птицею Крымскихъ горъ, но указываютъ ея отсутствіе въ степи. *Irby* (l. c. 5358) говоритъ, что она живетъ круглый годъ у Байдаръ. *Carte* (l. c. p. 270) нашелъ ее въ лѣсахъ близь мыса Ая. *Blakistone* (l. c. 5514) говоритъ вообще, что сойка зимою въ Крыму обыкновенна. Въ лѣтніе мѣсяцы я встрѣчалъ сойку въ лѣсахъ Крымскихъ горъ на всемъ протяженіи отъ Балаклавы до Ялты. По западному побережью Чернаго моря черноголовая сойка не встрѣчается, будучи здѣсь замѣщена обыкновенной *Garr. glandarius*, за исключеніемъ окрестностей Константинополя. *Robson* нашелъ ее здѣсь гнѣздящеюся въ Бѣлградскихъ лѣсахъ (*Elwes & Buckley*, Birds of Turkey, p. 191). По *Alléon* (Bull. Soc. Zool. France, 1880, p. 81), обыкновенная и черноголовая сойка живутъ вмѣстѣ въ окрестностяхъ Константинополя,

представляя полную серію переходовъ между двумя формами. По *Danford* (Ibis, 1878, p. 27), въ Малой Азіи имъ встрѣчена только *Garr. Krynicki*, чрезвычайно обыкновенная въ Таврѣ.

Къ югу отъ Малой Азіи, въ Сиріи и Месопотаміи, мѣсто *Garr. Krynicki* занимаетъ *Garr. melanocephalus.*

74.

GARRULUS BRANDTII, EVRSM.

станціи:

хвойные и лиственные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Область распространенія *Garr. Brandtii* тянется полосою отъ средней Волги и Камы на востокъ черезъ южную Сибирь до Тихаго океана.

По свидѣтельству *П. С. Назарова* (Recherches zoologiques, p. 20), встрѣчается довольно часто въ Губерлинскихъ горахъ, по р. Чебаклѣ. Найдена также по р. Сакмарѣ и близь Кананикольскаго завода. Въ этой же области встрѣчаются и экземпляры переходные къ *Garr. glandarius* и сама *Garr. glandarius*. По *Н. А. Зарудному* (Орнитол. фауна Оренб. края, стр. 130), зимою изрѣдка бываетъ подъ Оренбургомъ. Распространеніе *Garr. Brandtii* въ Самарской и Уфимской губ. не прослѣжено, но судя по распространенію сойки съ блѣднорыжей головой въ Симбирской и Казанской губ. присутствіе *Garr. Brandtii* въ лѣсахъ Самарской и Уфимской губ. несомнѣнно и вѣроятно къ этому виду относятся показанія *Л. П. Сабанѣева* относительно распространенія сойки въ Уфим. губ. *Ѳ. А. Теплоуховъ* добылъ *Garr. Brandtii* подъ с. Ильинскимъ Пермской губ. (на р. Обвѣ). *В. В. Бѣловъ* доставилъ мнѣ *Garr. Brandtii* добытую въ Орловскомъ у. Вятской губ. и въ настоящее время это самое западное мѣстонахожденіе названной птицы (см. также Вятскія губ. Вѣдомости, 1888, № 45). *Миддендорфъ* (Sibir. R. S. 156) нашелъ *Garr. Brandtii* во множествѣ въ серединѣ декабря между Малмышемъ и Кунгуромъ. Я имѣю изъ-подъ Кунгура переходные экземпляры. Съ

р. Серебрянки были доставлены типичные *Garr. Brandtii*. *Мевесъ* (Journ. f. Orn. 1875, S. 432) нашелъ ее подъ Пермью и на Уралѣ, но первые указали на присутствіе этой птицы въ Пермской губ. *Миддендорфъ* и *Н. А. Сѣверцовъ* (См. *Богдановъ*, Птицы и звѣри, стр. 114). «Сойка не идетъ такъ далеко на сѣверъ, какъ ронжа, говоритъ *Л. П. Сабанѣевъ* (Позвон. Ср. Ур., стр. 58), и Сѣверно-Уральская экспедиція вовсе не упоминаетъ объ ней. Уже въ Павдѣ она становится довольно рѣдкою птицею, а въ окрестностяхъ Богословска составляетъ большую рѣдкость, можетъ быть вовсе не гнѣздится и ни въ какомъ случаѣ не поднимается до Петропавловска.

«Главное мѣстопребываніе ея все-таки югозападныя предгорія Пермскаго Урала; всего многочисленнѣе она въ дубовыхъ лѣсахъ Уфимской губ. На восточномъ склонѣ сойка гнѣздится уже въ значительно меньшемъ количествѣ, хотя и встрѣчается въ сосновыхъ лѣсахъ, лежащихъ собственно въ черноземной полосѣ (напр. въ небольшомъ бору у села Тибука). Но въ березовыхъ лѣсахъ она положительно не выводитъ и замѣчается только на пролетѣ». *Л. П. Сабанѣевъ* относитъ всѣ эти свѣдѣнія къ *Garr. glandarius*, но то, что онъ говоритъ о Пермской губ., цѣликомъ относится къ *Garr. Brandtii* и быть можетъ только въ Уфимской губ. оба вида соекъ сталкиваются; и то говорю «быть можетъ», п. ч. по свѣдѣніямъ *Назарова* вѣроятнѣе, что въ Уфимской губ. живетъ одна *Garr. Brandtii*. *И. Я. Словцовъ* добылъ красноголовую сойку подъ Тюменью и я изрѣдка встрѣчалъ эту птицу между Екатеринбургомъ и Тюменью. *Финшъ* (R. n. W.-Sib. S. 200) упоминаетъ *Garr. Brandtii* только изъ подъ Тюмени (26. IX/8. X) и Самаровой, на Иртышѣ (18/30. IX). *Булычевъ* (l. c. p. 28) говоритъ, что сойка водится въ лиственныхъ лѣсахъ Ирбитскаго у., но ошибочно относитъ это къ *Garr. glandarius*. Въ моей коллекціи имѣются экземпляры изъ Верхне-Уральска. *Миддендорфъ* (l. c. S. 158) нашелъ ее обыкновенною между Ачинскомъ и Красноярскомъ. *Н. А. Сѣверцовъ* (in litt.) отмѣчаетъ ее для сѣверо-восточнаго Тянь-Шаня, Тарбогатая и Алтая. По *Палласу* (l. c. p. 394) сойка распространена до Лены и встрѣчается въ южной Камчаткѣ. *Дыбовскій* нашелъ ее близъ Байкала, въ Забайкальѣ и близъ устья Уссури. По *Шренку*, у устья Амура и на Сахалинѣ (Bull. Soc. zool. France. 1876. p. 170). *Радде* нашелъ ее у Байкала, близъ Иркутска и въ Бурейскихъ горахъ (R. n. S. v. O.-Sib.

p. 204). «Восточная представительница нашей обыкновенной сойки, говоритъ *Н. М. Пржевальскій* (Монголія, II, стр. 71), найдена была нами только въ горахъ Гань-су, гдѣ обитаетъ въ лѣсномъ поясѣ... Въ бассейнѣ оз. Ханка сойка Брандта попадается лишь изрѣдка, но гораздо чаще встрѣчалъ я эту птицу на побережьѣ Японскаго моря, позднею осенью, при слѣдованіи изъ залива Посьета въ гавань св. Ольги». «На Сахалинѣ эта сойка одна изъ обыкновенныхъ птицъ, говоритъ г. *Никольскій* (Островъ Сахалинъ, стр. 207). Мы не рѣдко встрѣчали ее лѣтомъ въ тайгѣ средней части острова. Г. Шренкъ видѣлъ ее зимой по всему теченію р. Тыми. Вѣроятно, объ этой же сойкѣ говоритъ корреспондентъ газеты «Владивостокъ». По его словамъ, въ долинѣ р. Сусуи (южн. Сахалинъ) сойка портитъ овощи». По *Seebohm*, въ Японіи осѣдлая птица Iecco (Birds of the Japanese Empire, p. 100).

75.

PERISOREUS INFAUSTUS.

Сойка ронжа, ронжа, кукша.

Lanius infaustus, L.; Corvus infaustus, Sparrm.; Corvus sibiricus, Gm.; Garrulus infaustus, Vieill.; Pica infausta, Wagl.; Corvus mimus, Pall.; Perisoreus infaustus, Bp.

станціи:

глухой хвойный лѣсъ, тайга.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Въ общемъ область распространенія ронжи можетъ быть опредѣлена такъ: вся лѣсная область сѣверной части палеарктическаго царства, отъ Скандинавіи до Тихаго океана, т. е. тайга, за исключеніемъ ея южной окраины.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Seebohm & Brown* (Birds of the Lower Petchora, p. 113), ронжа не рѣдка во всѣхъ хвойныхъ лѣсахъ, которыми проѣхали эти

натуралисты отъ Петербурга до Архангельска и отсюда до Усть-Цыльмы (нижняя Печора); сѣвернѣе Габарики (65°47′) въ области нижней Печоры не найдена; гнѣзда и яйца были добыты подъ Усть-Цыльмой 15/27. IV. По свидѣтельству *Гёбеля*, осѣдла около Пинеги (Journ. f. Ornith., 1873, S. 410). Въ половинѣ іюля уральская экспедиція нашла ронжу на верхней Печорѣ (62° с. ш.). По *Сабанѣеву* (Позвоночныя средняго Урала, стр. 58), въ Пермской губ. ронжа, въ качествѣ обитательницы еловыхъ лѣсовъ, гораздо обыкновеннѣе на западномъ, чѣмъ на восточномъ склонѣ Урала. Въ Богословскомъ округѣ встрѣчена исключительно въ лѣсахъ по болотистымъ берегамъ рѣкъ. Въ сосновыхъ лѣсахъ Каслинскаго и Каштымскаго Урала ронжа составляетъ большую рѣдкость, хотя и гнѣздится здѣсь по березовымъ кардашникамъ. Въ Полевскихъ и Нязепетровскихъ ельникахъ и пихтовникахъ она повидимому многочисленнѣе чѣмъ въ Богословскѣ. *Булычевъ* приводитъ ронжу въ спискѣ птицъ Ирбитскаго у. (l. c., p. 28). *В. А. Разевичъ* приводитъ ее для Соликамскаго у. *Θ. А. Теплоуховымъ* найдена подъ Ильинскимъ, на р. Обвѣ (in litt.). По *Эверсманну* (Ест. Исторія Оренб. края, ч. III, стр. 151—152), находится также въ лѣсахъ восточной части Казанской губ., но очень рѣдко. *В. В. Бѣловъ* доставилъ экземпляры ронжи, добытые въ Слободскомъ и Орловскомъ уу. Вятской губ. (См. также Вятскія губ. Вѣдом. 1888, № 46). По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, № 4, p. 631), осѣдлая птица Вологодской губ. Я получилъ шкурки этой птицы, добытыя въ концѣ лѣта въ Костромской губ. (Варнавинъ). Обыкновенна подъ Архангельскомъ (Journ. f. Ornith. 1873, S. 419; Ibis, 1873, p. 65—66; 1882, p. 377). *Liljeborg*'омъ найдена на Двинѣ и подъ Лодейнымъ полемъ (Naumannia, 1852, S 103). *Мевесу* попадалась въ большихъ лѣсахъ на пути отъ Онежскаго оз. къ Каргополю и Архангельску (l. c. p. 763). По свѣдѣніямъ, собраннымъ *Mela*, обыкновенная осѣдлая птица въ Обонежьѣ, ладожской, финской и русской Карелiи, Финляндіи, русской и финской Лапландіи и окрестностяхъ озера Энаре. Обыкновенной для хвойныхъ лѣсовъ Лапландіи приводитъ ее и *Плеске*; въ березовыя заросли заходитъ лишь послѣ вывода дѣтей (l. c., S. 148—149). По свидѣтельству *Бихнера* (Птицы С.-Петербургской губ., стр. 465), довольно рѣдка въ С.-Петербургской губ. По *Брандту*, найдена Геффнеромъ неоднократно въ С.-Петербургской губ., другими же наблюдателями

даже на гнѣздовьи. Мѣстные охотники сообщали Бихнеру, что ронжа гнѣздится въ Гдовскомъ у.; *Холодковскій* даетъ тоже указаніе для Петергофскаго у. Вѣроятно осѣдлая птица окрестностей оз. Ильменя (*А. Петровъ*. Матеріалы для списка птицъ Новгородской губ., стр. 9). По свидѣтельству *Хлѣбникова* (Матеріалы, стр. 16), весьма обыкновенна въ Боровичскомъ у. Новгородской губ. По удостовѣренію *Эсаулова* (Списокъ позвоночныхъ Торопецк. и Холмскаго уу., стр. 233), встрѣчается изрѣдка въ Торопецкомъ и Холмскомъ уу. (осѣдла?). По свидѣтельству *А. Н. Дьякова*, осѣдлая птица въ глухихъ хвойныхъ лѣсахъ Тверской губ. По *Сабанѣеву*, изрѣдка гнѣздится въ Ярославской (уѣзды Ярославскій, Угличскій, Романовскій) и Владимірской губ. (in litt.) Осѣдлая, но рѣдкая птица въ Московской губ., откуда имѣю экземпляры въ моей коллекціи. Въ Тульской, противно свидѣтельству Мясникова, не гнѣздится, но отъ времени до времени бываетъ зимою (*Menzbier*, Revue comparative, p. 4). О распространеніи ронжи въ области верхнихъ притоковъ Днѣпра свѣдѣній не имѣется, но, по *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, S. 59), въ Балтійскихъ провинціяхъ осѣдлая птица въ хвойныхъ лѣсахъ восточной Эстляндіи и прилежащихъ частяхъ Лифляндіи. Руссовъ перечисляетъ даже лѣса, гдѣ эта птица можетъ быть постоянно найдена (Chudleigh, Tuddo, Paggar, Awwinorm).

Какъ далеко заходитъ ронжа зимою на югъ неизвѣстно. *Чернай* въ первомъ каталогѣ упоминаетъ о томъ, что эта птица была добыта въ окрестностяхъ Харькова (Bull. de Moscou, 1850, № 2, p. 612), но въ позднѣе выпущенной «Фаунѣ Харьковской губ.» это замѣчаніе уже не приведено. Вѣроятно, ронжа зимою переходитъ очень недалеко къ югу за южную границу своей области гнѣздовья, т. к. не совершаетъ правильныхъ перелетовъ, а только кочуетъ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По *Collet*, въ Норвегіи, обыкновенна въ хвойныхъ лѣсахъ восточной и западной Финмаркіи, къ сѣв. до Альтена (70°), но едва ли далѣе, т. к. не переходитъ границу хвойныхъ лѣсовъ. Въ южныхъ областяхъ также пріурочена къ хвойнымъ лѣсамъ, изъ которыхъ рѣдко заходитъ въ область березы. Къ югу гнѣздится до широты

Христіаніи (59½° с. ш.), осенью заходитъ еще на градусъ южнѣе (Remarks on the Ornith. of North. Norway, p. 216; Nurges Fugle, p. 142). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, p. 121), въ Швеціи гнѣздится уже въ южной части Далекарліи и отсюда къ сѣверу идетъ по крайней мѣрѣ до 70° с. ш. Въ береговыхъ провинціяхъ встрѣчается болѣе зимою, и рѣдко къ югу до Стокгольма. Лѣтомъ въ береговой области встрѣчается только начиная съ 63°—64° с. ш., но и тутъ еще рѣдко, и только начиная съ полярнаго круга становится всюду обыкновенна.

Benzon сообщилъ *Dresser*'у (Birds of Europe, IV, p. 473), что ронжа была добыта въ Даніи дважды въ 1770 г. близь Боргольма.

Показаніе *Gloger*'а, что *Peris. infaustus* наблюдалась въ Силезіи, возбуждаетъ сомнѣнія, хотя *Naumann* также упоминаетъ, что она была встрѣчена однажды въ Татрахъ и дважды въ Силезіи.

По *Madarász* (Zeitschr. f. Ges. Ornith. I, p. 115), одинъ экземпляръ ронжи былъ добытъ въ Верхней Венгріи и сохраняется теперь въ Вѣнскомъ музеѣ.

Въ Азіи:

По *Finsch*'у (R. n. W.-Sib., S. 201), экземпляры ронжи были получены имъ на Оби между 61° и 62°40′, отъ 5/17 до 14/26 сентября. *Словцовымъ* эта птица добыта подъ Тюменью. Въ лѣсахъ по Енисею ронжа прослѣжена отъ Красноярска до полярнаго круга. (*Seebohm*, Ibis, 1880, p. 187). *Миддендорфъ* говоритъ, что не встрѣчалъ ронжи сѣвернѣе Туруханска; подъ Якутскомъ, на Становомъ хребтѣ и на южномъ берегу Охотскаго моря всюду въ большомъ количествѣ. По *Шренку* (Vög. Amur-Landes, S. 315), распространена во всемъ Амурскомъ краѣ, но особенно многочисленна въ хвойныхъ лѣсахъ при устьѣ Амура, морскаго побережья и о—ва Сахалина. *Радде* (R. n. S. v. O. Sibir. Vögel. S. 203) приводитъ ее для мѣстностей Байкальскаго озера и долины Ангары. По *Тачановскому* (Bull. de France, 1876, p. 170), повсемѣстно распространенная птица окрестностей Байкальскаго оз. и Дауріи. Въ Камчаткѣ не встрѣчается. На Сахалинѣ эта птица довольно обыкновенна (*Никольскій*, Сахалинъ, стр. 207).

76.

NUCIFRAGA CARYOCATACTES, L.

Орѣховка, кедровка.

Corvus caryocatactes, Linn.; Nucifraga guttata, Vieill.; Caryocatactes maculatus, Koch; Nucifraga caryocatactes, Temm ; Nucifraga brachyrhynchos, macrorhynchos, plathyrhynchos, hamata, minor, C. L. Brehm.

станціи:

тайга на сѣверѣ палеарктической области, глухіе горные лѣса въ центральной Европѣ; область кедра, пихты и ели весьма хорошо опредѣляетъ область гнѣздовья кедровки.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Кедровка распространена во всей лѣсной области или тайгѣ сѣверной части Стараго свѣта и тремя языками заходитъ далеко къ югу: въ центральной Европѣ, западной части центральной Азіи (Тянь-Шань) и на крайнемъ востокѣ (Японія).

А) Въ Европ. Россіи.

Сабанѣевъ говоритъ намъ о распространеніи этой птицы въ Пермской губ. слѣдующее: «Во всей Россіи наврядъ ли найдется другое мѣсто, гдѣ бы кедровки были настолько обыкновенны, какъ на сѣверѣ Пермской губ. Это становится понятнымъ, если принять въ соображеніе распространеніе кедра, составляющаго главную пищу этой птицы. Количество кедровокъ находится здѣсь положительно въ прямомъ отношеніи съ количествомъ кедровниковъ, и, какъ въ нихъ, такъ и по близости, онѣ невольно обращаютъ на себя вниманіе своею многочисленностью: повсюду встрѣчаются перелетывающія кедровки и вездѣ слышится негармоничный крикъ ихъ. Въ началѣ лѣта, когда кедровки еще держатся въ чащѣ, количество ихъ не поражаетъ однако, какъ въ концѣ іюля и началѣ августа, т.-е. во

время созрѣванія кедровыхъ орѣховъ, и есть нѣкоторыя основанія къ предположенію, что кедровка не только въ концѣ лѣта прикочевываетъ въ кедровники изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей, но даже въ неурожайные годы въ данной мѣстности гнѣздится въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ урожайные. На это указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что *Nucifraga*, встрѣчавшіяся въ Павдѣ въ іюлѣ 1868 года въ необычайномъ множествѣ, въ іюнѣ 1872 г. были относительно немногочисленны. Но въ этой послѣдней мѣстности онѣ вообще встрѣчаются чаще, нежели въ Богословскомъ округѣ, что опять тоже находится въ прямой зависимости отъ меньшаго количества Богословскихъ кедровниковъ, истребленныхъ на Уралѣ пожарами послѣдняго десятилѣтія. Вообще всюду, гдѣ только встрѣчаются кедровыя насажденія, орѣховка принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ птицъ. Поэтому въ южной половинѣ Пермской губ., она сразу становится весьма рѣдкою. Южнѣе Екатеринбурга, по восточному склону, *Nucifraga* еще малочисленнѣе ронжи и гнѣздится въ видѣ исключенія, но въ ельникахъ и пихтовникахъ западныхъ отроговъ попадается уже въ бо́льшемъ количествѣ» (Позвон. средн. Урала, стр. 58—59). По *Эверсманну* (Ест. Ист. Оренб. края, ч. III, стр. 156—157), попадается повсюду въ большихъ лѣсахъ Уральскихъ горъ; въ южныхъ она рѣдка; въ сѣверныхъ же, равно какъ и въ лѣсахъ Казанской губ., обыкновенна. По свидѣтельству *Богданова* (Птицы и звѣри поволжья, стр. 113), осенью орѣховки попадаются во многихъ лѣсахъ Казанскаго у. По наблюденіямъ *Назарова*, *Nucifr. caryocat.* въ Уралѣ на гнѣздовьи спускается къ югу приблизительно до р. Бѣлой, слѣдовательно не переходитъ далеко за южный предѣлъ распространенія ели. По свидѣтельству *Брандта* (Bemerkungen üb. die Wirbelth. d. nördl. europ. Russl., S. 65), уральская экспедиція добыла только одинъ экземпляръ орѣховки у истоковъ Печоры, подъ 62° с. ш. 12 іюня. Очевидно, здѣсь эта птица уже рѣдка. *Seebohm & Brown* совсѣмъ не упоминаютъ объ этой птицѣ въ описаніи своей поѣздки на нижнюю Печору и единственное вѣроятное объясненіе этого состоитъ въ томъ, что здѣсь она не переходитъ къ сѣверу за сѣверную границу кедра. По *Seebohm & Henke* (Birds of Archangel, p. 377), изрѣдка встрѣчается подъ Архангельскомъ, что сообщаетъ также *Гёбель* (Journ. f. Ornith., 1873, 419). По *Heinrich*, крайне рѣдка подъ Архан-

гельскомъ (Ornis, 1886, p. 236). Отсюда на западъ встрѣчается въ Обонежьи, ладожской и финской Карелiи, финской Лапландiи, около оз. Энаре, въ Финляндiи и пр.

По *Нордманну* (Bull. de Moscou, 1860, I, p. 21), распространена по всей Финляндiи и Лапландiи; черезъ промежутки въ нѣсколько лѣтъ показывается сразу въ большомъ количествѣ. По свидѣтельству *Nylander* (fide *Pleske*, Vögel der Kola-Halbinsel, S. 146), въ Лапландiи доходитъ къ сѣверу до оз. Энаре. Первыя свѣдѣнiя о появленiи кедровки въ Финляндiи массами относится къ 1844 г. Также часто встрѣчалась въ южной Финляндiи осенью 1860 г. По *Wright* (Finlands Foglar, 1859, p. 80), преимущественно она была находима въ юго-западной части страны. Въ 1844 г. кедровка встрѣчалась во множествѣ съ iюня по ноябрь (н. ст.). Лѣтомъ 1846 г. *Wright* видѣлъ двухъ въ *Laukkas*, а въ сентябрѣ 1847 и 1850 г. нѣсколько штукъ наблюдалось въ *Rautalampi*. По свидѣтельству *Palmén*'а (*Tschusi zu Schmidhoffen*, Verbreitung und Zug des Tannenhehers, p. 72), кедровка вѣроятно гнѣздится въ приходѣ *Nagu*, въ шкерахъ Або, такъ какъ лѣтомъ 1882 и 1883 г. тамъ находили молодыхъ птицъ. Въ приходѣ *Korpo*, на островахъ недалеко отъ Або, по *Levander*, студентъ *Herlin* замѣтилъ одну орѣховку 2/14 iюня 1885 у помѣстья *Lempersjö*, гдѣ позднѣе онъ видѣлъ цѣлую семью. 4/16 iюля тамъ была добыта молодая изъ стайки въ 4 штуки. Мѣстность богата орѣшникомъ и другимъ кустарникомъ, дубками и полянами. Въ близь лежащемъ хвойномъ лѣсу птицы не были замѣчены. *Levander* нашелъ у деревни *Galtby* и *Wattkast*, въ томъ же приходѣ, на этотъ разъ въ хвойномъ лѣсу, вторую семью и третью въ *Korpo*. Въ желудкѣ убитой были сѣмена и остатки жуковъ. По письменному сообщенiю *Palmen*'а *Blasius*'у, кедровки, начиная съ 1844 г. появлялись въ Финляндiи въ 1845, 1846, 1847, 1850, 1859, 1868, 1869, 1875 и 1879 и были большею частiю наблюдаемы только въ среднихъ и южныхъ частяхъ. *Sundström* въ продолженiе многихъ лѣтъ въ августѣ находилъ нѣсколько штукъ кедровки въ приходѣ *Töglö* въ шкерахъ Эланда, гдѣ эта птица даже гнѣздится (*Tschusi*, l. c. p. 72). О Вологодской губ. *Межаковъ* говоритъ слѣдующее (Bull. de Moscou, 1856, IV, p. 631): бываетъ рѣдко, всегда большими стадами и никогда долго не остается въ одномъ мѣстѣ. Но это наблюденiе очевидно неполно, орѣховка внѣ всякаго

сомнѣнія гнѣздится въ Вологодской губ., равно какъ и прилежащихъ.

По *Бихнеру* (Птицы С.-Петербургской губ., стр. 465), появляется въ С.-Петербургской губ. осенью во время пролета, иногда въ большомъ количествѣ. Можно предполагать, что кедровка и гнѣздится здѣсь, т. к. существуютъ экземпляры, добытые въ концѣ іюля и въ августѣ, но доказаннымъ это не можетъ почесться. По *Руссову* (Ornis Ehst–, Liv–und Curland's, S. 57), изрѣдка гнѣздящаяся птица Балтійскаго края; осенью появляется нормально, но далеко не всегда въ большомъ количествѣ. По *Афанасьеву*, эта птица живетъ въ густыхъ лѣсахъ Ковенской губ., что весьма возможно, соображаясь съ показаніями *Руссова* и *Плеске*.

Тачановскій о Польшѣ пишетъ слѣдующее: встрѣчается на пролетѣ, но не каждогодно; въ одни годы ее совсѣмъ не видно, въ другіе она появляется осенью въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна была осень 1844 года, когда кедровка переселялась такими же громадными стадами, въ какія собираются грачи. Зимою того же года ихъ встрѣчали всюду, но не въ большомъ количествѣ. Въ Сувалкской губ. эту птицу наблюдаютъ каждую зиму. Однажды встрѣчена Тачановскимъ лѣтомъ (іюль), въ полной линькѣ. Вѣроятно въ Польшѣ не гнѣздится, а залетаетъ сюда изъ выше перечисленныхъ близь лежащихъ мѣстностей. (Bull. de France, 1877, p. 148; Ornis, 1888, p. 473).

Плеске сообщаетъ, что по словамъ лѣсника, кедровка гнѣздится въ Старовежскомъ лѣсу Гродненской губ. Двухъ молодыхъ Плеске добылъ въ Слонимскомъ у. По *Эсаулову* (Списокъ позвон. Тороп. и Холмск. у.у., стр. 234), попадается изрѣдка въ Торопецкомъ и Холмскомъ у.у. (гнѣздится). *А. Н. Дьяковъ* сообщаетъ мнѣ, что орѣховка водится въ глухихъ хвойныхъ лѣсахъ Тверской губ.; гнѣзда вьетъ на елкахъ. *В. Л. Бianки* отмѣчаетъ эту птицу осѣдлой въ заволжской части Старицкаго уѣзда (той же губерніи). Въ центральной Россіи лѣтомъ очень рѣдка, но мѣстами быть можетъ гнѣздится. *Сабанѣевъ* указываетъ въ этомъ отношеніи на у.у. Ярославскій, Серпуховской и Московскій, и на «засѣку» въ Тульской губ. Однако, ни я, ни *Сушкинъ* не нашли орѣховки въ засѣкѣ лѣтомъ и показанія *Сабанѣева* по всей вѣроятности надо отнести къ неточнымъ показаніямъ, собраннымъ отъ птицелововъ.

Далѣе *Сабанѣевъ* говоритъ, что лѣтомъ кедровка встрѣчается еще въ Брянскомъ у., хотя неизвѣстно, гнѣздится ли тамъ. Показаніе *В. Щепотьева* (Пр. и Ох., 1879, XI, стр. 283), что *Nuc. caryoc.* довольно обыкновенна въ Спасскомъ у. Рязан. губ. вѣроятно относится къ осени. Болѣе точныя изслѣдованія надъ распространеніемъ птицъ въ Европ. Россіи вѣроятно укажутъ, между прочимъ, на болѣе полное приближеніе южной границы области гнѣздовья кедровки къ южной границѣ ели.

Хотя кедровка и не принадлежитъ къ числу перелетныхъ птицъ, тѣмъ не менѣе это птица совершающая громадныя перекочевки, по всей вѣроятности стоящія въ связи съ мѣстнымъ недостаткомъ корма. Особенно развита эта кочевая жизнь кедровки въ восточной и юго-восточной части Россіи: отъ Уральскаго хребта до Каспійскаго моря. Такъ, по *Плеске*, осенью 1872 г. кедровка въ значительномъ количествѣ наблюдалась подъ Оренбургомъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ въ 1872 г. стала появляться въ августѣ. Осенью 1877 года, по свидѣтельству того же наблюдателя, въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, по дорогѣ отъ Оренбурга въ Уфу, встрѣчена имъ въ громадномъ количествѣ. По свидѣтельству *Н. А. Зарудnаго* (Природа и Охота, августъ 1881, стр. 100—101, Орнитол. ф. Оренб. края, стр. 125 и письменныя сообщенія), приблизительно между 10 и 20 числами сентября появляется подъ Оренбургомъ, иногда, какъ напр. въ 1885 году, въ поразительномъ количествѣ. *Сѣверцовъ* говоритъ, что, по свидѣтельству Карелина, осенью и зимой большія стада кедровокъ бываютъ въ рощѣ и садахъ Гурьева (in litt.). По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 219), зимою бываетъ случайно подъ Сарептой. Въ средней Россіи осенью и зимою встрѣчается каждогодно, но по количеству появившихся птицъ 1885 годъ представляетъ исключеніе: всюду, откуда я имѣлъ свѣдѣнія (Зарайскій у. (отъ г. *Горчакова*), губ. Тверская, Смоленская, Московская), кедровки были въ сентябрѣ и позднѣе исключительно многочисленны.

По свидѣтельству *Данилова* (Bull. de Moscou, 1864, p. 459), иногда осенью въ большомъ количествѣ бываетъ въ ю.-в. части Орловской губ. По *Сѣверцову* (Період. явл., стр. 407), случайно залетаетъ въ Воронежскую губ., такъ была замѣчена здѣсь въ августѣ 1847 г. *Кесслеръ* сообщилъ слѣдующую табличку наблюденій

надъ осеннимъ появленіемъ кедровокъ въ окрестностяхъ Кіева (Bull. de Moscou, 1853, I, S, 172—173):

1843.	1844.	1846.	1850.
20 сентября.	13 августа.	30 сентября.	9 сентября.

Относительно обратнаго (весенняго) пролета имѣется только одна помѣтка: 1852. 22 апрѣль?

По *Бельже* (Bull. de Moscou, 1859, I, p. 28), иногда въ октябрѣ появляется въ Подольской губ. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 122), изрѣдка зимою встрѣчается въ лѣсахъ сѣверной части Бессарабіи (съ Карпатъ?) и Херсонской губ., осенью 1844 года была замѣчена подъ Одессой (Bull. de Moscou, 1860, I, p. 21). Впрочемъ, 1844 годъ, кажется, былъ такъ же замѣчателенъ по перекочевкамъ кедровки, какъ и 1885, по крайней мѣрѣ помимо свѣдѣній сообщенныхъ о многочисленномъ пролетѣ этихъ птицъ въ Польшѣ, губ. Кіевской, появленіи ихъ даже подъ Одессой, мы находимъ еще сообщеніе *В. И. Черняева* (Вѣстн. естеств. наукъ, 1856 г., № 3) относительно Харьковской губ. Названный наблюдатель прослѣдилъ кедровку съ 11 по 29 октября 1844 года въ уѣздахъ Богодуховскомъ, Зміевскомъ, Валковскомъ и Изюмскомъ. Кромѣ того, была многочисленна въ Харьковской губ. зимами 1812, 1825 и 1855 г.г. Вообще, изрѣдка среди зимы кедровка бываетъ подъ Харьковомъ, но въ большомъ количествѣ появляется тамъ только въ годы раннихъ зимъ. По свидѣтельству С. Н. Алфераки осенью 1877 года во множествѣ была подъ Таганрогомъ. Такимъ образомъ, при своихъ кочевкахъ кедровка доходитъ иногда къ югу до береговъ Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей. Замѣчательно, что мы почти ничего не знаемъ объ обратныхъ, весеннихъ перекочевкахъ этой птицы.

Такъ какъ мнѣ удалось собрать нѣсколько интересныхъ данныхъ о массовомъ движеніи кедровки въ 1885 г., то я позволю себѣ привести ихъ здѣсь полностью взятыми вмѣстѣ.

Массовое движеніе кедровки въ 1885 г.

Я начну съ сѣверо-востока, откуда *В. А. Разевигъ* сообщилъ мнѣ слѣдующее о появленіи кедровки въ окрестностяхъ Дедюхинскаго завода (Соликамскаго у.): «Кедровка здѣсь довольно обыкновенна,

хотя и встрѣчаютъ ее сравнительно рѣже, чѣмъ напр. сойку или ронжу; но это обусловливается, во-первыхъ, болѣе скрытнымъ образомъ жизни кедровки, а во-вторыхъ тѣмъ, что въ нашей мѣстности распространеніе ея связано съ распространеніемъ кедра; кедры же, не образуя чистаго насажденія или рощъ, растутъ здѣсь вкрапленными въ елово-пихтовыхъ чащахъ, на низменной и даже болотистой почвѣ; въ боры же и на опушки лѣсовъ кедровки вылетаютъ рѣдко. Въ послѣднихъ числахъ іюля 1885 г. кедровки стали попадаться въ ельникахъ и кедровникахъ чаще и многочисленнѣе обыкновеннаго; въ первыхъ числахъ августа онѣ начали появляться въ этихъ лѣсахъ небольшими стайками, а въ лѣсахъ смѣшанныхъ, въ борахъ и мелколѣсьи отдѣльными особями; съ 5 по 15 августа (ст. ст.) кедровки летѣли стайками, съ запада на востокъ, и стайками же въ 5—15 особей попадались всюду: въ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсахъ, въ кустарникѣ на лугахъ и болотахъ, и даже залетали въ селенія и на заводы; такъ напр. въ садъ при моей квартирѣ, въ которомъ, впрочемъ, растетъ нѣсколько кедровъ, нѣсколько дней подъ рядъ (съ 7-го по 11-ое) прилетали стайки въ 6—10 штукъ и были настолько смирны, что подпускали къ себѣ шаговъ на десять. Числа съ 18-го августа количество ихъ начало убывать, къ 20-му онѣ уже не встрѣчались такими многочисленными стайками, а въ концѣ августа онѣ попадались уже единичными особями, но тѣмъ не менѣе еще по всѣмъ лѣсамъ;—въ кедровникахъ же еще и въ первой половинѣ сентября водились стайками; въ первой половинѣ сентября онѣ встрѣчались уже по близости кедровниковъ и не отдалялись отъ нихъ такъ далеко, а во второй половинѣ того мѣсяца держались только въ самихъ кедровникахъ, хотя весь этомъ мѣсяцъ встрѣчались въ значительно большемъ количествѣ (приблизительно втрое), чѣмъ обыкновенно, и всюду въ кедровникахъ раздавался ихъ негармоничный крикъ.

«Такимъ образомъ, необычайное обиліе орѣховокъ или перекочевка ихъ черезъ Соликамскій уѣздъ продолжалась два мѣсяца—съ конца іюля по конецъ сентября; самый же разгаръ перекочевки продолжался недѣли съ двѣ, съ 5-го по 20-ое августа, всего же больше ихъ было числа 12—15-го авг. Въ этотъ періодъ времени (съ 5-го по 20-е августа 1885 г.) на болѣе обширныхъ открытыхъ мѣстахъ, пересѣкающихъ сплошные лѣса здѣшніе, можно было видѣть ста-

нички орѣховокъ штукъ въ 5 до 20, когда онѣ перелетали мѣста эти, т. е. поля, луга, болота или р. Каму, причемъ онѣ въ большинствѣ случаевъ перелетали съ запада на востокъ, измѣняя это направленіе въ сѣверо- или юго-восточное въ томъ лишь случаѣ, когда конфигурація этихъ открытыхъ мѣстъ или же теченіе р. Камы заставляло ихъ измѣнить это направленіе, т. к. кедровка, какъ плохой летунъ, перелетаетъ эти открытыя мѣста въ болѣе узкомъ ихъ мѣстѣ, избѣгая летѣть по діагонали. Изъ этого я заключаю, что перекочевка ихъ шла съ запада на востокъ. Летѣли онѣ кучками, безъ опредѣленнаго строя, на высотѣ отъ 6 до 10 саженъ, нѣкоторыя особи въ кучкѣ выше, другія ниже; долетѣвъ до опушки лѣса, онѣ опускались на деревья и затѣмъ, въ томъ же направленіи на востокъ, насколько это можно было прослѣдить, продолжали перелетать съ дерева на дерево. Хотя перелеты эти можно было видѣть въ разные часы дня, но чаще другихъ подъ вечеръ, между 3-мя и 7-ью. Летѣли птицы какъ старыя, такъ и молодыя. Сначала, въ началѣ августа, птица была довольно худа, а позднѣе, въ половинѣ сентября, стала жирна и зобъ былъ туго набитъ кедровыми орѣхами.

«Во время поѣздки моей въ январѣ 1886 г. въ Зауралье, я узналъ, что урожай кедровыхъ орѣховъ на Уралѣ ожидался очень хорошій, почему крестьяне, сборщики кедровыхъ орѣховъ, на торгахъ платили казнѣ и владѣльцамъ лѣсныхъ дачъ хорошія деньги за право сбора кедровыхъ шишекъ, какъ вдругъ, въ августѣ (въ которыхъ числахъ, я не могъ хорошенько узнать), — «откуда ни возмись, налетѣла кедровка и въ одну недѣлю спустила съ дерева всю шишку и даже ту, которая лежала въ кучахъ, на землѣ, попортила; такъ что и собирать-то нечего стало; просто большіе убытки иные понесли отъ нея» *). Насколько мнѣ извѣстно, явленіе это простирается и на лѣсныя дачи Богословскихъ, Павдинскихъ и Гороблагодатскихъ горныхъ заводовъ, а по западному склону Урала на всѣ лѣса и мѣстность между рѣками Камой, Чусовой и Вишерой; но очень вѣроятно, что это «нашествіе» захватило болѣе широкую об-

*) Пудъ кедровыхъ орѣховъ въ январѣ 1886 г. на Уралѣ, напр. въ Нижнемъ-Тагилѣ и Екатеринбургѣ, стоилъ 6 руб., тогда какъ нормальная его цѣна два и много что три рубля.

ласть и распространяется на мѣстность по верховьямъ р.р. Печоры, Сосьвы и Лозьвы.

«Насколько я могу судить по собраннымъ мною и имѣющимся подъ рукою записямъ, я вывожу заключеніе, что явленіе это обусловливается перекочевкою орѣховокъ черезъ нашу мѣстность изъ губерній Вятской и Вологодской на Уралъ и за Уралъ, и что такая перекочевка обусловливается въ свою очередь неурожаемъ кедровыхъ орѣховъ и вообще сѣмянъ хвойныхъ деревъ въ губерніяхъ Вятской и Вологодской, и урожаемъ ихъ въ Пріуральѣ, на Уралѣ и, быть можетъ, за Ураломъ. Поэтому весьма интересно было бы собрать свѣдѣнія о перемѣщеніи орѣховокъ осенью 1885 года въ губерніяхъ Вятской, Вологодской и Архангельской».

Къ сожалѣнію я до сихъ поръ не могъ собрать никакихъ свѣдѣній о количествѣ и перекочевкахъ орѣховки въ названныхъ губерніяхъ въ 1885 г. Привожу далѣе слѣдующія свѣдѣнія о переселеніи кедровки въ долинѣ р. Обвы, любезно доставленныя мнѣ *Ѳ. А. Теплоуховымъ.*

«Nucifraga caryocatactes принадлежала въ нашей мѣстности (точнѣе: около р. Камы, между 58—59° с. ш., верстъ на 50 въ обѣ стороны) до осени 1884 г. къ очень рѣдкимъ явленіямъ. Но въ 1884 г., съ начала августа до начала сентября, онѣ встрѣчались около Ильинскаго, станичками въ 5—8 штукъ, довольно часто. Въ 1885-мъ же году первыя появились въ половинѣ іюля и встрѣчались втеченіе всего августа очень часто, особенно на лѣвомъ берегу Камы. По истребленіи всѣхъ кедровыхъ орѣховъ (орѣховокъ называютъ здѣсь кедровками) онѣ стали питаться, чѣмъ случится. Такъ, я нѣсколько разъ встрѣчалъ ихъ на лѣсныхъ опушкахъ, разрывающихъ свѣжій навозъ, причемъ онѣ подпускали на нѣсколько саженъ. Полагаю, что въ небольшомъ числѣ орѣховки пролетаютъ черезъ нашу мѣстность ежегодно, но мы только рѣдко замѣчаемъ ихъ. Обильное же появленіе орѣховокъ на осеннемъ пролетѣ 1884—85 г.г. указываетъ на особенно сильное ихъ размноженіе, благодаря какимъ-либо особо благопріятнымъ условіямъ (обилію пищи, погодѣ и пр.), какъ это замѣчается въ нѣкоторые годы и относительно многихъ другихъ птицъ (дупелей, рябчиковъ и пр.), при чемъ недостатокъ пищи, быть можетъ, заставляетъ ихъ распространить свои кочевки и на такія мѣстности, гдѣ ихъ прежде никогда не замѣчали».

Къ югу отъ области Камы значительная площадь осталась безъ наблюденій надъ переселеніемъ кедровки, но въ окрестностяхъ Оренбурга *Н. А. Зарудный* собралъ очень интересныя свѣдѣнія (Орнитолог. ф. Оренб. края, стр. 125).

«Осенью 1884 г. «орѣховка» не встрѣчалась вовсе, точно такъ же, какъ весною 1884 и 1885 г.г. Осенью же 1885 г. орѣховки появились въ такомъ громадномъ числѣ, какъ никогда раньше при мнѣ, и какъ не запомнятъ охотники старожилы.

«Появились 8 августа, когда была замѣчена стайка въ рощѣ за Ураломъ (4 штуки); перелеты совершаются днемъ, но я не могъ услѣдить никакой правильности: повидимому дѣло зависитъ отъ кормовыхъ средствъ; небольшіе промежутки между лѣсами и рощами перелетаются вообще низко надъ землею, большіе—шагахъ въ 35—70 отъ нея; летятъ въ разсыпную, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга. Сидя на деревьяхъ, часто издаютъ крикъ, похожій на вороній, но болѣе слабый, болѣе продолжительный и монотонный. Желудки убитыхъ были набиты различными сѣменами, осами и твердокрылыми *Coleoptera*; ради послѣднихъ ихъ часто видишь у кучъ конскаго помета, откуда онѣ вырываютъ клювами жуковъ изъ родовъ *Aphodius, Geotrupes, Onthophagus* и т. п.; эти жуки обыкновенно раздробляются помощію той роговой шишки, которая помѣщается у нашихъ птицъ на нижней челюсти. Довѣрчивость орѣховокъ просто изумительна: можно къ нѣкоторымъ подойти всего шаговъ на 5 и убить палкой или камнемъ; выстрѣлъ, убившій одну птицу въ стаѣ, часто не заставляетъ перемѣститься остальныхъ: онѣ только вытянутъ шею и съ довѣрчивымъ любопытствомъ смотрятъ на человѣка, на котораго обыкновенно обращаютъ не больше вниманія, чѣмъ на барана, корову или лошадь. Нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть въ то время, когда я, сидя гдѣ-нибудь подъ деревомъ на полянѣ, препарировалъ птицъ, какъ орѣховки, не обращая на меня ровно никакого вниманія, занимались фуражировкой въ нѣсколькихъ шагахъ, или, сидя на вѣткѣ надъ самой моей головой, приводили въ порядокъ свое опереніе. Движенія орѣховокъ быстры, порывисты и какъ-то неожиданны.

«7 сентября я видѣлъ два особенно большихъ табуна: въ одномъ 50—60, въ другомъ по меньшей мѣрѣ 300. 9 числа наблюдалось нѣсколько табуновъ, по сотни птицъ въ каждомъ и больше.—10

числа цѣлый день почти провелъ я въ своей засадкѣ подъ деревомъ на краю одной рощицы. Съ наибольшимъ перерывомъ въ ¾ часа все время летѣли орѣховки обществами отъ 5 до 80 штукъ; тутъ добылъ альбиноса: совсѣмъ бѣлая, съ нѣсколькими перьями на темени, на спинѣ и на груди свѣтлаго грязно-глинистаго цвѣта.—Къ 15 числу количество орѣховокъ сильно уменьшилось, но все таки онѣ продолжали быть самыми обыкновенными птицами. 25 числа ихъ сразу стало очень мало и до 10 октября мнѣ ежедневно попадалось не больше 5 экземпляровъ.—11 числа я видѣлъ уже только одну птицу, потомъ не встрѣчалъ до 20 числа, когда наблюдалъ стайку въ 8 штукъ—послѣднихъ». *П. С. Назаровъ* сообщилъ мнѣ, что орѣховка была очень многочисленна подъ Орскомъ и встрѣчалась не только въ рощахъ, но даже въ степи. Къ югу орѣховка дошла до устья Волги, т. к. Блазіусъ получилъ черезъ Шлютера экземпляръ убитый 14/26 IX въ Астрахани.

Этимъ заканчиваются наши свѣдѣнія о странствованіи кедровки въ области Урала. Такъ какъ мы ничего не знаемъ о переселеніи кедровки въ 1885 году въ Сибири, то я не могу согласиться съ *Блазіусомъ* и *Чузи*, по мнѣнію которыхъ кедровка въ 1885 г. переселялась изъ Сибири черезъ Уралъ на западъ, при чемъ часть переселенцевъ по Уралу спустилась къ югу, такъ что главная масса какъ бы дала отъ себя въ своемъ движеніи на западъ боковую вѣтвь къ югу. Равнымъ образомъ не могу согласиться и съ предложеннымъ этому движенію объясненіемъ—неурожай кедровыхъ шишекъ въ Сибири и въ сѣверо-восточной Россіи. Во 1) И. Я. Словцовъ, доставившій свѣдѣнія Блазіусу, оговаривается, что въ 1885 году въ западной Сибири были мѣста, гдѣ неурожая кедровъ и не было, напр. Бійскій округъ. Во 2) и въ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ кедровыхъ шишекъ родилось не много, почти полное истребленіе ихъ было обусловлено нашествіемъ кедровки (см. выше свѣдѣнія сообщенныя В. А. Разевигомъ). Въ силу этого, считая, что переселеніе кедровки въ 1885 году для Сибири вообще не доказано, я склоненъ допустить, что выселившіяся въ центральную и западную Европу массы этой птицы выселились изъ сѣверо-восточной Россіи (восточная часть губ. Архангельской, сѣверная часть Пермской и прилежащія мѣстности), при чемъ движеніе совершалось въ двухъ направленіяхъ: на юго-востокъ, по Уралу, и на юго-западъ, черезъ центральную Россію.

Что касается движенія кедровки черезъ центральную Россію, то свѣдѣній объ этомъ имѣется не много. *И. П. Горчаковъ* сообщаетъ мнѣ, что осенью 1885 года кедровки во множествѣ появились въ Зарайскомъ у., гдѣ прежде осенью встрѣчались изрѣдка только въ большихъ борахъ. Точно также во множествѣ была въ губ. Московской, Тверской и Смоленской. Но далѣе на западъ переселеніе кедровки недостаточно прослѣжено. *Пальменъ* сообщилъ нѣсколько мѣстонахожденій кедровки въ прибрежной полосѣ Финляндіи, внутри страны была очень рѣдка (*Tschusi*, Verbreitung u. Zug des Tannenhehers, S. 75), изъ чего рѣшительно ничего нельзя заключить: можетъ быть это были и кочующія мѣстныя. По *Плеске*, только одинъ экземпляръ былъ на петербургскомъ птичьемъ рынкѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что кедровка была очень рѣдка подъ Петербургомъ. Но въ Лифляндіи, подъ Дерптомъ осенью она была во множествѣ (см. *Tschusi*, l. c. p. 75), т. что, надо предположить, главная масса кедровки перекочевала въ центральную Европу черезъ область, лежащую по верховьямъ Днѣпра, Лифляндію, Курляндію, Польшу и Подольскую губ., но фактическаго подтвержденія этого предположенія мы не имѣемъ.

На западъ кедровка дошла до Скандинавіи, Даніи, Германіи, Голландіи, Бельгіи, южной Англіи, Франціи, Швейцаріи, Кроаціи и южной Венгріи.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Норвегіи гнѣздящая птица средней и южной части страны, но въ разные годы въ разныхъ мѣстахъ. Сѣверная граница распространенія орѣховки въ Норвегіи лежитъ подъ $63^1/_2{}^\circ$ с. ш. (Stördalen). Отъ времени до времени появляется въ большихъ массахъ, такъ въ 1833, 1844 и 1847 г.г. Въ Швеціи по преимуществу распространена въ средней части и тамъ ежегодно гнѣздится. Въ 1844 году появилась въ громадномъ количествѣ и дошла къ сѣверу до 67° с. ш. На Готландѣ гнѣздится.

Въ Даніи въ нѣкоторые годы обыкновенна, въ другіе отсутствуетъ. На островѣ Борнгольмъ гнѣздится.

Въ Германіи изрѣдка гнѣздится въ Ангальдтѣ, Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ, еще рѣже въ Брауншвейгѣ, случайно въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ Пруссіи, Саксоніи и Силезіи. Въ остальныхъ частяхъ страны появляется только какъ бродячая или перелетная птица.

Въ Голландіи и Бельгіи бываетъ только случайно на пролетѣ.

На Британскіе о—ва крайне рѣдко залетаютъ только отдѣльные экземпляры орѣховки.

Въ Франціи орѣховка появляется иногда въ большомъ количествѣ на пролетѣ. Въ департаментѣ Нижнихъ Альпъ гнѣздится.

Что касается распространенія орѣховки на Пиренейскомъ полуо—вѣ, то имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ очень суровыя зимы бываетъ въ восточныхъ Пиренеяхъ. По *Лорду Лильфорду*, встрѣчается въ горахъ Арагоніи. Изрѣдка въ маѣ встрѣчалась въ хвойныхъ лѣсахъ Сіеры-Невады.

Въ Италіи гнѣздится въ Альпійской странѣ верхней Италіи, откуда позднею осенью и зимою залетаетъ въ среднія и изрѣдка даже въ южныя провинціи. Какъ очень большая рѣдкость появляется въ Сардиніи и Сициліи.

Въ Швейцаріи, по *Girtanner*, обыкновенная гнѣздящая птица въ поясѣ высокоствольнаго лѣса Альповъ и Юры. Зимою отсюда спускается иногда въ низменности.

Въ Богеміи орѣховка иногда появляется въ большомъ количествѣ и даже возможно, что эта птица изрѣдка гнѣздится въ странѣ. Въ Моравіи бываетъ временами. Въ Татрахъ гнѣздится. Въ собственно Австріи гнѣздится, равно какъ въ Штиріи, Зальцбургѣ, Тиролѣ, Каринтіи и Крайнѣ. Изрѣдка гнѣздится въ Кроаціи; въ Славоніи и Далмаціи только на пролетѣ и зимою. Въ Венгріи широко распространенная осѣдлая птица хвойныхъ лѣсовъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ осѣдла. Въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ залетаетъ въ Болгарію.

Въ горахъ центральной Европы гнѣздящая орѣховка отличается отъ орѣховокъ сѣверной Европы и Сибири короткимъ и толстымъ клювомъ и описана Р. Блазіусомъ подъ названіемъ *var. pachyrhynchus*; сѣверная форма отличена тѣмъ же наблюдателемъ подъ названіемъ *var. leptorhynchus*. (Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о распространеніи орѣховки въ центральной и западной Европѣ заимствованы мною изъ монографіи *Tschusi*, Die Verbreitung und der Zug des Tannenhehers, S. 1—70).

Въ Азіи:

По свидѣтельству *Палласа* (Zoographia, I, p. 398), орѣховка распространена по всѣмъ хвойнымъ лѣсамъ Сибири, предпринимая отъ времени до времени большія странствованія, обусловливаемыя недостаткомъ корма. Бременская эспедиція встрѣчала орѣховку на среднемъ теченіи Оби, къ сѣверу до Самаровой, почти ежедневно (*Finsch*, Reise n. W.-Sib., S. 200). *Seebohm* говоритъ, что орѣховка была очень обыкновенна на Енисеѣ, къ сѣверу отъ 64° с. ш., съ апрѣля и по іюнь, но когда снѣгъ сошелъ, исчезла, удалившись на гнѣздовье въ лѣсную чащу (Ibis, 1878, p. 332). По *Сѣверцову* (между прочимъ J. Orn. 1875, S. 172; Ibis, 1875, p. 238), осѣдлая птица въ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсахъ сѣверо-восточнаго Тянь-Шаня, на высотѣ отъ 8,500′ до 10,500′; зимою быть можетъ спускается ниже, въ лѣса предгорій. *Миддендорфъ* (Sibirische Reise, S. 158) нашелъ ее на Енисеѣ, къ сѣверу однако не далѣе 64° с. ш., и очень обыкновенной въ кедровникахъ Становаго хребта. По свидѣтеству *Шренка* (Vögel Amur-Landes, S. 317), повсемѣстно распространенная и обыкновенная птица Амурской области. По *Радде* (R. n. S. v. O. Sib., II, S. 214), въ Бурейскихъ горахъ орѣховка встрѣчается изрѣдка. Кромѣ того Радде нашелъ ее въ Саянскихъ горахъ. По *Дыбовскому* (*Taczanowski*, Bull. de France, 1876, p. 173), въ Дауріи всюду обыкновенна въ лѣсной области. Найдена также въ Камчаткѣ (Bull. de France, 1884, p. 146). Въ сѣверный Китай залетаетъ только случайно, однако къ югу спускается до Пекина. *Никольскій* и *Шренкъ* (*Никольскій*, Сахалинъ и его фауна, стр. 206) приводятъ кедровку для Сахалина. По *Seebohm* (Birds of Japanese Empire, p. 99), осѣдла въ Японіи, какъ на Іессо, такъ и на горахъ южной Японіи.

77.

PARUS MAJOR.

Синица, большая синица.

Синонимы: Parus major, L.; Parus robustus, Brehm; Parus fringillago, Pall.

станціи:

лѣса, рощи, сады.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Область распространенія синицы чрезвычайно обширна. Эта птица живетъ осѣдло во всей Европѣ, въ сѣверо-западной Африкѣ, въ юго-западной Азіи и въ лѣсной области почти всей Сибири, заходя также въ лѣса сѣверо-восточнаго Тянь-Шаня. Въ Туркестанскомъ краѣ и западной Монголіи *P. major* замѣнена *P. bocharensis*, въ Японіи, по среднему и нижнему теченію Амура, въ Китаѣ, Индо-Китаѣ и Индіи ее замѣняетъ *P. atriceps* въ нѣсколькихъ мѣстныхъ разновидностяхъ.

А) Въ Европ. Россіи.

Θ. Д. Плеске собралъ слѣдующія свѣдѣнія о распространеніи *P. major* на Кольскомъ полуо-вѣ: «Синица не можетъ быть причислена къ типичнымъ обитателямъ Лапландіи, такъ какъ найдена сравнительно рѣдко. По *Malm*'у сѣверная граница ея распространенія проходитъ около *Kengis*'а въ Torneа-Lappmark'ѣ. Въ этихъ же мѣстностяхъ, именно въ Matarängi наблюдалъ ее и *Wright*. Далѣе на сѣверъ *Schrader* добылъ ее въ окрестностяхъ Varanger-Fjord'а и *Malm*, 6 ноября 1841 самца въ Рахота, въ Enare-Lappmark'ѣ. Въ Русской Лапландіи синица до сихъ поръ не найдена, а изъ Финской хранятся яйца этого вида въ музеѣ Гельсингфорскаго университета» (Критическій обзоръ, стр. 196). Въ сѣверной Финляндіи синица рѣдка, въ средней и южной обыкновенна. Въ русской Кареліи очень рѣдка (*Mela*, Vertebrata fennica, Tab. III). Ни *Liljeborg*'омъ, ни *Meves*'омъ, во время путешествія того и другаго въ область Двины, синица не найдена, но *Meves* упоминаетъ, что у г. *Heinrich* былъ экземпляръ, добытый подъ Архангельскомъ (Ornis, 1886, S. 233). По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 377), обыкновенная осѣдлая птица подъ Архангельскомъ. (См. также указаніе Гёбеля въ Journ. f. Orn. 1873, p. 421). *Кесслеръ* отмѣчаетъ синицу для окрестностей Обонежья (Матеріалы и т. д. стр. 28). По *Межакову* (l. c. p. 630), осѣдлая птица Вологодской губ. По *Сабанѣеву* (Труды Яросл. статист. комит. IV, стр. 249), въ Ярославской. *В. В. Бѣловъ* доставилъ мнѣ экземпляры синицы изъ Вятской губ. (Орловскій у.). *Θ. А. Теплоуховъ* приводитъ *Parus major* въ спискѣ птицъ долины р. Обвы (in

litt.). По *Сабанѣеву* (Позвон. Ср. Ур. стр. 53), «обыкновенная синица, весьма странно, уже въ окрестностяхъ Тагила принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ птицъ, и ни въ какомъ случаѣ не встрѣчается сѣвернѣе Павды. Въ Богословскомъ округѣ ея положительно нѣтъ, и ни я, ни препараторъ мой, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могли найти ее. Южнѣе Екатеринбурга эта синица встрѣчается лѣтомъ въ такомъ же количествѣ, какъ въ средней Россіи, но, не смотря на то, на пролетѣ гораздо малочисленнѣе, чѣмъ напр. въ Ярославской и Московской губ. Здѣсь она почти одинаково распространена какъ по Уралу, такъ и по березовымъ лѣсамъ черноземной равнины, а далѣе, въ степи попадается только по берегамъ рѣкъ и озеръ и уже болѣе рѣдка». *Булычевымъ* найдена въ Ирбитскомъ у. *Θ. Д. Плеске* отмѣчаетъ синицу (in litt.) гнѣздящеюся птицею Бирскаго у. Уфимской губ. и Оренбургскаго у. «Большая синица, говоритъ *Н. А. Зарудный* (Орнитол. фауна Оренбург. края, стр. 64), гнѣздится ежегодно, но въ небольшомъ количествѣ, въ долинѣ средняго теченія Урала и на низовьяхъ Илека. Съ конца августа въ окрестностяхъ Оренбурга начинаютъ показываться стайки, перекочевывающія изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей; особенно много появляется ихъ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, когда встрѣчаешь птицъ стаями до 300 штукъ; затѣмъ въ декабрѣ и январѣ онѣ сильно уменьшаются въ общей своей численности, такъ какъ множество улетаетъ далѣе внизъ по Уралу. Въ эти же мѣсяцы большія синицы наблюдаются по всему Илеку, гдѣ онѣ бьются по киргизскимъ кышлакамъ. Зимою онѣ очень обыкновенны по всѣмъ станицамъ и городамъ... Въ февралѣ и мартѣ синицы опять массами показываются около Оренбурга на пути къ мѣстамъ своего гнѣздовья». По свидѣтельству г. *Кàрелина* (*Сѣверцовъ* in litt.), зимуетъ въ Гурьевскихъ садахъ.

Въ Астраханской губ. встрѣчается въ любое время года, но не однѣ и тѣ же особи: гнѣздящіяся отлетаютъ къ югу, на ихъ мѣсто являются пролетныя, на мѣсто послѣднихъ зимующія (см. *Хлѣбникова*, Списокъ птицъ Астраханской губ. стр. 9; *Seebohm & Henke*, Birds of Astrachan, p. 215; *Яковлевъ*, Списокъ птицъ, стр. 339; послѣдніе два автора считаютъ синицу осѣдлой подъ Астраханью). По свидѣтельству *Арцыбашева* (Bull. de Moscou, 1859, III, p. 51), въ началѣ весны довольно часто встрѣчается въ садахъ Сарепты, лѣтомъ же гораздо рѣже. *Яковлевъ* говоритъ, что синица подъ Са-

рептой лѣтомъ совсѣмъ не встрѣчается. По свидѣтельству *М. Н. Богданова* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 91), гнѣздится во всѣхъ лѣсахъ и уремахъ нижней Волги; въ сѣверной части Саратовской губ., въ губ. Симбирской и Казанской одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ. (См. также *Эверсманна*, Ест. Ист. Оренб. края, III стр. 136). *М. Д. Рузскій* сообщаетъ мнѣ (in litt.), что *P. major* вмѣстѣ съ *P. borealis* самые обыкновенные виды синицъ въ Казанской губ.; гнѣздятся и въ борахъ и въ лиственныхъ лѣсахъ; зимуютъ. Въ Рязанской губ. самая многочисленная изъ всѣхъ синицъ (*Павловъ*, Орнитол. наблюд. стр. 12). Въ Московской и Владимірской весьма обыкновенна. Въ Тульской губ. обыкновенна круглый годъ и гнѣздится повсемѣстно (*Мензбиръ*, *Сушкинъ* in litt.). *Даниловъ* приводитъ синицу для Орловской губ. (Bull de Moscou, 1864, p. 458). По свидѣтельству *Дьякова*, *Плеске* и *Бianки* (in litt.), обыкновенная осѣдлая птица Тверской губ. *Бихнеръ* (Птицы С.-Петербургской губ., стр. 414) сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о распространеніи большой синицы въ С.-Петербургской губ.: въ Гдовскомъ у. весьма рѣдка; въ Петергофскомъ обыкновенна впродолженіе всего года; безъ сомнѣнія предпочитаетъ лиственныя деревья. По *Бianки* (Beitr. Z. K. d. R. R., Dr. F. B. IV, S. 231), обыкновенная осѣдлая птица близъ ст. Ушаки (Новгородской губ., на границѣ съ Петербургской). *Петровъ* отмѣчаетъ ее для области Ильменя (Мат. для списка пт. Новгор. губ. стр. 9). *Хлѣбниковъ* говоритъ, что она «встрѣчается» въ Боровичскомъ у. той же губ. (Матеріалы по фаунѣ позвоночн. стр. 10). По *Эсаулову* (l. c. p. 231), очень обыкновенная птица Торопецкаго и Холмскаго уу. Псковской губ. По свидѣтельству *Руссова* (Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, S. 60), обыкновенная осѣдлая птица Прибалтійскихъ губ. По *Тачановскому* (Ornis, 1888, p. 465), всюду обыкновенная осѣдлая птица Польши. По *Плеске* (in litt.), гнѣздящаяся птица Слонимскаго у. Гродненской губ. *Бельке* отмѣчаетъ синицу для Подольской губ. (Quelques mots etc. p. 419; Esquisse etc. p. 29). *Кесслеръ* говоритъ (Ест. Ист. губ. Кіевск. учебн. окр. I, стр. 94), что синица находится повсюду и принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ губ. Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской. (См. также *Гебеля* объ Уманьскомъ у. Vög. d. Kreis. Uman, S. 138). По свидѣтельству *Н. Н. Сомова* (in litt.), обыкновенная осѣдлая птица Харьковской губ. По *Съвер-*

цову (Період. явл. стр. 52, 65, 83 и пр.), кочующая птица Воронежской губ. *С. Н. Алфераки* сообщаетъ (in litt.), что *P. major* только осенью наблюдается подъ Таганрогомъ. *Нордманнъ* (Faune pontique, p. 189) говоритъ, что синица очень обыкновенна всюду въ южной Россіи, гнѣздится въ большомъ числѣ въ лѣсахъ южнаго берега Крыма; въ Закавказьѣ поднимается до предѣловъ лѣсной растительности. Судя по всѣмъ даннымъ (*Irby*, l. c. p. 5356; *Blakistone*, l. c. p. 5505; *Carte*, l. c. p. 269; *Radde*, Journ. f. Ornith. 1854, S. 60; *Kaleniczenko*, l. c. p. 218 и пр.), синица осѣдлая птица всѣхъ лѣсовъ Таврическаго полуо-ва; осенью, зимой и весной кочуетъ и тогда встрѣчается чаще, чѣмъ въ другое время года, въ рощахъ и садахъ степной части.

Динникъ говоритъ (Орнитолог. набл. стр. 350) объ этой птицѣ слѣдующее: «Встрѣчается на Кавказѣ круглый годъ, а зимою въ лѣсахъ чаще, чѣмъ какая-либо другая птичка. Большая часть гнѣздъ, которыя мнѣ приходилось отыскать, были въ садахъ и помѣщались въ дуплахъ садовыхъ деревьевъ (грушъ и яблонь)... Зимою синички держатся въ лѣсахъ, садахъ, на дворахъ и съ удовольствіемъ ѣдятъ растительную пищу. Въ горахъ высоко не поднимаются; выше 4 тысячъ футовъ я, сколько помню, встрѣтилъ ее только разъ, именно въ верховьяхъ Ріона, на Чанчахи». *Радде* сообщаетъ о распространеніи этой птички слѣдующее: «Де-Филиппи говоритъ, что эта синица рѣдко встрѣчается въ садахъ Персіи. Въ такихъ мѣстахъ она не часто попадается и около Тифлиса. Въ декабрѣ 1864 г. меня удивило, что синицы описываемаго вида жили въ большомъ саду Муштаида въ такомъ маломъ числѣ и въ одиночку, что я могъ ихъ тамъ добыть едва нѣсколько экземпляровъ. Гораздо чаще эта синица живетъ въ рѣдкихъ лиственныхъ лѣсахъ предгорій, какъ, напримѣръ, въ долинѣ Арагвы и въ кустарникахъ Боржомскихъ прибрежныхъ горъ. Въ серединѣ августа я видѣлъ въ Манглисскомъ лѣсу, какъ эти синицы собирались уже въ небольшія стаи и порхали по вершинамъ сосенъ. Подобно лазоревкѣ я встрѣчалъ синицу этого вида, какъ лѣтнюю птицу, во многихъ мѣстахъ до границъ горныхъ лѣсовъ, но она становилась рѣже съ увеличеніемъ высоты. Въ Талышской низменности эта синица весьма обыкновенная птица, обитающая на опушкѣ первобытныхъ лѣсовъ и улетающая въ джонгли (!) въ дурную погоду. Зимою я добылъ эту синицу съ высоты болѣе 5000′

изъ лѣсовъ, ростущихъ при истокѣ Шамхора». (Ornis caucasica, рус. изд. стр. 107). *М. Н. Богдановъ* (Птицы Кавказа, стр. 86) опредѣляетъ такимъ образомъ распространеніе *P. major* на Кавказѣ: «Обыкновенная синичка встрѣчается на всемъ пространствѣ Кавказскаго края, начиная съ садовъ Ставрополя и кончая перелѣсками, лѣсами и садами Закавказья». *Богдановъ* прибавляетъ, что, какъ и въ Закавказьѣ, синица на главномъ хребтѣ поднимается до высоты послѣднихъ деревьевъ.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

Въ Норвегіи обыкновенная птица даже къ сѣверу отъ Дронтгеймфіорда; на сѣверъ распространена до 67° с. ш., но у предѣла распространенія довольно рѣдка. Въ южной части страны нормально гнѣздится въ полосѣ хвойныхъ лѣсовъ (*Collet*, Norges Fugle, p. 127; *Id.* Remarks on the Ornith. North. Norw. p. 198).

Въ Швеціи, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, p. 140), доходитъ къ сѣверу до полярнаго круга и зимою даже переходитъ его. Гнѣздится въ хвойныхъ лѣсахъ.

Въ Даніи обыкновенна (*Kjaerbölling*, Danmarks Fugle, p. 154).

Въ сѣверной Германіи обыкновенная кочующая птица (*Borggreve*, Vog.-F. N.-Deutschl. p. 79). По *Naumann*, обыкновенная птица всей Германіи, мѣстами осѣдлая, мѣстами кочующая.

Въ Голландіи (*Schlegel*), Бельгіи (*Dubois*, l. c. p. 74) и Люксембургѣ (*De Lafontaine*, Faune du pays de Luxembourg, p. 107) обыкновенная осѣдлая птица.

На Британскихъ о-вахъ обыкновенная осѣдлая птица, гнѣздящаяся рѣшительно повсемѣстно (List Brit. Birds, p. 26).

По *Degland & Gerbe* (Ornithologie europ. I, p. 559), обыкновенная осѣдлая птица Франціи.

Въ Испаніи осѣдлая и самая многочисленная изъ синицъ (*Saunders*, l. c. p. 208). На испанской сторонѣ Гибралтарскаго пролива крайне многочисленна (*Irby*, Ornith. of Gibraltar, p. 100). По *Tait* (Ibis, 1887, p. 183), обыкновенная осѣдлая птица Португаліи. По свидѣтельству *A. Homeyer'a* (Journ. f. Ornith. 1862, p. 284), очень обыкновенна на Балеарскихъ о-вахъ.

Въ Италіи обыкновенная осѣдлая птица какъ на материкѣ, такъ и на прилежащихъ островахъ, Корсикѣ, Сардиніи, Сициліи; на Мальтѣ бываетъ случайно (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 67; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 155).

Въ Швейцаріи P. major широко распространена какъ въ горныхъ лѣсахъ, такъ и въ долинахъ (Naumannia, 1856, S. 165; Journ. f. Orn. 1879, p. 368 etc.).

О распространеніи синицы въ Австро-Венгріи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. По *Fritsch*'у (Wirbelthiere Böhmens, S. 49) всюду обыкновенная гнѣздящаяся птица Богеміи. По *Dzieduszyck*'ому (Museum, S. 81), круглый годъ обыкновенна въ Галиціи. Обыкновенна въ собственно Австріи, гдѣ нѣкоторыя пары перезимовываютъ, но большинство отлетаетъ въ сентябрѣ и октябрѣ къ югу, чтобы возвратиться назадъ въ мартѣ (*Marschall & Pelzeln*, Ornis Vindobon. p. 52). По *Madarász* (Zeitschr. Ges. Ornith. 1884, p. 131), очень обыкновенная кочующая птица Венгріи. По *Tschusi* (Vög. Salzburg's, S. 25), очень обыкновенная птица Зальцбурга. По *Dalla Torre* (Wirbelthierfauna von Tirol, S. 27), въ южномъ Тиролѣ чаще, нежели въ сѣверномъ. По *Blas. Hanf* (l. c. p. 91), гнѣздящаяся птица Штиріи. *Hueber* (Vögel Kärntens, p. 20) говоритъ о повсемѣстномъ распространеніи синицы въ Каринтіи.

По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, p. 161), обыкновенная осѣдлая птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточной Румеліи. По *Allèon* (Ornis, 1886, p. 399), болѣе обыкновенна въ Болгаріи, чѣмъ въ Добруджѣ; лѣтомъ исчезаетъ изъ окрестностей Варны. *Finsch* (Journ. f. Orn. 1859, p. 383) называетъ синицу обыкновенною птицею для области Балканъ. По *Elwes & Buckley* (Ibis, 1870, p. 199), обыкновенна въ Турціи. По *Allèon* (Bull. de France, 1880, p. 81), очень обыкновенна въ окрестностяхъ Константинополя.

По *Lindermayer* (Vögel Griechenlands, S. 66), обыкновенная осѣдлая птица Греціи; хотя названный авторъ прибавляетъ, что синица не встрѣчается на островахъ, это не совсѣмъ вѣрно, т. к. существуетъ нѣсколько указаній на то, что она встрѣчается въ оливковыхъ рощахъ Корфу, по крайней мѣрѣ зимою, и самъ *Lindermayer* приводитъ ее для Эвбеи (Bull. de Moscou, 1855, II, p. 448).

Въ **Африкѣ**:

По *Loche* (Catalogue, p. 77), обыкновенная синица широко распространена въ Алжирѣ. *Koenig* не нашелъ ее въ Туписѣ. По *Favier* (fide *Irby*, Ornith. of Gibraltar, p. 100), очень рѣдка въ окрестностяхъ Танжера; *Irby* прибавляетъ, что видѣлъ экземпляры, добытые здѣсь зимою, но самъ никогда не встрѣчалъ *P. major* на африканскомъ берегу Гибралтарскаго пролива.

По *Bolle* (Journ. f. Orn. 1857, S. 284), встрѣчается, по крайней мѣрѣ, на западныхъ островахъ Канарскаго архипелага.

Въ Египтѣ до сихъ поръ *P. major* не была найдена.

Въ **Азіи**:

По свидѣтельству *И. Я. Словцова* (in litt.), синица самая обыкновенная птица Тобольской губ. Лѣто держится въ лѣсахъ, зимой близь деревень. Бременская экспедиція нашла эту птичку, во время своего обратнаго слѣдованія, на Оби, и 17/29.VI *Финшъ* слышалъ ее въ большомъ лѣсу у Салаира въ с.-з. Алтаѣ (Reise nach West-Sib., S. 167). *Сѣверцовъ* (in litt.) отмѣчаетъ *P. major* для с.-в. зоологическаго участка Туркестана (здѣсь только зимою, бродячая), Тарбогатая и Алтая. *Seebohm* говоритъ (Ibis, 1879, p. 44), что часто встрѣчалъ описываемую синицу зимою въ области Енисея къ сѣверу до Енисейска. *Миддендорфъ* добылъ ее въ декабрѣ и январѣ близь Удскаго Острога (Saügeth. u. Vögel, S. 154). *Радде* говоритъ, что синица довольно обыкновенна въ горахъ окружающихъ Байкалъ, гораздо рѣже въ Забайкальѣ; найдена также въ Читѣ и Бурейскихъ горахъ (*Radde*, Vögel in R. u. S. v. O.-Sib. p. 197). *Дыбовскій* нашелъ *P. major* у Дарасуни въ Дауріи (J. f. Orn. 1868, p. 334), у Стараго Цурухайтуя и вообще въ Забайкальѣ Journ. f. Orn. 1874, p. 335; 1872, p. 442). Начиная съ области средняго и нижняго Амура и далѣе къ югу *Parus major* замѣнена *P. atriceps*. Переходимъ теперь къ распространенію синицы въ юго-западной Азіи. По *Danford* (Ibis, 1878, p. 9), довольно обыкновенна на небольшихъ возвышенностяхъ въ Малой Азіи. *Robson* сообщилъ *Dresser*'у (Birds of Europe, Vol. III, p. 80), что эта птица вообще широко распространена въ Малой Азіи. По *Tristram* (Fauna & Flora of Palestine, p. 52), *P. major* единственный видъ синицъ, обыкновенный въ Палестинѣ. Встрѣчается круглый годъ въ оливковыхъ ро-

щахъ всей страны, исключая долины Іордана. Найдена также въ Арменіи и Персіи; въ послѣдней странѣ мѣстами очень многочисленна, но восточнѣе Шираза не найдена (East. Pers. II, p. 227). *Зарудный* нашелъ *P. major* во время своей поѣздки въ сѣверную Персію, гдѣ эта птица очень обыкновенна какъ въ горныхъ лѣсахъ, такъ и въ лѣсахъ по горнымъ подножіямъ (Мат. для орнитол. ф. сѣв. Перс. стр. 21).

78.

PARUS ATER.

Московка.

Синонимы: Parus carbonarius, Pall.; Poecile ater, Kaup; Parus abietum, pinetorum, Brhm.

станціи:

хвойный лѣсъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Parus ater представляетъ собою центральную форму, кругомъ которой группируется нѣсколько видоизмѣненій, имѣющихъ отчасти видовое, отчасти подвидовое значеніе. *P. ater* распространена въ Европѣ; на материкѣ, и въ Сибири. На Британскихъ о-вахъ ее замѣняетъ *P. britanicus*, въ сѣверо-западной Африкѣ—*P. ledouci*, на Кипрѣ—*P. cypriotes*, на Кавказѣ и въ Персіи—*P. phaeonotus*, съ сомнительной кавказской разновидностью *P. michalovskii*, въ Туркестанскомъ краѣ—*P. piceae* и *P. rufipectus*, въ юго-восточной Сибири, центральной и восточной Азіи—*P. pekinensis*, на Гималаѣ—*P. aemodius*.

А) Въ Европ. Россіи.

Миддендорфъ наблюдалъ московку на Кольскомъ полуо-вѣ подъ полярнымъ кругомъ (Bericht etc. Taf. 1). *Nordvi* замѣтилъ пару этихъ птичекъ подъ Вадзё въ 1856 г. и добылъ тамъ одну въ ноябрѣ 1859 г. (Ofv. af Kgl. Vet. Ak. Forh. XIX, p. 301). Кольская экспедиція ничего не прибавила къ этимъ свѣдѣніямъ. По *Mela* (Vertebr. fennica, Tab. III), московка случайно встрѣчается въ окрестностяхъ

Варангова фіорда (это основано, вѣроятно, на показаніи *Nordvi*), очень рѣдка въ Улеаборгской губ., обыкновенная осѣдлая въ остальной Финляндіи, въ Ладожской Карелии и Обонежьи. Для Обонежья ее отмѣчаетъ *Кесслеръ* (Матер. для познан. Онежскаго озера и Обонеж. края, стр. 28). *Мевесъ* не нашелъ этой птички на пути отъ Петербурга до Архангельска, но говоритъ, что она была убита подъ Архангельскомъ (Ornis, 1886, p. 233). По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 377), рѣдкая осѣдлая подъ Архангельскомъ. *Гёбель* также говоритъ, что московка встрѣчается подъ Архангельскомъ (Journ. f. Orn. 1873, S. 421). *Межаковъ* отмѣчаетъ ее гнѣздящеюся птицею Вологодской губ. (Bull. de Moscou, 1856, IV, p. 630). Я имѣю отъ г. *Бѣлова* изъ Котельничаго у. Вятской губ. птенца московки, что указываетъ на гнѣздовье здѣсь нашей птички. *Теплоуховъ* (in litt.) приводитъ *P. ater* для долины р. Обвы. *Л. П. Сабанѣевъ* говоритъ слѣдующее (Позвон. Средн. Урала, стр. 53) о распространеніи этой птички въ Пермской губ... «Моховушка идетъ нѣсколько далѣе на сѣверъ, такъ какъ я изрѣдка встрѣчалъ ее въ Богословской дачѣ, и по всей вѣроятности распространена до границы большихъ лѣсовъ. Въ Павдинскихъ ельникахъ она еще обыкновенна; вообще, слѣдуетъ замѣтить, что она придерживается исключительно еловыхъ и пихтовыхъ лѣсовъ. По той же причинѣ, моховушка, вмѣстѣ со многими другими обитателями хвойныхъ лѣсовъ, гораздо чаще встрѣчается на юго-западномъ склонѣ Пермскаго Урала; въ Каштымскомъ, особенно Каслинскомъ Уралѣ, она очень рѣдка, а въ лиственныхъ лѣсахъ замѣчается, очевидно, только на пролетѣ и то въ весьма незначительномъ количествѣ». *Эверсманнъ* дѣлаетъ слѣдующее вѣрное, но черезъ-чуръ общее замѣчаніе о распространеніи *P. ater* въ бывшемъ Оренбургскомъ краѣ (см. Ест.-Ист. Оренб. края, т. III, стр. 137): «Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся большіе сырые сосновые или еловые лѣса, черная синица очень обыковенна, въ равнинахъ и горахъ; поэтому она не бываетъ въ южныхъ сухихъ безлѣсныхъ мѣстахъ. Лѣтомъ она обитаетъ только въ хвойныхъ лѣсахъ, но осенью и зимою посѣщаетъ также черные лѣса, прилетаетъ даже въ рощи и сады». *М. Н. Богдановъ* прибавляетъ только нѣкоторыя подробности къ этому, и то относящіяся лишь къ области Поволжья: «Я встрѣчалъ московку довольно часто осенью и въ началѣ зимы въ чернолѣсьѣ, сосновыхъ и еловыхъ борахъ Казанскаго у., гдѣ она и гнѣз-

дится, какъ мнѣ говорили птицеловы. Изрѣдка попадалась она мнѣ также и въ борахъ Симбирской губ.» *М. Д. Рузскій* приводитъ *P. ater* осѣдлою птицею Казанской губ. (Кратк. отчетъ объ орнитологич. изслѣдов. Казанск. губ., стр. 12) и любезно сообщаетъ мнѣ о ней слѣдующія подробности (in litt): «*Parus coeruleus* и *P. ater* удается находить далеко не такъ легко какъ напр. *P. major* или *borealis*, это вообще болѣе рѣдкія формы въ нашей губерніи. Гнѣздятся по всей области островныхъ лѣсовъ въ губ., но въ южныхъ уѣздахъ обыкновеннѣе; въ юго-западномъ углу Казанской губ., въ борахъ, мнѣ еще не удалось вполнѣ выяснить ихъ пребываніе. Осенью попадаются по одиночкѣ, рѣже стайками въ лѣсахъ и кустахъ, по садамъ. Въ Симбирской губ. обѣ эти синицы гораздо обыкновеннѣе, чѣмъ напр. *P. borealis*». Позднѣе *М. Д. Рузскій* нашелъ *P. ater* гнѣздящеюся въ борахъ Царевококшайскаго у. *П. Павловъ* сообщаетъ слѣдующее о распространеніи этой синички въ Рязанской губ. (Орнитолог. набл. стр. 12): «эта птичка представляетъ одну странность: въ иные годы (какъ, напр., въ 1874—75 годахъ) онѣ бываютъ многочисленны до-нельзя, такъ что всегда и всюду встрѣчаются, наоборотъ, въ другіе годы почти совсѣмъ не попадаются (какъ въ настоящемъ (1877) году), такъ что при тщательныхъ поискахъ въ сентябрѣ и октябрѣ я видѣлъ не болѣе 3—4. Въ нынѣшнемъ году на рязанскомъ рынкѣ ихъ продавали по 70 к. за штуку, между тѣмъ какъ въ года ихъ многочисленности цѣна доходитъ до ½ к. даже меньше за штуку. Гдѣ онѣ гнѣздятся и когда выводятся, мнѣ не пришлось наблюдать». По наблюденіямъ *Сабанѣева* въ подмосковныхъ губ. (in litt.), мы имѣемъ, что московка чаще всего выводится въ Ярославской губ., рѣже въ Московской, и вѣроятно очень рѣдка въ Смоленской. *Сабанѣевъ* думаетъ, что какъ гнѣздящаяся птица она не выходитъ за область ели, но это невѣрно: она гнѣздится и къ югу отъ южной границы ели, въ сосновыхъ борахъ. (Относительно Ярославской губ. см. также «Матер. для фауны Ярослав. губ.» въ Труд. Ярослав. статистич. комитета, IV, стр. 249 и «Матер. для фауны Ярославской губ.» Bull. de Moscou, 1868). Я наблюдалъ эту синицу въ Тульской губ. изрѣдка на пролетѣ въ Алексинскомъ у. и подъ Тулой. *П. П. Сушкинъ* сообщаетъ о ней слѣдующее (Птицы Тульской губ., стр. 73): «осенью 1889 г., начиная съ послѣднихъ чиселъ августа, я часто встрѣчалъ эту синицу въ Богородицкомъ

и Ефремовскомъ уѣздахъ. Обыкновенно она держалась отдѣльными небольшими обществами. Отдѣльныя особи встрѣчались въ тѣхъ же уѣздахъ и зимой этого года. Кромѣ этихъ случаевъ, я не наблюдалъ этой синицы нигдѣ въ Тульской губ. Замѣчательно, что въ томъ же году появились въ Тульской губ. въ громадномъ количествѣ даже въ безлѣсныхъ уѣздахъ, клесты, вообще очень рѣдко встрѣчающіеся въ Тульской губ.» На основаніи этихъ свѣдѣній, я не могу отнести Тульскую губ. къ области гнѣздовья *P. ater*. По свидѣтельству *Данилова* (l. c. p. 459), только на пролетѣ бываетъ въ Орловской губ. По свидѣтельству *А. Н. Дьякова* (in litt.), гнѣздящаяся птица Тверской губ. *В. Л. Біанки* отмѣчаетъ ее осѣдлой для заволжской части Старицкаго у. той же губ. (in litt.) *Г. Петровъ* и *В. А. Хлѣбниковъ* не упоминаютъ ее въ своихъ спискахъ птицъ Новгородской губ. *В. Л. Біанки* (in litt. и въ Beitr. z. Kenntn. Russ. R. N. F. B. IV, S. 232) только разъ видѣлъ ее близъ ст. Ушаки (на гр. съ С.-Петерб. губ.); но она безъ сомнѣнія водится тамъ. По *Бихнеру*, въ С.-Петербургской губ. (l. c. стр. 414) довольно обыкновенна во всѣхъ большихъ хвойныхъ лѣсахъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ лѣсовъ, она встрѣчается крайне рѣдко. Въ Петербургскомъ у. держится постоянно въ Англійскомъ паркѣ, близъ Стараго Петергофа. По свидѣтельству *Эсаулова* (l. c. p. 231), встрѣчается въ Псковской губ. гораздо рѣже *P. major*. Въ Остзейскомъ краѣ, по *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, S. 60), живетъ въ большихъ хвойныхъ лѣсахъ; осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, всюду обыкновенна. *Тачановскій* называетъ *P. ater* обыкновенной осѣдлой птицей Польши; на зиму, вѣроятно, къ мѣстнымъ присоединяются прилетающія съ сѣвера (Ornis, 1888, p. 465). По *Плеске* (in litt.), въ августѣ была найдена въ Слонимскомъ у. Гродненской губ. *Кесслеръ* говоритъ (Естеств. Ист. губ. Кіевск. учебн. окр. Птицы, вып. I, стр. 93), что въ губ. бывшаго Кіевскаго учебнаго округа никогда не находилъ ее лѣтомъ, откуда заключаетъ, что она или вовсе не гнѣздится тамъ, или же, если гнѣздится, то только въ сѣверныхъ частяхъ губерній Черниговской и Волынской, менѣе изслѣдованныхъ. *Бельке* не упоминаетъ этого вида ни для Кіевской, ни для Подольской губ. По сообщенію *Н. Н. Сомова* (in litt.) не каждогодно бываетъ на пролетѣ осенью въ Харьковской губ.; весною рѣже. Въ принадлежащемъ мнѣ экземплярѣ «Періодич. явленій» *Н. А. Сѣверцова* рукою

автора сдѣлана помѣтка, что *P. ater* встрѣчается въ Хрѣновскомъ бору и въ сѣверныхъ уѣздахъ Воронеж. губ.; вѣроятно это относится только къ осени и зимѣ; въ коллекціи этой птички не имѣется. По свидѣтельству *В. А. Хлѣбникова* (Списокъ птицъ Астраханс. губ. стр. 9), на пролетѣ и зимою бываетъ въ Астраханской губ. По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 215), изрѣдка зимою бываетъ даже подъ Астраханью. (См. также *Яковлева* въ Bull. de Moscou, 1872, IV, p. 339). *Н. А. Зарудный* говоритъ (Орнитологич. фауна Оренбург. края, стр. 65), что черная синица часто встрѣчается въ Оренбургской губ. на пролетахъ и на зимовьѣ. *Сѣвѣрцовъ* въ рукописи говоритъ, что *Карелинъ* наблюдалъ *P. ater* въ садахъ Гурьева 28. X/9.XI. 1860. *С. Н. Алфераки* обязательно сообщилъ мнѣ, что *P. ater* на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ встрѣчается подъ Таганрогомъ. *Нордманнъ* (Faune pontique, p. 189) говоритъ, что *P. ater* не наблюдалась въ Новороссійскихъ степяхъ, но обыкновенна въ сѣверной части Бессарабіи. Показаніе *Нордманна*, что эта синичка обыкновенна въ Абхазіи и Мингреліи, конечно, относится къ *P. phaeonotus*.

Относительно распространенія московки въ Крыму дѣло не совсѣмъ выяснено. *Шапиловъ* говоритъ, что поздней осенью и зимой она появляется вмѣстѣ съ другими синицами въ степной части Крыма и живетъ осѣдло въ горахъ (Каталогъ орнитологич. собран. стр. 88 и 96). *Радде* въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что *P. ater* зимою изрѣдка встрѣчается подъ Енисалой (Bull. de Moscou, 1854, p. 142), въ другомъ (Journ. f Ornith. 1854, p. 60), что эта синичка очень рѣдка въ Крыму и что онъ только разъ видѣлъ ее въ концѣ апрѣля на Салгирѣ, показанія наводящія на размышленія, потому что объ цитируемыя статьи появились въ одинъ годъ, но едвали въ нихъ приведено одно и тоже наблюденіе, потому что Енисала лежитъ въ сторонѣ отъ истоковъ Салгира, и зима не можетъ быть концемъ апрѣля. *Irby* (l. c. p. 5356) и *Carte* (l. c. p. 269) приводятъ *P. ater* какъ встрѣчающуюся круглый годъ въ южной части Крыма (въ горахъ); *Blakistone* (l. c. p. 5505) говоритъ, что наблюдалъ ее здѣсь въ февралѣ. Я не удивлюсь, если окажется, что *P. ater* названныхъ авторовъ, живущая въ Крымскихъ горахъ, есть *P. phaeonotus*.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

На Скандинавскомъ полуо-вѣ въ Норвегіи *P. ater* распространена спорадически до Варангова фіорда, но за полярнымъ кругомъ рѣдка; въ хвойныхъ лѣсахъ южной Норвегіи обыкновенна (*Collett*, Norges Fugle, p. 127; Remarks on the ornithol. of the Norway, p. 199). По *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 140), въ Швеціи обыкновенна въ южныхъ и среднихъ провинціяхъ страны, но не доходитъ до полярнаго круга.

Относительно Даніи *Kjaerbölling* (Danmarks Fugle, p. 186) предполагалъ, что *P. ater* бываетъ здѣсь только осенью и зимою, но не гнѣздится. Позднѣе *Benzon* и *Erichsen* сообщили Дрессеру (Birds of Europe, III, p. 89) свѣдѣнія о распространеніи *P. ater* лѣтомъ въ хвойныхъ лѣсахъ Даніи, изъ чего стало вѣроятно, что эта синица гнѣздится въ названной странѣ. Наконецъ, въ одномъ изъ отчетовъ объ орнитологическихъ наблюденіяхъ въ Даніи сообщены несомнѣнныя свѣдѣнія о гнѣздовьи здѣсь *P. ater* (см. Ornis, I, p. 106).

По *Rohweder* (Vögel Schleswig-Holstein's, p. 10), въ Шлезвигѣ лѣтомъ встрѣчается не особенно часто, съ октября до марта чаще и повсемѣстно.

Borggreve говоритъ (Vogel-Fauna v. Norddeutschl. S. 79), что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ *P. ater* была распространена уже во всей сѣверной Германіи, но за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ жила только въ хвойныхъ лѣсахъ восточныхъ провинцій и въ горахъ; на западѣ распространилась, когда разрослись культивируемыя здѣсь хвойныя насажденія. Осѣдлая птица Эльзаса, гнѣздится въ хвойныхъ лѣсахъ горъ, на зиму спускается въ низменности (*Schneider*, Ornis, 1887, p. 524).

Спорадически гнѣздящаяся птица Голландіи (*Labouchere*, fide *Dresser*, l. c. p. 89 и *Albarda*, Ornis, 1885, p. 605). По свидѣтельству *Dubois* (Mittheilung. Wien. Ornithol. Gesellsch. 1884, p. 74), отчасти гнѣздящаяся, преимущественно зимующая птица Бельгіи.

Въ Люксембургѣ бываетъ зимою, съ сентября по апрѣль (*De la Fontaine*, Faune du pays de Luxemb. p. 108).

На Британскіе о-ва залетаетъ извѣдка въ Норфолькъ (List Brit. Birds, p. 26).

Осѣдла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, только во время пролета бываетъ въ другихъ; на сѣверѣ страны бываетъ не каждый годъ, въ южныхъ департаментахъ появляется гораздо правильнѣе (*Degland & Gerbe*, Ornithol. europ. I, p. 560). Въ Савойѣ обыкновенная осѣдлая птица. Только зимою встрѣчается во французскихъ Пиренеяхъ и прилежащихъ мѣстностяхъ (*Lacroix*, Catal. raisonné, p. 112).

Что касается Испаніи, то *Saunders* говоритъ, что *P. ater* была здѣсь найдена весною подъ Гранадой и Кордовой (Ibis, 1871, p. 208). По *Tait* (Ibis, 1887, p. 183), обыкновенная осѣдлая птица въ сосновыхъ лѣсахъ въ устьѣ Дуро. Къ югу доходитъ приблизительно до Опорто.

Въ Италіи не можетъ считаться очень обыкновенной. Гнѣздится въ горахъ, откуда спускается на зиму въ низменности. Въ Сардиніи и Сициліи встрѣчается, но рѣдко, особенно на послѣднемъ островѣ. (*Salvadori*, Uccli d'Italia, p. 68; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 156).

Въ Швейцаріи *P. ater* распространена очень широко, какъ въ горныхъ лѣсахъ (Journ. f. Orn. 1879, p. 368), такъ и въ низменностяхъ (Naumannia, 1855, p. 165).

О распространеніи московки въ Австро-Венгріи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. *Tschusi-Schmidhofen* (Vög. Salzburg's, S. 25) приводитъ ее для хвойныхъ лѣсовъ Зальцбурга. *Blasius Hanf* (Vögel d. Furtteiches, S. 90) говоритъ, что она обыкновенна въ Штиріи, гдѣ отчасти зимуетъ. *Fritsch* (Vögel Böhmens, S. 49) называетъ ее типичнѣйшей птицей Богеміи. Гнѣздится въ Моравіи. Обыкновенна круглый годъ въ Галиціи (*Dzieduszycki*, Museum, p. 82). Обыковенная осѣдлая птица собственно въ Австріи По свидѣтельству *Madarász* (Zeitsch. Ges. Orn. I, p. 132), очень обыкновенная осѣдлая птица въ горныхъ лѣсахъ Венгріи.

Распространеніе *P. ater* на Балканскомъ полуо-вѣ, повидимому, ограниченно.

Радаковъ (Bull. de Moscou, 1879, p. 161) говоритъ, что *P. ater* осѣдлая птица страны, гдѣ онъ производилъ наблюденія, т. е. въ

Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточной Румеліи, но это показаніе противорѣчитъ тому, что московка отсутствуетъ въ спискахъ птицъ *Finsch*'а, братьевъ *Sintenis* и *Alléon*. *Elwes & Buckley* сообщаютъ, что видѣли *P. ater* въ коллекціи *Robson*'а изъ-подъ Константинополя. *Alléon* также говоритъ, что *P. ater* изрѣдка бываетъ осенью и зимою подъ Константинополемъ (Bull. de France, 1880, p. 81). Лордъ *Lilford* наблюдалъ *P. ater* случайно зимою въ Корфу.

Въ **Азіи**:

По *Danford* (Ibis, 1878, p. 9), обыкновенна въ хвойныхъ лѣсахъ Малой Азіи.

По *Tristram* (Fauna & Flora of Palestine, p. 52), очень обыкновенна во всѣхъ лѣсистыхъ частяхъ Ливана. Какъ далеко идетъ на востокъ и гдѣ замѣняется персидскою *Parus phaeonotus*, существуютъ ли между послѣдней и обыкновенной *P. ater* переходы въ Малой Азіи, мы не знаемъ какъ за отсутствіемъ литературныхъ данныхъ, такъ и коллекціоннаго матеріала.

Въ западной Сибири *P. ater* найдена какъ *Словцовымъ* въ Тобольской губ., такъ и *Finsch*'емъ на Оби (6/18. IX. Нирамская) и Иртышѣ (19. IX/1. X. Самарово) (R. n. W.-Sib., S, 167). *Seebohm* нашелъ эту птичку подъ Красноярскомъ, откуда я имѣю экземпляръ въ моей коллекціи. Что касается восточно-сибирской птички, то *Тачановскій* (Bull. de France, I, p. 162) относитъ ее къ типичной *P. ater*, прибавляя, что она тамъ всюду обыкновенна. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ юго-восточной Сибири типичную *P. ater* замѣняетъ *P. pekinensis*. *Миддендорфъ* (Säugeth. u. Vögel Sib. p. 155) нашелъ описываемую синичку подъ Удскимъ Острогомъ въ іюлѣ и мартѣ; въ августѣ добылъ на о-вѣ Аеха, въ концѣ октября наблюдалъ въ Манджуріи. По *Шренку* (Vög. Amur-Landes, S. 310), обыкновенна въ хвойныхъ лѣсахъ Амурскаго края. *Радде* (R. n. S. v. O.-Sib. Vög. p. 198) нашелъ *P. ater* въ окрестностяхъ Байкальскаго озера и изрѣдка встрѣчалъ въ Бурейскихъ горахъ. *Дыбовскій* нашелъ *P. ater* въ Камчаткѣ (Bull. de France, 1882, p, 390; ibid. 1883, p. 361). *Seebohm* говоритъ, что *P. ater* обыкновенна въ Японіи и прибавляетъ, что японская синичка является переходною формою между *P. ater* и *P. pekinensis*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что точное соотношеніе формъ типа *Parus*

ater можетъ быть представлено только при помощи тройной номенклатуры, а именно:

PARUS ATER.

Parus ater britannicus. (Хохла нѣтъ, спина съ сильнымъ развитіемъ бураго цвѣта, грудь бѣловатая).

Parus ater michalowskii. (Спина оливково-сѣрая. См. ниже сомнѣнія въ существованіи этой разновидности).

Parus ater phaeonotus (спина оливково-бурая).

Parus ater cypriotes. (Спина оливково-бурая, бѣлое затылочное пятно зачаточное).

Parus ater rufipectus. (Хохолъ зачаточный, грудь рыжеватая, спина голубая).

Parus ater piceae. (Небольшой хохолъ, грудь рыжая, спина голубая).

Parus ater pekinensis. (Небольшой хохолъ, свѣтлорыжая грудь, спина грязно-голубая).

Parus ater aemodius. (Большой хохолъ, темно-глинисто-рыжая грудь, буроватая спина).

Если со временемъ будетъ окончательно подтверждено отсутствіе переходовъ между *P. ater* и *P. phaeonotus*, т. е. *P. michałowskii* станетъ синонимомъ послѣдней, тогда *P. phaeonotus* пріобрѣтетъ то же значеніе вида, которое теперь имѣетъ *P. ledouci*.

Пока же особнякомъ стоитъ только эта рѣзко обособившаяся форма сѣверо-западной Африки, по сильному развитію желтой окраски сходная съ молодыми *Parus ater*.

79.

PARUS PHAEONOTUS, BLANF.

Персидская гаичка.

Я не имѣю экземпляровъ кавказской гаички, но литературныя данныя и экземпляры изъ Закаспійскаго края заставляютъ меня сильно

сомнѣваться въ возможности отличить установленную М. Н. Богдановымъ для Кавказа *Parus michalowskii* отъ персидской *Parus phaeonotus* *).

М. Н. Богдановъ установилъ видъ *P. michalowskii*, какъ отдѣльный отъ *P. phaeonotus*, опираясь на два экземпляра кавказской гаички, привезенные г. Михаловскимъ изъ Закавказья, на три экземпляра изъ Ленкорани, привезеные Менетріэ, на описаніе *P. phaeonotus* у *Blanford*'а и на рисунокъ, приложенный къ этому описанію (East. Pers. II, pl. XVI, fig. 1), т. е. какъ разъ основываясь на томъ матеріалѣ, пользуясь которымъ г. Михаловскій не рѣшился отдѣлить свою синичку отъ *P. phaeonotus* (Тр. Спб. Общ. Естествоиспытат. XI, вып. 1, стр. 16). Правда, сравненіе этого недостаточнаго матеріала облегчалось тѣмъ, что экземпляры г. Михаловскаго были добыты въ апрѣлѣ и іюнѣ, Менетріэ и Blanford'а—въ іюнѣ, т. е. въ одно и тоже время (за исключеніемъ апрѣльскаго), но нельзя было упускать изъ виду климатической разницы между Сурамскимъ перевалomъ и центральнымъ Закавказьемъ съ одной стороны, окрестностями Ленкорани съ другой и южной Персіи съ третьей. Типичная *P. ater* представляетъ значительныя возрастныя и личныя измѣненія въ окраскѣ, по аналогіи можно предположить то же и для *P. phaeonotus*. Повидимому, М. Н. Богданова сбило сходство экземпляровъ Менетріэ съ рисункомъ Keulemans'a и нѣкоторое отличіе того и другаго отъ экземпляровъ г. Михаловскаго. Но, не отрицая это отличіе не трудно доказать, что оно ничтожно. Возьмемъ сравненіе *P. michalowskii* съ *P. phaeonotus*, сдѣланное самимъ М. Н. Богдановымъ. «Описываемая синичка отличается, говоритъ онъ, при одинаковомъ почти ростѣ, болѣе длиннымъ хвостомъ; оливково-сѣрымъ (а не бурымъ) цвѣтомъ спины; свѣтлымъ грязно-бѣлымъ цвѣтомъ брюшной стороны; тѣмъ, что бѣлое поле на щекахъ протягивается съуживаясь по шеѣ далеко на спину; у *P. phaeonotus* это поле на заднемъ концѣ напротивъ разширено, закруглено и оканчивается на шеѣ около щекъ». Разбирая эти отличія, мы видимъ, что значеніе ихъ преувеличено М. Н. Богдановымъ. 1) Дли-

*) М. Н. Богдановъ пишетъ *phaenotus*, а вслѣдъ за нимъ эта неправильность повторяется у Динника, Радде и Россикова.

на хвоста *P. michalowskii* у него не показана *), и мы лишены возможности знать его абсолютную и относительную длину, но у іюньскихъ экземпляровъ хвостъ долженъ быть обтрепанъ и не различной ли степенью обношенности объясняется разница въ его длинѣ? 2) Blanford и Богдановъ говорятъ, что у *P. phaeonotus* спина оливково-бурая, по Богданову у *P. michalowskii* спина сѣро-бурая, иными словами у одной основной цвѣтъ бурый, у другой — сѣрый и у обѣихъ прикрытые оливковымъ налетомъ. Но сѣрый цвѣтъ, о которомъ говоритъ здѣсь Богдановъ, не есть голубовато-сѣрый цвѣтъ спины *P. ater*, а только очень блѣдный оттѣнокъ бураго, стало быть разница въ этомъ отношеніи между обѣими птицами незначительна. Такую разницу я вижу на одной и той же особи въ изношенномъ и свѣтломъ перѣ или при сличеніи двухъ экземпляровъ, взятыхъ одинъ изъ болѣе сухаго и другой изъ болѣе влажнаго приморскаго климата. 3) Характеръ окраски нижней стороны тѣла безъ сомнѣнія одинаковъ, п. ч. и Blanford говоритъ, что *P. phaeonotus* имѣетъ «breast white, not very pure», только за тѣмъ обстоятельно прибавляетъ «and gradually passing into the fulvous or isabelline tint of the abdomen, which becomes deeper and brownish on the flanks», Богдановъ же ограничивается общимъ выраженіемъ *свѣтлый, грязно-бѣлый цвѣтъ брюшной стороны*, не упоминая совсѣмъ объ окраскѣ боковъ; если бы это упоминаніе было сдѣлано, то оказалось бы, что между синичками Михаловскаго и Менетріэ, по окраскѣ испода тѣла, существуетъ разница только въ интенсивности, что мы видимъ и у *P. ater*, которая варьируетъ въ окрестностяхъ Москвы отъ особей съ почти бѣлымъ исподомъ до рыжегрудыхъ почти какъ *P. rufipectus*. 4) То, что М. Н. Богдановъ говоритъ о развитіи бѣлаго цвѣта на бокахъ шеи у *P. phaeonotus*, заставляетъ удивляться, какъ онъ не увидалъ съ перваго раза неточности рисунка Keulamans'a, на которомъ бока шеи сдѣланы грубо и шаблонно, и если тоже увидалъ на шкуркахъ экземпляровъ Менетріэ, то какъ не объяснилъ это способомъ препаровки. Нельзя говорить, что у *P. phaeonotus* бѣлое поле на за-

*) Только много времени спустя *Seebohm* въ своемъ отчетѣ о „Птицахъ Кавказа“ Богданова сообщилъ размѣры самки *P. michalowskii*, полученной имъ отъ г. Михаловскаго (Ibis, 1883, p. 14), и *Dresser* еще позднѣе сообщилъ измѣренія 2 самцовъ (Ibis, 1889, p. 88).

днемъ *конецъ расширено, закруглено и оканчивается на шеѣ около щекъ*, когда Blanford говоритъ о «usual lateral patches occupying the cheeks, ear coverts, and *sides of the neck*». Стало быть, одни отличія *P. michalowskii* отъ *P. phaeonotus*, какъ они приведены Богдановымъ, ничтожны, другія не существуютъ совсѣмъ, основаны на неточности. Поэтому весьма вѣроятно, что *P. michalowskii* придется просто отнести въ синонимы *P. phaeonotus*. Это мнѣніе подтверждается также изученіемъ экземпляровъ *P. phaeonotus*, собранныхъ Н. А. Заруднымъ въ лѣсахъ Копетъ-Дага. Среди этихъ экземпляровъ есть многіе съ оливково-сѣрыми старыми перьями спины, и перелинявшіе съ оливково-бурой спиной; кромѣ того молодые въ первомъ перѣ значительно сѣрѣе взрослыхъ. Не зная, что эти птицы собраны въ одной мѣстности, очень легко однѣхъ изъ нихъ отнести къ *P. phaeonotus*, другихъ къ *P. michalowskii*; на самомъ дѣлѣ, онѣ представляютъ только возрастныя измѣненія окраски и отличаются степенью изношенности пера. Очень можетъ быть, что кавказскія гаички вообще нѣсколько блѣднѣе южно-персидскихъ, но еще вопросъ, настолько ли велико и постоянно это отличіе, что *P. michalowskii* можетъ уцѣлѣть даже какъ мѣстная порода *P. phaeonotus*. Г. Радде рѣшительно говоритъ, что «*P. michalowskii* образуетъ посредствующій переходъ отъ *P. phaeonotus* къ *P. ater typ.*», но все то, что онъ сообщаетъ объ своихъ экземплярахъ *P. phaeonotus* (исключая одного изъ 30), заставляетъ, напротивъ, придти къ заключенію, что между *P. ater* и *P. phaeonotus* переходовъ нѣтъ. Но, само собою разумѣется, въ окончательной формѣ рѣшеніе этого вопроса возможно только при сличеніи экземпляровъ синички съ сѣвернаго Кавказа, изъ Закавказья, Закаспійскаго края и южной Персіи. Правда, *Dresser* сравнивъ 2 ♂ ♂, добытыхъ зимою въ окрестностяхъ Тифлиса, съ типомъ Blanford'a, рѣшительно высказывается за соединеніе кавказской и персидской гаички въ одинъ видъ, но, въ виду ограниченности матеріала, которымъ располагалъ Dresser, его взглядъ не можетъ считаться рѣшающимъ вопросъ, хотя имѣетъ большое значеніе, такъ какъ Dresser установилъ *P. britanicus* и *P. cypriotes* и, вообще, очень присмотрѣлся къ синицамъ (Ibis, 1889, p. 88). Чтобы не ограничиваться приведеніемъ своихъ сомнѣній, но и увеличить матеріалъ для сравненія, привожу измѣренія закаспійскихъ экземпляровъ въ миллиметрахъ:

			U.	C.	R.
○	Персія,	Зіаретъ. 25. VI/7.VII (лин.).....	68	43 (недораз.)	10,5
♂		Шак-шахъ. 10/22.VIII (взросл. въ свѣт. оп.).....	68	54	10,5
♂	Восточный Копетъ-Дагъ.	Ширванское ущ. 25.VIII/6.IX (взросл. въ свѣт. оп.).....	68	52	11
♀		Ширванское ущ. 20. VIII/1.IX (взросл. въ свѣт.оп.,хвостъ недоросш.)	67	49	10
♂		Кельтэ-Чинаръ. 10/22. VIII (лин. изъ гнѣздов. нар. въ нар. взросл. пт.; хвостъ недорост.).....	68	51	11
♂		Шак-Шахъ. 11/23. VIII (idem)...	69	52	10
♂		Шак-Шахъ. 5/17. VIII (idem)....	68	53	10

станціи:

хвойные и лиственные лѣса.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Въ общемъ, персидская синичка распространена отъ Ставропольской губ. на сѣверѣ до южной Персіи на югѣ; западная граница распространенія этой птички въ Малой Азіи неизвѣстна; на востокъ, въ Закаспійскомъ краѣ она найдена до восточнаго Копетъ-Дага включительно.

Динникъ (Орнитол. набл. стр. 350, *Parus michalowskii*, Bgd.) говоритъ, что эта синичка довольно часто встрѣчается осенью и зимою въ окрестностяхъ Ставрополя, но лѣтомъ ее тамъ нѣтъ. Безъ сомнѣнія, добытая тамъ же весною и опредѣленная *Динникомъ* за *P. phaeonotus* синичка та же самая, что и помѣченная за *P. michalowskii*. Судя по всѣмъ, имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ (*Россиковъ*, Обзоръ зимн. фауны пт. дол. р. Малки, стр. 23, *Lorenz*, Beitrag z. Kenntn. d. Ornithol. F. d. Kaukas. S. 33, *Россиковъ*, въ горахъ сѣверо-западнаго Кавказа, стр. 21 и др.), эта синичка очень обыкновенна въ горныхъ лѣсахъ сѣвернаго Кавказа. *Михаловскій* добылъ ее въ Закавказьѣ (въ долинѣ рѣки Цыны, въ Зекарскомъ ущельѣ и наблюдалъ въ Абасъ-туманѣ) (Орнитол. набл. въ Закавказьѣ, стр. 28). Менетріэ добылъ описываемую синичку въ Ленкорани (*Богдановъ*, Птицы Кавказа, стр. 86). *Радде* говоритъ, что знаетъ эту птицу изъ рав-

нинъ и горъ центральной и восточной части Кавказа. Въ вертикальномъ распространеніи идетъ до 6000′ и даже 7000′ н. у. м. до верхней границы древесной растительности (Орнитол. фауна Кавказа, стр. 109). *Н. А. Зарудныма* описываемая птичка найдена въ сѣв. Персіи (Матер. для Орнитол. ф. сѣверн. Перс., стр. 21), и въ Копетъ-Дагѣ. Очень обыкновенна въ густыхъ можжевельникахъ, но по долинамъ рѣкъ и ущельямъ часто спускается и ниже. Найдена по Гярмау, Кулкулау, и въ особенно большомъ числѣ въ можжевеловыхъ лѣсахъ между Гезъ-Бами и Тархараномъ (Ois. Contr. Tr.-Casp. p. 47). *Blanford* описалъ эту синичку по экземплярамъ, добытымъ маіоромъ St. John подъ Ширазомъ, въ южной Персіи (East. Pers. II, p. 228).

80.

CYANISTES COERULEUS.

Лазоревка.

Синонимы: Parus coeruleus, Lin.; Parus coerulescens, Brhm.; Cyanistes coeruleus, Kaup.

станціи:

лиственные лѣса, кусты по берегамъ рѣкъ, сады.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ.

Лазоревка является чрезвычайно характерной птичкой для Европы, такъ какъ она почти не переходитъ за Уралъ на востокъ и вообще внѣ предѣловъ Европейскаго материка найдена только въ Малой Азіи. Въ лѣсахъ сѣверо-западной Африки, на Фуэртевентурѣ и Ланцароте ее замѣняетъ *C. ultramarinus*, на Большомъ Канарскомъ о-вѣ, Тенериѳѣ и Гомерѣ—*C. teneriffae*, на Пальмѣ—*C. palmensis*, на Гіеро—*C. ombriosus*. Такимъ образомъ на Канарской группѣ о-въ найдено четыре формы лазоревокъ. Наконецъ, въ Персіи обыкновенную лазоревку замѣняетъ ея свѣтлая разновидность, *C. persicus*.

А) Въ Европ. Россіи.

Ѳ. Д. Плеске дословно говоритъ слѣдующее о нахожденіи лазоревки на Кольскомъ полуо-вѣ (Критич. обзоръ, стр. 201): по *Collet*'у

(см. также у *Mela*) *Sommerfelt* старшій нашелъ лазоревку въ Finmarken'ѣ. Въ виду однако того, что съ одной стороны не указана точно часть Finmarken'а, въ которой птица найдена, и съ другой стороны дальнѣйшія свѣдѣнія о лазоревкѣ въ Лапландіи ограничиваются фантастическимъ сообщеніемъ братьевъ Aubel о находкѣ лазоревки на Овечьей варакѣ (къ югу отъ Колы), я не считаю возможнымъ включить эту птицу въ фауну принятой нами области». По *Mela* (Vertebr. fennica, Tab. III), въ Финляндіи крайне рѣдка между 61° и 62° с. ш., обыкновенна между 61° и 59½°. *Meves* видѣлъ лазоревку только подъ Петербургомъ, но прибавляетъ, что она должна встрѣчаться также подъ Архангельскомъ (Ornis, 1886, p. 233). *Alston & Brown* и *Henke* не собрали свѣдѣній о распространеніи лазоревки въ Архангельской губ., но *Гёбель* говоритъ, что видѣлъ ее подъ Устюгомъ (J. f. Orn. 1871, p. 24), указываетъ на появленіе этой птички весною въ окрестностяхъ Архангельска 22.IV/4.V и 30.IX/12.X и приводитъ яйца этой птички въ числѣ добытыхъ имъ или пріобрѣтенныхъ въ Архангельской губ. (Journ. f. Orn. 1873, p. 415, 410 и 419). Я не имѣю свѣдѣній о распространеніи лазоревки въ Вятской губ. Показаніе каталога Уральскаго общества любит. естествозн. будто *C. coeruleus* была добыта подъ Тюбукомъ (Каталогъ, стр. 66, № 41) невѣрно: осматривая музей общества я нашелъ подъ № 41 *C. cyaneus*, обыкновенной же лазоревки совсѣмъ не нашелъ въ коллекціи. Не получилъ я ее и отъ коллектировавшаго для меня въ Кунгурскомъ у. г. Хлѣбникова. *Сабанѣевъ* говоритъ, что *P. coeruleus* была замѣчена на весеннемъ пролетѣ на юго-восточномъ склонѣ Пермскаго Урала и можетъ гнѣздиться только въ юго-западныхъ предѣлахъ Пермской губ. (Позвон. ср. Ур. стр. 55). До 1886 г. *Н. А. Зарудному* не удалось найти гнѣздованье лазоревки въ Оренбургскомъ краѣ и онъ могъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія объ этой птичкѣ: «въ качествѣ гнѣздящейся птицы лазоревка нигдѣ не встрѣчается въ нашей странѣ, появляясь въ ней только на весеннемъ (мартъ, февраль) и на осеннемъ (сентябрь, октябрь, иногда первая половина ноября) кочевьяхъ. На зиму она остается въ самомъ ограниченномъ количествѣ, а на кочевьяхъ попадается обыкновенно. Зимою $18^{84}/_{85}$ г. лазоревка была весьма обыкновенна въ лѣсахъ подъ Оренбургомъ. Осенній пролетъ 1885 г. происходилъ между 1 октября и 15 ноября». (Орнитолог. ф. Оренбургск. края,

стр. 67). Позднѣе *Н. А. Зарудный* нашелъ *C. coeruleus* гнѣздящейся въ уремѣ р. Урала, между Оренбургомъ и Уральскомъ, но въ числѣ, какъ кажется, значительно меньшемъ нежели *C. cyanus* (Bull. de Moscou, 1888, p. 668). *Съверцовымъ C. coeruleus* была найдена въ разное время осенью въ долинѣ р. Урала, въ ноябрѣ и декабрѣ въ садахъ Гурьева. По наблюденію *Г. С. Карелина*, въ 1860 г. лазоревки появились въ садахъ Гурьева осенью съ 9 сентября; 17 сентября ихъ было тамъ уже много; въ ноябрѣ найдена была не только въ садахъ, но и въ камышахъ и кугѣ въ устьяхъ р. Урала (*Съверцовъ* in litt.). По свидѣтельству *В. А. Хлѣбникова* (Списокъ птицъ Астрахан. губ. стр. 9), встрѣчается круглый годъ въ Астраханской губ., но въ разное время разныя особи. По *Яковлеву* (Bull. de Moscou, 1872, IV, стр. 339), только зимою бываетъ подъ Сарептой. По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 215), обыкновенная осѣдлая птица подъ Астраханью. По *Эверсманну* (Ест. Ист. Ор. кр. ч. III, стр. 141), водится повсюду по Волгѣ, въ сырыхъ лугахъ, обросшихъ кустарниками, и особенно въ ивнякѣ. По *Богданову* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 91), лазоревка довольно обыкновенна въ Симбирской и Казанской губ., гдѣ живетъ осѣдло. *М. Д. Рузскій* сообщаетъ мнѣ (in litt.), что лазоревка встрѣчается въ борахъ Царевококшайскаго у., но рѣже *P. ater*, и чаще тамъ, гдѣ есть лиственныя насажденія. Гнѣздится также и во всей области островныхъ лѣсовъ губ., но въ южныхъ уѣздахъ обыкновеннѣе. По свидѣтельству *П. Павлова* (Орнитолог. набл. стр. 12), въ окрестностяхъ Рязани наблюдалась осенью небольшими стайками и зимою по одиночкѣ. *Л. П. Сабанѣевъ* приводитъ лазоревку для Ярославской губ. (Матер. для Яросл. губ въ Труд. Статист. Ком. IV, стр. 249). Въ Московской губ. довольно обыкновенная осѣдлая птица (*Мензбиръ*, *Сабанѣевъ*, *Лоренцъ*). По *Сушкину* (Птицы Тульской губ. стр. 73), довольно обыкновенная и гнѣздится по всей Тульской губ. *А. Н. Дьяковъ* приводитъ *C. coeruleus* гнѣздящеюся птицей Тверской губ. (in litt.). *В. А. Бianки* приводитъ *Cyanistes sp.* какъ осѣдлую, но скорѣе рѣдкую, чѣмъ обыкновенную птичку заволжской части Старицкаго у. Тверской губ., очевидно подозрѣвая, что видѣнная, но не добытая имъ птичка могла быть и *Cyan. pleskei* (in litt.). *Г. Петровъ* приводитъ *C. coeruleus* для окрестностей Ильменя (Матер. для списка, стр 9). По *Эсаулову* (l. c. p. 231), рѣдкая птица Торопецкаго

и Холмскаго уу. Псковской губ. По *Бихнéру* (Птицы С.-Петербург. губ. стр. 416), лазоревка весьма часто встрѣчается въ пригородныхъ частяхъ С.-Петербурга и во всѣхъ окрестностяхъ, богатыхъ садами. Въ другихъ мѣстностяхъ она или рѣдка, или вовсе не найдена. Зимою держится маленькими стайками, не смѣшиваясь съ другими видами. По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- u. Curlands, S. 62), въ Прибалтійскихъ губерн. мѣстами, какъ подъ Ревелемъ, обыкновенна, мѣстами рѣдка. По *Тачановскому* (Ornis, 1888, S. 465), осѣдлая и всюду обыкновенная птица Польши. *Бельже* (Esquisse etc. p. 29) приводитъ лазоревку для Подольской губ. По *Кесслеру* (Ест. Ист. губ. Кіевск. учебн. окр. в. I, стр. 95), самая обыкновенная и наиболѣе распространенная синица губ. Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской. По свидѣтельству *Н. Н. Сомова* (in litt.), очень обыкновенная осѣдлая птица Харьковской губ. По *Сѣверцову* (Період. явл. стр. 20 и др.), гнѣздящаяся птица Воронежской губ. *С. Н. Алфераки* сообщилъ мнѣ (in litt.), что *C. coeruleus* весною и осенью бываетъ подъ Таганрогомъ. По *Radde* (Journ. f. Ornith. 1854, p. 60), встрѣчается (но конечно не гнѣздится) въ высокихъ камышахъ по Бугу и Днѣпру. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 190), зимою кочуетъ по кустарникамъ и садамъ южной Россіи, и гнѣздится въ Крыму. Послѣднее показаніе безъ сомнѣнія относится лишь къ Крымскимъ горамъ и къ лиственнымъ лѣсамъ по теченію рѣкъ. По *Шатилову* (Каталогъ орнитол. собр. стр. 88 и 96), лазоревка кочующая птица степной части Крыма, осѣдло живущая въ горахъ; въ южной части Крыма, по *Carte* (l. c. p. 269), обыкновенная осѣдлая близъ мыса Ая, т. е. въ горахъ. *Blakistone* встрѣчалъ ее только зимой и весной, вѣроятно ближе къ Севастополю (l. c. p. 5505). По *Irby* (l. c. p. 5356), обыкновенна круглый годъ (въ лѣсахъ по Салгиру?). По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, I, p. 161), гнѣздящаяся птица Бессарабіи. *Н. Я. Динникъ* (Орнитол. набл. стр. 350) говоритъ, что въ Ставропольской губ. и на равнинахъ Кубанской и Терской области осенью, зимой и весной лазоревка встрѣчается довольно часто. По *Богданову* (Птицы Кавказа, стр. 88) довольно обыкновенна въ Закавказьѣ и по сю сторону горъ. Въ горныхъ долинахъ *Богдановъ* находилъ лазоревку до 1500 метр. надъ у. м. По свидѣтельству *Лоренца* (Beitr. z. Ornit. Fauna de Kaukas. S. 34), осенью нерѣдка въ кустарникахъ по Лабѣ. Въ ноябрѣ же

была добыта въ Кисловодскѣ. Для горныхъ лѣсовъ области Лабы и Малки упоминаетъ лазоревку г. *Россиковъ* (Въ гор. сѣв.-зап. Кавк. стр. 32; Обз. зимн. ф. пт. д. р. Малки, стр. 23). *Радде* (Орнитол. ф. Кавк. стр. 111) даетъ слѣдующее общее опредѣленіе области распространенія лазоревки на Кавказѣ: «Хотя лазоревка и обитаетъ въ широкой области кавказскихъ лѣсовъ, выше 7000′, тѣмъ не менѣе, она не очень обыкновенна. Чаще всего она встрѣчается, какъ зимняя птица, въ предгорьяхъ и въ садахъ низменностей. Въ области границы древесной растительности я встрѣчалъ ее, какъ лѣтнюю птицу, въ березовыхъ лѣсахъ и Малаго и Большого Кавказа; но она нигдѣ не попадалась часто, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее совсѣмъ не было видно, такъ, напримѣръ въ священныхъ рощахъ, лежащихъ мѣстами на Большомъ Кавказѣ, вблизи Военно-Грузинской дороги (Казбекъ). У источниковъ Гиппоса и на пути къ Табицкурскому озеру я видѣлъ лазоревку въ іюлѣ мѣсяцѣ на границѣ древесной растительности». *Тачановскій* упоминаетъ о лазоревкахъ, добытыхъ Билькевичемъ въ Окрестностяхъ Эривани, и Млокосѣвичемъ на р. Алазанѣ (Bull. de France, 1887, p. 621).

Кавказская лазоревка должна быть отнесена къ *Cyan. coeruleus*. Свѣтлая персидская форма *C. persicus*, *Blanf.*, можетъ быть встрѣчается у Ленкорани, какъ о томъ замѣчаютъ г. *Aug. v. Pelzeln* и *Радде*, но я къ сожалѣнію не видалъ ленкоранскихъ лазоревокъ.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Ссылаясь на *Sommerfelt* старш., *Collet* высказалъ сначала, что лазоревка была найдена въ Финмаркенѣ (Norges Fugle, p. 127); но позднѣе *Collet* высказалъ сомнѣніе относительно этого и утвердительно отмѣтилъ тотъ фактъ, что въ Норвегіи лазоревка изрѣдка встрѣчается не сѣвернѣе Дронтгеймфіорда, т. е. 64° с. ш. (Remarks on the Ornithol. of Norw. p. 199). По *Wallengren*'у, въ Швеціи лазоревка довольно обыкновенна круглый годъ въ южной и средней части страны. Сѣверная граница распространенія птички лежитъ нѣсколько сѣвернѣе 63° с. ш. (Naumannia, 1854, S. 145). По *Holtz* гнѣздится на Готландѣ (Journ. f. Orn. 1866, S. 365).

По *Kjaerbölling* (Danmarks Fugle, p. 185), обыкновенна въ Даніи. Относительно Шлезвига *Rohweder* (Vög. Schlesw.-Holst., S. 10)

говоритъ, что лазоревка гнѣздится здѣсь всюду, хотя въ это время встрѣчается отдѣльными парочками; напротивъ, осенью и зимой всюду обыкновенна.

По *Borggreve* (Vog.-Fauna N.-Deutschl. p. 79), кочующая птица всей сѣверной Германіи, однако болѣе обыкновенна въ западной части страны.

По *Schlegel*, обыкновенна въ Голландіи. По *Dubois*, обыкновенная осѣдлая птица Бельгіи (Wien. Mittheil. 1884, p. 74).

На Британскихъ о-вахъ гнѣздится всюду, гдѣ только есть для нея подходящія мѣста (List Brit. B. p. 27).

По *De la Fontaine* (Faune du pays de Luxemb. p. 108), круглый годъ встрѣчается въ Люксембургѣ.

По *Degland & Gerbe* (Ornithol. europ. I, p. 561), осѣдлая птица Франціи.

На Пиренейскомъ полуо-вѣ распространена всюду, гдѣ есть подходящія мѣста для гнѣздовья. По *Saunders* (Ibis, 1871, p. 208), довольно обыкновенна въ южной Испаніи, что говоритъ и *Irby* (Ornithol. Gibralt. p. 100). По *Tait* (Ibis, 1887, p. 183), обыкновенная осѣдлая птица Португаліи. По *A. v. Homeyer*, изрѣдка встрѣчается на Балеарскихъ о-вахъ.

Въ Италіи распространена повсемѣстно, какъ на полуо-вѣ, такъ и въ Сициліи. Обыкновенна въ Сардиніи и на Корсикѣ, но, кажется, не встрѣчается на Мальтѣ (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 66; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 157).

Широко распространенная птица Швейцаріи, гдѣ, по словесному сообщенію *Fatio*, болѣе или менѣе обыкновенна всюду. Выше 1300 метр. н. у. м. не гнѣздится, обыкновенно держится ниже; но иногда поднимается на гораздо большую высоту и какъ исключительный случай нужно упомянуть, что иногда ее находятъ на высотѣ 1800 метр. (Энгадинъ). Вообще, лазоревку должно считать птицей долинъ и нижней области горъ.

Въ Австро-Венгріи лазоревка распространена очень широко. Обыкновенна круглый годъ въ Богеміи (*Fritsch*, Vög. Böhm. S. 49), Моравіи и Галиціи (*Dzieduszycki*'sches Museum, S. 81). Очень обыкновенная и всюду распространенная птичка Венгріи (*Madarász*, въ Zeitschr. Geg. Ornith. 1884, S. 131). Очень обыкновенна въ собственно Австріи и вообще по теченію Дуная (*Marschall u. Pelzeln*,

Ornis vindobon. p. 53). Рѣдка въ Штиріи (*Blas. Hanf*, Vög. Furtteich., p. 91). Очень обыкновенна въ Зальцбургѣ (*Tschusi zu Schmidkofen*, Vög. Salzburg's, S. 25). Гнѣздится въ Каринтіи (*Hueber.*, Vög. Kärntens, S. 20).

На Балканскомъ полуо-вѣ лазоревка болѣе или менѣе обыкновенна повсемѣстно. По *Alléon* (Ornis, 1886, p. 399), въ Болгаріи обыкновеннѣе, нежели въ Добруджѣ. По *Elwes & Buckley* (Ibis, 1870, p. 199), обыкновенна въ Турціи. По *Alléon* (Bull. de France, 1880, p. 81), очень обыкновенна подъ Константинополемъ. По свидѣтельству Лорда *Lilford*'а, осѣдлая птица Корфу и Эпира. По *Lindermayer*'у (Vög. Griechenl. p. 66), зимуетъ въ довольно большомъ количествѣ даже въ самыхъ южныхъ провинціяхъ Греціи; въ очень холодныя зимы держится въ оливковыхъ рощахъ равнинъ и по покрытымъ пиніями предгоріямъ. На лѣто улетаетъ въ горные лѣса сѣверной Греціи.

Въ **Азіи**:

Въ Малой Азіи, по *Danford* (Ibis, 1878, p. 9), очень обыкновенна, но какъ далеко идетъ на востокъ и гдѣ замѣщается *Cyan. persicus*—неизвѣстно. По свидѣтельству *Н. А. Зарудnаго* (Матер. для Орнит. ф. сѣв. Перс. стр. 21), распространена въ горныхъ лѣсахъ сѣв. окраины Персіи, гдѣ встрѣчается и *Cyan. persicus*. Вѣроятно распространяется сюда изъ Закавказья.

81.

CYANISTES PLESKEI, CAB.

Голубая лазоревка.

Синонимъ: Parus Pleskei, Cab.

Описаніе.

Такъ какъ въ моихъ рукахъ имѣется очень богатый матеріалъ для описанія типичной голубой лазоревки и ея личныхъ и возрастныхъ измѣненій, матеріалъ, собранный по преимуществу послѣ изданія мною монографіи р. *Cyanistes* (Bulletin de France, 1884), а кромѣ того эту птичку знаютъ очень мало, то я и даю здѣсь ея по-

дробное описаніе, сопровождаемое тремя изображеніями (Табл. I въ первой части настоящаго труда и табл. 1, приложенная ко второй части).

Голубая лазоревка отличается отъ обыкновенной *C. coeruleus* пепельно-голубой окраской спины и бѣлымъ низомъ, на которомъ существуетъ только блѣдножелтая широкая поперечная полоса на верхней части груди. Отъ *C. cyanus* отличается болѣе короткими крыльями и хвостомъ, лазуревой окраской головы и только что упомянутымъ желтымъ груднымъ пятномъ.

Самецъ старый въ лѣтнемъ опереніи.—Верхняя сторона головы интенсивно-лазурная; лобъ бѣлый; надъ глазомъ отъ лба идетъ узкая бѣлая полоса, которая, сходясь съ соотвѣтствующей полосой другой стороны на затылкѣ, окружаетъ темное темя бѣлымъ кольцомъ. Отъ основанія клюва черезъ глазъ идетъ черная полоса, которая, дойдя до задней стороны шеи, здѣсь расширяется и распадается на двѣ вѣтви; изъ нихъ одна идетъ поперекъ задней стороны шеи, сходясь съ соотвѣтствующей вѣтвью другой стороны, другая окружаетъ бѣлыя щеки и сливается съ чернымъ горловымъ пятномъ. Верхняя сторона тѣла пепельно-голубая, съ блѣднымъ бѣловатымъ пятномъ позади черно-синей темной полосы. Кроющія крыла небесно-голубыя съ бѣлыми кончиками большихъ кроющихъ, что образуетъ поперекъ крыла широкую бѣлую поперечную полосу. Первыя маховыя небесно-голубыя съ узкими бѣлыми каймами на внѣшнихъ опахалахъ и черноватыми внутренними опахалами. Вторыя маховыя голубыя съ бѣлыми вершинными пятнами и блѣдными краями внѣшнихъ опахалъ. Верхнія кроющія хвоста небесно-голубыя. Рулевыя того же цвѣта; изъ нихъ крайнее съ каждой стороны съ широкой бѣлой каймой на внѣшнемъ опахалѣ; на второмъ съ краю подобная же, только болѣе узкая полоса; у не очень обтрепанныхъ рулевыхъ кончики бѣлые. Нижняя сторона тѣла бѣлая. На горлѣ черное пятно. Верхняя часть груди желтовата, на бокахъ груди желтая окраска интенсивнѣе. Вдоль брюха черноватое пятно. Клювъ и ноги темнороговаго цвѣта; радужина орѣхавая.

Взрослая самка въ лѣтнемъ опереніи нѣсколько блѣднѣе и грязнѣе самца.

Зимнее опереніе голубой лазоревки гораздо менѣе ярко, особенно блѣдны сравнительно съ весенней и лѣтней окраской голова, крылья

и хвостъ; кромѣ того, всѣ бѣлыя пятна больше и бѣлые ободки шире.

Гнѣздовое перо описываемой птички отличается отъ гнѣздоваго оперенія *C. coeruleus* болѣе общимъ сѣрымъ топомъ и гораздо менѣе выраженнымъ желтымъ цвѣтомъ. Лобъ грязнобѣловатый; такого же цвѣта полосы, идя съ каждой стороны надъ глазомъ и замыкаясь на затылкѣ окружаютъ темносѣрое лишь съ небольшимъ оливковымъ оттѣнкомъ темя. Отъ клюва черезъ глазъ идетъ узкая полоса того же цвѣта, что и темя, на заднюю сторону шеи, поперекъ которой такимъ образомъ лежитъ широкая темная полоса, спускающаяся нѣсколько по бокамъ шеи. Вся спина и верхнія кроющія крыла, за исключеніемъ большихъ, того же цвѣта, что и темя, только свѣтлѣе; позади темной поперечной полосы на задней сторонѣ шеи грязнобѣловатое пятно. Большія верхнія кроющія крыла темносѣрыя съ легкимъ голубымъ налетомъ и широкими бѣлыми вершинными концами, образующими бѣлую поперечную полосу на крылѣ. Всѣ маховыя съ голубыми внѣшними опахалами, черноватыми вершинами и внутренними опахалами; большія маховыя съ узкой бѣловатой каймой на внѣшнемъ опахалѣ; второстепенныя съ широкими сѣроватобѣлыми вершинными ободками, которые, постепенно блѣднѣя, продолжаются нѣсколько по краю внѣшняго опахала; на голубомъ цвѣтѣ второстепенныхъ маховыхъ легкій зеленоватый налетъ. Верхнія кроющія хвоста темноголубыя. Рулевыя черновато-голубыя съ узкой бѣловатой каймой по краю наружнаго опахала перваго, а иногда и втораго съ края пера. Вся нижняя сторона равномѣрно окрашена въ грязно-желтоватый цвѣтъ. Клювъ и ноги какъ у взрослыхъ, но блѣднѣе; глаза орѣховые.

Синичка остается въ этомъ нарядѣ до конца августа, пріобрѣтая къ этому времени довольно чистый сѣроватый тонъ сверху, и значительно блѣднѣя или, лучше сказать, бѣлѣя снизу. Эти измѣненія являются слѣдствіемъ перекраски, обусловливаемой почти полнымъ исчезновеніемъ желтаго пигмента въ перьяхъ верхней стороны тѣла и значительнымъ ослабленіемъ его снизу. Въ концѣ августа или началѣ сентября синичка начинаетъ линять, а въ октябрѣ оканчиваетъ линьку. Съ этой же (первой) линькой появляется и черное горловое пятно, но какъ черный, такъ и синіе цвѣта въ первый годъ жизни птички еще не интенсивны и усиливаются съ возрастомъ.

Личныя колебанія *C. pleskei* довольно значительны, но могутъ быть подведены къ двумъ кореннымъ формамъ: 1) описанной типичной съ чернымъ горловымъ пятномъ и 2) ранѣе изображенной мною (Орнитолог. Геогр. т. I, т. 1) блѣдной разновидности безъ чернаго горловаго пятна.

Измѣненія типичной формы опредѣляются нѣкоторымъ колебаніемъ въ окраскѣ головы, болѣе или менѣе интенсивной пепельно-голубой окраской спины, болѣе или менѣе яснымъ бѣловатымъ пятномъ на верхней части спины и болѣе или менѣе развитыми бѣлыми кончиками и ободками перьевъ.

Измѣненія второй формы, которая вмѣстѣ съ отсутствіемъ чернаго горловаго пятна характеризуется еще гораздо большимъ, нежели у типичной, развитіемъ бѣлыхъ пятенъ и ободковъ, попреимуществу выражаются въ окраскѣ темени, которое никогда не бываетъ такъ темно, какъ у типичной формы, всегда болѣе кобальтоваго голубаго цвѣта, нежели сине-голубаго или лазурнаго, а иногда совсѣмъ блѣдно-голубое.

Размѣры *C. pleskei* слѣдующіе:

♂. R. 9—9,5 mm.; U. 67—70 mm.; C. 53—59 mm.; T. 15—16 mm.
♀. R. 9—9,5 » U. 64—66 » C. 53—59 » T. 15 »

Описываемая синичка образуетъ многочисленныя помѣси какъ съ *C. coeruleus*, такъ и съ *C. cyanus*, изъ которыхъ особенно интересны послѣднія. Первыя обыкновенно отличаются отъ *C. coeruleus* своей болѣе голубой спиной и болѣе блѣднымъ брюхомъ; что же касается помѣсей голубой лазоревки съ князькомъ, то вслѣдствіе разницы между этими двумя формами въ размѣрахъ и подробностяхъ окраски, удается прослѣдить помѣси нѣсколькихъ поколѣній, т. е. какъ такихъ, которыя произошли отъ скрещиванія *C. pleskei* съ *C. cyanus*, такъ и такихъ, которыя произошли отъ скрещиванія гибридовъ перваго поколѣнія съ *C. cyanus* типичной и т. д. Я высказалъ ранѣе мысль, что *C. pleskei* болѣе древняя форма, нежели *C. coeruleus* и *C. cyanus*, и поглощается скрещиваніемъ съ той и другой, и особенно съ *C. cyanus*. Этимъ я думаю объяснить рѣдкость нашей птички. Теперь я не нахожу невозможнымъ, что второе видоизмѣненіе *C. pleskei* есть въ дѣйствительности результатъ скрещиванія гибрида *C. pleskei* и *C. cyanus* съ типичной *C. pleskei*.

Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ наблюденій надъ образомъ жизни голубой лазоревки на свободѣ. Въ неволѣ эта птичка ничѣмъ не отличается отъ *C. coeruleus*.

станціи:

лиственные лѣса, кустарныя заросли по берегамъ рѣчекъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

До сихъ поръ *C. pleskei* достовѣрно найдена только въ Европ. Россіи. По свидѣтельству *Е. А. Бихнера* (Птицы С.-Петерб. губ., стр. 417), она встрѣчается, хотя и въ небольшомъ количествѣ, около С.-Петербурга, и притомъ въ обоихъ видоизмѣненіяхъ. Обыкновеннѣе, но все же рѣдка въ окрестностяхъ Москвы, гдѣ встрѣчается круглый годъ, но осенью чаще, чѣмъ въ другое время (*Мензбиръ*, *Лоренцъ*). Изъ окрестностей Москвы я имѣю превосходную коллекцію приблизительно изъ 20 экземпляровъ этой птички. Наконецъ, осенью 1888 г. съ 28 октября по 10 ноября неутомимый изслѣдователь Оренбургскаго края, *Н. А. Зарудный*, нашелъ *C. pleskei* въ окрестностяхъ Оренбурга и любезно уступилъ мнѣ два экземпляра изъ числа четырехъ, добытыхъ имъ (Bull. de Moscou, 1888, p. 665). Этимъ исчерпываются всѣ точныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ голубой лазоревки. Г. *de Selys* говоритъ, что *C. pleskei* заходитъ иногда въ Бельгію, гдѣ будто бы добыта въ декабрѣ 1878 г., но я, не видавши птичку, не могу принять это извѣстіе безъ колебанія, т. к. *C. pleskei* почти осѣдла (Bull. de France, 1884, p. 69, 78).

82.

CYANISTES CYANUS, PALL.

Бѣлая лазоревка, князекъ.

Синонимы: Parus cyanus, Pall.; Parus salbyensis, Sparrm.; Parus knjaeseik, Gmel.; Cyanistes (Parus) cyaneus, Kaup.; Parus cyaneus, Schleg.; Cyanistes elegans, Brhm; Azure Tit, Bree.

станціи:

кустарники по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ; камышевыя заросли.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Гнѣздящаяся птица южной половины Сибирской низменности, къ югу до горъ, окружающихъ съ сѣвера и сѣверо-запада средне-азіатскія пустыни, восточной и средней части Европ. Россіи. Зимою, во время бродячей жизни, заходитъ далеко къ югу и западу отъ своей области гнѣздовья, бываетъ въ сѣверо-восточномъ зоологическомъ участкѣ Туркестанскаго края и въ центральной Европѣ. По рѣкамъ, текущимъ съ Тарбогатая, Семирѣченскаго Алатау и Эринъ-Хабирги, а также по р. Или, въ области оз. Иссыкъ-куля, на южномъ склонѣ Тянь-Шаня и въ Кашгаріи типичная бѣлоголовая *C. cyanus* замѣнена *C. cyanus tian-schanicus* съ пепельной окраской головы и горла. Въ горахъ, окружающихъ Ферганскую долину съ сѣвера, востока и юга обыкновенный князекъ замѣненъ *C. flavipectus* съ пепельной головой и горломъ и яркожелтой грудью.

А) Въ Европ. Россіи.

Мы находимъ слѣдующее о распространеніи бѣлой лазоревки въ Пермской губ. въ трудѣ *Л. П. Сабанѣева* (Позвоночн. средн. Урала, стр. 55): «Я не могу сказать положительно—долетаетъ ли голубая лазоревка*) до южныхъ частей Верхотурскаго Урала, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что она изрѣдка встрѣчается въ окрестностяхъ Тагила. Тѣмъ не менѣе, *Parus cyanus* уже подъ Екатеринбургомъ весьма немногочисленна, почему я не рѣшаюсь пока причислить ее къ фаунѣ сѣверной половины Пермской губ. Распространеніе этой синицы въ краѣ, по моимъ наблюденіямъ, весьма сходно съ распространеніемъ ремеза, что зависитъ отъ почти одинаковаго мѣстообитанія обоихъ видовъ. И Parus cyanus и Aegithalus pendulinus встрѣчаются, особенно послѣдній, исключительно по берегамъ рѣкъ и озеръ, въ уремахъ и кардашникахъ, и оба принадлежатъ къ обитателямъ прибрежныхъ лиственныхъ лѣсовъ. По этой причинѣ я полагаю, что Parus cyanus должна попадаться не только въ Камышловскомъ, но и Ирбитскомъ у., гдѣ все еще замѣтно преобладаніе чернолѣсья; на западномъ же склонѣ она вѣроятно идетъ по Камѣ

*) Названіе неправильное: *голубой лазоревкой* птицеловы называютъ *C. pleskei*.

выше Перми. Въ самомъ Уралѣ голубая лазоревка встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ предгоріяхъ. Но всего многочисленнѣе она въ березовыхъ лѣсахъ юго-восточной части Екатеринбургскаго у., и здѣсь, по берегамъ озеръ, отчасти рѣкъ, вмѣстѣ съ ремезомъ водится въ большемъ количествѣ чѣмъ Parus palustris (*resp.* P. borealis), а далѣе къ востоку оба вида являются почти единственными представителями семейства синицъ». Въ Музеѣ Уральскаго Общества Любит. естествозн. въ Екатеринбургѣ имѣется экземпляръ *C. cyanus* изъ-подъ Тюбука (№ 41 sub nom. *C. coeruleus*, стр. 66, каталогъ 1888 г.). *Ѳ. А. Теплоуховъ* приводитъ (in litt.) князька въ числѣ птицъ долины р. Обвы. По свидѣтельству *М. Д. Рузскаго* (in litt.), *C. cyanus* въ Казанской губ. гнѣздится въ долинахъ рр. Волги, Казанки, Мёши; въ Чебоксарскомъ уѣздѣ наблюдались молодые, уже вылетѣвшіе изъ гнѣзда, въ концѣ іюня. Въ долинѣ Казанки гнѣздится по таламъ и мелколѣсью, но въ ограниченномъ числѣ. Пролетъ ея начинается во второй половинѣ сентября, послѣ ихъ постоянно приходится видѣть исключительно въ долинахъ рѣкъ (Волги, Камы, Казанки и др.) небольшими стайками. «Убивалъ я ее и въ ноябрѣ, прибавляетъ *М. Д. Рузскій*, почему думаю, что она у насъ зимуетъ. Въ большихъ лѣсахъ ее не встрѣчалъ». По свидѣтельству *А. Н. Дьякова* (in litt.), обыкновенна въ Спасскомъ у. Казанской губ. Наблюденія *М. Н. Богданова* надъ этой птичкой страннымъ образомъ отличаются замѣчательной неполнотой. На волѣ онъ видѣлъ ее только зимой, въ талахъ въ долинѣ р. Казанки около Казани. Кромѣ того, по его словамъ, стайка этихъ птичекъ замѣчена разъ въ Сызранскомъ у., зимой же, въ талахъ по р. Бекшанкѣ (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 93). *Лепехинъ* говоритъ, что эта птичка встрѣчалась ему зимой въ мелкомъ дубнякѣ подъ Симбирскомъ (Дневн. зап. I, стр. 291). *Ѳ. Д. Плеске* нашелъ эту птичку въ Бирскомъ у. Уфимской губ. въ августѣ мѣсяцѣ и находитъ возможнымъ допустить, что она гнѣздится въ нагорныхъ лѣсахъ на правомъ берегу р. Бѣлой, что едвали справедливо (Journ. f. Orn. 1879, S. 91). *П. П. Сушкинъ* нашелъ эту синицу на гнѣздовьѣ въ уремахъ Уфимскаго и Белебеевскаго у.; лѣтомъ она встрѣчается далеко не часто. Гораздо обыкновеннѣе эта синица осенью, съ половины сентября. Въ это время она встрѣчается стайками до 15 экземпляровъ. Въ горахъ не найдена, не смотря на всѣ старанія. *Эверсманнъ* говоритъ слѣдую-

щее о распространеніи *C. cyanus* въ Оренбургскомъ краѣ: «Князекъ водится въ большихъ болотистыхъ лугахъ, обросшихъ ивнякомъ; такъ напр. онъ не рѣдокъ по берегамъ Волги и Камы, и вообще всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, которыя весною разливаются и тѣмъ образуютъ болотистые луга. Также онъ находится въ южныхъ предгоріяхъ Уральскаго хребта, по рѣкамъ Сакмарѣ и Уралу; но тамъ гораздо рѣже встрѣчается, чѣмъ на Волгѣ. Осенью князекъ собирается въ общества, большія или маленькія, и перелетываетъ, какъ и прочія синицы, съ одного мѣста на другое, ибо онъ нашъ край не оставляетъ на зиму, по крайней мѣрѣ большая часть князьковъ остается». (Е. И. Ор. кр. т. III, стр. 142). *Н. А. Зарудный* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о распространеніи *C. cyanus* въ Оренбургскомъ краѣ: «Гнѣздовье князька было найдено мною, говоритъ онъ, въ 1882 г. въ талахъ по Сакмарѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Оренбурга. Принимая во вниманіе единичность случая его гнѣздованья, я не рѣшаюсь причислить эту синицу къ постояннымъ обитателямъ нашей страны. Подъ Оренбургомъ князекъ появляется въ первыхъ числахъ октября и достигаетъ наибольшей своей численности во второй его половинѣ и въ первыхъ числахъ ноября; послѣ этого онъ встрѣчается гораздо рѣже, попадаясь снова чаще на весенней откочевкѣ во второй половинѣ февраля и въ мартѣ. Въ бураннную, многоснѣжную зиму $18^{79}/_{80}$ гг. князьки появились въ огромномъ числѣ, такъ что по своей численности уступали только большимъ синицамъ. Въ слѣдующіе годы я не наблюдалъ уже такого сильнаго прилета, встрѣчалъ князьковъ не часто и большею частью по одиночкѣ». (Орнитолог. фауна Оренбургск. края, стр. 67). Въ 1887 г. тотъ же наблюдатель нашелъ гнѣздовье князька во многихъ мѣстахъ уремы р. Урала, между Оренбургомъ и Уральскомъ (Дополн. зам. стр. 11). По *Карелину* (Разб. стат. Рябинина, стр. 289), встрѣчается на Общемъ Сыртѣ, но очень рѣдокъ. Такимъ образомъ въ области р. Урала *C. cyanus* находитъ южную границу своей области гнѣздовья вѣроятно приблизительно на широтѣ Уральска. Въ области нижняго теченія Волги мы ничего не знаемъ о князькѣ, и можно съ увѣренностью сказать, что эта птичка не бывала до сихъ поръ въ Астраханской губ. даже зимою. Распространеніе князька въ центральной Россіи довольно обширно. По свидѣтельству *П. Павлова* (Орнит. набл. стр. 13), въ окрестностяхъ Рязани лѣтомъ не попа-

дается, но иногда глубокой осенью встрѣчается довольно часто. По *Л. П. Сабанѣеву* (Труды Ярослав. стат. комит. вып. IV, стр. 278), въ Ярославской губ. встрѣчается и лѣтомъ, но рѣдко; осенній пролетъ начинается въ началѣ осени, причемъ птичка придерживается болѣе лиственныхъ лѣсовъ. Въ началѣ зимы князьки снова исчезаютъ и появляются попарно весною. «Мы замѣчали такія пары, говоритъ *Сабанѣевъ*, впродолженіе всего мая мѣсяца.» Гнѣздящаяся птица и Московской губ., гдѣ съ конца семидесятыхъ годовъ стала довольно обыкновенной. Отчасти осѣдла, гораздо обыкновеннѣе на пролетѣ и особенно зимою. Въ Тульской губ. мною была найдена только на пролетѣ и зимою (Bull. de Moscou, 1881, III, стр. 212). По свидѣтельству г. *Данилова* (l. c. p. 458), рѣдкая пролетная птица въ юго-восточной части Орловской губ. Самое южное мѣсто гнѣздовья князька въ центральной Россіи опредѣлено *П. П. Сушкинымъ*, въ Бобровскомъ у. Воронежской губ., гдѣ названный наблюдатель нашелъ князька гнѣздящимся и добылъ молодыхъ на р. Битюгѣ въ началѣ іюля 1888 г. До этого времени въ Воронежской губ. замѣчено и добыто было только три экземпляра князька: одинъ въ ноябрѣ 1849 г. и два въ ноябрѣ 1876 г., первый въ чистомъ камышѣ на самомъ Битюгѣ, послѣдніе два въ камышѣ съ тальникомъ у озера Битюцкой долины (*Съверцовъ* in litt.). *Н. Н. Сомовъ* (in litt.) говоритъ, что о присутствіи князька въ Харьковской губ. достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. *Кесслеръ* (Ест. Ист. губ. Кіев. учебн. окр. Пт. вороб., стр. 96) говоритъ, что ему только однажды случилось встрѣтить парочку этихъ синицъ въ окрестностяхъ Кіева, а именно въ лозахъ на берегу Ирпеня, въ половинѣ апрѣля. Кромѣ того иногда весною онъ находилъ эту птичку у кіевскихъ птицелововъ. По свидѣтельству *Dzieduszyck*'аго (Museum, p. 81), изрѣдка въ суровыя зимы бываетъ въ Литвѣ, напр. въ 1823 г. Затѣмъ 12/24.IV.1843 гр. Тизенгаузъ убилъ парочку этихъ птицъ въ Поставскомъ саду. *Петровъ* говоритъ, что не разъ добывалъ эту птичку въ области Ильменя (Матер. для списка пт. Новгород. губ. стр. 9). Очень вѣроятно, что *C. cyanus* гнѣздится также въ Тверской губ. (*А. Н. Дьяковъ* in litt.), гдѣ была находима въ разныя времена года. По свидѣтельству *Бихнера* (Птицы С.-Петербургской губ. стр. 418), рѣдкая, но постоянно зимующая птица С.-Петербургской губ. Появляется обыкновенно въ сентябрѣ и держится преимущественно по берегамъ рѣкъ и моря, оброшимъ

кустарникомъ и камышемъ, рѣже въ ивовыхъ зарослях. Палласъ наблюдалъ эту синицу позднею осенью въ своемъ саду въ пригородной части Петербурга. Фищеръ получилъ зимою 1870 г. четыре экземпляра изъ Луги. Кромѣ того Андреевскій наблюдалъ ее 7/19. XII.1874 на Митрофаньевскомъ кладбищѣ подъ С.-Петербургомъ. Ее ловятъ нерѣдко въ ближайшихъ окрестностяхъ С.-Петербурга и выносятъ живьемъ на птичій рынокъ. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ *Cyan. cyanus* еще не найдена. По *Тачановскому* попадается случайно и очень рѣдко въ Польшѣ. Въ первый разъ была добыта въ ноябрѣ 1857 г. на Saska-Кера, подъ Варшавой, въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, изъ которыхъ два находятся въ музеѣ графа Дидюшицкаго въ Лембергѣ; во второй разъ одинъ экземпляръ убитъ зимой 1869 г. въ окрестностяхъ Варшавы и находится въ музеѣ Варшавскаго университета. Кромѣ того, одинъ экземпляръ замѣченъ былъ *Тачановскимъ* какъ-то осенью въ окрестностяхъ Люблина (Ornis, 1888, стр. 465).

Наши свѣдѣнія о кочевкахъ князька исчерпываются выше приведенными данными. Остается только прибавить, что по *Нордманну* зимою въ очень рѣдкихъ случаяхъ появляется въ окрестностяхъ Одессы; обыкновеннѣе въ Бессарабіи, въ ивнякѣ, которымъ поросли берега рѣкъ и озеръ (Faune pontique, p. 190).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

На Скандинавскомъ полуо-вѣ, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, p. 143) была однажды замѣчена въ Südermanland'ѣ и однажды въ Schonen. *Stejneger* изъ Христіаніи сообщилъ въ 1873 (Journ. f. Orn. 1873, S. 307), что однимъ его пріятелемъ была замѣчена подъ Фредериксгальдомъ птичка, которая не могла быть никакой иной какъ *C. cyanus*.

По *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 185), въ Даніи небольшое стадичко этихъ птичекъ было замѣчено вблизи Sanderumgaards Hafe на Fyen. Кромѣ того, по сообщенію того же натуралиста, эта птичка была добыта *Bonnez* въ Greenaa-Egnen.

Въ Германіи *C. cyanus* очень рѣдко отдѣльными особями или парочками доходитъ до Саксоніи и сравнительно нерѣдко заходитъ въ Силезію и Пруссію.

Относительно распространенія бѣлой лазоревки въ Австріи наши свѣдѣнія болѣе полны. *Palliardi* сообщилъ *Fritsch*'у, что въ 1839 г. эта синичка была найдена между другими синицами на Пражскомъ рынкѣ; въ другой разъ она наблюдалась въ Богеміи г. *Voboril* (Vögel Böhmens, S. 50). Позднѣе попадалась въ Богеміи еще нѣсколько разъ: такъ, 3 ноября н. с. 1873 г. старый самецъ былъ пойманъ подъ Прагой, гдѣ позднѣе убито еще два экземпляра; два другихъ экземпляра были добыты подъ Фрауенбергомъ (Journ. f. Orn. 1876, S. 78). Въ вѣнскомъ музеѣ имѣются два экземпляра бѣлой лазоревки, добытые зимою въ вѣнскихъ предмѣстьяхъ, и одинъ изъ Тропау (*Marschall & Pelzeln*, Ornis vindobon. S. 53 и замѣтки, сдѣланныя мною по экземпляр. Вѣнскаго музея). По *Madarász* (Zeitschr. f. Gesamm. Ornith. 1884, S. 131) и *Mihalovits* (ibidem, S. 234), осенью была не разъ замѣчена въ Венгріи. *Mojsisovics* говоритъ (Zur Fauna von Bellye und Dárda, S. 79), что по свидѣтельству одного знатока птицъ, въ области Bellye и Dárda *C. cyanus* иногда встрѣчается содержимою въ неволѣ (гдѣ пойманы?). По *Tschusi* (Vögel Salzburg's, S. 25), въ апрѣлѣ 1875 г. оберъ-лѣсничій Koch видѣлъ 3 экземпляра этой птички подъ Галлейномъ; до этого времени никѣмъ въ Зальцбургѣ не наблюдалась.

Относительно Швейцаріи *Schinz* сообщилъ въ 1837 г., что опытный орнитологъ *Schindler* изъ *Mollis* во время своей юности видѣлъ здѣсь однажды описываемую птичку между *C. coeruleus*.

Въ Азіи:

Одинъ изъ препараторовъ *Н. А. Сѣверцова* доставилъ многочисленные экземпляры *C. cyanus* изъ Кундравинской станицы, расположенной въ области истоковъ Уя, у восточнаго подножія Уральскаго хребта, подъ 55° с. ш. *И. Я. Словцовъ* сообщаетъ о распространеніи *C. cyanus* въ юго-западной Сибири слѣдующее: «Голубая синичка прилетаетъ въ Омскъ около половины апрѣля. Въ густыхъ рощахъ, а иногда по мелкимъ кустарникамъ появляется она сначала по одиночкѣ, то тутъ, то тамъ, на оголенныхъ вѣточкахъ, мало отличаясь отъ хлопьевъ снѣга; потомъ къ маю мѣсяцу—большими обществами размѣщается въ кустахъ по берегамъ рѣкъ и остается здѣсь на лѣто. Во время поѣздки по дорогѣ на югъ отъ Петропавловска, близь озера Саумалъ-куль въ березовой рощѣ мы нашли (21-го іюня) нѣсколько

семействъ этой синички съ птенчиками, хотя и оперившимися, но не достигшими еще полнаго возраста, съ блѣдно-грязно-голубой окраской перьевъ. Затѣмъ эта синичка найдена въ Имантавскихъ горахъ» (Путевыя записки въ Записк. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. Общ. кн. III, стр. 127). По свидѣтельству того же наблюдателя, *C. cyanus* въ Тобольской губ. распространена отъ Туринскаго округа къ югу до степей Акмолинской области. Какъ распространяется на сѣверъ отъ Тобольска, неизвѣстно. *А. М. Никольскій* говоритъ, что во время своего путешествія на Алтай встрѣчалъ эту синичку въ ивовыхъ зарослях долины Сарымсакты и лиственномъ лѣсу по Бухтармѣ (Труды С.-Петерб. Общ. Естествоиспыт. Т. XIV, стр. 192). Изъ Алтая же во множествѣ доставлена препараторомъ г. Танкре. Въ коллекціи, собранной для г. Сѣверцова при экспедиціи Потанина, есть *C. cyanus* изъ разныхъ мѣстностей монгольскаго Алтая—всѣ бѣлоголовыя. *Seebohm* получилъ экземпляры этой птички изъ Красноярска, откуда имѣю ихъ и я (Ibis, 1889, p. 189).

По *Тачановскому*, всюду обыкновенная птица въ восточной Сибири (Bull. de France, 1876, p. 162). *Шренкъ* говоритъ о распространеніи этой птички въ восточной Сибири слѣдующее (Vög. Amur-Landes, S. 306): «Бѣлая лазоревка вовсе не рѣдка во всемъ Амурскомъ краѣ, въ ивовыхъ зарослях, которыми покрыты берега и многочисленные низменные, часто даже болотистые острова Амура. На нижнемъ теченіи рѣки она была добыта *Максимовичемъ*, *Маакомъ* и мною въ іюнѣ и позднѣе, до ноября, подъ Кидзи, Майи и Цоллази. 21 іюля (2 авг.) я убилъ молодой еще неоперившійся экземпляръ у восточнаго подножія Бурейскаго хребта, 12/24 сентября—взрослаго самца этого вида подъ Албазиномъ на верхнемъ Амурѣ». *Радде* говоритъ (Vögel im R. u. S. v. O.-Sib. S. 196) о распространеніи этой птички въ юго-восточной Сибири въ такихъ выраженіяхъ: «24 апрѣля я нашелъ бѣлую лазоревку въ ивовыхъ и вишневыхъ зарослях рѣчныхъ острововъ и береговъ вверхъ по рѣкѣ отъ Бурейскаго хребта. Птички были въ это время уже спарившимися. Хотя въ западной части своей области распространенія бѣлая лазоревка доходитъ изрѣдка до 48—50° с. ш., тѣмъ не менѣе она безъ сомнѣнія является видомъ, принадлежащимъ предпочтительно сѣверо-востоку стараго свѣта. Въ восточной Сибири эта птичка распространена, какъ кажется, исключительно въ большихъ рѣчныхъ

областяхъ, по крайней мѣрѣ, она ни разу не была найдена мною ни въ горныхъ лѣсахъ у Байкальскаго озера, ни на Саянскомъ и Яблоновомъ хребтѣ. Въ Амурскомъ краѣ область распространенія этой птички захватываетъ также и область Уссури, откуда недавно она была прислана Максимовичемъ съ средняго теченія рѣки. Такимъ образомъ здѣсь она не достигаетъ своей южной границы даже на 45—46° с. ш.» По свидѣтельству *Болау*, въ изобиліи доставлена въ Гамбургскій музей съ устья Уссури (J. f. Orn. 1882, p. 333). На Уссури, но не въ западномъ Китаѣ, найдена *Пржевальскимъ*. Слѣдуя *Дыбовскому*, «только зимою появляется въ Култукѣ и Дарасунѣ и то довольно рѣдка; въ первый разъ была замѣчена 23 октября. На Ононѣ обыкновенна и во множествѣ гнѣздится въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, особенно въ ивахъ; рѣже въ дуплахъ, брошенныхъ дятлами». Весною 1873 г. найдена *Дыбовскимъ* въ окрестностяхъ стараго Цурухайтуя, позднѣе при устьѣ Уссури (Journ. f. Orn. 1868, S. 335; idem 1872, S. 442; idem 1874, S. 335; idem 1875, S. 249). По свидѣтельству *Н. А. Съверцова* (Journ. f. Ornith. 1875, S. 172), типичная бѣлоголовая *C. cyanus* бываетъ зимою въ с.-в. зоологическомъ участкѣ Туркестанскаго края, въ культурной полосѣ.

Три близкія формы синичекъ, къ распространенію которыхъ мы переходимъ, *Poecile palustris*, *borealis* и *baikalensis*, замѣчательны не только по своему географическому распространенію, но и по взаимному отношенію. Хотя типичныя особи этихъ трехъ формъ рѣзко разнятся между собою какъ по размѣрамъ, такъ и по окраскѣ, но между типами существуетъ полный рядъ переходовъ въ окраскѣ и величинѣ, если мы возьмемъ для сравненія особей изъ разныхъ мѣстъ палеарктической области отъ Британскихъ о-въ до Японіи. *P. palustris* изъ Англіи самая бурая; она же изъ Италіи и Малой Азіи нѣсколько свѣтлѣе и не можетъ быть отличена отъ китайской. Японскія значительно сѣрѣе китайскихъ. Идя отъ Англіи къ Японіи съ другой стороны, мы видимъ, что норвежскія сѣрѣе англійскихъ, но

бурѣе японскихъ. Особи изъ Архангельской губ. еще сѣрѣе, нежели норвежскія. Ганчка съ Печоры и Оби еще сѣрѣе, но самыя сѣрыя изъ-подъ Красноярска и байкальскія. Наконецъ, камчатская, истинная *P. kamtschatkensis* Бонапарта, уже съ сильнымъ развитіемъ бѣлаго цвѣта. Черная окраска головы спускается ниже всего на спину у камчатской, японской и восточно-сибирской ганчки; у сѣверно-русскихъ, норвежскихъ и британскихъ черная шапочка головы гораздо короче. Это послѣдовательное измѣненіе въ окраскѣ ганчки было довольно правильно опредѣлено *Seebohm* (Ibis, 1879, p. 32), которому тогда еще не была извѣстна лишь позднѣе открытая настоящая камчатская ганчка (до того времени подъ названіемъ *P. kamtschatkensis* фигурировала сибирская ганчка, которую *Swinhoe* назвалъ *P. baikalensis*, а Тачановскій *P. macrura*). Слѣдуя *Seebohm*, можно дать слѣдующую характеристику палеарктическихъ ганчекъ:

P. palustris. Спина бурая; черный цвѣтъ головы доходитъ до затылка.

P. palustris borealis (и альпійская *P. p. alpestris*). Спина сѣрая; черный цвѣтъ головы доходитъ до затылка.

P. palustris japonicus. Спина сѣро-бурая; черный цвѣтъ головы доходитъ до спины.

P. palustris baikalensis. Спина песочно-сѣрая; черный цвѣтъ головы узкой полосой спускается на спину.

P. kamtschatkensis. Спина бѣловато-песочная; черный цвѣтъ головы узкой полосой спускается на спину.

Для дополненія привожу размѣры синичекъ въ миллиметрахъ по экземплярамъ моей коллекціи, начиная западной Европой и кончая Камчаткой и Японіей.

		U.	C.	R.	
♀	Британскіе о-ва	62	52	9	*P. palustris.*
	Франція	61	50	9	
	Франція	64	54	9	
♂	Германія	62	49	10	
♂	Зальцбургъ	65	55	10	

		U.	C.	R.	
♂	Воронежская губ.	65	59	9	(нормал. размѣры для средне-русскихъ ганчекъ).
♂	Московская губ.	65	60	9	(очень длиннохвоста).
	Орловскій у. Вятской губ.	65	58	9	
♂	Кунгуръ, Пермской губ.	65	57	9	
♂	Кунгуръ	65	58	9	*P. borealis.*
♂	Кунгуръ	65	59	9	
♂	Кунгуръ	67	59	10	
♂	р. Серебрянка Перм. губ.	66	58	10	
♂	Кунгуръ	65	58	9	
♂	Оренбургъ	65	58	9	
♂	Оренбургъ	62	58	9	
	Кизляръ–Бергамъ, Киргиз. ст.	66	60	10	*P. borealis intermedia.*
♀	р. Кутукъ-Бай, Кирг. ст.	61	57	10,5	
♀	Кундрава, ю.-в. Уралъ.	60	57	9	*P. borealis.*
♀	Кундрава	62	59	10	
♂	Кундрава	63	60	10	
♂	Кундрава	64	60	10	*P. borealis intermedia.*
♀	Кундрава	64	59	9	
♂	Кундрава	65	57	9	*P. borealis.*
♂	Кундрава	66	61	10	
	Кундрава	66	61	9	*P. borealis intermedia.*
♂	Кундрава	66	62	10	
♂	Кундрава	66	62	10	
♂	Кундрава	66	62	10	Potius *P. baikalensis.*
♂	Кундрава	67	62	9	
♀	Кундрава	65	63	10	
♂	Оренбургъ	68	62	10	
♂	Орловскій у.	69	64	10	
♂	Кунгуръ	68	66	10	*P. baikalensis.*
♂	Кунгуръ	68	63	10	
	р. Иртышъ*	70	67	10	
♀	Красноярскъ	68	67	9	
	Арбаты	65	64	9	*P. baikalensis juv.*

		U.	C.	R.	
♂	Ононъ	68	68	9	*P. baikalensis.*
♂	Ононъ	70	67	9	
♂	Ононъ	68	66	8	Установленная Тачановскимъ *P. brevirostris.*
♀	Ононъ	67	66	8	
♂	Быстра	70	68	8	
♂	Култукъ	68	66	8	
♂	Култукъ	72(!)	68	9	*P. baikalensis.*
♂	Иркутскъ	66	65	9	
♀	Иркутскъ	66	62	9	
	Троицкосавскъ	65	65	8	*P. brevirostris.*
♀	Иркутскъ*	63	59	10	*P. borealis vera.*
♂	Камчатка	66	59	10	*P. kamtschatkensis.*
	Японія	59	53	10	
♂	Японія	61	53	10	

Изъ этой таблицы безъ труда можно видѣть, отрѣшившись отъ личныхъ колебаній особей, какъ по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ, на материкѣ (Японія и Камчатка исключаются) довольно равномѣрно возрастаетъ величина всей птички, насколько она опредѣляется размѣрами крыла и хвоста, и особенно удлиняется хвостъ. Что касается *P. brevirostris*, то кромѣ болѣе короткаго клюва она ничѣмъ не отличается отъ *P. baikalensis* и не можетъ удержаться даже какъ постоянное видоизмѣненіе, п. ч. такихъ короткоклювыхъ особей немного. Въ этой табличкѣ двѣ особи отмѣчены звѣздочкой: одна безъ сомнѣнія восточно-сибирская *P. baikalensis*, залетѣвшая на Иртышъ, другая — несомнѣнная *P. borealis*, залетѣвшая подъ Иркутскъ.

83.

POECILE PALUSTRIS, AUCT.

Гаичка.

Синонимы: Parus palustris, auct. nec Lin.; Parus cinereus communis, Baldenst.; Poecile palustris, Kaup; Parus salicarius, Brehm; Poecile communis, Gerbe; Parus fruticeti, Wallengr.

станціи:

лиственный лѣсъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Географическое распространеніе гаички въ высшей степени интересно: оно обнимаетъ собою всю западную и южную Европу и Малую Азію съ одной стороны и сѣверный Китай съ другой. Въ Европ. Россіи этотъ видъ найденъ только на западѣ, юго-западѣ и отчасти на югѣ страны.

По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- und Curland's, p. 61), *P. palustris* распространена въ лиственныхъ лѣсахъ Остзейскаго края, но вообще встрѣчается не часто, только въ садахъ предмѣстій Ревеля обыкновенна. Заходитъ ли въ южную часть Петербургской губ.— неизвѣстно (*Бижеръ*, стр. 417). Въ Польшѣ, по свидѣтельству *Тачановскаго* (Ornis, 1888, p. 466), вездѣ очень обыкновенная осѣдлая птица. По *Дидюшицкому* (Gräf. Dzieduszycki'sches Museum, p. 83), обыкновенна круглый годъ въ Галиціи. Вѣроятно типичная *P. palustris* упоминается *Бельке* для Подоліи и несомнѣнно этотъ видъ гнѣздится въ Кіевской губ. (*Goebel*, Vög. d. Kreises Uman, p. 140), хотя здѣсь эта птичка и рѣдка. Если не типичная, то очень близкая къ *P. palustris* форма гнѣздится въ Харьковской губ. (*Сомовъ* in litt.). По сообщенію *Н. А. Сѣверцова*, подобная же синичка гнѣздится въ Воронежской губ.

Свѣдѣнія о распространеніи *P. palustris* въ Крыму очень ограниченны. *Радде* говоритъ (Journ. f. Orn. 1854, S. 60; Bull. de Moscou, 1854, p. 142), что небольшія стайки этой синички живутъ въ лѣсахъ Крымскихъ горъ. По *Гёбелю* нерѣдка въ окрестностяхъ Ялты, напр. у водопада (Journ. f. Orn. 1874, S. 453). Мнѣ нигдѣ не удалось замѣтить этой синички въ Крыму.

Относительно распространенія *P. palustris* на Кавказѣ *Богдановъ* говоритъ (Птицы Кавказа, стр. 89) слѣдующее: «Менетріэ говоритъ, что эта синичка водится въ лѣсахъ Кавказа; а по Нордманну она обыкновенна въ мѣстностяхъ по восточному берегу Чернаго моря». Кромѣ того *Богдановъ* опредѣлилъ за особый видъ (*P. Brandtii*) синичку, привезенную Акад. Ф. Ф. Брандтомъ изъ Боржома (Птицы Кавк. стр. 89) и былъ склоненъ отнести къ ней слѣдующее замѣчаніе *Нордманна*, что онъ «часто видѣлъ и слышалъ въ Гуріи, у подножія горъ, одинъ видъ синички близкій къ *P. palustris*, который

не могъ добыть; ибо эти синички перелетали стайками по вершинамъ высокихъ деревьевъ, откуда доносилось пѣніе замѣчательно звонкое и разнообразное, отличное отъ пѣнія *P. palustris*». Но *Seebohm* высказалъ подозрѣніе, что привезенный Брандтомъ экземпляръ была молодая *P. palustris* (Ibis, 1883, p. 15), а *Gadow* (Catal. b. Br. Mus. VIII, p. 53) выразилъ мнѣніе о принадлежности этой птички къ группѣ *P. lugubris*. Позднѣе, *Radde* (Орнитол. ф. Кавказа, стр. 110) указалъ, что цитируемый экземпляръ былъ убитъ въ концѣ іюня или началѣ іюля и не можетъ быть молодой птицей. Такимъ образомъ вопросъ о существованіи на Кавказѣ синички, близкой къ *P. palustris*, остается открытымъ. Относительно послѣдней *Radde* (l. c. p. 110) сообщаетъ слѣдующее: «Какъ кажется, этотъ видъ принадлежитъ всей лѣсной области Кавказа, за исключеніемъ восточной части, которая не находится въ непрерывной связи съ остальными, но отдѣляется отъ нихъ пространными равнинами и голыми горами. Путешественники по Персіи, Де-Филиппи, также какъ и Бланфоръ, о ней не упоминаютъ; Менетріэ также не говоритъ о томъ, чтобы синица эта встрѣчалась въ Ленкорани, но упоминаетъ о ней, какъ о птицѣ, встрѣчающейся вообще на Кавказѣ. Какъ лѣтняя птица она живетъ до границы древесной растительности. Внутри Колхидской области Нордманнъ наблюдалъ ее уже въ 1836 году..... Весною, въ концѣ марта и апрѣля, я находилъ болотную синицу, притомъ уже спарившуюся, около Букуріани, какъ въ нижней области лиственнаго лѣса, такъ и выше на горахъ, въ хвойномъ лѣсу». Помогая Ф. К. Лоренцу при опредѣленіи Кавказскихъ птицъ, я сравнивалъ синичку добытую 19.X.1886 на Подкумкѣ съ нашими *P. borealis* и англійскими *P. palustris* и нашелъ, что по окраскѣ и толстому клюву она ближе къ *P. borealis*, именно той южной ея формѣ, которая гнѣздится южнѣе Московской губ. Очень возможно, что это былъ случайно залетѣвшій сюда экземпляръ, такъ какъ онъ былъ добытъ уже осенью, а что гнѣздится на Кавказѣ *P. palustris*.

О распространеніи гаички въ остальной Европѣ мы знаемъ слѣдующее. По *Collet*, обыкновенна въ южныхъ и западныхъ частяхъ Норвегіи, къ сѣв. до Дронтгейма, но встрѣчается, какъ залетная птица и далѣе, до Лофоденскихъ о-въ. Въ Швеціи обыкновенна въ южныхъ частяхъ страны къ сѣв. до 61°, гдѣ лежитъ южная граница распространенія *P. borealis*, но залетаетъ до полярнаго круга.

Мѣстами встрѣчается на Эландѣ, но не найдена на Готландѣ (*Мевесъ*). Въ Даніи довольно обыкновенна всюду, гдѣ есть дуплистыя деревья для гнѣздовья. Точно также обыкновенна въ Германіи, Нидерландахъ, Бельгіи и сѣв. Франціи. Въ южной Франціи *P. palustris* становится рѣже и рѣже, и во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не гнѣздится, встрѣчаясь здѣсь только въ началѣ зимы. На Британскихъ о-вахъ распространена спорадически: обыкновеннѣе всего въ Англіи, рѣже въ Шотландіи, только одинъ или два раза наблюдалась въ Ирландіи. Въ Испаніи гаичка наблюдалась ранней весной въ лѣсахъ по теченію Гвадалквивира. Въ спискѣ португальскихъ птицъ г. *Tait* (Ibis, 1887) этотъ видъ совсѣмъ выпущенъ. Въ Савойи эта птица обыкновенна круглый годъ. Во всей Австріи обыкновенная жительница лиственныхъ лѣсовъ; зимою изъ Карпатъ откочевываетъ къ югу, уступая въ Карпатахъ свое мѣсто *P. borealis*. Въ Италіи осѣдлая птица сѣверныхъ и центральныхъ провинцій, гдѣ гнѣздится въ горахъ, спускаясь оттуда въ долины въ холодное время года. Въ южную Италію только залетаетъ, по преимуществу весною, и тогда доходитъ до Сициліи. Изъ Корсики и Сардиніи не упоминается. На Балканскомъ полуо-вѣ спорадически распространенная птица къ югу до Греціи включительно, но на греческихъ о-вахъ не встрѣчается.

Что касается Малой Азіи, то, повидимому, *P. palustris* имѣетъ здѣсь широкое распространеніе, но она уже не упоминается *Тристрамомъ* для Палестины. На крайнемъ востокѣ Азіи эта птичка распространена въ сѣверномъ Китаѣ.

84.

POECILE BOREALIS, DE SELYS.

Пухлякъ.

Синонимы: Parus cinereus montanus, Baldenst.; Parus borealis, De Selys-Longchamps; Parus alpestris, Bailly; Parus palustris, Lin.; Poecila alpestris, assimilis, salicaria etc., Brehm.

станціи:

по преимуществу хвойный лѣсъ, на второмъ мѣстѣ смѣшанный и лиственный.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Если соединить *Poec. borealis*, *De Selys*, съ *Poec. alpestris*, *Bailly*, въ такомъ случаѣ географическое распространеніе этой синички представится въ слѣдующемъ видѣ: ея область гнѣздовья охватываетъ всю сѣверную Европу и западную Сибирь, и распространяется на центральную Россію. Какъ изъ Скандинавіи, такъ изъ центральной Россіи зимою *P. borealis* доходитъ до центральной Европы и южной Россіи. Кромѣ того колонія этой птички занимаетъ Швейцарскія и Савойскія Альпы.

А) Въ Европ. Россіи.

Въ Русской Лапландіи пухлякъ найденъ разными наблюдателями: *Лавровымъ* 17/29.VIII на Овечьемъ о-вѣ около Кандалакши, *Плеске* 9/21.VIII на берегу р. Колы, и т. д. На границѣ съ Норвегіей наблюдалась между прочимъ Collett. Въ Ost-Finmarken'ѣ живетъ она осѣдло, но осенью и зимою кочуетъ и появляется тогда на берегахъ Ледовитаго океана. Въ Финско-Шведской Лапландіи найдена въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ въ приходѣ Муоніо, но здѣсь въ гораздо меньшемъ числѣ, нежели *Poec. cincta*. *Θ. Д. Плеске* высказываетъ, что этотъ видъ и на Кольскомъ полу-вѣ является типичнымъ представителемъ фауны хвойныхъ лѣсовъ и развѣ случайно гнѣздится въ области березы; но въ послѣдней области онъ въ изобиліи появляется во время осеннихъ и зимнихъ кочевокъ, заходя тогда до пояса ивняковъ. Гдѣ кустарная растительность достигаетъ морскаго побережья, тамъ и *P. borealis* доходитъ до береговъ Ледовитаго океана (*Плеске*. Критич. обз. млекоп. и пт. Кольскаго полуо-ва, стр. 197—198). По *Mela* (Vertebr. fennica, p. 95, Tab. III), обыкновенная осѣдлая птица всей лѣсной области Финляндіи и Лапландіи. Подъ Архангельскомъ во всякомъ случаѣ не рѣдка (*Liljeborg*, l. c. p. 100, *Alston & Brown*, Ibis, 1873, p. 60, *Seebohm & Henke*, Ibis, 1882, p. 377), причемъ по окраскѣ уже нѣсколько отличается отъ скандинавской, походя на западно-сибирскую. По *Meves* (Ornis, 1886, p. 234), очень обыкновенная птица на всемъ протяженіи пути отъ Шлиссельбурга до Архангельска. Какое видоизмѣненіе пухляка встрѣчается въ области Печоры сказать трудно. *Seebohm & Brown*

нашли на нижней Печорѣ синичку, которую опредѣлили за *P. kamtschatkensis*, *Bnp.*, но которая отлична отъ послѣдней и помѣчена *Swinhoe* за *P. baikalensis* и Тачановскимъ за *P. macrura*. О настоящей *P. borealis* они не упоминаютъ, и, основываясь на этомъ, можно думать, что *P. borealis* на крайнемъ сѣверѣ лѣсной области не доходитъ на востокъ даже до Печоры. Но на Уралѣ *Л. П. Сабанѣевымъ* добыта еще типичная *P. borealis*, которая безспорно принадлежитъ къ числу мелкихъ птицъ, наиболѣе распространенныхъ въ Пермской губ., при чемъ количество ея нисколько не уменьшается даже и въ Богословскомъ округѣ. Въ Екатеринбургскомъ Уралѣ, на обоихъ склонахъ его, этотъ видъ встрѣчается въ одинаково большомъ количествѣ, говоря вообще, гораздо чаще другихъ синицъ. Въ березовыхъ лѣсахъ она уже менѣе обыкновенна, а далѣе, въ степи, по берегамъ озеръ и рѣкъ, ее совершенно (?) замѣняетъ *Cyan. cyanus* (*Сабанѣевъ*, Позв. ср. Ур. стр. 54). Въ области Оби Бременская экспедиція нашла только *P. baikalensis* (*Finsch*, l. c. p. 168—169). О распространеніи этого вида въ Оренбургскомъ краѣ *Эверсманнъ* дѣлаетъ такое общее замѣчаніе:

«Болотная синица очень обыкновенна во всѣхъ нашихъ глухихъ лѣсахъ, въ болотныхъ мѣстахъ, около канавъ, рѣкъ и рѣчекъ, особливо въ черныхъ лѣсахъ, но также въ еловыхъ и сосновыхъ, когда тамъ находится сколько-нибудь лиственныхъ деревьевъ, или когда въ болотныхъ долинахъ растутъ кустарники (*Эверсманнъ*, Е. И. Ор. Кр. т. III, стр. 138). *Н. А. Зарудный* сообщаетъ въ своей послѣдней работѣ гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. «Болотная синица, говоритъ этотъ превосходный наблюдатель, гнѣздится постоянно, но вообще въ небольшомъ количествѣ, въ лѣсахъ при устьѣ Сакмары, въ лѣсахъ губернаторскихъ луговъ, въ Караваевской рощѣ и въ лѣсахъ по р. Каргалкѣ. Во второй половинѣ сентября и въ октябрѣ болотныя синицы прикочевываютъ на зиму въ окрестности Оренбурга изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей. Кромѣ того онѣ наблюдаются на зимовьѣ въ долинѣ средняго теченія Урала, по низовьямъ Илека и около Акъ-Тюбэ. Встрѣчаются часто, но въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ *Parus ater*, хотя въ кормныхъ мѣстахъ и собираются нерѣдко обществами въ 30—40 штукъ». (Орнитол. фауна Оренбург. кр., стр. 66). *Θ. Д. Плеске* (in litt.) приводитъ *P. borealis* для Бирскаго у. Уфимской

губ. По свидѣтельству *П. П. Сушкина* (in litt.), обыкновенна круглый годъ и гнѣздится во всѣхъ лѣсахъ Уфимской губ., одинаково какъ въ лиственныхъ, такъ и въ хвойныхъ По сообщенію *М. Д. Рузскаго* (in litt.), *Poec. borealis* въ Казанской губ. вмѣстѣ съ *P. major* самые обыкновенные виды синицъ; гнѣздится и въ борахъ и въ лиственныхъ лѣсахъ; остается и на зиму. «Гаичка, говоритъ *М. Н. Богдановъ* объ этой синичкѣ, именуя ее *P. palustris*, одна изъ болѣе обыкновенныхъ синицъ въ Симбирской губ., не рѣдка и въ Казанской губ. Гнѣздится (въ западной ч. Сызранскаго у.) въ смѣшанныхъ сосновыхъ борахъ, иногда въ очень глухихъ мѣстахъ, если только тамъ есть болота, родникъ, ручеекъ или рѣчка, потому что вода для нея, повидимому, необходима, такъ какъ она лѣтомъ пьетъ чаще другихъ синицъ. Молодыя вылетаютъ изъ гнѣздъ во второй половинѣ іюня и держатся все лѣто около гнѣздовья, не вылетая даже на опушку. Летаютъ выводками внутри лѣса по соснамъ, на которыхъ ловятъ разныхъ насѣкомыхъ. Въ полдень выводки ежедневно летаютъ къ родникамъ и паточинамъ на водопой. Въ сентябрѣ гаички вылетаютъ изъ глухихъ боровъ, и тогда держатся по опушкамъ и уремамъ, небольшими стайками. Зимой онѣ встрѣчаются часто, вмѣстѣ съ другими синичками, около деревень и родниковъ, въ которыхъ мочатъ конопли, но никогда я не видалъ ихъ по одиночкѣ, а постояно небольшой стайкой». (*Мод. Богдановъ*. Пт. и зв. Поволжья, стр. 92). По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 215), на осеннемъ пролетѣ встрѣчается подъ Астраханью, но, намъ думается, вѣрнѣе бываетъ здѣсь не на пролетѣ, а прилетаетъ зимовать, какъ дѣлаетъ это и въ устьѣ Урала, гдѣ зимуетъ въ камышахъ (*Сѣверцовъ*, *Карелинъ*), въ оттепели поднимаясь кверху до Антоновскаго и Абищенскаго. Г. *Яковлевъ* говоритъ (l. c. p. 339), что пухлякъ является подъ Астраханью позднею осенью и летаетъ маленькими стайками, что подтверждаетъ мое предположеніе о зимовкѣ здѣсь названной птички. По свидѣтельству *Н. А. Сѣверцова* (in litt.), только зимующая птица Воронежской губ. По всей области, лежащей между среднимъ теченіемъ Волги и Оки, очень обыкновенная осѣдлая птичка (*Мензбиръ*, *Сабанѣевъ*, *Лоренцъ*, *Сушкинъ*). *П. Павловъ* упоминаетъ ее для окрестностей Рязани (Орнитол. набл., стр. 13), но здѣсь она, повидимому, рѣдка (вслѣдствіе преобладанія лиственнаго лѣса?). На сѣверо-западъ и западъ отъ подмосковныхъ

губерній *P. borealis* распространена слѣдующимъ образомъ. По *Межакову* (Bull. de Moscou, 1856, № 4, p. 630), осѣдлая въ Вологодской губ. По свидѣтельству *Θ. Д. Плеске* (in litt.), *В. Л. Біанки* (in litt.) и *А. Н. Дьякова* (in litt.), очень обыкновенна въ разныхъ мѣстностяхъ Тверской губ. По *Е. А. Бихнеру*, въ С.-Петербургской губ. наиболѣе распространенный видъ синицъ, водится какъ въ хвойныхъ, такъ и лиственныхъ лѣсахъ. Съ половины іюня, когда молодыя достигли уже полнаго развитія, можно встрѣтить многочисленныя семейства рѣшительно повсюду, нерѣдко въ сообществѣ съ *P. cristatus* и *P. caudatus*» (*Бихнеръ*, стр. 415). Г. *Петровъ* (Матер. для списка пт. Новгород. губ., стр. 9), *В. Л. Біанки* (in litt.) и *В. А. Хлѣбниковъ* (Матер. по ф. позвоноч. Боров. у. стр. 10) приводятъ этотъ видъ для Новгородской губ. По *Эсаулову* (l. c. p. 231), очень обыкновенна въ Торопецкомъ и Холмскомъ уу. Псковской губ. По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, p. 61), самая обыкновенная изъ синицъ Прибалтійскаго края, по преимуществу выбирающая для жительства хвойные лѣса, но не рѣдко встрѣчающаяся и въ лиственныхъ. *Θ. Д. Плеске* сообщаетъ (in litt.), что *P. borealis* гнѣздится въ Гродненской губ. По *В. К. Тачановскому* (Ornis, 1888, p. 466), въ Польшѣ бываетъ только зимой. Въ губ. Черниговской вѣроятно гнѣздится еще *P. borealis*, но, можетъ быть, и *P. borealis* и *P. palustris*, въ губ. же Волынской, Кіевской и Харьковской *P. borealis* бываетъ только зимою (о Харьковской это сообщаетъ мнѣ *Н. Н. Сомовъ* in litt.). Какъ далеко кочуетъ эта птичка зимою къ югу не прослѣжено, но можно предполагать, что до предѣла древесной растительности, по долинамъ рѣкъ.

В) Въ другихъ странахъ.

Нормальное распространеніе *P. borealis* въ Азіи, повидимому, ограничивается лѣсами по верховьямъ лѣвыхъ притоковъ Оби, такъ какъ въ долинѣ Оби Бременская экспедиція нашла уже *P. baikalensis*, область распространенія которой идетъ такимъ образомъ отъ нижней Печоры по бассейнамъ Оби, Енисея и Лены до Восточной Сибири, но въ видѣ исключенія *Poec. borealis* заходитъ на востокъ до Байкальскаго озера, откуда имѣю экземпляръ.

Въ Европѣ, за предѣлами Россіи, *P. borealis* имѣетъ слѣдующее распространеніе: на Скандинавскомъ полуо-вѣ всюду,

отъ южныхъ частей страны (58° с. ш. въ Норвегіи и 59° въ Швеціи), гдѣ живетъ вмѣстѣ съ *P. palustris*, до русской границы, на сѣверо-востокѣ. Въ Швеціи, по *Sundevall*, *P. borealis* вполнѣ замѣняетъ собою *P. palustris* къ сѣв. отъ 61° с. ш. Далѣе, осѣдла въ Исландіи (по исландскимъ экземплярамъ этотъ видъ установленъ *de Selys*). Какъ зимующая птица найдена *Водзицкимъ* въ Галиціи, *Мадарасомъ* въ Карпатахъ (Zeitsch. f. Ges. Orn. I, p. 132) и добывалась также въ другихъ частяхъ Австріи (*Marschall u. Pelzeln*, Ornis vindobonensis, p. 54).

Что касается горной формы, то, по *Fatio*, она распространена въ хвойныхъ лѣсахъ Швейцаріи, по *Bailly*, въ хвойныхъ лѣсахъ Савойи. И тамъ, и здѣсь осѣдла, но зимою спускается въ горныя долины, и тогда изъ Савойи залетаетъ въ прилегающія области Италіи (*Giglioli*, Avifauna italica, p. 160).

85.

POECILE BAIKALENSIS, SWINH.

Сибирская гаичка.

Синонимы: Poecile kamtschatkensis, auct. nec Bnp.; Parus borealis, Midd., Schrenck и др.; Poecile macroura, Tacz.

станціи:

хвойный и лиственный лѣсъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Судя по литературнымъ даннымъ, можно заключить, что сибирскій представитель обыкновенной гаички въ Европѣ несомнѣнно найденъ только на нижней Печорѣ: здѣсь эту птичку наблюдали въ концѣ апрѣля и началѣ мая н. ст. подъ Усть-Цыльмой и Габарки *H. Seebohm & H. Brown* (Birds of the Lower Petchora, p. 219; *Dresser*, B. of Eur. Vol. III, p. 119), которые весьма опредѣленно говорятъ, что она держалась здѣсь, пока былъ снѣгъ, но потомъ исчезла. Судя по тому, что сѣвернѣе названныхъ мѣстъ названные орнитологи сибирской гаички не наблюдали, надо думать, что она отлетѣла на гнѣздовье южнѣе или восточнѣе.

Въ дополненіе къ этому могу сообщить слѣдующее о распространеніи *P. baikalensis* въ Европ. Россіи по собраннымъ мною матеріаламъ. Одинъ экземпляръ добытъ 13/25.IX въ Орловскомъ у. Вятской губ. Два (♂ 19.IX/1.X и ♂ 3/15.X) убиты въ Кунгурскомъ у. г. *Хлѣбниковымъ*. Одинъ вполнѣ типичный экземпляръ этой синицы былъ добытъ *П. П. Сушкинымъ* 31.III/12.IV.91 около г. Уфы. Переходные экземпляры встрѣчались тѣмъ же наблюдателемъ изрѣдка ранней весной и поздней осенью, обыкновенно въ стайкахъ *P. borealis*. Одинъ ♂ добытъ *Н. А. Зарудныимъ* зимою въ Оренбургѣ (теперь въ моей коллекціи). Нѣсколько экземпляровъ переходнаго характера отъ *P. borealis* къ *P. baikalensis*, но все-таки болѣе близкихъ къ послѣдней, имѣю изъ Кундравы, съ юго-восточнаго склона Урала. Судя по этому, можно заключить, что *P. baikalensis* съ осени появляется въ всей сѣверо-восточной Россіи, откуда передъ весною отлетаетъ гнѣздиться на востокъ, за Уралъ, такъ какъ массу гнѣздящихся гаичекъ Урала составляютъ типичныя *P. borealis* и особенно переходная форма.

Въ области Оби этотъ видъ многократно былъ встрѣченъ Бременской экспедиціей (Reise n. W.-Sib., 167—169). *Seebohm* встрѣтилъ ее только разъ въ области Енисея (Ibis, 1879, p. 1), но это конечно объясняется случайностью, если припомнить, что она была здѣсь прослѣжена на большомъ разстояніи *Миддендорфомъ*. Въ восточной Сибири всюду обыкновенна, равно какъ въ Амурской области и Манчжуріи (*Taczan.*, Bull. de France, 1879, p. 163), и встрѣчается на сѣверныхъ Японскихъ о-вахъ (экземпл. *Swinhoe* изъ-подъ Гакодади, *fide* Dresser, l. c. p. 120; иногда японскую гаичку отмѣчаютъ какъ особое видоизмѣненіе подъ названіемъ *P. japonicus*, см. объ этомъ на стр. 177 и 178).

86.

POECILE LUGUBRIS, NATT.

Parus lugubris, Natter.; Penthestes lugubris, Reich.; Poecila lugens, Brehm; Poikilis lugubris, Blas.

с т а н ц і и:

лиственныя рощи и сады по горнымъ долинамъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Эта синичка занимаетъ весьма небольшую область распространенія, принадлежа лишь сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ восточной части Средиземно-морскаго бассейна.

Въ предѣлахъ Европ. Россіи буроголовая гаичка не встрѣчается, но *Нордманнъ* говоритъ, что она живетъ на восточномъ берегу Чернаго моря, т. е. въ черноморскомъ округѣ Кавказа (Faune pontique, p. 191). Хотя послѣ Нордманна она тамъ никѣмъ найдена не была, но присутствіе ея тамъ едвали подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ *Seebohm* имѣлъ экземпляръ *P. lugubris* изъ подъ Ленкорани (Ibis, 1884, p. 428). За предѣлами Закавказья, *Blanford* добылъ нѣсколько отличающійся отъ европейскихъ экземпляръ буроголовой гаички въ Мазандаранѣ (Эльбурсъ) и еще два экземпляра подъ Ширазомъ (Eastern Persia, II, p. 229). *Tristram* добылъ эту синичку въ Ливанѣ. Въ Малой Азіи она распространена вѣроятно весьма широко и о ней упоминаетъ какъ *Krüper*, такъ и *Danford*. Но родиной этой птички повидимому является все-таки Грецiя, гдѣ буроголовая гаичка была найдена въ разное время года всѣми орнитологами страны (*v. d. Mühle*, *Lindermayer*, *Krüper*). *Elwes & Buckley* говорятъ, что эта птичка встрѣчается въ Македоніи. По свидѣтельству гг. *Sintenis* обыкновенна въ лѣсахъ Добруджи (J. f. O., 1877, S. 64). По *Madarász* (Zeitschr. f. die Ges. Ornith., T. I, S. 132), не рѣдка въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ Венгріи, особенно по нижнему Дунаю. Для Трансильваніи приведена какъ довольно обыкновенная птичка *Danford & Brown* (Ibis, 1875, p. 303). Но далѣе къ сѣверу *P. lugubris* не встрѣчается.

Имѣя въ виду распространеніе этой птички по Дунаю, желательно бы получить болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли ея нѣтъ въ Бессарабіи.

87.

POECILE CINCTA, BODD.

Лапландская гаичка.

Parus cinctus, Bodd.; Parus lugubris, Zetterst.; Parus lapponicus, Lundahl.

станціи:

хвойный лѣсъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Poecile cincta, *P. obtecta* (grisescens) и *P. rufescens* составляютъ кругополярную группу синичекъ лѣсной полосы крайняго сѣвера европейско-азіатскаго и американскаго материковъ, и какъ близко-родственный видъ имѣютъ *P. affinis*, *Prjew.* растространенную отъ Амурской области къ югу, въ Китаѣ и Монголіи, туркестанскую *P. songara*, *Sew.* и уже извѣстную намъ средиземно-морскую *P. lugubris*, *Natt.* Мнѣ неизвѣстно, найдены ли переходы между *P. obtecta* и *P. rufescens*, изъ которыхъ послѣдняя свойственна собственно американскому материку, хотя встрѣчается уже и въ сѣверо-восточной Азіи, но между *P. cincta* (лапландской) и *P. obtecta* (сѣверо-восточной Россіи, западной и центральной Сибири) существуетъ полный рядъ переходовъ, почему трудно считать ту и другую за виды. Впрочемъ, придерживаясь своего обыкновенія, я говорю объ области распространенія лапландской и сибирской синички отдѣльно, предоставляя каждому соединять или раздѣлять ихъ, смотря по желанію.

По свидѣтельству *Плеске* (Uebersicht der Vögel u. Säugeth. d. Kola-Halbinsel, 1886, S. 63 и 447), осѣдлая птица въ хвойныхъ лѣсахъ Кольскаго полуо-ва, гдѣ прослѣжена отъ Кандалакской губы на востокѣ до Норвежской границы на западѣ. Въ южной части страны встрѣчается рѣже, но въ средней и сѣверной весьма обыкновенна; къ сѣверу распространена до границы хвойнаго лѣса. Осенью и зимой начинаетъ вести бродячую жизнь и тогда заходитъ сравнительно далеко къ югу. По *Mela* (Vertebrata fennica, Tab. III и p. 90), рѣдка въ области Торнео, въ Улеаборгской губ. и Обонежьи, очень рѣдкая, исключительно зимняя птичка въ центральной Финляндіи. По *Бихнеру* (Птицы С.-Петербургскй губ., стр. 416), по словамъ *Ѳ. Д. Плеске*, встрѣчается ежегодно на осеннемъ пролетѣ (конецъ сентября—ноябрь) въ окрестностяхъ С.-Петербурга. По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, III, p. 377), обыкновенная осѣдлая птица подъ Архангельскомъ, но уже не типичная, а средняя форма между *P. cincta* и *P. obtecta*.

Что касается распространенія лапландской гаечки внѣ предѣловъ Россіи, то оно крайне ограниченно: она распространена на гнѣз-

довьи лишь въ Скандинавіи, въ хвойныхъ лѣсахъ сѣверной части страны, спускаясь къ югу до 65° с. ш. въ Норвегіи (Довре) и 65°—64° въ Швеціи (Ликселе). Лишь осенью и зимою заходитъ она далѣе къ югу, въ исключительныхъ случаяхъ даже до Упсалы и Стокгольма (*Wright, teste Dresser*). *Collet* приводитъ какъ наиболѣе южное мѣсто гнѣздовья этой птички Однесъ, 60½° с. ш., гдѣ *P. cincta* была найдена въ 1863 г. д-ромъ Принцъ, но неизвѣстно, гнѣздится ли она здѣсь нормально. О нахожденіи лапландской гаички въ Остзейскомъ краѣ, Германіи и пр., хотя бы зимою и въ исключительныхъ случаяхъ, свѣдѣній не имѣется.

88.

POECILE OBTECTA, CAB.

Parus sibiricus, Gm.; Poecila sibiricus, Bnp.; Poikilis sibiricus, Blas.; Parus grisescens, Dress.; Poecile obtectus, Cab.

станціи:

хвойный лѣсъ, криволѣсье.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Сибирская представительница лапландской гаички распространена на огромномъ пространствѣ европейско-сибирской тайги отъ области Печоры въ сѣверо-восточной Россіи до Амура въ Восточной Сибири. Зимою заходитъ изрѣдка въ центральную Россію.

По свидѣтельству *Seebohm & Brown* (l. c., p. 219), найдена ими на нижней Печорѣ: одна парочка подъ Усть-Цыльмой, болѣе обыкновенной подъ Габарики, опять рѣдкой далѣе къ сѣверу. Названнымъ наблюдателямъ удалось прослѣдить эту птичку на нѣсколько миль къ сѣверу за полярный кругъ, по ивняковымъ зарослямъ нижняго теченія рѣки. Экспедиція *Гофмана* добыла *Poec. obtecta* на истокахъ Лозьвы, подъ 62° с. ш. (*Brandt,* Bemerkung. üb. die Wirbelth. d. nördl. europ. Russl., S. 65). По свидѣтельству *Л. Сабанѣева* (Позвоночныя Средняго Урала, стр. 54), г. *Martin* встрѣчалъ ее весной (вѣроятно на пролетѣ) на восточномъ склонѣ Екатеринбургскаго Урала. Въ музеѣ Уральскаго общества любителей естествознанія я видѣлъ экземпляръ описываемой синички добытый 6/18.XI въ

окрестностяхъ Екатеринбурга. О зимнихъ кочевкахъ сибирской гаички въ восточной и центральной Россіи свѣдѣній почти не имѣется, такъ какъ кромѣ *Сабанѣева* и *Лоренца*, добывшихъ зимою въ разное время нѣсколько экземпляровъ въ подмосковьи, она никѣмъ не упоминается. Имѣющіеся у меня два московскіе экземпляра нѣсколько рыжѣе сибирскихъ, почти не отличаются отъ Мезенской и, слѣдовательно, принадлежатъ переходной формѣ. Бременская экспедиція (*O. Finsch*, Reise n. W.-Sib., S. 169—170) нашла сибирскую гаичку во множествѣ въ области нижней Оби, отъ 66°38′ къ югу до деревни Шаркомской (62°40′). *Миддендорфъ* встрѣтилъ *P. obtecta* на нижнемъ Енисеѣ за полярнымъ кругомъ и въ лѣсахъ, расположенныхъ на возвышенности между рр. Амгой и Алданомъ. Въ Становомъ хребтѣ не найдена (l. c. S. 155—156). *Seebohm* нашелъ сибирскую гаичку весьма обыкновенной въ лѣсахъ на Енисеѣ около полярнаго круга (Ibis, 1879, p. 2). *Маакъ* сообщаетъ о распространеніи этой синички слѣдующее: «Этотъ видъ, какъ кажется, чаще всѣхъ другихъ видовъ синицы, попадался мнѣ на Вилюѣ и на пути къ Оленеку. По одиночкѣ я встрѣчалъ ихъ, въ продолженіи всего лѣта, въ лѣсахъ; небольшими стаями онѣ попадались мнѣ въ первой половинѣ сентября, на притокахъ Оленека. Въ Даурiи и на Амурѣ я не находилъ ее» (Путешествіе на Амуръ, стр. 123). *Радде* добылъ на Амурѣ только одинъ экземпляръ (Vögel d. Am.-Land., S. 148) сибирской гаички, но, по справедливому замѣчанію В. К. Тачановскаго, и этотъ экземпляръ съ черной шапочкой вѣроятно принадлежитъ не къ P. obtecta, а къ P. affinis. *Дыбовскій* собралъ *Poec. obtecta* въ большомъ количествѣ во время ея пролета въ Култукѣ (Bull. de France, 1876, p. 162). *David* говоритъ о гнѣздованьи P. obtecta на горахъ Урато въ сѣв. Китаѣ (Oiseaux de la Chine, p. 289), что весьма сомнительно (P. affinis?).

89.

LOPHOPHANES CRISTATUS, L.

Хохлатая синица, гренадеръ.

Синонимы: Parus cristatus, Naum.; Lophophanes cristatus, Kaup; Parus mitratus, C. L. Brehm.

станціи:

хвойный лѣсъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Гренадеръ по справедливости считается одной изъ наиболѣе характерныхъ птицъ европейской фауны, такъ какъ почти не переходитъ за предѣлы Европы.

А) Въ Европ. Россіи.

Въ Европ. Россіи синица-гренадеръ распростанена очень широко. По *Л. П. Сабанѣеву* (Позвон. Ср. Ур. стр. 55), гнѣздится только въ юго-западныхъ предѣлахъ Пермской губ., на юго-восточномъ склонѣ Пермскаго Урала была замѣчена только на весеннемъ пролетѣ. Въ спискахъ *Seebohm & Brown*, *Брандта* и *Теплоухова* гренадеръ не помѣщенъ; не получилъ я этой синицы и отъ коллектировавшаго въ Вятской губ. *В. В. Бѣлова*, изъ чего можно заключить, что въ области верхней Печоры, верхней и средней Камы *Loph. cristatus* не встрѣчается. По *Эверсманну* (Ест. Истор. Оренб. края, ч. III, стр. 140), водится въ большихъ лѣсахъ по среднему теченію Волги, но будто бы здѣсь довольно рѣдка, что опровергается *Богдановымъ* (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 92), по крайней мѣрѣ, для сосновыхъ и еловыхъ боровъ Казанской губ. По свидѣтельству *М. Д. Рузскаго* (in litt.), гнѣздится въ борахъ Царевококшайскаго, Чебоксарскаго, Козмодемьянскаго, Мамадышскаго и отчасти Казанскаго уѣздовъ той же губ. Вездѣ осѣдла. Тѣмъ же наблюдателемъ найдена въ іюлѣ 1889 г. въ борахъ басейна р. Суры (Курмышскій у.), а въ 1887 г. въ верховьяхъ р. Кубни, притока Свіяги. Зимой живетъ исключительно въ борахъ. По свидѣтельству *М. Н. Богданова* (l. c.), гнѣздится въ борахъ Сызранскаго у., но едвали идетъ къ югу далѣе южной границы третичныхъ боровъ. *Межаковъ* не приводитъ гренадера въ своемъ спискѣ птицъ Вологодской губ., но это вѣроятно объясняется недосмотромъ. *Мевесъ* нашелъ гренадера на Онежскомъ оз. и подъ Холмогорами (Ornis, 1886, p. 233), рѣдка. Подъ Холмогорами же экземпляръ описываемаго вида былъ добытъ во время поѣздки въ Архангельскую губ. *Alston*'а и *Brown*'а (Ibis, 1873, p.

60). По *Mela* (Vertebr. Fenn. Tab. III), обыкновенна въ большей части Финляндіи, къ сѣверу до 64° с. ш.; съ приближеніемъ къ Улеаборгу становится рѣдка; въ области Торнео очень рѣдка, заходя сюда случайно. Относительно Петербургской губ. *Е. А. Бихнеръ* (Птицы С.-Петерб. губ. стр. 418) говоритъ, что гренадеръ весьма обыкновененъ въ хвойныхъ лѣсахъ Гдовскаго у. «Въ Петергофскомъ у. онъ не былъ наблюдаемъ никѣмъ, кромѣ Н. И. Холодовскаго, который сообщаетъ, что это самая обыкновенная изъ синицъ въ Гдовскомъ лѣсу и въ паркѣ около Ораніенбаума, гдѣ она и гнѣздится. Изъ окрестностей С.-Петербурга имѣются нѣсколько экземпляровъ въ коллекціи Біанки; кромѣ того его наблюдали Ѳ. Д. Плеске 20.VI,82 въ Левашовѣ (Петербургскаго у.), а Біанки въ хвойномъ лѣсу у устья р. Сестры», *В. Л. Бianки* обязательно сообщаетъ мнѣ (in litt.), что этотъ видъ синички живетъ осѣдло въ окрестностяхъ ст. Ушаки на границѣ С.-Петербургекой и Новгородской губ. (см. также Beitr. z. Kenntn. Russ. R. Dr. F. B. IV, S. 235). *А. Н. Дьяковъ* приводитъ ее (in litt.) въ числѣ гнѣздящихся птицъ Тверской губ. По свидѣтельству *В. А. Хлѣбникова* (Матер. по ф. позвоночн. стр. 11), обыкновенна, но не многочисленна въ Боровичскомъ у. Новгородской губ. По свидѣтельству *Эсаулова* (l. c. p. 231), встрѣчается въ Торопецкомъ и Холмскомъ уу. Псковской губ. По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, S. 63), обыкновенная птица въ хвойныхъ лѣсахъ прибалтійскихъ губерній, гдѣ осѣдла. *Тачановскій* ставитъ ее въ число обыкновенныхъ птицъ Польши (Ornis, 1888, p. 466). По *Кесслеру* (Ест. Ист. губ. Кіевск. уч. окр. Пт. вороб. стр. 91), распространена во всѣхъ губерніяхъ бывшаго Кіевскаго учебнаго окр., т. е. Подольской, Волынской, Черниговской, Кіевской и Подольской, но преимущественно въ сѣверныхъ ихъ частяхъ, обильныхъ хвойными лѣсами. *Бельке* приводитъ *Loph. crist.* для Радомысльскаго у. (Bull. de Moscou, 1866, II, p. 494). *Шевелевъ* отмѣчаетъ для Черниговской губ. (Наблюденія и т. д. стр. 6). По *Сабанѣеву*, гнѣздится въ Смоленской губ. (in litt.). Въ Московской губ. не особенно обыкновенная осѣдлая птица (*Мензбиръ, Лоренцъ*). Въ Ярославской осѣдлая (*Сабанѣевъ* въ труд. Яросл. стат. ком. в. IV, стр. 249, Bull. de Moscou, 1868). Въ Тульской губ. очень рѣдка, гнѣздится только въ сѣверной части губ. (см. *Menzbier*. Revue compar. etc. p. 4; *Сушкинъ*, Птицы Тульской губ. стр. 73 и пр.). По *Дани-*

лову (l. c. p. 458), рѣдкая пролетная на Варголѣ въ Орловской губ. По *Сомову* (in litt.) рѣдкая осѣдлая птица Харьковской губ. *Съверцовымъ* отмѣчена для Воронежской губ., гдѣ несомнѣнно бываетъ осенью и зимой и гдѣ, можетъ быть, гнѣздится (Період. явл. стр. 20 и др. и позднѣйшія наблюд.). Ни въ Астраханской, ни въ Оренбургской губ. найдена не была. *Сушкинъ* сообщилъ мнѣ (in litt.). что *Loph. cristatus* очень рѣдка въ Уфимской губ. Относительно южной Россіи, *Нордманнъ* (Faune pont. p. 190) говоритъ, что *Loph. cristatus* находится въ Волыніи и Подоліи и на пролетѣ показывается въ садахъ окрестностей Одессы.

Что касается Крыма, то существуетъ только показаніе *Радде*, что *Lophoph. cristatus* встрѣчается здѣсь въ горахъ (Bull. de Moscou, 1854, p. 142; Journ. f. Orn. 1854, p. 60).

По *Нордманну* (l. c.) синица-гренадеръ встрѣчается на Кавказѣ. *Радде* говоритъ объ этомъ слѣдующее: «эту синицу можно назвать рѣдкостью въ Закавказьѣ. Я знаю ее, какъ осеннюю птицу, только въ одной мѣстности, а именно въ рѣдкихъ хвойныхъ лѣсахъ той возвышенности, которая лежитъ въ Боржомѣ между обоими главными ручьями, на правой сторонѣ Куры. Въ другихъ мѣстностяхъ перешейка я ее нигдѣ не встрѣчалъ» (Орнитол. фауна Кавказа, стр. 111).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По *Collet* (Norges Fugle, p. 128), въ Норвегіи доходитъ до 64° с. ш., но обыкновенной можетъ считаться только въ южной части страны. Въ Швеціи, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S, 140), распространена на сѣверъ до 63° с. ш., но обыкновенна только въ южной и средней Швеціи.

Въ Даніи до сихъ поръ не была найдена. Въ Шлезвигѣ бываетъ только случайно, во время кочевокъ послѣ вывода дѣтей (*Rohweder*, l. c. p. 10).

По *Borggreve* (Vog.-F. v. N.-Deutschl. p. 79), кочующая птица всей сѣверной Германіи.

По *Albarda* (Ornis, 1885, p. 605), гнѣздящаяся и кочующая птица Голландіи; только въ исключительныхъ случаяхъ посѣщаетъ

приморскія провинціи. По *Dubois* (Wien. Mittheil. 1884, 74), довольно рѣдкая осѣдлая въ Бельгіи.

Спорадически распространенная птица Британскихъ о-въ; гнѣздится только въ немногихъ самыхъ старыхъ лѣсахъ Шотландіи; очень рѣдка въ Англіи и Ирландіи (List Brit. B. p. 28).

Въ Люксембургѣ рѣдка, но гнѣздится (*De la Fontaine*, Faune de Luxembourg, p. 101).

Во Франціи, по *Degland & Gerbe* (Ornith. europ. I, p. 563), не рѣдка вообще и обыкновенна мѣстами, напр. въ департаментѣ Нижнихъ Альпъ. Гнѣздится въ горахъ Прованса, откуда на зиму спускается въ долины и доходитъ даже до устья Роны. Въ Савойѣ обыкновенна въ сосновыхъ лѣсахъ.

Въ Португаліи осѣдла и обыкновенна на сѣверѣ, въ хвойныхъ лѣсахъ по склонамъ горъ (*Tait*, Ibis, 1887, p. 184). Въ Испаніи, повидимому, спорадически распространенная птица всей страны, такъ какъ лордъ *Lilford* нашелъ ее въ Арагоніи, *Saunders* получилъ экземпляры изъ-подъ Гренады (Bull. de France, 1877, p. 13), *Irby* нашелъ ее обыкновенной осѣдлой въ лѣсахъ между Гибралтаромъ и Тарифой (Ornith. Gibraltar, p. 101).

Въ Италіи гнѣздится только въ Альпахъ, но зимою спускается въ низменности и, быть можетъ, доходитъ до южной Италіи (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 70; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 161).

Въ Австро-Венгріи распространена во всѣхъ хвойныхъ лѣсахъ, но мѣстами сравнительно рѣдка. *Fritsch* отмѣчаетъ ее для хвойныхъ лѣсовъ Богеміи (Vög. Böhm. S. 50). *Dzieduszycki* (Museum, p. 83) говоритъ, что она нерѣдка круглый годъ въ Галиціи. *Madarász* (Zeitschr. Ges. Orn. 1884, p. 133) называетъ ее постоянной жительницей хвойныхъ лѣсовъ Венгріи. Гнѣздящаяся птица собственно Австріи (*Marschall u. v. Pelzeln*, l. c. p. 54). Довольно обыкновенна круглый годъ въ Зальцбургѣ (*v. Tschusi*, S. 27), обыкновенна въ Тиролѣ (*Dalla Torre*, S. 26) и Штиріи (*Blas. Hanf*, S. 91), встрѣчается въ Каринтіи (*Hueber*, S. 20).

На Балканскомъ полуо-вѣ *Lophoph. cristatus* не встрѣчается.

90.

ACREDULA CAUDATA.

Чумичка.

Синонимы: Parus caudatus, Linn.; Paroides longicaudus, Brehm; Mecistura caudata, longicauda, pinetorum, Brehm.; Orites caudatus, Sund.

станціи:

лѣсъ въ періодъ гнѣздовья, лѣсъ и кустарныя заросли во время бродячей жизни.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Область распространенія чумички, какъ называютъ въ Москвѣ долгохвостую синицу, и ея родичей въ высшей степени замѣчательна. *Acredula caudata* гнѣздится въ центральной и сѣверной Европѣ и Сибири. На западъ типичная бѣлоголовая форма идетъ до Силезіи. Въ Австріи и Средней Германіи распространенъ гибридъ *Acr. caudata* съ *Acr. rosea* вмѣстѣ съ обѣими типичными формами. Въ Бельгіи, на Британскихъ о-вахъ и во Франціи гнѣздится *Acr. rosea*, отличающаяся отъ *Acr. caudata* присутствіемъ черныхъ полосъ на головѣ и въ старомъ возрастѣ. Похожая на *Acr. rosea*, но съ сѣрой спиной *Acr. irbyi* гнѣздится на Пиренейскомъ полуо-вѣ и въ Италіи. Малорослая, безъ всякаго слѣда чернаго цвѣта на спинѣ *Acr. tephronota* распространена на Балканскомъ полуо-вѣ, въ Малой Азіи, Персіи и быть можетъ на Кавказѣ. На сѣверномъ Кавказѣ живетъ близкая къ испанской *Acr. irbyi caucasica*. Параллельно этому западному ряду существуетъ подобный же восточный рядъ формъ въ Азіи. Въ южной Японіи живетъ близкая къ *Acr. rosea* форма, извѣстная подъ именемъ *Acr. trivirgata*, которая быть можетъ образуетъ помѣси съ *Acr. caudata*, живущей осѣдло на Іессо. На материкѣ въ Китаѣ находятся двѣ формы: одна параллельная *Acr. irbyi* изъ внутреннихъ частей материка, съ сравительно длиннымъ хвостомъ и чернымъ цвѣтомъ на задней сторонѣ шеи—*Acr. atronuchalis, nobis*;

другая—*Acr. glaucogularis* изъ береговой области, параллельная *Acr. tephronata*, тоже малорослая и съ сѣрой спиной. Наконецъ, въ Китаѣ же вѣроятно существуетъ и еще одинъ видъ—*Acr. vinacea*. Долгохвостую синицу изъ центральной Сибири *Seebohm* отдѣляетъ, по ея очень длинному хвосту и сильному развитію бѣлаго цвѣта на заднихъ маховыхъ, подъ названіемъ *Acredula caudata sibirica*.

А) Въ Европ. Россіи.

«По сообщенію Knoblock'a въ Кухѣ, въ 4 миляхъ къ востоку отъ Muoniouiska, говоритъ *Ѳ. Д. Плеске* (Критич. обз. стр. 195), наблюдали длиннохвостую синицу. Такъ какъ это единственныя свѣдѣнія объ этой птицѣ, то они требуютъ еще подтвержденія». По свидѣтельству *Mela* (Vertebrata fennica, Tab. III), въ очень рѣдкихъ случаяхъ зимою заходитъ въ область Торнео и Улеаборгскую губ.; гнѣздится только къ югу отъ 63° с. ш. 11/23 августа *Meves* встрѣтилъ стайку этой синички на Ладожскомъ каналѣ (Ornis, 1886, 233). По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 377), сибирская разновидность *Acr. caudata* не рѣдка подъ Архангельскомъ. *Гёбель* нашелъ длиннохвостую синицу подъ Устюгомъ (Journ. f. Orn. 1871, p. 24). *В. В. Бѣловъ* доставилъ мнѣ эту синичку изъ Орловскаго у. Вятской губ., гдѣ она была добыта 10 октября. *Ѳ. А. Теплоуховъ* приводитъ описываемый видъ для долины рѣки Обвы (in litt.) *Сабанѣевъ* говоритъ слѣдующее о распространеніи *Acr. caudata* на Уралѣ: «Долгохвостая синица найдена мною почти во всемъ Богословскомъ округѣ—именно до Петропавловска, но вѣроятно она идетъ и далѣе къ сѣверу, хотя въ путешествіи Гофмана на сѣверный Уралъ и не упоминается объ ней. Но здѣсь, какъ и въ другихъ изслѣдованныхъ мною мѣстностяхъ Пермскаго Урала, Parus caudatus встрѣчается въ замѣтно меньшемъ количествѣ, чѣмъ Parus palustris (т. е. P. borealis), что особенно замѣчено было въ Каслинской и Кыштымской дачахъ». (Позв. ср. Ур. стр. 52). Г. *Хлѣбниковъ* доставилъ мнѣ шкурки *Acr. caudata*, собранныя въ окресностяхъ Кунгура. *Ѳ. Д. Плеске* найдена въ августѣ въ Бирскомъ у. Уфимской губ. *Н. А. Зарудный* (Орнитол. ф. Оренб. края, стр. 63) говоритъ слѣдующее о распространеніи чумички въ Оренбург. губ.: «Въ предѣлахъ изслѣдованной мною мѣстности, долгохвостая синица гнѣз-

дится только въ лѣсахъ «Губернаторскихъ луговъ» и то въ весьма небольшомъ числѣ. Необыкновенно раннимъ появленіемъ въ окрестностяхъ Оренбурга осенью 1879 г. и позднимъ отлетомъ весною 1880 г., я былъ введенъ въ грубое заблужденіе, предположивъ, что птица эта обыкновенна здѣсь и лѣтомъ. Подобно князьку, долгохвостая синица не каждый годъ является въ окр. Оренбурга въ одинаковомъ количествѣ; вообще же говоря, она зимою очень обыкновенна; всего чаще она показывается въ первыхъ числахъ сентября, а валовой пролетъ и прилетъ совершается во второй его половинѣ и въ теченіи почти всего октября. Въ продолженіи цѣлой зимы эта птичка встрѣчается очень часто, особенно когда мало снѣгу, и нерѣдко попадается стаями въ сотню экземпляровъ. Съ наибольшею охотою бьется по лѣсамъ и рощамъ, гдѣ среди высокоствольныхъ деревъ ростутъ густыя заросли кустарниковъ; охотно посѣщаетъ также талы по берегамъ рѣкъ и стариць. Зимою долгохвостая синица наблюдается въ долинѣ всего Илека, Исенбая и Якши-Каргалы, гдѣ ее нерѣдко видятъ среди камышей и чакала. Возвратныя перекочевки наблюдаются подъ Оренбургомъ въ февралѣ и мартѣ». Зимою 1860—61 г. г. *Карелину* были доставлены экземпляры долгохвостой синицы изъ-подъ форпоста Абищенскаго (недалеко отъ устья р. Солянки въ Уралъ, къ югу отъ оз. Чалкаръ) и Антоновскаго (нѣсколько сѣвернѣе Калмыковой) (*Сѣверцовъ* in litt). По свидѣтельству *Хлѣбникова* (Списокъ птицъ Астрахан. губ. стр. 9), отчасти гнѣздящаяся, отчасти пролетная и зимующая птичка Астраханской губ. Относительно распростаненія *Acr. caudata* въ низовьяхъ Волги свѣдѣнія нѣсколько сбивчивы. Такъ *М. Н. Богдановъ* говоритъ (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 93), что, противно утвержденію В. И. Рикбейля, будто долгохвостая синичка бываетъ подъ Сарептой только зимой, *Э. Д. Пельцамомъ* привезены молодые (въ гнѣздовомъ перѣ), добытые имъ лѣтомъ въ долинѣ Волги ниже Сарепты, и что г. *Генке* положительно утверждаетъ, что она гнѣздится подъ Астраханью. Г. *Яковлевъ* (Bull. de Moscou, 1872, IV, p. 339) говоритъ, что *Acr. caudata* подъ Сарептой замѣчена только зимой, «что же касается до Астрахани, то г. Генке никогда здѣсь этихъ птицъ не видалъ, а потому увѣреніе М. Н. Богданова, что онѣ здѣсь гнѣздятся (основанное на показаніи того же наблюдателя), по всему вѣроятію, возникло вслѣдствіе какого-нибудь недоразумѣнія». Но г. *Яковлевъ* не

правъ, отрицая показаніе г. *Генке* въ томъ видѣ, какъ оно приведено *Богдановымъ*, потому что у *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 216) опредѣленно говорится вновь, что *Acr. caudata* рѣдкая осѣдлая птица подъ Астраханью, и что *Генке* однажды нашелъ здѣсь ея гнѣздо. *Эверсманнъ* даетъ слѣдующее общее замѣчаніе о распространеніи долгохвостой синицы въ области средней Волги: «Долгохвостая синица повсюду въ нашихъ мѣстахъ очень обыковенная птица; особенно обыкновенна она въ предгоріяхъ Урала, гдѣ осенью собирается она въ огромные табуны и посѣщаетъ мѣста, гдѣ лѣсъ не такъ густъ, или гдѣ березы ростутъ не часто. Также въ Казанской губерніи видимъ осенью многочисленные табуны этой синицы, летающіе по лѣсамъ и рощамъ». (Ест. Ист. Оренб, кр. Ч, III, стр. 143). *М. Н. Богдановъ* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о распространеніи *Acr. caudata*: «Долгохвостая синичка встрѣчается очень часто въ Казанской и Симбирской губ. Въ Казанскомъ у. я встрѣчалъ ее часто осенью по молодымъ еловымъ и сосновымъ лѣсамъ (перемѣшаннымъ съ чернолѣсьемъ), также по мелколѣсью и уремамъ. Никогда не встрѣчалъ я долгохвостыхъ синичекъ многочисленными табунами; обыкновенно онѣ летаютъ небольшими стайками, штукъ 12—16 небольше. По словамъ Эверсманна большая часть ихъ улетаетъ на зиму на югъ. Въ западной части Сызранскаго у. долгохвостыя синички очень обыкновенны въ самое суровое время зимы по таламъ рѣчныхъ долинъ, гдѣ онѣ перелетываютъ небольшими стайками и отыскиваютъ по вѣтвямъ тальника яйца различныхъ насѣкомыхъ. Изъ достовѣрно извѣстныхъ мнѣ мѣстностей, гдѣ гнѣздится эта птица, я могу указать пока долину Волги и Камы». (Пт. и зв. Поволжья, стр. 92). *М. Д. Рускій* сообщаетъ мнѣ, что *Acr. caudata* гнѣздится въ борахъ Чебоксарскаго и Царевококшайскаго уу., а вѣроятно и въ другихъ лѣсныхъ уѣздахъ Казанской губ. Осенью (въ октябрѣ) появляется въ Казани и окрестныхъ лѣсахъ, гдѣ держится стайками и въ ноябрѣ, но зимуетъ ли, съ достовѣрностью пока нельзя сказать. *П. Павловъ* говоритъ, что въ окрестностяхъ Рязани долгохвостая синица, сравнительно съ *P. borealis* и *C. cyanus*, больше распространена, такъ что подъ осень здѣсь часто можно встрѣтить стаю штукъ въ 20; зимою встрѣчаются тоже нерѣдко (Орнитолог. набл. стр. 13). По *Сабанѣеву*, довольно рѣдкая гнѣздящаяся птичка Ярославской и Московской губ. (in litt.; см. также Матер. для фау-

ны Ярославской губ. въ Труд. Яросл. стат. комит. в. IV, стр. 249 и др. и Матер. для ф. Яросл. губ. въ Bull. de Moscou, 1868). Относительно Тульской губ. *Сушкинъ* (Птицы Тул. губ. стр. 74) говоритъ, что эта птичка встрѣчается по всей губерніи, но не часто; осенью и зимой чаще, чѣмъ лѣтомъ. Мѣстами гнѣздится; такъ однажды выводокъ былъ встрѣченъ около Черни, въ началѣ іюля. По *Данилову* (Bull. de Moscou, 1864, p. 459), лѣтняя птица близь Воргола Орловской губ. По свидѣтельству *А. Н. Дьякова* (in litt.), отчасти гнѣздящаяся, отчасти осѣдлая птица Тверской губ. По свидѣтельству *В. Л. Біанки* (in litt.), осѣдлая птица въ заволжской части Старицкаго у. той же губ. По словамъ г. *Петрова* (Матер. для списка пт. Новг. губ. стр. 9), экземпляръ чумички, добытый 30.IX.1881 въ области Ильменя, имѣется въ коллекціи г. Геллерта. *В. А. Хлѣбниковъ* говоритъ (Матер. къ ф. Борович. у. стр. 11), что *Acr. caudata* обыкновенна по низменнымъ мѣстамъ со смѣшаннымъ лѣсомъ въ Боровичскомъ у. Новгородской губ.; встрѣчалась и въ ноябрѣ. По *Эсаулову* нерѣдка въ Торопецкомъ и Холмскомъ уу. Псковской губ. *Е. А. Бихнеръ* говоритъ слѣдующее о распространеніи птички въ С.-Петербургской губ. «A. caudata, которую Фишеръ считаетъ за рѣдко гдѣздящуюся птицу, весьма обыкновенна въ Гдовскомъ уѣздѣ. Здѣсь выводки кочуютъ, начиная съ начала іюня по лѣснымъ опушкамъ и въ мелколѣсьѣ. Въ концѣ іюля и въ августѣ они попадаются уже рѣже. Въ Петергофскомъ уѣздѣ павлинчикъ былъ найденъ близь Петергофа и Ораніенбаума, однако только поздней осенью и зимою. По Н. И. Холодовскому онъ выводитъ въ городскомъ лѣсу у Ораніенбаума. Мевесъ во время своей поѣздки, только одинъ разъ видѣлъ маленькую стаю, 23. VIII н. ст. около Ладожскаго канала. Близь Петербурга онъ замѣченъ на Волковомъ кладбищѣ». (Птицы С.-Петербургской губ. стр. 413). По свидѣтельству *Руссова* (Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, S. 64), повсемѣстно распространенная птица прибалтійскихъ губерній; остается и на зиму. По *Тачановскому* (Ornis, 1888, p. 465), въ Польшѣ всюду обыкновенная осѣдлая птица. По *Кесслеру* (Ест. Ист. губ. Кіев. уч. окр. I. стр. 88), встрѣчается круглый годъ въ губ. бывшаго Кіевскаго учебнаго округа (Подольская, Волынская, Кіевская, Черниговская и Полтавская). *Гёбель* называетъ *Acr. caudata* довольно обыкновенной птичкой Уманьскаго у. Кіевской губ. (Vög.

Kreis. Uman. S. 140). *Бельке* отмѣчаетъ ее (Quelques mots etc. p. 419; Esquisse etc. p. 29) для Подольской губ. По *Н. Н. Сомову* (in litt.); довольно обыкновенна круглый годъ въ Харьковской губ. То же надо сказать о Воронежской губ. (*Съверцовъ*, Період. явл. стр. 21 и др.; in litt.). *Нордманнъ* говоритъ (Faune pontique, p. 191), что длиннохвостая синица осенью и зимою встрѣчается всюду въ южной Россіи, большими стайками, быстро перелетающими по садамъ.

По крайней мѣрѣ въ степной части Крыма *Acr. caudata* бываетъ только осенью и зимою, и то очень рѣдко (*Шатиловъ*, l. c. p. 88). Что касается Крымскихъ горъ, то *Шатиловъ* (l. c. p. 96), *Радде* (Bull. de Moscou, 1854, S. 142), *Калениченко* (l. c. p. 219), *Blakistone* (l. c. p. 5505) и *Carte* (l. c. p. 269) приводятъ для нихъ *Acr. caudata* гнѣздящеюся птицею, что возможно, но не доказано, потому что экземпляровъ долгохвостой синички изъ послѣдней мѣстности нѣтъ, и нельзя поручиться, что въ Крымскихъ горахъ не живетъ кавказская синичка. Я видѣлъ долгохвостую синичку на южномъ берегу Крыма въ паркахъ Алупки и Мисхора, но всегда при такихъ условіяхъ, что за дальностію разстоянія не могъ ни разсмотрѣть, ни добыть.

Что касается Кавказа, то у *Богданова* не было въ рукахъ кавказскихъ *Acr. caudata*, *Лоренцъ* этой птички не получилъ съ сѣв. Кавказа, а то, что говоритъ объ этомъ видѣ г. *Радде*, заставляетъ сильно сомнѣваться, что онъ правильно опредѣлилъ птичку (Орнит. Ф. Кавк. стр. 112). Такимъ образомъ остается единичное свидѣтельство *Н. Я. Динника* (Орнитолог. наблюд. стр. 351), что зимою 1885—86 г. *Acr. caudata* была замѣчена имъ въ крупномъ буковомъ лѣсу около ст. Змѣйской.

Такимъ образомъ вѣроятнѣе всего, что *Acr. caudata* изрѣдка зимою бываетъ на сѣверномъ Кавказѣ; гнѣздится и живетъ осѣдло на Кавказѣ *Acr. irbyi caucasica*, а въ Закавказьѣ, въ Талышской низменности, уже начинается область распространенія *Acr. tephronota*.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

Въ Норвегіи, по *Collet* (Norges Fugle, p. 129; Remarks on the Ornithol. of Norway, p. 200), доходитъ къ сѣверу до 67° 10′, до Сальтена, гдѣ она довольно обыкновенна. Въ южной и средней

Швеціи, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, p. 143) встрѣчается мѣстами; только поздней осенью и зимою она становится болѣе обыкновенной какъ въ хвойныхъ, такъ и лиственныхъ лѣсахъ. Сѣверная граница распространенія лежитъ около 63° с. ш.

По *Kjaerbölling*'у (Danmarks Fugle, p. 188) и *Benzon*'у (fide *Dresser*, l. c. III, p. 69) не рѣдка въ Даніи. По *Rohweder*'у (Vög. Schleswig-Holstein's, S. 10), распространена всюду въ Шлезвигѣ.

Borggreve (Vog.-F. Norddeutschl. S. 78) называетъ хвостатую синицу кочующей птицей сѣверной Германіи.

Въ Голландіи обыкновенна круглый годъ (*Dresser*, III, p. 69). Въ Бельгіи бываетъ въ небольшомъ числѣ зимою (Mittheilung. Wien. Ornithol. Gesellsch. S. 74).

На Британскіе о-ва залетаетъ случайно на восточный берегъ (List Brit. B. p. 25). Вѣроятно зимою бываетъ также въ сѣверной Франціи.

Въ Швейцаріи осѣдла по крайней мѣрѣ въ низменностяхъ (Naumannia, VI, p. 166). Зимою бываетъ изрѣдка въ сѣверной Италіи (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 66; *Giglioli* Avifauna italica, p. 151).

Распространеніе *Acr. caudata* въ Австріи весьма обширно. По *Fritsch* (Vögel Böhmens, S. 50), гнѣздящаяся птица Богеміи. *Dzieduszycki* (Museum, p. 84) называетъ ее осѣдлою птицею Галиціи. Обыкновенна въ собственно Австріи (*Marschall u. Pelzeln*, l. c. p. 54). *Madarász* говоритъ (Zeitschr. f. Ges. Ornith. 1884, p. 133), что *Acr. caudata* очень обыкновенна въ Венгріи, гдѣ также обыкновенна *Acr. rosea* и экземпляры съ смѣшанными признаками обѣихъ формъ.

По *Dresser*, обыкновенна въ Штиріи. *Tschusi* говоритъ, что *Acr. caudata* обыкновенна въ Зальцбургѣ (Vög. Salzb. S. 27). По *Hueber* (Vög. Kärnt. S. 20), обыкновенная птица Каринтіи. По *Dalla Torre* (Wirbelthierfauna v. Tirol, S. 26), отчасти осѣдлая птица Тироля.

Dresser наблюдалъ *Acr. caudata* въ Сербіи и Валахіи, но здѣсь вѣроятно болѣе обыкновенна *Acr. rosea*, которую для Болгаріи и Восточной Румеліи приводитъ *Радаковъ* (Bull. Moscou, 1879, p. 162), и для Болгаріи и Македоніи *Elwes & Buckley* (Birds of Turkey, p. 199). Братья *Sintenis* (Journ. f. Orn. 1877, S. 65) приводятъ

Acr. caudata гнѣздящеюся птицею Добруджи, но вѣроятнѣе, что это наблюденіе относится къ *Acr. rosea*. По *Alléon* (Ornis, 1886, p. 399), и та и другая бываетъ подъ Варной зимою.

Въ Азіи:

По свидѣтельству *И. Я. Словцова* (in litt.), долгохвостая синичка въ Тюменскомъ и Туринскомъ округахъ Тобольской губ. живетъ круглый годъ; встрѣчалась и въ декабрѣ и въ январѣ въ самыя суровыя зимы; осенью встрѣчается большими стайками. По *Seebohm* (Ibis, 1880, p. 189), обыкновенна въ окрестностяхъ Красноярска. По *Theél*, наблюдалась къ сѣверу до 59° с. ш. По *Миддендорфу* (Säugeth. u. Vög. Sibir. p. 154), въ январѣ добыта подъ Удскимъ Острогомъ. *Шренкомъ* (Vög. Am.-Land. S. 305) найдена по верхнему и нижнему теченію Амура. *Радде* (Vög. in R. u. S. v. O.-Sib. p. 196) найдена осенью въ Бурейскихъ горахъ и на берегу Ангары подъ Иркутскомъ. По свидѣтельству *А. М. Никольскаго* (О-въ Сахалинъ, стр. 181), на Сахалинѣ встрѣчается, видимо, рѣдко, такъ какъ только *Поляковымъ* найдена осенью въ средней части Сахалина въ долинѣ р. Тыми. Наконецъ, *Дыбовскимъ* найдена въ разныхъ мѣстахъ Забайкалья и Даурiи (Journ. f. Orn. 1868, p. 335; idem, 1872, p. 445; idem, 1884, p. 335). Въ Японіи *Acr. caudata* живетъ осѣдло на Iессо.

91.

CALAMOPHILUS BIARMICUS.

Усатая синица, бородатка.

Синонимы: Parus biarmicus, L.; Parus russicus, Gm.; Calamophilus biarmicus, Leach; Panurus biarmicus, Koch.; Mystacinus, Aegithalus biarmicus, Boie; Mystacinus russicus, arundinaceus, dentatus, Brehm; Calamophilus barbatus, Keys. & Blas.; Paroides biarmicus, Gray.

станціи:

камышевыя заросли по берегамъ рѣкъ и озеръ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Усатая синица распространена въ средней и южной Европѣ, въ западной Азіи, на востокъ до Алтая, и въ центральной Азіи.

А) Въ Европ. Россіи.

Тачановскій говоритъ о распространеніи усатой синицы въ Польшѣ слѣдующее: «я никогда не видалъ этой птички у насъ на свободѣ, меня увѣряли только, что она гнѣздится въ небольшомъ количествѣ на обширномъ болотѣ въ окрестностяхъ Грубешова. Не имѣя возможности подтвердить это свидѣтельство и не располагая никакимъ другимъ доказательствомъ, я ограничиваюсь этимъ простымъ указаніемъ» (Ornis, 1888, p. 465). *Кесслеръ* говоритъ, что лица, заслуживающія полнаго довѣрія, увѣряли его, что эта синица встрѣчается въ Волынской и Подольской губ. (Ест. Ист. губ. Кіевск. уч. окр. Пт. вороб. стр. 88). Г. *Арендаренко* также приводитъ ее между птицами Полтавской губ. (Записки о Полтав. губ. стр. 89). По свидѣтельству *Н. Н. Сомова* (in litt.), усатая синица въ послѣднее время добыта въ Харьковской губ. *Нордманнъ* (Faune pontique, p. 191) дѣлаетъ общее замѣчаніе, что эта синица довольно обыкновенна по всѣмъ поросшимъ камышами берегамъ рѣкъ и соленыхъ озеръ, откуда она иногда залетаетъ въ сады. Вѣроятно это относится къ окрестностямъ Одессы. *Радде* (Journ. f. Orn. 1854, S. 60) говоритъ, что видалъ эту синичку, небольшими стадичками въ 5—8 экземп. по Бугу. (См. также Bull. de Moscou, 1854, № 3, S. 142—143). Въ русскомъ изданіи каталога орнитолог. собр. г. *Шатиловъ* говоритъ слѣдующее о нахожденіи *Calamoph. biarmicus* въ Крыму: «вѣроятно является только во время пролета; кромѣ экземпляра музея, убитаго въ 1866 году осенью, только одинъ живой экземпляръ былъ пойманъ и опредѣленъ мною въ октябрѣ 1853 года» (l. c. стр. 88). Еще *Палласъ* сообщилъ о распространеніи усатой синицы въ южной Россіи слѣдующія свѣдѣнія: «In arundinetis australibus circa Tanaïn, Volgam, Rhymnum, totoque deserto et circa mare Caspium frequens avis» (Zoograph. R.-As. I, p. 549). По *Арцибашеву* (Bull. de Moscou, 1859, III, p. 52), довольно обыкновенна въ камышахъ по Сарпѣ, гдѣ держится небольшими стадич-

ками. *Богдановъ* говоритъ о распространеніи усатой синицы въ низовьяхъ Волги слѣдующее: «Я наблюдалъ усатую синичку въ срединѣ іюля въ самыхъ густыхъ камышахъ Волжской дельты. По словамъ Э. Д. Пельцама и г. Генкеля она обыкновенна тамъ въ теченіе всего года, но зимой попадается чаще; слѣдовательно показаніе Эверсманна, что она поздно осенью улетаетъ на югъ и рано весной прилетаетъ назадъ нельзя считать точнымъ. Еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ наблюденія В. И. Рикбейля, который передавалъ мнѣ, что усатая синица осѣдла подъ Сарептой и гнѣздится здѣсь въ камышахъ» (Птицы и звѣри Поволжья, стр. 93). *В. А. Хлѣбниковъ* (Списокъ птицъ Астрах. губ. стр. 9), *Яковлевъ* (Bull. de Moscou, 1872, № 4, стр. 339) и *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 217) называютъ усатую синицу обыкновенною осѣдлою птицею окрестностей Астрахани. *Эверсманнъ* говоритъ, что усатая синица водится по обросшимъ камышемъ берегамъ южной Волги и Урала, по берегамъ Каспійскаго моря, въ камышевыхъ полянахъ южной Киргизской степи и по камышевымъ берегамъ Аральскаго моря и Сыръ-Дарьи» (Ест. Ист. Оренб. края, ч. III, стр. 148). По *Карелину* (*Сѣверцовъ* in litt.), многочисленна въ кугѣ устьевъ р. Урала, гдѣ зимуетъ. *Н. А. Зарудный* говоритъ, что самецъ бородатки убитъ 1 іюля 1883 г. въ камышахъ урочища Бишъ-Копа и прибавляетъ, что, повидимому, былъ залетный (Орнитолог. ф. Оренб. кр. стр. 63).

М. Н. Богдановъ наблюдалъ усатую синицу осенью въ камышахъ дельты Терека (Птицы Кавказа, стр. 90). По *Радде*, усатая синичка принадлежитъ къ осѣдлымъ птицамъ четырехъ большихъ кавказскихъ рѣчныхъ системъ, въ особенности, по плоскимъ берегамъ и въ большихъ камышахъ. Существованіе ея по берегамъ озеръ Армянской возвышенности еще не доказано. Въ Талышской низменности она появляется въ особенности въ суровыя зимы и обитаетъ большія камышевыя заросли, такъ называемыя морцы, никѣмъ не обитаемыя въ это время (Орнитолог. ф. Кавк. стр. 114—115).

В) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

Въ Даніи рѣдка и встрѣчается только въ южной части Ютландіи (*Kjaerbölling*, Danmarks Fugle, p. 189). По *Rohweder* рѣдка,

но встрѣчается въ камышевыхъ зарослях юго-западнаго Шлезвига (Vög. Schl.-Holstein's, S. 9).

По *Borggreve,* изъ Голландіи залетаетъ въ западную часть Германіи (Vög. Deutschl. S. 78).

Въ Голландіи сравнительно обыкновенна (*Dresser*, Birds of Europe, III, p. 51).

По *Dubois* (Mittheil. Wien. Ornithol. Gesell. 1884, S. 74), очень рѣдка въ Бельгіи. По *De La Fontaine* (Faune de Luxemb. p. 110), въ ноябрѣ небольшими стайками появляется изрѣдка въ Люксембургѣ.

На Британскихъ о-вахъ осѣдлая птица Норфолька и Кэмбриджшира (List Brit. B. p. 24)

По *Degland & Gerbe* (Ornithol. europ. I, p. 574), осенью на пролетѣ показывается въ сѣверной Франціи. Очень рѣдка въ Провансѣ, случайно залетаетъ въ Савойю.

Для Испаніи упоминается *Saunders*'омъ (Birds of South. Sp. p. 208) изъ окрестностей Валенсіи, откуда упоминается и другими.

Спорадически распространенная птица Италіи; въ Сардиніи ея нѣтъ, въ Сициліи осѣдла (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 64, *Giglioli*, Avifauna italica, p. 156).

Что касается Австріи, то мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія о распространеніи здѣсь усатой синицы. По *Fritsch* (Vög. Böhm. S. 50), залетаетъ въ Богемію. Осѣдлая птица Галиціи (*Dzieduszycki*, l. c. p. 84). Въ собственно Австріи едвали бываетъ, такъ какъ экземпляръ Королевскаго Собранія добытъ въ Зальцбургѣ (*Tschusi*. Vög. Salzb. S. 27). По *Della Torre* (l. c. p. 26), изрѣдка залетаетъ въ южный Тироль. По *Madarász* (Zeitschr. Ges. Ornith. 1884, S. 134), всюду распространенная птичка по камышевымъ зарослямъ Венгріи.

По *Alléon* (Ornis, 1886, p. 400), гнѣздящаяся птица въ болотахъ Добруджи и Болгаріи.

Лордъ *Lilford* нашелъ эту птичку въ Албаніи. По *Alléon*, одинъ мертвый экземпляръ былъ найденъ близъ Босфора (Bull. de France, 1880, p. 82). По *Lindermayer* (Vög. Griechenl. S. 65), водится на поросшихъ кустарниками болотахъ сѣверной Греціи. *Robson* сообщилъ *Dresser*'у (B. of Eur. III, p. 52), что усатая синица была добыта въ окрестностяхъ Варны, въ болотахъ по Дунаю и близъ Смирны въ Малой Азіи.

Въ Азіи:

Кромѣ сейчасъ упомянутаго показанія *Rodson*'а о нахожденіи усатой синицы подъ Смирной, мы имѣемъ еще свидѣтельство *Tristram*'а, что эта птичка была найдена нѣсколько южнѣе Бейрута (Fauna and Flora of Palestine, p. 52).

По свидѣтельству *А. М. Никольскаго* (Позвон. Балхаш. котлов. стр. 42), обыкновенная гнѣздящаяся птица всюду въ камышахъ озера Балхаша и низовья рѣкъ. По *Finsch*'у (R. n. W.-Sib. S. 170), усатая синичка найдена въ большомъ числѣ на Норъ-Зайсанѣ, у мѣста впаденія Кара-Иртыша. По *Сьверцову*, спорадически распространенная птица Туркестана, въ горахъ не поднимающаяся выше культурной полосы, т. е. 4000′ н. у. м. Поздно осенью и зимою найдена въ камышахъ у восточнаго берега Аральскаго моря, по озерамъ Киргизской степи и по Сыръ-Дарьѣ (Journ. f. Orn. 1875, S. 172).

Экспедиція *Stoicsk*'и добыла свѣдѣнія, по которымъ описываемая синичка обыкновенная гнѣздящаяся птица Восточнаго Туркестана вообще и окрестностей Яркенда въ частности. Зимой встрѣчается здѣсь стадами отъ 30 до 40 штукъ, и держится въ травѣ и по камышамъ (Second Yarkand Mission, Aves, p. 68). По свидѣтельству *Н. М. Пржевальскаго* (Отъ Кульджи за Тянь-Шань, стр. 22), многочисленная осѣдлая птичка долины Тарима. Тѣмъ же наблюдателемъ найдена въ долинѣ Желтой рѣки и въ Цайдамѣ; въ послѣднемъ очень часто встрѣчается по камышевымъ болотамъ (Монголія, II, стр. 55).

Можно считать, что родъ *Aegithalus* заключаетъ въ себѣ 13 видовъ, изъ которыхъ только 5 палеарктическіе, остальные же отчасти принадлежатъ Сѣв. Америкѣ и южной Азіи, по преимуществу Африкѣ. Изъ 5 палеарктическихъ *Aeg. pendulinus* имѣетъ наиболѣе широкое распространеніе и занимаетъ значительную часть Европы и западную Азію. *Aeg. castaneus* принадлежитъ нижнимъ теченіямъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море. *Aeg. macronyx* и *coronatus* имѣютъ право назваться туркестанскими. Наконецъ, *Aeg. consobrinus* живетъ въ сѣв. Китаѣ. Изъ этихъ 5 видовъ обособленнѣе дру-

гихъ миніатюрный *Aeg. coronatus*. Изъ остальныхъ ближе другихъ между собою *Aeg. pendulinus* и *consobrinus*. Между *Aeg. pendulinus* и *castaneus* соотношеніе очень сложно и можетъ быть понято только при изученіи ихъ географическаго распространенія.

92.

AEGITHALUS PENDULINUS, L.

Ремезъ

Синонимы: Parus polonicus s. pendulinus, Briss.; Parus pendulinus, L.; Parus narbonensis, Gm.; Aegithalus pendulinus, Boie; Pendulinus polonicus, medius, macrourus, C. L. Brehm.; Aegithalus pendulinus var. jaxartica, Sev.

станціи:

поросшія кустами, камышистыя болота или болотистые луга, рѣчныя уремы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Спорадически распространенная птица въ средней и отчасти южной полосѣ палеарктической области.

А) Въ Европ. и Азіат. Россіи.

Вѣроятно, кой-гдѣ гнѣздится въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя *Руссовъ* и не включаетъ его въ число птицъ этой области (Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, S. 63). По свидѣтельству *В. К. Тачановскаго*, въ Польшѣ гнѣздится во многихъ мѣстахъ по Вислѣ, даже близъ Варшавы, но здѣсь отдѣльными парами; болѣе обыкновененъ въ Люблинской губ. по большимъ лѣснымъ болотамъ (Bull. de France, 1877. p. 145), и по берегамъ озеръ, верстахъ въ 50 отъ Любартова. Позднѣе *Тачановскій* сообщилъ, что ремезъ гнѣздится въ Сѣдлецкой губ. и въ глубокихъ болотахъ, поросшихъ кустами, по Бугу и Вепрю (Ornis, 1888, p. 464) О распространеніи ремеза въ Минской губ. говоритъ *Кесслеръ* (Вѣстн. Естеств. Н. 1857, стр. 34). Въ зоологическомъ музеѣ Московскаго Университета имѣются многочисленныя гнѣзда ремеза изъ пинскаго полѣсья. По свидѣтельству

Кесслера (Ест., Ист. губ. Кіевск. учебн. окр., в. 2, стр. 90), встрѣчается въ губ. Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской и мѣстами даже очень не рѣдокъ. *Шевелевъ* въ свою очередь отмѣчаетъ ремеза гнѣздящеюся птицей Черниговской губ. (l. c. стр. 6). По показанію *Гёбеля* (Vög. Kreis. Uman, S. 141), довольно обыкновененъ въ Уманьскомъ у. *Бельке* отмѣчаетъ ремеза для Родомысльскаго у. (Bull. de Moscou, 1866, II, p. 494). По сообщенію г. *Щербакова* (in litt.), въ окрестностяхъ Кіева ремезъ не многочисленъ; держится на болотахъ, поросшихъ тростникомъ и кустами. По *Бельке*, въ Подольской губ. очень рѣдокъ (Bull. de Moscou, 1859, I, p. 29). По свидѣтельству *Радакова* (Bull. de Moscou, 1879, p. 162), гнѣздится во множествѣ по Пруту. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 192), обыкновененъ по всѣмъ рѣкамъ Новороссійскаго края. По свидѣтельству *Н. Н. Сомова* (in litt.), довольно рѣдкая гнѣздящаяся птица Харьковской губ. По словамъ *Н. А. Зарудnаго* (Птицы долины р. Орчика, стр. 152), «ремезъ—весьма обыкновенная птичка на Орчикѣ, гдѣ она придерживается преимущественно сырыхъ или топкихъ ольховыхъ лѣсовъ съ открытыти полянами, густо заросшими болотными травами, камышемъ и болотной ивой». Какъ далеко поднимается ремезъ въ центральной Россіи неизвѣстно: *Сабанѣевъ* пишетъ въ своей рукописи, что по свидѣтельству кн. В. В. Вяземскаго, эта птичка выводится въ Боровскомъ у. Калужской губ., и изрѣдка встрѣчается подъ Смоленскомъ, но у меня на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. По *Сьверцову* (Періодич. явл. стр. 64 и др.), гнѣздится въ Воронежской губ. Г. *Козловъ* сообщаетъ о гнѣздованіи ремеза въ Борисоглѣбскомъ у. Тамбовской губ. (Вѣстн. Естеств. Наукъ, 1857, стр. 511). Какъ далеко идетъ именно *Aegith. pendulinus* внизъ по Волгѣ, сказать трудно, но можно предполагать, что онъ спускается только нѣсколько ниже Сарепты и вѣроятно далеко не доходитъ до дельты рѣки, гдѣ его замѣняетъ *Aegith. castaneus*. На западъ отъ Волги, по долинѣ Иловли ремезъ рѣдокъ, но заходитъ выше широты Камышина, въ долинѣ Медвѣдицы тоже рѣдокъ, но гнѣзда его находили почти до Аткарска (*М. Богдановъ*, Птицы и Звѣри Поволжья, стр. 93—95). На Сарпѣ *Арцибашевымъ* не найденъ, показаніе же названнаго наблюдателя, что ремезъ гнѣздится по волжскимъ островамъ и особенно въ окрестностяхъ Астрахани вѣроятно надо цѣликомъ отнести

къ виду *Aeg. castaneus*. *Лепехинъ* наблюдалъ ремеза ниже Сызрани (Дн. зап. I, стр. 349). *Эверсманнъ* смѣшалъ *Aeg. pendulinus* съ *Aeg. castaneus*, почему сообщаемыми имъ свѣдѣніями надо пользоваться крайне осторожно. Однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ *Aeg. pendulinus* относится свѣдѣніе, что по Волгѣ ремезъ поднимается до устья Камы, и что та же птичка гнѣздится въ болотистыхъ лугахъ между Волгою и Ураломъ. Послѣднее сообщеніе я не могу согласовать съ тѣмъ, что *П. П. Сушкинъ* и самъ не нашелъ ремеза въ Уфимской губ. и не могъ добыть о немъ какихъ бы то ни было свѣдѣній, откуда слѣдуетъ, что этой птички нѣтъ или почти нѣтъ въ названной области. Свѣдѣнія *Эверсманна* о распространеніи ремеза въ низовьяхъ р. Урала относятся къ виду *Aeg. castaneus*. *Л. П. Сабанѣевъ* сообщаетъ слѣдующее о распространеніи обыкновеннаго ремеза въ Пермской губ.: висячія гнѣзда птички находили не только по верхнему теченію Чусовой (до широты Екатеринбурга), но даже въ Верхотурскомъ Уралѣ, близь Нижне-Туринскаго завода. *Сабанѣевъ* говоритъ, что слышалъ свистъ ремеза 7/19.VI.72. на р. Выѣ. Кромѣ того, гнѣзда ремеза хорошо извѣстны въ Кунгурскомъ у. (Сабарская ст.) и Камышловскомъ. Въ березовыхъ лѣсахъ черноземной полосы Зауралья ремезъ встрѣчается въ огромномъ количествѣ; въ степяхъ Шадринскаго у. даже еще болѣе обыкновененъ и здѣсь также держится на берегахъ рѣкъ, озеръ и по близости мочежинъ. Въ Каслинскомъ и Каштымскомъ Уралѣ ремезъ уже несравненно малочисленнѣе; въ нѣсколько большемъ количествѣ появляется въ Красноуфимскомъ у. (Позвоноч. средн. Урала, стр. 52). *Эверсманнъ* еще въ сороковыхъ годахъ указалъ гнѣздовье обыкновеннаго ремеза на верхнемъ теченіи р. Уя подъ 55° с. ш. (Ест. Ист. Оренб. кр. III, стр. 146; Nouv. Mém. Natur. Moscou, T. X. p. 276). Въ довольно большой коллекціи ремезовъ полученныхъ мною отъ *Н. А. Зарудnаго* изъ Оренбурга есть нѣсколько несомнѣнныхъ *Aeg. pendulinus*, который, какъ и волжскій ремезъ, прежде подъ Оренбургомъ не встрѣчался, изъ чего слѣдуетъ заключить, что *Aeg. pendulinus* съ сѣверо-востока (верховья р. Уя) успѣлъ въ 50 лѣтъ проникнуть до Оренбурга, гдѣ встрѣтился съ южнымъ пришлецемъ—*Aeg. castaneus*, который, успѣвши занять ту же область въ большомъ количествѣ, тѣмъ самымъ вѣроятно положитъ предѣлъ дальнѣйшему движенію *Aeg. pendulinus* внизъ по р. Уралу. Впро-

чемъ, этотъ до крайности интересный вопросъ мы разберемъ тамъ, гдѣ будемъ говорить объ *Aegithalus castaneus*, а теперь окончимъ разсмотрѣніе области распространенія обыкновеннаго ремеза въ Россіи. *И. Я. Словцовъ* говоритъ, что ремезъ нерѣдокъ въ Курганскомъ округѣ Тобольской губ. Въ ивнякахъ по берегамъ р. Пышмы были найдены его гнѣзда, но сѣвернѣе Тюменскаго округа его не удавалось находить. По свидѣтельству мѣстныхъ жителей, ремеза нѣтъ ни въ Туринскомъ округѣ, ни въ Сургутскомъ, ни въ Березовскомъ краѣ; между тѣмъ рыбопромышленникъ Вардропперъ передавалъ о ремезовыхъ гнѣздахъ найденныхъ по рѣкѣ Тазу (*Словцовъ*, Позвоночныя Тюменск. окр. стр. 256). Я не могъ получить свѣдѣній о распространеніи ремеза въ Киргизской степи. По *Сьверцову* (Journ. f. Orn. 1875, p. 172 и manuscr.), въ Туркестанскомъ краѣ найденъ гнѣздящимся на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи, по Джаны-Дарьѣ, подъ Чимкентомъ и въ долинѣ Иссык-аты.

Относительно распространенія ремеза въ Крыму я могъ найти только показаніе *Радде*, что ремезъ однажды былъ замѣченъ у Енисалы, у подножія Чатыръ-Дага, приблизительно на высотѣ 1000′ н. у. м. (Journ. f. O. 1854, S. 60), и что изрѣдка эта птичка встрѣчается въ прибрежной полосѣ (Bull. de Moscou, 1854, III, S. 142). Мнѣ уже не разъ приходилось указывать на противорѣчія въ двухъ названныхъ спискахъ г. Радде и теперь еще разъ прибавлю, что эти источники сомнительны.

B) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

Совсѣмъ не встрѣчается на Британскихъ о-вахъ, въ Даніи и въ Скандинавіи, равно нѣтъ никакихъ свѣдѣній о нахожденіи этой птички въ Бельгіи и Голландіи.

Въ Германіи, по *Naumann*'у, вообще рѣдка. По *Borggreve*, изъ юго-восточныхъ пограничныхъ областей изрѣдка залетаетъ въ другія части страны (Vog.-F. v. Norddeutschl. S. 78).

По *De la Fontaine* (Faune de Luxembourg, p. 110), рѣдкая гнѣздящаяся птица Люксембурга.

По *Degland & Gerbe* (Ornithol. europ. I, p. 575), гнѣздится во Франціи, именно въ департаментѣ Герольтъ. Лѣтомъ въ большемъ числѣ встрѣчается въ окрестностяхъ Пезенасъ; на пролетѣ найденъ въ

Прованскѣ, случайно залетаетъ въ Лорэнь и департ. Нижней Сены. Г. *Hardy* убилъ ремеза подъ Діеппомъ. *Jaubert & Barthélemy Lapommeraye* называютъ ремеза осѣдлой, но рѣдкой птицей Прованса. Не особенно рѣдко его видятъ по Ронѣ и въ низменностяхъ Лангедока.

Въ Португаліи ремеза нѣтъ. Въ Испаніи гнѣздится въ окрестностяхъ Валенсіи (Allg. D. Naturh. Z. 1857, S. 469; *Saunders*, l. c. p. 206).

Въ Италіи гнѣздится въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Италіи, гдѣ, однако, на зиму не остается. Въ Сициліи живетъ осѣдло. Ни въ Сардиніи, ни на Мальтѣ не наблюдалась (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 64; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 150).

Что касается Австріи, то распространеніе здѣсь ремеза спорадично. По *Fritsch* (Vög. Böhm. S. 50), съ достовѣрностью былъ найденъ въ Богеміи только въ 1850 г. По свидѣтельству *Dzieduszyck*'аго (Museum, p. 85), въ Галиціи обыкновененъ въ зарослях по рѣкамъ, именно по Бугу, Стыру и пр. Въ собственно Австріи, даже подъ Вѣной, былъ обыкновененъ еще въ шестидесятыхъ годахъ, но теперь сталъ очень рѣдокъ, вслѣдствіе истребленія любителями гнѣздъ (Ornis vindobonens. p. 55). По *Madarász* (Zeitsch. f. Ges. Orn. 1885, S. 134), въ Венгріи нерѣдокъ всюду, гдѣ есть болота и камышевыя заросли. Изрѣдка встрѣчается въ Штиріи (*Blas. Hanf*, l. c. p. 90). Изрѣдка встрѣчается въ южномъ Тиролѣ (*Dalla Torre*, p. 26).

По показанію братьевъ *Sintenis* (Journ. f. Orn. 1878, p. 64), обыкновененъ въ дельтѣ Дуная. Графъ *Alléon* (Ornis, 1886, p. 400) указываетъ на мѣста гнѣздовья ремеза въ Болгаріи и Добруджѣ. Лордъ *Lilfold* (fide *Elwes & Buckley*, p. 200) нашелъ ремеза въ Эпирѣ. *Lindermayer* (Vögel. Griechenlands, S. 64) говоритъ, что ремезъ гнѣздится въ большихъ болотахъ Греціи, особенно въ Румеліи; на островахъ не встрѣчается.

Въ Азіи:

По *Danford* (Ibis, 1878, p. 9), въ Малой Азіи единственное извѣстное мѣстонахожденіе ремеза сады и болота Кейзарайе, гдѣ эта птичка довольно обыкновенна. Распространяется ли ремезъ внутрь страны, неизвѣстно.

93.

AEGITHALUS CASTANEUS, SEW.

Волжскій ремезъ.

Синонимы: Aegithalus caspius, Pelz.; Aeg. pendulinus, Evsm. (part.).

Описаніе.

Хотя старые самцы *Aeg. castaneus* и *Aeg. pendulinus* рѣзко разнятся между собою, я, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не встрѣчалъ въ литературѣ признака, которымъ бы отличались другъ отъ друга молодыя птицы двухъ видовъ. Этотъ признакъ, однако, существуетъ и заключается въ слѣдующемъ: молодые самцы и самки *Aeg. castaneus* во всякомъ перѣ молодаго возраста, исключая гнѣздоваго (слѣдовательно одногодовалыя и позднѣе, по крайней мѣрѣ до четырехъ-лѣтняго возраста), имѣютъ кроющія уха черныя съ примѣсью ржаво-коричневаго цвѣта и надъ кроющими уха, т.-е. назади глаза, ясно развитыя перышки ржаво-коричневаго цвѣта. Со втораго года ржаво-коричневый цвѣтъ распространяется отчасти уже на темя, гдѣ позднѣе становится все интенсивнѣе, и наконецъ сливается съ соотвѣтствующей окраской спины. У *Aeg. pendulinus* въ первомъ перѣ послѣ гнѣздоваго кроющія уха черныя, перья надъ ними и надъ глазомъ, а равно темя грязно-сѣрыя. Начиная со втораго года, надъ кроющими уха и надъ глазомъ появляются черныя перышки, такъ что глазъ сверху, сзади и снизу окруженъ чернымъ полемъ, а темя становится болѣе чисто сѣрымъ. Такимъ образомъ два вида ремезовъ нельзя отличить только въ гнѣздовомъ перѣ.

Вотъ описаніе взрослаго самца и взрослой самки волжскаго ремеза.

Самецъ взрослый.—Лобъ, уздечка и верхнія кроющія уха черныя, послѣднія съ ржаво-коричневыми кончиками. Темя и задняя сторона шеи темно-ржаво-коричневыя; этотъ цвѣтъ, лишь слегка блѣднѣя, распространяется и на верхнюю часть спины, а отсюда, быстро, но постепенно блѣднѣя, переходитъ въ сѣровато-охристую окраску верхнихъ кроющихъ хвоста. Верхнія кроющія крыла черноваты, всѣ съ широкими ржаво-коричневыми ободками; большія кро-

ющія съ охристыми вершинами. Маховыя и рулевыя черноваты съ широкими бѣлыми каймами. Горло бѣлое, остальной низъ тѣла рыжеватый, такъ какъ каждое перо рыже съ широкой бѣловатой каймой. Нижнія кроющія крыла и хвоста охристыя, послѣднія нѣсколько сѣроваты. Перья голени ржаво-коричневыя. Клювъ темнороговой. Ноги и когти черныя.

Самка взрослая.—Похожа на трехъ- или четырехъ-лѣтняго самца, п. ч. на задней сторонѣ шеи большое поперечное охристое полулунное пятно, отдѣляющее ржаво-коричневое темя отъ ржаво-коричневой окраски верхней части спины, и плечевыя рыжевато-охристы.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Область распространенія волжскаго ремеза ограничивается бассейнами рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море съ запада и сѣвера.

М. Н. Богдановъ относитъ всѣ наблюденія надъ ремезами нижней и средней Волги къ виду *Aegith. castaneus*, но это безосновательно: послѣдній видъ во множествѣ доставлялся препараторами изъ Астрахани, но изъ Сарепты доставлялись оба вида европейскихъ ремезовъ, почему надо заключить, что *Aeg. castaneus* доходитъ приблизительно до Сарепты. Очень можетъ быть, что волжскій ремезъ по Волгѣ двигается къ сѣверу, но для подтвержденія этого надо бы періодически изслѣдовать Волгу отъ Сарепты до устья Камы. (О распростран. ремезовъ въ Астраханской губ. см. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 93, 95; *Яковлевъ* въ Bull. de Moscou, 1872, p. 339; *Seebohm & Henke*, l. c. p. 216; *В. А. Хлѣбниковъ*, Птицы Астраханской губ., стр. 9). Наблюденія *Эверсманна* надъ ремезами въ низовьяхъ Урала безъ сомнѣнія относятся къ *Aeg. castaneus*. *Эверсманнъ* очень опредѣленно говоритъ, что ремезъ по рѣкѣ Уралу встрѣчается только у устья этой рѣки, вверхъ немного дальше крѣпости Индерской; но выше, какъ и въ окрестности Оренбурга, и до самой вершины Урала въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ его еще не было (l. c. p. 146). Около 1880 г. *Н. А. Зарудный* нашелъ ремеза близь Уральска и на р. Илекѣ, въ 80 верстахъ къ югу отъ Оренбурга, и, основываясь на этомъ совершенно безосновательно упрекнулъ *Эверсманна* въ неточности показанія (Прир. и Охота, 1881, VIII, стр. 98): *Эверсманнъ* говоритъ объ отсутствіи

ремеза по среднему и верхнему теченію Урала совершенно опредѣленно и потому единственное возможное примиреніе наблюденій его и *Зарудnаго* состоитъ въ томъ, что ремезъ распространился приблизительно до Оренбурга въ теченіе 30—40 лѣтъ, протекшихъ между изслѣдованіямп Эверсманна и Зарудnаго. До 1884 г. *Н. А. Зарудный* собралъ еще дальнѣйшія свѣдѣнія о распространеніи ремеза въ Оренбургскомъ краѣ. «Ремезъ, говоритъ онъ въ своей «Орнитолог. Фаунѣ», составляетъ довольно обыкновенное явленіе въ долинѣ Илека и Утвы по такъ-называемымъ кара-агачамъ. Найденъ кромѣ того въ кара-агачѣ на верховьѣ Бампакты и въ урочищѣ Кандыкты по р. Ку-агачъ. Въ долинѣ средняго теченія Урала онъ встрѣчается сравнительно рѣже и не въ силу конечно климатическихъ особенностей, а единственно вслѣдствіе отсутствія любимыхъ мѣстъ для гнѣздованья... Подъ Оренбургомъ, гдѣ ремезъ гнѣздится не особенно рѣдко въ лѣсахъ «Губернаторскихъ луговъ», я встрѣчалъ его въ мартѣ, апрѣлѣ и въ маѣ, въ качествѣ несомнѣнно пролетныхъ экземпляровъ. «*Зарудный* относитъ свои наблюденія къ *Aeg. castaneus*, но прибавляетъ (стр. 70), что измѣнчивость цвѣтовъ, замѣченная *М. Н. Богдановымъ* у волжскихъ ремезовъ, наблюдается и у уральскихъ, но только не въ такой сильной степени. Относится ли это замѣчаніе къ возрастнымъ измѣненіямъ *Aeg. castaneus* или этотъ видъ уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ столкнулся подъ Оренбургомъ съ *Aeg. pendulinus* и образовалъ съ нимъ помѣси, я не знаю, но въ 1888 г. *Н. А. Зарудный* писалъ уже слѣдующее объ оренбургскихъ ремезахъ. «Въ періодъ изслѣдованій нашего края Эверсманномъ, ремезъ вверхъ по Уралу распространялся только до крѣпости Индерской. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время онъ успѣлъ распространиться въ долинѣ этой рѣки вплоть до ея истоковъ. По крайней мѣрѣ, по устнымъ свѣдѣніямъ, гнѣзда ремеза были нерѣдко находимы въ зимы 1885—1887 г. въ окрестностяхъ Верхне-Уральска, гдѣ раньше они составляли великую рѣдкость. Что касается района обычныхъ моихъ охотъ въ окрестностяхъ Оренбурга, то здѣсь съ каждымъ годомъ наша птичка становилась все болѣе и болѣе обыкновенной, какъ на гнѣздовьѣ, такъ и на пролетѣ, что указываетъ на ея движеніе вверхъ по р. Уралу. Кромѣ того, весною 1887 г. замѣченъ довольно сильный пролетъ и вверхъ по долинѣ Сакмары. Въ настоящее время ремезъ сдѣлался у насъ одною изъ самыхъ обыкновен-

ныхъ птицъ» (Дополнит. замѣтки, стр. 12). Признавая въ общемъ эти наблюденія *Н. А. Зарудnаго*, но имѣя въ виду, что названный натуралистъ не изслѣдовалъ верхняго теченія р. Урала, я останавливаю вниманіе на слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ сороковыхъ годахъ въ низовьяхъ р. Урала былъ найденъ только *Aeg. castaneus*; въ то же время и позднѣе въ зауральской Башкиріи найденъ въ громадномъ количествѣ *Aeg. pendulinus*; въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ *Зарудный* доставилъ мнѣ изъ Оренбурга большое количество *Aeg. castaneus*, немногихъ типичныхъ *Aeg. pendulinus* и нѣсколько штукъ ремезовъ съ бѣлой головой и ржавокоричневыми полосами на лбу и надъ глазомъ; послѣднія особи я считаю за помѣси двухъ видовъ, т. к. онѣ не укладываются въ рядъ возрастныхъ измѣненій *Aeg. castaneus*, не могутъ быть отнесены къ *Aeg. pendulinus*, но представляютъ сочетаніе признаковъ двухъ видовъ; наконецъ, я не находилъ подобныхъ особей съ смѣшаннымп признаками среди ремезовъ изъ области занятой только *Aeg. castaneus*. Поэтому, я рѣзко расхожусь въ мнѣніи съ г. *Зарудnымъ*, который видитъ въ оренбургскихъ ремезахъ какъ бы прародительскую форму обыкновеннаго и волжскаго ремеза, которые въ Оренбургскомъ краѣ имѣютъ значеніе двухъ типовъ личныхъ особенностей, а въ другихъ странахъ значеніе видовыхъ формъ. По моему мнѣнію, дѣло просто объясняется тѣмъ, что долина средняго Урала и прилежащія мѣстности заселялись съ двухъ сторонъ: съ юга, говоря вообще, двигался *Aeg. castaneus*; съ верховьевъ Уя и изъ зауральской Башкиріи на югозападъ двигался *Aeg. pendulinus*. Эти два вида сошлись, наконецъ, подъ Оренбургомъ, но первый явился здѣсь въ большемъ количествѣ, чѣмъ второй, и вслѣдствіе сходства въ образѣ жизни и станціяхъ, даже начали скрещиваться между собою. Этимъ объясненіемъ совершенно устраняется слѣдующее фантастическое замѣчаніе *Н. А. Зарудnаго*: «Въ виду данныхъ географическаго распространенія видовъ всего вообще рода *Aegithalus*, я сильно склоненъ видѣть въ нихъ если не прямыхъ представителей, то по крайней мѣрѣ, ближайшихъ потомковъ соотвѣтствующихъ видовъ міоценовой эпохи, видовъ, пережившихъ ледниковый вѣкъ, оттѣсненныхъ его условіями на Уралъ, Кавказъ и горныя массы у истоковъ Аму, Сыра и Мургъ-Аба, причемъ эти страны послужили имъ центрами распространенія въ послѣледниковый періодъ». На это можно возразить очень мно-

гимъ, но я ограничусь самымъ существеннымъ: нельзя считать Уралъ, Кавказъ и западныя части Тянь-Шаня и Памира областью, гдѣ ремеза пережили ледниковую эпоху, п. ч. не упоминаемый г. *Зарудныхъ* ближайшій къ *Aeg. pendulinus* китайскій *Aeg. consobrinus* вмѣстѣ съ нимъ представляютъ только одинъ изъ частныхъ случаевъ замѣчательной аналогіи, существующей между фауной западной Европы и восточной Азіи; въ этой аналогіи теперь всѣ видятъ слѣды однообразной доледниковой фауны, занимавшей Европу и сѣверную половину Азіи, но объ Уралѣ въ этомъ случаѣ нельзя упоминать, п. ч., по общепринятой гипотезѣ, западная Европа и восточная Азія были центрами, откуда въ послѣледниковый періодъ доледниковыя формы, отчасти не измѣненныя, отчасти измѣненныя, распространились въ прилежащія области. Что же касается Урала, то какъ центръ разселенія формъ въ послѣледниковую эпоху, онъ имѣлъ значеніе только для Россійской низменности. Область распространенія *Aeg. pendulinus* весьма обширна и такъ какъ она въ значительной мѣрѣ совпадаетъ съ границами суши незанятой ледниками въ ледниковый періодъ, то можно думать, что обыкновенный ремезъ въ ледниковый періодъ жилъ тамъ же, гдѣ и теперь, и позднѣе распространился далѣе только въ незначительныхъ предѣлахъ. Что касается *Aeg. castaneus*, то вмѣстѣ съ *Aeg. macronyx* и *Aeg. coronatus*, онъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ группѣ ремезовъ, жившихъ по рѣкамъ, впадавшимъ въ бывшій Арало-Каспійскій бассейнъ, и отчасти проникшихъ въ рѣчныя системы центральной Азіи. Мы не знаемъ, когда эти виды выдѣлились, но если географическая обособленность имѣетъ значеніе, то возможно, что выдѣленіе ихъ совершилось послѣ осушенія Арало-Каспійскаго бассейна. Во всякомъ случаѣ въ міоценовый періодъ удаляться не зачѣмъ, т. к. существованіе Арало-Каспійскаго бассейна (точнѣе говоря, Понто-Арало-Каспійскаго) признается современнымъ ледниковому періоду. Съ этимъ болѣе позднимъ выдѣленіемъ волжскаго и туркестанскихъ ремезовъ лучше связывается и теперешнее разселеніе *Aeg. castaneus*: виды болѣе древніе живутъ въ болѣе постоянныхъ границахъ распространенія, чѣмъ виды позднѣйшіе. Конечно, мое объясненіе гипотетично, но оно связывается съ общими данными зоологической географіи.

Кромѣ нижняго и средняго теченія р. Урала и прилежащихъ мѣстностей и нижняго теченія Волги, волжскій ремезъ найденъ *М. Н. Богдановымъ* въ дельтѣ Терека (Птицы Кавказа, стр. 91). *Радде* говоритъ (Орнитол. Ф. Кавказа, стр. 114), что въ концѣ сентября 1867 г. встрѣтилъ ремезовъ на отлетѣ, въ ивнякѣ, на берегу Куры, около Боржома. На Сангѣ близь Эривани ремезъ гнѣздится въ низкомъ ивнякѣ. Кромѣ того *Радде* говоритъ о распространеніи ремеза въ окрестностяхъ Тифлиса и Ленкорани. *Богдановъ* безъ сомнѣнія правъ, относя наблюденія де-Филиппи надъ ремезами, найденными на среднемъ Араксѣ, къ виду *Aeg. castaneus*.

Этимъ исчерпываются свѣдѣнія о распространеніи *Aeg. castaneus* на Кавказѣ, свѣдѣнія во всякомъ случаѣ весьма неполныя.

Въ послѣднее время скворцы были весьма внимательно сравнены и изучены Р. Б. Шарпомъ (R. B. Sharpe), который установилъ нѣсколько новыхъ разновидностей и разобралъ прежде установленные виды. Въ фаунѣ Европ. Россіи я нашелъ, на основаніи матеріаловъ моей коллекціи, только четыре формы: *Sturnus vulgaris*, который распространенъ въ Европѣ на востокъ до Урала; *Sturnus menzbieri*, замѣняющій перваго въ Сибири; *Sturnus porphyronotus*, собственно туркестанскій, но залетающій и въ юго-восточную Россію, и, наконецъ, *Sturnus caucasicus*, распространенный на Кавказѣ, въ Закаспійскомъ краѣ и залетающій оттуда въ прилежащія низменности.

Возможно, что изрѣдка въ южную Россію залетаютъ *St. unicolor* и *St. purpurascens*, особенно послѣдній, но у меня нѣтъ коллекціонныхъ данныхъ, чтобы судить объ этомъ; что же касается замѣчанія Нордманна о *St. unicolor*, который будто бы встрѣчался ему нѣсколько разъ въ Крыму, то, мнѣ кажется, что оно относится къ какому-либо личному измѣненію обыкновеннаго скворца, п. ч. *St. unicolor* принадлежитъ собственно юго-западной части Европы. Такъ какъ желательно, чтобы географическое распространеніе скворцовъ было выяснено, то я привожу отличительные признаки перечисленныхъ видовъ:

Sturnus vulgaris. Голова и зобъ зеленые, съ легкимъ фіолетовымъ отливомъ. Спина и плечевыя зеленыя, или бронзово-зеленыя. Верхнія кроющія крыла зеленыя или зеленыя съ сине-фіолетовымъ отливомъ. Грудь зеленая. Бока сине-фіолетовые или красно-фіолетовые.

Sturnus menzbieri. Голова и зобъ фіолетовые, рѣзко отграниченные отъ зеленой или бронзово-зеленой спины и зеленой груди. Верхнія кроющія крыла зеленыя или зеленыя съ сине-фіолетовымъ отливомъ. Бока красно-фіолетовые.

Sturnus porphyronotus. Голова и зобъ темно-зеленые. Спина сине-фіолетовая. Нижняя сторона тѣла красно-фіолетовая.

Sturnus caucasicus. Голова и зобъ темно-зеленые. Задняя сторона шеи фіолетовая, постепенно переходящая въ зеленый цвѣтъ спины. Плечевыя темно-зеленыя съ синеватымъ отливомъ. Верхнія кроющія крыла фіолетовыя. Грудь и брюхо фіолетово-зеленыя, бока фіолетовые.

Sturnus purpurascens. Голова и зобъ фіолетовые. Верхняя часть спины зеленая. Плечевыя и нижняя часть спины красно-фіолетовыя съ синеватымъ отливомъ. Верхнія кроющія крыла красно-фіолетовыя. Нижняя сторона темно-фіолетовая, бока бронзо-пурпуровые.

Sturnus unicolor. Сверху и снизу однообразно чернаго цвѣта съ пурпурно-бронзовымъ или зелено-бронзовымъ отливомъ.

Въ Европ. Россіи наиболѣе распространена форма переходная между *St. vulgaris* и *St. menzbieri*, съ фіолетовой головой и зобомъ, *зелено-фіолетовыми* ушными перьями и довольно сильно развитымъ сине-фіолетовымъ отливомъ на кроющихъ крыла. Эта форма была отмѣчена *Н. А. Сѣверцовымъ* въ его спискахъ подъ названіемъ *St. ruthenus*. Что касается алтайскаго *St. poltoratzkii*, который отличается отъ *St. menzbieri* густо-фіолетовой окраской крыльевъ, то этотъ видъ внесенъ *Н. А. Заруднымъ* въ фауну Оренбургскаго края по ошибкѣ: у меня есть экземпляры скворцовъ отъ г. *Зарудnаго*, помѣченные имъ за *St. poltoratzkii*, но одинъ изъ нихъ типичный *St. menzbieri*, два другіе принадлежатъ къ указанной переходной формѣ съ зелено-фіолетовыми кроющими уха.

94.

STURNUS VULGARIS, L.

Скворецъ.

Синонимы: Sturnus vulgaris, L.; Sturnus varius, Meyer; Turdus solitarius, Montagu; Sturnus solitarius, Leach; Sturnus domesticus, nitens, punctatus, sylvestris, septentrionalis, hollandiae, longirostris, tenuirostris, C. L. Brehm; Sturnus europaeus, Blas.; Sturnus faeroensis, Feild.

станціи:

рощи и сады.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

На гнѣздовьи во всей Европѣ до Фарерскихъ о-въ и 60—64° с. ш. къ сѣверу, и до Урала на востокѣ, на зимовьѣ въ Персіи, Сиріи и сѣверной Африкѣ.

А) Въ Европ. Россіи.

На Кольскомъ полуо-вѣ, по свѣдѣніямъ собраннымъ *Θ. Д. Плеске* (Критич. обзоръ и т. д. стр. 265), только въ Ost-Finmarken'ѣ «найдено нѣсколько скворцовъ. По Schrader'у одинъ экземпляръ убитъ 13 мая 1845 г. въ Marienlund'ѣ, а по Sommerfelt'у другой добытъ 5 апрѣля 1847 г. около Wardö и третій найденъ мертвымъ въ ноябрѣ 1866 г. въ Nyborg'ѣ, гдѣ онъ прожилъ около мѣсяца». По *Mela* (Vertebr. Fenn. Tab. IV), въ Финляндіи скворецъ очень рѣдкая лѣтняя птица между 62° и 64° с. ш., обыкновененъ къ югу отъ 62°. *Meves* говоритъ, что видѣлъ скворца подъ Петербургомъ, но не можетъ припомнить, чтобы встрѣчалъ его сѣвернѣе (Ornis, 1886, p. 236). Ни *Alston & Brown*, ни *Seebohm & Henke*, ни *Liljeborg*, ни, наконецъ, *Goebel* не упоминаютъ скворца изъ области Сѣв. Двины. *Миддендорфъ* приводитъ свѣдѣніе о прилетѣ скворца на Бѣлоозеро (Isepipt. Russl. S. 39). *Межаковъ* приводитъ скворца въ числѣ лѣтнихъ птицъ Вологодской губ., но это вѣроятно относится только къ окрестностямъ г. Вологды, т. е. къ 59°— 60° с. ш. (Bull. de Moscou, 1856, IV, p. 630). По *Θ. А. Теплоухову* (in litt.), наблю-

дался въ долинѣ р. Обвы. *Л. П. Сабанѣевъ* говоритъ слѣдующее о распространеніи скворца въ Пермской губ. «По своему распространенію скворецъ имѣетъ весьма много общаго съ галкой. На сѣверѣ Пермской губ. онъ тоже, повидимому, появился весьма недавно (относительно начала семидесятыхъ годовъ); въ Павдѣ, и даже въ окрестностяхъ Богословска скворецъ бываетъ только на весеннемъ пролетѣ, а на Сосьвѣ и въ Петропавловскѣ онъ не былъ еще ни разу замѣченъ и достовѣрно гнѣздится только въ однихъ Турьинскихъ рудникахъ—самомъ населенномъ заводѣ сѣверной части губ., но и то въ весьма небольшомъ количествѣ и, какъ кажется, только не болѣе десяти лѣтъ назадъ. Въ Гороблагодатскомъ округѣ скворецъ тоже еще очень рѣдокъ и почти также малочисленъ въ Тагильской дачѣ. На западномъ склонѣ (по *Миддендорфу*, Isepiptesen, стр. 39) скворецъ встрѣчается на Камѣ до 60½° с. ш.; но, по свидѣтельству Ижемскаго Зырянина, его уже нѣтъ на Ижмѣ. Сѣверно-Уральская экспедиція объ немъ ничего не упоминаетъ. На Камѣ онъ, вѣроятно, встрѣчается и сѣвернѣе 60½° с. ш.—Но далѣе, къ югу *Sturnus vulgaris* появляется уже въ большомъ количествѣ и трудно сказать, гдѣ онъ многочисленнѣе — въ самомъ-ли Уралѣ, или въ его предгоріяхъ и полосѣ березовыхъ лѣсовъ. Но замѣчательно, что и въ послѣдней мѣстности, скворецъ, подобно галкѣ, исключительно гнѣздится въ дуплахъ, что въ средней Россіи я наблюдалъ какъ рѣдкое исключеніе. Впрочемъ далѣе къ востоку, гдѣ уже чувствуется недостатокъ въ дуплистыхъ деревьяхъ, скворцы выводятъ въ скворешняхъ уже гораздо чаще». (Позвоночн. Средн. Ур. стр. 66). Полученные мною изъ Кунгура скворцы всѣ *St. vulgaris* съ нѣсколько болѣе лиловой, чѣмъ обыкновенно, головой, и зелеными ушными. Такіе же скворцы привезены *П. П. Сушкинымъ* изъ разныхъ мѣстностей Уфимской губ. гдѣ эта птица обыкновенна какъ и всюду въ восточной Россіи. «Скворецъ, говоритъ *Н. А. Зарудный* (Орнитолог. ф. Оренбург. края, стр. 122), принадлежитъ у насъ къ очень обыкновеннымъ птицамъ, какъ въ долинѣ средняго теченія Урала, такъ и по многимъ мѣстамъ Киргизской степи. Гнѣздится въ дуплахъ деревъ, въ Киргизскихъ зимовкахъ, въ расширенныхъ норахъ береговой ласточки (напр. на вершинѣ р. Чингурлау). Иногда скворцы строятся между прутьями наружныхъ слоевъ скопиныхъ и грачиныхъ гнѣздъ и тогда ихъ собственныя гнѣзда, выстроенныя изъ сухихъ

стебельковъ, имѣютъ шарообразную форму и боковое отверстіе для входа и выхода. Кромѣ того, скворцы селятся на уступахъ каменистыхъ обрывовъ и въ щеляхъ Илецкихъ соляныхъ копей». Въ 1860 г. *Сѣверцовъ* собралъ многочисленныя свѣдѣнія о распространеніи скворца въ землѣ Уральскихъ казаковъ и прилежащихъ мѣстностяхъ. Въ маѣ скворцы найдены были имъ многочисленными въ приволжскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ и отсюда до Оренбурга. Въ началѣ іюня наблюдались гнѣздящимися въ уремахъ рѣчекъ, на сѣверномъ склонѣ Общаго Сырта, къ Бѣлой; въ такихъ же условіяхъ найдены по Салмышу и Сакмарѣ. Между 17 и 20 іюнемъ наблюдались въ уремахъ Урала и нижняго Чагана. Въ первой половинѣ іюля найдены большими стадами въ лугахъ по Уралу, отъ Оренбурга до Уральска. Съ 25 іюля по 12 сентября прослѣжены отъ Уральска до устья Урала. Въ началѣ августа кормились саранчей въ камышахъ уральскихъ устьевъ, въ концѣ мѣсяца большая часть скворцовъ улетѣла вмѣстѣ съ саранчей. 28 сентября немногіе еще держались подъ Уральскомъ. 1 ноября, уже при снѣгѣ, когда Уралъ сталъ, въ саду въ Гурьевѣ добытъ одинъ запоздалый экземпляръ. *Карелинъ* наблюдалъ въ Гурьевѣ скворцовъ въ томъ же 1860 г. до 5 ноября. (*Сѣверцовъ* in litt.). Какъ далеко идетъ *St. vulgaris* на востокъ, я не могу сказать, но онъ еще встрѣчается въ Тургайской области. Въ низовьяхъ Волги скворецъ очень обыкновененъ (*Seebohm & Henke*, l. c. p. 215; *Яковлевъ*, l. c. p. 338; *Хлѣбниковъ*, l. c. p. 14). По свидѣтельству *Арцибашева* (l. c. p. 54), обыкновененъ на Сарпѣ. По свидѣтельству *М. Н. Богданова* (Птицы и звѣри, стр. 88), одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и многочисленныхъ птицъ средняго Поволжья и нижней Волги. Что касается центральныхъ губ. т. е. Рязанской, Тамбовской, Московской, Смоленской, Тульской и Орловской, то скворецъ здѣсь всюду многочисленъ. Гнѣздится по преимуществу въ скворешняхъ, но нерѣдко можно встрѣтить его гнѣздящимся и въ дуплахъ. Особенно охотно выбираетъ для этого дупла ветлъ, растущихъ около усадебъ, и ветлъ, которыми обсажены прежнія «большія дороги». По опушкамъ лѣсовъ и рощъ въ центральной Россіи гнѣздится рѣдко. Хотя къ осени скворцы въ подмосковныхъ губерніяхъ собираются большими стадами, особенно охотно посѣщающими выгоны, тѣмъ не менѣе, я никогда не видалъ здѣсь такихъ стай, какія собираются въ губ. Воронежской и далѣе къ югу. (Позволяю себѣ не приводить

литературы о распространеніи скворца въ центральной Россіи: ею можно бы занять цѣлую страницу, но относительно мѣстонахожденій скворца она не даетъ ничего болѣе того, что я собралъ своими личными наблюденіями; что же касается времени прилета и отлета, и другихъ періодическихъ явленій въ жизни птицы, то здѣсь ихъ приводить неумѣстно). По свидѣтельству *В. Л. Біанки*, частая гнѣздящаяся птица Старицкаго у. Тверской губ. (in litt.). Для другихъ уѣздовъ той же губ. гнѣздованье скворца отмѣчаютъ *Ѳ. Д. Плеске* (in litt.) и *А. Н. Дьяковъ* (in litt.). По свидѣтельству *В. Л. Біанки* (Beitr. Kennt. Russ. R. III. F. B. IV, S. 258) близъ станціи Ушаки встрѣчается не часто. Г. *Петровъ* говоритъ (Матер. для списка, стр. 11), что скворецъ въ большомъ количествѣ населяетъ область оз. Ильменя. По свидѣтельству *В. А. Хлѣбникова* (Мат. по фаунѣ позвон. стр. 15), въ Боровичскомъ у. Новгородской губ. гнѣздуетъ въ небольшомъ количествѣ. *Эсауловъ* называетъ скворца довольно многочисленной птицей Торопецкаго и Холмскаго уу. Псковской губ. (l. c. p. 232). По *Бихнеру* (Птицы С.-Петербург. губ. стр. 463), весьма обыкновенная лѣтняя птица во всей С.-Петербургской губ. По *Руссову* (Ornis Ehst-, Liv- u. Curland's, S. 51), очень обыкновенная птица Прибалтійскихъ губ. Послѣ вывода дѣтей собираются въ тысячныя стада, которыя переночевываютъ въ тростникахъ и ивовыхъ зарослякъ, окружающихъ нѣкоторыя озера. По *Тачановскому* (Ornis, 1888, p. 471), очень обыкновенная птица Польши. Обыкновенно прилетаетъ въ концѣ февраля, иногда же въ первой половинѣ этого мѣсяца, улетаетъ въ октябрѣ; но въ нѣкоторые годы стаи скворцовъ наблюдаются впродолженіе цѣлаго ноября, и въ исключительныхъ случаяхъ, даже до половины декабря. По *Бельке* (Bull. de Moscou, 1859, № 1, p. 28), очень обыкновенная птица Подоліи. По свидѣтельству *Кесслера* (Ест. Ист. губ. Кіев. учебн. окр. Пт. вороб. стр. 82), въ значительномъ количествѣ населяетъ губ. Кіевскаго учебн. окр. Однако, по *Гёбелю* (Vög. Kreis. Uman, S. 61), скворецъ не можетъ назваться обыкновенной гнѣздящейся птицей Уманьскаго у., хотя осенью здѣсь многочисленъ, откуда слѣдуетъ, что эта птица гнѣздится въ большомъ количествѣ сѣвернѣе, гдѣ больше лѣса, но осенью откочевываетъ нѣсколько къ югу. По *Нордманну* (Faune pontique, p. 122), очень распространенная птица южной Россіи. По *Н. Н. Сомову* (in litt.), очень обыкновенная лѣтняя гнѣздящаяся и про-

летная птица Харьковской губ. Тоже надо сказать о Воронежской губ. Весьма вѣроятно, что лѣтомъ въ Ставропольской губ. живетъ только *Sturnus vulgaris*; къ сожалѣнію, свѣдѣнія, сообщаемыя *Динникомъ* такъ общи (Орнитолог. набл. стр. 334), что ими невозможно воспользоваться. *Лоренцъ* имѣлъ экземпляры *St. vulgaris*, добытые на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ подъ Кисловодскомъ и на Подкумкѣ. Лѣтомъ *St. vulgaris* на Кавказѣ не встрѣчается, но въ Закавказьѣ вѣроятно зимуетъ. Здѣсь умѣстно отмѣтить, что въ высшей степени желательно получить точныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ по временамъ года *St. vulgaris* и *caucasicus* на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, т. к. г. *Радде* сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы запутать свѣдѣнія о географическомъ распространеніи скворцовъ и о присутствіи разныхъ видовъ этихъ птицъ на Кавказѣ въ разныя времена года.

Что касается Крыма, то здѣсь скворецъ можетъ назваться повсемѣстно распространенною птицею (*Kaleniczenko*, l. c. p. 218; *Radde*, Bull. de Moscou, 1854, S. 138; Journ. f. Ornith. 1854, S. 57; *Irby*, l. c. p. 5358; *Blakistone*, l. c. p. 5513; *Carte*, l. c. p. 270; *Шатиловъ*, l. c. p. стр. 85).

Я разсмотрѣлъ область распространенія скворца въ Европ. Россіи, указавъ его область гнѣздовья и отмѣтивъ, что въ средней и южной Россіи скворецъ и гнѣздится и бываетъ на пролетѣ. Собственно области пролета, т. е. области, гдѣ птица бываетъ только на пролетѣ, въ Европ. Россіи нѣтъ. Но что касается зап. Европы, то относительно ея удобнѣе разсмотрѣть отдѣльно область гнѣздовья съ одной стороны и область пролета и зимовья съ другой.

В) Въ другихъ странахъ.

а) Область гнѣздовья.

Въ Европѣ:

По свидѣтельству *Collet*, скворецъ въ Норвегіи встрѣчается еще во множествѣ въ береговой области Нордланда, менѣе многочисленъ на Лофотенскихъ о-вахъ, и, вообще, очень рѣдокъ къ сѣверу отъ этихъ о-въ. У Тромзё нѣсколько разъ наблюдался весною и осенью, залетныя особи встрѣчались даже въ Восточной Финмаркіи. Въ разныхъ мѣстахъ по берегу отдѣльные экземпляры и не-

большія стайки были находимы зимующими къ сѣверу до Лофотенскихъ о-въ. (Norges Fugle, p. 139; Remarks etc. p. 213). Въ Швеціи, по *Wallengren*'у (Naumannia, 1854, S. 118), очень обыкновененъ въ южной и средней части страны, но къ сѣверу не поднимается далѣе 63°—64° с. ш.

Лѣтомъ обыкновененъ въ Даніи, гдѣ немногіе остаются на зиму (*Kjarbölling*, Danmarks Fugle, S. 85). Тоже самое говоритъ про Шлезвигъ *Rohweder* (l. c. p. 11).

По *Borggreve* (Vögel Norddeutschl. S. 84), обыкновенная лѣтняя птица Германіи, за исключеніемъ высокихъ гористыхъ мѣстностей. Небольшія стайки нерѣдко перезимовываютъ въ Прирейнскихъ мѣстностяхъ.

Обыкновенная отчасти осѣдлая птица Бельгіи (*Dubois*, l. c. p. 90) и Голландіи (см. *Dresser*, Vol. IV, p. 408).

Отчасти осѣдлая, отчасти перелетная и даже зимующая птица Британскихъ о-въ (List British Birds, p. 65).

По *De la Fontaine* (Faune du pays de Luxemb. p. 133), очень обыкновенная птица Люксембурга.

Очень обыкновененъ въ сѣверной Франціи, гдѣ отчасти осѣдлый (*Degland & Gerbe*, I, p. 232).

Въ Швейцаріи гнѣздится въ низменныхъ частяхъ страны (*Naumannia*, 1856, S. 165 и пр.).

Весьма многочисленъ въ Италіи и на островахъ впродолженіе весны и осени; зимуетъ въ южныхъ и центральныхъ провинціяхъ; гнѣздится въ большомъ количествѣ въ сѣверной Италіи, изрѣдка въ Тосканѣ; въ большомъ количествѣ прилетаетъ изъ-за Альпъ въ концѣ сентября (н. с.) и остается до марта и даже апрѣля (н. с.) (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 165; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 17).

Въ Австро-Венгріи скворецъ можетъ быть названъ обыкновенной птицей. По *Fritsch* (Vögel Böhmens, S. 63), повсемѣстно распространенная птица Богеміи. То же надо сказать о Галиціи (Djeduszycki'sches Museum, p. 45). Одна изъ обыкновеннѣйшихъ птицъ всей долины Дуная (*Marschall u. Pelzeln*, S. 76) и Венгріи (Zeitsch. ges. Ornith. I, p. 151). По *Tschusi* (Vögel Salzburg's, S. 53), очень обыкновененъ въ низменныхъ частяхъ Зальцбурга. По *Dalla Torre* (l. c. p. 28), всюду распространенная птица Тироля; на пролетѣ поднимается до высоты 1000 метр. н. у. м. Изрѣдка гнѣздящаяся,

обыкновенная пролетная птица Штиріи (*Blas. Hanf*, l. c. p. 49). *Hueber* отмѣчаетъ скворца въ числѣ птицъ Каринтіи (Vögel Kärntens, S. 15).

Повсемѣстно обыкновенная гнѣздящаяся птица Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Восточной Румеліи (*Radakoff*, l. c. p. 162). Въ Восточной Румеліи зимуетъ. По *Alléon* (Ornis, 1886. p. 394), въ Болгаріи водится во множествѣ, зимой въ нѣсколько меньшемъ количествѣ. По *Elwes & Buckley* (l. c. p. 192), обыкновенная птица Турціи, не доходящая однако на гнѣздовьи до Константинополя.

b) Область зимовья и пролета.

Въ **Европѣ**:

Въ южной Франціи обыкновененъ на пролетѣ, въ небольшомъ количествѣ зимуетъ.

На Пиренейскомъ полуо-вѣ обыкновенная зимующая птица. По *Tait* (Ibis, 1887, p. 199), въ Португалію прилетаетъ въ началѣ октября или даже въ концѣ сентября н. с. Стада этихъ птицъ пролетаютъ къ югу берегомъ моря до декабря. По *Brehm* (Allgem. Zeit. 1857, S. 462), осенью прилетаетъ въ Испанію, гдѣ и зимуетъ, питаясь, по преимуществу, оливками. *Saunders* говоритъ, что скворецъ прилетаетъ осенью и улетаетъ зимою и что ни одинъ не остается на лѣто, будучи замѣненъ здѣсь на гнѣздовьѣ *St. unicolor* (l. c. p. 220). *Irby* (Ornith. of Gibralt. p. 130) сообщаетъ нѣкоторыя подробности о прилетѣ скворца въ южную оконечность Испаніи.

О зимовкѣ скворца въ Италіи было говорено выше.

Лордъ *Lilford* нашелъ скворца зимующимъ на Корфу и въ Эпирѣ (Ibis, 1860, p. 136). По *Lindermayer* (Vög. Griechenlands, S. 73), стада скворцовъ перезимовываютъ по всѣмъ болотистымъ низменностямъ Греціи и на прилежащихъ островахъ. По *Alléon* (Bull. de France, 1880, p. 80), зимою очень обыкновененъ подъ Константинополемъ.

Въ **Азіи**:

Danford приводитъ *St. vulgaris* для Малой Азіи (Ibis, 1878, p. 25).

По *Tristram* (Fauna and Flora of Palestine, p. 73), десятки тысячъ скворцовъ зимуютъ въ Палестинѣ.

По свидѣтельству *Sharpe* (Catal. Birds Brit. Mus. XIII, p. 30), зимуетъ въ Персіи, которая составляетъ самую восточную зимовку обыкновеннаго скворца.

Въ **Африкѣ**:

По *Shelley* (Birds of Egypt, p. 157), обыкновенная зимующая птица въ дельтѣ Нила. Случайно можетъ встрѣтиться въ среднемъ и даже верхнемъ Египтѣ.

По *Heuglin*'у (Ornith. N.-O. Afr. S. 529), зимующая птица въ сѣверномъ Египтѣ и Аравіи.

По всей сѣверо-западной Африкѣ на зимовьѣ обыкновененъ. По *Koenig* (Joun. f. Orn. 1888, p. 171), въ громадномъ количествѣ зимуетъ въ Тунисѣ. По *Loche*, *Tristram* и *Тачановскому*, обыкновенная зимующая птица въ Алжирѣ, гдѣ придерживается горъ и оазисовъ съ финиковыми пальмами. Менѣе обыкновененъ въ Морокко.

По *Du Cane Godman* (Ibis, 1872, p. 213), случайно залетаетъ на Канарскіе о-ва, но является осѣдлою птицею Азорскихъ, гдѣ гнѣздится въ прибрежныхъ скалахъ.

95.

STURNUS MENZBIERI, SHARPE.

Сибирскій скворецъ.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Область гнѣздовья сибирскаго скворца обнимаетъ собою Сибирь, большую часть центральной Азіи и Кашмиръ. На зиму эта птица отлетаетъ въ Индію. Подробнѣе объ этомъ см. Ornithologie du Turkestan, vol. III.

Въ Европ. Россію сибирскій скворецъ залетаетъ случайно. Вотъ экземпляры моей коллекціи съ помѣтками о времени и мѣстѣ ихъ нахожденія: 1) 1. IV. Тибукъ Екатеринбург. у., Пермской губ. 2) 19.IX. Оренбургъ, отъ Заруднаго (подъ именемъ St. Poltoratzkii). 3) 2.X. Пос. Котельный у р. Урала. 4) 8.X. Ibidem. 5) 28.VIII. Оз. Джаръ-Куль (отъ Назарова).

96.

STURNUS PORPHYRONOTUS, SHARPE.

Туркестанскій скворецъ.

Эта красивая птица, гнѣздящаяся въ центральной Азіи и зимующая въ Индіи, только въ видѣ исключенія залетаетъ въ Европ. Россію. У меня имѣется только одинъ экземпляръ туркестанскаго скворца, добытый въ предѣлахъ Европ. Россіи: ♀ добытая въ саду близь г. Гурьева,

Подробности объ этомъ видѣ см. въ Ornithologie du Turkestan, Vol. III.

97.

STURNUS CAUCASICUS, LOR.

Кавказскій скворецъ.

Кавказскій скворецъ описанъ *Ф. К. Лоренцомъ* по экземплярамъ, добытымъ подъ Кисловодскомъ. Здѣсь, какъ и на всемъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ, а также въ Персіи и плодородныхъ оазисахъ Закаспійскаго края, эта птица гнѣздится, вѣроятно только немного спускаясь къ югу зимою. Я не имѣю прямыхъ указаній на то, что кавказскій скворецъ залетаетъ въ Ставропольскую губ., т. к. г. Динникъ къ сожалѣнію еще не зналъ отличій кавказскаго скворца отъ обыкновеннаго, но я не сомнѣваюсь, что описываемая птица въ большемъ или меньшемъ количествѣ залетаетъ въ степи сѣвернаго Кавказа.

98.

PASTOR ROSEUS, L.

Розовый, каменный скворецъ, шрикунъ.

Синонимы: Turdus roseus, L.; Turdus seleucis, Forsk.; Sturnus asiaticus, Wirsing, fide Latham; Pastor roseus (Scopoli), Temm.; Psaroides roseus, Vieill.; Merula rosea, Koch; Acridotheres roseus

(Scopoli), Ranzani; Boscis rosea (Linn.), C. L. Brehm; Gracula rosea (Linn.), Cuvier; Pastor peguanus, Less.; Pecuarius roseus (Linn.), Temm.; Thremmaphilus roseus (Linn.), Macg.

станціи:

степь.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

По своему распространенію розовый скворецъ очень странная птица: его область гнѣздовья тянется отъ Балканскаго полуо-ва черезъ южную Россію и Малую Азію до Туркестанскаго края; зимою спускается до Палестины на западѣ и до Индіи на востокѣ; какъ залетная же птица онъ былъ найденъ во всей Европѣ, до самыхъ сѣверныхъ частей.

ОБЛАСТЬ ГНѢЗДОВЬЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По *Нордманну* (Faune pontique, p. 123), розовый скворецъ неисчислимыми стадами прилетаетъ весною въ южную Россію, гдѣ остается все лѣто. Однако, эти стада, образованныя иногда тысячами особей, не гнѣдятся правильно каждый годъ, а только кочуютъ въ степи съ апрѣля по сентябрь, когда улетаютъ. Опредѣлить точно сѣверную границу гнѣздовья розоваго скворца въ южной Россіи трудно. Онъ уже не гнѣздится въ губ. Подольской, но южные уѣзды какъ этой губ. такъ и Полтавской составляютъ, повидимому, предѣлы, до которыхъ онъ долетаетъ въ значительномъ числѣ. Но и тамъ онъ бываетъ не каждое лѣто, а появляется періодически вмѣстѣ съ саранчею (*Кесслеръ*, Пт. вороб. стр. 81). По свидѣтельству *Калениченко* (l. c. p. 243), розовый скворецъ живетъ въ Александровскомъ у. Екатеринославской губ. *С. Н. Алфераки* наблюдалъ шрикуна въ окрестностяхъ Таганрога (in litt.). Въ южной половинѣ Земли Войска Донскаго розовой скворецъ очень обыкновененъ, но сѣверную границу его гнѣздовья опредѣлить здѣсь трудно. По *Арцибашеву* (Bull. de Moscou, 1859, III, p. 55), очень обыкновененъ по Ергенямъ и близъ Волги. Подъ Сарептой гнѣздится годами (*Богдановъ*, Птицы и звѣри, стр. 89). *Яковлевъ* говоритъ (l. c. p. 338)

что годами розовые скворцы гнѣздятся даже подъ Саратовымъ. Подъ Астраханью гнѣздятся ежегодно, но не въ одномъ и томъ же числѣ, иногда больше, иногда меньше. По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, p. 215), подъ Астраханью не очень обыкновененъ, чаще въ Киргизскихъ степяхъ. 5 мая 1860 г. Сѣверцовъ замѣтилъ пару розовыхъ скворцовъ въ колоніи Екатерининштадтъ (выше Саратова). Позднѣе видѣлъ цѣлое стадо у р. Урала на луговомъ выгонѣ подъ Генварцовской (выше Уральска). Въ окрестности Гурьева налетаетъ временами и тогда залетаетъ даже до Пѣшныхъ о-въ. (*Сьверцовъ* in litt.). *Н. А. Зарудный* говоритъ о распространеніи розоваго скворца въ Оренбургскомъ краѣ слѣдующее: «Во многихъ мѣстахъ Киргизской степи розовый скворецъ очень обыкновененъ. Особенно много нашелъ я этихъ птицъ около Илецкой Защиты, въ ур. Кара-Тугай и по Кара-Ходдѣ. Около Защиты гнѣздятся въ трещинахъ соляныхъ копей, въ Акъ-Тюбэ—иногда по соломеннымъ крышамъ домовъ, а дальше въ степи—между камнями и плитами, изъ которыхъ сложены киргизскіе мазареты.... Подъ Оренбургомъ розовые скворцы наблюдаются только на пролетѣ вверхъ по Уралу до Орска, такъ какъ гнѣздятся кое-гдѣ на киргизской сторонѣ». (Орнитол. ф. Оренб. края, стр. 123). По *Эверсманну* (Ест. Ист. Оренб. края, III, стр. 176), розовый скворецъ по Уралу доходитъ къ сѣверу до Орска, Таналыка и смежныхъ холмистыхъ и травянистыхъ степей.

Въ степной части Крыма розовый скворецъ обыкновенная птица. По *Калениченко* (l. c. p. 243), онъ живетъ около Перекопа, и осенью большими стадами летаетъ по степямъ. По *Радде* (Bull. de Moscou, 1854, S. 138), годами обыкновененъ въ Крыму; но по смыслу другой статьи того же автора (Journ. f. Orn. 1854, S. 57), каменный скворецъ въ Крыму не гнѣздится, а прилетаетъ сюда только съ Кавказа, который и представляетъ собою мѣста гнѣздовья описываемой птицы. *Шатиловъ* говоритъ (l. c. стр. 85) про Тамакскую степь, что розовый скворецъ гнѣздится здѣсь и вообще появляется не каждый годъ въ большихъ количествахъ; чаще прилетаетъ маленькими стаями, въ сообществѣ обыкновенныхъ скворцовъ. По *Blakistone* (l. c. p. 5513), гнѣздится въ Крыму. По *Carte* (l. c. p. 270) и *Irby* (l. c. p. 5358), обыкновененъ въ Крыму все лѣто, начиная съ мая. О распространеніи розоваго скворца на Кавказѣ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. «Розовый скворецъ, говоритъ

М. Н. Богдановъ (Птицы Кавказа, стр. 59), очень обыкновенная птица кавказскихъ равнинъ. На главномъ Кавказскомъ хребтѣ онъ не поднимается высоко и едвали встрѣчается даже въ области горъ. Но въ Закавказьѣ и въ Арменіи, гдѣ горы безлѣсны, онъ повидимому поднимается довольно высоко въ горы; такъ напр. г. Михаловскій нашелъ его по долинѣ Куры близъ Сурама, на маисовыхъ и пшеничныхъ поляхъ». Подробности о распространеніи розоваго скворца на Кавказѣ слѣдующія. «Въ Ставропольской губ., Кубанской и Терской областяхъ, говоритъ *Динникъ* (l. c. p. 333) встрѣчается почти вездѣ. Въ горахъ на сѣверномъ Кавказѣ не живетъ вовсе; но на мѣстахъ болѣе или менѣе ровныхъ, находящихся у самыхъ горъ и поднятыхъ на высоту тысячъ двухъ футовъ, попадается не особенно рѣдко. Такимъ образомъ я видѣлъ его недалеко отъ Алагира и Вольно-Магометанскаго аула.... Непосредственно около Ставрополя почти никогда не встрѣчаются, но ихъ очень много верстахъ въ двадцати-тридцати отъ него». По *Лоренцу* (l. c. p. 11), мѣстами на Сѣверномъ Кавказѣ встрѣчается въ громадномъ количествѣ. *Лоренцъ* наблюдалъ розоваго скворца у Кисловодска, гдѣ онъ рѣдокъ, и даже въ предгоріяхъ, гдѣ они каменисты. По *Радде* (Орнитол. Ф. Кавказа, стр. 119), въ громадномъ количествѣ появляется иногда въ окрестностяхъ Тифлиса, гдѣ гнѣздится, въ Мугани и въ Ленкоранской низменности.

В) Въ другихъ странахъ.

Въ **Европѣ**:

По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, p. 162), иногда гнѣздится въ окрестностяхъ Рени и Галаца. По *Alléon* (Ornis, 1886, p. 399), годами во множествѣ гнѣздится въ Добруджѣ, но появляется здѣсь неправильно. По *Elwes & Buckley* (Birds of Turkey, p. 192), въ нѣкоторые годы во множествѣ встрѣчается въ Болгаріи, но эти посѣщенія совершенно неправильны. Южнѣе Болгаріи розовый скворецъ или бываетъ только на пролетѣ, какъ подъ Константинополемъ, или же является неправильно бродячей птицей, какъ въ Греціи. Такимъ образомъ, кромѣ южно-русскихъ степей розовый скворецъ въ Европѣ гнѣздится на ограниченной площади около устья Дуная и нѣсколько южнѣе, по берегу Чернаго моря. Большинство наблюдателей описываемой птицы отмѣчаютъ тотъ фактъ, что она

прилетаетъ на мѣсто гнѣздовья чрезвычайно поздно. Это имѣетъ для насъ значеніе при опредѣленіи пролетныхъ путей розоваго скворца.

Въ **Азіи**:

Розовый скворецъ долженъ назваться обыкновенною гнѣздящеюся птицею степей киргизскихъ, тарбогатайскихъ и алтайскихъ. *И. Я. Словцовъ* находилъ его подъ Омскомъ (*Finsch*, R. u. W.-Sib. S. 204). По *Сѣверцову* (Journ. f. Orn. 1875, S. 172), гнѣздящаяся птица всего Туркестанскаго края, мѣстами чрезвычайно многочисленная. Гнѣздится въ культурной зонѣ и выше до 6—8000′, но лѣтомъ встрѣчается и въ разстилающихся у подножія Тянь-Шаня низменностяхъ. По свидѣтельству *А. М. Никольскаго* (О фаунѣ позвоночн. Балхаш. котлов. стр. 53), въ окрестностяхъ Балхаша тамъ, гдѣ въ степи есть скалистыя горы, розовый скворецъ очень обыкновенная птица. Только въ видѣ исключенія залетаетъ въ Восточный Туркестанъ (*Sharpe*, Sec. Yark. Miss. Aves, p. 26). По свидѣтельству *Н. А. Зарудnаго* (Орнитол. ф. между Чарджуемъ и Келифомъ, стр. 17), мѣстами довольно обыкновенная гнѣздящаяся птица по Аму-Дарьѣ, между Чарджуемъ и Келифомъ. Довольно обыкновенная лѣтняя птица въ Мервскомъ и Пендинскомъ оазисахъ. Очень обыкновененъ въ ахалъ-текинской равнинѣ и въ окрестностяхъ горныхъ деревень Кулкулау и Гярмау. (Ois. de la contr. Trans-Caspienne, p. 58). Тотъ же наблюдатель нашелъ розоваго скворца близъ Чикишляра, Астерабада и Гязьской факторіи. *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 267) говоритъ, что розовый скворецъ извѣстенъ только изъ крайней сѣверо-западной части Персіи и изъ Месопотаміи: въ другихъ частяхъ страны не наблюдался ни въ какое время года. Въ Малой Азіи гнѣздится въ большомъ числѣ (*Dresser*, B. Eur. IV, p. 427).

ОБЛАСТЬ ЗИМОВЬЯ.

Область зимовья розоваго скворца въ высшей степени замѣчательна. Не смотря на то, что область гнѣздовья описываемой птицы тянется отъ устьевъ Дуная и Смирны на западѣ до Алтая на востокѣ, зимуетъ розовый скворецъ только въ Индіи. По *Oates* (Fauna of Brit. India, Birds I, p. 519), розовый скворецъ найденъ во всей Индіи къ востоку до западной Бенгаліи. Въ предгоріяхъ Гималайя найденъ къ востоку до Сиккима. Къ югу долетаетъ до Цейлона и

Андаманскихъ о-въ. Въ Индіи его нѣтъ съ середины мая н. ст. до начала іюля; въ остальное время встрѣчается во множествѣ. Наблюденія *Н. А. Заруднаго* надъ пролетомъ розоваго скворца въ Закаспійскомъ краѣ объясняютъ сейчасъ указанную особенность, точно также какъ отсутствіе розоваго скворца въ Персіи, поздніе прилеты его въ Малую Азію и въ юго-западную Россію и краткосрочное отсутствіе изъ Индіи.

По *Jerdon*'у, розовый скворецъ улетаетъ изъ южной Индіи уже въ мартѣ, но съ мѣсяцъ остается въ сѣверной Индіи. Это едвали вѣрно: вѣроятнѣе, что изъ южной Индіи скворцы улетаютъ въ Закаспійскій край и Туркестанъ, гдѣ они гнѣздятся очень рано и откуда рано же (въ первой половинѣ іюня) улетаютъ на зимовку; что же касается скворцовъ сѣверной Индіи, то они вѣроятно позднѣе улетаютъ на свои мѣста гнѣздовья въ Малой Азіи и южной Россіи. Такимъ образомъ можно объяснить то обстоятельство, что въ то время какъ въ Арало-Каспійскомъ краѣ въ концѣ мая ст. ст. встрѣчаютъ розоваго скворца вмѣстѣ съ совершенно уже выросшими молодыми, въ южную Россію онъ только прилетаетъ въ началѣ мая. Съ другой стороны, скворцы, улетающіе изъ Туркестана въ іюнѣ, въ іюлѣ уже должны быть въ Индіи, какъ говоритъ *Oates*, тогда какъ мало-азійскіе и южно-русскіе должны прибывать туда гораздо позднѣе, около сентября.

Одинъ изъ пролетныхъ путей ведетъ изъ Индіи въ Малую Азію берегомъ Персидскаго залива и Месопотаміей. Этотъ путь очень простой. Въ другомъ видѣ пути, ведущіе изъ Индіи въ Туркестанъ и южную Россію. Изъ сѣверной Индіи главный пролетный путь идетъ къ верхнему теченію Аму-Дарьи, меньшій къ Мургъ-Абу и Тедженту. Оба эти пути соединяютъ у Чарджуя на Аму-Дарьѣ, откуда розовые скворцы уже безчисленными путями слѣдуютъ въ Туркестанъ, Киргизскую степь и юговосточную Россію. Съ верхняго теченія Теджента пролетный путь розоваго скворца идетъ по среднему теченію рѣки приблизительно до широты Мешхеда, гдѣ онъ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна направляется на З.С.З. подножіями горныхъ хребтовъ къ Гюргану и Астеръ-Абаду, гдѣ отдѣляя боковую вѣтвь на сѣверъ берегомъ Каспійскаго моря и вверхъ по Атреку, идетъ южнымъ берегомъ моря по Гиляни и Мазандерани съ одной стороны на Кавказъ и въ южную Россію, съ другой въ Малую

Азію; другая главная вѣтвь направляется на сѣверъ по Теджентскимъ равнинамъ и идетъ въ Атэкъ и потомъ въ Ахалъ, отъ западной оконечности котораго прослѣжена верстъ на 100 къ С.З.; вѣроятно она доходитъ до берега моря и идетъ имъ до устьевъ Эмбы и Урала.

Въ 1889 г. *Н. А. Зарудный* прослѣдилъ обратный пролетъ розоваго скворца въ области Аму-Дарьи, совершенно подтверждающій указанное направленіе пролетныхъ путей, «Въ концѣ мая, говоритъ онъ (Орнит. Ф. Аму-Дарьи, стр. 17), мы нашли розоваго скворца въ значительномъ количествѣ, вмѣстѣ съ совершенно уже выросшими молодыми, во многихъ мѣстахъ вдоль желѣзнодорожной линіи между Мервомъ и Чарджуемъ. Птицы летѣли съ N на S, именно изъ долины Аму-Дарьи въ бассейнъ Мургъ-Аба. Съ 1.VI и по 25.VI, особенно ближе къ послѣдней датѣ, почти каждый день въ предвечернюю пору мы замѣчали болѣе или менѣе большіе табуны, летѣвшіе очень высоко (до 1000 футовъ и выше), кучно и поспѣшно культурною полосою вверхъ по Аму-Дарьѣ. Особенно сильный пролетъ былъ 16.VI около Гёкъ-Тепе и 18.VI около Кара-Джана, когда въ теченіе двухъ-трехъ часовъ подъ рядъ двигались указаннымъ образомъ громадныя скопища скворцовъ, то нагоняя другъ друга, то отставая, то смѣшиваясь вмѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ табунахъ было по меньшей мѣрѣ до 10.000 экземпляровъ».

ОБЛАСТЬ ЗАЛЁТОВЪ.

Въ **Европ. Россіи**:

Изрѣдка залетаетъ въ Подольскую губ. (*Belke*, Esquisse etc. p. 28). По *Н. Н. Сомову*, рѣдкая залетная птица Харьковской губ. (in litt.). По *Кесслеру* (l. c. p. 81), сѣвернѣе Подольской и Полтавской губ. бываетъ только случайно и поодиночкѣ. Вѣроятно залетаетъ въ Воронежскую губ. По *Богданову* (l. c. p. 89), залетаетъ по Волгѣ до Саратова. По *Л. П. Сабанѣеву* (in litt.), залетаетъ въ южные уѣзды Тамбовской губ. По *Данилову* (l. c. p. 458), залетаетъ въ Орловскую губ. По *Сабанѣеву* (in litt.), въ концѣ апрѣля 1874 г. былъ убитъ въ Малоархангельскомъ у. По *Тачановскому* (Ornis, 1888, p. 471), изрѣдка залетаетъ въ Польшу; въ маѣ 1875 г. встрѣчался здѣсь въ наибольшемъ количествѣ. По *Руссову* (l. c. p. 53),

нѣсколько разъ наблюдался въ Прибалтійскомъ краѣ. *Паллассъ* говоритъ, что изрѣдка *P. roseus* былъ убиваемъ въ окрестностяхъ Петербурга (Zoogr. R.-As. I, p. 421). По *Mela* (l. c. T. IV), залетаетъ въ Финляндію и даже южную часть Финской Лапландіи.

Въ остальной Европѣ:

Что касается остальной Европы, то почти нѣтъ страны, куда бы въ то или другое время, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, не залетѣлъ розовый скворецъ. Въ 1889 г. эта птица, послѣ 13-лѣтняго промежутка, въ большомъ количествѣ появилась въ Болгаріи и отсюда въ Австро-Венгріи и Германіи. Подробности о появленіи розоваго скворца въ разныхъ странахъ Европы см. въ статьѣ *A. B. Meyer*, Die Wanderungen des Rosenstaares nach Europa, speciell die Wanderung im Jahre 1889. (IV Jahresbericht der Ornitol. Beobachtungstationen im Königreich Sachsen).

Въ Африкѣ:

Въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ залетаетъ въ Египетъ и Алжиръ.

Въ Азіи:

По *Tristram* (Fauna and Flora of Palestine, p. 73), въ разное время и иногда въ довольно большомъ количествѣ появляется въ Палестинѣ.

99.

ORIOLUS GALBULA, L.

Иволга.

Синонимы: Turdus oriolus, Briss.; Oriolus galbula, L.; Coracias oriolus, Scop.; Oriolus aureus, C. L. Brhm; Oriolus garrulus, C. L. Brhm.

станціи:

свѣтлыя лиственныя рощи, парки и сады.

ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНІЯ:

Область распространенія иволги захватываетъ всю южную, среднюю и отчасти сѣверную Европу, и южную полосу Сибири съ Тарбогатаемъ и Алтаемъ, къ востоку до Иркутска, а также Иранское плоскогорье лѣтомъ, въ періодъ гнѣздовья, и почти всю Африку зимою. Въ восточной Сибири наша обыкновенная иволга замѣняется китайской (*Or. chinensis, Gm.*), въ Туркестанскомъ краѣ гнѣздится индо-гималайская *Or. kundoo, Sykes*, съ бо́льшимъ развитіемъ желтаго цвѣта и съ черной полосой черезъ глазъ.

ОБЛАСТЬ ГНѢЗДОВЬЯ.

А) Въ Европ. Россіи.

По свидѣтельству *Mela* (l. c. T. IV), рѣдкая птица ю. в. Финляндіи, обыкновенная гнѣздящаяся въ Ладожской Карелiи и Обонежьи. По *Liljeborg*'у, встрѣчается подъ Лодейнымъ Полемъ и Вытегрой, но здѣсь рѣдка (l. c., S. 103). *Meves* слышалъ иволгу близь Ладожскаго канала, Вытегры и Андомы (Ornis, 1886, p. 204). *Межаковъ* отмѣчаетъ ее для Вологодской губ. (Bull. de Moscou, 1856, IV, p. 630). По *Seebohm & Henke* (Ibis, 1882, III, p. 376), лѣтомъ случайно встрѣчается даже подъ Архангельскомъ. Далѣе на востокъ сѣверная граница распространенія иволги не прослѣжена сколько нибудь обстоятельно, но на Камѣ эта птица встрѣчается еще по $60^1/_2{}^0$ с. ш. О распространеніи иволги въ Пермской губ. *Л. П. Сабанѣевъ* сообщаетъ слѣдующее: «уже съ Тагила Oriolus galbula становится довольно рѣдкою, а далѣе, въ сѣверныхъ частяхъ Гороблагодатскаго Урала, она уже крайне малочисленна, хотя и встрѣчается иногда въ окрестностяхъ Нижнетуринскаго завода. Въ Павдинской дачѣ ея уже нѣтъ, по крайней мѣрѣ я ни разу не замѣчалъ ея и она вовсе неизвѣстна тамошнимъ охотникамъ. Точно также я не видалъ иволги въ Богословскомъ Уралѣ, окрестностяхъ Богословска и Петропавловска, и никто здѣсь ея не зналъ вовсе. Но въ большемъ отдаленіи отъ хребта *Oriolus* не очень рѣдко встрѣчается въ смѣшанныхъ лѣсахъ окрестностей Верхотурья; даже еще сѣвернѣе, на среднемъ теченіи Сосьвы я видѣлъ одну иволгу (у д. Масловой, т. е., почти подъ

60° с. ш.), но наврядъ ли она идетъ еще далѣе такъ какъ всѣ Сосьвинцы причисляли ее къ большимъ рѣдкостямъ и даже выражали мнѣніе, что она появилась здѣсь не такъ давно. Весьма возможно, что и иволга принадлежитъ къ числу птицъ, постепенно подвигающихся на сѣверъ, по мѣрѣ уменьшенія большихъ сплошныхъ хвойныхъ лѣсовъ и замѣны ихъ смѣшанными лѣсами и чернолѣсьемъ, въ которомъ она охотнѣе всего держится. Въ Богословскомъ Уралѣ иволги нѣтъ, безъ сомнѣнія, какъ потому, что здѣсь морозы и снѣгъ бываютъ уже въ іюнѣ, такъ и потому, что лѣса слишкомъ глухи. Очень можетъ быть, что она на западномъ склонѣ поднимается до Вишеры... Къ югу отъ Екатеринбурга иволга появляется все въ большемъ и большемъ количествѣ, какъ въ Уралѣ, гдѣ она впрочемъ встрѣчается мѣстами въ смѣшанныхъ и лиственныхъ лѣсахъ, такъ и въ особенности березовыхъ рощахъ черноземной равнины. Здѣсь она едвали не обыкновеннѣе чѣмъ въ Московской и Ярославской губ. Въ Шадринскомъ и Челябинскомъ уѣздахъ она уже малочисленнѣе и встрѣчается исключительно въ колкахъ по берегамъ озеръ». (Позвон. Средн. Урала, стр. 74—75). *Θ. А. Теплоуховъ* обязательно сообщаетъ мнѣ о распространеніи иволги въ долинѣ р. Обвы (73°22′ в. д. и 58°35′ с. ш.) слѣдующее: «въ разсматриваемомъ районѣ иволга принадлежитъ быть можетъ, вслѣдствіе отсутствія лиственныхъ лѣсовъ, къ очень рѣдкимъ птицамъ. Она была замѣчена всего три раза: разъ въ концѣ мая и два раза въ половинѣ іюня, на старыхъ березахъ, растущихъ въ садахъ села Ильинскаго. По свидѣтельству *Эверсманна* (Е. И. О. Кр., ч. III, стр. 171), распространена повсемѣстно въ Оренбургскомъ краѣ. По сообщенію *П. П. Сушкина* (in. litt.), обыкновенна въ низкихъ мѣстахъ Уфимской губ. *М. Н. Богдановъ* говоритъ, что эта птица многочисленна всюду въ предѣлахъ черноземной полосы, во всякихъ лѣсахъ и уремахъ рѣкъ; по долинѣ Волги идетъ почти до взморья (Птицы и звѣри, стр. 89). По *В. А. Хлѣбникову* (Списокъ пт. Астрах. губ. стр. 10), гнѣздящаяся и пролетная птица Астраханской губ. По *Яковлеву* (Bull. de Moscou, 1872 г. № 4, p. 338), обыкновенна по всей долинѣ нижней Волги, до взморья (см. также *Seeb. & Henke*, l. c., p. 215).

По свидѣтельству *Θ. Д. Плеске* (in litt.), обыкновенная гнѣздящаяся птица Бирскаго у. Уфимской губ. и окрестностей Оренбурга. По словамъ *Н. А. Зарудnаго* (Орнитол. Ф. Оренб. кр., стр. 81),

«иволга встрѣчается часто въ лѣсахъ и рощахъ долины средняго теченія Урала. По долинѣ Илека она гнѣздится и въ ивовыхъ садахъ, разводимыхъ казаками, и въ рощицахъ и въ густыхъ талахъ, съ отдѣльно-стоящими деревьями (низовья Илека, устья Тангры-Бергенъ, Бишъ-Томакъ, Акъ-Тюбэ, р. Якши-Каргала). Далѣе въ Киргизскихъ степяхъ она найдена мною только въ ур. Кандыкты, по р. Ку-агачъ, гдѣ встрѣчается не каждый годъ. Темныхъ, густыхъ кара-агачей иволга избѣгаетъ». По *Сѣверцову* иволга гнѣздится по всѣмъ лѣсамъ и рощамъ по Общему Сырту и далѣе къ югу, спускаясь долиной р. Урала до Гурьева (in litter.).

Что касается распространенія иволги въ западной, центральной и южной Россіи, то мы имѣемъ слѣдующія данныя. По свидѣтельству *Руссова* (Ornis Ehst-, Liv- und Curlands, S. 51), обыкновенная гнѣздящаяся птица Прибалтійскихъ губерній. То же самое *Тачановскій* говоритъ о Польшѣ (Ornis, 1888, p. 468). Относительно Петербургской губ. *Бихнеръ* замѣчаетъ, что тамъ иволга повсюду довольно обыкновенна (Птицы С.-Петербург. губ., стр. 427, 605). По свидѣтельству *Петрова* (Матеріалы для списка птицъ Новгород. губ., стр. 10), нерѣдка въ области Ильменя. По *В. А. Хлѣбникову* (Матеріалы къ фаунѣ позвоночн. Борович. у. стр. 12), гнѣздящаяся птица Боровичскаго у. той же губ. По *Эсаулову* (l. c. p. 229), обыкновенна въ восточной части Псковской губ. *В. Л. Біанки* обязательно сообщаетъ мнѣ, что эта птица часто встрѣчается близъ станц. Ушаки Новгородской губ. (на границѣ Спб.) и довольно часто въ заволжской части Старицкаго у. *Ѳ. Д. Плеске* и *А. Н. Дьякову* я обязанъ за свѣдѣнія относительно распространенія этой птицы въ разныхъ другихъ частяхъ Тверской губ. По *Сабанѣеву* довольно обыкновенна въ Ярославской губ., и еще обыкновеннѣе въ Смоленской. По наблюденіямъ моимъ и *Лоренца* довольно обыкновенна въ Московской губ. и вообще въ подмосковьѣ. По свидѣтельству *Павлова*, довольно часто попадается въ окрестностяхъ Рязани (l. c. p. 15). *Шевелевъ* приводитъ иволгу для Черниговской губ. (l. c., стр. 198). По свидѣтельству *Кесслера* (Ест. Ист. губ. Кіевск. учебн. Окр., в. II, стр. 72—74), весьма обыкновенна въ губерніяхъ кіевскаго учебнаго округа (Подольская, Волынская, Кіевская, Черниговская, Полтавская) (см. также *Бельке*, Quelques mots, p. 419 и Esquisse, p. 28, и *Гёбеля*, Vögel des Kreises Uman, S. 62). По

Н. Н. Сомову (in litt.), обыкновенная лѣтняя гнѣздящаяся и пролетная птица Харьковской губ. *Сѣверцовъ* (Періодическія явленія, стр. 21) приводитъ иволгу для Воронежской губ. По свидѣтельству *Нордманна* (Faune pontique, p. 195), обыкновенна въ странѣ кругомъ всего Чернаго моря.

О распространеніи иволги въ Крыму мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. По *Каленниченко* (l. c. p. 242), иволга очень обыкновенна въ садахъ и лѣсистыхъ мѣстахъ южнаго берега Крыма. *Шатиловъ* (Каталогъ, стр. 85) отмѣчаетъ ее несущеюся птицей Тамакской степи. *Радде* наблюдалъ въ Крыму на Альмѣ прилетъ иволги, и прибавляетъ, что эта птица гнѣздится здѣсь (Journ. f. Orn. 1854, S. 57; Bull. de Moscou, 1854, p. 138). Весенній прилетъ иволги въ Крымъ наблюдали *Irby* (l. c. p. 5355), *Blakistone* (l. c. p. 5424) и *Carte* (l. c. p. 265). *Гёбель* замѣтилъ иволгу въ Алупкѣ въ началѣ августа (Journ. f. Orn. 1874, S. 453).

На Кавказѣ, за исключеніемъ горъ, всюду обыкновенна (*Богдановъ*, Птицы Кавказа, стр. 82—83; *Radde*, Ornis caucasica, S. 153). По свидѣтельству *Радде*, иволга поднимается въ горахъ до высоты 6000′ надъ уровнемъ моря; но это относится безъ сомнѣнія только къ Закавказью. На сѣверномъ склонѣ *Динникъ* даетъ 2000′ какъ границу вертикальнаго распространенія иволги (Орнитологич. наблюд. на Кавказѣ, стр. 343). *Радде* сообщаетъ слѣдующія подробности о распространеніи этой птицы на Кавказѣ. «Иволга въ области до 6,000′ лѣтняя птица и высиживаетъ птенцовъ вездѣ, гдѣ существуетъ садоводство въ значительныхъ размѣрахъ. Птица эта рѣшительно предпочитаетъ сады лѣсамъ, въ особенности любитъ старыя орѣховыя деревья и появляется въ Каспійскихъ низменностяхъ уже въ серединѣ апрѣля. 12/24 и 14/26 апрѣля въ Ленкорани были убиты первые самцы; но ихъ наблюдали и слышали еще за недѣлю ранѣе. Иволга также охотно живетъ въ терновыхъ кустарникахъ жаркой области, гдѣ такіе кусты растутъ непроницаемою чащей вдоль береговъ ручьевъ, но въ такомъ случаѣ вблизи должны находиться сады или отдѣльныя высокія тѣнистыя деревья, съ которыхъ иволга призывно кричитъ. Въ такихъ мѣстахъ я нашелъ ее въ жаркой долинѣ Аракса, близь Ордубада, и въ нижнемъ Карабахѣ. На южной сторонѣ Алагёза я находилъ иволгу гнѣздящуюся еще на высотѣ 5,000′ надъ поверхностью моря, также около Ольты, на восточной сторонѣ

сѣвернаго Тавра. Иволга на Кавказѣ любитъ также высокія сосны. Я часто слышалъ ее въ Манглисскомъ паркѣ, состоящемъ только изъ этихъ деревьевъ».

B) Въ другихъ странахъ.

Въ Европѣ:

На Скандинавскомъ полуо-вѣ иволга совсѣмъ не найдена въ Норвегіи и только случайно залетаетъ въ Швецію (*Wallengren*, Naumannia, 1854, S. 119).

По *Rohweder* (l. c. p. 11), довольно обыкновенна въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, далѣе къ сѣверу быстро уменьшается въ числѣ и въ Даніи собственно не гнѣздится (*Kjaerbölling*, l. c. p. 83).

По *Borggreve* (Vog. F. v. Norddeutschland, S. 87), распространена въ лѣсахъ всей германской низменности, но въ гористой части страны не поднимается выше 1000′.

Въ Голландіи обыкновенна (B. of Europe, III, p. 368) и повидимому стала еще обыкновеннѣе съ конца шестидесятыхъ годовъ. По *Dubois* (l. c. p. 75), очень обыкновенная птица Бельгіи.

Во время пролета залетаетъ на Британскіе о-ва и изрѣдка даже гнѣздится въ южныхъ частяхъ страны (List Brit. B. p. 36).

Обыкновенная гнѣздящаяся птица Люксембурга (*De la Fontaine*, p. 61) и Франціи (*Degland & Gerbe*, l. c. I, p. 392).

Въ Испаніи довольно обыкновенная, отчасти гнѣздящаяся, отчасти пролетная птица (Allg. Deutsche Naturhist. Zeit. 1857, p. 444). По *Saunders*'у, въ южной Испаніи весною и лѣтомъ бываетъ въ множествѣ (l. c. p. 221). По *Irby* (Ornith. of Gibraltar, p. 125), въ большомъ числѣ пролетаетъ черезъ Гибралтарскій проливъ, но только немногія пары остаются гнѣздиться близъ Гибралтара. По *Tait* (Ibis, 1887, p. 188), пролетная и спорадически гнѣздящаяся птица Португаліи.

Въ Швейцаріи гнѣздящаяся птица низменностей.

Въ Италіи повсемѣстно гнѣздящаяся птица, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ, но на островахъ (Сардинія, Сицилія, Мальта) гнѣздится изрѣдка, тогда какъ на пролетѣ обыкновенна (*Salvadori*, Uccelli d'Italia, p. 168; *Giglioli*, Avifauna italica, p. 168).

Въ Австріи повсемѣстно распространенная гнѣздящаяся птица. По *Fritsch* (Vög. Böhm. S. 63), обыкновенна въ Богеміи. По

Dzieduszyck'ому (Musseum, S. 40), очень обыкновенна въ Галиціи. Обыкновенная птица по Дунаю (Ornis vindobon. S. 64) и въ Венгріи (Zeitschr. Ges. Ornith. I, S. 116). По *Tschusi* (Vög. Salzb. S. 52), гнѣздится въ Зальцбургѣ. Въ Штиріи по преимуществу бываетъ на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ (*Blas. Hanf*, S. 50). По *Hueber* (Vög. Kärnt. S. 8), гнѣздящаяся птица Каринтіи. По *Dalla Torre* (Wirbelthierfauna v. Tirol u. Vorarlberg, S. 30), изрѣдка встрѣчается въ южномъ Тиролѣ.

По *Радакову* (Bull. de Moscou, 1879, p. 161), обыкновенная птица нижняго Дуная, Болгаріи и Восточной Румеліи. *Alléon* говоритъ (Ornis, 1886, p. 401), что иволга остается на лѣто въ небольшомъ числѣ въ окрестностяхъ Варны. По *Elwes & Buckley* (l. c. p. 196), обыкновенная лѣтняя птица Турціи. По *Alléon* (Bull. de France, 1880, p. 83), только на пролетѣ бываетъ подъ Константинополемъ. По *Lindermayer*'у (Vög. Griechenlands, S. 83), въ небольшомъ количествѣ гнѣздится въ Греціи; на пролетѣ здѣсь очень обыкновенна.

Въ **Азіи**:

Повсемѣстно распространенная птица западной Сибири; случайно на востокъ залетаетъ до Иркутска. *Finsch* (R. n. W.-Sib. S. 187) нашелъ иволгу въ началѣ лѣта въ южномъ Алтаѣ. Въ Туркестанскомъ краѣ гнѣздится повсемѣстно, къ югу до Ферганы (*Сѣверцовъ* in litt.). На Аму-Дарьѣ *Н. А. Зарудный* нашелъ только *Oriolus kundoo* (Орнит. Ф. Аму-Дарьи, стр. 18), но по Мургабу и Теджентъ-Дарьѣ гнѣздится *Or. galbula*, которая на пролетѣ бываетъ въ Текинскомъ оазисѣ и гнѣздится въ лѣсахъ у подножія Астерабадскихъ горъ (*Zaroudnoï*, Ois. contrée Trans-Casp., p. 58; Recherches Zoologiques, p. 80; Матер. для орнитолог. Ф. Сѣв. Перс. стр. 21). По *Blanford* (Eastern Persia, II, p. 219), обыкновенная гнѣздящаяся птица Персіи. По *Krüper*'у (fide *Dresser*, l. c. p. 368), гнѣздящаяся птица Малой Азіи. По *Tristram* (Fauna a. Flora of Palestine, p. 57), рѣдкая гнѣздящаяся птица Палестины, гдѣ болѣе обыкновенна на пролетѣ.

Въ **Африкѣ**:

По *Loche*, гнѣздящаяся птица Алжира.

ОБЛАСТЬ ЗИМОВОКЪ.

Обыкновенная иволга зимуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Азіи и главнымъ образомъ въ Африкѣ.

По *Oates* (Birds of Brit. Ind. Vol. I, p. 505), изрѣдка осенью и зимою залетаетъ въ Синдъ. По *Heuglin*'у (Ornith. N.-O. Afrika's, S. 402), пролетная птица Аравіи и сѣверо-восточной Африки. *Shelley* (Birds of Egypt, p. 156) тоже говоритъ, что иволга бываетъ въ Египтѣ и Нубіи на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ. Въ сѣверо-западной Африкѣ (Морокко, Алжиръ, Тунисъ) иволга также обыкновенна на пролетѣ (*Favier*, *Loche*, *Koenig*). Зимою распространена во всей центральной Африкѣ и доходитъ даже до южной части материка (Ангола, Овамбо, Дамара, Наталь) (*Layard*, Birds of South Africa, edit. by Sharpe, p. 411).

(Продолженіе слѣдуетъ).

1. Cyanistes pleskei juv. 2. Cyanistes pleskei ad.